DK
80
K-22
Кареев 4
История Зап.
Европы
1894 изд

Н. Карѣевъ.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ.

(Развитіе культурныхъ и соціальныхъ отношеній).

Томъ IV.

XIX вѣкъ.—Консульство, имперія и реставрація.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.
1894.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ и МАГАЗИНЪ

ТИПОГРАФІИ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 лин., № 28.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на коммиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами, безъ высылки при этомъ денегъ, и получать книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

Пересылка книгъ на счетъ заказчика по дѣйствительной стоимости.

Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. Въ трехъ томахъ. **М. Стасюлевича.**—Томъ I. Періодъ первый: Отъ паденія западной римской имперіи до Карла Великаго. 476—771 г. Второе изданіе. Ц. 2 р. 50 к.—Томъ II. Періодъ второй: Отъ Карла Великаго до Крестовыхъ походовъ. 771—1095 г. Второе изданіе. Ц. 3 р.—Томъ III. Періодъ третій: Отъ крестовыхъ походовъ до открытія Америки. 1096—1492 г. Второе изданіе. Спб. 1887 г. Ц. 3 р.

Письма изъ Болгаріи въ 1877 г. **С. П. Боткина.** Съ двумя портретами автора и видами Болгарской хаты. Спб. 1893 г. Цѣна 2 рубля.

Литературное наслѣдіе. Автобіографія. — Стихотворенія — сцены — историческія отрывки — малорусская народная поэзія—послѣдняя работа. **Н. И. Костомарова.** Съ портретомъ, факсимиле, тремя рисунками и библіографическимъ указателемъ. Спб. 1890 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Богданъ Хмельницкій. Историческая монографія **Николая Костомарова.** Въ 3-хъ томахъ, изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Спб. 1884 г. Цѣна 5 рублей.

Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Историческіе очерки. **Е. И. Утина.** Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Историческіе очерки **А. Н. Пыпина.** Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1885 г. Цѣна 4 рубля.

Исторія Русской этнографіи. **А. Н. Пыпина.** Томъ I и II. Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская. Томъ III. Этнографія малорусская. Т. IV. Бѣлоруссія и Сибирь. Спб. 1892 г. Цѣна 10 руб. Каждый томъ отдѣльно по 3 рубля.

ВК
80
К22

Н. Карѣевъ.

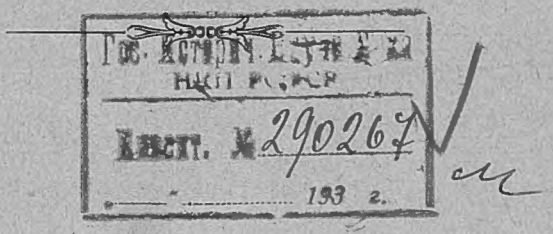
ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ.

(Развитіе культурныхъ и соціальныхъ отношеній).

Томъ IV.

XIX вѣкъ.—Консульство, имперія и реставрація.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.
1894.

2241

КОНСУЛЬСТВО, ИМПЕРІЯ И РЕСТАВРАЦІЯ.

Изученіе исторіи XIX в.—Исходъ XVIII столѣтія.—Эпоха консульства и имперіи во Франціи.—Территоріальныя, политическія и соціальныя измѣненія въ западной Европѣ во время французскаго владычества. — Паденіе имперіи и вѣнскій конгрессъ. — Реакція и либерализмъ. — Священный союзъ и южно-романскія революціи. — Эпоха реставраціи въ Германіи, Франціи и Англіи. — Крестьянскій вопросъ и промышленная революція. — Экономическія и соціальныя теоріи первой трети вѣка.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ IV-му тому.

Основой этого тома „Исторіи западной Европы въ новое время“, охватывающаго первыя три десятилѣтія XIX в., являются такъ же, какъ и основою первыхъ трехъ томовъ, университетскія чтенія. Мнѣ пріятно вспомнить, что первый курсъ, который я читалъ въ качествѣ сторонняго преподавателя въ Московскомъ университетѣ въ 1878 — 1879 гг., имѣлъ своимъ содержаніемъ какъ-разъ эпоху, разсматриваемую въ настоящемъ томѣ. Я сохранилъ въ немъ даже общій планъ и порядокъ частей этого курса. Составляя непосредственное продолженіе первыхъ трехъ частей „Исторіи западной Европы въ новое время“, издаваемый нынѣ томъ въ то же время является первою частью „Исторіи западной Европы въ XIX вѣкѣ“, которую авторъ предполагаетъ довести въ слѣдующемъ выпускѣ до 1871 г. Въ видѣ общаго историко-философскаго résumé первыхъ трехъ томовъ нами была издана особая книжка подъ названіемъ „Философіи культурной и соціальной исторіи новаго врммени“, содержащая въ себѣ „основныя понятія, главнѣйшія обобщенія

и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV—XVIII вѣковъ“ и служащая „введеніемъ въ исторію XIX вѣка“. Такое же résumé авторъ предполагаетъ сдѣлать и для двухъ томовъ, въ коихъ будетъ изложена исторія первыхъ двухъ третей нашего столѣтія. При составленіи настоящаго тома мы держались общаго правила, положеннаго въ основу всего труда, именно дѣлать изложеніе тѣмъ подробнѣе, чѣмъ ближе къ современности разсматриваемыя эпохи.

7 сентября 1893 г.

16 іюня 1894 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вступленіе.

	стран.
I. Исторія XIX вѣка и ея изученіе	1
II. Вліяніе французской революціи на Европу	12
III. Исходъ революціи по отношенію ко внутренней жизни Франціи.	34

Эпоха консульства и имперіи.

IV. Наполеоновская эпоха и ея историографія	47
V. Наполеонъ Бонапартъ до 1799 г.	59
VI. Восемнадцатое брюмера и наполеоновскія конституціи . . .	80
VII. Внутренняя политика консульства и имперіи	103
VIII. Господство Франціи въ Европѣ при Наполеонѣ I	134
IX. Внутреннія перемѣны въ западно-европейскихъ государствахъ въ наполеоновскую эпоху	156
X. Разложеніе стараго порядка и попытка реформъ въ Пруссіи .	173
XI. Внѣшняя и внутренняя оппозиція противъ имперіи Наполеона I.	204
XII. Паденіе имперіи, „сто дней“ и вѣнскій конгрессъ.	227

Эпоха реставраціи.

XIII. Происхожденіе и характеръ реакціонныхъ стремленій эпохи .	245
XIV. Общая характеристика либерализма въ эпоху реставраціи . .	281
XV. Священный союзъ, южно-романскія революціи и конгрессы. .	306
XVI. Побѣда партикуляризма и реакціи въ Германіи	339
XVII. Реставрація и установленіе конституціонной монархіи во Франціи.	377
XVIII. Реакціонная политика во Франціи въ эпоху реставраціи. . .	393
XIX. Борьба французскаго либерализма противъ реакціи	413
XX. Происхожденіе англійской реакціи конца XVIII и начала XIX вѣка	434
XXI. Реакція и борьба за свободу въ Англіи до 1830 года. . . .	459

Соціальная исторія первой трети XIX вѣка.

СТРАН.

XXII. Существенное содержаніе соціальной исторіи XIX вѣка и ея изученіе 499
XXIII. Крестьянскій вопросъ въ первой трети XIX в.. 518
XXIV. Перемѣны въ промышленномъ быту западной Европы въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка 550
XXV. Капитализмъ, пролетаріатъ, пауперизмъ и начало рабочаго вопроса 575
XXVI. Экономическія теоріи эпохи въ связи съ моральными и политическими ученіями 597
XXVII. Соціальныя ученія первой трети XIX вѣка. 622

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ главѣ I. См. еще Maréchal. Histoire contemporaine.

Къ главамъ IV — XII. Въ XV томѣ „Études sur l'histoire de l'humanité“ Лорана, озаглавленномъ „L'Empire“ (1869), разсмотрѣно отношеніе „всемірной монархіи“ Наполеона къ Европѣ.

Къ главѣ XIII. Въ XVI томѣ того же обширнаго труда („La réaction religieuse“) изложена исторія возрожденія католицизма въ XIX вѣкѣ.

Къ главамъ XXII и XXIV — XXV. См. еще Nadaud. Histoire des classes ouvrières en Angleterre. 1872. — Baernreither. Die englischen Arbeiterverbände. 1886.

ВСТУПЛЕНІЕ.

I. Исторія XIX вѣка и ея изученіе.

Значеніе французской революціи въ новѣйшей исторіи. — Общій взглядъ на исторію XVIII в.—Консервативная оппозиція въ XVIII в. и реакція въ XIX в.—Основныя историческія движенія XIX в.—Дѣленіе исторіи XIX в. на періоды.—Общая историческая литература о XIX вѣкѣ.

Центральными событіями двухъ большихъ періодовъ, на которые можно раздѣлить исторію западной Европы въ новое время, являются религіозная реформація XVI в. и революція конца XVIII в. Подобно тому, какъ реформація, подготовленіе коей началось еще въ XIV и XV вѣкахъ, открываетъ собою исторію XVI и XVII столѣтій, составляющихъ особый періодъ въ культурной и политической жизни западной Европы по характеризующимъ ихъ явленіямъ религіозной реформаціи и вызванной ею католической реакціи, а также борьбы между католицизмомъ и протестантизмомъ, такъ и революція, ближайшимъ образомъ подготовленная культурнымъ движеніемъ и соціальными отношеніями XVIII вѣка, имѣетъ значеніе исходнаго пункта новѣйшей исторіи со всѣми политическими, соціальными и національными движеніями, которыми такъ было богато подходящее теперь къ своему концу XIX столѣтіе [1]). Подобно реформаціи, начавшейся въ Германіи и распространившейся оттуда на всю западную Европу, и революція 1789 г., бывшая сначала, повидимому, чисто мѣстнымъ событіемъ въ качествѣ политическаго и соціальнаго переворота во французской монархіи, пріобрѣла весьма скоро универсальное значеніе [2]) и по своему вліянію на остальную Европу, и по той еще

[1]) Ср. Ист. зап. Европы въ новое время, III, 1—2.

[2]) Т. III, стр. 398 и слѣд. (гл. XXIX. Мѣстное и европейское значеніе революціи).

причинѣ, что сама революція эта была лишь однимъ изъ проявленій важнаго историческаго процесса, который совершался вообще въ культурной и соціальной жизни романскихъ и германскихъ народовъ. И въ Германіи начала XVI в., и во Франціи конца XVIII столѣтія лишь ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ Западной Европы, произошли событія, имѣвшія своими причинами культурныя и соціальныя отношенія, которыя были болѣе или менѣе общими для всѣхъ странъ, гдѣ только существовали историческіе порядки католическаго и феодальнаго происхожденія. Если нѣмецкая реформація могла оказать вліяніе на другія страны католической культуры, то лишь потому, что послѣднія были сами подготовлены къ воспріятію этого вліянія существованіемъ въ нихъ тѣхъ же самыхъ или аналогичныхъ отношеній [1]), которыя вызвали реформаціонное движеніе въ самой Германіи. То же самое можно сказать и о французской революціи: ея вліяніе на западную Европу обусловливается тѣмъ, что старые государственные и общественные порядки, противъ коихъ направлено было французское историческое движеніе конца прошлаго столѣтія, были общими почти для всѣхъ европейскихъ странъ [2]), не говоря о космополитическомъ значеніи французской „философіи XVIII вѣка“ [3]). Вотъ почему и исторію французской революціи можно въ общемъ разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія, видя въ ней или внутренній французскій переворотъ, или событіе, значеніе коего выходитъ за предѣлы одной французской исторіи. Въ послѣднемъ смыслѣ революція и была подвергнута историческому разсмотрѣнію въ двухъ извѣстныхъ трудахъ—Зибеля (Geschichte der Revolutionszeit) и Сореля (L'Europe et la révolution française [4]). Равнымъ образомъ лишь имѣя въ виду общеевропейское значеніе французской революціи, Файфъ, авторъ „Исторіи Европы XIX вѣка“, начинаетъ свое изложеніе съ 20 апрѣля 1792 г., когда революціонная Франція впервые объявила войну монархической Европѣ, войну, имѣвшую громадное значеніе не только въ исторіи международныхъ отношеній, но и для внутренней исторіи большей части европейскихъ народовъ. Мы послѣдуемъ этому примѣру, предпославъ изложенію исторіи XIX вѣка краткій очеркъ непосредственнаго вліянія французской революціи на Европу уже въ послѣднее десятилѣтіе прошлаго вѣка, по возможности, однако, въ соотвѣтствіе съ общимъ характеромъ нашего труда по возможности сокративъ ди-

---

[1]) Т. II, стр. 3 и слѣд. (анализъ причинъ реформаціоннаго движенія).

[2]) Т. III, стр. 17 и слѣд. (гл. II. Сущность „старыхъ порядковъ“).

[3]) Т. III, стр. 261 и слѣд. (Общеевропейскій характеръ „просвѣщенія“ и господство французской цивилизаціи въ XVIII в.).

[4]) Оба они существуютъ въ русскомъ переводѣ.

пломатическую и военную сторону исторіи взаимныхъ отношеній между революціонной Франціей и вступившей съ нею въ борьбу Европой.

Исторія XVIII в. на западѣ Европы характеризуется двумя главными явленіями, а именно въ области политической и соціальной господствомъ королевскаго абсолютизма и аристократическихъ привилегій, соединеніе коихъ и составляетъ самое существо „стараго порядка“, разрушеннаго революціей, въ культурной же сферѣ—господствомъ раціоналистической философіи естественнаго права, враждебной всѣмъ государственнымъ и общественнымъ отношеніямъ, изъ которыхъ складывался самый этотъ „старый порядокъ“. Нужно, однако, замѣтить, что послѣдній не только подвергался нападенію извнѣ во имя новыхъ культурныхъ и общественныхъ началъ, бывшихъ съ нимъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи [1]), но и внутренне начиналъ разлагаться. Еще задолго до революціи политическій абсолютизмъ вступилъ въ борьбу съ соціальными привилегіями, — одна изъ характерныхъ чертъ такъ называемаго „просвѣщеннаго абсолютизма“ [2]), что вызвало противъ государственной власти довольно острую консервативную оппозицію со стороны представителей сословныхъ привилегій [3]). Само крушеніе во Франціи старой монархіи объясняется совокупнымъ противъ нея дѣйствіемъ двухъ оппозицій—консервативной, отстаивавшей старый соціальный строй, и прогрессивной, стремившейся, наоборотъ, къ общественному переустройству [4]). Побѣда революціи надъ „старымъ порядкомъ“ во Франціи свидѣтельствуетъ намъ не только о той силѣ, какую получили новыя идеи въ обществѣ, но и о томъ разстройствѣ, въ какомъ находилась вся исторически-сложившаяся система политическихъ и соціальныхъ отношеній. Каковъ бы ни былъ исходъ начавшагося во Франціи переворота для внутренней жизни этой страны, побѣда революціонной Франціи надъ Европою, ополчившеюся на защиту своего стараго государственнаго и общественнаго строя, равнымъ образомъ свидѣтельствуетъ намъ о внутреннемъ разложеніи этого строя и внѣ Франціи. Революція во Франціи и вызванная ею международная борьба только ускорили паденіе „стараго порядка“ и въ другихъ государствахъ, гдѣ онъ и безъ того начиналъ уже разлагаться,—и въ то же время содѣйствовали пробужденію новыхъ общественныхъ силъ, стремленія коихъ получали свою формулировку подъ вліяніемъ все той же французской „философіи XVIII вѣка“, подъ вліяніемъ все тѣхъ же „принциповъ 1789 г.“ Въ прошломъ вѣкѣ Франція только шла впереди другихъ

[1]) Ист. зап. Евр. въ новое время, т. III, стр. 26—27.
[2]) Т. III, стр. 385 и слѣд.
[3]) Т. III, стр. 288 и слѣд., 350 и слѣд.
[4]) Т. III, стр. 418—421, 469 и др.

континентальныхъ націй, но дорога, по которой почти всѣ онѣ шли, была въ сущности одна и та же: это былъ историческій процессъ преобразованія старыхъ общественныхъ и государственныхъ формъ, созданныхъ феодализмомъ и развитіемъ абсолютной монархіи, въ новыя формы, которыя соотвѣтствовали бы стремленіямъ новыхъ соціальныхъ классовъ и принципамъ новаго политическаго міросозерцанія. „Старый порядокъ“ держался на неравенствѣ и на отсутствіи свободы: первое было остаткомъ средневѣковаго феодализма, второе — результатомъ королевскаго абсолютизма новаго времени. Философія „естественнаго права“ была, наоборотъ, проповѣдью гражданскаго равенства и свободы, какъ индивидуальной, такъ и политической. Противорѣчіе, существовавшее между фактическими отношеніями общества и государства и идеальными требованіями отъ обоихъ, съ особою силою проявлялось во Франціи, но то же самое представляла собою внутренняя жизнь и другихъ странъ. Въ 1789 г. французы перестроили свой общественный бытъ на началахъ гражданскаго равенства, отмѣнивъ всѣ сословныя различія, и сдѣлали опытъ основанія свободнаго государства, провозгласивъ принципы индивидуальной независимости и общественнаго участія въ государственной жизни. Французскіе „принципы 1789 г.“ сдѣлались, такъ сказать, основною программою всѣхъ политическихъ движеній XIX в., поскольку послѣднія были направлены противъ „стараго порядка“, какъ соединенія политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями.

Перестройка общества на новыхъ началахъ встрѣтила въ XVIII в. консервативную оппозицію со стороны тѣхъ соціальныхъ классовъ, которымъ благопріятствовалъ „старый порядокъ“. Когда королевская власть начала порывать свою солидарность съ сословными привилегіями, что и было одною изъ сторонъ просвѣщеннаго абсолютизма [1]), на защиту стараго общественнаго строя выступили—гдѣ и какъ могли—аристократическіе элементы общества: преобразовательная дѣятельность монархическихъ правительствъ второй половины XVIII в. должна была считаться съ сильной консервативной оппозиціей, и тѣ самые общественные элементы, которые въ соціальномъ быту противились реформамъ, предпринимавшимся представителями абсолютной монархіи наканунѣ революціи, приняли и наиболѣе дѣятельное участіе въ борьбѣ съ этою послѣднею. Побѣда революціи во Франціи и побѣда Франціи въ Европѣ была пораженіемъ прежде всего для представителей средневѣковаго католико-феодальнаго строя общества, такъ какъ для нихъ одинаково были ненавистны и „просвѣщенный абсолютизмъ“ XVIII в., и французская революція, и наполеоновская

[1]) Т. III, стр. 385 (гл. XXVIII. Реформы въ области сословныхъ отношеній).

имперія, сохранившая соціальныя пріобрѣтенія революціи и распространившая ихъ на новыя страны. Когда императорская Франція потерпѣла пораженіе въ борьбѣ съ соединенной Европой, общественные элементы, находившіеся въ открытой враждѣ съ новыми началами жизни, немедленно перешли въ наступленіе и предприняли одну изъ наиболѣе жестокихъ въ новой исторіи реакцій. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою повтореніе того, что было въ XVI в., когда за возникновеніемъ реформаціоннаго движенія, спустя нѣкоторое время, послѣдовала католическая реакція, и подобно тому, какъ въ извѣстный періодъ новой исторіи весь ея интересъ сосредоточивается на борьбѣ протестантизма и католицизма, такъ и теперь на первый планъ выступаетъ интересъ борьбы между тѣмъ, что получило въ эту эпоху названіе либерализма, и тѣмъ, чему мы даемъ имя реакціи. И консервативная оппозиція противъ общественныхъ реформъ, замышлявшихся и предпринимавшихся въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, и реакція противъ всего, что было сдѣлано французской революціей и сохранено или получило дальнѣйшее распространеніе, благодаря имперіи Наполеона I, составляютъ изъ себя въ сущности одно и то же явленіе—явленіе защиты носителями соціальныхъ привилегій своего традиціоннаго положенія въ обществѣ. Въ числѣ факторовъ, подрывавшихъ старый соціальный строй, были въ XVIII в. сама государственная власть и новыя культурныя и общественныя идеи, т. е. абсолютизмъ и „просвѣщеніе“ вѣка. Французская революція произвела весьма существенное измѣненіе въ тогдашнихъ, довольно натянутыхъ отношеніяхъ между государственною властью и привилегированными сословіями: переворотъ, который былъ направленъ одинаково противъ обѣихъ сторонъ „стараго порядка“, т.-е. и противъ абсолютизма, и противъ привилегій, сблизилъ между собою, въ интересахъ защиты „стараго порядка“, и политическихъ, и соціальныхъ его представителей. Консервативная оппозиція католико-феодальныхъ элементовъ общества, въ XVIII в. имѣвшая противъ себя абсолютизмъ, превратилась въ началѣ XIX столѣтія въ католико-феодальную реакцію, наоборотъ, дѣлавшую одно дѣло съ тогдашнимъ абсолютизмомъ, и такимъ образомъ послѣдній изъ „просвѣщеннаго“, какимъ онъ былъ передъ революціей, превратился послѣ паденія имперіи Наполеона I въ абсолютизмъ реакціонный. Въ серединѣ второго десятилѣтія XIX в. историческое движеніе, начавшееся въ прошломъ вѣкѣ, встрѣтилось нетолько съ соціальной и политической реакціей, отчасти вышедшей изъ нѣдръ самого движенія, но и съ реакціей культурной—противъ того самаго „просвѣщенія“, идеи коего раздѣлялись въ XVIII вѣкѣ даже представителями стараго порядка. Эта тройная реакція начала нашего вѣка, реакція соціальная, политическая и культурная, поставила своею

задачею бороться противъ всѣхъ новыхъ началъ жизни и мысли во имя принциповъ „стараго порядка“, и борьба шла и внутри отдѣльныхъ государствъ, и на болѣе широкой сценѣ международной политики. На одной сторонѣ стояло все, что такъ или иначе было продуктомъ измѣненій, совершившихся въ духовной и общественной жизни новой Европы, на другой—все, отжившее свое время, т.-е. и феодализмъ съ его сословными привилегіями и общественнымъ неравенствомъ, и католицизмъ съ его враждою къ духовной свободѣ и личному развитію, и абсолютизмъ, подавлявшій всякое самостоятельное и независимое проявленіе общественныхъ силъ, ставившій своею задачею охрану культурнаго и соціальнаго status quo. Весь вопросъ былъ въ томъ, должна ли была западная Европа и далѣе идти по дорогѣ, пройденная часть которой отмѣчена такими движеніями, какъ гуманизмъ, реформація, просвѣщеніе и революція, или же должна остановиться и пребывать на всѣ будущія времена въ томъ состояніи, которое было результатомъ сочетанія феодализма, католической реакціи и сословно-вѣроисповѣднаго абсолютизма. Исторія XIX вѣка рѣшила этотъ вопросъ въ первомъ смыслѣ, несмотря на частныя побѣды, которыя не разъ одерживала культурная, соціальная и политическая реакція представителей „стараго порядка“. Въ этой борьбѣ между отживавшими традиціями и освободительными завѣтами XVIII в. и заключается одна изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ сторонъ исторіи нашего вѣка.

Съ политическою и культурною реакціей противъ новыхъ началъ духовной и общественной жизни вступило въ борьбу направленіе, получившее въ началѣ нынѣшняго столѣтія названіе либерализма. Основнымъ принципомъ этого направленія явилась идея свободы и притомъ въ смыслѣ свободы не только политической, что должно было отразиться на стремленіи къ извѣстнаго рода государственному устройству, но и свободы индивидуальной какъ по отношенію къ государственной власти, такъ и въ сферѣ духовной жизни, въ дѣлахъ религіозной вѣры и философскаго и научнаго изслѣдованія. Либерализмъ явился лишь продолженіемъ тѣхъ духовныхъ стремленій, которыя въ предыдущіе вѣка выразились въ гуманизмѣ, передовомъ протестантизмѣ и просвѣщеніи XVIII в., и тѣхъ политическихъ движеній во имя свободы, коими такъ богата исторія западной Европы со второй половины среднихъ вѣковъ. Культурная и политическая борьба либерализма съ реакціей имѣла и соціальную сторону: въ то время, какъ представителями реакціи въ этой борьбѣ были духовенство и дворянство въ качествѣ сословій, противъ которыхъ было направлено новое историческое движеніе, защиту либеральныхъ началъ взяла на себя буржуазія, бывшая и въ предыдущіе вѣка противницей

аристократическихъ привилегій, выросшая къ концу XVIII столѣтія въ значительную соціальную силу и одержавшая побѣду надъ „старымъ порядкомъ“ въ 1789 г. Съ принципіальной точки зрѣнія это была борьба сословныхъ привилегій съ безсословнымъ гражданствомъ, въ экономическомъ отношеніи она сводилась къ антагонизму между двумя различными имущественными классами — землевладѣльцами и капиталистами, причемъ люди либеральныхъ профессій явились также сторонниками новаго историческаго движенія. Борьбою реакціонной аристократіи и либеральной буржуазіи, однако, не исчерпывается еще вся соціальная исторія XIX вѣка. Въ 1789 г. старый общественный строй былъ низвергнутъ совокупнымъ дѣйствіемъ буржуазіи и народной массы, и на развалинахъ этого строя возникло безсословное гражданство, основанное на принципѣ равенства всѣхъ передъ закономъ. Подобно тому, однако, какъ болѣе раннія политическія революціи, напр., чешская въ эпоху гуситства, нѣмецкая въ началѣ реформаціи, англійская въ серединѣ XVII в., сопровождались чисто народными движеніями [1]), и великая французская революція всколыхнула народныя массы, сдѣлавшись для XIX в. исходнымъ пунктомъ новѣйшаго соціальнаго движенія. Уничтоженіе сословности и юридическое уравненіе всѣхъ гражданъ государства, такъ сказать, обнажило чисто экономическую основу общественныхъ классовъ, и въ безсословномъ гражданствѣ началось, — между прочимъ, и подъ вліяніемъ перемѣнъ въ самомъ хозяйственномъ быту, — быстрое развитіе соціальной противоположности буржуазіи и народа. Уже въ XVIII в. нѣкоторые публицисты начали ставить и теоретически рѣшать вопросъ, который въ XIX в. получилъ названіе соціальнаго по преимуществу, и именно не въ смыслѣ устраненія юридическаго и политическаго неравенства, а въ смыслѣ радикальнаго переустройства самого экономическаго быта, оставшагося неприкосновеннымъ въ своихъ основахъ при замѣнѣ прежняго сословнаго строя безсословнымъ гражданствомъ. Въ XIX в. подъ вліяніемъ общаго демократическаго характера французской революціи и въ зависимости отъ экономическихъ перемѣнъ, обострившихъ взаимныя отношенія имущихъ и неимущихъ классовъ общества, помимо политическаго движенія, выразившагося въ либерализмѣ и чисто политическомъ радикализмѣ, возникло совершенно особое историческое движеніе, получившее названіе соціализма. Въ XIX в. соціальный вопросъ не только началъ, какъ никогда раньше, усложнять вопросы политическаго характера, но и сталъ выдвигаться съ особою силою впередъ, какъ напр., въ XVI в. выдвигался впередъ вопросъ церковный, хотя и тогда, въ эпоху реформаціи, происходили

[1]) Т. I, стр. 541 и слѣд.; т. II, стр. 87—122 (гл. IX—XI) и 526 и слѣд.

также народныя движенія съ чисто соціальнымъ характеромъ. Понятное дѣло, что это должно было отразиться на самой культурной и политической исторіи XIX в.

Наконецъ, рядомъ съ движеніями политическимъ и соціальнымъ въ XIX вѣкѣ весьма видную роль играетъ еще движеніе національное, которое равнымъ образомъ имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ революцію 1789 г. Послѣдняя сама была для французовъ великимъ національнымъ дѣломъ и подѣйствовала возбуждающимъ образомъ на другіе народы: „принципы 1789 г.“ санкціонировали не только индивидуальное и общественное самоопредѣленіе, но и самоопредѣленіе національное; демократическая идея народовластія создавала изъ націи коллективную индивидуальность, имѣющую право на свободу и независимость; новые общественные порядки пробуждали самосознаніе народныхъ массъ. Но особенно сильно содѣйствовала этому процессу,—который въ культурномъ и политическомъ отношеніяхъ принималъ то прогрессивный, то реакціонный характеръ,—имперія Наполеона I, въ одно и то же время и революціонировавшая весь западно-европейскій континентъ, и налагавшая на его народы чужеземное иго. Съ одной стороны, поэтому французское владычество надъ ними сопровождалось распространеніемъ и на нихъ многихъ началъ революціи 1789 г., содѣйствовавшихъ развитію въ этихъ народахъ національнаго самосознанія, съ другой же, затрогивая чувство національной независимости, оно вызывало ненависть ко всему иноземному и стремленіе къ культурному обособленію. И то, и другое было только началомъ цѣлаго ряда историческихъ явленій, осложнявшихъ вопросы культурной, соціальной и политической жизни вопросами чисто національнаго характера, которые, повторяемъ, рѣшались и въ либеральномъ, и въ реакціонномъ смыслѣ.

Съ точки зрѣнія основныхъ историческихъ движеній XIX вѣка, на которыя только-что было указано, мы можемъ раздѣлить исторію этого столѣтія на слѣдующіе періоды:

1. Эпоха консульства и имперіи (1800—1814), время внутренней политической реакціи во Франціи и распространенія внѣшняго могущества Франціи, сопровождавшагося крушеніемъ „стараго порядка“ въ другихъ странахъ.

2. Эпоха реставраціи (1814—1830), характеризующаяся сильной реакціей „стараго порядка“ и борьбы съ нимъ либерализма.

3. Эпоха іюльской монархіи (1830—1848), когда буржуазія достигаетъ политическаго преобладанія, но зато впервые обостряется соціальный вопросъ, начинающій играть особенно важную роль именно въ исторіи второй половины XIX вѣка. Одновременно усиливается и

національное движеніе, коему равнымъ образомъ суждено было играть видную роль въ исторіи второй половины столѣтія.

4. Февральская революція и вторая имперія (1848—1870).

5. Современная эпоха съ паденія второй имперіи и объединенія Италіи и Германіи.

Какъ всякое дѣленіе исторіи на періоды, и это дѣленіе имѣетъ свои неудобства, но для цѣлей общаго построенія и изложенія исторіи XIX вѣка мы съ полнымъ правомъ можемъ держаться только-что отмѣченныхъ заголовковъ, выдвигая на первый планъ слѣдующія крупныя событія общевропейскаго значенія, во многихъ отношеніяхъ довольно рѣзко отдѣляющія одну эпоху отъ другой, а именно установленіе (1799) и паденіе (1814) наполеоновской диктатуры во-Франціи, іюльскую (1830) и февральскую (1848) революціи со всѣми другими переворотами, вызванными обѣими этими революціями, и наконецъ франко-германскую войну 1870—1871 гг. Заимствуя эти даты изъ области политической исторіи, мы тѣмъ не менѣе можемъ пользоваться ими и въ исторіи соціальной, ибо въ первомъ періодѣ совершалась консолидація общественнаго строя, созданнаго революціей, во второмъ сдѣлана была попытка феодальной реакціи, въ третьемъ буржуазія достигла наибольшаго преобладанія, а въ слѣдующемъ началась борьба „четвертаго сословія“ подъ знаменемъ новыхъ соціальныхъ идей. Кромѣ того, можно сказать, что 1848 годомъ исторія XIX вѣка дѣлится на два большихъ періода, изъ коихъ въ первомъ главное значеніе принадлежало политическому движенію, достигшему своей цѣли съ повсемѣстнымъ распространеніемъ на Западѣ конституціонныхъ формъ, а во второмъ особую силу получило движеніе соціальное, поставившее себѣ уже иныя задачи. Середина XIX вѣка, кромѣ того, можетъ быть признана въ исторіи умственнаго движенія временемъ паденія идеалистическаго направленія въ философіи, господствовавшаго въ первой половинѣ столѣтія, и началомъ того преобладанія реалистическихъ стремленій, которыя характеризуютъ вторую половину вѣка.

Въ исторической литературѣ весьма часто изложеніе новѣйшей исторіи начинается съ 1815 года. Однимъ изъ наиболѣе капитальныхъ трудовъ, предпринятыхъ по исторіи XIX вѣка, было сочиненіе Гервинуса „Geschichte des XIX Jahrhunderts“ [1]), въ коемъ изложеніе, начинающееся съ 1815 года, доведено въ 7 томахъ до 1830 года. Гервинусъ былъ ученикъ Шлоссера, автора извѣстной „Исторіи XVIII столѣтія и XIX до паденія французской имперіи“ [2]), такъ что его

[1]) Переведено порусски.

[2]) См. Ист. зап. Евр. въ новое время, III, 3.

трудъ непосредственно примыкаетъ къ труду Шлоссера, служа какъ бы его продолженіемъ. Но и независимо отъ этого для людей нашего вѣка переустройство Европы, потрясенной войнами революціи и имперіи,—переустройство, совершившееся въ 1815 г.,—должно было казаться началомъ совершенно новаго періода европейской исторіи, началомъ исторіи „новѣйшаго времени", какъ принято называть XIX в. у нѣмцевъ, или „исторіи современной", какъ особенно охотно обозначаютъ ее французы. Двѣ единственныя исторіи новѣйшаго времени на русскомъ языкѣ Лоренца [1]) и г. Григоровича [2]) берутъ также за исходный пунктъ эпоху вѣнскаго конгресса. То же самое можно сказать и о нѣмецкой исторической литературѣ, въ которой появилось наибольшее количество сочиненій, посвященныхъ общему изображенію исторіи XIX вѣка: и здѣсь равнымъ образомъ наполеоновская эпоха выключается изъ исторіи новѣйшаго времени, и изложеніе начинается съ событій, послѣдовавшихъ за паденіемъ первой имперіи. Таковы, наприм., книги Булле, Іегера и др. [3]), а во французской учебной литературѣ книга Добана [4]), хотя рядомъ съ ними можно поставить сочиненія Гонеггера, Лейкснера и Файфа, въ коихъ изложеніе начинается съ событій конца XVIII и самаго начала XIX вѣка. [5]) Во всякомъ случаѣ наполеоновская эпоха лишь въ видѣ исключенія входитъ въ общія сочиненія по исторіи XIX столѣтія. Это общее замѣчаніе справедливо и по отношенію къ исторіямъ отдѣльныхъ странъ въ XIX в., вошедшимъ въ большую нѣмецкую коллекцію Бидермана и Гирцеля „Staatengeschichte der neuesten Zeit", въ коей исторія Австріи обработана Шпрингеромъ, Англіи—Паули, Италіи—Рейхлиномъ, Франціи—Рохау, [6]) хотя, напр., съ другой стороны во французской литературѣ можно указать на коллекцію „Bibliotheque contemporaine", въ коей изложеніе новѣйшей исторіи отдѣльныхъ націй начинается съ болѣе раннихъ періодовъ [7]). На-

[1]) Исторія новѣйшаго времени. Спб. 1860 и поздн. изд., дополн. Марковымъ.

[2]) Очерки новѣйшей исторіи. Нѣсколько изданій.

[3]) K. Bulle. Geschichte der neuesten Zeit. Leipzig- 1876 и слѣд.—O. Jäger. Versuch einer Darstellung neuester Geschichte.

[4]) Dauban. Hist. contemporaine.

[5]) Всѣ три существуютъ въ русскомъ переводѣ: Гонеггеръ. Исторія культуры XIX в.—Отто Лейкснеръ. Нашъ вѣкъ. — Файфъ, Исторія Европы къ XIX в., перев. подъ ред. проф. Лучицкаго.

[6]) Послѣднее сочиненіе существуетъ въ рус. переводѣ: А. Рохау. исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи (1814—1852). Спб. 1865. Издатели (М. А. Антоновичъ и А. Н. Пыпинъ) предполагали перевести всю серію.

[7]) Въ этой коллекціи исторія Англіи и Испаніи обработана Reynald'омъ, Австріи—Asseline'омъ, Венгріи—Sayous, Италіи—Sorin'омъ, Пруссіи—Veron'омъ и т. д. Впрочемъ, и здѣсь исторія Италіи начинается съ 1815 г.

полеоновская эпоха, наоборотъ, въ общихъ историческихъ трудахъ весьма часто соединяется съ предыдущимъ временемъ и особенно съ французской революціей, съ которою она во многихъ отношеніяхъ составляетъ одно цѣлое. Кромѣ указанной исторіи Шлоссера, въ коей времена консульства и имперіи составляютъ непосредственное продолженіе XVIII вѣка, мы встрѣчаемъ совмѣстное изображеніе революціонной и наполеоновской эпохъ въ трудахъ Алисона, Онкена и Сореля, [1]) не говоря уже о томъ, что еще Минье посвятилъ послѣднія главы своей „Исторіи французской революціи“ временамъ консульства и имперіи.

Къ числу трудовъ по исторіи XIX в. нужно отнести, конечно, и посвященныя этому столѣтію части обширныхъ всемірныхъ исторій. Такова существующая въ русскомъ переводѣ „Всеобщая исторія“ Георга Вебера, въ которой нашему столѣтію (начиная съ кампоформійскаго мира) посвящены два большіе тома. Въ иллюстрированной коллекціи Онкена „Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen“ исторія XIX в. обработана въ шести отдѣльныхъ монографіяхъ Онкена (двѣ монографіи), Флате, Булле, Гоппа и Бамберга, на которыя у насъ ссылки будутъ дѣлаться въ своихъ мѣстахъ. Новѣйшая исторія (съ революціи) въ „Allgemeine Weltgeschichte“ Флате, Герцберга, Юсти, Пфлугъ-Гартунга и Филипсона, состоящая изъ трехъ томовъ, написана Флате. Недавно предпринятая Лависсомъ и Рамбо „Всеобщая исторія съ IV вѣка до нашихъ дней“ равнымъ образомъ будетъ заключать въ себѣ подробное изложеніе исторіи XIX вѣка.

Названными сочиненіями почти исчерпывается вся общая литература по исторіи XIX вѣка, разумѣя подъ этимъ труды по исторіи всей Европы или отдѣльныхъ государствъ, а не тѣхъ или другихъ періодовъ этой исторіи или тѣхъ или другихъ частныхъ ея сторонъ, а такихъ трудовъ можно назвать не мало, что и будетъ нами сдѣлано въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ настоящей книги. Въ большей части поименованныхъ сочиненій, нужно замѣтить, преобладаетъ исторія политическая, если только тотъ или другой авторъ не ставилъ себѣ особой задачи изобразить и культурное движеніе эпохи [2]). Что касается до исторіи

---

[1]) Alison. History of Europe from the fr. revolution to the restoration of the Bourbons (нѣм. переводъ Мейера).—Oncken. Das Zeitalter der Revolution, des Kaiserreiches und der Befreiungskriege (въ сборникѣ „Allgemeine Wellgeschichte in Einzeldarstelleungen,)—Sorel (L'Europe et la révolution française; есть и въ рус. пер.) обѣщаетъ довести свое изложеніе до паденія имперіи.—Ср. также Flathe. Geschichte der neuesten Zeit, первый томъ коей посвященъ революціи и имперіи до 1813 г.

[2]) Благодаря тѣсной связи между жизнью и литературою въ нашемъ столѣтіи весьма важное значеніе имѣютъ съ общеисторической точки зрѣнія и сочиненія по исторіи литературы въ широкомъ смыслѣ слова (равно какъ

соціальной, то въ общихъ сочиненіяхъ по XIX вѣку она отступаетъ на самый задній планъ, что, впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ сравнительно малой разработкѣ этого отдѣла исторіи въ научной литературѣ, особенно если мы будемъ имѣть въ виду не только ученія объ общественномъ переустройствѣ и общественныя движенія въ этомъ направленіи, но и сами по себѣ фактическія соціальныя отношенія съ ихъ экономическою подкладкою [1]). То, впрочемъ, на что общіе историки XIX в. не всегда обращали достодолжное вниманіе, имѣетъ свою особую, спеціальную литературу, къ которой и долженъ обращаться всякій, желающій узнать о соціальной исторіи нашего столѣтія болѣе, нежели могъ бы найти въ трудахъ общаго характера.

II. Вліяніе французской революціи на Европу [2]).

Взаимныя отношенія французской революціи и Европы до 1791 г.—Идея революціонной пропаганды.—Образованіе Франціей новыхъ республикъ.—Общія причины французскихъ успѣховъ.—Революція, консульство и имперія въ отношеніи къ Европѣ.—Сочувствіе къ революціи въ пограничныхъ странахъ осенью 1792 г. —Французская и бельгійская революціи. — Вліяніе французской революціи въ Англіи и Польшѣ. — Сочувствіе къ революціи въ Ирландіи. — Участіе мѣстныхъ силъ въ образованіи новыхъ республикъ (Голландія, Венеція и Генуя, Швейцарія, итальянскія государства).—Причины неуспѣха коалицій противъ Франціи.— Начало распаденія Священной Римской имперіи.—Поведеніе французскаго правительства въ завоеванныхъ странахъ.

Уже въ самомъ своемъ началѣ французская революція произвела

сочиненія по исторіи философіи, науки, политическихъ и экономическихъ ученій и т. п.), которыя и будутъ указываться въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

[1]) Весьма характеренъ, напр., слѣдующій примѣръ. Въ очень полезной книжкѣ проф. Н. А. Осокина „Политическія движенія въ западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка“, вышедшей недавно вторымъ изданіемъ (Казань. 1892), соціальное движеніе совсѣмъ отодвинуто на задній планъ передъ движеніями политическимъ (конституціоннымъ) и національнымъ (освободительнымъ и объединительнымъ), хотя самъ же авторъ считаетъ наиболѣе удачнымъ то опредѣленіе нашего вѣка, по которому онъ есть „періодъ соціальной мысли“. Дѣло въ томъ, что общая литература по исторіи XIX в. менѣе всего соотвѣтствуетъ такому опредѣленію, въ сущности, дѣйствительно, весьма удачному, и это отразилось на содержаніи общаго обзора, составленнаго проф. Осокинымъ.

[2]) См. сочиненія, указанныя на стр. 489, 569 и 636 третьяго тома „Ист. зап. Евр. въ новое время“. L. Ranke. Ursprung und Beginn der Revolutionskriege.— H. Hüffer. Oesterreich und Preussen gegenüber der französichen Revolution bis zum Frieden von Campo-Formio, 1868.—Его же. Die Politik der deutschen Mächte im Revolutionszeitalter bis zum Abschluss des Friedens von Campo-Formio. 1869.—Его же. Der Rastatter Kongress und die zweite Koalition. 1878.

весьма сильное впечатлѣніе на образованное общество въ разныхъ странахъ Европы [1]).

Въ то самое время, какъ вслѣдъ за взятіемъ Бастиліи началась эмиграція изъ Франціи принцевъ и дворянъ, немедленно обратившихся къ иностраннымъ дворамъ за помощью противъ французскихъ „мятежниковъ“, извѣстіе о побѣдѣ парижскаго народа 14 іюля 1789 г. привѣтствовалось общественнымъ мнѣніемъ всей Европы, какъ радостное событіе, и переворотъ, совершившійся во Франціи, казался мыслителямъ, поэтамъ и филантропамъ въ Англіи, въ Германіи, въ Италіи и др. странахъ началомъ лучшихъ временъ для всего человѣчества. Европейскія правительства, наоборотъ, на первыхъ порахъ не поняли всего важнаго значенія французской революціи, взглянувъ на нее каждое, какъ на событіе выгодное или невыгодное съ точки зрѣнія интересовъ того или другого государства, т.-е. упустивъ изъ виду принципіальную сторону дѣла. Мало-по-малу, однако, по мѣрѣ того, какъ началъ выясняться истинный характеръ событій, совершавшихся во Франціи, европейскія правительства стали смотрѣть на революцію, какъ весьма опасный—по отношенію къ собственнымъ ихъ подданнымъ—примѣръ неповиновенія народа законной власти [2]). Лѣтомъ 1791 г. уже начались переговоры иностранныхъ монарховъ о томъ, что дѣлать имъ съ Франціей, и съ перспективою вмѣшательства въ дѣла Франціи для возстановленія внутренняго порядка въ мятежной странѣ. Эмигранты, до того времени не пользовавшіеся никакимъ успѣхомъ, подняли теперь голову и стали громко заявлять, что ради защиты ихъ дѣла готова ополчиться вся Европа. Послѣднее было несовсѣмъ вѣрно, и принятіе Людовикомъ XVI конституціи въ сентябрѣ 1791 г. послужило для державъ хорошимъ предлогомъ для того, чтобы оставить мысль о вмѣшательствѣ. Отношенія между революціонной Франціей и европейскими правительствами продолжали тѣмъ не менѣе оставаться натянутыми, и если изъ-за границы во Францію все болѣе и болѣе приходили извѣстія о враждебномъ отношеніи къ революціи

Langwerth von Simmern. Oesterreich und das Reich im Kampfe mit der französischen Republik. 1880—1882. Dandolo. La caduta della republica di Venezia. 1855.—Bonnal. La chute d'une république. 1885.—Ср. работы Sciout въ Revue des questions historiques (Le directoire et la république Romaine. 1886.—Pie VI, le Directoire et le grand duc de Toscane.—La république Française et la république de Gènes. 1889).—A. Rambaud. Les Français sur le Rhin.—Кромѣ того, для настоящей главы, равно какъ для главъ VIII, IX и XI см. сочиненія по исторіи Германіи въ эту эпоху: L. Häusser. Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Grossen bis zur Gründung des deutschen Bundes. 1861—63.—Treitschke. Deutsche Geschichte im XIX Jahrhundert. 1879 и слѣд.

[1]) Ист. зап. Европы въ новое время, III, 489.

[2]) Т. III, стр. 514—515.

со стороны иностранныхъ дворовъ, считавшихся вполнѣ солидарными съ эмигрантами, то въ самой Франціи получала все большій и большій ходъ та мысль, что революція должна получить всесвѣтный характеръ. Идея революціонной пропаганды нашла въ 1792 г. сторонниковъ въ лицѣ наиболѣе вліятельной партіи законодательнаго собранія — жирондистовъ, которые стали проповѣдывать необходимость войны народовъ противъ королей [1]). Жирондистское министерство въ апрѣлѣ 1792 г. добилось объявленія войны „королю богемскому и венгерскому“ (т.-е. Австріи), и въ засѣданіи національнаго собранія, въ коемъ было принято это рѣшеніе, войнѣ прямо было придано значеніе начинающейся революціонной пропаганды [2]). Такъ возникли революціонныя войны, перешедшія въ войны консульства и имперіи и имѣвшія на самомъ дѣлѣ результатомъ распространеніе на континентѣ Европы многихъ принциповъ французской революціи и созданныхъ ею порядковъ.

Уже раньше объявленія войны эмигранты расточали самыя дикія угрозы по отношенію къ Франціи. Лѣтомъ 1792 г. появился знаменитый манифестъ герцога брауншвейгскаго, главнокомандующаго союзной австро-прусской арміей, грозившій самыми жестокими репрессаліями мятежной Франціи и сильно содѣйствовавшій паденію въ ней монархіи, которую подозрѣвали въ союзѣ съ врагами отечества [3]). Но если европейскія правительства рѣшились противодѣйствовать революціи, послѣдняя нашла себѣ сторонниковъ среди ихъ же подданныхъ, тяготившихся старыми государственными и общественными порядками [4]). Къ генераламъ французской арміи, дѣйствовавшей противъ непріятеля, стали являться изъ-за границы люди разныхъ національностей съ просьбою о содѣйствіи въ низверженіи ненавистныхъ порядковъ. Благодаря сочувствію пограничнаго населенія сосѣднихъ странъ, французы осенью 1792 г. заняли Савойю, лѣвый берегъ Рейна и Бельгію. Идея революціонной пропаганды была осуществлена, и конвентъ послѣ этихъ завоеваній декретировалъ (19 ноября и 15 декабря), что Франція будетъ поддерживать каждую націю, стремящуюся къ свободѣ, и что повсемѣстно, гдѣ только ни появятся французскія арміи, произведены будутъ отмѣна аристократическихъ правленій и сеньерьяльныхъ правъ вмѣстѣ съ десятинами и конфискація церковныхъ имуществъ, и народъ будетъ призванъ къ свободѣ. Такіе успѣхи революціи должны были сильно встревожить европейскія правительства, особенно послѣ того, какъ совершена была казнь Людовика XVI.

---

[1]) Т. III, стр. 566—579.
[2]) Т. III, стр. 568.
[3]) Т. III, 573.
[4]) Т. III, 602—604.

Весною 1793 г. противъ французской республики образовалась большая коалиція, въ которой участвовали Австрія съ Пруссіей, Англія, Голландія, Испанія, Сардинія и Священная Римская имперія. Въ манифестѣ, съ коимъ конвентъ обратился къ арміи, войнѣ придавалось значеніе борьбы между свободой и тиранніей во имя братства народовъ и возрожденія вселенной.

Франція съ успѣхомъ отразила непріятельское нашествіе и снова перешла въ наступленіе, не только удержавъ въ концѣ концовъ свои пріобрѣтенія 1792 г., но сдѣлавъ новыя завоеванія [1]). Въ 1795—1799 гг. Франція овладѣла цѣлымъ рядомъ странъ, въ коихъ провозгласила „права человѣка и гражданина“ и организовала республиканскія правленія на демократическихъ и унитарныхъ [2]) началахъ. Таковы были республики Батавская, образовавшаяся изъ Голландіи; Цизальпинская, составившаяся изъ Ломбардіи и др. итальянскихъ областей; Лигурійская, какъ стала называться Генуя; Римская на мѣстѣ прежней Папской области; Гельветическая, замѣнившая собою старый швейцарскій союзъ, и наконецъ, Партенопейская, въ каковую превратилось королевство Неаполитанское. Франція достигла такихъ поразительныхъ успѣховъ, благодаря тому, что вездѣ существовали недовольные демократическіе элементы, совершавшіе при помощи революціонныхъ армій внутренніе перевороты республиканскаго характера. Демократическая революція произошла между прочимъ и въ аристократической Венеціи, но эта старая республика прекратила свое существованіе, раздѣленная между Австріей и Цизальпинской республикой. Организоваться въ республику дѣлали еще попытку майнцскіе, кельнскіе, трирскіе и кобленцскіе нѣмцы. Ирланды просили у французовъ присылки флота, расчитывая съ его помощью отдѣлиться отъ Англіи. Поляки послѣ неудачи возстанія Костюшки, приведшей къ третьему раздѣлу Польши, массами стали стекаться подъ французскія знамена, видя въ побѣдѣ революціи залогъ возстановленія падшаго отечества. Съ другой стороны, Франціи помогали взаимное недовѣріе и соперничество членовъ коалиціи, имѣвшихъ каждый свои особые виды и преслѣдовавшихъ своекорыстные интересы, помогали и событія въ Польшѣ, отвлекавшія Австрію и Пруссію отъ энергичнаго веденія войны на западѣ. Правда, новые успѣхи французовъ послѣ того, какъ Пруссія первая заключила миръ съ республикой (базельскій 1795 г.),—а примѣру Пруссіи послѣдовали позднѣе и другія государства,—вызвали къ жизни новую коалицію, которая имѣла

---

[1]) Т. III, стр. 628—630.

[2]) „Республика единая и нераздѣльная“.

нѣкоторый успѣхъ [1]), но скоро также распалась, не остановивши дальнѣйшихъ завоеваній французовъ.

Въ 1799 г. послѣ государственнаго переворота, доставившаго власть надъ Франціей генералу Бонапарту, сначала „гражданину первому консулу", а потомъ императору французовъ Наполеону I, и Франція, и вся Европа вступили въ новый періодъ взаимныхъ отношеній между революціей и „старымъ порядкомъ". Войны консульства и имперіи, будучи естественнымъ продолженіемъ войнъ революціи, получаютъ новый характеръ, и республики, основанныя Франціей въ послѣдніе годы XVIII в., превращаются черезъ десять лѣтъ въ королевства братьевъ французскаго императора. Тѣмъ не менѣе консульство и имперія по отношенію къ Европѣ были лишь видоизмѣненнымъ продолженіемъ революціи, низвергавшей легитимныхъ монарховъ, секулязировавшей церковныя земли, уничтожавшей феодализмъ и вводившей гражданское равенство. Въ эпоху консульства и имперіи все это дѣлалось еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ во время революціонныхъ войнъ.—Постоянныя пораженія европейскихъ державъ въ борьбѣ съ новой Франціей свидѣтельствуютъ намъ о глубокомъ разложеніи, въ какомъ находилась старая Европа, не выдержавшая революціонной бури. Мало того: защитники „стараго порядка" и легитимныхъ началъ вынуждены были идти на сдѣлки съ революціей и съ той узурпаціей законной власти, какою съ точки зрѣнія этихъ началъ была имперія Наполеона I, должны были даже вступать въ союзы съ этой самой революціонной и узурпаторской Франціей для достиженія своихъ собственныхъ политическихъ задачъ. Нужно, однако, замѣтить, что съ другой стороны, война, начавшаяся во имя освобожденія народовъ отъ тиранніи, мало-по-малу превратилась въ простую завоевательную войну, и еще въ послѣднія времена республики были позабыты и торжественное заявленіе учредительнаго собранія, въ коемъ новая Франція отказывалась отъ завоевательной политики и покушеній на свободу другихъ народовъ, и не менѣе торжественное обѣщаніе конституціи 1793 г., провозглашавшей принципъ невмѣшательства въ чужія дѣла.

Таковы были въ общихъ чертахъ взаимныя отношенія революціонной Франціи и старой Европы наканунѣ государственнаго переворота генерала Бонапарта, и таково въ общихъ же чертахъ было отношеніе эпохи, наступившей послѣ этого переворота, къ эпохѣ революціонной пропаганды. Два факта заслуживаютъ особаго вниманія въ исторіи этихъ отношеній: сочувствіе, какое встрѣчали французская революція и французское завоеваніе въ извѣстныхъ слояхъ

[1]) Суворовскій походъ въ Италію.

общества за границей, и слабость противодѣйствія, оказаннаго революціи и завоевательной политикѣ со стороны представителей европейскаго „стараго порядка“.

Первый значительный успѣхъ ожидалъ французовъ въ Савойѣ, которая болѣе, чѣмъ какая-либо другая пограничная область, была подготовлена къ революціи: въ культурномъ и соціальномъ отношеніи эта часть сардинскаго королевства была какъ бы второю, маленькою Франціею, и здѣсь уже до вступленія революціонной арміи (21 сентября 1792 г.) дѣйствовали мѣстные и пріѣзжіе агитаторы. „Шествіе моей арміи, писалъ военному министру генералъ Монтескью,—рядъ тріумфовъ. Сельское и городское населеніе бѣжитъ къ намъ на встрѣчу. Мнѣ кажется, что умы расположены здѣсь къ революціи, подобной нашей“. Коммиссары конвента доносили послѣднему, что, „перешедши границу, они и не замѣтили, что вступили въ чужой край“. Савойскіе патріоты стали пропагандировать необходимость присоединенія ихъ родины къ Франціи, и менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ появленія революціонной арміи въ Савойѣ, назначены были народныя собранія во всѣхъ общинахъ страны (кромѣ трехъ, гдѣ держалась еще власть Сардиніи) для выраженія желаній и для выбора депутатовъ въ національное собраніе (14 октября). Изъ 658 общинъ 583 высказались за присоединеніе къ Франціи, а 72 предоставили рѣшеніе вопроса депутатамъ. „Національное суверенное собраніе аллоброговъ“ въ Шамбери уничтожило въ Савойѣ королевскую власть, феодальныя права, церковное землевладѣніе и т. д., и вся эта революція была совершена менѣе, чѣмъ въ недѣлю. Затѣмъ сначала сдѣлана была попытка организовать Савойю въ самостоятельную республику, но вскорѣ вожди движенія обратились къ конвенту съ просьбою о соединеніи съ Франціей. Одновременно революціонныя идеи стали распространяться среди нѣмцевъ на лѣвомъ берегу Рейна, по сосѣдству съ французскою границею. Страсбургъ сдѣлался главнымъ очагомъ пропаганды, сборнымъ пунктомъ нѣмецкихъ патріотовъ, увлекавшихся революціей и начавшихъ отсюда посредствомъ печати и посылки агентовъ проповѣдовать своимъ соотечественникамъ о необходимости переворота. Нѣмецкіе революціонеры приглашали французовъ совершить освобожденіе лѣваго берега Рейна и совѣтовали населенію края оказать содѣйствіе Франціи. Кюстинъ съ легкостью, которой самъ удивлялся, въ короткое время занялъ Шпейеръ, Вормсъ и Майнцъ. „Города, писалъ одинъ дипломатъ того времени, сдаются безъ сопротивленія, и декларація правъ производитъ дѣйствіе, подобное дѣйствію трубы Іисуса Навина“. Настроеніе прирейнскихъ нѣмцевъ во время появленія между ними французовъ было увѣковѣчено Гёте въ одномъ часто цитируемомъ

Гос. Истор. Б-ка
Инв. №

мѣстѣ „Германа и Доротеи“ [1]). Въ то самое время, какъ напуганные событіями мѣстные князья, духовные сановники и дворяне спасались бѣгствомъ, среди нѣмецкихъ патріотовъ все сильнѣе и сильнѣе разгорался энтузіазмъ къ революціи, отъ которой они ожидали свободы для Германіи и для всего человѣчества. Горожане пѣли марсельезу и вслѣдъ за нею оду Шиллера къ свободѣ, радуясь побѣдамъ Кюстина. Въ Майнцѣ образовался цѣлый кружокъ „друзей свободы и равенства“; въ другихъ городахъ тоже организовались клубы. И здѣсь, какъ въ Савойѣ, была сдѣлана сначала попытка организоваться въ самостоятельную республику, но и здѣсь въ концѣ концовъ было рѣшено (21 марта 1793 г.) присоединиться къ Франціи.

Особенно интересны успѣхи революціи въ Бельгіи. Въ этой странѣ, какъ извѣстно, реформы Іосифа II, предпринятыя въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма, встрѣтились съ сильною консервативною оппозиціей, перешедшею въ 1787 г. въ открытое возстаніе [2]). Но среди этого движенія зародилось въ Бельгіи и другое—демократическое, въ духѣ французскихъ идей о равенствѣ и народномъ верховенствѣ. Оба движенія объединялись, подобно тому, какъ это было передъ 1789 г. и во Франціи, гдѣ революція вышла изъ соединенія консервативной и демократической оппозицій [3]). Во главѣ бельгійскаго возстанія находились два адвоката ванъ-деръ-Ноотъ и Вонкъ, первый, какъ представитель старыхъ традицій, второй въ качествѣ приверженца новыхъ идей. Въ 1789 г. Бельгія находилась въ полной революціи и готова была совершенно отложиться отъ Австріи: въ январѣ 1790 г. собрался даже въ Брюсселѣ суверенный конгрессъ „соединенныхъ бельгійскихъ штатовъ“. Если преемнику Іосифа II, скончавшагося въ февралѣ того же года, удалось предотвратить такой исходъ бельгійской революціи, то благодаря между прочимъ разладу, возникшему между клерикально-феодальною партіею ванъ-деръ-Ноота и демократами-вонкистами. Опираясь на фанатизмъ народной массы, консервативная партія одержала побѣду надъ своими противниками весною 1790 г. къ великому неудовольствію французскихъ демократовъ,

---

[1]) Кто не сознается, какъ трепетало въ немъ весело сердце,
Какъ въ свободной груди всѣ пульсы забились живѣе,
Въ ту минуту, когда засвѣтилось новое солнце,
Какъ услыхали впервые объ общихъ правахъ человѣка,
О вдохновенной свободѣ и о равенствѣ также похвальномъ!
Всякій въ то время надѣялся жить для себя и, казалось,
Всѣ оковы въ рукахъ эгоизма и лѣни, такъ долго
Многія страны собой угнетавшія, разомъ распались.

[2]) Ист. зап. Евр. въ новое время, т. III, стр. 354—355.

[3]) Т. III, стр. 400.

сильно интересовавшихся бельгійскимъ движеніемъ и состоявшихъ въ сношеніяхъ съ вонкистами. Но въ томъ же году Австрія путемъ военнаго дѣйствія, не встрѣтившаго на этотъ разъ большого сопротивленія, снова заняла страну и возстановила въ ней прежній режимъ. Бельгійскіе демократы бѣжали тогда во Францію, гдѣ стали мечтать о возвращеніи на родину съ французскими войсками. Здѣсь потомъ они были усилены выходцами изъ Льежа (Люттиха), принадлежавшаго владѣтельному епископу, члену Германской имперіи. Въ этомъ городѣ и его округѣ давно шли между населеніемъ и княземъ пререканія, приведшія въ 1789 г. подъ вліяніемъ парижскихъ событій къ маленькой революціи. Епископъ вынужденъ былъ согласиться на требованія своихъ подданныхъ, но затѣмъ бѣжалъ и изъ Трира объявилъ о своемъ отреченіи отъ сдѣланныхъ уступокъ. Рейхскаммергерихтъ, коему епископъ пожаловался на мятежныхъ подданныхъ, постановилъ произвести въ Льежѣ экзекуцію, которая въ концѣ концовъ и была совершена Австріей (1791). Реставрація епископа сопровождалась наказаніями и преслѣдованіями, заставившими наиболѣе компрометированныхъ бѣжать во Францію. Весьма естественно, что въ этой послѣдней весьма рано возникъ планъ воспользоваться Бельгіей въ готовившейся международной борьбѣ. Въ Парижѣ съ самаго начала революціи обращали большое вниманіе на бельгійскія событія, и напр., знаменитый Камиллъ Демуленъ далъ своей газетѣ названіе „Revolutions de Paris et de Brabant“ [1]). Уже Лафайетъ мечталъ о перенесеніи революціи въ Бельгію. Жирондисты, задумавшіе войну для пропаганды революціи, должны были также принять въ расчетъ важное значеніе для нихъ только-что подавленной Австріею бельгійской революціи. Побѣда Дюмурье при Жемаппѣ [2]) (близъ Льежа) прямо открывала ему дорогу въ Бельгію, гдѣ города одинъ за другимъ стали переходить на сторону французовъ, видя въ нихъ своихъ избавителей; въ числѣ этихъ городовъ былъ и епископскій Льежъ.

Сочувствіе къ французской революціи не ограничивалось однѣми пограничными землями, гдѣ осенью 1792 г. революціонныя арміи утвердили вліяніе республики съ такою легкостью: сочувствіе это обнаружилось и въ болѣе отдаленныхъ странахъ и притомъ не только въ такихъ, которыя страдали отъ недостатка свободы, какъ это было, напр. въ Пруссіи [3]), но, напр., и въ Англіи, и въ Польшѣ. Мы въ другой связи будемъ говорить объ отношеніи англійскаго общества къ французской революціи и о зарожденіи въ Англіи демократической

[1]) Т. III, стр. 502.

[2]) Т. III, стр. 603.

[3]) О вліяніи французской революціи на Пруссію будетъ больше сказано ниже (см. гл. X) въ другой связи.

партіи, но и здѣсь не можемъ не отмѣтить того, что французское демократическое движеніе нашло среди англичанъ немало приверженцевъ. Уже 4 ноября 1789 г. лондонское „Общество революціи", основанное въ честь событій 1788—89 гг., вотировало подъ предсѣдательствомъ лорда Стэнгопа поздравительный адресъ французскому національному собранію. Хотя значительная часть англійскихъ виговъ съ Бёркомъ во главѣ и отшатнулась отъ революціи, но за то другая часть, главными выразителями стремленій коей явились Фоксъ, Шериданъ, лордъ Стэнгопъ и лордъ Ленсдоунъ (Lansdowne), относилась къ революціи благопріятно, несмотря даже на крайности движенія, стремясь сама къ защитѣ народныхъ правъ и проведенію благодѣтельныхъ реформъ. Когда Бёркъ написалъ въ 1790 г. свои знаменитыя „Размышленія о французской революціи", въ коихъ напалъ на національное собраніе, противъ него выступили Томасъ Пэнъ съ трактатомъ о правахъ человѣка и Макинтошъ съ своимъ опроверженіемъ (Vindiciae Galliae). Кромѣ того, революцію защищали докторъ Пристлей и Ричардъ Прайсъ (Price). Въ Англіи образовались даже республиканскія общества, вступившія въ сношеніе съ конвентомъ, гдѣ однажды была торжественно принята посланная ими депутація. При ихъ помощи якобинцы думали прямо агитировать среди низшихъ классовъ населенія Англіи. Мы, однако, еще увидимъ, что сочувствіе къ революціи не пустило вообще глубокихъ корней въ англійскомъ обществѣ.

Любопытны и взаимныя отношенія между внутренней исторіей Польши и французской революціей въ 1789—1794 гг. Франція оказывала сильное вліяніе на Польшу въ XVIII в., и передовые люди Рѣчи Посполитой, мечтавшіе о возрожденіи своего отечества путемъ реформъ, были въ большей или меньшей степени приверженцами новыхъ политическихъ идей. За годъ до начала французской революціи, въ 1788 г., въ Варшавѣ собрался такъ-называемый „четырехлѣтній" сеймъ, совершившій въ 1791 г. знаменитую революцію 3 мая, которая должна была положить начало новымъ политическимъ и общественнымъ порядкамъ. Одновременно (1792) и Польшѣ, и Франціи пришлось отстаивать себя отъ недруговъ тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ обѣихъ странахъ, и это объединило дѣло обѣихъ революцій. Въ 1793 г. Франція была спасена между прочимъ тѣмъ, что Австрія и Пруссія должны были сторожить Польшу, дабы она вся не сдѣлалась добычею Россіи, а за вторымъ раздѣломъ (1793) послѣдовала новая польская революція (1794),—приведшая къ третьему раздѣлу,—слишкомъ быстро для того, чтобы Австрія и Пруссія могли оставаться равнодушными къ польскимъ дѣламъ и въ слѣдующіе годы. Между тѣмъ патріотическое движеніе въ Польшѣ, связанное съ именемъ Костюшки, совершалось подъ несомнѣннымъ вліяніемъ французъ-

скаго примѣра борьбы съ иноземнымъ нашествіемъ, и въ Варшавѣ явились свои „якобинцы“, давшіе поводъ правительствамъ Россіи, Австріи и Пруссіи видѣть въ польскихъ событіяхъ прямое отраженіе парижскихъ событій. Французамъ, дѣйствительно, было выгодно имѣть союзниковъ въ Польшѣ, которая въ свою очередь надѣялась на Францію. Когда Рѣчь Посполитая въ 1795 г. исчезла съ политической карты Европы, великое множество польскихъ патріотовъ, бившихся въ 1794 г. за независимость родины, должно было эмигрировать, и вотъ въ революціонныхъ французскихъ арміяхъ второй половины девятидесятыхъ годовъ мы встрѣчаемъ немалое количество польскихъ эмигрантовъ, думавшихъ, что побѣды республиканской Франціи будутъ ихъ собственными побѣдами. Хотя у поляковъ на первомъ планѣ было возстановленіе политической независимости родины, а не внутреннія перемѣны, но не подлежитъ сомнѣнію, что демократическое движеніе среди польскаго мѣщанства и освобожденіе крестьянъ Костюшкою произошли подъ извѣстнаго рода вліяніемъ того общаго возбужденія, которое исходило отъ французской революціи [1]).

Въ каждомъ народѣ сочувствіе къ французской революціи принимало тѣ или другіе размѣры въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Общій демократическій характеръ движенія привлекалъ на его сторону лишь извѣстные общественные элементы, отталкивая отъ него другіе или совсѣмъ не задѣвая цѣлые общественные классы (положимъ, напр., польскихъ крестьянъ). Въ Польшѣ сочувствіе къ революціи вытекало больше изъ національныхъ причинъ, и тѣми же причинами объясняются надежды, которыя возлагались на успѣхи французской революціи въ Ирландіи. Недовольство туземнаго католическаго населенія противъ господствующей національности соединенныхъ королевствъ было стариннаго происхожденія, и въ странѣ уже раньше существовало патріотическое общество „соединенныхъ ирландцевъ“, стремившееся къ эманципаціи католиковъ [2]) и къ либеральнымъ реформамъ. Подъ вліяніемъ французской революціи это общество поставило своею цѣлью отложеніе Ирландіи отъ Англіи для образованія въ союзѣ съ Франціей самостоятельной республики и дѣятельно вело свою агитацію во всей странѣ. Въ 1794—1795 гг. въ Ирландіи начались даже народные мятежи, которые жестоко подавлялись англичанами, что

---

[1]) Ср. мои книги: „Паденіе Польши въ исторической литературѣ“ и „Польскія реформы XVIII в.“, гдѣ указана литература по исторіи 1788—94 гг. въ Польшѣ, а также статью С. Л. Пташицкаго въ V т. „Историческаго Обозрѣнія“ о новѣйшихъ трудахъ по исторіи польской конституціи 3-го мая 1791 года.

[2]) Ср. Ист. зап. Евр., II, 582, а также см. ниже въ соотвѣтственномъ мѣстѣ.

только заставило „соединенныхъ ирландцевъ“ приступить къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ для подготовки общаго національнаго возстанія. Вожди заговора (лордъ Фицджеральдъ и Артуръ О'Конноръ) весною 1796 г. ѣздили въ Бретань, чтобы условиться тамъ съ французскимъ генераломъ Гошемъ относительно военной помощи со стороны Франціи. Въ Ирландіи дѣйствительно вспыхнуло возстаніе, создавшее Англіи немало затрудненій, но несмотря на помощь, оказанную директоріей, оно было подавлено (1798), и положеніе острова сдѣлалось еще худшимъ, чѣмъ было прежде.

Имѣя въ виду прецеденты осени 1792 г.. вообще существованіе въ нѣкоторыхъ странахъ сочувственныхъ революціи элементовъ и возбужденіе ею разнаго рода надеждъ въ національностяхъ, имѣвшихъ причины быть недовольными своею судьбою, мы поймемъ одну изъ основныхъ причинъ успѣховъ Франціи въ эпоху директоріи, когда силою своего оружія, опираясь на мѣстные элементы, сочувствовавшіе революціи, Франція основала новыя или преобразовала въ демократическомъ духѣ старыя республики. Стóитъ нѣсколько остановиться на каждомъ отдѣльномъ случаѣ, чтобы видѣть, какъ революціи, произведенныя Франціей въ Голландіи, въ Швейцаріи и въ разныхъ отдѣльныхъ итальянскихъ областяхъ (въ Ломбардіи, въ Венеціи, въ Генуѣ, въ Римѣ, въ Неаполѣ), объясняются изъ мѣстныхъ причинъ и посредствомъ дѣйствія мѣстныхъ силъ.

Голландія не менѣе Бельгіи была подготовлена къ революціи. Старая борьба двухъ политическихъ партій [1]) въ этой странѣ въ XVIII в. подъ вліяніемъ новыхъ идей и примѣра американской революціи приняла характеръ борьбы между консервативно-олигархическими и демократическими стремленіями, но обѣ стороны въ то же время недовѣрчиво относились къ штатгальтерской власти. Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ отношенія между враждебными политическими силами въ республикѣ значительно обострились, и въ 1786 г. дѣло дошло до рѣзкаго столкновенія между штатгальтеромъ и „патріотами“, причемъ враждебныя стороны обратились за посредничествомъ къ иностраннымъ дворамъ. Въ 1787 г. возникли даже внутреннія смуты и даже могла бы начаться война между Франціей и Пруссіей, еслибы первая не оставила на произволъ судьбы своихъ союзниковъ, что помогло второй военнымъ вмѣшательствомъ возстановить сильно поколебленную власть штатгальтера. Послѣ побѣды штатгальтера, поддержаннаго пруссаками, патріоты бѣжали за границу и между прочимъ нашли пріемъ во Франціи. Въ Голландіи между тѣмъ происходила реакція противъ республиканско-демократическаго движенія. Занявъ

[1]) Т. II, стр. 588—589.

въ 1792 г. Бельгію, Дюмурье уже тогда предложилъ Голландіи выбирать между союзомъ или войною съ Франціей, но послѣдовавшія событія отсрочили на нѣкоторое время завоеваніе французами этой страны, гдѣ у революціи также были приверженцы. Франція на время потеряла Бельгію, которую ей пришлось снова отвоевывать, но едва это съ успѣхомъ было сдѣлано въ концѣ 1794 г., какъ въ Голландіи началось движеніе патріотической партіи, поставившей теперь своею цѣлью сверженіе оранскаго владычества. Еще раньше во французскомъ войскѣ, дѣйствовавшемъ въ Бельгіи, былъ отдѣльный батавскій отрядъ. Въ Парижѣ существовалъ особый революціонный комитетъ голландскихъ патріотовъ, разсылавшій по городамъ и деревнямъ родной страны агентовъ и брошюры для республиканско-демократической пропаганды. Въ самой Голландіи возникали общества патріотовъ, бывшія не чѣмъ инымъ, какъ перенесеніемъ и въ Голландію идей якобинизма. Съ другой стороны, штатгальтерское правительство безуспѣшно старалось образовать отряды изъ волонтеровъ для защиты страны отъ грозившаго ей французскаго нашествія. Въ самомъ концѣ 1794 г. революціонная армія подъ начальствомъ Пишегрю вступила въ Голландію, заставивъ англичанъ убраться домой и предоставить соединенные штаты Нидерландовъ ихъ участи, а за англичанами послѣдовалъ и самъ штатгальтеръ, спасшійся отъ революціонеровъ и отъ французовъ въ простой рыбачьей лодкѣ. Занятіе революціонной арміей Амстердама и Гаги позволило возвратившимся съ нею патріотамъ и мѣстнымъ демократическимъ клубамъ захватить власть и приступить къ организаціи отечества по образцу республики французской и подъ именемъ республики Батавской.

Мы упоминали выше [1]) о демократическихъ движеніяхъ въ Венеціи и Генуѣ, находившихся равнымъ образомъ въ связи съ французской революціей и помогшихъ Франціи и въ этихъ двухъ старыхъ аристократическихъ республикахъ добиться значительнаго политическаго успѣха, опираясь на мѣстныя силы, сочувствовавшія французамъ. Венеція, какъ извѣстно, была настоящей олигархіей, тираннически правившею народомъ. Между тѣмъ къ концу XVIII в. и здѣсь обнаружилось среди населенія, особенно въ провинціяхъ новое движеніе, стремленіе къ реформамъ и къ измѣненію конституціи государства въ болѣе демократическомъ духѣ, и правительству приходилось подавлять народныя волненія лишь при помощи военной силы. Во время войны между Франціей и Австріей старая республика хотѣла соблюдать нейтралитетъ, но сдѣлать это ей было въ высшей степени трудно: ея нейтралитетъ нарушался обѣими сторонами. Въ городахъ Венеціанской области французы нашли многочисленныхъ союзниковъ изъ

[1]) См. выше, стр. 15.

мѣстныхъ жителей, которые были недовольны олигархіей столицы, стремились къ измѣненію конституціи по образцу французской и съ этою цѣлью основывали революціонные клубы. Съ середины марта 1797 г. въ одномъ городѣ за другимъ стали происходить народныя возстанія: старыя власти низвергались, выбирались новые демократическіе совѣты, провозглашалась независимость отъ республики св. Марка и водружались деревья свободы. Правда, за старый порядокъ заступились сельчане, бывшіе недовольны французскими реквизиціями въ мѣстахъ, занятыхъ революціонной арміей: они начали контръ-революцію, но это движеніе было подавлено французами съ большою жестокостью. Въ самой Венеціи завелся демократическій клубъ, опиравшійся на недовольные элементы столичнаго населенія, и этому клубу разными правдами и неправдами удалось добиться отъ правительства (т.-е. отъ дожа, сеньоріи и сената) добровольнаго отреченія и согласія на учрежденіе временнаго правительства и городского совѣта, члены коихъ должны были быть назначены всенароднымъ голосованіемъ (май 1797 г.). Извѣстно, однако, что новая демократическая республика не удержалась, такъ какъ ея владѣнія были подѣлены между Австріей и Цизальпинской республикой (окт. того же года [1]). Одновременно съ Венеціей и Генуя превратилась въ демократію, удержавшись, однако, какъ особая республика Лигурійская. Здѣсь тоже образовался демократическій клубъ, въ коемъ принимали участіе не только мѣстные жители, но и выходцы и бѣглецы изъ Пьемонта, Ломбардіи, Рима и Неаполя. Когда генуэзское правительство арестовало нѣсколько клубистовъ, ихъ товарищи подняли возстаніе, провозгласили народное верховенство и гражданское равенство и завладѣли городомъ, возбудивъ противъ себя, однако, сельчанъ, которые видѣли въ демократахъ главнымъ образомъ якобинскихъ враговъ церкви. Французы оказали тогда дѣятельную поддержку начавшейся генуэзской революціи, остановленной-было крестьянами и дѣло кончилось (іюнь 1797 г.) преобразованіемъ Генуи въ демократическую республику подъ новымъ именемъ—Лигурійской.

Демократическое движеніе происходило и въ Швейцаріи, превратившейся при содѣйствіи французовъ въ республику Гельветическую. Устройство швейцарскаго союза было таково, что среди его населенія было немало недовольныхъ, а единоплеменность романской части союза съ Франціей,—подобно тому, какъ это было по отношенію къ Савойѣ и Бельгіи,—особенно благопріятствовала распространенію новыхъ политическихъ и соціальныхъ идей, во имя коихъ въ великомъ сосѣднемъ государствѣ совершалась перестройка прежнихъ

[1]) См. выше, стр. 15.

устоевъ жизни. Между кантонами Швейцаріи не было полнаго равенства, и даже существовала положительная зависимость цѣлыхъ большихъ округовъ отъ правящихъ кантоновъ. Ваадтскій кантонъ подчинялся Берну, который управлялъ имъ черезъ особаго своего чиновника, а долина Тичино находилась подъ властью кантона Ури. Въ большихъ городахъ управлялъ патриціатъ, состоявшій обыкновенно изъ нѣсколькихъ аристократическихъ семействъ, бывшихъ въ родствѣ между собою и своими членами замѣщавшихъ всѣ должности. Остальное населеніе было раздѣлено старымъ корпоративнымъ строемъ на отдѣльныя группы, изъ коихъ однѣ пользовались бо́льшими правами, чѣмъ другія. Весьма естественно, что въ населеніи Швейцаріи уже до начала французской революціи зародилось демократическое броженіе, и внутреннія реформы сдѣлались предметомъ требованій со стороны людей, проникшихся новыми идеями и потому особенно сильно сознававшими ненормальность существующихъ порядковъ. Правящіе элементы общества не дѣлали никакихъ уступокъ духу времени и, желая всѣми силами и средствами, находившимися въ ихъ распоряженіи, удержать за собою власть и связанныя съ нею права, подавляли проявленія недовольства существующимъ порядкомъ вещей, стѣсняли свободу слова и печати, преслѣдовали членовъ патріотическаго „гельветическаго союза“ и т. д. Особенно сильно было вліяніе французскихъ идей въ Женевѣ, гдѣ въ XVIII в. происходила борьба между аристократіей и демократіей, и откуда уходило во Францію немалое количество побѣжденныхъ демократовъ, игравшихъ потомъ роль въ событіяхъ революціи. Въ числѣ такихъ женевцевъ былъ Клавьеръ, примкнувшій въ Парижѣ къ жирондистамъ и даже вошедшій въ составъ знаменитаго министерства 1792 г. [1]). Уже во время перваго занятія революціонными войсками Савойи, лѣваго берега Рейна и Бельгіи сдѣлана была Франціей попытка поддержать женевскихъ демократовъ, разбившаяся между прочимъ о сопротивленіе со стороны Берна, который помогъ правящей въ Женевѣ олигархіи. Не менѣе сильно, чѣмъ въ этомъ городѣ, было революціонное настроеніе и въ Ваадтландѣ, тяготившемся бернскимъ управленіемъ: здѣсь во главѣ движенія сталъ извѣстный Лагарпъ, учившій прежде французскому языку внуковъ Екатерины II, будущихъ императора Александра I и цесаревича Константина Павловича. Въ Лозаннѣ и другихъ мѣстахъ области образовались послѣ начала французской революціи клубы, вошедшіе въ сношенія съ Парижемъ и поставившіе своей задачей не только уравнять права своей родины съ правами другихъ кантоновъ, но и преобразовать на новыхъ началахъ всю Швейцарію. Движеніе охватило, кромѣ

[1]) Т. III, стр. 567.

того, Валэзскій кантонъ, Фрейбургъ и Базель: въ послѣднемъ также дѣйствовали люди, проникшіеся новыми политическими началами и мечтавшіе о превращеніи стараго союза въ „единую и нераздѣльную (по образцу французской) Гельветическую республику". Базель былъ резиденціей епископа и кантональнаго правительства, которые скоро были сильно затронуты въ своихъ правахъ и интересахъ Франціей, когда послѣдняя присоединила къ своимъ владѣніямъ нѣкоторыя епископскія и швейцарскія пограничныя земли (1797). Союзный сеймъ въ Аарау встревожился и постановилъ защищать неприкосновенность швейцарской территоріи, а Базель, Шафгаузенъ, Цюрихъ и Аппенцель поспѣшили предупредить внутреннюю революцію предоставленіемъ равноправности своимъ подданнымъ. Революція тѣмъ не менѣе началась. Ваадтландъ превратился подъ охраною французскихъ войскъ въ республику Леманскую (январь 1798 г.), послѣ чего и въ Бернѣ образовалась партія, предлагавшая измѣненія конституціи въ смыслѣ установленія равноправности. Движеніе перешло затѣмъ и въ другія части Швейцаріи. Въ цюрихскихъ владѣніяхъ сельскія общины съ оружіемъ въ рукахъ стали добиваться равноправности съ горожанами. Въ Фрейбургѣ и Солотурнѣ были произведены демократическія преобразованія. Между тѣмъ французы подъ начальствомъ генерала Брюна начали военныя дѣйствія противъ Швейцаріи, заняли Солотурнъ, Фрейбургъ и Бернъ, захвативъ при этомъ богатую государственную казну и наложивъ на мѣстную аристократію большую контрибуцію, и установили Гельветическую республику (единую и нераздѣльную) подъ управленіемъ пяти директоровъ, въ числѣ коихъ находился и Лагарпъ. Недовольные переворотомъ думали-было оказать сопротивленіе, но потерпѣли пораженіе.

Голландія, Венеція, Генуя и Швейцарія, въ коихъ при содѣйствіи французовъ произошли демократическіе перевороты, преобразовавшіе три изъ этихъ странъ по образцу самой Франціи, и раньше революціи были республиками, но это были республики средневѣковыя, основанныя на неравенствѣ сословій съ устраненіемъ отъ политическихъ правъ народной массы и съ полнымъ господствомъ однихъ гражданъ надъ другими, а двѣ изъ этихъ республикъ были вдобавокъ федеративныя. Франція вводила въ нихъ теперь народовластіе, безсословное гражданство и строгое государственное единство. Кромѣ такого преобразованія старыхъ республикъ, она основывала еще и новыя въ территоріяхъ, управлявшихся до того времени монархически, въ Ломбардіи, въ Папской области, въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Въ этихъ итальянскихъ земляхъ французы также нашли сторонниковъ и сообщниковъ.

Когда въ апрѣлѣ 1796 г. Наполеонъ Бонапартъ стѣснилъ сар-

динскаго короля и принудилъ его къ миру [1]), то одною изъ причинъ уступчивости короля была боязнь революціоннаго движенія въ Туринѣ, признаки коего уже начинали его тревожить. На революцію въ Пьемонтѣ расчитывала и французская директорія, бывшая даже недовольною тѣмъ, что главнокомандующій итальянской арміей самовольно поспѣшилъ заключить миръ съ Сардиніей, вмѣсто того, чтобы возбудить и въ Пьемонтѣ революцію и призвать его населеніе къ образованію республики. Въ Ломбардіи, принадлежавшей Австріи, французы нашли то же самое, что и во многихъ другихъ мѣстахъ: мѣстное населеніе видѣло въ нихъ освободителей, и напр., вступленіе генерала Бонапарта въ Миланъ (14 мая) привѣтствовалось восторженными криками городскихъ жителей. Правда, скоро французскія вымогательства стали раздражать народъ, который мѣстами возставалъ противъ грабежа арміи, но подобныя вспышки быстро усмирялись. Подготовляя образованіе новаго государства въ сѣверной Италіи, французы по возможности всячески оттѣсняли на задній планъ католико-феодальные элементы общества, опираясь преимущественно на либеральное городское сословіе, сочувственно относившееся къ новымъ идеямъ и порядкамъ. Французская армія имѣла большой успѣхъ и среди населенія той части Папской области, которую заняла въ началѣ лѣта 1796 г., принудивъ потомъ папу уступить эту часть Франціи съ городами Феррарой и Болоньей [2]). Въѣздъ генерала Бонапарта въ этотъ послѣдній городъ возбудилъ шумную радость въ мѣстномъ населеніи. Среди демократовъ и радикаловъ Цизальпинской республики, сдѣлавшихся вмѣстѣ съ французами господами положенія въ с. Италіи, было немало сторонниковъ и подражателей якобинизма. Революціонное движеніе, поддерживаемое французской пропагандой, распространилось на всю Италію. Въ зиму съ 1797 г. на 1798 г. въ Римѣ и другихъ городахъ Папской области начались уличныя демонстраціи съ республиканскимъ характеромъ. Полиція и войско стали разгонять участниковъ этихъ демонстрацій. Многіе изъ послѣднихъ нашли убѣжище во дворцѣ французскаго посланника Іосифа Бонапарта, и изъ-за этого произошло столкновеніе, во время коего былъ убитъ одинъ французскій генералъ. Результатомъ было занятіе Рима генераломъ Бертье, и въ папской столицѣ совершилась демократическая революція. Испытало на себѣ силу революціоннаго движенія и Сардинское королевство. Пьемонтъ оказался со всѣхъ сторонъ окруженнымъ демократическими республиками, и вотъ въ это государство, сохранявшее во всей неприкосновенности основныя черты „стараго порядка“, начали вторгаться изъ Лигурійской и Цизальпинской республикъ революціон-

[1]) Т. III, стр. 629.

[2]) Т. III, стр. 629. Толентинскій договоръ 19 февр. 1797 г.

ныя банды, тотчасъ же, правда, встрѣчавшія сильный отпоръ со стороны сельскаго населенія, руководимаго духовенствомъ, но находившія сочувствіе въ городскихъ жителяхъ и вообще въ болѣе культурныхъ слояхъ общества. Пьемонтъ сдѣлался театромъ революціонныхъ попытокъ, и власть короля (Карла Эммануила), состоявшаго въ союзѣ съ Франціей, поддерживалась только французскими гарнизонами, занявшими страну въ виду новой войны съ европейской коалиціей. Дѣло дошло до того, что королю оставалось одно—добровольно удалиться на о. Сардинію. Въ городскомъ населеніи Тосканы происходило то же самое, что и въ Пьемонтѣ: тутъ дѣло дошло до выселенія великаго герцога. Въ Неаполѣ тоже было немало недовольныхъ, но французскія идеи раздѣлялись здѣсь только интеллигенціей, народъ же, самъ подвергавшійся угнетенію всякаго рода, относился съ ненавистью къ „безбожной“ революціи, хотя и былъ склоненъ къ бунту. Въ Неаполѣ господствовало тогда одно изъ наиболѣе реакціонныхъ правительствъ и, примкнувъ въ 1798 г. къ коалиціи противъ Франціи, оно съ особою силою стало преслѣдовать всѣхъ, кто только заподозрѣвался въ сочувствіи къ революціи. Но дни этого правительства были сочтены. Вслѣдъ за низверженіемъ королевской власти въ Пьемонтѣ совершилось то же самое и въ Неаполѣ. Неаполитанское войско отправилось въ Папскую область для возстановленія св. престола въ его правахъ, но потерпѣло пораженіе отъ французовъ и должно было съ позоромъ вернуться назадъ, преслѣдуемое революціонной арміей. Передъ вступленіемъ французовъ на неаполитанскую территорію королю не оставалось ничего болѣе, какъ бѣжать на о. Сицилію, поручивъ власть своему намѣстнику. Но выборные представители столичной городской общины организовали муниципальную гвардію въ виду анархіи, грозившей со стороны лаццарони, и думали уже захватить власть въ свои руки, когда намѣстникъ поспѣшилъ купить у французовъ перемиріе, отдавъ непріятелю Капую вмѣстѣ съ укрѣпленіями самого Неаполя и согласившись уплатить большую сумму денегъ. Извѣстіе объ этомъ вызвало бунтъ столичной черни, заставившій намѣстника спасаться бѣгствомъ. Городской совѣтъ обратился тогда къ французамъ съ просьбою занять столицу государства и организовать новое правленіе, что и было исполнено, несмотря на сопротивленіе, оказанное революціонной арміи низшими классами неаполитанскаго населенія (которое, впрочемъ, весьма скоро измѣнило свое отношеніе къ новому порядку). Основаніе Партенопейской республики (янв. 1799 г.) было встрѣчено большою радостью со стороны зажиточныхъ и образованныхъ классовъ общества, тяготившихся правительственнымъ деспотизмомъ и клерикальною опекою. Послѣ занятія Неаполя вся Италія была въ рукахъ французовъ и мѣстныхъ демократовъ.

Уже изъ этихъ общеизвѣстныхъ фактовъ можно видѣть, что частью своихъ успѣховъ въ 1792—1799 гг. французы были обязаны сочувствію, какое къ своей революціи встрѣчали въ цѣлыхъ населеніяхъ или въ извѣстныхъ общественныхъ классахъ за границею, тѣмъ болѣе, что многія правительства и начальники высланныхъ противъ Франціи войскъ оказывались вдобавокъ неспособными, трусливыми, неподготовленными къ борьбѣ. Вообще „старый порядокъ“ вполнѣ обнаружилъ свою несостоятельность въ борьбѣ съ новымъ движеніемъ, и это можно сказать не только объ отдѣльныхъ государствахъ, изъ коихъ каждое, взятое въ отдѣльности, немогло, пожалуй, помѣряться силами съ Франціей, но и о международныхъ союзахъ для общаго дѣйствія, оказавшихся неспособными остановить успѣхи революціи. Главною причиною пораженія монархическихъ коалицій противъ республиканской Франціи были взаимное недовѣріе, раздоры и своекорыстныя стремленія среди членовъ этихъ коалицій. Первою покинула коалицію Пруссія [1]), сильно утомленная войною на Рейнѣ и на Вислѣ и чувствовавшая себя изолированной, благодаря заключенію болѣе тѣснаго союза между Австріей и Россіей, которыя обязались помогать одна другой въ расширеніи своихъ границъ и условились между собою поудержать Пруссію въ ея стремленіи къ увеличенію и своей территоріи. Въ Пруссіи боялись даже, какъ бы ее передъ Франціей не предупредила Австрія, которая, заключивъ съ республикою сепаратный миръ, могла бы получить отсюда извѣстнаго рода выгоды. Англія, склонявшаяся тогда къ миру, подбивала Пруссію торопиться. 5 апрѣля 1705 г. между Франціей и ею въ Базелѣ былъ подписанъ мирный договоръ, въ силу коего Пруссіи обѣщалось территоріальное вознагражденіе на правомъ берегу Рейна и французское правительство обязывалось жить въ мирѣ съ имперскими князьями, находившимися въ союзѣ съ Пруссіей, за республикою же утверждался лѣвый берегъ Рейна. Нѣмецкіе князья тоже тяготились войною, искали каждый своихъ выгодъ и готовы были отстать отъ коалиціи: сѣверная Германія вступала теперь въ союзъ съ Пруссіей и прекращала борьбу противъ революціи, тогда какъ южная, продолжавшая находиться въ соединеніи съ Австріей, формально исключалась изъ мирнаго договора. Результатомъ этого было отторженіе отъ имперіи лѣваго берега Рейна, признаннаго за „естественную границу Франціи“, и распаденіе самой имперіи на двѣ части, изъ коихъ одна становилась въ положеніе союзницы побѣдоносной республики, благодаря чему сѣверные князья совсѣмъ уходили изъ-подъ власти воевавшаго съ Франціей императора. Англійскій король Георгъ III, находившійся

[1]) Раньше это сдѣлала Тоскана, но ея примиреніе съ Франціей большого значенія не имѣло.

тоже въ войнѣ съ французской республикой, поспѣшилъ въ качествѣ курфюрста ганноверскаго примкнуть къ миру Пруссіи съ Франціей, опасаясь, какъ бы въ противномъ случаѣ его нѣмецкое княжество не было захвачено пруссаками. Примѣру, поданному Пруссіей, послѣдовали въ Испаніи и въ Сардиніи. Первая изъ этихъ странъ въ іюлѣ 1795 г. въ Базелѣ заключила миръ съ Франціей на довольно выгодныхъ для себя условіяхъ. На войнѣ французы имѣли перевѣсъ, и возвращеніе монархіи всѣхъ сдѣланныхъ ими завоеваній за уступку республикѣ испанской части С.-Доминго было для мадридскаго правительства наилучшимъ исходомъ изъ довольно затруднительнаго положенія. Въ Сардиніи было тоже сильное стремленіе окончить войну, тѣмъ болѣе, что тутъ питали надежду за уступку Савойи и Ниццы получить компенсацію въ Миланской области. Не прочь была и Австрія идти на миръ, если бы ей дали выполнить давнишній ея планъ обмѣна Бельгіи на Баварію [1]), но продолжать войну Австрію подбивали Англія и Россія, изъ коихъ первая охотно давала только деньги, а вторая ограничивалась лишь военными приготовленіями на случай столкновенія съ Пруссіей изъ-за Польши. Однимъ словомъ, крестовый походъ противъ революціи разстроивался, и въ 1795 г. совершенно ясно можно было видѣть, что монархическій принципъ, во имя коего предпринята была война, былъ довольно-таки плохою связью для разнородныхъ политическихъ интересовъ старой Европы. Соперничество Австріи и Пруссіи въ Германіи сдѣлалось даже однимъ изъ условій, особенно благопріятствовавшихъ французской политикѣ въ Священной Римской имперіи, а отпаденіе Сардиніи отъ коалиціи въ виду надежды получить вознагражденіе за Савойю и Ниццу изъ итальянскихъ владѣній Австріи, обусловливало возможность успѣшныхъ военныхъ дѣйствій французовъ въ Италіи, создавъ изъ Пьемонта передовой операціонный базисъ противъ Ломбардіи. Сардиніи, впрочемъ, болѣе ничего, пожалуй, и не оставалось дѣлать, ибо она и Австрія были союзниками съ двумя расходившимися линіями отступленія—на Вѣну и на Туринъ. Германія и Италія были открыты для французовъ, вся тяжесть борьбы съ коими выпала на долю Австріи. Въ то время какъ генералъ Бонапартъ одерживалъ надъ австрійцами побѣды въ Италіи, въ Германіи Моро удалось отвлечь отъ коалиціи еще Вюртембергъ и Баденъ, которые за уступку своихъ зарейнскихъ земель выговорили себѣ вознагражденіе изъ церковныхъ владѣній, а затѣмъ и Саксонія присоединилась къ сѣверо-германскому нейтральному союзу. Баварія также вступала въ соглашеніе съ Моро, но ему все-таки не удалось удержать за собою перевѣса надъ австрійцами. Хотя въ нѣмецкомъ народѣ и вспыхнула ненависть къ французамъ,

[1]) Т. III, стр. 359.

грабившимъ Германію, князья вообще предпочитали идти на уступки, расчитывая на территоріальныя пріобрѣтенія изъ секуляризаціи церковныхъ владѣній при помощи французовъ, и такимъ образомъ подготовляя крушеніе средневѣковой Священной Римской имперіи. Побѣда генерала Бонапарта надъ Австріей, на которую пала вся тяжесть войны, заставила подконецъ и это государство искать мира, тѣмъ болѣе, что Англія помогала плохо, на содѣйствіе Россіи надежды не было, а тутъ еще и Пруссія все болѣе и болѣе возвышалась и въ Германіи, и въ глазахъ Англіи и Россіи. 18 апрѣля 1797 г. между Австріей и Франціей былъ заключенъ леобенскій прелиминарный договоръ, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ (18 декабря) и миръ въ Кампо-Форміо. Австрія отказывалась отъ Бельгіи и Ломбардіи, но за то получала часть Венеціанской области, а кромѣ того, императоръ обязывался уступить Франціи весь берегъ Рейна, за что ему обѣщали дать вознагражденіе посредствомъ присоединенія къ его владѣніямъ Зальцбургскаго архіепископства и баварскихъ земель на востокъ отъ Инна. Такимъ образомъ и Австрія наконецъ вступала въ мирное соглашеніе съ революціей, соглашалась на дѣлежъ Италіи и готовилась съ своей стороны приложить руку къ разрушенію Священной Римской имперіи. Правда, статьи договора, касавшіяся послѣдняго пункта были тайныя, и вопросъ о заключеніи имперскаго мира долженъ былъ еще рѣшаться на конгрессѣ, предположенномъ въ Раштатѣ, но уже въ Кампо-Форміо было условлено, что имперскіе чины, теряющіе что-либо на лѣвомъ берегу Рейна, будутъ по соглашенію съ Франціей вознаграждены въ Германіи. Послѣ всѣхъ этихъ успѣховъ французскаго оружія и французской дипломатіи Германія превращалась въ территорію, предназначенную служить для вознагражденія всѣхъ, кто потерпѣлъ въ борьбѣ съ республикой, притомъ еще лишь если послѣдняя находила нужнымъ вознаграждать. Въ числѣ претендентовъ на пріобрѣтенія въ Германіи по ходатайству Австріи явились герцогъ Моденскій и принцъ Оранскій. Послѣ Кампо-Формійскаго мира Австрія даже поспѣшила сдать французамъ такіе пункты, какъ Майнцъ, Маннгеймъ и т. д., отозвавъ вмѣстѣ съ своими войсками и мелкіе отряды нѣмецкихъ князей, бывшихъ съ нею въ союзѣ, а сама немедленно заняла вновь пріобрѣтенныя части бывшей венеціанской территоріи (Венецію съ областью до Эча на западѣ, Истрію, Далмацію, о—ва на Адріатическомъ морѣ и проч.). Въ то же время нѣмецкіе князья наперерывъ спѣшили заключать тайные сепаратные договоры съ Франціей, готовясь также приступить къ дѣлежу Германіи. Въ XVIII в. общее неуваженіе къ чужому праву создало политику раздѣловъ болѣе слабыхъ государствъ между болѣе сильными [1]): французская революція всту-

[1]) Т. III, стр. 133.

пала на тотъ же путь, и монархическая Европа, вооружившаяся противъ революціи, теперь охотно пошла ей навстрѣчу. Имперія Наполеона продолжала въ самыхъ широкихъ размѣрахъ ту же политику: въ этомъ-то и была одна изъ причинъ ея военныхъ и дипломатическихъ успѣховъ.

Раштатскій конгрессъ открылся въ концѣ 1797 г. На немъ обнаружилось съ очевидною для всѣхъ ясностью внутреннее разложеніе старой Священной Римской имперіи съ ея отжившими свой вѣкъ политическими формами [1]). Нѣмецкіе государи и ихъ дипломаты интриговали другъ противъ друга, обманывали одни другихъ, жертвовали общими интересами Германіи, заискивали милости у Франціи, пускали въ ходъ лесть и подкупъ не только по отношенію къ представителямъ республики, но даже и по отношенію къ ихъ лакеямъ и кучерамъ; рѣшительно всѣ нѣмецкія правительства вели себя одинаково низко и подло. Поплатиться на конгрессѣ пришлось главнымъ образомъ духовнымъ князьямъ, владѣнія коихъ уже имѣлись въ виду, какъ фондъ для будущихъ вознагражденій, когда отдѣльныя княжества заключали тайные договоры съ Франціей. Нигдѣ на западѣ Европы въ это время, кромѣ Германіи, не существовало церковнаго землевладѣнія съ суверенными правами, и та секуляризація духовныхъ владѣній, которая начата была, но не была доведена до конца реформаціей XVI в. [2]), завершалась теперь при помощи революціонной Франціи. Такимъ образомъ французская революція дѣлалась исходнымъ пунктомъ разрушенія средневѣковой имперіи. Дальнѣйшія событія лишь на время отсрочили окончательное распаденіе этой политической организаціи. Извѣстно именно, что Австрія, начавшая новую войну съ Франціей (мартъ 1799 г.), объявила конгрессъ закрытымъ и отказалась признать его рѣшенія, послѣ чего Раштатъ былъ занятъ отрядомъ австрійскаго войска, а французскіе уполномоченные, выѣхавшіе изъ города, умерщвлены были на дорогѣ венгерскими гусарами. Началась вторая коалиціонная война, сопровождавшаяся монархическими реставраціями въ Италіи, но и на этотъ разъ единодушія между союзниками не было, что позволило Франціи снова (но уже при новомъ режимѣ) выйти побѣдительницею изъ борьбы.

Говоря о внѣшнихъ успѣхахъ революціонной Франціи, поддерживавшейся сочувствіемъ если и не всегда цѣлыхъ народовъ, то вліятельныхъ общественныхъ классовъ въ отдѣльныхъ странахъ западной Европы при большей или меньшей дезорганизаціи монархическихъ правительствъ и ихъ союзовъ, нельзя не отмѣтить еще то,

---

[1]) Т. III, стр. 49 и слѣд.

[2]) Т. II, стр. 148.

что освобожденіе французами земель отъ гнета, лежавшаго на ихъ населеніи, благодаря господству въ нихъ старыхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ, сопровождалось наложеніемъ на нихъ новаго ига, такъ какъ союзныя съ Франціей республики должны были подчиняться внѣшней политикѣ своихъ освободителей, поставлять имъ военные контингенты, выплачивать значительныя суммы денегъ и вообще выполнять такія условія, въ коихъ на первомъ планѣ были выгоды Франціи. Нельзя, между прочимъ, не отмѣтить и того общаго факта, что нерѣдко французы встрѣчали неособенно дружелюбный пріемъ со стороны сельскаго населенія, руководимаго духовенствомъ, которое представляло „освободителей“ самыми худшими врагами церкви: французскія вымогательства какъ нельзя болѣе содѣйствовали успѣху такой проповѣди духовенства [1]). Чѣмъ ближе мы подходимъ къ послѣднимъ годамъ XVIII в., тѣмъ болѣе революціонная Франція забываетъ свои прежнія заявленія о свободѣ націй и о невмѣшательствѣ въ ихъ внутреннія дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ скрывать свои чисто завоевательныя стремленія, тѣмъ менѣе, съ другой стороны, оправдываются и надежды народовъ, видѣвшихъ сначала во Франціи лишь великодушную освободительницу. „Единая и нераздѣльная республика“ въ своей внѣшней политикѣ слѣдовала вполнѣ традиціямъ стараго порядка, проникаясь завоевательными стремленіями абсолютныхъ монархій XVIII в., а послѣднія, выступивши-было на защиту своего политическаго принципа, кончили сообщничествомъ съ революціонной Франціей, открывшей передъ ними широкіе горизонты новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Съ другой стороны, свою внѣшнюю силу Франція впослѣдствіи все менѣе и менѣе основываетъ на призывѣ народовъ къ свободѣ, предпочитая имѣть дѣло съ запуганными государями и привлекая ихъ къ себѣ перспективою дѣлежа добычи. Въ Италіи сохраняется Сардинское королевство и, наоборотъ, разрушается демократическая республика, при помощи французовъ возникшая въ Венеціи. Въ Германіи, гдѣ уже зарождалось народное недовольство противъ французовъ, республика равнымъ образомъ предпочитаетъ посредствомъ переговоровъ и посуловъ привлечь на свою сторону однихъ князей. И въ революціонной Франціи, и въ монархической Европѣ принципы такимъ образомъ отступаютъ на задній планъ передъ интересами, но и въ борьбѣ послѣднихъ побѣда принадлежала все-таки новымъ интересамъ, возникшимъ изъ революціи. Старая Европа

---

[1]) Укажемъ здѣсь и на то, что то же самое явленіе (нерасположеніе сельскаго населенія къ новымъ идеямъ) наблюдается и позднѣе, въ эпоху революціонныхъ движеній въ южно-романскихъ странахъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ, о чемъ см. ниже.

была побѣждена революціей, но и революція отказалась отъ ею же самою провозглашенныхъ принциповъ международнаго права, чтобы дѣйствовать въ духѣ политическихъ традицій старой Европы.

III. Исходъ революціи по отношенію ко внутренней жизни Франціи [1]).

Общій взглядъ на внутреннія перемѣны, произведенныя во Франціи революціей.— Измѣненіе общественнаго строя въ эпоху революціи.—Судьба республиканской формы правленія во Франціи.—Отсутствіе свободы въ республиканскомъ строѣ Франціи въ концѣ прошлаго вѣка.—Внутренняя дезорганизація страны.—Общественное настроеніе и начало реакціи.—Подготовка военнаго режима.—Внутреннее состояніе Франціи въ 1799 г.

Въ то самое время, какъ новая, республиканская и демократическая Франція одерживала побѣды надъ старой, монархической и аристократической Европой, присоединяя къ себѣ сосѣднія области и окружая себя цѣлымъ рядомъ республикъ, внутреннее состояніе самой Франціи далеко не соотвѣтствовало такимъ ея успѣхамъ въ политикѣ внѣшней [2]). Революція была низверженіемъ стараго соціальнаго и политическаго строя, на мѣстѣ котораго должны были возникнуть новое общество и новое государство, основанныя на началахъ равенства и свободы. Въ 1789 г. во Франціи были отмѣнены всѣ сословныя различія, права и привилегіи, и нація, дотолѣ рѣзко раздѣленная на сословія, превратилась въ безсословное гражданство, коему суждено было сдѣлаться однимъ изъ наиболѣе прочныхъ пріобрѣтеній революціи. Но въ этомъ безсословномъ гражданствѣ продолжали существовать экономическіе классы съ разными соціальными стремленіями, и та опасность, которая грозила буржуазіи, наиболѣе выигравшей отъ революціи, со стороны пролетаріата, получившаго отъ революціи наименьшее количество выгодъ, заставила первый изъ этихъ классовъ выступить на путь реакціи, мало-по-малу, вмѣстѣ съ другими причинами, приведшей къ установленію во Франціи военнаго деспотизма. Буржуазія, не желая ни возвращенія „стараго порядка“, ни новыхъ общественныхъ переворотовъ, безпрекословно подчинилась тому режиму, который былъ логическимъ слѣдствіемъ 18 брюмера. Въ политической сферѣ попытка дать странѣ свободу, сдѣланная людьми 1789 г., по-

---

[1]) См. указанія на литературу по исторіи франц. революціи въ III т. „Ист. зап. Евр.“, стр. 8—9, 477, 482, 487, 500, 516, 554, 562—563, 576, 582, 594, 604, 611, 625, 636, 643.

[2]) Ср. Ист. зап. Евр. въ новое время, III, 626 и слѣд. (гл. XLII Внѣшнія побѣды и внутреннее безсиліе Франціи въ эпоху директоріи).

терпѣла неудачу. Конституціонная монархія просуществовала недолго, уступивъ мѣсто республикѣ, но эта республика какъ-разъ принадлежала къ числу тѣхъ, которыя Монтескье въ своемъ „Духѣ законовъ“ называлъ несвободными [1]). Превращеніе въ республику націи, въ коей были сильны традиціи, симпатіи и привычки монархизма, созданіе свободнаго государства въ націи, воспитанной „старымъ порядкомъ“ въ непониманіи того, что такое свобода, въ неуваженіи именно къ чужой свободѣ и въ неумѣніи дорожить и пользоваться собственною свободою, и притомъ образованіе свободной республики въ то время, когда борьба съ внутренними и внѣшними врагами революціи дѣлала необходимою диктатуру, было само по себѣ задачею въ высшей степени трудною, задачею съ сомнительнымъ исходомъ прежде всего для дѣла политической свободы. Революція не съумѣла и не смогла организовать Францію на началахъ свободы, виною чего были, однако, не только старыя привычки, не такъ-то легко поддающіяся дѣйствію новыхъ идей, и нетолько обстоятельства самой эпохи, когда новому порядку приходилось защищать себя противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ исключительными мѣрами, но и крупныя ошибки, сдѣланныя самими революціонными преобразователями Франціи. „Старый порядокъ“ былъ разрушенъ, но новый не былъ организованъ. Переходная эпоха съ ея неопредѣленностью, съ ея необезпеченностью и непрочностью, съ ея дезорганизаціей, переходившею даже въ анархію, затянулась на слишкомъ продолжительное время, и въ 1799 г., черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ Франція, повидимому, могла себя считать вполнѣ возродившеюся къ новой жизни, нація все еще стояла на распутьѣ, боясь возвращенія какъ „стараго порядка“, такъ и революціоннаго террора и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣрившись въ тѣ идеи, которыя заставляли биться сердца въ 1789 г., желая только покоя послѣ столькихъ бурь и соглашаясь пользоваться этимъ покоемъ, хотя бы цѣною отказа отъ свободы. Наступили, дѣйствительно, годы когда Франція получила то, къ чему стремилась въ концѣ революціоннаго десятилѣтія, когда въ странѣ установленъ былъ внутренній порядокъ, когда государству дана была прочная организація, когда, наконецъ, былъ обезпеченъ новый общественной строй націи, но вмѣстѣ съ тѣмъ ей пришлось отказаться отъ свободы, которою, впрочемъ, она настоящимъ образомъ и не пользовалась ни въ эпоху сильной якобинской диктатуры, ни во времена слабаго правленія директоріи. Въ венной диктатурѣ Наполеона Бонапарта въ новой формѣ возродилась во Франціи абсолютная монархія Людовика XIV. Странѣ предстояло пережить еще пятнадцать лѣтъ этого режима, прежде нежели

[1]) Т. III, стр. 182 и 188.

сдѣлалось возможнымъ возвратиться къ организаціи свободнаго государства, предпринятой въ 1789 году, но потерпѣвшей на первыхъ порахъ неудачу.

Таковъ былъ исходъ революціоннаго движенія черезъ десять лѣтъ послѣ начала этого движенія. Наиболѣе рѣшительнымъ образомъ изъ ея результатовъ заявило себя новое безсословное гражданство, которое смѣнило собою старый сословный строй общества. Равенство передъ закономъ, входившее въ число „принциповъ 1789 г.“, было достигнуто, но далеко нельзя сказать то же самое о другомъ принципѣ—свободѣ, къ которой въ 1799 г. французы были даже гораздо болѣе равнодушными, чѣмъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ. Много сильнѣе, чѣмъ отсутствіе свободы, давала себя чувствовать теперь полная внутренняя дезорганизація, дѣлавшая въ высшей степени непрочными тѣ соціальныя пріобрѣтенія, которыми особенно дорожила Франція. Страна готова была повиноваться всякому правительству, которое обезпечило бы за нею результаты общественныхъ перемѣнъ, совершенныхъ революціей, и установило бы внутренній порядокъ, давъ твердую организацію администраціи, суду и финансамъ, хотя бы при этомъ и умалялась политическая свобода націи.

Реформы учредительнаго собранія въ 1789—1791 годахъ совершенно измѣнили общественный строй Франціи [1]). Дальнѣйшее развитіе революціи не прибавило ни одной новой черты къ тому соціальному устройству, которое было результатомъ отмѣны сословій съ ихъ привилегіями и титулами, феодальныхъ правъ съ крѣпостничествомъ и другихъ проявленій неравенства передъ закономъ, т. е. было результатомъ провозглашенія гражданскаго равенства всѣхъ французовъ, и мы совершенно напрасно стали бы утверждать съ нѣкоторыми писателями, будто конвентъ ставилъ своею задачею установленіе какого-либо иного общественнаго строя, нежели тотъ, который былъ созданъ въ первые два года революціи [2]). Громадное большинство французовъ выигрывало отъ этой замѣны соціальныхъ привилегій гражданскимъ равенствомъ, и только бывшіе привилегированные оставались недовольными, являясь, однако, совершенно безсильными противъ этого большинства. Такихъ недовольныхъ было, во-первыхъ, незначительное меньшинство; во-вторыхъ, весьма значительное ихъ число находилось внѣ Франціи, а въ-третьихъ, остававшіеся на родинѣ были достаточно запуганы, чтобы до поры, до времени напоминать о своемъ существованіи. Вернуть старый порядокъ въ соціальныхъ отношеніяхъ было поэтому не такъ легко, и единственной угрозой новому строю было существованіе эмигрантовъ,

[1]) Т. III, стр. 534 и слѣд. (гл. XXXVII. Преобразованіе общественнаго строя во Франціи во время революціи.

[2]) Т. III, стр. 626—627.

хлопотавшихъ при заграничныхъ дворахъ о насильственномъ возстановленіи во Франціи старины при помощи иностранныхъ войскъ. Франціи преждевсего нужно было такое правительство, которое сдѣлало бы невозможнымъ возвращеніе стараго порядка: въ этомъ были одинаково заинтересованы и буржуазія, и крестьянская масса, и другіе общественные элементы. Но буржуазія, наиболѣе выигравшая отъ революціи [1]), должна была стремиться къ тому, чтобы свое новое положеніе въ обществѣ, весьма для нея выгодное, обезпечить и съ другой стороны, устранить, предотвратить и другую опасность. Хотя якобинизмъ, бывшій чисто политическимъ радикализмомъ, и не ставилъ себѣ задачи соціальнаго переворота, который грозилъ бы буржуазіи экспропріаціей [2]), тѣмъ не менѣе онъ опирался на городской пролетаріатъ, враждебный буржуазіи, создавалъ изъ него политическую силу въ ущербъ той роли, какую начинало играть среднее сословіе, и прибѣгалъ къ нѣкоторымъ мѣрамъ, противнымъ интересамъ собственности. Въ эпоху якобинскаго террора буржуазія вынуждена была стушеваться, подобно прежнимъ привилегированнымъ сословіямъ, и когда послѣ 9 термидора наступила болѣе спокойная пора, ничего такъ не боялись имущіе классы общества, какъ возвращенія якобинизма и захвата власти пролетаріатомъ. Якобинская диктатура въ конвентѣ, повторяемъ, не измѣнила ни одной черты въ соціальномъ строѣ, какимъ его создали реформы учредительнаго собранія, но исканіе якобинцами популярности и опоры въ пролетаріатѣ, ихъ насильственныя мѣры, отъ коихъ страдали интересы собственности, заставляли буржуазію стремиться къ тому, чтобы власть на будущее время не попадала болѣе въ руки людей, столь мало обращавшихъ вниманія на стремленія и интересы этого класса. Послѣ паденія привилегированныхъ сословій буржуазія сдѣлалась самымъ богатымъ, самымъ вліятельнымъ, самымъ образованнымъ общественнымъ классомъ, чего не хотѣлъ признавать якобинскій режимъ, и буржуазія шла поперемѣнно за термидоріанцами, низвергшими якобинскую диктатуру [3]), за роялистами, поднявшими голову послѣ пораженія крайнихъ революціонныхъ партій [4]), за счастливымъ полководцемъ, твердая власть коего оберегала новое соціальное положеніе буржуазіи и отъ возвращенія „стараго порядка“, и отъ возрожденія якобинизма. Форма правленія отступала при этомъ на задній планъ. Равнымъ образомъ и крестьянская масса, освободившаяся отъ феодальныхъ правъ, отъ церковной десятины и отъ несправедливой раскладки государственныхъ налоговъ, заботилась лишь объ упроченіи за собою

[1]) Т. III, стр. 544 и др.
[2]) Т. III, стр. 627 и слѣд.
[3]) Т. III, стр. 636.
[4]) Т. III, стр. 620 и 641.

этихъ благъ революціи, еще менѣе, чѣмъ буржуазія, останавливаясь на вопросѣ о формѣ правленія [1]). Эпоха активной роли городского пролетаріата была весьма непродолжительна, и его собственные интересы страдали отъ застоя дѣлъ, безработицы, дороговизны. Политическая жизнь еще не выставила тогда программы соціальныхъ реформъ, а время якобинской диктатуры, опиравшейся на низшіе классы городского населенія, ни въ чемъ не измѣнило ихъ положенія: за паденіемъ якобинизма и здѣсь весьма скоро наступило разочарованіе, такъ что республика, отъ коей ожидалось наступленіе лучшихъ дней для труждающихся и обремененныхъ, скоро утратила прежнее свое обаяніе, когда обнаружилось именно, что она была безсильна что-либо сдѣлать противъ нищеты и другихъ бѣдствій народа [2]).

Въ концѣ девятидесятыхъ годовъ большинство французовъ, дорожившихъ соціальными пріобрѣтеніями революціи, было вообще совершенно равнодушно къ республикѣ, какъ государственной формѣ. Республика во Франціи была основана при исключительныхъ обстоятельствахъ, энергичнымъ меньшинствомъ, захватившимъ власть въ свои руки, и нація подчинилась новой формѣ правленія, какъ политической необходимости [3]). Въ странѣ не было ни одного общественнаго класса, который имѣлъ бы особый и притомъ достаточно прочный интересъ дорожить этой формой, и, наоборотъ, помимо общей монархической традиціи, коей столь долгое время жила французская нація,—что и проявилось въ повсемѣстномъ, частомъ и сильномъ пробужденіи роялистическихъ чувствъ [4]),—были еще особыя причины, которыя дѣлали республику ненавистною, опасною или, по крайней мѣрѣ, не особенно дорогою для отдѣльныхъ классовъ общества [5]), будемъ ли мы имѣть въ виду духовныхъ и дворянъ, стремившихся къ возстановленію монархіи, буржуазію, не довѣрявшую демократіи послѣ печальнаго опыта съ якобинизмомъ, или пролетаріатъ, утратившій вѣру въ магическія свойства республиканскаго режима. Первая республика во Франціи была республикой безъ республиканцевъ, и въ этомъ заключалась коренная причина ея паденія. Въ наказахъ 1789 г. нація свободно выразила свой взглядъ на политическій вопросъ, объявивъ себя за монархію лишь съ отнятіемъ у короля абсолютной власти [6]). Учредительное собраніе, представлявшее собою всѣ лучшія общественныя силы Франціи, было настроено монархически [7]). Республиканская тен-

[1]) Т. III, стр. 469, 491, 578 и 648.
[2]) Т. III, стр. 648.
[3]) Т. III, стр. 575 и слѣд.
[4]) Т. III, стр. 609, 620, 641 и др.
[5]) Т. III, стр. 578.
[6]) Т. III, стр. 469.
[7]) Т. III, стр. 499—500, 504, 512 и др.

денція обнаружилась только позднѣе, да и то лишь послѣ цѣлаго ряда политическихъ ошибокъ, коими сама себя губила монархія [1]). Роялисты потому лишь не могли имѣть всего успѣха, какой долженъ былъ бы выпасть на ихъ долю при монархическомъ настроеніи большинства населенія, что у нихъ монархическая идея соединялась съ защитою стараго соціальнаго строя. Если бы явилась возможность такой монархіи, которая признала бы результаты революціи въ соціальныхъ отношеніяхъ, Франція, свободно спрошенная, не задумываясь надъ своимъ отвѣтомъ, съ радостью привѣтствовала бы такую монархію, и это огорчило бы лишь немногихъ убѣжденныхъ республиканцевъ, которые при данныхъ обстоятельствахъ очутились во главѣ движенія, благодаря только тому, что старая монархія черезъ-чуръ ясно для всѣхъ отождествляла свои интересы съ интересами привилегированныхъ сословій. Тѣмъ болѣе охотно Франція приняла бы демократическую монархію, если бы послѣдняя приносила съ собою еще и свободу, что вскорѣ она безропотно подчинилась военному деспотизму, который, возстановляя монархическія формы и налагая тяжелую руку на политическую свободу, упрочилъ свое положеніе принятіемъ подъ свою охрану новаго соціальнаго строя. Исторія революціи ясно показываетъ, что французская нація въ исходѣ XVIII в. болѣе дорожила равенствомъ, чѣмъ свободой, и что ради достиженія и сохраненія перваго она готова была пожертвовать второю.

При такомъ отношеніи къ свободѣ французы конца XVIII в. не могли особенно дорожить республикой, въ представленіи многихъ особенно соотвѣтствовавшей идеѣ свободнаго государства, тѣмъ болѣе, что та республика, которая установилась въ странѣ, на самомъ дѣлѣ не очень-то избаловала французовъ свободой. Военный деспотизмъ Наполеона во многихъ отношеніяхъ былъ лишь возобновленіемъ республиканской диктатуры якобинцевъ, какъ эта послѣдняя въ свою очередь возобновленіемъ абсолютизма старой монархіи [2]). Дѣйствительно, республика не принесла съ собою настоящей свободы, а то, что задумано было въ духѣ свободы, по многимъ причинамъ на практикѣ оказалось источникомъ полнѣйшей внутренней дезорганизаціи, которую тоже многіе начали включать въ счетъ грѣховъ республики. Въ томъ-то и было все дѣло, что французы не дорожили свободой, не понимали ея и не умѣли ею пользоваться, и что въ силу всего этого ихъ попытка организовать государство на началахъ свободы окончилась въ исходѣ XVIII в. полною неудачею, ибо въ результатѣ дала лишь полную безурядицу въ администраціи, судѣ и фи-

---

[1]) Т. III, стр. 512.
[2]) Т. III, стр. 617.

нансахъ. Организаторомъ новой Франціи явился Наполеонъ, но онъ положилъ въ основу даннаго имъ странѣ устройства болѣе привычный для тогдашнихъ французовъ принципъ власти, упрочившій внутреннее состояніе страны, но наносившій жестокій ударъ дѣлу политической свободы. Франція девятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка оказалась такимъ образомъ и мало дорожившей свободою, и неспособной организоваться на свободныхъ началахъ: она и утратила до послѣдняго призрака все, что могла считать своею свободою, и получила устройство, въ которомъ все было утверждено въ принципѣ власти.

Общественное настроеніе 1789 г. характеризуется во Франціи искреннимъ порывомъ къ свободѣ, что выразилось между прочимъ въ наказахъ депутатамъ, выражавшихъ желанія и надежды націи [1]). Учредительное собраніе равнымъ образомъ было одушевлено стремленіемъ дать странѣ самую широкую свободу, что весьма наглядно отразилось на законодательствѣ этого собранія [2]), включая сюда и самоё декларацію правъ человѣка и гражданина. Однако, въ разнаго рода заявленіяхъ и мѣропріятіяхъ того времени далеко не всегда обнаруживалось пониманіе, въ чемъ должна заключаться настоящая свобода и каковы условія, необходимыя для ея осуществленія. Уже въ декларації правъ статья, обезпечившая свободу въ области религіозной, содержала въ себѣ извѣстное ограниченіе, изъ коего можно было вывести нѣчто совсѣмъ несогласное съ торжественнымъ заявленіемъ статьи [3]). Провозглашая личную неприкосновенность, учредительное собраніе не сдѣлало ничего для того, чтобы оградить ее отъ произвола администраціи, поставивъ ее подъ охрану судебной власти, къ которой можно было бы обращаться въ случаѣ злоупотребленія другихъ властей [4]). Подъ давленіемъ обстоятельствъ само учредительное собраніе отказывалось въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ проведенія принципа личной свободы, особенно когда возникло опасеніе, что ею станутъ пользоваться во вредъ новому порядку вещей или общественному спокойствію [5]), и чѣмъ далѣе развивалась революція, тѣмъ все болѣе и болѣе соображенія подобнаго рода заставляли отодвигать на задній планъ требованія свободы. Наконецъ, своимъ неудачнымъ „гражданскимъ устройствомъ духовенства“ учредительное собраніе подготовило тѣ религіозныя преслѣдованія, которыя такъ много повредили дѣлу революціи [6]). Если въ поведеніи самихъ политическихъ

[1]) Т. III, стр. 467 и слѣд.

[2]) Т. III, стр. 516 и слѣд. (гл. XXXVI. Принципы индивидуальной свободы и народовластія въ законодательствѣ конституанты).

[3]) Т. III, стр. 524.

[4]) Т. III, стр. 523.

[5]) Т. III, стр. 524—525.

[6]) Т. III, стр. 550 и слѣд.

вождей, несмотря на ихъ искреннее увлеченіе „принципами 1789 г.“, было много недостаточнаго и ошибочнаго, и если обстоятельства эпохи заставляли ихъ опасаться, какъ бы свободою не воспользовались враги новаго порядка вещей, то въ самомъ обществѣ и особенно позднѣе, когда революціи на самомъ дѣлѣ стали грозить внутреннія и внѣшнія опасности, еще менѣе было пониманія свободы и ея требованій. Громадное большинство желало свободы только для себя, отказывая въ ней другимъ или силою заставляя ихъ быть свободными по собственному разумѣнію [1]). Энергичное меньшинство, наиболѣе говорившее о свободѣ, въ сущности стремилось къ тому, чтобы удержать за собою безграничную власть. Свобода народа вопреки извѣстному предостереженію Монтескье [2]), смѣшивалась съ властью народа, и идея Руссо, учившаго о безусловности народнаго верховенства [3]), дала настоящую окраску той свободѣ, о которой хлопотали якобинцы, клеймившіе названіемъ „инцивизма“, всякое проявленіе индивидуальной независимости [4]). Старыя привычки націи, воспитанной вѣками абсолютной монархіи и призванной сразу къ самому широкому самоуправленію, невѣрное отождествленіе свободы народа съ властью народа, отъ имени котораго установлялась самая деспотическая диктатура, обстоятельства эпохи, дѣлавшія необходимымъ для спасенія страны сосредоточеніе и усиленіе власти, наконецъ, мало-по-малу развившееся недовѣріе къ свободѣ, послѣ того, какъ во имя ея совершено было столько насилій и злоупотребленій властью,—все это дѣлало французовъ той эпохи болѣе способными жить подъ режимомъ неограниченнаго правленія, чѣмъ пользоваться благами свободы. Не только республика не имѣла залоговъ прочности въ привычкахъ, нравахъ, идеяхъ, стремленіяхъ и интересахъ большинства французовъ, но и монархія, возвращенія коей тайно желало это большинство, не могла при данныхъ условіяхъ получить характеръ свободнаго государственнаго устройства. Конституція 1791 г. была попыткой сочетанія монархическаго начала съ политической свободой, хотя попытка эта и была совершена въ духѣ недовѣрія къ королевской власти [5]). Наоборотъ, конституція, передавшая черезъ восемь лѣтъ власть будущему цезарю, была задумана въ смыслѣ сочетанія республиканскаго принципа съ сильною единоличною властью, но уже при весьма рѣшительномъ недовѣріи къ свободѣ. Короткая пора конституціонной свободы смѣнилась во Франціи временами революціоннаго правительства. Возвращеніе къ болѣе свободнымъ на-

---

[1]) Т. III, стр. 503, 583, 611 и др.
[2]) Т. III, стр. 182.
[3]) Т. III, стр. 207—209.
[4]) Т. III, стр. 583.
[5]) Т. III, стр. 505—506, 512, 529—531.

чаламъ въ эпоху директоріи тоже не удалось: имперія—съ консульствомъ, ей предшествовавшимъ,—была лишь другою формою диктатуры во имя народа, уже извѣстной Франціи по временамъ якобинскаго правленія. Все различіе заключалось въ томъ, что въ одномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ диктатурой энергичнаго меньшинства, приводившаго въ движеніе народныя массы, въ другомъ—съ диктатурою одного лица, опиравшагося на военную силу. Впрочемъ, различіе заключалось еще и въ томъ, что революціонное правительство предпринимало свои организаціонныя мѣры лишь временно—„до окончанія войны“ [1]) предоставляя будущему окончательное рѣшеніе внутреннихъ вопросовъ и тѣмъ самымъ не давая Франціи постоянной и прочной организаціи, тогда какъ консульство тѣмъ и выиграло, что съ первыхъ же шаговъ своихъ приступило къ упорядоченію внутреннихъ отношеній, расчитанному на долговременное постоянное дѣйствіе. Ни конституція 1791 г., ни революціонное правительство, ни директорія не создали во Франціи организаціи съ задатками жизненности и прочности, и это тоже губило въ странѣ дѣло свободы въ обоихъ смыслахъ, въ какихъ это слово тогда понималось.

Старый государственный порядокъ, подавлявшій общественныя силы, грѣшилъ избыткомъ правительственнаго дѣйствія. Учредительное собраніе, желая дать просторъ именно этимъ силамъ, впало въ противоположную крайность [2]). Оно до послѣдней степени ограничило роль центральной исполнительной власти, передавъ органамъ мѣстнаго самоуправленія завѣдываніе всѣмъ тѣмъ, что по существу дѣла должно было находиться въ рукахъ правительственныхъ агентовъ. Результаты такой перемѣны были весьма печальны. Новое правительство въ обществѣ, привыкшемъ ожидать на все указаній свыше, само себя обезсиливало. Съ другой стороны, пробѣлъ, который такимъ образомъ возникалъ въ привычной обществу системѣ, необходимо долженъ былъ пополниться, безъ чего оно совершенно не могло бы жить, и вотъ мѣсто законнаго правительства заступаетъ правительство самозванное—якобинскій клубъ съ своими провинціальными отдѣленіями [3]). Конституція 1791 г. децентрализировала Францію до послѣдней крайности, якобинскій клубъ, наоборотъ, давалъ ей централизацію, къ которой она привыкла и въ которой нуждалась, революціонное же правительство, вышедшее изъ этого клуба, не уничтожая въ принципѣ системы, созданной учредительнымъ собраніемъ, на практикѣ дѣйствовало именно въ духѣ крайней централизаціи, что, конечно, не могло способствовать

---

[1]) Т. III, стр. 576.
[2]) Т. III, стр. 530—531.
[3]) Т. III, стр. 501.

надлежащему развитію оффиціально признаннаго самоуправленія. Кончился періодъ якобинскаго террора, и снова подъ режимомъ директоріи возрождались явленія, бывшія результатомъ системы учредительнаго собранія. Франція XVIII в. страдала отъ избытка правительственнаго дѣйствія и нуждалась въ мѣстномъ самоуправленіи. Это хорошо понимали лучшіе ея государственные люди, и въ такомъ именно смыслѣ Тюрго создалъ цѣлый планъ [1]), который отчасти былъ приведенъ въ исполненіе Неккеромъ, хотя большею частью уже на самомъ канунѣ революціи [2]). Учредительное собраніе пошло далѣе: оно не только вводило широкое самоуправленіе, но передавало въ завѣдываніе его органовъ дѣла́ прямо государственнаго характера; оно не только установляло выборныя власти въ отдѣльныхъ муниципалитетахъ (селахъ и городахъ) и департаментахъ, замѣнившихъ старыя провинціи, но даже уничтожало совершенно и повсемѣстно какія бы то ни было правительственныя должности, которыя зависѣли бы отъ центральной власти; оно не только произвело административную децентрализацію, но, такъ-сказать, упразднило централизацію политическую, превративъ административныя единицы въ подобіе самостоятельныхъ республикъ. По существу дѣла нововведеніе было опасное, и это не замедлило обнаружиться, когда отдѣльныя выборныя администраціи стали вести себя совершенно независимо отъ видовъ, желаній, стремленій и прямыхъ предписаній центральнаго правительства. У послѣдняго оставалось одно средство добиваться повиновенія со стороны муниципальныхъ и департаментскихъ администрацій, именно искусственно устраивая выборы въ свою пользу часто съ нарушеніемъ свободы выборовъ. Нація, совершенно непривыкшая къ самоуправленію, раздѣленная на пассивное большинство, которое само себя нерѣдко устраняло отъ выборовъ [3]), и на энергичное, но безпокойное, властолюбивое и насильственное меньшинство, при этой системѣ обнаруживала только старую способность подчиняться тѣмъ, въ чьихъ рукахъ была власть, разъ послѣдняя не позволяла съ собою шутить,—или же слѣдовала привычкѣ, пріобрѣтенной въ революцію, отказывать въ повиновеніи представителямъ власти, лишь только за ними не стояло вооруженной силы. Широкое самоуправленіе сводилось къ тому, что вездѣ разрозненное и запуганное большинство подчинялось волѣ сплоченнаго и смѣлаго меньшинства, а это послѣднее, входя въ составъ отдѣленій якобинскаго клуба, въ сущности исполняло приказанія парижскихъ революціонныхъ вождей. Чрезвычайныя мѣры якобинскаго пра-

---

[1]) Т. III. стр. 427—430.
[2]) Т. III, стр. 441—442.
[3]) Т. III, стр. 560.

вительства, насильственный образъ дѣйствій его коммиссаровъ [1]) въ департаментахъ, безцеремонность мѣстныхъ приверженцевъ якобинизма, то и дѣло вооружали противъ этой системы мирное населеніе, но она, по крайней мѣрѣ, все-таки поддерживала единство въ управленіи страною: стоило только пасть терроризму, какъ снова все стало расползаться врозь, и внутренняя безурядица начала внушать большинству ту мысль, что далѣе продолжать жить такимъ образомъ невозможно. Франція около года только прожила подъ дѣйствіемъ конституціи 1791 г., потомъ около трехъ лѣтъ она не имѣла никакой конституціи, если не считать якобинской, которая не была приводима въ исполненіе, въ конституціи же III года обнаружились такіе недостатки [2]), внутреннія дѣла Франціи при директоріи шли такъ плохо, что никто не видѣлъ въ этомъ республиканскомъ устройствѣ 1795 г. серьезнаго обезпеченія внутренняго порядка, тѣмъ болѣе, что сама конституція III г. была предметомъ постоянныхъ нарушеній и со стороны законодательной, и со стороны исполнительной властей [3]).

Подъ вліяніемъ всѣхъ неудачъ, разочарованій и опасеній во Франціи къ послѣднимъ годамъ XVIII в. удивительно измѣнилось общественное настроеніе. Подъемъ духа, оптимизмъ и бодрость 1789 г. уступили мѣсто какой-то душевной подавленности, пессимизму и равнодушію 1799 г. Идеальныя стремленія и принципы, ихъ возбуждавшіе, утратили свою силу надъ сердцами и умами, и на первый планъ выдвинулись своекорыстные инстинкты и матеріальные интересы. Изъ среды общественныхъ дѣятелей исчезли борцы за свободу и права человѣка, и во главѣ государства очутились политическіе дѣльцы, думавшіе только о томъ, какъ бы подольше удержаться у власти, люди, не пользовавшіе ни уваженіемъ, ни довѣріемъ націи. Общественная жизнь утратила духовное содержаніе: вездѣ пустота, равнодушіе, разочарованіе, погоня за легкими удовольствіями, страсть къ наживѣ, наклонность къ мелкимъ интригамъ, и только военная слава еще сколько-нибудь настраивала націю на высокій ладъ. Мало того: въ этомъ обществѣ начинаетъ намѣчаться культурная реакція противъ общаго духа философіи XVIII в. [4]). Что было сдѣлано этой философіей для общественнаго возрожденія и переустройства, стало мало-по-малу забываться, и наоборотъ, начинали обращать вниманіе на слабыя стороны, дѣйствительныя или мнимыя, въ идейныхъ построеніяхъ XVIII в., обвиняя ихъ во всѣхъ ужасахъ и бѣдствіяхъ рево-

[1]) Т. III, стр. 605, 611, 618.
[2]) Т. III, стр. 632.
[3]) Т. III, стр. 642 и 649.
[4]) Т. III, стр. 646—647.

люціи. Времена якобинскаго террора были свѣжи въ памяти, и общество не на шутку опасалось, какъ бы опять не возвратились эти времена, а „старый порядокъ", отходившій въ область преданія, начиналъ уже забываться, и не напоминай о немъ эмигранты своими притязаніями на насильственную реставрацію старины, многое было бы и еще болѣе прочно позабыто [1]). Испытанія, которыя переживались обществомъ, религіозныя преслѣдованія почти не прекращавшіяся за время революціи, оживили католическія чувства, и въ то время, какъ одни желали возстановленія церкви въ ея правахъ во имя удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей, другіе указывали теперь на политическую необходимость религіи, какъ наилучшей опоры общественнаго порядка [2]). Въ странѣ рядомъ съ той реакціей, которая вела свое начало изъ прежней консервативной оппозиціи противъ замышлявшихся и предпринимавшихся реформъ, изъ оппозиціи католико-феодальнаго характера, возникала другая реакція, среди тѣхъ классовъ общества, которые, наоборотъ, были иниціаторами движенія, стояли одно время во главѣ этого движенія и теперь сами же стали относиться къ нему съ недовѣріемъ, когда оно стало переходить за извѣстныя границы. Остановить дальнѣйшее развитіе движенія, не дать повториться нѣкоторымъ фактамъ недавняго прошлаго, сохранить добытые результаты, хотя бы и съ утратою свободы, представлявшей своего рода опасности, сдѣлалось безсознательной программой поведенія наиболѣе вліятельныхъ элементовъ націи, и они готовы были помогать всякой реакціи, лишь бы, и здѣсь не переступались извѣстныя границы. Въ самой буржуазіи возобладали инстинкты консерватизма, который не могъ получить преобладанія въ жизни безъ реакціи противъ нѣкоторыхъ сторонъ совершившагося уже движенія, а реакція въ области политическихъ и соціальныхъ отношеній всегда сопровождается попятнымъ движеніемъ и въ сферѣ культурной.

Когда внутри Франціи господствовало такое настроеніе, все наиболѣе дѣятельное, энергичное, неспособное къ простому прозябанію сосредоточивалось въ войскѣ, защищавшемъ отечество, расширявшемъ его границы и сферу его вліянія, покрывавшемъ его неувядаемою славою, считавшемъ призваніемъ своимъ призывать народы къ благамъ свободы и равенства. Здѣсь были и подъемъ духа, и энергія, и организація, т. е. было то, чего, наоборотъ, нація была лишена. Армія была единственной реальной силой, и кто управлялъ этою силою, тотъ могъ сдѣлаться господиномъ положенія. Уже не разъ въ эпоху революціи строились планы употребить военную силу въ цѣляхъ политическаго

[1]) Т. III, стр. 645—648.
[2]) Т. III, стр. 647.

переворота, но эти планы разбивались тогда о нежеланіе солдатъ идти противъ народа и національнаго представительства [1]). Измѣнилось мало-по-малу и такое отношеніе арміи къ внутренней политикѣ: въ послѣднія времена республики правительство нерѣдко уже само прибѣгало къ военной силѣ для подавленія мятежей, и къ нарушеніямъ конституціи, нуждавшимся также въ поддержкѣ арміи. Якобинская диктатура подготовила Францію къ диктатурѣ военной, а война съ ея насиліями надъ мирнымъ населеніемъ, громкая военная слава, затмившая собою идею свободы, во имя которой началась эта грандіозная борьба съ Европой, строгая дисциплина, дѣлавшая изъ солдатъ слѣпое орудіе въ рукахъ начальниковъ, и тѣсная организація, пріучавшая ихъ выдѣлять себя изъ націи, какъ сословіе, имѣющее свои особые интересы и права, все это воспитывало и подготовляло армію къ той роли, какую ей суждено было играть въ установленіи и поддержкѣ новаго режима. Если только можно вмѣстѣ съ Тэномъ видѣть въ революціи завоеваніе Франціи якобинцами, то съ неменьшимъ правомъ можно смотрѣть на имперію, — конечно, съ консульствомъ, бывшимъ лишь вступленіемъ въ имперію,—какъ на завоеваніе Франціи гражданской Франціею военною. Въ обоихъ случаяхъ люди, дорожившіе свободою и республикой, были такъ немногочисленны, что не въ состояніи были воспротивиться диктатурѣ, и если въ первомъ случаѣ диктатура нашла опору въ энергичномъ меньшинствѣ, думавшемъ навязать странѣ свою волю, то во второмъ за установленіе крѣпкой власти было то самое пассивное большинство, которое по неволѣ подчинялось раньше безпокойному революціонному правительству, не создавшему никакого прочнаго порядка, и конечно, должно было предпочесть республикѣ правительство, гарантировавшее націи дисциплину и организацію, какъ залогъ внутренняго порядка.

Нельзя поэтому однимъ увлеченіемъ военною славою и страхомъ народа и буржуазіи передъ призраками „стараго порядка“ и якобинизма объяснять себѣ популярность, какою сталъ пользоваться новый режимъ, вышедшій изъ переворота 18 брюмера. Чтобы понять ее, нужно познакомиться съ тѣмъ состояніемъ, въ коемъ засталъ Францію новый ея повелитель, и сравнить это состояніе съ тѣмъ, что было сдѣлано для улучшеніи ея внутренняго положенія въ первые же годы консульства.

---

[1]) Т. III, стр. 604.

ЭПОХА КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРІИ.

IV. Наполеоновская эпоха и ея исторіографія [1]).

Общій взглядъ на значеніе наполеоновской эпохи для Франціи и для Европы.—Вопросъ о роли Наполеона въ исторіи XIX в.—Сближеніе консульства и имперіи съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ.—Имперія и культурная реакція.—Старая монархія, революція и имперія Наполеона.—Необходимость сдѣланнаго анализа наполеоновской эпохи.—Сочиненіе Тьера и его критики.—Книги Ланфре, Юнга и Тэна.—«Napoléon intime» Артура Леви.—Новѣйшія сочиненія о наполеоновской эпохѣ.

Переворотъ 18 брюмера имѣлъ весьма большое значеніе не только для Франціи, но и для остальной Европы. Установленіе новой власти въ странѣ, въ теченіе десяти лѣтъ бывшей ареною рѣдкой въ лѣтописяхъ міра внутренней борьбы, знаменовало собою прекращеніе этой

---

[1]) Литература о наполеоновской эпохѣ очень обширна. (Весьма многочисленные мемуары объ эпохѣ перечислены въ книгѣ Леви, спеціальныя сочиненія названы въ приложеніяхъ къ книгѣ Фурнье). Указываемъ здѣсь лишь на общія сочиненія, чтобы другія, болѣе частныя и спеціальныя, отмѣтить въ другихъ главахъ. Старыя соч. о Наполеонѣ Bignon'a, Jomini, Stendhal'я, Walter Scott'a, Schlosser'a, Thibaudeau. — Thiers. Histoire du consulat et de l'empire.—Barni. Napoléon I et son historien M. Thiers.—Lanfrey, Histoire de Napoléon I (доведена до 1811 г., была переведена по-нѣмецки, причемъ издано было и дополненіе, доводящее изложеніе до конца).—Taine. Les origines de la France contemporaine. Le règime moderne (два тома, изъ коихъ послѣдній появился уже послѣ смерти Тэна).—Fournier. Napoleon I (по нѣмецки, 1886—87 гг., франц. переводъ 1891—92).—Antoine Guillois. Napoléon, l'homme, le politique, l'orateur d'après sa correspondance et les oeuvres 1889.—Seely. A short historyof Napoléon I. 1886.—Arthur Lévy. Napoléon intime. 1893.—Frédéric Masson. Napoléon et les femmes, 1893. См. также соч. Пеэра, выходящее въ свѣтъ въ русскомъ переводѣ.—Мишле. Исторія XIX в. (переводъ М. Цебриковой. 1883). Только что (1894) предпринято изданіе: Lumbroso. Saggio di una bibliografia ragionata per servir alla storia dell'epoca napoleonica.

борьбы, иными словами—конецъ революціи. Политическое движеніе внутри страны остановилось; общественныя перемѣны, произведенныя этимъ движеніемъ, консолидировались; Франція получила организацію, въ коей такъ нуждалась, и все это было результатомъ перехода власти въ руки одного человѣка. Но не прекратилась борьба Франціи съ Европою, вызванная революціей; не прекратились французскія побѣды надъ государствами „стараго порядка"; не прекратились перемѣны, которыя стала въ нихъ производить революціонная республика,—и переходъ власти надъ послѣднею въ руки побѣдоноснаго и властолюбиваго полководца, сдѣлавшаго изъ войны свое настоящее призваніе, и установленіе имъ въ дезорганизованной Франціи внутренняго порядка, укрѣпившаго ее и извнѣ, только усилили то направленіе, въ коемъ совершалась международная исторія съ перваго столкновенія между французской революціей и старой Европой. Сколько бы ни заключало въ себѣ владычество Наполеона I во Франціи реакціонныхъ элементовъ, господство Франціи надъ Европою было для послѣдней продолженіемъ революціи, и та реакція, которая повсюду наступила въ 1815 г., была одинаково направлена и противъ революціи, и противъ революціоннаго узурпатора, какимъ былъ для людей „стараго порядка" Наполеонъ. Такимъ образомъ, конецъ революціи на ея родинѣ былъ, собственно говоря, если и не началомъ ея для остальной Европы, то такимъ продолженіемъ, которое совершенно затмило собою начало. Уже раньше обнаружилось ослабленіе новаго историческаго движенія Франціи и, наоборотъ, усиленіе той роли, какую взяла она на себя по отношенію къ другимъ націямъ, и переворотъ 18 брюмера съ непосредственными своими слѣдствіями только яснѣе опредѣлилъ дальнѣйшій ходъ исторіи, прекративъ во Франціи какія бы то ни было перемѣны въ духѣ революціи и открывъ передъ французской націей перспективу перестройки политическаго и соціальнаго быта всего западно-европейскаго континента. Въ одинъ и тотъ же моментъ революція кончалась и революція начиналась; отсюда двойственное значеніе наполеоновской эпохи, одно для Франціи, другое для Европы. Впрочемъ, и для самой французской націи эта эпоха имѣла двойственное значеніе и опять-таки по отношенію все къ той же революціи. Въ переворотѣ 1789 г. нужно отличать двѣ стороны—политическую и соціальную, т.-е. съ одной стороны, паденіе абсолютизма, съ другой—паденіе феодализма, двѣ стороны, соотвѣтствующія стремленію къ свободѣ и стремленію къ равенству. Исторія послѣдняго десятилѣтія XVIII в. показала, что Франція была гораздо болѣе подготовлена старою монархіей къ принятію и сохраненію гражданскаго равенства, нежели къ тому, чтобы сдѣлаться и остаться страною политической свободы, и что нація болѣе дорожила первымъ изъ главныхъ пріобрѣтеній 1789 г.,

чѣмъ вторымъ [1]). Весьма естественно поэтому, что для громаднаго большинства французовъ сущность революціи заключалась болѣе всего въ отмѣнѣ сословій, привилегій, феодальныхъ правъ и т. п., а не въ уничтоженіи произвольной власти. Если для людей, коимъ дороги были политическіе принципы 1789 г., т.-е. дороги были индивидуальная и общественная свобода, Наполеонъ былъ „первымъ изъ контръ-революціонеровъ", какъ отозвалась о немъ г-жа Сталь, то для массы, дорожившей прежде всего новымъ безсословнымъ гражданствомъ, равенствомъ передъ закономъ, свободой поземельной собственности, тотъ же самый Наполеонъ, сохранившій всѣ эти блага, упрочившій ихъ своей внутренней организаціей, обезпечившій пользованіе ими посредствомъ своего законодательства, казался, наоборотъ, человѣкомъ революціи, ея наслѣдникомъ и спасителемъ, и въ этомъ смыслѣ во взглядѣ на имперію, какъ на продолженіе революціи, сходились между собою и заклятые враги послѣдней, не дѣлавшіе различія между Бонапартомъ и Робеспьеромъ, и сторонники революціи, ставившіе соціальную ея сторону выше политической.

Вопросъ объ исторической роли Наполеона сводится главнымъ образомъ къ вопросу о томъ, въ какомъ отношеніи находилась его политическая дѣятельность къ революціи, начавшейся во Франціи и оттуда распространившейся на другія страны. Отвѣты на этотъ вопросъ давались разнорѣчивые, и смотря по тому, на что обращалось главное вниманіе—на Францію или на Европу, кто притомъ давалъ отвѣтъ и какая сторона революціи выдвигалась на первый планъ, Наполеонъ I являлся или сокрушителемъ, или спасителемъ революціи, или первымъ контръ-революціонеромъ, или революціоннымъ узурпаторомъ. Эта двойственность во взглядахъ на историческое значеніе Наполеона существовала среди его современниковъ и у ближайшаго потомства и перешла въ историческую литературу болѣе поздняго времени. Особенно клерикально-аристократическая реакція, наступившая послѣ паденія имперіи, содѣйствовала тому, чтобы личность Наполеона, бывшаго гонителемъ политической свободы, окружилась въ глазахъ поклонниковъ послѣдней ореоломъ спасителя принциповъ 1789 г., чему отчасти способствовала и наполеоновская легенда, которая стала складываться еще при жизни этого замѣчательнаго человѣка: друзья и недруги новаго историческаго движенія словно сговорились между собою подчеркивать въ дѣятельности Наполеона тѣ стороны, которыя роднили ее съ революціей, закрывая глаза на то, что́ было въ ней реакціоннаго, на то, что́ должно бы было примирять съ нею враговъ и уменьшать число поклонниковъ. Достаточно припомнить, какіе люди прославляли Напо-

[1]) См. выше стр. 36 и слѣд.

леона, содѣйствовали развитію его легенды и его посмертному культу, чтобы увидѣть, какъ люди, относившіеся враждебно ко всякой тираніи, къ деспотизму, къ рабству, въ своемъ представленіи превращали Наполеона чуть не въ борца за человѣчество и тѣмъ совершенно извращали историческую истину: повинны въ этомъ были, напр., и Байронъ, и Беранже, и Викторъ Гюго, и Гейне. Самъ Наполеонъ своими заявленіями и и въ ту еще пору, когда былъ только генераломъ революціонной арміи, и во времена консульства и имперіи, и въ послѣдніе годы своей жизни, проведенныя на о. св. Елены, не мало содѣйствовалъ усложненію вопроса объ его исторической роли, ссылаясь на принципы 1789 г. и идеализируя, въ смыслѣ какого-то служенія великой идеѣ, свою политическую дѣятельность: принятыя за чистую истину, эти заявленія опять-таки запутывали вопросъ и вели къ неправильнымъ его рѣшеніямъ. Даже, самая личность Наполеона, къ которой нелегко приложить обыкновенную человѣческую мѣрку, трудно поддается опредѣленію, тѣмъ болѣе еще, что среди людей конца XVIII и начала XIX в. онъ явился человѣкомъ, напоминавшимъ впослѣдствіи не одному историку фигуры изъ другихъ эпохъ, совсѣмъ не похожихъ на то время, явился чѣмъ-то въ родѣ итальянскаго кондотьера, римскаго цезаря или древняго восточнаго царя-завоевателя. Какъ историческое лицо, Наполеонъ принадлежитъ къ числу весьма немногихъ дѣятелей всемірной исторіи, особенно сильно дѣйствовавшихъ на воображеніе современниковъ и потомства; какъ человѣкъ, явившійся въ новой Европѣ на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ какъ-будто бы изъ иного міра и иной эпохи, онъ долженъ былъ остаться загадкою для людей, жившихъ съ нимъ въ одно время, и затруднить пониманіе своей необыкновенной личности для писателей, ставившихъ себѣ впослѣдствіи задачу ея историческаго изображенія. Наконецъ, все еще нерѣшенный вопросъ о роли личности въ исторіи заставлялъ однихъ слишкомъ преувеличивать,—въ дурную ли, въ хорошую ли сторону, — то, что́ было внесено лично Наполеономъ въ исторію его времени, а другихъ, наоборотъ, заставлялъ умалять его значеніе, дѣлая его лишь пассивнымъ орудіемъ рока, рабомъ исторіи. Какъ бы тамъ ни было, онъ далъ имя цѣлой эпохѣ, наполнивъ ее своими дѣяніями и своею славою, и вопросъ о той роли, какую онъ игралъ въ исторіи этой эпохи и какую послѣдняя сама играетъ въ отношеніи дальнѣйшаго историческаго процесса, во всякомъ случаѣ, не можетъ рѣшаться какъ-нибудь просто.

При опредѣленіи историческаго значенія имперіи необходимо принимать въ расчетъ не только личный характеръ Наполеона, хотя, внѣ всякаго сомнѣнія, имъ весьма многое и притомъ очень существенное объясняется во внутренней и внѣшней политикѣ Франціи, но и историческое положеніе, созданное, съ одной стороны, успѣхомъ,

какимъ сопровождалась революціонная замѣна стараго католико-феодальнаго общественнаго строя безсословнымъ гражданствомъ, а съ другой стороны—неудачею попытки основать во Франціи на развалинахъ абсолютной монархіи Бурбоновъ новое государство съ свободными политическими формами. Имперія возрождала во Франціи прежній абсолютизмъ, но если по личному своему характеру Наполеонъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ французскихъ государей, былъ вторымъ Людовикомъ XIV, даже превосходя свой прототипъ въ властолюбіи и деспотизмѣ, то по историческому своему положенію онъ долженъ былъ во многихъ отношеніяхъ держаться болѣе близкой къ нему по времени системы „просвѣщеннаго абсолютизма“, съ какимъ бы самъ презрѣніемъ и ни относился къ „идеологіи“ XVIII вѣка. Имперія Наполеона I вышла изъ революціи, отвергшей божественное право королей, сокрушившей соціальное могущество католической церкви, нанесшей окончательный ударъ феодализму, изъ революціи, которая покончила съ клерикально-аристократической системою Людовика XIV и его преемниковъ въ XVIII в. и которая положила начало новымъ отношеніямъ, взятымъ подъ охрану имперіей Наполеона, въ чемъ собственно и заключался ея raison d'être въ глазахъ французскаго народа. Съ другой стороны, у этой революціи были многія черты, общія съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ, поскольку обѣ эпохи были враждебны историческому праву соціальныхъ привилегій во имя гражданскаго равенства, вытекавшаго изъ требованій права естественнаго [1]). Еслибы даже Наполеонъ и симпатизировалъ болѣе системѣ Людовика XIV, полное возвращеніе къ ней было для него немыслимо, и во многихъ отношеніяхъ ему самому и его Франціи приходилось напоминать скорѣе основныя черты просвѣщеннаго абсолютизма. Въ самомъ дѣлѣ, происхожденіе новой власти состояло въ перенесеніи на одно лицо народнаго избранника того державнаго права, которое по политической теоріи XVIII в. имѣло свой источникъ въ народной волѣ, и въ данномъ случаѣ осуществлялась не та идея, какую развивалъ въ своихъ сочиненіяхъ Людовикъ XIV, не идея божественнаго происхожденія, а взглядъ, высказывавшійся, напр., Фридрихомъ II и объяснявшій возникновеніе государственной власти изъ отказа народа, во имя политической необходимости, отъ принадлежащихъ ему правъ [2]). Просвѣщенный абсолютизмъ порывалъ традицію солидарности королевской власти съ привилегированными сословіями и, дѣйствуя послѣдовательно въ новомъ направленіи, неминуемо долженъ былъ бы рано или поздно, привести общество къ тому состоянію, которое для Франціи было результатомъ революціи и поставило себя потомъ подъ охрану воен-

[1]) Т. III, главы XXVIII и XXXVII.
[2]) Т. III, стр. 329 и 332.

ной диктатуры. Въ частности просвѣщенный абсолютизмъ въ католическихъ странахъ стремился пересоздать прежнія отношенія между церковью и государствомъ въ направленіи, болѣе благопріятномъ для послѣдняго, и даже поставить церковь подъ опеку государства, превратить духовенство въ своего рода чиновничество, какъ мы видимъ это въ церковныхъ реформахъ Іосифа II [1]). Въ сущности къ тому же самому стремилось во Франціи и учредительное собраніе, издавая свое неудачное гражданское уложеніе о духовенствѣ [2]). Но мы увидимъ, что и конкордатъ, заключенный первымъ консуломъ съ папою и прекратившій тягостное положеніе католицизма во Франціи, созданное революціей, былъ основанъ на тѣхъ же стремленіяхъ, которыя проявились и въ церковномъ законодательствѣ Іосифа II, и въ гражданскомъ устройствѣ духовенства учредительнымъ собраніемъ. Просвѣщенный абсолютизмъ, далѣе, впервые поставилъ вопросъ о соціальномъ феодализмѣ, объ аристократическихъ привилегіяхъ, о равенствѣ всѣхъ подданныхъ передъ закономъ, объ уничтоженіи крѣпостного состоянія [3]), намѣтивъ цѣлую программу общественнаго переустройства, выполненную затѣмъ французской революціей; но имперія вѣдь не только признала и окончательно узаконила такъ называемымъ кодексомъ Наполеона новый общественный строй, но даже содѣйствовала распространенію его началъ и въ другихъ странахъ. Еще болѣе бросится намъ въ глаза сходство имперіи Наполеона съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ, если мы обратимъ вниманіе на организаціонную работу обѣихъ эпохъ въ области администраціи, суда, финансовъ, народнаго образованія и т. п. [4]). Въ началѣ XVIII в. во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Франція блестящимъ образомъ выполнила тѣ задачи, которыя ставили себѣ правительства другихъ странъ въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, и въ основу той организаціи, какую получила Франція при Наполеонѣ I, были положены именно принципы, характерные для просвѣщеннаго абсолютизма: крайняя централизація съ подавленіемъ всякой мѣстной самостоятельности, бюрократическое управленіе съ устраненіемъ отъ дѣлъ какихъ бы то ни было общественныхъ силъ, строгій порядокъ, служебная дисциплина и т. п. Въ началѣ XIX в. французская организація по сравненію съ тѣмъ, что дѣлалось въ другихъ странахъ, была такою же образцовою, какою полустолѣтіемъ раньше была организація прусская; но подъ этимъ режимомъ жилось столь же тяжело, какъ и подъ рожимомъ просвѣщеннаго абсолютизма. Внутреннее род-

---

[1]) Т. III, стр. 380 и слѣд.

[2]) Т. III, стр. 550 и слѣд.

[3]) Т. III, стр. 385 и слѣд.

[4]) Т. III, стр. 360 и слѣд. (гл. XXVI. Реформы въ области администраціи, финансовъ, суда и умственной жизни).

ство между послѣднимъ, французской революціей и имперіей Наполеона въ извѣстныхъ ихъ сторонахъ чувствовалось представителями реакціи XIX в., которые одинаково непріязненно относились къ тому, что́ стояло въ противорѣчіи съ ея принципами и въ просвѣщенномъ абсолютизмѣ, и въ революціи, и въ имперіи Наполеона.

Сближая однородныя явленія, мы не должны, однако, упускать изъ виду и различій между ними. Если въ политическомъ отношеніи владычество Наполеона было реакціей абсолютизма противъ свободы,—идея коей играла такую роль въ исторіи революціи,—то въ одномъ важномъ отношеніи это владычество расходилось съ стремленіями просвѣщеннаго абсолютизма. Установленію во Франціи новой власти на развалинахъ недостроеннаго зданія политической свободы предшествовало зарожденіе культурной реакціи въ самомъ созданномъ революціей обществѣ [1]). Эпоха консульства и имперіи въ этомъ отношеніи была прямымъ продолженіемъ временъ директоріи, когда стало обнаруживаться реакціонное теченіе противъ „просвѣщенія“. Личное отношеніе Наполеона къ идеямъ философіи XVIII в., равнымъ образомъ, не напоминаетъ намъ того, какъ относились къ нимъ главнѣйшіе представители просвѣщеннаго абсолютизма при всей неискренности и поверхностности ихъ увлеченій, насколько можно говорить о послѣднихъ. Крайности и неудачи революціи, ставившіяся въ вину философіи XVIII в., порождали и въ обществѣ, и въ томъ человѣкѣ, который сталъ во главѣ государства, представленіе о ложности и непримѣнимости началъ „идеологіи“, какъ называлъ эту философію самъ Наполеонъ. Эта культурная реакція не имѣла еще характера возвращенія къ среднимъ вѣкамъ, котораго уже готовы были требовать крайніе клерикально-аристократическіе элементы; но во всякомъ случаѣ она заключала въ себѣ нѣчто враждебное къ духу умственной свободы, коимъ было проникнуто „просвѣщеніе“ XVIII в. Въ послѣднемъ отношеніи и Наполеону хотѣлось больше положить въ основу своей власти тѣ принципы, на которые ссылался Людовикъ XIV, и, кромѣ того, онъ думалъ не объ освобожденіи народнаго образованія отъ опеки духовенства, къ чему стремились въ католическихъ странахъ представители просвѣщеннаго абсолютизма. Правительственная система Наполеона была поэтому нетолько политической реакціей противъ революціи, но и реакціею культурною противъ „просвѣщенія“ XVIII в., находившагося, такъ сказать, въ постоянномъ подозрѣніи у новаго французскаго повелителя. Сближаясь такимъ образомъ въ однихъ отношеніяхъ съ явленіями, въ коихъ выразилось прогрессивное движеніе XVIII в., въ другихъ своихъ сторонахъ имперія Наполеона была однимъ изъ фа-

[1]) Т. III, стр. 645 и слѣд.

зисовъ въ развитіи реакціи противъ этого движенія, достигшей наибольшаго напряженія уже послѣ паденія Наполеона. Личный характеръ и весь кругъ идей французскаго цезаря дѣлали его болѣе способнымъ именно къ роли реакціонера, и пожалуй даже, еслибы то было только возможно и безусловно необходимо, онъ возвратился бы къ союзу абсолютизма съ соціальными привилегіями подъ условіемъ, чтобы обладатели привилегій были надежною опорою и послушнымъ орудіемъ власти; но тутъ-то именно имперія должна была принять результаты революціи, ибо общество, отказывавшееся отъ политической свободы и начинавшее отворачиваться отъ культурныхъ идей XVIII в., крѣпко и упорно держалось пріобрѣтеннаго равенства.

Если въ личныхъ свойствахъ Наполеона и въ его политикѣ было нѣчто такое, что напоминаетъ намъ „вѣкъ Людовика XIV", между прочимъ и съ его стремленіемъ къ всемірной монархіи, то и вообще первая имперія лишь завершала дѣло старой французской монархіи, причемъ революція не только не помѣшала, но даже оказала содѣйствіе этому процессу. Старая монархія уже начала, но не окончила, остановившись на полдорогѣ, централизацію провинцій, убивавшую мѣстную жизнь, и нивеллировку общества, имѣвшую своимъ слѣдствіемъ атомизацію самостоятельныхъ соціальныхъ группъ на отдѣльныя и въ своей обособленности безсильныя личности. Разрушительная работа революціи именно и заключалась въ устраненіи всѣхъ старыхъ препятствій къ завершенію начатаго дѣла, и хотя въ положительномъ смыслѣ революція стремилась своей системой децентрализаціи дать мѣстной жизни наибольшую свободу и своими политическими реформами соединить разрозненныя индивидуальныя силы въ одно живое цѣлое націи, она болѣе содѣйствовала окончательному торжеству началъ централизаціи, дѣлавшей изъ департаментовъ и муниципалитетовъ не общественныя соединенія съ извѣстными правами и интересами, а простыя административныя единицы, и началъ общественной нивеллировки, превращавшей націю въ совокупность отдѣльныхъ лицъ, связанныхъ между собою одною лишь обязанностью повиноваться общей власти. Наполеоновская система въ этомъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствовала національной традиціи французовъ, что и было главною причиною ея прочности въ XIX в., несмотря на частые политическіе перевороты и перемѣны общественныхъ теченій. Разныя правительства, смѣнявшіяся одно другимъ, и разныя партіи, боровшіяся за власть при каждомъ правительствѣ, прежде всего старались овладѣть орудіемъ бюрократической централизаціи и не допускать самостоятельныхъ общественныхъ соединеній, если только эти соединенія не были подспорьемъ въ стремленіи правящихъ лицъ и классовъ удержать за собою власть. Образцомъ, по которому Напо-

леонъ, завершая работу старой монархіи, далъ странѣ такую организацію, была армія; но иначе и быть не могло при томъ завоеваніи гражданской Франціи Франціею военною, какимъ было 18 брюмера, и при переходѣ власти къ полководцу, понимавшему только пріемы военной команды.

Все сказанное до сихъ поръ въ этой главѣ мы считали нужнымъ предпослать изложенію эпохи консульства и имперіи, дабы установить ту точку зрѣнія, съ коей на нее слѣдуетъ смотрѣть, беря эпоху не только въ ней самой, а какъ особый моментъ въ историческомъ процессѣ, переживавшемся Франціею и всею западною Европою въ послѣдніе два вѣка. Въ этомъ моментѣ было и много случайнаго, вытекавшаго изъ свойствъ дѣйствующихъ лицъ и прежде всего Наполеона; но главныя явленія объясняются изъ общихъ причинъ, вліяніе коихъ и опредѣляло сложную смѣну и сложное взаимодѣйствіе историческихъ теченій, какъ поступательныхъ, такъ и попятныхъ, въ разныхъ сферахъ жизни народовъ, въ культурной, соціальной и политической. Между тѣмъ историческія сочиненія, посвященныя эпохѣ, весьма часто устанавливаютъ на нее общій взглядъ, основывая его не на анализѣ главныхъ ея явленій, равно какъ не на анализѣ ихъ отношенія къ предыдущему и ихъ значенія для послѣдующаго, а подъ угломъ зрѣнія, опредѣляемымъ лишь одною какою-либо стороною дѣла. Противорѣчивые взгляды на Наполеона, причины коихъ вкратцѣ указаны были въ началѣ главы, возможны въ литературѣ, между прочимъ, именно потому, что точка зрѣнія, съ которой приступали къ составленію общаго сужденія объ эпохѣ, не дѣлалась предметомъ самостоятельной выработки на основаніи общаго анализа историческихъ движеній, совершавшихся и во Франціи, и въ остальной Европѣ за послѣдніе вѣка. Эта точка зрѣнія не можетъ быть исключительно политической, соціальной или культурной, какъ не можетъ быть исключительно точкою зрѣнія исторіи международныхъ отношеній, дипломатіи и войны, и столь же мало должна она опредѣляться и общими понятіями революціи и реакціи безъ анализа реальныхъ явленій, обозначаемыхъ этими терминами. Литература о Наполеонѣ между тѣмъ не всегда признаетъ эту сложность вопроса объ эпохѣ, получившей его имя, что весьма часто отдаляетъ эту литературу отъ требованій исторической науки.

Самымъ крупнымъ сочиненіемъ по исторіи консульства и имперіи до сихъ поръ остается трудъ Тьера „Histoire du consulat et de l'empire“, вышедшій въ свѣтъ въ двадцати томахъ въ промежутокъ между 1845 и 1862 г. Эта большая исторія наполеоновской эпохи примыкаетъ къ написанной Тьеромъ еще въ двадцатыхъ годахъ „Исторіи французской революціи“, доведенной до переворота 18 брюмера. Извѣстно, что въ этомъ послѣднемъ сочиненіи Тьеръ поста-

вилъ себѣ задачу реабилитировать революцію противъ нападеній, дѣлавшихся на нее въ эпоху реставраціи, и что черезъ всю эту книгу проходитъ, какъ красная нить, оправданіе всѣхъ событій съ точки зрѣнія своего рода историческаго фатализма, соединеннаго съ преклоненіемъ передъ успѣхомъ: вотъ эта же самая точка зрѣнія господствуетъ и въ громадной „Исторіи консульства и имперіи“. Для Тьера Наполеонъ является продолжателемъ революціи. Уже заканчивая первый свой историческій трудъ, разсказавъ о переворотѣ 18 брюмера, онъ намѣчаетъ въ общихъ чертахъ свой общій историческій взглядъ на Наполеона. „Онъ, говоритъ Тьеръ здѣсь о Наполеонѣ, приходилъ исполнить таинственную миссію (achever une tâche mystérieuse), которую ему безъ его вѣдома поручилъ рокъ и которую онъ исполнялъ помимо своего желанія. Не для продолженія свободы явился онъ, ибо для нея еще не настало время; онъ приходилъ, чтобы подъ монархическими формами продолжать революцію въ мірѣ; онъ приходилъ, чтобы продолжать ее, садясь, — онъ, плебей, — на тронъ, приводя въ Парижъ верховнаго первосвященника, дабы тотъ помазалъ священнымъ елеемъ его плебейское чело, создавая аристократію изъ плебеевъ и заставляя старыя аристократіи соединяться съ его плебейской аристократіей, дѣлая плебеевъ королями, принимая въ свое ложе дочь цезарей и смѣшивая свою плебейскую кровь съ одною изъ самыхъ древнихъ кровей Европы, перетасовывая, наконецъ, всѣ народы, распространяя французскіе законы въ Германіи, Италіи и Испаніи, разрушая столько величій и потрясая столько основъ. Вотъ та огромная задача, которую онъ приходилъ рѣшать, и въ теченіе этого времени новое общество должно было упрочиться подъ охраною его меча, и долженъ былъ послѣ этого наступить день водворенія и свободы“.—„Исторія консульства и имперіи“ получила характеръ почти сплошного прославленія Наполеона въ духѣ той легенды, которая окружила поэтическимъ ореоломъ образъ перваго императора французовъ. Такое отношеніе Тьера къ своему герою вызвало оппозицію со стороны одной части критиковъ его труда, и къ числу этихъ критиковъ принадлежали Ланфрэ, Шоффуръ-Кестнеръ и Барни. Первый изъ нихъ еще въ 1861 г. подвергъ разбору историческіе взгляды Тьера, а позднѣе выступилъ съ собственнымъ трудомъ о Наполеонѣ, о коемъ мы будемъ говорить ниже. Послѣ появленія послѣдняго тома „Исторіи консульства и имперіи“ второй изъ названныхъ писателей выпустилъ въ 1863 г. книжку съ разборомъ этого сочиненія [1]), и въ томъ же году трудъ Тьера сдѣлалъ предметомъ своего публичнаго

[1]) Chauffour-Kestner. M. Thiers historien. Notes sur l'histoire du consulat et de l'empire.

курса женевскій профессоръ Барни, который обработалъ потомъ (1865) свои лекціи для печати подъ заглавіемъ „Наполеонъ и его историкъ г. Тьеръ“ [1]). Изъ всѣхъ этихъ разборовъ труда Тьера наиболѣе сильнымъ и основательнымъ нужно признать книжку Барни, которая даже была запрещена во Франціи во все царствованіе Наполеона III. Историческому фатализму Тьера Барни противополагаетъ моральный судъ надъ личностью прославляемаго Тьеромъ Наполеона, возвращаясь въ политическомъ отношеніи къ взгляду г-жи Сталь, по которому Наполеонъ былъ первымъ изъ контръ-революціонеровъ. Книжка Барни—цѣлая исторія главныхъ моментовъ жизни Наполеона, начиная съ 18 брюмера, и отдѣльныхъ сторонъ его внутренней и внѣшней политики, написанная въ опроверженіе легенды, которую авторъ объявляетъ прямо вредною въ общественномъ смыслѣ.

Черезъ два года послѣ появленія труда Барни стала выходить въ свѣтъ написанная въ томъ же духѣ „Исторія Наполеона I-го“ Ланфрэ, доведенная въ V томѣ до 1811 г. и не оконченная за смертью автора (1877). Ланфрэ въ своемъ трудѣ выступаетъ также противникомъ наполеоновской легенды, желая, однако, сохранить безпристрастіе судьи, не увлекаемаго ни любовью, ни ненавистью, подсказывавшихъ приговоры о Наполеонѣ прежнимъ историкамъ. Борьба съ легендою, столь сильно содѣйствовавшею установленію во Франціи второй имперіи, и то обстоятельство, что во всей литературѣ о Наполеонѣ, по словамъ Ланфрэ, раздавалось болѣе похвалъ, чѣмъ порицаній, были причиною того, что авторъ не вездѣ выдерживаетъ спокойный тонъ, и полемическія цѣли по временамъ слишкомъ ясно проглядываютъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ книги, которая потому, пожалуй, и имѣетъ, главнымъ образомъ, значеніе корректива къ произведенію Тьера. Занятіе исторіей Наполеона I во времена второй имперіи, оппозиціонное отношеніе къ коей давало извѣстнаго рода окраску историческому взгляду на ея прототипъ начала нынѣшняго вѣка, имѣло и то неудобство, что архивы, изъ коихъ историки могли бы черпать новыя данныя объ эпохѣ, были для нихъ совершенно недоступны, и даже предпринятое Наполеономъ III изданіе переписки его дяди [2]) заключаетъ въ себѣ далеко не все, что̀ можетъ интересовать историковъ. Съ другой стороны, бо́льшая часть мемуаровъ эпохи, изданныхъ до того времени, представляла изъ себя собраніе оправданій и самооправданій и, конечно, далеко не въ интересахъ исторической истины. Третья республика открыла архивы для изслѣдователей эпохи, и однимъ изъ первыхъ, воспользовавшихся этимъ, былъ Юнгъ (Th. Jung), авторъ

[1]) См. выше, стр. 47, примѣч.

[2]) Correspondance de Napoléon I (32 большихъ тома).

книги о „Бонапартѣ и его времени (1769—1799) на основаніи неизданныхъ источниковъ“ [1]). Это сочиненіе освѣтило совершенно новымъ свѣтомъ многое въ жизни Наполеона до перехода власти въ его руки. Вмѣстѣ съ этимъ, появленіе новыхъ мемуаровъ о наполеоновской эпохѣ, въ которыхъ самъ Наполеонъ является далеко не польщеннымъ, оживило вопросъ о личныхъ свойствахъ перваго императора французовъ. Наиболѣе шума за послѣднее время надѣлало изображеніе Наполеона и его режима въ пятомъ (по общему счету) томѣ сочиненія Тэна „Происхожденіе современной Франціи“. Барни, Ланфрэ и Юнгъ ставили своею задачею разрушить наполеоновскую легенду, Тэнъ въ сущности дѣлаетъ то же самое. Оканчивая послѣдній томъ своей „Революціи“, Тэнъ набрасываетъ общую характеристику новаго режима, которому даетъ нелестное названіе „философской казармы“ (caserne philosophique): архитекторомъ, построившимъ это зданіе, говоритъ онъ въ началѣ тома, въ коемъ идетъ рѣчь о консульствѣ и имперіи, и былъ Наполеонъ, являющійся у него, какъ великій кондотьеръ, давшій, однако, Франціи организацію, хотя бы и далекую отъ идеала свободы. Книга Тэна разсорила его съ бонапартистами, съ коими у него были кое-какія связи, и вызвала противъ него возраженія. Однимъ словомъ, и Тэнъ разрушаетъ старую легенду, хотя и не съ той, благопріятной для революціи, точки зрѣнія, на которой стоятъ Барни, Ланфрэ и Юнгъ. Между прочимъ, Тэнъ для своей характеристики Наполеона широко черпалъ изъ мемуаровъ, коихъ не могло быть подъ руками у его предшественниковъ, такъ какъ мемуары эти или появились только въ недавнее время, или даже были у Тэна еще въ рукописи [2]).

Повидимому, неблагопріятный для Наполеона портретъ, сдѣланный мастерскою рукою Тэна, заставилъ недавно Артура Леви написать о Наполеонѣ большую книгу [3]), гдѣ несомнѣнно собрано немало любопытнаго матеріала, но гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ изображается, какъ воплощеніе всевозможныхъ добродѣтелей, какія только могутъ украшать человѣка въ его домашней и общественной жизни. Авторъ прямо старается доказать, что „великій кондотьеръ“ Тэна былъ живымъ олицетвореніемъ всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя отличаютъ среднее сословіе, благодаря будто бы ему только и взявшее въ свои руки государственныя дѣла.

За послѣднее время наполеоновской эпохѣ вообще посчастливилось въ исторической литературѣ. Во-первыхъ, можно назвать нѣ-

---

[1]) См. ниже, въ примѣч. къ началу V главы.

[2]) Таковы: „Mes souvenirs sur Napoléon“ Шапталя. 1893.

[3]) См. выше, стр. 47, примѣч.

сколько небольшихъ обзоровъ его эпохи [1]), изъ коихъ особенно слѣдуетъ отмѣтить книгу Фурнье „Наполеонъ I“ [2]). Авторъ поставилъ своею цѣлью коротко и просто разсказать для образованной публики исторію Наполеона, сознавая вмѣстѣ съ компетентными людьми, что время написать настоящую его исторію еще не настало, но тѣмъ не менѣе желая познакомить обыкновенныхъ читателей съ тѣмъ, что̀ за послѣднее время сдѣлано въ этой области. Частныхъ изслѣдованій, дѣйствительно, производится въ настоящее время очень много, что̀ весьма часто проливаетъ новый свѣтъ на отдѣльныя стороны эпохи, и между прочимъ, благодаря опубликованію новаго матеріала и благодаря архивнымъ розысканіямъ, теперь почти заново передѣлывается исторія международной политики консульства и имперіи [3]). Дипломатическія отношенія и войны Наполеона были прямымъ продолженіемъ того, что̀ новая власть получила въ наслѣдіе отъ революціи, и поскольку Наполеонъ для остальной Европы являлся воплощеніемъ революціи, постольку его внѣшняя политика имѣетъ интересъ не только съ точки зрѣнія исторіи международныхъ отношеній, но и съ точки зрѣнія той политической и соціальной перестройки старой Европы, которую начала французская революція. Съ этой стороны нужно ожидать весьма многаго отъ продолженія труда Сореля „Европа и французская революція“, который авторъ обѣщаетъ довести до 1815 года.

V. Наполеонъ Бонапартъ до 1799 года [4]).

Корсика и корсиканское происхожденіе Наполеона. — Семья Бонапартовъ. — Воспитаніе Наполеона. — Его корсиканскій патріотизмъ въ юности. — Наполеонъ въ началѣ революціи. — Его путешествія въ Аячіо. — Услуги Наполеона конвенту. — Его бракъ съ Жозефиной Богарнэ и назначеніе главнокомандующимъ итальянской арміи. — Наполеонъ и директорія въ 1796 — 1799 гг. — Личный характеръ, идеи и стремленія Наполеона въ эту эпоху.

Наполеонъ Бонапартъ, какъ сталъ онъ называться во Франціи, или Буонапарте, какъ произносилось раньше его фамильное имя, имѣвшее итальянское происхожденіе, былъ родомъ изъ города Аячіо

---

[1]) E. Guillon. Petite histoire du consulat et de l'empire. — Charles Barthélemy. Le consulat et l'empire. 1885.

[2]) См. выше, стр. 47, прим.

[3]) Въ своемъ мѣстѣ будутъ сдѣланы главныя указанія вообще на литературу по исторіи международныхъ отношеній.

[4]) Молодость Наполеона была предметомъ нѣсколькихъ сочиненій: Coston. Biographie des premières années de Napoléon Bonaparte. 1840.—Nasica. Mémoires sur l'enfance et la jeunesse de Napoléon jusqu'à l'âge de 23 ans. 1851.—Boethlinck. Napoléon Bonaparte, seine Jugend und sein Emporkommen

на островѣ Корсикѣ. Этотъ островъ съ XIV в. принадлежалъ генуезской республикѣ, къ которой, однако, среди его населенія всегда существовало нерасположеніе. Въ 1729—1730 гг. Генуѣ пришлось подавлять серьезное возстаніе корсиканцевъ, для чего потребовалась помощь со стороны римскаго императора. Въ 1736 г. корсиканцы сдѣлали новую попытку отложиться отъ Генуи, и республика вынуждена была призвать къ себѣ на помощь Францію, но едва войска послѣдней, возстановивъ власть генуезцевъ надъ мятежнымъ островомъ, его очистили (1741), какъ началось новое возстаніе. Во время войны, отсюда возникшей, выдвинулся своимъ патріотизмомъ, организаторскимъ талантомъ и военными доблестями нѣкто Паоли. Корсиканскій сенатъ назначилъ его главнымъ вождемъ возстанія (1755), послѣ чего Генуя стала терпѣть сильныя пораженія, не смотря на новую французскую помощь, едва удерживая за собою на островѣ нѣсколько береговыхъ пунктовъ съ главнымъ городомъ Бастія. Не имѣя силъ справиться съ непокорной Корсикой, Генуя уступила его Франціи подъ условіемъ, чтобы Людовикъ XV подчинилъ себѣ островъ и владѣлъ имъ до тѣхъ поръ, пока Генуя не уплатитъ военныхъ издержекъ. Паоли, расчитывая на англійскую помощь, вздумалъ продолжать сопротивленіе, но Франція послала на островъ тридцати-тысячное войско, англичане поддержки возстанію не оказали, и Паоли, оставивъ борьбу за свободу родины, бѣжалъ въ Англію. Это было въ 1768 г.; но еще въ теченіе шести лѣтъ продолжалась на островѣ партизанская война противъ французской оккупаціи. Замиреніе, наступившее въ 1774 г., было только временнымъ. Когда во Франціи началась революція, Корсика была превращена въ отдѣльный департаментъ и вошла, такъ сказать, въ колею общей французской жизни. Паоли вернулся на родину; но когда въ эпоху террора его потребовали въ Парижъ, онъ поднялъ новое возстаніе и съ помощью англичанъ на время освободилъ Корсику отъ французовъ (1794), причемъ она получила новое устройство подъ опекой Англіи. Но на островѣ существовала французская партія, и при ея помощи Франція возвратила себѣ обладаніе Корсикой. Борьба корсиканцевъ за свою свободу пользовалась на континентѣ съ самаго начала большимъ сочувствіемъ: въ числѣ лицъ, которыя его выражали, были, напр., въ свое время Фридрихъ II, Вольтеръ,

---

bis zum 13 Vendémiaire. 1877 (2-е изд. 1883). — Jung. Bonaparte et son temps (1769—1799) d'après les documents inédits. 1880—1881.—О корсиканскихъ предпріятіяхъ Наполеона см. еще Jung. Lucien Bonaparte et ses mémoires. 1882. Военная литература о Наполеонѣ весьма обширна, и въ составъ ея входитъ нѣсколько сочиненій объ египетской экспедиціи (см. Boulay de la Meurthe. Le directoire et l'expédition d'Egypte. 1885).—См. еще Larrly. Madame Mère (Napoleonis mater). 1892.

Монтескье и Руссо. Къ послѣднему корсиканцы обращались даже за проектомъ конституціи, и самъ онъ (въ Contrat Social) высказывался въ томъ смыслѣ, что Корсика единственная страна въ Европѣ, способная къ установленію у себя новыхъ законовъ. „У меня, прибавлялъ онъ, есть какое-то предчувствіе, что этотъ маленькій островъ удивитъ Европу“. Руссо имѣлъ въ виду несомнѣнно культурную отсталось Корсики, близость нравовъ и всего быта ея населенія къ естественному состоянію, и въ этомъ отношеніи онъ, дѣйствительно не ошибался: корсиканская жизнь въ ту эпоху, когда писалъ Руссо, была, дѣйствительно, еще чисто варварскою, средневѣковою по соціальному быту, нравамъ и страстямъ населенія, да и позднѣе Корсика долго сохраняла черты весьма отсталой культуры, ибо здѣсь господствовали еще кровавая месть, усобицы между отдѣльными семействами, разбойничества и т. п., заставлявшія придавать жилищамъ видъ небольшихъ крѣпостей и удаляться отъ селеній не иначе, какъ въ компаніи и въ полномъ вооруженіи.

Въ этомъ-то захолустьѣ цивилизованнаго свѣта и родился будущій повелитель Франціи и Европы въ августѣ 1769 г. какъ разъ въ то время, когда его родина перешла подъ французское владычество. До самаго 1793 г. молодой Бонапартъ былъ болѣе корсиканскимъ патріотомъ, чѣмъ французомъ, да и впослѣдствіи, когда онъ уже сдѣлался властителемъ Франціи, его рѣчь все еще носила на себѣ отпечатокъ его не-французскаго происхожденія. Уже многіе современники, а за ними и позднѣйшіе историки указывали на вообще нефранцузскій характеръ Наполеона, и въ презрительномъ прозвищѣ „корсиканецъ“, какое ему давали его политическіе недоброжелатели и враги, заключалось поэтому болѣе, нежели простое указаніе на мѣсто его рожденія. Очень можетъ быть, что именно будучи чуждымъ Франціи въ свои молодые годы, даже въ годы своего воспитанія во французской школѣ и нахожденія на службѣ въ арміи французскаго короля, онъ и не могъ вполнѣ проникнуться духомъ французскаго XVIII вѣка. Хотя онъ и покинулъ свою родину девятилѣтнимъ ребенкомъ, но онъ продолжалъ ее страстно любить, постоянно стремиться къ ней и впослѣдствіи пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы возвращаться въ Аячіо и подолгу тамъ заживаться. Раннія впечатлѣнія, полученныя имъ на родинѣ,—а маленькій Бонапартъ принадлежалъ къ числу дѣтей, развитіе коихъ совершается очень быстро, — залегли глубоко въ душу мальчика и оставили въ ней прочные слѣды. Эти раннія впечатлѣнія получилъ онъ отъ всей корсиканской жизни съ ея враждою между отдѣльными семействами, съ ея обманами, засадами, внезапными нападеніями, отъ нравовъ общетва, признававшаго молодцомъ того, кто умѣлъ лучше другихъ

лгать и притворяться, кто обнаруживалъ въ борьбѣ ловкость и хитрость, кто не останавливался передъ насиліемъ ради успѣха въ своихъ предпріятіяхъ. Первое воспитаніе мальчика совершалось такимъ образомъ подъ вліяніемъ своего рода нагляднаго обученія, какое ему давала корсиканская жизнь, и въ лицѣ Наполеона какъ бы воскресали его предки, итальянцы эпохи кондотьерства.

Предки Наполеона были дѣйствительно выходцами изъ Тосканы, гдѣ въ XVIII в. за фамиліей Буонапарте было признано дворянское происхожденіе. Отецъ Наполеона Карлъ Буонапарте занимался адвокатурой. Когда на островѣ началось національное движеніе подъ начальствомъ Паоли, онъ примкнулъ къ этому народному вождю, но послѣ того, какъ побѣдила Франція, Карлъ Буонапарте сдѣлался однимъ изъ ревностныхъ членовъ французской партіи, за что̀ сталъ пользоваться особымъ покровительствомъ новыхъ господъ Корсики. Въ качествѣ депутата отъ мѣстнаго дворянства онъ не разъ ѣздилъ въ Версаль и даже умеръ (1785) на возвратномъ пути изъ одного такого путешествія. Отъ жены своей Летиціи Рамолино, умной и энергичной женщины, онъ прижилъ тринадцать человѣкъ дѣтей, изъ коихъ только восемь—пять сыновей и три дочери — пережили своего отца. Старшему сыну, Іосифу, въ годъ смерти отца едва исполнилось 17 лѣтъ; второй братъ, Наполеонъ, былъ моложе старшаго на полтора года [1]), а слѣдующіе братья были малъ-мала меньше: Луціанъ—десяти лѣтъ, Людовикъ—семи, Іеронимъ—трехъ мѣсяцевъ; сестры (Элиза, Паулина и Каролина) также были еще дѣвочками. Вдова Летиція Буонапарте бѣдствовала съ такою семьею на рукахъ и кое-какъ справлялась при помощи старшаго сына, вернувшагося на родину изъ Франціи, гдѣ онъ готовился въ отенскомъ коллежѣ къ принятію духовнаго званія. Второй сынъ въ томъ же году кончилъ курсъ въ парижской военной школѣ и, несмотря на свое скудное содержаніе, сталъ помогать семьѣ. Впослѣдствіи братья Наполеона занимали высшія государственныя должности, и трое изъ нихъ были даже королями, равно какъ одна изъ сестеръ сдѣлалась королевой. Наполеонъ всегда стремился „пристроить“ своихъ какъ можно лучше, но чѣмъ выше самъ онъ поднимался и чѣмъ значительнѣе дѣлалось положеніе его братьевъ и сестеръ, тѣмъ требовательнѣе они дѣлались, такъ что Наполеону приходилось даже жаловаться на ихъ вѣчныя претензіи: „послушать ихъ, говорилъ онъ, такъ можно, пожалуй, подумать, что я одинъ завладѣлъ большимъ наслѣдствомъ, оставленнымъ намъ нашимъ отцомъ“. Въ то время, когда семья жила въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, вдова Буонапарте, впослѣдствіи носившая титулъ „Madame Mère“, при-

[1]) Родился 15 авг. 1769 г.

выкла къ самой строгой экономіи и отличалась большимъ скопидомствомъ, даже тогда, когда ея сынъ былъ императоромъ и она получала приличное своему званію содержаніе. Извѣстно, что Летиція пережила Наполеона на цѣлыя пятнадцать лѣтъ и умерла, оставивъ большое состояніе. Хотя Наполеону и приходилось ссориться съ членами своей семьи, однако, онъ былъ всегда связанъ съ нею весьма тѣсными узами, начиная съ того времени, когда по окончаніи курса въ военной школѣ сталъ заботиться объ оказаніи помощи своей матери, братьямъ и сестрамъ, и кончая эпохой имперіи, когда его родня достигла высшихъ почестей и даже стала занимать королевскіе троны. До самаго 1793 г., Наполеона постоянно влекло въ Аячіо, къ родной семьѣ, ибо онъ чувствовалъ себя тяжело среди чуждаго ему общества, къ которому не принадлежалъ по своему рожденію.

Отецъ Наполеона за услуги, оказанныя французскому правительству, получилъ право отдать одного изъ своихъ сыновей на королевскій счетъ, т.-е. на казенное содержаніе въ бріенскую военную школу. Этимъ правомъ онъ воспользовался для своего второго сына, который и былъ отвезенъ въ это учебное заведеніе по десятому году, причемъ мальчика нужно было подучить французскому языку, бывшему для него совершенно чуждымъ. Какъ здѣсь, такъ и въ военномъ училищѣ въ Парижѣ (1784—1785), куда Наполеонъ перешелъ впослѣдствіи для окончанія своего образованія, онъ былъ окруженъ товарищами, съ коими у него по происхожденію, первоначальному воспитанію и общественному положенію не было почти ничего общаго. Одинъ изъ его парижскихъ учителей и далъ ему такую аттестацію, что молодой Буонапарте остался-де совсѣмъ корсиканцемъ по своему характеру. Между Наполеономъ и его товарищами не было большой симпатіи, да и къ самой Франціи онъ относился съ нѣкоторою непріязнью. Своимъ отечествомъ онъ считалъ Корсику, а Франція была для него поработительницей его родины, и онъ, маленькій корсиканецъ, изъ котораго хотѣли сдѣлать француза, чувствовалъ себя тяжело среди товарищей, постоянно его дразнившихъ или относившихся къ нему свысока. Его героемъ былъ корсиканскій патріотъ Паоли: юный Наполеонъ чуть не боготворилъ этого защитника корсиканской свободы. Корсиканскій патріотизмъ вообще отмѣчаетъ собою всѣ молодые годы Наполеона до той поры, когда онъ безповоротно связалъ свою судьбу съ судьбою Франціи. Въ училищѣ по своимъ успѣхамъ Наполеонъ былъ далеко не первымъ, и компетентные люди впослѣдствіи не разъ отмѣчали важные пробѣлы въ его образованіи; но способность къ упорному труду и силу воли онъ обнаруживалъ уже и въ школьные свои годы, и тотъ же самый учитель, который отмѣтилъ корсиканскій характеръ моло-

дого Буонапарте, говорилъ еще, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ юноша пойдетъ далеко.

Выпущенный въ 1785 г. изъ парижской военной школы съ чиномъ артиллерійскаго подпоручика и отправленный въ Валансъ, гдѣ находилась его бригада, шестнадцатилѣтній Бонапартъ предался съ большимъ усердіемъ чтенію, между прочимъ, историческихъ и политическихъ книгъ, бывшихъ тогда въ ходу, напр., „Общественнаго договора“ Руссо и особенно знаменитой въ то время „Философской исторіи“ Рэйналя [1]). Впослѣдствіи онъ даже объявилъ себя ученикомъ Рэйналя въ брошюрѣ „Discours sur le bonheur“, представленной имъ ліонской академіи въ 1791 г. Въ 1786 г., живя въ Валансѣ, молодой артиллерійскій подпоручикъ пробуетъ свои силы на литературномъ поприщѣ и пишетъ исторію Корсики, которую доводитъ до Паоли и посылаетъ въ рукописи тому же Рэйналю, получивъ отъ послѣдняго очень лестный отзывъ и совѣтъ продолжать начатую работу. Выборъ сюжета для перваго литературнаго труда весьма характеренъ, и комментарій къ этому выбору мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ дневника Наполеона, написанныхъ около того же времени, по полученіи отказа на свою просьбу объ отпускѣ на родину ранѣе 1787 г. „Шесть или семь лѣтъ я не видалъ своего отечества. Какъ долженъ я радоваться, когда черезъ четыре мѣсяца я увижу снова моихъ соотечественниковъ и родныхъ!.... Что же въ такомъ случаѣ заставляетъ меня стремиться къ смерти? Однако, въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать мнѣ въ этомъ мірѣ? Разъ я долженъ умереть, не лучше ли ужъ самому съ собой покончить?.... Какое зрѣлище увижу я въ моей родной странѣ? Мои соотечественники, закованные въ цѣпи, содрагаясь, лобзаютъ руку, которая ихъ давитъ... Это уже не тѣ доблестные корсиканцы, коихъ одушевлялъ герой своими высокими качествами, враги тирановъ, роскоши и презрѣнныхъ куртизановъ..... Французы! вамъ мало было отнять у насъ все, что намъ было особенно дорого, вы вдобавокъ развратили еще наши нравы!..... Когда отечество болѣе не существуетъ, хорошій гражданинъ долженъ умереть“. Получивъ, наконецъ, отпускъ, Наполеонъ остается въ Аячіо долѣе даннаго ему срока и только въ маѣ 1788 г. возвращается во Францію, въ свою бригаду находившуюся тогда въ Оксонѣ. Все время онъ, повидимому, съ трудомъ переносилъ двойственность своего положенія въ качествѣ корсиканскаго патріота, взявшаго себѣ за образецъ великаго Паоли и вынужденнаго обстоятельствами служить въ арміи притѣснителей.

Между тѣмъ вспыхнула революція. Наполеонъ, которому въ 1789 г. исполнилось только двадцать лѣтъ, сдѣлался однимъ изъ ея сторон-

---

[1]) См. Ист. зап. Евр. въ Нов. Вр.. III, 228—229.

никовъ. Въ его головѣ бродили тогда идеи Руссо и Рэйналя, и онъ, какъ бы чувствуя себя чужимъ въ офицерскомъ обществѣ, состоявшемъ изъ дворянъ, искалъ сближенія съ „штатскими"—съ чиновниками, адвокатами, буржуа, проникнутыми тѣми же самыми идеями. Осенью 1788 г. Наполеонъ набросалъ въ своемъ дневникѣ планъ разсужденія о королевской власти, весьма характерный для девятнадцати-лѣтняго офицера. „Въ началѣ, читаемъ мы тамъ, будутъ общія соображенія о происхожденіи того значенія, какое для ума людей получило имя короля. Военное правленіе ему благопріятствуетъ. Потомъ будутъ подробности о той узурпированной власти, какою пользуются короли въ двѣнадцати европейскихъ государствахъ. Очень мало вообще королей, которые не заслуживали бы быть низложенными". Но и на революцію Наполеонъ смотрѣлъ сначала съ своей корсиканской точки зрѣнія, такъ какъ мечталъ воспользоваться революціей для того, чтобы самому играть роль въ исторіи родного острова. Осенью 1789 г. онъ получилъ новый отпускъ и опять уѣхалъ въ Аячіо, гдѣ уже шла горячая борьба партій. Молодой офицеръ составляетъ планъ низвергнуть правленіе консервативной партіи, овладѣть цитаделью и прогнать французовъ; планъ этотъ съ энтузіазмомъ принимается клубомъ мѣстныхъ патріотовъ какъ-разъ въ то время, когда организуется и національная гвардія. Мѣстныя власти были, однако, бдительны: гарнизонъ былъ усиленъ, клубъ закрытъ, національная гвардія распущена, и патріотамъ ничего болѣе не осталось сдѣлать, какъ послать въ національное собраніе протестъ, который былъ написанъ Наполеономъ. Въ Парижѣ не одобрили того, что произошло въ Аячіо, и лѣтомъ 1790 г. клубъ снова открылъ свои засѣданія, опять организовалась національная гвардія, и былъ избранъ новый совѣтъ, въ который попалъ старшій Буонапарте—Іосифъ. Во всѣхъ этихъ событіяхъ Наполеонъ играетъ весьма видную роль. Онъ подписался первымъ (Buonaparte, officier d'artillerie) подъ упомянутымъ протестомъ, въ которомъ изложилъ свое тогдашнее политическое credo. Протестъ этотъ начинался именно такими словами: „когда власти (les magistrats) похищаютъ права, противныя закону, когда депутаты безъ полномочія называютъ себя народомъ, чтобы говорить противъ его желанія, частныя лица имѣютъ право соединяться, протестовать и такимъ образомъ сопротивляться притѣсненію". „Когда, сказано въ другомъ мѣстѣ протеста, — когда царствуетъ тираннія, когда власти не пользуются довѣріемъ, когда насъ унизили и мы имѣемъ право ихъ ненавидѣть, можно ли говорить, что все обстоитъ благополучно? Можно ли требовать отъ нашего глубокаго повиновенія, чтобы мы долѣе сносили это иго?" Въ началѣ 1790 г. Наполеонъ написалъ страстный памфлетъ „Письмо г. Буонапарте къ г. Маттео Буттафуоко, депутату

Корсики въ національномъ собраніи",—памфлетъ, въ коемъ онъ все еще является прежде всего корсиканскимъ патріотомъ, протестующимъ противъ поведенія одного изъ депутатовъ острова въ учредительномъ собраніи. Несмотря на свои молодые годы, Наполеонъ играетъ очень видную роль въ клубной агитаціи и даже добивается въ слѣдующій свой пріѣздъ въ Аячіо (1791—1792 г.) избранія въ начальники батальона національной гвардіи. Онъ уже съумѣлъ составить въ пользу своего избранія цѣлую партію, когда одинъ изъ коммиссаровъ, присланныхъ національнымъ собраніемъ для организаціи батальоновъ, Мурати, пріѣхавъ для этого въ Аячіо, остановился въ домѣ главнаго соперника Наполеона, Марія Перальди. Дѣло Наполеона, было, повидимому, проиграно, но онъ рѣшился дѣйствовать путемъ насилія. Однажды подъ вечеръ, когда семья Перальди и ея гость сидѣли за столомъ, въ комнату ворвалось нѣсколько вооруженныхъ людей, которые захватили Мурати и отвели его въ домъ Бонапарта. Послѣдній принялъ его очень ласково и объяснилъ ему, что у Перальди онъ не былъ бы вполнѣ свободенъ. На другой день послѣ этого Наполеонъ былъ избранъ. Фактъ этотъ сообщается однимъ изъ его почитателей, сдѣлавшимъ изъ своего разсказа тотъ неподходящій выводъ, что въ сердцѣ Наполеона были-де глубоко запечатлѣны чувства чести, добродѣтели и свободы. Уже въ 1790 г. Наполеонъ мечталъ о роли какого-то вождя на родномъ островѣ, то предлагая клубистамъ овладѣть цитаделью, то расчитывая стать во главѣ національной милиціи, которая получала бы жалованіе отъ правительства, надѣясь при этомъ на помощь Паоли, вернувшагося изъ изгнанія и единогласно избраннаго въ предсѣдатели административнаго совѣта Корсики. Только когда планъ вооруженія корсиканцевъ на счетъ Франціи окончательно провалился, Наполеонъ въ началѣ 1791 г. вернулся на службу, получивъ въ скоромъ времени повышеніе въ чинъ поручика и назначеніе въ гарнизонъ Валанса. Здѣсь онъ жилъ на скудное жалованье съ младшимъ братомъ своимъ Людовикомъ, занимаясь литературными опытами (между прочимъ „Размышленіями объ естественномъ состояніи", написанными противъ Руссо) и играя видную роль въ клубахъ. Одно время онъ даже былъ секретаремъ „Друзей конституціи" въ Валансѣ, находившимися въ сношеніяхъ съ парижскими якобинцами, и составилъ адресъ національному собранію, въ коемъ „Друзья конституціи" заявляли свою преданность новымъ законамъ. Въ рѣчахъ и писаніяхъ Наполеона этихъ годовъ мы встрѣчаемъ постоянно революціонную фразеологію эпохи. И въ Аячіо, и въ Валансѣ онъ примыкалъ къ радикальной партіи. Между прочимъ, съ своимъ дядею аббатомъ Фешемъ (впослѣдствіи кардиналомъ) онъ составилъ еще въ 1790 г. брошюру „О конституціонной присягѣ

священниковъ“ [1]), чѣмъ даже вызвалъ противъ себя сильное неудовольствіе благочестивыхъ корсиканцевъ, такъ что одинъ разъ его чуть-было не убили во время какого-то крестнаго хода въ Аячіо.

Съѣздивъ еще разъ на родину въ концѣ 1791 г. и пробывъ тамъ начало 1792 г.,—время, къ которому относятся эпизодъ съ Мурати и новая попытка воспользоваться уличною смутою, чтобы овладѣть цитаделью Аячіо, — Наполеонъ отправился въ Парижъ, и здѣсь ему пришлось присутствовать при сценѣ, разыгравшейся 20 іюня, когда народная толпа ворвалась въ королевскій дворецъ, чтобы заставить Людовика XVI подчиниться требованіямъ патріотовъ [2]). Съ своимъ школьнымъ товарищемъ Бурьеномъ онъ пошелъ за толпою, интересуясь посмотрѣть, что выйдетъ изъ этого движенія. Когда Тюйлерійскій дворецъ былъ уже захваченъ народомъ, Наполеонъ сказалъ своему спутнику, что въ эту „сволочь“ слѣдовало бы просто выстрѣлить изъ пушки: сотни четыре или пять положили бы на мѣстѣ, а остальные обратились бы въ бѣгство. Наполеонъ присутствовалъ и при крушеніи монархіи 10 августа [3]). Въ этотъ день, разсказывалъ онъ впослѣдствіи, „я чувствовалъ, что еслибы меня позвали, я сталъ бы защищать короля. Я былъ противъ тѣхъ, которые основывали республику при помощи народа, а потомъ еще я съ негодованіемъ смотрѣлъ, какъ люди въ обыкновенномъ платьѣ нападали на людей въ мундирѣ“. 10-ое августа сыграло важную роль въ судьбѣ Наполеона: въ Парижъ онъ пріѣхалъ вызванный для объясненія властямъ своего поведенія; онъ хлопоталъ о возвращеніи на прежнее мѣсто, которое было для него потеряно съ переходомъ въ командиры корсиканскаго батальона, но дѣло его шло очень плохо, и только переворотъ 10 августа создалъ новое правительство, которое отнеслось благосклонно къ его просьбѣ и даже произвело его въ капитаны.

Въ 1792 г. между революціонной Франціей и монархической Европой начинается война. Вновь назначеннаго капитана она совсѣмъ не интересуетъ. Несмотря на то, что только еще весною своимъ поведеніемъ въ Аячіо онъ навлекъ на себя неудовольствіе мѣстныхъ властей съ Паоли во главѣ, онъ осенью опять ѣдетъ въ родной свой городъ и снова беретъ на себя начальство надъ тамошней милиціей. На этотъ разъ Наполеонъ прожилъ въ Корсикѣ цѣлыхъ девять мѣсяцевъ. Въ это время между Паоли, какъ сторонникомъ низверженной конституціонной монархіи, и новою республиканскою властью въ Парижѣ возникло несогласіе, въ коемъ громадное большинство корсиканцевъ стало на сторону своего стараго героя. Наполеонъ оказался

---

[1]) Ср. т. III, стр. 552.
[2]) Т. III, стр. 571.
[3]) Т. III, стр. 573.

на сторонѣ его противниковъ. Паоли когда-то нашелъ пріютъ въ Англіи и продолжалъ относиться къ ней съ сочувствіемъ, когда между нею и Франціей началась война, а Наполеонъ былъ теперь за Францію. Кромѣ того, и личное честолюбіе Наполеона, оскорблявшееся популярностью Паоли, и его сочувствіе радикаламъ, господствовавшимъ въ конвентѣ, заставляли его идти противъ національнаго героя, бывшаго еще незадолго передъ тѣмъ его идеаломъ. Весною 1793 г. Наполеонъ окончательно разошелся съ Паоли, и народное собраніе объявило фамилію Буонапарте измѣнниками отечества. Летиція съ своими дѣтьми едва спаслась бѣгствомъ, а ея домъ былъ разграбленъ и сожженъ. Около этого времени Луціанъ Бонапартъ ѣздилъ въ Парижъ съ обвиненіями противъ Паоли, написанными его братомъ, самъ же Наполеонъ съ помощью французскихъ солдатъ и, расчитывая на свой батальонъ національной гвардіи, сдѣлалъ неудачную попытку овладѣть Аячіо, послѣ чего и ему оставалось только покинуть островъ. 11 іюня 1793 г. вся семья Бонапартовъ сѣла на корабль, чтобы высадиться въ Тулонѣ. Періодъ корсиканскаго патріотизма Наполеона окончился. Правда, онъ и послѣ еще нѣкоторое время не оставлялъ мысли завладѣть островомъ, но уже теперь имъ руководило чувство мщенія. Честолюбіе играло всегда большую роль въ его поведеніи, и если сначала онъ стремился удовлетворить свое честолюбіе, создавая себѣ выдающееся положеніе на родномъ островѣ, то съ лѣта 1793 г. онъ окончательно связываетъ свою судьбу со службою той революціи, къ которой онъ примкнулъ съ самаго ея начала, движимый ненавистью къ привилегіямъ и находясь еще подъ властью той самой „идеологіи“, къ коей онъ относился съ такимъ презрѣніемъ впослѣдствіи.

Покинувъ Корсику и устроивъ свою семью въ Ла-Валеттѣ, близъ Тулона, молодой капитанъ отправился къ своему отряду, находившемуся тогда въ Ниццѣ, взявъ у конвентскаго коммиссара корсиканца Саличетти, своего друга, удостовѣреніе въ томъ, что пребываніе его, капитана Бонапарта, на островѣ Корсикѣ въ послѣдніе мѣсяцы было безусловно необходимо для республики. Это было время возстаній противъ конвента въ разныхъ мѣстахъ Франціи [1]), и вотъ Наполеону между прочимъ на первыхъ же порахъ пришлось участвовать въ подавленіи провансальскаго возстанія, центромъ коего сдѣлался Авиньонъ. Этого городъ былъ взятъ въ іюлѣ, и занимаясь потомъ здѣсь устройствомъ артиллерійскаго парка, Наполеонъ нашелъ время по поводу происходившей тогда гражданской войны написать памфлетъ подъ заглавіемъ „Le Souper de Beaucaire“, очень понравившійся конвентскимъ коммиссарамъ. Между послѣдними былъ, кромѣ Саличетти, и братъ Робеспьера, и они

[1]) Т. III, стр. 608.

даже напечатали на казенный счетъ эту брошюру. „Ужинъ въ Бокэрѣ“ представляетъ изъ себя защиту политики конвента и побѣдившей въ немъ партіи, т.-е. якобинцевъ противъ жирондистовъ, которые незадолго передъ тѣмъ пали въ борьбѣ за власть [1]). Этотъ шагъ, снискавшій капитану Бонапарту расположеніе конвентскихъ коммиссаровъ, сдѣлалъ его имя и извѣстнымъ въ самомъ конвентѣ: коммиссары даже писали осенью 1793 г., что во всей арміи, осаждавшей тогда Тулонъ, Бонапартъ—единственный офицеръ, у котораго есть настоящій планъ операцій. Извѣстно, что въ концѣ августа Тулонъ передался англичанамъ [2]), послѣ чего началась осада этого важнаго пункта арміей, въ составъ коей попалъ и Наполеонъ. Когда въ одной стычкѣ былъ раненъ начальникъ осадной артиллеріи, конвентскіе коммиссары назначили на на его мѣсто своего новаго сторонника. Наполеонъ блестящимъ образомъ справился съ предстоявшей ему задачею, и когда наконецъ Тулонъ былъ взятъ (дек. 1793), коммиссары произвели побѣдителя въ бригадные генералы, и это повышеніе было немедленно утверждено комитетомъ общественнаго спасенія. Молодой генералъ все болѣе и болѣе сближался теперь съ якобинцами, особенно черезъ брата Робеспьера, конвентскаго коммиссара, при которомъ онъ, какъ въ то время говорили, игралъ роль негласнаго совѣтника. Въ первой половинѣ 1794 г., находясь въ итальянской арміи, дѣйствовавшей противъ австро-сардинскаго войска, оба они разрабатывали вмѣстѣ планъ предстоявшей кампаніи. Въ іюлѣ генералъ Бонапартъ поѣхалъ въ Геную для переговоровъ съ дожемъ въ виду предположеннаго вторженія французовъ въ Пьемонтъ. Съ блестящими надеждами на военный успѣхъ, быть можетъ, даже въ роли главнокомандующаго, Наполеонъ возвратился въ Ниццу, но какъ разъ въ это время произошло событіе 9 термидора [3]). На свой планъ завоеванія Италіи онъ получилъ согласіе самого Робеспьера безъ вѣдома конвента и комитета общественнаго спасенія, и Саличетти, спасавшій, подобно другимъ якобинцамъ самого себя доносами на людей, виновныхъ въ поддержкѣ низверженнаго диктатора, указалъ и на генерала Бонапарта, какъ на лицо, строившее планы Робеспьера. Предвидя возможность непріятности, Наполеонъ заблаговременно написалъ письмо французскому повѣренному въ Генуѣ, расчитывая, что содержаніе письма сдѣлается извѣстнымъ въ Парижѣ: „я былъ немного огорченъ катастрофой Робеспьера младшаго, котораго я любилъ и считалъ невиннымъ, но будь онъ мой родной отецъ, я самъ его закололъ бы кинжаломъ, еслибы онъ сталъ стремиться къ

---

[1]) Т. III, стр. 607—608.
[2]) Т. III, стр. 609.
[3]) Т. III, стр. 613—614.

тиранніи". 12 августа 1794 г. Наполеонъ тѣмъ не менѣе былъ лишенъ должности и чина и заключенъ въ крѣпость, откуда онъ написалъ письмо конвентскимъ коммиссарамъ съ увѣреніями въ своей преданности революціи, республикѣ и отечеству. Такъ какъ въ бумагахъ арестованнаго не было, однако, найдено ничего подозрительнаго, его выпустили на свободу (20 августа) и скоро вернули ему чинъ генерала (14 сентября).

Послѣ этого Наполеонъ жилъ нѣкоторое время въ Парижѣ. Хотя онъ и получилъ назначеніе въ западную армію, дѣйствовавшую въ Вандеѣ [1]), онъ оставался въ столицѣ, между прочимъ, выжидая, какой исходъ будетъ имѣть якобинское предпріятіе противъ конвента, то самое, которое потомъ окончилось неудачею въ знаменитый день 1 преріаля (20 мая 1795 г.), бывшій днемъ новаго пораженія якобинцевъ [2]). Послѣ этого событія Наполеонъ отсталъ отъ крайнихъ, чтобы сблизиться съ умѣренными, бывшими тогда у власти, а въ ихъ числѣ находились Фреронъ и Баррасъ, свидѣтели—въ качествѣ коммиссаровъ—того, что молодой артиллеристъ сдѣлалъ подъ Тулономъ. Наполеонъ, давно имѣя уже готовый планъ наступательной войны въ Италіи, потребовавшій теперь только кое-какихъ измѣненій въ виду новыхъ обстоятельствъ, снова выступаетъ съ этимъ планомъ, поддерживаемый новыми покровителями. Онъ рѣшился даже протестовать противъ своего назначенія въ западную армію, и комитетъ общественнаго спасенія постановилъ за ослушаніе исключить генерала Бонапарта изъ списковъ арміи (сент. 1795). Наполеонъ остался ни при чемъ и очень бѣдствовалъ въ матеріальномъ отношеніи. Между тѣмъ въ Парижѣ буржуазіей и роялистами подготовлялось новое движеніе противъ конвента, разыгравшееся 13 вандемьера [3]). Конвентъ, находившійся тогда въ самомъ критическомъ положеніи, назначилъ особый комитетъ для поддержанія порядка. Однимъ изъ его членовъ былъ сдѣланъ Баррасъ, взявшій на себя военную часть распоряженій въ виду грозившей опасности: ему-то и пришло въ голову взять себѣ въ помощники Бонапарта, который дѣйствительно, проявилъ, большую предусмотрительность и распорядительность. Въ ночь съ 4 на 5 окт. (13 вандемьера) 1795 г. онъ перевезъ къ конвенту пушки, и когда послѣ полудня 5 окт. на конвентъ двинулась національная гвардія, то была встрѣчена сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Конвентъ былъ спасенъ, а побѣдитель награжденъ самымъ примѣрнымъ образомъ: черезъ три недѣли онъ уже былъ главнокомандующимъ въ Парижѣ.

---

[1]) Т. III, стр. 604.
[2]) Т. III, стр. 619.
[3]) Т. III, стр. 620.

Около этого времени Наполеонъ познакомился съ молодой креолкой Жозефиной Богарнэ, вдовой революціоннаго генерала, сложившаго голову на плахѣ въ 1794 г. Молодымъ генераломъ овладѣла страсть къ этой женщинѣ, отличавшейся тогда кокетствомъ и довольно легкимъ поведеніемъ, но Жозефина не отвѣчала ему взаимностью. Баррасъ, который по введеніи конституціи III года [1]) сдѣлался однимъ изъ директоровъ, былъ покровителемъ г-жи Богарнэ и явился въ качествѣ посредника между нею и влюбленнымъ генераломъ. Жозефина заставила себя упрашивать и согласилась на бракъ лишь тогда, когда претендентъ на ея руку получилъ новое блестящее назначеніе. Баррасъ мѣтилъ его сначала въ военные министры, но на это не послѣдовало согласія другихъ директоровъ. Потомъ сошлись на томъ, чтобы сдѣлать генерала Бонапарта главнокомандующимъ итальянской арміи и лишь тогда Жозефина дала свое согласіе. 2 марта былъ подписанъ декретъ о назначеніи Наполеона главнокомандующимъ, 9 числа того же мѣсяца состоялся гражданскій бракъ его съ вдовою Богарнэ, а 12 онъ уже уѣхалъ въ итальянскую армію. Это назначеніе Наполеона и выходъ за него замужъ Жозефины находятся между собою въ какой-то связи, отрицать которую нельзя, хотя не все въ ней вполнѣ ясно. Незадолго до свадьбы Наполеонъ говорилъ своей невѣстѣ о недовольствѣ его товарищей такимъ его назначеніемъ и замѣтилъ, что ему чужая протекція ненужна, что скоро будутъ, наоборотъ, искать его покровительства, что съ нимъ его сабля, а съ нею онъ пойдетъ далеко. Мы видѣли уже, что еще раньше Наполеонъ представилъ планъ вторженія въ Пьемонтъ. Этотъ планъ былъ отправленъ директоріей главнокомандующему Шереру, который возвратилъ его съ такого рода заключеніемъ, что сочинить его могъ только съумасшедшій, и что кто его сочинилъ, тотъ пусть и приводитъ его въ исполненіе. Въ директоріи стали думать, что же предпринять въ виду отказа Шерера выполнять присланный изъ Парижа планъ, и въ концѣ концовъ выборъ въ главнокомандующіе палъ на Наполеона. Его проектъ заключался въ слѣдующемъ: быстрое вторженіе въ Пьемонтъ должно было отторгнуть отъ Австріи сардинскаго короля, котораго слѣдовало привлечь на сторону Франціи перспективою вознагражденія за Савойю и Ниццу въ Ломбардіи; затѣмъ нужно было завоевать Ломбардію и оттуда вступить въ Тироль, чтобы подъ Вѣною соединиться съ другою французскою арміей, которая явилась бы сюда чрезъ южную Германію; послѣ этого императору ничего не оставалось бы дѣлать, какъ заключить миръ на условіяхъ, какія ему предпишетъ Франція.

---

[1]) Т. III, стр. 621—622.

Какъ-разъ именно въ эти годы французская республика перешла къ политикѣ революціонной пропаганды [1]), но въ нашъ планъ не входитъ разсказывать объ итальянской кампаніи Наполеона, приведшей въ концѣ концовъ къ выгодному для Франціи миру въ Кампо-Форміо [2]). Уже въ это время Наполеонъ вполнѣ самостоятельно распоряжается въ Италіи, не взирая на то, чего желала директорія. Послѣдняя думала, напр., основать въ Пьемонтѣ республику, а главнокомандующій заключилъ съ сардинскимъ королемъ перемиріе. Противъ воли директоріи онъ заключаетъ и толентинскій миръ [3]) съ побѣжденнымъ папою Піемъ VI. Условія леобенскаго перемирія съ Австріей, подтвержденнаго кампо-формійскимъ миромъ, были составлены опять-таки самимъ Наполеономъ, и директорія вынуждена была согласиться на уничтоженіе республики св. Марка [4]). Директорія начинала уже побаиваться своего побѣдоноснаго главнокомандующаго въ Италіи, столь успѣшно революціонировавшаго и завоевывавшаго страну. Притомъ положеніе директоріи внутри страны дѣлалось шаткимъ въ виду возрождавшагося роялизма. Большинство совѣтовъ пятисотъ и старѣйшинъ нападало на внѣшнюю политику директоріи, бывшую въ сущности политикой генерала Бонапарта, и директорія поневолѣ должна была вести себя такъ, чтобы имѣть въ немъ поддержку. Наполеонъ могъ теперь поэтому играть роль и во внутренней политикѣ Франціи. Республиканская партія въ обоихъ совѣтахъ, боясь монархической реставраціи, которую замышляли роялисты, обратилась за помощью къ главнокомандующему итальянской арміей. Послѣдній при первомъ же извѣстіи о существованіи этого политическаго конфликта обратился къ войску съ манифестомъ, въ коемъ требовалъ истребленія роялистовъ, враговъ республики и конституціи III года. Въ Парижъ посланы были въ такомъ смыслѣ адресы отъ арміи. Отъ имени своихъ 80 тысячъ человѣкъ Наполеонъ давалъ знать оппозиціи, что прошло то время, когда адвокаты и болтуны могли гильотинировать солдатъ. Адресы дивизій отвезъ въ Парижъ генералъ Ожеро, коего главнокомандующій на случай надобности отдавалъ въ распоряженіе директоріи, и Ожеро немедленно по пріѣздѣ былъ поставленъ во главѣ парижскаго гарнизона. Этотъ посланецъ Наполеона въ согласіи съ тремя директорами и произвелъ (4 сент. 1797) извѣстный переворотъ 18 фрюктидора [5]), окруживъ солдатами Тюйльери и исключивъ изъ обоихъ совѣтовъ наиболѣе оппозиціонныхъ членовъ и вмѣстѣ съ ними двухъ директоровъ. Новая директорія, обязанная всѣмъ Бонапарту, избѣгала

---

[1]) См. выше, стр. 15 и слѣд.
[2]) См. выше, стр. 31.
[3]) См. выше, стр. 27.
[4]) См. выше, стр. 24 и 31.
[5]) Т. III, стр. 642.

идти ему на перекоръ, и въ Кампо-Форміо (17 окт. 1797) Наполеонъ былъ настоящимъ господиномъ положенія. Въ концѣ 1797 г. Наполеонъ возвратился въ Парижъ, заѣхавъ на нѣсколько дней въ Раштатъ, куда онъ былъ назначенъ, какъ первый уполномоченный отъ Франціи на конгрессѣ, собранномъ для мирныхъ переговоровъ съ имперіей [1]). Въ столицѣ республики побѣдитель Италіи восторженно былъ принятъ населеніемъ, не задолго еще передъ тѣмъ ненавидѣвшимъ его за 13 вандемьера, но Наполеонъ велъ себя въ высшей степени сдержанно. Директорія въ честь своего генерала устроила празднество, во время котораго „гражданинъ Бонапартъ“ сказалъ рѣчь о преданности своей революціи, республикѣ иконституціи III года [2]).

Въ Парижѣ Наполеонъ провелъ зиму 1797—1798 г., и директорія въ это время дѣйствовала въ полномъ согласіи съ своимъ генераломъ: занятіе Рима и превращеніе его въ республику, превращеніе федеральной республики Батавской въ единую и нераздѣльную, учрежденіе республики Гельветической, все это было сдѣлано въ началѣ 1798 г. директоріей при содѣйствіи Наполеона, который далъ генералу Бертье приказъ занять Римъ, рекомендовалъ генерала Жубера на постъ главнаго начальника батавскихъ военныхъ силъ и составилъ планъ военнаго вмѣшательства въ дѣла Швейцаріи [3]). Есть извѣстіе, что уже въ это время Наполеонъ мечталъ войти въ составъ директоріи, но послѣдняя стала скоро тяготиться своимъ властолюбивымъ генераломъ. Онъ думалъ - было вернуться въ Раштатъ, директорія была противъ этого, Наполеонъ же не хотѣлъ болѣе оставаться въ Парижѣ. Еще осенью 1797 г. передъ возвращеніемъ своимъ изъ Италіи онъ писалъ директоріи, что слѣдовало бы овладѣть Египтомъ, и за эту мысль схватился министръ иностранныхъ дѣлъ Талейранъ, который самъ лѣтомъ 1797 г. говорилъ о томъ же. Директорія тогда мечтала о высадкѣ въ Англіи и дѣлала къ ней приготовленія, назначивъ Наполеона послѣ кампо-формійскаго мира главнокомандующимъ арміи, предназначенной дѣйствовать въ Англіи. Но въ Парижѣ Наполеонъ отказался отъ этого плана, указавъ на его неосуществимость, пока Англія господствуетъ на моряхъ. Вмѣсто высадки въ Англіи, онъ предложилъ экспедицію въ Египетъ, и наконецъ директорія съ радостью на это согласилась, лишь бы только удалить изъ Парижа слишкомъ честолюбиваго генерала.

Пребываніе Наполеона въ Египтѣ (и Сиріи) длилось съ начала іюля 1797 по конецъ августа 1799 г. Въ его отсутствіе возгорѣлась

---

[1]) См. выше, стр. 32.

[2]) См. ниже, стр. 79.

[3]) Обо всѣхъ этихъ фактахъ ср. выше, стр. 22—23, 26, 27.

новая коалиціонная война противъ Франціи, бывшая для нея весьма несчастной [1]). Есть указанія на то, что, уѣзжая въ Египетъ съ отборными военными силами, Наполеонъ предвидѣлъ, что Франція можетъ быть побита и что всѣ тогда станутъ желать его возвращенія изъ этой далекой страны, гдѣ онъ покроетъ себя новою славою. Онъ прямо заявлялъ передъ отъѣздомъ своему брату Іосифу, что вернется, если начнется новая война и если эта война будетъ несчастна, такъ какъ тогда его успѣхъ у націи будетъ обезпеченъ. Уже въ концѣ мая 1799 г. сама директорія звала Наполеона изъ Египта стать во главѣ республиканскихъ армій, но письмо директоріи до него не дошло. И безъ такого приглашенія онъ самъ нашелъ нужнымъ ѣхать обратно, такъ какъ узналъ, главнымъ образомъ изъ англійскихъ газетъ, о томъ, что дѣлалось во Франціи, гдѣ директорія потеряла тогда всякое значеніе. Около этого времени одинъ французъ писалъ другому, что Франція слишкомъ утомлена чтобы дать себѣ самой государя, но что если придетъ человѣкъ съ готовымъ планомъ, онъ будетъ имѣть успѣхъ [2]). Генералъ Бонапартъ и оказался такимъ человѣкомъ съ готовымъ планомъ: ему было тогда тридцать лѣтъ, и его характеръ, стремленія и идеи были уже вполнѣ опредѣлившимися.

Прежде нежели мы будемъ продолжать разсказъ о дальнѣйшемъ возвышеніи Наполеона, мы познакомимся теперь ближе съ нимъ самимъ, съ его личными свойствами, съ его взглядами, съ его образомъ дѣйствій, имѣя въ виду преимущественно годы, которые непосредственно предшествовали перевороту 18 брюмера.

По качествамъ своего ума и своей воли Наполеонъ представляетъ собою съ психологической точки зрѣнія одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей во всемірной исторіи. Въ немъ все было поразительно — и его громадная память, удерживавшая на очень долгое время самыя мелкія подробности, и его неослабное вниманіе ко всему, что вокругъ него происходило, и постоянный интересъ, съ какимъ онъ стремился знать все, что могло имѣть для него какое-либо практическое значеніе, и необычайная сила его воображенія, позволявшаго ему быстро оріентироваться въ самыхъ сложныхъ обстоятельствахъ, отчетливо представлять себѣ выходъ изъ всякаго затруднительнаго положенія, предусматривать въ будущемъ всевозможныя случайности, и замѣчательно крѣпкая логика, съ какою онъ извлекалъ свои заключенія изъ данныхъ фактовъ или идей, и способность его къ самому упорному труду, который, повидимому, его никогда не утомлялъ, и наконецъ энергія, какую онъ всегда проявлялъ въ достиженіи своихъ цѣлей. Соединеніе

---

[1]) Т. III, стр. 640.
[2]) Т. III, стр. 648.

качествъ, рѣдкихъ самихъ по себѣ, въ одномъ и томъ же человѣкѣ— явленіе въ высшей степени рѣдкое: оно одно можетъ объяснить и то впечатлѣніе, какое онъ производилъ на всѣхъ людей, которымъ приходилось имѣть съ нимъ дѣло и которые, чувствуя его превосходство надъ собою, невольно ему подчинялись, какъ человѣку съ самымъ яснымъ умомъ и съ самою сильною волею, одно можетъ объяснить и ту роль, какую этотъ умъ, одаренный въ самой высокой степени способностью къ синтезу, этотъ организаторскій геній, эта властная натура играли въ грандіозныхъ событіяхъ начала XIX в. И всѣ эти великія качества ума и воли соединялись въ Наполеонѣ съ ужасающимъ эгоизмомъ, дающимъ ключъ къ пониманію всего поведенія Наполеона въ эпоху его возвышенія и славы. Ему чужды были чувства жалости, состраданія, великодушія, хотя онъ и не былъ по природѣ своей человѣкомъ злымъ, мстительнымъ и кровожаднымъ: скорѣе всего его отношеніе къ людямъ можетъ быть опредѣлено, какъ глубокое презрѣніе, — презрѣніе, съ коимъ онъ относился къ человѣческой личности вообще, къ чужому достоинству, къ чужому праву, къ чужимъ радостямъ и горестямъ. Это была слишкомъ здоровая натура для того, чтобы, подобно какому-нибудь Нерону или Ивану Грозному, находить удовольствіе въ безцѣльномъ мучительствѣ людей; онъ умѣлъ быть даже благодушнымъ, когда былъ въ хорошемъ настроеніи, когда тотъ или другой человѣкъ дѣлалъ именно то и такъ, что и какъ ему хотѣлось, или когда былъ прямой расчетъ казаться одареннымъ тѣми качествами, которыя всегда снискиваютъ къ себѣ людское расположеніе, казаться именно человѣкомъ благожелательнымъ, добрымъ, снисходительнымъ и даже нѣсколько слабымъ по отношенію къ дорогимъ сердцу людямъ. Если и допустить, что во многихъ случаяхъ, когда поступки Наполеона позволяли говорить о хорошихъ свойствахъ его души, онъ былъ вполнѣ самимъ собою, а не игралъ комедіи, то и тогда придется признать, что это были рѣдкіе порывы, нисколько не ослабляющіе того общаго впечатлѣнія, какое производитъ на насъ все его поведеніе. Наконецъ, по мѣрѣ того, какъ Наполеонъ возвышался и все болѣе и болѣе привыкалъ къ неограниченной власти, его эгоизмъ и властолюбіе, не знавшіе уже никакой сдержки, все болѣе и болѣе дѣлали его человѣкомъ, несправедливымъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, смотрѣвшимъ на нихъ прежде всего съ презрѣніемъ, раздражавшимся при малѣйшемъ противорѣчіи и дававшимъ полную волю вспышкамъ своего гнѣва.

Современники Наполеона, авторы воспоминаній о немъ самомъ и мемуаровъ о той эпохѣ, даютъ намъ массу отдѣльныхъ чертъ изъ его жизни, сообщаютъ множество его отзывовъ о событіяхъ и людяхъ, разсказываютъ немало анекдотовъ, связанныхъ съ его именемъ, и весь этотъ матеріалъ, подтверждаемый общеизвѣстными историческими

фактами и собственными заявленіями Наполеона—въ его перепискѣ, въ его политическихъ и военныхъ манифестахъ и бюллетеняхъ, въ тѣхъ мемуарахъ, которые онъ диктовалъ на островѣ св. Елены,—можетъ лечь въ основу только такой общей характеристики Наполеона: это былъ великій умъ чисто практическаго склада, это была сильная воля, какъ бы созданная для властвованія надъ людьми, это былъ громадный организаторскій талантъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ это было настоящее воплощеніе эгоизма, дѣлавшаго изъ Наполеона человѣка, который выше всего ставилъ стремленія и интересы собственнаго своего *я* и потому былъ неспособенъ одушевляться въ своей дѣятельности какими-либо великими идеями своего вѣка. Отдѣльные факты, которые намъ придется еще приводить, подтвердятъ такое пониманіе личности Наполеона, являвшейся потомъ въ совсѣмъ иномъ, какомъ-то поэтическомъ освѣщеніи въ извѣстной наполеоновской легендѣ.

Наполеонъ не допускалъ, чтобы человѣкъ могъ вообще дѣйствовать иначе, какъ только въ силу личнаго интереса, и безкорыстное служеніе идеѣ было ему непонятно. Вся революція казалась ему произведенною тщеславіемъ, и на всѣ ея событія, насколько они касались его, онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія собственной выгоды, весьма рано переставъ вѣрить въ „идеологію“ XVIII в. Во время революціи онъ искусно лавировалъ между партіями, выдавая себя за монтаньяра до 9 термидора и отрекшись затѣмъ отъ своей солидарности съ якобинцами. Наканунѣ 13 вандемьера, когда готовилось уже нападеніе на Тюйльери, онъ говорилъ, что еслибы парижскія секціи поручили команду ему, онъ въ два часа овладѣлъ бы дворцомъ и выгналъ бы оттуда всѣхъ этихъ презрѣнныхъ конвентщиковъ, а на другой день онъ самъ ихъ защищаетъ, встрѣчая картечью нападающія секціи. Онъ служитъ въ Италіи директоріи, не скрывая своего настоящаго къ ней отношенія. Послѣ леобенскаго прелиминарнаго мира, онъ говорилъ въ одной откровенной бесѣдѣ: „неужели вы думаете, что я одерживаю побѣды въ Италіи ради величія адвокатовъ директоріи, всѣхъ этихъ Карно и Баррасовъ? Неужели вы думаете, что я это дѣлаю для основанія республики? Что за идея! Республика въ тридцать милліоновъ душъ! Съ нашими нравами, съ нашими пороками! Возможно ли это? Вѣдь это химера, которою французы одержимы теперь, но которая пройдетъ подобно многимъ другимъ. Имъ нужна слава, имъ нужно удовлетвореніе ихъ тщеславія, а что касается до свободы, то въ ней они ничего не понимаютъ“. И къ этому достаточно ясному заявленію онъ прибавилъ: „если я оставлю Италію, то только для того, чтобы во Франціи играть роль, подобную той, какую я здѣсь играю, но время для этого еще не настало—груша еще не созрѣла“. Послѣ 18 фрюктидора онъ такъ объяснялъ свое поведеніе, что и самъ

быть не желаетъ Монкомъ, и другимъ не позволитъ разыграть эту роль. „Что до меня касается, замѣтилъ онъ еще, то скажу вамъ вотъ что: я не могу болѣе повиноваться; я попробовалъ власти и уже не могъ бы отъ нея отказаться. Свое рѣшеніе я принялъ: если мнѣ нельзя будетъ сдѣлаться господиномъ, я покину Францію". Уѣзжая въ Египетъ, онъ отсрочивалъ приведеніе въ исполненіе своихъ замысловъ, а здѣсь, на Востокѣ, по его словамъ, всякій „вылѣчился бы отъ своей филантропіи" при видѣ страны, гдѣ государь ни во что не ставитъ жизнь своихъ подданныхъ, которые также ни во что не ставятъ собственную жизнь: Наполеонъ признавался, что на Востокѣ Руссо ему опротивѣлъ.

Система, которую генералъ Бонапартъ сталъ вводить во Франціи послѣ 18 брюмера, уже была вполнѣ готова въ его головѣ: система эта вполнѣ сложилась еще во время итальянскаго похода и египетской экспедиціи. Новый режимъ долженъ былъ опираться на военную силу, уже показавшую свое значеніе 13 вандемьера и 18 фрюктидора, но для этого нужно было еще извѣстнымъ образомъ воспитать армію. Конечно, не Наполеонъ придумалъ способъ содержанія войска на счетъ занятыхъ непріятельскихъ областей. Уже конвентъ практиковалъ эту систему въ широкихъ размѣрахъ, но Наполеонъ прямо сталъ указывать арміи на то, что солдаты прежде всего должны сражаться ради добычи и славы: прежнія ссылки на братство народовъ и на освобожденіе ихъ изъ-подъ тиранніи замѣнились въ приказахъ по арміи заявленіями совсѣмъ иного рода. Вотъ та прокламація, съ которою Наполеонъ обратился къ итальянской арміи, принявъ на себя главную команду: „Солдаты! Васъ плохо кормятъ, и вы почти наги. Правительство вамъ многое должно, но оно для васъ ничего не можетъ сдѣлать. Ваше терпѣніе, ваше мужество дѣлаетъ вамъ честь, но не доставляютъ вамъ ни выгоды, ни славы. Я поведу васъ въ самыя плодородныя въ мірѣ равнины, вы увидите тамъ большіе города и богатыя провинціи, вы найдете тамъ честь, славу и богатство. Солдаты итальянской арміи! Неужели у васъ не хватитъ мужества"? Еще опредѣленнѣе говорилъ онъ о томъ же самомъ во время египетской экспедиціи въ слѣдующей прокламаціи: „Солдаты! два года гому назадъ я пришелъ командовать вами. Въ то время вы были на генуэзскомъ берегу въ величайшей нищетѣ, не имѣя ничего, вынужденные даже продавать часы для своего пропитанія. Я обѣщалъ вамъ прекратить ваши бѣдствія и повелъ васъ въ Италію. Тамъ вамъ все было дано. Не сдержалъ ли я своего слова? Такъ узнайте же, что вы не все еще сдѣлали для отечества, и что отечество не все для васъ сдѣлало. Я поведу васъ въ страну, гдѣ въ своихъ будущихъ подвигахъ вы превзойдете тѣ, которые составляютъ пред-

метъ удивленія вашихъ почитателей, и окажете отечеству услуги, коихъ оно въ правѣ требовать отъ арміи непобѣдимыхъ. Я обѣщаю каждому солдату, что по возвращеніи изъ этой экспедиціи у него будетъ на что купить шесть арпановъ земли". Извѣстно, какія громадныя контрибуціи налагалъ Наполеонъ въ Италіи, посылая въ Парижъ директоріи не только большія суммы денегъ, но и дорогія произведенія искусства. Свои обѣщанія онъ сдерживалъ и по отношенію къ арміи: война обогащала ея высшіе и низшіе чины, которые все болѣе и болѣе привязывались поэтому къ своему главнокомандующему. Уже въ Италіи онъ пріучалъ также армію смотрѣть на себя, какъ на нѣчто отдѣльное отъ націи, имѣющее свои особые интересы. Выше было сказано что переворотъ 18 фрюктидора произошелъ, такъ сказать, съ благословенія итальянской арміи, которой потомъ Наполеонъ такимъ образомъ объяснялъ нарушеніе конституціи, произведенное директоріей вмѣстѣ съ посланнымъ изъ Италіи въ Парижъ генераломъ Ожеро. „Въ то самое время, говорилъ онъ именно, когда вы находились вдали отъ родины и побѣждали Европу, для васъ ковали цѣпи; вы узнали объ этомъ, вы заговорили, народъ пробудился, указалъ на измѣнниковъ, и они уже въ цѣпяхъ. Вы узнаете изъ прокламаціи исполнительной директоріи, что̀ замышляли враги отечества, особенные враги солдатъ и въ частности итальянской арміи (les ennemis particuliers du soldat et spécialement de l'armée d'Italie). Это предпочтеніе доставляетъ намъ почетъ. Ненависть измѣнниковъ, тирановъ намъ лучшій патентъ на славу и безсмертіе въ исторіи". Наполеонъ оправдывалъ нападеніе, сдѣланное на народное представительство, интересами итальянской арміи: во второй половинѣ девятидесятыхъ годовъ Франція жила безпрестанными переворотами и ожиданіями новыхъ переворотовъ, и Наполеонъ уже воспитывалъ армію въ духѣ неуваженія къ конституціи.

Будущему повелителю Франціи были непонятны политическія теоріи эпохи, требовавшія раздѣленія властей и установленія гарантій для личной и общественной свободы. Онъ понималъ только простыя формы революціонной диктатуры или военной команды, и уже по окончаніи своей карьеры, находясь на островѣ св. Елены, онъ резюмировалъ свои взгляды на политику въ очень немногихъ словахъ: „чтобы управлять, нужно быть военнымъ, ибо хорошо править можно лишь въ ботфортахъ и со шпорами". Конституція III года казалась Наполеону совсѣмъ не подходящей для Франціи, и на собственномъ опытѣ въ Цизальпинской республикѣ, которую ему пришлось организовать, онъ увидѣлъ непригодность французскихъ порядковъ для итальянцевъ. Въ сентябрѣ 1797 г. онъ писалъ объ этомъ Талейрану, прося его назначить коммиссію для выработки новаго устройства

Цизальпинской республики и предлагая ему свои собственныя соображенія на этотъ счетъ. „Организація французскаго народа,—писалъ онъ въ письмѣ, которое просилъ Талейрана сообщить и Сіэсу, — организація французскаго народа на самомъ дѣлѣ только-что начата. Несмотря на наше высокомѣріе, на наши тысячу и одну брошюры, на наши безконечныя и болтливыя рѣчи, мы довольно-таки невѣжественны въ политической наукѣ. Мы еще хорошенько не опредѣлили, что разумѣется подъ властью законодательною, исполнительною и судебною. Монтескье далъ намъ невѣрныя опредѣленія". Наполеонъ не соглашается съ теоріей Монтескье, подвергаетъ ее критикѣ и затѣмъ въ немногихъ словахъ излагаетъ свою собственную систему: истинный представитель націи есть правительственная власть, дѣйствующая на основаніи конституціонной хартіи и органическихъ законовъ: эта власть должна быть раздѣлена между двумя магистратурами, назначаемыми народомъ, изъ коихъ одна наблюдаетъ, но не дѣйствуетъ, а другая представляетъ на ея усмотрѣніе, такъ сказать, законодательство исполненія; первая составляла бы великій совѣтъ націи, въ составъ коего могли бы попадать только лица, уже отправлявшія какія-либо должности и опытные въ дѣлахъ, но нужно, чтобы это собраніе „безъ положенія въ республикѣ, безъ глазъ и ушей для окружающаго, не имѣло честолюбія и не заваливало правительство тысячью законовъ, вызванныхъ потребностями минуты". Эти соображенія Наполеонъ обозначилъ, какъ свой „полный кодексъ политики", но онъ былъ неполонъ, такъ какъ въ письмѣ не было сказано, какимъ образомъ слѣдуетъ понимать роль исполнительной власти при законодательномъ совѣтѣ націи, который „не долженъ былъ имѣть никакого положенія въ республикѣ". Это письмо, однако, объясняетъ намъ смыслъ словъ, коими Наполеонъ закончилъ свою рѣчь на торжественномъ пріемѣ, устроенномъ ему директоріей въ Парижѣ 10 декабря 1797 г. [1]): „когда счастье французскаго народа, сказалъ онъ, будетъ покоиться на лучшихъ органическихъ законахъ, вся Европа будетъ свободна". Указаніе на эти „лучшіе органическіе законы" было для многихъ, слышавшихъ эту рѣчь, какою-то загадкою: разъясненія ея пришлось ждать до 18 брюмера, послѣ котораго Наполеонъ разъяснилъ и то, какъ понималъ онъ роль исполнительной власти въ республикѣ.

Мы могли бы привести здѣсь еще факты, свидѣтельствующіе что уже въ Италіи въ 1797 г. Наполеонъ думалъ о томъ, какое важное значеніе для упроченія правительственной власти во Франціи, могло бы имѣть примиреніе между республикой и католическою цер-

[1]) Ср. выше, стр. 73.

ковью, но мы это сдѣлаемъ, когда будемъ говорить о заключеніи Наполеономъ конкордата съ папою; а теперь просто отмѣтимъ только, что уже въ 1797 г. онъ дѣлалъ въ этомъ смыслѣ представленія куріи, ссылаясь на обоюдную выгоду, которая могла бы произойти отъ примиренія и для римской курін, и для французскаго правительства.

VI. Восемнадцатое брюмера и наполеоновскія конституціи [1]).

Возвращеніе Наполеона изъ Египта.—Франція наканунѣ 18 брюмера.—Сіэсъ и соглашеніе между нимъ и Наполеономъ.—Событія 18 и 19 брюмера. Впечатлѣніе, произведенное ими на современниковъ. — Конституціонный планъ Сіэса и произведенныя въ немъ измѣненія. — Конституція VIII года.—Первые шаги новаго правительства. — Покушеніе 3 нивоза.—Исторія трибуната. — Пожизненное консульство.—Измѣненія въ конституціи VIII г.—Заговоръ Жоржа Кадудаля.—Казнь герцога Ангіенскаго.—Установленіе имперіи. — Роль представительныхъ учрежденій въ эпоху консульства и имперіи.

Наполеонъ выбралъ наиболѣе подходящее время для того, чтобы возвратиться во Францію. Плоды его побѣдъ въ Италіи были потеряны, внутри Франціи все было непрочно. Сначала онъ думалъ явиться на театръ войны, чтобы взять на себя снова главную команду, а потомъ уже, побѣдивъ внѣшняго врага, сдѣлать нападеніе на неспособную директорію, но эта мысль скоро была оставлена, и Наполеонъ, высадившись 9 октября въ Фрежюсѣ, сталъ держать путь прямо на Парижъ. Уже въ Фрежюсѣ одинъ клубный ораторъ обратился къ нему съ предложеніемъ идти прогнать непріятеля, а затѣмъ, если онъ захочетъ, то можетъ, пожалуй, сдѣлаться и королемъ. По всей дорогѣ до Парижа Наполеону устраивали торжественныя встрѣчи, видя въ немъ будущаго спасителя Франціи, спасителя не только отъ внѣшняго врага, но и отъ грознаго оборота, какой принимали внутреннія дѣла, когда, повидимому, французской націи предстояло выбирать между возвращеніемъ Бурбоновъ, а съ ними и старыхъ порядковъ или возобновленіемъ анархіи. Въ самой столицѣ извѣстіе о возвращеніи генерала Бонапарта было встрѣчено общею

[1]) Кромѣ общихъ исторій (къ числу коихъ отнесемъ: Duvergier de Hauranne. Hist. du gouvernement parlementaire), Félix Rocquain. L'état de la France au 18 brumaire d'après les rapports des conseillers d'état chargés d'une enquête sur la situation de la république avec pièces inédites sur la fin du directoire. 1874. — Camille Jordan. Le consulat à vie. — Ludovic Lalanne (Claude Fauriel). Les derniers jours du consulat. 1886.—Текстъ конституціи VIII года съ ея дополненіями въ изданіяхъ Hélie, Trippier и др. (см. т. III, стр. 516). Ср. Théorie constitutionnelle de Sieyès (Extrait des mémoires inédits de Boulay de la Meurthe). 1866. Скоро должны появиться въ печати мемуары Барраса.

радостью. На него смотрѣли, какъ на жертву директоріи, изъ зависти „сославшей“ его въ Египетъ, и эту легенду нарочно поддерживали въ публикѣ родственники и сторонники честолюбиваго генерала.

Въ это время положеніе директоріи, которую обвиняли за всѣ неудачи во внѣшней политикѣ, было дѣйствительно весьма трудное. Послѣ 18 фрюктидора стали снова оживать и поднимать голову якобинскіе элементы, но директорія оттолкнула ихъ отъ себя направленнымъ противъ нихъ переворотомъ 22 флореаля. Правительству оставалось теперь опираться на армію, но ея вожди равнымъ образомъ были сами членами побѣжденныхъ партій, солдаты же все болѣе и болѣе раздражались на правленіе адвокатовъ. Въ весенніе выборы 1799 г. между исполнительною властью и обоими совѣтами происходила борьба, и, какъ мы уже видѣли, въ іюнѣ 1799 г. составъ директоріи былъ обновленъ насильственнымъ образомъ [1]). Переворотъ 30 преріаля, исключившій изъ директоріи трехъ членовъ, неугодныхъ большинству совѣтовъ, былъ дѣломъ вошедшаго въ ея составъ Сіэса, которому удалось привлечь на свою сторону безхарактернаго Барраса и ввести еще въ директорію своего партизана Роже-Дюко. Сіэсъ, знаменитый авторъ брошюры „Что такое третье сословіе“, человѣкъ весьма популярный среди буржуазіи, принадлежалъ къ умѣренной партіи, представителями коей въ совѣтѣ пятисотъ были между прочимъ и братья Наполеона Луціанъ и Іосифъ. Такъ какъ большинство новой директоріи (Сіэсъ, Баррасъ и Роже-Дюко) было умѣренное, а радикальная партія, равнымъ образомъ участвовавшая въ переворотѣ, была представлена въ директоріи только двумя членами (Гойе и Муленомъ), то эта партія и перешла въ оппозицію, начавъ агитацію противъ умѣренныхъ и даже вновь открывъ якобинскій клубъ. Опираясь на большинство совѣтовъ, въ составъ коего вошли всѣ нейтральные элементы, сначала поддерживавшіе якобинцевъ, а потомъ испугавшіеся ихъ намѣренія возобновить времена конвента, Сіэсъ рѣшился закрыть радикальный клубъ и учредилъ надъ всѣми крайними строгій надзоръ, поручивъ это дѣло бывшему члену конвента Фуше въ качествѣ министра полиціи. Но, принимая такія мѣры, этотъ наиболѣе вліятельный изъ директоровъ вовсе не имѣлъ въ виду поддерживать тогдашнюю конституцію Франціи: у него былъ свой собственный проектъ новаго государственнаго устройства республики, и онъ хотѣлъ воспользоваться бывшею въ его рукахъ властью для осуществленія своего конституціоннаго плана.

Сіэсъ, какъ извѣстно, игралъ весьма видную роль въ исторіи

---

[1]) Т. III, стр. 642.

французской революціи [1]). Учредительное собраніе выбрало его въ число членовъ комитета, вырабатывавшаго конституцію 1791 г. Въ качествѣ члена конвента онъ также входилъ въ составъ конституціоннаго комитета и былъ, кромѣ того, членомъ комитета общественнаго спасенія. Уже тогда у него былъ свой собственный планъ конституціи, который, однако, не былъ принятъ, и вотъ съ самаго введенія конституціи III года Сіэсъ сдѣлался однимъ изъ ея недоброжелателей. Особенно послѣ переворота 18 фрюктидора, совершившагося при сильномъ участіи Сіэса, онъ только и думалъ о томъ, чтобы ввести во Франціи новыя учрежденія: и это было до такой степени всѣмъ извѣстно, что его подозрѣвали въ стремленіи войти въ соглашеніе съ европейской коалиціей, дабы цѣною территоріальныхъ уступокъ произвести при иностранной помощи измѣненіе внутренняго устройства въ желательномъ для него смыслѣ. Въ 1799 г. Сіэсъ прямо уже ставилъ своею задачею добиться введенія новой конституціи, отъ которой онъ ожидалъ для Франціи всякихъ благъ, и готовилъ себя въ спасители страны отъ всѣхъ тяготѣвшихъ надъ нею золъ. Якобинскіе происки, казалось, должны были заставить его поторопиться съ приведеніемъ своихъ замысловъ въ исполненіе. Сіэсъ, дѣйствительно, сталъ объединять всѣ анти-якобинскіе элементы среди тогдашнихъ политическихъ людей, не желавшихъ въ то же время возвращенія Бурбоновъ, и ему удалось расположить въ пользу своего плана многихъ членовъ обоихъ совѣтовъ, которые стали называть себя реформистами; въ ихъ числѣ былъ, между прочимъ, и Луціанъ Бонапартъ. Но Сіэсъ менѣе всего былъ практикомъ, человѣкомъ дѣла: его конституціонный планъ, какъ мы увидимъ, былъ чисто теоретическій, и для проведенія этого плана ему нужна была прежде всего энергичная рука, которой онъ и сталъ искать вокругъ себя среди республиканскихъ генераловъ. Сначала онъ думалъ, повидимому, о Жуберѣ, но этотъ генералъ былъ убитъ на войнѣ. Затѣмъ Сіэсъ обращался къ Моро и даже вызывалъ его въ Парижъ, но Моро не захотѣлъ содѣйствовать видамъ Сіэса. Между тѣмъ совершенно неожиданно пріѣхалъ въ Парижъ генералъ Бонапартъ, на котораго голосъ всей Франціи указывалъ, какъ на единственнаго спасителя государства въ тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ и Сіэсу не оставалось болѣе ничего, какъ войти въ соглашеніе съ этимъ самымъ популярнымъ и въ войскѣ, и въ народѣ генераломъ. Мы знаемъ уже, что самъ Наполеонъ за два года передъ тѣмъ намекалъ въ своей рѣчи передъ директоріей (10 декабря 1797 г.) о необходимости для Франціи „лучшихъ органическихъ законовъ“. О томъ же нѣсколькими мѣсяцами раньше писалъ онъ изъ Италіи

[1]) Т. III, стр. 464, 480 и др.

Талейрану, уполномочивъ при этомъ сообщить свой „полный политическій кодексъ“ именно только одному Сіэсу [1]). Сближеніе Сіэса и Наполеона было послѣ всего этого какъ нельзя болѣе естественнымъ, тѣмъ болѣе, что уже раньше, въ зиму 1797—1798 г. молодой генералъ мечталъ о томъ, чтобы войти въ составъ директоріи, хотя бы съ нарушеніемъ той статьи конституціи III года, которая дозволяла выбирать въ директоры лишь людей, достигшихъ сорокалѣтняго возраста. На-первыхъ порахъ и по возвращеніи изъ Египта Наполеонъ думалъ лишь о томъ, чтобы стать однимъ изъ директоровъ, и даже въ этомъ смыслѣ имѣлъ разговоръ съ президентомъ директоріи Гойе, но послѣдній сослался все на ту же статью конституціи, и генералъ, стремившійся къ власти, счелъ нужнымъ искать къ ней другихъ путей. Планы Сіэса являлись на сцену какъ нельзя болѣе кстати.

Впослѣдствіи Наполеонъ признавался, что никогда раньше онъ не проявлялъ такой ловкости, какъ тотчасъ же по возвращеніи изъ Египта: „я видался съ Сіэсомъ и обѣщалъ ему приведеніе въ исполненіе его многословной конституціи; я принималъ якобинскихъ вождей, агентовъ Бурбоновъ; я никому не отказывалъ въ совѣтахъ, но никому не давалъ ихъ иначе, какъ въ интересѣ собственныхъ своихъ плановъ,... и когда я сдѣлался главою государства, во Франціи не было партіи, которая не соединяла бы съ моимъ успѣхомъ какой-либо надежды“. Отъ своего брата Луціана Наполеонъ узналъ о проектѣ Сіэса и обѣщалъ ему свое содѣйствіе, предложивъ только нѣкоторыя измѣненія въ способѣ выполненія плана. На сторонѣ Сіэса было большинство совѣта старѣйшинъ, и предполагалось, что этотъ совѣтъ, пользуясь своимъ конституціоннымъ правомъ [2]), перенесетъ засѣданія совѣтовъ внѣ Парижа, дабы якобинцы совѣта пятисотъ не помѣшали всему дѣлу, соединившись съ населеніемъ предмѣстій. Сіэсъ думалъ, что внѣ Парижа совѣтъ пятисотъ былъ бы сговорчивѣе, и затѣмъ принятая имъ конституція была бы утверждена всеобщимъ голосованіемъ. Наполеонъ вооружился противъ немедленнаго представленія проекта Сіэса обоимъ совѣтамъ, собраннымъ внѣ Парижа, выразивъ

[1]) См. выше, стр. 79.

[2]) Конституція III года, статья 102: Совѣтъ старѣйшинъ можетъ измѣнить мѣсто засѣданій законодательнаго корпуса... Декретъ совѣта на этотъ счетъ не подлежитъ отмѣнѣ. Ст. 103: Въ день изданія такого декрета ни тотъ, ни другой совѣты не имѣютъ уже права засѣдать въ общинѣ, гдѣ они до того времени засѣдали. Члены, которые стали бы тамъ продолжать исполненіе своихъ обязанностей, сдѣлались бы виновными въ покушеніи на безопасность республики. Ст. 104: Члены исполнительной директоріи, которые замедлили бы или отказались бы скрѣпить печатью, обнародовать и разослать декретъ о перенесеніи въ другое мѣсто законодательнаго корпуса, были бы виноваты въ томъ же преступленіи.

желаніе, чтобы проектъ былъ предварительно разсмотрѣнъ особой коммиссіей изъ депутатовъ, а до окончательнаго введенія новой конституціи, по его мнѣнію, слѣдовало бы назначить временное правительство, въ составъ коего, кромѣ него, гражданина Бонапарта, вошли бы еще граждане Сіэсъ и Роже-Дюко. Скрѣпя сердце, Сіэсъ согласился на эту комбинацію. „Я, сказалъ Сіэсъ Іосифу Бонапарту и депутату Кабанису, посвященному въ тайну,—я пойду съ генераломъ Бонапартомъ, и, однако, я знаю, что меня ожидаетъ: послѣ успѣха генералъ, оставивъ позади двухъ своихъ товарищей, вотъ что сдѣлаетъ съ ними“,—и при этихъ словахъ онъ быстро прошелъ между своими собесѣдниками, оттолкнувъ обоихъ назадъ и очутившись одинъ среди той комнаты, гдѣ происходилъ разговоръ. Планъ переворота былъ готовъ скоро. Совѣтъ старѣйшинъ долженъ былъ вотировать пересеніе обѣихъ палатъ въ Сенъ-Клу, назначеніе Наполеона главнокомандующимъ надъ всѣми войсками и предложеніе его, вмѣстѣ съ Роже-Дюко и Сіэсомъ въ временные консулы, послѣ чего оба совѣта назначили бы спеціальную коммиссію для пересмотра конституціи и отсрочили бы свои засѣданія на три мѣсяца. Теперь оставалось только заручиться содѣйствіемъ войска и принять другія мѣры, необходимыя для успѣха задуманнаго дѣла. Армія боготворила Наполеона, котораго уже называла „маленькимъ капраломъ“: среди офицеровъ и солдатъ парижскаго гарнизона много было такихъ, которые служили подъ его начальствомъ въ Италіи, а большая часть офицеровъ національной гвардіи получила свои назначенія послѣ 13 вандемьера, когда Наполеонъ былъ сдѣланъ главнокомандующимъ внутренней арміей; генералы по разнымъ соображеніямъ не хотѣли мѣшать предпріятію, хотя, напр., Бернадотъ, женатый на свояченицѣ Іосифа Бонапарта, могъ бы, еслибы захотѣлъ, взбунтовать предмѣстья. Съ другой стороны, Сіэсъ распустилъ слухъ объ опасномъ якобинскомъ заговорѣ и устроилъ такъ, что тѣ депутаты совѣта старѣйшинъ, на которыхъ онъ не расчитывалъ или которыхъ боялся, не попали на засѣданіе совѣта, гдѣ были потомъ приняты важныя рѣшенія. Приведеніе въ исполненіе всего плана было назначено на 18 брюмера (9 ноября).

Въ этотъ день старѣйшины были созваны въ 7 ч. утра. Собравшіеся депутаты единогласно вотировали перенесеніе законодательнаго корпуса въ Сенъ-Клу, гдѣ оба совѣта должны были собраться на другой день не ранѣе полудня; исполненіе этого декрета возлагалось на генерала Бонапарта: ему предоставлялось право принимать всѣ мѣры, необходимыя для безопасности республики, и отдавались подъ главное начальство всѣ мѣстныя вооруженныя силы, вмѣстѣ съ чѣмъ гражданамъ вмѣнялось въ обязанность оказывать генералу помощь въ слу-

чаѣ требованія съ его стороны. Къ націи совѣтъ старѣйшинъ обратился съ особымъ манифестомъ, въ которомъ декретированныя мѣры оправдывались необходимостью усмиренія людей, стремящихся къ тиранническому господству надъ національнымъ представительствомъ, и обезпеченія внутренняго мира. Наполеонъ, окруженный генералами и офицерами, ждалъ у себя на квартирѣ своего назначенія на высокій постъ главнокомандующаго. Декретъ совѣта старѣйшинъ предписывалъ ему лично явиться въ совѣтъ для принесенія присяги. Тотчасъ по полученіи извѣстія объ успѣхѣ дѣла онъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ Тюйльери, гдѣ засѣдалъ совѣтъ старѣйшинъ. Вмѣсто присяги, однако, онъ произнесъ передъ нимъ короткую рѣчь своимъ обыкновеннымъ тономъ военной команды. „Ваша мудрость, сказалъ онъ между прочимъ, внушила вамъ этотъ декретъ, наши руки съумѣютъ его исполнить. Мы желаемъ республики, основанной на истинной гражданской свободѣ, на національномъ представительствѣ. Она у насъ будетъ, я въ этомъ клянусь, клянусь въ этомъ за себя и за своихъ товарищей по оружію“. Рѣчи генерала апплодировали, и засѣданіе было закрыто. Все дѣло было уже сдѣлано къ тому времени, когда должно было начаться засѣданіе совѣта пятисотъ: послѣднему былъ только сообщенъ декретъ старѣйшинъ, и Луціанъ Бонапартъ, получившій за заслуги брата предсѣдательство въ совѣтѣ, объявилъ засѣданіе отсроченнымъ до другого дня. Между тѣмъ Наполеонъ производилъ около Тюйльери смотръ войскамъ. Прокламація главнокомандующаго должна была объяснить имъ смыслъ всего происшедшаго. „Два года уже, сказано было въ ней, республика плохо управляется. Вы возложили свои надежды на то, что мое возвращеніе положитъ конецъ всѣмъ этимъ бѣдствіямъ; вы отпраздновали это возвращеніе съ единодушіемъ, налагающимъ на меня обязанности, которыя я теперь и выполняю... Свобода, побѣда и миръ возвратятъ французской республикѣ то мѣсто, которое она занимала въ Европѣ и котораго могли ее лишить развѣ только неспособность или измѣна“. По предварительному уговору Сіэсъ и Роже-Дюко подали въ отставку, послѣ чего Наполеонъ написалъ къ Баррасу, потребовавъ и у него отставки: нужно было совсѣмъ уничтожить существовавшую въ то время исполнительную власть, а съ выходомъ въ отставку трехъ членовъ директорія, конечно, не могла болѣе дѣйствовать. Баррасъ не сопротивлялся и прислалъ объ этомъ сказать Наполеону, который въ присутствіи постороннихъ свидѣтелей обратился къ посланному съ такими словами: „Что сдѣлали вы изъ этой Франціи, которую я вамъ оставилъ въ столь блестящемъ положеніи? Я оставилъ вамъ миръ, а по возвращеніи своемъ нашелъ войну. Я оставилъ вамъ побѣды и нашелъ пораженія. Я оставилъ вамъ итальянскіе милліоны и вездѣ нашелъ хи-

щенія и нищету! Что сдѣлали вы съ сотней тысячъ французовъ, мнѣ хорошо извѣстныхъ, моихъ товарищей по славѣ? Ихъ нѣтъ болѣе въ живыхъ. Такой порядокъ вещей дольше продолжаться не можетъ: въ какіе-нибудь два-три года онъ привелъ бы насъ къ деспотизму. Но мы желаемъ республики, основанной на равенствѣ, на морали, на гражданской свободѣ и на политической терпимости". Что касается до директоровъ Гойе и Мулена, то они попытались-было протестовать, но безъ всякаго успѣха вернулись отъ Наполена въ Люксембургскій дворецъ, мѣстопребываніе правительства, гдѣ и были затѣмъ задержаны по приказанію Наполеона. Сіэсъ предлагалъ Наполеону арестовать еще двадцать-тридцать членовъ совѣта пятисотъ, дабы на другой день они не могли явиться въ засѣданіе, особенно же указывалъ на Ожеро и Журдана, какъ на наиболѣе опасныхъ; но Наполеонъ на это не согласился, не желая, чтобы подумали, будто онъ боится этихъ двухъ людей. Такъ прошелъ день 18 брюмера.

На другой день, т.-е. 19 брюмера, въ 12 час. дня оба совѣта собрались въ Сенъ-Клу, совѣтъ старѣйшинъ — въ одной изъ залъ дворца, совѣтъ пятисотъ—въ оранжереѣ, и оба были въ большой тревогѣ. Якобинцы, не присутствовавшіе въ засѣданіяхъ предыдущаго дня, требовали объясненія всего случившагося, и многіе изъ тѣхъ старѣйшинъ, которые дѣйствовали наканунѣ, начинали догадываться, что были обмануты, что дѣло идетъ о низверженіи конституціи, а не объ измѣненіи директоріи, какъ они думали раньше. Смятеніе старѣйшинъ увеличилось, когда имъ дали знать объ отставкѣ трехъ директоровъ. Въ совѣтѣ пятисотъ принято было рѣшеніе поголовнаго возобновленія присяги на вѣрность конституціи, III года. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ, находившійся въ одной изъ комнатъ дворца, рѣшился дѣйствовать. Совершенно неожиданно явился онъ въ залѣ совѣта старѣйшинъ и, совсѣмъ не приготовившись къ произнесенію рѣчи, началъ говорить, но весьма спутанно о какихъ-то опасностяхъ, грозящихъ республикѣ, о необходимости защитить свободу и равенство. „А конституцію?" перебилъ его одинъ членъ, и тогда Наполеонъ сказалъ самыя сильныя слова своей рѣчи: „конституція! вскричалъ онъ, но вы ее нарушили 18 фрюктидора, вы ее нарушили 22 флореаля, вы ее нарушили 30 преріаля! Конституція! на нее ссылаются всѣ партіи, и она всѣми партіями была нарушена; всѣми ими она презирается; она болѣе не можетъ насъ спасать, потому что ее болѣе никто не уважаетъ". У Наполеона стали требовать болѣе точныхъ указаній на опасности, и онъ заявилъ тогда, будто Баррасъ и Муленъ предлагали ему стать во главѣ партіи, которая желала низверженія всѣхъ людей съ свободнымъ образомъ мыслей. Этому никто не повѣрилъ, и Наполеонъ перешелъ опять къ неопредѣленнымъ обвиненіямъ, снова сталъ гово-

рить о негодности конституціи и наконецъ обратился какъ бы къ солдатамъ, находившимся внѣ залы, и, конечно, не могшимъ его слышать, съ выраженіемъ увѣренности въ томъ, что они защитятъ его противъ всякаго подкупленнаго иностранцами оратора, который осмѣлился бы предложить объявить его внѣ закона: „помните, прибавилъ онъ, что я шествую, сопровождаемый богомъ счастья и богомъ войны“. Изъ залы засѣданія старѣйшинъ Наполеонъ отправился въ оранжерею, гдѣ тѣмъ временемъ члены совѣта пятисотъ, всходя одинъ за другимъ на трибуну, успѣли принести присягу на вѣрность конституціи. Вдругъ во время бурныхъ заявленій якобинцевъ, требовавшихъ разъясненія для всего случившагося, въ оранжереѣ явился Наполеонъ въ сопровожденіи четырехъ гренадеровъ. Видъ вооруженныхъ людей въ собраніи представителей народа привелъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ страшное негодованіе: они бросились на генерала, стали его толкать къ выходу, и Наполеонъ, совершенно растерявшись, съ разорваннымъ платьемъ почти былъ вынесенъ на рукахъ приведенными имъ гренадерами подъ крики „внѣ закона“, раздававшіеся въ оранжереѣ. У Луціана Бонапарта, занимавшаго предсѣдательское кресло, потребовали формальнаго голосованія объ объявленіи его брата внѣ закона, но онъ покинулъ свое кресло и послалъ къ Наполеону просить помощи: въ то самое время, какъ многіе депутаты пытались принудить его занять снова свое мѣсто, явились гренадеры и увели его изъ оранжереи; съ ними удалилось нѣсколько депутатовъ. На дворѣ Наполеонъ и офицеры верхомъ стояли передъ батальономъ гвардіи законодательнаго корпуса, а Сіэсъ, Роже-Дюко и Талейранъ сидѣли въ экипажѣ, готовые въ случаѣ неудачи спасаться бѣгствомъ. Луціанъ Бонапартъ тоже сѣлъ на лошадь и обратился къ батальону съ рѣчью, какъ президентъ совѣта пятисотъ. По его словамъ, громадное большинство членовъ этого совѣта находилось подъ непосредственнымъ страхомъ, благодаря нѣсколькимъ представителямъ, дѣйствующимъ, очевидно, подъ гибельнымъ вліяніемъ англійскаго правительства: выходило такъ, что эти дерзкіе разбойники съ кинжалами въ рукахъ вскакиваютъ на трибуну, грозятъ смертью своимъ товарищамъ, противятся декрету совѣта старѣйшинъ и требуютъ головы генерала, который уполномоченъ привести этотъ декретъ въ исполненіе. „Я, продолжалъ Луціанъ, ввѣряю воинамъ заботу освобожденія большинства представителей народа... Вы только тѣхъ признаете депутатами Франціи, которые будутъ вмѣстѣ съ своимъ предсѣдателемъ среди васъ, а тѣхъ, кто будетъ упорствовать, оставаясь въ оранжереѣ и крича „внѣ закона“, нужно будетъ удалить оттуда силой“. Наполеонъ, вполнѣ оправившійся отъ своего смущенія, началъ было говорить: „а если они будутъ сопротивляться, бейте ихъ, бейте“, но

Луціанъ его остановилъ и, видя, что гренадеры колеблются, взялъ шпагу, направилъ ее противъ брата и поклялся пронзить его грудь этой шпагой, если когда-либо онъ сдѣлаетъ покушеніе на свободу французовъ. По знаку Наполеона, подъ барабанный бой часть батальона съ Мюратомъ во главѣ вошла въ оранжерею и очистила ее отъ депутатовъ, спасавшихся отъ дальнѣйшихъ насилій, выпрыгивая въ окна. Государственный переворотъ былъ совершенъ, и дѣло оставалось только оформить. Старѣйшины поспѣшили отсрочить засѣданія обоихъ совѣтовъ, назначить временное правительство изъ трехъ консуловъ—Бонапарта, Роже-Дюко и Сіэса и выбрать особую коммиссію для выработки новой конституціи, и немедленно тѣ же рѣшенія были приняты нѣсколькими десятками другого совѣта, собранными въ ночь съ 19 на 20 брюмера Луціаномъ Бонапартомъ. Вновь назначенные консулы затѣмъ принесли присягу въ нерушимой вѣрности верховенству народа, французской республикѣ, свободѣ, равенству и представительному правленію. Въ заключеніе засѣданія Луціанъ Бонапартъ произнесъ рѣчь, въ которой поздравлялъ представителей народа съ великимъ событіемъ, сказавъ между прочимъ, что приговоръ потомства будетъ такой: „если свобода родилась въ Jeu de Paume въ Версали, то консолидирована она была въ оранжереѣ въ Сенъ-Клу".

18 и 19 брюмера парижане спокойно занимались своими дѣлами, какъ-будто ничего важнаго и не случилось въ эти два дня. Франція признала совершившійся фактъ. Современники даже говорятъ, что многіе вздохнули съ облегченіемъ, ибо настоящее было до того тягостно, что готовы были радоваться какой угодно перемѣнѣ, и даже тогда, когда для всѣхъ сдѣлалась очевидною совершенная лживость заявленій заговорщиковъ, коими они хотѣли оправдать свои поступки, большинство отнеслось къ этому совершенно равнодушно. Какъ-то мало говорили о бывшихъ директорахъ, Роже-Дюко и Сіэсѣ, публика приписывала все дѣло одному Бонапарту, въ которомъ уже раньше весьма многіе готовы были видѣть будущаго спасителя отъ всѣхъ внутреннихъ золъ и внѣшнихъ бѣдствій: теперь этотъ самый Бонапартъ стоялъ во главѣ правленія, и вопросъ о томъ, какимъ путемъ онъ добился власти, казался второстепеннымъ, лишь бы власть эта была употреблена на дѣло спасенія Франціи. Роже-Дюко скоро стушевался, Сіэсъ занялся выработкой конституціи съ коммиссіями старѣйшинъ и пятисотъ, и дѣло правленія взялъ на себя одинъ Наполеонъ, обнаруживший свой организаторскій талантъ еще во время итальянской кампаніи и египетской экспедиціи. Министры, коихъ онъ назначилъ [1]),

[1]) Годенъ министръ финансовъ, Талейранъ—иностранныхъ дѣлъ, Лапласъ (смѣненный вскорѣ Луціаномъ Бонапартомъ)—внутреннихъ дѣлъ, Бертье

отнеслись къ нему съ величайшимъ довѣріемъ: „пройдетъ только годъ, говорилъ о Наполеонѣ министръ иностранныхъ дѣлъ Талейранъ, и онъ шагнетъ далеко. Это—человѣкъ, вѣрящій въ то, что ему служитъ само счастье, и его удивительная увѣренность въ самомъ себѣ внушаетъ его сторонникамъ столь же удивительное чувство полной обезпеченности".

Главнымъ дѣломъ новаго правительства послѣ переворота 18 брюмера была выработка новой конституціи. Планъ Сіэса былъ составленъ очень искусно въ смыслѣ логической стройности. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, съ 1789 по 1799 г., Франція страдала отъ двухъ золъ, отъ анархіи, которая узаконялась самими учрежденіями, и отъ деспотизма, отличавшагося, однако, крайнею непрочностью. Сіэсу казалось, что онъ нашелъ средство противъ анархіи и деспотизма, если „власть будетъ приходить сверху, а довѣріе снизу". Въ принципѣ онъ удерживалъ народовластіе и всеобщую подачу голосовъ, но верховное право націи на практикѣ дѣлалось, какъ выразился Наполеонъ объ этой части проекта Сіэса, совершенно призрачнымъ и какъ бы метафизическимъ: народъ долженъ былъ выбирать лишь кандидатовъ, изъ коихъ уже правительству предоставлялось дѣлать назначенія на всѣ должности коммунальныя, департаментскія и общегосударственныя. Предполагалось, что пять милліоновъ взрослыхъ французовъ выберутъ изъ своей среды одну десятую часть этого числа, т.-е. 500 тысячъ коммунальныхъ нотаблей, годныхъ для занятія по назначенію отъ правительства муниципальныхъ должностей; эти 500 тысячъ нотаблей выберутъ опять десятую часть, т.-е. 50 тысячъ департаментскихъ нотаблей, которые будутъ кандидатами на разныя департаментскія должности и въ свою очередь выберутъ снова одну десятую часть, т.-е. пять тысячъ національныхъ нотаблей, кандидатовъ въ члены законодательнаго корпуса и на должности по центральному управленію, причемъ въ списокъ національныхъ нотаблей обязательно попадали всѣ лица, бывшія въ послѣднія десять лѣтъ представителями народа или высшими сановниками. Списки нотаблей должны были составляться на десять лѣтъ, но первая легислатура должна была быть назначена правительствомъ безъ всякаго списка. Такой порядокъ, дѣйствительно, превращавшій суверенитетъ націи въ призракъ, какъ нельзя болѣе долженъ былъ прійтись по вкусу Наполеону. Не менѣе должна была понравиться ему придуманная Сіэсомъ законодательная процедура. Дѣло въ томъ, что Сіэсъ въ соотвѣтствіе каждому моменту законодательства проектировалъ особое

(коего позднѣе смѣнилъ Карно)—военный министръ, Фуше—полиціи, Камбасересъ—юстиціи и Форфэ—морской.

учрежденіе, совершенно отдѣльное отъ другихъ, и законодательная власть раздроблялась у него между нѣсколькими собраніями, члены коихъ должны были, какъ было сказано, назначаться, а не выбираться. Законодательная иниціатива поручалась государственному совѣту, обсужденіе законопроектовъ — трибунату, вотированіе — законодательному корпусу, который долженъ былъ выслушивать защиту государственнаго совѣта и критику трибуната, а охранять законы обязанъ былъ сенатъ (le senat conservateur), стражъ конституціи, облеченный правомъ кассировать всѣ противные ей законы и правомъ назначать членовъ всѣхъ законодательныхъ собраній [1]). Центръ тяжести всей конституціи Сіэсъ думалъ положить въ сенатѣ, коему предоставлялъ еще право смѣщенія членовъ исполнительной власти и высшихъ сановниковъ, включая ихъ въ свой составъ, абсорбируя ихъ, какъ выражался самъ составитель проекта. Наполеонъ отнесся сочувственно къ раздробленію законодательной власти между нѣсколькими учрежденіями, но онъ былъ рѣшительно противъ прерогативъ сената, придуманныхъ Сіэсомъ. Еще менѣе могла ему понравиться проектированная послѣднимъ организація исполнительной власти, назначеніе высшаго представителя коей Сіэсъ также отдавалъ въ руки сената. Во-первыхъ, должны были существовать два консула, одинъ для дѣлъ войны (армія, иностранныя дѣла), другой для дѣлъ мира (внутреннее управленіе и остальныя министерства): они назначали бы министровъ, а послѣдніе — всѣхъ правительственныхъ чиновниковъ и членовъ административныхъ собраній. Во-вторыхъ, надъ двумя консулами долженъ былъ стоять „великій избиратель“ (Grand Electeur) для внѣшняго представительства государства, для подписыванія трактатовъ и назначенія и смѣщенія обоихъ консуловъ. При обсужденіи конституціи по параграфамъ Наполеонъ, принимавшій въ этомъ дѣлѣ весьма живое и вліятельное участіе, воспротивился принятію такой организаціи исполнительной власти. „Великій избиратель“, по его выраженію, былъ бы только „безплотною тѣнью лѣниваго короля“, безъ всякихъ гарантій противъ сената, который могъ бы его во всякое время смѣстить, „абсорбировавъ“ его въ себѣ, а раздѣленіе дѣлъ войны и мира между двумя консулами противорѣчило бы необходимости въ цѣльности и единствѣ дѣйствій. „Неужели, спросилъ онъ самого Сіэса, вы знаете кого-либо съ такимъ низкимъ характеромъ, кому могло бы понравиться подобное обезьянство? Можете ли вы представить себѣ человѣка съ талантомъ и чувствомъ чести, который рѣшился бы обречь себя на роль откормленнаго борова въ нѣсколько

---

[1]) Собственно говоря, въ проектѣ Сіэса сенатъ назывался le jury constitutionnel.

милліоновъ?“ Должность „великаго избирателя“ Наполеонъ совсѣмъ поэтому вычеркнулъ изъ конституціи, замѣнивъ ее должностью перваго консула, выбираемаго сенатомъ на десять лѣтъ, и въ этой-то должности былъ положенъ центръ тяжести новой конституціи, а сенатъ былъ лишенъ прерогативъ, коими его надѣлялъ проектъ Сіэса. Первымъ консуломъ предстояло сдѣлаться самому Наполеону, и онъ уже позаботился о томъ, чтобы не быть тѣнью лѣниваго короля. Первый консулъ назначалъ и смѣщалъ министровъ, пословъ, государственныхъ совѣтниковъ, административныхъ чиновниковъ, всѣхъ офицеровъ арміи и флота, а также назначалъ всѣхъ судей, кромѣ мировыхъ и членовъ кассаціонной палаты. Его распоряженія получали силу закона, будучи обнародованы въ извѣстной формѣ (arrêtés). Онъ руководилъ дипломатическою частью и былъ главою сухопутныхъ и морскихъ силъ. Онъ подписывалъ трактаты и законы, принятые законодательнымъ корпусомъ. Онъ назначалъ членовъ государственнаго совѣта, бывшаго однимъ изъ орудій исполнительной власти и поддерживавшаго изготовленные имъ законопроекты. При первомъ консулѣ состояло два товарища съ совѣщательнымъ голосомъ, которые тоже носили названіе консуловъ. „Чего же вы хотите, говорилъ Наполеонъ Лафайэту, съ которымъ въ это время довольно часто видѣлся,— чего же вы хотите? Сіэсъ вездѣ размѣстилъ однѣ тѣни: тѣнь власти законодательной, тѣнь власти исполнительной, тѣнь правительства; нужна же была гдѣ-нибудь субстанція и вотъ вамъ—я вложилъ ее сюда“. Сенатъ, который по плану Сіэса долженъ былъ играть наиболѣе самостоятельную роль, благодаря перемѣнамъ, внесеннымъ въ проектъ по требованію Наполеона, сдѣлался, напротивъ, однимъ изъ орудій, коимъ впослѣдствіи весьма искусно пользовался первый консулъ и императоръ французовъ.

Таково было происхожденіе конституціи VIII года [1]), которою съ нѣкоторыми измѣненіями Франція управлялась въ эпоху консульства и имперіи. Подобно тому, какъ первая французская конституція (1791 г.) лишь по формѣ была монархическою, по содержанію же—республиканскою [2]), эта четвертая конституція, наоборотъ, была республиканскою лишь по названію, по существу же дѣла—монархическою. Мы только-что видѣли, какія прерогативы представляла она первому консулу, каковымъ статья 39 конституціи и объявила „гражданина Бонапарта“, давъ ему въ товарищи Камбасереса и Лебрёна. Законодательныя собранія, лишенныя иниціативы,—которая предоставлялась первому консулу,—состоящія изъ членовъ, прямо или ко-

---

[1]) 22 фримера VIII года=13 декабря 1799 года.

[2]) Т. III, стр. 527—530.

свенно назначенныхъ первымъ же консуломъ, обладая однимъ правомъ или только приготовлять законы (государственный совѣтъ), или только обсуждать ихъ (трибунатъ), или только ихъ вотировать (законодательный корпусъ), или ихъ утверждать (сенатъ), были простой декораціей, а за нею скрывалась почти неограниченная власть перваго консула, всегда имѣвшаго возможность остановить дѣйствіе даже утвержденнаго закона, такъ какъ только ему принадлежало право обнародованія законовъ. Второй и третій консулы, товарищи перваго консула по исполнительной власти, были въ сущности лишь какими-то его ассистентами и скоро превратились въ своего рода адъютантовъ главы государства. Всѣ органы администраціи зависѣли отъ него одного. Чтобы поставить чиновниковъ въ совершенную отъ себя зависимость и обезпечить за собою пассивное ихъ повиновеніе своей волѣ, Наполеонъ включилъ въ конституцію особую статью (75), по которой правительственные агенты могли подвергаться судебному преслѣдованію за дѣла, касающіяся ихъ должности, лишь въ силу особаго постановленія государственнаго совѣта, и мы увидимъ еще, что вслѣдъ затѣмъ въ управленіе страною введена была самая строгая централизація. Однимъ словомъ, конституція VIII года была полною противоположностью принципамъ 1789 г. Не въ примѣръ конституцій 1791 г., 1793 г. (съ жирондистскимъ проектомъ) и III года наполеоновская конституція не заключала въ себѣ декларацій правъ человѣка и гражданина: въ этомъ заключается также одно изъ ея отличій отъ революціонныхъ конституцій, такъ какъ въ актѣ 22 фримера VIII г. ни слова не было сказано ни о естественныхъ правахъ, существующихъ раньше и стоящихъ выше самой верховной власти народа, ни объ этой самой власти, между прочимъ, какъ о власти учредительной, и только въ послѣдней статьѣ конституціи было заявлено, что она будетъ немедленно предложена на принятіе (sera offerte á l'acceptation) французскаго народа. Прежде чѣмъ, однако, сдѣлался извѣстнымъ результатъ плебисцита, коему была подвергнута конституція VIII года, Наполеонъ произвелъ необходимыя назначенія. Сіэсъ получилъ президентство въ сенатѣ, Роже-Дюко былъ сдѣланъ сенаторомъ, и оба они вмѣстѣ съ Камбасересомъ и Лебреномъ выбрали первыхъ сенаторовъ въ количествѣ 31 человѣка, которые пополнили свое число до шестидесяти, какъ того требовала конституція [1]). Затѣмъ сенаторы назначили членовъ трибуната и законодательнаго корпуса, а Наполеонъ организовалъ новый государственный совѣтъ, первое засѣданіе котораго состоялось 25 декабря Между тѣмъ текстъ конституціи былъ разосланъ во всѣ общины

---

[1]) Это число должно было увеличиваться ежегодно на два, пока не достигнетъ восьмидесяти. Конст. VIII года, статья 15.

Франціи съ предложеніемъ гражданамъ подавать голоса поголовно и безъ предварительнаго обсужденія, внося свои мнѣнія въ два особые списка (утвердительный или отрицательный), выложенные въ двухъ различныхъ мѣстахъ. Никто не сомнѣвался, что народъ утвердитъ новую конституцію. Дѣйствительно, 18 плювіоза VIII года (7 февраля 1800 г.) было объявлено, что изъ 3.012,569 гражданъ, подававшихъ голоса, конституцію отвергли только 1562 гражданина, высказалось же за принятіе ея 3,011,007 человѣкъ.

Новая власть, установившаяся во Франціи, тотчасъ же занялась организаціей страны. Еще будучи временнымъ консуломъ, Наполеонъ дѣятельно и довольно успѣшно принялся за улучшеніе финансоваго положенія. 28 плювіоза VIII года (17 февраля 1800 г.) былъ уже опубликованъ законъ о департаментской и коммунальной администраціи, а 27 вантоза (18 марта) того же года — законъ о судебномъ устройствѣ. Наконецъ, въ августѣ была назначена коммиссія для выработки гражданскаго кодекса. Мы еще увидимъ, какъ исполнены были эти важныя работы. Съ другой стороны, первый консулъ приступилъ къ успокоенію страны. Новая конституція гарантировала свободное обладаніе купленными у государства національными имуществами и даже запрещала возвращеніе эмигрантовъ, коимъ многія изъ этихъ имуществъ когда-то принадлежали [1]). Несмотря на это, уже въ мартѣ 1800 г. появился эдиктъ, объявлявшій, что списки эмигрантовъ закрываются, и уполномочивавшій правительство вычеркивать изъ этихъ списковъ всѣ имена лицъ, которыя о томъ стали бы просить подъ условіемъ отказа отъ имѣній, прежде имъ принадлежавшихъ. 4 нивоза VIII г. (25 дек. 1799 г.) первый консулъ разрѣшалъ гражданамъ общинъ, владѣвшихъ въ первый день II года зданіями, предназначенными для культа, свободно ими пользоваться, если только эти зданія не были отчуждены въ другія руки, а 8 фримера была возвращена свобода бо́льшей части священниковъ, сосланныхъ послѣ 18 фрюктидора. Старой Франціи такимъ образомъ открывались двери въ новую Францію подъ условіемъ признанія совершившихся фактовъ. Наполеонъ очень хотѣлъ видѣть приверженцевъ падшей династіи на

---

[1]) Конституція VIII г., статья 93: французская нація объявляетъ, что ни въ какомъ случаѣ она не потерпитъ возвращенія французовъ, которые, оставивъ отечество послѣ 14 іюля 1789 г., не попали въ число исключеній изъ законовъ, изданныхъ противъ эмигрантовъ; она запрещаетъ всякое новое изъятіе въ этомъ отношеніи. Имѣнія эмигрантовъ на вѣчныя времена остаются достояніемъ республики. Статья 94: французская нація объявляетъ, что послѣ законно совершенной продажи національныхъ имуществъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе, законный покупщикъ не можетъ быть лишенъ своего пріобрѣтенія и пр. Ср. т. III, стр. 553—554, 622—625.

своей сторонѣ и относился къ нимъ съ бо́льшимъ довѣріемъ, чѣмъ къ якобинцамъ, не желавшимъ примириться съ новою властью. Уже 19 брюмера наиболѣе видные дѣятели партіи были приговорены имъ къ ссылкѣ, но вскорѣ ссылка была замѣнена полицейскимъ надзоромъ, организованнымъ агентами Фуше, бывшаго когда-то ярымъ якобинцемъ. Съ особымъ недовѣріемъ на первыхъ же порахъ отнесся первый консулъ къ прессѣ, и уже 27 нивоза VIII года (17 января 1800 г.) онъ издалъ arrêté, коимъ изъ существовавшихъ въ то время 73 газетъ сразу уничтожалось шестьдесятъ изданій и наносился ударъ свободѣ политической печати. Особенно сильно сталъ первый консулъ преслѣдовать якобинцевъ послѣ покушенія на его жизнь 3 нивоза IX года (24 декабря 1800 г.): въ этотъ день на дорогѣ въ оперу Наполеона стерегла „адская машина“, начиненная порохомъ и пулями, но разорвавшаяся, не причинивъ вреда первому консулу. Сначала всѣ были увѣрены, что это было дѣло якобинцевъ, и многіе изъ нихъ поплатились ссылкой „не въ видѣ наказанія за прошлое, а ради обезпеченія общественнаго порядка“, какъ объяснялъ эту мѣру Фуше, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что въ заговорѣ 3 нивоза якобинцы были ни при чемъ, и что устроили его роялисты, видѣвшіе въ Наполеонѣ главную помѣху для возвращенія во Францію Бурбоновъ.

Такимъ образомъ уже въ первые мѣсяцы новаго режима сталъ выясняться его характеръ: внутреннія отношенія Франціи упорядочивались, представителямъ стараго порядка давалась возможность снова войти въ составъ полноправныхъ гражданъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ все должно было склониться передъ властью перваго консула. Новыя законодательныя учрежденія, члены коихъ были назначены или самимъ Наполеономъ, или преданнымъ ему сенатомъ и стали получать весьма большое жалованіе, оказались собраніями самыми раболѣпными, какія только можно было придумать. Одинъ трибунатъ, обязанный критиковать законопроекты, серьезно взглянулъ на свою роль, какъ собранія народныхъ трибуновъ. Оппозиція, какую встрѣтили въ немъ нѣкоторыя предложенія правительства, страшно раздражали Наполеона, и онъ говорилъ, что онъ солдатъ, что онъ сынъ революціи и потому не потерпитъ, чтобы его оскорбляли, какъ какого-нибудь короля. Конституція VIII г. не давала правительству права распускать законодательныя собранія, и первый консулъ подумывалъ уже о новомъ государственномъ переворотѣ, когда Камбасересъ предложилъ ему выйти изъ непріятнаго положенія иначе. Трибунатъ состоялъ изъ ста членовъ, которые должны были обновляться черезъ каждые пять лѣтъ, причемъ ежегодно изъ него должна была выходить одна пятая часть членовъ. Вмѣсто того, чтобы рѣшить вопросъ о выходящихъ членахъ посредствомъ жребія, сенатъ въ 1802 г. устранилъ изъ трибу-

ната наиболѣе независимыхъ людей (въ ихъ числѣ Бенжамена Констана) и замѣнилъ ихъ новыми, которые оказались вполнѣ сговорчивыми. Сами братья Наполеона указывали ему на необходимость оппозиціи, ссылаясь на примѣръ Англіи, но онъ отвѣчалъ, что ему совсѣмъ непонятны выгоды какой бы то ни было оппозиціи, ибо она только роняетъ власть въ глазахъ народа. „Пусть другой кто-нибудь попробуетъ быть на моемъ мѣстѣ, и если онъ не будетъ стараться зажать ротъ разнымъ говорунамъ, онъ узнаетъ, что̀ изъ этого выйдетъ. Что меня касается, такъ я могу васъ увѣрить: для хорошаго правленія нужно безусловное единство". Несмотря на вполнѣ покорное поведеніе трибуната, сенатусъ-консультъ X года уменьшилъ число его членовъ до пятидесяти и раздѣлилъ его на секціи, чѣмъ еще болѣе обезсилилъ учрежденіе, въ коемъ только и возможна была какая-либо критика правительственныхъ мѣропріятій. Сенатусъ-консультъ XII года предоставилъ общимъ комитетамъ законодательнаго корпуса обсуждать законы при закрытыхъ дверяхъ. Послѣ этого оставалось только уничтожить трибунатъ, какъ учрежденіе совершенно ненужное и непріятное Наполеону. Въ 1807 г. Наполеонъ это и сдѣлалъ, замѣнивъ секціи трибуната коммиссіями законодательнаго корпуса, коимъ и было поручено впредь обсужденіе законовъ.

Устраняя возможность какой бы то ни было оппозиціи со стороны законодательныхъ собраній, Наполеонъ въ то же время стремился къ расширенію своей власти. Послѣдняго онъ достигъ, благодаря сенатусъ-консультамъ 16 термидора X года (4 августа 1802 г.) и 28 флореаля XII года (18 мая 1804 г.): первый дѣлалъ власть перваго консула пожизненною, второй превращалъ перваго консула въ пожизненнаго императора французовъ. Оба сенатусъ-консульта вносили въ конституцію VIII года и другія измѣненія или дополненія, вслѣдствіе чего получили вмѣстѣ съ конституціей VIII года общее названіе constitutions de l'Empire.

Установленіе пожизненнаго консульства должно было быть наградой Наполеону за всѣ великія дѣла, имъ совершенныя въ первые три года его правленія. Весною 1800 г. первый консулъ лично повелъ французскую армію къ новымъ побѣдамъ въ Италіи, и менѣе нежели черезъ годъ люневильскій миръ (февраль 1801 г.) положилъ начало господству Франціи не только въ Италіи, но и въ Германіи, а еще годъ спустя (мартъ 1802) былъ заключенъ миръ съ Англіей въ Амьенѣ [1]). Первый консулъ пользовался теперь славой не только побѣдителя, но и миротворца. Внутри Франція тоже была успокоена, особенно благодаря заключенію въ 1801 г. конкордата [2]) съ папою,

[1]) См. ниже, гл. VIII.

[2]) См. ниже, гл. VII.

отпразднованному торжественно черезъ три недѣли послѣ подписанія амьенскаго трактата. Мысль о необходимости награды за дарованіе Франціи внутренняго и внѣшняго мира родилась въ головѣ самого Наполеона, но онъ желалъ, чтобы дѣло получило такой видъ, какъ будто его награждали по иниціативѣ самой націи въ лицѣ ея представителей. Самъ Наполеонъ никому не говорилъ, чего онъ хотѣлъ на самомъ дѣлѣ, но люди, его окружавшіе, очень хорошо знали, что онъ желалъ усиленія своей власти, недоумѣвая только, въ чемъ же должно было состоять это усиленіе. 6 мая 1802 г. трибунату былъ предъявленъ амьенскій трактатъ, и президентъ трибуната, уже очищеннаго отъ безпокойныхъ членовъ, предложилъ своимъ товарищамъ выразить желаніе, чтобы генералу Бонапарту былъ данъ „блестящій залогъ національной благодарности“: эти слова были внушены президенту трибуната, котораго притомъ увѣрили, что рѣчь будетъ идти лишь о чисто почетной наградѣ. Рѣшить вопросъ, въ чемъ же награда должна была состоять, предоставлялось сенату, какъ первому учрежденію націи. Послѣдній не могъ оставить это заявленіе безъ вниманія, но, сдѣлавъ видъ, что повѣрилъ искренности перваго консула, сказавшаго трибунату, что съ него довольно славы и почестей, сдѣлалъ постановленіе, коимъ переизбиралъ перваго консула еще на десять лѣтъ по окончаніи срока его полномочій. Наполеонъ былъ страшно раздраженъ такимъ рѣшеніемъ, но услужливый Камбасересъ, ведшій все это дѣло, придумалъ другой способъ уладить все по мысли перваго консула: этимъ способомъ должно было быть непосредственное обращеніе къ самому державному народу. Отвѣчая сенату по поводу своего переизбранія, Наполеонъ выразилъ желаніе, чтобы актъ, удерживающій его у власти на болѣе продолжительное время, былъ санкціонированъ народнымъ приговоромъ. „Вы, сказалъ онъ, находите нужнымъ, чтобы я принесъ народу новую жертву, и я это сдѣлаю, если голосъ народа предпишетъ мнѣ то, что разрѣшаетъ ваше постановленіе“. Дѣло перешло въ государственный совѣтъ, гдѣ переизбраніе на новое десятилѣтіе было замѣнено прямо пожизненнымъ консульствомъ. Сенатъ и трибунатъ съ законодательнымъ корпусомъ присоединились къ этому рѣшенію, и въ іюлѣ 1802 года новый плебисцитъ даровалъ первому консулу пожизненную власть тремя съ половиною милліонами голосовъ противъ полутора десятковъ тысячъ отрицательныхъ отвѣтовъ. Принявъ изъ рукъ народа новую власть, Наполеонъ выразилъ желаніе, чтобы соотвѣтственно съ этою перемѣною были произведены въ конституціи VIII г. и необходимыя передѣлки. Отвѣтомъ на это былъ сенатусъ-консультъ X г. По новой конституціи, какую изъ себя представлялъ названный актъ услужливаго сената, первый консулъ, сдѣлавшись пожизненнымъ, получалъ

еще право назначить себѣ преемника, равно какъ право ратифицировать трактаты съ иностранными державами и миловать преступниковъ. „Теперь, говорилъ Наполеонъ, я нахожусь наравнѣ съ другими государями, ибо въ концѣ концовъ вѣдь и они только пожизненны. Нельзя, чтобы власть человѣка, ведущаго дѣла Европы, была или, по крайней мѣрѣ, казалась непрочною". Вмѣстѣ съ этимъ сенатусъ-консультъ X года измѣнялъ отношеніе перваго консула къ законодательнымъ собраніямъ и вводилъ перемѣны въ ихъ организацію. Государственный совѣтъ превращался въ своего рода тайный совѣтъ новаго монарха Франціи. Число членовъ трибуната, какъ мы видѣли, сокращалось, и самъ онъ раздѣлялся на секціи. У законодательнаго корпуса было отнято право вотировать мирные и союзные договоры, принадлежавшее ему по конституціи VIII г., такъ какъ право заключенія такихъ договоровъ находилось теперь въ рукахъ лишь самого перваго консула. Сенатъ получилъ нѣкоторое расширеніе своихъ правъ по отношенію къ другимъ учрежденіямъ, но былъ поставленъ въ бо́льшую зависимость отъ перваго консула. Сенатъ могъ теперь распускать законодательный корпусъ и трибунатъ и собственною властью назначалъ президентовъ и членовъ бюро обоихъ собраній, причемъ послѣднія были лишены права предлагать своихъ кандидатовъ на вакантныя сенаторскія мѣста. По конституціи VIII г. сенатъ самъ долженъ былъ пополнять убыль среди своихъ членовъ изъ трехъ кандидатовъ, представленныхъ ему первымъ консуломъ, трибунатомъ и законодательнымъ корпусомъ: это право за сенатомъ было оставлено, но всѣ три кандидата теперь указывались сенату однимъ первымъ консуломъ. Конституція VIII года заключала въ себѣ нѣкоторыя статьи, создававшія своего рода условія независимости сенаторовъ: они были пожизненны, несмѣняемы и не могли занимать другихъ должностей, дабы ихъ нельзя было подкупить тѣми или другими почетными или выгодными назначеніями. Послѣднее ограниченіе было уничтожено сенатусъ-консультомъ X года, а годъ спустя Наполеонъ создалъ еще, такъ называемыя сенаторіи (senatories), богатыя дотаціи съ доходомъ въ 25—80 т. франковъ, которыя, конечно, служили наградою за послушаніе сенаторамъ, наиболѣе входившими въ виды новаго владыки Франціи. По проекту Сіэса сенатъ долженъ былъ сдѣлаться главною частью конституціи, но и тѣ измѣненія, какія были внесены въ этотъ проектъ Наполеономъ, все еще оставляли за сенатомъ нѣкоторую возможность соперничать съ первымъ консуломъ: конституція X года превращала сенатъ въ учрежденіе, члены коего въ сущности уже вполнѣ зависѣли отъ перваго консула. Теперь Наполеонъ не побоялся даже расширить права̀ сената. По иниціативѣ правительства онъ могъ органическимъ сенатусъ-консультомъ дополнять или объяснять конституцію въ слу-

чаяхъ пробѣловъ или неясностей, а простыми сенатусъ-консультами, когда явится надобность, отмѣнять дѣйствіе конституціи въ отдѣльныхъ департаментахъ, отмѣнять въ нихъ судъ присяжныхъ, кассировать рѣшенія судовъ, если въ нихъ заключается вредъ для безопасности государства и т. п.; распущеніе законодательнаго корпуса и трибуната могло совершиться равнымъ образомъ только въ силу сенатусъ-консульта по иниціативѣ правительства. Въ рукахъ Наполеона сенатусъ-консульты сдѣлались весьма удобнымъ средствомъ добиваться всего, что онъ считалъ для себя нужнымъ. Самое установленіе имперіи было дѣломъ органическаго сенатусъ-консульта XII года. Прибавимъ, что конституція X года еще болѣе стѣснила избирательныя права націи, и безъ того ничтожныя по конституціи VIII года. Коммунальные нотабли составляли кантональное собраніе, которое и выбирало пожизненныхъ членовъ избирательныхъ коллегій—окружныхъ и департаментскихъ, представлявшихъ первому консулу кандидатовъ на нѣкоторыя должности. Къ выборнымъ членамъ этихъ коллегій первый консулъ имѣлъ право присоединить во всякое время по своему усмотрѣнію извѣстное число членовъ, назначенныхъ имъ самимъ, а кромѣ того, въ голосованіи избирательныхъ коллегій имѣли право участвовать всѣ чиновники; наконецъ, предсѣдатели ихъ назначались самимъ первымъ консуломъ.

Пожизненное консульство было настоящей монархіей: Наполеону не доставало только соотвѣтственнаго титула. Въ Тюйльери, гдѣ онъ поселился еще въ началѣ 1800 г., его окружалъ настоящій дворъ; и возвратившіеся эмигранты, изъ коихъ многіе стали появляться при этомъ дворѣ, содѣйствовали въ сильной степени возвращенію въ общество старыхъ монархическихъ традицій и нравовъ. Твердая власть перваго консула обезпечивала спокойствіе внутри страны, а его новыя побѣды надъ внѣшними врагами покрывали націю славой. Одни только непримиримые роялисты и немногіе либералы 1789 г. и республиканцы, оставшіеся вѣрными идеямъ свободы и равенства, не хотѣли признавать новую власть. Для первыхъ установленіе пожизненнаго консульства было особенно сильнымъ ударомъ, лишая ихъ надежды на скорое возвращеніе Бурбоновъ. Роялисты послѣ неудачнаго покушенія 3 нивоза не оставляли своего намѣренія погубить Наполеона, и Англія, съ которою у перваго консула война скоро возобновилась, какъ деньгами, такъ и всякими иными средствами помогала роялистическимъ заговорщикамъ. Главою послѣднихъ былъ графъ д'Артуа, жившій въ Англіи, а наиболѣе дѣятельными членами новаго заговора были Дюмурье и Пишегрю [1]). Рѣшено было сблизиться съ генераломъ

[1]) Дюмурье перешелъ на сторону непріятеля еще въ 1794 г. (Ист. Зап.

Моро, стоявшимъ во главѣ умѣренныхъ республиканцевъ, и съ этою цѣлью Пишегрю рѣшился даже пріѣхать въ Парижъ: роялисты расчитывали сдѣлать изъ Моро второго Монка, который произвелъ бы во Франціи реставрацію Бурбоновъ. Отдѣлаться отъ перваго консула, захвативъ его или убивъ при его проѣздѣ по улицѣ, долженъ былъ старый вожакъ вандейцевъ Жоржъ Кадудаль [1]), нарочно прибывшій въ Парижъ и расчитывавшій сдѣлать это при помощи цѣлой банды единомышленниковъ. Лондонскіе агенты Наполеона предупредили его объ опасности, заговорщики были переловлены, преданы суду и казнены. Моро, могшій по своей популярности въ арміи сдѣлаться опаснымъ соперникомъ Наполеона, былъ арестованъ, также судился за свои сношенія съ Пишегрю (задушеннымъ въ своей тюрьмѣ) и былъ приговоренъ къ двухгодичному тюремному заключенію и высылкѣ затѣмъ въ Америку. На допросѣ Кадудаль заявилъ, что его сообщниками были сами принцы королевскаго дома. Этого было достаточно для Наполеона, чтобы показать примѣръ другимъ на одномъ изъ нихъ, молодомъ герцогѣ Ангіенскомъ (изъ фамиліи принцевъ Конде), хотя послѣдній ни душой, ни тѣломъ не былъ виноватъ въ заговорѣ. Онъ жилъ въ то время въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ (въ Эттенгеймѣ) на пенсію англійскаго правительства, которому предлагалъ образовать изъ недовольныхъ въ Эльзасѣ вольный отрядъ для войны съ Наполеономъ. Появленіе въ Швейцаріи и южной Германіи англійскихъ агентовъ, пріѣзжавшихъ сюда для агитаціи противъ Наполеона, дало поводъ заподозрить присутствіе въ числѣ ихъ самого Дюмурье, который, по одному донесенію тайной полиціи Наполеона, будто бы видѣлся и съ принцемъ. 15 марта 1804 г. принцъ былъ схваченъ французскими драгунами на чужой территоріи, привезенъ въ Парижъ и немедленно въ ночь на 21 марта приговоренъ судомъ къ разстрѣлянію во рву Венсенскаго замка На просьбу Жозефины помиловать плѣнника Наполеонъ отвѣчалъ: „я—государственный человѣкъ, я — французская революція, и я ее поддержу“ [2]). Извѣстіе объ этомъ злодѣяніи встрѣчено было съ негодованіемъ во всей Европѣ и оттолкнуло отъ Наполеона многихъ примирившихся роялистовъ. Какъ разъ

Евр., III, стр. 604), а Пишегрю былъ въ числѣ членовъ совѣта пятисотъ, сосланныхъ послѣ 18 фрюктидора въ Кайену, откуда онъ бѣжалъ въ Англію.

[1]) Т. III, стр. 604.

[2]) G. de Cadoudal. Georges Cadoudal et la chouannerie. 1887. О принцѣ Ангіенскомъ и его процессѣ есть цѣлая литература, указанная отчасти въ соч. Boulay de la Meurthe. Les dernières années du duc d'Enghien. См. еще Nougarède de Fayet. Recherches historiques sur le procès du duc d'Enghien. 1886. Welschinger. Le duc d'Enghien. Любопытныя подробности объ этомъ дѣлѣ есть въ новыхъ (1893) Mémoires du chancelier Pasquier publiés par le duc d'Audiffret-Pasquier (томъ I).

въ это время ставился и рѣшался вопросъ о принятіи Наполеономъ императорскаго титула.

О томъ, что это должно было случиться, уже раньше говорили и во Франціи, и за границей: употребляли даже выраженія „Галльская имперія“ (empire des Gaules), „императоръ галловъ“ (empereur des Gaulois). Иниціатива поднесенія первому консулу императорскаго титула вышла изъ сената, который введеніемъ наслѣдственной власти въ конституцію VIII—X гг. думалъ обезпечить свое собственное существованіе противъ всякой случайности, и вотъ онъ воспользовался послѣднимъ заговоромъ на жизнь перваго консула, грозившимъ опасностью всему новому государственному строю, чтобы оправдать необходимость такой перемѣны въ глазахъ націи, въ свою очередь радовавшейся неудачѣ покушенія на жизнь Наполеона. Главнымъ двигателемъ всего дѣла явился Фуше, который въ 1793 г. вотировалъ казнь короля, былъ у Наполеона министромъ полиціи, но потерявъ это мѣсто, только и думалъ о томъ, чтобы снова войти въ милость своего господина. Едва прошла недѣля послѣ убіенія герцога Ангіенскаго, какъ къ первому консулу явилась депутація отъ сената съ просьбою упрочить и увѣковѣчить свое великое дѣло возрожденія Франціи. Наполеонъ просилъ срока, чтобы подумать, а между тѣмъ префекты, правительственные чиновники, стоявшіе во главѣ департаментовъ, и генералы подготовляли народъ и армію къ новой перемѣнѣ въ конституціи. Особенно было обращено вниманіе на армію, а сенату съ законодательнымъ корпусомъ и трибунатомъ давали понять, что войско сгораетъ отъ нетерпѣнія видѣть своего любимаго вождя облеченнымъ высшею властью. Въ концѣ апрѣля одинъ изъ членовъ трибуната, Кюре, которому была обѣщана богатая сенаторія, внесъ въ трибунатъ предложеніе, составленное въ кабинетѣ перваго консула: правительство французской республики предлагалось ввѣрить Наполеону Бонапарту съ титуломъ императора и съ наслѣдственною передачею императорскаго достоинства его потомству. Послѣ этого Наполеонъ отвѣтилъ на адресъ сенаторозъ. „Вы, говорилъ онъ, въ этомъ отвѣтѣ, сочли нужнымъ установить наслѣдственность высшей магистратуры, чтобы поставить французскій народъ внѣ опасности отъ заговоровъ нашихъ враговъ и отъ смутъ, какія могли бы произойти отъ честолюбиваго соперничества. Вы нашли, кромѣ того, необходимымъ усовершенствовать нѣкоторыя изъ нашихъ учрежденій, дабы навѣки обезпечить торжество равенства и общественной свободы и доставить націи и правительству двойную гарантію, въ коей они нуждаются... Я хочу, чтобы 14 іюля въ этомъ году мы могли сказать французскому народу: пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ порывѣ чувствъ вы взялись за оружіе, вы пріобрѣли свободу, равенство, славу; нынѣ эти первыя

блага народовъ, упроченныя за вами на вѣки, находятся внѣ всякихъ бурь, они сохранены для васъ и для дѣтей вашихъ". Въ трибунатѣ установленіе имперіи сдѣлалось предметомъ льстивыхъ рѣчей, въ коихъ, напр., Наполеонъ ставился выше Карла Великаго (такихъ рѣчей было произнесено девятнадцать); изъ трибуновъ одинъ только Карно подалъ голосъ противъ. Наскоро созванный въ чрезвычайную сессію законодательный корпусъ вотировалъ въ благопріятномъ же смыслѣ. Между тѣмъ въ особомъ комитетѣ, состоявшемъ изъ обоихъ консуловъ и Фуше съ Талейраномъ подъ предсѣдательствомъ самого Наполеона, была выработана новая конституція, принятая затѣмъ сенатомъ, гдѣ противъ нея подано было лишь четыре голоса, въ томъ числѣ Сіэсомъ, и получившаго названіе органическаго сенатусъ-консультъ 28 флореаля XII года [1]). Предложеніе о наслѣдственности императорскаго достоинства было подвергнуто плебисциту, и 15 брюмера XIII года (6 ноября 1804 г.) было объявлено, что изъ 3,524,254 гражданъ, подавшихъ голоса, утвердительныхъ было 3.521,675.

Конституція XII года не налагала никакихъ ограниченій на императорскую власть, и лишь немногіе сенаторы заявляли о необходимости нѣкоторыхъ гарантій въ виду новаго усиленія власти главы государства. Въ этой конституціи Франція названа была еще республикой, правленіе коей ввѣрялось наслѣдственному императору французовъ: Наполеонъ считалъ нужнымъ еще сохранять имя республики, и на монетахъ, чеканившихся въ первые годы имперіи (до 1807), на одной сторонѣ была надпись „République Française", на другой—„Napoléon Empereur". Сенатусъ-консультъ XII г. заключалъ въ себѣ постановленія о престолонаслѣдіи, объ императорской фамиліи, о регентствѣ и установлялъ цѣлую іерархію высшихъ чиновъ имперіи (grandes dignités de l'empire, каковыми были grand électeur, archichancelier de l'empire, archichancelier d'état, architrésorier, connétable и grand amiral), маршаловъ и т. п. Сенатъ еще болѣе дѣлался зависимымъ отъ главы государства: въ составъ сената должны были входить всѣ французскіе принцы старше 18 лѣтъ, высшіе государственные сановники (обладатели названныхъ grandes dignités) и граждане, „коихъ императоръ найдетъ подходящимъ (convenable) возвысить въ санъ сенатора", кромѣ восьмидесяти лицъ, назначавшихся прежнимъ порядкомъ; предсѣдатель сената назначался также императоромъ. Въ видѣ утѣшенія сенату за потерю имъ прежнихъ правъ, а главнымъ образомъ для замаскированія настоящаго характера конституціи учреждались въ сенатѣ двѣ коммиссіи, изъ семи членовъ каждая: онѣ назывались „сенаторская коммиссія личной свободы" и „сенаторская коммиссія сво-

[1]) Республиканскій календарь былъ отмѣненъ во Франціи только въ 1806 г.

боды печати", а учреждались онѣ для того, чтобы сенатъ по ихъ докладу могъ объявлять: „есть сильныя основанія предполагать (il y a de fortes présomptions), что такой-то былъ произвольно задержанъ", или „что свобода прессы была нарушена". Въ теченіе всѣхъ десяти лѣтъ, когда дѣйствовала конституція XII года, сенату ни разу не пришлось воспользоваться этимъ правомъ и, разумѣется, не потому, чтобы за этотъ періодъ во Франціи индивидуальная свобода и свобода печати пользовались дѣйствительно неприкосновенностью. Наконецъ, какъ было уже упомянуто [1]), законодательному корпусу было разрѣшено обсуждать законы въ закрытыхъ засѣданіяхъ такъ называемыхъ общихъ комитетовъ (юридическаго, административнаго и финансоваго). Главные дѣятели установленія имперіи получили награды: Камбасересъ и Лебренъ сдѣлались—одинъ архиканцлеромъ, другой—архиказначеемъ имперіи, Талейранъ, сохранившій постъ министра иностранныхъ дѣлъ, былъ пожалованъ въ великіе шамбеланы, Фуше снова сдѣлался министромъ полиціи, четырнадцать генераловъ назначены были маршалами Франціи.

Въ то же время былъ организованъ императорскій дворъ, а 2 декабря 1804 г. самъ папа Пій VII, нарочно пріѣхавшій въ Парижъ, помазалъ „народнаго избранника" на царство въ соборѣ Парижской Богоматери [2]).

Менѣе, чѣмъ въ пять лѣтъ славный побѣдами республиканскій генералъ, проложивъ себѣ путь къ власти государственнымъ переворотомъ, совершеннымъ при помощи военной силы, сдѣлался изъ гражданина Бонапарта императоромъ французовъ Наполеономъ I. По существу дѣла его власть была не чѣмъ инымъ, какъ военнымъ деспотизмомъ, или цезаризмомъ. И во времена консульства, и во времена имперіи учрежденія, представлявшія собою народъ, были простыми декораціями, за которыми скрывался абсолютизмъ Наполеона. Мы видѣли, что въ 1807 г. трибунатъ, казавшійся Наполеону несовмѣстимымъ съ остальными учрежденіями имперіи, былъ уничтоженъ. Съ законодательнымъ корпусомъ онъ также не церемонился. Уже въ 1805 г. во время вакаціи законодательнаго корпуса императоръ получилъ отъ сената разрѣшеніе на рекрутскій наборъ, хотя это по конституціи зависѣло отъ законодательнаго корпуса, и такъ какъ послѣдній потомъ не протестовалъ, то Наполеонъ сталъ и впредь прибѣгать къ сенатусъ-консультамъ, чтобы легализировать то или другое изъ своихъ распоряженій. Статья конституціи VIII года, по которой объявленіе

---

[1]) См. выше, стр. 95.

[2]) Объ этомъ см. въ слѣдующей главѣ (въ связи съ исторіей взаимныхъ отношеній Наполеона и папы).

войны должно было обсуждаться, декретироваться и провозглашаться въ видѣ закона, постоянно нарушалась. 1809 годъ прошелъ безъ сессіи законодательнаго корпуса, и никто на это не обратилъ большого вниманія. Послѣ несчастнаго похода въ Россію, замѣтивъ въ законодательномъ корпусѣ признаки нѣкоторой оппозиціи, императоръ отсрочилъ его засѣданія, самъ установилъ бюджетъ и ввелъ новые налоги, т.-е. нарушилъ прямымъ образомъ права этого учрежденія. „Отъ чьего имени говорите вы? спрашивалъ онъ въ 1813 г. Вѣдь только я, одинъ я—настоящій представитель народа“.—„Государство, это—я“ Людовика XIV было бы столь же умѣстнымъ и въ устахъ Наполеона I.

Сравнивая учрежденія консульства имперіи съ тѣми конституціонными планами, которые были въ головѣ Бонапарта еще во время его перваго итальянскаго похода, мы можемъ сказать, что конституціи VIII, X и XII годовъ были не чѣмъ инымъ, какъ осуществленіемъ идей о государственномъ устройствѣ, которыя еще задолго до переворота 18 брюмера высказывалъ Наполеонъ по поводу внутреннихъ итальянскихъ дѣлъ.

VII. Внутренняя политика консульства и имперіи. [1])

Значеніе 18 брюмера въ исторіи революціи.—Взглядъ Наполеона на революцію и его политическая теорія.—Милитаризмъ имперіи.—Деспотическій нравъ Наполеона и его правительственныя способности —Организаціонная работа консульства и ея значеніе для Франціи.—Гражданскій кодексъ.—Отношеніе Наполеона къ религіи.—Конкордатъ.—Церковныя отношенія въ эпоху имперіи.—Столкновеніе Наполеона съ папой.—Полиція Наполеона.—Его отношеніе къ образованію, наукѣ, литературѣ, театру и періодической прессѣ.—Цензура при Наполеонѣ.—Экономическая политика консульства и имперіи.—Въ чемъ сходна внутренняя политика Наполеона съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ?

Мы уже видѣли, какъ слѣдуетъ смотрѣть на то отношеніе, въ

---

[1]) Кромѣ Тьера, Ланфрэ и Тэна (Le regime moderne), см. Blanc. Napoléon I, ses institutions civiles et administratives. 1880.—Durand. Le premier consul législateur.—Aucoc (см. т. III, стр. 57).—Pelet de la Lozère. Opinions de Napoléon au conseil d'état. — Stourm (т. III, стр. 416). – Ch. Nicolas. Les budgets de la France, depuis le commencement du XIX siècle.—Sévin. Étude sur les origines révolutionnaires des Codes Napoléon. — Troplong. De l'esprit démocratique dans le code civil. — Pérouse. Napoléon et ses lois civiles. — О положеніи католической церкви вообще въ эпоху революціи см. соч. Sciout (т. III, стр. 516), а при имперіи — Haussonville. L'église romaine et le premier empire. — Theiner. Histoire des deux concordats.—Buissac. Le concordat de 1801 et les articles organiques.—Artaud. Vie et pontificat du pape Pie VII.—Fauchille. La question juive sous le premier empire. 1886. — Liard. L'enseignement supérieur en France de 1789 à 1889. 1888.—Lesmaret. Quinze ans

какомъ консульство и имперія находятся къ революціи [1]). Хотя и на другой день послѣ 18 брюмера, и при принятіи Наполеономъ императорскаго достоинства дѣлались ссылки [2]) на тѣ событія 1789 г., которыя всѣми признавались за самыя важныя въ исторіи завоеванія французскимъ народомъ политической свободы, тѣмъ не менѣе на дѣлѣ переворотъ 18 брюмера положилъ конецъ революціи и на пятнадцать лѣтъ лишилъ Францію всякаго подобія свободы. Черезъ день послѣ окончанія работъ надъ конституціей VIII года временные консулы обратились къ націи съ прокламаціей, въ которой сказано было, что революція, утвержденная на своихъ первоначальныхъ принципахъ, можетъ считаться оконченной: „la révolution est fixée aux principes qui l'ont commencée, elle est finie". Въ этомъ заявленіи вѣрнымъ было только то, что говорилось объ окончаніи революціи. Революція, дѣйствительно, была кончена. Такъ смотрѣлъ на дѣло и самъ Наполеонъ. Излагая его біографію до 18 брюмера, мы остановились на нѣкоторыхъ фактахъ, указывающихъ на то, каково было его отношеніе къ революціи въ самомъ ея началѣ: если Наполеонъ явился теперь ея усмирителемъ, то вовсе не по сочувствію къ старому порядку. Послѣ 18 брюмера ему не разъ приходилось высказываться о революціи, и конечно, настоящій его взглядъ мы должны искать не въ оффиціальныхъ заявленіяхъ, въ коихъ онъ старался представить свою власть, какъ наилучшую гарантію для пріобрѣтеній революціи, а въ его интимныхъ бесѣдахъ, переданныхъ намъ авторами мемуаровъ. Въ числѣ лицъ, въ эпоху консульства стоявшихъ особенно близко къ Наполеону, былъ извѣстный химикъ Шапталь, сдѣланный послѣ 18 брюмера членомъ государственнаго совѣта, а вскорѣ затѣмъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, каковымъ и оставался до первыхъ мѣсяцевъ имперіи. Въ недавно изданныхъ воспоминаніяхъ его о Наполеонѣ есть весьма интересныя мѣста. Наполеонъ, читаемъ мы въ одномъ изъ такихъ мѣстъ, „часто говорилъ, что когда онъ сталъ у кормила правленія, французская революція не была еще окончена, что ему удалось ее подавить, но что еслибы онъ не сталъ употреблять рѣшительныхъ и сильныхъ мѣръ, она скоро опять пошла бы по своему проторенному пути. Это-то и заставляло его съ такою бди-

---

de haute police sous Napoléon. — J. Destrem. Déportations du consulat et de l'empire.—Hérrisson. Le cabinet noir. 1886. — Welschinger. La censure sous le premier empire. 1882. — Merlet. Tableau de la littérature française de 1800 à 1815.

[1]) См. выше, стр. 47 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 88 и 100. Дѣло шло о клятвѣ въ Jeu de Paume и о разрушеніи Бастиліи.

[3]) Chaptal. Mes souvenirs sur Napoléon. 1893.

тельностью въ самомъ зародышѣ уничтожать партіи, которыя бы только могли пробудиться къ жизни. Но именно съ тѣхъ поръ онъ и чувствовалъ себя вынужденнымъ сойти съ конституціоннаго пути. Онъ, — продолжаетъ вспоминать Шапталь, — часто говорилъ и не безъ основанія, можетъ быть, что Франція еще не привыкла къ его власти, что на него смотрятъ, какъ на пришельца, что даже утверждаютъ, будто онъ долженъ бы былъ считаться съ одолженіемъ, сдѣланнымъ ему народомъ, который его возвелъ на престолъ, и что, слѣдовательно, ему нельзя было распускать возжей. Онъ прибавлялъ еще, что развѣ только старыя династіи могутъ быть безнаказанно популярными". „Моя имперія рушится, говорилъ онъ Шапталю, лишь только я перестану быть страшнымъ. Я не могу допустить, чтобы кто-нибудь осмѣливался что-либо предпринимать, немедленно же не подавляя съ своей стороны этого предпріятія. Я не могу позволить, чтобы мнѣ угрожали, самъ не нанося удара тѣмъ, кто вздумалъ бы это дѣлать!.. Вѣдь вокругъ меня нѣтъ ни одного генерала, который не полагалъ бы, что и онъ имѣетъ такія же права на престолъ, какъ и я. Нѣтъ ни одного сколько-нибудь вліятельнаго человѣка, который не воображалъ бы, что именно онъ проложилъ мнѣ дорогу 18 брюмера. Я вынужденъ поэтому быть очень суровымъ съ этими людьми. Еслибы я держалъ себя съ ними на равной ногѣ, они скоро раздѣлили бы между собою мою власть и общественное достояніе... И внутри, и внѣ я царствую въ силу внушаемаго мною страха. Еслибы я оставилъ эту систему, меня не замедлили бы низложить съ престола. Вотъ мое положеніе и мотивы моего поведенія". Конечно, Шапталь передаетъ не подлинные разговоры съ Наполеономъ, а общій ихъ смыслъ, и то, что сказано въ приведенномъ отрывкѣ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ и положенію Наполеона послѣ 18 брюмера, и всему его поведенію съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ власть. На послѣднюю онъ смотрѣлъ, какъ на единственное средство не дать продолжать революцію тѣмъ лицамъ и партіямъ, которыя не считали ея оконченной или просто стремились захватить власть въ свои руки. Сама революція казалась ему болѣзненнымъ кризисомъ, который былъ пережитъ французскимъ народомъ и которому пора прекратиться, разъ устранены причины, вызвавшія болѣзнь. „Наполеонъ, разсказываетъ еще Шапталь, часто говорилъ, что у націй бываютъ также разныя болѣзни, какъ и у отдѣльныхъ лицъ... Все, что удручаетъ или стѣсняетъ общественное тѣло въ его нуждахъ, вѣрованіяхъ, вкусахъ, въ его независимости, производитъ болѣзненное состояніе, которое выражается въ жалобахъ и разрѣшается возстаніемъ. Французскій народъ, говорилъ онъ, оскорбляли въ самыхъ дорогихъ его интересахъ. Дворянство и духовенство унижали его своимъ высокомѣріемъ и своими

привилегіями. Они утѣсняли его правами, которыя присвоили себѣ надъ его трудомъ. Онъ долго томился подъ этимъ гнетомъ, но наконецъ онъ захотѣлъ сбросить съ себя иго, и революція началась. Паденіе монархіи было лишь слѣдствіемъ препятствій, которыя ставились движенію, но отнюдь не входило въ намѣренія революціонеровъ. Наполеонъ, продолжаетъ Шапталь, смотрѣлъ на то болѣе или менѣе дѣятельное участіе, какое всякій принималъ въ революціи, какъ на результатъ политической лихорадки, овладѣвшей всѣми головами. Въ этомъ онъ не видѣлъ бо́льшаго зла, чѣмъ то, какое производятъ поступки бѣсноватыхъ, и онъ прощалъ всѣмъ за исключеніемъ нѣсколькихъ дворянъ, которые, будучи осыпаны милостями двора, содѣйствовали низверженію своего монарха". Въ другомъ мѣстѣ Шапталь говоритъ еще: „особенно необычайнымъ покажется потомству то, что Бонапартъ, который въ молодости обнаружилъ горячую любовь къ свободѣ, Бонапартъ, который одобрялъ самыя кровавыя сцены революціи и самъ даже принималъ въ нихъ участіе, могъ потомъ поработить націю и отнять у нея всякую независимость. Но, прибавляетъ онъ, о Наполеонѣ можно говорить то, что послѣдовательно говорилось обо всѣхъ, принимавшихъ участіе во власти въ бурные періоды революціи, а именно, что свобода существовала только для нихъ и что, по ихъ мнѣнію, для доставленія торжества ихъ идеямъ, нужно было подавить или уничтожить идеи другихъ". Это замѣчаніе совершенно вѣрное, но слѣдуетъ прибавить, что Наполеонъ, по крайней мѣрѣ, подобно своимъ революціоннымъ предшественникамъ, не прикрывалъ своего деспотизма именемъ свободы. Въ приведенномъ объясненіи Наполеономъ причинъ революціи мы не находимъ указанія на отсутствіе въ старой Франціи личной и общественной свободы: все сводится здѣсь къ неравенству, къ привилегіямъ. Наполеонъ очень хорошо понялъ, что среди республиканцевъ конца прошлаго вѣка было немало людей, собственно говоря, стремившихся только къ власти, хотя бы и на подчиненныхъ мѣстахъ, и вотъ онъ дѣлалъ такихъ людей министрами, сенаторами, членами государственнаго совѣта, депутатами, судьями, префектами и т. п. Онъ не вѣрилъ, чтобы участіе въ революціи тѣхъ или другихъ лицъ могло объясняться стремленіемъ ихъ къ политической свободѣ. „Вы, французы, говорилъ онъ (по словамъ г-жи Ремюза), вы серьезно ничего не умѣете желать, за исключеніемъ развѣ одного равенства. Да и отъ него охотно, пожалуй, каждый отказался бы, еслибы только могъ себя представить первымъ. Нужно каждому позволять надѣяться на повышеніе. Нужно всегда держать въ напряженіи ваше тщеславіе. Суровость республиканскаго режима вамъ наскучила бы до смерти... Что произвело революцію? Тщеславіе. Что положитъ ей конецъ? Опять-таки тщеславіе.

Свобода—одинъ предлогъ". „Свобода, заявилъ онъ другой разъ, можетъ быть потребностью лишь весьма малочисленнаго класса людей, отъ природы одареннаго болѣе высокими способностями, чѣмъ масса, но потому она и можетъ быть подавляема безнаказанно, тогда какъ равенство, наоборотъ, нравится именно массѣ". Не вѣря въ стремленіе націи къ свободѣ, Наполеонъ и велъ себя такимъ образомъ, какъ будто бы нація и на самомъ дѣлѣ не желала свободы. При случаѣ и оффиціально онъ не отказывался произносить имя свободы, но въ глубинѣ души онъ не придавалъ ему ни малѣйшаго значенія, и если что считалъ настоящимъ пріобрѣтеніемъ революціи, такъ это — то гражданское равенство, которое, хотя бы и подъ властью абсолютнаго правительства, было политическимъ идеаломъ громаднаго большинства французовъ. И смотря съ такой точки зрѣнія на своихъ современниковъ, Наполеонъ не ошибался, какъ не ошибался и относительно стремленія ихъ къ повышенію, относительно ихъ жажды власти, хотя бы и на подчиненныхъ мѣстахъ, относительно ихъ тщеславія: онъ и дѣйствовалъ главнымъ образомъ на эти страсти, и немудрено поэтому, что сама революція казалась ему результатомъ простого тщеславія.

Впослѣдствіи, уже послѣ своего паденія, на о. св. Елены Наполеонъ старался представить въ иномъ видѣ свое отношеніе къ революціи. Въ знаменитомъ „Меморіалѣ", писавшемся здѣсь подъ его диктовку, говорилось, что его исторической миссіей было обезпечить торжество революціи въ качествѣ умѣрителя ея внутри и защитника извнѣ: онъ возжегъ ея свѣточъ, онъ освятилъ ея принципы, онъ былъ ея солдатомъ, и преслѣдованія сдѣлали изъ него ея мессію. Установленіе имперіи онъ объяснялъ тогда необходимостью защитить принципы и интересы революціи отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, и этою же задачею онъ объяснялъ свою борьбу со всей Европой, въ которой онъ и распространилъ принципы революціи. Наполеонъ рѣшался даже утверждать, будто его правленіе было конституціонной и умѣренной монархіей, и будто въ его царствованіе французы были самымъ свободнымъ народомъ въ Европѣ. Въ свое время Наполеонъ отдалъ дань „идеологіи" XVIII в. [1]), выраженіями которой охотно пользовался и послѣ, когда это ему было нужно. На самомъ дѣлѣ его политическая теорія была далека отъ тѣхъ, какія были созданы XVIII вѣкомъ. Народовластіе представлялось ему, какъ широкая основа для правительства съ неограниченными правами, ибо, по его мнѣнію, правительство и есть истинный представитель націи: такъ думалъ онъ еще въ 1797 г. и то же мнѣніе высказывалъ въ 1813 г. [2]). Онъ готовъ былъ и на прак-

---

[1]) См. выше, стр. 64.

[2]) См. выше, стр. 79 и 103.

тикѣ признавать народное верховенство, но весьма оригинальнымъ образомъ. „Моя политика, сказалъ онъ однажды въ засѣданіи государственнаго совѣта въ первый годъ консульства,—моя политика состоитъ въ томъ, чтобы управлять людьми такъ, какъ того хочетъ большинство. Превратившись въ католика, я кончилъ вандейскую войну; сдѣлавшись мусульманиномъ, я утвердился въ Египтѣ; ставши ультрамонтаномъ, я привлекъ на свою сторону поповъ въ Италіи. Еслибы я управлялъ народомъ, состоящимъ изъ евреевъ, я бы возстановилъ храмъ Соломона. По той же причинѣ я буду говорить о свободѣ въ свободной части С. Доминго, но я утвержу рабство на Иль-де-Франсѣ или въ другой части С. Доминго, предоставивъ себѣ смягчить и ограничить невольничество тамъ, гдѣ я его удержу, и, наоборотъ, возстановить порядокъ и поддержать дисциплину тамъ, гдѣ я сохраню свободу. Въ этомъ-то, кажется мнѣ, и заключается признаніе народнаго верховенства“ (C’est là, je crois, la manière de reconnaître la souveraineté du peuple). То государство, которое создавалъ Наполеонъ, не должно было знать свободы: неограниченная верховная власть народа цѣликомъ переносилась на „настоящаго представителя народа“, на правительство, и именно таково было значеніе тѣхъ плебисцитовъ, которые милліонами голосовъ дѣлали Наполеона сначала консуломъ на десять лѣтъ, потомъ консуломъ пожизненнымъ и, наконецъ, императоромъ французовъ. Гораздо лучше понималъ Наполеонъ равенство; но и равенство въ его политическомъ міросозерцаніи было не чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ проявленій простого единообразія, бывшаго его государственнымъ идеаломъ. Подведеніе всѣхъ и всего къ одному знаменателю и уничтоженіе средостѣнія (liens intermédiaires) между государемъ и самымъ послѣднимъ классомъ народа казалось ему величайшимъ благомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ условіемъ совершенной полноты власти государя. Оффиціальнымъ историкамъ онъ заказывалъ исторію Франціи отъ смерти Людовика XIV до VIII года, и по его мысли въ этой исторіи должно было быть выставлено на первый планъ, насколько „легче дышется“ въ новой Франціи только потому, что въ ней существуетъ единство администраціи и законовъ. Стремленіемъ Наполеона было распространить строгое единообразіе, какое при немъ получила Франція, и на всю Европу. Съ другой стороны, онъ былъ врагомъ феодализма, поскольку послѣдній создавалъ аристократическое средостѣніе между монархомъ и народною массою, понимая, что свобода нравится лишь немногимъ, что масса любитъ только равенство, хотя все это и не мѣшало ему создавать новую придворную, военную и чиновную знать, въ составъ которой онъ особенно стремился привлечь старое дворянство.

Къ тому режиму, который былъ установленъ Наполеономъ, на-

иболѣе подходитъ характеристика военной команды. „Чтобы хорошо управлять, говорилъ онъ, нужно быть военнымъ; хорошо управлять можно только со шпорами и въ ботфортахъ“. Дѣйствительно, власть Наполеона была чисто военнымъ деспотизмомъ. Въ эпоху директоріи армія была единственной организованной силой среди дезорганизованной страны [1]), и установленіе власти побѣдоноснаго генерала надъ государствомъ, обезсилѣвшимъ отъ революціонной бури, было въ сущности завоеваніемъ Франціи гражданской Франціею военною. Безпрерывныя войны консульства и имперіи сами по себѣ выдвигали армію на первый планъ. Наполеонъ, съ своей стороны, дѣлалъ все, что только могло привязать къ нему солдатъ, офицеровъ и генераловъ. Когда онъ былъ только первымъ консуломъ, онъ иногда приглашалъ къ своему столу простыхъ солдатъ (случалось, человѣкъ по двѣсти), имѣвшихъ почетное оружіе, угощалъ ихъ, шутилъ съ ними, пилъ за ихъ здоровье, заставлялъ разсказывать, кто за что получилъ почетное ружье или почетную саблю. И въ эти годы, и впослѣдствіи, будучи императоромъ, онъ посѣщалъ казармы и обнаруживалъ на глазахъ солдатъ заботливость о томъ, чтобы ихъ содержаніе было хорошее. Солдаты боготворили „маленькаго капрала“. Каждый солдатъ могъ расчитывать на повышеніе, и быстрое повышеніе дѣлалось, дѣйствительно, тѣмъ средствомъ, коимъ Наполеонъ пользовался, чтобы привязать къ себѣ военную силу. Въ 1802 г. первый консулъ учредилъ орденъ почетнаго легіона, получить который сдѣлалось цѣлью стремленій великаго множества французовъ. Революція уничтожила какіе бы то ни было знаки отличія, и въ 1802 г. нѣкоторые республиканцы указывали Наполеону на то, что въ республикѣ такихъ игрушекъ не нужно. „Вы называете это игрушками (hochets), возражалъ Наполеонъ, такъ знайте же, что этими самыми игрушками можно водить людей“. Повышеніе офицеровъ происходило весьма быстро, и притомъ военная карьера была одною изъ наиболѣе выгодныхъ въ матеріальномъ отношеніи: генералы и полковники получали большое жалованіе, денежныя награды, имѣнія въ завоеванныхъ странахъ, а тутъ еще ихъ тщеславію льстила возможность получить титулъ барона, графа, князя, герцога [2]). Конституція XII года возстановляла титулъ маршаловъ Франціи: сдѣлаться маршаломъ стало высшею цѣлью стремленій каждаго честолюбиваго генерала. Особое положеніе въ войскѣ заняла гвардія (сначала консульская, потомъ императорская): попасть въ эту гвардію сдѣлалось предметомъ самыхъ лучшихъ мечтаній для громаднаго боль-

[1]) Ср. т. III, стр. 636 и слѣд. и выше, стр. 34.

[2]) Между тѣмъ отъ членовъ ордена почетнаго легіона требовалась присяга противиться возстановленію феодальнаго режима и соединенныхъ съ нимъ титуловъ.

шинства солдатъ, потому что на гвардейцевъ сыпались всѣ милости Наполеона—кресты, денежныя награды, разныя поощренія; гвардію лучше кормили, красивѣе одѣвали, и она пользовалась привилегіей сражаться на глазахъ самого императора, или составлять запасную силу для нанесенія окончательнаго удара непріятелю. Военныя побѣды прославлялись оффиціально и неоффиціально, въ прозѣ и въ стихахъ; для солдатъ устраивались праздники, увеселенія, зрѣлища; ея славу должны были увѣковѣчивать картины и другіе памятники искусства. Въ военной средѣ Наполеонъ чувствовалъ себя лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было: здѣсь все было основано на безусловномъ послушаніи, здѣсь все было нивеллировано передъ одною высшею властью. Понятно, что принципы военной команды, солдатскаго повиновенія, казарменнаго единообразія и дисциплины казалась ему наиболѣе пригодными и для управленія государствомъ.

Личный характеръ Наполена вполнѣ гармонировалъ съ тою ролью, которую ему, геніальному полководцу, пришлось играть въ исторической жизни Франціи. Властную натуру будущаго повелителя Европы разгадали въ немъ, когда онъ былъ еще подросткомъ, его воспитатели. Совсѣмъ молодымъ еще человѣкомъ онъ въ родной семьѣ былъ уже настоящимъ командиромъ, не терпѣвшимъ противорѣчія. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе развивался деспотическій нравъ Наполеона, и въ каждомъ человѣкѣ, изъ кого только онъ хотѣлъ сдѣлать орудіе своей воли, онъ умѣлъ разгадать ту страсть или ту слабость, на которую нужно было дѣйствовать, дабы подчинить себѣ этого человѣка, было ли то властолюбіе или честолюбіе, тщеславіе или любостяжаніе и т. д. Эгоизму и самомнѣнію Наполеона не было границъ; ему все должно было служить и все должно было повиноваться. Еще на первыхъ порахъ, когда ему были неясны многіе вопросы законодательства, администраціи, финансовъ, онъ окружалъ себя людьми, которые, по его мнѣнію, были сильны въ вопросахъ этого рода, слушалъ ихъ совѣта, допускалъ съ ихъ стороны возраженія, но когда ему стало казаться, что онъ овладѣлъ вполнѣ знаніемъ всѣхъ сторонъ государственнаго быта, онъ сталъ сторониться отъ людей съ талантомъ и иниціативой, окружалъ себя раболѣпными исполнителями своей воли, не терпѣлъ противорѣчія. Слушаться, не разсуждая, было требованіемъ, которое онъ предъявлялъ всѣмъ и каждому, и, конечно, находилось много людей, умѣвшихъ удовлетворить этому требованію. Маршалъ Даву сравнивалъ свою преданность императору съ преданностью Маре: еслибы, говорилъ онъ, императоръ въ видахъ своей политики потребовалъ разрушенія Парижа и чтобы никто оттуда живымъ не вышелъ, Маре, конечно, сохранилъ бы это въ тайнѣ, но навѣрное повредилъ бы ей, постаравшись вывести изъ города свою семью; а вотъ онъ, Даву, именно оставилъ

бы въ городѣ, и жену, и дѣтей, чтобы никто не догадался о существованіи тайны. И Наполеонъ требовалъ отъ своихъ слугъ исполненія такихъ дѣлъ, что нужно было не считаться съ существованіемъ ни совѣсти, ни чести. Не у одного изъ вѣрныхъ исполнителей его воли тѣмъ не менѣе вырывалось восклицаніе: однако трудно бываетъ подчасъ служить императору! Самъ Наполеонъ понималъ это хорошо и говорилъ, что „счастливъ только тотъ, кто прячется отъ него гдѣ-нибудь въ провинціальной глуши". Однажды онъ спросилъ, что будутъ говорить послѣ его смерти, и когда получилъ въ отвѣтъ, что всѣ его будутъ оплакивать,—„совсѣмъ нѣтъ", съ живостью возразилъ онъ и, представивъ человѣка, только-что отдѣлавшагося отъ тяжелой ноши, прибавилъ: „скажутъ только—*уфъ!*" Когда было нужно, Наполеонъ умѣлъ быть обворожительнымъ, но въ общемъ въ его присутствіи всѣ чувствовали себя стѣсненными, особенно въ эпоху имперіи. Въ личныхъ сношеніяхъ онъ былъ въ высшей степени щепетиленъ, требователенъ, раздражителенъ и грубъ. Онъ совсѣмъ не понималъ своихъ обязанностей по отношенію къ государству: всѣ его стремленія сводились къ одному,—къ собственному возвышенію. „Мой братъ,—такъ характеризовалъ его за годъ до установленія имперіи Іосифъ Бонапартъ,—мой братъ желаетъ, чтобы всѣ такъ чувствовали необходимость его существованія и чтобы это существованіе было такимъ благомъ, что нельзя было бы безъ содроганія и представить себя безъ него. Онъ знаетъ и онъ чувствуетъ, что на этомъ-то и держится его власть, а не на силѣ или благодарности. Если бы завтра или когда-нибудь можно было сказать, что вотъ установился прочный и спокойный порядокъ вещей, преемникъ консула назначенъ, и Бонапартъ можетъ умереть, не вызвавъ этимъ ни смутъ, ни опасныхъ нововведеній, то мой братъ уже не считалъ бы себя въ безопасности". Будущаго послѣ его смерти для него какъ бы не существовало. Однажды ему указали, что послѣ него невозможно будетъ управлять такой громадной имперіей, какую онъ создалъ, благодаря своимъ завоеваніямъ. „Что же, замѣтилъ Наполеонъ, если мой преемникъ будетъ глупъ, тѣмъ хуже для него". Извѣстно, наконецъ, и то презрѣніе, съ какимъ Наполеонъ относился къ человѣческой жизни, къ „пушечному мясу" солдатъ. Въ эпоху крушенія имперіи австрійскій дипломатъ Меттернихъ, склонявшій его къ миру, указывалъ ему на то, что его солдаты почти дѣти,—и когда эта армія юношей изчезнетъ, что станете вы дѣлать? спросилъ онъ его. „Вы, отвѣчалъ Наполеонъ, не солдатъ и не можете знать, что совершается въ душѣ солдата. Я выросъ на поляхъ битвъ: такому человѣку, какъ я, наплевать на жизнь милліона людей!"

Съ этимъ безсердечіемъ, съ этимъ эгоизмомъ, съ этимъ деспотическимъ нравомъ соединялись въ Наполеонѣ недюжинныя прави-

тельственныя способности, которыя онъ обнаружилъ въ первые же мѣсяцы консульства. Организаторскій талантъ, проявившійся въ его дѣятельности во время итальянскаго похода и египетской экспедиціи, былъ примѣненъ имъ и къ упорядоченію внутреннихъ отношеній Франціи послѣ 18 Брюмера. Умственныя способности и рабочая сила перваго консула поражали его сотрудниковъ, какъ о томъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ воспоминанія современниковъ, даже такихъ, которые (какъ, напр., упомянутый Шапталь) несочувственно относятся къ нему, какъ къ человѣку. Теоретическое образованіе Наполеона въ вопросахъ политики, администраціи, финансовъ было самое поверхностное, если только можно называть образованіемъ то, что остается послѣ несистематическаго, отрывочнаго и бѣглаго чтенія кое-какихъ книгъ, касающихся общества и исторіи, но по общимъ отзывамъ онъ умѣлъ довольно ловко скрывать свое невѣжество во многихъ очень важныхъ вопросахъ. Тѣмъ не менѣе въ его головѣ была накоплена всегда громадная масса фактовъ; онъ весьма быстро ихъ комбинировалъ и легко оріентировался въ каждомъ принципіальномъ вопросѣ, который обсуждался въ его присутствіи. Шапталь, сдѣланный, какъ мы видѣли послѣ 18 брюмера членомъ государственнаго совѣта, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что, работая съ первымъ консуломъ въ это время, онъ хорошо узналъ его умъ и энергію. „Совсѣмъ еще молодой и плохо освѣдомленный относительно отдѣльныхъ сторонъ администраціи,— такъ характеризуетъ Шапталь Наполеона 1800 г.,—онъ вносилъ въ обсужденіе дѣлъ ясность, точность и силу мысли и широту взгляда, которая насъ удивляла. Неутомимый въ трудѣ, съ большимъ запасомъ силъ, онъ, съ безпримѣрною проницательностью, связывалъ и соединялъ отдѣльные факты и мнѣнія съ великою системою администраціи. Болѣе желая узнать что-нибудь, чѣмъ проявить знанія, коихъ у него по молодости лѣтъ и чисто военному образованію и быть не могло, онъ часто требовалъ опредѣленій для отдѣльныхъ словъ, спрашивалъ, какъ было то или другое до его правленія, и, прочно установивъ основанія, дѣлалъ изъ нихъ выводы всегда къ выгодѣ современнаго положенія дѣлъ. Работая до двадцати часовъ въ сутки, онъ никогда не обнаруживалъ ни умственнаго утомленія, ни физической усталости, ни малѣйшаго признака ослабленія“. Въ другихъ мѣстахъ тотъ же Шапталь говоритъ еще слѣдующее: „въ четыре года своего консульства Наполеонъ собиралъ ежедневно нѣсколько совѣтовъ. Здѣсь послѣдовательно разсматривались разные предметы, касающіеся администраціи, финансовъ, права. И такъ какъ онъ былъ одаренъ великою проницательностью, у него вырывались часто глубокомысленныя замѣчанія, въ высшей степени вѣрныя сужденія, удивлявшія людей, наиболѣе опытныхъ въ разсматривавшихся дѣлахъ. Засѣданія нерѣдко

затягивались до пяти часовъ утра, такъ какъ онъ никогда не бросалъ вопроса, не составивъ себѣ о немъ мнѣнія, и въ этомъ отношеніи угодить ему было нелегко, такъ какъ онъ рѣдко удовлетворялся тѣмъ мнѣніемъ, какое высказывалось даже самыми свѣдущими людьми... Въ одномъ и томъ же учрежденіи онъ сажалъ рядомъ людей, которые по характеру и по убѣжденіямъ расходились между собою за послѣднія десять лѣтъ, людей, другъ друга ненавидѣвшихъ и бывшихъ между собою въ открытой войнѣ, нерѣдко, подвергавшихъ другъ друга проскрипціи въ разные періоды революціи... И вотъ эти люди, сначала удивленные своимъ сосѣдствомъ въ однихъ и тѣхъ же собраніяхъ, въ концѣ концовъ примирялись между собою" и начинали работать вмѣстѣ. „Такимъ образомъ Бонапартъ соединялъ таланты разнаго рода и сливалъ вмѣстѣ всѣ партіи... Онъ совершенно одинаково смотрѣлъ на людей, принадлежавшихъ раньше къ привилегированнымъ кастамъ, и на тѣхъ, которыхъ выдвинула впередъ революція". То же самое говорятъ и другія свидѣтельства эпохи.

Послѣ введенія конституціи VIII года новому правительству предстояла, дѣйствительно, очень трудная задача. Во внутреннемъ быту Франціи все, какъ было сказано выше, находилось въ совершенной дезорганизаціи, но въ какіе нибудь три мѣсяца правительство перваго консула упорядочило главнѣйшія внутреннія отношенія Франціи, создавъ новую административную систему, которая сдѣлалась предметомъ удивленія и зависти для иностранцевъ и пережила въ самой Франціи всѣ смѣнявшіеся въ ней такъ часто политическіе режимы. Правда, похвалы, какія системѣ расточались современниками, были преувеличены или основывались на непониманіи слабыхъ ея сторонъ, и правда то еще, что система эта принесла не мало зла Франціи, но во всякомъ случаѣ она позволила населенію страны, не избалованному свободой при прежнихъ режимахъ, вздохнуть свободно послѣ тягостной неурядицы послѣднихъ годовъ XVIII вѣка.—Мы уже отмѣтили, что 28 плювіоза VIII года (17 февраля 1800 г.), т.-е. черезъ два мѣсяца послѣ составленія консульской констистуціи былъ обнародованъ законъ о раздѣленіи территоріи и объ администраціи: онъ-то и легъ въ основу всего управленія Франціей въ XIX в.

Администрація въ этомъ законѣ была построена на принципѣ, діаметрально противоположномъ тому, на которомъ основывалась система управленія конституанты [1]). Въ 1789—1791 гг., собственно говоря, Франція была превращена въ совокупность вполнѣ самоуправляющихся департаментовъ и муниципалитетовъ съ устраненіемъ вся-

[1]) Т. III, стр. 530—531.

каго вмѣшательства со стороны центральной власти, такъ что даже дѣла общегосударственнаго значенія были предоставлены вѣдѣнію органовъ мѣстнаго самоуправленія. Эту крайнюю децентрализацію, которая несомнѣнно содѣйствовала общей дезорганизаціи, въ какой Наполеонъ засталъ Францію, новый режимъ замѣнилъ, наоборотъ, столь же крайней централизаціей, съ совершеннымъ устраненіемъ принципа самоуправленія. Во главѣ каждаго департамента поставленъ былъ префектъ, назначаемый и смѣняемый правительствомъ, облеченный исполнительною властью, прямой начальникъ всѣхъ мѣстныхъ властей, въ силу чего, напр., онъ имѣлъ право отрѣшать отъ должности мэра, его помощниковъ и муниципальныхъ совѣтниковъ въ общинахъ, имѣвшихъ менѣе пяти тысячъ душъ населенія. Въ наполеоновскомъ префектѣ воскресалъ интендантъ стараго порядка [1]). При префектѣ существовалъ особый административный совѣтъ (conseil de préfecture) съ судебными правами, что было тоже возвращеніемъ къ старому порядку административной юстиціи. По принципу Сіэса, проведенному и въ этой организаціи, дѣйствовать долженъ былъ одинъ, обсуждать— многіе, и потому рядомъ съ префектомъ установленъ былъ въ каждомъ департаментѣ генеральный совѣтъ (conseil général), члены коего назначались правительствомъ сначала по спискамъ департаментскихъ нотаблей, а потомъ изъ кандидатовъ, представлявшихся департаментской избирательной коллегіей [2]). Генеральные совѣты не имѣли значенія ни старыхъ провинціальныхъ штатовъ, ни введенныхъ незадолго до революціи провинціальныхъ собраній [3]): они главнымъ образомъ, занимались раскладкою налоговъ между отдѣльными округами (arrondissements), на которые были раздѣлены департаменты, совсѣмъ не касаясь взиманія налоговъ. Въ каждомъ округѣ былъ поставленъ подпрефектъ (sous-préfet) и учрежденъ окружной совѣтъ, въ каждой общинѣ были мэръ съ однимъ или нѣсколькими товарищами (adjoints) и муниципальный совѣтъ; подпрефекты и мэры были назначаемыми отъ правительства же исполнительными властями—въ округахъ и общинахъ, а члены окружныхъ и муниципальныхъ совѣтовъ также назначались правительствомъ, которое сверхъ того поставило общины подъ опеку префектовъ въ такихъ дѣлахъ, какъ пріобрѣтеніе или отчужденіе муниципальныхъ имуществъ, иски отъ имени цѣлой общины и т. п. Кромѣ того, во всякомъ селеніи, въ коемъ было болѣе пяти тысячъ душъ, существовалъ особый полицейскій коммиссаръ (commissaire de police), зависѣвшій прямо отъ министра полиціи. Наконецъ, Парижу

---

[1]) Т. II, стр. 431 и 555, т. III, стр. 48.
[2]) См. выше, стр. 89.
[3]) Т. III, стр. 48 и 442.

дано было совсѣмъ особое устройство. Столица государства была именно разбита на двѣнадцать муниципалитетовъ (или округовъ) съ отдѣльными мэрами, но безъ особыхъ муниципальныхъ совѣтовъ, замѣнявшихся въ данномъ случаѣ сенскимъ генеральнымъ совѣтомъ, тогда какъ мэры были подчинены сенскому префекту. Кромѣ того, въ каждомъ парижскомъ округѣ былъ свой полицейскій коммиссаръ, и надъ всѣмъ Парижемъ былъ поставленъ префектъ полиціи (préfet de police). Эта административная организація была дополнена судебной, и до сихъ поръ остающейся во Франціи безъ существенныхъ перемѣнъ [1]). Выборные судьи революціи были замѣнены также назначавшимися отъ правительства [2]). Законъ 18 марта 1800 г. сразу уничтожалъ всѣ суды, существовавшіе по конституціи III года, и замѣнялъ ихъ новыми, что дозволило первому консулу по своему усмотрѣнію обновить весь судебный персоналъ, а сенатусъ-консультъ 12 октября 1807 г., объявилъ, что правомъ несмѣняемости будутъ пользоваться впредь лишь судьи, пробывшіе въ должности пять лѣтъ, и что до окончательнаго установленія того, кому будетъ дано это право, необходимо произвести предварительную очистку всего судебнаго персонала.

Тотъ же принципъ замѣны выборныхъ лицъ назначаемыми отъ правительства былъ проведенъ Наполеономъ и въ дѣлѣ взиманія прямыхъ налоговъ. Уже 21 ноября 1799 г. Наполеонъ организовалъ для этого особую administration des contributions directes, а потомъ и цѣлую іерархію директоровъ, инспекторовъ и генеральныхъ приходчиковъ (receveurs) и расходчиковъ (payeurs) въ департаментахъ, контролеровъ, инспекторовъ и частныхъ приходчиковъ въ округахъ, сборщиковъ для нѣсколькихъ общинъ. Собственно говоря, въ политическомъ и административномъ смыслѣ Наполеонъ возстановлялъ Францію стараго порядка съ характеризующими ее отсутствіемъ общественной свободы и правительственной централитаціей: до извѣстной степени онъ явился прямо наслѣдникомъ политической системы канцлера Мопу [3]), секретаремъ коего былъ когда-то Лебренъ, товарищъ Наполеона по консульству, человѣкъ образованный, хорошій администраторъ и отличный финансистъ. Конечно, вся новая административная, судебная и финансовая система не была дѣломъ одного Наполеона, но цѣлаго ряда государственныхъ людей, воспитанныхъ еще старой Франціей или революціей, всѣ они работали, однако, въ направленіи, указанномъ самимъ Наполеономъ. Понятно, что организаціонная работа 1800 г. совершалась главнымъ образомъ въ государственномъ совѣтѣ, вырабатывавшемъ законопроекты.

[1]) Замѣтимъ, что Наполеонъ былъ врагъ суда присяжныхъ, который при немъ, однако, удержался.

[2]) Мировые судьи съ 1802 г.

[3]) Т. III, стр. 416 и слѣд.

Это учрежденіе оказалось единственнымъ серьезнымъ звеномъ въ цѣпи законодательныхъ собраній VIII года, настоящимъ центромъ управленія, гдѣ вырабатывались всѣ важныя мѣры правительства. Въ дѣлѣ изданія законовъ государственному совѣту принадлежало, впрочемъ, лишь совѣщательное значеніе, и потому только здѣсь Наполеонъ допускалъ полную свободу преній, такъ какъ считалъ лично для себя полезнымъ всестороннее обсужденіе вопроса, всегда хорошо помнилъ, что по своему положенію въ государствѣ учрежденіе это отнюдь не могло настаивать на проведеніи въ жизнь своей собственной воли, своихъ желаній [1]).

Громадную работу исполнилъ государственный совѣтъ въ эпоху консульства и по составленію свода гражданскихъ законовъ новой Франціи. Задача кодификаціи гражданскаго права была поставлена въ континентальныхъ странахъ западной Европы еще въ XVIII в., въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма; но выполненіе этой задачи большею частью было неудачнымъ [2]). Франція XVIII в. въ этомъ отношеніи отстала отъ другихъ государствъ; но когда были созваны генеральные штаты 1789 г., въ знаменитыхъ наказахъ депутатамъ высказано было весьма многими желаніе, чтобы Франція получила новое и общее для всей страны законодательство [3]) взамѣнъ громаднаго количества старыхъ феодальныхъ кутюмъ, которые дѣйствовали въ отдѣльныхъ провинціяхъ. Революція не исполнила этого желанія наказовъ 1789 г., хотя вопросъ о сводѣ законовъ и ставился въ ту эпоху. Еще въ 1793 г. Камбасересъ, будущій второй консулъ, представлялъ конвенту проектъ гражданскаго кодекса, но только Наполеонъ, сдѣлавшись первымъ консуломъ, назначилъ особую коммиссію (Портализъ, Тронше, Биго де Преаменё, Маллевилль, Трейльяръ, Берлье), которой и поручилъ составить гражданскій кодексъ, примѣнивъ къ новому общественному быту отдѣльныя положенія римскаго и канонической права и мѣстныхъ кутюмъ, равно какъ мнѣнія юристовъ XVII и XVIII вв. и новые революціонные законы. Въ работахъ этой коммиссіи принималъ довольно дѣятельное участіе и самъ Наполеонъ. Когда проектъ былъ готовъ, то прошелъ всѣ законодательныя инстанціи и былъ принятъ законодательнымъ кор-

[1]) Съ теченіемъ времени, впрочемъ, роль государственнаго совѣта сдѣлалась менѣе значительной, и Наполеонъ сталъ больше полагаться исключительно на самого себя или на совѣты нѣсколькихъ угодливыхъ приближенныхъ. Въ этомъ отношеніи Наполеонъ весьма напоминаетъ намъ представителей просвѣщеннаго абсолютизма, которые или не имѣли около себя аналогичнаго учрежденія, или старались обходиться безъ него при рѣшеніи наиболѣе даже важныхъ дѣлъ. См. Ист. Зап. Евр., III, 56 и 361.

[2]) См. т. III, стр. 364—365.

[3]) См. т. III, стр. 475.

пусомъ въ 1804 г. подъ названіемъ „Code civil“, замѣненнымъ въ 1807 г. названіемъ „Наполеонова кодекса“ (Code Napoléon). За этою важнѣйшею кодификаціонною работою послѣдовали своды гражданскаго и уголовнаго судопроизводства (1806), кодексъ торговаго права (Code de commerce, 1807) и сводъ уголовныхъ законовъ (Code pénal, 1810). Среди этихъ законодательныхъ работъ первая считается наиболѣе важною и по тому значенію, какое получила въ жизни не одной Франціи.

Къ первымъ же годамъ правленія Наполеона относится примиреніе французской республики съ католическою церковью посредствомъ заключенія конкордата съ папою. Во многихъ отношеніяхъ это было наиболѣе труднымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что среди лицъ, окружавшихъ Наполеона въ то время, было много такихъ, которыя отнеслись къ конкордату съ крайнимъ несочувствіемъ. Быть можетъ, конкордатъ былъ наиболѣе личнымъ дѣломъ самого Наполеона, но во всякомъ случаѣ, первый консулъ руководился при этомъ не религіознымъ чувствомъ, а чисто политическими соображеніями. Громадное, подавляющее большинство націи оставалось вѣрнымъ католицизму, а между тѣмъ революція порвала вѣковую связь государства съ церковью [1]): Наполеонъ понималъ, какую силу онъ извлечетъ для себя изъ примиренія французскаго правительства съ римской куріей. „Я долженъ говорилъ онъ Шапталю, возвратить народу полноту его правъ въ дѣлѣ религіи. Философы, прибавилъ онъ, будутъ смѣяться, но нація меня благословитъ“. Не слѣдуетъ, однако, думать, что Наполеонъ явился тутъ защитникомъ принципа свободы совѣсти, которую попирала церковная политика революціи, ибо нерѣдко онъ съ завистью говорилъ о томъ, что не можетъ такъ же господствовать и надъ совѣстью своихъ подданныхъ, какъ это дѣлали константинопольскіе императоры.

Собственныя религіозныя воззрѣнія Наполеона тутъ тоже были ни причемъ. Наполеонъ родился и воспитался въ вѣкъ религіознаго вольнодумства, и самъ онъ признавался, что сомнѣніе впервые закралось въ его душу, когда онъ былъ еще тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ. „Скажутъ, что я папистъ, говорилъ онъ [2]), но я—никто: я былъ мусульманиномъ въ Египтѣ, а здѣсь я буду католикомъ для блага народа. Я не вѣрю въ религіи“. Наполеонъ говорилъ о себѣ правду. Дѣйствительно, во время египетскаго похода онъ старался поддѣлываться подъ магометанство, и въ его головѣ возникъ даже странный планъ—для бо́льшаго успѣха предпріятія обратить свою армію въ мусульманскую вѣру; нашелся даже генералъ, который

---

[1]) См. III, стр. 549 и слѣд.

[2]) 21 преріаля X г., т.-е. въ эпоху заключенія конкордата.

подалъ примѣръ обращенія, но за нимъ никто не послѣдовалъ. Въ своихъ прокламаціяхъ къ жителямъ Египта Наполеонъ увѣрялъ ихъ, что онъ исполняетъ какую-то миссію въ пользу магометанства. Напр., въ обращеніи своемъ къ населенію Каира онъ говорилъ слѣдующее: „Развѣ найдется такой слѣпецъ, который не захочетъ видѣть, что сама судьба направляетъ всѣ мои предпріятія? Найдется ли человѣкъ, который не вѣрилъ бы въ то, что все въ этомъ великомъ мірѣ подчинено власти судьбы? Дайте знать народу, что съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, уже было предначертано, чтобы, побѣдивъ враговъ ислама и низвергнувъ кресты, я пришелъ изъ далекаго Запада исполнить возложенную на меня задачу“.—„Мы, говорилось въ другомъ воззваніи, вѣдь тоже истинные мусульмане. Не мы ли сокрушили папу, который велѣлъ воевать съ мусульманами? Развѣ не мы же уничтожили мальтійскихъ рыцарей, потому что эти безумцы думали, будто Богъ приказываетъ имъ вести войну противъ мусульманъ“? Если во время египетскаго похода Наполеонъ поддѣлывался подъ міросозерцаніе магометанъ, то раньше, когда ему пришлось въ 1797 г. говорить оффиціально передъ директоріей, устроившей ему торжественный пріемъ по возвращеніи его изъ Италіи, онъ поддѣлывался подъ антикатолическое настроеніе тогдашнихъ республиканцевъ, заявляя, что у французской свободы три врага и эти враги суть: роялизмъ, феодализмъ и религія. Нѣтъ основаній утверждать, что Наполеонъ отвергалъ идею Бога, но лично онъ не останавливался ни на какомъ положительномъ рѣшеніи вопроса о Божествѣ. Мало того, онъ не чуждъ былъ даже суевѣрій, которыя, по словамъ людей, близко его знавшихъ, нерѣдко руководили его дѣйствіями. Въ религіи онъ видѣлъ средство удовлетворенія извѣстныхъ стремленій человѣческой души, но не скрывалъ при этомъ, что лично для него религія была прежде всего извѣстнымъ политическимъ средствомъ. Онъ называлъ, напр., атеизмъ, въ коемъ обвинялся одинъ изъ академиковъ (Лаландъ), „разрушительнымъ началомъ всякой общественной организаціи“, „разрушителемъ всякой морали, если не въ отдѣльныхъ личностяхъ, то въ цѣлыхъ націяхъ“, и на этомъ основаніи считалъ своей обязанностью требовать, чтобы упомянутый академикъ „не отравлялъ нравственности французскаго народа“ своимъ невѣріемъ. Не всякая вѣра, далѣе, по мнѣнію Наполеона, могла играть ту соціальную роль, за которую онъ особенно дорожилъ существованіемъ религіи: онъ былъ на сторонѣ положительныхъ, установленныхъ вѣроисповѣданій, видя въ нихъ нѣчто въ „родѣ прививки оспы, удовлетворяющей стремленіе человѣка къ чудесному, но вмѣстѣ съ тѣмъ гарантирующей его отъ шарлатановъ“: „попы, говорилъ онъ, лучше, чѣмъ Каліостро, Канты и всѣ нѣмецкіе фантазеры“. Портались, въ

въ своей рѣчи объ организаціи культовъ, какъ бы развивая мысль Наполеона, доказывалъ, что даже ложныя религіи представляютъ выгоду, препятствуя введенію произвольныхъ ученій: „у людей есть центръ вѣры; правительствамъ хорошо имѣть дѣло съ разъ признанными догматами, которые болѣе не мѣняются. Суевѣріе, такъ сказать, упорядочивается, ограничивается, ставится въ извѣстныя рамки, изъ которыхъ оно болѣе не можетъ выйти". На христіанство Наполеонъ смотрѣлъ съ такой же точки зрѣнія, видя въ немъ „тайну общественнаго порядка", ибо оно переноситъ на небо идею равенства, мѣшающую здѣсь на землѣ бѣднымъ рѣзать богатыхъ. Поэтому оно представлялось ему, какъ одно изъ тѣхъ instrumenta imperii, коихъ онъ вообще искалъ: недаромъ одинъ изъ слугъ Наполеона назвалъ католическое духовенство, какъ его поставилъ въ государствѣ конкордатъ, священной жандармеріей (gendarmerie sacrée). Въ его представленіи религія и государственная власть такъ тѣсно связаны были одна съ другою, что онъ затруднялся провести между ними границу: онъ вооружался противъ священниковъ, которые, раздѣляя власть надъ человѣкомъ съ государствомъ, оставляютъ за собою дѣйствіе на умъ и совѣсть, отдавая свѣтской власти только тѣло, ибо „они берутъ себѣ душу, а правительству бросаютъ трупъ". Католическое раздѣленіе властей свѣтской и духовной ему поэтому не нравилось, и онъ ставилъ въ примѣръ римскую республику, гдѣ сенатъ былъ истолкователемъ религіи, Турцію и весь Востокъ съ соединеніемъ въ коранѣ и религіознаго и гражданскаго закона, Византію и Россію, наконецъ, протестантскія государства, гдѣ существуютъ иныя, чѣмъ въ католицизмѣ, отношенія между государственною властью и духовенствомъ: того же самаго онъ желалъ и для Франціи, безъ чего, по его словамъ, онъ не могъ бы ею управлять. Онъ даже выражалъ сожалѣніе, что для него былъ закрытъ путь Генриха VIII, сдѣлавшагося главою англиканской церкви.

Наполеонъ еще въ юности видѣлъ, какую силу представлялъ изъ себя католицизмъ во Франціи, и еще болѣе онъ убѣдился въ его силѣ, когда побывалъ въ Италіи. Уже въ 1797 г. онъ давалъ понять папѣ, какую обоюдную выгоду для себя могли бы извлечь изъ своего примиренія и римская церковь, и французское правительство, и старался расположить въ свою пользу итальянское духовенство. При случаѣ онъ льстилъ ему, сравнивая, напр., итальянскихъ епископовъ съ французскими: послѣднихъ заразила-де испорченность старой монархіи, но еслибы оно было столь же мудро и предано интересамъ религіи, какъ итальянское, католическая церковь никогда не потерпѣла бы ни малѣйшаго ущерба во Франціи. Въ первый годъ своего консульства, въ іюнѣ 1800 г. Наполеонъ держалъ рѣчь передъ миланскимъ духовенствомъ, въ которой указывалъ на то, что, по его мнѣнію, католиче-

ская религія одна въ состояніи доставить настоящее благополучіе хорошо устроенному обществу и утвердить основы хорошаго правительства. Онъ, при этомъ, высказался еще противъ философовъ XVIII в. и противъ революціи, преслѣдовавшихъ католицизмъ. „Ни одно общество не можетъ существовать безъ морали, а хорошая мораль не можетъ обойтись безъ религіи".

Помимо той политической цѣли, къ которой стремился Наполеонъ, заключая конкордатъ съ папой, сами обстоятельства, созданныя враждою, возникшею между революціей и церковью, вынуждали его принять какое-либо рѣшеніе по вопросу о томъ, какими же принципами должна была при новомъ порядкѣ вещей, вытекавшемъ изъ 18 брюмера, регулироваться религіозная жизнь націи. Въ началѣ своего правленія первый консулъ былъ прямо поставленъ въ необходимость выбирать между тремя различными рѣшеніями вопроса. Въ послѣднія времена директоріи во Франціи уже установлялась свобода католическаго культа, и правительство не дѣлало никакого различія между конституціонными духовными и отщепенцами [1]), народъ же массами покидалъ первыхъ и переходилъ на сторону послѣднихъ. Въ самомъ началѣ своего консульства Наполеонъ также держался нейтралитета между обѣими іерархіями и, отказавшись отъ требованія присяги, которая произвела расколъ, довольствовался со стороны духовенства однимъ обѣщаніемъ повиноваться законамъ; но курія и этому даже воспротивилась, а за нею и часть неконституціоннаго духовенства отказалась давать требуемое обѣщаніе. Правительственный нейтралитетъ, однако, отнюдь, не устранялъ религіозныхъ раздоровъ между представителями враждебныхъ католическихъ культовъ: въ послѣдніе годы директоріи уже около 40 тысячъ церквей было возвращено культу, и изъ-за обладанія ими шла теперь горячая борьба между обѣими іерархіями. Громадное большинство французскаго народа оставалось при этомъ на сторонѣ правовѣрнаго католицизма, и весьма естественно, что первый консулъ предпочелъ имѣть за себя, а не противъ себя вліятельный клиръ, державшійся союза съ Римомъ. При невмѣшательствѣ государства въ шедшую тогда борьбу, конечно, побѣда была бы не за конституціоннымъ духовенствомъ, а на сторонѣ отщепенцевъ, которые своею связью съ Римомъ, своей сплоченностью и своими матеріальными средствами, получавшимися отъ вѣрныхъ, могли бы быть только опасны новой политической власти. Вотъ почему первый консулъ отказался отъ политики, унаслѣдованной имъ отъ директоріи, т.-е. отъ политики отдѣленія церкви отъ государства. По той же причинѣ онъ не считалъ удобнымъ слѣдовать

[1]) Т. III, стр. 552 и др.

и политикѣ, созданной учредительнымъ собраніемъ, благодаря гражданскому устройству духовенства [1]): дѣлать новую попытку организаціи національной церкви, зависящей отъ государства и независимой отъ Рима, Наполеонъ не находилъ удобнымъ, ибо это значило бы опять поставить конституціонное духовенство въ привилегированное положеніе и вступить въ борьбу съ отщепенцами, что повлекло бы за собою только новыя религіозныя смуты. Нельзя было, разумѣется, также думать и о насильственномъ введеніи протестантизма, какъ это совѣтовали Наполеону сдѣлать нѣкоторыя изъ окружавшихъ его лицъ, такъ какъ и это не удалось бы, подобно попыткамъ введенія новыхъ философскихъ религій, сдѣланнымъ въ эпоху конвента и директоріи [2]). Оставался поэтому одинъ только третій путь—искать соглашенія съ папой. По этому-то пути и пошелъ Наполеонъ. Конкордатъ былъ заключенъ между первымъ консуломъ и папою Піемъ VII 15 іюля 1801 г. По взаимному соглашенію „правительство французской республики признавало, что католическая, апостольская и римская религія есть религія огромнаго большинства французскихъ гражданъ“, но уже тѣмъ самымъ не признавало болѣе за католицизмомъ значенія государственной религіи. Далѣе объявлялось, что эта религія „будетъ свободно исповѣдоваться во Франціи“, что католическій культъ „будетъ публичнымъ, сообразуясь, однако, съ полицейскими распоряженіями (règlements de police), какія правительство найдетъ нужными въ видахъ общественнаго спокойствія“. Духовныя лица должны были получать отъ правительства приличное содержаніе, но правительство не было обязано давать что-либо капитуламъ и семинаріямъ. Церкви возвращались епископамъ, за исключеніемъ уже отчужденныхъ, и паствѣ позволялось дѣлать въ пользу церквей пожертвованія, папа же, съ своей стороны, признавалъ за покупщиками національныхъ имуществъ законность ихъ владѣнія. „Его святѣйшество, сказано было въ § 13 соглашенія, ради блага мира и по случаю счастливаго возстановленія католической религіи, объявляетъ, что ни самъ онъ, ни его преемники никоимъ образомъ не станутъ тревожить покупщиковъ отчужденныхъ церковныхъ владѣній, и что поэтому право собственности на эти имѣнія и на всѣ доходы отъ нихъ останется ненарушимо въ рукахъ теперешнихъ владѣльцевъ“. По соглашенію съ правительствомъ папа обязывался произвести новое раздѣленіе Франціи на діоцезы, приглашая вмѣстѣ съ тѣмъ, ради блага мира и единства, отдѣльныхъ епископовъ въ случаѣ надобности жертвовать своими каѳедрами. Первому консулу конкордатъ предоставлялъ, далѣе, назначать (nommer) архіепископовъ, епи-

[1]) Т. III, стр. 551 и слѣд.
[2]) Т. III, стр. 613 и 643.

скоповъ, послѣ чего папа долженъ былъ давать имъ каноническое поставленіе, а епископы получали право назначать священниковъ, коимъ затѣмъ, однако, предстояло еще быть признанными со стороны правительства. Всѣ духовныя лица обязывались передъ вступленіемъ въ должность приносить присягу и молиться въ церквахъ за республику и консуловъ. Этотъ конкордатъ былъ дополненъ „органическими статьями“ такого, между прочимъ, содержанія. Безъ разрѣшенія правительства во Франціи не могли имѣть силы папскія распоряженія и постановленія иностранныхъ синодовъ и даже общихъ соборовъ, равно какъ не могли во Франціи дѣйствовать представители папы (нунціи, легаты и т. п.) или собираться мѣстные соборы безъ таковаго же разрѣшенія. Правительству принадлежало право опредѣлять цифру лицъ, которыхъ епископы могли посвящать въ духовный санъ. Возстановляя празднованіе воскреснаго дня, органическія статьи изъ всѣхъ остальныхъ праздниковъ оставляли только рождество, вознесеніе, успеніе и день всѣхъ святыхъ. Религіозныя процессіи внѣ церквей позволялись лишь въ тѣхъ городахъ, гдѣ не было иновѣрныхъ храмовъ. Церковному браку обязательно долженъ былъ предшествовать бракъ гражданскій, введенный во Франціи революціей. Органическія статьи опредѣляли также костюмъ духовныхъ лицъ не во время богослуженія, получаемое ими жалованье и т. п. Особенно важно то, что ни самое соглашеніе съ папой, ни органическія статьи ни единомъ словомъ не упоминаютъ о монашествѣ, уничтоженномъ революціей, а одна отатья, разрѣшая епископамъ основывать капитулы и семинаріи, прямо прибавляла, что всѣ иныя учрежденія уничтожаются (что было подтверждено мессидорскимъ декретомъ XII года, когда бывшіе іезуиты сдѣлали попытку подъ новыми именами возстановить свой орденъ).

Возстановленная конкордатомъ католическая церковь во Франціи во многихъ отношеніяхъ возвращалась къ тому положенію, въ какомъ она была до реформъ учредительнаго собранія, но въ иныхъ отношеніяхъ она должна была примириться съ тѣмъ, что сдѣлано было противъ нея въ эпоху революціи: католицизмъ пересталъ быть государственной религіей; клиръ утратилъ значеніе перваго сословія въ государствѣ; церковное землевладѣніе и десятина исчезли; монашество не было возстановлено и пр. и пр. Вообще конкордатъ, заключенный Наполеономъ, нѣкоторыми своими чертами напоминаетъ тѣ стремленія, какія обнаруживались въ церковномъ законодательствѣ католическихъ правительствъ эпохи просвѣщеннаго абсолютизма [1]). Поэтому послѣ 1801 г. духовенство во Франціи было поставлено въ такую зависимость отъ свѣтской власти, какой раньше никогда и не существовало: въ каждомъ отдѣль-

[1]) Т. III, стр. 368 и слѣд.

номъ діоцезѣ епископъ сдѣлался своего рода духовнымъ префектомъ рядомъ съ префектомъ свѣтскимъ, которому была ввѣрена вся департаментская администрація. Принципъ чисто бюрократическаго управленія и чисто военной дисциплины былъ введенъ Наполеономъ и во всѣ внутренніе распорядки католической церкви. Въ эпоху имперіи по приказанію Наполеона былъ составленъ для школъ новый катехизисъ, въ которомъ власть императора возводилась чуть не на степень религіознаго догмата. Вотъ отрывокъ изъ этого руководства закона Божія:

„*Вопросъ.* Каковы въ особенности наши обязанности по отношенію къ Наполеону I, нашему императору?

Отвѣтъ. Мы обязаны по отношенію къ Наполеону I, нашему императору, любовью, почтеніемъ, повиновеніемъ, вѣрностью, военною службою и податями, установленными для сохраненія и защиты имперіи и его трона.

В. Почему существуютъ всѣ эти обязанности по отношенію къ нашему императору?

О. Потому что Богъ, создающій царства и раздающій ихъ, по своей волѣ, надѣливъ нашего императора дарами въ дѣлахъ мира и войны, поставилъ его нашимъ государемъ, сдѣлалъ его орудіемъ Своей власти и образомъ Своимъ на землѣ. Почитать нашего императора и служить ему все равно, что почитать и служить самому Богу.

В. Нѣтъ ли особенныхъ основаній, которыя еще сильнѣе должны насъ привязать къ Наполеону I, нашему императору?

О. Есть, ибо онъ тотъ, кого Богъ воздвигъ среди трудныхъ обстоятельствъ, дабы возстановить общественное богослуженіе и святую религію отцовъ нашихъ и сдѣлать изъ него ея покровителя. Онъ возвратилъ и сохранилъ общественный порядокъ своею глубокою и дѣятельною мудростью; онъ защищаетъ государство своею могущественною десницею; онъ сталъ помазанникомъ Господа чрезъ освященіе, полученное отъ верховнаго первосвященника, главы вселенской церкви.

В. Что слѣдуетъ думать о тѣхъ, которые не исполняютъ обязанностей своихъ по отношенію къ Наполеону I, нашему императору?

О. По слову ап. Павла, они оказали бы сопротивленіе порядку, установленному самимъ Богомъ, и сдѣлались бы достойными вѣчнаго отчужденія“ [1]).

---

[1]) Той же самой политики Наполеонъ держался и по отношенію къ протестантамъ, издавъ въ 1802 г. „органическія статьи о протестантскихъ культахъ“ (лютеранскомъ и реформатскомъ). Кромѣ того, онъ регулировалъ и іудейскій культъ (декретомъ 11 дек. 1808 г.), причемъ созывалъ „великій

Наполеонъ ставилъ задачей своей церковной политики подчинить своей власти не только духовенство, но и самое папство, считая себя преемникомъ Карла Великаго и другихъ средневѣковыхъ императоровъ, державшихъ въ зависимости отъ себя римскихъ первосвященниковъ. Впослѣдствіи, на островѣ св. Елены онъ говорилъ, что въ 1813 г., не будь несчастнаго похода въ Россію, папа былъ бы епископомъ римскимъ и парижскимъ и что всѣ римскія учрежденія были бы перенесены въ Парижъ. „Я, продолжалъ онъ, возвысилъ бы папу выше всякой мѣры, окружилъ бы его великолѣпіемъ и почетомъ. Я устроилъ бы такъ, что ему нечего было бы сожалѣть объ утраченной свѣтской власти, я сдѣлалъ бы изъ него идола, и онъ оставался бы около меня. Парижъ сталъ бы столицей христіанскаго міра, и я управлялъ бы религіознымъ міромъ такъ же, какъ и политическимъ. Это было бы лишнимъ средствомъ тѣснѣе сплотить всѣ федеративныя части имперіи и держать въ повиновеніи все, что находилось внѣ. У меня были бы религіозныя сессіи, какъ были сессіи законодательныя; мои соборы были бы представительствомъ христіанства, и папы были бы лишь ихъ предсѣдателями; я открывалъ бы и закрывалъ эти собранія, утверждалъ бы и обнародывалъ ихъ рѣшенія, какъ это дѣлали раньше Константинъ и Карлъ Великій“.

Наполеону удалось уже въ самомъ началѣ имперіи достигнуть отъ папы Пія VII небывалаго почета. Верховный первосвященникъ рѣшился, несмотря на венсенское убійство, пріѣхать въ Парижъ на коронацію Наполеона. Императоръ нарочно какъ-бы совершенно случайно встрѣтилъ его въ лѣсу Фонтенебло въ охотничьемъ костюмѣ, съ мамелюками и сворою собакъ. Путь до Парижа они продолжали вмѣстѣ, причемъ въ экипажѣ императоръ занялъ болѣе почетное мѣсто, что на все время пребыванія папы въ столицѣ Франціи предрѣшило этикетъ. Церемонія коронаціи заранѣе была разучена при помощи маленькихъ деревянныхъ куколокъ, долженствовавшихъ изображать всѣхъ участниковъ торжества. При совершеніи обряда папѣ пришлось выслушать между прочимъ присягу Наполеона, въ томъ, что продажа національныхъ имуществъ (въ томъ числѣ и бывшихъ церковныхъ) совершена на вѣчныя времена и не будетъ подлежать отмѣнѣ. Пій VII естественно думалъ, что разъ его пригласили въ Парижъ для коронаціи императора, то онъ, Пій VII, и возложитъ корону на голову Наполеона, и это ему обѣщано, но извѣстно, что коронуемый выхватилъ изъ рукъ растерявшагося папы корону и самъ возложилъ ее на свою голову. Пій VII потомъ протестовалъ и гро-

---

синедріонъ“. Новѣйшія подробности объ этомъ см. въ мемуарахъ канцлера Пакье.—Fauchille. La question juive sous le premier Empire. 1886.

зилъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что былъ обманутъ, если въ „Монитерѣ“ будетъ напечатано, какъ было дѣло. Въ слѣдующемъ году онъ уже отказался пріѣхать въ Миланъ короновать Наполеона, какъ короля италійскаго, „желѣзною короною“. Вскорѣ послѣ того Наполеонъ писалъ папѣ, котораго считалъ только вассаломъ имперіи: „ваше святѣйшество пользуется верховною властью въ Римѣ, но императоръ Рима—я“. Дѣло въ томъ, что Пій VII хотѣлъ вести себя въ Папской области, какъ независимый государь,, а это не нравилось Наполеону, и онъ протестовалъ. Пререканія императора и папы окончились тѣмъ, что 2 февраля 1808 г. французскіе солдаты заняли Папскую область, а въ слѣдующемъ году Наполеонъ объявилъ прекращеніе свѣтской власти папы въ церковной области (16 мая), которая и вошла въ составъ французской имперіи, но на это папа отвѣтилъ (10 іюня) отлученіемъ императора отъ церкви. Тогда Пій VII былъ удаленъ изъ Рима и содержался плѣнникомъ въ Савонѣ [1]), откуда въ 1813 г. Наполеонъ перевелъ его въ Фонтенебло. Кардиналы были почти всѣ переселены въ Парижъ, и Римъ сдѣлался лишь вторымъ городомъ имперіи, по имени котораго Наполеонъ впослѣдствіи назвалъ своего сына (отъ второго брака) „королемъ римскимъ“. Въ плѣну Пій VII проявилъ большое упорство и отказывался утверждать новыя назначенія на епископскія каѳедры, ссылаясь на свое нахожденіе въ плѣну и на невозможность совѣщаній съ кардиналами по поводу этихъ назначеній. Наполеону пришлось безъ согласія папы покончить дѣло своего развода съ Жозефиной, добившись признанія развода лишь со стороны подвластнаго духовенства [2]).

Наполеонъ состоялъ съ Жозефиной въ гражданскомъ бракѣ, заключенномъ за нѣсколько дней до его отъѣзда въ 1796 г. въ итальянскую армію. Онъ былъ страстно увлеченъ Жозефиною, но она относилась къ мужу болѣе чѣмъ равнодушно и вела себя такъ, что по возвращеніи изъ Египта онъ прямо хотѣлъ съ нею развестись. Съ этого времени роли перемѣнились, и Жозефина сдѣлалась покорною и преданною супругою, жившею теперь вѣчно подъ страхомъ развода съ мужемъ, тогда какъ послѣдній, оставаясь по прежнему нѣжнымъ съ нею, освободился отъ прежней страсти и даже сталъ брать верхъ надъ Жозефиной. Въ 1804 г. Наполеонъ думалъ короноваться одинъ, но слезы жены заставили его согласиться на то, чтобы и она вмѣстѣ съ нимъ коронovалась. Опасаясь, однако, что одинъ гражданскій

---

[1]) Chotard. Le pape Pie VII à Savone.

[2]) Объ отношеніяхъ между Наполеономъ и Жозефиной см. новѣйшія сочиненія Леви и Массона (выше, стр. 47), а также Welschinger. Le divorce de Napoleon.

бракъ недостаточно упрочивалъ ея положеніе, императрица сообщила папѣ, что жила съ Наполеономъ невѣнчанной, и Пій VII потребовалъ тогда отъ императора, чтобы былъ до коронаціи совершенъ и церковный бракъ. Наполеонъ былъ крайне разгнѣванъ этимъ, но на требованіе папы ему оставалось только дать свое согласіе, хотя обрядъ былъ совершенъ тайно и съ заранѣе обдуманнымъ нарушеніемъ каноническихъ правилъ. Между тѣмъ вопросъ о разводѣ съ Жозефиной подымался и послѣ этого не разъ въ семьѣ Бонапартовъ, не любившихъ императрицу. Желаніе Наполеона породниться съ одною изъ царствующихъ династій и имѣть законнаго наслѣдника престола окончательно рѣшило дѣло въ пользу развода. Наполеону немалаго труда стоило добиться отъ Жозефины согласія на разводъ (11 дек. 1809 г.), но при существованіи церковнаго брака вопросъ не рѣшался еще обоюднымъ согласіемъ расходившихся между собой супруговъ. Императоръ не хотѣлъ, однако, обращаться къ папѣ, съ коимъ онъ былъ въ ссорѣ, и добылъ себѣ всякими правдами и неправдами разводъ отъ парижскаго церковнаго суда (officialité de Paris). Пій VII воздержался отъ кассаціи этого рѣшенія, но тринадцать кардиналовъ потомъ протестовали противъ законности уничтоженія перваго брака, не явившись присутствовать на второмъ бракѣ Наполеона, за что были лишены права носить одѣянія краснаго цвѣта и получили въ обществѣ насмѣшливое прозвище „черныхъ кардиналовъ“.

Гораздо болѣе хлопотъ создало Наполеону нежеланіе папы утверждать новыхъ епископовъ. Видя упорство Пія VII, онъ задумалъ обратиться къ позабытымъ традиціямъ галликанской церкви. 25 февраля 1810 г. Наполеонъ издалъ декретъ, коимъ возстановлялъ знаменитыя статьи 1682 г. о вольностяхъ галликанской церкви [1]) и предписывалъ положить въ основу преподаванія во всѣхъ богословскихъ факультетахъ и духовныхъ семинаріяхъ. Въ слѣдующемъ году (17 іюня 1811 г.) императоръ созвалъ въ Парижѣ національный соборъ, въ коемъ участвовало болѣе ста епископовъ,—около 70 изъ имперіи и около 30 изъ королевства Италіи. Нѣсколько членовъ собора выразило желаніе, чтобы папѣ возвращена была свобода, но иниціаторы этого предложенія были арестованы и посажены въ Венсенскій замокъ. Громадное большинство остальныхъ епископовъ Наполеону удалось склонить къ декрету, въ силу коего можно было обходиться безъ папской инвеституры, если папа будетъ отказывать въ ней шесть мѣсяцевъ: посвящать епископа могъ въ такомъ случаѣ архіепископъ. Когда Наполеонъ замѣстилъ новыми епископами каѳедры тѣхъ, которые были арестованы по его приказанію, этихъ назначеній не хотѣли признавать въ соотвѣтствен-

[1]) См. Ист. Зап. Европы, т. II, стр. 557.

ныхъ епархіяхъ; для подавленія сопротивленія были даже пущены въ ходъ крутыя мѣры. Папа, однако, не отличавшійся большою послѣдовательностью, далъ свое согласіе на декретъ 1811 года, а въ 1813 г. Наполеонъ перевелъ Пія VII въ Фонтенебло, гдѣ и заключилъ съ нимъ новый конкордатъ, по которому папа не только подтвердилъ свое согласіе на декретъ, но даже отказался косвенно отъ свѣтской власти: теперь онъ согласился именно на то, чтобы навсегда поселиться въ Авиньонѣ и жить на ассигнованное ему Наполеономъ содержаніе. Правда, черезъ два мѣсяца Пій VII написалъ императору письмо, въ которомъ заявилъ, что отказывается отъ подписаннаго въ Фонтенебло соглашенія.—

Деспотизмъ Наполеона охватывалъ всѣ стороны общественной жизни Франціи въ эпоху консульства и имперіи. Гарантіи личной свободы исчезли передъ полицейскимъ произволомъ. Аресты и административная ссылка были постоянно въ ходу и не обращали на себя большого вниманія. Былъ возстановленъ старый „черный кабинетъ", занимавшійся вскрытіемъ частныхъ писемъ, были возстановлены (въ 1814 г.) и государственныя тюрьмы, замѣнившія прежнюю Бастилію. Особенно сильное развитіе при Наполеонѣ получили шпіонство и доносы. Кромѣ министра и префекта полиціи [1]), въ Парижѣ было три генерала-директора полиціи, которые имѣли надзоръ надъ департаментами, съ этою цѣлью раздѣленными на округа. Независимо отъ этого мѣстная жандармерія ежедневно отсылала въ Парижъ генералъ-инспектору рапорты о состояніи отдѣльныхъ мѣстностей, о слухахъ, разговорахъ и т. п. Наконецъ, адъютанты и генералы гвардіи Наполеона имѣли надзоръ надъ придворными и высшими чинами администраціи, а особымъ лицамъ поручено было слѣдить за всѣмъ, что дѣлалось среди ученыхъ, среди коммерсантовъ и т. п. Наполеонъ лично съ большимъ интересомъ относился къ городскимъ слухамъ, сплетнямъ разнаго рода и т. п. и особенно подозрительно смотрѣлъ на всѣ случаи критики правительственныхъ распоряженій. Наконецъ, непосредственному полицейскому надзору была поручена вся духовная жизнь націи—религія, наука, литература, театръ, періодическая пресса: вездѣ дѣйствовалъ одинъ и тотъ же принципъ, принципъ произвола, причемъ самъ Наполеонъ находилъ еще досугъ и интересъ вмѣшиваться лично даже въ мелочи, касавшіяся духовной жизни общества.

Наполеонъ явился организаторомъ и народнаго просвѣщенія

---

[1]) См. выше, стр. 115. Любопытныя подробности о полиціи при Наполеонѣ, кромѣ указ. соч. (стр. 103—104), можно найти въ недавно изданныхъ мемуарахъ Шапталя и особенно Пакье, который былъ префектомъ полиціи. Послѣдній разсказываетъ, напр., о томъ, какъ одна полиція напала на тайную фабрикацію русскихъ бумажныхъ денегъ, въ которой участвовала другая полиція.

Франціи, и тутъ поставивъ своей задачей подчинить все это своей власти. „При установленіи преподавательской корпораціи (corps enseignant), говорилъ онъ, моя главная цѣль въ томъ, чтобы имѣть средства направлять моральныя и политическія мнѣнія“.—„Нужно, говорилъ онъ еще, устроить эту корпорацію такимъ образомъ, чтобы имѣть свѣдѣнія о каждомъ ребенкѣ, начиная съ девятилѣтняго возраста“. Въ дѣлѣ воспитанія для Наполеона самымъ важнымъ было создать одну общую форму, по которой лишь государство могло бы моделировать будущихъ гражданъ: „если съ дѣтства, по его словамъ, не будутъ учить, что нужно быть республиканцемъ или монархистомъ, католикомъ или невѣрующимъ, государство никогда не создастъ націи; оно будетъ покоиться на непрочныхъ и колеблющихся основаніяхъ и вѣчно подвергаться безпорядкамъ и перемѣнамъ“. Таковы были мысли, положенныя въ основу школьной организаціи наполеоновской имперіи. Заключалась она въ слѣдующемъ.

Законъ 1806 г. создавалъ во Франціи подъ именемъ „Université impériale“ корпорацію, исключительнымъ назначеніемъ коей было обученіе и воспитаніе во всей Франціи; а въ 1808 г. этому „университету“ дано было окончательное устройство. Во главѣ всего учрежденія, охватывавшаго учебныя заведенія имперіи, былъ поставленъ „великій магистръ“ (grand maître), около котораго существовалъ особый совѣтъ университета, раздѣлявшагося въ свою очередь на академіи (округа) съ ректорами во главѣ, съ особыми инспекторами и совѣтами, и весь этотъ административный персоналъ назначался великимъ магистратомъ. Въ составъ университета вошли факультеты (между прочимъ для католической и протестантской теологіи), лицеи и коллегіи, пансіоны и маленькія школы (petites écoles), какъ названы были народныя училища, а преподавательскій персоналъ всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній получилъ наименованіе членовъ университета (хотя, собственно говоря, народные учителя были поставлены подъ начальство мэровъ, подпрефектовъ и префектовъ, а не учебной администраціи). Лишь одни члены университета имѣли монополію преподаванія. Первоначальное образованіе находилось въ этой системѣ въ большомъ пренебреженіи, а въ среднемъ и даже высшемъ (напр., въ политехнической школѣ) были установлены совершенно монастырскіе или казарменные порядки.

Объ отношеніи Наполеона къ наукѣ можно судить по фактамъ такого рода. Въ „Институтѣ Франціи“, въ коемъ еще конвентъ слилъ воедино отдѣльныя академіи [1]), Наполеонъ, бывшій самъ членомъ этого учрежденія, въ 1803 году уничтожилъ отдѣленіе мораль-

[1]) Т. III, стр. 626.

ныхъ и политическихъ наукъ подъ тѣмъ предлогомъ, что все это — одна идеологія. Въ другихъ отдѣленіяхъ не позволялось затрогивать сколько-нибудь живые вопросы. Когда въ число членовъ Института попалъ аббатъ Мори, одинъ изъ реакціонныхъ дѣятелей учредительнаго собранія, привѣтственную рѣчь при его пріемѣ говорилъ Сикаръ, отозвавшійся въ ней весьма неодобрительно о Мирабо. Наполеону не понравилось упоминаніе о Мирабо, и онъ писалъ министру полиціи: „въ этомъ засѣданіи академіи есть вещи, которыя мнѣ не по душѣ. Въ область вѣдѣнія президента ученаго собранія не входитъ говорить о Мирабо. Если уже нужно было говорить о немъ, то онъ могъ распространиться только о его стилѣ, ибо лишь это одно его касается". Наполеонъ хотѣлъ, чтобы академія создала такую критику, которая могла бы рекомендовать публикѣ авторовъ, достойныхъ вниманія, и это желаніе онъ выразилъ въ письмѣ къ Фуше: „разъ будетъ установлена правильная критика, писалъ онъ между прочимъ, можно будетъ не дозволять ничего въ родѣ теперешней. Институтъ—великое средство въ рукахъ министра". Совершенно такъ же относился Наполеонъ и къ театральнымъ представленіямъ. Когда, напр., онъ узналъ, что на сценѣ хотятъ поставить пьесу, въ которой выведенъ Генрихъ IV, онъ написалъ Фуше: „я слышалъ, что хотятъ поставить пьесу о Генрихѣ IV. Его эпоха не такъ еще далека, чтобы не разбудить страстей. Сцена нуждается немного въ древности". Онъ даже признавался, что еслибы „Тартюфъ" Мольера появился въ его время, онъ не допустилъ бы его представленія. Вообще онъ относился подозрительно къ литературѣ и театру и покровительствовалъ главнымъ образомъ другимъ искусствамъ — архитектурѣ, живописи и музыкѣ, не говоря уже объ естествознаніи, представителей коего награждалъ деньгами [1]), орденами, титулами, важными мѣстами на государственной службѣ. Развитіе искусства и отвлеченной науки прославляло его царствованіе и должно было отвлекать умы отъ жгучихъ политическихъ и общественныхъ вопросовъ.

Особенно тяжелъ былъ наполеоновскій режимъ для періодической прессы, которая съ 1789 г. получила во Франціи значительное развитіе. Уже декретомъ 17 января 1800 г. первый консулъ опредѣлилъ списокъ политическихъ газетъ, которымъ дозволялось выходить въ свѣтъ; такихъ газетъ въ спискѣ значилось только тринадцать, да и онѣ могли существовать лишь до первой враждебной новому правительству статьи. Издатели этихъ газетъ обязаны были представиться министру полиціи и дать обѣщаніе оставаться вѣр-

[1]) Были установлены между прочимъ „десятилѣтнія преміи" за лучшія произведенія науки, литературы, искусства.

ными конституціи, а потомъ съ нихъ взято было обязательство имѣть редакторами только лицъ, пріятныхъ правительству. Конституція XII года установляла особую сенаторскую коммиссію, которая должна была охранять свободу прессы, но самъ же законъ, установлявшій эту коммиссію, исключалъ изъ круга ея вѣдѣнія „всѣ сочиненія, печатающіяся и раздающіяся подписчикамъ въ опредѣленные сроки". До 1810 г. пресса подчинялась вполнѣ усмотрѣнію начальства, и только послѣ десяти лѣтъ такого режима Наполену пришло въ голову выработать новый законъ о печати, цѣлью котораго, однако, вовсе не было облегченіе ея положенія, такъ какъ званіе журналиста Наполеонъ объявилъ теперь равносильнымъ исполненію общественной должности (une fonction publique), а это повлекло за собою изданіе декрета, регулировавшаго отправленіе этой должности. Въ 1810 г. въ сущности была возстановлена цензура въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала до революціи, причемъ число типографій и книжныхъ магазиновъ было сокращено, а владѣльцы ихъ обязаны были запастись особыми патентами и принести присягу въ вѣрности. При дѣйствіи декрета 1810 г. пресса находилась въ полной зависимости отъ министра полиціи: послѣдній требовалъ на свою цензуру отдѣльныя статьи, предназначенныя къ печати, присылалъ для помѣщенія свои замѣтки. назначалъ редакторовъ, которымъ издатели должны были платить жалованіе и т. п. Образчикомъ того, при какихъ условіяхъ приходилось издавать газеты, можетъ служить судьба „Journal des débats et des décrets" [1]), основаннаго въ 1789 г. нѣсколькими депутами. Въ годъ государственнаго переворота, доставившаго власть Наполеону, газета эта была пріобрѣтена братьями Бертенами за 20 т. франковъ, и переименована въ „Journal des débats et lois du pouvoir législatif et des actes du gouvernement". Первый консулъ помѣстилъ ее въ число 13 газетъ, оставленныхъ въ покоѣ декретомъ 17 января 1800 г., газета пошла очень хорошо при новомъ режимѣ, сократившемъ число ея конкурентовъ, тѣмъ болѣе, что ея тонъ, враждебный философіи XVIII в. и революціи, весьма нравился вліятельнымъ кругамъ общества [2]), но министръ полиціи Фуше нѣсколько косился на направленіе газеты, довольно роялистическое и католическое. Послѣ принятія Наполеономъ императорскаго титула, газета должна была измѣнить свое прежнее названіе въ новое — „Journal de l'Empire". Въ 1811 г. Наполеонъ приказалъ отнять ее у Бертеновъ, не заплативъ имъ ничего за ихъ право собственности на изданіе, дававшее въ годъ около 200 т. франковъ, сдѣлано же было это на томъ основа-

---

[1]) Nettement. Hist. du „Journal des Débats".

[2]) Ср. т. III, стр. 646.

ніи, что право собственности на газеты есть не что иное, какъ концессія, данная императоромъ, который можетъ потому и взять концессію обратно. Въ концѣ того же 1811 г. „Journal de l'Empire“ объявилъ, что съ октября слѣдующаго года въ Парижѣ будутъ имѣть право существовать лишь четыре ежедневныя газеты, „занимающіяся политическими новостями“. Былъ даже проектъ оставить лишь одну газету (Монитеръ). Въ департаментахъ и совсѣмъ уже не существовало независимой прессы, такъ какъ на каждый департаментъ полагалась только одна газета, да и та должна была издаваться подъ ближайшимъ надзоромъ префекта. Весьма естественно, что такая пресса утратила всякое вліяніе и не представляла никакого интереса, и уже въ эпоху консульства число подписчиковъ на парижскія газеты уменьшилось вдвое (съ 60 т. на 32 т.).

Періодическая пресса по мысли Наполеона должна была, какъ и всѣ остальныя проявленія умственной жизни, быть лишь орудіемъ его власти, средствомъ для достиженія его цѣлей. Своему пасынку, принцу Евгенію, вицекоролю италійскому, онъ писалъ однажды: „оставьте прессѣ легкое подобіе свободы, дабы можно было печатать противъ иностранныхъ государствъ статьи и сваливать отвѣтственность на свободу печати“. Министру полиціи онъ прямо давалъ совѣтъ сочинять статьи, которыя можно было бы помѣщать въ газетахъ въ видѣ, напр., корреспонденцій изъ-за границы. „Замѣтки о безсиліи Россіи, писалъ онъ, которыя „вы мнѣ передали, составлены очень умнымъ человѣкомъ. Напечатайте ихъ гдѣ нибудь въ видѣ перевода изъ какого-либо англійскаго журнала: выберите только такой, имя котораго мало извѣстно“. Въ другой разъ онъ писалъ: „напечататайте въ газетахъ нѣсколько писемъ какъ бы изъ Петербурга, что французовъ тамъ хорошо принимаютъ, что дворъ и городъ видятъ необходимость сближенія“. Если редакторы газетъ дѣлали намеки на дурное положеніе дѣлъ или если не хотѣли помѣщать ложныхъ статей, то имъ грозила строгая отвѣтственность. Напримѣръ, однажды Наполеонъ писалъ къ Фуше: „скажите редакторамъ, что я судить ихъ буду, не за то дурное, что они станутъ говорить, а за умолчаніе о хорошемъ. Когда они станутъ представлять Францію наканунѣ паденія, я заключу изъ этого, что они не французы и не достойны писать въ мое царствованіе. Пусть они не оправдываются, что таковы ихъ извѣстія. Такъ какъ имъ приходится печатать ложныя новости, то почему они не говорятъ ихъ въ выгоду общественному спокойствію“? Понятно, что при такомъ состояніи прессы, ей ничего болѣе не оставалось какъ наполнять свои столбцы оффиціальными извѣстіями о военныхъ тріумфахъ или о придворныхъ торжествахъ, балахъ и т. п. Но даже и это не нравилось Наполеону. „Газеты, писалъ онъ однажды, преувеличиваютъ роскошь и расходы

двора, что заставляетъ публику дѣлать смѣшные и безумные расчеты. Дайте понять редакторамъ: „Journal des débats“ и „Публициста“, что не далеко время, когда я, замѣтивъ ихъ безполезность, уничтожу ихъ вмѣстѣ съ другими и оставлю существовать только одну газету“.

Положеніе авторовъ и издателей книгъ и брошюръ въ началѣ консульства было нѣсколько лучшимъ, чѣмъ положеніе журналистовъ, но уже въ 1803 г. при министерствѣ полиціи была организована, „въ цѣляхъ огражденія свободы печати“, особая коммиссія для просмотра, въ которую слѣдовало представлять всѣ книги и брошюры, дабы получить позволеніе на ихъ распространеніе. Законъ 1810 г., о которомъ было сказано выше по поводу положенія періодической прессы при Наполеонѣ, имѣлъ болѣе широкое значеніе, такъ какъ касался вообще всего печатнаго дѣла. Онъ создавалъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особую „общую дирекцію типографій и книготорговли“, ограничивалъ число и размѣры типографій въ Парижѣ и департаментахъ (дабы за недостаткомъ работы типографіи не печатали опасныхъ сочиненій), обязывалъ содержателей типографій извѣщать префекта о каждой печатающейся книгѣ, съ тѣмъ, чтобы префектъ извѣщалъ объ этомъ министра полиціи, и т. п. Не вводя обязательно предварительной цензуры, законъ этотъ ставилъ въ зависимость отъ начальника „общей дирекціи“ рѣшеніе вопроса, должна ли печатаемая книга быть предварительно просмотрѣна, но въ видѣ „гарантіи для авторовъ и содержателей типографій“ и имъ позволялось, буде пожелаютъ, отдавать книги на предварительную цензуру. Далѣе, на продажу книги или брошюры слѣдовало брать особое разрѣшеніе, которымъ, однако, не обезпечивалось свободное обращеніе изданія, если министръ полиціи найдетъ основаніе изъять его изъ продажи. Извѣстно, какой участи подверглась книга г-жи Сталь о Германіи: разрѣшенное предварительной цензурой, это сочиненіе было конфисковано по приказанію министра полиціи и предано сожженію вмѣстѣ съ рукописью и лишь потому, что авторомъ было лицо, непріятное Наполеону.

Полнѣйшимъ произволомъ отличалось и вмѣшательство Наполеона въ экономическую жизнь страны. Промышленностью и торговлею онъ хотѣлъ управлять нерѣдко по чисто мимолетнымъ фантазіямъ. Напр., онъ самъ указывалъ, какіе торговые дома должны были вывозить такіе-то и такіе-то товары и въ какія именно страны и что должно было ввозиться во Францію этими домами. Нерѣдко онъ запрещалъ то, что ранѣе предписывалъ, и наоборотъ. Купцы имѣли немало основаній жаловаться на мѣры Наполеона, наносившія ущербъ ихъ интересамъ и притомъ безъ всякой для кого бы то ни было выгоды. Мы еще увидимъ, къ какимъ серьезнымъ разстройствамъ въ экономической жизни страны привела знаменитая континентальная система.

(blocus continental). Правда, представители крупной промышленности выиграли отъ запретительной системы Наполеона, но въ общемъ его мѣропріятія не могли особенно содѣйствовать экономическому благосостоянію Франціи. Притомъ на послѣднее онъ смотрѣлъ главнымъ образомъ лишь съ политической точки зрѣнія. Напр., его тревожила возможность безработицы только потому, что въ такія минуты „рабочіе легко поддаются интриганамъ", а ему возстанія голоднаго народа казались болѣе страшными, чѣмъ внѣшнія войны или чисто политическія смуты. Съ точки зрѣнія политической опасности онъ возставалъ и противъ мысли о возвращеніи промышленности къ цеховому быту, создававшему организованные союзы рабочихъ.

Такова была въ общихъ чертахъ внутренняя политика консульства и имперіи. Многими сторонами своими эта политика сближается съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ второй половины XVIII вѣка [1]). Всемогущая государственность, воплощающаяся въ сильной правительственной власти, бюрократическая централизація, убивающая мѣстную свободу, полицейская регламентація, охватывающая всю жизнь отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго общества, и рядомъ съ этимъ политика, направленная противъ старыхъ силъ католицизма и феодализма во имя естественнаго права, которое противопоставляется праву историческому, политика, стремящаяся сдѣлать изъ церкви государственное учрежденіе, изъ священника — государственнаго чиновника и ставящая своею цѣлью нивеллировать общественные классы передъ лицомъ государственной власти, атомизировать общество въ отдѣльныя личности, одна съ другою ничѣмъ не связанныя, и устранить общество отъ завѣдыванія собственными своими дѣлами: вотъ общія черты просвѣщеннаго абсолютизма и наполеоновскаго режима. У просвѣщеннаго абсолютизма и французской революціи есть также общія черты [2]), и поскольку Наполеонъ былъ продолжателемъ революціи въ ея антиклерикальныхъ и антифеодальныхъ стремленіяхъ, онъ представлялъ собою во Франціи революціонную сторону просвѣщеннаго абсолютизма и внѣ ея распространялъ тѣ же принципы революціи. По личному своему характеру, по своему взгляду на государство, по своему презрѣнію къ людямъ онъ былъ какъ-бы нарочно созданъ для роли великаго деспота, и въ общемъ и цѣломъ то, что онъ осуществилъ въ области законодательства, администраціи, суда, церковныхъ отношеній, организаціи народнаго образованія,—все это вѣдь и было цѣлью стремленій просвѣщенныхъ деспотовъ XVIII вѣка, предметомъ ихъ попытокъ и начинаній, не всегда удачныхъ и во всякомъ случаѣ менѣе успѣшныхъ, чѣмъ пре-

---

[1]) Ср. т. III, стр. 6, 360 и слѣд., 404, 650 и др.

[2]) Т. III, стр. 282, 535 и др.

образованія Наполеона, ибо многія его учрежденія пережили не одинъ политическій режимъ во Франціи XIX в. Одно только безсословное гражданство, о которомъ и не думали представители просвѣщеннаго абсолютизма, но которое окрѣпло во Франціи подъ охраною Наполеона, не было въ новой Франціи дѣломъ консульства и имперіи: Наполеонъ принялъ его, какъ готовый результатъ революціи, но съ своей стороны и онъ самъ немало содѣйствовалъ распространенію гражданскаго равенства и въ другихъ странахъ западной Европы.

Мы теперь и перейдемъ къ исторіи другихъ западно-европейскихъ странъ въ эпоху консульства и имперіи, когда Франція диктовала свою волю народамъ Европы, передѣлывала ея политическую карту и вводила въ отдѣльныхъ ея странахъ новые порядки, родственные порядкамъ, созданнымъ въ самой Франціи революціей и Наполеономъ.

VIII. Господство Франціи въ Европѣ при Наполеонѣ I [1]).

Общій взглядъ на значеніе консульства и имперіи въ исторіи международныхъ отношеній. — Причины наполеоновскихъ войнъ и успѣховъ Франціи. — Внѣшнее положеніе Франціи въ 1799 г. и побѣды Наполеона въ 1800 г. — Европа въ эпоху люневильскаго и амьенскаго мира. — Возобновленія войны съ Англіей и образованіе новой коалиціи противъ Франціи. — Пресбургскій миръ и его результаты. — Распаденіе Священной Римской имперіи и образованіе Рейнскаго союза. — Пораженіе Пруссіи и тильзитскій миръ. — Континентальная система и стѣсненное положеніе нейтральныхъ государствъ. — Испанскія дѣла. — Эрфуртское свиданіе. — Австрійская война 1809 г. — Французская имперія на высотѣ могущества и «начало конца». — Деспотизмъ Наполеона въ Европѣ.

18 брюмера было важнымъ днемъ не только въ исторіи Франціи, но и въ исторіи всей Европы. Установленіе консульства гене-

---

[1]) Литература по военной и дипломатической исторіи эпохи весьма обширна. См. указанія выше въ главахъ II, IV и V, а кромѣ того: A. Lefèbvre. Hist. des cabinets de l'Europe pendant le consulat et l'empire. 1845. — Aegidi. Der Fürstenrath nach dem Luneviller Frieden. 1853. — A. Kleinschmidt. Die Saecularisation von 1803. 1878. — Ompteda. Die Ueberwältigung Hannovers durch die Franzosen. 1862. — A. Beer. Zehn Jahren österreichischer Politik (1801—1810). 1877. — Usinger. Napoléon, der rheinische und der nordische Bund. 1845. — Von Beaulieu-Marconnay. Karl von Dalberg und seine Zeit. 1879. — K. Beck. Zur Verfassungsgeschichte des Rheinbunds. 1890. — P. Hassel. Gesch. der preuss. Politik (1807—1815). 1881. — Höpfner. Der Krieg von 1806—1807. 1850. — Oncken. Oesterreich und Preuszen im Befreiungskriege. 1876—1879. — Clausewitz. Nachrichten über Preussen in seiner grossen Katastrophe. 1888. — K. Goeke. Das Grossherzogthum Berg. 1877. — Goeke und Ilgen. Das Königreich Westfalen. 1888. — Sauerhering. Die Entstehung des Friedens zu Schönbrunn im Jahre 1809. 1890. —

рала Бонапарта, которое превратилось въ имперію Наполеона I, отдало власть надъ революціонной Франціей, бывшею съ 1792 г. въ войнѣ съ европейскими державами, присоединявшею къ своей территоріи пограничныя области, основывавшею новыя республики и заключавшею договоры съ иностранными правительствами въ цѣляхъ дѣлежа добычи, и притомъ власть ничѣмъ неограниченную въ руки человѣка, отличавшагося при страшномъ властолюбіи и честолюбіи и геніальными способностями полководца, которыя ставятъ его имя наравнѣ съ именами Александра Македонскаго, Ганнибала, Юлія Цезаря, и положительною страстью къ войнѣ, въ коей онъ видѣлъ какъ-бы настоящее свое призваніе. И эта власть надъ обновленной и преобразованной Франціей, успѣшно выступившая на путь завоевательной политики и дипломатическихъ союзовъ съ цѣлью новыхъ пріобрѣтеній, досталась человѣку, отлично исполнявшему ремесло полководца и умѣвшаго обѣщаніями и угрозами заставлять другихъ служить своимъ интересамъ, какъ-разъ въ такое время, когда старая Европа находилась въ полной дезорганизаціи, когда отдѣльныя правительства были совершенно неспособны къ солидарному дѣйствію и ради частныхъ выгодъ своихъ готовы были измѣнять общему дѣлу, когда народы считались ни во что и правительства полагались на однѣ военныя силы, не подозрѣвая, какую силу таили въ себѣ народныя массы, когда, наконецъ, повсюду царили старые порядки и въ администраціи, и въ финансахъ, и въ войскѣ, едва затронутые просвѣщеннымъ абсолютизмомъ, — порядки обветшалые, доказывавшіе свою негодность при пѣрвомъ же серьезномъ столкновеніи. Это-то внутреннее разложеніе Европы „стараго порядка“ только и могло создать почву для того господствующаго положенія, какое заняла Франція на континентѣ въ эпоху консульства и имперіи.—Не входя въ подробности дипломатической и военной исторіи, мы дадимъ въ

Du Casse. Les rois frères de Napoléon I. 1883. — Rocquain. Napoléon I et le roi Louis.—A. Rambaud. L'Allemagne sous Napoléon I.—Ernouf. Les Français en Prusse. — Lavallée. Les frontières de la France. — Pisani. La Dalmacie de 1797 á 1815. Épisode des conquêtes napoléoniennes. 1893.—Въ соч. Dejob. M-me Staël et l'Italie есть библіографія о французскомъ вліяніи въ Италіи съ 1796 по 1814 г.—Отмѣтимъ и литературу о взаимныхъ отношеніяхъ между Франціей и Россіей въ эпоху консульства и имперіи. Кромѣ спеціальныхъ сочиненій по исторіи войнъ этого времени, см. Богдановичъ. Ист. Александра I.—Соловьевъ. Александръ I. 1878.—Надлеръ. Александръ I и идея Священнаго союза.—Vandal. Napoléon et Alexandre I. L'alliance russe sous le premier Empire.—Tatistscheff. Alexandre I et Napoléon d'après leur correspondance inédite. Недавно Императорское Русское Историческое Общество предприняло изданіе документовъ въ своемъ „Сборникѣ“ (съ семидесятаго тома) подъ заглавіемъ „Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I“ (съ введеніемъ и примѣчаніями редактора, проф. А. Трачевскаго). Ср. тамъ же (томъ 89) „Посольство гр. П. А. Толстого въ Парижѣ въ 1807 и 1808 гг.“ (съ введеніемъ и примѣч. редактора Н. К. Шильдера) и др.

настоящей главѣ очеркъ внѣшней политики въ наполеоновскую эпоху, безъ котораго нельзя понять и общаго значенія, какое въ исторіи западной Европы имѣло время консульства и имперіи, бывшее для нея во многихъ отношеніяхъ лишь продолженіемъ революціонной пропаганды, начатой въ предыдущій періодъ. Въ лицѣ Наполеона, дѣлившаго съ союзниками Франціи цѣлыя государства и власть надъ міромъ, монархическая Европа признавала силу революціи: походъ, начатый противъ революціи во имя принципа, позорнѣйшимъ образомъ окончился рядомъ союзовъ, которые стали заключаться между отдѣльными правительствами и новымъ властелиномъ Франціи, ибо онъ умѣлъ привязывать къ себѣ эти правительства, давая имъ тѣ или другія доли въ дѣлежѣ завоеванныхъ странъ.

Эпоха консульства и имперіи была временемъ почти безпрерывной войны, въ которой Наполеонъ имѣлъ то противъ себя, то на своей сторонѣ отдѣльныя государства Европы. Войну эту онъ наслѣдовалъ отъ революціи, но у него были и свои побужденія ее продолжать. Война была его стихіей, побѣды и выгодные союзы съ завоевательными цѣлями дѣлали его владыкой европейскаго материка, и передъ его воображеніемъ носилась идея „всемірной монархіи“ подъ главенствомъ Франціи. Недаромъ Наполеонъ считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ западнаго императора Карла Великаго и въ своихъ планахъ далеко оставлялъ за собою и болѣе близкихъ къ нему, по времени представителей „всемірной монархіи“, Карла V и Людовика XIV. Еще до захвата власти во Франціи, бывшаго результатомъ 18 брюмера, въ качествѣ главнокомандующаго итальянской арміей Наполеонъ уже началъ передѣлку политической карты Европы, а въ эпоху своей экспедиціи въ Египетъ и Сирію строилъ грандіозные планы относительно Востока. Сдѣлавшись первымъ консуломъ, онъ мечталъ въ союзѣ съ русскимъ императоромъ выбить англичанъ изъ позиціи, которую они заняли въ Индіи, а русскій походъ 1812 г. въ случаѣ удачи долженъ былъ привести къ соединенію подъ гегемоніей Франціи всѣхъ европейскихъ силъ съ тою же цѣлью. Наполеону удалось поочередно побѣдить всѣ главныя государства материка и одно за другимъ вовлекать ихъ правительства въ осуществленіе его плановъ: одна только Англія, сдѣлавшаяся въ эту эпоху владычицей морей, не могла быть имъ побѣждена и не хотѣла вступать съ нимъ въ сдѣлки, поддерживая въ то же время вездѣ, гдѣ только было можно, сопротивленіе противъ французовъ. Въ началѣ своего правленія Наполеонъ заключилъ миръ съ Англіей, но миръ этотъ не могъ быть продолжителенъ, ибо лондонское правительство не хотѣло оставить безъ отпора самовольные поступки, захваты и правонарушенія Наполеона, а онъ съ своей стороны раздражался тѣмъ, что свобода печати въ Англіи дозволяла въ этой

странѣ французскимъ эмигрантамъ роялистическаго и республиканскаго лагеря издавать свои сочиненія, направленныя какъ лично противъ него самого, такъ противъ и установленнаго имъ во Франціи порядка вещей. Война съ Англіей сдѣлалась затѣмъ главнымъ дѣломъ внѣшней политики консульства и имперіи: задачею, какую поставилъ себѣ Наполеонъ, было именно „побѣдить Англію, побивая Европу“ (vaincre l'Angleterre en battant l'Europe). Эта война заставила его придумать континентальную систему, посредствомъ которой англійскіе товары исключались изъ европейскихъ рынковъ, что было однимъ изъ наиболѣе важныхъ факторовъ его внѣшней политики, и на этой почвѣ возникло немало осложненій, какъ это можетъ быть видно изъ самаго краткаго обзора международныхъ отношеній эпохи. Англія, далѣе, поддерживала Бурбоновъ, въ коихъ Наполеонъ не безъ основанія видѣлъ самыхъ опасныхъ враговъ своей власти во Франціи, а ненависть вообще къ представителямъ этой династіи, въ началѣ его правленія царствовавшей еще въ Неаполѣ и Испаніи, тоже руководила имъ во многихъ случаяхъ его внѣшней политики. Онъ предалъ казни герцога Ангьенскаго; онъ сдѣлалъ невозможнымъ пребываніе на континентѣ для братьевъ Людовика XVI, одного изъ коихъ французскіе роялисты называли королемъ Людовикомъ XVIII; наконецъ, онъ отнялъ троны у неаполитанскихъ и испанскихъ Бурбоновъ. При всемъ этомъ Наполеонъ умѣлъ пользоваться страхомъ, какой наводили его побѣды на другія государства, умѣлъ пользоваться взаимнымъ ихъ недовѣріемъ и соперничествомъ, привлекая ихъ къ союзу съ Франціей, вознаграждая ихъ за этотъ союзъ территоріальными прирѣзками изъ владѣній побѣжденнаго врага. открывая передъ ними широкія перспективы въ будущемъ и дѣлая такимъ образомъ изъ Франціи державу, которая какъ бы одна рѣшала судьбы всей Европы. Принимая на себя въ концѣ 1799 г. власть, онъ засталъ Францію изолированною, хотя составившаяся противъ нея коалиція и оказалась не особенно прочной, но черезъ десять лѣтъ, наоборотъ, уже весь континентъ Европы былъ или во власти Франціи, или въ союзѣ съ нею: начиная въ 1812 г. войну въ Россіей, онъ велъ на нее войска „двадесяти языкъ“. Такого успѣха Франція не могла достигнуть посредствомъ одной войны: тутъ дѣйствовала и дипломатія, подмѣтившая и эксплуатировавшая слабую сторону международныхъ отношеній—желаніе каждаго государства поживиться на чужой счетъ, взаимное недовѣріе и соперничество, вытекавшее отсюда, и циническое поклоненіе внѣшнему успѣху. Всѣ главные факты международной политики въ эту эпоху, дѣйствительно, подтверждаютъ такую точку зрѣнія на причины французскаго владычества въ Европѣ.

Извѣстные уже намъ успѣхи французскаго оружія и революціонной пропаганды временъ директоріи заставили монархическія прави-

тельства остальной Европы снова сплотиться для борьбы съ Франціей [1]). 1799 г. былъ для Франціи несчастливъ. Въ Германіи французы были вынуждены отступить за Рейнъ, а французскіе посланники, руководившіе раштатскими совѣщаніями о заключеніи мира республики съ Священной Римской имперіей, при своемъ отъѣздѣ домой были умерщвлены австрійскими гусарами [2]). Въ Италіи были потеряны всѣ плоды прежнихъ побѣдъ: русскія войска подъ начальствомъ Суворова въ соединеніи съ австрійцами завоевали Цизальпинскую республику, которая немедленно послѣ этого распалась, послѣ чего всѣ патріоты должны были спасаться бѣгствомъ; въ Парѳенопейской республикѣ, оставленной французами, совершилась монархическая реставрація, сопровождавшаяся жестокостями и казнями всѣхъ сторонниковъ революціи и бѣгствомъ тѣхъ, которые уцѣлѣли во время этого антиреспубликанскаго террора; Римская республика также пала. Только въ Швейцаріи дѣла французовъ шли лучше, и соединенной австро-русской арміи не удалось вытѣснить отсюда революціонное войско. Раздоры, возникшіе между союзниками,—между русскими и австрійцами въ Италіи и Швейцаріи и между русскими и англичанами въ Голландіи, гдѣ французы также имѣли частный успѣхъ,—повлекли за собою выходъ изъ коалиціи императора Павла I. Послѣдній даже сталъ сближаться съ Франціей послѣ того, какъ въ ней „безначаліе замѣнилось консульствомъ“ и первый консулъ отпустилъ на родину безъ выкупа—заново одѣтыхъ и вооруженныхъ русскихъ плѣнныхъ.

Едва Наполеонъ принялъ въ свои руки правленіе, какъ обратился съ письмомъ къ англійскому королю, приглашавшимъ его прекратить борьбу; съ такимъ же письмомъ обратился онъ и къ римскому императору, но отвѣтъ на эти письма полученъ былъ такой, что война не могла прекратиться: у Франціи требовали возстановленія Бурбоновъ и возвращенія къ прежнимъ границамъ. Весною 1800 г. Франція начала новое завоеваніе Италіи, причемъ во главѣ арміи, вторгшейся сюда чрезъ Швейцарію, стоялъ самъ первый консулъ. Побѣда при Маренго (14 іюня) возвратила французамъ Ломбардію, заставивъ Австрію на этомъ условіи заключить на другой же день перемиріе (въ Алессандріи). Другая французская армія вторглась въ Швабію и Баварію и послѣ нѣсколькихъ побѣдъ заставила Австрію согласиться на парсдорфское перемиріе (15 іюля), отдававшее въ руки французовъ всю южную Германію. Такъ какъ Австрія отказалась, однако, заключить миръ, то война возобновилась и французы перешли въ наступле-

---

[1]) См. выше, стр. 32.

[2]) Объ этомъ см. сочиненія: Mendelssohn-Bartholdy (1869), Reichlin-Meldegg (1869), Helfert (1874), Sybel.

ніе, а послѣ побѣды при Гогенлиденѣ (3 декабря) уже не имѣли серьезныхъ препятствій къ тому, чтобы сдѣлать нападеніе на самую Вѣну. Тогда Австрія вынуждена была на миръ въ Люневилѣ (9 февраля 1801), подтверждавшій кампо-формійскія условія [1]). Границами Франціи были признаны Рейнъ и Эчъ. Ломбардія, снова отторгнутая отъ Австріи, превратилась въ Италійскую республику. Имперскіе чины, терявшіе на лѣвомъ берегу Рейна земли, должны были получить вознагражденіе изъ секуляризованныхъ церковныхъ владѣній и упраздненныхъ имперскихъ городовъ, причемъ завѣдывать приведеніемъ въ исполненіе этого постановленія возлагалось на имперскую депутацію, т.-е. особую коммиссію, которую должны были выбрать римскій императоръ и имперскіе чины.

Люневильскій миръ открывалъ Наполеону возможность распоряжаться по своему въ значительныхъ частяхъ Италіи и Германіи, что возвращало Францію къ временамъ кампо-формійскаго договора. Первый консулъ французской республики сдѣлался, въ силу избранія созванными въ Ліонъ представителями республики Италійской, президентомъ этой послѣдней съ весьма широкою властью при чисто декоративной конституціи и получилъ право распоряжаться большимъ войскомъ, которое въ сущности предназначалось имъ для служенія интересамъ Франціи. Одновременно съ этимъ были произведены въ Италіи и другія перемѣны: герцогъ моденскій получилъ приращеніе своихъ владѣній; великій герцогъ тосканскій, принадлежавшій къ фамиліи Габсбурговъ, за отказъ отъ своего владѣнія, пріобрѣлъ архіепископство Зальцбургское съ нѣкоторыми другими землями, а Тоскана съ титуломъ королевства Этруріи отдавалась пармскому герцогу изъ испанской вѣтви Бурбоновъ. Въ Германіи произведено было еще больше перемѣнъ такъ называемымъ рѣшеніемъ имперской депутаціи (Reichsdeputationshauptschluss) 28 февраля 1803 г. Болѣе всѣхъ выигравшими въ дѣлежѣ секуляризованныхъ земель оказались князья, которые дѣйствовали угодливостью передъ первымъ консуломъ и подкупомъ нужныхъ лицъ въ Парижѣ, гдѣ въ это время открылся настоящій торгъ нѣмецкими епископствами, аббатствами и вольными городами, служившими для вознагражденія князей за уступленную ими Франціи тысячу слишкомъ квадратныхъ миль съ населеніемъ почти въ три съ половиною милліоновъ душъ. Французское правительство очень ловко поддерживало взаимное недовѣріе нѣмецкихъ государей и, пользуясь ихъ рознью, старалось заключать съ ними отдѣльные договоры. Пруссія и Баварія поспѣшили занять присужденныя имъ территоріи даже ранѣе, чѣмъ имперскій сеймъ утвердилъ рѣшеніе имперской депутаціи.

---

[1]) См. выше, стр. 31.

Оба эти государства получили значительныя приращенія, особенно же выиграла Баварія, заключившая съ Франціей тѣсный союзъ. Увеличены были,—и больше, чѣмъ всѣ другія княжества,—владѣнія маркграфа Баденскаго, возведеннаго вмѣстѣ съ тѣмъ въ санъ курфюрста. Далѣе, были вознаграждены за потери и получили большія приращенія къ своимъ прежнимъ владѣніямъ Вюртембергъ, Гессенъ-Кассель (оба сдѣланные курфюршествами), Гессенъ-Дармштадтъ, Нассау, Ганноверъ и др. княжества. Все это было сдѣлано на счетъ болѣе мелкихъ владѣній, а наиболѣе пострадавшими были именно духовныя владѣнія и имперскіе города. Изъ первыхъ уцѣлѣло еще—но сильно обрѣзанное—архіепископство Майнцское, а курфюршества Кёльнское и Трирское совсѣмъ упразднялись вмѣстѣ съ массою другихъ духовныхъ княжествъ; изъ полусотни имперскихъ городовъ оставлены были въ прежнемъ состояніи лишь шесть, а именно: Гамбургъ, Бременъ, Любекъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Нюрнбергъ и Аугсбургъ. Число нѣмецкихъ княжествъ, благодаря этому, сильно сокращалось, но одновременно съ новымъ перераспредѣленіемъ территорій стали вводиться и новые внутренніе порядки, на коихъ также сказывалось французское вліяніе. Успѣхъ французскаго вмѣшательства въ дѣла Германіи объясняется между прочимъ и перемѣною въ отношеніяхъ между Франціей и Россіей, заключившихъ формальный миръ въ первый же годъ царствованія Александра I.

Новая коалиція противъ Франціи, съ такимъ успѣхомъ дѣйствовавшая въ 1799 г., распалась подобно предыдущимъ. Кромѣ нѣмецкихъ державъ и Россіи, съ Франціей примирились и оба пиренейскія государства, Испанія и Португалія. Въ борьбѣ съ республикой оставалась одна Англія, но еще Павелъ I для противодѣйствія ея преобладанію на моряхъ возобновилъ въ союзѣ съ Пруссіей, Швеціей и Даніей вооруженный нейтралитетъ своей матери, а это привело къ войнѣ между Англіей и Даніей, занявшей англійскій флотъ въ то время, какъ французы снаряжали для борьбы новые военные корабли. Наконецъ и Англія пошла на уступки и заключила миръ съ Франціей въ Амьенѣ (1802 г.). Онъ вскорѣ, однако, былъ нарушенъ, между прочимъ, въ виду того, что первый консулъ, не довольствуясь властью президента Италійской республики, утвердилъ свое владычество въ формѣ протектората и надъ республикой Батавской, что грозило интересамъ Англіи, и, кромѣ того, надъ Швейцаріей (въ дѣла коей Наполеонъ вмѣшался, чтобы своимъ медіаціоннымъ актомъ возстановить независимость кантоновъ подъ общимъ своимъ протекторатомъ).

Мы уже видѣли, что заключеніе амьенскаго мира послужило поводомъ для продленія консульскихъ полномочій Наполеона на всю жизнь. Въ промежутокъ времени между провозглашеніемъ пожизнен-

наго консульства и принятіемъ Наполеономъ императорскаго титула война Франціи и Англіи, прерванная на короткое время амьенскимъ миромъ, возобновилась съ новою силою. Въ маѣ 1803 г. первый консулъ двинулъ французскую армію къ Везеру, чтобы захватить принадлежавшій англійскому королю Ганноверъ, а въ іюнѣ курфюршество было уже во власти Франціи, благодаря позорной трусости мѣстнаго правленія: оно поспѣшило заключить съ первымъ консуломъ договоръ, въ силу коего французская армія могла занять всю страну до Эльбы, а ганноверское войско должно было быть распущено. Убіеніе герцога Ангьенскаго, предшествовавшее принятію императорской короны, и самовольные поступки Наполеона въ Италіи, Германіи, Испаніи и Голландіи сильно встревожили другія державы. Италійская республика была превращена въ королевство, а королемъ, собранные въ Парижѣ народные представители провозгласили Наполеона, короновавшагося затѣмъ (въ мартѣ 1805 г.) въ Миланѣ желѣзною короною. Въ Германіи на переговоры о вознагражденіяхъ Наполеонъ не допустилъ русскихъ дипломатовъ и, проѣзжая послѣ принятія императорскаго титула черезъ Ахенъ, Кельнъ и Майнцъ, велъ себя, какъ властелинъ всего прирейнскаго края. Испанію въ то же время онъ обязалъ особымъ договоромъ помогать Франціи и флотомъ, и деньгами. Въ Голландіи своими интригами и угрозами онъ подготовлялъ введеніе монархіи для одного изъ своихъ братьевъ. Къ Англіи, отвѣчавшей новымъ отказомъ на приглашеніе заключить миръ, сдѣланное ей Наполеономъ послѣ установленія во Франціи имперіи, примкнула для обузданія его честолюбія прежде всего Россія, а ея примѣру послѣдовали Австрія, Швеція и Неаполь, причемъ Англія должна была выплачивать своимъ союзникамъ денежныя субсидіи. Новая коалиція стремилась привлечь на свою сторону и Пруссію, но это государство колебалось принять участіе въ войнѣ и предпочло остаться нейтральнымъ, на всякій случай, однако, вооружившись и своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ безъ всякой для себя выгоды навлекши на себя неудовольствіе императора французовъ.

Вся Европа ожидала въ 1805 г. со стороны Наполеона высадки въ Англію, такъ какъ къ этому онъ, повидимому, дѣятельно готовился, снаряжая необходимый для предпріятія флотъ и собирая въ Булони значительныя военныя силы. На самомъ дѣлѣ онъ замышлялъ нѣчто иное. Заручившись обѣщаніемъ помощи со стороны южно-германскихъ князей, Наполеонъ неожиданно двинулъ свои войска въ Германію, гдѣ часть ихъ прошла черезъ одно владѣніе нейтральной Пруссіи и гдѣ они, кромѣ того, усилились вспомогательными корпусами Бадена, Вюртемберга, Баваріи, Гессена, Нассау и др. 20 октября австрійская армія, запертая въ Ульмѣ и отрѣзанная отъ сообщенія съ Вѣною, сдалась на капи-

туляцію. Этотъ громадный успѣхъ Наполеона омрачился, однако, трафальгарскою побѣдою (21 окт.) англійскаго флота надъ французскимъ, который послѣ этого, совсѣмъ почти уничтоженный, долго не могъ быть возстановленъ въ прежней силѣ. Между тѣмъ Пруссія, раздраженная нарушеніемъ ея нейтралитета, примкнула къ коалиціи, но она сдѣлала это слишкомъ поздно для того, чтобы измѣнить положеніе дѣлъ на театрѣ войны. 13 ноября французы овладѣли самою Вѣной и оттѣснили несогласно между собою дѣйствовавшія австрійскія и русскія войска въ Моравію, гдѣ 2 декабря, въ годовщину коронаціи Наполеона, произошла знаменитая „битва трехъ императоровъ“ подъ Аустерлицемъ. Побѣда французовъ была полная. Императоръ Францъ, вмѣсто того, чтобы продолжать войну, подкрѣпившись новыми русскими военными силами и пруссаками, въ то время уже готовыми открыть враждебныя дѣйствія противъ Франціи, униженно просилъ у Наполеона перемирія, на которое побѣдитель и согласился, но подъ условіемъ удаленія русскихъ изъ австрійской территоріи (4 дек.). Черезъ три недѣли послѣ этого Австрія заключила съ Франціей пресбургской миръ (26 дек.), лишавшій монархію Габсбурговъ всей верхней Австріи, Тироля и Венеціанской области, окончательно вмѣстѣ съ тѣмъ разлагавшій священную Римскую Имперію и наконецъ предоставлявшій королевскія короны Неаполя и Голландіи братьямъ Наполеона. Въ промежутокъ между аустерлицкою побѣдою и пресбургскимъ миромъ Наполеону удалось склонить на сторону Франціи посланнаго къ нему прусскимъ королемъ уполномоченнаго, который не только не рѣшился послѣ Аустерлица предъявить побѣдителю требованія своего правительства, но даже безъ его согласія заключилъ съ Наполеономъ договоръ въ Шенбруннѣ (15 дек.): Пруссія вступала въ союзъ съ Франціей, отдавая ей часть герцогства Клеве на правомъ берегу Рейна съ крѣпостью Везелемъ и отказываясь отъ одного своего владѣнія (Ансбаха) въ пользу Баваріи, вмѣстѣ съ тѣмъ обязываясь еще не допускать англичанъ въ свои порты, за что сама получала въ видѣ вознагражденія Ганноверъ. Прусскому королю оставалось только согласиться на эту сдѣлку послѣ того, какъ Австрія поспѣшила отстать отъ коалиціи. Занимая Ганноверъ, онъ объявилъ, однако, что беретъ его лишь подъ свою охрану до заключенія всеобщаго мира: такое заявленіе не удовлетворило англійскаго короля, предлагавшаго Пруссіи занять Ганноверъ еще до вступленія туда французовъ, а въ то же время раздражило и Наполеона, видѣвшаго въ заявленіи Фридриха-Вильгельма III намѣреніе не отрывать себя окончательно отъ коалиціи.

Пресбургскій миръ имѣлъ своимъ результатомъ весьма крупныя перемѣны въ Германіи, въ Италіи и въ Голландіи.

Въ Германіи союзники Наполеона получили приращеніе своихъ владѣній и повышеніе въ рангѣ. Баварія, увеличенная Тиролемъ, Аншпахомъ, имперскимъ городомъ Аугсбургомъ и т. п., сдѣлана была королевствомъ, и новый король выдалъ свою дочь замужъ за усыновленнаго пасынка Наполеона, принца Евгенія Богарнэ. Вюртембергъ, тоже увеличенный (между прочимъ швабскими владѣніями Австріи), равнымъ образомъ былъ превращенъ въ королевство, и черезъ нѣсколько времени на вюртембергской принцессѣ женился братъ Наполеона Іеронимъ. Увеличился (также отчасти на счетъ Австріи) и Баденъ, возведенный вслѣдъ за тѣмъ въ великое герцогство; внукъ великаго герцога вступилъ въ бракъ съ Стефаніей Богарнэ, племянницею императрицы Жозефины. Изъ Берга, уступленнаго Баваріей, и изъ Клеве, взятаго у Пруссіи, Наполеонъ создалъ новое великое герцогство для зятя своего Іоахима Мюрата. Швейцарскій Невшатель, въ коемъ княземъ съ 1707 г. былъ король Прусскій, былъ пожалованъ маршалу Бертье. Дядя Наполеона кардиналъ Фешъ былъ объявленъ коадъюторомъ и преемникомъ архіепископа майнцскаго, имперскаго архиканцлера (коимъ былъ тогда извѣстный Дальбергъ). Австрія получила Зальцбургское архіепископство, за потерю коего бывшій тосканскій герцогъ, владѣвшій Зальцбургомъ [1]), получилъ Вюрцбургъ. Эти перемѣны, какъ мы увидимъ, сопровождались въ Баваріи, Вюртембергѣ, Баденѣ и т. п., крупными измѣненіями и во внутреннихъ отношеніяхъ, напр., устраненіемъ средневѣковыхъ земскихъ чиновъ, отмѣною многихъ дворянскихъ привилегій, облегченіемъ участи крестьянъ, введеніемъ вѣротерпимости, ограниченіемъ власти духовенства, уничтоженіемъ массы монастырей, разнаго рода административными, судебными, финансовыми, военными и школьными реформами, даже введеніемъ наполеонова кодекса, какъ это сдѣлалъ весьма скоро Баденъ. Съ другой стороны, теперь неминуемо должна была окончательно распасться и сама средневѣковая имперія, послѣ того, какъ 12 іюля 1806 г. между Наполеономъ и многими германскими государями (Баварія, Вюртембергъ, Баденъ, Дармштадтъ, Клеве-Бергъ, Нассау и др.) состоялся договоръ, въ силу коего эти государи вступали между собою въ особый союзъ, получившій названіе Рейнскаго, подъ протекторатомъ Наполеона и съ обязанностью держать для него шестидесятитысячное войско. Изъ нѣмецкихъ князей устройству Рейнскаго союза, —къ коему присоединялись потомъ и другія земли,— очень много содѣйствовалъ архіепископъ майнцскій Дальбергъ, за что онъ получилъ Франкфуртъ, санъ князя-примаса и должность намѣстника Наполеона по Рейнскому союзу. Образованіе союза сопро-

[1]) См. выше, стр. 139.

вождалось еще медіатизаціей, т.-е. подчиненіемъ мелкихъ непосредственныхъ (immediati) имперскихъ чиновъ верховной власти крупныхъ князей, т.-е. они утрачивали свои суверенныя права, этотъ запоздалый остатокъ политическаго феодализма въ Германіи [1]). Еще раньше (1804) императоръ Францъ II перенесъ императорскій титулъ на свои наслѣдственныя земли, а теперь ему оставалось только отречься отъ прежняго титула, назвавшись Францемъ I, императоромъ австрійскимъ, и объявивъ при этомъ, что его владѣнія выходятъ изъ состава прежней имперіи (6 авг. 1806 г.). Священная Римская имперія нѣмецкой націи такимъ образомъ окончила свое существованіе, а съ нею скончались и ея старыя учрежденія. Медіатизація въ 1806 г. произвела въ Германіи такой же эффектъ, какой въ 1802—1803 г. производила секуляризація [2]), т.-е. Парижъ снова сдѣлался центромъ раздачи всякихъ милостей, гдѣ нѣмецкими князьями пускалось въ ходъ все—и низкопоклонство, и обманы, и подкупы—ради сохраненія себя отъ медіатизаціи или, наоборотъ, ради того, чтобы медіатизировать въ свою пользу чужія владѣнія. Кое-кому удалось удержаться, но громадное большинство мелкихъ князей и имперскихъ графовъ было медіатизировано, утративъ политическую самостоятельность и сохранивъ свои частныя имѣнія со всѣми феодальными правами соціальнаго характера. Новыя побѣды Наполеона надъ Пруссіей и Австріей въ 1806—7 и 1809 гг. только закрѣпили французское владычество въ Германіи.

Италія, гдѣ незадолго передъ тѣмъ была уничтожена Лигурійская республика (Генуя), присоединенная къ Франціи, удержавшей за собою и Пьемонтъ, послѣ пресбургскаго мира подверглась такой же участи, какъ и Германія. Австрія уступила Наполеону Венеціанскую область, и побѣдитель увеличилъ ею свое королевство Италійское, гдѣ намѣстникомъ своимъ (вице-королемъ) сдѣлалъ принца Евгенія Богарнэ. Вскорѣ затѣмъ королевство Этрурія было присоединено къ Франціи, раздѣленное на три новыхъ департамента (1807). На другой день послѣ заключенія пресбургскаго мира Наполеонъ простымъ декретомъ объявилъ, что „династія Бурбуновъ въ Неаполѣ перестала царствовать“, за то, что Неаполь, вопреки прежнему договору, примкнулъ къ коалиціи и дозволилъ высадку войска, пріѣхавшаго на англо-русскомъ флотѣ. Движеніе французской арміи на Неаполь заставило тамошній дворъ искать спасенія въ бѣгствѣ, и послѣ нѣкотораго сопротивленія со стороны народной черни братъ Наполеона Іосифъ, которому императоръ пожаловалъ Неаполитанское королевство въ верховной отъ себя зависимости, овладѣлъ фактически неаполитанскою ко-

---

[1]) Т. III, стр. 50 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 139—140.

роною. Беневентъ и Понтекорво, изъ-за которыхъ происходили споры между Церковной областью и Неаполемъ, были отданы на правахъ ленныхъ герцогствъ Талейрану и Бернадоту. Учрежденіе этихъ леновъ не было исключеніемъ. Именно въ бывшихъ владѣніяхъ Венеціи, отошедшихъ отъ Австріи, Наполеонъ учредилъ значительное количество леновъ, которые были соединены съ герцогскимъ титуломъ, давали большіе доходы и жаловались французскимъ сановникамъ и маршаламъ въ награду за ихъ службу. Двѣ сестры Наполеона тоже получили свои части въ Италіи [1]). Подобно тому, какъ это дѣлалось въ Германіи, и въ Италіи вводились внутреннія перемѣны. Королевство Италійское, управлявшееся пасынкомъ Наполеона, Лукка и Тоскана подъ управленіемъ его сестры и Неаполь, сдѣлавшійся королевствомъ его брата, должны были принять многіе французскіе порядки, и, напр., въ княжествѣ Лукка весьма рано былъ введенъ Наполеоновъ кодексъ.

Одновременно съ этими перемѣнами въ Германіи и Италіи совершилось превращеніе и Голландіи въ королевство, которое Наполеонъ отдалъ своему брату Людовику, женившемуся на падчерицѣ императора, Гортензіи Богарнэ. Въ іюнѣ 1806 г. новый голландскій король принялъ правленіе подъ верховною властью своего брата.

Таковы были послѣдствія аустерлицкой побѣды и пресбургскаго мира. Но война еще не кончилась, и Наполеона ждали впереди новые тріумфы. Прежде всего дошла очередь до Пруссіи. Ея поведеніе въ 1805 году навлекало на нее со стороны Наполеона подозрѣніе въ ненадежности союза съ нею и только утверждало его въ томъ мнѣніи, что это соперникъ неопасный. Онъ совсѣмъ пересталъ дорожить прусской дружбой и началъ относиться свысока къ берлинскому двору, что очень оскорбляло послѣдній. Наполеонъ поманилъ-было Пруссію возможностью образовать вмѣстѣ съ Саксоніей, Гессенъ-Касселемъ, Мекленбургомъ, Ольденбургомъ, Голштиніей, ганзейскими городами и т. п. особый сѣверно-германскій союзъ, новую даже „имперію“, а самъ между тѣмъ, не сообщивъ ничего Пруссіи, организовалъ Рейнскій союзъ, приказавъ своимъ дипломатамъ мѣшать устройству другого нѣмецкаго союза, о коемъ мечтала Пруссія, медіатизировалъ родственный Гогенцоллернамъ княжескій домъ Турнъ и Таксисъ, и допустилъ кое-какіе захваты границъ со стороны великаго герцогства Бергскаго. Недовольна была Пруссія и замаскированнымъ присоединеніемъ Голландіи. Наконецъ, въ Берлинѣ узнали еще, что, сдѣ-

[1]) Элиза (по мужу Баччіокки) еще раньше получила Лукку, а потомъ, кромѣ того Массу и Каррару, но уничтоженіи же королевства Этруріи она была назначена правительницей Тосканы. Другой сестрѣ (Паулинѣ Боргезе) тоже было дано владѣніе.

лавъ попытку мирныхъ переговоровъ съ Англіей, Наполеонъ обѣщалъ ей возвратить Ганноверъ, на который Пруссія смотрѣла уже, какъ на свое достояніе. Въ Берлинѣ рѣшились поэтому на ультиматумъ съ требованіемъ очищенія французами южной Германіи, равно какъ согласія на образованіе „сѣвернаго союза“ и разрѣшенія другихъ вопросовъ, бывшихъ спорными между обоими правительствами, но Наполеонъ отвергъ этотъ ультиматумъ и поспѣшилъ двинуться съ своимъ войскомъ на соединившуюся съ Пруссіей Саксонію. Въ первой же битвѣ (при Зальфельдѣ 10 окт. 1806 г.) пруссаки потерпѣли уронъ, за которымъ черезъ нѣсколько дней (14 окт.) послѣдовало и полное пораженіе Пруссіи подъ Іеною и Ауерштедтомъ, отдавшее во власть Наполеона всю Германію до самой Эльбы. Нанося новыя пораженія остаткамъ прусской арміи, забирая въ плѣнъ цѣлые отряды, овладѣвая крѣпостями и не встрѣчая нигдѣ народнаго сопротивленія, Наполеонъ черезъ двѣ недѣли послѣ іенской побѣды вступилъ въ Берлинъ (27 окт.). Вскорѣ послѣ этого сдались Штетинъ, Кюстринъ, Магдебургъ (10 ноября), и въ то же самое время французы одерживали побѣды еще въ Ганноверѣ, населеніе котораго видѣло въ французахъ избавителей отъ поглощенія страны Пруссіей. Въ Берлинѣ Наполеонъ занялся устройствомъ по-своему сѣверной Германіи, гдѣ отдѣльныя земли одна за другою стали подпадать подъ французское владычество. Курфюрстъ Гессенскій, бывшій въ союзѣ съ Пруссіей и думавшій спасти себя нейтралитетомъ въ начавшейся войнѣ, долженъ былъ бѣжать изъ своихъ владѣній; то же случилось съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, предводителемъ прусской арміи. Мекленбургъ и Ольденбургъ также были заняты французами. На ганзейскіе города была наложена тяжелая контрибуція. Пощажена была лишь одна Саксонія, курфюрстъ которой, Фридрихъ-Августъ, получилъ королевскій титулъ и присоединился къ Рейнскому союзу (въ первой половинѣ декабря) вмѣстѣ съ другими саксонскими герцогами. Герцогъ Саксенъ-Веймарскій также былъ прощенъ Наполеономъ подъ условіемъ разрыва съ Пруссіей. Изъ Кенигсберга, куда удалился прусскій дворъ, Фридрихъ-Вильгельмъ III умолялъ Наполеона прекратить войну, соглашаясь между прочимъ на то, чтобы примкнуть къ Рейнскому союзу, но побѣдитель дѣлался все требовательнѣе и требовательнѣе, и прусскій король вынужденъ былъ продолжать борьбу. На помощь къ стѣсненной Пруссіи явилась Россія, приславшая въ Восточную Пруссію двѣ арміи, которыя должны были помѣшать переправѣ французовъ черезъ Вислу. Наполеонъ обратился тогда къ полякамъ съ воззваніемъ, приглашавшимъ ихъ къ борьбѣ за свою независимость, что оказало свое дѣйствіе, особенно послѣ того, какъ Наполеонъ на второй день новаго года (2 янв. 1807) вступилъ въ

Варшаву. Цѣлый рядъ упорныхъ битвъ на Вислѣ ознаменовалъ зиму 1806—1807 г. Дѣла прусскаго короля, жившаго теперь въ Метенѣ, шли все хуже и хуже; лишь надежда на европейскую коалицію поддерживала его еще въ этой борьбѣ за свою корону. Любопытно, однако, то, что не только въ это время не было мысли опереться на народъ, но даже подавлялись прусскими чиновниками всякія вспышки, происходившія въ силезскомъ населеніи противъ французовъ. Послѣ занятія французами Данцига (24 мая 1807 г.) и пораженія русскихъ подъ Фридландомъ (14 іюня), дозволившаго французамъ занять Кенигсбергъ и даже угрожать русской границѣ, состоялся знаменитый тильзитскій миръ (7—9 іюля), сопровождавшійся свиданіемъ французскаго и русскаго императоровъ въ павильонѣ посреди рѣки Нѣмана. По условіямъ тильзитскаго договора Пруссія лишалась цѣлой половины своихъ владѣній: лишь заступничество Александра I, вступившаго въ союзъ съ Наполеономъ для полюбовнаго раздѣла между собою Европы, спасло монархію Гогенцоллерновъ отъ окончательной гибели. Отъ прусской Польши былъ отдѣленъ Бѣлостокъ съ своимъ округомъ и отданъ Россіи. Изъ польскихъ земель, доставшихся Пруссіи по первымъ двумъ раздѣламъ Рѣчи Посполитой, было организовано герцогство Варшавское, поступившее подъ власть короля саксонскаго. Данцигъ съ своимъ округомъ былъ превращенъ въ особую республику. У Пруссіи были отняты, наконецъ, всѣ ея владѣнія между Рейномъ и Эльбою, и въ соединеніи съ курфюршествомъ Гессенскимъ, Брауншвейгомъ и южнымъ Ганноверомъ они образовали королевство Вестфальское. На новый тронъ въ Касселѣ былъ возведенъ братъ Наполеона Іеронимъ (Жеромъ), тоже примкнувшій къ Рейнскому союзу съ обязанностью платить императору большую сумму денегъ и выставлять въ его войнахъ значительное войско. Кромѣ того, Пруссія должна была выплатить громадную сумму денегъ, содержать до окончательной расплаты на свой счетъ французскіе гарнизоны и соблюдать разныя стѣснительныя условія въ пользу Франціи (на счетъ, напр., военныхъ дорогъ).

Послѣ такого униженія Пруссіи и вступленія въ составъ Рейнскаго союза двухъ новыхъ королевствъ (Саксоніи и Вестфаліи) Наполеонъ былъ полнымъ господиномъ надъ Германіей, отдѣльные государи коей спѣшилитеперь присоединяться къ Рейнскому союзу: именно въ составъ его вошли еще курфюршество Вюрцбургское, герцогства Мекленбургское и Ольденбургское и княжества Шварцбургъ, Ангальтъ и Вальдекъ. Во многихъ мѣстахъ вводились французскіе порядки, бывшіе плодомъ революціи и организаторской дѣятельности Наполеона, хотя, съ другой стороны, деспотизмъ императора и мѣстныхъ правителей, постоянные поборы людьми въ армію, большіе

налоги и т. п. тяжело отзывались на нѣмецкомъ народѣ, не могшемъ притомъ не чувствовать своего униженія передъ чужеземнымъ владыкой и его французскими подданными. Городъ Эрфуртъ послѣ тильзитскаго мира былъ оставленъ Наполеономъ за собою, какъ сборный пунктъ для войскъ Рейнскаго союза. Пруссія была обязана оказывать Франціи военную помощь, и Данцигъ, лишь номинально пользовавшійся независимостью, былъ тоже своего рода сборнымъ пунктомъ для фрапнузскихъ войскъ.

Тильзитскій миръ отдалъ въ распоряженіе Наполеона весь континентъ западной Европы, такъ какъ Александръ I согласился на то, чтобы Франція безпрепятственно господствовала на Западѣ, какъ съ своей стороны Россія должна была господствовать на Востокѣ, получивъ между прочимъ отъ Наполеона согласіе на немедленное присоединеніе къ своей территоріи не только Финляндіи и Дунайскихъ княжествъ, но даже всей Турецкой имперіи, за исключеніемъ Константинополя: этимъ самымъ Португалія, Испанія, Швеція, Данія и острова западной части Средиземнаго моря попадали въ сферу исключительнаго вліянія Франціи и создавался союзъ двухъ міровыхъ владыкъ противъ Англіи, торговлѣ которой Наполеонъ стремился нанести теперь ударъ запрещеніемъ ввоза англійскихъ товаровъ на весь континентъ. Еще въ Берлинѣ 21 ноября 1806 г. Наполеонъ обнародовалъ декретъ, въ силу коего всѣ европейскіе порты должны были быть заперты для англійскихъ товаровъ и торговыхъ судовъ: Александръ I обѣщалъ держаться объявленной такимъ образомъ континентальной системы, или блокады (blocus continental), которая была направлена прямо противъ одного изъ главнѣйшихъ источниковъ матеріальнаго могущества Англіи. Въ этомъ союзѣ двухъ монарховъ всѣ выгоды были на сторонѣ Франціи, тогда какъ выгоды, какія могла извлечь изъ союза Россія, были еще впереди, потому что только посредствомъ войны съ Швеціей и Турціей можно было достигнуть обѣщанныхъ въ Тильзитѣ присоединеній. Притомъ континентальная система и прямо отражалась невыгодно на народномъ и государственномъ хозяйствѣ Россіи. Обѣ державыобязались потребовать отъ Швеціи, Даніи и Португаліи, дѣйствовавшихъ въ согласіи съ Англіей, присоединенія къ континентальной системѣ. На все это Англія отвѣтила приказаніемъ своему флоту захватывать всѣ нейтральные корабли, выходившіе изъ портовъ самой Франціи или ея союзниковъ. Послѣдствія тильзитскаго мира не заставили себя долго ждать.

Швеція была однимъ изъ наиболѣе упорныхъ членовъ антифранцузской коалиціи. Король шведскій Густавъ IV, преданный дѣлу Бурбоновъ, даже не хотѣлъ признавать за узурпаторомъ генераломъ Бонапартомъ императорскаго титула. Оставленная союзниками Швеція

послѣ тильзитскаго мира, не въ состояніи была защищать своихъ владѣній въ сѣверной Германіи, пріобрѣтенныхъ во время тридцатилѣтней войны [1]), и они были заняты французами. Съ другой стороны, требованіе примкнуть къ континентальной системѣ было для Швеціи равносильно требованію самой наложить руки на свою ввозную и вывозную торговлю. Между тѣмъ въ 1808 г. Россія объявила Швеціи войну, окончившуюся, какъ извѣстно, для этого государства потерею Финляндіи. Во время войны въ Стокгольмѣ составился заговоръ противъ Густава IV (1809): короля заставили отречься отъ престола, и государственный сеймъ возвелъ на престолъ его дядю Карла Зюдерманладскаго подъ именемъ Карла XIII, а въ преемники ему былъ избранъ (къ неособенному удовольствію Наполеона) французскій маршалъ Бернадотъ (князь Понте-Корво), обратившійся въ лютеранство и усыновленный Карломъ XIII (1810). При новомъ королѣ Швеція, отдавшая Россіи Финляндію съ Аландскими островами, получила обратно Померанію и примкнула къ континентальной системѣ. Что касается до Даніи, то она думала держаться нейтралитета, тогда какъ и Франція, и Англія одинаково хотѣли имѣть ее на своей сторонѣ: весь вопросъ былъ въ томъ, будутъ ли или нѣтъ пропускаться англійскіе корабли черезъ Зундъ. Извѣстно, что Англія, желая предупредить противника, силою захватила Зундъ, бомбардировала и заставила сдаться Копенгагенъ и завладѣла датскимъ флотомъ съ военными запасами, находившимися въ арсеналѣ, а затѣмъ, послѣ того, какъ Данія объявила войну Англіи, послѣдняя присоединила къ своимъ владѣніямъ принадлежавшій Даніи островъ Гельголандъ и заняла датскія колоніи. Такимъ образомъ оба скандинавскія государства должны были также войти въ сферу французскаго вліянія.—То же самое произошло около этого времени и съ обоими государствами пиренейскими. По договору 1803 г. Португалія обязывалась выплачивать Франціи ежемѣсячно милліонъ франковъ, за что Наполеонъ обѣщалъ уважать ея нейтралитетъ и предоставлялъ ей попрежнему вести съ Англіей торговыя сношенія. Въ 1807 г. Наполеонъ при поддержкѣ со стороны Испаніи потребовалъ отъ лиссабонскаго правительства, чтобы и оно примкнуло къ континентальному союзу противъ Англіи и конфисковало всю собственность англичанъ въ своихъ владѣніяхъ. Такъ какъ въ Лиссабонѣ не соглашались на это требованіе, то между Наполеономъ и Испаніей состоялся тайный договоръ о завоеваніи и раздѣлѣ Португаліи съ ея колоніями, и 13 ноября 1807 г. „Монитёръ“ объявилъ всему міру, что „Браганцскій домъ пересталъ царствовать“. Вмѣстѣ съ этимъ началось завоеваніе Португаліи. Лиссабонское правительство и дворъ на своихъ и

[1]) Т. II, стр. 376.

англійскихъ корабляхъ уѣхали въ Бразилію, куда за ними отправилось до 15 т. приверженцевъ браганцской династіи. На другой день послѣ этого (27 ноября 1807 г.) французы вступили въ столицу Португаліи и стали управлять отъ имени Наполеона всей страной. Испанія все это время шла на буксирѣ французской политики. Она еще гораздо раньше вынуждена была вступить въ „вѣчный союзъ“ съ французской республикой. Съ конца 1792 г. во главѣ этого государства въ качествѣ перваго министра стоялъ Мануилъ Годои, фаворитъ королевы Маріи Луизы, жены ограниченнаго и безвольнаго Карла IV. При этомъ невѣжественномъ, легкомысленномъ и безсовѣстномъ министрѣ Испанія примкнула-было къ коалиціи противъ революціонной Франціи, но вскорѣ вынуждена была искать мира съ побѣдоносной республикой. Послѣ базельскаго мира между Франціей и Пруссіей произошло замиреніе между Франціей и Испаніей, за которое Годои получилъ пышный титулъ „князя мира“. Мало того: испанскій временщикъ, котораго не любили духовенство и дворянство, сталъ искать особенно тѣснаго сближенія съ французскимъ правительствомъ, съ которымъ и заключилъ въ (Ильдефонсо въ 1796 г.) договоръ, отдававшій Испанію въ полное распоряженіе Франціи. Въ эпоху консульства Наполеонъ уже могъ смотрѣть на доведенную до полнаго внутренняго разстройства Испанію, какъ на вполнѣ зависимое, чуть не вассальное государство. Послѣ разрыва амьенскаго мира Годои предполагалъ держаться нейтралитета въ начинавшейся войнѣ, но Наполеонъ объявилъ мадридскому правительству, что онъ не допуститъ никакой двусмысленной политики и не остановится даже передъ военнымъ занятіемъ Испаніи. Годои долженъ былъ покориться и заключить договоръ съ Наполеономъ, обязывавшій Испанію платить Франціи ежемѣсячную субсидію въ 6 милліоновъ франковъ, держать свой флотъ на-готовѣ и содѣйствовать французской политикѣ въ Португаліи. Потомъ сама Испанія была втянута въ войну, стала посылать свои войска въ Италію и Германію и терпѣть морскія пораженія, уничтожившія ея флотъ, и въ довершеніе всего была отрѣзана отъ своихъ заморскихъ колоній, изъ которыхъ извлекала большія денежныя средства, но которыя начали обнаруживать теперь стремленіе къ отпаденію. Все ниже и ниже падала Испанія, а ея правитель, державшійся лишь своею связью съ королевой, все больше и больше искалъ опоры въ Наполеонѣ. Наслѣдный принцъ Фердинандъ (принцъ Астурійскій) съ женою своею и тещею, неаполитанской королевой Каролиной, какъ Бурбоны, были противники Наполеона, но мать Фердинанда съ „княземъ мира“ только и думала о томъ, какъ бы лишить своего сына правъ на престолъ. Наполеонъ очень ловко воспользовался честолюбіемъ перваго министра для своихъ цѣлей и заставилъ его помочь себѣ въ дѣлѣ завоеванія Португаліи, но и принцъ

Астурійскій пришелъ къ убѣжденію, что лучше всего защититъ свои права, если будетъ льстить императору французовъ. Овдовѣвъ около этого времени, онъ даже сталъ высказывать желаніе породниться съ династіей Бонапартовъ. Наполеонъ очутился тогда въ роли третейскаго судьи: къ нему начали обращаться обѣ враждебныя стороны, интриговавшія одна противъ другой, но и по отношенію къ Франціи имѣвшія каждая свои особые виды. Послѣдовало французское вмѣшательство, подкрѣпленное, конечно, военной силой (съ конца 1807 г.) и окончившееся извѣстной катастрофой въ Байонѣ, куда Наполеонъ пригласилъ членовъ испанской королевской семьи и „князя мира“ для того, чтобы рѣшить все дѣло въ свою пользу. Фердинандъ, сдѣлавшійся-было королемъ въ силу отреченія своего отца, долженъ былъ возвратить ему свою власть, а Карлъ IV актомъ, который былъ составленъ Годои по соглашенію съ Наполеономъ, уступилъ свои королевскія права императору французовъ, какъ единственному государю, способному возстановить въ Испаніи потрясенный внутренній порядокъ (6 мая 1808 г.). На испанскій тронъ, сдѣлавшійся вакантнымъ, Наполеонъ посадилъ своего старшаго брата Іосифа, передавъ принадлежавшее ему королевство Неаполитанское своему зятю Іоахиму Мюрату. 20 іюля 1808 г. Іосифъ въѣхалъ въ Мадридъ, и для испанской націи должна была начаться новая пора жизни, такъ какъ было рѣшено основать монархію Іосифа на преобразованіяхъ во всемъ государственномъ и общественномъ быту страны. Но уже на первыхъ порахъ было видно, что съ Испаніей для Наполеона должно было выйти много хлопотъ. Прибавимъ къ этому, что въ февралѣ того же 1808 г. французскія войска заняли еще и Римъ [1]).

Въ началѣ осени 1808 г. (17 сент.—14 окт.) въ Эрфуртѣ произошло знаменитое свиданіе французскаго и русскаго императоровъ, которое должно было показать собравшимся сюда королямъ, владѣтельнымъ князьямъ, наслѣднымъ принцамъ, министрамъ, дипломатамъ и полководцамъ, равно какъ всему міру, что новый политическій порядокъ на континентѣ Европы поддерживается дружбою двухъ владыкъ, подѣлившихъ между собою этотъ континентъ, чтобы одному взять Западъ, а другому владѣть Востокомъ. На эрфуртскомъ съѣздѣ князья Рейнскаго союза раболѣпствовали передъ Наполеономъ, который между прочимъ, чтобы еще разъ унизить Пруссію, устроилъ охоту на зайцевъ на полѣ іенской битвы и пригласилъ на эту охоту принца Вильгельма, присланнаго прусскимъ королемъ на съѣздъ хлопотать объ облегченіи тяжкихъ условій 1807 г. Въ Эрфуртѣ былъ еще разъ закрѣпленъ тильзитскій союзъ, и оба императора обязались не

[1]) См. выше, стр. 125.

заключать мира съ общими врагами безъ обоюднаго согласія. Рѣшено было, кромѣ того, обратиться къ Англіи съ предложеніемъ мира на общемъ основаніи удержанія договаривающимися сторонами тѣхъ владѣній, какія будутъ въ ихъ рукахъ въ моментъ заключенія мира, но Англія отвергла это предложеніе, выразивъ вмѣстѣ съ тѣмъ свое недоумѣніе, какимъ образомъ русскій самодержецъ допускаетъ, чтобы императоръ французовъ могъ низвергать законныхъ государей съ ихъ престоловъ. Англія и теперь не шла ни на какія сдѣлки съ Наполеономъ и, продолжая борьбу съ французской гегемоніей, по прежнему помогала, чѣмъ могла, врагамъ державъ, производившихъ міровой раздѣлъ. Между прочимъ Англія стала поддерживать вспыхнувшее въ Испаніи противъ французовъ возстаніе, которое заставило Наполеона предпринять осенью 1808 г. новое завоеваніе страны. Съ этою цѣлью онъ самъ долженъ былъ отправиться въ мятежную Испанію, столица коей и увидѣла его въ своихъ стѣнахъ 4 декабря [1]).

1809 годъ принесъ новое пораженіе Австріи. Это государство, смотрѣвшее съ завистью по отношенію къ настоящему и со страхомъ за будущее на возрастаніе французскаго могущества, рѣшилось попытать счастья въ освободительной войнѣ за Германію, пользуясь примѣромъ, который давала Испанія, тоже не хотѣвшая безпрекословно повиноваться французскому владычеству. Въ апрѣлѣ Австрія двинула свои военныя силы разомъ на Баварію, на Италію и на герцогство Варшавское, но Наполеонъ, подкрѣпленный войсками Рейнскаго союза, отразилъ нападеніе и въ серединѣ мая былъ уже въ Вѣнѣ. Монархія Габсбурговъ, повидимому, должна была разрушиться: венгры уже приглашались особой прокламаціей возстановить свою былую самостоятельность и избрать себѣ новаго короля. Вскорѣ затѣмъ французы переправились черезъ Дунай и одержали побѣду при Ваграмѣ (5—6 іюля), за которою послѣдовало цнаймское перемиріе (12 іюля), бывшее лишь преддверіемъ вѣнскаго или шенбрунскаго мира (14 окт.). Австрія была страшно наказана за свою попытку, потерявъ Зальцбургъ и нѣкоторыя сосѣднія земли въ пользу Баваріи, западную Галицію и часть восточной съ Краковомъ въ пользу герцогства Варшавскаго и Россіи и наконецъ земли на юго-западѣ (часть Каринтіи, Крайну, Тріестъ, Фріуль и т. п.), составившихъ вмѣстѣ съ Далмаціей, Истріей и Рагузой отдѣльное владѣніе Иллирію подъ верховною властью Наполеона. Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣнское правительство обязалось примкнуть къ континентальной системѣ. Эта война ознаменовалась народнымъ возстаніемъ въ Тиролѣ, который по заключеніи вѣнскаго мира былъ усми-

---

[1]) Іосифъ, вынужденный оставить Мадридъ, вторично въѣхалъ въ свою столицу лишь 22 января 1809 г.

ренъ и раздѣленъ на три части между Баваріей, Иллиріей, и королевствомъ Италійскимъ. Въ остальной Германіи война, начатая Австріей, тоже возбудила сильныя надежды на скорое освобожденіе, но заключеніе вѣнскаго мира положило конецъ этимъ надеждамъ.

Наполеонъ былъ теперь на верху своего могущества. 16 мая 1809 г. въ Шенбрунѣ (подъ Вѣной) онъ подписалъ декретъ, коимъ отмѣнялась свѣтская власть папы, послѣ чего церковная область была присоединена къ Франціи, и Римъ былъ объявленъ вторымъ городомъ имперіи. Австрія по вѣнскому миру должна была признать и эту перемѣну. Затѣмъ, разведшись съ Жозефиной, Наполеонъ вступилъ въ бракъ съ дочерью австрійскаго императора Маріей Луизой [1]), и во время ихъ бракосочетанія (1 апрѣля 1810 г.) шлейфъ новой французской императрицы несли пять королевъ. Черезъ годъ послѣ этого (20 марта 1811 г.) у Наполеона родился сынъ, которому данъ былъ титулъ короля римскаго (roi de Rome). Въ эти годы между вѣнскимъ миромъ и началомъ войны съ Россіей французская имперія еще болѣе расширила свои предѣлы новыми присоединеніями. Въ іюлѣ 1810 г. Наполеонъ, недовольный своимъ братомъ Людовикомъ, плохо соблюдавшимъ континентальную систему, присоединилъ Голландію прямо къ Франціи, а затѣмъ включилъ въ составъ послѣдней Гамбургъ, Бременъ и Любекъ, герцогство Ольденбургское и другія земли между Эльбою и Рейномъ, а также швейцарскій кантонъ Валлисъ съ горною дорогою черезъ Симплонъ. Теперь французская имперія достигла наибольшихъ размѣровъ и вмѣстѣ съ вассальными и союзными государствами включала въ себя почти всю западную Европу. Въ составъ имперіи Наполеона входили, кромѣ самой Франціи, Бельгія, Голландія и полоса сѣверной Германіи до Балтійскаго моря съ устьями Рейна, Эмса, Везера и Эльбы, такъ что французская граница лишь на двѣсти верстъ отстояла отъ Берлина, далѣе весь лѣвый берегъ Рейна отъ Везеля до Базеля, нѣкоторыя части теперешней Швейцаріи, наконецъ Пьемонтъ, Тоскана и Папская область, тогда какъ другая часть сѣверной и средней Италіи составляли королевство Италійское, гдѣ государемъ былъ Наполеонъ, а дальше, уже по другую сторону Адріатическаго моря, на Балканскомъ полуостровѣ находилась принадлежавшая Наполеону же Иллирія. Какъ бы двумя руками, двумя длинными прибрежными полосами своихъ владѣній и съ сѣвера, и съ юга охватывали владѣнія Наполеона Швейцарію и Рейнскій союзъ, въ центрѣ коего императору французовъ принадлежалъ городъ Эрфуртъ. Сильно обрѣзанныя Пруссія и Австрія, граничившія съ запада съ Рейнскимъ союзомъ и Иллиріей,

---

[1]) Послѣ неудачнаго сватовства въ Россіи. Объ этомъ бракѣ Meneval. Napoléon et Marie Louise.

имѣли—первая на восточной своей границѣ, вторая на сѣверной—великое герцогство Варшавское, состоявшее подъ протекторатомъ Наполеона и выдвинутое, кромѣ того, какъ французскій аванпостъ противъ Россіи. Наконецъ, въ Неаполѣ царствовалъ зять Наполеона Іоахимъ I (Мюратъ), въ Испаніи—его братъ Іосифъ. Данія съ 1807 г. была въ союзѣ съ Наполеономъ. Соперницами Франціи оставались только Англія и Россія, одна на морѣ, другая на сушѣ. Англія, сильная своимъ флотомъ, продолжала вести борьбу съ Наполеономъ, вторая послѣ вѣнскаго мира стала сильно тяготиться преобладаніемъ Франціи, континентальною системою и самовластными поступками французскаго императора, когда онъ закончилъ подчиненіе себѣ западной Европы заключеніемъ союза съ Пруссіей и Австріей, которыя обязались помогать Франціи значительными военными силами. Лѣтомъ 1812 г. Наполеонъ двинулъ на Россію свою великую армію, нашедши еще союзниковъ въ лицѣ поляковъ, надѣявшихся на возстановленіе Рѣчи Посполитой и потому охотно шедшихъ на войну съ „Москвою“.

Нашествіе на Россію было, по мѣткому выраженію Талейрана, „началомъ конца“. Дошедши до Москвы, въ которую Наполеонъ вошелъ 2 (14) сентября, великая армія скоро вынуждена была начать отступленіе по разоренной дорогѣ и испытать на себѣ, что́ значила народная война. Неудача Наполеона и примѣръ успѣшной народной войны, вспыхнувшей въ Россіи, имѣли результатомъ возстаніе и всей Германіи противъ французскаго владычества. Калишскій союзъ Пруссіи и Россіи (25 февраля 1813 г.) послужилъ зерномъ новой европейской коалиціи противъ Франціи: къ ней прежде всего примкнула Австрія, затѣмъ Англія. Трехдневная „битва народовъ“ подъ Лейпцигомъ (16—18 октября) нанесла рѣшительный ударъ Наполеону, послѣ чего Рейнскій союзъ сталъ распадаться и многіе его члены начали переходить на сторону союзниковъ, къ которымъ въ началѣ 1814 г. по кильскому договору примкнула и Данія. Лишенные Наполеономъ власти курфюрстъ Гессенскій и герцоги Брауншвейга и Ольденбурга возвратились въ свои владѣнія. То же самое происходило позднѣе и въ Италіи, куда побѣдоносно вторглись австрійскія войска: они заняли Ломбардію, въ Тоскану вернулся великій герцогъ Фердинандъ, въ Церковную область—папа. Между тѣмъ Наполеонъ отвергалъ всѣ условія мира, предлагавшіяся ему по настоянію Австріи. Въ самомъ началѣ 1814 г. союзныя войска перешли французскую границу, а черезъ три мѣсяца (31 марта) въ ихъ власти была и сама столица Наполеоновой имперіи. 4 апрѣля въ Фонтенебло Наполеонъ отрекся было отъ престола въ пользу своего сына, но союзники потребовали у него безусловнаго отреченія, которое онъ и вынужденъ былъ подписать черезъ нѣсколько дней (11 апр.). Прежде, однако, чѣмъ остановиться

подробнѣе на паденіи имперіи Наполеона [1]), мы заключимъ конецъ этой главы общей характеристикой деспотическаго отношенія Наполеона къ порабощенной Европѣ, а въ слѣдующихъ двухъ главахъ разсмотримъ внутреннія перемѣны, совершившіяся въ разныхъ государствахъ въ первыя пятнадцать лѣтъ XIX вѣка подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ только что перечисленныхъ событій въ сферѣ международныхъ отношеній.

Тотъ же самый деспотизмъ, который при Наполеонѣ господствовалъ внутри Франціи, проявлялся и въ его поведеніи по отношенію ко всѣмъ странамъ, на которыя только распространялись его власть или его вліяніе. Отъ своихъ братьевъ, посаженныхъ на престолы Неаполя, Голландіи и Испаніи, и отъ государей, находившихся подъ его протекторатомъ или даже только въ союзѣ съ нимъ, онъ требовалъ безусловнаго повиновенія и нѣкоторымъ изъ нихъ совѣтовалъ держать своихъ подданныхъ (особенно новыхъ подданныхъ) въ спасительномъ страхѣ. Въ послѣднемъ отношеніи особенно любопытны письма Наполеона къ братьямъ и къ вице-королю Италіи. Вездѣ вводились по его приказанію французскіе административные нравы и полицейскіе порядки, шпіонство и доносы, вскрытіе частной переписки и подслушиваніе разговоровъ, произвольная цензура и стѣсненія книжной торговли. Франція подчиняла, далѣе, союзныя съ нею государства всѣмъ тягостямъ континентальной системы, строгое выполненіе которой мыслимо было лишь при неослабномъ полицейскомъ надзорѣ и при помощи цѣлой системы обысковъ, конфискацій, штрафовъ и другихъ каръ. Наконецъ, императоръ требовалъ отъ союзниковъ вспомогательныхъ войскъ и денегъ, что тяжело ложилось на народныя массы. Какой-бы то ни было протестъ противъ французскаго ига строго преслѣдовался и карался. Мы увидимъ еще, что нѣкоторыя лица, имѣвшія несчастье навлечь на себя неудовольствіе Наполеона, не могли чувствовать себя безопасными даже въ неподвластныхъ Наполеону странахъ. Судьба герцога Ангіенскаго показывала, на что можетъ рѣшаться Наполеонъ. Когда въ эпоху Рейнскаго союза нюрнбергскій книгопродавецъ Пальмъ отказался назвать автора изданной имъ брошюры „Германія въ глубочайшемъ своемъ униженіи“, то былъ схваченъ по приказанію Наполеона, преданъ военному суду и приговоренъ къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе. Понятно, что при такомъ страшномъ деспотизмѣ немыслимо было въ странахъ Рейнскаго союза какое-бы то ни было указаніе въ литературѣ на печальное положеніе нѣмецкой націи.

---

[1]) Этому мы посвящаемъ ниже особыя главы.

IX. Внутреннія перемѣны въ западно-европейскихъ государствахъ въ Наполеоновскую эпоху [1]).

Внутреннее состояніе государствъ западной Европы при переходѣ изъ XVIII в. въ XIX. — Значеніе наполеоновскихъ побѣдъ для внутренней жизни западноевропейскихъ народовъ. — Ударъ, нанесенный Наполеономъ духовнымъ княжествамъ и политическому феодализму. — Перемѣны въ государственномъ быту. — Представительныя учрежденія. — Испанская конституція 1812 г. — Наполеоновъ кодексъ за границами Франціи. — Отмѣна крѣпостничества. — Просвѣщенный абсолютизмъ, французская революція и наполеоновская эпоха. — Зарожденіе національныхъ движеній XIX вѣка.

Внутренняя исторія западно-европейскихъ государствъ послѣ начала французской революціи характеризуется преобладаніемъ реакціонныхъ стремленій. Если въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма въ большей части странъ, правительства коихъ вступили на путь внутреннихъ реформъ въ духѣ идей вѣка, между королевскою властью и привилегированными сословіями, составлявшими консервативные элементы общества, отношенія были болѣе или менѣе натянутыми, и эти консервативные элементы становились въ оппозицію къ правительству, то подъ вліяніемъ французской революціи, направленной одинаково и противъ политическаго абсолютизма, и противъ соціальныхъ привилегій, произошло сближеніе между властью и привилегированными, и реформаторская дѣятельность правительствъ, задѣвавшая консервативные интересы, прекратилась или перешла прямо въ политику реакціонную [2]). И безъ того просвѣщеннымъ абсолютизмомъ сдѣлано было слишкомъ мало въ смыслѣ осуществленія новыхъ культурныхъ и общественныхъ идей, а потому когда французы въ эпоху революціи, консульства и имперіи производили свои завоеванія,

---

[1]) Къ сожалѣнію, внутренняя исторія западной Европы въ эту эпоху вообще и въ частности исторія перемѣнъ, совершившихся въ отдѣльныхъ странахъ подъ вліяніемъ французской гегемоніи, разработана очень мало, что сказалось между прочимъ и на общихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ изображенію эпохи, въ которыхъ вообще преобладаетъ разсказъ о дипломатическихъ отношеніяхъ и военныхъ событіяхъ. Исключеніе нужно сдѣлать только для внутренней исторіи Пруссіи, о чемъ см. въ слѣдующей главѣ. — Дѣлая въ настоящей главѣ общій обзоръ внутреннихъ перемѣнъ въ разныхъ западно-европейскихъ странахъ, мы останавливаемся лишь на самыхъ важныхъ фактахъ этой исторіи, притомъ только вскользь затрогивая крестьянскій вопросъ, которому посвящаемъ болѣе подробное разсмотрѣніе въ послѣднемъ отдѣлѣ тома. Что касается до литературы предмета, то указанія на нее сдѣланы выше, въ главѣ II и VIII хотя въ ней преобладаетъ исторія дипломатическая и военная.

[2]) См. Ист. Зап. Евр., т. III, отдѣлъ о „просвѣщенномъ абсолютизмѣ“.

они повсюду встрѣчали господство старыхъ порядковъ, которые, однако, повсемѣстно начинали рушиться подъ вліяніемъ новыхъ отношеній. Началось это разрушеніе прежняго общественнаго быта еще во время революціонныхъ войнъ [1]), продолжалось оно и при Наполеонѣ.

Въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма наиболѣе обостренными были отношенія между государственною властью и консервативною оппозиціей въ различныхъ частяхъ Габсбургской монархіи. Когда Іосифъ II, этотъ характерный представитель просвѣщеннаго абсолютизма и революціонеръ на тронѣ, умиралъ въ концѣ перваго года французской революціи (20 февр. 1790), въ Бельгіи и Венгріи происходило опасное для цѣлости монархіи движеніе [2]), и брату и преемнику Іосифа, Леопольду II, передъ тѣмъ цѣлую четверть вѣка управлявшему Тосканою въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма [3]), предстояла трудная задача умиротворенія недовольныхъ и возмутившихся подданныхъ. По тому, что Леопольдъ дѣлалъ въ Тосканѣ, можно было ожидать съ его стороны продолженія политики Іосифа II, но новый императоръ круто повернулъ назадъ, отмѣнивъ нѣкоторыя реформы своего брата, сдѣлавъ уступки старымъ привилегіямъ и вступивъ вообще на путь традиціонной габсбургской политики. Права протестантовъ снова были стѣснены; духовенству возвращено его прежнее значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія; новая система налоговъ, невыгодная для привилегированныхъ, отмѣнена; крѣпостное состояніе снова было возстановлено,—т.-е., однимъ словомъ, самыя важныя начинанія Іосифа II остались безъ послѣдствій. Въ то же время Леопольдъ II пришелъ въ столкновеніе съ революціонной Франціей, и не умри онъ (1 марта 1792 г.) за нѣсколько недѣль до объявленія законодательнымъ собраніемъ войны его сыну и преемнику Францу II, проживи онъ еще нѣсколько лѣтъ, и ему самому пришлось бы играть роль того воплощенія контръ-революціи, какимъ былъ Францъ II. Этотъ послѣдній вступилъ на престолъ 24 лѣтъ, но уже съ весьма опредѣлившеюся программой правительственной дѣятельности въ духѣ абсолютизма и централизаціи, клерикальной и полицейской опеки надъ обществомъ, сохраненія старыхъ соціальныхъ привилегій и вмѣшательства въ иностранныя дѣла для повсемѣстнаго подавленія политическихъ движеній подъ знаменіемъ новыхъ идей, выразившихся во французской революціи. Въ Австріи не было недостатка въ реакціонныхъ элементахъ, которые и оказали поддержку новой политикѣ; напр., венгерскіе магнаты, стоявшіе въ

---

[1]) См. выше, стр. 17 и слѣд.
[2]) См. т. III, стр. 354—355.
[3]) См. т. III, стр. 375 и др.

оппозиціи къ Іосифу II, считали вмѣстѣ съ Францемъ II необходимою борьбу съ французской революціей. Послѣдовавшая война съ Франціей страшно истощила Габсбургскую монархію въ экономическомъ отношеніи, такъ что государственная казна стала жить только постоянными займами и самыми неумѣренными выпусками бумажныхъ денегъ: благосостояніе населенія и внутренняя сила государства приносились въ жертву борьбѣ съ ненавистной революціей. Во всю эту эпоху Австрія терпѣла пораженіе за пораженіемъ, и только послѣ пресбургскаго мира среди австрійскихъ государственныхъ людей возникла мысль о необходимости — прямо въ виду новой борьбы съ Наполеономъ—заняться улучшеніемъ внутреннихъ отношеній. Въ общемъ, однако, Австрія предпочитала скорѣе терять провинціи, чѣмъ предпринять серьезную реорганизацію своего внутренняго быта. Въ Пруссіи, какъ мы увидимъ [1]), правительственная реакція наступила еще раньше, чѣмъ въ Австріи. Фридрихъ-Вильгельмъ II, племянникъ короля-философа, вступившій на престолъ за три года до начала французской революціи, на первыхъ же порахъ началъ дѣйствовать въ духѣ реакціи противъ всего, что напоминало просвѣщенные взгляды Фридриха II. Революція только заставила его усилить эту реакціонную политику. По этому съ Францемъ II Фридрихъ-Вильгельмъ II и явились первыми бойцами монархической Европы противъ опасности, грозившей изъ Франціи. Старый порядокъ въ области соціальныхъ отношеній, господствовавшій въ Пруссіи и при королѣ-философѣ, оставался неприкосновеннымъ и при его преемникахъ, пока іенская катастрофа не обнаружила всю его негодность даже съ чисто политической точки зрѣнія.

Во всѣхъ странахъ, гдѣ въ XVIII в. дѣйствовала система просвѣщеннаго абсолютизма, равнымъ образомъ происходила реакція. Привилегированныя сословія, защищавшія вообще консервативные интересы, повсюду должны были эксплуатировать въ свою пользу тотъ страхъ, который производила на правительства революція. Въ Португаліи реакція антиклерикальнымъ реформамъ Помбаля наступила еще задолго до событій 1789 г. [2]). Карлъ III, при которомъ въ Испаніи дѣйствовали въ духѣ новыхъ идей Аранда и другіе министры-реформаторы, въ концѣ своего царствованія уже находился подъ вліяніемъ клерикаловъ, а за его смертью, послѣдовавшею передъ самымъ началомъ французской революціи (1788), наступила эпоха возстановленія и въ этой странѣ старыхъ отношеній. Недолго было сравнительно господство новыхъ идей и въ Неаполѣ, гдѣ одно время

---

[1]) См. слѣдующую главу.

[2]) См. т. III, стр. 296.

(въ серединѣ XVIII в.) дѣйствовалъ министръ-реформаторъ Тануччи: царствованіе Фердинанда IV было эпохой реакціоннаго террора, особенно усилившагося подъ вліяніемъ страха, нагнаннаго и на неаполитанское правительство французскими событіями. Страшными жестокостями ознаменовалъ Фердинандъ IV свое возвращеніе въ Неаполь послѣ того, какъ рухнула основанная французами Партенопейская республика [1]). Упомянемъ еще, что совершенно такое же дѣйствіе произвела французская революція на Швецію, на Россію (въ концѣ царствованія Екатерины II и при Павлѣ I) и на другія страны.

Всѣ эти государства, въ коихъ продолжали господствовать старые политическіе порядки и, кромѣ того, происходила реакція подъ вліяніемъ страха передъ революціей противъ политики просвѣщеннаго абсолютизма, были поочередно побѣждены Франціей. Наполеоновскія войны со всѣми ихъ результатами въ исторіи международныхъ отношеній не могли пройти безслѣдно и въ исторіи культурно-соціальнаго быта отдѣльныхъ странъ. Французы и въ эпоху Наполеона явились разрушителями старыхъ порядковъ, на мѣстѣ коихъ должны были воздвигаться порядки новые. Все, что наполеоновскій режимъ сохранилъ изъ пріобрѣтеній революціи, и все, что было введено во Франціи самимъ Наполеономъ, должно было распространиться повсюду, гдѣ только признавалась власть французскаго правительства. Во вновь пріобрѣтенныхъ владѣніяхъ, въ королевствѣ Италійскомъ, въ государствахъ братьевъ Наполеона, въ странахъ, признававшихъ надъ собою его протекторатъ, отмѣнялись старыя учрежденія и вводились новыя по иниціативѣ самого Наполеона. Франція своимъ внутреннимъ порядкомъ и внѣшнимъ могуществомъ импонировала правительствамъ государствъ, оставшихся независимыми, благодаря чему французскія учрежденія казались многимъ государственнымъ людямъ образцовыми [2]). Съ другой стороны, патріоты, стремившіеся къ освобожденію народовъ отъ ига, которое на нихъ было наложено чужеземнымъ завоевателемъ, сами приходили къ той мысли, что успѣшная борьба съ внѣшнимъ врагомъ совершенно невозможна безъ укрѣпленія внутреннихъ силъ путемъ преобразованій, а эти преобразованія могли совершаться опять-таки только въ просвѣтительномъ и освободительномъ направленіи, въ духѣ идей, враждебныхъ старымъ порядкамъ. Такого рода взгляды раздѣлялись и государственными дѣятелями, ставившими поэтому снова на очередь вопросъ о реформахъ, раздѣлялись и нѣкоторыми общественными кругами, видѣвшими необходимость такой дѣятельности, которая

[1]) См. выше, стр. 138. Pietro Colletta. Storia del reame di Napoli dal 1734 sino al 1825. — Castro. Storia d'Italia dal 1799 al 1814. См. въ слѣд. главѣ о Гарденбергѣ.

[2]) Вспомнимъ у насъ Сперанскаго.

была бы направлена на внутреннее возрожденіе. Не нужно, наконецъ, забывать и національныхъ движеній, вызванныхъ грандіозною международною борьбою эпохи: и эти движенія были соединены съ разнообразными новыми стремленіями въ области культурной и политической жизни.

Мы не будемъ излагать здѣсь внутреннюю исторію отдѣльныхъ государствъ въ эпоху консульства и имперіи, а остановимся на крупнѣйшихъ перемѣнахъ вообще въ ихъ быту, раздѣливъ эти перемѣны на извѣстныя категоріи. Начнемъ съ отношеній политическихъ.

Намъ уже извѣстно, что революція начала, а Наполеонъ довершилъ паденіе средневѣковой Священной Римской имперіи германской націи [1]). По своему устройству Германія наканунѣ французской революціи [2]) была самымъ отсталымъ государствомъ въ Европѣ, сохранивъ изъ временъ средневѣкового политическаго быта то, чего внѣ Германіи въ это время уже нигдѣ не существовало: церковныя княжества и политическій феодализмъ. Въ средніе вѣка на всемъ пространствѣ монархіи Карла Великаго архіепископы и епископы сдѣлались суверенными феодальными владѣльцами [3]), но вездѣ успѣхи государственнаго начала въ его монархической или республиканской формѣ [4]) положили конецъ существованію духовныхъ княжествъ. Исключеніе составляли кромѣ Папской области, духовныя княжества Германіи, сохранившіяся въ этой странѣ, благодаря лишь тому, что она не достигла политическаго единства въ то время, когда другія націи превратились въ настоящія монархіи. Нѣмецкія духовныя княжества пережили и кризисъ реформаціонной эпохи съ ея секуляризаціонными стремленіями, и епископы-князья дожили въ Германіи до революціонной бури. Изъ семи (а потомъ восьми и даже девяти) курфюрстовъ, стоявшихъ во главѣ имперскихъ князей въ Германіи, три курфюрста были духовные: архіепископы майнцскій, кельнскій и трирскій, но кромѣ того, существовало множество и другихъ духовныхъ князей съ довольно значительными владѣніями (напр., архіепископство Зальцбургское). Въ первые годы XIX в. владѣнія нѣмецкихъ епископовъ и аббатовъ пошли на вознагражденіе свѣтскихъ князей за ихъ территоріальныя уступки, и впослѣдствіи, въ эпоху реставраціи, духовныя княжества въ Германіи болѣе уже не возстановлялись. Такимъ образомъ въ наполеоновскую эпоху окончательно завершился длинный процессъ дефеодализаціи католической церкви [5]), въ коемъ играли роль раньше и борьба

---

[1]) См. выше, стр. 29—32, 139—140 и 143—144.
[2]) См. т. III, стр. 49—54.
[3]) См. т. I, стр. 214 и слѣд.
[4]) Городскія общины Италіи.
[5]) О феодализаціи церкви см. т. I, стр. 47.

городскихъ общинъ противъ своихъ епископовъ, какъ феодальныхъ сеньеровъ, и ростъ королевской власти, и секуляризація церковныхъ земель во времена реформаціи, просвѣщеннаго абсолютизма и революціи. Рядомъ съ этимъ исчезновеніемъ духовныхъ княжествъ нужно поставить и ту секуляризацію церковной собственности, какая въ эпоху Наполеона производилась въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ, находившихся подъ вліяніемъ Франціи.

Другимъ остаткомъ средневѣковой старины въ Германіи былъ политическій феодализмъ. Передъ разрушеніемъ своимъ Священная Римская имперія состояла изъ трехъ съ половиною сотенъ крупныхъ, среднихъ и мелкихъ владѣній (княжествъ и вольныхъ городовъ), не считая полуторы тысячи имѣній имперскаго рыцарства, находившагося въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ императору [1]). Мелкій князекъ или еще того болѣе имперскій рыцарь были настоящими помѣщиками съ суверенными правами, какъ то было, напр., во Франціи въ полный разгаръ феодализма. Паденіе средневѣковой имперіи сопровождалось медіатизаціей [2]) великаго множества княжескихъ домовъ, т. е. изъ непосредственныхъ (иммедіатныхъ) чиновъ имперіи они дѣлались посредственными (медіатными), попросту превращались въ подданныхъ князей (вмѣстѣ съ имперскими рыцарями, которые равнымъ образомъ не могли сохранить своего прежняго положенія). Когда Священную Римскую имперію замѣнилъ Рейнскій союзъ, въ немъ числилось уже въ пятнадцать разъ меньше государствъ, чѣмъ ихъ было раньше [3]). Такимъ образомъ въ началѣ XIX в. было положено начало уничтоженію нѣмецкаго „мелкодержавія“. Раздробленіе Германіи на отдѣльныя княжества, совершившееся между серединой XIII и XVII вѣковъ [4]), было совершенной политической аномаліей въ ту эпоху, когда вездѣ происходило государственное объединеніе, хотя и въ Германіи дѣлались попытки поднять государственную власть надъ феодальнымъ партикуляризмомъ. Особенно силенъ былъ политическій феодализмъ на западѣ Германіи, гдѣ только, собственно говоря, и господствовали духовныя княжества, мелкодержавіе, вольные города, имперское рыцарство, но именно здѣсь болѣе всего и сказалось французское вліяніе. Правда, въ эпоху вѣнскаго конгресса были возстановлены нѣкоторыя изъ княжествъ, уничтоженныхъ Наполеономъ [5]), но все-таки число отдѣльныхъ государствъ въ Германіи и въ 1815 г. было въ десять разъ меньшимъ, чѣмъ до паденія средневѣковой имперіи.

---

[1]) См. т. III, стр. 50.
[2]) См. выше, стр. 144.
[3]) См. выше, стр. 145 и слѣд.
[4]) См. т. I, стр. 125 и слѣд., II, стр. 376 и III, стр. 49 и слѣд.
[5]) См. выше, стр. 146, 147 и 153.

Такимъ образомъ и въ процессѣ разрушенія политическаго феодализма Наполеонъ дѣлалъ то, что дѣлали государи новаго времени, укрѣплявшіе политическую власть отъ крупнаго землевладѣнія и соединявшіе мелкія феодальныя владѣнія въ болѣе крупные государственные организмы.

Внутренній строй новыхъ государствъ, основывавшихся Наполеономъ, равнымъ образомъ создавался по новому же плану и на развалинахъ старыхъ отношеній. Образцомъ для нихъ служила наполеоновская Франція, въ свою очередь осуществлявшая во многихъ отношеніяхъ программу просвѣщеннаго абсолютизма. Нѣкоторые нѣмецкіе историки послѣднимъ именемъ и обозначаютъ режимъ, господствовавшій, напр., въ государствахъ Рейнскаго союза: дѣйствительно по задачамъ своимъ и по пріемамъ режимъ этотъ напоминаетъ намъ просвѣщенный абсолютизмъ. Во Франціи вся разрушительная работа была совершена революціей, а Наполеону оставалось только сооружать новое зданіе на расчищенной уже почвѣ. Не то мы видимъ въ Германіи, въ Италіи, въ Испаніи, гдѣ подручникамъ и союзникамъ Наполеона, носившимъ титулы королей и великихъ герцоговъ,равно какъ окружавшимъ ихъ французамъ, вышедшимъ изъ наполеоновской школы, или мѣстнымъ дѣятелямъ, убѣжденнымъ въ спасительности французскихъ порядковъ, приходилось совершать и разрушительную работу: старые порядки отдѣлялись отъ наполеоновской эпохи революціей, а тутъ эти порядки еще существовали и самымъ существованіемъ своимъ мѣшали преобразованіямъ по французскому образцу. Въ этомъ отношеніи мы наблюдаемъ однородныя явленія во многихъ странахъ.

Въ Баваріи [1]), увеличенной новыми владѣніями и возведенной на степень королевства, министромъ-реформаторомъ выступилъ савоецъ Монжеля (Монгеласъ), возведенный въ 1809 г. въ графское достоинство. Онъ поставилъ своею задачею слить въ однородное цѣлое всѣ земли, изъ коихъ составилось новое государство, отмѣнивъ въ нихъ старинные земскіе чины съ ихъ партикуляристическими стремленіями и построивъ всю администрацію на началахъ бюрократической централизаціи. Преобразовательной дѣятельности подверглись церковь (упраздненіе многихъ монастырей и секуляризація части церковной собственности), школа, финансы, судебная часть и т. п. Были, далѣе, отмѣнены здѣсь привилегіи дворянства; всѣ граждане были привлечены къ платежу налоговъ; предпринято было улучшеніе участи крестьянъ; введена вѣротерпимость; смягчена строгая духовная цензура и т. п. Во многихъ отношеніяхъ въ католико-феодальной Баваріи министръ-реформаторъ совершалъ то же самое и съ тѣми же пріемами, что за двад-

[1]) Для Германіи вообще см. Perthes. Politische Zustände und Personen in Deutschland zur Zeit der französischen Herrschaft.

цать лѣтъ передъ тѣмъ Іосифъ II дѣлалъ въ католико-феодальной Австріи. Въ Вюртембергѣ деспотическимъ королемъ Фридрихомъ равнымъ образомъ были ниспровергнуты старые порядки, отмѣнены земскіе чины и сословныя привилегіи, уничтожены разныя корпораціи, конфискованы церковныя имущества и водворена система бюрократическихъ централизаціи и опеки по французскому образцу. Баденъ, гдѣ царствовалъ болѣе гуманный Карлъ Фридрихъ, точно также подвергся внутреннимъ преобразованіямъ, имѣвшимъ результатомъ замѣну учрежденій средневѣкового происхожденія новыми все по тому же французскому образцу. Въ Вестфальскомъ королевствѣ царствовалъ братъ Наполеона Іеронимъ, поставившій своею цѣлью ввести и въ этомъ государствѣ французскіе административные, судебные, финансовые и т. п. порядки съ уничтоженіемъ привилегій и корпорацій, равенствомъ всѣхъ передъ закономъ, вѣротерпимостью, уничтоженіемъ крѣпостничества; ему во всемъ этомъ помогали министры французскаго происхожденія. Французскіе же государственные люди окружали и Іосифа Бонапарта въ Неаполѣ. Здѣсь почва для реформъ уже была подготовлена дѣятельностью Тануччи, особенно въ церковной сферѣ, отчасти и въ соціальной. Дѣло Іосифа продолжалъ его преемникъ Іоахимъ I (Мюратъ). Вмѣстѣ съ французскимъ кодексомъ Іосифъ ввелъ гражданскую равноправность, отмѣнивъ личныя и имущественныя привилегіи дворянства, майораты, отличія между разными видами собственности, феодальныя повинности, налоговыя изъятія и т. п. Власть духовенства была стѣснена, и секуляризованныя имущества монастырей были объявлены національной собственностью (наравнѣ съ конфискованными землями эмигрантовъ). Королевство получило новое дѣленіе и администрацію по образцу французской. Были произведены также преобразованія въ области финансовъ, суда, войска. Народное образованіе, сильно запущенное въ Неаполѣ, Іосифъ также старался поднять соотвѣтственными мѣрами. Подобныя же реформы должны были совершиться и въ Испаніи, но здѣсь противъ французовъ вспыхнуло возстаніе, результатомъ коего была знаменитая конституція 1812 г., представляющая собою другую сторону французскаго вліянія въ эту эпоху.

Собирая вмѣстѣ однородныя черты изъ внутренней исторіи только-что указанныхъ и нѣкоторыхъ другихъ странъ, невольно сравниваешь ихъ съ тѣмъ, что представляетъ изъ себя система просвѣщеннаго абсолютизма XVIII в. въ ея отношеніяхъ къ церковнымъ, сословнымъ, административнымъ, финансовымъ, судебнымъ и т. п. порядкамъ. Между прочимъ, и въ разсматриваемую эпоху сказалось нерасположеніе государственной власти къ старымъ земскимъ чинамъ съ ихъ провинціальнымъ партикуляризмомъ и сословнымъ консерватизмомъ. Просвѣщенный абсолютизмъ былъ противъ общественной

самодѣятельности, но въ сущности и новый режимъ, установившійся въ Баваріи, Вюртембергѣ, Баденѣ, Вестфаліи, Неаполѣ и др. государствахъ, находившихся подъ вліяніемъ Франціи, будучи скопированъ съ французскаго, не допускалъ общественной самодѣятельности. Тѣмъ не менѣе, подобно тому, какъ наполеоновская Франція имѣла конституцію съ подобіемъ національнаго представительства, послѣднее вводилось,—хотя бы и на бумагѣ только,—и въ указанныхъ государствахъ, причемъ многія характерныя преобразованія, о коихъ сейчасъ шла рѣчь, основывались именно на этихъ новыхъ конституціяхъ. Такимъ образомъ наполеоновская Франція унаслѣдовала отъ Франціи революціонной даже политику распространенія представительныхъ учрежденій, чего не слѣдуетъ упускать изъ виду, разсматривая исторію конституціонныхъ движеній XIX в.

Когда революціонная Франція основывала новыя республики [1]), она давала имъ конституціи, составленныя по образцу французской конституціи III года [2]). Въ прокламаціи, изданной Наполеономъ во время основанія Цизальпинской республики, прямо было заявлено, что „директорія Французской республики даруетъ цизальпинскому народу свою собственную конституцію, плодъ просвѣщенія самой образованной націи въ Европѣ“. И цизальпинской конституціи была предпослана декларація правъ и обязанностей; и въ ней провозглашался принципъ народовластія; и она установляла двухстепенные выборы; наконецъ, и тутъ законодательная власть была вручена двумъ совѣтамъ (старѣйшихъ и большому), а исполнительная—директоріи изъ пяти членовъ. Когда Наполеонъ, будучи первымъ консуломъ возстановилъ въ Ломбардіи, отвоеванной-было врагами Франціи, республику подъ именемъ Италійской [3]), послѣдняя получила новую конституцію, которая на этотъ разъ была согласована съ французскою VIII года, причемъ должности перваго консула соотвѣтствовала должность президента, избиравшагося на десять же лѣтъ. Равнымъ образомъ съ конституціи III года были списаны конституціи, какія получили и другія республики, „дочери“ республики французской. Любопытно, что въ Римѣ для обозначенія конституціонныхъ властей были взяты классическія названія: комиціи—для первичныхъ собраній, трибунатъ—для большого совѣта (соотвѣтствовавшаго французскому совѣту пятисотъ), сенатъ—для совѣта старѣйшинъ, а директоры были замѣнены консулами, — названія, съ коими мы встрѣчаемся потомъ въ

[1]) Т. III, стр. 638—640 и выше стр. 23 и слѣд.

[2]) Тексты ихъ можно найти въ извѣстной Collection des constitutions par Dufau, Duvergier et Guadet, т. II, а также у Pollitz'a (Europäische Verfassungen).

[3]) См. выше, стр. 139.

наполеоновской конституціи. Обращеніе самой Франціи въ имперію имѣло своимъ результатомъ замѣну уцѣлѣвшихъ въ эту эпоху новыхъ республикъ монархіями, къ коимъ прибавились впослѣдствіи и другія завоеванныя Франціей королевства братьевъ Наполеона. Эти наполеоновскія созданія были равнымъ образомъ копіями съ императорской Франціи: тѣ представительныя учрежденія, которыя существовали въ послѣдней въ силу императорской конституціи, повторялись съ бо́льшими или меньшими измѣненіями и въ другихъ монархіяхъ, созданныхъ Наполеономъ. Ранѣе всего это было сдѣлано по отношенію къ республикѣ Италійской, превращенной въ королевство Италійское и получившей государственное устройство, аналогичное французскому. Въ слѣдующемъ году получила новую конституцію Голландія, превращенная въ королевство, а также введено было аналогичное устройство и въ Неаполѣ, отданномъ Іосифу Бонапарту, хотя въ неаполитанской конституціи были допущены уже значительныя отступленія отъ французскаго образца. Въ 1807 г. Наполеонъ создалъ королевство Вестфальское, равнымъ образомъ получившее представительство. Введеніемъ конституціи сопровождалось также воцареніе Іосифа и въ Испаніи въ 1808 году. Нечего говорить, что всѣ эти конституціи не были результатомъ какого-либо общественнаго движенія и не составляли дѣйствительныхъ гарантій политической свободы: конституціи эти давались народамъ побѣдоноснымъ полководцемъ, распоряжавшимся по своему усмотрѣнію судьбами націй и троновъ, да и реальное значеніе ихъ не могло быть бо́льшимъ, чѣмъ во Франціи, гдѣ императорская конституція была лишь своего рода политическою декораціею абсолютизма исполнительной власти. Тѣмъ не менѣе принципъ общественнаго участія въ дѣлахъ управленія признавался въ теоріи этими конституціями, и имперія Наполеона такимъ образомъ содѣйствовала распространенію на материкѣ представительныхъ учрежденій: королевства братьевъ Наполеона были въ этомъ отношеніи наслѣдниками республикъ, основывавшихся французской революціей, какъ и императорская конституція была преемницей другихъ конституцій, вводившихся во Франціи послѣ 1789 года. Во всякомъ случаѣ абсолютизмъ въ той формѣ, какую онъ имѣлъ при старомъ порядкѣ, теперь устранялся, и подобіе общественнаго участія въ дѣлахъ правленія вводилось не въ видѣ средневѣкового сословнаго представительства, а въ видѣ болѣе близкомъ къ представительству національному. Политическіе перевороты этой эпохи сопровождались вообще паденіемъ и старой формы представительства сословнаго въ тѣхъ частяхъ Германіи, гдѣ еще доживали свой вѣкъ земскіе чины [1]). Эти послѣд-

[1]) Т. III, стр. 33.

віе были именно уничтожены въ Баваріи и Вюртембергѣ. Хотя въ первомъ изъ этихъ королевствъ введено было новое государственное устройство, коимъ обѣщалось созваніе государственнаго и областныхъ сеймовъ, но обѣщаніе это не было исполнено. Впрочемъ, если осударственный сеймъ и былъ введенъ въ королевствѣ Вестфальскомъ, то, какъ и вездѣ, онъ былъ лишь подобіемъ народнаго представительства, такъ какъ по существу во всемъ дѣйствовалъ королевскій произволъ, опиравшійся на бюрократическую систему управленія. Прибавимъ еще, что, учреждая герцогство Варшавское [1]), Наполеонъ и въ немъ ввелъ конституцію, коею возстановлялся польскій сеймъ.

Представительныя учрежденія возрождались къ новой жизни въ эту эпоху и въ другихъ государствахъ. Низверженіе Густава IV и воцареніе Карла XIII въ Швеціи [2]) сопровождалось введеніемъ новой конституціи (1809), по которой представительство попрежнему оставалось (до 1866 г.) сословнымъ [3]), раздѣленнымъ на четыре палаты (дворянство, духовенство, горожане и крестьяне), но измѣнялось за то взаимное отношеніе между государственными властями къ бо́льшей выгодѣ для представительства, стѣсненнаго актами 1772 и 1789 гг. [4]). Въ томъ же году Александръ I ввелъ сословное представительство въ Финляндіи по образцу шведскаго. Но совсѣмъ уже новая конституція въ эту эпоху была выработана въ Норвегіи. Эта страна по кильскому договору (14 янв. 1814 г.) должна была быть присоединена отъ Даніи къ Швеціи, но она вошла съ Швеціей въ сдѣлку, сохранивъ за собою значеніе отдѣльнаго королевства подъ властью одного короля съ Швеціей. Когда датскій король вынужденъ былъ уступить Норвегію шведскому королю, норвежское населеніе отказалось подчиниться этой уступкѣ, ссылаясь на то, что народъ „не стадо“, коимъ можно распоряжаться по произволу, и вотъ въ Эйдгвольдѣ было созвано учредительное собраніе, въ коемъ нашлись люди, проникнутые французскими демократическими идеями: они-то и составили новый государственный уставъ Норвегіи. Норвежская конституція демократическая, напоминающая французскую конституцію 1791 года, такъ какъ въ принципѣ она приняла одну палату и предоставила королю лишь задерживающее veto [5]).

Особаго разсмотрѣнія заслуживаетъ испанская конституція 1812 г. Ея происхожденіе напоминаетъ происхожденіе норвежской. И эта знаменитая конституція возникла также на почвѣ національнаго про-

---

[1]) См. выше, стр. 147.

[2]) См. выше, стр. 149.

[3]) Т. III, стр. 35.

[4]) Т. III, стр. 36.

[5]) Т. III, стр. 529. Текстъ см. у Jäher'a и Moldenhauer'a. Auswahl wichtiger Aktenstücke zur gesch. des XIX Jahrhunderts. 1893.

теста противъ распоряженія народомъ, какъ стадомъ, и она была составлена въ духѣ тѣхъ же демократическихъ идей. Наполеонъ, посадившій своего брата на престолъ Испаніи, впервые въ этой странѣ встрѣтилъ противъ себя сильное народное движеніе, выразившееся въ партизанской войнѣ, какую вели противъ французской арміи гверильясы [1]), и въ образованіи мѣстныхъ союзовъ, или хунтъ, которыя объединили свои дѣйствія въ образованіи общей центральной хунты (1808). Сначала въ этомъ движеніи господствовало реакціонное теченіе, стремившееся къ возстановленію стараго абсолютизма, но мало-по-малу верхъ взяла либеральная партія, которая и стала во главѣ національной войны противъ французскаго ига. Эта партія не только съумѣла оказать противодѣйствіе реакціоннымъ элементамъ хунты, но и вынудила временное національное правительство (регентство) созвать въ Кадиксѣ [2]) кортесы (24 сент. 1810 г.), которые и составили знаменитую конституцію 1812 г. Выборы въ кортесы были произведены всеобщей подачей голосовъ во всѣхъ тѣхъ частяхъ Испаніи, которыя не были заняты французами, а изъ другихъ частей, гдѣ населеніе не могло выбрать депутатовъ, были назначены правительствомъ тамошніе уроженцы, переѣхавшіе жить въ Кадиксъ. Въ первомъ же засѣданіи кортесовъ, образовавшихъ изъ себя одну палату, регентство сложило съ себя власть, и вожди собранія добились того, что кортесы провозгласили себя средоточіемъ верховной власти націи, поручивъ, однако, исполнительную власть прежнему регентству. Испанскіе патріоты, боровшіеся противъ французовъ, были тѣмъ не менѣе одушевлены идеями французской революціи, и конституція 1791 г. съ нѣкоторыми принципами средневѣкового аррагонскаго устройства послужила образцомъ для составленія конституціи 1812 г. Это созданіе кортесовъ получило впослѣдствіи важное историческое значеніе, сдѣлавшись въ эпоху реставраціи лозунгомъ либеральныхъ партій и въ другихъ романскихъ странахъ [3]). Въоснову новаго государственнаго устройства Испаніи кортесы положили именно принципъ народовластія, объявивъ, что лишь самому народу принадлежитъ учредительная власть. Начало раздѣленія властей было строго проведено и въ испанской конституціи 1812 г.: законодательная власть вручалась кортесамъ вмѣстѣ съ королемъ, который пользовался правомъ иниціативы и долженъ былъ предписывать исполненіе законовъ, но былъ лишенъ абсолютнаго veto, а примѣненіе законовъ въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ предоставлялось

---

[1]) Подобно тому какъ и норвежцы стали-было силою сопротивляться шведамъ.

[2]) Собственно въ небольшомъ портовомъ мѣстечкѣ на островѣ Леонѣ.

[3]) См. у Дюфо, т. V., а также у Jäger'a и Maldenhauer'a (см. выше, стр. 166, прим. 5).

судамъ. Народъ получалъ право посылать въ кортесы, составлявшіе одну палату, по одному депутату на каждыя 70 т. жителей, но выборы не были прямыми, такъ какъ организованы были приходскія, окружныя и провинціальныя избирательныя хунты съ довольно сложной системой избранія. Депутаты избирались на два года безъ права быть переизбранными въ теченіе слѣдующаго двухлѣтія. Представителями націи не могли быть министры, члены государственнаго совѣта и придворные чины, хотя министрамъ и разрѣшалось присутствовать въ кортесахъ во время преній (но не при голосованіяхъ) и давать свои объясненія. Кортесамъ конституція предоставляла самыя большія права и въ законодательствѣ, и въ финансовомъ управленіи, равно какъ широкій контроль надъ министрами и вмѣстѣ съ тѣмъ участіе въ ратификаціи договоровъ съ иностранными государствами. Далѣе, учреждалась особая „постоянная депутація“ кортесовъ, состоявшая изъ семи членовъ: на нее была возложена обязанность блюсти неприкосновенность конституціи и законовъ, доводя до свѣдѣнія кортесовъ обо всѣхъ правонарушеніяхъ, а также обязанность созывать кортесы въ чрезвычайныя сессіи во всѣхъ особенно важныхъ случаяхъ государственной жизни. Королевская власть, получившая значеніе лишь исполнительнаго органа, и тутъ была обставлена разнаго рода ограниченіями. Напр., король не могъ распускать кортесы или отсрочивать ихъ засѣданія, а кто посовѣтовалъ бы королю это сдѣлать или помогъ бы ему въ этомъ, тотъ долженъ былъ подвергнуться преслѣдованію въ качествѣ государственнаго измѣнника. Король, вступившій въ бракъ безъ согласія кортесовъ, считался отказавшимся отъ престола. Кортесы могли, вмѣстѣ съ тѣмъ исключать изъ права престолонаслѣдія членовъ королевской фамиліи, неспособныхъ къ управленію или запятнавшихъ себя какими-либо поступками, за совершеніе коихъ они заслуживали бы потерять право на корону. Воспитаніе наслѣдника престола было отдано равнымъ образомъ подъ контроль кортесовъ. Король, наконецъ, долженъ былъ вообще дѣйствовать не иначе, какъ черезъ отвѣтственное передъ кортесами министерство, и помимо этого, конституція учреждала при королѣ еще государственный совѣтъ, въ составъ коего входило сорокъ членовъ, назначаемыхъ самимъ королемъ не иначе, однако, какъ изъ тройного числа кандидатовъ, указанныхъ кортесами, послѣ чего лишить ихъ должности могъ только приговоръ верховнаго суда. По всѣмъ важнымъ дѣламъ, особенно же по вопросамъ законодательства и внѣшней политики, т.-е. когда, напр., предстояло дать санкцію закону или объявить войну, или же заключить договоръ съ иностранною державою король обязанъ былъ выслушивать мнѣніе государственнаго совѣта; этому же совѣту принадлежало право представлять тройное число кандидатовъ, изъ коихъ король долженъ былъ выбирать при всѣхъ

назначеніяхъ на духовныя и свѣтскія должности. Однимъ изъ видныхъ пунктовъ этой либеральной конституціи было, впрочемъ, объявленіе единой истинной католической вѣры національною религіей съ прямымъ воспрещеніемъ всѣхъ другихъ культовъ. Замѣтимъ еще, что этой конституціи должны были подчиняться и испанскія колоніи. Американскія владѣнія Испаніи не захотѣли признавать правительства Іосифа и образовали мѣстныя хунты во имя короля Фердинанда VII, но подъ этимъ движеніемъ скрывались уже сепаратистическія стремленія: эти колоніи давно тяготились испанскимъ управленіемъ, и даже уступки, сдѣланныя въ ихъ пользу кортесами 1812 г., ихъ мало удовлетворяли; когда же въ 1814 г., какъ мы увидимъ, въ Испаніи произошла реставрація абсолютизма, колоніи уже прямо поставили себѣ задачу отдѣлиться отъ метрополіи для образованія отдѣльныхъ самостоятельныхъ республикъ.

Переходимъ къ перемѣнамъ соціальнаго характера.

Весьма важное значеніе въ дѣлѣ уничтоженія стараго соціальнаго строя съ его сословными привилегіями личнаго и вещнаго характера имѣло распространеніе внѣ Франціи наполеонова кодекса. Наполеонъ самъ придавалъ весьма большое значеніе распространенію своего гражданскаго кодекса, бывшаго выраженіемъ индивидуализма [1]) новаго времени съ его сильными и слабыми сторонами. Понятное дѣло, что code Napoléon дѣйствовалъ на всемъ протяженіи обширной имперіи до самыхъ отдаленныхъ ея предѣловъ (въ родѣ Иллиріи), но кромѣ того онъ былъ принятъ въ итальянскихъ владѣніяхъ самого Наполеона и его родни, въ нѣкоторыхъ государствахъ Рейнскаго союза, каковы Баденъ, Вестфалія, равно какъ въ герцогствѣ Варшавскомъ [2]) и т. п. Освящавшій во Франціи гражданское равенство, новый кодексъ вводилъ это равенство тамъ, гдѣ феодализмъ и крѣпостничество создавали юридическое неравенство и даже прямую зависимость человѣка отъ человѣка. Крѣпостное состояніе, въ какомъ находилась во многихъ государствахъ масса сельскаго населенія, была несовмѣстима съ новымъ общественнымъ строемъ и его выраженіемъ— гражданскимъ кодексомъ, и французское владычество вездѣ соединялось съ освобожденіемъ личности крестьянина отъ рабской зависимости (хотя этимъ еще не создавалась экономическая обезпеченность освобожденныхъ крѣпостныхъ). Въ XVIII в. для сельскаго населенія Германіи сдѣлано было слишкомъ мало законодательствомъ отдѣльныхъ государей, чтобы можно было говорить о какихъ-либо серьезныхъ перемѣнахъ или улуч-

[1]) Ср. т. III, стр. 525—526, гдѣ идетъ рѣчь о томъ, какъ учредительное собраніе проводило принципъ личности въ область гражданскаго права.

[2]) Кодексъ Наполеона и до сихъ поръ дѣйствуетъ въ губерніяхъ Царства Польскаго.

шеніяхъ въ крестьянскомъ быту передъ тѣмъ политическимъ переворотомъ, который былъ результатомъ окончательнаго распаденія Священной Римской имперіи [1]). Исключая то, что сдѣлано было въ Пруссіи и Австріи при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I и Фридрихѣ II, при Маріи-Терезіи и Іосифѣ II [2]), можно указать еще развѣ на такіе факты, какъ отмѣна (но далеко не полная) крѣпостничества въ Баденѣ при Карлѣ-Фридрихѣ (1783), въ Изенбургѣ при Вольфгангѣ Эрнстѣ (1795), въ Гогенцоллернъ-Гехингенѣ при вступленіи на престолъ Германа-Фридриха (1798) или улучшеніе быта крестьянъ въ Баваріи при вступленіи на престолъ Максимиліана I (1799). Въ Изенбургѣ уничтоженіе крѣпостного состоянія было вынуждено необходимостью, ибо подъ вліяніемъ французской революціи въ этомъ княжествѣ въ 1794 г. происходили крестьянскіе бунты противъ барщины. Настоящимъ образомъ уничтоженіе крѣпостничества началось въ Германіи, однако, только въ эпоху французскаго господства. Во-первыхъ, оно совершилось, разумѣется, въ тѣхъ нѣмецкихъ земляхъ, которыя по люневильскому миру были присоединены къ Франціи. Во-вторыхъ, послѣ этого было бы въ высшей степени трудно поддерживать крѣпостничество въ сосѣднихъ государствахъ Рейнскаго союза, тѣмъ болѣе, что союзнымъ актомъ (12 іюля 1806) объявлялись уничтоженными всѣ нѣмецкіе имперскіе законы, касавшіеся союзниковъ и ихъ подданныхъ, и что въ новыхъ королевствахъ, великихъ герцогствахъ и т. п. стали вводиться французскіе порядки и между прочимъ мѣстами былъ принятъ наполеоновъ кодексъ. Отъ членовъ Рейнскаго союза французскій протекторатъ требовалъ величайшаго напряженія экономическихъ силъ, и между самими правителями всѣхъ этихъ королевствъ и княжествъ утвердился взглядъ, по которому поднять матеріальную производительность населенія могло лишь освобожденіе личности крестьянина, его труда и земли отъ рабской зависимости. Любопытно, что тѣ члены Рейнскаго союза, по отношенію къ которымъ Наполеонъ былъ не такъ требователенъ, какъ къ другимъ, и не дѣлали ничего существеннаго для улучшенія быта крестьянъ въ своихъ владѣніяхъ. Въ такомъ положеніи находились именно Вюртенбергъ, гдѣ начало крестьянской реформы относится только къ слѣдующему періоду (1817), и Саксонія, въ коей паденіе крѣпостничества совершилось еще позднѣе (1832).

Когда Наполеонъ создалъ для своего брата Іеронима Вестфальское королевство [3]), то въ конституцію (15 ноября 1807 г.), коею оно должно было управляться, включилъ статью, безвозмездно уни-

---

[1]) См. т. III, стр. 110—111.

[2]) См. т. III, стр. 385 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 147.

чтожавшую въ новомъ королевствѣ крѣпостное состояніе. Въ началѣ слѣдующаго года (23 янв. 1808 г.) Іеронимъ издалъ декретъ, которымъ объяснялось, что безвозмездная отмѣна распространяется лишь на рабскую зависимость личности съ произвольными барщинами и оброками, но что всѣ повинности, имѣющія значеніе платы за уступленные крестьянамъ участки земли, должны подлежать выкупу,— распоряженіе, напоминающее намъ законодательство французской революціи въ 1789—91 годахъ [1]). Этотъ законъ былъ дополненъ другими, коими опредѣлялось примѣненіе общаго принципа къ разнымъ категоріямъ крестьянскихъ повинностей. Упоминая объ этомъ, нельзя не отмѣтить, что Іеронимъ считалъ нужнымъ разрѣшать нѣкоторые вопросы своего законодательства по отношенію къ сельскому быту въ интересахъ землевладѣльцевъ, которыхъ, очевидно, онъ не хотѣлъ противъ себя вооружать. Когда Вестфальское королевство пало, въ немъ фактически продолжали еще существовать прежнія отношенія, благодаря поспѣшности, съ коею была введена реформа, и несогласованности между собою отдѣльныхъ ея частей и вслѣдствіе того еще, что крестьяне не хотѣли выкупать своихъ земель, стремясь всѣ повинности свои включить въ категорію отмѣненныхъ безвозмездно, что́ породило множество судебныхъ процессовъ. Тѣ же явленія, впрочемъ, наблюдаются и въ другихъ государствахъ Рейнскаго союза, гдѣ—на тѣхъ же притомъ принципахъ, какъ и въ Вестфаліи,—были изданы законы, отмѣнявшіе крѣпостную зависимость крестьянъ. Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ по отношенію къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ территоріямъ иниціатива принадлежала непосредственно самому Наполеону. Именно въ 1808 г. онъ подписалъ въ Мадридѣ декретъ, уничтожавшій крѣпостное состояніе въ великомъ герцогствѣ Бергскомъ [2]) и въ нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ землицахъ, каковы Эрфуртъ, Байрейтъ и др. (Точно такъ же Наполеономъ отмѣнено было крѣпостничество и въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ, когда оно получало свое внутреннее устройство въ 1807 г.). Съ другой стороны, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что безъ разгрома Пруссіи, указавшаго на непригодность старыхъ порядковъ, которые господствовали въ гогенцоллернской монархіи, не подвинулось бы дѣло крестьянской реформы и въ тѣхъ частяхъ этой монархіи, какія сохранились подъ властью Фридриха-Вильгельма III. Въ освобожденіи крестьянъ, предпринятомъ здѣсь въ 1807 г., о чемъ подробнѣе мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, видѣли именно средство поднять монархію изъ ея упадка и возмѣстить внѣшнія по-

---

[1]) Т. III, стр. 491, 544 и слѣд. Подробнѣе о крестьянскихъ реформахъ будетъ сказано въ общемъ ихъ обзорѣ (въ IV отдѣлѣ настоящаго тома).

[2]) Ср. выше, стр. 143.

тери внутреннимъ усиленіемъ, ожидавшимся отъ улучшенія крестьянскаго быта. Прежде всего это сдѣлано было въ Силезіи, относительно коей у правительства было серьезное опасеніе, какъ бы освобожденіе не поспѣшили провозгласить французы, чтобы привлечь сельское населеніе на свою сторону; но послѣ такого шага прусскому правительству было бы уже прямо невозможно не распространить ту же мѣру и на другія провинціи. Дѣйствительно, эдиктомъ 9 ноября 1807 г. Фридрихъ-Вильгельмъ III положилъ начало ликвидаціи крѣпостническихъ отношеній въ своемъ государствѣ, и это произошло даже раньше, чѣмъ во многихъ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, какъ, напр., въ Баваріи и Нассау (1808), въ Вестфаліи (1808 и 1809), въ Липпе-Детмольдѣ (1809), въ Шауенбургъ-Липпе и въ шведской Помераніи и. т. п. (1810). Прусская крестьянская реформа получила значеніе и вообще для Германіи, послѣ того какъ Пруссіи, ставшей во главѣ національнаго движенія, удалось содѣйствовать освобожденію нѣмецкаго народа отъ французскаго владычества.

Изъ этого краткаго обзора внутренныхъ перемѣнъ, совершившихся въ разныхъ странахъ западной Европы въ эпоху имперіи и подъ непосредственнымъ вліяніемъ наполеоновской Франціи, можно также видѣть, что между многими сторонами просвѣщеннаго абсолютизма, французской революціи и наполеоновскаго режима существуетъ извѣстное внутреннее родство. Эти три историческія явленія, охватывающія собою вторую половину XVIII в. и начало XIX столѣтія, сходятся на общей почвѣ отрицанія старыхъ культурно-соціальныхъ началъ католико-феодальнаго строя во имя принциповъ государства и изолированной личности. Правда, французская революція присоединила еще къ этимъ принципамъ принципъ общественной самодѣятельности, противъ котораго одинаково вооружались и просвѣщенный абсолютизмъ, и на практикѣ наполеоновскій цезаризмъ; но съ этимъ принципомъ сама уже революція потерпѣла пораженіе, чѣмъ, между прочимъ, и объясняется временное забвеніе его въ наполеоновскую эпоху. Между тѣмъ всѣ эти перевороты, коимъ подвергалась западная Европа въ теченіе четверти вѣка отъ начала революціи до паденія имперіи Наполеона I, не могли пройти безслѣдно для національнаго и общественнаго самосознанія, которое, конечно, должно было пробуждаться какъ вслѣдствіе французскаго деспотизма, тяготѣвшаго надъ цѣлыми народами, такъ и вслѣдствіе внутреннихъ перемѣнъ, происшедшихъ въ отдѣльныхъ странахъ и не могшихъ не имѣть просвѣтительнаго и освободительнаго вліянія. Національныя движенія XIX в. своимъ исходнымъ пунктомъ имѣютъ поэтому французскую революцію и имперію Наполеона I, которыя и положительнымъ, и отрицательнымъ воздѣйствіемъ своимъ на народы вывели ихъ изъ спячки, бывшей результатомъ культур-

ной, соціальной и политической реакціи подъ знаменемъ клерикально-аристократическаго абсолютизма XVI и XVII вѣковъ.

X. Разложеніе стараго порядка и попытка реформъ въ Пруссіи [1]).

Особый интересъ прусской исторіи въ наполеоновскую эпоху. —Результаты просвѣщеннаго абсолютизма Фридриха II.—Внутреннее разложеніе стараго порядка въ Пруссіи.—Культурная реакція при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II.—Его отношеніе къ революціонной Франціи. — Настоятельная необходимость преобразованій въ системѣ управленія.—Соціальныя отношенія Пруссіи въ началѣ XIX в.—Вліяніе французской революціи на Пруссію и прогрессивная партія въ Пруссіи. — Гарденбергъ и Штейнъ.—Условія, среди коихъ пришлось дѣйствовать обоимъ министрамъ-реформаторамъ.—Вопросъ о представительствѣ въ Пруссіи.—Правительственныя преобразованія Штейна и Гарденберга. — Измѣненія, произведенныя ими въ соціальномъ быту.—Реформа прусской арміи.—Общее значеніе прусскихъ реформъ.

Мы выдѣляемъ изъ общаго разсмотрѣнія перемѣнъ, происходившихъ во внутренней жизни западно-европейскихъ народовъ въ напо-

---

[1]) Для предыдущей исторіи Пруссіи см. въ Ш т., стр. 30, 37, 39, 42, 300, 308, 309, 310 и др. Литература для этой и слѣд. главъ весьма значительная. Rönne. Das Staatsrecht der preuss. Monarchie. 1871.—Schulze. Das preussische Staatsrecht. 1872.—Cavaignac. La formation de la Prusse contemporaine. 1891.—Menzel. Zwanzig Jahre preussischer Geschichte. 1849.—Philippson. Gesch. des preuss. Staatswesens vom Tode Friedrichs des Grossen. 1880—82.—Его же Gesch. des preuss. Beamtenthums vom Anfang des XVI Jahrhunderts bis auf die Gegenwart. 1884.—Cassel. Friedrich Wilhelm II. 1886. — H. Hüffer. Die Kabinets-Regierung in Preussen und J. W. Lombard. 1891.—M. Duncker. Aus der Zeit Friedrichs des Gr. und Friedrich Wilhelms III. 1876. — F. Noack. Hardenberg und das geheime Cabinet Fr. Wilh. III. 1881.—Pertz. Das Leben des Ministers von Stein. 1849—55.—Lehmann. Stein, Scharnhorst und Schön. 1877.—Его же Scharnhorst. 1886.—Seeley. Life and times of Stein (есть и нѣм. переводъ. 1883—87). — L. von Ranke. Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers von Hardenberg. — Hardenberg und die Gesch. des preuss. Staates von 1793 u. 1813.—Bodelschwingh. Leben Vincke's.—Haym. Wilhelm von Humboldt.—Klippel. Das Leben von Scharnhorst. 1869. Соч. о Tugenbund'ѣ у Voigt'a (1850), Balrsch'a (1852), Lehmann'a (1867).—E. Meier. Die Reform der Verwaltungsorganisation unter Stein und Hardenberg. 1881.—A. Stern. Abhandlungen und Aktenstücke zur Gesch. der preuss. Reformzeit (1807 — 1815). 1885. — Kapp. Die Bauernbefreiung in den älteren Theilen Preussens. 1887.—Mamroth. Gesch. der preuss. Staatsbesteuerung (1806 — 1816). 1890. — Dieterici. Zur Geschichte der Steuerreform in Preussen. (1810—1820). 1875.—Die Reorganisation der preussischen Armee nach dem Tilsiter Frieden. 1862 (Изд. истор. отдѣленія прусс. генер. штаба). — Köpke. Die Gründung der Universität zu Berlin. 1860. — На русскомъ языкѣ см. А. Назимовъ. Реакція въ Пруссіи. 1886 (Сочиненіе посвящено эпохѣ 1848 — 1858 гг., но

леоновскую эпоху, тѣ преобразованія, которыя были произведены въ Пруссіи послѣ разгрома этой монархіи въ 1807 г. На это имѣются особыя основанія, касающіяся, вопервыхъ, важной исторической роли Пруссіи, а во-вторыхъ, самаго характера реформъ, предпринятыхъ и отчасти выполненныхъ въ этомъ государствѣ, причемъ, наконецъ, большой интересъ представляетъ и личность министра-реформатора, барона Штейна. Недаромъ эпоха, о которой будетъ идти рѣчь въ настоящей главѣ, привлекла къ себѣ вниманіе историковъ и послужила предметомъ довольно значительной литературы.

Въ XVIII в. произошло возвышеніе Пруссіи, а къ концу этого столѣтія стала намѣчаться и ея будущая роль объединительницы раздробленной Германіи [1]). Въ эпоху наибольшаго униженія Германіи Наполеономъ, на Пруссію, въ которой были предприняты внутреннія реформы, нѣмецкіе патріоты стали возлагать всѣ свои надежды, и монархія Гогенцоллерновъ, дѣйствительно, стала играть первую роль во время „войны за освобожденіе“ Германіи отъ французскаго ига въ 1813 году: безъ внутреннихъ преобразованій она не могла бы подняться изъ своего паденія, не могла бы сдѣлаться центромъ національной жизни всей Германіи въ моментъ рѣшительной борьбы съ Наполеономъ. Въ исторіи прусскихъ реформъ есть и другая сторона. Просвѣщенный абсолютизмъ короля-философа, Фридриха II, прошелъ почти совершенно безслѣдно для политическаго и соціальнаго быта Пруссіи [2]). Въ концѣ этого царствованія Мирабо указывалъ на необходимость реформъ въ Пруссіи, говоря, что въ монархіи Фридриха II все держится на личности самого короля: умретъ онъ, и первый серьезный толчекъ повлечетъ за собою разрушеніе сооруженнаго имъ зданія [3]). Въ началѣ XIX в. старый порядокъ въ Пруссіи находился, дѣйствительно, въ полномъ разложеніи, и это сказалось на катастрофѣ, постигшей государство Гогенцоллерновъ: отъ Наполеона зависѣло даже совершенно ее уничтожить, какъ это онъ сдѣлалъ съ другими нѣмецкими государствами. Прусское правительство сознало теперь необ-

---

въ немъ есть и отдѣлъ объ эпохѣ реформъ при Штейнѣ и Гарденбергѣ). — Н. Молчановскій. Цеховая система въ Пруссіи XVIII в. и реформа цеховъ при Штейнѣ и Гарденбергѣ.—Самаринъ. Уничтоженіе крѣпостного права въ Пруссіи.—Р. Виппперъ. Государственныя идеи Штейна (Рус. Мысль 1891, авг.). Конечно, этой эпохѣ посвящены большіе отдѣлы и въ общихъ сочиненіяхъ Гейсерза и Трейчке (выше, стр. 13) Онкена и Флате (выше, стр. 11) и въ исторіяхъ Пруссіи. См. также соч. K. Goette, названное ниже въ примѣчаніи къ главѣ XI.

[1]) Ист. зап. Евр. въ нов. вр., т. III, стр. 302—303 (союзъ князей) и 336 (совѣтъ Мирабо нѣмцамъ).

[2]) Т. III, стр. 333 и др.

[3]) Т. III, стр. 336.

ходимость внутреннихъ преобразованій, и судьба послала монархіи замѣчательнаго государственнаго дѣятеля въ лицѣ барона Штейна, который взялъ на себя это трудное дѣло. Въ то самое, однако, время, когда въ другихъ странахъ внутреннія перемѣны совершались подъ французскимъ вліяніемъ, по иниціативѣ и по указаніямъ французскаго правительства или во французскомъ духѣ, прусскія реформы и происхожденіемъ своимъ, и характеромъ указывали на иной источникъ, на иную государственную идею, нежели та, которая возобладала во Франціи. Главный реформаторъ, баронъ Штейнъ, былъ ярымъ противникомъ воззрѣній и учрежденій французской революціи и наполеоновской имперіи: по его мысли реформы, нужныя для Пруссіи, не должны были походить на французскіе порядки, и въ этомъ заключается оригинальность предпринятыхъ имъ преобразованій. Тѣмъ не менѣе, и въ этихъ реформахъ проявилось освободительное вѣяніе эпохи, и Пруссія лишь инымъ образомъ, нежели Франція, приступила къ ликвидаціи стараго порядка, воплощавшагося въ сословномъ строѣ общества и въ формахъ полицейскаго государства [1]). Вотъ это-то все, вмѣстѣ взятое, и дѣлаетъ въ высшей степени любопытною внутреннюю исторію Пруссіи въ наполеоновскую эпоху.

Просвѣщенный абсолютизмъ Фридриха II имѣлъ значеніе, главнымъ образомъ, въ культурной жизни Пруссіи, подготовивъ общество къ воспринятію просвѣтительныхъ идей вѣка; но въ сферѣ политической и соціальной король-философъ, наслѣдникъ гогенцоллернскихъ традицій, вдобавокъ благоволившій юнкерству, оставилъ неприкосновенными тѣ порядки, которые ему самому оставлены были въ наслѣдство его предшественниками. Привилегированное и господствующее положеніе дворянства, приниженное и придавленное положеніе городского сословія, крѣпостное состояніе, въ какомъ находилось крестьянство,—все это были характерныя черты стараго порядка: Пруссія въ этомъ отношеніи отнюдь не представляла исключенія изъ общаго правила, господствовавшаго на материкѣ Европы. Какою принялъ Фридрихъ II Пруссію отъ своихъ предшественниковъ и какою оставилъ своимъ преемникамъ, такою она и дожила вплоть до іенской катастрофы, тѣмъ болѣе, что тѣ два десятка лѣтъ, которыя отдѣляютъ годъ смерти короля-философа отъ года наполеоновскаго погрома, были въ исторіи Пруссіи временемъ реакціи противъ просвѣщенія XVIII вѣка вообще, слѣдовательно, временемъ, крайне неблагопріятнымъ для какихъ бы то ни было внутреннихъ преобразованій въ прогрессивномъ смыслѣ. Въ XVIII в., въ эпоху полнаго господства старыхъ порядковъ, монархія Гогенцоллерновъ была своего рода образцовымъ

[1]) Т. III, стр. 17 и слѣд.

государствомъ, административныя, финансовыя и военныя учрежденія коего были нерѣдко предметомъ зависти и подражанія для другихъ правительствъ [1]), но сами по себѣ эти правительственные порядки были, конечно, далеки отъ совершенства, а тутъ еще послѣ смерти Фридриха II они не только стали разлагаться (потому, между прочимъ, что власть попала въ неумѣлыя руки), но и перестали соотвѣтствовать новымъ условіямъ жизни и новымъ задачамъ управленія. Вся государственная система Пруссіи сводилась къ господству бюрократіи, руководимой притомъ не правильными учрежденіями, а непосредственнымъ и личнымъ вмѣшательствомъ самого короля даже въ мелочи администраціи, суда, финансовъ и военнаго хозяйства. Въ концѣ своей жизни самъ Фридрихъ II признавался, что ему надоѣло царствовать надъ рабами [2]). Его властный характеръ, его система управленія, дѣйствительно, привели къ тому, что подконецъ онъ окруженъ былъ только слѣпыми исполнителями его воли, лишенными иниціативы и довѣрія къ собственнымъ своимъ силамъ. Фридрихъ II самъ же не терпѣлъ около себя людей, имѣвшихъ собственное мнѣніе и собственную волю и, во всемъ полагаясь исключительно лишь на одного себя, ко всей совокупности правительственныхъ учрежденій Пруссіи, построенныхъ на строгомъ бюрократическомъ началѣ, относился какъ къ бездушному механизму, предназначенному лишь къ тому, чтобы приводить въ исполненіе королевскую волю: конечно, иного отношенія, какъ всеобщее раболѣпство, онъ и не могъ ждать отъ своихъ помощниковъ. Поэтому при господствѣ такой системы вырабатывалась въ государственныхъ людяхъ Пруссіи только способность повиноваться. Но эта способность вообще, однако, весьма скоро и безслѣдно исчезаетъ, разъ исчезаетъ и лицо, владѣющее искусствомъ повелѣвать, умѣющее только требовать отъ своихъ помощниковъ и подчиненныхъ одного пассивнаго исполненія чужой воли и не пріучающее ихъ болѣе активнымъ образомъ участвовать во власти. Фридрихъ II оставилъ въ сущности неприкосновенною и ту военно-хозяйственную систему управленія государствомъ, которую унаслѣдовалъ самъ отъ своего отца [3]),—систему полицейскаго государства съ его канцелярщиной, бюрократической рутиной и бумажнымъ дѣлопроизводствомъ, какъ не тронулъ ни въ одномъ существенномъ отношеніи и соціальнаго строя старой Пруссіи, не сократилъ дворянскихъ привилегій, не облегчилъ положенія крѣпостныхъ крестьянъ [4]). Въ сущности Пруссія уже въ царствованіе этого величайшаго изъ своихъ королей носила въ себѣ всѣ зародыши разло-

[1]) Т. III, стр. 334.
[2]) Т. III, стр. 286.
[3]) Т. III, стр. 318, 321 и др.
[4]) Т. III, стр. 391 и слѣд.

женія и упадка, и все въ ней крѣпко держалось при самомъ Фридрихѣ II, лишь благодаря его замѣчательной личности, а при его преемникахъ—въ силу одной инерціи.

Королю-философу наслѣдовалъ его племянникъ Фридрихъ-Вильгельмъ II, вступившій на престолъ за три года до начала французской революціи и царствовавшій еще около двухъ лѣтъ послѣ того, какъ Пруссія—первою изъ старыхъ монархій—пошла на сдѣлку съ этой революціей, отставъ отъ коалиціи, дабы заключить съ Франціей сепаратный миръ въ своихъ собственныхъ выгодахъ [1]). Этотъ король былъ во многихъ отношеніяхъ совершенною противоположностью своего дяди, соединяя въ себѣ—вмѣстѣ съ чувственностью, съ низкими страстями и съ распущенностью (особенно въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ)—суевѣрную религіозность, переходившую въ ханжество, и преклоненіе передъ ходячею моралью, охраненіе коей даже какъ бы входило въ число правительственныхъ заботъ Фридриха Вильгельма II. При этомъ онъ, опять-таки не по примѣру философа-дяди, при всякомъ удобномъ случаѣ заявлялъ полное свое отвращеніе ко всему, что имѣло французское происхожденіе или носило французскій характеръ. Образованіе, полученное имъ, было болѣе, чѣмъ поверхностнымъ; а наконецъ при своемъ предшественникѣ онъ, разумѣется, не могъ и на практикѣ научиться трудному искусству управленія. Вступивъ на престолъ, онъ болѣе всего сталъ заботиться объ охраненіи своей самостоятельности отъ постороннихъ вліяній: этою-то самою слабостью короля именно и воспользовались разные проходимцы, чтобы, постоянно льстя и всячески потакая недальновидному монарху, незамѣтнымъ для него самого образомъ забрать въ собственныя руки веденіе дѣлъ. Фридриха-Вильгельма II окружали, главнымъ образомъ, интриганы, обскуранты, вообще люди, такъ или иначе подходившіе къ суевѣрному настроенію, ханжеству и реакціоннымъ его стремленіямъ. Одинъ изъ его совѣтниковъ, Вельнеръ, самъ бывшій ренегатомъ раціонализма, былъ личнымъ врагомъ Фридриха II и принципіальнымъ противникомъ его системы, что очень нравилось королю; другой, Бишофсвердеръ, настоящій суевѣръ и ретроградъ по природѣ, тоже какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ всему психическому складу Фридриха Вильгельма II. Если на чемъ-либо особенно сильно сказалось въ Пруссіи Фридриха II вліяніе просвѣщенія XVIII в., такъ это было какъ-разъ на культурномъ состояніи общества, но именно характеромъ культурной реакціи и отличалось все царствованіе новаго государя. Въ 1788 и 1792 г. племянникъ короля-философа издалъ, напр., эдикты, коими запрещались въ Пруссіи свобода со-

[1]) Базельскій миръ 1795 г. (см. выше, стр. 15).

вѣсти и свобода печати: деисты, философы, богословы, имѣвшіе собственные взгляды, должны были отказаться отъ возможности излагать свои теоріи съ университетскихъ и церковныхъ каѳедръ или въ книгахъ; даже чисто научныя сочиненія подлежали спеціальной цензурѣ оффиціальныхъ представителей той или другой отрасли знанія, такъ что, напр., книга или статья по медицинѣ должна была до выхода своего въ свѣтъ быть одобрена правительственными спеціалистами названной науки; наконецъ, при такомъ режимѣ политическіе вопросы и вовсе исключались изъ публичнаго обсужденія. Фридрихъ Вильгельмъ II смутно сознавалъ недостатки правительственной системы своего дяди, но ни самъ онъ, ни люди, его окружавшіе, не были способны хотя бы только поддерживать эту систему: все, что заключало въ себѣ зародыши возможнаго разложенія послѣдней, приводило въ неумѣлыхъ рукахъ теперь уже къ настоящему разложенію. Король былъ во власти кружка фаворитовъ, интриговавшихъ противъ министровъ, а эти, въ свою очередь, интриговали противъ вліятельныхъ частныхъ совѣтчиковъ короля. Интригою жило и все высшее общество, наружно, однако, считая болѣе удобнымъ для себя приспособляться къ новому реакціонному направленію, сообщавшемуся сверху всей духовной жизни страны. Понятно, что при такихъ условіяхъ общественной жизни недовольныхъ—и притомъ недовольныхъ съ очень разныхъ точекъ зрѣнія—въ тогдашней Пруссіи было великое множество: всѣ оппозиціонно настроенные элементы общества протестовали противъ антифранцузскаго направленія, господствовавшаго въ оффиціальныхъ сферахъ, и протестовали дѣйствительнымъ или только мнимымъ расположеніемъ къ Франціи, которую, наоборотъ, король ненавидѣлъ. Самъ Фридрихъ Вильгельмъ II, говорившій, что его ремесло — быть роялистомъ, отнесся, какъ извѣстно, весьма враждебно къ французской революціи и началъ противъ нея войну на защиту стараго порядка [1]). Но онъ далеко былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы выдержать эту свою роль до конца, особенно выдержать роль безкорыстнаго защитника монархическаго принципа и вѣрнаго союзника государствъ, составившихъ коалицію для подавленія революціи: въ 1795 г. онъ пошелъ на мировую съ французской республикой,—уже намѣтившей тогда свою программу революціонной пропаганды,—показавъ тѣмъ самымъ примѣръ и для другихъ государей эпохи. Война, объявленная Фридрихомъ Вильгельмомъ II революціи, стоила Пруссіи большихъ денегъ, и умирая въ 1797 г. онъ, въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, оставилъ своему сыну Фридриху Вильгельму III въ наслѣдство еще совершенно разстроенные финансы. Въ это время общее недовольство подданныхъ прусской монархіи достигло наиболь-

[1]) Т. III, стр. 569.

шей степени, и потому весьма естественно, что на новое царствованіе стали возлагаться большія надежды, какъ на наступленіе времени, когда должны были наконецъ произойти исправленіе всѣхъ недостатковъ прежняго режима и возстановленіе порядка въ правительственномъ механизмѣ, расшатанномъ правленіемъ фаворитовъ.

Ожиданія эти, однако, не сбылись. Сынъ и преемникъ Фридриха Вильгельма II, отличаясь самъ весьма замкнутымъ характеромъ, и потому избѣгая личныхъ сношеній съ министрами, продолжалъ вершить важнѣйшія дѣла въ королевскомъ кабинетѣ, бывшемъ въ сущности только простой инстанціей для докладыванія дѣлъ, и руководясь при этомъ совѣтами людей, нерѣдко весьма плохо знавшихъ эти дѣла и не передъ кѣмъ не отвѣчавшихъ за свои ошибки. Чтобы выйти изъ состоянія полнаго внутренняго разстройства, Пруссіи прежде всего надлежало преобразовать все центральное свое управленіе. Прежній тайный совѣтъ не объединялъ уже, какъ прежде, отдѣльныхъ отраслей администраціи, раздѣлившись на совершенно самостоятельные департаменты (иностранныхъ дѣлъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ). Департаментъ внутреннихъ дѣлъ, будучи образованъ Фридрихомъ Вильгельмомъ I изъ соединенія генеральнаго военнаго коммиссаріата и генеральной дирекціи финансовъ, назывался генеральной директоріей военныхъ дѣлъ, финансовъ и доменовъ [1]) и былъ главнымъ органомъ военно-хозяйственнаго управленія [2]) Гогенцоллерновъ въ XVIII вѣкѣ. Это учрежденіе, сдѣлавшееся могущественнымъ орудіемъ централизаціи, не было, однако, достаточно согласовано съ системою, продолжавшею господствовать въ областномъ управленіи, и вотъ въ началѣ XIX в., вмѣсто того, чтобы идти къ одной и той же цѣли, какъ генеральная директорія, такъ и мѣстные органы центральной власти только тормазили дѣятельность другъ дрруга, тѣмъ болѣе еще, что въ провинціяхъ, не такъ давно бывшихъ самостоятельными княжествами, существовали сильныя партикуляристическія стремленія, находившія опору въ мѣстномъ сословномъ быту. Генеральной директоріи въ отдѣльныхъ провинціяхъ были подчинены лишь военныя и доманіальныя палаты [3]), коимъ принадлежалъ преимущественно надзоръ надъ тѣмъ, какъ велось военное и доманіальное хозяйство; но рядомъ съ этими палатами стояли ландраты, бывшіе одновременно и представителями мѣстнаго дворянства, и должностными лицами на государственной службѣ: ландраты назначались королемъ изъ дворянъ, рекомендованныхъ дворянскими сословными собраніями, вѣдали вмѣстѣ съ особыми дворян-

[1]) Т. III, стр. 313.

[2]) Т. III, стр. 306.

[3]) Въ одной изъ такихъ палатъ и работалъ одно время Фридрихъ II, будучи кронпринцемъ. Т. III, стр. 318.

скими комитетами дѣла этого сословія, предсѣдательствуя на его собраніяхъ, а кромѣ того являлись органами центральной власти въ завѣдованіи полиціей, рекрутскими наборами, взиманіемъ налоговъ и т. п. Генеральная директорія въ XVIII в. все болѣе и болѣе отвоевывала почву у независимыхъ отъ нея мѣстныхъ органовъ; но правительственная анархія, установившаяся при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II, была какъ нельзя болѣе на руку представителямъ партикуляристическихъ началъ въ старой системѣ областного управленія, тѣмъ болѣе, что между болѣе мелкими административными единицами и центральнымъ правительствомъ уже не существовало почти никакой связи. Въ самомъ дѣлѣ, въ королевскихъ доменахъ полиція отдавалась на откупъ наравнѣ съ другими доходными статьями; въ рыцарскихъ помѣстьяхъ существовала вотчинная полиція и юстиція съ патронатомъ владѣльца надъ церковью и школой; въ свободныхъ крестьянскихъ общинахъ полиція была въ рукахъ старостъ и шеффеновъ, избиравшихся сельскимъ сходомъ или пользовавшихся своею властью по имущественному цензу, часто даже наслѣдственно. Только „непосредственные“ города, т.-е. такіе, которые не были частями доменовъ или не подчинялись наравнѣ съ бо̀льшей частью крестьянскихъ общинъ патримоніальной власти владѣльцевъ рыцарскихъ помѣстій, находились въ самой полной опекѣ у генеральной директоріи, у военныхъ и доманіальныхъ палатъ и у податныхъ совѣтниковъ, поставленныхъ надъ городскими магистратами; члены этихъ магистратовъ назначались правительствомъ, причемъ упомянутые совѣтники въ дававшейся имъ инструкціи сравнивались прямо съ ротными командирами, обязанными насквозь знать каждаго своего солдата. Однимъ словомъ, Пруссія стараго порядка въ разсмотрѣнномъ отношеніи можетъ быть поставлена совсѣмъ рядомъ съ дореволюціонной Франціей, гдѣ также правительственныя учрежденія, обязанныя своимъ происхожденіемъ централизаторской политикѣ королей, не были вполнѣ согласованы съ тѣмъ, что эти же самые короли оставили нетронутымъ въ провинціальномъ быту съ его партикуляристическими традиціями и учрежденіями [1]). Чисто правительственная реформа стояла поэтому въ Пруссіи начала XIX в. совершенно такъ же на очереди, какъ стояла она на очереди и во Франціи, когда, напр., за это дѣло думалъ-было взяться Тюрго [2]); но подобно тому какъ и во Франціи [3]) той эпохи, такъ и въ Пруссіи начала XIX в. законодательство было безсильно передъ стоявшею передъ нимъ задачею въ виду разстройства самой законо-

---

[1]) Т. III, стр. 48.
[2]) Т. III, стр. 427 и слѣд.
[3]) Т. III, стр. 45—47 и 57.

дательной власти. Послѣдняя для того, чтобы правильно и успѣшно дѣйствовать, нуждается въ соотвѣтственной организаціи; но XVIII вѣкъ вообще и просвѣщенный абсолютизмъ въ частности характеризуются какъ-разъ полнымъ почти отсутствіемъ учрежденій, спеціально приспособленныхъ къ законодательной дѣятельности [1]). При монархахъ XVIII в. существовали, правда, тайные совѣты совѣщательнаго характера въ дѣлахъ правленія и законодательства; но ихъ роль не была упорядочена, притомъ же монархи весьма часто обходились и безъ ихъ содѣйствія, особенно же такіе государи, какъ Фридрихъ II или Іосифъ II [2]). Въ Пруссіи незадолго до смерти Фридриха II (1781) законодательные вопросы даже перестали разсматриваться королевскимъ совѣтомъ, перешедши въ завѣдованіе особой коммиссіи, въ которой эти вопросы могли возникать лишь болѣе или менѣе случайно да и то въ зависимости отъ произвола того или другого администратора: эта коммиссія скорѣе создана была какъ бы для того только, чтобы тормазить всякое начинаніе въ законодательной сферѣ. Карлъ Августъ Струензе, старшій братъ знаменитаго датскаго временщика [3]), занимавшій важныя мѣста на прусской государственной службѣ между 1782 и 1804 гг., самъ бывшій одно время членомъ генеральной директоріи, а потомъ государственнымъ министромъ и начальникомъ акцизнаго и таможеннаго вѣдомствъ, такъ изображаетъ трудность проведенія какихъ-либо реформъ при существовавшемъ тогда порядкѣ вещей. „Желаете ли вы, писалъ онъ, убѣдить того, другого или третьяго въ существующихъ злоупотребленіяхъ, вы увидите скоро, что это зависитъ отъ десяти владѣній (Staaten), двадцати коллегій, пятидесяти мѣстныхъ учрежденій, ста привилегій и необозримаго множества личныхъ соображеній... Съ этимъ, прибавлялъ онъ, никому не справиться развѣ только поможетъ сильный толчекъ извнѣ, или путаница въ веденіи дѣлъ достигнетъ до такого предѣла, когда люди перестанутъ понимать другъ друга и придутъ къ сознанію, что необходимо обратиться къ болѣе простымъ началамъ“. Такимъ образомъ, та форма законодательства, которая существовала въ Пруссіи въ началѣ XIX в., прямо была причиною безсилія самого правительства въ дѣлѣ исправленія хотя бы важнѣйшихъ только недостатковъ унаслѣдованной отъ прежнихъ временъ системы: въ этомъ отношеніи государственная власть въ Пруссіи находилась совершенно въ такомъ же положеніи, въ какомъ была и государственная власть во Франціи передъ революціей, благодаря тому, что законодательныя начинанія всегда тор-

---

[1]) Т. III, стр. 55—57.
[2]) Т. III, стр. 361 и др.
[3]) Т. III, стр. 293—294.

мазились со стороны наслѣдственной магистратуры [1]). Итакъ, Пруссія сильно нуждалась въ коренной правительственной реформѣ: старая система, въ которой не было ни вполнѣ законченной централизаціи, тамъ гдѣ послѣдняя была необходима, ни настоящаго самоуправленія, гдѣ оно продолжало еще дѣйствовать, была въ началѣ XIX вѣка только источникомъ путаницы и безпорядка во всѣхъ административныхъ отношеніяхъ, да и сама законодательная дѣятельность государства окружена была такими условіями, при которыхъ оказывалось невозможнымъ производить хотя бы даже частныя только исправленія въ этой системѣ.

Одновременно съ такимъ разложеніемъ въ Пруссіи стараго правительственнаго порядка, представляющимъ вообще множество аналогій съ разложеніемъ французской системы законодательства и управленія наканунѣ революціи, обнаруживаются въ Пруссіи и другія явленія, также напоминающія намъ внутреннія отношенія во Франціи передъ переворотомъ 1789 г.: это были именно явленія уже соціальнаго свойства. Фридрихъ II, какъ было уже сказано, не измѣнилъ существеннымъ образомъ того общественнаго строя Пруссіи, который былъ наслѣдіемъ феодальныхъ временъ. Мало того: выработанное по его иниціативѣ, но опубликованное только при его преемникѣ общее земское право [2]), закрѣпляло существованіе сословнаго неравенства въ наиболѣе рѣзкихъ его формахъ, и это совершалось въ то самое время, какъ прежнія соціальныя отношенія фактически во многомъ уже измѣнились. Какъ, однако, ни были разрознены между собою отдѣльные общественные элементы, благодаря противоположности ихъ интересовъ и искусственной поддержкѣ неравенства самимъ дѣйствующимъ правомъ,—всѣ сословія сходились между собою на общей почвѣ недовольства правительствомъ, опять-таки совершенно такъ же, какъ это было во Франціи, гдѣ старый порядокъ былъ разрушенъ, собственно говоря, соединенными усиліями двухъ разныхъ оппозицій—консервативной и либеральной [3]). Дворянство, которое упомянутымъ общимъ земскимъ правомъ ставилось во главѣ другихъ сословій, было, между прочимъ, недовольно признанною въ этомъ правѣ за принципъ неотчуждаемостью рыцарскихъ помѣстій и запрещеніемъ дворянамъ заниматься промышленностью и торговлею подъ страхомъ утраты дворянскаго званія [4]). Высшій слой бюргерства, состоявшій изъ зажиточныхъ и образованныхъ семействъ, которыя нерѣдко роднились съ дворянскими фамиліями, самимъ законодательствомъ выдѣлялся изъ остальной массы

[1]) Т. III, стр. 45—47.
[2]) Allgemeines Landrecht, см. т. III, стр. 331—332, 364, 394.
[3]) Т. III, стр. 400 и др.
[4]) Т. III, стр. 334.

городского населенія въ особый классъ и получалъ разнаго рода привилегіи, ставившія его въ исключительное положеніе въ средѣ всего бюргерства; но въ то же время правительство принижало отдѣльныхъ лицъ этого слоя во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они стремились стать въ служебномъ или общественномъ отношеніи наравнѣ съ дворянами. Бюргеръ, поступившій въ военную и гражданскую службу, не могъ расчитывать на такое повышеніе, какъ его товарищи—офицеры или чиновники—изъ дворянъ. Землевладѣлецъ бюргерскаго происхожденія не пользовался правами помѣщика-дворянина и т. п. Прибавимъ къ этому, что мелочная правительственная опека надъ городами и меркантилистическое вмѣшательство въ промышленность и торговлю, главныя занятія городского класса, также должны были порождать въ немъ недовольство такимъ порядкомъ вещей, и какъ въ дореволюціонной Франціи, гдѣ буржуазія, составлявшая въ культурномъ и экономическомъ смыслѣ одинъ соціальный слой съ привилегированными сословіями, становилась въ рѣзкую къ нимъ оппозицію и обращалась къ низшимъ классамъ общества, въ коихъ видѣла своихъ союзниковъ [1]), совершенно такъ же и прусское высшее бюргерство искало сближенія съ средними и низшими разрядами своего сословія, страдавшими отъ другихъ сторонъ стараго порядка.

Недовольство настоящимъ не могло не отразиться въ прусскомъ обществѣ нѣкоторыми симпатіями къ французской революціи, возникшими въ извѣстныхъ кругахъ этого общества, тѣмъ болѣе, что въ правленіе Фридриха II, друга французскихъ философовъ XVIII вѣка, общественныя идеи, подъ знаменемъ коихъ былъ совершенъ переворотъ 1789 г., нашли сторонниковъ и среди образованныхъ людей, привѣтствовавшихъ поэтому революцію, какъ новую эру въ исторіи человѣчества [2]). Идеи XVIII в., проникшія [3]) даже въ Allgemeines Landrecht, который поддерживалъ старый соціальный строй Пруссіи, господствовали въ умахъ цѣлаго ряда правительственныхъ лицъ, каковы были Шёнъ, ученикъ Канта, Гарденбергъ, Струензе, Вильгельмъ ф.-Гумбольдтъ [4]) и др. Въ Пруссіи уже начинала формироваться прогрессивная партія, и съ самаго начала царствованія Фридриха-Вильгельма III прусская монархія какъ-будто уже не прочь была вступить на путь преобразованій, но очень робко, нерѣшительно, безъ ясно сознаннаго плана, безъ выдающихся руководителей. Кучка людей, понимавшихъ, хотя и не всегда ясно, необходимость реформъ, конечно,

---

[1]) Т. III, стр. 541.

[2]) Ср. Un prussien en France en 1792. Lettres intimes de J. F. Reichard traduites et annotées par A. Laquiante. 1892.

[3]) Т. III, стр. 331—332.

[4]) О политической философіи В. ф.-Гумбольдта рѣчь будетъ идти впереди.

ничего не могла сдѣлать при той правительственной системѣ, которая господствовала въ Пруссіи, и съ обществомъ, въ коемъ были убиты духъ иниціативы, гражданское чувство, интересъ къ общему дѣлу. Въ 1806—1807 гг. и дворянство, и горожане, и народная масса отнеслись какъ-то пассивно и равнодушно къ полному почти крушенію государства, возвеличеннаго въ XVIII в. Фридрихомъ II: въ эту бѣдственную эпоху прусское общество не обнаружило даже той „народной гордости", которая нерѣдко служитъ суррогатомъ болѣе дѣйствительной „любви къ отечеству". Правда, въ немъ были еще здоровые элементы, въ коихъ правительство потомъ и нашло опору; но ихъ нужно было поднять, воодушевить, организовать, для чего необходима была какая-нибудь идея, способная произвести все это. Многимъ прусскимъ патріотамъ казалось, что вывести государство изъ печальнаго состоянія можно было бы лишь тѣми же самыми средствами, коими пользовался врагъ, т.-е. Франція, занявшая такое господствующее положеніе въ Европѣ. Преклоненіе передъ французскими идеями конца XVIII в. у нѣкоторыхъ прусскихъ дѣятелей перешло въ преклоненіе передъ французскими порядками начала XIX столѣтія, и многимъ желательное преобразованіе Пруссіи рисовалось въ формахъ общества, созданнаго революціей, и управленія имъ, организованнаго консульствомъ и имперіей. Среди людей, смотрѣвшихъ на прусскія отношенія съ такой точки зрѣнія, выдающееся мѣсто принадлежало Гарденбергу.

Ганноверскій уроженецъ, Гарденбергъ, вступилъ въ прусскую службу въ 1790 г. и сразу занялъ на ней весьма видный постъ. Во время первой революціонной войны онъ былъ уже военнымъ министромъ, а въ 1795 г. въ качествѣ прусскаго уполномоченнаго заключалъ въ Базелѣ миръ съ французской республикой. Въ 1804 г. онъ смѣстилъ Гаугвица въ завѣдованіи иностранными дѣлами, но навлекши на себя неудовольствіе Наполеона, былъ въ 1806 г. смѣненъ опять тѣмъ же Гаугвицемъ, чтобы вернуться снова на постъ министра иностранныхъ дѣлъ послѣ битвы при Іенѣ, и опять лишь для того, чтобы оставить этотъ постъ послѣ тильзитскаго мира. Не смотря на то, что Гарденбергъ выступалъ во внѣшней политикѣ, какъ человѣкъ, враждебный Наполеону, онъ былъ проникнутъ французскими идеями и именно въ томъ практическомъ ихъ примѣненіи, какое имъ придалъ Наполеонъ. Наконецъ, онъ былъ, кромѣ того, сторонникомъ экономическихъ принциповъ Адама Смита, что также отразилось на его планѣ реформъ. Въ 1807 году онъ подалъ Фридриху-Вильгельму III записку, въ коей совѣтовалъ произвести полную перестройку прусскаго государственнаго и общественнаго быта на началахъ, осуществленныхъ въ тогдашней политической и соціальной жизни Франціи: Пруссія должна была получить народное представительство, но управленіе

въ ней должно было быть строго централизовано по наполеоновскому образцу; всѣ привилегіи должны были быть отмѣнены, и дворянство должно было даваться лишь за заслуги; позорное пятно крѣпостничества должно было также быть уничтожено, и вмѣстѣ съ этимъ должны были быть устранены всѣ стѣсненія, коимъ подвергались промышленность и торговля. Это была въ сущности весьма простая и неоригинальная программа: всѣмъ традиціямъ гогенцоллернской монархіи противопоставлялся новый порядокъ вещей, какъ-разъ именно тотъ, который во Франціи былъ созданъ учредительнымъ собраніемъ и консульствомъ Наполеона и который Гарденбергъ рекомендовалъ теперь побѣжденной Пруссіи заимствовать у своихъ побѣдителей. Въ Пруссіи тоже должна была совершиться революція, но только сверху, а не снизу, и создать этой революціи предстояло то же самое, что и во Франціи,— наслѣдственную монархію съ демократическими началами въ основѣ. Всѣ надежды свои Гарденбергъ возлагалъ, однако, не на самостоятельность націи, а на правительственное дѣйствіе. Фридриху-Вильгельму III не пришлось, впрочемъ, удержать при себѣ Гарденберга. Считая этого министра однимъ изъ главныхъ своихъ враговъ, Наполеонъ потребовалъ во время заключенія тильзитскаго мира, чтобы король далъ ему отставку,—и даже самъ посовѣтовалъ королю взять на его мѣсто Штейна. Наполеонъ не зналъ, что его кандидатъ былъ какъ-разъ надеждою всѣхъ патріотовъ, негодовавшихъ на дворъ за незадолго передъ тѣмъ данную ему отставку. Какъ бы тамъ ни было, Фридрихъ-Вильгельмъ III вынужденъ былъ обратиться къ Штейну, который, будучи призванъ королемъ въ послѣднихъ числахъ сентября 1807 г., и взялъ на себя трудное дѣло управленія расшатаннымъ государствомъ.

По своимъ политическимъ и соціальнымъ воззрѣніямъ Штейнъ былъ полною противоположностью Гарденберга: и къ философіи XVIII в., и къ просвѣщенному абсолютизму, и къ революціи, и къ наполеоновской системѣ управленія онъ относился скептически и отрицательно, даже враждебно, но это его отношеніе не имѣло ничего общаго съ тѣми стремленіями, которыя проявляла въ XVIII в. консервативная оппозиція новымъ требованіямъ жизни и которыя стали впослѣдствіи проявляться клерикально-феодальной и абсолютической реакціей: Штейнъ воспринялъ въ свое политическое міросозерцаніе новыя идеи вѣка, коимъ былъ сначала чуждъ, и его правительственная программа съ теченіемъ времени только все болѣе и болѣе расширялась, такъ что въ началѣ текущаго столѣтія онъ явился однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ реформаторовъ государственнаго и общественнаго быта, напоминающимъ въ этомъ отношеніи великаго современника нашего Гладстона. Вообще стóитъ коснуться біографіи Штейна до 1807 г., когда онъ при-

званъ былъ къ власти среди необычайныхъ обстоятельствъ, какія переживала Пруссія послѣ тильзитскаго мира.

Исторія внутренней жизни этого государственнаго человѣка дѣйствительно въ высшей степени любопытна. Баронъ Штейнъ родился въ 1757 г. въ прирейнской Франконіи. Происходя изъ имперскаго рыцарства, бывшаго живымъ воплощеніемъ феодальной старины [1]), Штейнъ воспитался въ самыхъ аристократическихъ и консервативныхъ понятіяхъ. Въ немъ сильна была поэтому сословная гордость дворянина, а политическимъ идеаломъ его молодости была средневѣковая имперія съ своимъ свободнымъ рыцарствомъ, зависѣвшимъ только отъ императора и только ему обязаннымъ службою. Шестнадцатилѣтнимъ юношей Штейнъ поступилъ въ геттингенскій университетъ, гдѣ изучалъ право, политику и исторію, а по окончаніи курса началъ государственную службу. Представительницею дорогой ему идеи имперіи въ Германіи того времени была Австрія, которая поэтому въ его глазахъ и имѣла всѣ права на первенство. Какъ членъ сословія, относившагося всегда съ большимъ недружелюбіемъ къ князьямъ, онъ предпочелъ начать свою дѣятельность на службѣ имперіи, а не какого-либо князя: онъ и сдѣлался чиновникомъ въ Регенсбургѣ и Вецларѣ, гдѣ пребывали высшія учрежденія имперіи [2]). Только на опытѣ познакомившись съ дѣятельностью этихъ центральныхъ установленій, Штейнъ разочаровался въ своей основной политической идеѣ и перешелъ на службу Пруссіи (1780). Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы молодой потомокъ имперскихъ рыцарей, всегда бывшихъ въ антагонизмѣ съ княжескимъ абсолютизмомъ, воспитанный притомъ въ духѣ старинной религіозности, былъ поклонникомъ правительственной системы и идей короля-философа. Совсѣмъ нѣтъ: Штейнъ самъ въ автобіографіи своей объясняетъ этотъ переходъ на прусскую службу своимъ взглядомъ на Фридриха II, какъ на защитника стараго устройства и цѣлости имперіи. Прусскій король только-что помѣшалъ тогда планамъ Іосифа II на счетъ Баваріи, и Штейнъ даже участвовалъ въ образованіи союза князей, который, какъ представлялъ это дѣло Фридрихъ II, долженъ былъ поддерживать неприкосновенность стараго имперскаго устройства [3]). Къ 1785 г. Штейнъ такъ уже успѣлъ зарекомендовать себя своими способностями, что Фридрихъ II послалъ его въ Майнцъ съ дипломатической миссіей—склонить на свою сторону курфюрста-архіепископа, на службѣ коего находился отецъ Штейна. Въ слѣдующихъ затѣмъ годахъ мы опять видимъ Штейна въ роли прусскаго чиновника по управленію горными дѣлами

---

[1]) Т. III, стр. 53.

[2]) Имперскій сеймъ и рейхскаммергерихтъ. См. т. III, стр. 52.

[3]) Т. III, стр. 302.

и государственными имуществами. Живя въ прирейнскихъ владѣніяхъ монархіи, онъ сначала много работалъ по проведенію дорогъ и каналовъ, по добыванію каменнаго угля, по завѣдыванію фабриками и т. п., а позднѣе, въ эпоху революціонныхъ войнъ, онъ, кромѣ того, игралъ большую роль въ дѣлѣ снабженія арміи провіантомъ и вообще во всей военной администраціи. Въ 1796 г. Штейнъ получилъ высокій постъ оберъ-президента всѣхъ вестфальскихъ палатъ въ Минденѣ. Это отдавало подъ его управленіе весьма значительную область, и онъ началъ вводить въ ней разнообразныя улучшенія. Ему же прусское правительство поручило заняться устройствомъ управленія въ тѣхъ земляхъ (Мюнстеръ и др.), коими монархію Гогенцоллерновъ вознаградила имперская депутація за потерю нѣкоторыхъ территорій при начинавшихся передѣлкахъ границъ между отдѣльными государствами Германіи [1]), и Штейнъ весьма умѣло выполнилъ порученное ему дѣло. Нужно замѣтить, что въ западныхъ частяхъ прусской монархіи лучше, чѣмъ въ восточныхъ, сохранилось мѣстное самоуправленіе съ сословнымъ характеромъ, и что Штейнъ всегда пользовался его помощью. Осенью 1804 г. онъ былъ вызванъ въ Берлинъ для того, чтобы стать во главѣ центральнаго финансоваго управленія. Въ короткое сравнительно время онъ, сколько было возможно, улучшилъ финансы страны; но въ Берлинѣ многіе относились съ недовѣріемъ къ его „вестфальскимъ идеямъ“, противорѣчившимъ традиціи прусскаго бюрократизма. Въ столицѣ государства Штейнъ очень скоро понялъ, что въ Пруссіи не все идетъ такъ, какъ слѣдовало бы. Между прочимъ онъ былъ недоволенъ и иностранной политикой кабинета. Въ 1806 г., незадолго до катастрофы, постигшей монархію, онъ написалъ для короля записку „о неудовлетворительной организаціи кабинета и о необходимости учредить конференцію министровъ“, подвергнувъ въ этой запискѣ критикѣ тогдашнюю систему управленія и указавъ на то, что наиболѣе вліятельные члены кабинета должны были бы быть удалены. Послѣ іенской битвы Фридрихъ Вильгельмъ III задумалъ-было поручить Штейну, какъ человѣку, не подвергшемуся общему упадку духа, постъ министра иностранныхъ дѣлъ, но Штейнъ поставилъ необходимыми условіями своего вступленія въ эту должность преобразованіе совѣта министровъ съ устраненіемъ тайнаго кабинета и удаленіе совѣтниковъ, коими король особенно дорожилъ. Дѣло дошло до того, что Фридрихъ Вильгельмъ III увольнилъ Штейна, въ приказѣ объ его отставкѣ (4 янв. 1807 г.) прямо поставивъ ему въ вину и его гордость и упрямство, и его неповиновеніе высшей власти, и его желаніе дѣлать все по своему въ чисто личныхъ

[1]) См. выше, стр. 139.

видахъ. Но мы уже видѣли, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ томъ же 1807 г. Штейнъ вторично былъ призванъ на министерскій постъ и на этотъ разъ уже въ роли руководящаго дѣятеля въ главнѣйшихъ сторонахъ внутренней политики Пруссіи. „Вестфальскія идеи“ были теперь пущены въ ходъ, и намъ нужно теперь ближе ознакомиться съ этими идеями.

Штейна не коснулось раціоналистическое направленіе философіи XVIII в. Въ геттингенскомъ университетѣ, какъ было сказано, онъ, между прочимъ, изучалъ государственное право. Это занятіе возбудило въ немъ большой интересъ къ историческому прошлому, тѣмъ болѣе, что среда, въ коей онъ воспитался, сама жила традиціями германской старины. Антиисторическій характеръ господствовавшихъ въ концѣ XVIII в. политическихъ воззрѣній [1]) вызывалъ со стороны Штейна лишь критическое къ себѣ отношеніе: впослѣдствіи онъ называлъ это направленіе „метаполитикой“, т.-е. чѣмъ-то такимъ, что по отношенію къ политикѣ есть то же самое, что для физики—метафизика, и въ этомъ смыслѣ онъ былъ весьма близокъ къ наполеоновскому пониманію „идеологіи“ [2]). Практическая дѣятельность его на прусской государственной службѣ только способствовала развитію въ немъ человѣка дѣла, хорошо понимающаго дѣйствительность со всѣми ея реальными условіями и осуществимыми требованіями: въ положеніи Штейна есть поэтому нѣчто, напоминающее намъ положеніе другого министра-реформатора, Тюрго [3]), который, однако, по общему складу своихъ воззрѣній былъ гораздо больше человѣкомъ XVIII в., нежели Штейнъ. Прусскій реформаторъ, пожалуй, напоминаетъ намъ еще двухъ французовъ XVIII столѣтія; оба эти француза были, какъ и Штейнъ, представителями феодальнаго дворянства, и въ нихъ, какъ и въ немъ сословное чувство соединялось съ сознаніемъ и тѣхъ обязанностей, которыя налагало на дворянство его особое положеніе въ государствѣ: мы имѣемъ въ виду Мирабо-отца и Монтескье. Съ Мирабо-отцомъ, такъ называемымъ „другомъ людей“ [4]), Штейнъ раздѣлялъ уваженіе къ старинымъ формамъ сословнаго самоуправленія и заботы о матеріальномъ благосостояніи крестьянской массы, и подобно тому, какъ феодальная голова отца знаменитаго трибуна не была совсѣмъ закрыта для наплыва новыхъ общественныхъ идей, такъ и Штейнъ, сохраняя уваженіе къ традиціонному строю государства, хотѣлъ, чтобы въ эти формы вложено было содержаніе, болѣе соотвѣтствующее требованіямъ новаго времени. Съ другой стороны, подобно автору „Духа

[1]) Т. III, стр. 149.
[2]) См. выше, стр. 76.
[3]) Т. III, стр. 454.
[4]) Т. III, стр. 424 и слѣд.

законовъ“ Штейнъ не только отстаивалъ средневѣковое политическое и общественное устройство какимъ его создала исторія, но и преклонялся передъ англійской конституціей, казавшейся ему родственною старинному быту его родины; вѣдь и Монтескье сочеталъ въ своей политической теоріи идеалы старо-французской сословной монархіи и современной ему англійской конституціи [1]). Геттингенскій университетъ (въ Ганноверѣ, курфюрстъ котораго былъ и англійскимъ королемъ) давшій образованіе Штейну, до извѣстной степени подчинялся англійскому вліянію: сюда пріѣзжали учиться англійскіе студенты, сюда привозилось изъ Англіи много книгъ, а это не могло остаться безъ вліянія и на нѣмецкую молодежь, учившуюся въ геттингенскомъ университетѣ. Исторія и политическая жизнь Англіи весьма сильно заинтересовали Штейна еще въ его молодые годы, а потомъ, уже состоя на прусской государственной службѣ, онъ и самъ посѣтилъ Англію. Въ своемъ историческомъ представленіи онъ соединялъ учрежденія, развившіяся въ Англіи, съ началами, дѣйствовавшими въ отдаленную старину и на его собственной родинѣ: поэтому сохранившіеся остатки этой старины получали въ его глазахъ особое значеніе. Новыя идеи общественнаго участія въ государственной жизни и свободы, основанной на законности, казались ему прямымъ порожденіемъ началъ, лежавшихъ въ основѣ древняго германскаго быта. Его, впрочемъ, мало увлекало въ англійской конституціи то, что выдвигалось на первый планъ въ „Духѣ законовъ“ Монтескье, но зато онъ особенно дорожилъ тою стороною англійскаго устройства, которая какъ-разъ совсѣмъ не обратила на себя вниманія знаменитаго французскаго писателя: онъ дорожилъ именно больше всего широкою общественною самодѣятельностью въ мѣстныхъ дѣлахъ, т.-е. дорожилъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, упущеннымъ изъ виду авторомъ „Духа законовъ“. Притомъ и начать свою практическую дѣятельность Штейнупришлось, главнымъ образомъ, въ Вестфаліи, гдѣ прусскіе порядки, основанные на абсолютизмѣ, бюрократической централизаціи и полномъ устраненіи общественныхъ силъ отъ участія въ управленіи, не успѣли еще совсѣмъ уничтожить старое земское устройство. Далѣе, экономическіе взгляды Штейна сложились подъ вліяніемъ уваженія къ такимъ старинным формамъ, какъ мелкое крестьянское хозяйство и цеховое производство, или какъ дворянскіе майораты и недѣлимые крестьянскіе участки, и вмѣстѣ съ тѣмъ подъ вліяніемъ практическихъ требованій, которыя были заявлены Адамомъ Смитомъ, хотя Штейнъ расходился съ его чисто экономическимъ пониманіемъ общества и въ этомъ отношеніи не былъ, равнымъ образомъ, похожъ и на Тюрго, какъ извѣстно, устра-

[1]) Т. III, стр. 179—182 и 184—189.

нявшимъ старую сословную и корпоративную организацію [1]). Поэтому Штейнъ былъ и противъ экономической программы Гарденберга, открещиваясь впослѣдствіи отъ солидарности съ этимъ „помѣшаннымъ“ новаторомъ и его „вредными“ планами. Правда, и онъ соглашался на введеніе въ хозяйственную жизнь бо́льшей свободы, но онъ не хотѣлъ, чтобы оно разрушало старые общественные союзы, которые, по его мнѣнію, охраняли своихъ членовъ отъ опасностей, грозившихъ отдѣльнымъ лицамъ со стороны ничѣмъ не сдерживаемой конкуренціи индивидуальныхъ силъ и интересовъ.

Такъ складывалось своеобразное историческое и общественное міросозерцаніе Штейна, шедшее въ разрѣзъ съ тѣми идеями, которыя были наиболѣе популярны среди передовыхъ людей его времени и въ той Пруссіи, съ судьбами коей онъ связывалъ свою собственную судьбу. Идеи XVIII вѣка не только не имѣли надъ нимъ никакой силы, но онъ, повидимому, даже не читалъ нн такихъ писателей, какъ Руссо и Мабли, слишкомъ не соотвѣтствовавшихъ складу и направленію его ума, ни даже Монтескье, съ коимъ во многихъ отношеніяхъ онъ стоялъ на одной почвѣ. Немудрено поэтому, что Штейнъ не раздѣлялъ и увлеченій французской революціей, охватившихъ многихъ его соотечественниковъ, и въ его отношеніи къ революціи многое напоминаетъ намъ взгляды Бёрка. Принципы 1789 г. были для него порожденіями несимпатичной ему „метаполитики“, а то, что и съ его точки зрѣнія могло бы быть признано благомъ въ реформахъ, произведенныхъ революціей, казалось ему искаженнымъ и запачканнымъ кровью подражаніемъ англійскимъ образцамъ, имѣвшимъ для него чисто историческое происхожденіе въ древнемъ германскомъ быту. Когда началась эмиграція дворянъ изъ Франціи, Штейнъ отнесся съ сочувствіемъ къ этимъ, какъ онъ называлъ ихъ, защитникамъ общественнаго порядка. Понятно, что развитіе революціоннаго террора еще болѣе должно было отвратить Штейна отъ происходившаго во Франціи движенія. Штейнъ, не могшій съ своей точки зрѣнія сочувствовать абсолютизму, который нивеллировалъ и обезсиливалъ всѣ классы общества, ставя ихъ всѣ на одну доску передъ всесильнымъ государствомъ и разрушая самостоятельность сословій и корпорацій, очень хорошо разглядѣлъ въ якобинизмѣ французской революціи явленіе, родственное абсолютизму [2]), такъ какъ и абсолютизмъ, и якобинизмъ дѣйствовали во имя одной и той же отвлеченной идеи государства и одними и тѣми же насильственными средствами, не принимая въ расчетъ жизненныхъ условій и попирая сво-

[1]) Т. III, стр. 429.
[2]) Ср. т. III, стр. 582—583.

боду и права общества. Штейнъ, конечно, въ концѣ XVIII в. и не предчувствовалъ, что ему лично придется совершить въ Пруссіи многое такое, что входило въ программу революціи. Смотря на послѣднюю съ только что указанной точки зрѣнія, онъ и въ имперіи Наполеона увидѣлъ лишь естественное завершеніе революціи, которая сдѣлалась для него въ эпоху наполеоновскаго деспотизма еще болѣе ненавистной. Особенно затронуло Штейна въ его патріотизмѣ то униженіе, коему подверглась Германія подъ властью Наполеона, разрушившаго старую нѣмецкую имперію, и потому въ немъ Наполеонъ встрѣтилъ одного изъ самыхъ заклятыхъ своихъ враговъ. Въ томъ самомъ году, когда Наполеонъ увѣнчивалъ возведенное имъ во Франціи зданіе принятіемъ императорской короны, Штейнъ, какъ было сказано, переходилъ на министерскій постъ въ Берлинѣ. Здѣсь онъ быстро освоился со всѣми недостатками прусскаго бюрократическаго режима и понялъ, что если многое нужно было поставить въ вину неспособнымъ преемникамъ Фридриха II, то не менѣе виновата была и самая система управленія: по его словамъ, эта система только подавляла свободное проявленіе дѣятельности личности и общественныхъ силъ и потому обрекала народъ на вѣчное пребываніе въ состояніи дѣтства, изъ коего нація и не могла никогда выйти, благодаря постоянной опекѣ безпокойнаго и во все вмѣшивающагося правительства. Еще до катастрофы, постигшей Пруссію при Іенѣ, въ упомянутой выше запискѣ Штейнъ указывалъ королю, что „Пруссія не имѣетъ государственнаго устройства (Staatsverfassung), такъ какъ высшая власть не раздѣлена въ ней между главою и народными представителями“ [1]). Однако, въ виду того, что земскіе чины были корпораціями отдѣльныхъ провинцій, недостаточно еще сплоченныхъ въ одно цѣлое, и потому не могли оказывать вліянія на общій ходъ дѣлъ, Штейнъ рекомендовалъ здѣсь необходимость, по крайней мѣрѣ, правильной организаціи правительства (Regierungsverfassung). Эти-то вотъ „вестфальскія идеи“ Штейна и были несимпатичны для многихъ въ Берлинѣ, а къ этому присоединялось еще нерасположеніе къ личному характеру.

Штейнъ былъ человѣкъ сильной воли, неуклонно шедшій къ разъ намѣченной цѣли, не задумывавшійся передъ препятствіями и не вступавшій въ компромиссы. Чувствуя свое умственное превосходство надъ другими людьми, часто мѣшавшими его планамъ, онъ, кромѣ того, въ обращеніи съ ними былъ нерѣдко суровъ, рѣзокъ, часто даже занозчивъ и вспыльчивъ, наводя прямо своего рода страхъ на людей

[1]) Ср. слова Тюрго въ запискѣ Людовику XVI: la France n'a point de constitution. Т. III, стр. 427.

болѣе мягкаго характера, хотя въ немъ, съ другой стороны, совсѣмъ не было упрямства, и онъ умѣлъ выслушивать серьезныя возраженія и мѣнялъ подъ ихъ вліяніемъ уже совершенно-было принятыя раньше рѣшенія. Такое отношеніе къ людямъ создало Штейну немало недруговъ: эдиктъ, коимъ Штейну въ началѣ 1807 г. давалась отставка, прямо ставилъ ему въ вину нѣкоторыя черты его характера.

И Гарденбергъ, и Штейнъ оба были правы, каждый съ своей точки зрѣнія: первый изъ этихъ государственныхъ людей, уступая второму въ умственной силѣ, въ оригинальности, въ энергіи, лучше его, однако, понималъ значеніе того гражданскаго равенства и общественнаго участія въ законодательной власти, которыя являлись одними изъ главныхъ положительныхъ принциповъ 1789 г., но за то Штейнъ яснѣе видѣлъ слабыя стороны революціи и ея результатовъ—разрушеніе живыхъ общественныхъ союзовъ, созданныхъ исторіей, замѣну ихъ исскусственной системой, которая неизбѣжно приводила къ централизаціи, устраненіе мѣстнаго самоуправленія и раздробленіе общества на индивидуальныя силы, слишкомъ слабыя для отстаиванія своей независимости отъ всемогущаго государства и въ борьбѣ между отдѣльными интересами соціальныхъ классовъ. Случилось такъ, что въ чистомъ видѣ въ Пруссіи не были проведены ни программа Гарденберга, ни программа Штейна, но кое-что изъ обѣихъ программъ. Во-первыхъ, Штейнъ слишкомъ короткое время стоялъ во главѣ правленія въ Пруссіи и былъ вынужденъ за время своего министерства осуществлять то, что было уже до него подготовлено людьми другого направленія. Во-вторыхъ, продолжать дѣло Штейна пришлось тому же Гарденбергу, который до извѣстной степени былъ точно также связанъ начинаніями Штейна. Гарденбергъ не обнаружилъ достаточной энергіи, когда уже произведенныя ими обоими реформы встрѣтились съ консервативной оппозиціей, въ которой уже былъ зародышъ позднѣйшей реакціи противъ новаго курса прусской внутренней политики послѣ 1807 г.

Штейнъ, дѣйствительно, оставался у власти слишкомъ короткое время: онъ долженъ былъ снова выйти въ отставку, но на этотъ разъ уже потому, что своею дѣятельностью навлекъ на себя неудовольствіе Наполеона, понявшаго, куда клонились намѣренія министра-реформатора. Въ сентябрѣ 1808 года французская оффиціальная газета (Moniteur) опубликовала одно перехваченное письмо Штейна, изъ коего Наполеонъ узналъ самымъ яснымъ образомъ, чего хотѣлъ Штейнъ, ссылавшійся между прочимъ на народное возстаніе въ Испаніи, какъ на примѣръ достойный подражанія, и къ этому письму, сдѣлала характерный комментарій, заключавшій въ себѣ прямое сожалѣніе о прусскомъ королѣ, окруженномъ такими неловкими и

коварными министрами: это было, такъ сказать, первое предостереженіе по адресу Штейна и Фридриха-Вильгельма III. Затѣмъ въ въ ноябрѣ того же года бюллетень, извѣщавшій объ одной побѣдѣ Наполеона надъ испанцами, упоминалъ опять о Штейнѣ, которому,—сказано было тамъ,—слѣдовало бы посмотрѣть, къ какимъ бѣдствіямъ приводятъ попытки народныхъ массъ оказывать сопротивленіе регулярной арміи. Послѣ этого Штейнъ увидѣлъ, что ему нужно удалиться, и король принялъ отъ него просьбу объ отставкѣ (ноябрь, 1808 г.). Такимъ образомъ Штейнъ простоялъ во главѣ прусскаго правительства только съ небольшимъ одинъ годъ. Извѣстно далѣе, что декретомъ 16 декабря 1609 г. Наполеонъ объявилъ бывшаго прусскаго министра врагомъ Франціи и Рейнскаго союза, его имѣнія конфискованными, а самого его подлежащимъ аресту повсюду, гдѣ только дѣйствовала власть императора французовъ и его союзниковъ: Штейнъ долженъ былъ оставить Пруссію, скрывался потомъ отъ французскихъ сыщиковъ въ разныхъ городахъ Австріи, пока въ 1812 г. не былъ вызванъ въ Россію. Итакъ, министерство Штейна было слишкомъ кратковременно. Къ тому же, выработавъ весьма опредѣленныя политическія и соціальныя воззрѣнія, онъ не могъ, однако, только ими однѣми руководиться въ своей правительственной дѣятельности: его идеи имѣли слишкомъ личный характеръ въ томъ смыслѣ, что, какъ было уже сказано, не раздѣлялись другими государственными дѣятелями, принадлежали ли эти дѣятели къ консервативному, или къ прогрессивному лагерю. Штейну поэтому нельзя было не считаться съ планами и намѣреніями другихъ дѣятелей въ родѣ Гарденберга, тѣмъ болѣе, повторяемъ, что нѣкоторыя реформы были уже подготовлены ранѣе его вступленія въ министерство. Наконецъ еще, ему пришлось дѣйствовать въ эпоху, когда, помимо общей цѣли, какую онъ поставилъ своимъ преобразованіямъ, существовала еще другая задача, а именно задача поднять упавшій духъ націи, вернуть ей довѣріе къ самой себѣ и подвинуть ее на отвоеваніе независимости и возстановленіе своей чести, а къ этой цѣли вели, какъ Штейнъ это самъ хорошо видѣлъ, и мѣры, предлагавшіяся другими государственными людьми, хотя многое въ этихъ мѣрахъ, какъ влекшее за собою разрушеніе сословнаго начала, казавшагося ему необходимымъ въ государственной жизни, представляло и весьма опасныя, по его мнѣнію, стороны. Вотъ почему Штейну суждено было проводить въ жизнь и такія мѣропріятія, которыя не вытекали изъ его собственной политической теоріи и даже носили на себѣ слѣды вліянія французской революціи.

Штейнъ вообще не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, достигнувъ извѣстныхъ возраста и общественнаго положенія, останавливаются въ своемъ развитіи. Къ концу своей министерской

дѣятельности онъ убѣдился, что спасти Пруссію отъ гибели могло только народное возстаніе, подобное тому, которое началось въ Испаніи; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ все болѣе убѣждался и въ томъ, что и вообще новыя начала жизни могли бы быть наиболѣе пригодными для внутренняго возрожденія Пруссіи. Ко времени, когда ему пришлось оставить завѣдованіе дѣлами, относятся новые его планы и проекты, заключавшіеся отчасти въ его воззваніяхъ къ народу, коимъ король отказалъ, однако, въ подписи, отчасти въ его прощальномъ письмѣ къ чинамъ администраціи, получившемъ названіе его политическаго завѣщанія. На Штейнѣ какъ бы—сказался всесильный духъ времени, и онъ, напр., высказывается уже въ смыслѣ установленія полной равноправности гражданъ, введенія одинаковаго для всѣхъ ценза въ городскомъ самоуправленіи, установленія подоходнаго налога, превращенія арміи изъ сословной въ народную, уничтоженія вотчиннаго суда и другихъ слѣдовъ старой власти помѣщиковъ надъ крестьянами и т. п., соединяя со всѣмъ этимъ идею національнаго представительства. Понятно, что такая программа была слишкомъ широка для того, чтобы быть осуществленной въ очень короткое время. И послѣ удаленія отъ дѣлъ, живя въ изгнаніи, Штейнъ думалъ только объ одномъ—о народномъ возстаніи во всей Германіи, но послѣдняя представлялась ему теперь уже не въ видѣ средневѣковой имперіи съ ея старыми учрежденіями, а въ видѣ единой націи, которая требовала отъ составляющихъ ее общественныхъ группъ отреченія отъ своихъ историческихъ правъ во имя національной идеи. Уже не одно испанское (а потомъ и тирольское) возстаніе служило для него въ годы его изгнанія примѣромъ того, какъ народы отстаиваютъ свою свободу: противникъ философіи XVIII в. и французской революціи начинаетъ теперь самъ ссылаться то на американскую революцію, то даже на примѣръ самой революціонной Франціи, отстоявшей себя въ борьбѣ съ цѣлой европейской коалиціей. Цѣлью стремленій Штейна сдѣлалось теперь прямо революціонировать нѣмецкую націю противъ французскаго ига. Все, что мѣшало освобожденію Германіи, должно было быть, по его тогдашнему мнѣнію, устранено, должны были быть устранены государи Рейнскаго союза, поддерживавшіе Наполеона, дворяне и чиновники, не оказывавшіе содѣйствія народу или вступавшіе въ соглашеніе съ врагомъ и т. п.; историческія права отдѣльныхъ династій теряли въ его глазахъ всякое значеніе передъ интересами всей націи. Онъ видѣлъ теперь непригодность старыхъ имперскихъ учрежденій и невозможность ихъ возстановленія и, говоря о необходимости дать Германіи государственное единство, какъ условіе независимости, ссылался на примѣръ комитета общественнаго спасенія, отстоявшаго единство и свободу Франціи въ борьбѣ съ европейской коалиціей.

Пораженный, съ другой стороны, ролью католическаго духовенства въ испанскомъ возстаніи, онъ совѣтовалъ и въ Германіи воспользоваться этой силой и даже сталъ сближаться съ наиболѣе видными представителями римской церкви, что даже породило ложные слухи о томъ, будто онъ самъ совершилъ переходъ въ католицизмъ. Такимъ образомъ новая идея націи, имѣющей безусловное право на политическое самоопредѣленіе, — идея, возникшая на почвѣ раціоналистической философіи XVIII в. и воплотившаяся въ фактахъ французской революціи, подчинила себѣ помыслы и дѣятельность человѣка, который предполагалъ сначала строить свое политическое зданіе исключительно на исторической основѣ и изъ однихъ только элементовъ „стараго порядка".

Послѣ удаленія Штейна нѣкоторое время завѣдовалъ дѣлами лишенный всякой иниціативы и нерѣшительный баронъ Альтенштейнъ [1]), но его министерство лишь усилило убѣжденіе народа въ томъ, что дѣло реформъ должно было быть продолжено. Въ октябрѣ 1810 г. Фридрихъ - Вильгельмъ III снова призвалъ къ управленію Гарденберга (который потомъ и находился во главѣ управленія до самой своей смерти въ 1822 году). Человѣкъ, менѣе, нежели Штейнъ, даровитый и энергичный, онъ вдобавокъ встрѣтилъ сильную консервативную оппозицію противъ своихъ начинаній, и это, несомнѣнно, подѣйствовало ослабляющимъ образомъ на его преобразовательное рвеніе. Такимъ образомъ уже Штейнъ оставилъ свой постъ, не успѣвъ привести въ исполненіе задуманныхъ преобразованій; затѣмъ наступилъ въ общей реформаторской дѣятельности прусскаго правительства двухлѣтній перерывъ; наконецъ за оставленное дѣло взялся опять Гарденбергъ, но онъ встрѣтилъ настоящее сопротивленіе со стороны приверженцевъ „стараго порядка", и въ результатѣ получилось то, что общая реформа Пруссіи вышла односторонней, половинчатой, незаконченной. „Старый порядокъ" не былъ сокрушенъ, и то новое, что было введено въ жизнь прусскаго государства, благодаря обоимъ министрамъ-реформаторамъ, не было настолько сильно, чтобы избавить страну отъ возможности весьма сильной и весьма успѣшной реакціи со стороны консервативныхъ элементовъ общества. Этотъ результатъ нужно помнить, знакомясь съ исторіей Пруссіи въ эпоху реставраціи.

Разсмотримъ теперь подробнѣе какъ проекты Штейна и Гарденберга, такъ и самыя реформы, которыя были ими произведены.

Вскорѣ послѣ заключенія тильзитскаго мира Штейнъ обратился

[1]) Cavaignac, въ сочиненіи своемъ объ этой эпохѣ, названномъ выше (стр. 173), довелъ изложеніе событій до отставки Штейна, но, повидимому, намѣренъ продолжить свою интересную работу. См. его статью Le ministère Altenstein-Dohna et la rentrée de Hardenberg (Revue des deux mondes. 1894).

къ королю съ запиской, въ которой, повторяя свое прежнее мнѣніе о необходимости реформы центральнаго правительства, онъ еще доказывалъ, что завѣдованіе мѣстными дѣлами слѣдуетъ отдать въ руки мѣстныхъ же выборныхъ представителей населенія, подобно тому, какъ это дѣлается въ Англіи, и что не мѣшало бы включить такихъ выборныхъ и въ областныя правленія, состоявшія изъ однихъ чиновниковъ. Штейнъ указывалъ далѣе на то, что чиновничье завѣдованіе мѣстными дѣлами дорого стоитъ, часто оказывается мало компетентнымъ и вообще отличается рутиннымъ формализмомъ, но особенно онъ имѣлъ въ виду, что участіе населенія въ завѣдованіи мѣстными дѣлами отразилось бы благотворно на развитіи общественнаго духа и содѣйствовало бы установленію солидарности между обществомъ и правительствомъ [1]). На основахъ этой записки Штейнъ осенью того же года выработалъ планъ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій, которому въ цѣломъ, однако, не суждено было осуществиться. Во-первыхъ, нѣкоторыя важныя части этого плана не нашли сочувствія среди другихъ государственныхъ людей, хотя бы и стоявшихъ вообще за необходимость реформъ: Штейнъ требовалъ именно, чтобы общественнымъ элементамъ предоставлена была полнѣйшая самостоятельность въ завѣдованіи дѣлами, имѣющими только одинъ мѣстный интересъ, и чтобы депутаты отъ земскихъ чиновъ участвовали въ областныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ въ качествѣ своего рода свѣдущихъ людей, которые могли бы притомъ и наблюдать за дѣятельностью этихъ учрежденій; но многіе этому противились. Во-вторыхъ, Штейнъ думалъ начать съ введенія провинціальнаго и муниципальнаго самоуправленія, тогда какъ другіе государственные люди Пруссіи находили, что такую реформу лучше было бы ввести послѣ того, какъ страна получитъ національное представительство, и потому дѣло было отложено. Самъ Штейнъ стоялъ также за необходимость государственныхъ чиновъ, но характерно то, что онъ думалъ начать общую реформу съ мѣстнаго самоуправленія и признавалъ важность общегосударственнаго представительнаго учрежденія лишь въ концѣ своей министерской дѣятельности. Недаромъ и раньше въ англійскихъ учрежденіяхъ, въ коихъ онъ видѣлъ наиболѣе полное проявленіе германскихъ политическихъ началъ, онъ выдвигалъ на первый планъ мѣстное самоуправленіе, а не общегосударственное представительство. Мало того: Штейнъ задуманнымъ имъ государственнымъ чинамъ придавалъ характеръ чисто совѣщательнаго учрежденія, которое доставляло бы правительству возможность

---

[1]) Ср. совершенно такія же соображенія въ планѣ Тюрго о муниципалитетахъ, т. III, стр. 429.

пользоваться опытностью и вліяніемъ представителей безъ малѣйшаго ущерба для той самостоятельности, какою и раньше обладало центральное правительство, такъ что, напр., прусское представительство, по его мнѣнію, не должно было имѣть права вотировать налоги, всегда, наоборотъ, составлявшаго самую важную привилегію англійскаго парламента [1]) и принятаго потомъ въ конституціонную теорію и практику французской революціи [2]). Можно сказать, что Штейнъ относился къ абсолютизму почти такъ же, какъ Тюрго, который, удерживая неограниченную власть короля, стремился обновить французское правительство при помощи общественныхъ силъ [3]): и прусскій министръ-реформаторъ, обращаясь къ самодѣятельности общества, видѣлъ въ ней прежде всего необходимую для правительства помощь или опору, такъ какъ представители, по его плану, должны были давать совѣты центральной власти, дѣлать ей предложенія, ходатайствовать передъ нею объ удовлетвореніи различныхъ нуждъ, да и сама эта власть могла поручать представителямъ исполненіе тѣхъ или другихъ государственныхъ функцій. Штейнъ именно предвидѣлъ, что уравненіе правъ не уничтожитъ старой сословной розни и что усовершенствованная централизація только усилитъ старый абсолютизмъ правительства, но Гарденбергъ какъ-разъ не понималъ ни того, ни другого, и когда власть попала въ его руки, то онъ ничего и не сдѣлалъ для развитія мѣстныхъ учрежденій, начало коимъ было положено Штейномъ.

Административныя реформы Штейна относятся уже концу его министерства, именно къ ноябрю 1808 г. 19 числа этого мѣсяца появилось новое городовое положеніе (Städteordnung), за которымъ черезъ пять дней (24 ноября) послѣдовала реформа высшаго управленія (Verordnung über die veränderte Verfassung der obersten Verwaltungsbehörden der Monarchie). Города по новому положенію получили самоуправленіе: гражданамъ дано было право избирать должностныхъ лицъ, завѣдовавшихъ—подъ высшимъ надзоромъ государства—городскимъ хозяйствомъ и разными общинными дѣлами, именно, благотворительностью, школами и даже до извѣстной степени полиціей. Къ сожалѣнію, городская реформа не сопровождалась распространеніемъ тѣхъ же началъ на сельскую и уѣздную жизнь. Затѣмъ была преобразована провинціальная администрація, но Штейнъ также и тутъ не успѣлъ ввести задуманное имъ земское самоуправленіе. Что касается до центральныхъ учрежденій, то, несмотря на искаженія,

---

[1]) Т. I, стр. 80, 104 и др.; т. II, стр. 437 и 448; т. III, стр. 59.
[2]) Т. III, стр. 188 и 522.
[3]) Т. III, стр. 428.

коимъ подверглась реформа Штейна при его преемникѣ, упомянутая Verordnung до сихъ поръ еще лежитъ въ основѣ внутренняго управленія въ Пруссіи. Генеральная директорія была уничтожена, и во главѣ управленія были поставлены пять министровъ (внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, иностранныхъ дѣлъ, военный и юстиціи), чѣмъ упрощено было все дѣлопроизводство, раздѣленное прежде не по предметамъ, а по провинціямъ. Высшимъ учрежденіемъ въ монархіи съ совѣщательнымъ значеніемъ въ законодательствѣ былъ сдѣланъ государственный совѣтъ, въ составъ коего должны были входить принцы, дѣйствительные или отставные министры и генералы, равно какъ другія лица, на которыхъ палъ бы королевскій выборъ. „Права и власть нашего короля,—писалъ Штейнъ въ своемъ прощальномъ письмѣ,—я всегда считалъ и не перестаю считать священными. Но для того, чтобы эти права и эта неограниченная власть могли творить то добро, къ которому только онѣ способны, мнѣ казалось необходимымъ доставить верховной власти средство узнавать желанія народа и приводить въ исполненіе ея предначертанія. Когда народъ лишенъ всякаго участія въ дѣлахъ государственнаго управленія и даже лишенъ участія въ завѣдованіи своими мѣстными дѣлами, то онъ или равнодушно относится къ правительству, или въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ становится въ оппозицію къ нему“. Консервативнымъ элементамъ прусскаго общества подобнаго рода идеи казались уступкою духу революціи, измѣною „старой честной бранденбургской Пруссіи“. Гарденбергъ, частью завершившій, частью видоизмѣнившій начатыя Штейномъ административныя реформы, обратилъ особое вниманіе на вопросъ о національномъ представительствѣ. Уже прямо подъ его вліяніемъ самъ Фридрихъ-Вильгельмъ III въ эдиктѣ 27 октября 1810 г. пообѣщалъ самымъ положительнымъ образомъ дать странѣ провинціальное и національное представительство („eine zweckmässig eingerichtete Repräsentation der Nation sowohl in den Provinzen als für das Ganze“). Привилегированные, недовольные Гарденбергомъ,—между прочимъ, за его стремленіе установить гражданскую равноправность, чѣмъ наносился ударъ податнымъ изъятіямъ и феодальнымъ правамъ дворянства,—стали оказывать оппозицію его начинаніямъ. Между тѣмъ въ февралѣ 1811 г. Гарденбергъ созвалъ въ Берлинъ собраніе нотаблей (Landesdeputiertenversammlung), которое по своему преимущественно дворянскому составу далеко не соотвѣтствовало обѣщанному королемъ національному представительству и, вмѣсто того, чтобы оказывать правительству поддержку, выступало только съ самой упорной оппозиціей. Гарденбергъ думалъ убѣдить сословныхъ депутатовъ въ необходимости уже сдѣланныхъ и только еще предпринятыхъ преобразованій, но они лишь жаловались и нападали на неисправленіе

всѣхъ исконныхъ порядковъ: двое изъ нихъ даже обращались къ королю съ весьма рѣзкимъ протестомъ, за что были посажены въ крѣпость. Собраніе, ничего не сдѣлавши, было распущено. Обѣщаніе представительства было затѣмъ повторено королемъ еще разъ въ эдиктѣ отъ 7 сентября 1811 г., и въ апрѣлѣ 1812 г. созваны были вновь нотабли въ качествѣ временной замѣны національнаго представительства (interimistische Nationalrepräsentation), но правительство продолжало свои реформы безъ этого собранія, имѣвшаго еще менѣе значенія, нежели первое. Въ числѣ этихъ реформъ Гарденберга обращаетъ на себя вниманіе попытка устроить уѣздную администрацію по наполеоновскому образцу. Уже эдиктомъ 27 октября 1810 г. Гарденбергъ измѣнилъ административную систему Штейна, расчитанную на введеніе самоуправленія, усиливъ принципъ централизаціи, а 30 іюля 1812 г. былъ изданъ эдиктъ о жандармеріи (Gensdarmerie-Edikt), заключавшій въ себѣ цѣлую систему уѣзднаго управленія, которая должна была установить въ Пруссіи подобіе наполеоновскихъ префектуръ [1]), что уже совсѣмъ должно было ниспровергнуть первоначальный планъ Штейна. Впрочемъ, этотъ послѣдній эдиктъ не былъ приведенъ въ исполненіе [2]).

Несмотря на недоконченность реформъ Штейна и Гарденберга и несмотря на то, что между ними были даже внутреннія противорѣчія, то, что́ было ими сдѣлано для преобразованія правительственныхъ учрежденій, не осталось безслѣднымъ, но результатъ всѣхъ ихъ усилій былъ въ сущности одинъ. И Штейнъ, и Гарденбергъ считали нужнымъ прежде всего создать силу, которая могла бы совершить всѣ другія намѣченныя ими преобразованія, и съ этою цѣлью они направили всѣ свои усилія на улучшеніе самихъ правительственныхъ учрежденій. Они успѣшно разрѣшили свою задачу, внесши больше единства, стройности, порядка и энергіи въ дѣятельность центральныхъ, провинціальныхъ и уѣздныхъ учрежденій, но новая система въ концѣ-концовъ была только усовершенствованіемъ стараго порядка бюрократической централизаціи, такъ какъ введеніе самоуправленія (за исключеніемъ городского) такъ и осталось простымъ проектомъ. Въ слѣдующемъ періодѣ, когда въ высшихъ правительственныхъ сферахъ возобладали консервативные элементы, обновленною административною машиною воспользовалась какъ-разъ та реакція, которая тогда же помѣшала и осуществленію мысли о національномъ представительствѣ, обѣщавшемся королемъ неоднократно и послѣ низверженія Наполеона. Только города получили новое самоуправленіе, но если оно въ до-

---

[1]) См. выше, стр. 114.

[2]) Онъ даже формально былъ отмѣненъ въ 1814 г.

вольно значительной степени и содѣйствовало развитію городского благоустройства, то не дало тѣхъ результатовъ въ дѣлѣ политическаго воспитанія націи, на которые расчитывалъ Штейнъ, ибо, во-первыхъ, было ограничено почти одною сферою хозяйства, а во-вторыхъ, обособляло горожанъ отъ другихъ сословій, что даже противорѣчило идеѣ самого Штейна, стремившагося на почвѣ совокупнаго участія въ мѣстныхъ дѣлахъ пріучить отдѣльныя сословія къ солидарному общественному дѣйствію. Такимъ образомъ правительственная система реформами Штейна и Гарденберга была усовершенствована, но сословный партикуляризмъ не былъ ими сломленъ, а для общественной самодѣятельности въ новомъ духѣ почти и ничего не было сдѣлано.

Гораздо болѣе важными были тѣ реформы этой эпохи, которыя совершены были въ сферѣ соціальныхъ отношеній. Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости былъ въ Пруссіи поставленъ еще раньше вступленія Штейна во власть: когда онъ былъ призванъ къ управленію государствомъ, особой коммиссіей былъ уже изготовленъ проектъ, который министру-реформатору пришлось только осуществить. Первое свиданіе Штейна съ королемъ послѣ возвращенія его въ Пруссію въ 1807 г. состоялось 30 сентября, назначеніе его министромъ — 5 октября, а 9 числа того же мѣсяца уже появился эдиктъ, отмѣнявшій въ Пруссіи крѣпостное состояніе. Мысль объ этой мѣрѣ принадлежала, между прочимъ, Гарденбергу, раздѣлявшему новыя соціальныя воззрѣнія [1]), но хотя Штейнъ, державшійся противоположныхъ взглядовъ по вопросамъ сословнаго быта и политической экономіи, думалъ, что за пользованіе землею крестьяне должны находиться въ извѣстной зависимости отъ помѣщиковъ, подъ условіемъ въ то же время огражденія отъ произвольнаго удаленія съ своихъ участковъ, тѣмъ не менѣе онъ понялъ, какое важное значеніе будетъ имѣть проектированная мѣра для подъема народнаго духа. Считая безусловно необходимымъ для возстановленія Пруссіи вселить въ народныя массы духъ патріотизма, онъ и началъ свою реформаторскую дѣятельность съ освобожденія крестьянъ. Мало того: Фридрихъ-Вильгельмъ III, склоненный къ этому шагу еще въ августѣ, думалъ, однако, ограничить дѣйствіе новаго закона только двумя провинціями (Восточной и Западной Пруссіей), но Штейнъ прямо настоялъ на томъ, чтобы мѣра была распространена на всѣ вообще области монархіи. Эдиктъ 9 октября 1807 г. уничтожалъ крѣпостничество во всемъ королевствѣ и отмѣнялъ прежнюю исключительность дворянскаго землевладѣнія, провозгласивъ свободу перехода земель изъ рукъ въ руки. Этимъ эдиктомъ было положено начало рѣшенію

[1]) Однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ этомъ дѣлѣ былъ еще Schön.

крестьянскаго вопроса въ Пруссіи [1]), такъ какъ вслѣдъ затѣмъ и самимъ Штейномъ, а потомъ и Гарденбергомъ былъ изданъ цѣлый рядъ еще другихъ распоряженій, касавшихся крестьянства и поземельнаго устройства Пруссіи. Но, превративъ крѣпостного крестьянина въ свободнаго гражданина, прусская крестьянская реформа начала XIX вѣка не устроила его поземельнаго быта и не избавила его отъ вотчинной власти его бывшаго господина. Исключивъ королевскіе домены, въ коихъ крестьяне съ личною свободою пріобрѣли на правахъ полной собственности бывшіе въ ихъ владѣніи участки земли, мы можемъ сказать, что помѣщичьи крестьяне, коимъ было предоставлено самимъ, безъ государственнаго вмѣшательства и помощи совершать выкупъ экономическихъ тягостей, оставались попрежнему въ матеріальной зависимости отъ помѣщиковъ, тѣмъ болѣе, что владѣльцы рыцарскихъ помѣстій, несмотря на намѣреніе, выраженное въ эдиктѣ 25 февраля 1808 г., остались въ полномъ обладаніи старою вотчинною полиціей и юстиціей. Немудрено, что крестьяне, обманувшіеся въ своихъ надеждахъ, мѣстами начинали бунтовать, чтобы добиться безвозмездной отмѣны тягостей, продолжавшихъ лежать на нихъ по прежнимъ поземельнымъ отношеніямъ. Во всякомъ случаѣ, однако, первый ударъ феодальной несвободѣ лица и земли въ Пруссіи былъ нанесенъ эдиктомъ 9 октября 1807 г., и впервые въ Пруссіи онъ же вводилъ начало гражданской равноправности. Рушился, далѣе, въ это же время старый соціальный и экономическій бытъ и въ городахъ, благодаря отмѣнѣ монополій и цеховыхъ стѣсненій, а также провозглашенію свободы торговли и промышленности [2]) и т. п.; но и по отношенію къ бюргерству дѣло также не было доведено до конца. За дворянствомъ все-таки были оставлены извѣстныя привилегіи, хотя онѣ и были переведены съ личности дворянина на рыцарское помѣстье, впрочемъ, по первоначальному предположенію въ видѣ временной мѣры. Обладаніе рыцарскимъ помѣстьемъ, сдѣлавшееся доступнымъ теперь и бюргеру, соединено было съ правомъ вотчиннаго суда и полиціи, съ привилегированнымъ представительствомъ въ мѣстныхъ сеймахъ и т. п., но бюргеръ, который не входилъ въ составъ класса „владѣльцевъ рыцарскихъ помѣстій“, какъ стали звать прежнихъ помѣщиковъ-дворянъ, будучи во всемъ юридически уравненъ съ дворяниномъ, не имѣлъ одинаковаго съ нимъ политическаго значенія. Правда, разрѣшеніемъ всѣмъ покупать какую угодно землю воспользовалось множество бюргеровъ, но всѣ новые „владѣльцы рыцарскихъ помѣ-

---

[1]) См. подробности ниже, въ послѣднемъ отдѣлѣ этого тома.

[2]) См. подробнѣе въ томъ же отдѣлѣ, который указанъ въ предыдущемъ примѣчаніи.

стій“ тотчасъ же начинали проникаться юнкерскими воззрѣніями и стремленіями; можно даже сказать, что, благодаря притоку къ дворянству новыхъ силъ изъ бюргерства, теперь это сословіе только окрѣпло, а все, что было сдѣлано или предпринято противъ его старыхъ привилегій въ эпоху реформъ, лишь заставило его тѣснѣе сплотиться, дабы образовать особую дворянскую партію. Выступивъ впослѣдствіи на путь оппозиціи противъ непріятныхъ ей преобразованій, она и играла роль одной изъ главныхъ реакціонныхъ силъ въ Пруссіи временъ реставраціи. Несмотря, однако, на то, что соціальный бытъ монархіи Гогенцоллерновъ послѣ эпохи реформъ далеко не соотвѣтствовалъ мысли Штейна о солидарномъ дѣйствіи сословій, какъ отдѣльныхъ органовъ государственнаго тѣла, и еще менѣе осуществлялъ идею безсословнаго гражданства, которую вмѣстѣ съ другими передовыми людьми своего времени раздѣлялъ Гарденбергъ, соціальный феодализмъ, составляющій такую видную сторону стараго порядка, впервые былъ потрясенъ въ Пруссіи именно Штейномъ и Гарденбергомъ, и если ими не все было осуществлено, то многое было намѣчено. Прусское правительство провозгласило въ это время принципъ всеобщей податной и воинской повинности, что уравнивало гражданъ въ отбываніи ими своихъ обязанностей по отношенію къ государству. Правда, на практикѣ всеобщая податная повинность не получила полнаго развитія, но послѣ того, какъ принципъ равенства былъ провозглашенъ самимъ правительствомъ, привилегіи, которыя остались за владѣльцами рыцарскихъ помѣстій, должны были казаться уже явною несправедливостью по отношенію къ другимъ классамъ общества. Намѣреніе Гарденберга отмѣнить разныя изъятія, коими пользовалось дворянство, главнымъ образомъ и возбуждало противъ него оппозицію, о которой было говорено выше. Гораздо полнѣе была осуществлена идея всеобщей воинской повинности, подсказывавшаяся правительству прямою необходимостью реорганизовать армію послѣ пораженій, понесенныхъ ею въ 1806—1807 гг.

На военной реформѣ, совершенной въ Пруссіи въ эпоху реформъ, необходимо остановиться не только потому, что она входитъ, какъ составная часть, въ общій планъ установленія гражданскаго равенства между отдѣльными сословіями, и не только потому еще, что, благодаря этой реформѣ Пруссія въ короткое время организовала армію, которая дала ей возможность въ 1813 г. вступить въ успѣшную борьбу съ Наполеономъ, но и потому, что воинская система Пруссіи была принята впослѣдствіи и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Своимъ военнымъ возрожденіемъ монархія Гогенцоллерновъ была обязана генералу Шарнгорсту, который послѣ Тильзита былъ сдѣланъ предсѣдателемъ коммиссіи, учрежденной для преобразованія арміи (Militärre-

organisationskommission). Когда во время войны за освобожденіе (1813) онъ умеръ, смертельно раненый въ одномъ сраженіи, дѣло его продолжалъ генералъ Гнейзенау, занимавшійся одно время въ той же коммисіи, но бывшій вынужденнымъ, подобно Штейну, покинуть Пруссію вслѣдствіе подозрѣній, какія онъ на себя навлекъ у французскаго правительства. Коммиссія Шарнгорста, начавшаго фактически играть роль военнаго министра [1]), выработала общія положенія системы, которыя окончательно и были введены въ жизнь въ 1814 г. Старый способъ пополненія арміи вербовкой и рекрутскими наборами замѣнялся всеобщей воинской повинностью, одинаково обязательной для всѣхъ сословій. Послѣ Тильзитскаго мира Пруссія лишена была права держать болѣе 42 тысячъ войска, но въ виду борьбы за независимость стали брать молодыхъ людей въ солдаты на короткіе сроки, чтобы, наскоро обучивъ ихъ, отправлять домой, какъ людей, уже достаточно подготовленныхъ къ военной службѣ, и замѣнять ихъ новыми и новыми солдатами. Кромѣ дѣйствующей арміи, такимъ образомъ было подготовлено особое запасное земское ополченіе (Landwehr). Вмѣстѣ съ этимъ было постановлено, что право на повышеніе по службѣ будетъ даваться не происхожденіемъ или продолжительнымъ занятіемъ должностей, но лишь образованіемъ и заслугами. Наконецъ, были отмѣнены прежнія строгости военнаго устава, и всѣ наказанія, оскорбляющія личное достоинство солдата, были изъ этого устава выключены. Все это въ соединеніи съ чисто техническими нововведеніями совершенно преобразило прусскую армію: войско, выступившее въ войнѣ 1813 г., уже не походило на то, которое было разбито за семь лѣтъ передъ тѣмъ при Іенѣ. Гораздо меньшимъ было вліяніе всеобщей воинской повинности на уравненіе общественныхъ классовъ: уже на первыхъ порахъ дѣло не обошлось безъ значительныхъ отступленій отъ принципа, но особенно впослѣдствіи, въ эпоху реакціи, все еще крѣпко держался на практикѣ старый порядокъ занятія офицерскихъ мѣстъ исключительно одними дворянами.

Прусскія реформы оказали весьма большое моральное дѣйствіе и на остальную Германію. Упорядочивъ внутреннія отношенія государства, поднявъ духъ населенія, создавъ хорошую армію, онѣ сдѣлали изъ Пруссіи надежду всей нѣмецкой націи, тяготившейся французскимъ владычествомъ, тѣмъ болѣе, что эти преобразованія были совершены по свободной иниціативѣ самого прусскаго правительства, а не были продиктованы ему побѣдителемъ, и были еще произведены людьми, враждебно относившимися къ Наполеону и за то подвергавшимися

[1]) Одно время онъ занималъ этотъ постъ, но тоже долженъ былъ ей оставить по требованію Наполеона I (1811).

гоненію съ его стороны. Это моральное дѣйствіе прусскихъ реформъ съ особою силою сказалось въ войнѣ за освобожденіе 1813 г., когда обновленная Пруссія стала во главѣ національнаго движенія, поставившаго своею цѣлью низверженіе чужеземной власти. Въ числѣ причинъ, сокрушившихъ имперію Наполеона, играло не малую роль одушевленіе нѣмцевъ, а оно до извѣстной степени было создано тѣми надеждами, какія были возбуждены въ нѣмецкихъ патріотахъ реформами Штейна и Гарденберга.

XI. Внѣшняя и внутренняя оппозиція противъ имперіи Наполеона I [1]).

Общія причины непрочности владычества Наполеона. — Отношеніе отдѣльныхъ націй къ Франціи въ эпоху имперіи.—Національное возбужденіе въ Германіи.— «Рѣчи къ нѣмецкой націи», патріотическая литература и «союзъ доблести». — Народныя движенія къ Германіи и война за освобожденіе.—Значеніе народныхъ движеній при Наполеонѣ.—Положеніе Наполеона внутри Франціи.—Непрочность владычества Наполеона въ самой Франціи.—Причины недовольства Наполеономъ во Франціи.—Тягости военнаго времени.—Континентальная система и экономическій кризисъ.—Литературная оппозиція противъ Наполеона. — Предсказанія о концѣ имперіи Наполеона. — Оппозиціонное настроеніе общества въ концѣ имперіи.

Въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ (1792—1812) всѣ коалиціи, составлявшіяся противъ революціонной и наполеоновской Франціи, оканчивались неудачею. Мы видѣли [2]), что причинами этого были, во-первыхъ, рознь, которая господствовала между правительствами, вступавшими между собою въ союзъ для борьбы съ Франціей, а во-вторыхъ то, что народы, тяготившіеся старыми порядками или доведенные прежнимъ режимомъ до совершенной почти безжизненности,

---

[1]) Для исторіи войны за освобожденіе Германіи кромѣ соч. Häusser'a, Krones'a (Gesch. Oesterreich im Zeitalter der franz. Kriege), Treitschke, Oncken'a (см. выше стр. 11 и 13) и др. болѣе общихъ трудовъ, есть спеціальныя работы: Beitze. Gesch. der deutschen Freiheitskriege (три тома, третье изд. 1864 г., четвертое въ 2 т. 1882 г.).—Droysen. Vorlesungen über das Zeitalter der Freiheitskriege. 1886.—Oncken. Oesterreich uud Preussen im Befreiungskriege. 1876, 1879.—Metternich-Winneburg. Oesterreichs Theilnahme an den Befreiungskriegen. 1887.—Charras. Histoire de la guerre de 1813 en Allemagne. 1866 (есть и нѣм. переводъ). См. также Rudolf Goette. Das Zeitalter der deutschen Erhebung (1807—1815). 1891—92. Послѣднее соч. является началомъ задуманной авторомъ исторіи Германіи въ XIX в. Укажемъ еще на S. Clair. André Hofer et l'insurrection du Tyrol en 1809.

[2]) См. выше, стр. 16, 32—33, 135 и др.

или сами оказывали хорошій пріемъ французской арміи или, по крайней мѣрѣ, не оказывали ей достаточнаго сопротивленія. Въ первый разъ встрѣтился Наполеонъ съ настоящею народною войною только въ Испаніи (1808 г.), и вотъ на геройскую борьбу испанской націи противъ иноземнаго владычества стали скоро ссылаться и въ другихъ странахъ, какъ на примѣръ, достойный подражанія [1]). Въ слѣдующемъ году поднялось героическое народное возстаніе въ Тиролѣ подъ начальствомъ Гофера, съумѣвшаго—на короткое, правда, время—очистить страну отъ завоевателей, и тогда же сдѣланы были также первыя попытки въ Германіи сбросить французское иго посредствомъ народнаго возстанія. Въ 1812 г. предпринятый Наполеономъ походъ на Россію и здѣсь возбудилъ народную войну, и неудача великой арміи, которой пришлось отступать изъ Москвы въ суровое время года, по разоренной дорогѣ, среди враждебнаго населенія, имѣла однимъ изъ своихъ результатовъ то, что въ слѣдующемъ, 1813 году національное броженіе, уже ранѣе дававшее себя знать въ Германіи, перешло также въ народный взрывъ знаменитой „войны за освобожденіе“. Правительства, которыя раньше боролись съ Наполеономъ однѣми арміями, увидѣли, какую силу представляли изъ себя чисто народныя движенія противъ французовъ, и въ борьбѣ своей съ Наполеономъ стали опираться на эту силу, подымая народный духъ либеральными обѣщаніями. Правительства поняли также, что лишь тѣсное единеніе государствъ порабощенной Европы въ состояніи будетъ привести къ ея освобожденію отъ тягостной французской гегемоніи: въ 1812 году соединенная подъ властью Наполеона Европа шла покорять изолированную Россію, въ 1814 уже изолированная Франція должна была покориться волѣ той же Европы, соединенной подъ предводительствомъ Россіи. Роли перемѣнились и не въ этомъ только отошеніи. Въ 1793 г. Франція, переживавшая весьма тяжелый внутренній кризисъ, съумѣла отразить иноземное нашествіе подъемомъ своихъ народныхъ силъ, но въ 1814 и 1815 гг. она два раза подчинялась иноземному завоеванію послѣ того, какъ побиты были ея арміи: союзники, освободившіе въ 1813 г. Германію отъ Наполеона, не встрѣтили во Франціи народной войны, не встрѣтили такого національнаго движенія, какое происходило въ 1808 — 1813 гг. въ Германіи, въ Тиролѣ, въ Россіи, въ Германіи. Франція 1814—1815 годовъ оказалась обезсиленною деспотизмомъ Наполеона гораздо болѣе, чѣмъ могла за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ обезсилить ее анархія революціи. Наполеонъ понималъ, на чемъ держалась его власть во Франціи и не считалъ

---

[1]) См. выше, стр. 193 и 194.

возможнымъ для себя ни вернуться въ Парижъ побѣжденнымъ [1]), ни обратиться къ націи, чтобы вызвать народную войну. Когда одинъ генералъ указалъ ему на возможность поднять націю, онъ отказался отъ этого плана. „Химера!—воскликнулъ онъ,—химера, заимствованная изъ воспоминаній о революціи! Поднять націю въ странѣ, гдѣ революція уничтожила благородныхъ и священниковъ и гдѣ я же самъ разрушилъ революцію"! Въ началѣ своего правленія Наполеонъ, давшій странѣ внутреннее успокоеніе, въ которомъ она такъ нуждалась, былъ не только очень популяренъ, но и не встрѣчалъ почти никакой оппозиціи, но къ концу его царствованія внутренняя оппозиція противъ его режима сдѣлала довольно значительные успѣхи, и первая серьезная внѣшняя неудача, постигшая имперію, придала бодрости всѣмъ оппозиціоннымъ элементамъ. Таковы были внѣшнія и внутреннія причины, сокрушившія наполеоновскую имперію: и въ порабощенной Европѣ, и въ самой Франціи, лишенной общественной свободы, деспотизмъ Наполеона въ концѣ-концовъ встрѣтилъ сильную оппозицію, а эта внѣшняя и внутренняя оппозиція пошла подъ знаменемъ національной и политической свободы, т.-е. совершалась во имя идей, родственныхъ принципамъ 1789 г. Въ 1812 г. испанскіе патріоты, боровшіеся противъ Наполеона, выработали извѣстную либеральную конституцію [2]); національное движеніе въ Германіи усилено было либеральными обѣщаніями правительствъ; наконецъ, самъ Наполеонъ въ эпоху своего вторичнаго, „стодневнаго" царствованія счелъ нужнымъ измѣнить учрежденія имперіи въ либеральномъ духѣ. Настоящую главу мы и посвящаемъ общей характеристикѣ внѣшней и внутренней оппозиціи противъ владычества Наполеона, подготовившей паденіе имперіи.

Нѣтъ ни малѣйшей необходимости останавливаться надъ причинами того недовольства противъ Франціи, которое господствовало въ большей части европейскихъ націй въ эпоху наполеоновскаго владычества: причины этого недовольства были въ томъ произволѣ, съ какимъ Наполеонъ распоряжался цѣлыми народами и государствами, въ полномъ пренебреженіи его къ національнымъ правамъ и интересамъ, въ деспотическомъ режимѣ, установлявшемся повсемѣстно, гдѣ только утверждалась его власть, въ матеріальномъ разореніи на-

---

[1]) Въ 1813 г. онъ говорилъ Меттерниху, предлагавшему посредничество Австріи между нимъ и русско-прусскимъ союзомъ, слѣдующее: „Ваши государи, рожденные на тронѣ, не могутъ постигнуть тѣхъ ощущеній, какія волнуютъ мою грудь; они возвращаются побѣжденными въ свои столицы и остаются тѣмъ, чѣмъ были прежде, но я не могу ослабленнымъ появиться среди моего народа, я долженъ оставаться великимъ, славнымъ и достойнымъ удивленія".

[2]) См. выше, стр. 167.

родовъ отъ тягостей войны, конскрипцій, контрибуцій и континентальной системы. Въ ненависти къ Наполеону объединялись чувства культурныхъ классовъ общества и народной массы, и одинаково враждебно относились къ нему какъ консерваторы, въ родѣ англійскихъ торіевъ, испанскихъ клерикаловъ, прусскихъ юнкеровъ и т. п., для коихъ Наполеонъ былъ исчадіемъ революціи, такъ и либералы, видѣвшіе въ немъ деспота, подавившаго свободу и въ собственной своей Франціи, и за ея границами. Конечно, мотивы ненависти къ Наполеону въ разныхъ странахъ были различные. Сильна была, напр., ненависть къ нему въ Англіи, и именно англичане проявили наибольшее упорство въ борьбѣ съ Франціей въ эту эпоху, но здѣсь причина такого отношенія къ владыкѣ континента была иная, нежели, положимъ, въ Испаніи или въ Германіи. Островное положеніе Англіи дѣлало ее недосягаемой для Наполеона, и война съ нею Франціи, союзы, въ которые противъ нея Франція вступала съ другими государствами, континентальная система, направленная противъ англійской промышленности и торговли, наносили Англіи большой политическій вредъ и матеріальный ущербъ, тогда какъ Испаніи и Германіи навязывалось уже прямо чужеземное иго, оскорблявшее національный патріотизмъ ихъ населеній, лишавшее ихъ политической независимости, уничтожавшее въ обѣихъ странахъ то, что жители ихъ считали—вѣрно или невѣрно, это другой вопросъ—своей внутренней свободой. Правда, съ другой стороны, у Наполеона внѣ Франціи были и сторонники, но рѣдко они бывали искренни и оставались вѣрными ему до конца. Исторія международныхъ отношеній въ эпоху консульства и имперіи указываетъ на то, что отдѣльныя правительства дружили съ Наполеономъ, пока его боялись или надѣялись извлечь изъ союза съ нимъ выгоду, и это, значитъ, были союзники не очень-то надежные. Особенно государи Рейнскаго союза, облагодѣтельствованные Наполеономъ, крѣпко его держались, ибо ихъ собственная власть покоилась на могуществѣ французскаго императора; но эти союзники не могли противиться до конца настроенію своихъ собственныхъ подданныхъ и требованіямъ послѣдней коалиціи, образовавшейся противъ Наполеона. Изъ европейскихъ націй одни только поляки искренне были расположены къ Наполеону, вѣря, что онъ рано или поздно возстановитъ ихъ родину. Съ самаго паденія Рѣчи Посполитой польскіе патріоты возлагали всѣ свои надежды на Францію—сначала на побѣдоносную революцію, потомъ на еще болѣе побѣдоносную имперію—и шли сражаться подъ французскими знаменами; но Наполеонъ только эксплуатировалъ польскій патріотизмъ, привлекая поляковъ на свою сторону, пугая Россію призракомъ возстановленія Польши, но въ дѣйствительности не обнаруживъ серьезнаго

намѣренія это сдѣлать. Національная независимость какого бы то ни было народа слишкомъ противорѣчила всей политикѣ Наполеона, предпочитавшаго имѣть дѣло съ правительствами, съ которыми онъ дѣлился завоеванными населеніями и которыя онъ вознаграждалъ цѣлыми территоріями, не справляясь съ желаніемъ ихъ жителей. Поляки въ своемъ исключительномъ положеніи еще могли мечтать о томъ, что Наполеонъ возстановитъ ихъ политическую независимость, но не могли видѣть въ немъ возстановителя свободы другіе народы. Даже въ Италіи, привыкшей къ раздробленію и иноземному господству, въ это время начинаетъ пробуждаться мысль о національномъ единствѣ и независимости, осуществленіе коей въ концѣ-концовъ должно было направиться противъ Франціи [1]).

Эта почти всеобщая національная оппозиція противъ французскаго владычества имѣла далеко не одинаковое значеніе въ исторіи отдѣльныхъ странъ, гдѣ продолжали между собой бороться консервативныя и прогрессивныя стремленія. Такую борьбу мы наблюдаемъ, напр., въ Испаніи, гдѣ въ 1812 г. побѣдило либеральное теченіе, что и выразилось въ знаменитой конституціи, составленной кадикскими кортесами. Шла внутренняя борьба и въ Италіи, гдѣ подготовлялось уже тогда карбонарское движеніе, проявившее всю свою силу въ эпоху реставраціи. Но Испанія и Италія были націи въ культурномъ отношеніи отсталыя сравнительно съ Германіей, которая съ середины XVIII вѣка развила у себя глубокую и богатую духовную жизнь, выразившуюся въ процвѣтаніи философіи, литературы и науки, вслѣдствіе чего подъемъ народнаго духа въ этой странѣ въ эпоху борьбы съ иноземнымъ владычествомъ соединился со многими культурными явленіями, невольно останавливающими на себѣ вниманіе историковъ [2]). Не касаясь здѣсь всей культурной жизни Германіи за этотъ періодъ, мы остановимся лишь на фактахъ, свидѣтельствующихъ о національномъ характерѣ тогдашняго духовнаго движенія.

Нѣмцы XVIII вѣка наименѣе заслуживаютъ упрека въ національномъ. Напротивъ того, нѣмецкая культура прошлаго столѣтія отличается характеромъ космополитическимъ. Это, между прочимъ, сказалось и на томъ увлеченіи многихъ образованныхъ нѣмцевъ французской революціей, въ которомъ довольно значительную роль играло

---

[1]) Объ итальянскихъ отношеніяхъ эпохи будетъ сказано ниже по поводу политической борьбы двадцатыхъ годовъ.

[2]) О культурной жизни Германіи рѣчь будетъ въ другихъ отдѣлахъ, и тамъ будутъ сдѣланы указанія на литературу. Очеркъ развитія національнаго самосознанія въ Германіи представляетъ книжка Lévy-Bruhl'я „L'Allemagne depuis Leibnitz". 1890.

представленіе объ универсальномъ значеніи революціи, о наступленіи новой эры для всего человѣчества [1]). Космополитическимъ настроеніемъ были проникнуты въ Германіи величайшіе умы эпохи, и если уже тогда зарождались—въ области литературы—нѣкоторыя явленія коимъ суждено было впослѣдствіи развиться въ своего рода національную исключительность, то одною изъ главныхъ причинъ такой перемѣны было пробужденіе чувства народности подъ вліяніемъ иноземнаго владычества. Въ этомъ отношеніи весьма характеренъ примѣръ философа Фихте, стоявшаго сначала на точкѣ зрѣнія „всемірнаго гражданства“ (Weltbürgerthum), а потомъ сдѣлавшагося родоначальникомъ теоретическаго національнаго, который развился въ XIX в. не въ одной Германіи. Совсѣмъ въ духѣ космополитическихъ стремленій XVIII в. онъ высказывался еще въ 1804—1805 г., отвѣчая (въ Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters) на вопросъ о томъ, гдѣ находится отечество истинно просвѣщеннаго европейца. По его мнѣнію, это—прежде всего вообще Европа, а въ частности наиболѣе просвѣщенное въ данную минуту государство: намъ не должно быть дѣла до того, что тотъ или другой народъ останавливается въ своемъ развитіи, приходитъ въ упадокъ или опережается другими, ибо только для земнородныхъ отечество—въ почвѣ, въ рѣкахъ и въ горахъ,—такъ пусть же они и остаются гражданами павшаго государства, удерживая въ своихъ рукахъ предметъ любви своей, въ который они вложили все свое счастье, но родственный солнцу духъ непреоборимо обращается въ ту сторону, гдѣ свѣтъ и вселенная. „И въ этомъ всемірно-гражданскомъ чувствѣ (Weltbürgersinn) мы можемъ быть совершенно спокойными за себя и за своихъ потомковъ до конца дней относительно дѣяній и судебъ отдѣльныхъ государствъ“. Это космополитическое настроеніе какъ рукой сняло съ Фихте, когда вспыхнула война Пруссіи съ Наполеономъ. Философъ жалѣлъ, что не можетъ идти сражаться, и высказывалъ намѣреніе сдѣлаться свѣтскимъ проповѣдникомъ въ арміи, чтобы рѣчами своими воодушевлять солдатъ. Въ 1807 г. онъ пишетъ діалогъ о патріотизмѣ и противоположномъ ему настроеніи, въ коемъ выступаетъ на первый планъ идея отечества и уже не въ смыслѣ только отечества прусскаго, а въ смыслѣ національнаго единства всей Германіи. Въ зиму съ 1807 на 1808 г. Фихте читалъ въ Берлинѣ въ формѣ публичныхъ лекцій свои знаменитыя „Рѣчи къ нѣмецкой націи“ (Reden an die deutsche Nation), сильно содѣйствовавшія подъему патріотическаго духа нѣмцевъ. Въ этихъ „рѣчахъ“ онъ обращается „къ нѣмцамъ, просто къ нѣмцамъ, игнорируя раздѣляющія ихъ различія, которыя были созданы несчастными обстоятельствами въ единомъ

[1]) Т. III, 265 и слѣд.

народѣ", и обращается, приглашая ихъ сдѣлаться единой націей, чтобы найти свою свободу. Любовь къ отечеству Фихте опредѣляетъ здѣсь, какъ любовь къ вѣчному, ибо кто въ земной жизни не видитъ вѣчныхъ началъ, у того можетъ быть отечество на небесахъ, но онъ не имѣетъ отечества на землѣ: земное отечество есть лишь у того, кто обладаетъ сознаніемъ народности, какъ вѣчнаго сосуда божественнаго духа. Мало того: Фихте стремится доказать, что къ настоящему пониманію высшихъ началъ мысли и жизни способны только нѣмцы, у коихъ религія, философія, государство — являются одухотворенными, тогда какъ чужіе народы относятся ко всему этому внѣшнимъ образомъ, понимаютъ все это только механически. Этотъ примѣръ обращенія философа-идеалиста изъ „гражданина вселенной" въ нѣмецкаго патріота отмѣчаетъ собою поворотъ, происшедшій вообще въ нѣмецкомъ образованномъ обществѣ подъ вліяніемъ иноземнаго завоеванія. Фихте, между прочимъ, указывалъ на необходимость реформы воспитанія, которое одно только поможетъ вывести націю изъ ея печальнаго положенія. Однимъ изъ важныхъ дѣлъ прусскаго правительства въ эпоху реформъ было основаніе (1809) берлинскаго университета [1]), въ которомъ читали лекціи, кромѣ Фихте, и другіе выдающіеся профессора и который много содѣйствовалъ пробужденію въ обществѣ патріотизма. Во главѣ новаго университета сталъ гуманный и либеральный Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ. У Фихте проповѣдь національнаго патріотизма смягчалась еще его идеальнымъ настроеніемъ, но у другихъ дѣятелей эпохи подобная проповѣдь прямо переходила въ своего рода травлю романскихъ націй, какъ это мы видимъ у извѣстнаго „отца гимнастики" (Turnvater) Яна, который считалъ нужнымъ тѣлесными упражненіями воспитать здоровое поколѣніе для борьбы съ французами, а къ нимъ онъ относился съ совершенно изувѣрскою ненавистью. Вражду къ романской расѣ проповѣдовалъ и Арндтъ въ своемъ сочиненіи „Духъ времени", которое тоже немало способствовало пробужденію въ нѣмецкомъ обществѣ національнаго чувства. Эпоха войны за освобожденіе создала въ Германіи, наконецъ, цѣлое направленіе патріотической лирики, представителями коей были Кёрнеръ, авторъ сборника „Лира и мечъ" (Leier und Schwert), убитый въ одной стычкѣ въ 1813 г.; Уландъ, соединявшій съ патріотизмомъ либеральныя стремленія, коимъ остался вѣренъ до конца жизни; Арндтъ, другъ Штейна, спасавшійся отъ наполеонова гнѣва въ Стокгольмѣ и въ самой Германіи подъ чужимъ именемъ; Рюккертъ, одинъ изъ дѣятелей нѣмецкаго романтизма, и др. Въ этомъ національномъ движеніи особое значеніе пріобрѣлъ

---

[1]) Köpke. Die Gründung der königlichen Friedrich-Willhelms Universität zu Berlin.

такъ называемый „союзъ доблести“ (Tugendbund), возникшій въ 1808 г. въ Пруссіи въ числѣ другихъ тайныхъ обществъ, ставившихъ своей задачей духовное и политическое возрожденіе Германіи. Основателемъ „тугендбунда“ былъ кенигсбергскій профессоръ Леманъ, членами его были—ученые, военные, чиновники; Штейнъ съ Шарнгорстомъ оказывали ему свое содѣйствіе. Хотя число членовъ „союза“ не превосходило 350, однако, французская полиція и реакціонная партія въ самой Пруссіи относились къ нему подозрительно, и по требованію правительства союзъ долженъ былъ прекратить свое существованіе. Французы приписывали ему гораздо большее значеніе и сильно его побаивались, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ членовъ въ такихъ частяхъ Германіи, гдѣ въ 1809 г. начинались уже антифранцузскія движенія.

Хотя главнымъ центромъ патріотическихъ проявленій послѣ 1807 г. сдѣлалась Пруссія, гдѣ тогда же совершалась и преобразовательная дѣятельность правительства, первыя вспышки противъ французовъ произошли въ другихъ мѣстахъ. Уже въ 1809 г. въ отдѣльныхъ частяхъ Германіи замѣчались признаки будущей войны за освобожденіе. Въ этомъ году Австрія, начиная войну съ Наполеономъ, прямо ставила ея цѣлью свободу нѣмецкаго народа, но Австрія въ то время была изолирована и побита [1]). Въ томъ же году поднялось возстаніе въ Тиролѣ, но и оно было усмирено. Наконецъ, опять-таки въ 1809 г. во многихъ мѣстахъ сѣверной Германіи, особенно въ Вестфальскомъ королевствѣ замышлялись, подготовлялись и даже начинались возстанія противъ французовъ: извѣстенъ, между прочимъ, безумно-героическій планъ майора Шилля, овладѣвшаго Штральзундомъ, чтобы сдѣлать изъ него опорный пунктъ возстанія, но погибшаго при взятіи этого города врагами; извѣстенъ также не менѣе смѣлый походъ на Вестфалію герцога Брауншвейгскаго съ „чернымъ легіономъ мести“, окончившійся, однако, неудачей, послѣ чего герцогъ долженъ былъ спасаться въ Англіи, и т. д. Всѣ подобныя попытки вообще въ это время подавлялись фнанцузами съ успѣхомъ, и виновники, попадавшіе въ ихъ руки, подвергались казни. Наполеонъ былъ, однако, встревоженъ такимъ настроеніемъ нѣмцевъ и спѣшилъ окончить войну съ Австріей, дабы „не быть окруженымъ тысячью Вандей“. Подъ вліяніемъ общей ненависти къ Наполеону въ это время одинъ молодой человѣкъ изъ Наумбурга, Фридрихъ Штапсъ, сдѣлалъ попытку убить Наполеона въ Шенбруннѣ, но былъ схваченъ, признался на допросѣ въ своемъ намѣреніи и былъ приговоренъ къ смертной казни. Все это были предупрежденія по адресу Наполеона, да и не даромъ однажды писалъ ему его братъ, король вестфальскій: „Броженіе достигло высшей

[1]) См. выше, стр. 152.

степени; принимаются и поддерживаются самыя безразсудныя надежды; ставятъ себѣ за образецъ Испанію, и повѣрьте, когда начнется война, страны между Рейномъ и Одеромъ будутъ театромъ большого возстанія, ибо должно опасаться крайняго отчаянія народовъ, коимъ болѣе нечего терять".

Послѣ неудачи русскаго похода Наполеона Германія, дѣйствительно, поднялась противъ французскаго владычества. Движеніе началось въ Пруссіи, гдѣ еще въ концѣ 1812 г. генералъ Іоркъ, находившійся подъ начальствомъ Макдональда, заключилъ на свой страхъ таурогенскую конвенцію съ русскимъ генераломъ Дибичемъ и прекратилъ борьбу за дѣло Франціи, что вызвало неудовольствіе въ Берлинѣ. Далѣе, по мысли Штейна въ Кёнигсбергѣ въ началѣ февраля собрались земскіе чины Восточной и Западной Пруссіи, которые рѣшили организовать провинціальное ополченіе для борьбы съ врагомъ нѣмецкаго народа и выбрали особую комиссію для завѣдованія этимъ дѣломъ, что равнымъ образомъ не понравилось Фридриху-Вильгельму III, не довѣрявшему общественной иниціативѣ: не смотря даже на то, что сеймъ постоянно выражалъ ему свои вѣрноподданническія чувства, король постановленій сейма не утверждалъ. Это, впрочемъ, не помѣшало жителямъ провинціи организовать возстаніе. Между тѣмъ послѣ перехода русскихъ войскъ за границу, прусскому правительству пришлось выбирать между союзомъ съ Франціей и союзомъ съ Россіей. Послѣ долгихъ колебаній Фридрихъ-Вильгельмъ III рѣшился на послѣдній и именно въ виду начинавшагося народнаго возстанія, которое съ трудомъ сдерживалось властями. Штейнъ, жившій съ весны 1812 г. въ Петербургѣ и склонившій Александра I къ исполненію давно задуманнаго прусскими патріотами плана освобожденія Германіи, не мало содѣйствовалъ тому, что между Пруссіей и Россіей въ февралѣ 1813 г. былъ наконецъ заключенъ въ Калишѣ договоръ. Въ мартѣ онъ былъ дополненъ договоромъ бреславскимъ, касавшимся вопроса объ управленіи нѣмецкими землями, которыя будутъ освобождены отъ французовъ [1]). Страшное воодушевленіе овладѣло прусаками, особенно послѣ того, какъ въ мартѣ король объявилъ войну Франціи и обратился съ воззваніемъ къ своему народу. Это и другія воззванія (между прочимъ калишское воззваніе Кутузова отъ имени обоихъ союзныхъ государей) сильно содѣйствовали взрыву національнаго чувства, тѣмъ болѣе, что въ прокламаціяхъ этихъ говорилось о независимости народовъ, объ ихъ правѣ распоряжаться собственной своей судьбой, о силѣ общественнаго мнѣнія, передъ которою должны преклоняться государи и т. п.

---

[1]) Для этого изъ уполномоченныхъ Россіи и Пруссіи составленъ былъ совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Штейна, бывшаго русскимъ уполномоченнымъ.

Штейнъ былъ однимъ изъ главныхъ вдохновителей такихъ обращеній къ нѣмцамъ вообще и къ населенію отдѣльныхъ частей Германіи (Саксоніи, Вестфаліи и т. п.). Между тѣмъ Шарнгорстъ организовалъ въ Пруссіи милицію (ландверъ) и поголовное ополченіе (ландштурмъ), но кромѣ того, образовались еще добровольческіе отряды изъ нѣмцевъ, вовсе не бывшихъ прусскими подданными; на популярную войну шли профессора, учителя, студенты, чиновники, молодые дворяне, купцы, ремесленники, крестьяне. Изъ Пруссіи движеніе перешло въ другія нѣмецкія земли и прежде всего въ Саксонію, король которой былъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ Наполеону членовъ Рейнскаго союза. Народное движеніе, конечно, сдерживалось въ государствахъ Рейнскаго союза правительствами, бывшими на сторонѣ Франціи: здѣсь даже предписывалось служить благодарственные молебны по случаю одерживавшихся Наполеономъ побѣдъ; но мало-по-малу и эти государи должны были примкнуть къ анти-французскому союзу, когда послѣдній сдѣлался болѣе грозной силой послѣ присоединенія къ нему Швеціи, Англіи и Австріи (послѣдней по рейхенбахскому договору). Одною изъ первой отстала отъ Наполеона Баварія, обезпечивъ за собою (по ридскому договору съ Австріей) свои суверенныя права и территоріальную неприкосновенность или, по крайней мѣрѣ, равноцѣнное вознагражденіе въ случаѣ какихъ-либо уступокъ. Послѣ знаменитой трехдневной битвы подъ Лейпцигомъ (16, 17 и 18 окт.), имѣвшей результатомъ отступленіе французской арміи къ Рейну, началось быстрое распаденіе Рейнскаго союза. Король саксонскій былъ взятъ подъ стражу; Вестфальское королевство рушилось, и въ Ганноверѣ возстановлено было прежнее правленіе; курфюрстъ Гессенскій и герцоги Брауншвейгскій и Ольденбургскій [1]) вернулись въ свои владѣнія; великое герцогство Франкфуртское [2]) перестало существовать; Вюртембергъ, Баденъ, Гессенъ-Дармштадтъ, Нассау, тоже заключили съ Австріей договоры и передали свои войска въ распоряженіе союзниковъ, и этимъ государямъ, равно какъ и другимъ членамъ Рейнскаго союза, было обѣщано сохраненіе ихъ владѣній и верховныхъ правъ, вопреки совѣту Штейна, мечтавшаго о національномъ единствѣ Германіи. Такъ въ 1813 г. рушились наполеоновскія учрежденія въ Германіи, какъ рушились затѣмъ и его итальянскія созданія. Въ ночь на 1 января 1814 г. часть прусской арміи подъ начальствомъ Блюхера переправилась черезъ Рейнъ, служившій въ это время границей Франціи, а черезъ двѣ недѣли Данія вынуждена была (по кильскому договору

---

[1]) См. выше, стр. 146 и 153.
[2]) См. выше, стр. 143.

14 января) отказаться отъ союза съ Франціей, уступивъ Швеціи Норвегію [1]), а Англіи—Гельголандъ.

Правительства, вступавшія въ борьбу съ Наполеономъ, не смогли сдѣлать того, что сдѣлали народы. Правительства долгое время вели политику, которая раздражала народныя чувства, будучи всегда готовы не только помириться, но даже и вступить въ союзъ съ Наполеономъ въ виду какихъ-либо вознагражденій или выгодъ въ будущемъ; они силою подавляли проявленія ненависти къ порабощителямъ и, не довѣряя общественнымъ движеніямъ и народнымъ силамъ, опирались исключительно на чиновничье управленіе и на арміи, и только героическое сопротивленіе испанцевъ въ первый разъ заставило правительства обратить вниманіе на то, чѣмъ могла бы быть народная война. Безъ этой національной оппозиціи противъ владычества Наполеона, безъ народной войны, какую онъ встрѣтилъ въ Испаніи и въ Россіи и какая вспыхнула потомъ въ Германіи, едва ли могли бы что-либо сдѣлать противъ Франціи тѣ дипломатическія и военныя средства, которыя пускались противъ нея въ ходъ европейскими правительствами съ самаго начала французской революціи. Народныя движенія увлекли европейскихъ государей на совершенно новый путь въ борьбѣ съ всемірной монархіей Наполеона, и одинъ этотъ путь оказался ведущимъ къ цѣли.

Но противъ Наполеона поднялась не одна внѣшняя оппозиція: внутри Франціи тоже не все обстояло благополучно, и единенію правительствъ съ народами Наполеонъ въ 1814 г. былъ не въ состояніи противопоставить и съ своей стороны такое же единеніе.

Положеніе Наполеона въ самой Франціи не отличалось достаточною прочностью: мѣры чрезвычайной полицейской предосторожности, какія принимались его правительствомъ [2]), свидѣтельствуютъ о томъ, что это хорошо понималъ самъ Наполеонъ. Онъ не всегда и не во всемъ довѣрялъ генераламъ своей арміи, заподозривая ихъ въ честолюбіи; онъ боялся народныхъ движеній, въ коихъ видѣлъ прямую опасность для своей власти; онъ страшился вернуться въ свою столицу побѣжденнымъ, зная хорошо, что это уронило бы его престижъ [3]). Послѣ 18 брюмера, когда Франція, утомленная смутами предыдущаго десятилѣтія и прежде всего стремившаяся къ спокойствію, къ внутреннему умиротворенію и упорядоченію государственной и общественной жизни, съ надеждой и довѣріемъ взирала на генерала Бонапарта, положеніе его было гораздо прочнѣе, нежели въ концѣ имперіи, когда внутренній деспотизмъ и безпрерывныя внѣшнія войны дали себя почувствовать очень тяжело

[1]) См. выше, стр. 166.
[2]) См. выше, стр. 127.
[3]) См. выше, стр. 105 и слѣд. и 206.

націи, которая еще такъ недавно дѣлала героическія усилія ради завоеванія свободы. Въ началѣ консульства къ Наполеону примкнули совершенно искренне и безкорыстно многіе люди, видѣвшіе въ немъ спасителя Франціи отъ внутренней анархіи и отъ опасности, грозившей странѣ извнѣ, но съ теченіемъ времени около Наполеона стали группироваться люди, преслѣдовавшіе главнымъ образомъ личныя цѣли, готовые служить всякому, кто имѣлъ возможность дать имъ власть, почетъ и богатство, но вмѣстѣ съ этимъ бывшіе не прочь и измѣнить своему господину, еслибы это представляло выгоду или еслибы дѣла́ ихъ господина пошли дурно. Впереди Наполеона и ждала, дѣйствительно, измѣна со стороны людей, коимъ онъ ввѣрялъ самыя важныя дѣла; да и учрежденія, имъ созданныя, раболѣпствовали передъ нимъ, пока онъ былъ великъ и непобѣдимъ, чтобы отвернуться отъ него, едва онъ потерялъ славу непобѣдимаго полководца и пересталъ быть опаснымъ своимъ врагамъ. Всѣ чувствовали во Франціи, что основанный Наполеономъ порядокъ держался исключительно на немъ одномъ: самъ императоръ долженъ былъ удостовѣриться въ этомъ еще въ 1812 г. Во время русскаго похода въ Парижѣ распространился ложный слухъ о смерти императора, и этимъ воспользовался старый республиканскій генералъ Мале (Malet), чтобы произвести государственный переворотъ съ цѣлью низверженія имперіи Наполеона. Уже раньше этотъ генералъ навлекалъ на себя подозрѣніе полиціи и былъ даже арестованъ, но въ ночь съ 23 на 24 октября онъ бѣжалъ изъ-подъ караула, явился въ казармы, гдѣ объявилъ солдатамъ о смерти „тирана“, увлекъ за собою часть гарнизона и приступилъ къ организаціи временнаго правительства, расчитывая уже и на дальнѣйшіе успѣхи, когда самъ былъ схваченъ, преданъ съ своими сообщниками военному суду и приговоренъ къ смертной казни [1]). Для успѣха своего дѣла Мале пустилъ въ ходъ поддѣльный сенатусъ-консультъ, отмѣнявшій имперію во Франціи, и наполеоновскіе доносчики довели до свѣдѣнія своего господина, будто въ предпріятіи и на самомъ дѣлѣ были замѣшаны нѣкоторые сенаторы. По поводу этого заговора составилось немало легендъ, указывавшихъ на то, что публика вѣрила въ возможность и даже легкость совершенія новаго государственнаго переворота. Наполеонъ былъ страшно раздраженъ при извѣстіи объ этомъ покушеніи, о томъ, что заговорщикамъ легко повѣрили даже нѣкоторые

[1]) Кромѣ близкихъ по времени соч. объ этомъ эпизодѣ Lemare (Malet, 1814), Lapon'a (Histoire de la conjuration de Malet, 1814) и Histoire des sociétés secrétes de l'armée (1815), см. Hamel. Hist. des deux conspirations de Malet. 1873. Весьма важныя свѣдѣнія объ этомъ заговорѣ имѣются въ недавно (1893) вышедшемъ второмъ томѣ мемуаровъ Пакье (о коихъ см. выше, стр. 99 прим. 2), который былъ въ эту эпоху префектомъ полиціи.

представители военной и гражданской власти и что публика осталась довольно равнодушной къ дерзости, съ какою было начато это предпріятіе. „Что же, восклицалъ онъ, развѣ здѣсь все дѣло въ одномъ человѣкѣ, а учрежденія и присяга ничего не значатъ?“ Въ дѣйствительности такъ и было: при той системѣ, которую водворилъ во Франціи Наполеонъ, все держалось однимъ человѣкомъ, но вдобавокъ и человѣкъ-то этотъ мало-по-малу самъ терялъ почву подъ ногами.

Въ началѣ консульства французская нація, истомленная революціей, возлагала на Наполеона всѣ свои надежды; въ концѣ имперіи та же нація, обманутая во многихъ изъ этихъ надеждъ, чувствовала себя уже утомленною режимомъ, который она привѣтствовала за полтора десятка лѣтъ передъ тѣмъ. Отчасти тяжелые налоги, падавшіе на населеніе, но особенно постоянныя коскрипціи, лишавшія тысячи семействъ работниковъ въ цвѣтѣ лѣтъ, бѣдствія, коимъ подвергалась экономическая жизнь страны изъ-за строгостей континентальной системы со всѣми ея послѣдствіями, съ одной стороны, а съ другой— недостатокъ общественной свободы, административный произволъ, строгій полицейскій надзоръ за всѣми проявленіями духовной жизни,— все это дѣйствовало раздражающимъ образомъ на отдѣльные классы общества, смотря по господству въ нихъ того или другого матеріальнаго или культурнаго интереса, и все это подготовляло почву для возникновенія если не систематической оппозиціи, то такихъ явленій, дальнѣйшее развитіе коихъ неминуемо должно было получить прямо оппозиціонный характеръ. Мы видѣли [1]) уже, что признаки недовольства Наполеономъ проявились, въ эпоху его брака съ Маріей-Луизой и созванія въ Парижѣ національнаго собора, даже среди духовенства, для возстановленія власти коего во Франціи такъ много было сдѣлано конкордатомъ. Въ 1809 г. и Наполеону пришлось наказать нѣсколькихъ кардиналовъ за неповиновеніе, а въ 1811 г.—поспѣшить закрыть засѣданія собора. Но это столкновеніе съ духовенствомъ было лишь однимъ изъ симптомовъ начинавшагося общаго недовольства.

Революція отмѣнила во Франціи всѣ косвенные налоги въ виду того, что при старой монархіи они были весьма непопулярны и что по экономической теоріи того времени для государства было бы достаточно одного только поземельнаго налога. Въ 1799 г. директорія думала-было ввести соляной налогъ, но старая габель [2]) была еще до такой степени жива въ народной памяти, что совѣты пятисотъ и старѣйшинъ отвергли сдѣланное въ этомъ смыслѣ предложеніе. Наполеонъ рѣшился на возстановленіе косвенныхъ налоговъ, продолжавшихъ быть непопу-

---

[1]) См. выше, стр. 126—127.

[2]) См. т. III, стр. 49.

лярными въ странѣ: таковы были налоги на вино (1804), на соль (1806), причемъ соляной налогъ былъ черезъ короткое время повышенъ вдвое, на пиво (1808), а въ 1810 г. была возстановлена табачная монополія государства. Съ другой стороны, въ эпоху революціи было весьма плохо организовано взиманіе налоговъ, вслѣдствіе чего накопилось много недоимокъ, но Наполеонъ еще на первыхъ порахъ консульства организовалъ эту часть финансоваго управленія, и въ казну поэтому должны были совершаться усиленныя поступленія. Если, несмотря на постоянныя вооруженія и грандіозныя войны, которыя велъ Наполеонъ, Франція не была разорена въ конецъ одними налогами, и правительству удавалось все-таки въ общемъ сводить концы съ концами въ своемъ бюджетѣ, то это объясняется системою Наполеона добывать посредствомъ войны деньги, необходимыя для продолженія этой самой войны, налагая контрибуціи на занятыя страны, заставляя побѣжденныя государства платить большія суммы, привлекая къ отбыванію воинской повинности по отношенію къ Франціи ея союзниковъ: безъ такой системы Франція была бы совершенно не въ состояніи выдержать страшное напряженіе платежныхъ силъ, какого требовала столь продолжительная война со всѣми европейскими государствами. Наполеонъ даже заботился о томъ, чтобы его войны не казались разорительными для Франціи въ денежномъ отношеніи, но когда однихъ реквизицій въ иностранныхъ краяхъ оказалось недостаточно, Наполеонъ въ 1805 г. рѣшился обратиться къ одной компаніи финансистовъ за полученіемъ впередъ налоговъ, которые только должны были еще поступить въ казну черезъ годъ, равно какъ за полученіемъ впередъ субсидіи, которую Франціи обязалась выплачивать Испанія [1]). Операція вышла крайне неудачной; компанія потребовала помощи со стороны государственнаго банка, оказавшагося вынужденнымъ растратить свои металлическіе запасы, и наконецъ дѣло не обошлось безъ банкротства нѣсколькихъ крупныхъ домовъ, что навело не малый страхъ на финансовыхъ дѣльцовъ вообще. Только австрійская контрибуція, полученная по пресбургскому миру, вывела тогда Наполеона изъ очень затруднительнаго положенія, а въ слѣдующіе годы изъ прусской, польской и вестфальской контрибуцій онъ даже устроилъ особую кассу, которая авансировала поступленіе налоговъ, такъ какъ безъ этого средства государство жить болѣе не могло. Послѣ русскаго похода правительству пришлось волею-неволею сразу повысить многіе налоги, но населеніе столь неохотно ихъ выплачивало, что въ 1814 г. прямые налоги, несмотря на свое повышеніе, дали казнѣ гораздо менѣе, чѣмъ давали прежде. Для сокращенія расходовъ въ 1813 г. умевьшили жа-

[1]) См. выше, стр. 150.

лованіе чиновникамъ на 25%, что создало тоже не мало недовольныхъ.

Гораздо еще сильнѣе чувствовалась населеніемъ тяжесть военной службы. По закону 1798 г. разъ призывали къ военной службѣ „классъ“ двадцатилѣтокъ, всѣ французы, которымъ исполнилось двадцать лѣтъ, шли подъ ружье. Эту систему Наполеонъ въ 1804 г. замѣнилъ жеребьевкой, при которой поступали въ военную службу лишь молодые люди, вытянувшіе извѣстные нумера, да и то каждому конскрипту разрѣшалось замѣнить себя наемнымъ лицомъ. На самомъ дѣлѣ весьма скоро Наполеонъ перешелъ, однако, не только къ взятію подъ ружье цѣлыхъ „классовъ“ извѣстнаго года, но даже вынужденъ былъ призывать „классы“ слѣдующихъ годовъ или людей, которые въ предыдущіе годы не попали на службу: такъ въ 1813 г. взяли весь „классъ“ 1815 г., т.-е. юношей 18 лѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не избавились идти подъ ружье и люди „класса“ 1803 года, и еще въ довершеніе всего солдатъ, отслужившихъ свой срокъ, продолжали удерживать въ ихъ полкахъ, требовали отъ откупившихся отбыванія службы лично или поставки новыхъ замѣстителей, или заставляли вновь откупаться за деньги. Буржуазія платила большія деньги, чтобы избавить свою молодежь отъ конскрипціи, а молодые люди изъ недостаточныхъ классовъ общества спасались бѣгствомъ, прятались въ лѣсахъ и даже составляли банды, чтобы сопротивляться жандармамъ, которые ловили уклоняющихся отъ военной службы. Хотя побѣды императора и льстили національному тщеславію французовъ, хотя большія контрибуціи и обогащали казну, что дѣлало излишнимъ увеличеніе налоговъ, тѣмъ не менѣе нація начинала сильно тяготиться вѣчною войною. Уже въ 1805 г. громадное большинство французовъ было противъ войны, а когда въ слѣдующемъ году война возобновилась съ прежней силой, уже очень многіе стали сомнѣваться въ томъ, чтобы иностранная политика императора дѣйствительно соотвѣтствовала интересамъ Франціи. Нація начинала прямо охладѣвать къ военной славѣ, и, напр., по одному свидѣтельству, даже разгромъ Пруссіи при Іенѣ особенно большого впечатлѣнія въ Парижѣ не произвелъ. Наполеоновскіе шпіоны, слѣдившіе за общественнымъ настроеніемъ, стали отмѣчать все болѣе и болѣе фактовъ, ясно говорившихъ о томъ, что постоянной войной во Франціи начинали тяготиться, и Наполеонъ старался всю вину сваливать на иностранцевъ, которые мѣшали-де ему посвящать всѣ свои силы исключительно благу своего народа. Каждый разъ, какъ онъ заключалъ новый миръ, для Франціи это было большой радостью, какъ, наоборотъ, извѣстіе о новой войнѣ встрѣчало въ обществѣ всякій разъ одну тревогу. Въ 1811 г. число лицъ, уклонявшихся отъ военной службы, достигало уже до 80 т. человѣкъ, а для того, чтобы найти

охотника идти въ солдаты за другого, нужно было заплатить 8 т. франковъ. Противъ уклоняющихся въ 1811 г. были даже приняты особенно строгія мѣры: напр., за бѣглецовъ должны были отвѣчать ихъ семьи, ихъ знакомые, у которыхъ они ѣли, пили или ночевали, наконецъ сами общины, къ коимъ они принадлежали, да и отвѣтственность была весьма тяжелая, а именно нужно было содержать на свой счетъ нѣсколько солдатъ, пока тотъ или другой бѣглецъ не подчинится закону. Особенно послѣ неудачъ въ Испаніи стало сильно развиваться общее отвращеніе къ войнѣ, хотя правительство старательно скрывало настоящія цифры французскихъ потерь во время народной войны на Пиренейскомъ полуостровѣ. Впрочемъ, скрыть истину было трудно: съ 1808 г. по май 1812 г. изъ 600,000 человѣкъ, посланныхъ въ Испанію, осталось лишь около 300,000. Въ 1812 г. въ Парижѣ уже настолько сильно раздавался народной ропотъ, что Наполеонъ поспѣшилъ раннею весною переѣхать съ своимъ дворомъ въ Сенъ-Клу. Только при существованіи такого настроенія и можно объяснить себѣ происшедшую осенью того же года попытку Мале низвергнуть имперію. Такъ какъ взрослое населеніе страны шло въ военную службу, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полевыя работы исполнялись однѣми женщинами и дѣтьми и вдобавокъ нерѣдко безъ лошадей, при помощи заступа и лопаты, какъ это было даже оффиціально засвидѣтельствовано въ 1814 г.

Ко всему этому присоединялось еще неудовольствіе на континентальную систему. Мы видѣли [1]), какъ Наполеонъ посредствомъ этой системы, къ которой должны были примкнуть всѣ государства материка, чтобы нанести ударъ англійской промышленности и торговлѣ, думалъ заставить Англію смириться передъ Франціей, и какъ послѣдовательное проведеніе этой системы приводило его къ необходимости новыхъ территоріальныхъ захватовъ и къ новымъ политическимъ столкновеніямъ. Въ числѣ причинъ, создававшихъ имперіи враговъ за ея границами, не малую роль играла эта система, разорявшая цѣлыя страны, которыя извлекали тѣ или другія выгоды изъ торговли съ Англіей. Отъ континентальной системы страдало и само населеніе Франціи, что даже прямо заставляло Наполеона смягчать для имперіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ строгости системы. Но особенно важно то, что примѣненіе этой системы привело страну къ весьма тяжелому экономическому кризису 1811 г., который поселилъ неудовольствіе противъ Наполеона въ значительной части буржуазіи. На этихъ двухъ фактахъ, т.-е. на континентальной системѣ и на кризисѣ 1811 г. стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

[1]) См. выше, стр. 148. Kiesselbach. Die Kontinentalsperre in ökonomisch-politischen Bedeutung. 1850.—Clément. Histoire protecteur en France. 1854.—L. Levi. Hist. of british Commerce. 1872.—Beer. Gesch. des Welthandels im XIX Jahrhundert.

Въ 1806 г. Наполеонъ рѣшилъ закрыть весь европейскій континентъ для англійской торговли. Уже на другой день послѣ битвы при Іенѣ онъ издалъ декретъ, отдававшій арміи всѣ англійскіе товары, какіе только будутъ найдены въ городахъ сѣверной Германіи. 21 ноября въ Берлинѣ былъ подписанъ Наполеономъ другой декретъ, объявлявшій Британскіе острова въ состояніи блокады: всякая торговля съ ними запрещалась; письма и посылки съ англійскими адресами подлежали конфискаціи, равно какъ и всѣ англійскіе склады на территоріи имперіи и ея союзниковъ; той же участи подвергались всѣ англійскіе товары; англійскимъ кораблямъ закрывался доступъ въ европейскіе порты; всякій англійскій подданный объявлялся военноплѣннымъ. Правда, у Наполеона не было средствъ въ точности исполнить этотъ декретъ, чтобы на самомъ дѣлѣ прекратить всю морскую торговлю и лишить Европу англійскихъ и колоніальныхъ товаровъ, къ коимъ она привыкла, но насколько возможно было, эта „континентальная блокада“ (blocus continental) тѣмъ не менѣе осуществлялась, нанося страшный вредъ не одной, впрочемъ, Англіи, но и Франціи, и государствамъ, находившимся съ нею въ союзѣ подъ условіемъ соблюденія этой системы [1]). Эта мѣра сильно раздражала народы, которые такъ или иначе терпѣли отъ прекращенія торговли съ Англіей. Все, что Европа получала оттуда и изъ колоній и къ чему привыкло населеніе материка, какъ-то: сахаръ, хлопчатая бумага, кофе. табакъ, чай, пряности, необходимыя для промышленности красящія вещества, аптекарскіе товары (напр., хининъ), а въ Швеціи даже соль, привозившаяся моремъ,—все это дѣлалось недоступнымъ населенію странъ, примкнувшихъ къ континентальной системѣ, недоступнымъ по своей рѣдкости или дороговизнѣ. Съ другой стороны, должна была почти совсѣмъ прекратиться вывозная торговля по морю такихъ громоздкихъ предметовъ, какъ желѣзо, строевой лѣсъ и т. п. Желая во что бы то ни стало утвердить систему, Наполеонъ долженъ былъ дополнять первоначальныя свои распоряженія новыми мѣрами, вводя, между прочимъ, разнаго рода строгости (въ родѣ обысковъ съ цѣлью нахожденія запрещенныхъ товаровъ); но всякое новое притѣсненіе только дѣлало систему еще болѣе ненавистною. Правда, во Франціи и на югѣ колоніальные продукты старались замѣнить разнаго рода суррогатами (кофе—цикоріемъ, тростниковый сахаръ—виноградным сиропомъ или свекловичнымъ сахаромъ), тѣмъ не менѣе и здѣсь лишенія всякаго рода давали себя чувствовать. Само правительство оказалось вынужденнымъ дѣлать изъятія изъ общаго правила, продавая за большія деньги такъ называемыя „лицеціи“ (licences), т.-е. частныя разрѣшенія вы-

[1]) См. выше, стр. 149, 153 и др.

возить нѣкоторые французскіе товары въ Англію (хлѣбъ, вино) и привозить во Францію изъ Англіи разные продукты, бывшіе въ ходу во французской промышленности и потому крайне ей необходимые (красящія вещества, рыбій жиръ и т. п.). Эти лиценціи, однако, поощряли развитіе контрабанды, бывшей своего рода протестомъ противъ запретительной системы Наполеона. Для французскаго правительства борьба съ контрабандой въ эту эпоху представляла предметъ постоянныхъ и усиленныхъ заботъ, тѣмъ болѣе, что къ контрабандѣ цѣлыя населенія (напр., особенно въ Голландіи до и послѣ ея присоединенія къ Франціи) прибѣгали просто-на-просто потому, что иначе имъ нечѣмъ было бы жить. Требуя отъ союзниковъ строжайшаго соблюденія системы, Наполеонъ у себя во Франціи все болѣе и болѣе расширялъ „лиценціи“, дозволяя по нимъ ввозить подъ-конецъ всякаго рода колоніальные товары, а такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ поступали на рынокъ и проданные самимъ правительствомъ съ аукціона товары, захваченные французскими крейсерами или конфискованные у контрабандистовъ, то для контрабанды тѣмъ еще легче дѣлалось снабжать купцовъ англійскими продуктами. Въ 1810 г. Наполеонъ обложилъ всѣ колоніальные товары, каковъ бы ни былъ способъ ихъ поступленія въ продажу, пошлиной въ 50% ихъ стоимости и объявилъ, что всѣ склады такихъ товаровъ на разстояніи отъ границъ имперіи болѣе близкомъ, чѣмъ четырехдневный путь, будутъ признаваемы за тайные и подлежать конфискаціи. Въ томъ же году другимъ декретомъ онъ приказалъ сжигать всѣ произведенія англійскихъ мануфактуръ, а третьимъ декретомъ того же года учреждалъ спеціальную юрисдикцію съ повышенными наказаніями (клейменіе, каторга, даже смертная казнь) для борьбы съ контрабандистами и ихъ сообщниками и установлялъ большія награды доносчикамъ, таможеннымъ чиновникамъ и стражникамъ за каждую конфискацію. Конечно, чиновники и солдаты усердствовали, производили обыски въ складахъ и лавкахъ и жгли контрабанду, отъ чего, конечно, терпѣли не англичане, продававшіе свои товары за деньги, а французскіе купцы, платившіе эти деньги. Тѣмъ не менѣе контрабанда процвѣтала: тайно ввезеннымъ товаромъ торговать было выгоднѣе, такъ какъ купецъ могъ въ такомъ случаѣ удержать у себя все, что́ пришлось бы заплатить за „лиценцію“ и сверхъ того въ видѣ пятидесяти-процентной пошлины. Болѣе всего въ концѣ-концовъ страдали покупатели такихъ товаровъ, которымъ за все приходилось платить втридорога. Понятно, что населеніе Франціи роптало на континентальную систему совершенно такъ же, какъ и населеніе другихъ странъ.

Своей запретительной системой Наполеонъ думалъ не только убить англійскую торговлю, но и создать монополію для французской про-

мышленности. Напр., конфисковавъ въ Швейцаріи всѣ колоніальные товары, онъ, запретилъ въ то же время вывозить изъ этой страны въ Италію ткани мѣстнаго производства, а изъ Италіи затрудненъ былъ вывозъ въ Швейцарію и Германію шолковыхъ матерій, дабы ліонскіе фабриканты, выдѣлывавшіе такія же матеріи, не имѣли конкурентовъ. „Лиценціи" на ввозъ во Францію хлопчатой бумаги, индиго, и т. п., давались также ради доставленія французскимъ фабрикантамъ необходимыхъ въ промышленности продуктовъ, причемъ имѣлось въ виду, что французскія фабрики будутъ работать на весь континентальный рынокъ, запертый для англійскихъ товаровъ. Французскіе капиталисты, дѣйствительно, бросились производить на весь европейскій рынокъ, не принявъ въ соображеніе ни того, что постоянныя войны подрывали покупныя средства населенія на всемъ материкѣ, ни того, что страшное вздорожаніе всѣхъ продуктовъ, привозившихся изъ колоній, само-по-себѣ дѣлало ихъ покупку довольно-таки недоступной большинству прежнихъ потребителей, ни того, наконецъ, что и внѣ Франціи началась усиленная въ сравненіи съ прежнимъ временемъ фабрикація тѣхъ же предметовъ, производствомъ коихъ занялись теперь французскіе капиталисты. Результатомъ было общее перепроизводство со всѣми его послѣдствіями: товаровъ наготовлено было много, но сбытъ ихъ былъ крайне плохой; предприниматели, не выручая затраченныхъ денегъ, оказывались несостоятельными должниками, и банки, ссужавшіе имъ большія суммы, не получая отъ нихъ въ срокъ выданныхъ ссудъ, по своимъ обязательствамъ тоже прекращали платежи; промышленники поневолѣ закрывали свои фабрики или сильно сокращали свое производство, а это самымъ бѣдственнымъ образомъ отражалось на судьбѣ рабочаго класса, лишавшагося заработка. Сначала Наполеонъ думалъ остановить кризисъ, оказывая поддержку разорявшимся фабрикантамъ изъ государственнаго казначейства, но вскорѣ убѣдился, что правительственныя ссуды были не въ состояніи помочь бѣдѣ. Боясь возстанія голодной народной массы, Наполеонъ постарался занять лишенныхъ заработка пролетаріевъ военными заказами и т. п., но и это не могло устранить бѣдствія. Причина зла лежала въ самой континентальной системѣ, и это многіе очень хорошо понимали, но Наполеонъ ничего не хотѣлъ слушать. 25 марта 1811 г. къ нему явилась депутація отъ торговой палаты съ цѣлью изложить свои взгляды относительно печальнаго положенія дѣлъ и средствъ, коими можно было бы его исправить, но Наполеонъ не далъ депутатамъ говорить: оборвавъ ихъ съ самаго начала, онъ сталъ имъ доказывать всѣ благодѣянія континентальной системы, ради поддержанія которой, по его словамъ, онъ пойдетъ, если то будетъ нужно, на Ригу, на Москву, на Петербургъ.

Въ то время, какъ одни были недовольны политикой Наполеона, поскольку она наносила ущербъ матеріальнымъ интересамъ и даже оказывалась въ экономическомъ отношеніи прямо разорительною, другіе порицали правительственную систему императора съ точки зрѣнія принциповъ личной и общественной свободы. Правда, полиція, цензура и шпіоны дѣлали свое дѣло и не допускали никакихъ оппозиціонныхъ проявленій, но едва только послѣ 1812 г. имперія стала колебаться на главной своей основѣ — военномъ могуществѣ, которому приходилъ конецъ, — какъ оппозиція стала проявляться смѣлѣе и даже достигла успѣха среди тѣхъ людей, которые благоговѣли передъ Наполеономъ, когда онъ еще не зналъ неудачъ 1812, 1813 и 1814 гг.

Весьма сравнительно немногіе дѣятели эпохи находились во все время консульства и имперіи въ оппозиціи наполеоновскому режиму. Среди писателей эпохи лишь очень небольшая группа держала себя вдали отъ оффиціальныхъ льстецовъ, но зато это была наиболѣе замѣтная группа по своему вліянію на общество, начинавшее тяготиться деспотизмомъ имперіи [1]). Однимъ изъ независимыхъ писателей былъ Шатобріанъ, книга коего „Духъ христіанства“, вышедшая въ свѣтъ въ одномъ году съ заключеніемъ конкордата, весьма много содѣйствовала оживленію католицизма во Франціи [2]). Сначала Шатобріанъ относился къ Наполеону очень хорошо, посвятилъ ему свою книгу и принялъ отъ него должность секретаря французскаго посольства въ Римѣ, но послѣ убіенія герцога Ангіенскаго онъ оставилъ службу Наполеону. Совершивъ затѣмъ путешествіе на Востокъ, онъ въ 1807 г. пріобрѣлъ въ собственность газету „Меркурій“, но одна неосторожная статья, получившая большой, хотя и негласный успѣхъ, имѣла своимъ послѣдствіемъ закрытіе газеты, и Шатобріанъ былъ еще счастливъ тѣмъ, что самъ не попалъ въ тюрьму. Наполеонъ все еще, однако, подумывалъ о томъ, чтобы привлечь Шатобріана снова на свою сторону, и даже согласился на его избраніе въ члены Института (1811). По заведенному порядку при пріемѣ въ число академиковъ Шатобріанъ долженъ былъ произнести рѣчь. Наполеонъ потребовалъ рукопись рѣчи къ себѣ на предварительный просмотръ, но былъ страшно ею разсерженъ, и такъ какъ авторъ не хотѣлъ дѣлать въ ней никакихъ измѣненій, то не только не могъ состояться его пріемъ, но ему не позволили даже остаться жить въ Парижѣ. Гдѣ только можно было, послѣ этого Шатобріанъ старался всячески вредить имперіи, особенно, когда началъ понимать, что часъ ея крушенія бли-

---

[1]) Указанія на труды по исторіи литературы въ эпоху имперіи будутъ сдѣланы въ другомъ мѣстѣ.

[2]) Объ этомъ подробнѣе см. ниже.

зокъ. Зиму 1813—1814 г. онъ провелъ въ Парижѣ и готовилъ къ печати свой знаменитый памфлетъ „о Буонапарте и о Бурбонахъ“, вышедшій въ свѣтъ 30 марта 1814 г., за нѣсколькой дней до окончательнаго паденія имперіи. Это сочиненіе, содержащее въ себѣ страстный обвинительный актъ противъ Наполеона, по словамъ Людовика XVIII, сдѣлало для реставраціи Бурбоновъ гораздо больше, чѣмъ цѣлая армія.

Съ такою же, если не съ большею еще непримиримостью къ имперіи относилась тоже весьма замѣчательная писательница эпохи, г-жа Сталь, бывшая центромъ цѣлаго либеральнаго кружка. Каково бы ни было ея первоначальное отношеніе къ генералу Бонапарту, въ первомъ консулѣ и императорѣ она, дочь Неккера и поклонница принциповъ 1789 г., не могла не видѣть „тиранна“, лишившаго Францію свободы. Г-жа Сталь была весьма близка съ либерально настроеннымъ Бенжаменомъ Констаномъ, котораго Наполеонъ послѣ 18 брюмера помѣстилъ въ трибунатѣ. Бенжаменъ Констанъ съ самаго начала сталъ въ оппозиціонное отношеніе къ Наполеону. Уже въ январѣ 1800 г. онъ произнесъ рѣчь о „занимающейся зарѣ тиранніи“. Тогда же онъ предвидѣлъ, что послѣ этого салонъ г-жи Сталь, гдѣ была подготовлена эта оппозиціонная рѣчь, опустѣетъ. Такъ и случилось: г-жа Сталь въ тотъ же день пригласила къ себѣ гостей, но гости не явились, приславъ хозяйкѣ извинительныя записочки. За ея салономъ, кромѣ того, стали присматривать, какъ за довольно подозрительнымъ мѣстомъ, и его хозяйкѣ не всегда было удобно жить въ Парижѣ. Въ 1802 г. этотъ салонъ сдѣлался уже прямосвоего рода-центромъ оппозиціи противъ перваго консула, и затѣмъ въ теченіе всего періода консульства и имперіи г-жа Сталь только и мечтала о возможности паденія Наполеона, хотя бы для этого потребовалось пораженіе французскихъ армій. Съ этого же момента начались тѣ преслѣдованія, коимъ подвергалась г-жа Сталь со стороны Наполеона. Она была выслана изъ Парижа, и ей запрещено было даже приближаться къ столицѣ. Послѣ этого она совершила путешествіе въ Германію, о которой написала цѣлую книгу, сдѣлавшуюся однимъ изъ наиболѣе знаменитыхъ ея произведеній. Хотя книга и была пропущена предварительной цензурой, продажа ея была запрещена, когда она была отпечатана, и всѣ ея экземпляры были истреблены. Сама г-жа Сталь должна была жить въ ссылкѣ, въ своемъ имѣніи на берегу Женевскаго озера: ей было даже недозволено писать и принимать гостей. Положеніе ея сдѣлалось здѣсь до такой степени нестерпимымъ отъ полицейскаго надзора, что она предпочла уѣхать (1812) въ Россію, это „послѣднее убѣжище угнетенныхъ“. Еще въ ссылкѣ начала она тайкомъ писать свои „Десять лѣтъ изгнанія“, книгу, въ которой вылилось все, что накипѣло въ ея душѣ противъ имперіи. Въ паденіи

Наполеона она видитъ единственное средство спасенія Франціи, Европы, человѣчества и возлагаетъ всѣ свои надежды на коалицію государей противъ узурпатора правъ человѣчества. Въ Петербургѣ г-жа Сталь познакомилась съ другимъ врагомъ Наполеона—съ Штейномъ, которому прочитала главу объ энтузіазмѣ изъ своей книги о Германіи. И здѣсь, какъ потомъ и въ Стокгольмѣ, и въ Лондонѣ, она только и жила мыслью о скоромъ паденіи имперіи.

Наполеонъ не даромъ боялся либеральной оппозиціи. Мы еще увидимъ, что въ 1815 г., во время вторичнаго своего владычества, онъ считалъ нужнымъ, хотя бы чисто внѣшнимъ образомъ, обратиться къ либеральнымъ принципамъ, узнавъ, какую силу они снова пріобрѣли надъ умами. Съ этою цѣлью онъ тогда сталъ даже пользоваться услугами Бенжамена Констана, бывшаго съ самаго начала консульства его противникомъ. Этотъ политическій дѣятель и писатель прославился еще во времена директоріи сочиненіями, написанными противъ анархіи и деспотизма. Принятый Наполеономъ въ трибунатъ, онъ въ 1802 г. былъ устраненъ изъ числа его членовъ за оппозиціонный характеръ своихъ рѣчей и статей и даже удаленъ изъ Парижа. Когда наполеоновскій походъ въ Россію окончился неудачей и когда въ Германіи, гдѣ проживалъ въ то время Бенжаменъ Констанъ, началась война за освобожденіе, и онъ выступилъ противъ Наполеона съ страстнымъ памфлетомъ подъ заглавіемъ: „De l'esprit de conquête et de l'usurpation“. Такимъ образомъ почти одновременно, когда имперія стала склоняться къ упадку, противъ нея началась совершенно невозможная раньше литературная оппозиція, и именно время-то было самое благопріятное для того, чтобы враждебныя Наполеону сочиненія могли оказывать вліяніе на общественное мнѣніе Франціи.

Завоевательная политика Наполеона давно уже тревожила многихъ людей болѣе проницательныхъ, нежели народная масса, а бѣдствія иностраннаго нашествія, коимъ Наполеонъ подвергъ страну, пробудили въ лучшихъ изъ нихъ чувство національный чести, заставившее ихъ наконецъ раскрыть глаза на то, чѣмъ въ сущности была эта имперія, такъ долго ослѣплявшая націю блескомъ внѣшнихъ побѣдъ. „Начало конца“ предвидѣлъ въ 1812 г. не одинъ Талейранъ, да и раньше 1812 г. уже предсказывалась возможность катастрофы. Уже во время провозглашенія имперіи Камбасересъ говорилъ Лебрену: „у меня есть предчувствіе, что то, что строятъ теперь, прочно не будетъ. Мы вели войну съ Европой, чтобы навязать ей республики, какъ дочерей республики французской, а теперь мы будемъ вести войну, чтобы дать ей монарховъ, сыновей или братьевъ нашего, и дѣло кончится тѣмъ, что Франціи, истощенная войнами, падетъ

подъ тяжестью этихъ безумныхъ предпріятій". Или вотъ что еще говорилъ морской министръ Декресъ генералу Мармону, когда послѣдній былъ сдѣланъ маршаломъ: „хорошо, Мармонъ, вотъ вы и довольны, потому что васъ сдѣлали маршаломъ. Вы все видите въ розовомъ свѣтѣ. Но хотите ли вы, чтобы я сказалъ вамъ правду и отдернулъ занавѣсъ, за которымъ скрывается будущее? Императоръ рехнулся, совсѣмъ рехнулся; всѣхъ насъ, сколько насъ есть, онъ заставитъ полетѣть кувыркомъ, и все это кончится страшной катастрофой" [1]). Въ 1813 г. въ парижскихъ салонахъ, гдѣ до того времени боялись громко порицать правительство, о положеніи дѣлъ говорили уже совершенно свободно, и хотя тогдашнему министру полиціи (Ровиго) это было хорошо извѣстно, онъ дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ, ибо, самъ уже не вѣря въ прочность имперіи, не хотѣлъ компрометировать себя какими-либо строгостями. Въ первый разъ въ 1813 г., открывая сессію законодательнаго корпуса, Наполеонъ былъ озабоченъ вопросомъ, все ли будетъ благополучно. На тронную рѣчь императора сенатъ отвѣчалъ льстивымъ адресомъ, но коммиссія законодательнаго корпуса, которой было поручено составить отвѣтъ этого собранія на тронную рѣчь, поступила совсѣмъ иначе: предложенный ею проектъ адреса императору былъ, собственно говоря, критикой всей его политики и приглашеніемъ вернуться на путь законности. Докладъ коммиссіи о порученномъ ей дѣлѣ законодательный корпусъ въ засѣданіи своемъ 30 декабря постановилъ напечатать большинствомъ 223 голосовъ противъ 31: въ этомъ документѣ Наполеону напоминалось о необходимости возстановленія личной и общественной свободы и политическихъ правъ націи. Узнавъ объ этомъ, но не имѣя въ рукахъ текста доклада, Наполеонъ въ тотъ же день распорядился, чтобы ему былъ доставленъ изъ типографіи первый корректурный оттискъ и чтобы безъ его разрѣшенія не было выпущено ни одного экземпляра; когда же онъ познакомился съ самымъ содержаніемъ доклада, то приказалъ задержать всѣ его экземпляры и рѣшилъ распустить законодательный корпусъ. Декретъ объ этомъ появился въ „Монитерѣ" 1 января 1814 г., и въ тотъ же день императоръ давалъ прощальную аудіенцію сенату и законодательному корпусу, обратившись къ послѣднему съ очень рѣзкою рѣчью. Она сильно оскорбила депутатовъ, а роспускъ законодательнаго корпуса лишалъ императора поддержки національнаго представительства въ тотъ самый моментъ, когда непріятель уже вступалъ на территорію

---

[1]) Въ только что вышедшемъ II томѣ мемуаровъ Пакье разсказывается, что нѣчто подобное Декресъ говорилъ въ 1812 г., еще въ самомъ началѣ русской кампаніи, автору мемуаровъ, въ то время префекту полиціи.

самой имперіи. Депутаты, оставшіеся въ Парижѣ, не скрывали причины внезапнаго прекращенія сессіи, и то же дѣлали въ провинціи тѣ изъ депутатовъ, которые въ первыхъ числахъ января разъѣхались по домамъ, причемъ текстъ доклада въ рукописи ходилъ по рукамъ и производилъ сильное впечатлѣніе на умы.

Буржуазія, не говоря уже о дворянствѣ, никогда искренне не примирявшемся съ имперіей, обвиняла Наполеона въ томъ, что, имѣя полную возможность заключить миръ, онъ не дѣлалъ этого и велъ страну къ окончательному разоренію. Корреспонденція префектовъ и полицейскія донесенія изъ провинцій начала 1814 г. были полны указаніями на оппозиціонное настроеніе высшихъ и среднихъ классовъ общества, но простой народъ возлагалъ еще въ виду непріятельскаго нашествія всѣ свои надежды на непобѣдимаго императора. Однако, народъ этотъ самъ не проявилъ того подъема духа, который характеризовалъ настроеніе французской націи за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, когда ей тоже грозило иностранное нашествіе: союзниковъ въ 1814 г. не встрѣтила во Франціи народная война.

XII. Паденіе имперіи, „сто дней“ и вѣнскій конгрессъ [1]).

Наполеонъ и европейская коалиція въ 1813 и 1814 гг.—Низложеніе и отреченіе Наполеона отъ престола.—Первая реставрація.—Наполеонъ на островѣ Эльбѣ.—Возвращеніе Наполеона.—«Сто дней».—Дополнительный актъ.—Ватерло.—Стремленія французской націи въ эпоху паденія имперіи.—Вѣнскій конгрессъ и его созданія.—Общее значеніе вѣнскаго конгресса.—Конецъ перваго періода исторіи XIX в.—Значеніе этого періода въ исторіи западной Европы.

Въ 1813 г. государи, соединившіеся противъ Наполеона, еще дѣлали попытки склонить его къ заключенію мира, но онъ отвер-

[1]) Недавно вышли въ свѣтъ интересныя работы Henry Houssaye подъ заглавіемъ **1814** (двѣнадцатое изданіе въ 1894) и **1815** (1893). Послѣдняя работа въ первомъ томѣ доведена до момента отъѣзда Наполеона на войну въ 1815 г. и будетъ закончена въ двухъ томахъ. Для исторіи кампаніи 1815 г. см. также соч. Quinet, Charras и др. Helfert. J. Murat, seine letzten Kämpfe und sein Ende. 1878. Для дипломатической исторіи эпохи, открывающейся вѣнскимъ конгрессомъ см. новѣйшій трудъ A. Debidour. Histoire diplomatique de l'Europe depuis l'ouverture du congrès de Vienne jusqu'à la clôture du congrès de Berlin. T. I. La Sainte-Alliance. Paris. 1891. О самомъ вѣнскомъ конгрессѣ кромѣ старыхъ изданій De Pradt'a (1815), Klüber'a (1816), Flassan'a (1829) и др., Angeberg-Capefigue. Le Congrés de Vienne et les traités de 1815—1863.—A. Duncker. Der Freiherr von Stein und die deutsche Frage auf dem Wiener Congresse. 1873.—W. A. Schmidt. Geschichte der deutschen Verfassungsfrage während der Befreiungskriege und des Wiener Kongresses (изданo A. Stern'омъ) 1890. Наконецъ, см. книгу проф. Даневскаго, указанную ниже.

галъ ихъ предложенія. Во время довольно продолжительнаго перемирія (4 іюня—10 августа 1813 г.), заключеннаго между союзниками и французской арміей, Австрія, тогда еще не приступавшая къ союзу съ Россіей и Пруссіей, пыталась склонить Наполеона къ миру, но онъ объявилъ австрійскому уполномоченному князю Меттерниху, что онъ не можетъ вернуться побѣжденнымъ въ свою столицу [1]). Наполеонъ не соглашался ни на какія условія и продолжалъ борьбу, несмотря на всѣ пораженія отъ коалиціи, которая все болѣе и болѣе росла вслѣдствіе новыхъ и новыхъ присоединеній къ русско-прусскому союзу [2]), и несмотря на истощеніе, въ какое была приведена Франція, страстно желавшая притомъ конца этой безпрерывной войны со всей Европой. Прежде чѣмъ рѣшиться перенести театръ войны въ имперію, союзники еще разъ сдѣлали попытку склонить Наполеона къ миру, предложивъ ему обладаніе Франціей въ ея „естественныхъ границахъ“, т.-е. между Рейномъ, Альпами и Пиренеями, съ возвращеніемъ полной независимости Германіи, Голландіи и Италіи и возстановленіемъ династіи Бурбоновъ въ Испаніи. Эти условія сдѣлались извѣстными публикѣ, и въ декабрѣ 1813 г. въ Парижѣ только о томъ и говорили, что эти условія нужно принять, а при дворѣ, въ обществѣ, среди приближенныхъ Наполеона составилось мнѣніе о необходимости убѣдить его въ томъ, что это было бы единственнымъ средствомъ спасенія. Въ этомъ смыслѣ дѣйствовали и министры (между прочимъ, министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ), но Наполеонъ стоялъ на своемъ и, только узнавъ, какое дурное впечатлѣніе на публику произвелъ его уклончивый отвѣтъ, постарался сдѣлать видъ, что и самъ онъ хочетъ мира. Въ глубинѣ души онъ мириться на такихъ условіяхъ не хотѣлъ: слишкомъ унизительными казались они для его самолюбія, слишкомъ опасными для его престижа въ самой Франціи, въ которой ему грозили послѣ такого мира, по его мнѣнію, лишь одни внутреннія затрудненія. Союзники въ началѣ 1814 г. вступили во Францію, въ то самое время, какъ падало французское владычество въ Голландіи и Италіи, гдѣ зять Наполеона Мюратъ сталъ тоже во враждебныя къ нему отношенія. Еще разъ въ серединѣ февраля союзники предлагали Наполеону миръ, хотя тогда, повидимому, уже окончательно было рѣшено низложить Наполеона, и только боязнь встрѣтить во Франціи народную войну заставляла союзниковъ не бросать мысли о заключеніи мира; но Наполеонъ послѣ каждой новой удачи дѣлался несговорчивѣе. Пораженіе французской арміи при Арсисъ-сюръ-Объ (20—21 марта) открыло союзникамъ дорогу на Парижъ. Напо-

[1]) См. выше, стр. 206, прим. 1.
[2]) См. выше, стр. 154 и 213.

леонъ организовалъ тогда регентство съ императрицей во главѣ и поручилъ столицу Франціи своему брату Іосифу, сдѣлавъ его главнымъ начальникомъ національной гвардіи; но и Марія-Луиза, и Іосифъ удалились изъ Парижа въ виду приближавшагося непріятеля. 30 марта союзники взяли приступомъ господствующія надъ Парижемъ высоты Монмартра, а на другой день побѣдители торжественно вступали уже въ беззащитную столицу Франціи. Затѣмъ 1 апрѣля послѣдовало объявленіе сенатомъ низложенія Наполеона и образованіе временнаго правительства. Наполеонъ, находившійся въ это время съ своею гвардіей въ Фонтенебло, узнавъ объ отложеніи маршала Мармона, которому Іосифъ передалъ свои полномочія при отъѣздѣ изъ Парижа, 4 апрѣля отрекся отъ престола въ пользу своего сына, но союзники потребовали отъ него безусловнаго отреченія, которое онъ и подписалъ 11 апрѣля послѣ того, какъ его покинули и люди, бывшіе къ нему наиболѣе близкими (Бертье, Ней, Удино и др.). Черезъ нѣсколько дней послѣ этого (20 апрѣля) Наполеонъ долженъ былъ распроститься съ своей гвардіей и отправиться на островъ Эльбу, отданный въ его владѣніе, куда онъ и прибылъ на англійскомъ кораблѣ 4 мая, на другой день послѣ того, какъ Людовикъ XVIII торжественно въѣхалъ въ Парижъ. Въ первые дни апрѣля 1814 г. Парижъ былъ наводненъ брошюрами, летучими листками, каррикатурами, направленными противъ Наполеона. Императору было извѣстно враждебное къ нему отношеніе южныхъ департаментовъ, черезъ которые ему предстояло проѣзжать, и онъ даже боялся, что его умертвятъ во время путешествія. Въ Оранжѣ ему, дѣйствительно, пришлось слышать крики: „смерть тиранну“; въ Авиньонѣ требовали выдачи „корсиканца“, чтобы его утопить, и Наполеонъ изъ предосторожности долженъ былъ переодѣться въ иностранный мундиръ; въ Оргонѣ народъ приволокъ висѣлицу и бросился къ каретѣ, въ которой везли Наполеона, и только русскій уполномоченный, гр. Шуваловъ, сопровождавшій его въ ссылку, удержалъ толпу отъ насилія.

Исторія такъ называемой первой реставраціи Бурбоновъ будетъ разсмотрѣна нами послѣ и въ другой связи. Отмѣтимъ здѣсь только главнѣйшія даты этой эпохи: 3 мая Людовикъ XVIII совершилъ свой въѣздъ въ Парижъ; 30 мая былъ заключенъ парижскій миръ, коимъ Франція ограничивалась предѣлами 1792 г.; 4 іюня король подписалъ конституціонную хартію; 1 ноября собрался въ Вѣнѣ знаменитый конгрессъ, который долженъ былъ дать Европѣ новое устройство послѣ столь длиннаго періода внутреннихъ потрясеній и международныхъ столкновеній, нарушившихъ всѣ прежнія отношенія. 1 марта 1815 г. Наполеонъ, тайно покинувъ Эльбу, высадился близъ Канна и 20 числа былъ уже въ Парижѣ, откуда Бурбоны вынуждены были

бѣжать при извѣстіи о его приближеніи. Непрочность первой реставраціи объясняется крайнимъ недовольствомъ народа и арміи тѣмъ направленіемъ, какое приняла политика Бурбоновъ и возвратившихся съ ними эмигрантовъ: и тѣ, и другіе въ изгнаніи „ничему не научились и ничего не позабыли“, какъ отозвался о нихъ Наполеонъ, и вернувшись во Францію, задумали возстановить въ ней старые, дореволюціонные порядки, надѣлавъ при этомъ массу политическихъ ошибокъ и тѣмъ заставивъ народъ и армію принять Наполеона, какъ избавителя отъ ненавистнаго ига, которое на нихъ собирались наложить. Бурбоны, воззстановленные на престолѣ лишь благодаря иностранному нашествію, имѣли сравнительно очень мало сторонниковъ въ націи: за нихъ были дворянство и отчасти буржуазія, но масса городского и сельскаго населенія относилась къ нимъ съ чувствомъ нѣкоторой враждебности, ибо весьма сильно распространена была боязнь, что съ Бурбонами и эмигрантами вернутся въ концѣ концовъ старые порядки, феодальныя права, десятина и т. п., а собственники бывшихъ національныхъ имуществъ опасались, что у нихъ, пожалуй, отнимутъ и пріобрѣтенныя ими земли. Особенно недовольна была наполеоновская армія, къ которой и Бурбоны относились съ большимъ недовѣріемъ; это недовольство должно было тѣмъ болѣе возрасти, что значительная часть офицеровъ была уволена въ отставку или переведена на половинный окладъ. Вообще правительство первой реставраціи какъ бы нарочно дѣлало все, что только можно было дѣлать, дабы усилить недовѣріе и недовольство народной массы и арміи. Въ теченіе всего этого времени тамъ и сямъ происходили волненія и бунты, и этому очень много содѣйствовало поведеніе роялистовъ, уже приступавшихъ къ насильственному возстановленію старины въ провинціяхъ. Въ арміи не вѣрили, что дѣло Наполеона кончено, и безпрестанно возникали слухи, что онъ оставилъ Эльбу, что онъ высадился во Франціи, что онъ бунтуетъ Италію, что онъ набираетъ войско въ Турціи, что онъ идетъ во главѣ австрійскихъ войскъ, дабы заставить силою признать права своего сына, короля римскаго; нерѣдко въ казармахъ, на смотрахъ раздавались виваты въ честь императора. Свои страхи и свои надежды солдаты передаютъ народной массѣ. Префектамъ и военнымъ властямъ безпрестанно приходилось отмѣчать случаи недовольства Бурбонами въ городахъ, деревняхъ и отдѣльныхъ отрядахъ войска. Въ это же время появилось великое множество разнаго рода изображеній Наполеона — медалей, статуетокъ и т. п., и плакардъ съ надписями въ родѣ слѣдующихъ: „Радуйтесь, друзья великаго Наполеона! Онъ опять скоро будетъ съ нами. Роялисты уже трепещутъ“.—„Да здравствуетъ императоръ! Онъ былъ и онъ будетъ“!—„Проснитесь, французы! Наполеонъ про-

буждается". Этотъ культъ падшаго властелина былъ не чѣмъ инымъ, какъ порожденіемъ народной ненависти къ реставраціи: нація дорожила соціальными пріобрѣтеніями революціи, и при мысли, что можетъ быть возстановлено старое общественное неравенство, она готова была опять идти за Наполеономъ. Мало-по-малу опасенія за все то, что изъ наслѣдія революціи было удержано Наполеономъ, и за конституціонную хартію, дававшую странѣ свободу, но сдѣлавшуюся предметомъ страстныхъ нападокъ со стороны роялистовъ, начали волновать и буржуазію, которая сначала относилась къ реставраціи съ сочувствіемъ и довѣріемъ. Въ буржуазіи снова получила силу идея политической свободы, а конституціонная хартія 1814 г. обѣщала эту свободу, но буржуазія начинала мало-по-малу плохо вѣрить въ то, что хартія удержится. Памфлеты противъ Наполеона стали даже понемногу исчезать изъ продажи, и появилась на сцену оппозиціонная пресса. Вмѣстѣ съ этимъ наполеоновскіе маршалы и генералы, перешедшіе на службу Людовика XVIII, подвергались оскорбленіямъ со стороны старой придворной знати и равнымъ образомъ все болѣе и болѣе раздраждались противъ роялистовъ. Мало того: начинали уже возникать заговоры противъ Людовика XVIII; въ этихъ заговорахъ участвовали люди весьма различныхъ партій, и для нихъ весь вопросъ былъ въ томъ, чтобы устранить Бурбоновъ, а тамъ будетъ видно, что дѣлать. Въ февралѣ 1815 г. уже сильно сомнѣвались въ томъ, чтобы такой порядокъ вещей могъ долго просуществовать. Наполеонъ явился въ мартѣ какъ разъ во время, чтобы воспользоваться всеобщимъ недовольствомъ Бурбонами и возвратить себѣ власть надъ Франціей.

Съ мая 1814 г. Наполеонъ жилъ на Эльбѣ, разлученный съ женой и сыномъ, подъ надзоромъ державъ, продолжавшихъ опасаться его честолюбія. Онъ и здѣсь былъ еще страшенъ: и на вѣнскомъ конгрессѣ уже поговаривали о томъ, что не дурно было бы сослать его куда-нибудь подальше, на островъ св. Елены или на какой-либо изъ Азорскихъ острововъ; иные даже думали, что напрасно вообще его оставили въ живыхъ. На первыхъ порахъ Наполеонъ, повидимому, мирился съ своей судьбой и дѣятельно занялся устройствомъ своего маленькаго владѣнія, проявивъ въ этомъ дѣлѣ свою обычную энергію. Онъ долго поджидалъ пріѣзда Маріи-Луизы съ сыномъ, но бывшая императрица, какъ извѣстно, весьма скоро утѣшилась съ гр. Нейппергомъ. Французское правительство не высылало ему денегъ, которыя обязалось выплачивать въ силу трактата, заключеннаго въ Фонтенебло, и это со стороны Людовика XVIII было большой неосторожностью, ибо, судя по секретнымъ донесеніямъ, посылавшимся съ Эльбы въ Парижъ и Вѣну, Наполеонъ остался бы на всегда жить

на этомъ островѣ, разъ бы имѣлъ достаточно денегъ для своихъ широкихъ затѣй. Слухи о томъ, что его хотятъ сослать куда-нибудь подальше или даже сдѣлать что-нибудь худшее, достигли и до него, и онъ принялъ мѣры, чтобы обезопасить свою резиденцію (Порто-Ферайо) отъ внезапнаго нападенія. Доходили до Наполеона и другіе слухи: отъ пріѣзжихъ, изъ писемъ, изъ газетъ онъ зналъ, что положеніе Людовика XVIII непрочно, что Франція недовольна, что на вѣнскомъ конгрессѣ начались раздоры державъ изъ-за дѣлежа добычи. Наполеонъ принялъ рѣшеніе вернуться во Францію, но держалъ его въ секретѣ до середины февраля 1815 г.

1 марта Наполеонъ съ небольшимъ отрядомъ высадился на югѣ Франціи. Еще въ Порто-Ферайо онъ составилъ и напечаталъ [1]) три прокламаціи въ краснорѣчивомъ стилѣ временъ революціи. Въ одной онъ обращался къ арміи, которой говорилось, что солдаты не были побѣждены врагомъ, что пораженіе Франціи было слѣдствіемъ измѣны, что арміи будетъ возвращена ея слава. Въ прокламаціи къ французскому народу сказано было то же самое на счетъ измѣны, и отреченіе отъ престола объяснялось самопожертвованіемъ во имя блага родины. „Я, продолжалъ Наполеонъ, былъ возведенъ на престолъ по вашему выбору, и все, что сдѣлано безъ васъ, незаконно. Вотъ уже двадцать пять лѣтъ, какъ у Франціи есть новые интересы, новыя учрежденія, новая слава, которые могутъ быть обезпечены лишь національнымъ правительствомъ и династіей, возникшей среди этихъ новыхъ обстоятельствъ. Пусть государь, который царствуетъ надъ вами, посаженный на мой престолъ силою армій, опустошившихъ нашу территорію, ссылается на принципы феодальнаго права, но онъ можетъ обезпечить честь и права лишь небольшой кучки лицъ, враговъ народа, который за эти двадцать пять лѣтъ осуждалъ ихъ во всѣхъ національныхъ собраніяхъ.... Французы! въ изгнаніи своемъ я услышалъ ваши жалобы и желанія: вы требовали возвращенія правительства, выбраннаго вами и потому единственно законнаго“. Въ особой прокламаціи къ населенію департаментовъ des Hautes et Basses Alpes Наполеонъ повторялъ свое обѣщаніе сохранять свободу и равенство, пріобрѣтенныя за двадцать пять лѣтъ передъ тѣмъ. На пути въ Парижъ маленькій отрядъ все болѣе и болѣе возросталъ отъ присоединявшихся къ нему солдатъ и народа, и походъ Наполеона превратился въ тріумфальное шествіе: исполнилось пророчество одной изъ прокламацій, что орелъ его пролетитъ отъ колокольни къ колокольнѣ до башенъ парижской Богоматери. Ничто не могло остановить этого похода Наполеона, и высылавшіяся

[1]) См. Houssaye. 1815. I, 189, 203—205.

противъ него войска, переходили на его сторону. Маршалъ Ней, обѣщавшій привезти Наполеона въ Парижъ въ клѣткѣ, присоединился къ нему точно также со всѣмъ своимъ отрядомъ.

Извѣстіе о высадкѣ Наполеона, переполошившее правительство Людовика XVIII, было принято буржуазіей съ страхомъ и негодованіемъ и примирило ее съ Бурбонами, ибо буржуазія за возвращеніемъ Наполеона предвидѣла теперь возобновленіе войны, хотя сама же раньше, недовольная Людовикомъ XVIII, не прочь была, чтобы Наполеонъ вернулся. Настроеніе буржуазіи рельефнѣе всего выражалось въ палатѣ депутатовъ, которая по конституціи 1814 года состояла изъ представителей наиболѣе зажиточнаго класса общества. Палата рѣшилась поддерживать дѣло короля, но въ то же время хлопотала объ утвержденіи либеральныхъ принциповъ. Въ защиту Бурбоновъ и конституціонной свободы стали появляться газетныя статьи и брошюры. Одна изъ нихъ называлась „О невозможности установленія конституціоннаго правленія съ военнымъ вождемъ и въ особенности съ Наполеономъ“, а въ другой (Le cri de la Fracne) было сказано: „чего тебѣ нужно? Если ты на основаніи нашихъ политическихъ дебатовъ вообразилъ, что мнѣніе націи находится въ противорѣчіи съ ея правительствомъ, то знай, что эти пренія присущи каждому недеспотическому правленію и что въ нихъ заключается его сила и безопасность“. Мнѣнія генераловъ раздѣлились, и нѣкоторое раздѣленіе замѣтно было въ парижскомъ населеніи. Въ провинціяхъ, наоборотъ, большинство радовалось возвращенію императора, хотя и здѣсь къ радости примѣшивался страхъ передъ повтореніемъ иностраннаго нашествія. Роялисты весьма быстро потеряли голову, и уже 10 марта началась ихъ эмиграція изъ Парижа, возбудивъ въ населеніи его нѣчто въ родѣ паники. Одинъ планъ нелѣпѣе другаго предлагался королю: то Людовикъ XVIII въ открытой коляскѣ и въ сопровожденіи кавалькады изъ всѣхъ членовъ палаты пэровъ и палаты депутатовъ долженъ былъ ѣхать на встрѣчу Бонапарту, то совѣтовали превратить Тюйльери въ цитадель и запереться тамъ съ тремя тысячами солдатъ и съѣстными припасами на два мѣсяца и т. п. 19 марта Людовикъ XVIII съ такою поспѣшностью выѣхалъ изъ дворца, что забылъ въ своемъ кабинетѣ письма отъ Талейрана изъ Вѣны и секретный трактатъ, заключенный противъ Россіи. 20 марта прежніе наполеоновскіе сановники и придворные сами собой возвратились на свои мѣста, оставленныя за годъ передъ тѣмъ, и въ тотъ же самый день Наполеонъ былъ уже въ Тюйльери, буквально внесенный туда народною толпою.

Это возстановленіе имперіи не было, какъ увѣряли впослѣдствіи роялисты, актомъ чисто военнаго своеволія: возстановленіе имперіи совершилъ, хотя и при помощи арміи, народъ, который видѣлъ въ

возвращеніи Наполеона гарантію того, что главныя пріобрѣтенія революціи будутъ за нимъ сохранены. Въ сущности почти вездѣ на пути Наполеона въ Парижъ крестьяне и рабочіе переходили на его сторону ранѣе солдатъ: въ самый день своего въѣзда въ Парижъ императоръ говорилъ, что стоило бы ему только захотѣть, и онъ явился бы въ столицу во главѣ семидесяти тысячъ вооруженныхъ крестьянъ. Одинъ префектъ прямо заявлялъ, что это было какое-то возобновленіе сценъ революціи. Да и Наполеонъ заговорилъ теперь языкомъ революціи: его обращенія къ населенію городовъ, лежавшихъ на пути въ Парижъ, были направлены противъ эмигрантовъ, желавшихъ возвращенія себѣ національныхъ имуществъ, и противъ дворянъ, мечтавшихъ о возстановленіи привилегій и феодальныхъ правъ, и содержали въ себѣ заявленія о томъ, что его, наполеоновы, права покоятся на правахъ народныхъ, что самъ онъ только первый гражданинъ, что онъ вышелъ изъ революціи. Населеніемъ Франціи, дѣйствительно, овладѣвало революціонное движеніе. Организовались федераціи и клубы для „защиты свободы“, для „борьбы съ инквизиціей монаховъ и тиранніей дворянъ“, для „защиты правъ человѣка“ и т. п. Одинъ изъ приближенныхъ Наполеона сказалъ ему однажды: „я боюсь, какъ бы не произошла новая революція, которая еще разъ подвергнетъ Францію террору и проскрипціямъ“. На улицахъ Парижа опять стали раздаваться звуки революціонныхъ пѣсенъ и появился красный колпакъ. Газетная и брошюрная пресса снова заговорила языкомъ революціонной страсти, совѣтуя изгнаніе дворянъ, конфискацію ихъ имуществъ, раздѣлъ послѣднихъ между общинами и арміей, возвращеніе къ якобинизму и къ террору ради спасенія отечества. Наполеонъ видѣлъ настроеніе массы и сравнивалъ его съ тою всеобщею и страстною ненавистью къ духовенству и дворянству, какая была въ началѣ революціи. „Мнѣ, говорилъ онъ, стоитъ только сдѣлать знакъ или вѣрнѣе только посмотрѣть сквозь пальцы, чтобы дворяне были перебиты во всѣхъ провинціяхъ, но я не хочу быть королемъ жакеріи“. Ни самъ Наполеонъ, ни его правительство не желали возстановленія въ новой формѣ якобинской диктатуры, хотя, по мнѣнію многихъ, только одна она и могла спасти Францію, тѣмъ болѣе, что народное возбужденіе стало сильно ослабѣвать, послѣ того, какъ всѣмъ сдѣлалось ясно, что Франціи не миновать новой войны со всей Европой. Наполеонъ въ сущности желалъ возстановить ту самую власть, какою пользовался до своего паденія, но теперь онъ встрѣтился и среди правительственнаго персонала, и среди высшихъ военныхъ чиновъ, и среди общества съ сильнымъ либеральнымъ теченіемъ: въ 1815 г. онъ со всѣхъ сторонъ — и въ частныхъ разговорахъ, и въ оффиціальныхъ адресахъ — слышалъ постоянно совѣтъ или даже приглашеніе отказаться отъ абсолютной власти. Ему говорили объ

этомъ такъ настойчиво, что приходилось прямо выбирать только между демократической диктатурой „короля жакеріи“ и конституціонной монархіей. Уже въ началѣ апрѣля Наполеонъ занялся вопросомъ о введеніи во Франціи либеральныхъ учрежденій, а пока старыя власти, существовавшія въ силу конституцій VIII, X и XII г., уже становились въ независимое положеніе по отношенію къ его личной волѣ, которой такъ недавно еще безпрекословно повиновались. Еще раньше (24 марта) Наполеонъ отмѣнилъ цензуру, чѣмъ широко воспользовались авторы политическихъ брошюръ, коихъ съ 24 марта по 20 іюня вышло около 800 самыхъ различныхъ направленій—роялистическихъ, демагогическихъ, наполеонистическихъ, но больше всего либеральныхъ. Вотъ что, наприм., писалось въ послѣднихъ: „О Наполеонъ! твоя судьба будетъ зависѣть отъ твоей будущей системы. Постарайся ограничить свою власть. Все будетъ потеряно, если ты станешь подражать самому себѣ“.—„Намъ нужны гарантіи. Ваши прежнія конституціи ничего не стоятъ и всѣми презираются“.—„Вамъ уже нельзя возстановить режимъ 1805 г. Франція хочетъ быть свободной. Завтра, вмѣсто подданныхъ, вы найдете только матежниковъ, если вы не дадите свободы“. Чуть не ежедневно Наполеонъ получалъ по нѣскольку проектовъ новой конституціи, и многіе вѣрили слуху, будто императоръ отречется отъ престола, чтобы провозгласить республику. Наполеону, конечно, нельзя было не считаться съ такимъ направленіемъ общественнаго мнѣнія.

Еще по дорогѣ въ Парижъ, въ Ліонѣ, 13 марта Наполеонъ издалъ декретъ о созваніи въ чрезвычайное собраніе „майскаго поля“ (Champ de Mai) департаментскихъ избирательныхъ коллегій „для измѣненія конституціи имперіи въ интересѣ и по волѣ націи“. Онъ хотѣлъ собрать на Марсовомъ полѣ въ Парижѣ эти коллегіи (всего чуть не тридцать тысячъ человѣкъ), чтобы предложить имъ утвержденіе новой конституціи, не подвергая ея обсужденію депутатовъ. Что конституція должна была быть составлена въ либеральномъ смыслѣ, это было ясно для всѣхъ политиковъ того времени. Уже самъ наполеоновскій сенатъ 6 апрѣля 1814 г. составилъ-было либеральную конституцію, которую долженъ былъ быть принять Людовикъ XVIII, но послѣдній замѣнилъ сенатскую конституцію своей хартіей 4 іюня 1814 г., тоже составленною въ либеральномъ духѣ: Наполеону нельзя было выступить съ чѣмъ-нибудь менѣе либеральнымъ. Для выработки проекта конституціи онъ образовалъ особую коммиссію, и въ число ея членовъ попалъ Бенжаменъ Констанъ [1]), несмотря на то, что послѣ извѣстія о бѣгствѣ Наполеона съ о. Эльбы онъ былъ въ числѣ авторовъ памфлетовъ, направленныхъ противъ „тиранна“,

[1]) См. его „Memoires sur les Cent-Jours“.

Въ 1814 г. Бенжаменъ Констанъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ вождей либераловъ, и къ его голосу прислушивались всѣ сторонники конституціоннаго режима. Наполеонъ, который торопился окончить дѣло, затягивавшееся въ коммисіи, пришелъ наконецъ къ мысли, что лучше всего будетъ поручить его одному лицу, и что наиболѣе подходящимъ для этого лицомъ былъ бы популярный среди либераловъ теоретикъ конституціоннаго правленія. Бенжаменъ Констанъ принялъ предложеніе и выработалъ проектъ, который, по мѣткому замѣчанію Шатобріана, былъ улучшенной хартіей Людовика XVIII [1]). Образцомъ новаго государственнаго устройства была англійская конституція, указывавшаяся и другими членами коммиссіи, какъ главный образецъ. Законодательная власть вручалась императору и двумъ палатамъ—наслѣдственной палатѣ пэровъ и выборной палатѣ представителей, и законодательной власти предоставлялся широкій контроль надъ властью исполнительною, въ лицѣ отвѣтственныхъ министровъ, причемъ лишь палаты могли объявлять осадное положеніе въ случаѣ внутреннихъ смутъ. Спеціальныя статьи гарантировали личную неприкосновенность, свободу культовъ, свободу прессы, право петицій и т. п. Въ своемъ проектѣ Бенжаменъ Констанъ счелъ нужнымъ совершенно умолчать о прежнихъ наполеоновскихъ конституціяхъ, но императоръ настоялъ на томъ, чтобы новая конституція была издана, какъ „дополнительный актъ“ (acte additionnel) къ конституціямъ VIII, X и XII гг., съ коими она, конечно, не имѣла ничего общаго. Во вступленіи къ этому „дополнительному акту“ Наполеонъ ссылался на то, что и раньше въ его учрежденія вносились усовершенствованія, но что лишь въ виду необходимости ихъ упроченія онъ откладывалъ введеніе „установленій, болѣе спеціальнымъ образомъ предназначенныхъ для охраны свободы гражданъ“. Цѣлью „дополнительнаго акта“ въ этомъ вступленіи прямо ставилось „сообщить правамъ гражданъ всѣ необходимыя гарантіи, дать самое широкое примѣненіе представительной системѣ, облечь посредствующія учрежденія желательнымъ вліяніемъ и властью, словомъ—соединить высочайшую степень политической свободы и личной безопасности съ силою и централизаціей, необходимыми для внѣшней безопасности государства и для достоинства короны. Въ заключеніи отъ имени французскаго народа объявлялось, что онъ не допуститъ ни возвращенія Бурбоновъ, ни возстановленія феодальнаго дворянства, сеньерьяльныхъ правъ, десятинъ, привилегированнаго и господствующаго культа, ни какого бы то ни было покушенія на безповоротность продажи національныхъ имуществъ“. И Наполеонъ, не

[1]) Въ томъ же смыслѣ высказался и Сисмонди въ брошюрѣ „Examen de la constitution française“ Мы еще познакомимся ниже (въ главѣ XIV) съ конституціонной теоріей Бенжамена Констана.

желавшій созванія собранія, которое сдѣлало бы „дополнительный актъ“ предметомъ обсужденія, и члены конституціонной коммиссіи, находившіе нужнымъ скорѣйшій переходъ отъ диктатуры къ конституціонному режиму, признали необходимымъ немедленное обнародованіе новой конституціи (22 апрѣля 1815 г.), причемъ народъ приглашался ее вотировать. Благодаря установившейся во Франціи свободѣ прессы, „дополнительный актъ“ сдѣлался предметомъ самаго горячаго обсужденія, предметомъ и защиты, и нападокъ въ многочисленныхъ газетныхъ статьяхъ и брошюрахъ. Большинство было неудовлетворено съ разныхъ точекъ зрѣнія новой конституціей: настоящіе наполеонисты были недовольны уступками либерализму, либералы — отдѣльными статьями акта и тѣмъ, что все-таки прямо и просто не были отмѣнены прежніе сенатусъ-консульты, народъ—установленіемъ наслѣдственной пэріи, а болѣе всего нарушеніемъ обѣщанія созвать для измѣненія учрежденій имперіи собраніе „майскаго поля“, гдѣ за голосомъ народа было бы признано самостоятельное значеніе. Народную массу мало интересовали подробности акта, и она согласилась бы на гораздо менѣе либеральную конституцію, лишь бы только все совершилось при ея участіи, прямо по ея волѣ. Уже черезъ два дня послѣ обнародованія „дополнительнаго акта“ Наполеонъ говорилъ Бенжамену Констану, что съ конституціей дѣло стоитъ плохо. Бенжаменъ Констанъ замѣтилъ, что конституціи плохо вѣрятъ, что нужно ее привести въ дѣйствіе. „Какъ! —возразилъ Наполеонъ, — прежде нежели она принята! Скажутъ, что я насмѣхаюсь надъ народомъ“. Бенжаменъ Констанъ сталъ доказывать, что никто этого не скажетъ, когда народъ увидитъ, что онъ свободенъ, что у него есть представители, что императоръ сложилъ съ себя диктатуру. Созвать палаты было и совѣтомъ большинства приближенныхъ къ Наполеону лицъ, но, повидимому, онъ только для того и согласился дать конституцію, чтобы избѣжать необходимости созвать собраніе. Лишь послѣ долгаго сопротивленія императоръ 1 мая обнародовалъ декретъ о выборахъ представителей, которые должны были составить палату послѣ принятія конституціи народомъ. Между тѣмъ вотированіе „дополнительнаго акта“ окончилось, и 1 іюня былъ объявленъ результатъ: 1,532,527 голосовъ утвердительныхъ, 4,802—отрицательныхъ, но особенно велико было число воздержавшихся отъ подачи голоса. Выборы были для Наполеона менѣе благопріятны: они произведены были не прямо народомъ, а избирательными коллегіями имперіи, которыя раньше сами были выбраны подъ сильнымъ административнымъ давленіемъ и состояли изъ людей контръ-революціоннаго направленія, изъ примирившихся съ имперіей роялистовъ, изъ землевладѣльцевъ, богатыхъ промышленниковъ или коммерсантовъ и т. д., т. е. изъ представителей

общественныхъ классовъ, бывшихъ въ 1815 г. неособенно расположенными къ Наполеону. Среди 629 членовъ палаты было наполеонистовъ человѣкъ 80, радикаловъ около 30 или 40, а всѣ остальные 500 человѣкъ были либералы разныхъ оттѣнковъ, противники Бурбоновъ, но въ то же время сторонники имперіи лишь подъ условіемъ отнятія у Наполеона всякой власти.

Наполеонъ не хотѣлъ совсѣмъ не исполнить своего обѣщанія относительно „майскаго поля“, и на 26 мая созваны были въ Парижъ делегаты отъ избирательныхъ коллегій для подведенія итоговъ подъ всенароднымъ голосованіемъ и присутствованія на торжествѣ, которое должно было совершиться на Марсовомъ полѣ. Торжество это, напоминавшее революціонный праздникъ федераціи и прежнія наполеоновскія раздачи арміи знаменъ, состоялось 1 іюня. Всѣ ожидали чего-то необыкновеннаго, но все дѣло ограничилось пышными и безсодержательными фразами рѣчи императора: разочарованіе было всеобщее. Наконецъ 3 іюня собралась палата представителей и выбрала своимъ предсѣдателемъ сенатора Ланжюине, бывшаго однимъ изъ составителей сенатскаго акта 1814 г. о низложеніи Наполеона. Вновь назначенные пэры тоже старались всячески показать, что они не будутъ имѣть ничего общаго съ раболѣпнымъ наполеоновскимъ сенатомъ. Для новаго направленія политической жизни было великимъ торжествомъ заявленіе, сдѣланное самимъ Наполеономъ въ рѣчи 7 іюня передъ обѣими палатами: „прошло уже три мѣсяца, сказалъ онъ, съ тѣхъ поръ, какъ обстоятельства и довѣріе народа облекли меня неограниченною властью. Нынѣ исполняется самое сильное желаніе моего сердца: мною начинается конституціонная монархія. Люди безсильны передъ задачей опредѣлять судьбы народовъ; одни учрежденія въ состояніи ихъ упрочить“. Но замѣчательно, что всѣмъ этимъ заявленіямъ Наполеона тѣмъ на менѣе не довѣряли: въ ихъ искренности сомнѣвались, подозрѣвали императора въ заднихъ мысляхъ, говорили, что онъ обманываетъ народъ, продолжали жаловаться на его деспотизмъ. Съ своей стороны Наполеонъ то падалъ духомъ и даже нерѣдко плакалъ, то, наоборотъ, раздражался и говорилъ, что онъ не Людовикъ XVI, что онъ не позволитъ адвокатамъ диктовать ему законы или бунтовщикамъ отрѣзать ему голову. 11 іюня Наполеонъ долженъ былъ выслушать отвѣтные адресы палатъ, въ коихъ представители и пэры старались преподать императору уроки. Наполеонъ былъ оскорбленъ этимъ и въ своей рѣчи совѣтовалъ палатамъ не уподобляться византійцамъ, которые сдѣлались посмѣшищемъ потомства, занимаясь пустячными преніями, когда варвары тараномъ разбивали ворота города. Сравненіе это обидѣло палаты. 12 іюня Наполеонъ уѣхалъ на войну съ европейской коалиціей, не желавшей допустить его вторичнаго цар-

ствованія. Франціи грозило новое нашествіе, но ни самъ Наполеонъ, ни лица, его окружавшія, не хотѣли воспользоваться для борьбы съ врагомъ тѣмъ новымъ подъемомъ народнаго духа, который опять сталъ обнаруживаться въ маѣ и іюнѣ: народное возбужденіе принимало черезъ-чуръ революціонный характеръ.

Извѣстіе о появленіи Наполеона во Франціи произвело сильное впечатлѣніе на государей и министровъ, собравшихся на вѣнскомъ конгрессѣ. Разладъ на конгрессѣ между Англіей, Франціей и Австріей, съ одной стороны, и Россіей и Пруссіей, съ другой, чуть-было не поведшій къ войнѣ, не могъ помѣшать государямъ, низложившимъ Наполеона, снова соединиться, и несмотря на миролюбивыя увѣренія Наполеона, начать опять войну съ цѣлью его низложенія. Рѣшительный бой произошелъ при Ватерло 18 іюня, гдѣ французская армія, предводимая самимъ императоромъ, была разбита англо-прусскимъ войскомъ подъ начальствомъ Веллингтона и Блюхера. Въ Парижѣ Наполеона ждало новое пораженіе: 22 іюня палата представителей потребовала у него отреченія отъ престола въ пользу сына, который и былъ провозглашенъ императоромъ французовъ подъ именемъ Наполеона II. Скоро, однако, подъ стѣнами Парижа появились побѣдоносныя войска союзниковъ. Наполеонъ бѣжалъ въ Рошфоръ, думая спастись въ Америку, но здѣсь былъ захваченъ англичанами и сосланъ на островъ св. Елены. (Здѣсь онъ занялся составленіемъ своихъ мемуаровъ и умеръ 5 мая 1821 г.). Во Франціи снова водворились Бурбоны, на этотъ разъ поддержанные силою иностранныхъ войскъ.

Исторія „ста дней“, этого заключительнаго эпизода имперіи, показываетъ, къ чему стремилось въ эту эпоху громадное большинство французской націи. Она давно жаждала мира послѣ безпрерывнаго періода войнъ, и желая прежде всего только мира, въ 1814 г. не проявила большой энергіи въ защитѣ имперіи, пассивно подчинившись возстановленнымъ Бурбонамъ. Но народъ во Франціи желалъ, кромѣ того, еще и сохраненія въ неприкосновенности всѣхъ пріобрѣтеній революціи, которыя за нимъ обезпечивались имперіей, но которымъ реставрація, наоборотъ, стала грозить своей реакціонной политикой: одного этого было достаточно, чтобы народная революція помогла Наполеону снова захватить власть въ свои руки. Съ другой стороны, уже до перваго паденія имперіи противъ нея—главнымъ образомъ среди буржуазіи—зародилась либеральная оппозиція, а въ 1815 г. стремленіе къ политической свободѣ, считавшейся тоже однимъ изъ главныхъ пріобрѣтеній революціи, обнаружило всю свою силу, заставивъ Наполеона согласиться на введеніе либеральной конституціи. Либералы 1815 г., конечно, хорошо знали характеръ Наполеона и потому продолжали относиться къ нему съ недовѣріемъ. Послѣ Ватерло они потребовали у него отреченія

отъ престола, надѣясь сами спасти Францію и утвердить въ ней свободное государственное устройство. Въ концѣ концовъ оказывавалось, что имперія Наполеона во французской націи была популярна, поскольку ограждала соціальный строй, созданный революціей, и наоборотъ, лишена была поддержки со стороны образованныхъ и зажиточныхъ классовъ общества, поскольку была отрицаніемъ той политической свободы, которая должна была быть тоже однимъ изъ пріобрѣтеній революціи. Но послѣ вторичнаго низложенія Наполеона, вопросъ о правительствѣ Франціи рѣшенъ былъ уже не палатами, думавшими дѣйствовать въ качествѣ единственнаго законнаго авторитета страны, а иностранцами, вторично возстановившими династію Бурбоновъ. 20 ноября 1815 г. союзные монархи заключили съ Людовикомъ XVIII второй парижскій миръ, по которому Франція должна была вернуться къ границамъ 1790 г., выплатить 700 милліоновъ франковъ вознагражденія за военныя издержки и въ теченіе пяти лѣтъ содержать въ 17 пограничныхъ крѣпостяхъ полтораста тысячъ союзнаго войска.

Европейская коалиція, образовавшаяся противъ Франціи въ 1813 г., не распалась, какъ это случалось съ прежними коализаціями, и довела свою задачу до конца, разрушивъ завоевательную имперію Наполеона I и освободивъ Европу. Еще 1 ноября 1814 г. въ Вѣнѣ открылся знаменитый конгрессъ, которому предстояло установить въ Европѣ новый порядокъ вещей на развалинахъ наполеоновскаго владычества. Возвращеніе Наполеона во Францію не только не остановило работъ конгресса, но даже заставило покончить начинавшійся среди его союзниковъ разладъ, и 9 іюня 1815 г. въ своемъ „заключительномъ актѣ“ (acte final) конгрессъ могъ уже подвести общіе итоги подъ своими постановленіями. Можно сказать, что руководящими принципами конгресса были слѣдующіе: возвращеніе законныхъ династій на отнятые у нихъ престолы (принципъ легитимизма); устраненіе по возможности старыхъ республикъ (каковы были Венеція, Генуя, Голландія и имперскіе города въ Германіи); вознагражденіе государствъ, которыя наиболѣе способствовали низверженію Наполеона, и наказаніе странъ, оставшихся въ союзѣ съ Наполеономъ; созданіе на границахъ Франціи болѣе сильныхъ второстепенныхъ государствъ, которыя могли бы составить противъ нея извѣстнаго рода оплотъ, и наконецъ, совершенное отрицаніе національнаго начала, равно какъ другихъ культурныхъ особенностей населенія тѣхъ странъ, дѣлежемъ коихъ занимались дипломаты вѣнскаго конгресса. Изъ-за желанія Александра I получить все великое герцогство Варшавское, занятое русскими войсками въ 1813 г., и изъ-за желанія Пруссіи пріобрѣсти всю Саксонію, король коей былъ однимъ изъ

наиболѣе ревностныхъ союзниковъ Наполеона, чуть-было не возникла война, такъ какъ Австрія, Франція и Англія противились и тому, и другому; въ концѣ концовъ Александръ I долженъ былъ удовольствоваться лишь большею частью великаго герцогства (безъ Познани и Галиціи), а Фридрихъ-Вильгельмъ III—только половиной Саксоніи.

Территоріальныя измѣненія, произведенныя вѣнскимъ конгрессомъ, были слѣдующія. Къ Австріи были присоединены Галиція [1]), Тироль, Зальцбургъ, Ломбардія и старая территорія Венеціи („Ломбардо-Венеціанское королевство"), а также Далмація („Королевство Иллирія"). Россія вышла изъ борьбы увеличенною Царствомъ Польскимъ, Финляндіей и Бессарабіей. Пруссія получила обратно нѣмецкія области, утраченныя по тильзитскому миру, а кромѣ того, пріобрѣла Познань, половину Саксоніи, герцогство Клеве-Бергъ и побережья средняго и нижняго Рейна, гдѣ прежде были владѣнія духовныхъ курфюрстовъ. Голландія и Бельгія были соединены, чтобы служить оплотомъ противъ Франціи на сѣверо-западѣ, въ одно Нидерландское королевство, государю коего, Вильгельму Оранскому, было предоставлено еще германское герцогство Люксенбургъ. Къ этимъ владѣніямъ примыкала прирейнская Пруссія, а позади ея возведенный въ королевство и расширенный Ганноверъ, возвратившійся подъ власть законнаго своего государя. Баварія тоже была усилена присоединеніемъ къ ней Пфальца. Къ Швейцаріи были присоединены кантоны Валлисъ, Женева и Невшатель (послѣдній подъ верховной властью короля Пруссіи), и территорія швейцарской федераціи была объявлена на вѣчныя времена нейтральною. На югъ отъ нея возстановлено было королевство Сардинское, возвращенное королю Виктору-Эммануилу и расширенное отдачей ему территоріи прежней республики Генуэзской и Савойи. Такимъ образомъ противъ Франціи съ востока былъ устроенъ своего рода кордонъ. Данія утратила Норвегію, которая соединилась съ Швеціей [2]). Испанія была возвращена Фердинанду VII, отпущенному изъ плѣна еще самимъ Наполеономъ, а Португалія снова подчинилась Браганцскому дому. Въ Италіи была произведена реставрація старыхъ династій. Въ сѣверной ея части, кромѣ королевствъ Сардинскаго и Ломбардо-Венеціанскаго, присоединеннаго къ Австріи, были созданы небольшія герцогства (Модена, Лукка, Парма) для членовъ австрійскаго и бурбоно-испанскаго домовъ [3]). Въ средней Италіи возстановлено было великое герцогство Тосканское, доставшееся брату австрійскаго императора Фердинанду,

[1]) Краковъ былъ объявленъ вольнымъ городомъ подъ протекторатомъ Австріи, Пруссіи и Россіи. См. Н. Поповъ. Исторія вольнаго города Кракова.

[2]) См. выше, стр. 166.

[3]) Парма была отдана женѣ Наполеона, Маріи-Луизѣ.

и возвращены были папѣ всѣ прежнія части церковной области. Мюратъ, цѣною измѣны Наполеону удержавшійся въ 1814 г. на неаполитанскомъ престолѣ, въ эпоху „ста дней“ вздумалъ-было начать войну съ Австріей съ цѣлью объединенія и независимости Италіи, но былъ побѣжденъ (и впослѣдствіи разстрѣлянъ за новую попытку возстанія), а Неаполь, соединенный съ Сициліей въ одно королевство Обѣихъ Сицилій, достался снова прежнему королю Фердинанду. Замѣтимъ еще, что Іоническіе острова, превращенные въ республику, были отданы подъ протекторатъ Англіи, что укрѣпило ея господство на Средиземномъ морѣ.

Что касается до устройства, какое получила Германія на вѣнскомъ конгрессѣ, то о немъ подробнѣе будетъ сказано ниже. Отмѣтимъ здѣсь только то, что и въ Германіи была произведена реставрація нѣкоторыхъ государей, лишившихся власти при Наполеонѣ [1]), но что духовныя княжества, громадное большинство мелкихъ владѣній и имперскіе города (кромѣ четырехъ) возстановлены не были, благодаря чему въ Германіи осталось 38 независимыхъ владѣній, вмѣсто трехъ съ половиною сотъ, существовавшихъ въ XVIII в. Всѣ эти государства (одна имперія, пять королевствъ, одно курфюршество, семь великихъ герцогствъ, десять герцогствъ, десять княжествъ, одно ландграфство и четыре вольныхъ города) образовали изъ себя такъ называемый Германскій союзъ съ особымъ союзнымъ сеймомъ подъ предсѣдательствомъ Австріи.

Постановленія вѣнскаго конгресса были дѣломъ дипломатовъ, опиравшихся на право сильнаго, думавшихъ только о количествахъ квадратныхъ миль или душъ, но не обращавшихъ вниманія на культурныя условія соединяемыхъ и разъединяемыхъ территорій, лишь бы въ каждомъ данномъ случаѣ было надлежащее „вознагражденіе“, состоящее изъ какой-либо территоріи съ извѣстнымъ населеніемъ. Руководясь принципомъ легитимизма въ отношеніи къ старымъ династіямъ, конгрессъ совершенно игнорировалъ права національностей. Стремленіе нѣмцевъ къ національному единству совершенно не было уважено при переустройствѣ Германіи. Италія не только была оставлена при прежнемъ раздробленіи, но вдобавокъ была отдана частью подъ непосредственное владычество, частью подъ опеку Австріи. Образованіе изъ Голландіи и Бельгіи Нидерландскаго королевства было въ сущности установленіемъ господства голландцевъ надъ бельгійцами. Александръ I мечталъ о возстановленіи подъ своею властью польской національности, но и поляки были раздѣлены между четырьмя государствами (Австрія, Пруссія, Россія и вольный городъ Краковъ).

---

[1]) См. выше, стр. 213.

Русская Галиція возвращена была снова подъ власть Австріи. Греческіе патріоты вздумали-было обратиться къ конгрессу съ просьбою о возрожденіи ихъ національности, но дипломаты настояли на томъ, чтобы греческій вопросъ даже совсѣмъ и не поднимался на конгрессѣ. Обращаясь такимъ образомъ съ національностями, вѣнскій конгрессъ шелъ въ сущности по стопамъ Наполеона, который въ свою очередь лишь примѣнялъ къ международнымъ отношеніямъ принципы, бывшіе въ ходу еще при старомъ порядкѣ.—Новое устройство, которое получила Европа въ 1815 г., должно было по мысли главныхъ правительствъ сдѣлаться залогомъ мира и равновѣсія между державами, и хотя уже черезъ 15 лѣтъ послѣ подписанія заключительнаго акта дѣло вѣнскаго конгресса стало разрушаться [1]), тѣмъ не менѣе на долгое время международный миръ въ Европѣ былъ дѣйствительно обезпеченъ, пока уже во второй половинѣ XIX в. объединеніе Италіи и Германіи не нанесло окончательнаго удара главнымъ созданіямъ вѣнскаго конгресса. Государственные люди 1815 г. не обращали никакого вниманія на принципъ національности, но именно развитіе этого самаго принципа и подкопало порядокъ, созданный на вѣнскомъ конгрессѣ, какъ-разъ въ то время, когда и въ Италіи, и въ Германіи, долгое время жившихъ въ полномъ внутреннемъ раздробленіи, проявились первые признаки стремленія къ національному объединенію. Французская революція провозгласила принципъ національнаго самоопредѣленія, сдѣлавъ изъ правъ человѣка выводъ въ смыслѣ существованія естественныхъ и священныхъ правъ націй: вѣнскій конгресъ возвращался къ старому взгляду, отрицавшему за націями какія бы то ни было самостоятельныя права.

Вѣнскимъ конгрессомъ оканчивается первый періодъ въ исторіи XIX в., періодъ разрушенія Европы стараго порядка, и начинается второй періодъ, періодъ борьбы двухъ началъ, которыя стали оспаривать другъ у друга результаты побѣды надъ имперіей Наполеона. Съ 1789 по 1815 г. много произошло перемѣнъ во Франціи и въ остальной Европѣ: образовались общественныя силы и намѣтились общественныя направленія, поставившія своей задачей отстоять и повести далѣе эти перемѣны, но сторонники новыхъ культурныхъ, соціальныхъ и политическихъ началъ встрѣтили сопротивленіе со стороны другихъ общественныхъ элементовъ, которые взглянули на катастрофу Наполеона, какъ на моментъ, наиболѣе благопріятный для возстановленія началъ „стараго порядка“. Законныя династіи, возвратившіяся въ свои столицы или избавившіяся отъ наполеоновской опеки, духовенство и дворянство, имѣя во главѣ эмигрантовъ или не покидав-

[1]) Отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи въ 1830 г.

шихъ отечества представителей консервативной оппозиціи (въ родѣ прусскаго юнкерства [1]), смотрѣли на побѣду Европы надъ Наполеономъ, какъ на побѣду своихъ принциповъ надъ революціонными началами, и вѣнскій конгрессъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ такому пониманію общаго положенія дѣлъ. Но Европа слишкомъ многое пережила за четверть вѣка революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ, чтобы возможнымъ было возвращеніе къ status quo ante: Наполеонъ, какъ бы то ни было, консолидировалъ во Франціи и распространилъ внѣ Франціи многія пріобрѣтенія революціи и содѣйствовалъ—положительнымъ и отрицательнымъ образомъ—пробужденію національнаго самосознанія, стремленія къ свободѣ, желанія общественныхъ перемѣнъ въ духѣ гражданскаго равенства.

Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ экономическихъ послѣдствіяхъ, какія должны были имѣть войны, раздиравшія Европу въ теченіе цѣлой четверти вѣка: объ этомъ рѣчь будетъ идти впереди. Послѣ вѣнскаго конгресса европейскимъ государствамъ предстояло отдыхать отъ столь продолжительнаго періода войнъ и залѣчивать раны, нанесенныя матеріальному ихъ благосостоянію. Войны эти стоили Европѣ очень дорого и людьми, и деньгами, не говоря о томъ, что отъ этихъ войнъ страдали земледѣліе, промышленность, торговля, и что эти войны страшно увеличили государственные долги, легши потому тяжелымъ бременемъ и на послѣдующія поколѣнія. И правительства, и народы желали теперь прежде всего мира, и вотъ охрана мира, предупрежденіе всего, что могло бы его нарушить, подавленіе безпокойныхъ элементовъ сдѣлались предметомъ особенныхъ заботъ со стороны государей, министровъ и дипломатовъ. На почвѣ этого настроенія реставрація весьма скоро перешла въ реакцію, и начался второй періодъ западно-европейской исторіи XIX вѣка.

---

[1]) Ср. выше, стр. 195, 198 и 199.

ЭПОХА РЕСТАВРАЦІИ.

XIII. Происхожденіе и характеръ реакціонныхъ стремленій эпохи [1]).

Реакціонный характеръ реставраціи.—Реакція въ XVI—XVII и XIX вѣкахъ.—Планъ послѣдующаго изложенія.—Вопросъ о генезисѣ реакціонныхъ стремленій эпохи.—Генезисъ реакцій вообще.—Вліяніе французской революціи на зарожденіе реакціонныхъ стремленій. — Важность болѣе подробнаго ознакомленія съ культурной реакціей.—Осужденіе философіи XVIII в.—Оживленіе религіозности и католицизма. — Шатобріанъ и «Духъ христіанства».—Романтизмъ.—Космополитизмъ и націонализмъ.—Раціонализмъ и историческая школа.—Измѣненіе взгляда на происхожденіе государства.—Реакціонныя политическія теоріи во Франціи и въ Германіи (Бональдъ, Жозефъ-де-Местръ, Людвигъ Галлеръ и Адамъ Мюллеръ).

Эпоха, наступившая въ исторіи западной Европы послѣ паденія имперіи Наполеона I, носитъ названіе эпохи реставраціи. Ближай-

---

[1]) То, о чемъ идетъ рѣчь въ этой главѣ, разработано главнымъ образомъ въ исторіяхъ философіи, литературы и политическихъ ученій. Кромѣ общихъ курсовъ по исторіи философіи (напр., Швеглера, Бауера, Льюиса, Вебера, Фулье, Ибервега-Гейнце, Фалькенберга, Ланге, существующихъ въ русскихъ переводахъ), въ которыхъ обыкновенно или совсѣмъ не отмѣчается, или отодвигается на самый задній планъ—важный *въ культурномъ отношеніи*, переворотъ во французской философіи, объ этомъ самомъ переворотѣ см. Ferraz. Histoire de la philosophie pendant la révolution. 1889.—Его же Histoire de la philosophie en France au XIX siècle. — Taine. Les philosophes classiques du XIX siècle en France. 1857 и новыя изданія.—Ravaisson. La philosophie française au XIX siècle. По исторіи литературы особенно см., кромѣ общихъ пособій (Ад. Штерна, Корша и Кирпичникова), Brandes. Die Hauptströmungen der Literatur des neunzehnten Jahrhunderts. 1872 и слѣд. (переводъ съ датскаго; есть и рус. переводъ).—J. Schmidt. Gesch. der franz. Literatur seit Ludwig XVI. — Nettement. Hist. de la littérature française sous la restauration.—Paul Albert. La

шимъ образомъ это названіе относится къ исторіи Франціи, гдѣ въ 1814 г. была возстановлена на престолѣ династія Бурбоновъ, и обозначаетъ собою все время царствованія этой династіи до іюльскаго переворота 1830 г., снова ее низвергшаго, но термину „реставрація“ можно придавать и болѣе общій смыслъ. Бурбоны были возстановлены не на одномъ французскомъ престолѣ: въ предыдущую эпоху были лишены своихъ владѣній, кромѣ того, Бурбоны итальянскіе и испанскіе, равно какъ другія династіи, и онѣ точно также были возвращены на свои престолы. Эта реставрація легитимныхъ династій, собственно говоря, началась еще въ 1813 г. въ Германіи послѣ лейпцигской битвы, когда подъ охраною союзниковъ возвратились въ свои земли лишенные Наполеономъ владѣній курфюрстъ Гессенскій и герцоги Брауншвейгскій и Ольденбургскій, а въ Ганноверѣ была возстановлена власть англійской династіи. Въ 1814 г. была произведена реставрація Бурбоновъ, кромѣ Франціи, въ Испаніи и Неаполѣ, реставрація савойскаго дома въ Сардиніи, браганцской фамиліи въ Португаліи, папы въ Церковной Области и принца Оранскаго въ Голландіи. Возстановлялись при этомъ нетолько легитимныя династіи, но и цѣлыя государства, которыя или были совсѣмъ уничтожены Наполеономъ, или сильно уменьшены въ своихъ границахъ. Кромѣ того, съ старыми династіями возвращались на родину эмигранты, тоже стремившіеся къ возстановленію своихъ правъ и своего прежняго положенія. Наконецъ, почти повсемѣстно реставрація законныхъ царствующихъ домовъ сопровождалась сильной реакціей противъ всего, что́ совершилось во время ихъ отсутствія: реакція эта ставила своею задачею реставрацію старыхъ порядковъ, существовавшихъ въ отдѣльныхъ странахъ до начала переворотовъ. Мы еще будемъ имѣть случаи на примѣрахъ изъ исторіи разныхъ государствъ познакомиться съ этою стороною реставраціи, сообщающею эпохѣ характеръ крайней реакціи противъ всего, что́ было сдѣ-

---

litter. franç. au XIX siècle. — Его же Les origines du romantisme. — Théophile Gautier. Histoire du romantisme.—Faguet. Études littéraires sur le XIX siècle.—Hettner. Die romantische Schule. — Haym. Die romantische Schule (есть рус. переводъ). — А. Шаховъ. Французская литература въ первые годы XIX в. 1875.—Его же. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX в. 1894.—По исторіи политическихъ ученій см. общія сочиненія Im. Her. Fichte (Die philosophischen Lehren von Recht, Staat und Sitte), Bluntschli (Gesch. des allgemeinen Staatsrechts und der Politik, рус. пер. 1874), Paul Janet (Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale), Чичерина (Исторія политическихъ ученій), Franck'a (Reformateurs et publicistes) и др. Сочиненія болѣе частнаго характера будутъ указываться въ своихъ мѣстахъ. О соч. по исторіи философіи исторіи указанія въ моихъ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“.

лано во времена французскаго владычества. Въ частности это была реакція абсолютизма противъ обнаружившихся въ ту эпоху стремленій къ политической свободѣ; реакція феодализма противъ соціальныхъ преобразованій, совершившихся во времена революціи и при Наполеонѣ; реакція католицизма противъ вообще новаго культурнаго движенія, произведеннаго „просвѣщеніемъ“ XVIII в. Въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма отношенія между государственною властью и привилегированными сословіями были иногда довольно-таки натянутыми, и просвѣщенный абсолютизмъ въ общемъ былъ направленіемъ антиаристократическимъ и антиклерикальнымъ; но революція, направившаяся одинаково противъ абсолютизма и привилегій, и имперія Наполеона, наносившая ударъ одинаково и легитимнымъ династіямъ, и привилегированнымъ сословіямъ, сблизили между собою историческихъ носителей государственной власти и прежніе консервативные элементы общества, а этотъ ихъ союзъ поставилъ своей задачей реставрацію „стараго порядка“, какимъ онъ былъ, пока его не касались еще просвѣщеніе XVIII в., просвѣщенный абсолютизмъ, революція и Наполеонъ. Однимъ словомъ, послѣ паденія имперіи началась сильная реакція вообще противъ предыдущаго историческаго движенія, противъ всѣхъ новыхъ началъ мысли и жизни, выставленныхъ какъ философіей XVIII в., такъ и движеніями, которыя шли подъ знаменемъ ея идей. Эта реакція была одновременно и культурной, и соціальной, и политической, что указываетъ на ея сложность, и совершалась не въ одной какой-либо странѣ, а во всѣхъ странахъ Европы и нетолько опять-таки во внутренней исторіи этихъ странъ, но и въ исторіи международныхъ отношеній эпохи, что указываетъ на существованіе у этой реакціи причинъ, во всякомъ случаѣ довольно-таки общихъ.

Реакція, начавшаяся въ 1814 г., напоминаетъ намъ другую реакцію въ исторіи новаго времени,—реакцію, возникшую въ серединѣ XVII в. противъ предыдущаго историческаго движенія, которое выразилось въ гуманизмѣ и реформаціи [1]). Въ исторіи западной Европы за послѣдніе четыре вѣка начало нѣмецкой реформаціи около 1520 г. и начало французской революціи въ 1789 г. имѣютъ значеніе двухъ переворотовъ, получившихъ общеевропейское значеніе и притомъ не только находящихся между собою въ извѣстномъ внутреннемъ родствѣ, но и стоящихъ даже въ генетической связи. Оба переворота получили общеевропейское значеніе, благодаря тому, что были вызваны не одними мѣстными причинами, но и причинами болѣе общаго характера, и въ обоихъ переворотахъ, равно какъ въ движеніяхъ,

---

[1]) Т. II, стр. 249 и слѣд., а также Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени, гл. VII.

ихъ подготовившихъ и ихъ вызвавшихъ, мы видимъ проявленіе одного и того же принципа—культурно-соціальнаго преобразованія на новыхъ началахъ, причемъ XVIII в. явился во многихъ отношеніяхъ лишь наслѣдникомъ гуманизма и передового протестантизма. И вотъ въ обоихъ случаяхъ со стороны старыхъ основъ духовнаго и общественнаго быта совершается реакція, которая какъ въ серединѣ XVI в., такъ и въ началѣ XIX столѣтія возводитъ въ принципъ возвращеніе исторіи назадъ, къ отжившимъ свое время формамъ быта, возстановленіе стараго порядка. Наиболѣе крайніе и послѣдовательные реакціонеры начала XIX вѣка отрицали не только все, что произошло послѣ 1789 г., не только, далѣе, „философію XVIII в." съ ея вліяніемъ на государственную жизнь въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, но и всѣ тѣ явленія, противъ которыхъ вооружалась еще реакція XVI вѣка, т.-е. и реформацію, и ренессансъ,—и, отрицая все это, выставляли, какъ положительный идеалъ, культурный и соціальный бытъ средневѣковой эпохи. Однимъ изъ главныхъ органовъ католической реакціи XVI в. и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ ея произведеній былъ, какъ извѣстно, орденъ іезуитовъ. Духъ XVIII в. выразился, между прочимъ, въ уничтоженіи этого ордена, сначала изгнаннаго изъ отдѣльныхъ странъ, а потомъ и вообще отмѣненнаго папской буллой; духъ реставраціонной эпохи, наоборотъ, выразился въ возстановленіи іезуитскаго ордена папою Піемъ VII въ силу буллы „Sollicitudo omnium", изданной 7 августа 1814 г. Эта реставрація іезуитизма придала извѣстнаго рода оттѣнокъ реакціоннымъ стремленіямъ эпохи. Іезуиты снова явились во всѣхъ католическихъ странахъ, всюду стремясь захватить въ свои руки народное образованіе, вездѣ стараясь раздувать религіозный фанатизмъ. У правительствъ того времени и у привилегированныхъ сословій они находили поддержку, такъ какъ дѣйствовали въ духѣ не только культурной, но и политическо-соціальной реакціи. Наконецъ, со стороны куріи и іезуитовъ снова сдѣланъ былъ натискъ и на протестантизмъ: въ то время, какъ іезуиты сѣяли религіозные раздоры, Римъ оживилъ дѣятельность „коллегіи для пропаганды вѣры" [1]), и папа въ этомъ смыслѣ въ 1821 г. даже издалъ особую буллу (Provida solersque). Такимъ образомъ въ культурной сферѣ реакція начала XIX в. руководилась принципами католической реставраціи XVI столѣтія, вызванной религіозной реформаціей. Параллельно съ этимъ совершалось попятное движеніе и въ сферѣ соціально-политической въ направленіи къ тому тѣсному союзу абсолютизма съ привилегіями, который характеризуетъ „вѣкъ Людовика XIV", когда окончательно

---

[1]) Т. II, стр. 272.

сформировался „ancien régime“ [1]). Однимъ словомъ, европейская реакція начала XIX в. жила традиціями среднихъ вѣковъ и „стараго порядка“ и представляла собою возобновленіе той реакціи, съ которою тѣсно связаны имена Игнатія Лойолы, Филиппа II, Людовика XIV и т. п. Въ обоихъ случаяхъ реакція началась не тотчасъ же послѣ того, какъ совершились новыя движенія: отъ выступленія Лютера до появленія на сценѣ Лойолы прошло около двадцати лѣтъ, отъ начала революціи до усиленія реакціи—тоже цѣлая четверть вѣка. Въ обоихъ случаяхъ старыя силы были застигнуты врасплохъ новыми движеніями, и въ обоихъ случаяхъ старыя силы могли перейти въ наступленіе лишь тогда, когда новыя движенія ослабѣли. Ослабѣли, но не исчезли: подобно тому, какъ, начиная съ середины XVI в., всю культурную и политическую исторію западной Европы въ теченіе довольно продолжительнаго времени можно сгруппировать около одного основного явленія—борьбы реставрированнаго католицизма съ протестантизмомъ, такъ и въ XIX столѣтіи съ 1815 г. на долгое время основнымъ фактомъ дѣлается борьба реакціи съ новымъ движеніемъ, которое можно обобщить подъ названіемъ либерализма. Нашею ближайшею задачею въ изложеніи исторіи эпохи реставраціи и будетъ прежде всего дать общія характеристики реакціонныхъ и либеральныхъ стремленій эпохи, показать потомъ, какъ эти стремленія столкнулись на почвѣ международныхъ отношеній, и наконецъ изобразить борьбу реакціи и либерализма во внутренней исторіи главнѣйшихъ западно-европейскихъ націй. Итакъ, намъ предстоитъ прежде всего имѣть дѣло съ общей характеристикой реакціи, но для лучшаго пониманія ея сущности на первое мѣсто мы должны поставить вопросъ о генезисѣ реакціонныхъ стремленій эпохи.

Вопросъ этотъ рѣшался бы очень просто, еслибы все дѣло заключалось лишь въ стремленіяхъ однихъ представителей стараго порядка. Принимая въ расчетъ, что уже попытки просвѣщеннаго абсолютизма реформировать общественный строй вызвали противъ себя консервативную оппозицію, и что, съ другой стороны, правительства оказывали и раньше противодѣйствіе общественной самодѣятельности, мы легко объяснимъ, откуда ведетъ свое начало соціальная и политическая реакція противъ революціи. Мы, далѣе, должны также понять, почему произошло сближеніе между представителями „стараго порядка“ политическаго и „стараго порядка“ соціальнаго, разъ вспомнимъ, что революція была направлена противъ обоихъ этихъ порядковъ. Наконецъ, не трудно указать и на то, что застигнутыя сначала врасплохъ,

---

[1]) Т. II, стр. 533 и 541—543 и т. III, стр. 17 и слѣд., а также „Философія культурной и соціальной исторіи“, гл. VII и VIII.

старыя силы должны были мало-по-малу придти къ мысли о необходимости внутренней своей реорганизаціи. Но этимъ вопросъ не исчерпывается. Дѣло еще въ томъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ реакція реставраціонной эпохи была подготовлена и наполеоновской эпохой. Оставляя въ сторонѣ соціальныя слѣдствія революціи, которыя консульствомъ и имперіей были консолидированы внутри Франціи и распространены вовнѣ, наполеоновскій режимъ былъ реакціоннымъ и въ культурномъ, и въ политическомъ смыслахъ, поскольку былъ направленъ противъ духовной и общественной свободы. Въ частности Наполеонъ возстановилъ пришедшую въ упадокъ организацію католицизма и создалъ заново такую административную систему, которая лишь увеличивала правительственную опеку надъ обществомъ, почему французская реставрація не захотѣла отказываться ни отъ конкордата, ни отъ префектовъ. Но можно идти еще далѣе: и наполеоновскій режимъ сдѣлался возможнымъ, лишь благодаря тому, что еще съ середины 1794 г. въ самомъ обществѣ началась реакція противъ „философіи XVIII в.“, противъ демократическихъ принциповъ 1789 г., противъ увлеченія свободой [1]), и вотъ эта-та сторона дѣла заслуживаетъ особаго вниманія. Клерикально-аристократическая реакція реставраціонной эпохи была лишь третьимъ фазисомъ въ исторіи болѣе общей реакціи, начавшейся сначала въ буржуазіи послѣ 9 термидора и продолжавшейся затѣмъ въ наполеоновскомъ режимѣ. И особенно важно то, что реакціи буржуазная и наполеоновская имѣли происхожденіе въ томъ самомъ обществѣ, которое сдѣлало революцію, тогда какъ реакція реставраціонной эпохи имѣла происхожденіе въ тѣхъ общественныхъ элементахъ, противъ коихъ, наоборотъ, эта революція была сдѣлана. Понятно, что послѣдняя реакція была непримиримѣе, не шла на компромиссы съ революціей, но именно потому, что таково было ея происхожденіе, ея стремленія намъ яснѣе и самый генезисъ ея не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что представляло бы какую-либо трудность. Сложнѣе вопросъ именно о реакціи, такъ сказать, вышедшей изъ нѣдръ самого движенія.

До сихъ поръ въ исторической наукѣ не существуетъ сколько-нибудь разработанной теоріи „акцій“ и „реакцій“, обозначая этими терминами движенія впередъ и движенія попятныя [2]). Вся исторія складывается изъ дѣйствій и противодѣйствій, и въ каждую отдѣльную эпоху берутъ перевѣсъ то дѣйствія, то противодѣйствія (опять-таки понимая эти слова въ условномъ смыслѣ). Обыкновенно періодамъ движенія впе-

[1]) Т. III, стр. 645 и слѣд.

[2]) Т. II, стр. 249 и слѣд., но особенно Философія культ. и соц. ист. нов. вр., стр. 115 и слѣд. Вопросомъ объ этой теоріи мы думаемъ заняться въ IV томѣ „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“.

редъ предшествуютъ разложеніе старыхъ отношеній, дѣлающее ихъ крайне неустойчивыми, и выработка новыхъ идей, подъ знаменемъ коихъ потомъ движенія и совершаются [1]). Самое движеніе и состоитъ именно въ разрушеніи стараго и въ попыткахъ установленія новыхъ отношеній. Что всѣ общественные элементы, заинтересованные въ сохраненіи стараго, оказываютъ консервативную оппозицію, могущую потомъ перейти въ реакцію (какъ оборона переходитъ въ наступленіе), это понятно само собою; но что попятное движеніе возникаетъ среди общественныхъ элементовъ, принимающихъ участіе въ переворотахъ, вотъ это и требуетъ особаго объясненія. Обыкновенно всѣ движенія, подобныя французской революціи, бываютъ въ самомъ началѣ своемъ сильны не только тѣмъ, что не могутъ встрѣтить энергичнаго отпора со стороны разлагающагося стараго порядка, но и тѣмъ, что сосредоточиваютъ на себѣ надежды великаго множества людей разныхъ общественныхъ положеній. Въ такое время рѣдко кто бываетъ въ состояніи предвидѣть, что многія изъ поставленныхъ задачъ не будутъ разрѣшены, многія цѣли не будутъ достигнуты, многіе идеалы не будутъ осуществлены, и что, наоборотъ, могутъ получиться совсѣмъ неожиданныя слѣдствія, вдобавокъ еще слѣдствія съ той или другой точки зрѣнія прямо нежелательнаго свойства: по мѣрѣ того, какъ движеніе развивается и, съ одной стороны, не оправдываетъ всѣхъ надеждъ, какія на него возлагались, а съ другой — порождаетъ еще явленія, оказывающіяся нежелательными, прежній энтузіазмъ къ движенію начинаетъ смѣняться разочарованіемъ и опасеніями, а это мало-по-малу у движенія отнимаетъ его прежнюю силу: идеи, во имя коихъ движеніе происходило, подвергаются скептической критикѣ; подмѣчаются ихъ слабыя стороны, ускользавшія отъ вниманія до провѣрки ихъ на опытѣ; указываются сдѣланныя ошибки и отыскиваются средства къ ихъ исправленію, причемъ нерѣдко наиболѣе полезнымъ считается возвращеніе назадъ; падаетъ, наконецъ, вѣра въ значеніе личныхъ усилій въ дѣлѣ общественнаго переустройства и т. п. Все это не только ослабляетъ движеніе, но создаетъ и весьма удобную психологическую почву для реакціи—и именно для реакціи въ нѣдрахъ той самой части общества, которая принимала участіе въ движеніи. Французская революція была встрѣчена съ восторгомъ почти всѣми мыслящими людьми во всѣхъ странахъ, ибо въ ней видѣли начало новой эры, но понятно, что когда начались грабежи, убійства, казни, когда все должно было склониться передъ деспотизмомъ сначала революціоннаго правительства, а потомъ счастливаго полководца, то людьми, которые привѣтствовали это начало новой эры, должно было овладѣть разочарованіе: идеямъ XVIII в. на-

[1]) Т. III, стр. 139 и слѣд.

несенъ былъ ударъ примѣненіемъ ихъ на опытѣ, оказавшемся неудачнымъ. Съ другой стороны, въ движеніи приняли участіе люди, которые готовы были за нимъ идти до извѣстной только границы. Революція напугала не однихъ представителей „стараго порядка“, но и людей, сначала безбоязненно бросившихся въ движеніе, не предвидя, что оно можетъ обратиться и противъ нихъ самихъ. Любопытно, что первый примѣръ сопротивленія власти подали во Франціи сами привилегированные [1]), но они отшатнулись отъ революціи, какъ только она задѣла ихъ привилегіи. То же самое случилось и съ буржуазіей: она шла впередъ, находясь притомъ во главѣ общественнаго движенія, пока оно не выдвинуло на первый планъ пролетаріатъ, начавшій сознавать свои особые интересы; тогда и въ буржуазіи возникло попятное движеніе, но ей уже не удалось занять въ послѣднемъ передовое положеніе, такъ какъ теперь заняла его армія съ своимъ счастливымъ полководцемъ во главѣ. Буржуазная реакція объясняется разочарованіемъ въ великихъ принципахъ 1789 г., не осуществившихъ возлагавшихся на нихъ надеждъ, объясняется страхомъ передъ новыми перемѣнами, которыя могли быть произведены уже противъ буржуазіи, объясняется, наконецъ, еще какъ сознаніемъ того, что въ ближайшемъ прошломъ сдѣлано было не мало ошибокъ, такъ и естественнымъ утомленіемъ послѣ столь сильнаго возбужденія. Разочарованіе коснулось и городскихъ рабочихъ: они долго поддерживали якобинскій режимъ, обѣщавшій имъ улучшеніе ихъ судьбы, но режимъ этотъ не выполнилъ да и выполнить не могъ этого обѣщанія. Среди низшихъ классовъ и городского, и сельскаго населенія не было стремленія къ политической свободѣ: они поддерживали буржуазію лишь до той поры, пока общими силами разрушали старый общественный строй, а затѣмъ ихъ дороги разошлись, и буржуазія, сама содѣйствовавшая установленію военной диктатуры, была уже безсильна передъ новой властью, которая опиралась на широкую демократическую основу всенароднаго избранія. Вѣра въ демократическій принципъ себя не оправдала: народовластіе не осуществило свободы, оно приводило только или къ анархіи, или къ деспотизму. Вотъ такимъ-то образомъ реакціонныя стремленія и стали зарождаться въ тѣхъ общественныхъ кругахъ, гдѣ вѣрили въ философію XVIII в., гдѣ приняты были съ энтузіазмомъ принципы 1789 года и гдѣ революція находила сначала небольшое количество сознательныхъ сторонниковъ. Реакціонное настроеніе французскаго общества во второй половинѣ девятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка доказывается многими фактами [2]). Во-первыхъ, о немъ свидѣтельствуютъ многіе современники, и

---

[1]) Т. III, стр. 445.
[2]) Т. III, стр. 645—648.

одинъ изъ нихъ [1]) даже очень хорошо формулировалъ, откуда взялось это настроеніе, замѣтивъ, что революція пошла далѣе, нежели могъ допустить господствующій классъ, который, не довольствуясь противодѣйствіемъ увлеченіямъ и крайностямъ, попятился прямо назадъ. Во-вторыхъ, то же самое можно видѣть, обративъ вниманіе и на то, какія газеты были въ это время самыми распространенными, популярными и вліятельными, и что печаталось въ этихъ газетахъ. „Journal des Débats“ и „Mercure“ внушали читателямъ недовѣріе къ философіи XVIII в., ставили ей въ вину преступленія революціи, говорили о необходимости религіи въ смыслѣ общественной узды, изображали „старый порядокъ“ болѣе мягкими чертами и особенно хвалили книжки, которыя шли въ разрѣзъ со всѣми воззрѣніями предыдущей эпохи. Такимъ образомъ уже въ исходѣ XVIII в. подъ вліяніемъ революціи несомнѣнно зарождалась культурная реакція противъ идей, направлявшихъ революцію, а наполеоновскій режимъ, бывшій крайне неблагопріятнымъ для свободной дѣятельности въ области философіи, науки и литературы, создавалъ притомъ и внѣшнія условія, удобныя для такой реакціи.

Выше было уже сказано [2]), что реакція, наступившая въ 1815 г., была одновременно и культурная, и соціальная, и политическая. Съ фактами реакціи соціальной и политической мы познакомимся изъ исторіи той борьбы, которую вели между собою два основныя направленія эпохи какъ на аренѣ международныхъ отношеній, такъ и внутри отдѣльныхъ государствъ, а потому въ дальнѣйшемъ мы ограничимся лишь одной реакціей культурной и вотъ на какихъ основаніяхъ. Взявъ на себя задачу общей характеристики реакціонныхъ стремленій эпохи, мы лучше всего достигнемъ своей цѣли, если представимъ тѣ идеи, въ коихъ эти стремленія нашли свое теоретическое выраженіе. Далѣе, культурная реакція въ разныхъ своихъ направленіяхъ является фактомъ общимъ въ исторіи духовной жизни и представителей стараго порядка, и сторонниковъ новаго общественнаго строя, такъ что она болѣе или менѣе характеризуетъ все общество, взятое въ цѣломъ, а не отдѣльные его классы, хотя конечно, въ аристократіи реакціонныя стремленія эпохи выразились ярче, нежели въ буржуазіи. Мы увидимъ даже, что въ самомъ либерализмѣ нельзя не обнаружить вліянія общей культурной реакціи противъ идей XVIII в. Наконецъ, къ числу идей, составляющихъ духовную культуру общества, относятся, конечно, и политическія теоріи, изложеніе коихъ освѣтитъ передъ нами и феодально-легитимистическую реакцію въ ея основныхъ стремленіяхъ. Есть и еще одна причина, заставляющая насъ остановиться по-

---

[1]) Бенжаменъ Констанъ въ соч. „Des réactions politiques“ (1797).

[2]) См. выше, стр. 247.

дробнѣе на реакціи культурной. Въ ней необходимо именно различать двѣ стороны: одна была, такъ сказать, фанатическимъ ретроградствомъ, стремившимся вернуть общество къ средневѣковому міросозерцанію, но другая сторона представляла лишь протестъ противъ односторонних и невѣрныхъ воззрѣній XVIII вѣка во имя началъ болѣе вѣрныхъ, хотя бы и получавшихъ одностороннее же примѣненіе. Правда, обѣ стороны культурной реакціи противъ общаго духа XVIII в. иногда едва одна отъ другой отдѣлимы, но если первой въ концѣ-концовъ не удалось остановить дальнѣйшаго историческаго движенія, то это движеніе вмѣстѣ съ тѣмъ довольно многимъ было обязано какъ-разъ другой сторонѣ реакціи, обратившей вниманіе на слабыя стороны философіи „просвѣщенія“. Въ области практической дѣятельности примѣръ Штейна, человѣка, выросшаго на старыхъ традиціяхъ, очень хорошо можетъ пояснить, какъ могла возникнуть вообще болѣе благотворная реакція противъ многаго ошибочнаго, что заключала въ себѣ философія XVIII в. и французская революція, — реакція, вносившая свои поправки въ невполнѣ вѣрно направленное дѣло историческаго прогресса.

Обыкновенно во всѣхъ изложеніяхъ исторіи философіи весь ея интересъ въ концѣ XVIII в. и первой трети XIX в. сосредоточивается на движеніи нѣмецкой мысли, выразившемся главнымъ образомъ въ философіи Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, и не обращается вниманія на французскую философію этой эпохи, которая, дѣйствительно, не создала за этотъ періодъ времени ни одной значительной и вліятельной системы—съ значеніемъ и вліяніемъ въ исторіи развитія философіи, какъ таковой. Но вѣдь и „французская философія XVIII в.“, какъ ее называютъ, едва отмѣчается и вообще подробно не излагается въ исторіяхъ философіи, а между тѣмъ какъ для историка культуры, такъ по своему практическому вліянію и для историка общественныхъ перемѣнъ она имѣетъ громадную важность [1]). Какія бы направленія ни принимала, начиная съ Канта, нѣмецкая философія въ своемъ отвлеченномъ развитіи, измѣненія во французской философіи, происшедшія за то же время подъ непосредственнымъ вліяніемъ исторической жизни, имѣютъ съ культурной точки зрѣнія не меньшій, если иногда даже не большій интересъ. Для насъ въ виду той задачи, которую мы поставили себѣ въ этой главѣ, важно отмѣтить реакцію противъ „просвѣщенія“ XVIII вѣка, а для нея наиболѣе характерными представителями явятся писатели, въ философскомъ смыслѣ имѣющіе гораздо менѣе значенія, нежели главные мыслители эпохи.

[1]) См. о неважности французскаго просвѣщенія XVIII в. въ философскомъ смыслѣ и о важности его въ исторіи культуры и общественнаго движенія т. III, стр. 4—5 и 139 и слѣд.

Культурной реакціи XIX в. предшествовала та оппозиція, которую еще въ XVIII в. встрѣчало тогдашнее „просвѣщеніе“ со стороны нѣкоторыхъ писателей. Наиболѣе знаменитымъ оппонентомъ противъ философовъ прошлаго столѣтія выступилъ еще Руссо, коему суждено было играть роль политическаго революціонера и, наоборотъ, культурнаго реакціонера [1]). Господству разума, характеризующему „просвѣщеніе“ XVIII в., Руссо противопоставилъ господство чувства и вѣры и уже тѣмъ самымъ сталъ подготовлять реакцію противъ разсудочной философіи своей эпохи. Многія явленія культурной реакціи XIX в. имѣютъ поэтому въ Руссо своего главнаго родоначальника, но и онъ не стоялъ особнякомъ въ своей оппозиціи „просвѣщенію“ прошлаго столѣтія. Подобно тому, какъ англійская философія прошлаго столѣтія вызвала противъ себя оппозицію со стороны шотландской школы [2]), во главѣ которой стоялъ Ридъ (1710—1796), оказавшій въ свою очередь большое вліяніе на французскихъ философовъ начала XIX в., такъ и въ Германіи уже Гердеръ [3]) и Якоби (1743—1819) боролись противъ основного направленія „просвѣщенія“ XVIII в. Ридъ, напр., исходилъ изъ понятія опредѣленныхъ, не подлежащихъ доказательству, непосредственно вѣрныхъ, самоочевидныхъ истинъ (self-evident truths), данныхъ во внутреннемъ опытѣ и требующихъ безусловной въ себя вѣры, разъ человѣкъ хочетъ достигнуть какого-либо познанія: эти истины Ридъ называлъ началами здраваго смысла (principles of common sense) и въ сущности проповѣдовалъ непогрѣшимость наивнаго сознанія, чѣмъ и думалъ разрушить скептицизмъ своего времени. Онъ-то и произвелъ наиболѣе сильное впечатлѣніе на французскихъ философовъ начала XIX вѣка.

Настоящая реакція противъ философіи XVIII в. началась во Франціи послѣ революціи и подъ ея прямымъ вліяніемъ. Сенсуализмъ и матеріализмъ, господствовавшіе въ этой философіи во второй половинѣ XVIII в., были теперь отвергнуты и притомъ не за доказанную ихъ ложность, а за испытанную неблагонадежность. При Наполеонѣ въ Парижѣ особенно выдвинулись въ качествѣ философовъ Ройе-Колларъ (1873—1845) и Мэнъ-де-Биранъ (1766—1823), изъ коихъ первый игралъ потомъ видную политическую роль при реставраціи [4]). Ройе-Колларъ былъ въ 1811 г. сдѣланъ профессоромъ философіи въ Сорбоннѣ, гдѣ и выступилъ противъ сенсуализма Кондильяка. Онъ

---

[1]) Т. III, стр. 194.

[2]) О ней соч. M'Cosh'a, Seth'a и др.

[3]) О немъ соч. Haym'a, переведеннаго и по-русски. Гердеръ род. въ 1744, ум. въ 1803 г.

[4]) О Ройе-Колларѣ соч. Philippe и Barante, о Мэнъ-де-Биранѣ соч. Naville и Gérard. О сенсуализмѣ и матеріализмѣ см. т. III, стр. 222 и слѣд.

самъ вращался въ воззрѣніяхъ этой школы, но скептицизмъ и матеріализмъ, вытекавшіе изъ сенсуализма, не соотвѣтствовали тому настроенію, которое господствовало въ душѣ Ройе-Коллара, воспитаннаго въ строгой религіозности и уваженіи къ установленному порядку. Случайно ему попалось одно сочиненіе Рида, и оно сразу сдѣлалось для него цѣлымъ откровеніемъ: ученіе о самоочевидныхъ истинахъ давало теоретическое обоснованіе его вѣрѣ и любви къ порядку. Задачей своего преподаванія онъ и поставилъ „подрѣзать сомнѣніе въ корнѣ, найти нѣчто выше сомнѣнія, дисциплинировать умъ, дать основу для морали, а черезъ нее для спокойствія и порядка“. Наполеонъ остался весьма доволенъ вступительной лекціей Ройе-Коллара, ибо, какъ онъ сказалъ Талейрану, его обрадовало „возникновеніе новой философіи, очень серьезной и выгодной въ томъ отношеніи, что она можетъ освободить Францію отъ идеологовъ, убивши ихъ на мѣстѣ своимъ разсужденіемъ“. Говоря это, Наполеонъ думалъ, что новая философія будетъ служить опорою для его деспотизма, но на самомъ дѣлѣ эта философія, какъ мы увидимъ, сдѣлалась своего рода моральною опорою умѣреннаго либерализма слѣдующей эпохи. Мэнъ-де-Биранъ равнымъ образомъ началъ философствовать подъ вліяніемъ Кондильяка, но перешелъ къ спиритуализму и идеализму, обратившись, по собственному его выраженію, „къ внутреннему свѣту, къ духу истины (esprit de vérité), свѣтящему въ глубинахъ души“. Характерная черта этой новой философіи заключалась въ потребности подчинить мышленіе морали, разумъ—чувству. Съ особой силой проявилось такое стремленіе въ ученіи главнаго французскаго философа эпохи реставраціи, Виктора Кузена (1792—1867), который, объявивъ скептицизмъ ученіемъ безнравственнымъ, въ психологіи интересовался лишь разумомъ и свободой въ ихъ отношеніи къ морали, въ эстетикѣ выдвигалъ на первый планъ выраженіе моральной красоты, а въ идеяхъ Бога и безсмертія души видѣлъ лишь опору и санкцію нравственности [1]). Будучи ученикомъ Ройе-Коллара и Мэнъ-де-Бирана, Кузенъ основалъ такъ-называемую эклектическую школу философіи, стремившуюся соединить то, что казалось истиннымъ въ разныхъ системахъ, но чисто въ культурномъ отношеніи особенно характернымъ было то, что подконецъ философія у Кузена получила значеніе скорѣе борьбы съ вредными ученіями, чѣмъ исканія истины, и что потому Кузенъ проповѣдовалъ необходимость болѣе тѣснаго союза философіи съ религіей. Эта реакція противъ сенсуализма, скептицизма и матеріализма XVIII в., выразившаяся въ ученіи трехъ названныхъ философахъ, характери-

---

[1]) О Кузенѣ и его философіи см. соч. Fuchs'a, Aulard'a, Alaux, Paul Janet, Secretan'a, Mignet и др.

зуетъ собою французскую философію до середины XIX в., когда и противъ нея началась оппозиція. Но рядомъ съ этой реакціей, которую можно назвать — по окончательной ея формулировкѣ — эклектико-спиритуалистической, во Франціи развивалось другое реакціонное теченіе, исходнымъ пунктомъ коего было теологическое подчиненіе разума вѣрѣ, откровенію и церковному авторитету. Главными представителями этого направленія были Бональдъ, Жозефъ-де-Местръ и Ламеннэ, о коихъ подробнѣе будетъ идти рѣчь въ другой связи. Если философскую реакцію Ройе-Коллара, Мэнъ-де-Бирана и Кузена можно объяснить изъ тѣхъ же причинъ, которыя создали реакціонное теченіе въ буржуазіи, отнюдь не ставившее своею задачею реставрацію давно оставленныхъ ученій, то теологическая школа боролась противъ духа XVIII в. на почвѣ именно средневѣковыхъ традицій, совершенно такъ же, какъ дѣлала это и соціальная реакція возвратившихся во Францію эмигрантовъ. Для Бональда откровеніе являлось единственнымъ принципомъ всякаго познанія. Жозефъ-де-Местръ былъ настоящимъ родоначальникомъ французскаго ультрамонтанства XIX в. Ламеннэ началъ свою дѣятельность съ того, что отвергъ человѣческій разумъ, направивъ противъ него всѣ доводы скептицизма, но лишь для того, чтобы основать достовѣрность высшихъ истинъ католицизма на новомъ критеріи—всеобщемъ согласіи (consentement universel).

XVIII в. стремился въ своей философіи къ реализму и критикѣ, философія первой половины XIX столѣтія, наоборотъ, отличается наклонностью къ идеалистическому догматизму; въ послѣднемъ отношеніи нѣмецкая философія въ лицѣ Фихте, Шеллинга и Гегеля уклонилась отъ дороги, открытой для ея развитія „Критикой чистаго разума“ Канта. Въ ученіи Фихте уже въ значительной мѣрѣ преобладаютъ моральные и богословскіе элементы, а съ теченіемъ времени его философія все болѣе и болѣе принимаетъ религіозный характеръ. Въ философіи Шеллинга надъ ясною мыслью господствовала фантазія, и философъ даже кончилъ прямо мистикой. Гегель завершилъ собою развитіе этого общаго направленія философіи: лишь послѣ паденія его системы началось возвращеніе ко многимъ забытымъ началамъ XVIII в. и между прочимъ къ критицизму Канта [1]). Все это весьма характерно для культурной исторіи начала XIX вѣка. Сопоставляя эти факты и многіе другіе, которые можно найти въ любомъ изъ болѣе подробныхъ руководствъ по исторіи философіи, мы не можемъ не признать, что противъ общаго духа XVIII в. совершилась нѣкоторая общая реакція: критика, скептицизмъ, невѣріе прошлаго

[1]) Объ этихъ отношеніяхъ мы предполагаемъ подробнѣе говорить въ V томѣ, гдѣ соберемъ основныя черты философскаго и научнаго движенія XIX вѣка.

столѣтія уступаютъ мѣсто признанію авторитетовъ, догматизму, вѣрѣ; чувство начинаетъ играть въ философіи особенно важную роль, послѣ того, какъ, повидимому, должно было начаться безконечное господство разума. Это была своего рода религіозная реакція противъ исключительно свѣтскаго направленія, характеризующаго „просвѣщеніе“ XVIII вѣка. Послѣднее было, какъ извѣстно, возрожденіемъ гуманистическаго движенія XIV—XVI вв. съ его секуляризаціонными стремленіями [1]), но подобно тому, какъ реформація и католическая реставрація были своего рода реакціей противъ свѣтской культуры гуманизма, такъ и „просвѣщеніе“ XVIII в. съ его нерѣдко антирелигіознымъ характеромъ смѣнилось возрожденіемъ религіозности, которая принимала притомъ весьма различные образы и виды, начиная съ ретроградnаго изувѣрства католическихъ фанатиковъ и кончая благороднымъ идеализмомъ людей, думавшихъ сдѣлать изъ религіи основу духовнаго и общественнаго прогресса.

Этому оживленію религіозности въ западно-европейскомъ обществѣ весьма много содѣйствовали,—если только иногда не прямо производили это оживленіе,—французская революція и потрясенія наполеоновской эпохи. Религіозность народныхъ массъ, конечно, не была затронута вольномысленной философіей XVIII в., и если для нихъ были тягостны десятины, сеньеріальныя права и привилегіи духовенства, то послѣднее не переставало оказывать вліянія на духовную жизнь этихъ массъ. Преслѣдованія, которымъ революція подвергла католическую церковь, только оживили религіозное чувство народа, чѣмъ духовенство впослѣдствіи, конечно, воспользовалось для укрѣпленія своего вліянія. Внѣ Франціи происходило то же самое: въ католическихъ странахъ сельское населеніе видѣло во французахъ и въ мѣстныхъ революціонерахъ враговъ церкви и оказывало нерѣдко противодѣйствіе и тѣмъ, и другимъ, причемъ національная оппозиція противъ „безбожныхъ“ французовъ принимала, благодаря этому, и религіозный характеръ [2]). Взрывы католическаго фанатизма, съ которыми приходится встрѣчаться въ эту эпоху, были подготовлены тѣмъ, что событія революціи и ея продолженія при Наполеонѣ задѣвали религіозное чувство массъ. Въ духовенствѣ равнымъ образомъ подъ вліяніемъ тѣхъ же событій оживлялась религіозность: гоненія укрѣпляли вѣру; опасность, коей подвергалась церковь, заставляла болѣе ревностно служить ея интересамъ; потеря духовенствомъ прежняго значенія въ обществѣ (въ качествѣ привилегированнаго сословія, обладавшаго громадными матеріальными средствами) естественно приводила многихъ его членовъ къ

---

[1]) Т. III, стр. 142 и 215.

[2]) См. выше, стр. 33.

убѣжденію въ томъ, что сохранить вліяніе на общество можно лишь путемъ строгаго исполненія предписаній религіи. Въ XVIII столѣтіи многіе принимали духовный санъ лишь потому, что съ церковными должностями были соединены громадные доходы, — общественная жизнь эпохи создала типъ свѣтскаго аббата, довольно равнодушнаго къ дѣламъ вѣры,—но послѣ революціи принятіе духовнаго сана стало дѣломъ убѣжденія, что придало другой характеръ всему клиру. До 1789 г. французское духовенство было настроено галликански, но гражданское устройство духовенства въ эпоху революціи, преслѣдованія, коимъ въ это время подвергались священники, и наполеоновскій конкордатъ, дававшій церкви бюрократическую организацію, убили это болѣе свободное настроеніе французскаго клира и замѣнили его ультрамонтанскою привязанностью къ Риму. Такъ событія эпохи оживляли религіозность вообще и въ частности католическія чувства въ народныхъ массахъ и въ духовенствѣ. На образованные классы общества и вообще на свѣтскихъ людей эти событія подѣйствовали такимъ же образомъ. Вольнодумство XVIII в. не охватывало широко всѣхъ общественныхъ круговъ и тамъ, гдѣ, по видимому, господствовало, нерѣдко было скорѣе направленіемъ напускнымъ, такъ сказать, моднымъ, чѣмъ дѣломъ серьезнаго убѣжденія. Конецъ XVIII и начало XIX в. выставили рядъ писателей, вынесшихъ изъ дореволюціонной еще эпохи нетронутыми католическія вѣрованія и чувства: значитъ, вольнодумство не охватывало собою всего общества. Съ другой стороны, бывали, конечно, случаи временнаго отступленія отъ вѣрованій, въ которыхъ каждый воспитывался съ дѣтства, но при первомъ серьезномъ испытаніи свободомысліе уступало мѣсто настроенію, привитому религіознымъ воспитаніемъ. Для всего общества, взятаго въ массѣ, событія революціи были именно такого рода серьезнымъ испытаніемъ: она слишкомъ потрясала умъ, воображеніе, слишкомъ сильно дѣйствовала на чувство, заставляя содрагаться сердца при видѣ столькихъ бѣдствій, ужасовъ, пораженій, чтобы все это не могло не отразиться на судьбѣ нерѣдко моднаго и болѣе или менѣе поверхностнаго вольнодумства. Уже въ концѣ XVIII в. можно отмѣтить факты возвращенія къ религіи людей, которые еще не задолго передъ тѣмъ готовы были хвастаться своимъ невѣріемъ [1]). Если люди, никогда не терявшіе своей вѣры, вызывались, такъ сказать, событіями эпохи къ проповѣди о необходимости обращенія къ религіи, столь долго находившейся въ пренебреженіи, то и для того, чтобы проповѣдь ихъ могла имѣть успѣхъ, тѣ же событія создавали весьма удобную почву въ общественномъ настроеніи эпохи. Конечно, это обращеніе къ религіи могло имѣть

[1]) Т. III, стр. 646.

въ своей основѣ разные мотивы, но результатъ былъ одинъ и тотъ же, было ли именно это обращеніе вызвано внутреннею потребностью душъ, до глубины потрясенныхъ страшными событіями эпохи, или же вызывалось соображеніями политическаго свойства, въ силу которыхъ религія была нужна, какъ лучшая опора общественнаго порядка [1]). Несомнѣнно, что въ оживленіи религіозности, характеризующемъ эпоху, дѣйствовало и то, и другое, т.-е. и душевное настроеніе, порожденное зрѣлищемъ совершавшихся событій, и сознаніе того, что религія представляетъ изъ себя великую консервативную силу, необходимую для поддержанія общественнаго порядка. Наполеоновскій конкордатъ, какъ мы видѣли, былъ порожденіемъ именно этого послѣдняго сознанія [2]), но для насъ теперь важнѣе какъ-разъ другая сторона въ этомъ оживленіи религіозности. Революція и наполеоновскія войны потрясли не одни только внѣшніе порядки прежнихъ политическихъ и соціальныхъ отношеній: не менѣе сильно онѣ потрясли еще и души людей, вывели ихъ изъ прежняго равновѣсія, подорвали въ нихъ идеи, имѣвшія раньше надъ ними силу, наполнили ихъ новыми чувствами. Конечно, гораздо легче представить всѣ внѣшнія перемѣны, произведенныя событіями эпохи, чѣмъ всѣ тѣ измѣненія въ мысляхъ, вѣрованіяхъ, чувствахъ и настроеніяхъ, которыя были результатомъ непосредственнаго вліянія, какое самое зрѣлище этихъ событій произвело на людей даже наименѣе впечатлительныхъ. Во всякомъ обществѣ и во всякую эпоху существуетъ извѣстная духовная атмосфера, складывающаяся изъ великаго множества проявленій господствующаго въ обществѣ настроенія, изъ проявленій иногда довольно трудно уловимыхъ въ ихъ отдѣльности, но въ совокупности представляющихъ изъ себя, наоборотъ, нѣчто довольно опредѣленное. Эта атмосфера охватываетъ отдѣльныхъ людей и цѣлые общественныя группы и кладетъ на нихъ свой особый отпечатокъ, и кто наиболѣе соотвѣтствуетъ данному общественному настроенію и испытываетъ на себѣ ранѣе и сильнѣе другихъ вліяніе создающейся этимъ настроеніемъ духовной атмосферы, тотъ и пользуется въ данную минуту наибольшимъ успѣхомъ. Писатели, произведенія коихъ въ то или другое время наиболѣе популярны, вліятельны и авторитетны въ широкихъ кругахъ общества, являются въ этомъ отношеніи превосходными показателями того, какое настроеніе въ обществѣ преобладаетъ. Уже особенный успѣхъ одного какого-нибудь литературнаго произведенія можетъ служить признакомъ времени, но еще болѣе должно для историка имѣть значеніе такого признака времени цѣлое литературное направленіе, разъ оно въ данную эпоху

---

[1]) Т. III, стр. 647.

[2]) См. выше, стр. 118 и слѣд.

является господствующимъ и задаетъ тонъ духовной жизни общества. Съ этой точки зрѣнія намъ слѣдуетъ бросить общій взглядъ на нѣкоторыя наиболѣе характерныя явленія литературной исторіи начала XIX вѣка.

Въ апрѣлѣ 1802 г. во Франціи произошло весьма важное литературное событіе, совпавшее по времени,—на что тогда же было обращено вниманіе,—съ торжественнымъ празднованіемъ заключенія конкордата [1].. Событіемъ этимъ былъ выходъ въ свѣтъ сочиненія Шатобріана [2] подъ заглавіемъ „Духъ христіанства“. Авторъ этого сочиненія, которому тогда было около 35 лѣтъ, происходилъ изъ старой дворянской фамиліи и получилъ свое образованіе въ Бретани, откуда былъ родомъ. Уже въ дѣтствѣ обнаруживалъ онъ религіозное настроеніе: когда, напр., въ 1780 г. онъ приступилъ къ первому причащенію, онъ проявилъ такую набожность, что его мать видѣла уже въ немъ будущаго священника. Шатобріанъ не сдѣлался, однако, духовнымъ. Мало того, его коснулся духъ времени, а начало революціи подѣйствовало на него даже въ благопріятномъ смыслѣ. „Благородныя чувства, признавался онъ самъ впослѣдствіи, лежавшія въ основѣ нашихъ первыхъ смутъ, подходили къ независимости моего характера, а естественное отвращеніе, какое я чувствовалъ къ двору, содѣйствовало этой моей склонности. Революція меня увлекла бы, еслибы она не сопровождалась преступленіями: когда я въ первый разъ увидѣлъ, какъ несли голову на пикѣ, я отступилъ назадъ“. Шатобріанъ, находясь въ 1789 г. въ Парижѣ, видѣлъ взятіе Бастиліи и переѣздъ Людовика XVI въ этотъ городъ послѣ событій 5—6 октября: эти событія отвратили его отъ революціи. Но онъ не хотѣлъ защищать и старый порядокъ, какъ не пожелалъ принимать участіе въ движеніи, и скоро уѣхалъ въ Америку, передъ которой многіе французы той эпохи благоговѣли, какъ предъ страною истинной свободы [3]. Шатобріанъ самъ въ это время былъ большимъ поклонникомъ свободы и долго, напр., еще считалъ себя счастливымъ, что ему удалось видѣть Вашингтона. Изъ Новаго Свѣта его вызвали извѣстія о событіяхъ, происшедшихъ на родинѣ лѣтомъ 1791 г., но онъ явился сюда лишь для того, чтобы эмигрировать, хотя и не раздѣляя при этомъ фанатизма настоящихъ представителей стараго порядка. Затѣмъ Шатобріанъ появился въ Лондонѣ, гдѣ въ 1797 г. издалъ свое первое литературное произ-

---

[1]) См. выше, стр. 223.

[2]) О немъ см. соч. Villemain. M. de Chateaubriand, sa vie, ses écrits, son influence littéraire et politique sur son temps.—Sainte-Beuve. Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'empire.—Marcellus. Chateaubriand et son temps.—De Lescure. Chateaubriand (въ серіи „Les grands écrivains français“) и др.

[3]) Т. III, стр. 450—453.

веденіе подъ заглавіемъ: „Историческій, политическій и моральный опытъ о древнихъ и новыхъ революціяхъ въ ихъ отношеніяхъ къ французской революціи нашихъ дней“. Впослѣдствіи эту книгу, въ которой Шатобріанъ хотѣлъ осмыслить событія, совершившіяся во Франціи, обвиняли въ общей нечестивости направленія, и дѣйствительно въ это время ея авторъ еще испытывалъ на себѣ вліяніе скептическаго духа XVIII в. и не разрѣшилъ своихъ сомнѣній возвращеніемъ къ христіанству. Онъ обвинялъ философовъ за то, что они низвергаютъ религію родной страны, отнимая у народа благочестіе и не давая имъ никакой новой опоры нравственности, и приглашалъ ихъ бросить такое направленіе, въ сущности весьма жестокое: „не отнимайте, восклицалъ онъ, послѣдней надежды у несчастнаго, ибо развѣ велика бѣда, что это — иллюзія, разъ иллюзія эта облегчаетъ ему тяжелое бремя его существованія?“ Конечно, это не было правовѣрной точкой зрѣнія на религію. Но Шатобріанъ скоро возвратился къ настоящей вѣрѣ, имѣвшей всегда большую надъ нимъ власть, хотя и поколебленной на время вольномысленнымъ вліяніемъ XVIII в. Въ 1798 г. умерла его мать, и эта смерть произвела на него сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что г-жа Шатобріанъ была очень огорчена направленіемъ своего сына. Получивъ извѣстія о горестномъ событіи и о томъ, что старуха передъ смертью очень желала, чтобы Шатобріанъ отказался отъ своихъ заблужденій, онъ, по собственнымъ его словамъ, заплакалъ и сталъ вѣрить (j'ai pleuré et j'ai cru). Натура Шатобріана была поэтическая, сентиментальная, мечтательная, и вотъ всѣ его прежнія сомнѣнія разрѣшились въ пользу безусловной истинности той религіи, въ которой онъ былъ воспитанъ: совершилось одно изъ тѣхъ „обращеній“, примѣрами коихъ полна эпоха. Уже въ 1798 г. онъ задумалъ написать книгу „О поэтическихъ и моральныхъ красотахъ христіанской религіи и ея превосходствѣ надъ всѣми культами земли“, изъ которой и возникъ „Духъ христіанства“. Послѣдствія переворота 18 брюмера открыли почти настежь двери Франціи для эмигрантовъ [1]), и въ числѣ первыхъ возвратившихся въ 1800 г. на родину былъ Шатобріанъ, который тотчасъ же сблизился въ Парижѣ съ представителями консервативнаго направленія въ литературѣ и періодической печати и сталъ пописывать въ модномъ въ то время „Меркуріи“. Уже своимъ романомъ „Атала, или любовь двухъ дикарей въ пустыни“, написаннымъ для прославленія христіанства и изданномъ въ 1801 г., Шатобріанъ обратилъ на себя большое вниманіе, и въ обществѣ съ нетерпѣніемъ стали ожидать появленія возвѣщенной друзьями Шатобріана книги о

[1]) См. выше, стр. 93.

красотахъ христіанства. Успѣхъ только что названной „Atala“, объясняющійся новымъ настроеніемъ общества, которое стало отворачиваться отъ разсудочной литературы XVIII в. и начало искать того, что̀ говорило бы прежде всего его чувству, его потребности вѣрить, его фантазіи,—былъ прямо поразительный: въ теченіе одного года вышло пять изданій этого произведенія; его переводили на иностранные языки; ему начали подражать; о немъ писались статьи въ газетахъ и даже издавались отдѣльныя брошюры въ панегирическомъ тонѣ, хотя появлялись и памфлеты въ родѣ „Новыхъ святыхъ“ революціоннаго поэта и бывшаго члена конвента Мари-Жозефа Шенье, осмѣявшаго, кромѣ Шатобріана, и другихъ представителей возрождавшагося католицизма, между прочимъ и знаменитаго Лагарпа [1]), который незадолго передъ тѣмъ перешелъ въ католицизмъ. Шатобріанъ положительно сдѣлался самымъ моднымъ писателемъ, и публика съ тѣмъ бо́льшимъ нетерпѣніемъ ждала выхода въ свѣтъ его новой книги, что о ней говорили, какъ о сочиненіи, направленномъ главнымъ образомъ противъ вольнодумства XVIII вѣка. Въ одинъ и тотъ же день, 18 апрѣля 1802 г., на который приходилась тогда Пасха, въ соборѣ Парижской Богоматери было совершено торжественное богослуженіе по случаю заключенія конкордата и появилась въ „Меркуріи“ статья одного изъ друзей Шатобріана о выходѣ въ свѣтъ давно ожидавшагося „Духа христіанства или красотъ христіанской религіи“, поступившаго въ продажу нѣсколькими днями раньше. Совпаденіе не было случайнымъ, на что указывалось и въ статьѣ „Меркурія“, да и предисловіе самого Шатобріана самымъ яснымъ образомъ свидѣтельствовало о томъ, что авторъ книги радовался возстановленію католицизма и благоговѣлъ передъ человѣкомъ, совершившимъ это великое дѣло [2]). Время выхода книги въ свѣтъ было, дѣйствительно, выбрано самое подходящее для того, чтобы произвести сенсацію, а съ другой стороны, успѣху книги содѣйствовали и литературные друзья Шатобріана (между ними Бональдъ, о коемъ рѣчь будетъ идти впереди) и духовенство, среди котораго авторъ „Духа христіанства“ нашелъ многочисленныхъ приверженцевъ. Первый консулъ тоже сталъ оказывать свое покровительство Шатобріану, и послѣдній посвятилъ прямо ему второе изданіе книги. Извѣстно, что лишь послѣ казни герцога Ангьенскаго Шатобріанъ сталъ въ оппозиціонное отношеніе къ Наполеону.

На первой страницѣ каждаго изъ пяти томовъ „Духа христіанства“ Шатобріанъ помѣстилъ въ видѣ эпиграфа слѣдующія слова Монтескье: „Удивительная вещь! христіанская религія, которая, по-

---

[1]) См. выше, стр. 25.

[2]) Ср. выше, стр. 223.

видимому, имѣетъ своимъ предметомъ блаженство въ загробной жизни, и здѣсь на землѣ, кромѣ того, доставляетъ намъ благополучіе". Главная мысль Шатобріана та, что христіанство (съ коимъ онъ отождествляетъ католицизмъ) изъ всѣхъ религій самая лучшая для цивилизаціи, и что главное ея достоинство заключается въ ея красотѣ: это— религія самая поэтическая, самая художественная, наиболѣе благопріятствующая генію, хорошему вкусу, литературѣ и искусствамъ, давая удивительные образцы поэтамъ и художникамъ; религія самая человѣчная, развивающая въ людяхъ нравственныя влеченія и содѣйствующая ихъ свободѣ; религія, коей цивилизація обязана всѣми своими пріобрѣтеніями, начиная отъ земледѣлія и кончая науками. Самъ Шатобріанъ говоритъ, что въ его мысляхъ не было писать на эту тему сухое богословское разсужденіе, котораго, пожалуй, и читать не стали бы, и дѣйствительно въ „Духѣ христіанства" читатели находили прежде все то, чѣмъ только можетъ авторъ дѣйствовать на ихъ чувство и воображеніе. Шатобріанъ взглянулъ на христіанство съ эстетической точки зрѣнія и эстетическими же средствами стремился достигнуть своей цѣли — передать читателю свое поэтическое отношеніе къ религіи и свое настроеніе, которое у него безпрестанно мѣняется, дѣлаясь то спокойнымъ и созерцательнымъ, то грустнымъ и мечтательнымъ, то торжественнымъ и восторженнымъ. Красивыя фразы, удачные обороты рѣчи, искусно подобранныя сочетанія словъ или умѣло выбранные эпитеты замѣняютъ въ этой книгѣ дѣйствительную аргументацію. Въ „Духѣ христіанства" нашло выраженіе (и нужно прибавить, что во Франціи это было чуть не первое выраженіе) новое настроеніе, столь отличное отъ настроенія XVIII вѣка съ его „кассическимъ стилемъ", именно настроеніе романтическое. Между прочимъ, Шатобріанъ идеализируетъ здѣсь при всякомъ удобномъ случаѣ добрыя старыя времена, когда господствовалъ католицизмъ, идеализируетъ монашество, монастырскую жизнь, рыцарство, патріархальныя отношенія феодализма,—однимъ словомъ, восхваляетъ тѣ средніе вѣка, которые для людей XVIII в. были временами „готическаго" варварства. Для него особенно было важно то, что католицизмъ служитъ живою связью между поколѣніями и поддерживаетъ въ жизни общества традиціи, шедшія изъ самыхъ отдаленныхъ временъ, и тѣмъ самымъ связываетъ ихъ въ одно нераздѣльное цѣлое. Настаивая на уваженіи къ традиціямъ, „Духъ христіанства" ясно стремился сдѣлаться своего рода противоядіемъ противъ разрушительной философіи XVIII в. Контръ-революціонный характеръ книги, конечно, не укрылся отъ понимающихъ читателей, и многіе въ этомъ именно и полагали все ея значеніе, сами стремясь положить въ основу общественнаго порядка религію, для которой Шатобріанъ и создавалъ почву въ сентиментально-эстетическомъ настроеніи общества, только-

что пережившаго революцію. Шатобріанъ не ограничился однимъ „Духомъ христіанства“ для доказательства своей мысли объ эстетическомъ превосходствѣ христіанства надъ другими религіями. Въ 1809 г. онъ издалъ знаменитую свою поэму „Мученики“, въ коей изобразилъ поэтически борьбу христіанства и язычества въ III и IV вѣкахъ нашей эры.

Появленіе „Духа христіанства“ Шатобріана имѣло важное значеніе не только въ общекультурномъ отношеніи, но и въ отношеніи чисто литературномъ. На рубежѣ XVIII и XIX в. во Франціи подготовлялось новое литературное направленіе, формулировавшее свои эстетическія идеи и позже получившее названіе направленія романтическаго. XVIII вѣкъ въ области поэзіи былъ вѣкомъ классицизма, въ литературномъ же отношеніи не только революція, но и даже наполеоновское время должны быть отнесены еще къ классической эпохѣ, хотя уже въ самомъ началѣ консульства успѣхъ Шатобріана свидѣтельствовалъ о томъ, что литературные вкусы сильно измѣнились. Романтизмъ, который такимъ образомъ приходилъ на смѣну классицизму, не былъ, однако, явленіемъ мѣстнымъ, исключительно французскимъ. Напротивъ того, это новое направленіе подчинило себѣ всѣ національныя литературы эпохи, и какъ-разъ не Франція шла впереди этого движенія. Настоящей родиной романтизма была Германія, изъ которой шли новыя вліянія на другія страны, но сколько бы въ исторіи распространенія романтизма ни дѣйствовали примѣръ и подражаніе, возникновеніе однородныхъ стремленій въ разныхъ литературахъ эпохи было результатомъ дѣйствія общихъ причинъ и потому можетъ быть разсматриваемо, какъ одно изъ проявленій общей реакціи, совершавшейся въ духовной жизни противъ „философскаго“ XVIII в. Здѣсь было бы неумѣстно опредѣлять романтизмъ съ чисто литературной точки зрѣнія, какъ новое поэтическое направленіе, ставшее въ рѣзкую противоположность къ классицизму и стремившееся замѣнить его эстетическій кодексъ своимъ собственнымъ: съ такой точки зрѣнія противоположность обоихъ направленій обыкновенно выясняется въ сочиненіяхъ по исторіи литературы, въ которыхъ только и можетъ быть дана полная характеристика романтизма и со стороны его формы, и со стороны содержанія. Мы укажемъ только на то, что разсудочной отвлеченности, логической правильности, ясности мысли и прозрачности выраженія классиковъ романтики противопоставили необузданность фантазіи, полный произволъ поэта, силу чувства, переходящую въ страстность, и метафорическую фразеологію. Для насъ, однако, не это важно, а важно особенно то, что въ культурномъ и соціально-политическомъ отношеніяхъ романтизмъ сдѣлался однимъ изъ проявленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ органовъ реакціи, хотя бы и небезусловно. Начиная съ

гуманизма, получившаго характеръ классическаго возрожденія, западно-европейскія литературы стали мало-по-малу порывать свои связи съ старыми національными традиціями феодально-католической эпохи, съ ея рыцарствомъ и монашествомъ, съ ея романами приключеній и благочестивыми легендами. Произошелъ процессъ вымиранія этихъ традицій, и въ „вѣкъ Людовика XIV"—сначала во Франціи, а потомъ и на всемъ Западѣ—восторжествовалъ классицизмъ, который и держался затѣмъ черезъ все XVIII столѣтіе. Никогда презрѣніе къ „готическому" варварству, подъ которое подводилось все средневѣковое, не было такъ всеобще и такъ сильно, какъ въ вѣкъ „просвѣщенія": и въ поэзіи, и въ философіи, и въ наукѣ, и въ исторіографіи писатели XVIII в. были учениками и послѣдователями древнихъ, совершенно игнорируя средневѣковую литературу, средневѣковую жизнь. Одинъ изъ существенныхъ признаковъ романтизма, взятаго не только съ спеціально-литературной точки зрѣнія, но и какъ явленіе общественное, заключался именно въ томъ особомъ интересѣ, съ какимъ романтики стали относиться къ средневѣковой старинѣ. Самый романтизмъ былъ своего рода реставраціей средневѣковой поэзіи, откуда и названіе новаго направленія, какъ возвращенія къ старымъ литературнымъ традиціямъ, да и въ болѣе широкомъ смыслѣ онъ былъ явленіемъ, родственнымъ многимъ другимъ сторонамъ совершавшейся въ эту эпоху реакціи. Романтизмъ, несмотря на свой общеевропейскій характеръ, былъ, можно сказать національно-исторической реакціей противъ космополитическо-раціоналистическаго направленія XVIII вѣка: романтики вдохновлялись роднымъ прошлымъ, противопоставляя его тѣмъ общечеловѣческимъ и отвлеченнымъ началамъ, которыя проповѣдовала литература „философскаго вѣка". Романтизмъ съ его средневѣковыми симпатіями, равно какъ націонализмъ, питавшійся традиціями родной старины, и историческій интересъ къ „готическому" прошлому, о коихъ будетъ еще идти рѣчь, выросли, такъ сказать, на общей почвѣ, и этою почвою была реакція противъ космополитическаго классицизмъ и антиисторическаго раціонализма, характеризующаго XVIII в. въ области литературы и философіи. Кромѣ того, романтическія, историческія и націоналистическія симпатіи къ среднимъ вѣкамъ находятся въ тѣсномъ родствѣ съ реакціонными политическими теоріями эпохи, рекомендовавшими возвращеніе къ формамъ средневѣкового католико-феодальнаго быта. Философія XVIII в. и французская революція были высшимъ моментомъ въ исторіи того процесса, который постепенно разрушалъ культурныя и соціальныя формы среднихъ вѣковъ, и вотъ реакція противъ „просвѣщенія" и революціи стала именно подъ знамя средневѣковыхъ принциповъ. Нельзя, однако, безусловно утверждать, чтобы романтизмъ и историческій интересъ къ національному

прошлому служили только цѣлямъ клерикально-аристократической реакціи: такое явленіе наблюдается преимущественно въ Германіи, тогда какъ во Франціи,—что мы еще увидимъ въ своемъ мѣстѣ,—и романтическая поэзія, и историческій интересъ къ среднимъ вѣкамъ (равно какъ эклектическій спиритуализмъ [1]) стали служить либеральнымъ стремленіямъ эпохи.

Романтизмъ, взятый съ чисто литературной своей стороны, имѣлъ свой особый характеръ въ каждой странѣ въ отдѣльности. То же самое можно сказать и о его культурномъ и политическомъ значеніи, бывшемъ неодинаковымъ въ отдѣльныхъ странахъ. Нигдѣ вообще его основныя черты не проявились съ такою рѣзкостью и рельефностью, какъ въ Германіи; благодаря этому, составилось даже мнѣніе, будто отсюда-то онъ и былъ заимствованъ въ другія страны. Несомнѣнно, что въ Германіи романтизмъ,—здѣсь же, кстати, получившій и свое названіе,—развился раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, что здѣсь онъ формулировалъ свои теоретическія положенія еще въ концѣ XVIII в. и на самомъ дѣлѣ до нѣкоторой степени повліялъ въ началѣ XIX в. на французскую литературу, но несомнѣнно также и то, что уже въ сентиментальномъ направленіи Руссо зарождалось въ самой же Франціи направленіе, родственное романтизму, и что общественное настроеніе, которое благопріятствовало во Франціи романтизму, было результатомъ дѣйствія внутреннихъ причинъ, которыя и безъ внѣшняго вліянія должны были породить явленія, аналогичныя нѣмецкому романтизму. Собственно говоря, для французовъ долго оставались совершенно неизвѣстными даже самыя важныя явленія духовной жизни Германіи, пока съ ними не познакомила своихъ соотечественниковъ г-жа Сталь [2]) своей знаменитой книгой „О Германіи“, книга же эта появилась въ свѣтъ лишь въ 1813 г. въ Англіи, такъ какъ первое ея изданіе было истреблено наполеоновской полиціей [3]). Г-жа Сталь поставила своею задачею показать французамъ, что́ представляла изъ себя современная Германія, ея литература, философія и религія. Въ культурномъ и политическомъ отношеніи г-жа Сталь развилась подъ вліяніемъ идей XVIII в., но на нее сильное впечатлѣніе произвели стремленія нѣмецкихъ романтиковъ, метафизиковъ и богослововъ и нѣмецкій энтузіазмъ. Ея книга „О Германіи“ оказала немалое вліяніе на однородныя стремленія во Франціи, сдѣлавшись первымъ значительнымъ проводникомъ нѣмецкаго вліянія на французское общество. Г-жа Сталь первая популя-

---

[1]) См. выше, стр. 256.

[2]) Sainte-Beuve. Portraits littéraires.—Lady Blennerhasset. Frau von Staël. 1888—89 (франц. перев, Dietrich'a: M-me de Staël et son temps. 1890).—Dejob. M-me de Staël et l'Italie. 1890.—A. Sorel. M-me de Stael. 1890.

[3]) См. выше, стр. 224.

ризировала самое названіе романтизма во французской литературѣ, давъ направленію такое опредѣленіе: „я смотрю на классическую поэзію, какъ на поэзію древнихъ, и на романтическую, какъ на такую, которая нѣкоторымъ образомъ связана съ преданіями рыцарства. Это раздѣленіе совпадаетъ съ двумя великими эпохами міра, относясь ко временамъ до и послѣ установленія христіанства". Книга г-жи Сталь, какъ и все вообще, что выходило изъ-подъ ея пера, имѣла успѣхъ въ обществѣ, а между тѣмъ сочувствіе автора было несомнѣнно на сторонѣ культурныхъ теченій, враждебныхъ философіи XVIII в. и родственныхъ направленію Шатобріана. Настоящимъ образомъ французскій романтизмъ расцвѣлъ, впрочемъ, только въ двадцатыхъ годахъ, когда получилъ своего вождя, поэта и теоретика въ лицѣ Виктора Гюго.

Въ Германіи то, что можно назвать романтическимъ направленіемъ, не только охватило собою область поэзіи, но и проникло въ философію и теоретическую политику. Настоящимъ философомъ романтизма былъ Шеллингъ [1]). Его ученіе, какъ извѣстно, принимало разные образы и виды, но особенно любопытно то, что въ немъ наиболѣе видную роль въ концѣ концовъ стала играть фантазія. Въ противоположность идеѣ историческаго прогресса, выдвинутой просвѣщеніемъ XVIII в. [2]), Шеллингъ сталъ утверждать, что человѣчество когда-то стояло на высшей ступени, было вполнѣ совершеннымъ, а теперь находится въ упадкѣ. Его влекло къ изученію первобытнаго міра и миѳологіи, къ которымъ онъ относился, однако, фантастически, съ полной вѣрой въ глубокій смыслъ и истинность миѳологическихъ сказаній [3]). Въ качествѣ поэтовъ, критиковъ, философовъ и публицистовъ романтизма особенно еще прославились братья Шлегели, Августъ (1767—1845) и Фридрихъ (1772—1829), изъ которыхъ послѣдній перешелъ (въ 1803 г.) въ католицизмъ,—одно изъ знаменитыхъ „обращеній" эпохи. Здѣсь не мѣсто характеризовать всю дѣятельность обоихъ братьевъ, въ коей было немало важнаго и въ литературномъ, и въ научномъ смыслѣ: мы отмѣтимъ только нѣкоторыя черты дѣятельности обоихъ главъ романтической школы, свидѣтельствующія о ихъ реакціонности. Подобно тому, какъ Шеллингъ искалъ высшей мудрости въ первобытномъ мірѣ, братья Шлегели обратились къ Во-

---

[1]) L. Noack. Schelling und die Philosophie der Romantik. 1859.— Кромѣ того, весьма большая спеціальная литература.

[2]) Т. III, стр. 147.

[3]) Напр., въ этомъ смыслѣ написано его сочиненіе (1815 г.) „О божествахъ Самоѳракіи". Другимъ философомъ романтизма былъ богословъ Шлейермахеръ, который основывалъ религію не на сознаніи, а на смутномъ личномъ чувствѣ.

стоку, къ Индіи, языкъ которой и „мудрость“ сдѣлались предметомъ ихъ изученія. Августъ Шлегель еще въ 1802 г. заявлялъ, что, по его мнѣнію, Европа слишкомъ низко пала, чтобы быть способной къ религіи, и что серьезная революція можетъ начаться лишь въ Азіи, гдѣ еще существуетъ настоящій энтузіазмъ. Въ 1808 г. Фридрихъ Шлегель издалъ книгу „Ueber die Sprache und Weisheit der Indier“. „На Востокѣ,—говоритъ онъ здѣсь,—мы должны искать самаго высокаго романтизма въ смыслѣ наиболѣе глубокой и всепроникающей фантазіи, и черпая непосредственно изъ первоначальныхъ источниковъ, мы найдемъ слишкомъ бѣднымъ тотъ южный зной, который насъ поражаетъ въ испанской поэзіи“. Фридрихъ Шлегель прославляетъ индійскую литературу и философію и доходитъ до восторга, изображая индійскихъ аскетовъ: онъ ихъ ставитъ даже въ образецъ для подражанія христіанамъ. Старшій братъ, черезъ котораго, между прочимъ, г-жа Сталь знакомилась съ нѣмецкой литературой, признавался въ томъ, что къ католицизму его влекло „художественное предрасположеніе“ (la prédilection d'artiste): протестантизмъ былъ, дѣйствительно, слишкомъ сухъ и блѣденъ для людей, прежде всего стремившихся къ фантастическому, за коимъ готовы были обращаться даже къ древней Индіи. У Фридриха Шлегеля это стремленіе соединялось еще съ самыми реакціонными политическими взглядами. Въ 1828 г. онъ читалъ въ Вѣнѣ свои знаменитыя лекціи по философіи исторіи, изданныя въ двухъ томахъ въ слѣдующемъ году, бывшемъ уже послѣднимъ въ его жизни. Вся исторія новаго времени представлялась этому романтику не чѣмъ инымъ, какъ уклоненіемъ отъ истиннаго пути, съ коего Европа сошла, благодаря гуманизму и протестантизму: его идеалъ—средніе вѣка, когда во главѣ общества стояли папа и императоръ, и рыцарство объединяло народы моральными узами. Не даромъ былъ онъ поклонникъ Австріи за ея католическій и феодальный консерватизмъ. Это сожалѣніе объ утраченномъ блаженствѣ средневѣковой эпохи, когда католицизмъ являлся верховнымъ принципомъ жизни, господствовавшимъ въ философіи, литературѣ и надъ государствомъ,—черта довольно распространенная среди нѣмецкихъ романтиковъ, благодаря чему и стали происходить случаи переходовъ изъ протестантизма въ католицизмъ [1]). Слѣдуетъ указать еще, что одною изъ отличительныхъ чертъ нѣмецкаго романтизма, особенно въ эпоху реставраціи сдѣлалась проповѣдь квіетизма, общественнаго индифферентизма, ис-

[1]) Однимъ изъ первыхъ панегиристовъ средневѣкового католицизма, какъ великой исторической силы, которую сокрушили протестантизмъ и философія XVIII в., былъ романтическій поэтъ Гарденбергъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Новалиса (1772—1801). Эту мысль онъ выразилъ въ „Отрывкѣ о христіанствѣ“ (1801).

ключительнаго погруженія въ личную жизнь, да и то по общему характеру движенія—въ жизнь однимъ чувствомъ, одной фантазіей, однимъ созерцаніемъ: литература отворачивалась отъ дѣйствительности, признавая въ ней лишь одну пошлость, и если пыталась воздѣйствовать на жизнь, то развѣ только въ смыслѣ возвращенія ея къ временамъ господства чувства и фантазіи.

Въ романтизмѣ необходимо видѣть еще и своего рода національную реакцію противъ космополитическаго классицизма. Особенно въ Германіи литературный классицизмъ былъ чужимъ, заимствованнымъ извнѣ направленіемъ, да и реакція противъ него началась здѣсь еще въ XVIII столѣтіи. Событія начала XIX вѣка только усилили въ Германіи національную оппозицію противъ космополитизма предыдущаго столѣтія: напр., мы видѣли уже, что зрѣлище того униженія, въ какомъ находилось нѣмецкое отечество вслѣдствіе французскаго владычества, подѣйствовало на философа Фихте, бывшаго еще не за долго до пораженія Пруссіи „гражданиномъ вселенной“, а подъ вліяніемъ событій 1806—1807 г. превратившагося въ пламеннаго нѣмецкаго патріота [1]). Раньше намъ и вообще уже пришлось указывать на то, какъ французская революція и наполеоновское владычество содѣйствовали пробужденію національнаго начала [2]). Теперь мы освѣтимъ это же самое явленіе съ другой стороны.

Философія XVIII в. была, какъ извѣстно, философіей космополитической [3]): она интересовалась человѣчествомъ, игнорируя, что человѣчество складывается изъ національностей, изъ коихъ каждая имѣетъ вѣдь свою индивидуальность, свою физіономію, свой характеръ, свое прошлое. „Просвѣщеніе“ XVIII в., въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ видѣло только „человѣка и гражданина“ съ извѣстными прирожденными ему „естественными правами“, забывая что каждый такой „человѣкъ и гражданинъ“ является, кромѣ того, и членомъ извѣстной національности, изъ которой природа и исторія сдѣлали нѣчто непохожее на другія національности. Далѣе, французская революція провозгласила свои принципы чисто отвлеченнымъ образомъ, и это сказалось на ея космополитическомъ характерѣ: на сцену появились „ораторы человѣческаго рода“, подобные Клоотцу [4]), и родилась мысль о переворотѣ, который долженъ былъ охватить весь міръ [5]). Когда началось примѣненіе къ жизни идей этой космополитической революціи, дѣйствительность оказалась далеко несоотвѣтствовавшей отвлеченнымъ тео-

---

[1]) См. выше, стр. 209.
[2]) См. выше, гл. II и XI.
[3]) Т. III, стр. 265.
[4]) Т. III, стр. 566.
[5]) Т. III, стр. 568 и др.

ріямъ XVIII в. „Человѣчество“ оказалось далеко не такимъ однороднымъ, какимъ представляли его себѣ просвѣтители XVIII в., но раздѣленнымъ на національности, со стороны которыхъ и всесвѣтная революція, и всемірная монархія Наполеона начали встрѣчать отпоръ, и вотъ противъ универсальныхъ просвѣтительныхъ началъ стали выдвигаться національныя традиціи, сдѣлавшіяся потомъ весьма скоро своего рода подспорьемъ для внутренней клерикально-аристократической реакціи. Вѣра въ то, что у человѣка, какъ такового, есть естественныя права, и что всѣ народы должны жить между собою въ братскомъ союзѣ, составляетъ, конечно, весьма сильную сторону философіи XVIII в., и разъ, этой вѣрѣ должно принадлежать историческое будущее, націонализмъ XIX в., противопоставившій общечеловѣческимъ принципамъ начала національной особности и международной вражды, былъ однимъ изъ наиболѣе печальныхъ проявленій реакціонныхъ стремленій этого времени. Но у космополитизма XVIII в. была и слабая сторона: онъ игнорировалъ національность, какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ въ исторіи человѣчества, а потому не могъ правильно и понимать ее, видя же въ личности лишь „человѣка и гражданина“ вообще, не могъ выработать уваженія къ національному принципу, поскольку въ немъ выражается коллективная душа народа и поскольку вслѣдствіе этого онъ дѣлается дорогимъ личности, чувствующей себя не только гражданиномъ и человѣкомъ, но и членомъ извѣстной національности [1]). Вся предыдущая исторія попирала законныя права національностей: въ этомъ отношеніи и политика завоеваній и раздѣловъ, и просвѣщенный абсолютизмъ [2]), и французская революція, и имперія Наполеона, и вѣнскій конгрессъ [3]) одинаково отрицали права національностей, хотя, съ другой стороны, если въ XIX в. права эти и стали защищаться съ принципіальной точки зрѣнія, то послѣдняя была лишь примѣненіемъ къ коллективной личности народа той идеи, которую философія XVIII вѣка провозгласила для личности индивидуальной. Но дабы это сдѣлалось возможнымъ, нужно было, чтобы мысль признала существованіе національности, какъ факта, имѣющаго свои основы въ природѣ и исторіи. Отвлеченное человѣчество XVIII в. оказалось въ дѣйствительности несуществующимъ, и тѣмъ самымъ обнаружился, благодаря столкновенію съ дѣйствительностью, важный пробѣлъ во взглядахъ предыдущаго столѣтія на человѣка, на общество, на государство, на исторію: этимъ пробѣломъ было именно понятіе національности. Однимъ изъ первыхъ литературныхъ произведеній, выставившихъ на

---

[1]) Ср. стр. 87 и слѣд. „Философіи культурной и соціальной исторіи новаго времени“. См. также Laurent. Etudes sur l'histoire de l'humanité, passim.

[2]) Т. III, стр. 352.

[3]) См. выше, стр. 240 и 242—243.

первый планъ интересъ къ національнымъ особенностямъ, была уже раньше упоминавшаяся книга г-жи Сталь „О Германіи", въ которой она старается дать характеристику нѣмецкаго народнаго духа, указать на то, чѣмъ отличается онъ отъ національнаго генія французовъ, и объяснить эти различія изъ мѣстныхъ и историческихъ причинъ. Книга г-жи Сталь писалась какъ-разъ во время наибольшаго національнаго возбужденія нѣмецкой націи, проявившагося и въ знаменитыхъ „Рѣчахъ къ нѣмецкой націи" Фихте, о которыхъ намъ уже приходилось упоминать раньше. Этотъ интересъ къ національному вопросу, впервые обнаружившійся въ началѣ XIX в., имѣлъ двоякое значеніе: съ одной стороны, подготовлялось болѣе вѣрное пониманіе исторической жизни человѣчества и лучше обосновывался принципъ права народовъ на національную самобытность и свободу; а съ другой, къ сожалѣнію, національный принципъ соединялся нерѣдко съ реакціей противъ всего, что было общечеловѣческаго и прогрессивнаго въ идеяхъ XVIII в., и эта-то вторая сторона въ эпоху реставраціи получила въ жизни неизмѣримо болѣе важное значеніе, чѣмъ первая.

Одновременно съ національнымъ началомъ противъ отвлеченнаго космополитизма XVIII в. выдвинулось и начало историческое и притомъ какъ въ области общественной жизни, такъ и въ теоретическомъ сознаніи. „Просвѣщенный абсолютизмъ" во второй половинѣ XVIII в., французская революція и имперія Наполеона одинаково исходили изъ отрицанія историческихъ правъ во имя правъ естественныхъ, во имя права личности и во имя права государства, хотя послѣднее было въ большинствѣ случаевъ лишь правомъ сильнаго. Привилегіи католической церкви и феодальнаго дворянства, коимъ наносились удары со стороны „просвѣщеннаго абсолютизма", революціи и Наполеона, покоились на правѣ историческомъ, и на томъ же правѣ покоился королевскій абсолютизмъ: противъ привилегій XVIII вѣкъ выставилъ идею естественнаго равенства людей и идею абсолютной власти государства надъ всѣми элементами общества, а противъ неограниченности королевской власти—естественное право націи на верховенство въ государствѣ. Основная тенденція реставраціи заключалась, наоборотъ, въ непризнаваніи того, что шло подъ знаменемъ естественнаго права, и именно во имя тѣхъ же самыхъ историческихъ правъ, на которыхъ покоились соціальныя привилегіи и политическій абсолютизмъ: въ этомъ-то и заключалась вся суть легитимизма, какъ принципа реставраціи. Параллельно съ этимъ поворотомъ въ области фактовъ совершался поворотъ и въ области идей. Раціонализмъ XVIII вѣка былъ направленіемъ, по самому существу своему глубоко антиисторическимъ [1]): отрицая авторитетъ вѣры во имя правъ разума, онъ

[1]) Т. III, стр. 149—150.

въ то же время утверждалъ исключительное господство разума на счетъ правъ опыта и наблюденія въ дѣлѣ реальнаго знанія. Въ своей политической философіи XVIII вѣкъ исходилъ изъ абстрактныхъ понятій и строилъ свои системы общества и государства путемъ дедукціи, обращаясь къ исторіи лишь за примѣрами для иллюстраціи положеній, полученныхъ безъ какого бы то ни было участія со стороны данныхъ историческаго опыта или выводовъ изъ историческихъ наблюденій. Догматическимъ построеніямъ XVIII в. недоставало прежде всего научности, заключающейся въ осторожномъ и критическомъ установленіи, изслѣдованіи и комбинированіи фактовъ, ибо философскій вѣкъ полагался только на одну силу мысли, безъ того эмпирическаго матеріала, который дается опытомъ и наблюденіемъ, дается фактическимъ матеріаломъ исторіи. XIX вѣкъ въ этомъ отношеніи далеко ушелъ впередъ, поставивъ соціальныя науки на твердое основаніе исторіи [1]), а это обращеніе къ исторіи характеризуетъ уже самое начало XIX столѣтія, какъ время наиболѣе сильной реакціи противъ идей XVIII в. Мы соберемъ здѣсь нѣсколько однородныхъ и одновременныхъ фактовъ, указывающихъ на то, что въ разсматриваемую эпоху раціоналистическая политика предыдущаго столѣтія утратила кредитъ и что на первый планъ стало выдвигаться историческое изученіе, но прежде скажемъ вообще, что въ этомъ обращеніи къ исторіи, какъ и въ постановкѣ національнаго вопроса, были двѣ стороны съ весьма различнымъ значеніемъ для дальнѣйшаго развитія мысли и самой жизни. Съ одной стороны, создавалось новое научное движеніе, коему предстояло получить важное прогрессивное значеніе въ исторіи культуры и политики XIX в., съ другой, историческое направленіе, подобно философскому идеализму и романтической литературѣ, служило цѣлямъ реакціонной реставраціи, проповѣдуя чрезмѣрное уваженіе къ историческимъ традиціямъ. Впрочемъ, послѣднее относится преимущественно къ Германіи: во Франціи блестящая историческая литература двадцатыхъ годовъ была проникнута, наоборотъ, идеями тогдашняго либерализма. Въ дальнѣйшемъ мы остановимся главнымъ образомъ на реакціонныхъ тенденціяхъ историческаго изученія.

Въ тѣхъ явленіяхъ, о коихъ будетъ теперь идти рѣчь, необходимо различать пробужденіе интереса къ средневѣковому прошлому западно-европейскихъ народовъ и внесеніе исторической точки зрѣнія въ пониманіе человѣческой жизни и общественныхъ отношеній. Обращеніе историковъ къ изученію среднихъ вѣковъ, бывшихъ для просвѣтителей XVIII столѣтія временами „готическаго варварства“,

---

[1]) Подробнѣе это будетъ разсмотрѣно въ V томѣ. Тамъ же указанія на историографическую литературу.

совершенно недостойными вниманія, стоитъ въ самой тѣсной и непосредственной связи съ романтизмомъ. Романтики были первыми историками средневѣковой старины. Въ этомъ отношеніи во Франціи важное значеніе имѣли „Мученики“ Шатобріана, которые произвели самое сильное впечатлѣніе на бывшаго въ то время еще школьникомъ Огюстена Тьерри, будущаго историка среднихъ вѣковъ во Франціи, и подъ вліяніемъ которыхъ находился другой историкъ, Гизо, вмѣстѣ съ Тьерри пролившій совершенно новый свѣтъ на эпоху. Правда, обоихъ ихъ впослѣдствіи заинтересовали въ исторіи среднихъ вѣковъ борьба за свободу и развитіе представительныхъ учрежденій, но у другихъ писателей, интересовавшихся средними вѣками, выступали на первый планъ интересы и стремленія клерикально - аристократической реакціи. И историческая точка зрѣнія, выдвинувшаяся въ литературѣ первыхъ десятидѣтій XIX в., равнымъ образомъ была навѣяна общимъ поворотомъ, происходившимъ въ умственной жизни общества, хотя и она не принимала непремѣнно реакціоннаго характера. Однимъ изъ первыхъ авторовъ, ставшихъ на эту точку зрѣнія, была представительница либерализма, г-жа Сталь, весьма рано подмѣтившая нарожденіе новаго отношенія къ вопросамъ жизни и даже выразившая опасеніе, какъ бы это новое отношеніе не впало въ односторонность. Въ 1800 г. вышло въ свѣтъ сочиненіе г-жи Сталь „О литературѣ въ ея отношеніяхъ къ общественнымъ учрежденіямъ“, въ которомъ она поставила себѣ задачу—прослѣдить взаимодѣйствіе между литературой, съ одной стороны, и религіей, нравами и законодательствомъ, съ другой стороны, т.-е. намѣтила историческое отношеніе къ литературнымъ произведеніямъ, которыя раньше разсматривались исключительно съ какой-либо чисто теоретической точки зрѣнія. Историческимъ смысломъ отличается и ея книга „О Германіи“, въ коей она объясняетъ исторически особенности нѣмецкаго національнаго духа. Г-жа Сталь вполнѣ ясно и отчетливо понимала, въ чемъ состоялъ начинавшійся поворотъ къ исторической точкѣ зрѣнія, и объ этомъ свидѣтельствуютъ собственныя ея слова: „XVIII вѣкъ провозглашалъ свои принципы слишкомъ безусловно, а XIX столѣтіе, можетъ случиться, будетъ слишкомъ покорно объяснять факты. XVIII вѣкъ вѣрилъ въ абсолютную природу вещей, XIX будетъ вѣрить въ одни обстоятельства. Одинъ хотѣлъ предписывать будущему, другой ограничится изученіемъ человѣчества“. Общій характеръ воззрѣній г-жи Сталь, вѣрившей въ историческій прогрессъ, конечно, не могъ мириться съ слишкомъ большою покорностью передъ фактами, но то, что въ этомъ смыслѣ она говорила, какъ о возможности, противоположной смѣлому взгляду XVIII вѣка, въ дѣйствительности и произошло въ нѣмецкой исторической школѣ. Мы не касаемся здѣсь великаго научнаго зна-

ченія трудовъ этой школы [1]), чтобы отмѣтить лишь общій ея консервативный духъ. Воззрѣнія ея родоначальниковъ (Нибура, Савиньи и Якова Гримма) сложились подъ вліяніемъ неудачи, какая постигла революціонную попытку перестроить все общество по началамъ разума. Изучая исторію, право, языкъ и народный бытъ, они обратили вниманіе на устойчивость традиціонныхъ культурныхъ и соціальныхъ отношеній и считали совершенно безсмысленнымъ дѣлать попытки измѣненія исконныхъ формъ народнаго быта, проповѣдуя поэтому уваженіе къ національнымъ преданіямъ и къ существующимъ порядкамъ, упорный консерватизмъ и недовѣріе къ новизнѣ: преклоненіе передъ фактомъ и пренебреженіе къ идеѣ были, такъ сказать, самыми характеристическими чертами исторической школы, и именно съ такой точки зрѣнія она смотрѣла на главнѣйшіе вопросы нѣмецкой дѣйствительности въ эпоху реставраціи. Мы еще увидимъ изъ отдѣла объ эпохѣ реставраціи въ Германіи, какіе аргументы выдвигала нѣмецкая историческая школа противъ реформъ, коихъ требовали болѣе либеральные элементы общества, но сущность этихъ аргументовъ сводилась къ одному: разъ историческое прошлое народа не выработало того, чего требуютъ въ данную минуту во имя той или другой идеи, значитъ, и надобности въ этомъ нѣтъ никакой. Такая точка зрѣнія была весьма благопріятна для тогдашнихъ реакціонеровъ, и они, дѣйствительно, ссылались на историческое начало, когда дѣло шло о возстановленіи старины и объ устраненіи всего того, что отдавало французской революціей.

Въ этой реакціи противъ раціонализма XVIII в. зародилась одна изъ важнѣйшихъ идей XIX в., идея органическаго развитія языка, права, государства, столь противоположная идеѣ XVIII в. о сознательномъ и произвольномъ созданіи ихъ человѣкомъ. Разсматривать, какъ это произошло мы здѣсь не будемъ, такъ какъ удобнѣе это будетъ сдѣлать въ связи съ исторіей научныхъ идей XIX вѣка [2]), а пока достаточно указать лишь на то, что новое воззрѣніе на исторію, по которому въ ней люди ничего или почти ничего не значатъ, а все или почти все зависитъ отъ обстоятельствъ, было отчасти результатомъ того разочарованія въ творческихъ силахъ личности, которое должно было наступить послѣ революціи. Революція должна была казаться дерзкимъ возстаніемъ лжемудрствующаго человѣка противъ вѣковыхъ порядковъ, созданныхъ Богомъ или исторіей, и ученіе о томъ, что человѣкъ произвольно можетъ здѣсь что-либо

[1]) И это тоже будетъ разсмотрѣно въ V томѣ.

[2]) Мы коснулись этого предмета въ сочиненіи „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи“, стр. 400 и слѣд., а подробнѣе остановимся въ V томѣ.

измѣнять, было объявлено революціоннымъ. Съ особеннымъ усердіемъ антиреволюціонная литература набросилась на ученіе о договорномъ происхожденіи государства [1]), ставившее государство въ зависимость отъ людского произвола. XIX вѣкъ вообще отвергъ эту теорію, столь популярную въ предыдущемъ столѣтіи, но не нужно забывать, что первые удары теоріи этой были нанесены писателями реакціонной школы, которые и первыми высказали мысль о возникновеніи государства путемъ чисто органическаго развитія. Но писатели реакціонной школы имѣли въ виду не столько то, чтобы замѣнить ложное ученіе ученіемъ болѣе вѣрнымъ, сколько противопоставить доктринѣ, ведущей къ революціи, доктрину, которая поддерживала бы установленный порядокъ. Мы и остановимся теперь на главныхъ представителяхъ реакціонной политической литературы начала XIX столѣтія, тѣмъ болѣе, что они въ свое время были весьма вліятельны и могутъ быть даже названы оракулами, къ голосу которыхъ прислушивались всѣ сторонники возстановленія старины.

Этихъ политическихъ оракуловъ реакціи было два француза и два нѣмца: Бональдъ, Жозефъ-де-Местръ [2]), Людвигъ Галлеръ и Адамъ Мюллеръ, и всѣ они уже до начала реставраціи въ сочиненіяхъ своихъ формулировали главные ея принципы. Бональдъ (1754—1840) былъ происхожденія аристократическаго, учился у монаховъ, служилъ въ военной службѣ и, вышедши въ отставку, жилъ провинціальнымъ дворяниномъ на своемъ родномъ углу. Въ эпоху революціи онъ эмигрировалъ и поселился въ Гейдельбергѣ. Въ 1796 г. онъ издалъ свое сочиненіе „Теорія политической и религіозной власти въ гражданскомъ обществѣ, основанная на умозрѣніи и исторіи“, но директорія не пропустила его во Францію. Послѣ 18 брюмера Бональдъ послалъ экземпляръ этой книги первому консулу, который вычеркнулъ его имя изъ списка эмигрантовъ. Въ первые годы XIX вѣка Бональдъ игралъ весьма видную роль среди писателей, подвизавшихся на поприщѣ полемики съ идеями XVIII в. Въ это время вырабатывался во Франціи гражданскій кодексъ, и однимъ изъ жгучихъ вопросовъ, обсуждавшихся въ печати, былъ вопросъ о разводѣ, допущенномъ революціоннымъ законодательствомъ: Бональдъ выступилъ съ цѣлой книгой по этому вопросу, самымъ рѣшительнымъ образомъ высказавшись противъ развода, вносящаго разложеніе не только въ семью, но и въ государство. Сочиненіе имѣло успѣхъ въ обществѣ, но кодексъ удержалъ разводъ, и только въ 1816 г. Бональду, уже въ каче-

[1]) Т. III, 206 и слѣд.

[2]) Sainte-Beuve. Causeries de lundis. — Его же Portraits littéraires. — Paulhan. Joseph de Maistre et sa philosophie. 1893.—Descostes. J. de M. avant la révolution. 1893.

ствѣ члена палаты депутатовъ при реставраціи, удалось провести отмѣну закона о разводѣ. Въ 1802 г. Бональдъ издалъ третье свое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Первобытное законодательство“, доставившее ему большую извѣстность. Въ это время онъ находился въ дружбѣ съ Шатобріаномъ и раздѣлялъ съ нимъ вліяніе на общество, искавшее душевнаго успокоенія послѣ бурь революціи. Позднѣе къ Бональду обращались два раза съ весьма почетными предложеніями: быть воспитателемъ сына короля голландскаго Людовика, потомъ сына самого Наполеона; но оба раза онъ отклонилъ сдѣланныя ему предложенія, какъ несогласныя съ его политическими убѣжденіями. Въ эпоху реставраціи Бональдъ выступилъ однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ поборниковъ абсолютизма, клерикализма и эмигрантскихъ притязаній. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Бональдъ стоялъ на средневѣковой точкѣ зрѣнія. Человѣкъ прежде всего сосудъ страстей и похотей и потому требуетъ постояннаго обузданія. Отсюда необходимость религіозныхъ и свѣтскихъ авторитетовъ. Чѣмъ они сильнѣе, тѣмъ лучше, а потому нужно противиться всему, что̀ ихъ ослабляетъ. Личная свобода—великое зло, и ее нужно всячески стѣснять. Бональдъ поэтому обращается къ правительствамъ, приглашая ихъ для укрѣпленія людей „стѣснять сердца ихъ, дѣйствовать наперекоръ ихъ влеченіямъ“. Религіозный и свѣтскій авторитеты воплощаются у Бональда въ духовенствѣ и въ дворянствѣ, коимъ принадлежитъ церковное и государственное служеніе. По его мнѣнію, всѣ бѣды пошли отъ того, что церковь и армія стали демократизироваться и началъ разлагаться средневѣковой строй жизни. Бональдъ былъ именно сторонникъ кастическаго устройства общества, корпоративнаго быта, установленныхъ разъ навсегда общественныхъ положеній и порядковъ, строгихъ рамокъ, въ которыя должна бы быть поставлена личная жизнь и дѣятельность. Вся новая исторія предается имъ проклятію, и лучшимъ подтвержденіемъ правильности своихъ разсужденій онъ считаетъ французскую революцію. Политическая теорія Бональда сдѣлалась особенно популярной среди эмигрантовъ реставраціи, когда самъ Бональдъ съ возвращеніемъ легитимной монархіи могъ вздохнуть свободнѣе, хотя и тутъ его сильно смущала конституціонная хартія 1814 г., казавшаяся ему вредной уступкой духу времени.

Жозефъ-де-Местръ (1754 — 1821) былъ сверстникъ Бональда. Потомокъ древней графской фамиліи въ Савойѣ, воспитанный въ строгомъ благочестіи, онъ въ 1792 г. покинулъ родину, не желая подчиниться революціонному французскому правительству, присоединившему въ этомъ году Савойю къ Франціи. Въ 1800 г. онъ получилъ придворную должность отъ сардинскаго короля и вскорѣ послѣ того уѣхалъ сардинскимъ посланникомъ въ Петербургъ, гдѣ и оста-

вался до 1817 г. Какъ и Бональда, его заставила взяться за перо революція. Живя съ 1792 г. въ Швейцаріи, онъ въ 1796 г. издалъ „Размышленія о французской революціи", въ коихъ событіе это разсматривается, какъ наказаніе Божіе за грѣхи и особенно за вольнодумство XVIII в. Для де-Местра она даже чудесное божеское попущеніе: эту мысль онъ доказываетъ тѣмъ, что въ своемъ бурномъ шествіи революція увлекаетъ всѣхъ людей, которые думаютъ ей сопротивляться. Въ этомъ же сочиненіи де-Местръ высказалъ мысль, что конституція не можетъ быть механическимъ продуктомъ, приложимымъ къ любой націи, ибо она должна быть лишь результатомъ органическаго развитія. „Конституція 1795 г., говоритъ онъ еще, какъ и ея предшественницы, создана для человѣка, но въ мірѣ нѣтъ „человѣковъ". Въ своей жизни я видѣлъ французовъ, итальянцевъ, русскихъ и т. п. Благодаря Монтескье, я даже знаю, что бываютъ персіяне, но что касается до человѣка, то, право, я никогда въ своей жизни его не встрѣчалъ". Самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ де-Местра была его книга „О папѣ", изданная въ 1819 году. Это—цѣлая теорія папской власти; но авторъ становится здѣсь не столько на богословскую, сколько на политическую точку зрѣнія, доказывая необходимость непогрѣшимаго и неограниченнаго въ своей власти папства для того, чтобы было кому поддерживать въ Европѣ миръ и спокойствіе внутри отдѣльныхъ государствъ и въ международныхъ отношеніяхъ, разрѣшая безапелляціонно всѣ споры и раздоры, противорѣчія и недоразумѣнія, охраняя права монарховъ отъ народныхъ революцій, права народовъ — отъ деспотизма правительствъ и т. п. Жозефъ-де-Местръ признается, что еслибы самъ онъ былъ даже и атеистомъ, но будь у него только въ рукахъ власть, онъ непремѣнно издалъ бы основной законъ государства, предписывающій считать папскую власть непогрѣшимой. При этомъ онъ ссылался, какъ и другіе реакціонеры, на средніе вѣка, когда папство, дѣйствительно, господствовало надъ народами. Впрочемъ, самъ Жозефъ-де-Местръ плохо вѣрилъ въ свою собственную теорію: напр., его крайній легитимизмъ въ 1804 г. не могъ примириться съ фактомъ путешествія папы Пія VII въ Парижъ на коронацію Наполеона, и вотъ онъ называлъ папу „жалкимъ первосвященникомъ", которому остается только унизиться до „ничтожнаго полишинеля". Подобно Бональду, и Жозефъ-де-Местръ смотритъ на человѣка, какъ на сосудъ страстей и похотей, какъ на существо, грѣховное по самой своей природѣ, а потому долженствующее подвергаться постоянно наказанію: Богъ вѣчно караетъ человѣка и для этого особымъ актомъ своей воли онъ въ человѣческомъ обществѣ создалъ палача. Такую именно теорію развилъ Жозефъ-де-Местръ въ своихъ знаменитыхъ „Петербургскихъ вечерахъ", имѣвшихъ весьма

значительный успѣхъ, между прочимъ, благодаря своей привлекательной формѣ.

Людвигъ Галлеръ и Адамъ Мюллеръ проповѣдовали подобныя же идеи въ Германіи. Первый изъ нихъ (1768—1854) принадлежалъ по происхожденію къ одной изъ патриціанскихъ фамилій Берна, но революція заставила его покинуть родину, и онъ сдѣлался самымъ отъявленнымъ врагомъ всего, что́ напоминало революцію. Онъ былъ изъ числа тѣхъ протестантовъ, которые подобно Фридриху Шлегелю, перешли въ католицизмъ, т. е. и Людвигъ Галлеръ былъ тоже однимъ изъ тогдашнихъ „обратившихся“. Въ 1808 г. Галлеръ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Handbuch der allgemeinen Staatenkunde“, за которымъ въ 1816 г. послѣдовалъ первый томъ „Возстановленія государствовѣдѣнія“ (Restauration der Staatswissenschaft), сочиненія, оконченнаго въ шести томахъ лишь въ 1834 г. и имѣвшаго въ свое время выдающійся успѣхъ. Въ своихъ сочиненіяхъ Галлеръ вооружается, какъ и представители французской реакціонной школы, противъ ученія объ общественномъ договорѣ, находя его революціоннымъ. Напр., онъ критикуетъ теорію естественнаго состоянія, предшествовавшаго возникновенію гражданскаго общества, доказывая, что уже семья, существующая не въ силу договора, представляетъ изъ себя общество. Искусственному созданію людей, какимъ представляется общество раціонализму XVIII в., Галлеръ противополагаетъ установленный самимъ Богомъ естественный законъ, въ силу коего власть принадлежитъ сильнѣйшему, а слабѣйшій долженъ повиноваться. Это не значитъ, оговаривается Галлеръ, чтобы сильнѣйшему было все позволено, ибо есть и надъ нимъ стоящая воля Божія, которая запрещаетъ злоупотребленіе властью. Поэтому единственною сдержкою власти онъ признаетъ религію, такъ какъ всѣ другія гарантіи ему кажутся недостаточными: установленіе народнаго контроля надъ властью есть въ сущности установленіе новой власти, надъ которою должно было бы установить еще контроль и т. д. безъ конца. Галлеръ смотрѣлъ, далѣе, на пользованіе государственною властью, какъ на право, принадлежащее государямъ въ видѣ ихъ собственности, полученной ими по милости Божіей: смотрѣть на это пользованіе, какъ на отправленіе общественной должности значитъ или допускать деспотизмъ, оправдывающій всѣ дѣйствія правителей, въ качествѣ представителей общаго блага, или признавать революцію, исходящую изъ того принципа, что верховная власть принадлежитъ народу, который только вручаетъ ее государю. Галлеръ рядомъ съ властью признаетъ и самостоятельныя права подданныхъ, которыя должны быть уважаемы государями, будучи сами охраняемы религіей, но это не суть „естественныя права“ философіи XVIII в., а права историческія, т.-е. права сословій, корпорацій и т. п. Онъ

былъ большимъ поклонникомъ средневѣковыхъ формъ общества и государства и вообще находилъ, что соціальныя и политическія отношенія новаго времени были плодомъ искусственнаго, а потому и революціоннаго происхожденія. Его идеалъ—исторически, т.-е. вполнѣ естественно сложившееся патримоніальное (вотчинное) княжество, основанное на независимомъ землевладѣніи. Политическая теорія Галлера—одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ идеализацій выросшей на феодальной почвѣ монархіи сословной, потому что, признавая права и за подданными, онъ не приписывалъ своему государю неограниченной власти, а требовалъ еще участія въ властвованіи со стороны государственныхъ чиновъ. И тутъ Галлеръ стоялъ за старыя сословныя формы и высказывался противъ искусственныхъ конституцій новаго происхожденія. Наконецъ, онъ былъ сторонникомъ уже совершенно въ ту эпоху исчезнувшихъ [1]) духовныхъ княжествъ, что особенно конечно, гармонировало съ его католическимъ міросозерцаніемъ. Въ общемъ на такой же точкѣ зрѣнія въ сущности стоялъ и Адамъ Мюллеръ, для котораго, какъ и для Галлера, важно было создать политическое ученіе, противоположное идеямъ XVIII в. Въ своихъ лекціяхъ, читанныхъ въ 1808—1809 гг. и изданныхъ подъ заглавіемъ „Элементовъ государственнаго искусства“, и онъ противополагалъ идеямъ предыдущаго столѣтія, какъ революціоннымъ, естественный порядокъ, созданный самимъ Богомъ, утверждая, что въ основѣ общественнаго бытія должна лежать религія, и указывая на средневѣковой католико-феодальный строй, какъ на лучшее воплощеніе этого порядка. Его государство есть тоже государство сословное: въ обособленныхъ сословіяхъ воплощаются отдѣльныя жизненныя начала политическаго бытія народовъ, а живымъ объединеніемъ противоположности этихъ началъ служитъ живое лицо монарха. Съ теченіемъ времени Мюллеръ все болѣе и болѣе склонялся къ тому, чтобы въ основу политической науки класть главнымъ образомъ чисто богословскія воззрѣнія, и мысль о необходимости такого исходнаго пункта онъ развивалъ въ своемъ сочиненіи съ характернымъ заглавіемъ, указывающимъ на самое содержаніе трактата: „О необходимости теологическаго основанія для совокупности наукъ политическихъ“. Это второе сочиненіе Мюллера вышло въ свѣтъ въ 1819 г. Не забудемъ, что уваженіе къ средневѣковымъ учрежденіямъ было и исходнымъ пунктомъ политической философіи Штейна [2]), но и вспомнимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что выводы его были иные, чѣмъ у представителей реакціонной школы.

---

[1]) См. выше, 160.

[2]) См. выше, стр. 186 и слѣд.

XIV. Общая характеристика либерализма въ эпоху реставраціи [1]).

Взглядъ на прогрессъ у реакціонеровъ и у либераловъ.—Индивидуализмъ въ обоихъ направленіяхъ. — Либерализмъ и представительныя учрежденія.—Вліяніе общей реакціи противъ XVIII в. на характеръ либерализма.—Буржуазный оттѣнокъ либерализма этой эпохи.—Связь либерализма съ идеалистической философіей.—Историческія занятія съ либеральной точки зрѣнія.—Взаимныя отношенія либерализма и романтизма.—Проникновеніе либеральнаго духа въ реакціонный лагерь.—Зависимость принциповъ либерализма отъ индивидуалистическихъ стремленій XVIII в.—Политическіе писатели либеральнаго лагеря (В. фонъ-Гумбольдтъ и Бенжаменъ Констанъ).—Національныя различія въ либерализмѣ.

Одною изъ идей, которую XVIII в. завѣщалъ слѣдующему столѣтію, была идея историческаго прогресса, уже въ второй половинѣ XVIII в. полагавшаяся въ основу философскаго разсмотрѣнія исторіи человѣчества [2]). Писатели прошлаго столѣтія почерпали вѣру въ прогрессъ нетолько изъ своего идеализма и оптимизма, но и изъ разсмотрѣнія дѣйствительнаго хода исторіи, особенно за послѣднія столѣтія. Изъ крупныхъ писателей одинъ только Руссо, бывшій вообще предшественникомъ культурной реакціи XIX вѣка, не только не вѣрилъ въ прогрессъ, но даже прямо утверждалъ, что человѣчество портится въ моральномъ и политическомъ отношеніяхъ [3]). Мы только что видѣли, что реакціонные мыслители начала XIX в. точно также не раздѣляли вѣры въ прогрессъ: для романтиковъ въ родѣ Фр. Шлегеля, для сторонниковъ католико-феодальнаго быта въ родѣ Бональда, де-Местра, Галлера и Мюллера наше время было временемъ упадка, ихъ идеалъ былъ въ среднихъ вѣкахъ, а Шеллингъ и его школа даже вѣрили въ изначальное совершенство человѣчества, утраченное въ развитіи исторической жизни [4]). Это отрицаніе прогресса является характернымъ признакомъ наиболѣе реакціонныхъ ученій XIX в., какъ, наоборотъ, съ вѣрою въ прогрессъ были связаны всѣ либеральныя воззрѣнія эпохи. И тутъ приходится начинать съ г-жи Сталь. Въ своемъ сочиненіи „О литературѣ“ [5]), вышедшемъ въ свѣтъ въ 1800 г., т.-е. черезъ какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ послѣ знамени-

---

[1]) Указанія на общую литературу см. въ началѣ главы XIII (стр. 245) а также см. въ слѣдующихъ главахъ.

[2]) Т. III, стр. 147.

[3]) Т. III, стр. 198 и слѣд.

[4]) См. выше, стр. 268 и слѣд.

[5]) См. выше, стр. 274.

таго „Наброска историческаго изображенія успѣховъ человѣческаго разума“ Кондорсе [1]), г-жа Сталь указываетъ на то, что идеи и учрежденія человѣчества находятся, хотя и въ медленномъ, но постоянномъ и непрерывномъ совершенствованіи (perfectibilité); прогрессъ новаго времени она ставитъ въ зависимость отъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ средніе вѣка, которые у просвѣтителей XVIII в., наоборотъ, какъ бы вычеркивались изъ исторіи прогресса. Эта основная мысль книги г-жи Сталь очень не понравилась представителямъ зарождавшейся реакціи, ибо, по ихъ объясненію, ученіе о совершенствованіи, покровительствуя страсти къ новизнѣ, порождаетъ-де революціонныя стремленія, а такъ какъ люди всегда были одними и тѣми же, то нѣтъ никакихъ основаній подъ предлогомъ улучшеній заводить еще новыя смуты. Къ числу людей, высказывавшихъ неудовольствіе по поводу идеи о совершенствованіи, принадлежалъ и Шатобріанъ. Отношеніе къ идеѣ прогресса, дѣйствительно, до извѣстной степени, можетъ служить признакомъ бо́льшей реакціонности или бо́льшаго либерализма стремленій этой эпохи. Все, что въ эпоху реставраціи не шло рука объ руку съ реакціей, вѣрило въ прогрессъ и выражало эту вѣру, стремясь подыскать для нея разумныя основанія. Можно указать на цѣлый рядъ писателей двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія, излагавшихъ съ разныхъ точекъ зрѣнія ученіе о прогрессѣ [2]). Гизо въ своихъ лекціяхъ по „Исторіи цивилизаціи въ Европѣ“ (1828) объявляетъ, что предметъ исторіи есть развитіе цивилизаціи, т.-е. „улучшенія гражданской жизни, общества, отношеній людей между собою“, съ одной стороны, и „улучшенія жизни индивидуальной самого человѣка, его способностей, чувствъ, идей“. При этомъ Гизо говорилъ еще, что въ основѣ прогресса лежитъ развитіе личности, влекущее за собою и внѣшнія перемѣны, ибо личность ощущаетъ потребность перенести свое чувство во внѣшній міръ, осуществить свою мысль внѣ себя: „лишь это побужденіе, говоритъ онъ, вызывало дѣятельность великихъ реформаторовъ, и великіе люди, совершившіе міровые перевороты послѣ того, какъ они совершили переворотъ въ самихъ себѣ, дѣйствовали лишь подъ вліяніемъ этого же чувства“. Мы увидимъ въ другомъ мѣстѣ, что съ тогдашними политическими либералами вѣру въ прогрессъ раздѣляли и представители положительной науки и авторы соціальныхъ утопій двадцатыхъ годовъ [3]). Наконецъ, упомянемъ еще, что въ двадцатыхъ же годахъ Гегель создавалъ свою „Философію исторіи“, тоже проникнутую идеей прогресса: хотя Гегель и не былъ

[1]) Т. III, стр. 147.

[2]) См. статью нашу „Исторія и философское значеніе идей прогресса“, помѣщенную въ „Сѣв. Вѣстн.“ за 1891 г.

[3]) См. въ послѣднемъ отдѣлѣ этого тома.

либераломъ, но и не принадлежалъ къ крайнимъ реакціонерамъ, представляя собою скорѣе консервативное направленіе, не чуждавшееся идей вѣка. По представленію Гегеля, исторія есть развитіе всемірнаго духа (Weltgeist), который постепенно приходитъ къ сознанію, что его сущность есть свобода: въ древнихъ восточныхъ деспотіяхъ свободенъ былъ одинъ, а права другихъ были неизвѣстны; въ классическомъ мірѣ свобода была привилегіей нѣкоторыхъ; въ христіанскомъ мірѣ свободны всѣ, ибо тутъ только явилось сознаніе о томъ, что въ свободѣ заключается внутренняя сущность духа [1]).

Другое отличіе прогрессивныхъ ученій эпохи отъ реакціонныхъ заключалось въ томъ, что послѣднія высказывались противъ принципа личности, изъ коего исходилъ либерализмъ. Тяготѣніе реакціонеровъ къ среднимъ вѣкамъ, когда развитіе личнаго начала въ культурной, соціальной и политической жизни было стѣснено [2]), объясняется ихъ взглядомъ на человѣка, какъ на существо, которое не можетъ быть предоставлено самому себѣ; которое должно быть заключено въ извѣстныя, по возможности самыя тѣсныя рамки; которое, наконецъ, необходимо держать подъ постоянною опекою властей духовнаго и свѣтскаго характера. Всѣ успѣхи цивилизаціи новаго времени вытекаютъ изъ бо́льшаго развитія личности въ послѣднія столѣтія сравнительно съ средними вѣками [3]), и это очень хорошо сознавалось передовыми умами эпохи реставраціи. Напр., Гизо, давшій прекрасное для своего времени опредѣленіе прогресса, одну изъ наиболѣе существенныхъ сторонъ цивилизаціи видѣлъ въ культурномъ ростѣ личности, въ расширеніи ея правъ, въ увеличеніи ея свободы. Этотъ-то индивидуализмъ и былъ, такъ сказать, самою глубокою основою направленія, получившаго названіе либерализма. Можно сказать поэтому, что либерализмъ, формулировавшій свои принципы главнымъ образомъ въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка, былъ естественнымъ продолженіемъ болѣе раннихъ культурныхъ и политическихъ движеній, въ которыхъ только играла какую-нибудь роль индивидуальная свобода, провозглашалась ли она во внутренней жизни духа (въ сферѣ совѣсти и мысли), или во внѣшнихъ отношеніяхъ общества и государства. Какъ реакціонныя стремленія были тѣсно связаны съ идеями и бытовыми формами среднихъ вѣковъ, не дававшими простора личному развитію, такъ либерализмъ являлся наслѣдникомъ гуманизма, протестантизма,

---

[1]) Указанія на литературу по „Философіи исторіи“ Гегеля см. въ нашихъ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“, и изъ новѣйшихъ сочиненій укажемъ Barth. Die Hegelsche Geschichtsauffassung.

[2]) См. выше, стр. 277, а также вообще т. I.

[3]) Мысль эту мы развили въ „Философіи культурной и соціальной исторіи новаго времени“.

просвѣщенія XVIII вѣка, принциповъ 1789 г., поскольку всѣ они вели къ культурной и политичечкой эманципаціи личности. Принципіальная борьба между либерализмомъ и реакціей была поэтому борьбою между свободой личности, съ одной стороны, и стремленіемъ къ возможно большему ограниченію личныхъ правъ, съ другой стороны, какъ въ культурной, такъ и въ политической жизни. Либерализмъ стоялъ за свободу совѣсти, за свободу мысли, за свободу философскаго изслѣдованія, за свободу слова, за свободу печати, за гарантіи личной неприкосновенности, за уваженіе къ человѣческому достоинству, за естественныя и прирожденныя права личности, которыя требуютъ уравненія всѣхъ и въ правахъ гражданскихъ, тогда какъ реакція проявляла вѣроисповѣдную нетерпимость, вражду къ свободѣ мысли и научнаго изслѣдованія, стремленіе къ стѣсненію слова и печати, пренебреженіе къ личности, какъ таковой, внѣ извѣстныхъ соціальныхъ категорій, принадлежность къ коимъ въ глазахъ реакціонеровъ только и сообщала индивидууму тѣ или другія права.

Съ этимъ отстаиваніемъ правъ личности либерализмъ соединялъ стремленіе и къ политической свободѣ въ смыслѣ участія общества въ государственной жизни посредствомъ представительныхъ учрежденій. Повсемѣстно на материкѣ Европы старыя сословно-представительныя учрежденія, выросшія на почвѣ средневѣковыхъ соціальныхъ и политическихъ отношеній, или исчезли, или пришли въ упадокъ, уступивъ безъ борьбы или послѣ долгой борьбы господство абсолютизму [1]). Въ одной Англіи парламентъ, возникшій одновременно съ континентальными сословно-представительными учрежденіями, развился въ большую политическую силу и организовалъ свободное государство. Въ 1789 г. Франція сдѣлала попытку основать свой политическій бытъ на началахъ представительной системы, и съ этого момента возникаетъ на западѣ Европы исторія конституціоннаго движенія, мало-по-малу приведшая къ установленію во всѣхъ государствахъ Запада представительнаго образа правленія. Во Франціи конституціи 1791, 1793 и 1795 были представительныя, и тотъ же принципъ, хотя и въ своеобразномъ примѣненіи, былъ положенъ въ основу наполеоновскихъ конституцій 1799, 1802, 1804 и 1815 гг. [2]), да и хартія 1814 г. тоже давала Франціи представительство. Въ республикахъ, которыя были основаны французами въ концѣ XVIII в., и въ королевствахъ братьевъ Наполеона, въ государствахъ Рейнскаго союза, въ герцогствѣ Варшавскомъ равнымъ образомъ вводились представительныя учрежденія [3]). Въ 1809 г. въ Финляндіи Александръ I призналъ существо-

[1]) Т. II, 379 и слѣд.

[2]) Т. III, стр. 527—528, 616—617, 621—622 и выше, стр. 89—101 и 236.

[3]) См. выше, стр. 164—165.

ваніе сословнаго сейма; въ 1812 г. кортесы въ Кадиксѣ выработали знаменитую испанскую конституцію [1]), и въ томъ же году подъ англійскимъ вліяніемъ введена была конституція въ Сициліи [2]); въ 1814 г. получила конституцію Норвегія [3]), а въ слѣдующемъ году конституція дарована была Александромъ I и Царству Польскому. Мы видѣли, наконецъ, что вопросъ о національномъ представительствѣ ставился и въ Пруссіи въ эпоху ея реформъ и войны за освобожденіе [4]). Реакція, наступившая послѣ паденія Наполеона, была неблагопріятна для представительныхъ учрежденій. Во Франціи многіе эмигранты смотрѣли на хартію 1814 г. съ крайнимъ недоброжелательствомъ; въ Испаніи реставрація Фердинанда VII сопровождалась отмѣною конституціи 1812 г.; сицилійская конституція 1812 г. равнымъ образомъ была устранена, когда произошло возстановленіе королевства Обѣихъ Сицилій; представительство было уничтожено и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ оно было введено французскимъ владычествомъ; въ Германіи бралъ перевѣсъ принципъ абсолютизма, и всѣ обѣщанія прусскаго правительства относительно введенія національнаго представительства такъ и остались неисполненными. Въ эпоху реставраціи главною цѣлью политическихъ стремленій либерализма сдѣлалось введеніе представительныхъ учрежденій, гдѣ ихъ не было, защита ихъ отъ реакціи, гдѣ послѣдняя имъ грозила, и измѣненіе конституціонныхъ законовъ въ смыслѣ расширенія свободы, если съ точки зрѣнія либераловъ эти законы не давали достаточной свободы. Устанавливая эту связь между либерализмомъ и представительными учрежденіями, мы тѣмъ самымъ должны признать, что исторія либерализма тѣсно связана съ исторіей французской революціи. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы либерализмъ эпохи реставраціи ничѣмъ не отличался отъ „принциповъ 1879 г.“ и чтобы въ культурномъ отношеніи между либерализмомъ этой эпохи и духомъ XVIII в. не было никакой разницы.

Общая реакція противъ XVIII в. въ началѣ новаго столѣтія отразилась именно и на характерѣ либерализма. Французская революція совершалась подъ знаменемъ идеи народовластія и имѣла характеръ демократическій, главнымъ же ея вдохновителемъ былъ Руссо съ своей теоріей общественнаго договора. Не нужно думать, что эту теорію осудили въ началѣ XIX в. одни представители реакціонныхъ стремленій: она, какъ мы увидимъ, потеряла кредитъ и у передовыхъ политиковъ эпохи. Неудача, какая постигла примѣненіе народовластія, оказавшагося на практикѣ лишь орудіемъ демагогіи или опорою дес-

[1]) См. выше, стр. 167—169.
[2]) Объ этомъ еще будетъ сказано ниже.
[3]) См. выше, стр. 166.
[4]) См. выше, стр. 198—199.

потизма, нанесла сильный ударъ демократическимъ идеямъ XVIII в., такъ что въ общемъ либерализмъ эпохи реставраціи отличался недовѣріемъ къ демократіи. Подобно тому, какъ реакціонныя стремленія характеризуютъ преимущественно дворянство, либерализмъ дѣлается отличительной чертой буржуазіи и самъ принимаетъ буржуазный оттѣнокъ. Кромѣ того, порывается и та связь, въ какой идея свободы находилась съ наиболѣе характерными сторонами философіи XVIII в., и либерализмъ принимаетъ извѣстную окраску отъ спиритуалистической философіи, историческаго изученія и романтизма, являющихся продуктами общей реакціи противъ XVIII в. съ его сенсуализмомъ, пренебреженіемъ къ исторіи и разсудочнымъ направленіемъ въ литературѣ. Отдѣльныя стороны этого вліянія французской революціи на измѣненіе либеральныхъ стремленій заслуживаютъ особаго разсмотрѣнія.

Либерализмъ, требующій культурной и политической свободы, въ соціальномъ отношеніи можетъ получать разную окраску—аристократическую, буржуазную или демократическую, смотря по тому, требуется ли эта свобода лишь для того или другого общественнаго класса или для всего народа. Вполнѣ послѣдовательнымъ бываетъ лишь либерализмъ демократическій, поскольку изъ принципа индивидуальной свободы логически вытекаетъ принципъ равнаго для всѣхъ права; но культурные и политическіе принципы не всегда послѣдовательно проводятся въ требованіяхъ и поведеніи партій, и это происходитъ подъ вліяніемъ соціальныхъ интересовъ, участвующихъ въ образованіи партій. Родоначальникомъ французскаго либерализма былъ Монтескье, но онъ, какъ извѣстно, былъ сторонникомъ аристократическихъ привилегій, будучи самъ старо-дворянскаго происхожденія [1]). Либерализмъ „принциповъ 1789 г.“ былъ, наоборотъ, демократическимъ, поскольку въ началѣ революціи наиболѣе вліятельные представители ея стремленій не дѣлали различія между буржуазіей и народомъ, исходя изъ демократической идеи націи [2]). Мало-помалу, однако, между буржуазіей и народомъ образовалась цѣлая пропасть, и первая въ своихъ стремленіяхъ стала отдѣлять себя отъ второго [3]). Здѣсь нужно, однако, различать двоякаго рода отношенія: съ одной стороны, дѣйствовалъ классовой эгоизмъ, который заставлялъ буржуазію то отказываться отъ политической свободы, то организовать послѣднюю на началахъ высокаго ценза [4]); но съ другой стороны, у защитниковъ культурныхъ и политическихъ принциповъ либерализма послѣ неудачнаго опыта съ народовластіемъ возникло убѣ-

[1]) Т. III, стр. 179 и слѣд.
[2]) Т. III, стр. 464, 475—476, 540 и слѣд.
[3]) Т. III, стр. 541 и др.
[4]) Т. III, стр. 543—544 и 622.

жденіе, что признаніе политическихъ правъ за всѣмъ населеніемъ страны, не дорожащимъ благами свободы, не умѣющимъ ею пользоваться и легко поддающимся увлеченію, отзывается самымъ гибельнымъ образомъ на политической свободѣ. Въ этомъ соображеніи было много справедливаго, и даже составилось такого рода представленіе, будто политическая свобода несовмѣстима съ демократическимъ строемъ государства: доказательство этому видѣли въ Англіи, хотя Америка могла бы служить опроверженіемъ такому взгляду [1]). И вотъ благодаря указаннымъ причинамъ, либерализмъ эпохи реставраціи порываетъ ту связь, въ какой находились между собой идеи политической свободы и демократіи, и вслѣдствіе этого принимаетъ характеръ буржуазный. Теоретики либерализма двадцатыхъ годовъ XIX в., довольно вѣрно понимавшіе, что при тогдашнихъ условіяхъ политическая свобода не могла имѣть прочной опоры въ демократіи, были убѣждены, однако, что и для блага народной массы нужно только то, въ чемъ прежде всего нуждались зажиточные и образованные люди, т.-е. культурная и политическая свобода. Многіе изъ нихъ искренне вѣрили, что ради той пользы, которую долженъ получать народъ отъ существованія этой свободы, нужно сосредоточить политическія права націи лишь въ общественныхъ классахъ съ извѣстнымъ имущественнымъ и образовательнымъ цензомъ. Вообще тогдашніе либералы думали, что свобода—единственное средство противъ всякихъ общественныхъ золъ: они или слишкомъ мало обращали вниманія на вопросы экономическаго быта, или раздѣляли вѣру экономистовъ XVIII в. въ гармонію интересовъ, устанавливающуюся въ силу свободной конкуренціи между индивидуумами или общественными классами [2]). Въ этомъ отношеніи они дѣлали теоретическую ошибку, но у программы экономической свободы въ смыслѣ невмѣшательства государства въ промышленную жизнь народа нужно различать двѣ стороны. Этого невмѣшательства либералы требовали просто въ силу послѣдовательнаго проведенія принципа свободы во всѣхъ сферахъ жизни—въ области духовной культуры, въ области политики и точно также въ области экономическихъ отношеній, какъ бы не понимая, что свобода въ послѣдней области влечетъ за собою угнетеніе слабаго сильнымъ и тѣмъ самымъ оказывается благопріятною лишь для меньшинства, поставленнаго въ лучшія матеріальныя условія жизни. Съ другой стороны, буржуазія, наоборотъ хорошо понимала выгоду этого невмѣшательства, такъ какъ устраненіе какихъ бы то ни было препятствій для ея капиталистическихъ стремленій давно уже входило въ ея соціальную

[1]) Мы вернемся къ этому въ V томѣ по поводу политическихъ идей Токвиля.

[2]) Т. III, стр. 244, но особенно см. въ послѣднемъ отдѣлѣ настоящаго тома.

программу, и разъ найденъ былъ принципъ, которымъ оказывалось возможнымъ прикрывать своекорыстныя вожделѣнія, принципъ этотъ не только пускался въ ходъ, но даже объявлялся существенною принадлежностью либерализма. Изъ этого всего, однако, не слѣдуетъ, будто либерализмъ имѣлъ чисто классовое происхожденіе: буржуазія, какъ общественный классъ, раздѣлявшій либеральные принципы и составлявшій главную силу либеральной партіи, лишь придавала этимъ принципамъ извѣстную окраску, съуживая ихъ примѣненіе на практикѣ, но сами принципы эти—индивидуальная свобода и представительная система—не заключали въ себѣ ничего спеціально буржуазнаго. Между тѣмъ, впослѣдствіи либерализмъ вообще стали обвинять въ исключительно буржуазныхъ стремленіяхъ, что, къ сожалѣнію, внесло не мало путаницы въ пониманіе историческихъ отношеній и самой общественной жизни [1]). Нужно отличать либерализмъ отъ либераловъ: первый есть совокупность извѣстнаго рода принциповъ; вторые, представляя собою извѣстные соціальные интересы, придавали этимъ принципамъ не всегда то примѣненіе, которое должно было бы вытекать изъ существа этихъ принциповъ. Яркимъ примѣромъ этого можетъ служить то, что французскіе либералы, вопреки принципу свободы, были сторонниками самой строгой административной централизаціи, ибо система мѣстнаго самоуправленія, какъ они вѣрно расчитывали, усиливала бы только землевладѣльческое дворянство.

Реакція противъ XVIII в. сказалась на либерализмѣ эпохи реставраціи (имѣемъ въ виду либерализмъ французскій) и въ другихъ отношеніяхъ. Прежде всего въ области философіи онъ отказался отъ сенсуализма XVIII в., чтобы основать себя на спиритуализмѣ. Когда во Франціи явилась эта новая философія, Наполеонъ привѣтствовалъ ее, думая, что она будетъ поддерживать его деспотическую систему [2]). „Императоръ ошибается, говорилъ по этому поводу Талейранъ, ибо Декартъ еще менѣе мирится съ деспотизмомъ, нежели Локкъ. Ученіе о душѣ благопріятно для свободы совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, нежели ученіе о преобразованномъ ощущеніи: для приверженцевъ этой теоріи моральное сопротивленіе силѣ есть не что иное, какъ благородная непослѣдовательность, для насъ же оно—неупустительный долгъ“. Ройе-Колларъ, одинъ изъ родоначальниковъ французскаго эклектизма, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ виднымъ дѣятелемъ въ рядахъ либеральной партіи эпохи реставраціи. Викторъ Кузенъ, сдѣлавшійся главнымъ представителемъ этой философіи, всегда проповѣдовалъ уваженіе къ

[1]) Въ книгѣ А. Шахова (см. выше, стр. 246), которую можно рекомендовать, какъ пособіе по исторіи литературы въ первой половинѣ XIX в., мы находимъ иногда нѣсколько одностороннее освѣщеніе либерализма.

[2]) См. выше, стр. 256.

принципу свободы. Въ 1815 г. онъ занялъ каѳедру въ Сорбоннѣ; въ своей вступительной лекціи онъ приглашалъ слушателей во имя патріотизма принять его ученіе, которое одно только можетъ спасти отечество. „Слишкомъ долго,—говорилъ онъ,—искали мы свободы на путяхъ рабства. Мы хотѣли быть свободными съ моралью рабовъ. Нѣтъ, статуя свободы не стоитъ на пьедесталѣ интереса, и не сенсуализму (philosophie de la sensation) съ его мелочными правилами создавать великіе народы. Поддержите французскую свободу, еще не успѣвшую упрочиться и колеблющуюся среди окружающихъ насъ могилъ и развалинъ,—поддержите ее моралью, которая утвердила бы ее на вѣчныя времена". Говоря о сенсуализмѣ, Кузенъ замѣтилъ еще, что эта философія могла родиться лишь подъ сѣнью версальскихъ удовольствій и для нравственной распущенности старой монархіи съ ея произволомъ, но что молодая свобода нуждается и въ иной философіи. Въ своихъ лекціяхъ Кузенъ и старался выводить изъ своего моральнаго ученія и необходимость политической свободы, и представительный образъ правленія.

Важно, далѣе, еще и то, что французскій либерализмъ двадцатыхъ годовъ сталъ основывать себя не на одномъ умозрѣніи, но и на историческомъ изученіи. XVIII вѣкъ отличался вообще анти-историческимъ характеромъ и въ частности полнымъ незнаніемъ среднихъ вѣковъ. Реакція противъ такого направленія сказалась въ образованіи исторической школы и романтическаго или клерикально-феодальнаго увлеченія средними вѣками. Во Франціи историческая школа—не въ примѣръ тому, что́ произошло въ Германіи,—стала служить дѣлу либерализма, и интересъ къ среднимъ вѣкамъ, между прочимъ, поддерживался здѣсь стремленіемъ изслѣдовать исторію свободы во Франціи, исторію третьяго сословія, которое поддерживало свободу, исторію представительныхъ учрежденій вообще и въ частности англійскаго парламента, а для всего этого нужно было обратиться къ изученію среднихъ вѣковъ, къ которому, кромѣ того, влекъ и художественный интересъ: Огюстена Тьерри привели къ историческимъ занятіямъ средними вѣками „Мученики" Шатобріана и романы Вальтеръ-Скотта; „Исторія крестовыхъ походовъ" Мишо (1812—1817) стоитъ тоже въ связи съ художественнымъ увлеченіемъ средними вѣками, равно какъ и „Исторія герцоговъ Бургундскихъ" Баранта (1824), представляющая изъ себя пересказъ средневѣковыхъ хроникъ. Въ 1821 г. для занятій средней исторіей была основана école des chartes. Въ эпоху реставраціи исторія Франціи съ либеральной точки зрѣнія разсматривалась, какъ исторія борьбы свободы, представительницей коей являлось среднее сословіе, съ феодальнымъ дворянствомъ и абсолютной монархіей. „Во Франціи, писалъ Огюстенъ Тьерри, только

два класса людей: эти два класса стоятъ другъ противъ друга, и со всѣхъ сторонъ люди пергаменовъ вооружаются противъ людей индустріи". Гизо смотрѣлъ на французскую революцію, какъ на рѣшительную битву, которую дали порабощенные своимъ поработителямъ. Чѣмъ же занимаются французскіе историки этой эпохи? Во-первыхъ, исторіей третьяго сословія, освобожденія городскихъ общинъ [1]), борьбы буржуазіи за свободу: таковы „Письма объ исторіи Франціи" О. Тьерри (1827) и извѣстные отдѣлы „Исторіи цивилизаціи во Франціи" Гизо (1828); тогда же нѣкоторымъ образомъ было положено начало для болѣе позднихъ „Собранія неизданныхъ памятниковъ по исторіи третьяго сословія" и „Опытовъ по исторіи образованія и успѣховъ третьяго сословія" Ог. Тьерри. Во-вторыхъ, эпоха интересовалась исторіей представительныхъ учрежденій и Англіи, какъ страны, гдѣ представительная система получила наибольшее развитіе. Гизо, получившій въ 1812 г. каѳедру исторіи въ Сорбоннѣ, издалъ уже въ 1816 г. сочиненіе „О представительномъ правленіи и современномъ состояніи Франціи", а въ 1821—22 гг. историческій трудъ подъ заглавіемъ „Исторія представительнаго правленія", вслѣдъ зачѣмъ посвятилъ себя спеціальному изученію англійской революціи („Собраніе мемуаровъ" 1823 и слѣд. и „Исторія англійской революціи" 1827—1828). Въ эти же годы Ог. Тьерри издалъ свою „Исторію завоеванія Англіи норманнами" (1825), гдѣ разсказана исторія и англійскаго парламента, а Арманъ Каррель написалъ „Исторію контръ-революціи въ Англіи" (1827), заключающую въ себѣ разсказъ о реставраціи Стюартовъ и о переворотѣ 1689 г. Въ-третьихъ, въ то же самое время и точно также съ точки зрѣнія либеральной оппозиціи были написаны первыя исторіи французской революціи Тьера (1823—1827) и Минье (1823), чѣмъ было положено начало историческому изученію этой эпохи [2]). Разсматривая французскую историческую литературу эпохи реставраціи, мы не можемъ не обратить вниманія на то, что вся она стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ стремленіями тогдашняго либерализма, и это интересно именно въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны, политическимъ стремленіямъ, опиравшимся въ XVIII столѣтіи на отвлеченной философіи, подыскивается теперь историческая основа, и исторія привлекается къ разрѣшенію политическихъ вопросовъ, которые раньше рѣшались чисто раціоналистическимъ путемъ (если не считать одного Монтескье, который, напр., самъ, однако, не зналъ исторіи ан-

---

[1]) Т. I, стр. 50 и слѣд.

[2]) Большая часть названныхъ историческихъ трудовъ существуетъ въ русскихъ переводахъ. О значеніи этихъ трудовъ см. въ соч. Петрова „Національная исторіографія во Франціи, Германіи и Англіи". 1861.

глійской конституціи [1]), а съ другой стороны, изъ этого можно видѣть, что историческая наука XIX в. съ самаго начала стала служить и прогрессивнымъ общественнымъ теченіямъ.

Либерализмъ сталъ въ довольно близкое отношеніе и къ романтизму и не только въ томъ смыслѣ, что существовалъ романтизмъ съ либеральнымъ направленіемъ, но и въ томъ, что самъ либерализмъ принималъ романтическій оттѣнокъ. Съ такимъ оттѣнкомъ онъ является намъ именно въ Германіи, и это сдѣлается тѣмъ болѣе намъ понятнымъ, если мы примемъ въ расчетъ, что самъ нѣмецкій романтизмъ былъ въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ проповѣдью индивидуализма въ области вѣры, чувства и поэтическаго творчества [2]). Во Франціи торжеству романтизма не мало содѣйствовала г-жа Сталь, въ лицѣ же Виктора Гюго [3]), сдѣлавшагося къ концу періода главнымъ представителемъ и даже вождемъ романтиковъ, французская романтическая школа совершила даже прямую эволюцію отъ реакціи къ либерализму. Сынъ наполеоновскаго генерала, служившаго въ Испаніи, и ревностной легитимистки, всегда остававшейся вѣрною традиціямъ старины, Викторъ Гюго усвоилъ политическія воззрѣнія своей матери и проникся ненавистью къ имперіи. Ему было только двѣнадцать лѣтъ, когда совершилась первая реставрація, но онъ уже понималъ ея значеніе и привѣтствовалъ ее столь же горячо, какъ и его мать. Четырнадцати лѣтъ онъ даже написалъ трагедію, изображавшую символически возвращеніе Бурбоновъ. Вскорѣ послѣ того въ особомъ стихотвореніи онъ прославилъ возстановленіе статуи Генриха IV, такъ что первыя его произведенія отличались самымъ искреннимъ роялизмомъ. Это обратило на него вниманіе роялистовъ и двора; въ числѣ людей, отнесшихся къ нему съ большою симпатіей, былъ и самъ Шатобріанъ. Въ предисловіяхъ къ сборникамъ своихъ стиховъ Викторъ Гюго имѣлъ обыкновеніе формулировать взгляды свои на поэзію, и вотъ въ одномъ изъ первыхъ такихъ сборниковъ онъ заявилъ, что философія XVIII в. одинаково враждебна и поэзіи, и религіи, и что поэзія должна быть тѣсно связана съ монархическими началами и религіозными вѣрованіями. Этимъ Викторъ Гюго вполнѣ вѣрно характеризовалъ свое собственное творчество, поскольку оно вдохновлялось католицизмомъ и легитимизмомъ вообще, а въ частности реставраціей Бурбоновъ, рожденіемъ герцога Бордосскаго (двоюроднаго внука Людовика XVIII), походомъ французской арміи для подавленія испанской революціи, коронаціей Карла X въ Реймсѣ и т. п. Съ лѣтами, однако, у него

[1]) Т. III, стр. 183—184.

[2]) Объ этомъ см. ниже, въ главѣ о Германіи.

[3]) Гюго см. соч, Barbou, Biré (Victor Hugo avant 1830), Dupuis, Rivet, Swinburne, Paul Stapfer.

это настроеніе стало исчезать, и къ концу эпохи реставраціи онъ уже сталъ сильно проникаться либерализмомъ. Въ 1827 г. въ предисловіи къ своему „Кромвелю“ Викторъ Гюго прямо приводилъ параллель между старымъ порядкомъ и либерализмомъ въ политикѣ и классицизмомъ и романтизмомъ въ литературѣ, объявивъ себя приверженцемъ новаго направленія. „Романтизмъ, по его опредѣленію, это—либерализмъ въ литературѣ“ (le romantisme, c'est le libéralisme en littérature). Съ середины двадцатыхъ годовъ вообще романтизмъ занялъ во Франціи боевое положеніе, хотя ополчался главнымъ образомъ противъ отживавшаго свой вѣкъ классицизма, т.-е. велъ чисто литературную борьбу. Любопытно, что благодаря этому, на новое направленіе стали обращать вниманіе либералы, и одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ журналовъ второй половины двадцатыхъ годовъ, „Le Globe“, занимавшійся пропагандою либеральныхъ политическихъ идей, въ то же время сдѣлался однимъ изъ органовъ литературной романтической школы. Такъ началось сближеніе между либерализмомъ и романтизмомъ, которое тоже придавало извѣстный оттѣнокъ тогдашнему либерализму, тѣмъ болѣе, что французская академія, державшаяся старыхъ литературныхъ правилъ и консервативныхъ политическихъ идей, весьма рѣзко выступала противъ дерзкихъ новаторовъ, какими выказали себя романтики. Либераловъ и романтиковъ сближали идея свободы творчества и свободы искусства, полемическій задоръ противъ представителей стараго порядка въ литературѣ и политикѣ, культъ непокорной личности, воздвигнутый въ поэзіи Виктора Гюго, и защита индивидуальной свободы, бывшая однимъ изъ главныхъ лозунговъ политическаго либерализма. Вмѣстѣ съ тѣмъ классицизмъ, когда-то вдохновлявшій теоретиковъ политической свободы и практическихъ республиканцевъ временъ революціи, утратилъ прежнее свое значеніе: уже не у героевъ древности училось поколѣніе, сдѣлавшее революцію 1830 г., какъ нужно защищать свободу, а у средневѣковыхъ бароновъ и горожанъ, у круглоголовыхъ англійской революціи. Обращеніе Виктора Гюго къ „Кромвелю“ въ то время, когда и Гизо писалъ свою „Исторію англійской революціи“, не было простой случайностью.

Мало того: есть примѣры, такъ сказать, проникновенія либеральныхъ стремленій въ реакціонный лагерь. Мы еще увидимъ, что во Франціи роялисты, относившіеся враждебно къ хартіи 1814 г., не только съ нею примирились, но даже дѣлались защитниками политической свободы, когда послѣдняя была имъ нужна для проведенія ихъ культурныхъ и соціальныхъ стремленій [1]). Крайности

[1]) Въ этомъ отношеніи особенно любопытна дѣятельность Виллеля, министра въ концѣ царствованія Людовика XVIII и началѣ царствованія Карла X.

реакціи иногда прямо заставляли иныхъ консерваторовъ сближаться съ либералами и признавать законность нѣкоторыхъ ихъ требованій. Самый интересный примѣръ эволюціи реакціонера въ либеральномъ смыслѣ представляетъ литературная дѣятельность Ламеннэ (1782 — 1854). Ламеннэ въ началѣ его литературной карьеры недаромъ ставятъ рядомъ съ Бональдомъ и де-Местромъ [1]). Еще при Наполеонѣ онъ выступилъ на литературное поприще крайнимъ клерикаломъ въ своихъ „Размышленіяхъ о государствѣ и церкви во Франціи“ (1808), уничтоженныхъ всесильной полиціей имперіи. Въ началѣ реставраціи Ламеннэ сдѣлался священникомъ и въ 1817 г. издалъ первый томъ своего „Опыта о равнодушіи въ дѣлѣ вѣры (Essai sur l'indifférence en matière de religion), оконченнаго въ 1823 г. Онъ очень хорошо понималъ, что возвращеніе общества къ религіи было вызвано соображеніями политическаго свойства, а также извѣстнаго рода сентиментальностью и влеченіями эстетическаго свойства, но что настоящей вѣры въ обществѣ не было, и вотъ эту-то настоящую вѣру онъ и задумалъ насадить и укрѣпить среди равнодушныхъ современниковъ. Ламеннэ—противникъ разума и науки, ибо они обманчивы: одна только религія и именно католицизмъ содержитъ истину. Вмѣстѣ съ де-Местромъ онъ стоялъ за авторитетъ непогрѣшимаго папства, доказывая, что лишь одно признаніе этого авторитета можетъ спасти общество отъ смутъ, на которыя оно обречено. Основу истинности католицизма онъ видѣлъ во всеобщемъ его признаніи (consentement universel): разнаго рода натяжками онъ доказывалъ, что изначальное откровеніе, данное Богомъ человѣчеству и чище всего сохранившееся въ католицизмѣ, не затерялось окончательно и въ язычествѣ: по его представленію выходило, будто поэтому и язычники, сами того не сознавая, въ сущности тоже признаютъ папскій авторитетъ. Въ двадцатыхъ годахъ Ламеннэ издалъ еще сочиненія „О религіи въ отношеніи къ политикѣ и гражданскому порядку“ и „Успѣхъ революціи и война противъ церкви“, гдѣ онъ является крайнимъ клерикаломъ, допускающимъ государство лишь въ качествѣ придатка къ церкви, вполнѣ ей подчиненнаго. Участвуя въ консервативныхъ газетахъ того времени, онъ именно съ такой точки зрѣнія смотрѣлъ и на самую монархію Бурбоновъ, а потому у него стали происходить непріятныя столкновенія съ правительствомъ, которыя мало-по-малу привели его къ оппозиціи подъ знаменемъ идеи свободы. Именно онъ прямо объявилъ, что либерализмъ есть возстаніе христіанскаго духа свободы противъ свѣтскаго деспотизма. Послѣ іюльской революціи въ 1830 г. Ламеннэ съ нѣсколькими единомышленниками основалъ даже газету (L'Avenir) въ

[1]) См. выше, стр. 258. О Ламеннэ см. соч. Paul Janet, Spuller'a (1892). Alfred Rousset (1892) и др.

защиту свободы церкви. „Мы, было сказано въ программѣ этого изданія, мы привѣтствовали всѣ революціи, которыя были уже совершены, мы привѣтствуемъ всѣ революціи, какія еще придется сдѣлать“ (toutes les révolutions à faire). Газета защищала свободу печати и свободу преподаванія и требовала, чтобы церковь была вполнѣ независима отъ государства, чтобы духовенство не брало казеннаго жалованія, но и не получало и приказаній отъ правительства. Папа осудилъ стремленіе либеральнаго католицизма, и въ слѣдующемъ періодѣ Ламеннэ пошелъ еще далѣе, сдѣлавшись даже защитникомъ идеи народовластія [1]).

Мы нарочно собрали вмѣстѣ нѣкоторыя черты изъ культурной исторіи эпохи реставраціи, чтобы показать, какъ тогдашній либерализмъ соединился съ разными другими теченіями, возникшими на почвѣ общей реакціи противъ духа философіи XVIII в., съ философскимъ идеализмомъ, съ историческимъ интересомъ къ среднимъ вѣкамъ, съ романтическимъ отрицаніемъ „просвѣщенія“, наконецъ, даже съ возрожденнымъ католицизмомъ, т.-е. съ теченіями, не только возникшими на почвѣ реакціи, но въ очень многихъ случаяхъ, соединявшимися съ разнаго рода стремленіями къ возстановленію отжившихъ культурныхъ и соціальныхъ отношеній. Во всемъ этомъ сказалось вліяніе общаго духа времени на одинъ изъ наиболѣе основныхъ историческихъ процессовъ новаго времени. Въ началѣ главы мы видѣли, что либерализмъ и реакція отличались между собою главнымъ образомъ въ своихъ отношеніяхъ къ внутренней и внѣшней свободѣ личности [2]): въ то время, какъ реакція ее стѣсняла и пыталась не только остановить историческое движеніе, которое совершалось въ пользу индивидуальной свободы, либерализмъ, наоборотъ, былъ защитою этой свободы и продолженіемъ всѣхъ освободительныхъ движеній новаго времени. Эти движенія были направлены противъ средневѣковыхъ католицизма и феодализма, но точно также были направлены и противъ всепоглощающей государственности новаго времени, присвоившей себѣ абсолютное право надъ человѣческою личностью [3]). Въ концѣ XVII в. Локкъ въ своемъ „Трактатѣ о правительствѣ“ [4]) на основаніи философіи естественнаго права далъ весьма ясную формулировку личной свободы въ ея отношеніяхъ къ государству, ограничивъ до послѣдней крайности функціи правительства. Индивидуалистическія стремленія

---

[1]) См. въ V томѣ, гдѣ будетъ идти вообще рѣчь о демократическомъ и соціалистическомъ католицизмѣ болѣе поздней эпохи.

[2]) См. выше, стр. 283—284.

[3]) См. во многихъ мѣстахъ I, II и III томовъ, а также Философіи культ. и соц. исторіи нов. вр.

[4]) Т. II, стр. 613 и слѣд.

XVIII в. нашли первое свое теоретическое выраженіе въ этомъ сочиненіи англійскаго мыслителя, а первое примѣненіе на практикѣ— въ декларацiи правъ человѣка и гражданина и въ разныхъ законахъ учредительнаго собранія, коими оно думало установить и утвердить наибольшую свободу личности [1]). Если отвлечься отъ всѣхъ вліяній мѣста и времени, налагавшихъ на либерализмъ реставраціонной эпохи извѣстный характеръ, то онъ явится не чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ тѣхъ стремленій, представителями коихъ были Локкъ, Монтескье [2]), Мирабо [3]) и нѣкоторые другіе дѣятеля учредительнаго собранія, а впослѣдствіи жирондисты, тоже относившіеся съ большимъ уваженіемъ къ принципу индивидуальной свободы [4]). Но особенно въ политической теоріи либерализма интересно ограниченіе до послѣдняго minimum'a функцій государства во имя наибольшей личной независимости, въ коей и полагается сущность новой свободы въ отличіе отъ античнаго міра. Мы остановимся на двухъ либеральныхъ дѣятеляхъ и писателяхъ эпохи, которые яснѣе всего выразили эту сторону либерализма. Одинъ изъ нихъ былъ Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, другой Бенжаменъ Констанъ.

Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ [5]) родился въ 1767 г. Ему было только двадцать-два года, когда вспыхнула французская революція, и какъ на весьма многихъ молодыхъ людей того времени, она произвела и на него сильное впечатлѣніе: въ 1789 г. онъ даже нарочно ѣздилъ въ Парижъ, чтобы „посмотрѣть на похороны французскаго деспотизма". Человѣкъ громадной эрудиціи и большаго философскаго ума, стоявшій притомъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ ко многимъ замѣчательнымъ людямъ эпохи, онъ съ 1802 г. занималъ видные посты на прусской государственной службѣ, былъ въ числѣ сторонниковъ Штейна, содѣйствовалъ много возникновенію берлинскаго университета [6]), представлялъ вмѣстѣ съ Гарденбергомъ Пруссію на вѣнскомъ конгрессѣ, а въ эпоху реставраціи былъ короткое время министромъ внутреннихъ дѣлъ и пытался провести въ Пруссіи конституцію. Въ числѣ его многочисленныхъ сочиненій есть одно заслуживающее особаго вниманія: это—его „Идеи для попытки опредѣленія границъ дѣятельности" (Ideen zu einem Versuch die Grenzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen). Написанное въ 1792 г., оно увидѣло свѣтъ

---

[1]) Т. III, стр. 520—526.

[2]) Т. III, стр. 189.

[3]) Т. III, стр. 495 и др.

[4]) Т. III, стр. 589.

[5]) Haym. Wilhelm von Humboldt. 1856.—Elisa Maier. Wilh. v. Humboldt. Lichtstrahlen aus seiner Briefen.

[6]) См. выше, стр. 210.

лишь въ 1851 г.: въ свое время оно не могло появиться въ печати, а потомъ и самъ авторъ нѣсколько измѣнилъ свои взгляды. Тѣмъ не менѣе оно заслуживаетъ быть разсмотрѣннымъ теперь, такъ какъ является очень характернымъ для исторіи либеральныхъ идей съ конца XVIII в.: мы увидимъ, что въ сущности Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ понималъ отношенія между личностью и государствомъ и границы дѣятельности послѣдняго совершенно такъ же, какъ и главный теоретикъ либерализма въ двадцатыхъ годахъ, Бенжаменъ Констанъ. Гумбольдтъ исходилъ изъ идеи высшихъ цѣлей существованія отдѣльнаго человѣка, полагая, что онѣ сводятся къ гармоническому развитію его силъ; первымъ же условіемъ для достиженія этой цѣли является у него свобода, безъ коей немыслимы ни самостоятельное развитіе личности, ни самобытное усвоеніе личностью того, что выработано другими. Отсюда онъ считалъ идеальнымъ лишь такое людское общежитіе, въ коемъ личность развивается изъ себя и для себя, претворяя въ свое собственное достояніе все заимствованное извнѣ. Государство поэтому должно прежде всего заботиться лишь объ устраненіи препятствій къ такому развитію, установляя общую безопасность: въ этомъ чисто отрицательномъ опредѣленіи дѣятельности государства Гумбольдтъ сходится съ Локкомъ. На нашъ взглядъ у государства могутъ быть и положительныя задачи—содѣйствіе общему благополучію, но всѣ правительственныя заботы о населеніи, объ его пропитаніи, о промышленности, о помощи бѣднымъ и т. п. Гумбольдтъ прямо отрицалъ, находя попеченіе правительствъ о матеріальномъ благосостояніи гражданъ даже вреднымъ. По его мнѣнію, государственное вмѣшательство, налагая на все печать однообразія, уничтожаетъ свободное проявленіе индивидуальныхъ силъ, что только препятствуетъ внутреннему развитію, а съ другой стороны, вѣчная опека пріучаетъ гражданъ къ апатіи и индифферентизму, не говоря уже о томъ, что слишкомъ широкія задачи, вытекающія изъ такихъ заботъ, требуютъ большихъ матеріальныхъ издержекъ и отвлекаютъ отъ болѣе произвольной работы слишкомъ много умственныхъ силъ, создавая въ то же время веденіе дѣлъ бюрократическимъ, чисто механическимъ порядкомъ. Правда, есть такія цѣли жизни, которыя могутъ быть достигнуты лишь путемъ объединенія индивидуальныхъ силъ, но для этого, говоритъ Гумбольдъ, существуютъ свободныя товарищества, къ коимъ, конечно, каждый воленъ примыкать или не примыкать, каковой свободы нѣтъ уже по отношенію къ государству. Притомъ онъ отдавалъ предпочтеніе мелкимъ ассоціаціямъ передъ крупными, ибо только въ небольшихъ товариществахъ человѣкъ сохраняетъ свою личность, не дѣлается простымъ орудіемъ для достиженія извѣстныхъ общихъ цѣлей, не поглощается окончательно массою. Цѣль государства Гумбольдтъ видѣлъ

поэтому исключительно въ огражденіи общества отъ опасностей: сущность государства заключается въ установленіи неограниченной власти, а безъ нея, дѣйствительно, нельзя обойтись въ дѣлѣ охраненіи безопасности. Но и тутъ Гумбольдтъ считалъ нужнымъ опредѣлить границы собственно дѣятельности государства, ибо безъ этого весьма легко и въ данной области дойти до требованій, осуществленіе коихъ было бы равносильно совершенному уничтоженію свободы гражданъ. Противъ внѣшнихъ враговъ государствамъ приходится вести войны, но только въ народныхъ ополченіяхъ возможно чувство свободы и гражданское воспитаніе, постоянныя же арміи превращаютъ людей въ машины, исполняющія волю своихъ предводителей. Въ дѣлѣ охраненія безопасности отъ внутреннихъ враговъ государство можетъ или ограничиваться простымъ пресѣченіемъ преступленій, или заботиться объ ихъ предупрежденіи, или же добиваться того же посредствомъ воспитанія, религіи, цензуры нравовъ, т.-е. дѣйствуя на самый характеръ гражданъ. Гумбольдтъ—противникъ государственнаго вмѣшательства въ дѣло воспитанія гражданъ. Примѣръ древности не указъ: въ античныхъ государствахъ за стѣсненія, вытекавшія изъ такого вмѣшательства, гражданинъ вознаграждался такою свободою, какая въ наши времена совсѣмъ неизвѣстна, а затѣмъ вѣдь новое время тѣмъ и отличается отъ древности, что требуетъ проведенія въ жизнь личнаго начала, тогда какъ общественное воспитаніе налагаетъ печать однообразія на молодежь; кромѣ того, оно сообщаетъ всѣмъ направленіе, нужное лишь для поддержанія даннаго порядка, чѣмъ подовляются многія стороны человѣческой природы. Далѣе, попеченіе государства о религіи всегда влечетъ за собою покровительство лишь извѣстнымъ ученіямъ въ ущербъ другимъ и грозитъ свободѣ совѣсти. Вѣра есть внутреннее дѣло души, и лишь тогда дѣйствіе вѣры плодотворно, когда она основана на духовной свободѣ ,которая одна только и способна выработать въ народѣ крѣпость духа и способность къ энергической дѣятельности. Назначеніе пастырей и порядокъ общественнаго богослуженія должны быть изъяты изъ области государственнаго вмѣшательства и предоставлены самой религіозной общинѣ. Что касается до исправленія нравовъ путемъ правительственной цензуры, то и тутъ Гумбольдтъ стоитъ за невмѣшательство, такъ какъ всякое принужденіе къ этой области дѣлаетъ изъ народа толпу рабовъ, прокармливаемую своимъ господиномъ. Притомъ вмѣшательство въ частную жизнь создаетъ массу ненужныхъ столкновеній и вмѣстѣ съ тѣмъ великое множество неизбѣжныхъ при такой системѣ проступковъ. И въ дѣлѣ мѣръ, клонящихся къ предупрежденію преступленій, Гумбольдтъ совѣтовалъ большую осторожность, дабы не ограничивать безъ особой надобности индивидуальную свободу разнаго рода полицейскими за-

прещеніями. Въ области вопросовъ гражданскаго и уголовнаго права онъ стремился провести тотъ же индивидуалистическій принципъ. Въ своемъ трактатѣ Гумбольдтъ особенно не распространяется о наилучшемъ государственномъ устройствѣ, но кое-что говоритъ вообще и объ этой сторонѣ политическаго вопроса. Устройство государства не должно служить препятствіемъ свободному развитію народа, и та форма можетъ быть названа самою лучшею, которая предоставляетъ государству самое незначительное вліяніе на гражданъ и въ то же время научаетъ ихъ уважать чужое право и горячо любить собственную свободу. Гумбольдтъ не скрываетъ, что онъ начертываетъ идеалъ, къ коему должно стремиться, но который едва ли когда-либо можетъ быть вполнѣ осуществленъ. Всегда приходится сообразоваться съ существующими условіями, но во всякомъ случаѣ главная задача государственнаго человѣка заключается въ томъ, чтобы постепенно расширять свободу и подготовлять людей къ умѣнію ею пользоваться путемъ развитія въ людяхъ самодѣятельности. Каждая эпоха имѣетъ свою задачу, а потому слѣдуетъ предоставить господствующему направленію высказаться до конца, отнюдь же не идти противъ него. По мѣрѣ того, какъ люди начинаютъ тяготиться старыми узами, нужно эти узы снимать, сохраняя до поры, до времени лишь тѣ стѣсненія, противъ которыхъ еще не протестуетъ сама жизнь. Впослѣдствіи Гумбольдтъ во многомъ измѣнилъ свои взгляды, но въ общемъ онъ остался однимъ изъ представителей либерализма и въ эпоху реставраціи.

Гораздо болѣе еще яркимъ представителемъ либерализма въ двадцатыхъ годахъ былъ Бенжаменъ Констанъ, съ дѣятельностью котораго до 1815 года мы уже знакомы [1]). Послѣ вторичнаго паденія Наполеона Бенжаменъ Констанъ, сдѣлавшійся его сотрудникомъ при измѣненіи старыхъ конституцій имперіи, долженъ былъ оставить Францію, но въ 1816 г. ему позволено было вернуться въ Парижъ, а въ 1819 г. онъ былъ выбранъ въ палату депутатовъ, гдѣ и прославился своими рѣчами по конституціоннымъ вопросамъ. Въ 1816—1820 гг. онъ издалъ собраніе своихъ работъ по представительному образу правленія подъ заглавіемъ: „Курсъ конституціонной политики“ [2]), а въ 1829 г., за годъ до своей смерти (1830) — сборникъ мелкихъ статей подъ заглавіемъ: „Mélanges de littérature et de politique“. Въ предисловіи къ своему „Курсу“ Бенжаменъ Констанъ говоритъ, что издаетъ собраніе сочиненій, написанныхъ въ виду тѣхъ или другихъ временныхъ обстоятельствъ, но заключающихъ прин-

[1]) См. выше, стр. 225 и 235—237.

[2]) Полное заглавіе: Collection complète des ouvrages publiés sur le gouvernement représentatif et la constitution actuelle, ou Cours de politique constitutionnelle par M. Benjamin Constant.

ципы, приложимые по всѣмъ правительственнымъ формамъ. Многія обстоятельства измѣнились, но одно осталось неизмѣннымъ: это—„потребность, какую чувствуетъ нація въ свободѣ, и желаніе націи пользоваться гарантіями, которыя гражданамъ должны давать всѣ политическія учрежденія, какія бы названія они ни носили". Книга имѣла громадный успѣхъ въ свое время и не потеряла значенія и впослѣдствіи, что доказывается многими ея изданіями [1]): недаромъ одинъ изъ позднѣйшихъ издателей „Курса" [2]) назвалъ его „учебникомъ свободы" (manuel de la liberté). Дѣйствительно, главная идея, которой служилъ Бенжаменъ Констанъ, была идея свободы. Самъ онъ на склонѣ дней своихъ въ предисловіи къ „Mélanges de littérature et de politique" говоритъ, что онъ „цѣлыя 40 лѣтъ защищалъ одно и то же, а именно свободу, свободу во всемъ — въ религіи, въ философіи, въ литературѣ, въ промышленности, въ политикѣ", т.-е. „торжество личности надъ властью, желающей управлять посредствомъ насилія, и надъ массами, предъявляющими со стороны большинства право подчиненія себѣ меньшинства". Его взглядъ на свободу былъ прямо противоположенъ ученію Руссо и Мабли. Будучи самъ воспитанъ на классицизмѣ и представляя изъ себя хорошаго знатока древности,—что онъ доказалъ своимъ изслѣдованіемъ „Du polythéisme romain",—даже преклоняясь предъ античною свободою, онъ, однако, возставалъ противъ возстановляемыхъ системъ Греціи и Рима, къ чему стремились политическіе теоретики XVIII в., ибо, по его мнѣнію, эти системы заключали въ себѣ прямыя причины ошибокъ и всѣхъ крайнихъ увлеченій революціи. Онъ очень хорошо понималъ сущность новой свободы въ отличіе отъ свободы древней. „Свобода въ античныхъ республикахъ, говоритъ онъ, состояла болѣе въ дѣятельномъ участіи въ общемъ властвованіи, нежели въ спокойномъ пользованіи личной независимостью, и даже для обезпеченія этого участія чувство личной независимости въ извѣстной степени приносилось въ жертву. Новыя государства замѣнили непосредственное народовластіе народнымъ представительствомъ, въ силу чего каждый, не пользуясь непосредственно властью, ею и не наслаждается. Но зато люди новаго времени, чтобы быть счастливыми, не нуждаются ни въ чемъ, кромѣ полной независимости во всемъ, что относится къ сферѣ ихъ дѣятельности, къ ихъ занятіямъ, предпріятіямъ и фантазіямъ". „Индивидуальная свобода, говоритъ Бенжаменъ

---

[1]) Pagès'a въ 1836 г., Laboulaye въ 1861 и въ 1872 г. и др.

[2]) Laboulaye, самъ написавшій книгу „О государствѣ и его предѣлахъ", существующую и въ рус. переводѣ. Своему изданію „Курса конституціонной политики" Лабулэ предпослалъ превосходную статью о политич. идеяхъ Б. К., существующую въ рус. пер. (Юрид. Вѣстн. 1882).

Констанъ въ другомъ мѣстѣ, есть цѣль всякаго соединенія людей: на ней покоится общественная и частная нравственность; на ней основываются промышленные расчеты. Безъ нея для людей нѣтъ ни мира, ни достоинства, ни счастья". Эта личная свобода имѣетъ разные виды: Бенжаменъ Констанъ защищаетъ каждый видъ индивидуальной свободы и въ отдѣльности. Во главѣ всего онъ полагаетъ свободу религіозную и стоитъ за невмѣшательство государства въ дѣла вѣры. Онъ вооружается противъ ученія Руссо о гражданской религіи [1]), открывшаго широкое вмѣшательство государства въ личную свободу въ дѣлахъ вѣры. Мысль человѣка, говоритъ онъ, есть наиболѣе священная его собственность, будетъ ли она истиной или заблужденіемъ. Власть никогда не должна возбуждать преслѣдованія противъ религіи, даже считая ее опасною. Государство имѣетъ право карать только преступныя дѣйствія, если они обязаны своимъ происхожденіемъ какому-нибудь вѣроученію. Однако Бенжаменъ Констанъ признавалъ необходимымъ, чтобы государство оплачивало духовенство всѣхъ исповѣданій, имѣющихъ сколько-нибудь многочисленныхъ послѣдователей. Второй видъ свободы — свобода воспитанія. Въ этомъ дѣлѣ Бенжаменъ Констанъ предоставлялъ правительству лишь охрану и надзоръ, устраненіе препятствій и проложеніе путей, но власть не должна была тормазить дѣла и давать ему какое-либо исключительное направленіе. Третій видъ—свобода печати, въ которой Бенжаменъ Констанъ видѣлъ одну изъ главныхъ гарантій личной свободы, причемъ онъ требовалъ, чтобы преступленія по дѣламъ печати судились присяжными. Наконецъ, онъ защищалъ еще неограниченную свободу собственности и промышленности [2]). Въ послѣднемъ отношеніи онъ de facto былъ защитникомъ интересовъ капитализма, стремившагося къ тому, чтобы государство не вмѣшивалось въ отношенія между предпринимателями и рабочими. Съ другой стороны, только представителямъ земельной и промышленной собственности онъ давалъ политическія права, потому что, по его мнѣнію, лишь досугъ, независимость и образованіе дозволяютъ вообще дѣлать хорошій выборъ представителей. Такимъ образомъ Бенжаменъ Констанъ вносилъ въ свои взгляды буржуазный оттѣнокъ, высказывая еще и то опасеніе, что неимущіе могли бы воспользоваться своими политическими правами для захвата собственности. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ политическій писатель выражалъ свое личное убѣжденіе, а не поддѣлывался подъ интересы буржуазіи. Совсѣмъ даже наоборотъ: выше [3])

[1]) Т. III, стр. 208—209.

[2]) Взгляды Бенжамена на этотъ предметъ будутъ разсмотрѣны особо въ другомъ мѣстѣ.

[3]) См. стр. 288.

было уже объяснено, почему либеральная буржуазія была противъ децентрализаціи, а между тѣмъ Бенжаменъ Констанъ въ силу своего основного принципа требовалъ развитія мѣстной жизни на началахъ свободы, критикуя ту крайнюю централизацію, которую установилъ Наполеонъ для цѣлей своего деспотизма. По вопросу о наилучшемъ государственномъ устройствѣ Бенжаменъ Констанъ былъ большимъ поклонникомъ англійской конституціи, хотя и находилъ неудобнымъ рабски ее копировать. Въ 1814 году онъ издалъ „Размышленія о конституціяхъ и гарантіяхъ", гдѣ въ сущности рекомендовалъ Франціи такую конституцію, которая ничѣмъ не отличалась отъ хартіи Людовика XVIII. Сначала онъ стоялъ, какъ и Монтескье, за двухпалатную систему съ тѣмъ, чтобы одна палата была наслѣдственной, но впослѣдствіи, именно въ своихъ „Мемуарахъ о ста дняхъ" (1829) онъ высказалъ мнѣніе, что во Франціи эта система непримѣнима, и событія 1830 года, уничтожившія наслѣдственность пэровъ, подтвердили его мысль. Онъ обращалъ главное вниманіе на то, чтобы конституція не только провозгласила принципъ свободы личности, но и законнымъ образомъ эту свободу гарантировала на самомъ дѣлѣ. По мнѣнію Бенжамена Констана, всѣ дѣйствительныя гарантіи сводятся къ свободѣ печати, подчиненной одному суду присяжныхъ, къ отвѣтственности не только министровъ, но и низшихъ агентовъ администраціи, къ многочисленному и независимому представительству.

Мы остановимся подробнѣе лишь на конституціонной теоріи Бенжамена Констана, ограничиваясь сказаннымъ выше относительно разныхъ видовъ свободы индивидуальной.

Бенжаменъ Констанъ вооружался противъ теоріи народовластія, т.-е. „верховенства (suprématie) общей воли надъ всякою частною волею". „Отвлеченное признаніе верховенства народа, говоритъ онъ, ничего не прибавляетъ къ полнотѣ свободы индивидуумовъ, а если этому верховенству придаютъ широту, которой оно не должно имѣть, свобода можетъ быть потеряна, несмотря на этотъ принципъ и даже прямо въ силу этого принципа... Когда говорятъ, что верховенство народа безгранично, то создаютъ и помѣщаютъ въ человѣческомъ обществѣ степень власти, которая слишкомъ обширна сама по себѣ и которая есть зло, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась... Ошибка тѣхъ, которые въ своей вполнѣ искренней любви къ свободѣ приписали верховенству народа неограниченную власть, проистекаетъ изъ способа, коимъ они вырабатывали свои политическіе взгляды. Въ исторіи они встрѣчались съ случаями, когда немногіе или одно лицо, обладая громадной властью, дѣлали много зла, но ихъ гнѣвъ былъ направленъ противъ обладателей власти, а не противъ нея самой. Вмѣсто того, чтобы ее разрушить, они только постарались ее пере-

мѣстить... Несомнѣнно, что въ обществѣ, основанномъ на верховенствѣ народа, ни одно лицо, ни одинъ классъ не имѣетъ права подчинить остальныхъ своей частной волѣ, но совсѣмъ ложно и то, будто общество въ цѣломъ имѣетъ надъ своими членами верховную власть безъ границъ... Есть сторона человѣческаго бытія, которая по необходимости остается личной (individuelle) и независимой и которая по праву не подлежитъ общественной компетенціи. Верховная власть существуетъ лишь въ ограниченномъ и относительномъ смыслѣ. Руссо не призналъ этой истины, и изъ его заблужденія возникъ его Contrat social, на который такъ часто ссылались въ пользу свободы, но который былъ орудіемъ всѣхъ родовъ деспотизма... Границы власти должны быть установлены справедливостью и правами отдѣльныхъ лицъ. Воля цѣлаго народа не можетъ сдѣлать справедливымъ то, что несправедливо. Представители націи не имѣютъ права дѣлать то, чего не имѣетъ права дѣлать сама нація... Конечно, недостаточно еще отвлеченнаго ограниченія верховенства. Нужно еще найти основы политическихъ учрежденій, которыя такимъ образомъ комбинировали бы интересы разныхъ представителей власти (dépositaires de la puissance), чтобы имъ было выгодно самымъ очевиднымъ образомъ, на самое долгое время и съ наибольшею увѣренностью въ своей прочности—оставаться каждому въ границахъ своихъ правъ... Кромѣ того, когда извѣстные принципы вполнѣ и ясно обоснованы, они какъ бы сами гарантируютъ свое существованіе. Очевидность создаетъ въ свою пользу общее мнѣніе, которое въ концѣ концовъ побѣждаетъ. Разъ признано, что верховная власть не безпредѣльна, т.-е. что на землѣ не существуетъ безграничной власти, никто и никогда не станетъ требовать себѣ такой власти".

Такъ смотрѣлъ Бенжаменъ Констанъ на верховную власть, опровергая „ложную метафизику" Руссо. Между приведенными мыслями отмѣтимъ идею взаимнаго уваженія конституціонныхъ властей. Такихъ властей онъ насчитывалъ пять: власть королевскую, исполнительную, представительную, судебную и муниципальную. Не касаясь послѣдней, т.-е. органовъ мѣстнаго самоуправленія, коему Бенжаменъ Констанъ придавалъ большое значеніе, и не говоря еще о судебной власти, остановимся только на трехъ первыхъ. Бенжаменъ Констанъ различаетъ въ монархической власти два элемента: „власть исполнительную, облеченную положительными прерогативами, и власть королевскую, которая покоится на воспоминаніяхъ и религіозныхъ преданіяхъ". Нужна сила, которая установляла бы согласіе между исполнительною, законодательною и судебною властями въ случаяхъ столкновеній между ними, и нужно, чтобы эта сила находилась внѣ этихъ трехъ властей и занимала по отношенію къ нимъ нейтральное положеніе.

„Конституціонная монархія, говоритъ Бенжаменъ Констанъ, имѣетъ то преимущество, что создаетъ эту нейтральную власть въ особѣ короля, окруженной воспоминаніями и традиціями и облеченной силою мнѣнія, которое и есть основа ея политическаго значенія. Настоящій интересъ такого короля совсѣмъ не въ томъ, чтобы одна власть ниспровергла другую, но въ томъ, чтобы всѣ онѣ одна другую поддерживали, были между собой въ единодушіи и солидарно дѣйствовали. Законодательная власть находится въ представительныхъ собраніяхъ съ санкціей короля, исполнительная власть—у министровъ, судебная —въ трибуналахъ... Среди этихъ властей король занимаетъ нейтральное и посредствующее положеніе безъ всякаго прямого интереса разстраивать равновѣсіе и, наоборотъ, имѣя интересъ его поддерживать. Разумѣется, такъ какъ люди не всегда повинуются своему прямому интересу, нужно принять извѣстныя предосторожности, чтобы королевская власть не могла дѣйствовать на другія власти, и въ этомъ заключается разница между монархіей абсолютной и конституціонной". Установивъ этотъ принципъ, Бенжаменъ Констанъ показываетъ, какъ онъ примѣняется въ англійской конституціи: для него такая нейтральная власть есть необходимое условіе правильной свободы. Король назначаетъ и смѣщаетъ исполнительную власть. Его санкція необходима для того, чтобы постановленія представительныхъ собраній имѣли силу закона. Онъ можетъ отсрочивать законодательныя собранія и распускать то изъ нихъ, которое выбирается народомъ. „Не можетъ быть свободы ни въ одной большой странѣ, говоритъ Бенжаменъ Констанъ, безъ представительныхъ собраній, облеченныхъ законными и сильными прерогативами; но и эти собранія сами не безъ опасности, а потому въ интересахъ самой свободы нужны вѣрныя средства, чтобы предупредить злоупотребленія властью. Если не положить предѣловъ власти представителей народа, они уже не защитники свободы, а кандидаты на тираннію, а когда тираннія уже явилась, она тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ больше число тирановъ. При конституціи, часть коей состоитъ изъ національнаго представительства, нація лишь тогда свободна, когда существуетъ сдержка для ея депутатовъ". Королевское veto можетъ имѣть силу лишь противъ отдѣльныхъ законовъ, но не противъ общей тенденціи собранія: нуженъ роспускъ собранія съ назначеніемъ новыхъ выборовъ, что для народа вовсе не есть оскорбленіе: это—аппелляція къ его правамъ во имя его интересовъ,—разъ только выборы свободны, потому что безъ свободы выборовъ нѣтъ и представительной системы. Наконецъ, королю Бенжаменъ Констанъ даетъ право назначенія судей, право помилованія, право войны и мира, и особа короля объявляется священной и неприкосновенной. Что касается до исполнительной власти, то по конституціонной теоріи Бен-

жамена Констана, она принадлежитъ министрамъ. „Наслѣдственный монархъ можетъ и долженъ быть неотвѣтственнымъ“, отвѣтственность несутъ министры, и она притомъ не должна разрушать отвѣтственности ихъ агентовъ, что, прибавляетъ Бенжаменъ Констанъ, особенно нужно помнить во Франціи [1]). „Представительная власть“ заключается въ двухъ палатахъ, изъ коихъ одна наслѣдственная, другая выбирается народомъ, и обѣимъ имъ сообща съ исполнительною властью должна принадлежать законодательная иниціатива. Бенжаменъ Констанъ особенно настаивалъ на томъ, чтобы обѣ власти пользовались законодательною иниціативою. Представительное собраніе должно выражать народныя нужды, ибо представители знаютъ эти нужды, но къ чему имъ послужило бы это знаніе, еслибы они лишены были права иниціативы? Но и у правительства есть нужды, а потому иниціатива должна принадлежать и министрамъ: безъ нея они были бы рабы. Кромѣ того, онъ стоялъ еще за парламентское министерство, коего тщетно добивался Мирабо для конституціи 1791 г. [2]). „Министры, говоритъ онъ, могутъ быть членами представительныхъ собраній, и члены этихъ собраній могутъ сдѣлаться министрами, подчиняясь переизбранію“ [3]). Въ этомъ онъ видитъ большія выгоды и высказываетъ мнѣніе, что, быть можетъ, такое допущеніе именно и сохранило англійскую конституцію. „Если члены представительныхъ собраній не будутъ имѣть возможности участвовать въ правительствѣ, какъ министры, нужно опасаться, какъ бы они не стали смотрѣть на правительство, какъ на своего естественнаго врага“. Вообще онъ совершенно вѣрно понялъ основной принципъ парламентарнаго министерства: „соединяя лицъ, но не переставая различать власти, установляютъ гармоническое правленіе вмѣсто того, чтобы создавать два вооруженныхъ лагеря“. Бенжаменъ Констанъ требовалъ еще, чтобы члены представительной власти не получали жалованія, ибо если установить плату (salaire) за ихъ трудъ, пожалуй, эта плата для нихъ сдѣлается главнымъ. „Я, говоритъ онъ, не люблю слишкомъ большого имущественнаго ценза (les fortes conditions de propriété) для отправленія политическихъ должностей. Независимость — понятіе относительное: разъ у человѣка есть необходимое, достаточно имѣть возвышенную душу, чтобы обходиться безъ излишняго. Однако, желательно, чтобы представительныя должности занимались вообще людьми если и не богатаго (opulente), то, по крайней мѣрѣ достаточнаго (dans l'aisance) класса. Ихъ положеніе выгоднѣе, ихъ образованіе лучше, ихъ умъ свободнѣе, ихъ пониманіе

[1]) Ср. выше, стр. 92.

[2]) Т. III, стр. 506.

[3]) Какъ въ англійской конституціи. О происхожденіи этого правила см. т. III, стр. 59—60.

быстрѣе и яснѣе схватываетъ вещи. Бѣдность имѣетъ свои предразсудки, какъ и невѣжество". Помня уроки революціи [1]), Бенжаменъ Констанъ требовалъ еще, чтобы депутаты не могли быть изгоняемы и исключаемы изъ собранія. Онъ доказывалъ при этомъ, что согласное дѣйствіе (le concours) всѣхъ этихъ властей еще не узаконяетъ нарушенія судебныхъ формальностей. Наконецъ, Бенжаментъ Констанъ ставитъ конституцію выше конституціонныхъ властей [2]), ибо онѣ сами существуютъ только въ силу конституціи. „Во время нашей революціи, говоритъ онъ, наши правительства часто высказывали притязаніе на право нарушать конституцію ради ея спасенія", но конституціонное правительство тотчасъ же перестаетъ существовать, какъ только перестаетъ существовать конституція, а она болѣе не существуетъ, разъ она нарушена. Бенжаменъ Констанъ различаетъ поэтому между конституціонными законами и законами простыми. „Все, что относится къ границамъ и сферамъ вѣдѣнія властей, къ политическимъ и индивидуальнымъ правамъ, не составляетъ части конституціи и можетъ быть измѣнено совокупнымъ дѣйствіемъ короля и обѣихъ палатъ". Нужно, чтобы конституція ограничивалась самымъ необходимымъ и не заключала въ себѣ мелочей, которыя вѣчно будутъ нарушаться: надо предоставить установленіе подробностей свободному дѣйствію конституціонныхъ властей. „Конституціи, говоритъ Бенжаменъ Констанъ, рѣдко создаются волею людей. Ихъ создаетъ время; онѣ входятъ въ жизнь постепенно и незамѣтнымъ образомъ. Однако, прибавляетъ онъ, бываютъ обстоятельства,—и мы находимся (1814) именно въ такомъ положеніи,—которыя дѣлаютъ неизбѣжнымъ созданіе конституціи, но въ такомъ случаѣ ограничьтесь самымъ необходимымъ, давъ просторъ времени и опыту", лишь бы не были нарушены принципы представительства, личной неприкосновенности, свободнаго проявленія мысли и независимости судебной власти.

Въ заключеніе этой главы укажемъ на то, что либерализмъ не представлялъ какой-нибудь однообразной догмы: были либералы монархисты и республиканцы, конституціонные и революціонные, централисты и федералисты, космополиты и націоналисты, католики и протестанты и т. д. Въ каждой отдѣльной странѣ либерализмъ получалъ особую окраску и соединялся съ особыми мѣстными, вѣрнѣе національными стремленіями. У народовъ, не имѣвшихъ самостоятельнаго національнаго существованія или государственнаго единства, либерализмъ соединялся съ стремленіемъ къ освобожденію или объе-

---

[1]) Т. III, стр. 608 и др.

[2]) Т.-е. не признаетъ той „деспотической власти", которая принадлежитъ англійскому парламенту, см. т. III, стр. 69. См. объ этомъ еще ниже, въ главѣ XXI.

диненію. Этимъ особенно отличается либерализмъ у нѣмцевъ, у итальянцевъ, у поляковъ. Испанскіе либералы стремились къ возвращенію конституціи 1812 г.; французскіе—къ измѣненію хартіи 1814 г. или къ перемѣнѣ династіи: англійскіе—къ парламентской реформѣ и т. д.

Въ разныхъ странахъ либерализмъ имѣлъ опору въ разныхъ классахъ общества, гдѣ въ среднемъ сословіи, а гдѣ и въ дворянствѣ (шляхта въ Польшѣ, декабристы въ Россіи), но нерѣдко онъ искалъ опоры въ арміи, которая въ такихъ случаяхъ даже и дѣлалась орудіемъ политическихъ революцій.

XV. Священный союзъ, южно-романскія революціи и конгрессы [1]).

Общій взглядъ на международное положеніе послѣ 1815 г. — Безпринципность международной политики въ XVIII в. и принципъ легитимизма.—Особое положеніе Австріи и политическая программа Меттерниха.—Александръ I и его роль въ эпоху конгрессовъ.—Г-жа Крюденеръ.—Священный союзъ и его значеніе.—Начало легитимизма на вѣнскомъ конгрессѣ.—Ахенскій конгрессъ. — Крайности реакціи въ Испаніи и Италіи.—Революціи 1820—21 гг.—Конгрессы въ Троппау-Лайбахѣ и Веронѣ.—Подавленіе неаполитанской и пьемонтской революцій Австріей.—Реакція въ Италіи.—Внутренняя борьба въ Испаніи и французское вмѣшательство.—Причины неудачи южно-романскихъ революцій.

Главный интересъ западно-европейской исторіи въ періодъ отъ 1815 по 1830 г. сосредоточивается на борьбѣ между двумя противоположными культурными и политическими направленіями, которыя только-что нами были разсмотрѣны. Къ борьбѣ между реакціей и ли-

---

[1]) По исторіи международныхъ отношеній въ эту эпоху, кромѣ общихъ соч., указанныхъ на стр. 9 и слѣд., и спеціальныхъ трудовъ по исторіи дипломатіи (стр. 12—13 и 134—135), равно какъ тѣхъ, которыя будутъ указываться ниже, см. еще разныя руководства по международному праву (по-русски проф. Ѳ. Ѳ. Мартенса). Brockhaus. Das Legitimitäts—Princip. 1868.—Bianchi. Storia documentata della diplomazia Europea in Italia.—Гр. Камаровскій. Начало невмѣшательства. 1874.—В. Даневскій. Системы политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности въ ихъ взаимной связи. 1822. (Въ книгѣ проф. Даневскаго есть еще отдѣлъ и о вѣнскомъ конгрессѣ).—Flathe. Das Zeitalter der Restauration und Revolution. 1883 (у Онкена).—По исторіи Испаніи см. книги Raynald'a (стр. 10), Baumgarten'a (Geschichte Spaniens vom Ausbruch der französischen Revolution), Hubbar'a (Hist. contemporaine de l'Espagne), А. Трачевскаго (Исторія Испаніи въ XIX в.) и др. Исторія Италіи въ XIX в. Sorin (стр. 10).—Reuchlin (стр. 10).—Ferrari. Histoire des révolutions d'Italie. 1858. — Giacometti. La question italienne du 1814 à 1860. 1893.—Наконецъ, цѣлый рядъ исторій Италіи съ 1814 г. на итальянскомъ языкѣ (Монтанелли, Фарини, Ла-Фарина, Бьянки, Ангелли и др.). Замѣтимъ, что въ настоящей главѣ мы лишь вскользь касаемся южнороманскихъ революцій, такъ какъ болѣе подробная внутренняя исторія Италіи отлагается до V тома настоящаго труда.

берализмомъ можно пріурочить не только событія внутренней исторіи отдѣльныхъ странъ, но и всю международную политику эпохи. Французская революція застала старую Европу врасплохъ. Монархическія государства вооружились противъ революціи, которая грозила сдѣлаться всесвѣтной, но онѣ не съумѣли прочно соединиться для того, чтобы совокупными силами отстоять принципъ, во имя коего проповѣдовали крестовый походъ противъ Франціи [1]). Въ 1795 г. Пруссія, заключивъ съ республикой миръ въ Базелѣ, показала примѣръ, которому стали подражать и другія государства: у всѣхъ у нихъ собственные интересы стояли выше общаго принципа, и правительства пошли на сдѣлки съ революціей, разъ отсюда извлекалась или ожидалась та или другая выгода. Не иначе поступали европейскія державы по отношенію къ Наполеону, какъ наслѣднику внѣшней политики революціи, пока въ 1813 г. не составилась, наконецъ, прочная коалиція противъ Франціи и Наполеонъ не былъ низвергнутъ. То, чего европейскія державы не смогли сдѣлать въ 1793 г., сдѣлано было ими въ 1813 г.: образовалась общеевропейская коалиція, проявившая большое единодушіе и достигшая цѣлей, которыя себѣ поставила. Въ 1814 г. она низложила Наполеона и созвала въ Вѣнѣ конгрессъ для полюбовныхъ соглашеній на счетъ будущаго устройства международныхъ отношеній, а въ 1815 г. благополучно довела это дѣло до конца и вторично низложила Наполеона. Въ томъ же 1815 г. былъ, кромѣ того, заключенъ между государями Россіи, Австріи и Пруссіи союзъ, получившій названіе „Священнаго“, и скоро другія государства примкнули къ этому союзу. Миръ былъ не только возстановленъ, но и обезпеченъ на будущее время. Дѣйствительно, между христіанскими народами Европы миръ установился на весьма продолжительный періодъ—до начала восточной войны 1853 — 1856 г. Когда вспыхнула эта война, Бокль, писавшій въ то время свою „Исторію цивилизаціи въ Англіи“, объяснилъ происхожденіе войны тѣмъ, что отсталая Россія напала на отсталую Турцію: иначе, думалъ англійскій историкъ, войны не могло бы быть,—до такой степени продолжительный миръ послѣ 1815 г. пріучилъ къ мысли о невозможности новыхъ войнъ. Но въ этотъ же мирный періодъ европейской исторіи тѣмъ не менѣе на Западѣ происходили потрясенія революціоннаго характера—въ началѣ двадцатыхъ, въ началѣ тридцатыхъ и въ концѣ сороковыхъ годовъ, и эти потрясенія сопровождались вмѣшательствомъ державъ во внутреннія дѣла странъ, подвергшихся революціи. Особенно единодушно и сильно было такое вмѣшательство въ двадцатыхъ годахъ. Въ это время произошли революціи въ Испаніи, Неаполѣ, Португаліи и Пьемонтѣ, заставившія евро-

[1]) Для послѣдующаго ср. выше, гл. II и VIII.

пейскія правительства собираться на новые конгрессы, на коихъ Австрія и Франція и были уполномочены подавить южнороманскія революціи. Въ 1830 г. вмѣшательство имѣло уже болѣе мирный характеръ, а венгерская революція 1848 г. была подавлена лишь одностороннимъ дѣйствіемъ Россіи. Въ настоящей главѣ мы и разсмотримъ, во-первыхъ, возникновеніе Священнаго союза, заключеннаго съ цѣлями миролюбиваго улаженія международныхъ столкновеній, но сдѣлавшагося вмѣстѣ съ тѣмъ органомъ общеевропейской реакціи, во-вторыхъ, революціи, вызванныя въ южнороманскихъ странахъ крайностями реакціи, и втретьихъ, конгрессы, на которые въ эту эпоху („эпоха конгрессовъ", 1814—1822) собирались монархи, ихъ министры и дипломаты для разсмотрѣнія европейскихъ дѣлъ и противодѣйствія революціоннымъ стремленіямъ.

Въ самомъ образованіи Священнаго союза нельзя не видѣть своего рода реакціи противъ политики XVIII в. Дѣло въ томъ, что до начала французской революціи европейскія правительства смотрѣли на перевороты, совершавшіеся въ отдѣльныхъ странахъ, исключительно съ точки зрѣнія своихъ частныхъ выгодъ, не обращая вниманія на тѣ принципы, во имя которыхъ совершался тотъ или другой переворотъ. Въ иностранную политику державъ даже съ особою силою въѣлось общее правило — всячески содѣйствовать смутамъ въ сосѣднемъ или соперничающемъ государствѣ, благодаря чему, напр., абсолютныя монархіи противились усиленію королевской власти въ такихъ странахъ, гдѣ послѣдняя была слаба и гдѣ раздоры аристократическихъ партій дѣлали сильную внѣшнюю политику невозможной [1]). Въ этомъ отношеніи особенно характеристично, что если въ XVIII в. державы вмѣшивались въ чужія дѣла, то не во имя поддержанія у сосѣдей того политическаго принципа, который господствовалъ въ ихъ собственной жизни, а ради достиженія тѣхъ или другихъ практическихъ цѣлей. Лишь французская революція заставила державы впервые соединиться для защиты принципа, но мы уже говорили, что старая безпринципная политика, вошедшая въ нравы и обычаи правительствъ, и тутъ взяла перевѣсъ надъ идеею союза во имя поддержанія принципа, и что такъ дѣло продолжалось въ теченіе всей наполеоновской эпохи. Священный союзъ былъ порожденъ реакціей противъ безпринципности внѣшней политики XVIII в.: первою мыслью, которая его вызвала, было то, что необходимо признать извѣстные принципы международныхъ отношеній и защищать эти принципы постояннымъ союзомъ государствъ. Вѣнскій конгрессъ долженъ былъ положить конецъ эпохѣ международныхъ лигъ, образовавшихся преимущественно для нападенія на

[1]) См. т. III, стр. 134—137.

болѣе слабыхъ и раздѣла ихъ владѣній. По рѣшенію этого европейскаго ареопага каждый государь долженъ былъ владѣть тѣмъ, что за нимъ признано было здѣсь другими, какъ его законное достояніе, а такъ какъ наиболѣе сильные члены союза, низложившіе Наполеона, были притомъ очень хорошо „вознаграждены“, то имъ и оставалось только желать упроченія на будущія времена порядка вещей, установленнаго на конгрессѣ. Послѣ четверти вѣка постоянныхъ войнъ чувствовалось утомленіе и всеобщее желаніе мира; охранить же его лучше всего могъ союзъ, только что низложившій Наполеона и раздѣлившій по новому Европу; международный порядокъ, созданный на вѣнскомъ конгрессѣ, былъ результатомъ соглашенія державъ, считавшихъ себя вполнѣ удовлетворенными распредѣленіемъ вознагражденій, и вотъ для охраны этого порядка опять-таки наилучшимъ средствомъ являлся опять-таки постоянный союзъ. Какія бы ни были побужденія иниціатора Священнаго союза, императора Александра I, сдѣланное имъ предложеніе такъ сказать, вытекало изъ потребности въ мирѣ и охраненіи установленнаго международнаго порядка, какую болѣе или менѣе ощущали всѣ правительства, а такъ какъ грозить этому порядку могли развѣ только новыя революціи, то въ концѣ концовъ новый союзъ долженъ былъ противъ нихъ главнымъ образомъ и направиться. Кромѣ того, въ международной политикѣ не могла не отразиться внутренняя реакція, происходившая въ отдѣльныхъ государствахъ. Принципъ легитимизма, игравшій видную роль на вѣнскомъ конгрессѣ при устройствѣ общеевропейскихъ дѣлъ [1]) и сдѣлавшійся въ то же время основнымъ принципомъ реакціи во внутреннихъ отношеніяхъ отдѣльныхъ государствъ, долженъ былъ неизбѣжно стать и лозунгомъ международнаго союза, поставившаго своею задачею охрану существующаго порядка и предотвращеніе новыхъ потрясеній. Въ этомъ болѣе или менѣе были заинтересованы всѣ государства, но сильнѣе всего была заинтересована Австрія. Политика этой державы всегда отличалась консервативностью, кромѣ короткаго перерыва при Іосифѣ II [2]): Австрія была хранительницей клерикально-аристократическихъ и абсолютистическихъ традицій и интересовъ, а стремленіе создать единую имперію изъ конгломерата разныхъ національностей и государствъ должно было всегда заставлять династію Габсбурговъ опасаться какихъ бы то ни было движеній среди ея подданныхъ. Какъ единая имперія, Австрія возникла лишь въ наполеоновскую эпоху [3]), но Габсбургамъ еще только предстояло осуществить въ дѣйствительности эту идею унитарнаго государства. Для

---

[1]) См. выше, стр. 240.

[2]) Т. III, стр. 339 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 144 и т. III, стр. 339.

этого нужно было время и нужно было, чтобы извнѣ ничто не мѣшало внутренней работѣ въ этомъ направленіи. Національныя стремленія среди нѣмцевъ, итальянцевъ и поляковъ, возбужденныя событіями предшествующей эпохи, были для Австріи наиболѣе непріятны и опасны: подъ властью Габсбурговъ были именно и нѣмцы, и итальянцы и поляки, которые легко возбуждались тѣмъ, что происходило у ихъ одноплеменниковъ—въ Германіи, въ самостоятельныхъ итальянскихъ государствахъ, въ Царствѣ Польскомъ. Вотъ почему Австрія сдѣлалась главною противницей конституціоннаго движенія и самою сильною опорою реакціи во всей Германіи; вотъ почему она хлопотала о поддержкѣ реакціи во всей Италіи и первая встревожилась неаполитанскою революціей, которую потомъ и подавила; вотъ почему, наконецъ, она съ неудовольствіемъ отнеслась и къ тому, что Александръ I не просто инкорпорировалъ Польшу въ составъ Россійской имперіи, а создалъ изъ нея особое царство и даже далъ ему конституцію. Такимъ образомъ, кромѣ общихъ причинъ, дѣйствовавшихъ во всѣхъ государствахъ въ пользу поддержки принципа легитимизма, у Австріи существовали еще особые интересы, заставлявшіе ее желать проведенія легитимныхъ началъ въ международныхъ отношеніяхъ. Въ Австріи явился и государственный человѣкъ, который сдѣлался, такъ сказать, главнымъ вождемъ реакціонной политики и внутренней, и внѣшней. Это былъ знаменитый Меттернихъ.

Князь Меттернихъ [1]) въ молодыхъ годахъ еще началъ играть роль на дипломатическомъ поприщѣ. На раштатскомъ конгрессѣ 1797—99 г. [2]) мы въ первый разъ встрѣчаемся съ двадцатипятилѣтнимъ Меттернихомъ въ качествѣ посланника вестфальской имперской графской коллегіи, а съ 1801 г., когда ему еще не было тридцати лѣтъ, онъ уже представлялъ Австрію сначала въ Дрезденѣ, потомъ (съ 1803 г.) въ Берлинѣ и (между 1806 и 1809 гг.) при дворѣ Наполеона, которому съумѣлъ угодить пріятнымъ обращеніемъ и покладливостью характера. Послѣ битвы при Ваграмѣ Меттернихъ былъ сдѣланъ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1813 г. онъ старался своимъ посредничествомъ прекратить борьбу союзниковъ съ Наполеономъ, котораго склонялъ къ принятію мирныхъ предложеній [3]). Въ 1814 и 1815 гг. онъ былъ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ дѣятелей вѣнскаго конгресса, и съ этого времени начи-

---

[1]) Hormayr. Kaiser Franz und Metternich. 1848. — Schmidt-Weissenfels. Fürst Metternich. 1860. — Beer. Fürst Klemens Metternich. 1877.—Ch. de Mazade. Un chancelier d'ancien régime. Le règne diplomatique de M. de Metternich. 1889.—Надлеръ. Меттернихъ и европейская реакція.

[2]) См. выше, стр. 32.

[3]) См. выше, стр. 206, прим. 1.

нается та первенствующая роль, какую онъ игралъ въ дипломатіи, имѣя при себѣ въ качествѣ правой руки своей извѣстнаго Генца [1]), въ шутку прозваннаго Untermetternich'омъ. Въ двадцатыхъ годахъ Меттернихъ былъ сдѣланъ канцлеромъ, а потомъ президентомъ министерскихъ конференцій по внутреннимъ дѣламъ. Эти должности онъ занималъ потомъ вплоть до 1848 г., неизмѣнно и неуклонно придерживаясь крайне реакціоннаго направленія во внутренней и внѣшней политикѣ. Свою дипломатическую ловкость Меттернихъ съумѣлъ проявить еще въ эпоху господства Франціи. Все его искусство заключалось въ томъ, чтобы съ терпѣніемъ выжидать наступленія благопріятныхъ обстоятельствъ и умѣть во́-время пользоваться ими. Въ эпоху паденія Наполеона и вѣнскаго конгресса онъ съумѣлъ именно воспользоваться обстоятельствами къ наибольшей выгодѣ для Австріи, съумѣлъ поднять ея международное значеніе и получить для нея достаточное количество „вознагражденій". Будучи съ головы до ногъ человѣкомъ „стараго порядка", онъ долженъ былъ раньше терпѣть существованіе многихъ вещей, имѣвшихъ революціонное происхожденіе, но когда началась реакція противъ революціи и всѣхъ вызванныхъ ею измѣненій, онъ могъ вполнѣ проявить свои настоящія симпатіи и основать всю свою дальнѣйшую политику на одномъ принципѣ легитимизма. Изъ всѣхъ тогдашнихъ государственныхъ людей онъ полнѣе другихъ воплощалъ въ себѣ принципъ реакціонной политики и неуклоннѣе, чѣмъ кто-либо, проводилъ его на практикѣ. Вотъ почему послѣ 1815 г. онъ былъ не просто австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а, такъ сказать, руководителемъ международной политики во всей Европѣ. Императоръ Францъ I [2]) долженъ былъ особенно дорожить такимъ министромъ. Онъ самъ былъ человѣкъ замкнутый и безстрастный, до педантизма преданный идеѣ порядка и дисциплины, абсолютистъ до мозга костей и сторонникъ патріархальнаго управленія государствомъ, вѣрившій притомъ, подобно одному изъ своихъ предковъ [3]), въ то, что Австріи принадлежитъ господство надъ міромъ до скончанія вѣковъ. Поэтому Меттернихъ дѣйствовалъ въ полномъ единодушіи съ своимъ государемъ, который, какъ и онъ самъ, весьма подозрительно относился къ національнымъ движеніямъ, вызваннымъ борьбой съ Наполеономъ. Либерализмъ, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся, былъ Меттерниху ненавистенъ: Штейнъ, хлопотавшій въ эпоху войны за освобожденіе и вѣнскаго конгресса объ единой и свободной Германіи, казался ему настоящимъ якобинцемъ, императоръ Александръ I—чѣмъ-то въ родѣ яко-

[1]) О немъ Naym (въ Allgem. Enc. Эрша и Грубера), Schmidt-Weissenfels (1859), Mendelssohn-Bartholdy (1867), Fournier (Gentz und Cobenzl) и др.

[2]) См. о немъ выше, стр. 157. Сочиненія о немъ: Gross-Hoffinger'a (1835), Hormayr'a (см. примѣчаніе на стр. 310), Meynert'a (1872) и др.

[3]) Фридриху III, о чемъ см. т. I, стр. 132.

бинца, и даже къ его идеѣ о Священномъ союзѣ Меттернихъ отнесся сначала даже весьма неблагосклонно. Такой человѣкъ, конечно, долженъ былъ сдѣлаться опорою реакціонеровъ во всѣхъ странахъ, а подъ его умѣлою рукою Священный союзъ прямо превратиться въ органъ реакціи международнаго характера, тѣмъ болѣе, что самое содержаніе акта этого союза какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало стремленіямъ реакціи, съ какимъ бы недовѣріемъ на первыхъ порахъ ни относился Меттернихъ къ этой „затѣѣ", бывшей личнымъ дѣломъ Александра I. Склонить русскаго императора на сторону своей политики было одною изъ главныхъ задачъ Меттерниха послѣ 1815 г., особенно въ виду того значенія, какое получила тогда Россія въ международныхъ дѣлахъ Европы.

Послѣдняя борьба съ Наполеономъ послѣ неудачи его въ Россіи въ 1812 г. дѣйствительно велась, такъ сказать, подъ нравственнымъ предводительствомъ Россіи. Александръ I довелъ успѣшно до конца дѣло освобожденія Европы отъ владычества императора французовъ и послѣ этого особенно хлопоталъ о томъ, чтобы и на будущее время сохранить европейскій миръ. Роль миротворца стала для него особенно заманчивой: у него-то и возникла мысль о необходимости тѣснаго союза между монархами для полюбовнаго разрѣшенія международныхъ споровъ и о превращеніи конгрессовъ въ своего рода постоянное учрежденіе для дальнѣйшаго поддержаанія мира и согласія державъ. Уже это одно давало возможность реакціонной политикѣ имѣть на своей сторонѣ Россію, но къ тому же и въ самой Россіи началась послѣ 1815 г.. отчасти вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, отчасти подъ иностраннымъ вліяніемъ, весьма сильная реакція, которой подчинился и Александръ I [1]). Стремленіе къ поддержанію порядка, установленнаго на вѣнскомъ конгрессѣ, и мира между державами, съ одной стороны, а съ другой, реакціонное направленіе, принятое и русскимъ правительствомъ, заставляли Александра I все болѣе и болѣе входить въ виды Меттерниха, причемъ русскій императоръ началъ считать себя связаннымъ вдобавокъ условіями имъ самимъ придуманнаго Священнаго союза. Но когда послѣдній только заключался, русскій императоръ былъ въ совершенно иномъ настроеніи. Родившись еще въ эпоху господства французской философіи, въ числѣ поклонниковъ которой находилась его бабка, онъ получилъ по указанію послѣдней воспитаніе въ духѣ идей вѣка. Насколько его дѣйствія соотвѣтствовали его либеральнымъ заявленіямъ, другой вопросъ, но около 1815 г. онъ думалъ, что его задачею должна была быть поддержка конституціонныхъ учрежденій, и на этомъ онъ основывалъ свою тогдашнюю политику,

[1]) А. Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. 1885 (2 изд.).

желая сдѣлать ее популярною въ общественномъ мнѣніи Европы. Послѣдняя борьба съ Наполеономъ, на котораго смотрѣли, какъ на деспота и тиранна, оживила повсемѣстно стремленіе къ свободѣ; сами правительства къ тому же надавали своимъ подданнымъ обѣщаній въ этомъ смыслѣ. Все это не могло не дѣйствовать на Александра I, тѣмъ болѣе еще, что въ годы окончательной развязки съ Наполеономъ онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Штейна. Присоединяя къ Россіи Финляндію въ 1809 г., Александръ I сохранилъ за нею шведское государственное устройство. Въ 1814 г. онъ настоялъ, чтобы Франція получила отъ Людовика XVIII конституціонную хартію. Въ 1815 г. онъ самъ даровалъ конституцію Царству Польскому, несмотря на то, что это неособенно нравилось Австріи и Пруссіи, у коихъ были тоже польскіе подданные. Въ Германіи и Италіи Александръ I равнымъ образомъ тоже благопріятствовалъ конституціоннымъ учрежденіямъ. Еще въ 1818 г., открывая варшавскій сеймъ, онъ въ своей тронной рѣчи просилъ новыхъ подданныхъ доказать, что либеральныя учрежденія не суть опасное обольщеніе, и выразилъ надежду распространить эти учрежденія на всѣ земли, подвластныя его скипетру. Дальнѣйшія событія показали, что Александръ I былъ очень мало способенъ оставаться конституціоннымъ монархомъ: уже первая оппозиція, какую встрѣтили на варшавскомъ сеймѣ правительственныя предложенія, наполнила его сердце горечью, охладила его къ конституціоннымъ учрежденіямъ и сблизила его съ реакціонерами, указывавшими на опасность либеральной политики. Но это явилось уже послѣ, а въ 1815 г., когда заключенъ былъ Священный союзъ, Александръ I находилъ еще возможнымъ покровительствовать либерализму: не даромъ же Меттернихъ заподозрилъ и самый Священный союзъ въ либеральныхъ стремленіяхъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя смотрѣть на актъ Священнаго союза, какъ на составленный прямо въ реакціонныхъ цѣляхъ. Но была въ этомъ дѣлѣ, впрочемъ, и другая сторона, дѣйствительно роднившая этотъ актъ съ общими стремленіями реакціи. Натура Александра I была вообще весьма сложная, и между его нерѣдко противорѣчивыми свойствами довольно замѣтно выдвигается своеобразная мечтательность, склонность къ мистической религіозности. Событія 1812 г. очень сильно подѣйствовали на него въ этомъ направленіи,—особенно пожаръ Москвы, „освѣтившій его душу“. Вмѣстѣ съ извѣстнымъ адмираломъ Шишковымъ онъ сталъ усердно читать Библію: они толковали нѣкоторыя ея мѣста какъ-бы въ смыслѣ пророчествъ о совершавшихся событіяхъ и нерѣдко при этомъ плакали. О настроеніи Александра I въ 1815 г. много говоритъ и его дружба съ извѣстной піетисткой, баронессой Крюденеръ [1]), въ то время по-

[1]) О ней см. Eynard (1849), Capefigue (La baronne de Krüdener et l'empereur Alexandre I. 1866).

жилой уже дамой, которая также участвовала въ созданіи Священнаго союза. Урожденная Фитингофъ, по матери внучка фельдмаршала Миниха, она восемнадцати лѣтъ вышла замужъ за сорокалѣтняго вдовца, барона Крюденера, посланника въ Пруссіи, потомъ въ Венеціи. Супруги рано разсорились, и баронесса вела нѣкоторое время разсѣянную жизнь въ Парижѣ, имѣла романъ съ однимъ офицеромъ и даже думала о разводѣ съ мужемъ; потомъ еще разъ ѣздила въ Парижъ, гдѣ издала свой романъ „Валерія“, доставившій ей извѣстность, чему она сама содѣйствовала выдумкою модныхъ костюмовъ à la Valérie. Овдовѣвъ и состарившись, г-жа Крюденеръ ударилась въ мистику и піетизмъ. Въ 1806 г. мы видимъ ее въ качествѣ сестры милосердія въ Берлинѣ, гдѣ она сблизилась съ королевою Луизой. Въ Карлсруэ она познакомилась съ Гортензіей Богарнэ, женой Людовика Бонапарта, но отсюда она была удалена великимъ герцогомъ за свое странное поведеніе въ роли религіозной проповѣдницы. Послѣ паденія Наполеона она разными аллегоріями предсказала его возвращеніе, вторичное его царствованіе и окончательное низложеніе. Это сдѣлалось извѣстнымъ Александру I, и при личномъ свиданіи г-жа Крюденеръ произвела на него сильное впечатлѣніе. Они жили одновременно въ Гейдельбергѣ, а послѣ Ватерло—въ Парижѣ, вмѣстѣ молились, читали, бесѣдовали на религіозныя и политическія темы. Г-жа Крюднеръ стала придавать миссіи Александра религіозный характеръ, примѣняя къ нему выраженія изъ Апокалипсиса, называла его основателемъ тысячелѣтняго царства, ангеломъ мира и т. д. Какъ-разъ въ это-то время Александръ обдумывалъ планъ общаго союза государей и ей, какъ ближайшему своему другу, показалъ проектъ союза, на которомъ она и поставила заголовокъ „La Sainte Alliance“. Когда Александръ уѣхалъ въ Петербургъ, баронесса Крюденеръ поселилась въ Швейцаріи, гдѣ раздавала деньги бѣднымъ, миссіонерствовала, писала брошюры на темы христіанскаго соціализма, пока не была выпровожена черезъ Германію въ Россію. Здѣсь въ 1821 г. она заступалась передъ императоромъ за грековъ, возставшихъ противъ турецкаго деспотизма, но настроеніе Александра тогда уже кореннымъ образомъ измѣнилось.

Священный союзъ былъ заключенъ монархами Россіи, Австріи и Пруссіи въ Парижѣ 26 сентября 1815 г. По старому стилю въ этотъ день (14 сентября) празднуется Воздвиженіе креста Господня: Александръ I нарочно выбралъ именно этотъ день для подписанія договора, долженствовавшаго имѣть религіозное значеніе. Въ виду краткости этого акта и характерности самой его редакціи мы приводимъ здѣсь его цѣликомъ [1]).

---

[1]) Полное собраніе законовъ, № 25943. Французскій подлинникъ въ первой

„Во имя Пресвятой и Нераздѣлимой Троицы, Ихъ Величества, императоръ австрійскій, король прусскій и императоръ россійскій, вслѣдствіе великихъ происшествій, ознаменовавшихъ въ Европѣ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, наипаче же вслѣдствіе благодѣяній, которыя Божію Провидѣнію было угодно изліять на государства, коихъ правительства возложили свою надежду и упованіе на единаго Бога, восчувствовавъ внутреннее убѣжденіе въ томъ, сколь необходимо предлежащій державамъ образъ взаимныхъ отношеній подчинить высокимъ истинамъ, внушаемымъ закономъ Бога Спасителя, объявляютъ торжественно, что предметъ настоящаго акта есть открыть предъ лицемъ вселенныя ихъ непоколебимую рѣшимость, какъ въ управленіи ввѣренными имъ государствами, такъ и въ отношеніяхъ ко всѣмъ другимъ правительствамъ, руководствоваться не иными какими-либо правилами, какъ заповѣдями сея святыя вѣры, заповѣдями любви, правды и мира, которыя, отнюдь не ограничиваясь приложеніемъ ихъ къ частной жизни, долженствуютъ, напротивъ того, непосредственно управлять волею царей и водительствовать всѣми ихъ дѣяніями, яко единое средство, утверждающее человѣческія постановленія и возпаграждающія ихъ несовершенства.

„На семъ основаніи ихъ величества согласились въ слѣдующихъ статьяхъ:

„Статья I. Соотвѣтственно словамъ священныхъ писаній, повелѣвающихъ всѣмъ людямъ быть братьями, три договаривающіеся монарха пребудутъ соединены узами дѣйствительнаго и неразрывнаго братства и, почитая себя какъ бы единоземцами (compatriotes), они во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ станутъ подавать другъ другу пособіе, подкрѣпленіе и помощь (assistance, aide et secours); въ отношеніи же къ подданнымъ и войскамъ своимъ они, какъ отцы семействъ, будутъ управлять ими въ томъ же духѣ братства, которымъ они одушевлены, для охраненія вѣры, мира и правды (justice).

„Статья II. Посему единое преобладающее правило да будетъ, какъ между упомянутыми властями, такъ и подданными ихъ: приносить другъ другу услуги, оказывать взаимное доброжелательство и любовь, почитать всѣмъ себя какъ бы членами единаго народа христіанскаго, поелику три союзные государя почитаютъ себя аки поставленными отъ Провидѣнія (comme délégués par la Providence) для управленія тремя единаго семейства отраслями, а именно Австріею, Пруссіею и Россіею, исповѣдуя такимъ образомъ, что Самодержецъ (Souverain) народа христіанскаго, коего они и ихъ подданные соста-

---

части IV тома „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“ проф. Ѳ. Ѳ. Мартенса.

вляютъ часть, не иной подлинно есть, какъ Тотъ, Кому собственно принадлежитъ держава (la puissance), поелику въ Немъ единомъ обрѣтаются сокровища любви, вѣдѣнія и премудрости безконечныя, т.-е. Богъ, нашъ Божественный спаситель, Іисусъ Христосъ, Глаголъ (le Verbe) Всевышняго, Слово (la Parole) жизни. Соотвѣтственно съ симъ, ихъ величества съ нѣжнѣйшимъ попеченіемъ убѣждаютъ своихъ подданныхъ со дня на день утверждаться въ правилахъ и дѣятельномъ исполненіи обязанностей (de se fortifier chaque jour davantage dans les principes et l'exercice des devoirs), въ которыхъ наставилъ человѣковъ Божественный Спаситель, аки единственное средство наслаждаться миромъ, который истекаетъ отъ доброй совѣсти и который единъ проченъ.

„Статья III. Всѣ державы, желающія торжественно признать изложенныя въ семъ актѣ священныя правила (les principes sacrés), и кои почувствуютъ, коль нужно для счастья колеблемыхъ долгое время царствъ (des nations trop longtemps agitées), дабы истины сіи впредь содѣйствовали благу судебъ человѣческихъ, могутъ всеохотно и съ любовью быть приняты въ сей Священный союзъ.

„Написанъ втройнѣ и подписанъ въ Парижѣ, въ лѣто благодати 1815-ое 14 (26) сентября. — Францискъ. Фридрихъ-Вильгельмъ. Александръ".

Таковъ знаменитый документъ, получившій столь печальную извѣстность въ исторіи XIX в. Непохожій ни по содержанію своему, ни по формѣ на международные трактаты, онъ разсматривался впослѣдствіи спеціалистами дипломатіи и международнаго права съ разныхъ точекъ зрѣнія, и въ то время, когда одни спеціалисты не отказывали ему въ значеніи настоящаго трактата, другіе видѣли въ немъ, наоборотъ, лишь простую декларацію подписавшихъ его трехъ монарховъ. Меттернихъ въ своихъ мемуарахъ [1]) разсказываетъ, что Александръ I въ первый разъ говорилъ о заключеніи Священнаго союза лично съ Францемъ I и Фридрихомъ-Вильгельмомъ III. Ни тотъ, ни другой сначала не видѣли ничего хорошаго въ этой затѣѣ. Австрійскій императоръ, передавая Меттерниху собственноручный документъ Александра I, прямо объ этомъ и заявилъ своему министру. Прочитавъ рукопись, Меттернихъ тотчасъ же увидѣлъ въ ней лишь „филантропическую затѣю подъ покровомъ религіи", увидѣлъ, что въ ней нѣтъ предмета для заключенія трактата между государями и что, кромѣ того, въ документѣ были положенія, которыя „съ религіозной точки зрѣнія могли быть дурно истолкованы". Францъ I

[1]) Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'état, т. I, стр. 210—212.

велѣлъ Меттерниху поговорить объ этомъ дѣлѣ съ прусскимъ королемъ, но и Фридрихъ-Вильгельмъ III сказалъ, что предложеніе русскаго императора ему не нравится, прибавивъ, однако, что отвергнуть его было бы неудобно. Оба они нашли поэтому нужнымъ сдѣлать въ текстѣ нѣсколько измѣненій, но и съ измѣненіями, замѣчаетъ Меттернихъ, документъ не особенно былъ по вкусу Францу I. Затѣмъ въ качествѣ уполномоченнаго обоихъ монарховъ австрійскій дипломатъ отправился къ Александру I и съ большимъ трудомъ убѣдилъ его въ необходимости кое-что измѣнить въ проектѣ, а кое-что и совсѣмъ изъ него выкинуть. Между прочимъ онъ указывалъ на неблагопріятныя толкованія, коимъ должно будетъ подвергнуться „это, по меньшей мѣрѣ, безполезное предпріятіе“. Послѣ этого, несмотря на нерасположеніе свое къ проекту (malgré l'éloignement naturel que lui inspirait le projet), Францъ I подписалъ документъ. „Вотъ, говоритъ Меттернихъ, исторія Священнаго союза, который даже по мысли своего виновника долженъ былъ быть лишь простой моральной манифестаціей, а въ глазахъ другихъ двухъ государей, давшихъ свои подписи, не имѣлъ и этого значенія“. Меттернихъ рѣшается даже прибавить, будто „впослѣдствіи о Священномъ союзѣ никогда больше не заходило да и заходить не могло рѣчи между кабинетами“: „однѣ партіи, враждебныя государямъ, продолжаетъ онъ, лишь и ссылались на этотъ актъ, пользуясь имъ, какъ оружіемъ, для того, чтобы набросить тѣнь подозрѣнія и клеветы на самыя чистыя намѣренія своихъ противниковъ“. Меттернихъ утверждаетъ далѣе, что „Священный союзъ вовсе не былъ основанъ для того, чтобы ограничивать права народовъ и благопріятствовать абсолютизму и тиранніи въ какомъ бы то ни было видѣ. Этотъ союзъ, говоритъ онъ еще, былъ единственно выраженіемъ мистическихъ стремленій императора Александра и приложеніемъ къ политикѣ принциповъ христіанства. Мысль о Священномъ союзѣ возникла изъ смѣси либеральныхъ идей, религіозныхъ и политическихъ... Никто, заключаетъ Меттернихъ свой разсказъ, лучше меня не знаетъ всего того, что относится къ этому пустому и трескучему документу“ (ce monument vide et sonore). Тѣмъ не менѣе впослѣдствіи австрійскій министръ весьма искусно эксплуатировалъ этотъ „пустой и трескучій документъ“. Отчасти для того, чтобы сдѣлать удовольствіе Александру I, отчасти присоединяясь къ самой мысли, положенной въ основу акта, подъ нимъ подписались впослѣдствіи и другіе европейскіе государи (король французскій, король испанскій и т. п.); и только принцъ-регентъ англійскій, замѣнявшій съумасшедшаго Георга III, отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія формальнымъ образомъ примкнуть къ союзу, указавъ на то, что договоръ былъ заключенъ прямо государями и ими же подписанъ, тогда какъ

британская конституція требуетъ, чтобы трактаты были подписаны отвѣтственными министрами. Это, впрочемъ, не помѣшало и англійской политикѣ того времени быть реакціонною—въ духѣ Священнаго союза. Уклонился отъ подписанія документа и папа, заявивъ, что ему нечего присоединяться къ принципамъ, которые онъ всегда признавалъ. За этими исключеніями Священный союзъ былъ признанъ всѣми государствами, даже Швейцаріей и нѣмецкими вольными городами. Только одинъ турецкій султанъ, какъ государь не христіанскій, не былъ допущенъ въ члены союза.

Такой успѣхъ идей, положенныхъ въ основу Священнаго союза, объясняется тѣмъ, что само содержаніе этого акта какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало настроенію тогдашнихъ правительствъ. Собственно говоря, содержаніе документа, составленнаго Александромъ I, отличалось крайнею неопредѣленностью и было настолько растяжимо, что практическіе выводы изъ него можно было дѣлать разные, но въ то же время общій духъ документа благопріятствовалъ именно стремленіямъ реакціи. Въ актѣ Священнаго союза мы видимъ полнѣйшее смѣшеніе идей, относящихся въ сущности къ разнымъ категоріямъ—религіи, морали, права и политики, но во всякомъ случаѣ религія и мораль вытѣсняютъ право и политику изъ тѣхъ отношеній, гдѣ послѣднія должны были бы собою все опредѣлять. Документъ исходилъ изъ легитимистическаго принципа о божественномъ происхожденіи власти государей и дѣлалъ отсюда выводъ, что между государями и народами отношенія должны быть чисто патріархальныя: одни должны управлять въ духѣ „религіи, мира и справедливости“, а другимъ остается лишь повиноваться, такъ какъ о правахъ подданныхъ документъ совсѣмъ умалчивалъ. Съ другой стороны, международный союзъ въ этомъ актѣ разсматривался, какъ одна и та же христіанская нація, т. е. возобновлялась чисто средневѣковая точка зрѣнія, созданная папскимъ католицизмомъ, причемъ государи за себя и за свои народы обѣщали другъ другу помощь и поддержку. Документъ, однако, не опредѣлялъ точнымъ образомъ, когда и какимъ образомъ они должны исполнять свои союзныя обязанности, касающіяся помощи и поддержки, а это умолчаніе открывало возможность толкованія акта въ томъ смыслѣ, что помощь и поддержка обязательны во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда подданные начнутъ отказывать въ повиновеніи своимъ законнымъ государямъ. Практическое примѣненіе Священнаго союза было именно таково; это какъ нельзя яснѣе формулировалъ самъ же его виновникъ, Александръ I, въ разговорѣ своемъ съ французскимъ уполномоченнымъ на веронскомъ конгрессѣ, Шатобріаномъ. „Я, сказалъ ему русскій императоръ, покидаю дѣло Греціи потому, что усмотрѣлъ въ войнѣ грековъ революціонный признакъ времени. Что бы

ни дѣлали для того, лишь бы стѣснить Священный союзъ въ его дѣятельности и заподозрить его цѣли, я отъ него не отступлюсь. У каждаго есть право на самозащиту, и это право должны имѣть также и монархи противъ тайныхъ обществъ; я долженъ защищать религію, мораль и справедливость". Въ этомъ заявленіи уже ясно проглядываетъ основная мысль эпохи—мысль о борьбѣ съ революціей подъ знаменемъ легитимизма, ибо, разсматривая распрю между христіанами-греками и ихъ государемъ, принадлежавшемъ къ религіи, враждебной христіанству, какъ бунтъ мятежныхъ подданныхъ противъ своего законнаго монарха, Александръ I уже совершенно упускалъ изъ виду христіанскій характеръ Священнаго союза и имѣлъ въ виду лишь необходимость подавленія революціи, каково бы ни было ея происхожденіе. Такимъ образомъ, если въ намѣренія Александра I и г-жи Крюденеръ въ 1815 г. вовсе не входило создать международный союзъ для противодѣйствія политической свободѣ, то созданный по ихъ мысли Священный союзъ въ концѣ концовъ всетаки сдѣлался главнымъ орудіемъ общеевропейской реакціи противъ стремленія народовъ къ свободнымъ политическимъ формамъ.

Для международной реакціи найденъ былъ и принципъ—поддержаніе легитимныхъ правительствъ. Этотъ принципъ уже примѣнялся на вѣнскомъ конгрессѣ, хотя и съ значительными отступленіями въ пользу другого принципа, а именно политическаго равновѣсія [1]), идеей коего жила дипломатія XVIII в. Первымъ защитниковъ начала легитимизма явился на вѣнскомъ конгрессѣ французскій уполномоченный, Талейранъ. Онъ рекомендовалъ именно „поставить, какъ основаніе будущаго спокойствія Европы, принципы, которые одни только могли обезпечить внутреннее спокойствіе державъ и воспрепятствовать въ сношеніяхъ между державами тому, чтобы послѣднія не находились исключительно подъ господствомъ силы". Для этого онъ находилъ нужнымъ „освятить принципъ законности правительствъ", ибо, доказывалъ онъ, „лишь легитимныя правительства могутъ быть прочными, незаконныя же, имѣя поддержку только въ силѣ, падаютъ сами собою, какъ только исчезаетъ эта поддержка, предоставляя націи на жертву революціямъ".—„Всякое легитимное право, писалъ онъ въ своей нотѣ къ Меттерниху, должно быть сдѣлано священнымъ, всякое же честолюбіе или несправедливое предпріятіе должно найти свое осужденіе и вѣчное препятствіе къ своему осуществленію въ выраженномъ признаніи и въ формальной гарантіи тѣхъ самыхъ принциповъ, долгимъ и печальнымъ забвеніемъ которыхъ была революція". Вѣнскій конгрессъ, однако, не руководился чистымъ принципомъ ле-

[1]) См. выше, стр. 240 и слѣд.

гитимизма, ибо во многихъ отношеніяхъ онъ дѣйствовалъ на основаніи права завоеванія, но особенно на основаніи политическаго равновѣсія, стремясь упрочить миръ искуснымъ распредѣленіемъ силъ между европейскими государствами. Но если державы не руководствовались на вѣнскомъ конгрессѣ однимъ принципомъ легитимизма, то послѣ того, какъ территоріи были окончательно перераспредѣлены между ними, этотъ принципъ, дѣйствительно, дѣлается уже руководящимъ, актъ же Священнаго союза далъ ему впервые своеобразную санкцію. Если первая реставрація Бурбоновъ во Франціи имѣла еще нѣкоторое подобіе свободнаго призванія Людовика XVIII французской націи, то вторая реставрація была совершена союзниками уже прямо во имя принципа легитимизма. Съ теченіемъ времени принципъ этотъ дѣлалъ все большіе и большіе успѣхи, пока наконецъ не выработались теорія и практика насильственной поддержки существующаго порядка во всей Европѣ отъ имени международнаго союза, въ которомъ по теоріи должны были участвовать всѣ государства.

Въ программу этого союза съ самаго начала входили періодическіе конгрессы. 20 ноября 1815 г. четыре державы, игравшія наиболѣе видную роль въ низложеніи Наполеона, Австрія, Англія, Пруссія и Россія, заключили договоръ, въ силу коего, предвидя возможность во Франціи новой революціи, которая сдѣлалась бы опасною и для внутренняго спокойствія всей Европы, обязывались оставаться въ союзѣ и послѣ выведенія ихъ войскъ изъ Франціи и „возобновлять въ опредѣленные сроки собранія для разсмотрѣнія общихъ дѣлъ и мѣръ, каковыя въ каждый данный моментъ были бы признаны наиболѣе благодѣтельными для спокойствія и благосостоянія народовъ и мира всей Европы“. Этимъ договоромъ Франція была, такъ сказать, взята подъ опеку Священнаго союза. Между тѣмъ уже въ 1817 г. испанскій король Фердинандъ VII просилъ у Священнаго союза помощи противъ возмутившихся испанскихъ колоній въ Америкѣ, а въ началѣ 1818 г. Александръ I приглашалъ другія державы принять коллективныя мѣры противъ этихъ колоній, причемъ русскій посланникъ при мадридскомъ дворѣ смотрѣлъ сквозь пальцы на всѣ неистовства испанской реакціи, хотя въ то же самое время въ другихъ странахъ, къ неудовольствію Австріи, Пруссіи и даже Англіи, русское правительство поддерживало еще либеральныя стремленія. Реакціонные министры Австріи, Англіи и Пруссіи въ это время старались дѣйствовать на Александра I, чтобы склонить его на свою сторону, тѣмъ болѣе, что въ Германіи не улеглось еще движеніе, вызванное войной 1813 г. [1]), и кромѣ того, въ серединѣ 1818 г. братъ Людовика XVIII

[1]) О вартбургскомъ праздникѣ 1817 г. см. въ слѣдующей главѣ.

и его наслѣдникъ графъ д'Артуа, прислалъ русскому императору секретную ноту, въ коей представлялъ Францію чуть не наканунѣ новой революціи. Осенью 1818 г. собрался конгрессъ въ Ахенѣ, на которомъ четверной союзъ (Австрія, Англія, Пруссія и Россія) рѣшилъ очистить французскую территорію отъ иностранной оккупаціи и принять Францію, какъ пятую великую державу, въ свой союзъ. Такъ образовалась знаменитая пентархія, которая отнынѣ—въ случаѣ внутренняго согласія, конечно,—имѣла полную возможность навязывать свою волю второстепеннымъ государствамъ, хотя въ составленномъ на конгрессѣ протоколѣ (15 ноября) и было сказано, что названныя державы никогда не станутъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, если на то не будетъ формальнаго приглашенія со стороны заинтересованнаго государства. Въ особой декларації великія державы, кромѣ того, заявляли во всеобщее свѣдѣніе, что всѣ усилія соединенныхъ между собою монарховъ будутъ клониться лишь къ тому, чтобы содѣйствовать миру и внутреннему благосостоянію государствъ и „пробужденію религіозныхъ и моральныхъ чувствъ, власть коихъ была значительно ослаблена бѣдствіями послѣднихъ временъ". Генцъ, эта правая рука Меттерниха [1]), игравшій роль секретаря конгресса, очень хорошо выразилъ общій характеръ совѣщаній въ слѣдующихъ строкахъ: „здѣсь вовсе не поднимались вопросы ни о формахъ правленія, ни о представительной системѣ, ни о поддержкѣ или измѣненіи дворянскихъ привилегій, ни о свободѣ печати, ни о чемъ такомъ, что касается интересовъ религіи. Всѣ старательно избѣгали того, чтобы дать пищу злорадательству или нескромности, включая въ документы признанія или заявленія, которыя каждый хранилъ въ глубинѣ души, но провозглашеніе которыхъ могло бы вызвать неумѣстныя толкованія или враждебныя нападки. Сдѣлали гораздо лучше. Государи (австрійскій, прусскій и русскій) и ихъ министры поняли то, что имъ подсказывалъ ихъ общій интересъ. Они живо почувствовали необходимость взаимнаго довѣрія и болѣе тѣснаго соглашенія, чѣмъ то, какое могли бы установить договоры; они пожертвовали второстепенными интересами и заставили умолкнуть всѣ другія соображенія передъ высшимъ долгомъ—предохранить власть отъ крушенія, спасая народы отъ ихъ же собственныхъ заблужденій. Не заключая лишнихъ обязательствъ, они вполнѣ и совершенно сошлись на томъ, какъ дѣйствовать во время бури". Событія двадцатыхъ годовъ показали, что Генцъ вѣрно понялъ значеніе аѳенскаго конгресса [2]).

Мы не станемъ говорить здѣсь о событіяхъ 1819 г. въ Герма-

---

[1]) См. выше, стр. 311.

[2]) De Pradt. L'Europe après le congrès d'Aix-la-Chapelle.

ніи, подавшихъ поводъ къ сильной репрессіи противъ всякаго либерализма въ этой странѣ и усилившихъ реакціонную политику Священнаго союза [1]), и остановимся лишь на южно-романскихъ революціяхъ и на конгрессахъ, созывавшихся для рѣшенія вопроса объ этихъ революціяхъ.

Посмотримъ прежде всего, какія причины вызвали политическія смуты на Пиренейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Вопросъ этотъ не представляетъ большихъ трудностей, такъ какъ совершенно ясно, что означенныя революціи были не чѣмъ инымъ, какъ прямыми слѣдствіями крайностей той реакціи, которая произошла въ Испаніи и Италіи послѣ возстановленія старыхъ отношеній.

Война съ французами въ Испаніи продолжалась до самаго паденія имперіи Наполеона съ переиѣннымъ счастьемъ для обѣихъ сторонъ. Въ самой испанской націи образовалось въ это время двѣ партіи: либеральная и реакціонная („раболѣпная"), и между ними началась борьба. Послѣ того какъ либералы взяли верхъ и составили конституцію 1812 г. [2]), духовенство стало въ самыя враждебныя отношенія къ либераламъ, стараясь поселить въ народѣ недовѣріе къ ихъ конституціи. Правительство Іосифа Бонапарта упразднило въ Испаніи монастыри, а либеральные кортесы не только не думали ихъ возстановлять, но уничтожили еще нѣкоторые налоги, произвольно установленные духовенствомъ въ свою пользу. Инквизиція точно также была упразднена Наполеономъ, и кортесы не сочли нужнымъ ее возстановить. На почвѣ этихъ вопросовъ между либералами и „сервилами" возникли раздоры, грозившіе перейти въ общее междоусобіе. Герцогъ Веллингтонъ, явившійся съ англійскимъ войскомъ для оказанія помощи испанцамъ и одно время имѣвшій значительный успѣхъ, поддерживалъ либераловъ, но въ то же время предсказывалъ, что послѣ освобожденія Испаніи отъ чужеземной власти новая конституція едва ли доставитъ странѣ внутренній миръ: слишкомъ уже рѣзко стояли другъ противъ друга двѣ партіи, изъ коихъ одна стремилась къ возстановленію всѣхъ старыхъ порядковъ, а другая съ чисто-якобинскимъ фанатизмомъ хотѣла утвердить, наоборотъ, господство новыхъ политическихъ и общественныхъ принциповъ. Внутренняя борьба все болѣе и болѣе обострялась, и въ началѣ 1814 г., когда происходили выборы въ кортесы, та страстность, съ какою враждебныя партіи въ газетахъ и на собраніяхъ нападали одна на другую, предвѣщала еще новыя потрясенія. Между тѣмъ Веллингтонъ одержалъ побѣду надъ французами и даже вторгся

---

[1]) Убіеніе Коцебу и карлсбадскія постановленія, о чемъ см. въ слѣдующей главѣ.

[2]) См. выше, стр. 166—169.

въ южную Францію. Наполеонъ отпустилъ тогда Фердинанда VII изъ плѣна [1]), и законный король Испаніи вернулся въ свое королевство, освободившееся наконецъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отчаяннаго сопротивленія французамъ отъ иноземнаго владычества. Вступая на испанскую территорію, Фердинандъ VII обратился къ регентству съ письмомъ, въ коемъ обѣщалъ признать все, что сдѣлано было кортесами, какъ согласное яко-бы и съ его намѣреніями. Либералы были въ восторгѣ отъ такого заявленія и вездѣ по пути короля устраивали ему торжественные народные праздники. Абсолютисты и клерикалы, наоборотъ, пустили въ ходъ всѣ, какія у нихъ были, средства, чтобы убѣдить короля въ необходимости отмѣнить конституцію 1812 г. и съ нею другія нечестивыя и вредныя распоряженія „враговъ религіи и отечества“. Они указывали Фердинанду VII на то, что и народъ, и войско также желаютъ возстановленія старыхъ порядковъ въ государствѣ и церкви. Еще по дорогѣ въ столицу, въ Валенсіи, 4 мая 1814 г. король издалъ манифестъ, коимъ закрывалъ засѣданія кортесовъ, собравшихся въ Мадридѣ, и объявлялъ декреты кортесовъ недѣйствительными, какъ изданные небольшою партіей, насильно захватившею власть, но вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ ввести новую, болѣе умѣренную конституцію. Наканунѣ своего въѣзда въ Мадридъ онъ даже велѣлъ арестовать около тридцати наиболѣе видныхъ либераловъ, а затѣмъ составилъ министерство изъ самыхъ крайнихъ реакціонеровъ. Громадное большинство испанской націи съ восторгомъ привѣтствовало возстановленіе абсолютизма. Либералы повсемѣстно стали подвергаться насмѣшкамъ, оскорбленіямъ и угрозамъ, тѣмъ болѣе, что духовенство старалось представить либераловъ, какъ сторонниковъ французскихъ нечестивыхъ идей, какъ враговъ вѣры и отечества. Фердинандъ VII окончательно убѣдился въ томъ, что ничто ему не можетъ помѣшать въ полной реставраціи старины, и не обращалъ вниманія на предостереженія англійскаго правительства, совѣтовавшаго ему быть осмотрительнымъ и сдержаннымъ. Въ Испаніи началась полная реакція. Духовенству и дворянству были возвращены прежнія ихъ привилегіи съ изъятіемъ отъ налоговъ. Монастыри и инквизиція были возстановлены на прежнихъ основаніяхъ, и іезуитамъ былъ открытъ доступъ въ страну. Всѣ реформы, совершенныя французами и кортесами, при этомъ, конечно, отмѣнялись, а на виновниковъ этихъ реформъ, на всѣхъ, состоявшихъ на службѣ у Іосифа Бонапарта или державшихъ сторону либеральныхъ кортесовъ, какъ на „офранцуженныхъ“ (afrancesados) воздвигнуто было страшное гоненіе. Великое множество либераловъ было заключено въ тюрьмы, гдѣ ихъ подвергали пыткамъ и истязаніямъ; начались казни либераловъ иногда цѣ-

[1]) См. выше, стр. 151 и 241.

лыми десятками за одинъ разъ; имѣнія заключенныхъ и казненныхъ конфисковались. Кто только могъ, спасался бѣгствомъ за границу. Другіе въ отчаяніи бросались на путь заговоровъ и возстаній, но заговоры открывались, попытки возстаній подавлялись, виновниковъ казнили, и все это лишь усиливало жестокость реакціи. Съ другой стороны, правительство всячески награждало ренегатство, и подъ вліяніемъ страха передъ шпіонствомъ, доносами, домашними обысками, арестами, политическими процессами, тюрьмами и казнями многіе либералы перешли тогда на сторону реакціи и стали доказывать свою преданность королю особымъ усердіемъ въ дѣлѣ подавленія либерализма. Фердинандъ VII, преданный грубой чувственности и вполнѣ опутанный своими придворными совѣтниками, проявилъ въ это время всю жестокость своего нрава. Иностранные послы не переставали совѣтовать ему большую умѣренность, но онъ очень хорошо понималъ, что соперничество державъ изъ-за исключительнаго вліянія при мадридскомъ дворѣ не дозволитъ имъ принять какія-либо коллективныя мѣры, и онъ не ошибался. Напр., въ то самое время, какъ посланники Россіи въ Германіи и Италіи поддерживали еще либеральные принципы, русскій посланникъ при Фердинандѣ VII, исполняя предписанія Александра I, сильно желавшаго имѣть Испанію на своей сторонѣ, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на то, что дѣлалось тогда испанскимъ правительствомъ. Между тѣмъ новые правители Испаніи заботились только объ искорененіи либерализма и о возстановленіи старины. Все остальное было въ крайнемъ упадкѣ и разстройствѣ—и администрація, и финансы, и армія, и судебная часть, и народное образованіе, и промышленность, и торговля. Тяжесть реакціоннаго режима все болѣе и болѣе давала себя чувствовать, и первыя неудачи заговоровъ и возстаній не охладили надеждъ на то, что лишь тайныя общества [1]), опирающіяся на недовольную армію, будутъ въ состояніи освободить Испанію отъ клерикальной и абсолютистической тиранніи.

Реакція совершалась и въ Португаліи. Во время наполеоновскихъ войнъ браганцская династія покинула Лиссабонъ и поселилась въ Бразиліи [2]), гдѣ и осталась послѣ того, какъ въ Португаліи были возстановлены ея права. Португальцы были очень недовольны тѣмъ, что ихъ король, живя въ Бразиліи, какъ бы превратилъ тѣмъ самымъ ихъ королевство въ провинцію, зависящую отъ колоніи, и что лиссабонское регентство должно было во всемъ подчиняться англійскому

---

[1]) Замѣтимъ вообще, что въ эпоху реставраціи повсюду были очень распространены тайныя общества. De la Hodde. Histoire des sociétés secrètes.— Duchamp. Les sociétés secrètes et la société.

[2]) См. выше, стр. 149—150.

главнокомандующему, лорду Бересфорду, собственно говоря, на самомъ дѣлѣ и управлявшему королевствомъ. Поэтому и въ Португаліи образовалась либеральная партія, стремившаяся путемъ тайной организаціи и пропаганды подготовить возстаніе противъ англичанъ и введеніе свободныхъ учрежденій. Эта партія нашла успѣхъ и въ арміи, и когда нѣсколько португальскихъ полковъ отказались отправиться по зову короля въ Бразилію, лордъ-намѣстникъ рѣшился положить конецъ замысламъ либераловъ. Въ данномъ случаѣ онъ получилъ поддержку со стороны духовенства, которое всячески вооружало народъ противъ либераловъ („масоновъ"). Между прочимъ, при помощи регентства оно распространяло въ массахъ населенія катехизисъ, доказывавшій необходимость абсолютизма и инквизиціи. Въ 1817 г. было совершено въ Португаліи нѣсколько казней, а въ 1818 г. изданы законы противъ политическихъ клубовъ, тайныхъ обществъ и какой бы то ни было либеральной агитаціи въ рѣчахъ, въ печати и т. п. Но недовольство росло, а тайныя общества не прекращали своей дѣятельности, расчитывая, какъ и въ Испаніи, главнымъ образомъ на броженіе, происходившее въ арміи.

Аналогичныя явленія представляетъ намъ и внутренняя жизнь Италіи. Отдѣльныя части послѣдней подверглись гораздо бо́льшему еще дѣйствію французской революціи и наполеоновскаго режима [1]), чѣмъ государства Пиренейскаго полуострова. Здѣсь подъ вліяніемъ всѣхъ перемѣнъ, какимъ подвергался Апеннинскій полуостровъ, возникла даже мысль объ объединеніи всей Италіи въ одно королевство. Идея эта имѣла многочисленныхъ приверженцевъ особенно среди молодежи, служившей подъ знаменами Наполеона, и между членами тайнаго общества „угольщиковъ" или карбонаріевъ [2]). Можно было думать, что Наполеонъ, назвавъ своего сына „королемъ римскимъ", предполагалъ превращеніе всей Италіи въ отдѣльное королевство. Зять Наполеона, Мюратъ, царствовавшій въ Неаполѣ, былъ этимъ очень недоволенъ и въ эпоху паденія имперіи вступилъ въ сношенія съ врагами своего шурина, надѣясь при ихъ содѣйствіи осуществить въ свою пользу мысль объ единомъ итальянскомъ государствѣ. Извѣстно, что это ему не удалось. Въ 1814 г. въ большой части Италіи совершилась реставрація легитимныхъ династій, и самое существованіе Мюрата въ качествѣ короля Неаполя подверглось сомнѣнію. Въ 1815 г. въ эпоху „ста дней" онъ сдѣлалъ новую попытку образованія единой и конституціонной Италіи, но потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ бѣжать сначала въ южную

---

[1]) См. выше, стр. 15, 23—24, 26—28, 139, 141, 144—145, 153, 163, 164—165.

[2]) Кромѣ соч., указанныхъ выше (стр. 324), см. Sainte-Edme. Constitution et organisation des carbonari.—Charles Nô. Les carbonari.

Францію, потомъ на островъ Корсику. Въ Неаполѣ австрійцы возстановили Фердинанда IV, но Мюратъ все еще надѣялся на возвращеніе къ власти. Осенью 1815 г. онъ сдѣлалъ дерзкую попытку снова овладѣть короной, но былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ [1]). Неаполитанское правительство, вступивъ на путь реакціи, скоро навлекло на себя своимъ деспотизмомъ ненависть патріотовъ, которые въ Мюратѣ, наоборотъ, стали видѣть мученика за идею единой и свободной Италіи, все болѣе и болѣе входившую теперь въ сознаніе образованныхъ классовъ общества. Вѣнскій конгрессъ утвердилъ реставрацію легитимныхъ династій въ Италіи и, собственно говоря, предалъ весь полуостровъ въ руки Австріи [2]), а послѣдняя поставила своей задачей всячески препятствовать проявленію во всей Италіи національныхъ и конституціонныхъ стремленій. Въ Ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ, присоединенномъ къ Австріи, французскіе учрежденія и порядки были замѣнены австрійскими и управленіе ввѣрено было нѣмецкимъ чиновникамъ, причемъ вся общественная жизнь была подчинена строгому полицейскому надзору, а печать — самой реакціонной цензурѣ. Австрійская система управленія распространилась и на другія итальянскія государства, какъ-то Тоскану, Парму, Модену и Церковную область. Но особенно интересно бросить взглядъ на реакцію въ королевствахъ Неаполитанскомъ и Сардинскомъ, гдѣ въ началѣ двадцатыхъ годовъ и произошли революціонныя движенія.

Французы дважды свергали Фердинанда IV съ престола. Въ первый разъ это случилось въ 1799 г., когда Неаполь былъ превращенъ въ Партенопейскую республику, но тогда французское господство было кратковременно, и вернувшіеся въ томъ же году Бурбоны начали жестокую реакцію противъ всего, что произошло за время ихъ отсутствія [3]). Потомъ королевство было снова завоевано французами и получило короля изъ рукъ Наполеона, сначала въ лицѣ его брата Іосифа, затѣмъ въ лицѣ Мюрата. За весь періодъ этого второго французскаго владычества въ Неаполѣ Фердинандъ VII жилъ въ Сициліи подъ защитой англійскаго флота. Здѣсь онъ также началъ вооружать противъ себя населеніе самыми дикими мѣрами, направленными противъ возможности измѣны, но англійскій посланникъ и начальникъ всѣхъ англійскихъ гарнизоновъ въ сицилійскихъ городахъ, лордъ Бентинкъ, настоялъ на отмѣнѣ произвольныхъ мѣръ и на созваніи государственныхъ чиновъ, которые выработали бы новую конституцію. Фердинанду IV пришлось подчиниться, и въ 1812 г. Сицилія полу-

---

[1]) Объ этомъ см. соч. Helfert'a указанное на стр. 227.

[2]) См. выше, стр. 241—242.

[3]) См. выше, стр. 138.

чила новую конституцію, составленную по образцу англійской и утвержденную сыномъ короля Франческо, коему по настоянію Бентинка король передалъ власть яко-бы вслѣдствіе своего нездоровья. Въ 1815 г. Фердинандъ IV вернулся въ Неаполь, принявъ старый титулъ короля Обѣихъ Сицилій, который и былъ признанъ за нимъ вѣнскимъ конгрессомъ. Своей задачей онъ поставилъ слить воедино Неаполь и Сицилію, до того времени управлявшіеся отдѣльно, и въ качествѣ монарха объединеннаго королевства сталъ титуловаться, какъ Фердинандъ I. Вмѣстѣ съ этимъ онъ заключилъ формальный договоръ съ Австріей, коимъ обязывался не допускать у себя порядковъ, несогласныхъ съ основными принципами неограниченной монархіи или съ началами, положенными въ основу управленія итальянскихъ провинцій Австріи. Поэтому во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Фердинандъ I руководствовался указаніями изъ Вѣны, и съ отмѣной сицилійскаго парламента въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій водворился настоящій абсолютизмъ, во всемъ копировавшій австрійскіе образцы. Такъ какъ мстительная супруга Фердинанда I, королева Каролина [1]) умерла еще въ 1814 г., а самъ король не отличался личною жестокостью, то на первыхъ порахъ реакція въ Неаполѣ не принимала еще крайняго характера. Можно даже сказать, что король, подражая въ этомъ отношеніи Людовику XVIII, сдерживалъ рвеніе дворянства и духовенства въ ихъ стремленіи къ реставраціи старины. Отчасти дѣйствовалъ тутъ и страхъ передъ новой революціей, особенно въ виду дерзкой попытки Мюрата: и благоразуміе предписывало нѣкоторую осторожность. Мало-по-малу, однако, и здѣсь реакція приняла такой же характеръ, какъ и въ остальныхъ частяхъ Италіи. Въ 1818 г., въ силу конкордата съ папой, Фердинандъ I отмѣнилъ всѣ церковныя реформы, произведенныя французами, болѣе чѣмъ удвоилъ число епископовъ, возстановилъ монастыри, ввелъ снова духовные суды и духовную цензуру и т. п. Съ другой стороны, правительство съ большимъ недовѣріемъ относилось ко всѣмъ офицерамъ и чиновникамъ, служившимъ Мюрату, и очень многихъ увольнило въ отставку. Какъ и въ другихъ южно-романскихъ государствахъ, и въ Неаполѣ реакція совершенно разстроила администрацію, судопроизводство и финансы страны, чѣмъ возбудила противъ правительства населеніе, охотно уходившее въ шайки бандитовъ, которыя особенно усилились въ это время. Недовольные элементы общества все болѣе и болѣе примыкали теперь къ тайной организаціи карбонаріевъ, старавшейся пропагандировать свои идеи о просвѣщеніи и свободѣ особенно среди недовольной арміи.—Произошла реакція и въ Сардинскомъ королевствѣ, король которой послѣ присоединенія Пьемонта къ Франціи, до

[1]) Ср. стр. 150.

1814 г. проживалъ на островѣ Сардиніи, получая пенсію отъ англійскаго правительства. Едва онъ вернулся въ Туринъ, какъ и самъ онъ, и мѣстное дворянство начали уничтожать слѣды французскаго господства и возстановлять старину, какъ-будто Пьемонтъ 1814 г. долженъ былъ быть такимъ, какимъ Викторъ-Эммануилъ его оставилъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Здѣсь дѣло доходило даже до того, что отмѣнялись рѣшенія судовъ, постановленныя во время отсутствія короля, и объявлялись незаконными браки, заключенные по кодексу Наполеона. Кромѣ того, предписывалось, наприм., носить платье прежняго покроя; рѣшено было не исправлять дорогъ, проложенныхъ французами; хотѣли-было разрушить мостъ черезъ По, построенный по повелѣнію Наполеона; ботаническій садъ, заведенный французами въ Туринѣ, былъ прямо уничтоженъ; преподаватели учебныхъ заведеній, назначенные французскимъ правительствомъ, увольнялись. Во главѣ этой реакціи стояли духовенство и эмигранты, требовавшіе возвращенія всѣхъ конфискованныхъ у нихъ имѣній. Само австрійское правительство совѣтовало Виктору-Эммануилу умѣрить пылъ своихъ совѣтниковъ: реакція хватала черезъ край даже въ глазахъ Меттерниха. Среди населенія такія мѣры вызывали сильное неудовольствіе, тѣмъ болѣе, что, благодаря сосѣдству съ Франціей и долговременному нахожденію подъ ея властью, Пьемонтъ болѣе другихъ частей Италіи подчинялся дѣйствію новыхъ идей, происходившихъ изъ Франціи. Онѣ были весьма сильны преимущественно среди офицеровъ, служившихъ подъ знаменами Наполеона, и въ учащейся молодежи. На сторону либераловъ склонялся и предполагаемый наслѣдникъ престола принцъ Кариньянскій, родственникъ короля, не имѣвшаго, равно какъ и братъ его, мужского потомства; въ виду свободныхъ идей принца, реакціонеры думали уже объ измѣненіи закона о престолонаслѣдіи въ пользу моденскаго герцога, бывшаго зятемъ Виктора-Эммануила.

Такимъ образомъ и на Пиренейскомъ, и на Апеннинскомъ полуостровахъ съ 1814 г. совершилась абсолютистическая и клерикально-аристократическая реакція подъ знаменемъ легитимизма. Своей жестокостью повсюду она вооружила противъ себя либеральные круги общества, а неумѣлое хозяйничанье реакціонеровъ весьма скоро привело въ полное разстройство всѣ внутреннія дѣла, что стало тяжело отзываться и на народныхъ массахъ. Въ числѣ недовольныхъ повсемѣстно была и армія: на нее особенно стали расчитывать тайныя общества, которыя начали организоваться болѣе или менѣе повсемѣстно съ цѣлью произведенія государственныхъ переворотовъ. Нужно, однако, замѣтить, что народныя массы, особенно сельское населеніе, находилась подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства, а потому въ немъ либералы не находили достаточной поддержки.

Въ 1820 и 1821 г. на Пиренейскомъ и Апенинскомъ полуостро-

вахъ послѣдовалъ цѣлый рядъ революцій: въ январѣ 1820 г.—въ Испаніи, въ іюлѣ того же года—въ Неаполѣ, а также и въ Сициліи; въ августѣ—въ Португаліи, наконецъ, въ мартѣ слѣдующаго года—въ Пьемонтѣ.

Дѣло началось въ Испаніи. Мы уже упоминали, что испанскія колоніи въ южной Америкѣ проявили стремленіе къ независимости. Въ 1808—1814 гг. онѣ не хотѣли признавать ни Іосифа Бонапарта, ни кортесовъ, а когда произошла реставрація Фердинанда VII, то не пожелали вернуться и въ прежнее положеніе по отношенію къ метрополіи. Фердинандъ VII расчитывалъ на то, что ему поможетъ усмирить мятежныя колоніи Священный союзъ, и Александръ I склонялся къ этой мысли [1]); на ахенскомъ конгрессѣ даже заходила рѣчь объ опасности, какую представляли для монархическаго принципа политическія движенія въ американскихъ колоніяхъ, принявшія прямо республиканское направленіе. Въ 1819 г. испанское правительство рѣшилось наконецъ предпринять экспедицію въ южную Америку и съ этою цѣлью стянуло армію къ Кадиксу, гдѣ сосредоточенъ былъ и флотъ, который долженъ былъ отвести ее въ Новый Свѣтъ. Армія, плохо получавшая жалованье и не особенно охотно смотрѣвшая на предполагавшуюся экспедицію, была очень недовольна, а политическіе агитаторы, воспользовавшись тѣмъ, что отправленіе кораблей замедлилось вслѣдствіе нѣкоторыхъ неисправностей, начали дѣятельно привлекать на свою сторону офицеровъ съ цѣлью составленія заговора. Во главѣ задуманнаго предпріятія стали двое военныхъ—Рафаель Ріего и Антоніо Квирога, но заговоръ былъ открытъ, и Квирога взятъ былъ подъ стражу. Тогда Ріего рѣшился дѣйствовать одинъ. 1 января 1820 г. онъ собралъ свой отрядъ, прочиталъ ему конституцію 1812 г. и потребовалъ, чтобы солдаты принесли присягу на вѣрность этому основному закону государства. Затѣмъ онъ арестовалъ главнокомандующаго со всѣмъ его генеральнымъ штабомъ и освободилъ Квирогу, который послѣ этого и принялъ на себя главное начальство. Инсургенты обратились къ народу съ манифестами отъ имени „національной арміи“, приглашая его свергнуть иго деспотизма и ввести конституцію, но народъ сначала не принималъ никакого участія въ возстаніи, и „пронунсіаменто“ получило быстрый успѣхъ только въ однихъ войскахъ. При помощи арміи либералы стали повсюду устраивать конституціонныя хунты (союзы), захватывавшія власть въ отдѣльныхъ городахъ, прогонявшія прежнихъ чиновниковъ и выпускавшія на свободу заключенныхъ въ тюрьмахъ инквизиціи. Правительство совершенно растерялось. Когда и въ столицѣ обнаружилось волненіе умовъ, Фердинандъ VII выну-

[1]) См. выше, стр. 320.

женъ былъ присягнуть конституціи 1812 г. и замѣнить придворныхъ и духовныхъ на всѣхъ важнѣйшихъ должностяхъ либералами. 9 іюля собрались въ Мадридѣ кортесы, въ коихъ немедленно образовалась радикальная партія, получившая названіе экзальтированной (exaltados): ея образцомъ были якобинцы, и она рѣшилась прямо дѣйствовать крайними средствами. Въ первый же годъ революціи была уничтожена инквизиція,—дворецъ которой въ Мадридѣ былъ разрушенъ самимъ народомъ,—были опять уничтожены и монастыри, причемъ ихъ имуществами завладѣло государство, была ограничена компетенція епископскихъ судовъ, исчезли старыя аристократическія привилегіи и т. п. Фердинандъ VII разыгрывалъ роль конституціоннаго короля, въ глубинѣ души ненавидя и конституцію, и всѣ декреты, изданные кортесами, и самихъ либераловъ, какъ экзальтированныхъ, такъ и умѣренныхъ (moderados). Но противъ революціи мало-по-малу образовалось противодѣйствіе, во главѣ коего стало духовенство. Оно объявило вѣру въ опасности, а короля плѣнникомъ у безбожныхъ либераловъ и стало организовать вооруженное сопротивленіе кортесамъ, такъ называемую „армію вѣры“. Скоро испанская нація раздѣлилась на два крайніе лагеря, и между ними началась ожесточенная борьба.

Извѣстіе объ испанской революціи произвело сильное впечатлѣніе на неаполитанскихъ карбонаріевъ. Они тоже имѣли сторонниковъ среди недовольныхъ военныхъ: между ними особенно выдвигался генералъ Гульельмо Пепе, когда-то отличившійся на службѣ у Мюрата и потому бывшій въ подозрѣніи у правительства. Салернскіе карбонаріи составили декретъ о назначеніи его главнокомандующимъ и вождемъ революціи, но онъ нѣкоторое время колебался примкнуть къ движенію. Между тѣмъ въ ночь съ 1 на 2 іюля стоявшіе въ Нолѣ кавалерійскіе поручики Морелли и Сильвати провозгласили конституцію, двинулись оттуда съ небольшимъ отрядомъ на Авеллино и увлекли за собою тамошній гарнизонъ и гражданскія власти. Послѣ этого Пепе далъ согласіе взять на себя главное начальство надъ инсургентами, поставившими теперь своей задачей вынудить у короля введеніе испанской конституціи, о которой, впрочемъ, большинство не имѣло почти никакого понятія. Противъ мятежниковъ король выслалъ войско подъ начальствомъ генерала Карраскозы, но онъ самъ принадлежалъ къ либеральной партіи, да и не полагался на вѣрность солдатъ королю, такъ какъ начавшееся въ Нолѣ движеніе весьма быстро охватило все государство, и армія поддалась общему увлеченію. Фердинанду I осталось только уступить. Сначала онъ думалъ ограничиться одними неопредѣленными обѣщаніями, но когда волненіе, произведенное карбонаріями въ самой столицѣ, достигло до королевскаго дворца, онъ поспѣшилъ передать правленіе наслѣднику престола, герцогу Франческо Калабрійскому, который 7 іюля

и объявилъ введеніе въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій испанской конституціи. Черезъ день послѣ этого (9 іюля) Пепе вступилъ во главѣ мятежнаго войска въ Неаполь, а еще нѣсколько дней спустя и самъ король торжественно присягнулъ на вѣрность конституціи (13 іюля). Съ материка движеніе перешло на островъ Сицилію: въ серединѣ іюля революція вспыхнула и въ Палермо, гдѣ произошли сцены самой дикой анархіи, а оттуда революція распространилась и на другіе города. Въ Сициліи образовалось временное правительство подъ начальствомъ князя Виллафранка, которому, однако, не удалось успокоить расходившіяся народныя страсти. Въ Неаполѣ извѣстіе о палермскихъ событіяхъ принято было съ неудовольствіемъ. Въ Сицилію было послано неаполитанское войско для усмиренія народныхъ волненій и подчиненія острова, обнаружившаго стремленіе къ самостоятельности, общей конституціи. Распря между двумя главными частями королевства сильно ослабляла либеральную партію. Наконецъ островъ былъ покоренъ, и 1 октября 1820 г. въ Неаполѣ былъ открытъ общій парламентъ.

Въ августѣ вспыхнула революція и въ Португаліи. Она началась 23 числа въ Опорто, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ явился полковникъ Сепульведа. Опираясь на недовольныхъ офицеровъ и солдатъ своего отряда, онъ учредилъ временное правительство подъ предсѣдательствомъ графа Сильвеиры: оно должно было управлять страною отъ имени отсутствовавшаго короля и созвать немедленно кортесы для составленія конституціи. Примѣру Опорто послѣдовали Лиссабонъ и другіе города, всюду отказывая въ повиновеніи англійскимъ военачальникамъ. Въ началѣ 1821 г. въ столицѣ государства собрались кортесы и выработали (9 марта) конституцію, которая своимъ радикализмомъ превосходила даже испанскую конституцію 1812 года. Около того же времени и Бразилія потребовала у короля Іоанна VI конституцію, на что онъ отвѣчалъ обѣщаніемъ ввести и здѣсь то государственное устройство, какое будетъ выработано лиссабонскими кортесами. Послѣ этого онъ оставилъ Ріо-Жанейро, назначивъ правителемъ Бразиліи сына своего донъ-Педро, и возвратился въ Лиссабонъ, гдѣ и утвердилъ составленную кортесами конституцію.

Послѣднимъ въ ряду этихъ революціонныхъ движеній былъ либеральный переворотъ въ Пьемонтѣ, но онъ совершился уже послѣ того, какъ австрійцы двинулись усмирять неаполитанскую революцію. Пьемонтскіе либералы поставили себѣ цѣлью объединить Италію на основѣ все той же испанской конституціи 1812 г. Руководилъ ими майоръ гр. Сантароза, который въ началѣ марта 1821 г. вошелъ въ сношенія съ либеральнымъ принцемъ Карломъ-Альбертомъ Кариньян-

скимъ, предполагаемымъ наслѣдникомъ престола [1]), предложивъ ему провозгласить Виктора-Эммануила королемъ Сѣверной Италіи и объявить войну Австріи. Между тѣмъ заговорщики отправились въ разные города (Алессандрію, Пиньеролу, Верчелли), гдѣ стояли гарнизоны, увлекли ихъ за собою, провозгласивъ испанскую конституцію и королевство Итальянское и назначивъ временную юнту для завѣдыванія дѣлами Италіи, пока не будетъ созвана національная юнта. Вскорѣ затѣмъ инсургенты завладѣли Туриномъ, но это случилось уже какъ-разъ въ то время, когда сардинскій уполномоченный на лайбахскомъ конгрессѣ, гр. Санъ-Марсано, пріѣхалъ въ столицу королевства и объявилъ Виктору-Эммануилу, что отъ его имени онъ обязался передъ конгрессомъ не допускать въ Италіи введенія конституціоннаго образа правленія. Король тогда отрекся отъ престола (13 марта) въ пользу своего брата, жившаго въ то время въ Моденѣ, а до его пріѣзда назначилъ регентомъ принца Кариньянскаго, ведшаго себя до этой минуты крайне нерѣшительно. Хотя подъ давленіемъ либераловъ принцъ и согласился на введеніе испанской конституціи, но ни за что не хотѣлъ начинать войны съ Австріей. Узнавъ отъ новаго короля, бывшаго большимъ поклонникомъ Меттерниха, что въ его глазахъ всѣ либералы—измѣнники и преступники, и получивъ отъ него прямое приказаніе отправиться въ Новару, гдѣ находились войска, не примкнувшія еще къ революціи, принцъ Кариньянскій тайкомъ оставилъ Туринъ (21 марта) и объявилъ потомъ изъ Новары, что протестуетъ противъ насилія, которое надъ нимъ было совершено, слагаетъ съ себя регентство и приглашаетъ войска оставаться вѣрными королю.

Всѣ эти революціи сильно встревожили Священный союзъ. Уже въ мартѣ 1820 г. Александръ I предложилъ, чтобы пять державъ приняли какое-либо рѣшеніе для возстановленія порядка въ Испаніи, хотя бы для этого пришлось прибѣгнуть къ силѣ. Ни Англія, ни Австрія, однако, не давали на это согласія, опасаясь, что подавленіе испанской революціи лишь усилитъ франко-русское вліяніе на Пиренейскомъ полуостровѣ; мнѣніе Меттерниха поддержалъ и прусскій дворъ. Дѣло приняло, однако, другой характеръ, когда вспыхнула революція въ Неаполѣ. Тутъ уже прямо были затронуты интересы самой Австріи: она во что бы то ни стало должна была подавить неаполитанскую революцію, иначе національное итальянское движеніе могло бы распространиться на ея собственныя владѣнія въ Италіи. Уже въ августѣ и сентябрѣ 1820 г. вѣнское правительство стало стягивать войска въ Ломбардо-венеціанское королевство, не скрывая цѣли, съ какою это дѣлалось, тѣмъ болѣе еще, что можно было ссы-

[1]) См. выше, стр. 328.

латься на прямой договоръ короля обѣихъ Сицилій съ Австріей, коимъ онъ безъ согласія вѣнскаго двора обязывался не вводить конституціи въ своихъ владѣніяхъ [1]). Но Меттернихъ все-таки хотѣлъ— для бо́льшей вѣрности—дѣйствовать по уполномоченію всей Европы, а для этого, хотя бы только ради формы, нужно было созвать конгрессъ пяти державъ. Конгрессъ дѣйствительно собрался осенью же (окт.) 1820 г. въ Троппау, куда, кромѣ уполномоченныхъ великихъ державъ, съѣхались государи Австріи, Пруссіи и Россіи. Цѣлью этого конгресса было опредѣлить точно общее начало, на основаніи коего союзныя правительства имѣли бы право вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ государствъ, и немедленно примѣнить это начало къ Неаполю. Меттернихъ употребилъ все свое искусство, чтобы склонить русскаго императора на свою сторону, и между прочимъ воспользовался извѣстіемъ объ одномъ случаѣ нарушенія въ Петербургѣ военной дисциплины (бунтъ въ семеновскомъ полку противъ невозможнаго командира), чтобы запугать Александра I. Результатомъ переговоровъ на конгрессѣ было принятіе Австріей, Пруссіей и Россіей знаменитаго протокола, въ коемъ прямо утверждалось право вмѣшательства въ дѣла чужого государства ради охраненія Европы отъ преступной заразы (la contagion du crime) революцій. Существенное содержаніе этого протокола сводится къ тремъ пунктамъ. Во-первыхъ, объявлялось, что государства, „которыя во внутреннемъ своемъ устройствѣ подверглись, вслѣдствіе мятежа (par la révolte), измѣненіямъ, угрожающимъ своими послѣдствіями другимъ государствамъ, этимъ самымъ перестаютъ быть составною частью европейскаго союза до тѣхъ поръ, пока ихъ положеніе не представитъ гарантій законнаго порядка и прочности“. Вторымъ пунктомъ державы изъ уваженія къ власти каждаго законнаго правительства (l'autorité de chaque gouvernement legitime), и къ проявленіямъ его свободной воли обязывались „отказывать въ своемъ признаніи всѣмъ измѣненіямъ, совершеннымъ путями незаконными“. Наконецъ, третій пунктъ гласилъ слѣдующее: „если государства, въ коихъ подобнымъ образомъ совершаются такія перемѣны, возбудятъ въ другихъ странахъ опасенія неизбѣжной опасности по своему близкому сосѣдству и если союзныя державы будутъ въ состояніи имѣть на нихъ серьезное и благодѣтельное воздѣйствіе, онѣ употребятъ, для возвращенія ихъ въ среду союза, предварительно дружественныя усилія, а затѣмъ принудительную силу, еслибы употребленіе этой силы оказалось неизбѣжнымъ“. Таковы были принципы протокола, а примѣненіе ихъ заключалось въ статьяхъ 4, 5, 6 и 7, коими оправдывалось въ случаѣ надобности занятіе Неаполитанскаго

[1]) См. выше, стр. 327.

королевства австрійскими войсками. Александръ I, все еще не желавшій казаться гонителемъ свободы, далъ свое согласіе на это вмѣшательство, расчитывая, что послѣ возстановленія власти неаполитанскаго короля послѣдній самъ даруетъ своимъ подданнымъ разумную хартію. Меттернихъ былъ, однако, противъ такого толкованія шага, который должна была сдѣлать Австрія. Съ другой стороны, англійскій министръ Кэстльри, сторонникъ политики Меттерниха, вполнѣ сочувствовалъ предпріятію, какъ имѣвшему за себя спеціальный трактатъ о невведеніи конституціи и, кромѣ того, вызывавшемуся необходимостью охранить отъ революціи итальянскія земли Австріи, но за то онъ вооружился противъ декларацiи, возводившей вмѣшательство въ принципъ: Австрія могла-де на свой страхъ дѣйствовать въ Италіи, и мѣшать ей никто не будетъ, но изъ этого еще не слѣдовало, по его мнѣнію, чтобы вообще европейскій союзъ долженъ былъ всюду поддерживать лишь извѣстные политическіе порядки. Кромѣ того, Англія продолжала противиться плану Россіи относительно вмѣшательства въ испанскія дѣла, а оно непремѣнно должно было бы произойти, разъ былъ бы принятъ общій принципъ. Наоборотъ, Кэстльри стоялъ за подавленіе неаполитанской революціи, дабы возстановить въ Италіи прежнее положеніе Австріи и не дать тамъ усилиться французскому вліянію. Франція тоже отказалась присоединиться къ протоколу. Когда рѣшеніе трехъ державъ было опубликовано, Англія и Франція даже протестовали противъ принципа вмѣшательства, но чисто теоретическимъ образомъ: никто при этомъ не думалъ мѣшать Австріи дѣлать свое дѣло.

Въ 1821 г. конгрессъ изъ Троппау былъ перенесенъ въ Лайбахъ, куда пригласили пріѣхать и короля Обѣихъ Сицилій. Неаполитанскій парламентъ согласился на эту поѣздку Фердинанда I послѣ того, какъ онъ поклялся, что будетъ отстаивать на конгрессѣ конституцію. На время его отсутствія регентомъ королевства былъ сдѣланъ наслѣдникъ престола Франческо Калабрійскій, который тоже старался представлять себя сторонникомъ конституціи. На самомъ дѣлѣ Фердинандъ I ѣхалъ въ Лайбахъ для того, чтобы просить военной помощи. При первой возможности онъ снялъ съ себя карбонарскій значекъ, носившійся всѣми приверженцами конституціи, и пересталъ скрывать свои настоящія воззрѣнія. Когда въ Неаполѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что тремя державами было рѣшено двинуть на королевство австрійскую армію, тамъ рѣшили сопротивляться. Въ другихъ частяхъ Италіи тоже произошло движеніе, имѣвшее своею цѣлью отстаивать независимость націи противъ Австріи, и въ Пьемонтѣ, какъ мы видѣли [1]), вспыхнула даже революція. Лайбахскій конгрессъ былъ сильно встре-

[1]) См. выше, стр. 331—332.

воженъ такимъ настроеніемъ итальянцевъ, но за рѣшеніе конгресса были всѣ итальянскіе государи, приглашенные тоже участвовать въ лайбахскихъ совѣщаніяхъ. Уже въ февралѣ австрійская армія изъ Ломбардо-венеціанскаго королевства черезъ Тоскану и Папскую область прошла до неаполитанской границы, въ Неаполѣ же между тѣмъ принцъ-регентъ сдѣлалъ все, чтобы облегчить австрійцамъ занятіе королевства. 7 марта близъ Ріети Пепе потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ спасаться бѣгствомъ, а 22 марта австрійцы вступали уже въ самую столицу. Неаполитанцы не обнаружили ни энергіи, ни дисциплины, и успѣхъ австрійцевъ былъ однимъ изъ самыхъ легкихъ. Какъ разъ въ это самое время разразилась революція въ Пьемонтѣ, но извѣстіе о вступленіи австрійцевъ въ Неаполь подорвало и здѣсь вѣру въ собственныя силы. 8 апрѣля Сантароза, взявшій на себя роль военнаго диктатора, потерпѣлъ пораженіе отъ соединеннаго сардино-австрійскаго войска подъ Новарою, и скоро послѣ того Туринъ и Алессандрія были заняты побѣдителями. 12 мая въ Лайбахѣ подписана была декларація дворовъ россійскаго, австрійскаго и прусскаго, осуждавшая „гнусное“ возмущеніе въ Пьемонтѣ, устроенное „развратными людьми“ противъ „просвѣщеннаго правленія подъ властью мудраго государя и кроткихъ отеческихъ законовъ“, а 27 іюля три названныя державы заключили еще особую конвенцію съ Сардиніей для оккупаціи этой страны австрійскими войсками.

Абсолютизмъ немедленно былъ возстановленъ и въ Неаполѣ, и въ Пьемонтѣ. Меттернихъ добился своего, и Австрія начала вмѣстѣ съ отдѣльными правительствами страшнѣйшую реакцію противъ либерализма. Въ какомъ направленіи совершалась эта реакція, можно видѣть изъ мемуара, который въ концѣ 1820 г. Меттернихъ представилъ Александру I. Причину зла онъ усматривалъ именно въ слабости и бездѣятельности правительствъ и въ томъ, что средніе классы общества заражены вредными идеями. „Зло, писалъ онъ, распространилось главнымъ образомъ между средними классами общества; настоящій народъ вынужденъ къ работамъ слишкомъ продолжительнымъ и положительнымъ, чтобы могъ броситься въ отвлеченности и горделивыя мечты“. Репрессія началась съ Ломбардо-венеціанскаго королевства. При первомъ же извѣстіи о неаполитанской революціи здѣсь немедленно приняты были мѣры самаго строгаго полицейскаго надзора, начались крайнія цензурныя стѣсненія, произведены были многочисленные аресты. Между патріотами, посаженными въ австрійскія тюрьмы, особенно прославился тогда Сильвіо Пеллико. Въ 1819 г. онъ основалъ въ Неаполѣ газету „Il Conciliatore“, но въ слѣдующемъ году, по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ карбонаріями, былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму, сначала въ Венеціи, потомъ въ Шпильбергѣ.

Въ заключеніи онъ провелъ десять лѣтъ, описавъ впослѣдствіи свои тюрьмы въ знаменитомъ сочиненіи (Le mie prigioni), переведенномъ на многіе европейскіе языки и доставившемъ автору всесвѣтную извѣстность [1]). Въ Неаполѣ реакція совершалась при дѣятельномъ участіи австрійскихъ войскъ, остававшихся въ странѣ три года, и приняла еще болѣе жестокій характеръ, чѣмъ даже въ 1799 г. Казнямъ почти не было конца, несмотря на провозглашеніе четырехъ полныхъ амнистій. Громадное количество неаполитанцевъ поплатилось еще ссылкой на галеры, тюремными заключеніями, изгнаніемъ. Противъ карбонаризма были пущены въ ходъ всѣ средства уголовной репрессіи. То же самое происходило и въ Пьемонтѣ. Но, несмотря на это, идея единства и свободы Италіи продолжала дѣлать успѣхи въ націи, и тайныя общества (особенно въ Папской области) не прекращали своей дѣятельности. Однимъ изъ лозунговъ итальянскихъ патріотовъ сдѣлалось теперь—„fuori i tedeschi“ (вонъ нѣмцевъ!)

За Неаполемъ и Пьемонтомъ очередь дошла и до Испаніи. Монархи, совершившіе возстановленіе абсолютизма въ Италіи, рѣшили собраться въ слѣдующемъ году на новый конгрессъ для принятія мѣръ и противъ испанской революціи, ибо пришли къ тому заключенію, что не будетъ спокойствія въ Европѣ, пока въ Мадридѣ дѣйствуетъ конституція кортесовъ. За все это время въ Испаніи пройсходила внутренняя борьба, сопровождавшаяся анархіей. Власть здѣсь мало-помалу перешла въ руки экзальтированныхъ, думавшихъ, подобно якобинцамъ управлять посредствомъ террора, но противъ нихъ на защиту „алтаря и трона“ стали дѣйствовать банды „арміи вѣры“, которыя въ борьбѣ съ либералами проявили такую же энергію, какъ и партизаны (гверильясы) во время французскаго нашествія. Въ Сео-де-Ургелѣ клерикалы и „сервилы“ образовали даже антиреволюціонное регентство, объявившее короля въ плѣну и вступившее въ сношенія съ иностранными державами. Французское правительство помогало испанскимъ легитимистамъ организовать отряды въ пограничныхъ съ Франціей провинціяхъ. Самъ Фердинандъ VII въ іюлѣ 1822 г. сдѣлалъ даже попытку низвергнуть конституцію посредствомъ военной контръ-революціи, но потерпѣлъ пораженіе: 7 числа гвардія совершила открытое возстаніе противъ новаго порядка вещей, но другія войска высказались противъ этой попытки и подавили возстаніе на улицахъ Мадрида, изрубивъ множество гвардейцевъ передъ самымъ дворцомъ. Лицемѣрный король, самъ подготовившій контръ-революцію, счелъ нужнымъ поблагодарить побѣдителей и для виду совершенно перейти

---

[1]) Chiala. Vita di Silvio Pellico. 1852.—Bourdon. Silvio Pellico, sa vie et sa mort. 1868.

на сторону экзальтированныхъ, а между тѣмъ тайно сталъ склонять европейскія державы къ тому, чтобы онѣ вмѣшались и въ испанскія дѣла, какъ это уже было сдѣлано по отношенію къ Италіи. О томъ же просило державы и упомянутое регентство, которое вынуждено было, благодаря побѣдамъ конституціоннаго войска надъ „арміей вѣры", осенью 1822 г. спасаться во Франціи.

На лайбахскомъ конгрессѣ Александръ I окончательно подчинился Меттерниху. Онъ поклялся здѣсь употреблять всѣ средства для подавленія революцій, предлагалъ послать на помощь Австріи въ Италіи русскія войска и торжественно заявилъ свое неодобреніе греческимъ инсургентамъ, начавшимъ войну за освобожденіе отъ турецкаго ига. Испанскія дѣла продолжали занимать державы и послѣ лайбахскаго конгресса, тѣмъ болѣе, что и въ испанской Америкѣ усилилось революціонное движеніе, а тутъ еще въ январѣ 1822 г. и греки, возстанію коихъ противъ турокъ весьма сочувствовали либералы всѣхъ національностей, созвали свое національное собраніе, которое вотировало (13 января) совершенно демократическую конституцію и провозгласило (27 января) независимость Греціи. Въ серединѣ октября 1822 г. въ Веронѣ собрался новый конгрессъ, на которомъ, кромѣ монарховъ Австріи, Пруссіи и Россіи, присутствовали еще короли Сардиніи и Обѣихъ Сицилій, великій герцогъ Тосканы, герцогъ моденскій и герцогиня пармская, не считая дипломатовъ разныхъ государствъ (между прочимъ представителей Англіи, Франціи и папы). На веронскомъ конгрессѣ Александръ I настоялъ на томъ, чтобы Франція совершила экзекуцію въ Испаніи, хотя тогдашнее французское правительство не особенно этого хотѣло: онъ даже предлагалъ въ помощь Франціи русскія войска. Дѣло здѣсь доходило даже до того, что Александръ I въ уклончивости парижскаго двора готовъ былъ усматривать преступное сообщничество съ испанской революціей и не скрывалъ, что будетъ держать себя по отношенію къ Франціи соотвѣтственно съ ея двусмысленнымъ поведеніемъ. Веронскій конгрессъ обратился къ испанскому правительству съ требованіемъ измѣнить конституцію въ болѣе монархическомъ смыслѣ, но въ Мадридѣ на это отвѣчали гордымъ отказомъ. Тогда иностранные посланники оставили Испанію (январь 1823). Вслѣдъ затѣмъ, въ апрѣлѣ 1823 г. французы вступили въ Испанію, не встрѣтивъ сильнаго отпора со стороны конституціонной арміи, но зато всюду находя поддержку со стороны „апостолическихъ" бандъ. Притомъ нѣкоторые испанскіе генералы и прямо измѣняли національному дѣлу. 24 мая французская армія заняла Мадридъ, откуда кортесы еще заблаговременно удалились на югъ (въ Севилью, а потомъ въ Кадиксъ), взявъ съ собой и короля, и министровъ. Скоро вся страна была въ рукахъ иностранной арміи, при-

шедшей возстановить въ Испаніи абсолютизмъ. Кортесы нѣкоторое время защищались еще въ Кадиксѣ, но наконецъ, вынудивъ у короля манифестъ объ общей амнистіи, они должны дозволить своему плѣннику удалиться во французскій лагерь, осаждавшій Кадиксъ, и объявили себя распущенными (29 сент.). Не очень полагаясь на обѣщанія Фердинанда VII, члены кортесовъ поспѣшили спастись въ Гибралтаръ подъ охрану Англіи. Въ Испаніи послѣ этого совершилась реставрація абсолютизма и всѣхъ старыхъ учрежденій (кромѣ инквизиціи) и началась, какъ и въ Италіи, жесточайшая реакція, открывшаяся казнью Ріего и другихъ революціонеровъ. Французскіе генералы старались смягчить „отеческое сердце“ Фердинанда VII, но еслибы король и захотѣлъ слушаться совѣтовъ объ умѣренности, то ему не дала бы это сдѣлать „апостолическая“ партія, которая, опираясь на простой народъ, поставила своей задачей окончательно истребить „безбожный“ либерализмъ.—Въ томъ же 1823 году военная контръ-революція возстановила абсолютизмъ и въ Португаліи, гдѣ равнымъ образомъ произведена была реакція. Революція на всемъ Пиренейскомъ полуостровѣ была такимъ образомъ подавлена, но зато Испанія и Португалія должны были отказаться отъ своихъ колоній въ Америкѣ, гдѣ въ это время основались новыя республиканскія государства и одновременно съ ними конституціонная имперія Бразильская.

Итальянская и испанская революціи были подавлены не только вслѣдствіе превосходства военныхъ силъ Австріи и Франціи, за которыми стоялъ Священный союзъ, но и потому, что не имѣли достаточной внутренней силы. Либералы и на Апеннинскомъ, и на Пиренейскомъ полуостровахъ въ двадцатыхъ годахъ дѣйствовали главнымъ образомъ путемъ тайныхъ обществъ и опираясь преимущественно на войско, но событія показали, что армія была плохой опорой политической свободы и что одни тайныя общества безъ поддержки со стороны народныхъ массъ не въ силахъ были упрочить конституціонный образъ правленія. Народъ обнаруживалъ, правда, признаки недовольства, принималъ участіе въ движеніи, но безъ ясно сознанной цѣли, и даже привѣтствовалъ возстановленіе привычнаго ему абсолютизма, вооруженный въ большинствѣ случаевъ противъ либераловъ за антиклерикальное направленіе ихъ политики. Въ народныхъ массахъ, руководимыхъ духовенствомъ, политическая и культурная реакція находила поэтому весьма прочную опору, и лишь благодаря равнодушію массъ, австрійцамъ въ Италіи и французамъ въ Испаніи не представляло большого труда привести въ исполненіе рѣшенія Священнаго союза, который, подавивъ революціонныя движенія въ южно-романскихъ странахъ, хотѣлъ остаться и на будущее время стражемъ консервативныхъ интересовъ во всей Европѣ. Внутренняя реакція, совершавшаяся во всѣхъ государствахъ,

не исключая и Англіи, лишь поддерживала международную политику Священнаго союза, и силу послѣдней испытали на себѣ не только Италія и Испанія, но и Германія, которая также должна была обращать на себя особое вниманіе князя Меттерниха.

XVI. Побѣда партикуляризма и реакціи въ Германіи [1]).

Главные вопросы нѣмецкой исторіи послѣ войны за освобожденіе. — Вопросъ объ единствѣ Германіи и образованіе Германскаго Союза. — Вопросы объ общегерманскомъ законодательствѣ и о таможенномъ союзѣ.— Вопросъ о представительныхъ учрежденіяхъ въ Германіи. — Противоположность между южной и сѣверной Германіей. — Южно-германскія конституціи и сѣверно-германская реакція.—Реакціонная роль Австріи. — Движеніе среди университетской молодежи и репрессивныя мѣры правительствъ.—Торжество реакціонныхъ стремленій.—Карлсбадскія постановленія, вѣнскій заключительный актъ и очищеніе сейма.—Реакція въ Пруссіи и вопросъ о прусской конституціи.—Политическая философія Гегеля.—Судьба нѣкоторыхъ прусскихъ патріотовъ въ эпоху реакціи.

Въ національномъ движеніи, охватившемъ Германію во время „войны за освобожденіе“, необходимо различать три стороны. Во-первыхъ, это былъ взрывъ народнаго патріотизма противъ иноземнаго господства, стремленіе къ національной независимости. На этомъ чувствѣ и въ этой цѣли сходилось громадное большинство нѣмцевъ. Цѣль была достигнута, и въ настроеніи нѣмецкой націи въ видѣ осадка послѣ бурнаго періода борьбы осталось извѣстнаго рода нерасположеніе къ французамъ и къ ихъ идеямъ, что было сильно наруку романтической реакціи, проповѣдывавшей возвращеніе къ роднымъ началамъ средневѣковой старины [2]). Во-вторыхъ, въ эпоху

[1]) Для этой главы, кромѣ литературы, приведенной выше (на стр. 10, 173), и тѣхъ сочиненій, которыя будутъ указаны ниже, см. Wirth. Geschichte der deutschen Staaten von der Auflösung des Reichs bis zum 1830. 1847—1850.— Treitschke. Deutsche Geschichte im XIX Jahrhundert. 1879 и слѣд. (въ трехъ томахъ это сочиненіе доведено до 1830 г.). — Duncker. Stein und die deutsche Frage auf dem Wiener Kongresse. 1873.—A. Schmidt. Geschichte der preussisch-deutschen Unionsbestrebungen seit Friedrich dem Grossen. 1851.—W. A. Schmidt (und A. Stern). Geschichte der deutschen Verfassungsfrage während der Befreiungskriege und des Wiener Kongresses. 1890.— Kaltenborn. Geschichte der deutschen Bundesverhältnisse und Einheitsbestrebungen. 1857. — Fischer. Die Nation und der Bundestag. 1880. — Ilse. Geschichte der deutschen Bundesversammlung. 1861. Кромѣ того, ниже будутъ сдѣланы указанія на исторіи отдѣльныхъ странъ, явленій, событій и т. п. изъ этой эпохи въ Германіи. Въ изданіи Jäger'a и Moldenhauer'a „Auswahl wichtiger Aktenstücke zur Geschichte des XIX Jahrhunderts“ (1893) помѣщено цѣликомъ или въ выдержкахъ нѣсколько важныхъ документовъ, относящихся къ исторіи Германіи.

[2]) См. выше, стр. 208—210 и 270—272.

борьбы съ Франціей въ нѣкоторыхъ передовыхъ умахъ возникла и окрѣпла мысль о необходимости національнаго объединенія Германіи, но мысль эта не вошла еще во всеобщее сознаніе и встрѣтила сопротивленіе со стороны нѣмецкихъ государей, противопоставившихъ новой національной идеѣ свои старыя династическія права. Единая Германія сдѣлалась, однако, такимъ же идеаломъ будущаго для нѣмецкихъ патріотовъ, какимъ для патріотовъ итальянскихъ сдѣлалась единая Италія. Въ-третьихъ, національное движеніе той эпохи сопровождалось стремленіемъ и къ политической свободѣ. Французская революція и наполеоновскіе перевороты въ Германіи разбудили въ извѣстныхъ классахъ общества чувство политической свободы; явились и государственные люди, находившіе необходимымъ введеніе представительства, какъ единственнаго средства обновить государственную жизнь [1]); сами правительства во время борьбы съ Наполеономъ давали подданнымъ конституціонныя обѣщанія, поселяли въ народахъ надежды на либеральныя преобразованія [2]). Но въ эпоху реставраціи лишь въ пятнадцати среднихъ и мелкихъ государствахъ Германіи были введены представительныя учрежденія, да и то на половину въ формѣ средневѣковыхъ земскихъ чиновъ, причемъ ни Австрія, ни Пруссія, ни Саксонія, ни бо́льшая часть великихъ герцогствъ, герцогствъ и княжествъ не ввели у себя даже сословнаго представительства. Борьба за конституцію сдѣлалась въ Германіи тоже одною изъ злобъ дня, вслѣдствіе чего на внутреннюю жизнь нѣмецкой націи и могли впослѣдствіи произвести такое потрясающее впечатлѣніе іюльская и февральская революціи во Франціи въ 1830 и 1848 гг. Уже въ началѣ двадцатыхъ годовъ нѣмецкое національное движеніе съ либеральными стремленіями было подавлено, между прочимъ, благодаря особой бдительности Австріи, взявшей на себя роль руководительницы реакціи и во всей Германіи. Пруссія, сдѣлавшаяся, благодаря Фридриху II, передовою страною въ культурномъ отношеніи, приступившая при Штейнѣ и Гарденбергѣ къ обновленію своего соціальнаго и политическаго быта, ставшая въ годы послѣдней борьбы съ Наполеономъ во главѣ обще-нѣмецкаго движенія и придавшая ему либеральный оттѣнокъ, конечно, не могла дойти до таковой реакціи, какая совершалась въ Австріи, но и она повернула на путь строгаго консерватизма и подпала вліянію Меттерниха не только въ дѣлахъ международнаго характера, поддерживая на конгрессахъ въ Ахенѣ, Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ принципы Священнаго союза, но и въ дѣлахъ, касавшихся Германіи, гдѣ солидарность вѣнскаго и берлинскаго дворовъ

---

[1]) См. выше, стр. 166 и 198—199.

[2]) См. выше, стр. 198—199 и 212.

составляла прямо рѣшающую силу. Вотъ почему, говоря объ эпохѣ реставраціи въ Германіи, можно характеризовать это время, какъ періодъ болѣе или менѣе полной побѣды реакціи. Съ этой точки зрѣнія мы и разсмотримъ главнѣйшіе факты нѣмецкой исторіи отъ вѣнскаго конгресса до іюльской революціи.

Начнемъ съ вопроса объ объединеніи Германіи. Мысль о необходимости прекратить гибельное раздѣленіе нѣмецкой націи между многими государствами, въ коемъ справедливо видѣли одну изъ главныхъ причинъ ея униженія, явилась весьма естественно въ эпоху борьбы съ Наполеономъ. Однимъ изъ первыхъ сторонниковъ идеи національнаго единства Германіи былъ Штейнъ, но ее раздѣляли съ нимъ весьма немногіе нѣмцы: ея осуществленію препятствовалъ вѣковой сепаратизмъ, который былъ особенно силенъ на юго-западѣ, въ Баваріи, Баденѣ, Вюртембергѣ. Когда наконецъ послѣ неудачи Наполеона въ 1812 г. Штейнъ увидѣлъ, что близокъ часъ освобожденія Германіи, онъ уже рѣшилъ для себя вопросъ о будущемъ ея устройствѣ. Въ молодости онъ былъ рьянымъ приверженцемъ средневѣковой имперіи [1]), но она доказала свою несостоятельность, и потому Штейнъ не думалъ уже объ ея возстановленіи. Ему казалось, однако, что общимъ желаніемъ всѣхъ нѣмцевъ было дать Германіи такое устройство, при которомъ она была бы сильна своимъ единствомъ, какъ это было до распаденія страны на княжества. Старый недругъ деспотическихъ князей [2]), онъ не могъ относиться иначе, какъ съ ненавистью къ государямъ Рейнскаго союза, которые раболѣпствовали передъ Наполеономъ, помогли ему разгромить Австрію въ 1809 г. и „поддерживали свое существованіе кровью и достояніемъ своихъ подданныхъ“. Не довѣряя этимъ „титулованнымъ рабамъ“, онъ въ то же время не расчитывалъ и на то, чтобы Австрія или Пруссія осуществили его завѣтную мечту. Свои взоры въ 1812 г. онъ обращаетъ на Россію и, вызванный въ Петербургъ, представляетъ Александру I мемуаръ о будущемъ устройствѣ Германіи. Въ этомъ документѣ Штейнъ доказывалъ, что и для всей Европы было бы очень важно устранить причины слабости Германіи. Главная причина—окончательное раздробленіе, созданное „злополучнымъ“ вестфальскимъ трактатомъ, тѣмъ самымъ, который Штейну во времена „союза князей“ казался, наоборотъ, лучшей гарантіей der deutschen Libertät [3]). Полезнѣе всего было бы устроить изъ Германіи одну монархію съ единою верховною властью и, конечно, съ гражданскими и политическими правами, которыя должны принадлежать каждому свободному

---

[1]) См. выше, стр. 186.
[2]) См. выше, стр. 187.
[3]) Ср. т. III, стр. 54 и выше. стр. 186.

народу; но Штейнъ сознавалъ, что это было бы очень трудно сдѣлать. Оставалось два способа: или раздѣлить всю Германію между Австріей и Пруссіей, передавъ одной изъ нихъ императорскій титулъ, или, чего легче всего было бы достигнуть, оставить, кромѣ Австріи и Пруссіи, еще нѣсколько государствъ, но поставить ихъ прямо въ подчиненное положеніе въ дѣлахъ внѣшней политики. Скрѣпя сердце, Штейнъ готовъ былъ согласиться и на эту послѣднюю комбинацію. Если въ 1813 г. Александръ I перенесъ войну съ Наполеономъ въ Германію, то это произошло отчасти по настоянію Штейна, который въ это время сталъ играть весьма видную роль въ качествѣ русскаго уполномоченнаго въ коммиссіи, учрежденной для управленія нѣмецкими землями, отнятыми у Наполеона [1]). Тутъ впервые увидѣлъ Штейнъ, какъ трудно было осуществить единство Германіи. Считая всю Германію своимъ отечествомъ, онъ становился выше мѣстныхъ интересовъ, но пруссаки стали обвинять его, что онъ измѣняетъ монархіи, у которой находился самъ прежде на службѣ, а внѣ Пруссіи говорили, что онъ слишкомъ тянетъ въ сторону Берлина, пользуясь вліяніемъ своимъ на русскаго царя. Во время извѣстнаго перемирія съ Наполеономъ [2]) Штейнъ подалъ союзникамъ мемуаръ, въ коемъ совѣтовалъ сдѣлать изъ Австріи и Пруссіи первостепенныя державы и вполнѣ подчинить имъ другія нѣмецкія государства съ возстановленіемъ императорскаго достоинства въ Германіи въ пользу Австріи и съ образованіемъ общенѣмецкаго національнаго представительства; но тутъ уже онъ встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны Меттерниха, которому, конечно, все не нравилось въ этомъ „революціонномъ“ планѣ. Штейнъ настаивалъ на томъ, чтобы государи Рейнскаго союза, какъ орудія наполеоновскаго деспотизма въ Германіи, были объявлены измѣнниками и чтобы подданные ихъ были призваны къ возстанію, но Меттернихъ, наоборотъ, сталъ переманивать этихъ государей на свою сторону, обѣщая имъ заранѣе сохраненіе за ними ихъ владѣній и полноты верховной власти, т.-е. сохраненіе всего того, что имъ было дано Наполеономъ. На этомъ условіи члены Рейнскаго союза стали вступать въ союзъ съ Австріей [3]) къ великому негодованію Штейна, видѣвшаго въ такомъ оборотѣ дѣла разрушеніе всѣхъ своихъ политическихъ плановъ. Это не помѣшало, однако, Штейну и во время вѣнскаго конгресса хлопотать о томъ, чтобы хоть сколько-нибудь поправить дѣло. Когда обсуждался (между прочимъ и въ печати) вопросъ о возстановленіи въ Германіи императорскаго достоинства, Штейнъ написалъ въ этомъ смыслѣ мемуаръ,

---

[1]) См. выше, стр. 212, примѣч.
[2]) См. выше, стр. 228.
[3]) См. выше, стр. 213.

въ которомъ доказывалъ необходимость передать это достоинство Австріи: своимъ проницательнымъ умомъ онъ понялъ—и весьма ясно выразилъ мысль свою въ мемуарѣ,—что Австрія не въ примѣръ Пруссіи, территоріально тѣсно связанной съ Германіей, имѣетъ тенденцію къ тому, чтобы обособиться отъ Германіи, и на этомъ-то основаніи онъ и требовалъ установленія особой между ними связи въ видѣ нѣмецкаго императорства, которое было бы передано Австріи. Проектъ этотъ не былъ принятъ: Пруссія не допускала такого возвышенія своей соперницы, Австрія же готовилась инымъ путемъ взять на себя первенствующую роль въ Германіи.

Такимъ образомъ, вопросъ о національномъ объединеніи былъ только поставленъ, но рѣшеніе его въ томъ смыслѣ, въ какомъ то было желательно Штейну и немногимъ патріотамъ, оказалось невозможнымъ. Противъ единой Германіи были соперничавшія между собою Австрія и Пруссія, были государи Рейнскаго союза, ведшіе себя, замѣтимъ, довольно, двусмысленно во время стодневнаго владычества Наполеона, были сами баварцы, вюртембергцы, гессенцы, ганноверцы и „другіе народы“ были даже, наконецъ, нѣкоторые патріоты, которые находили, что раздѣленіе Германіи на нѣсколько государствъ являлось гарантіей свободнаго развитія національной жизни, чего не могло бы быть при единообразіи, какое должно было бы установиться при политической централизаціи. Послѣднюю мысль высказывалъ еще Фихте въ своихъ „Рѣчахъ къ нѣмецкой націи“ [1]), а въ 1814 г. формулировалъ Тибо въ брошюрѣ „О необходимости общаго гражданскаго права для всей Германіи“, гдѣ, доказывая необходимость юридическаго объединенія нѣмецкой націи путемъ созданія общаго гражданскаго кодекса, онъ возставалъ противъ объединенія политическаго. Но если бы даже всѣ „народы“ Германіи и всѣ нѣмецкіе патріоты, дѣйствительно, желали объединенія, вѣнскій конгрессъ не исполнилъ бы ихъ желанія: на этомъ конгрессѣ принципъ легитимизма склонялся только передъ идеей политическаго равновѣсія и передъ правомъ сильнаго и ни въ какомъ случаѣ не могъ бы быть принесенъ въ жертву идеѣ націи, т.-е. идеѣ, по происхожденію своему революціонной. Меттернихъ называлъ Штейна даже прямо якобинцемъ и приходилъ въ ужасъ, когда тотъ говорилъ о низложеніи государей во имя правъ нѣмецкой націи, которой государи эти измѣнили, вступивъ въ союзъ съ ея притѣснителемъ, или когда указывалъ на необходимость общегерманскаго національнаго представительства. И Меттернихъ, и Штейнъ, какъ противники французской революціи, были представителями стараго порядка, но въ старомъ по-

---

[1]) См. выше, стр. 209—210.

рядкѣ были разныя стороны [1]), а потому какъ отношеніе ихъ къ идеямъ вѣка, такъ и ихъ политическая роль были столь между собою несходны. Но если въ сферѣ политики идея національнаго объединенія Германіи потерпѣла полную неудачу, то это не помѣшало ей пустить глубокіе корни въ сознаніи мыслящей части общества и найти убѣжище въ литературѣ: мы встрѣчаемся съ этою мыслью уже въ „Духѣ времени“ Арндта [2]), въ патріотической лирикѣ временъ „войны за освобожденіе“, въ публицистикѣ и въ произведеніяхъ научной и философской мысли послѣдующей эпохи. Если Штейнъ ссылался на „всеобщее желаніе“ нѣмцевъ, то именно потому, что былъ введенъ въ заблужденіе этой литературой, которую принималъ за голосъ всей націи, а не сравнительно небольшого числа ея интеллигенціи. Любопытно, что для большинства нѣмецкихъ публицистовъ 1813—1815 г., писавшихъ о необходимости объединенія Германіи, вопросъ казался легкимъ, но скоро имъ всѣмъ пришлось разочароваться. Въ началѣ 1815 г. одинъ изъ писателей, стоявшихъ за возстановленіе нѣмецкаго императорства для Австріи, издалъ составленный въ формѣ разговора памфлетъ подъ заглавіемъ „Имперія и императоръ“: въ немъ были выведены австріецъ, пруссакъ, саксонецъ, католикъ и т. п.; всѣ они только спорятъ между собою, причемъ уже высказывается мысль, что вопросъ можетъ быть разрѣшенъ лишь „кровью и желѣзомъ“, и даже намѣчается будущая роль Пруссіи. Мы еще увидимъ, какія формы принимало въ Германіи стремленіе къ національному единству послѣ 1815 г., а теперь посмотримъ, какое устройство получила она въ вѣнскомъ конгрессѣ.

Мы не будемъ подробно останавливаться на всѣхъ перипетіяхъ въ рѣшеніи той трудной задачи, какую представляло изъ себя устройство Германіи на вѣнскомъ конгрессѣ. Изъ-за желанія Пруссіи получить всю Саксонію, завоеванную у ея короля, Наполеонова союзника [3]), равно какъ изъ-за желанія Россіи удержать за собою все великое герцогство Варшавское, чуть-было не вспыхнула новая война. Но саксонскій вопросъ былъ только самымъ острымъ для Германіи: существовала и масса другихъ, которые улаживались съ трудомъ. Когда, однако, всѣ территоріальныя перераспредѣленія были утверждены, оставалось рѣшить вопросъ о томъ, въ какія же отношенія будутъ поставлены другъ къ другу нѣмецкія государства. По этому предмету споровъ было безъ конца. Сначала дѣло разсматривалось коммиссіей изъ представителей Австріи, Пруссіи, Баваріи, Вюртемберга и Ганно-

---

[1]) Ср. стр. 185 и слѣд. и 311—312, на которыхъ указано отношеніе обоихъ къ старому порядку.

[2]) См. выше, стр. 210.

[3]) См. выше, стр. 213.

вера, но согласить всѣ интересы было трудно: напр., баварскій уполномоченный во имя „баварской національной гордости“ протестовалъ противъ предположенія лишить отдѣльныя государства Германіи права войны и союзовъ съ иностранными державами; ганноверскій уполномоченный назвалъ „султанизмомъ“ систему управленія, принятую въ странахъ бывшаго Рейнскаго союза; Вюртембергъ даже прямо вышелъ изъ состава этой коммиссіи, и коммиссія распалась. Мелкіе нѣмецкіе государи также были очень недовольны тѣмъ, что ихъ отстранили отъ совѣщаній, и они снова возбудили дѣло, потребовавъ, чтобы и ихъ допустили къ участію въ рѣшеніи вопроса. Только возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы заставило поторопиться съ окончаніемъ дѣла и изъ отдѣльныхъ проектовъ съ разными урѣзками, оговорками, протестами былъ наконецъ выработанъ союзный актъ (die teutsche Bundesakte), который и былъ принятъ 8 іюня 1815 г.

Германскій союзъ (der deutsche Bund) былъ международнымъ соединеніемъ суверенныхъ государствъ для внѣшней и внутренней безопасности, и въ составъ его вошло 38 государствъ, въ числѣ коихъ были: одна имперія, пять королевствъ, одно курфюршество, семь великихъ герцогствъ, по десяти герцогствъ и княжествъ и, наконецъ, четыре вольныхъ города [1]). Подъ безопасностью разумѣлось огражденіе Германіи отъ нападенія извнѣ и сохраненіе мира между отдѣльными членами союза внутри, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ союзъ могъ принимать мѣры для поддержанія спокойствія въ отдѣльныхъ государствахъ,

---

[1]) Въ этомъ спискѣ отмѣчены курсивомъ государства, въ которыхъ были введены представительныя учрежденія между 1814 и 1824 гг.

Одна имперія—Австрія.

Пять королевствъ: Пруссія, *Баварія, Ганноверъ*, Саксонія, *Вюртембергъ*.

Одно курфюршество: *Гессенъ-Кассель* (Кургессенъ).

Семь великихъ герцогствъ: *Баденъ, Гессенъ-Дармштадтъ*, Мекленбургъ-Шверинъ, Мекленбургъ-Стрелицъ, *Саксенъ-Веймаръ*, Люксенбургъ и Ольденбургъ.

Десять герцогствъ: *Саксенъ-Мейнингенъ, Саксенъ-Кобургъ*, Саксенъ-Гота, *Саксенъ-Гильбургхаузенъ*, Ангальтъ-Дессау, Ангальтъ-Кётенъ и Ангальтъ-Бернбургъ, *Нассау, Брауншвейгъ*, Гольштейнъ.

Десять княжествъ: Гогенцоллернъ-Гехингенъ, Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, Шварцбургъ-Рудольштадтъ, Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ, Рейсъ старшей и Рейсъ младшей линіи, Липпе-Детмольдъ, *Липпе-Шаумбургъ*, Бюксбургъ, *Вальдекъ, Лихтенштейнъ*.

Четыре вольныхъ города: Франкфуртъ-на-Майнѣ, Гамбургъ, Любекъ, Бременъ.

Въ 1817 г. къ союзу примкнуло еще ландграфство Гессенъ-Гомбургъ.

Указанія на литературу по исторіи среднихъ и мелкихъ государствъ можно найти въ „Uebersicht über die Geschichte der Mittel- und Kleinstaaten bis 1815“ въ Handbuch der deutschen Geschichte von Bruno Gebhardt. 1892 (II, 461—494).

вошедшихъ въ его составъ. Интересы членовъ Германскаго союза были весьма неодинаковы и часто прямо противоположны. Во-первыхъ, въ составъ союза и притомъ лишь частью своихъ владѣній входили двѣ великія державы въ общеевропейскомъ значеніи слова—Австрія и Пруссія, которыя имѣли каждая свою особую традиціонную политику и съ которыми трудно было считаться нетолько мелкимъ государствамъ союза, но и среднимъ въ родѣ Баваріи, Саксоніи и т. п. Во-вторыхъ, въ союзъ допущены были два иностранныхъ государя, а именно король голландскій (по Люксембургу) и король датскій (по Голштиніи). Въ-третьихъ, юго-западная Германія обнаруживала явную тенденцію къ сепаратизму (Баденъ и Вюртембергъ даже не сразу вступили въ союзъ), и вообще всѣ государи союза стремились отстоять свою независимость, причемъ вдобавокъ между средними и мелкими тоже обнаруживался своего рода антагонизмъ. Союзный актъ не установлялъ вообще никакой высшей власти надъ правительствами отдѣльныхъ государствъ, къ которой могло бы стать въ непосредственныя отношенія все народонаселеніе страны. Носителями союзной власти были сами же правительства, вступавшія между собою въ соглашеніе черезъ уполномоченныхъ на союзномъ сеймѣ (Bundestag), и имъ давались опредѣленныя инструкціи относительно защиты интересовъ каждаго отдѣльнаго правительства. Тѣ права, какія по отношенію къ князьямъ и имперскимъ городамъ все-таки еще принадлежали центральнымъ учрежденіямъ Священной Римской имперіи [1]), не были возстановлены въ пользу союзнаго сейма, и въ этомъ смыслѣ новое устройство Германіи еще менѣе осуществляло политическое единство націи, чѣмъ старый имперскій строй. Союзный сеймъ, засѣдавшій съ 1815 г. въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, еще болѣе, чѣмъ старый сеймъ имперскій, былъ простымъ международнымъ конгрессомъ для тридцати восьми государствъ,—каждое было вполнѣ самостоятельно. Союзный актъ провозглашалъ даже равноправность всѣхъ членовъ союза, т.-е. и крупныхъ, и среднихъ, и мелкихъ, хотя степень ихъ участія въ сеймѣ и не была сдѣлана одинаковой. Лишь 11 государствъ именно получило по одному полному голосу, а остальныя (мелкія) всѣ вмѣстѣ пользовались шестью собирательными голосами. Мелкія государства были недовольны такимъ распредѣленіемъ голосовъ и, согласившись на то, чтобы оно было оставлено для рѣшенія обыкновенныхъ дѣлъ (тѣсный совѣтъ, engerer Rath), настояли на томъ, чтобы по дѣламъ особой важности каждый членъ имѣлъ по меньшей мѣрѣ одинъ самостоятельный голосъ, и чтобы дѣла эти рѣшались въ особомъ, полномъ собраніи сейма (Plenum). Такими дѣлами признаны были измѣненія

[1]) Т. III, стр. 50 и слѣд.

въ союзномъ устройствѣ, требовавшія единогласнаго рѣшенія, и вопросы о войнѣ и мирѣ, которые могли рѣшаться лишь большинствомъ $^2/_3$ голосовъ. Въ Plenum'ѣ Австріи и пяти королевствамъ принадлежало по четыре голоса, шести государствамъ—по три, тремъ—по два остальнымъ—по одному. Требованіе единогласія по вопросамъ о внутреннемъ устройствѣ союза in Pleno, а по нѣкоторымъ дѣламъ и въ „тѣсномъ совѣтѣ" дѣлало совершенно невозможнымъ его дальнѣйшее развитіе и тормазило дѣятельность сейма по самымъ иногда важнымъ вопросамъ, какіе только волновали въ то время нѣмецкую націю. Это устройство страшно разочаровало всѣхъ мыслящихъ людей въ Германіи. Союзный сеймъ сразу сдѣлался учрежденіемъ непопулярнымъ, да и самъ онъ былъ поставленъ въ полную невозможность дѣлать что-либо для націи въ ея цѣломъ: во-первыхъ, онъ вѣдалъ только дѣла внѣшней и внутренней безопасности союза, не касаясь вопросовъ политической, соціальной, культурной и экономической жизни націи, предоставленной усмотрѣнію и частнымъ соглашеніямъ отдѣльныхъ правительствъ, а во-вторыхъ, и въ той области, которая была поручена его вѣдѣнію, онъ оказывался безсильнымъ что-либо сдѣлать, благодаря введенію въ его рѣшенія принципа „liberum veto". Наконецъ, союзное устройство не осуществляло и стремленія къ національному представительству.

Кромѣ вопроса о политическомъ единствѣ Германіи, были подняты въ это время еще два вопроса, касавшіеся объединенія Германіи—именно въ отношеніяхъ юридическомъ и экономическомъ. Знаменитый въ свое время юристъ Тибо [1]), прославившійся „Системой пандектнаго права" (1803), и занимавшій съ 1805 г. каѳедру въ гейдельбергскомъ университетѣ, въ 1814 г. написалъ брошюру „О необходимости общаго гражданскаго права для Германіи", въ которой, возставая противъ политическаго объединенія страны [2]), требовалъ созданія для всѣхъ нѣмцевъ единаго гражданскаго кодекса въ замѣнъ того правового хаоса, какой представляли собою старые германскіе законы, основанные на чужомъ, римскомъ правѣ. Эта мысль не нашла сочувствія въ правительствахъ Германіи, и противъ нея возсталъ другой юристъ, еще болѣе знаменитый, бывшій основателемъ исторической школы права [3]), профессоръ только-что основаннаго берлинскаго университета Фридрихъ Карлъ фонъ-Савиньи [4]), впослѣдствіи (съ 1817 г.) членъ государственнаго совѣта въ Пруссіи и министръ юстиціи соро-

[1]) Baumstark. Anton Friedrich Justus Thibaut. 1841.

[2]) См. выше, стр. 343.

[3]) См. выше, стр. 274—275.

[4]) Біографіи его написаны Stintzing'омъ (1862), Rudorff'омъ (1863), Bethmann-Hollweg'омъ и др.

ковыхъ годовъ. Въ томъ же 1814 г. онъ издалъ брошюру подъ заглавіемъ „О призваніи нашего времени къ законодательству и правовѣдѣнію", въ которой доказывалъ, что по произволу совершенно не возможно создать гражданскій кодексъ, ибо право точно такъ же, какъ языкъ, какъ нравы, какъ политическое устройство, является лишь продуктомъ исторической жизни народа, органически развиваясь изъ основъ, положенныхъ въ самомъ народномъ духѣ. Въ Германіи вслѣдствіе особенностей ея исторіи жизнь выработала развитіе мѣстнаго права, и это право нужно оставить, не замѣнять его искусственно созданнымъ общимъ гражданскимъ кодексомъ.

Другимъ вопросомъ былъ вопросъ о таможенномъ союзѣ [1]). Каждое нѣмецкое государство имѣло на своихъ границахъ таможни, что—при разнообразіи вдобавокъ таможенныхъ законовъ и тарифовъ—до-нельзя стѣсняло торговлю, а если къ этому присоединить еще то обстоятельство, что многія государственныя территоріи были черезполосныя или представляли изъ себя анклавы въ чужихъ владѣніяхъ, то всѣ неудобства такого порядка вещей сдѣлаются особенно понятными. Союзный актъ обѣщалъ обсудить вопросъ объ устраненіи этихъ неудобствъ, но дѣло это впередъ не подвинулось ни на одинъ шагъ. Между тѣмъ, послѣ того, какъ Пруссія закономъ 1818 г. улучшила свою обветшалую таможенную систему, за экономическое объединеніе Германіи высказались два видные экономиста, Фридрихъ Листъ и Небеніусъ [2]), но ихъ проповѣдь не имѣла успѣха. Болѣе всего страдала отъ ненормальнаго порядка вещей Пруссія. Въ 1818 г. она уничтожила у себя внутреннія таможни, но положеніе ея отъ этого значительно не улучшалось. Прирейнскія владѣнія Пруссіи отдѣлялись отъ главной части монархіи Ганновером, Гессенъ-Касселемъ, Гессенъ-Дармштадтомъ, Франкфуртомъ-на-Майнѣ, а кромѣ того, въ ея владѣнія врѣзывались Ольденбургъ, ангальтскія герцогства и т. п. Недовольныя закономъ 1818 г. сосѣднія съ Пруссіей государства (особенно Гессенъ-Кассель) вступили съ нею въ таможенную войну. Всѣ, однако, болѣе или менѣе страдали отъ такого положенія и должны были искать изъ него выхода. Въ 1819—1821 гг. Пруссія и Саксонія вели переговоры относительно торговаго плаванія по Эльбѣ, приведшіе къ уменьшенію пошлинъ. Въ то же время (1820) южно-германскія и нѣкоторыя среднегерманскія государства вступили между собою въ переговоры по таможенному вопросу, но не имѣвшіе никакого успѣха, и только между Баденомъ и Гессенъ-Дармштадтомъ состоялось—да и

[1]) О немъ соч. Robolsky (1862), Dittmar'a (1867—1868), Aegidi (Aus der Vorzeit des Zollvereins, 1865), Festenberg-Packisch'a (1869), Weber'a (1871) и др. Ср. Zimmermann. Geschichte der preussisch—deutschen Handelspolitik. 1892.

[2]) О послѣднемъ соч. Beck'a (1886).

то на короткое время—нѣкоторое соглашеніе въ 1824 г., за коимъ въ 1828 г. послѣдовалъ договоръ между Баваріей и Вюртембергомъ. Но это были все-таки исключительные союзы, даже весьма ревниво относившіеся другъ къ другу. Болѣе важное значеніе подобныя попытки получили позднѣе, когда дѣло попало въ руки главнымъ образомъ Пруссіи. Еще въ 1819 г. она заключила таможенный союзъ съ Зондерсгаузеномъ. Съ 1822 г. къ ней уже примыкали Рудольштадтъ и Бернбургъ съ нѣкоторыми веймарскими частями, а въ 1828 въ составъ союза вступили Гессенъ-Дармштадтъ (на шесть лѣтъ), Ангальтъ-Дессау и Ангальтъ-Кётенъ, къ великому неудовольствію Баваріи съ ея южнымъ союзомъ. Тогда между прусскимъ и баварскимъ союзами образовался еще третій, къ коему примкнули Саксонія, Гессенъ-Кассель, Ганноверъ, Франкфуртъ, Бременъ и др. Такъ какъ этотъ союзъ былъ направленъ и противъ прусскаго, и противъ баварскаго, то въ слѣдующемъ, 1829 году Пруссія и Гессенъ-Дармштадтъ, съ одной стороны, и Баварія съ другой, такъ сказать, протянули другъ другу руки черезъ третій союзъ и заключили между собой особый договоръ на 12 лѣтъ. Связующимъ звеномъ между восточнымъ и западнымъ союзами явились (Саксенъ-Мейнингенъ, Саксенъ-Гота и Мекленбургъ, примкнувшіе къ Пруссіи и Баваріи и даже начавшіе строить у себя новыя дороги для товарнаго движенія. Это сильно повредило среднегерманскимъ государствамъ, союзъ ихъ распался, и вотъ въ 1831 г. Гессенъ-Кассель перешелъ на сторону Пруссіи почти одновременно съ Вюртембергомъ, который раньше не соглашался приступать къ союзу. Окончательно, однако, таможенный союзъ (Zollverein) организовался лишь въ слѣдующемъ періодѣ, причемъ сдѣлался первообразомъ и политическаго объединенія Германіи, совершеннаго Пруссіей въ 1866 и 1871 гг.

Хотя въ 1815 г. въ Германіи и одержалъ побѣду сепаратизмъ, тѣмъ не менѣе мысль о политическомъ объединеніи нѣмецкой націи была заявлена, стала входить въ сознаніе общества, и политическое объединеніе Германіи уже начинало подготовляться на почвѣ общей національной культуры и экономическихъ интересовъ.

Съ вопросомъ объ объединеніи Германіи былъ тѣсно связанъ вопросъ о представительныхъ учрежденіяхъ. Знакомясь съ разными дипломатическими и публицистическими проектами устройства Германіи въ эпоху вѣнскаго конгресса, мы постоянно встрѣчаемся съ мыслью о необходимости народнаго представительства. Прусскій проектъ (Гарденберга съ дополненіями Штейна) въ пятичленной коммиссіи [1]) вѣнскаго конгресса заключалъ въ себѣ мысль объ организаціи для всей Германіи общаго законодательнаго собранія изъ владѣтельныхъ

[1]) См. выше, стр. 344—345.

князей, имперскихъ чиновъ, представителей вольныхъ и медіатизированныхъ городовъ и даже, какъ хотѣлъ Штейнъ, земскихъ чиновъ, а въ отдѣльныхъ государствахъ предполагалось ввести земскіе чины съ правомъ участія въ законодательствѣ и вотированія налоговъ; за подданными же должны были быть обезпечены личная свобода, свобода переселенія изъ государства въ государство, свобода собственности, общее гражданское и уголовное право, свобода печати, свобода преподаванія и т. п. Меттернихъ былъ недоволенъ либерализмомъ этого проекта, и Гарденбергъ, желая угодить вліятельному дипломату, не настаивалъ на подробностяхъ своего плана. Представители другихъ королевствъ тоже возражали противъ статей о земскихъ чинахъ; одинъ только ганноверскій уполномоченный, противникъ „султанизма“ государей Рейнскаго союза, еще кое-какъ защищалъ земскіе чины. На ихъ сторону, повидимому, готовы были стать и мелкіе государи, протестовавшіе противъ пятичленной коммиссіи [1]). Въ началѣ 1815 г. Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ представилъ на разсмотрѣніе членовъ конгресса новый проектъ, въ коемъ тоже предлагалось участіе представительства въ дѣлахъ правленія, но Меттернихъ внесъ свой контръ-проектъ, въ коемъ о земскихъ чинахъ упоминалось лишь мимоходомъ, а права подданныхъ сильно стѣснялись. Когда, наконецъ, былъ выработанъ союзный актъ, въ него была внесена коротенькая статья (§ 13) о земскихъ чинахъ. Первоначально она была редактирована такимъ образомъ, что „во всѣхъ странахъ союза должно быть введено земское представительство“, окончательно же явилась въ такой редакціи, что это представительство во всѣхъ странахъ союза „будетъ существовать“ [2]): благодаря замѣнѣ слова „должно“ словомъ „будетъ“, статья утрачивала характеръ обязательности. Нужно замѣтить, что самое выраженіе „landesständische Verfassung“ могло быть истолковано различно по своей недостаточной опредѣлительности: могло оно значить и введеніе конституціи въ новомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ народнаго представительства, и возстановленіе старыхъ земскихъ чиновъ, т.-е. представительства сословнаго и могло, наконецъ, значить и просто установленіе областного представительнаго самоуправленія,—какъ кому было угодно понять слишкомъ неясно выраженное обѣщаніе § 13 союзнаго акта. Изъ 34 (съ 1817 г. изъ 35) монархическихъ государствъ Германіи двадцать—и между ними Австрія, Пруссія и Саксонія — не ввели у себя представительства, а изъ остальныхъ пятнадцати, исполнившихъ обѣщаніе указаннаго параграфа, больше половины ограничилось возстановленіемъ старыхъ земскихъ чиновъ, которые пришли въ совершеннѣйшій упадокъ еще въ эпоху тридцати-

---

[1]) См. выше, стр. 345.

[2]) In allen Bundesstaaten wird es landesständische Verfassung stattfinden.

лѣтней войны [1]). Притомъ парламентарныя и сословныя конституціи вводились въ этихъ пятнадцати государствахъ въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ (1814—1824), послѣ чего наступилъ перерывъ въ шесть-семь лѣтъ (1824—1831) до взрыва іюльской революціи въ Парижѣ, которая, какъ извѣстно, не прошла совсѣмъ безслѣдно и для Германіи. Въ томъ, что не всѣ государства сдержали обѣщаніе относительно landesständische Verfassung, въ томъ, что правительства, исполнившія его, большею частью разрѣшили вопросъ далеко не въ либеральномъ смыслѣ, и въ томъ, наконецъ, что въ двадцатыхъ годахъ почти совсѣмъ прекратилось введеніе конституцій, нельзя, конечно, не видѣть одного изъ признаковъ побѣды въ Германіи реакціонныхъ стремленій австрійской политики [2]).

Замѣчательно, что конституціи въ новомъ смыслѣ были введены главнымъ образомъ въ юго-западной Германіи. Баварія, Вюртембергъ, Баденъ и Гессенъ-Дармштадтъ (между прочимъ, попарно вступавшіе между собой въ таможенные союзы въ двадцатыхъ годахъ) составили изъ себя компактную территорію съ конституціоннымъ устройствомъ, по сосѣдству съ Франціей (на западѣ) и Швейцаріей (на югѣ), тогда какъ на востокъ и на сѣверъ отъ этой территоріи продолжалъ господствовать абсолютизмъ [3]). Притомъ въ этихъ четырехъ нѣмецкихъ государствахъ конституціи были введены почти одновременно въ какіе-нибудь два-три года (1818—1820), и внѣ указанной территоріи новое устрой-

---

[1]) Т. II, стр. 377 и т. III, стр. 33.

[2]) Помѣщаемъ въ двухъ столбцахъ списокъ конституцій, введенныхъ въ Германіи до 1830 года, причемъ въ первомъ столбцѣ перечислены государства съ старымъ сословнымъ представительствомъ, во второмъ—государства съ представительными учрежденіями новаго типа. Всего 15 государствъ изъ 38 получили конституціи, причемъ старыя введены были въ 8 государствахъ, новыя—въ 7.

1814.	Нассау.	
1816.	Шаумбургъ Липпе.	Саксенъ-Веймаръ.
—	Вальдекъ.	
1818.	Гильбургаузенъ.	Баварія.
—	Лихтенштейнъ.	Баденъ.
1819.	Ганноверъ.	Вюртембергъ.
1820.	Брауншвейгъ.	Гессенъ-Дармштадтъ.
1821.	Кургессенъ.	Саксенъ-Кобургъ.
—		Саксенъ-Мейнингенъ.

Кромѣ того, въ 1829 г. былъ изданъ общій основной законъ для Гильбургаузена и Саксенъ-Мейнингена, соединившихся еще въ 1826 г.

Конституціи большей части государствъ см. у Дюфо, Дювержье и Гаде, у Пёлитца (см. выше, стр. 164) и др. Выдержки помѣщены въ сборникѣ Іегера и Мольденгауера (см. выше, стр. 339).

[3]) Lerchenfeld. Die bayerische Verfassung und die Karlsbader Beschlüsse. 1883.

ство получили лишь три небольшихъ саксонскихъ герцогства (Саксенъ-Веймаръ, Саксенъ-Кобургъ и Саксенъ-Мейнингенъ), не могшія, конечно, играть значительной роли въ союзѣ. Оставляя въ сторонѣ эти три владѣнія, мы должны объяснить, почему именно юго-западная Германія ранѣе всего выступила на путь конституціоннаго развитія. Эти государства, находясь по сосѣдству съ Франціей, подвергались всегда болѣе или менѣе ея вліянію, первыми вошли въ составъ Рейнскаго союза и произвели у себя полнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ, внутреннія преобразованія въ духѣ французскихъ учрежденій [1]). На вѣнскомъ конгрессѣ болѣе, нежели другія государства, Баварія и Вюртембергъ отстаивали неприкосновенность суверенитета отдѣльныхъ нѣмецкихъ государей, противясь въ то же время обязательному введенію земскихъ чиновъ, предпочитая рѣшить потомъ этотъ вопросъ, хотя бы и въ самомъ либеральномъ смыслѣ, но только по собственной иниціативѣ. Отстаивая свою самостоятельность, ради уже простого противодѣйствія объединительнымъ стремленіямъ южногерманскія правительства захотѣли выдѣлиться изъ остальной Германіи и противопоставить Австріи и Пруссіи съ ихъ абсолютизмомъ свои конституціонныя учрежденія, которыя заставили бы ихъ подданныхъ еще болѣе дорожить мѣстною независимостью. Между тѣмъ, старые земскіе чины возстановлять не приходилось по той простой причинѣ, что они находились бы въ полномъ противорѣчіи съ тѣми преобразованіями, какія въ этихъ государствахъ были произведены въ эпоху Рейнскаго союза. Земскіе чины представляли собою феодализмъ и областной партикуляризмъ, а въ южно-германскихъ государствахъ въ 1807 — 1813 гг. по образцу Франціи навесенъ былъ ударъ аристократическимъ притязаніямъ и введена была строгая централизація, что не допускало возстановленія старыхъ чиновъ, съ коими сами же эти правительства находились прежде въ борьбѣ. Государи юго-западной Германіи, расширявшіе свои владѣнія и повысившіеся въ рангѣ, благодаря Наполеону, вообще не могли сочувствовать реставраціи старины, ибо послѣдняя была бы равносильна для нихъ отказу отъ сдѣланныхъ пріобрѣтеній на счетъ всѣхъ медіатизированныхъ имперскихъ чиновъ, и вотъ противъ притязаній съ ихъ стороны лучшимъ средствомъ казалось этимъ государямъ опереться на народное представительство, котораго требовало притомъ и болѣе развитое общественное мнѣніе. Совсѣмъ другое представлялъ сѣверъ Германіи. Большая часть тамошнихъ князей при Наполеонѣ была лишена своихъ владѣній, часть коихъ была непосредственно присоединена къ Франціи, а другая вошла въ составъ королевства Вестфальскаго [2]). На сѣверѣ Германіи

[1]) См. выше, стр. 162—163.

[2]) См. выше, стр. 146 и слѣд.

въ 1814—1815 гг. поэтому производилась реставрація, которой не было на югѣ, и весьма естественно, что сѣверно-нѣмецкія правительства должны были относиться совершенно иначе ко всѣмъ происшедшимъ перемѣнамъ и новымъ идеямъ, чѣмъ на югѣ. Государи, вернувшіеся въ свои владѣнія, сочли первою задачею своею уничтожить все, что было сдѣлано во время ихъ отсутствія французскими правителями. Они возстановляли старыя формы абсолютизма и привилегіи дворянства, а если и вводили landesständische Verfassungen, то воскрешая средневѣковое представительство привилегированныхъ корпорацій и классовъ съ ихъ консервативными интересами и даже прямо реакціонными стремленіями. Если выключить великія державы, входившія въ составъ Германскаго союза, т.-е. Австрію и Пруссію, о коихъ рѣчь будетъ идти особо, то вся Германія и представится намъ рѣзко раздѣленною на двѣ части: на югѣ сохранились перемѣны, совершенныя подъ вліяніемъ Франціи и введены были новыя конституціи, на сѣверѣ произошла реакція и возстановленъ былъ абсолютизмъ. При поддержкѣ Австріи и Пруссіи, конечно, сѣверная Германія должна была получить перевѣсъ надъ южною, и конституціонныя учрежденія, введенныя въ послѣдней, не получили надлежащаго развитія.

Баварская конституція, введенная въ 1818 г., дѣйствуетъ съ нѣкоторыми измѣненіями и въ настоящее время. Она объявляла свободу совѣсти съ точнымъ разграниченіемъ сферъ вѣдѣнія государства и церкви, свободу мнѣній съ законномѣрными ограниченіями возможныхъ злоупотребленій ею, равноправность всѣхъ подданныхъ по отношенію къ занятію государственныхъ должностей, всеобщую воинскую повинность, равенство всѣхъ передъ закономъ, безпристрастіе и скорость судопроизводства, равномѣрное обложеніе, возстановленіе общиннаго самоуправленія, представительство всѣхъ классовъ гражданъ (eine Standschaft hervorgehend aus allen Klassen der im Staate ansässigen Staatsbürger) съ правомъ участія въ законодательствѣ и вотированія налоговъ (mit den Rechten des Beirats, der Zustimmung, der Willigung und der Beschwerdeführung etc.) и наконецъ гарантію конституціи противъ произвольныхъ измѣненій, хотя съ возможностью внесенія въ нее улучшеній. Конституція эта устанавливала въ Баваріи собраніе государственныхъ чиновъ (die allgemeine Versammlung der Stände), состоящее изъ палаты государственныхъ совѣтниковъ (die Kammer der Reichsräte) и палаты депутатовъ (die Kammer der Abgeordneten): въ составъ первой входили достигшіе совершеннолѣтія принцы, высшіе сановники, два архіепископа, главы княжескихъ и графскихъ фамилій, бывшихъ прежде имперскими, одинъ епископъ, назначенный королемъ, президентъ протестантской генеральной консисторіи и другіе наслѣдственно

или пожизненно назначенные королемъ члены, а членами второй палаты должны были быть землевладѣльцы съ вотчинной юстиціей (gutsherrliche Gerichtsbarkeit) и депутаты университетовъ, католическаго духовенства, городовъ и мѣстечекъ и землевладѣльцевъ по одному депутату на 7000 семействъ. Король обязывался созывать собранія государственныхъ чиновъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ три года, а въ случаѣ роспуска собранія долженъ былъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ назначить новые выборы.—Аналогичную конституцію получилъ Вюртембергъ. Король этого государства Фридрихъ I въ эпоху Рейнскаго союза отличался крайнимъ деспотизмомъ, а послѣ низложенія Наполеона примкнулъ съ большою неохотою и позже другихъ къ Германскому союзу. Теперь у него уже не было той могущественной поддержки, какую онъ имѣлъ въ Наполеонѣ, и чувствуя, что недовольство подданныхъ противъ него все возрастаетъ, онъ еще въ январѣ 1815 г. издалъ манифестъ, въ коемъ обѣщалъ въ скоромъ времени дать странѣ представительную конституцію (eine Verfassung und ständische Repräsentation), о введеніи которой онъ будто-бы думалъ еще съ 1806 г. Она была уже готова къ марту. Несмотря на то, что конституція эта была довольно либеральна, особенно въ виду деспотическаго нрава короля, старые земскіе чины ее отвергли, требуя возстановленія прежняго устройства. Тогда король въ августѣ того же 1815 г. составилъ второй проектъ конституціи, еще болѣе либеральный, но такъ до самой своей смерти (въ 1816 г.) ему и не удалось придти къ соглашенію съ своими подданными, и лишь при его сынѣ, Вильгельмѣ, введена была (1819) новая конституція. Она установляла двѣ палаты—господъ (Kammer der Standesherren) и депутатовъ съ составомъ, довольно близкимъ къ составу палатъ баварскихъ. Самою либеральною была, однако, конституція баденская, октроированная въ 1818 г. Между Баваріей и Баденомъ было не мало счетовъ, и великій герцогъ Карлъ, не желая оставаться позади сосѣда, далъ своимъ подданнымъ конституцію, составленную вполнѣ по образцу хартіи Людовика XVIII. Эта конституція провозглашала принципы личной свободы и гражданскаго равенства и давала сравнительно широкія права представительству, организованному по двухпалатной системѣ. Въ первой палатѣ должны были засѣдать, кромѣ принцевъ и главъ аристократическихъ фамилій (standesherrlichen Familien), католическій епископъ, одно протестантское духовное лицо, восемь выборныхъ депутатовъ дворянства, два депутата университетскихъ и лица, приглашенныя великимъ герцогомъ, а вторую палату должны были составлять депутаты городовъ и округовъ. Для выборовъ депутатовъ установлялась двухстепенная система: депутатовъ выбирали особые выборщики. Право избранія—активное и пассивное—

было представлено всѣмъ баденцамъ, достигшимъ двадцатипятилѣтняго возраста и значащимся въ числѣ гражданъ и занимающимъ какую-либо должность въ избирательномъ округѣ; но для того, чтобы быть выбраннымъ въ депутаты, требовался отъ избираемаго извѣстный цензъ. Въ Гессенъ-Дармштадтѣ конституція была результатомъ народнаго требованія, хотя по формѣ и вводилась какъ бы по собственному изволенію великаго герцога. Двухпалатное представительство было введено и здѣсь, но дармштадтская вторая палата состояла лишь изъ представителей дворянства и шести наиболѣе важныхъ городовъ [1]).

Несмотря, однако, на введеніе въ южно-германскихъ государствахъ конституціонныхъ учрежденій, и здѣсь нельзя не отмѣтить существованія множества реакціонныхъ явленій. Баварскій конкордатъ съ римской куріей (1817) предоставлялъ католическому духовенству громадныя права и вліяніе, находившіяся въ полномъ противорѣчіи съ духомъ новаго времени. Съ другой стороны, едва только баварскій сеймъ сталъ обнаруживать признаки самостоятельности, какъ самъ король Максимиліанъ-Іосифъ сталъ тормазить его дѣятельность, пользуясь раздоромъ, возникшимъ между отдѣльными сословіями. Его преемникъ (съ 1825) Людвигъ I, любитель, знатокъ и покровитель изящныхъ искусствъ и романтики, въ качествѣ наслѣднаго принца высказывалъ либеральныя мысли по политическимъ вопросамъ, но въ то же время отличался особою приверженностью къ католицизму. Исполненный противорѣчій, онъ въ началѣ своего царствованія предпринялъ нѣкоторыя либеральныя реформы и въ то же время сталъ помогать церковной реакціи, руководимой романтикомъ и ретроградомъ фонъ-Шенкомъ. Все правленіе Фридриха I Вюртембергскаго, умершаго въ 1816 г., было временемъ очень страннымъ въ томъ отношеніи, что либеральная конституція, составленная этимъ деспотическимъ королемъ, какъ было сказано, встрѣтила оппозицію во имя историческаго права старыхъ земскихъ чиновъ, существовавшихъ въ странѣ до 1805 г. [2]). Та же консервативная оппозиція продолжалась и въ началѣ царствованія либеральнаго Вильгельма I, и конституція, которая наконецъ была введена въ 1819 г., имѣла гораздо менѣе либеральный характеръ, нежели проекты Фридриха I и его сына. Въ Баденѣ великому герцогу Карлу наслѣдовалъ (съ 1818 г.) его дядя Людвигъ, служившій прежде въ прусской арміи, пристрастившійся на этой службѣ къ солдатчинѣ и вдобавокъ подпавшій подъ вліяніе Меттерниха. Новое правительство вступило въ

[1]) Саксенъ-Веймарская конституція отличалась характеромъ весьма либеральнымъ.

[2]) Объ отмѣнѣ ихъ выше, стр. 163. Раньше они были въ постоянной борьбѣ съ правительствомъ, т. III, стр. 33.

борьбу съ конституціонными учрежденіями и стало на сеймахъ двадцатыхъ годовъ заявлять, что органическіе законы могутъ быть издаваемы безъ участія сейма, что утвержденіе бюджета сеймомъ не есть еще законъ для правительства, что сеймъ не имѣетъ права опредѣлять расходы на армію и т. п. Мало того: великій герцогъ жаловался въ Вѣнѣ на баденскіе чины и просилъ Меттерниха защитить его отъ ихъ „нахальства“. Путемъ страшнаго давленія на выборы въ 1825 г. Людвигу I удалось добиться вполнѣ покорной палаты, которая произвела въ конституціи нѣсколько реакціонныхъ измѣненій. Въ Гессенъ-Дармштадтѣ правительство также вмѣшивалось въ выборы и преслѣдовало либеральныхъ депутатовъ.

Еще болѣе полную картину реакціи представляетъ намъ сѣверная Германія. Саксонія продолжала сохранять въ своемъ государственномъ быту дореволюціонные порядки, такъ какъ возведеніе ея Наполеономъ на степень королевства и присоединеніе къ Рейнскому союзу не сопровождались никакими внутренними перемѣнами. Фридрихъ-Августъ и послѣ 1815 г. придерживался той системы управленія, которая существовала еще при его вступленіи на престолъ въ 1768 г., а его преемникъ (съ 1827 г.) Антонъ I допустилъ даже іезуитовъ въ Саксонію и вообще сильно покровительствовалъ католической пропагандѣ въ этой протестантской странѣ [1]). Реставрація старой династіи въ Ганноверѣ сопровождалась отмѣною всѣхъ новыхъ порядковъ: французскіе учрежденія и законы были замѣнены прежними съ возобновленіемъ негласнаго судопроизводства, пытки и т. п.; дворянскія привилегіи возстановлены; законы въ пользу крестьянъ объявлены недѣйствительными; снова были введены таможни между отдѣльными провинціями и т. п. Правда, Ганноверъ получилъ (1819 г.) конституцію, но она была составлена въ старомъ феодальномъ духѣ и, выдвигая впередъ дворянство, не ограничивала чисто бюрократическаго управленія страною. Въ Брауншвейгѣ при малолѣтнемъ герцогѣ опекунское правленіе англійскаго принца-регента еще сдерживало нѣсколько реакцію (хотя тоже отмѣнило введенныя французами реформы), но едва герцогъ достигъ совершеннолѣтія (1823), какъ началось чисто тиранническое управленіе и этою землею, доведшее до рѣзкаго столкновенія между государемъ и земскими чинами и даже до вмѣшательства союзнаго сейма. Въ Гессенъ-Кассельѣ престарѣлый курфюрстъ Вильгельмъ I, отличавшійся деспотизмомъ, скупостью и мелочностью, введшій даже снова парики и косы, которые вышли изъ употребленія, призналъ недѣйствительнымъ все, что случилось послѣ его удаленія изъ страны,

[1]) Извѣстно, что династія, царствующая въ Саксоніи, приняла католицизмъ еще въ концѣ XVII в.

лишилъ новоприобрѣтенныхъ правъ и должностей всѣхъ лицъ, которыя служили вестфальскому режиму, и возстановилъ всѣ старые порядки, какіе господствовали до 1806 г., начавъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми правдами и неправдами выжимать деньги изъ своихъ подданныхъ. Обязавшись по договору 1813 г. [1]) возвратить прежнія права земскимъ чинамъ, онъ вынужденъ былъ собрать ихъ, но разссорился съ ними (1815—1816) и, распустивъ собраніе, правилъ потомъ самовластно. Хотя его сынъ Вильгельмъ II (съ 1821) и возстановилъ сеймъ, но прежняя система не подверглась никакому существенному измѣненію. Мекленбургъ, бывшій въ XVIII вѣкѣ страною наибольшаго развитія феодализма, въ эпоху реставраціи былъ снова приведенъ въ свой прежній видъ, и, быть можетъ, нигдѣ такъ тяжело не приходилось крестьянству отъ реакціи, какъ именно въ Мекленбургѣ, гдѣ вся власть находилась въ рукахъ заносчиваго и корыстолюбиваго дворянства. Отмѣна французскихъ законовъ и возстановленіе абсолютизма съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ патріархальности совершены были и въ реставрированномъ Ольденбургѣ. Что касается до Нассау, составившагося болѣе чѣмъ изъ 25 владѣній, которыя были самостоятельными въ концѣ XVIII в., то здѣсь введены были земскіе чины еще въ 1814 г., но болѣе точное опредѣленіе ихъ правъ и дѣятельности было отложено; правительство воспользовалось этимъ, чтобы собрать сеймъ лишь въ 1818 г. и то лишь больше для формы, такъ какъ всѣ важнѣйшія дѣла герцогское правительство рѣшало безъ всякаго участія сейма. Наконецъ, даже въ вольныхъ городахъ (за исключеніемъ одного Франкфурта-на-Майнѣ) были возстановлены устарѣлыя учрежденія временъ Священной Римской имперіи.

Этихъ, наиболѣе важныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ сравнительно мало осталось въ учрежденіяхъ и законахъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ—слѣдовъ тѣхъ переворотовъ, которымъ Германія подверглась въ эпоху французскаго владычества, если не считать тѣхъ перемѣнъ, какія были произведены во всей Германіи, какъ единомъ цѣломъ (уничтоженіе Священной Римской имперіи, духовныхъ владѣній, громаднаго большинства мелкихъ княжествъ, почти всѣхъ имперскихъ городовъ и всего имперскаго рыцарства), и исключить юго-западную Германію, гдѣ французское вліяніе сказалось довольно сильно. Общій тонъ этой реакціонной политикѣ задавали великія державы, Австрія и Пруссія, изъ коихъ первой принадлежало притомъ предсѣдательство въ союзномъ сеймѣ.

Австрія [2]) вышла побѣдительницей изъ всѣхъ потрясеній конца

---

[1]) См. выше, стр. 213.

[2]) Литература указана выше, стр. 10, 310, 311 и 339.

XVIII и начала XIX. Четыре раза она должна была заключать унизительные мирные договоры; два раза ея столица сдавалась побѣдителю; у нея отнимались громадныя провинціи; наконецъ, австрійскій государь вынужденъ былъ сложить съ себя корону Священной Римской имперіи,—и тѣмъ не менѣе, благодаря военнымъ и дипломатическимъ усиліямъ, монархія Габсбурговъ въ 1815 г. была въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ прежде. Черезполосица ея владѣній была уничтожена, и государственная территорія ея округлилась. Въ 1792 г. Австрія владѣла 640 кв. километрами съ 24 милліонами населенія, а въ 1815 г. территорію ея составляли почти 670 кв. километровъ, а населеніе доходило до 28 милліоновъ. Мы уже видѣли, какое положеніе заняла Австрія въ Италіи, гдѣ ей отдано было королевство Ломбардо-венеціанское, а на престолахъ Тосканы, Модены и Пармы сѣли члены Габсбургской династіи [1]), послѣ же подавленія неаполитанской и пьемонтской революціи и остальныя области попали подъ опеку вѣнскаго двора. Но Австрія заняла, кромѣ того, первенствующее положеніе и въ Германскомъ союзѣ, какъ самое населенное нѣмецкое государство, хотя для этого потребовалось ввести въ составъ союза и земли съ преобладающимъ славянскимъ элементомъ, въ которыхъ, впрочемъ, была усилена германизація [2]). Все это дѣлало Австрію одною изъ первенствующихъ державъ въ международной политикѣ Европы, чему немало содѣйствовало и то, что за двадцатилѣтній періодъ войнъ вѣнское правительство создало сильную армію, которая поддерживала и внѣшній престижъ монархіи, и внутренній порядокъ. Причины чисто консервативнаго направленія австрійской политики послѣ 1815 г. нами были уже указаны, когда шла рѣчь о возникновеніи общеевропейской реакціи, въ которой Австріи пришлось играть руководящую роль по части изобрѣтенія репрессивныхъ мѣръ [3]): для вѣнскаго правительства было важно, чтобы и нѣмцы, и итальянцы, и поляки за ея границами сидѣли смирно и не смущали ея нѣмецкихъ, итальянскихъ и польскихъ подданныхъ. Если разнокалиберный составъ населенія монархіи и представлялъ своего рода неудобство, то въ немъ же была для правительства и выгодная сторона. „Мои народы, говорилъ Францъ I французскому посланнику, чужды другъ другу, но тѣмъ лучше. Они не подвергаются одновременно одной и той же болѣзни. Когда во Франціи начинается горячка, она овладѣваетъ всѣми. Я посылаю венгровъ въ Италію, а итальянцевъ въ Венгрію.

---

[1]) См. выше, стр. 241—242.

[2]) О германизаціи въ Австріи и о возрожденіи угнетенныхъ ею національностей рѣчь будетъ идти въ V томѣ.

[3]) См. выше, стр. 309—312.

Каждый стережетъ своего сосѣда. Они не понимаютъ другъ друга и другъ друга ненавидятъ. Изъ ихъ антипатіи другъ къ другу рождается порядокъ, и ихъ взаимная ненависть служитъ основаніемъ общаго мира". Мы познакомились уже и съ самимъ монархомъ, [1]) и съ его министромъ [2]): понятно, какой порядокъ завели они въ Австріи послѣ 1815 г. Францъ I любилъ придавать своему абсолютизму характеръ патріархальности, что умиляло простаковъ и было поводомъ славословій для льстецовъ. На самомъ дѣлѣ подъ внѣшнимъ видомъ патріархальности скрывались подозрительность, страсть къ наушничеству, жестокость, соединенныя съ презрѣніемъ къ отдѣльнымъ народностямъ имперіи и ненавистью къ просвѣщенію, къ наукѣ, къ литературѣ. Въ Австрію были выписаны Фридрихъ Шлегель, Адамъ Мюллеръ [3]) и др. люди такихъ же убѣжденій, и это были наиболѣе замѣтныя умственныя силы габсбургской столицы; вмѣстѣ съ тѣмъ полиція и цензура наблюдали за тѣмъ, чтобы въ страну не ввозилось „вредныхъ" книгъ и даже „опасныхъ" частныхъ писемъ. Свой взглядъ на образованіе Францъ I высказалъ коротко и ясно преподавателямъ лайбахской гимназіи въ 1821 г.: „держитесь старины, ибо только она одна и хороша. Если нашимъ предкамъ съ ней было недурно, зачѣмъ намъ поступать иначе? Теперь въ ходу новыя идеи, но я ихъ не одобряю и никогда не одобрю... Ученыхъ мнѣ не нужно, мнѣ нужны только вѣрные подданные. Приготовлять ихъ—вотъ въ чемъ вся ваша обязанность. Кто мнѣ служитъ, тотъ долженъ понимать, что я приказываю. Кому это не по силамъ или у кого новыя идеи, пусть лучше убирается, иначе я его прогоню". Поэтому онъ запрещалъ своимъ подданнымъ ѣздить учиться за границу, читать книги, изданныя за границей или такія, которыя были доступны раньше въ такихъ областяхъ, какъ Ломбардо-венеціанское королевство. Въ собственныхъ учебныхъ заведеніяхъ правительство всячески стѣсняло преподаваніе философіи и исторіи и поощряло лишь такія науки, въ коихъ не было и быть не могло никакихъ „опасныхъ" идей. Оно главнымъ образомъ поддерживало замкнутыя дворянскія и военныя школы или чисто спеціальныя и профессіональныя училища, съ подозрѣніемъ относясь къ университетамъ. Низшая школа была вполнѣ предоставлена нетерпимому и мало образованному католическому духовенству. Вмѣстѣ съ этимъ правительство вообще оказывало всевозможное покровительство духовенству, іезуитамъ, монахамъ всякихъ орденовъ, поскольку они стремились господствовать надъ свѣтскимъ

---

[1]) См. выше, стр. 157.
[2]) См. выше, стр. 310—311.
[3]) См. выше. стр. 268—269 и 280.

обществомъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ правительство не только ревниво оберегало себя отъ какихъ бы то ни было притязаній церкви на господство надъ государствомъ, но стремилось во всемъ подчинить ее себѣ и своимъ агентамъ. Ультрамонтаны даже жаловались, что правительство все еще держится деспотической системы Іосифа II, и это было вѣрно. И съ дворянствомъ государственная власть держалась такой же политики, т.-е. всячески охраняло привилегіи этого сословія и власть его надъ сельскою массою, но ревниво слѣдило за тѣмъ, чтобы дворянство не пользовалось никакимъ значеніемъ, какъ единая корпорація съ политическими правами. Объ общемъ представительствѣ, хотя бы даже въ старой сословной формѣ въ Австріи и рѣчи не заходило, но если правительство и сохранило или возстановило въ отдѣльныхъ провинціяхъ земскіе чины—съ преобладаніемъ на нихъ представителей духовенства и дворянства и съ исключеніемъ изъ представительства народной массы, кромѣ горожанъ,—то въ сущности сеймы (Postulatenlandtage), на которые собирались мѣстные сословные представители, не имѣли никакого значенія даже въ областной жизни, такъ какъ все управленіе находилось въ рукахъ бюрократіи. Несмотря, однако, на механическую централизацію, которой были подчинены самыя несходныя между собою провинціи имперіи, между ними были учреждены пограничныя линіи съ заставами и таможнями; онѣ стали уничтожаться лишь въ 1825 г., да и то не для Венгріи, остававшейся отдѣленною отъ другихъ частей монархіи и впослѣдствіи [1]). Однимъ словомъ, Австрія сохраняла въ полной неприкосновенности основныя черты „стараго порядка“ [2]). На его поддержку и въ остальной Германіи она также употребляла всѣ свои усилія, и старанія ея увѣнчались полнымъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что если отдѣльныя нѣмецкія правительства и отстаивали себя отъ всякихъ поползновеній Австріи вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла, то это отнюдь не препятствовало имъ дѣйствовать за-одно съ вѣнскимъ правительствомъ каждый разъ, когда дѣло шло о поддержкѣ или усиленіи культурной, соціальной и политической реакціи.

Въ исходѣ второго десятилѣтія XIX в. либеральное движеніе въ Германіи приняло довольно своеобразный характеръ и, выразившись главнымъ образомъ въ стремленіяхъ университетской молодежи, вызвало цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ, однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ коихъ былъ Меттернихъ [3]).

---

[1]) О борьбѣ венгерскаго сейма съ австрійскимъ правительствомъ въ эту эпоху рѣчь будетъ идти въ V томѣ.

[2]) См. Т. III, стр. 17 и слѣд.

[3]) Для послѣдующаго см. Pröhle-Euler. Jahns Leben und Wirken. 1881.—Keil. Geschichte des jenaischen Studentenlebens. 1858.—Его же Die Grün-

Нѣмецкіе патріоты были страшно разочарованы и огорчены исходомъ вѣнскаго конгресса и началомъ почти повсемѣстной реакціи. Недовольство общимъ направленіемъ нѣмецкой политики проникло въ учащуюся молодежь, которая была сильно взволнована всѣми событіями этой эпохи, начиная съ войны за освобожденіе. Еще въ 1811 г. въ Берлинѣ нѣкто Янъ (Jahn) открылъ для молодежи гимнастическое заведеніе, исходя изъ той идеи, что здоровый духъ можетъ быть лишь въ здоровомъ тѣлѣ, и что, только развивъ въ себѣ духъ и тѣло, нѣмецкая нація въ состояніи будетъ сбросить съ себя иноземное иго. Въ то же время онъ выступилъ и какъ публицистъ, поставившій своей задачею обновить въ молодежи національный патріотизмъ, но въ этой проповѣди Яна было гораздо больше громкихъ фразъ и нелѣпыхъ порывовъ, чѣмъ опредѣленныхъ идей; его „тевтонизмъ“ нерѣдко впадалъ даже въ каррикатурность: недаромъ по окончаніи войны онъ совѣтовалъ оставить между Франціей и Германіей полосу земли для разведенія на ней дремучаго лѣса, въ которомъ жили бы одни лишь дикіе звѣри, чтобы оградить такимъ образомъ нѣмцевъ отъ французскаго вліянія. Какъ „отецъ гимнастики“ (Turnvater) и ненавистникъ французовъ, Янъ имѣлъ успѣхъ среди молодежи, понимавшей тевтонизмъ именно въ смыслѣ внѣшней грубости и крайняго націонализма. Въ войнѣ 1813 г. Янъ принялъ весьма дѣятельное участіе, а въ 1817 и 1818 г. читалъ въ Берлинѣ съ большимъ успѣхомъ лекціи о нѣмецкой народности. Культурное реакціонерство, заключавшееся въ проповѣди Яна, заставило нѣкоторыхъ ученыхъ вооружиться противъ односторонности его направленія, и по этому случаю произошла даже полемика, въ которой были задѣты и политическіе вопросы. Это сильно затронуло гимнастическія общества молодежи, къ тому времени распространившіяся изъ Берлина и въ другія мѣста. Правительства, съ неудовольствіемъ смотрѣвшія на все, что только могло нарушить сонный покой, въ какомъ они хотѣли держать націю, закрыли тогда гимнастическія общества. Самъ Янъ, какъ „демагогъ“, былъ посаженъ въ тюрьму, въ которой провелъ около шести лѣтъ (1819—1825), а когда его выпустили, то онъ все-таки не имѣлъ уже болѣе права жить въ Берлинѣ и городахъ, гдѣ были университеты и гимназіи. Повидимому, Янъ

---

dung der deutschen Burschenschaft in Jena.—Schmid. Das Wesen der Burschenschaft. 1880.—Rabany. Kotzebue, sa vie et son temps. 1893.—Ilse. Geschichte der politischen Untersuchungen.—Его же Protokolle der deutschen Ministerialkonferenzen zu Wien. 1860—Lerchenfeld (см. выше, стр. 351).—Weech. Zur Geschichte der Ministerialkonferenzen von Karlsbad und Wien. 1865.—Aegidi. Aus dem Jahre 1819. 1861.—Его же Die Schlussakte der Wiener Ministerialkonferenzen. 1860.—F. Münch. Erinnerungen aus Deutschlands trübster Zeit. 1873.

участвовалъ въ образованіи іенскаго бурсачества (Burschenschaft), которое во всякомъ случаѣ находилось въ связи съ гимнастическими союзами, вызванными къ жизни Яномъ. Основана была эта Burschenschaft въ 1815 г. нѣсколькими іенскими студентами, принимавшими участіе въ войнѣ за освобожденіе въ одномъ отрядѣ съ Яномъ. Цѣлью ихъ союза было противодѣйствовать партикуляристическимъ стремленіямъ отдѣльныхъ землячествъ (Landmannschaften) во имя общегерманскаго патріотизма и придать студенческой жизни болѣе серьезный характеръ, замѣнивъ кутежи и буйства—интересами научными, нравственными и религіозными. Въ то самое время, какъ нѣмецкіе либералы старшихъ поколѣній являлись поклонниками англійскихъ и французскихъ политическихъ учрежденій, университетская молодежь подъ вліяніемъ романтической литературы и патріотической лирики была теперь проникнута особымъ уваженіемъ ко всему нѣмецкому и къ родной своей старинѣ, отличаясь въ то же время религіозностью, принимавшею иногда характеръ какой-то восторженности. Лозунгами студенческаго союза, охватившаго собой всѣ протестантскіе университеты и получившаго правильную организацію, были „свобода, честь, отечество“, и на первыхъ порахъ въ этомъ союзѣ патріотически и романтически настроенной молодежи не было рѣшительно ничего „политическаго“, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Центромъ движенія была Іена, находившаяся во владѣніяхъ великаго герцога Саксенъ-Веймарскаго, который далъ своимъ подданнымъ либеральную конституцію съ довольно значительною свободою печати. Въ Іенѣ, равно какъ въ самомъ Веймарѣ, выходило нѣсколько газетъ съ оппозиціоннымъ направленіемъ: „Oppositionsblatt“ Линднера, „Немезида“ и „Staatsverfassungsarchiv“ Людена, „Изида“ Окена, „Другъ народа“ (впослѣдствіи „Патріотъ“) Людвига Виланда и др. Нѣмецкія правительства были недовольны такимъ направленіемъ веймарской прессы: скоро представился и поводъ принять репрессивныя мѣры противъ университетовъ и печати.

Въ 1817 г. протестантская Германія должна была отпраздновать трехсотлѣтній юбилей реформаціи. Іенское студенчество пригласило пріѣхать въ Вартбургъ на 18 октября (день лейпцигской битвы 1813 г.) товарищей изъ всѣхъ протестантскихъ университетовъ для того, чтобы вмѣстѣ отпраздновать юбилей реформаціи съ годовщиною лейпцигскаго сраженія и устроить товарищеское вѣче. На торжество собралось 468 студентовъ изъ 12 университетовъ, и въ немъ приняли участіе нѣкоторые профессора. Въ самомъ началѣ праздника было сдѣлано предложеніе о сожженіи реакціонныхъ книгъ, но оно было отклонено. Характеръ собранія былъ религіозно-патріотическій: молились, пѣли священные гимны, произносили рѣчи, которыя были больше похожи на церковныя проповѣди, и т. п. Но въ праздникѣ, несомнѣнно, была

и политическая сторона, хотя не ей все-таки принадлежало преобладаніе. Одинъ студентъ по фамиліи Риманнъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой говорилъ объ обманутыхъ надеждахъ народа и благодарилъ Карла-Августа Саксенъ-Веймарскаго, какъ единственнаго государя, сдержавшаго свое обѣщаніе. Кромѣ того, было пропѣто нѣсколько либеральныхъ пѣсенъ, а извѣстнымъ реакціонерамъ провозглашено было „pereat“. Только уже по окончаніи праздника нѣкоторые изъ его участниковъ устроили костеръ, въ который стали бросать макулатуру, выкрикивая при этомъ названія такихъ сочиненій, какъ „Souveränität und Staatsverfassung“ Ансильона, „13 статья союзнаго акта“ Дабелова, „Возстановленіе государственныхъ наукъ“ Галлера [1]), „Исторія германской имперіи“ Коцебу, „Германоманія“ Саула Ашера и т. п., а потомъ полетѣли въ костеръ капральская палка и фальшивыя солдатскія косы, какъ эмблемы стараго деспотизма. На другой день студенты совѣщались объ организаціи всеобщаго нѣмецкаго бурсачества и объ основаніи студенческой газеты, но совѣщанія эти не имѣли уже политическаго характера. Реакціонная печать забила, однако, въ набатъ по поводу вартбургскаго праздника, и вѣнскій дворъ послалъ великому герцогу, владѣнія коего были центромъ агитаціи, представленіе по поводу всего происшедшаго. Мало того: вартбургскій праздникъ сдѣлался предметомъ совѣщаній на ахенскомъ конгрессѣ, на которомъ молдавскій уроженецъ Стурдза, состоявшій на русской службѣ, представилъ особый мемуаръ о состояніи Германіи (Memoire sur l'état actuel de l'Allemagne par M. de S., conseiller d'état de S. M. de toutes les Russie). Германія, находящаяся въ сердцѣ Европы, изображалась здѣсь, какъ охваченная революціоннымъ движеніемъ, и указывались причины этого движенія: 1) „всеобщее перемѣщеніе лицъ и цѣлыхъ классовъ, какъ прямой результатъ французской революціи; 2) туманность (le vague) и дезорганизація революціонныхъ идей, сдѣлавшихся первою потребностью страждущаго человѣчества и ставшихъ вслѣдствіе этого главнымъ орудіемъ страсти и заблужденія; 3) постоянно возростающіе недостатки народнаго просвѣщенія, дошедшіе до послѣдней крайности, вслѣдствіе чего даже самая современная система законодательства и администраціи совершенно противъ нихъ безсильна.“ Главное зло поэтому въ нѣмецкихъ университетахъ, этихъ „готическихъ обломкахъ средневѣковой эпохи, не соотвѣтствующихъ учрежденіямъ и потребностямъ нашего вѣка“, этихъ „хранилищахъ (répertoires) всѣхъ заблужденій вѣка“, и т. п. Выводъ изъ всего этого дѣлался одинъ: нужно уничтожить всѣ академическія привилегіи и подчинить университеты строжайшей регламентаціи и

[1]) См. выше, стр. 279.

самому бдительному надзору. На Карла-Августа, котораго Меттернихъ называлъ „старымъ буршемъ“, европейская дипломатія произвела настолько сильное давленіе, что онъ вынужденъ былъ въ своемъ маленькомъ владѣніи ограничить свободу прессы.

Нападки реакціонной прессы на „тевтонскихъ якобинцевъ“ и репрессивныя мѣры, послѣдовавшія за вартбургскимъ праздникомъ, все болѣе и болѣе раздражали молодежь, и тогда въ ея средѣ возникло на самомъ дѣлѣ революціонное броженіе. Въ числѣ патріотовъ, сражавшихся во время войны за освобожденіе и прославившихся своими воинственными пѣснями [1]), были два брата Фоллены, изъ коихъ одинъ (Карлъ) въ 1818 г. сдѣлался приватъ-доцентомъ въ Гиссенѣ, откуда переселился въ Іену. Здѣсь около него сгруппировался кружокъ такъ называемыхъ „безусловныхъ“ (Unbedingten), мечтавшихъ о нѣмецкой республикѣ, прославлявшихъ убійство тирановъ и находившихъ нужными „подвиги“ и „жертвы“ для достиженія великой цѣли. Подъ вліяніемъ идей и стремленій этого кружка одинъ студентъ, Карлъ Зандъ, отличавшійся крайней патріотической экзальтаціей и несомнѣнно большимъ тщеславіемъ, задумалъ совершить какой-либо подвигъ, требовавшійся, по его мнѣнію, для блага родины. Своею жертвою онъ выбралъ состоявшаго на русской службѣ нѣмецкаго писателя Коцебу, нападавшаго на молодежь въ своемъ изданіи (Litterarische Wochenblatt), проповѣдывавшаго вообще обскурантизмъ и реакцію и заподозрѣннаго въ шпіонствѣ. 23 марта 1819 г. Зандъ напалъ на Коцебу и закололъ его кинжаломъ, немедленно затѣмъ сдѣлалъ попытку самоубійства, но былъ схваченъ и въ слѣдующемъ году казненъ. Коцебу былъ крайне непопуляренъ въ нѣмецкомъ обществѣ, и общественное мнѣніе сложилось въ пользу Занда, въ которомъ стали видѣть мученика за національное дѣло. Около того же времени одинъ аптекарскій ученикъ, Лёнингъ, сдѣлалъ (неудавшееся, впрочемъ) покушеніе на жизнь Ибелля, президента нассаускаго правленія, и покончилъ съ собою самоубійствомъ въ тюрьмѣ.

Все это усиливало реакцію. Меттернихъ предложилъ нѣмецкимъ правительствамъ принять общія мѣры для борьбы съ революціей, яко-бы уже охватившей чуть не всѣ земли Германіи [2]). Въ іюлѣ 1819 г. онъ имѣлъ свиданіе съ прусскимъ королемъ въ Теплицѣ и совершенно перетянулъ его на свою сторону; находившійся тутъ же Гарденбергъ не оказалъ достаточной энергіи. Здѣсь между Австріей и Пруссіей состоялся договоръ, или „пунктуація“, имѣвшая своимъ

---

[1]) См. выше, стр. 210.

[2]) Въ дѣйствительности въ это время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходили антиеврейскіе безпорядки.

предметомъ обузданіе печати и университетовъ. Великія нѣмецкія державы не довѣряли союзному сейму, находя его немного либеральнымъ, а потому задуманное дѣло было поручено министерской конференціи, собравшейся въ августѣ и сентябрѣ того же года въ Карлсбадѣ и состоявшей изъ представителей Австріи, Пруссіи, Ганновера, Саксоніи, Мекленбурга, Баваріи, Бадена, Нассау и Вюртемберга; своимъ секретаремъ она имѣла „правую руку“ Меттерниха, Генца [1]). И Меттернихъ, и Генцъ воспользовались этимъ собраніемъ, дабы истолковать § 13 союзнаго акта въ томъ смыслѣ, что подъ landesständische Verfassung нужно разумѣть не представительныя учрежденія французскаго образца, какъ иноземныя, демократическія, революціонныя по своему происхожденію и характеру, а родные, чисто германскіе, сословные, исторически сложившіеся земскіе чины. Вюртембергъ протестовалъ противъ этого, и рѣшеніе дѣла было отложено до новой министерской конференціи въ Вѣнѣ. Зато въ Карлсбадѣ были приняты (20 сентября) знаменитыя постановленія (Karlsbader Beschlüsse), коими предписывалось учредить строгій надзоръ надъ университетами и надъ преподаваніемъ профессоровъ съ увольненіемъ и непринятіемъ вновь на службу тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ читать лекціи, несогласныя съ общимъ характеромъ этихъ постановленій, а также надзоръ надъ поведеніемъ студентовъ, надъ ихъ собраніями и т. п.; кромѣ того, повсемѣстно вводилась цензура особенно для газетъ и брошюръ. Наконецъ еще въ Майнцѣ для разслѣдованія революціонныхъ происковъ была учреждена особая центральная коммиссія (Centraluntersuchungskommission) изъ представителей Австріи, Пруссіи, Баваріи, Ганновера, Бадена, Нассау и Дармштадта. Такимъ образомъ для реакціонныхъ цѣлей въ Германскомъ союзѣ создавалась теперь новая власть. Бавaрія приняла карлсбадскія постановленія съ оговоркой относительно своихъ суверенитета, конституціи и законовъ, но эта оговорка не могла имѣть никакого значенія, разъ Австрія и Пруссія дѣйствовали солидарно. Вюртембергъ пошелъ даже дальше: не желая подчиниться постановленіямъ, уменьшавшимъ его независимость, онъ искалъ поддержки у русскаго императора, но Александръ I, связанный съ Австріей и Пруссіей Священнымъ союзомъ, одобрилъ политику Меттерниха въ этомъ дѣлѣ. Майнцская центральная слѣдственная коммиссія дѣйствовала десять лѣтъ совершенно независимо отъ союзнаго сейма, утвердившаго, однако, ея существованіе. Направленіе коммиссіи было прямо ретроградное: она ставила въ вину даже принадлежность къ тугендбунду [2]), начавъ свои изслѣдованія съ 1806 г.; студенческіе кружки отождествлялись ею съ карбонар-

[1]) См. выше, стр. 311.
[2]) См. выше, стр. 211.

скими заговорами; члены коммиссіи прямо держались такихъ правилъ, что разслѣдовать нужно не только дѣйствія, но и помыслы, и что нечего основывать заключенія на фактахъ и уликахъ, когда можно приходить къ истинѣ и путемъ внутренняго убѣжденія или исторической вѣроятности; былъ даже сочиненъ никогда не существовавшій Männerbund, основанный будто бы для ниспроверженія всѣхъ существующихъ порядковъ. Понятно, что обыскамъ, арестамъ, тюремнымъ заключеніямъ и т. п. почти не было конца, и многіе нѣмцы тогда стали уѣзжать за границу, во Францію и въ Швейцарію, даже въ Америку. Но эта реакція только усиливала въ либералахъ республиканскія и французскія симпатіи, въ то же время все сильнѣе и сильнѣе отвращая южную Германію отъ Пруссіи, игравшей довольно видную роль въ этой репрессіи духовной свободы націи. До чего доходила реакція, можно видѣть изъ запрещенія, напр., „Рѣчей къ нѣмецкой націи“ Фихте [1]). Но дѣло еще не окончилось примѣненіемъ однихъ карлсбадскихъ постановленій. 25 ноября 1819 г. Меттернихъ собралъ новую министерскую конференцію въ Вѣнѣ изъ представителей всѣхъ нѣмецкихъ государствъ въ составѣ тѣснаго совѣта сейма [2]), и къ 24 мая 1820 г. эта конференція выработала новыя постановленія, которыя были приняты полнымъ составомъ сейма 8 іюля подъ названіемъ вѣнскаго заключительнаго акта (Wiener Schlussakte), имѣющаго обязательную силу наравнѣ съ союзнымъ актомъ 1815 г. Меттернихъ хотѣлъ въ этомъ документѣ провести принципъ строгаго абсолютизма, но сдѣлать ему это не удалось, ибо даже абсолютистическія правительства центральной Германіи возстали противъ вмѣшательства Австріи и союзной съ нею Пруссіи во внутреннія дѣла другихъ нѣмецкихъ государствъ. Основная тенденція вѣнскаго заключительнаго акта, въ коемъ, однако, было немало противорѣчиваго, заключалась въ томъ, чтобы отстоять неограниченную власть правительствъ и усилить дѣйствіе центральной власти лишь ради помощи мѣстнымъ правительствамъ въ борьбѣ съ либерализмомъ. Несмотря на реакціонный характеръ акта, онъ предписывалъ, чтобы ни въ одномъ государствѣ не остался неисполненнымъ параграфъ 1815 г., говорящій о landesständische Verfassungen (§ 54). Но вмѣстѣ съ тѣмъ другіе два параграфа (57 и 58) акта гласили слѣдующее: „такъ какъ германскій союзъ состоитъ, за исключеніемъ вольныхъ городовъ, изъ суверенныхъ государей, то вся государственная власть должна быть сосредоточена въ рукахъ главы государства, и потому суверенъ мѣстною конституціей (landständische Verfassung) можетъ быть обязанъ прибѣгать къ содѣйствію чиновъ лишь при

---

[1]) См. выше, стр. 209—210.

[2]) См. выше, стр. 346.

пользованіи извѣстными правами своей власти. Суверенные государи, сказано далѣе, соединенные въ Союзѣ, никоимъ образомъ не могутъ быть препятствуемы или ограничиваемы въ исполненіи своихъ обязанностей по отношенію къ союзу". Наконецъ, въ заключительномъ актѣ провозглашался и тотъ принципъ, что въ случаѣ просьбы о помощи у Союза со стороны кого-либо изъ государей, встрѣтившаго опасное для внутренняго спокойствія сопротивленіе со стороны подданныхъ, Союзъ долженъ, какъ можно скорѣе, помогать возстановленію порядка.

Для полнаго торжества реакціи въ Германіи Меттерниху послѣ карлсбадскихъ постановленій и вѣнскаго заключительнаго акта оставалось только произвести перемѣны въ личномъ составѣ союзнаго сейма, въ которомъ представители Вюртемберга, Баваріи, Гессенъ-Касселя, Гессенъ-Дармштадта, Бремена и нѣкоторые другіе противодѣйствовали австрійской и прусской политикѣ, отстаивая мѣстную независимость, даже противополагая великимъ, но лишь полунѣмецкимъ Австріи и Пруссіи свою настоящую, или чистую Германію [1]). Душой этой оппозиціи былъ вюртембергскій уполномоченный Вагенгеймъ, противъ котораго Меттернихъ и направилъ главнымъ образомъ подготовленное имъ „очищеніе" сейма. Вернувшись съ веронскаго конгресса, онъ въ январѣ 1823 г. пригласилъ въ Вѣну нѣсколькихъ государственныхъ людей одинаковаго съ нимъ образа мыслей и предложилъ имъ разсмотрѣть общее положеніе дѣлъ Германіи. По его представленію, отъ либерализма и демократизма южной Германіи грозила опасность и другимъ нѣмецкимъ государствамъ, тѣмъ болѣе, что уже и въ самый союзный сеймъ проникла оппозиція, и вотъ именно все это нужно было уничтожить. Вюртембергскій король думалъ-было отстоять своего уполномоченнаго, но великія державы отозвали изъ Штуттгарта своихъ представителей, и король, противъ котораго высказалась и Россія, долженъ былъ уступить; за нимъ пошли и другіе государи, уполномоченные которыхъ обнаруживали самостоятельность на сеймѣ. Съ 1823 г., благодаря новымъ назначеніямъ въ духѣ меттерниховской политики, союзный сеймъ сдѣлался послушнымъ орудіемъ вѣнскаго правительства, продолжившаго въ 1824 г. дѣйствіе карлсбадскихъ постановленій, которыя сначала были объявлены лишь временными, и превратившаго теперь самый сеймъ въ учрежденіе высшаго полицейскаго надзора.

Этой общей реакціи подверглась и Пруссія [2]). Въ эпоху реформъ

---

[1]) Цѣли этой оппозиціи были выражены въ составленной по порученію самого вюртембергскаго короля публикаціи подъ заглавіемъ: „Manuskript aus Süd-Deutschland" (1820).

[2]) Указанія на литературу см. выше стр. 173 и кромѣ того: A. Stern. Die preussische Verfassungsfrage und Altenstein's Reise im Jahre 1817. 1893.— Sailer. Der preussische Staatsrath und seine Reactivirung. 1884.

Штейна и Гарденберга и войны за освобожденіе на это государство, нѣмецкіе патріоты возлагали всѣ свои надежды, и даже еще во время вѣнскаго конгресса надежды эти не были еще поколеблены, но чѣмъ болѣе Пруссія подчинялась политикѣ Меттерниха, тѣмъ все болѣе и болѣе начинала расти къ ней ненависть въ другихъ нѣмецкихъ земляхъ и между прочимъ особенно на югѣ Германіи, гдѣ явилась даже мысль объ исключеніи ея вмѣстѣ съ Австріей изъ Союза, въ коемъ должны были остаться лишь „настоящія“ и „конституціонныя“ нѣмецкія страны. Конечно, участвуя въ Священномъ союзѣ, выступая за одно съ Австріей и Россіей на конгрессахъ по обще-европейскимъ дѣламъ, поддерживая реакціонную политику Меттерниха въ Германіи, Пруссія не могла въ своей внутренней жизни слѣдовать какимъ-либо инымъ принципамъ, нежели тѣ, коими руководились Священный союзъ и Меттернихъ. Притомъ недостатка во внутреннихъ элементахъ для реакціи въ Пруссіи, конечно, не было: на путь реакціи толкали правительство—дворяне, которые уже оказывали раньше консервативную оппозицію [1]) реформамъ и планамъ Штейна и Гарденберга; затронутые въ своихъ интересахъ, они сплотились для борьбы и нашли поддержку въ тѣхъ бюргерахъ, которые, благодаря новымъ законамъ, понакупили себѣ бывшихъ рыцарскихъ имѣній и весьма скоро заразились предразсудками и стремленіями землевладѣльческаго класса [2]); да и починка старой, пришедшей въ негодность правительственной машины, произведенная Штейномъ и Гарденбергомъ, лишь усилила дѣйствіе бюрократическаго элемента въ Пруссіи [3]). Въ то же самое время другія реформы, расчитанныя на то, чтобы вызвать къ жизни народныя силы и создать въ Пруссіи общесословное мѣстное самоуправленіе, или совсѣмъ не были приведены въ исполненіе, или были остановлены на полдорогѣ [4]), благодаря чему дворянско-чиновничья реакція въ Пруссіи и не могла встрѣтить надлежащаго отпора со стороны другихъ общественныхъ силъ. Самъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III по складу своего ума, по своему характеру, по традиціямъ своей династіи былъ болѣе всего склоненъ къ консерватизму, а потому общій легитимистическій духъ реакціи не могъ, конечно, не отозваться и на немъ. Крайне мнительный и нерѣшительный, онъ понималъ представительныя собранія не иначе, какъ нѣчто въ сущности весьма опасное, даже революціонное. Послѣ вѣнскаго конгресса въ Пруссіи поэтому дѣло реформъ было брошено, и начался поворотъ назадъ. Правда, Гарденбергъ продолжалъ представлять собою въ высшихъ сферахъ Берлина попрежнему

[1]) См. выше, стр. 195.
[2]) См. выше, стр. 201—202.
[3]) См. выше, стр. 199.
[4]) См. выше, стр. 197.

либеральныя идеи, но у него не было достаточной энергіи для того, чтобы проводить эти идеи въ жизнь, тѣмъ болѣе, что характеръ у него былъ вообще покладистый, и вдобавокъ еще онъ думалъ, что время реакціи будетъ непродолжительно, и что скоро наступитъ болѣе благопріятный моментъ для проведенія реформъ. Впослѣдствіи вся задача Гарденберга ограничивалась лишь тѣмъ, чтобы не допустить полной отмѣны реформъ 1807 и слѣдующихъ годовъ. Во внѣшней политикѣ къ тому же Гарденбергъ послѣ ахенскаго конгресса подчинился вліянію меттерниховской системы, особенно благодаря тому, что поставленный имъ въ министры иностранныхъ дѣлъ графъ Бернсдорфъ оказался человѣкомъ малоспособнымъ и склоннымъ къ реакціи.

Главнымъ внутреннимъ вопросомъ въ Пруссіи, какъ и въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ того времени, сдѣлался вопросъ о конституціи. Фридрихъ-Вильгельмъ III въ эпоху борьбы съ Наполеономъ не разъ высказывалъ намѣреніе дать своему народу представительство [1]), и мысль о необходимости конституціоннаго правленія поддерживалась на вѣнскомъ конгрессѣ и Гарденбергомъ, и Штейномъ [2]), который хотя и не имѣлъ оффиціальнаго положенія на конгрессѣ, тѣмъ не менѣе пользовался извѣстнымъ вліяніемъ. Мало того: 22 мая 1815 г. прусскій король, желая утвердить взаимное согласіе королевской власти и народа и „дать прусской націи залогъ своего довѣрія“, издалъ декретъ, въ коемъ обѣщалъ народу конституціонную хартію (eine schriftliche Urkunde, als Verfassung des preussischen Reiches). Сущность этого декрета сводилась къ слѣдующему: § 1. „Должно быть образовано представительство народа.“ § 2. Съ этою цѣлью должны быть возстановлены или вновь введены сообразно съ потребностями времени провинціальные чины (Provinzialstände). § 3. „Изъ провинціальныхъ чиновъ выбирается собраніе палаты представителей (Die Versammlung der Repräsentantenkammer), мѣстопребываніе коей должно быть въ Берлинѣ“. § 4. Дѣятельность представителей страны (Landesrepräsentanten) распространяется на совѣщанія по предметамъ законодательства, касающимся личныхъ и имущественныхъ правъ гражданъ со включеніемъ обложенія. Параграфъ 5 предписывалъ немедленно образовать правительственную коммиссію, которая по § 6 должна была заняться организаціей провинціальнаго и общегосударственнаго представительства и выработкой конституціонной хартіи (Verfassungsurkunde). Приведеніе въ исполненіе этого декрета возлагалось на государственнаго канцлера (Гарденберга), который и долженъ былъ предсѣдательствовать въ означенной коммиссіи, имѣвшей собраться 1 сен-

---

[1]) См. выше, стр. 198—199.

[2]) См. выше, стр. 349—350.

тября 1815 г. [1]). На самомъ дѣлѣ, однако, коммиссія собралась только 7 іюля 1817 г. Гарденбергъ еще разъ заявилъ тогда о намѣреніи короля даровать Пруссіи представительство съ совѣщательнымъ голосомъ, а для того, чтобы узнать мнѣніе отдѣльныхъ провинцій и познакомиться съ мѣстными учрежденіями, нѣсколько государственныхъ людей было послано объѣхать разныя части прусской монархіи. Свѣдѣнія, собранныя такимъ путемъ, оказались не особенно важными и вмѣстѣ съ тѣмъ противорѣчивыми. Самъ Гарденбергъ въ началѣ 1818 г. посѣтилъ прирейнскую Пруссію, гдѣ мѣстное дворянство вручило ему адресъ, направленный противъ введенія конституціи и очень понравившійся кронпринцу, но въ то же время поданъ былъ и другой адресъ съ содержаніемъ діаметрально противоположнымъ. Пока дѣло шло такимъ образомъ, Фридрихъ-Вильгельмъ III все болѣе и болѣе колебался, особенно подъ вліяніемъ извѣстій о внутренней борьбѣ, происходившей въ южно-германскихъ государствахъ, а вартбургскій праздникъ и совсѣмъ напугалъ короля. Такимъ настроеніемъ Фридриха-Вильгельма III съ успѣхомъ пользовалась сильная придворная партія, стремившаяся во чтобы то ни стало помѣшать введенію представительства. Она указывала на то, что въ 1814 г. Пруссія получила $5^1/_2$ милліоновъ подданныхъ, отъ которыхъ нельзя ожидать прусскаго патріотизма, и успокоивала короля, не желавшаго нарушить данное слово, ссылкою на то, что, какъ отецъ, любящій своихъ дѣтей, онъ долженъ исполнять лишь тѣ обѣщанія, которыя послужатъ къ ихъ благу. Главными дѣятелями этой партіи были: министръ полиціи (впослѣдствіи министръ двора) князь Виттгенштейнъ; шуринъ короля принцъ Карлъ-Мекленбургъ-Стрелицкій; совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Ансильонъ [2]), бывшій воспитатель кронпринца и авторъ нѣсколькихъ сочиненій, написанныхъ въ весьма консервативномъ духѣ, самъ примыкавшій къ исторической школѣ, и др. Замѣтимъ, что виднымъ противникомъ представительства былъ и самъ глава исторической школы Савиньи [3]). Еще рѣзче высказывался противъ конституціи и великій историкъ Нибуръ [4]). Меттернихъ поддерживалъ эту партію, и когда видѣлся съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III на ахенскомъ конгрессѣ,

---

[1]) Интеремистическое національное представительство (см. выше, стр. 199) было распущено лѣтомъ 1815 г. Оно тоже просило короля о скорѣйшемъ введеніи земскихъ и государственныхъ чиновъ.

[2]) См. выше. стр. 363. Кромѣ того, въ числѣ реакціонныхъ писателей прославился въ это время Шмальцъ, имя котораго фигурировало на вартбургскомъ праздникѣ, какъ одного изъ самыхъ завзятыхъ враговъ свободы.

[3]) См. выше, стр. 275 и 347—348.

[4]) Во Франціи историческая школа служила, наоборотъ, либерализму. Ср. выше, стр. 289—290.

то отговаривалъ его отъ введенія въ Пруссіи центральнаго представительства. Съ другой стороны, сторонники представительства не были согласны между собою, отстаивая одни — сословное начало, другіе (и въ ихъ числѣ Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ) — представительство въ новомъ смыслѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ III, благодаря этому, постоянно колебался и, не переставая при каждомъ удобномъ случаѣ заявлять о своемъ намѣреніи ввести представительство, въ сущности все болѣе и болѣе подчинялся реакціи. Въ послѣднемъ отношеніи любопытенъ королевскій указъ 2 января 1819 г., въ коемъ, съ одной стороны, повторялись заявленія о представительствѣ и защищались произведенныя уже реформы отъ обвиненія ихъ въ томъ, будто онѣ были созданы простою страстью къ новизнѣ и революціонными стремленіями, а съ другой, говорилось о необходимости чрезвычайныхъ мѣръ для прекращенія смуты, о строгомъ надзорѣ за преподаваніемъ, объ упорядоченіи прессы и т. п. Двойственному характеру этого указа соотвѣтствовала вообще вся противорѣчивая политика короля: въ то самое время, какъ прусское правительство внутри страны запрещаетъ либеральныя книги, стѣсняетъ свободу печати, преслѣдуетъ людей съ независимымъ образомъ дѣйствій, поддерживаетъ австрійскія предложенія къ Тёплицѣ [1]), а также участвуетъ въ составленіи карлсбадскихъ постановленій для распространенія репрессивныхъ мѣръ на всю Германію, въ это самое время въ число министровъ (для земскихъ и общинныхъ дѣлъ) вступаетъ Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, рѣшительный сторонникъ конституціи, и коммиссія по выработкѣ новаго государственнаго устройства попрежнему продолжаетъ свои занятія. Правда, въ самой этой коммиссіи весьма скоро возникла борьба между государственнымъ канцлеромъ Гарденбергомъ и Вильгельмомъ фонъ-Гумбольдтомъ, — между прочимъ, сильно вооружившимся противъ карлсбадскихъ постановленій,—и Гумбольдтъ былъ даже вынужденъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми единомышленниками своими выйти изъ министерства, тѣмъ не менѣе вопросъ о введеніи конституціи съ очереди все-таки не снимался. Гарденбергъ не покидалъ мысли о введеніи провинціальныхъ и государственныхъ чиновъ, причемъ по его плану члены общаго сейма должны были выбираться на провинціальныхъ сеймахъ, и компетенція сейма съ чисто совѣщательнымъ лишь голосомъ должна была ограничиваться только нѣкоторыми предметами (тогда какъ Гумбольдтъ стоялъ за непосредственные выборы, за рѣшающій голосъ, и за болѣе широкую компетенцію). Мало того: вскорѣ послѣ отставки Гумбольдта, 17 января 1820 г. Фридрихъ-Вильгельмъ III издалъ декретъ о государственномъ долгѣ Пруссіи, въ коемъ опять подавалась надежда на введеніе представительства.

[1]) См. выше, стр. 364.

Объявляя о томъ, что правительство не намѣрено дѣлать новыхъ долговъ, декретъ заключалъ въ себѣ одну весьма важную оговорку: „буде же государство впредь ради собственныхъ надобностей или для удовлетворенія потребностей общаго блага будетъ поставлено въ необходимость обратиться къ новому займу, то произойти это можетъ не иначе, какъ лишь при участіи и гарантіи со стороны будущаго представительнаго собранія“ (nur mit Zuziehung und unter Mitgarantie der künftigen reichsständischen Versammlung).

Событія 1820 г. на Пиренейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ снова подѣйствовали на Фридриха-Вильгельма III въ самомъ неблагопріятномъ для введенія представительства смыслѣ. На конгрессѣ въ Троппау Меттернихъ опять уговаривалъ прусскаго короля отказаться отъ своихъ плановъ, и вернувшись въ Берлинъ, Фридрихъ-Вильгельмъ III образовалъ новую коммиссію для разсмотрѣнія этого вопроса, назначивъ въ нее противниковъ Гарденберга и поставивъ во главѣ всего этого дѣла кронпринца. Пока Гарденбергъ оставался еще въ Италіи, коммиссія кронпринца,—который, будучи поклонникомъ романтики и реакціоннаго ученія Галлера [1]), находилъ самымъ лучшимъ возстановить провинціальные земскіе чины съ преобладаніемъ дворянства,—пришла къ тому заключенію, что въ общемъ представительствѣ Пруссія пока не нуждается, и обратилась къ королю съ просьбою созвать новую коммиссію съ участіемъ свѣдущихъ людей изъ провинцій для обсужденія вопроса о провинціальныхъ чинахъ. Несмотря на протестъ Гарденберга (вскорѣ послѣ этого и умершаго, 1822), король согласился на это предложеніе, и вновь составленная подъ предсѣдательствомъ кронпринца коммиссія съ провинціальными свѣдущими людьми (mit erfahrern Männern aus jeder Provinz) выработала наконецъ законъ 5 іюня 1823 г. о провинціальныхъ чинахъ. Въ этомъ законѣ уже прямо говорилось, что вводимыя учрежденія задуманы „въ духѣ старинnаго нѣмецкаго устройства“ (im Geiste der älteren deutschen Verfassungen), и вмѣстѣ съ тѣмъ именно въ этихъ-то самыхъ провинціальныхъ чинахъ нація приглашалась видѣть тотъ „залогъ довѣрія“, о коемъ говорилось раньше при обѣщаніи общегосударственнаго представительства. Каждая провинція получала свои особые чины съ совѣщательнымъ, а по нѣкоторымъ вопросамъ и рѣшающимъ—при королевскомъ утвержденіи—голосомъ, а состоять собранія чиновъ должны были изъ представителей строго разграниченныхъ сословій съ самымъ очевиднымъ преобладаніемъ дворянства надъ горожанами и крестьянами. Во всѣхъ восьми провинціяхъ, получившихъ наконецъ мѣстныя сословно-представительныя собранія въ 1823 и 1824 гг., насчи-

[1]) См. выше, стр. 279.

тывалось около 625 членовъ, изъ коихъ на долю дворянства приходилось до 300, на долю горожанъ приблизительно двѣсти, а на долю сельскаго населенія—124.

Таковъ былъ исходъ конституціонной борьбы въ Пруссіи въ 1815—1823 годахъ. И здѣсь реакція одержала побѣду, хотя нужно замѣтить, что Фридрихъ-Вильгельмъ III все-таки и впослѣдствіи не соглашался на то, чтобы уничтожить всѣ реформы, какія были произведены Штейномъ и Гарденбергомъ, а въ прирейнской Пруссіи—французами, и даже самъ сдерживалъ слишкомъ реакціонныя стремленія государственнаго совѣта [1]). Послѣ 1823 г. въ Пруссіи наступила „классическая пора бюрократизма", и дальнѣйшая внутренняя исторія этого государства въ разсматриваемый періодъ ничѣмъ существенно не отличалась отъ внутренней исторіи другихъ нѣмецкихъ государствъ, въ коихъ одержала побѣду культурная, соціальная и политическая реакція.

Въ Пруссіи вообще не было недостатка и въ теоретикахъ реакціонныхъ и консервативныхъ идей. Нигдѣ идеи прусской реставраціи не нашли такого полнаго выраженія, какъ въ философіи Гегеля [2]). Конечно, опредѣленіемъ системы Гегеля, какъ „наукообразной хранительницы духа прусской реставраціи", нѣтъ никакой возможности охватить всю философію этого знаменитаго мыслителя и выразить громадное ея значеніе въ исторіи философскихъ и научныхъ идей XIX вѣка [3]); тѣмъ не менѣе, становясь лишь на точку зрѣнія отношенія Гегеля къ общественнымъ вопросамъ эпохи, мы можемъ признать, что его философія, дѣйствительно, имѣла именно такое значеніе. Гегель по происхожденію не былъ пруссакомъ. Онъ родился (въ 1770 г.) въ Штуттгартѣ и учился въ тюбингенскомъ университетѣ. Въ Берлинъ онъ переѣхалъ, чтобы занять каѳедру въ тамошнемъ университетѣ, лишь сорока восьми лѣтъ, въ самомъ началѣ реставраціи (1818), и здѣсь только сдѣлался поклонникомъ прусскихъ порядковъ. Въ немъ вообще была довольно сильна способность приспособленія къ окружающимъ условіямъ, т.-е. своего рода оппортунизмъ. Въ свое время онъ преклонялся передъ Наполеономъ. Будучи директоромъ нюрнбергской гимназіи (1808—1816), онъ усиленно внѣдрялъ въ молодые умы своихъ воспитанниковъ баварскій патріотизмъ. Въ

---

[1]) Послѣдній былъ учрежденъ въ 1817 году.

[2]) Литература о Гегелѣ громадная. Отмѣтимъ здѣсь только нѣкоторыя сочиненія. Haym. Hegel und seine Zeit. 1857 (есть сокращенный русскій переводъ Соляникова, 1861).—K. Rosenkranz. Hegel als deutscher Nationalphilosoph. 1870.—K. Köstlin. Hegel in philosophischer, politischer und nationaler Beziehung 1870.—А. Градовскій. Политическая философія Гегеля (Ж. М. Нар. Просв., CL часть).

[3]) Объ этомъ рѣчь будетъ идти въ V томѣ.

1817 г., занимая каѳедру въ Гейдельбергѣ, онъ написалъ сочиненіе въ защиту либеральныхъ реформъ тамошняго правительства, довольно благосклонно относясь вообще къ стремленіямъ и „вюртембергскаго государства“. Пріѣхавъ въ Берлинъ, онъ во вступительной лекціи, прочитанной въ университетѣ, сдѣлалъ намекъ уже на то, что существуетъ сродство и внутреннее согласіе между прусскимъ государствомъ и его философіей. Гегелю было около двадцати лѣтъ, когда вспыхнула французская революція; сначала онъ ею увлекся было, но въ немъ мало-по-малу утвердился взглядъ на вещи, діаметрально противоположный какимъ бы то ни было стремленіямъ улучшать общественную жизнь путемъ осуществленія тѣхъ или другихъ отвлеченныхъ идей. Въ 1801 г. онъ опредѣленно высказывалъ уже слѣдующее: „мысли, содержащіяся въ этомъ сочиненіи, могутъ при ихъ обнародованіи и мѣть только одну цѣль и дѣйствіе—пониманіе того, что̀ есть, а вмѣстѣ съ тѣмъ, служа орудіемъ для образованія болѣе спокойнаго взгляда на вещи, дать возможность съ бо̀льшимъ терпѣніемъ переносить соприкосновеніе съ этимъ пониманіемъ. Не оттого мы страдаемъ и волнуемся, что есть то, что́ есть, но потому, что оно не таково, какимъ бы должно было быть. Но когда мы понимаемъ, что оно именно таково, какимъ быть должно, т.-е. не есть произведеніе случая и произвола, то признаёмъ, что оно какъ разъ таково, какимъ и должно быть“. Эти строки могутъ служить хорошимъ комментаріемъ къ знаменитому положенію Гегеля: „что разумно, то дѣйствительно, а что дѣйствительно, то и разумно“. „Философія,—писалъ Гегель другой разъ,—есть изслѣдованіе разумнаго, а слѣдовательно есть вмѣстѣ съ тѣмъ пониманіе современнаго и дѣйствительнаго, а не поставленіе несуществующаго и выходящаго за предѣлы міра и имѣющаго мѣсто лишь въ мечтахъ пустого разглаго̀льствованія. Цѣль философіи заключается не въ томъ, чтобы построить государство, какимъ оно должно быть, но въ томъ, чтобы понять государство, какъ оно есть“. Немудрено поэтому, что издавая въ 1821 г. свою „Философію права“, Гегель нашелъ сказать въ предисловіи нѣчто и въ оправданіе карлсбадскихъ постановленій, которыя были направлены прямо противъ свободнаго изложенія результатовъ свободнаго изслѣдованія путемъ печати и путемъ преподаванія съ каѳедры. Съ этой же точки зрѣнія мы поймемъ и общій смыслъ его философіи исторіи, лекціи по которой онъ читалъ въ берлинскомъ университетѣ въ двадцатыхъ годахъ [1]). Гегель изображаетъ все прошлое человѣчество съ самой оптимистической точки зрѣнія и произноситъ похвалы настоящему, какъ завершенію всемірно-историческаго процесса; настоящее же это воплощается для

[1]) См. въ I томѣ нашихъ „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“.

него въ германскомъ мірѣ вообще, въ частности же въ протестантизмѣ и прусскомъ государствѣ.

Философія Гегеля въ берлинскій періодъ его жизни сдѣлалась модною и заслужила особое покровительство со стороны правительства. „Безъ сомнѣнія, говоритъ одинъ изъ біографовъ Гегеля [1]),—многимъ изъ живущихъ (писано въ 1857 г.) памятно то время, когда всѣ знанія питались отъ роскошно убраннаго стола гегелевой мудрости, когда всѣ факультеты толпились въ передней философскаго факультета съ цѣлью хотя бы что-нибудь усвоить себѣ изъ возвышеннаго разсмотрѣнія абсолютнаго бытія и изъ неуловимой гибкости прославленной гегелевой діалектики; когда всякій былъ или гегелевымъ послѣдователемъ, или варваромъ, идіотомъ, отсталымъ человѣкомъ, презрѣннымъ эмпирикомъ; когда, наконецъ, само государство считало себя безопаснымъ и прочнымъ оттого, что старикъ Гегель построилъ его на началахъ разумности и необходимости..... Должно со всею живостью представить себѣ восторженность и увѣренность гегельянцевъ 1830 г., которые съ глубокою серьезностью предлагали вопросъ: что будетъ составлять дальнѣйшее содержаніе всемірной исторіи, послѣ того, какъ всемірный духъ (Weltgeist) достигъ въ гегелевой философіи своей послѣдней цѣли—познанія самого себя“? Понятно, что при такой тенденціи философіи Гегеля прусское правительство должно было особенно хлопотать объ ея распространеніи, и съ своей стороны и Гегель полемизировалъ противъ тѣхъ, которые находили не все благополучнымъ въ „образцовомъ государствѣ интеллигенціи“, какимъ онъ объявилъ Пруссію.

Между прусскою государственностью и гегелевой философіей, дѣйствительно, было извѣстнаго рода внутреннее родство. Гегель преклонялся передъ античной идеей государства, поглощающаго личность, и передъ проявленіями сильной власти, господствующей надъ обществомъ. Наполеонъ былъ для него довольно долго чуть не воплощеніемъ „всемірнаго духа“, потомъ же этимъ воплощеніемъ сдѣлалась Пруссія: и наполеоновская имперія, и реставраціонная Пруссія были для него, дѣйствительно, высшими формами государства, этого земного бога Гегеля. Онъ не находилъ, съ чѣмъ только сравнивать Пруссію, дабы возвеличить ее похвалами. Онъ уподоблялъ ее, напр., государству Платона, въ коемъ властвуютъ наилучшіе и наиболѣе знающіе, и роль такихъ „философовъ“, правящихъ государствомъ, у него играли чиновники, какъ люди, имѣющіе требуемыя для своего дѣла знанія. Прусскіе полицейскіе порядки онъ сближалъ, напр., съ тою величественною силою, при помощи коей римское государство подчиняло себѣ граж-

[1]) Гаймъ.

данъ, дабы сдѣлать ихъ свободными. Гегелю пришлось высказываться по политическимъ вопросамъ въ то самое время, когда шли толки о прусской конституціи, и въ виду возможности представительства онъ не могъ не дать и ему мѣста въ своей политической теоріи. Но онъ весьма своеобразно понималъ значеніе представительства. Другіе говорили, что представители народа лучше, нежели правительство, понимаютъ общіе интересы и потребности, но, по мнѣнію Гегеля, народъ-то какъ-разъ и есть именно та часть государства, которая не знаетъ, чего хочетъ. Значеніе представительства съ публичностью преній онъ уподоблялъ государственной газетѣ, служащей въ качествѣ исправительницы общественнаго мнѣнія, въ убѣжденіи народа въ томъ, что имъ хорошо правятъ. Притомъ чины должны представлять не народъ, какъ совокупность единицъ, а великіе интересы промышленности, торговли, сельскаго хозяйства и лишь подъ условіемъ чисто совѣщательнаго голоса. Или вотъ какъ толковалъ Гегель значеніе суда присяжныхъ: въ дѣлѣ правосудія важно сознаніе обвиняемаго, но когда преступникъ запирается, за него могутъ сознаться присяжные, и въ этомъ заключается ихъ настоящее значеніе, а вовсе не въ томъ, чтобы народъ могъ создавать право изъ собственнаго чувства и сужденія.

Въ то самое время, какъ Гегель до самой своей смерти (1831) былъ любимцемъ правительства, люди иного образа мыслей были не у дѣлъ. Штейнъ, скончавшійся въ одномъ году съ Гегелемъ, жилъ частнымъ человѣкомъ, хотя и продолжалъ интересоваться общественными дѣлами, равно какъ изученіемъ исторіи [1]). Во время преслѣдованія демагоговъ была даже заподозрѣна его благонамѣренность. Въ совершенномъ отстраненіи отъ дѣлъ почти всѣ послѣднія 16 лѣтъ своей жизни (1819—1835) провелъ и Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, послѣ того, какъ вынужденъ былъ оставить министерство [2]). Гёрресъ, во время войны за независимость проявившій большую энергію и патріотизмъ, долженъ былъ прекратить изданіе своей газеты „Рейнскій Меркурій“, отстаивавшей конституцію и свободу печати, а потомъ за свое сочиненіе „Германія и революція“ вынужденъ былъ покинуть родину. Отецъ гимнастики Янъ былъ посаженъ въ тюрьму по доносу какого-то гимназиста, передавшаго какія-то измѣнническія его изреченія.

Во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ реакція уже вездѣ въ Германіи достигла полнаго господства.

---

[1]) Meyer. Der Freiherr von Stein und die Monumenta Germaniae historica. 1875. Дѣло идетъ объ основаніи общества для изученія древнѣйшей исторіи Германіи и о названномъ изданіи.

[2]) Въ 1830 г. онъ былъ сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта.

XVII. Реставрація и установленіе конституціонной монархіи во Франціи [1]).

Международное положеніе Франціи при реставраціи.—Значеніе эпохи реставраціи во внутренней жизни Франціи.—Борьба старой и новой Франціи въ 1814—1830 гг.—Взаимныя отношенія аристократіи, буржуазіи и народа въ эту эпоху.—Возобновленіе стремленія къ политической свободѣ.—Проектъ сенаторской конституціи.—Хартія 4 іюня 1814 г.—Общія условія общественной свободы во Франціи въ эпоху реставраціи.—Судьба конституціонной монархіи во Франціи.—Сравненіе французской революціи съ англійской, дѣлавшееся въ эпоху реставраціи.—Отношеніе французской конституціи къ англійской.

Историческое движеніе, потрясшее всю западную Европу въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., вышло изъ Франціи, и Франція играла главную роль во всѣхъ тѣхъ переворотахъ, которымъ подверглись всѣ западно-европейскія государства, кромѣ Англіи, въ это время. Коалиція, низвергшая Наполеона, продолжала относиться къ Франціи подозрительно и въ началѣ реставраціи. При территоріальныхъ распредѣленіяхъ на вѣнскомъ конгрессѣ имѣлось въ виду оградить Европу отъ новыхъ опасностей со стороны безпокойной французской націи усиленіемъ на ея границахъ второстепенныхъ государствъ [2]). Договоромъ 20 ноября 1815 г. четыре великія державы (Австрія, Великобританія, Пруссія и Россія) обязались наблюдать за внутреннимъ

---

[1]) Въ видѣ сжатыхъ пособій по исторіи эпохи реставраціи во Франціи (притомъ въ русск. перев.) можно рекомендовать соч. Рохау (см. выше, стр. 10) и Эрнеста Доде (Очеркъ исторіи реставраціи, предпосланный „Исторіи Франціи въ XIX в“. Л. Грегуара въ рус. пер. М. В. Лучицкой). Вообще литература по исторіи реставраціи весьма обширна, но многое въ ней устарѣло (Capefigue, Dareste, Lacretelle, Lamartine, Lubis, Wachsmuth и др.).—Vaulabelle. Hist. des deux restaurations. 1847 и слѣд.—Viel-Castel. Histoire de la restauration. 1860—1878.—Duvergier de Hauranne. Hist. du gouvernement parlementaire en France. 1862 и сл.—Houssaye (см. выше, стр. 227). — E. Daudet. La terreur blanche. Episodes et souvenirs de la réaction dans le midi en 1815. 1878.—Thureau-Dangin. Le parti libéral sous la restauration. 1888 (2 изд.)—Его же Royalistes et républicains. 1888 (2 изд.). Въ этой книгѣ см. отдѣлъ подъ заглавіемъ: l'extreme droite et les royalistes sous la restauration.—Bardoux. La bourgeoisie française (1789—1848). 1880.—Challamel. Histoire de la liberté en France depuis 1789.—Cronier. Hist. du droit municipal depuis la Restauration.—Nettement. Hist. de la littérature française sous la Restauration.—Karl Hillebrand. Die Julirevolution und ihre Vorgeschichte. 1881. Во II и III томахъ Мемуаровъ Пакье (см. выше, стр. 99), изъ коихъ послѣдній томъ только-что вышелъ (въ 1894 г.), разсказываются событія первой реставраціи и самаго начала второй.

[2]) См. выше, стр. 240—241.

спокойствіемъ во Франціи, [1]), въ которой были даже размѣщены союзныя войска; они оставались здѣсь до 1818 года, когда ахенскій конгрессъ освободилъ Францію отъ иностранной оккупаціи [2]). Лишь на ахенскомъ же конгрессѣ Франція была принята въ число полноправныхъ членовъ европейскаго союза [3]), но и послѣ этого отношеніе французскаго правительства къ заявленному Австріей, Пруссіей и Россіей принципу вмѣшательства [4]) давало поводъ главнымъ державамъ Священнаго союза относиться съ недовѣріемъ къ ея поведенію. На веронскомъ конгрессѣ Австрія, Пруссія и Россія даже произвели на Францію давленіе, чтобы заставить ее произвести экзекуцію въ Испаніи, сдѣлавъ притомъ лишь одну уступку французскому правительству: оно желало, чтобы, по-крайней мѣрѣ, для видимости оно могло дѣйствовать какъ-бы по собственной иниціативѣ, а не по приказанію конгресса [5]). Въ 1823 г. Франція, которая считала въ концѣ XVIII в. своимъ призваніемъ освобождать народы, посылала, наоборотъ, армію для возстановленія клерикально-аристократическаго абсолютизма въ сосѣднемъ государствѣ. Въ этомъ фактѣ выразилась побѣда международной реакціи и надъ Франціей. Но въ то же время изъ всѣхъ народовъ европейскаго материка одна лишь французская нація въ эту эпоху, несмотря и на внутреннюю реакцію, пользовалась политической свободой, и лишь во Франціи въ двадцатыхъ годахъ либерализмъ получилъ наиболѣе полное развитіе [6]). Внутри Франціи реакція не могла одержать такой побѣды, какъ въ другихъ странахъ континента, а это обстоятельство имѣло не только значеніе для самой Франціи, но и оказывало свое вліяніе на сосѣднія государства. Если реакціонныя правительства продолжали съ опасеніемъ смотрѣть на успѣхи французскаго либерализма, то, наоборотъ, оппозиціонные элементы общества въ разныхъ странахъ главнымъ образомъ именно во французскихъ учрежденіяхъ и идеяхъ искали руководства, возлагая притомъ чуть не всѣ свои надежды на парижскихъ либераловъ. Немудрено поэтому, что когда борьба реакціи и либерализма, повсемѣстно кончившаяся побѣдою первой, во Франціи разрѣшилась новой революціей, то революція эта немедленно же нашла откликъ вездѣ, гдѣ только существовало недовольство установленнымъ порядкомъ вещей, въ Бельгіи и Польшѣ противъ Голландіи и Россіи,

---

[1]) См. выше, стр. 320.
[2]) См. выше, стр. 321.
[3]) См. выше, стр. 321.
[4]) См. выше, стр. 333.
[5]) См. выше, стр. 337.
[6]) Въ виду этого, дѣлая общую характеристику либерализма (выше, стр. 281 и слѣд.), мы имѣли въ виду главнымъ образомъ Францію.

къ коимъ онѣ были присоединены, въ Италіи и Германіи, противъ правительствъ, подчинявшихся меттерниховской реакціи.

Независимо отъ общеевропейскаго значенія борьбы между реакціей и либерализмомъ во Франціи, внутренняя исторія Франціи представляетъ и самостоятельный интересъ. Вопервыхъ, здѣсь въ 1814 г., благодаря реставраціи Бурбоновъ и возвращенію эмигрантовъ, встрѣтились лицомъ къ лицу два общества: новое, пережившее революцію и имперію, и старое, въ теченіе цѣлой четверти вѣка находившееся въ отсутствіи и явившееся теперь на родину съ намѣреніемъ возстановить прежніе политическіе и общественные порядки, тогда какъ громадное большинство націи не желало вернуться къ этимъ порядкамъ. Во-вторыхъ, Франція въ 1814 г. получила хартію, превратившую ее въ конституціонную монархію. Первая попытка установленія во Франціи конституціонной монархіи окончилась неудачею. Неудача постигла и попытку превращенія Франціи въ республику. Затѣмъ на полтора десятка лѣтъ страна лишилась какой-бы то ни было свободы, и лишь послѣ паденія имперіи представилась возможность установить опять настоящій конституціонный режимъ. Въ общемъ новая попытка была удачной: хартія 1814 г. съ нѣкоторыми измѣненіями, произведенными въ ней въ 1830 г., просуществовала тридцать-четыре года, т.-е. такой большой срокъ, какого не выдержалъ ни одинъ другой режимъ во Франціи [1]). Въ этомъ смыслѣ установленіе здѣсь конституціонной монархіи было удавшимся опытомъ перенесенія на континентъ англійскаго парламентарнаго режима. Въ-третьихъ, благодаря тому, что въ конституціи 1814 г. (и ея видоизмѣненіи 1830 г.) выразилось недовѣріе къ демократическимъ идеямъ предыдущей эпохи [2]), періодъ реставраціи (а также и іюльской монархіи) былъ временемъ устраненія народныхъ массъ отъ участія въ политической жизни. На сцену выдвигаются теперь правящіе классы, и между ними-то главнымъ образомъ и происходитъ борьба: землевладѣльческая аристократія представляетъ собой реакцію, промышленная и торговая буржуазія является представительницей либерализма, который, благодаря этому и самъ принимаетъ буржуазный характеръ. Въ этой борьбѣ интересы народной массы отходятъ на задній планъ, но зато тогдаже зарождается новое направленіе, которое, отдѣляя себя отъ либерализма, именно эти интересы

---

[1]) Конституція 1791 г. существовала менѣе года, конституція 1793 г. совсѣмъ не дѣйствовала, конституція III года—около 5 лѣтъ, наполеоновскія конституціи—14 лѣтъ, вторая республика (1848—1852)—четыре года, вторая имперія (1852—1870)—18 лѣтъ, третья республика (получившая конституцію въ 1875 г.) существуетъ пока лишь четверть вѣка.

[2]) См. выше, стр. 286 и слѣд.

выдвигаетъ на первый планъ [1]). Въ 1830 г. буржуазія при помощи народа одержала побѣду надъ клерикально-аристократической реакціей, и послѣдняя потомъ уже не могла играть такой роли во внутренней жизни страны, какъ въ періодъ между 1814 и 1830 гг.

Уже въ XVIII в. стояли другъ противъ друга для Франціи—Франція „стараго порядка", абсолютной монархіи, католической реакціи и соціальныхъ привилегій и Франція новыхъ идей, имѣвшихъ своимъ содержаніемъ политическую свободу, культурный прогрессъ и гражданское равенство [2]). Въ 1789 г. между двумя этими Франціями—старою и новою—началась борьба не на животъ, а на смерть, называемая французской революціей, борьба, изъ коей побѣдительницею вышла Франція новая. Хотя послѣдняя не достигла всего того, къ чему стремилась въ 1789 г., и въ 1799 г. въ ней было положено начало порядку вещей, въ которомъ возстановлялись многія черты дореволюціонной старины [3]), тѣмъ не менѣе старая Франція была сокрушена, и побѣда новой выразилась въ томъ, что многіе представители старыхъ началъ жизни признали власть человѣка, который въ глазахъ наиболѣе непримиримыхъ враговъ новаго порядка былъ только революціоннымъ узурпаторомъ [4]). Уже въ XVIII в. положеніе правительства во Франціи между двумя противоположными оппозиціями — консервативною и либеральною—было въ высшей степени затрудительнымъ, и нужно было проявить величайшую государственную мудрость, чтобы удержаться на извѣстной высотѣ надъ противоборствующими теченіями общественной жизни [5]). Революція раздѣлила общества на двѣ совершенно непримиримыя части, и лишь благодаря эмиграціи непримиримыхъ сторонниковъ „стараго порядка" и паденію наиболѣе крайнихъ представителей революціи, якобинцевъ, возможны сдѣлались попытки соединенія воедино Франціи новой съ Франціею старою. Первыя попытки въ этомъ направленіи сдѣланы были еще въ эпоху директоріи, но онѣ не могли состояться [6]); затѣмъ Наполеонъ поставилъ своей задачею, отворивъ предъ эмигрантами дверь на родину, примирить ихъ съ новымъ порядкомъ вещей, и это до извѣстной степени ему удалось [7]). Но это было лишь временнымъ перемиріемъ, вынужденнымъ обстоятельствами.

---

[1]) О послѣднемъ явленіи будемъ говорить въ другой связи въ послѣднемъ отдѣлѣ настоящаго тома.

[2]) Т. III., стр. 398.

[3]) См. выше, стр. 130 и слѣд.

[4]) См. выше, стр. 49 и др.

[5]) Т. III, стр. 399 и слѣд.

[6]) Т. III, стр. 647.

[7]) См. выше, стр. 93.

Борьба старой и новой Франціи была въ сущности борьбою между аристократіей и буржуазіей. Такъ понимали ея смыслъ сами современники и между ними историки, которые въ лицѣ Огюстена Тьерри и Гизо сильно интересовались прошлымъ третьяго сословія [1]). „Нашими предками, писалъ первый изъ нихъ въ 1817 г., были тѣ ремесленники, которые основали городскія общины и создали первое представленіе о новой свободѣ".—„Мы, говоритъ онъ въ другой разъ (1820), мы—сыны третьяго сословія; третье сословіе вышло изъ городскихъ общинъ; городскія общины были убѣжищемъ сервовъ; сервы были побѣжденные во время завоеванія" (т.-е. завоеванія Галліи франками).—„Въ теченіе тринадцати вѣковъ, писалъ также Гизо въ „Du gouvernement de la France depuis la Restauration" (1820),—Франція заключала въ себѣ два народа, народъ побѣдителей и народъ побѣжденныхъ. Въ теченіе тринадцати вѣковъ народъ побѣжденныхъ боролся, чтобы сбросить съ себя иго народа побѣдителей. Наша исторія есть исторія этой борьбы. Въ наши дни была дана рѣшительная битва. Она называется революціей. Результатъ революціи не подлежитъ сомнѣнію: прежній побѣжденный народъ сдѣлался народомъ-побѣдителемъ. Въ свою очередь онъ покорилъ Францію... Но, продолжаетъ Гизо, можно было предвидѣть, что народъ, побѣжденный во время революціи, не примирится съ своимъ пораженіемъ и не потому, чтобы пораженіе это заставляло его самого подчиниться положенію, которое онъ нѣкогда навязалъ побѣжденнымъ. Теряя привилегіи, онъ находилъ право и, лишаясь господства, могъ найти вознагражденіе въ равенствѣ. Но большимъ массамъ людей не дано такимъ образомъ отказываться отъ людской слабости, и ихъ мысль всегда на очень далекое разстояніе отстаетъ отъ необходимости. Все, что сохраняло или возвращало прежнимъ обладателямъ привилегій лучъ надежды, должно было толкать ихъ къ попыткѣ возвращенія себѣ этихъ привилегій. Реставрація не могла не произвести такого дѣйствія. Старыя привилегіи въ паденіи своемъ увлекли и тронъ, и вотъ явилась мысль, что возстановленный тронъ подниметъ вмѣстѣ съ собой и привилегіи... Этотъ народъ привилегій существуетъ между нами; онъ живетъ, говоритъ, движется, дѣйствуетъ, оказываетъ вліяніе отъ одного конца Франціи до другого. Сильно уменьшенный и разсѣянный конвентомъ, то обольщаемый, то сдерживаемый Наполеономъ, лишь только прекращается терроръ или деспотизмъ, онъ снова появляется на сцену, занимаетъ свое мѣсто и начинаетъ работать надъ возвращеніемъ себѣ всего, что было имъ потеряно... Мы, замѣчаетъ еще Гизо, побѣдили старый порядокъ, и

[1]) См. выше, стр. 290.

побѣда всегда будетъ на нашей сторонѣ, но намъ еще долго придется вести борьбу. Кто желаетъ во Франціи конституціоннаго порядка, выборовъ, палатъ, публичной трибуны, свободы печати, всѣхъ видовъ общественной свободы, долженъ отказаться отъ мысли, будто въ этомъ безпрерывномъ и столь оживленномъ проявленіи всего общества контръ-революція можетъ остаться нѣмой и бездѣйствовать". Такъ понялъ—и совершенно вѣрно понялъ—положеніе, созданное во Франціи реставраціей, одинъ изъ наиболѣе видныхъ французскихъ историковъ, бывшій въ то же время и политическимъ дѣятелемъ. Между старой Франціей, представленной главнымъ образомъ эмигрантами, и Франціей новой, которую преимущественно представляла собою буржуазія, болѣе всего выигравшая отъ революціи, сдѣлки быть не могло. Эмигранты „ничему не научились и ничего не позабыли"; въ возстановленіи легитимной монархіи они естественно видѣли торжество своего дѣла, желая, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ получить отъ своей побѣды и осязательные результаты, требуя именно награды за вѣрность свою старой династіи, находя, наконецъ, вполнѣ естественнымъ, чтобы люди, измѣнившіе вѣрноподданническому долгу, были за это наказаны. Всего этого представители старой Франціи думали сначала достигнуть посредствомъ возстановленія абсолютизма. „Оппоненты французской революціи 1789 г., писала въ 1817 г. г-жа Сталь въ своихъ „Considérations sur la révolution française",—дворяне, духовные, магистратура не уставали твердить, что не нужно было никакого измѣненія въ правительствѣ, ибо существовавшія тогда посредствующія корпораціи хорошо исполняли свою роль, не допуская деспотизма [1]), а теперь они за деспотизмъ какъ за возстановленіе будто бы стараго порядка. Эта непослѣдовательность въ принципахъ есть послѣдовательность въ интересахъ. Когда,—объясняетъ далѣе г-жа Сталь свою мысль,—когда привилегированные ограничивали королевскую власть, они были противъ произвольной власти короны, но когда нація съумѣла занять мѣсто привилегированныхъ, они соединились съ королевскою прерогативою и выставляютъ всякую конституціонную оппозицію, всякую политическую свободу въ видѣ какого-то бунта". Знаменитая писательница очень вѣрно подмѣтила стремленіе реакціонной партіи въ первые годы реставраціи, но въ сущности весьма скоро и роялисты—какъ стала называться реакціонная партія,—увидѣли, какую силу они будутъ имѣть, благодаря конституціи, разъ палаты, а чрезъ нихъ и правительство будетъ въ ихъ рукахъ. Напр., одинъ изъ видныхъ дѣятелей эпохи реставраціи, Виллель [2]), жившій во время

---

[1]) Идея Монтескье, см. т. III, стр. 179.

[2]) Онъ былъ министромъ въ 1822—1827 гг.

революціи внѣ Франціи, а по возвращеніи на родину въ 1803 г. не желавшій служить имперіи и потому все время до ея паденія остававшійся частнымъ человѣкомъ, въ 1814 г. написалъ по поводу обѣщанія Людовика XVIII дать конституцію очень рѣзкую по своему тону брошюру, въ коей доказывалъ необходимость возстановленія абсолютной монархіи; но попавъ въ палату депутатовъ (1815), онъ съ самаго же начала понялъ, что при помощи конституціи можно будетъ еще лучше достигнуть цѣлей своей партіи, а потому и сдѣлался однимъ изъ приверженцевъ конституціоннаго режима, какъ отличнаго орудія въ политической борьбѣ. Мы увидимъ, что, добиваясь власти, реакціонеры пользовались именно той самой хартіей, въ которой видѣли сначала опасную уступку революціоннымъ началамъ,— и что они нерѣдко становились въ прямую оппозицію къ королевской власти, если она не раздѣляла ихъ стремленій. Занятіе такой позиціи реакціонною партіею заставляло либераловъ тоже главнымъ образомъ стремиться къ захвату власти путемъ парламентскихъ же выборовъ (хотя въ первые годы реставраціи не отвергались и революціонные пути). Вотъ почему парламентская борьба получила во Франціи въ эту эпоху весьма важное значеніе. Но такъ какъ при существованіи весьма высокаго ценза для избирателей и еще болѣе высокаго для депутатовъ—въ палату могли попадать лишь самые богатые люди— землевладѣльцы и капиталисты, то вся эта парламентская борьба была лишь отраженіемъ того антагонизма, который существовалъ въ общественной жизни между аристократіей и буржуазіей. Либеральные публицисты и историки такъ и понимали происходившую тогда борьбу. Въ теченіе тринадцати вѣковъ, писалъ еще Гизо [1]), „во Франціи существовало всегда два положенія, два общественныхъ класса, глубоко различные и неодинаковые, которые никогда не смѣшивались между собою и никогда не находились другъ съ другомъ въ состояніи единства (union) и мира, которые, наконецъ, никогда не прекращали своей борьбы, одинъ—для завоеванія правъ, другой— для удержанія за собою привилегій". Совершенно въ томъ же смыслѣ Огюстенъ Тьерри говорилъ, что во Франціи существуютъ два класса людей: люди пергаменовъ и люди индустріи.

Намъ уже выше приходилось говорить о буржуазности французскаго либерализма въ эпоху реставраціи [2]). Буржуазія вовсе не стремилась къ тому, чтобы понизить высокій избирательный цензъ, и вся политическая борьба по вопросу о цензѣ въ эту эпоху сводилась къ желанію реакціонной партіи дать преобладаніе землевладѣнію надъ

---

[1]) См. выше, стр. 381.

[2]) См. выше, стр. 286—287.

промышленностью и торговлею. Противополагая себя аристократіи, буржуазія въ то же время отдѣляла себя и отъ народа. Одинъ изъ видныхъ представителей либерализма, Арманъ Каррель [1]), упрекалъ крайнюю правую за то, что она „ищетъ какую-то націю помимо той, которая читаетъ газеты, возбуждается парламентскими дебатами, владѣетъ капиталами, управляетъ промышленностью, имѣетъ въ своихъ рукахъ землю", и этой „націи" онъ противополагалъ массу, „которая мало что смыслитъ". За нѣсколько дней до іюльской революціи другой либералъ, Одиллонъ Барро, говорилъ своимъ политическимъ единомышленникамъ, что если они будутъ побѣждены, то народъ не воспрепятствуетъ ихъ казни. Предсказаніе это оказалось невѣрнымъ, ибо народъ-то и помѣшалъ побѣдѣ реакціи надъ либерализмомъ въ 1830 г. Если по самой сущности своихъ стремленій либерализмъ эпохи реставраціи былъ, такъ сказать, расчитанъ на удовлетвореніе людей съ независимыми матеріальными средствами и развитыми умственными потребностями, и реакція грозила какъ матеріальнымъ, такъ и духовнымъ интересамъ этихъ людей, то и народная масса имѣла свои причины относиться съ непріязнью къ реакціи, поскольку опасалась возстановленія феодальныхъ правъ, десятинъ и стараго неравенства. Успѣхъ Наполеона послѣ его бѣгства съ Эльбы и объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что народная масса привѣтствовала возвратившагося императора, какъ спасителя тѣхъ пріобрѣтеній революціи, которыя ей особенно были дороги [2]). Поэтому можно сказать, что не одна только буржуазія, но и народъ являлись одинаково противниками той соціальной реакціи, которая была главною цѣлью стремленій эмигрантовъ, хотя бы представители этой реакціи и стояли вмѣстѣ съ буржуазіей на одной и той же политической почвѣ конституціонализма, а вмѣстѣ съ народными массами, особенно въ провинціи—на одной и той же почвѣ реакціи культурной, выразившейся въ успѣхахъ, какіе сдѣлали въ эпоху реставраціи клерикализмъ и католическая нетерпимость.

Имперія Наполеона имѣла въ своей основѣ демократическій принципъ всенароднаго избранія: Наполеонъ сдѣлался первымъ консуломъ на десять лѣтъ, получилъ пожизненную власть и наконецъ принялъ императорскій титулъ въ силу народныхъ голосованій, или такъ называемыхъ плебисцитовъ [3]). Возвратившись съ Эльбы онъ прибѣгнулъ къ такому же средству, чтобы санкціонировать новыя учрежденія,

---

[1]) См. статью о немъ въ началѣ русскаго перевода его „Исторіи контръ-революціи въ Англіи".

[2]) См. выше, стр. 234 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 93, 96 и 101.

которыя должна была получить Франція [1]). Организація политической свободы на демократическихъ началахъ, задуманная въ 1789 г., не удалась, и самая политическая свобода въ 1799 г. была принесена буржуазіей, сначала болѣе всего къ ней стремившейся, въ жертву соображеніямъ иного порядка [2]). Къ концу имперіи, однако, какъ мы видѣли уже [3]), во французскомъ обществѣ снова зародилось стремленіе къ политической свободѣ, выразившееся въ возникновеніи либеральной оппозиціи, съ которою Наполеонъ не могъ уже не считаться послѣ возвращенія своего съ Эльбы. Низложеніе Наполеона въ 1814 г. сенатомъ и законодательнымъ корпусомъ прямо мотивировалось тѣмъ, что онъ нарушалъ свободу французскаго народа и „конституціонный договоръ“. Мы еще разсмотримъ, какимъ образомъ совершилась реставрація Бурбоновъ, а пока не можемъ не отмѣтить того, что эта реставрація безъ либеральной конституціи была немыслима. Само временное правительство, образовавшееся послѣ перваго низложенія Наполеона, выработало новую монархическую конституцію, которая 6 апрѣля 1814 г. была принята и обнародована сенатомъ, желавшимъ, чтобы Людовикъ XVIII, „свободно призываемый на тронъ Франціи“ (статья 2), былъ тѣмъ самымъ вынужденъ признать новыя учрежденія. Отдавая исполнительную власть въ руки короля (5), эта конституція постановляла, что законы будутъ издаваться съ общаго согласія короля, сената и законодательнаго корпуса (6), причемъ члены сената должны были сдѣлаться несмѣняемыми и наслѣдственными, сохранивъ за собой прежнія дотаціи и сенаторіи (7), а законодательный корпусъ долженъ былъ впредь ежегодно собираться самъ собою (de droit) 1 октября, хотя и съ возможностью быть распускаемымъ подъ условіемъ, однако, назначенія новыхъ выборовъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ (10). Далѣе, конституція гарантировала неприкосновенность сенаторовъ и членовъ законодательнаго корпуса (13),—равно какъ независимость судебной власти,—и разрѣшала членамъ обѣихъ палатъ дѣлаться министрами (14). Объявляя особу короля священной и неприкосновенной, конституція требовала далѣе, чтобы всѣ правительственные акты подписывались министромъ, который и отвѣчалъ бы за всякое посягательство на законы, на общественную и индивидуальную свободу, на права гражданъ (21). Въ отдѣльныхъ статьяхъ гарантировались свобода культовъ и свобода совѣсти (22), полная свобода печати (23), спокойное обладаніе національными имуществами (24), право личныхъ петицій къ властямъ (26), одинаковый для всѣхъ доступъ къ разнымъ гражданскимъ и военнымъ должно-

---

[1]) См. выше, стр. 237.

[2]) См. выше, стр. 36 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 226, 233—235 и др.

стямъ (27). Наконецъ предполагалось, что эта конституція будетъ подвергнута народному принятію: лишь послѣ этого Людовикъ XVIII долженъ былъ бы объявить, что и онъ принимаетъ конституцію, принести ей—присягу въ вѣрности, а затѣмъ уже и быть провозглашеннымъ королемъ французовъ (29). Эта сенаторская конституція,—посредствомъ коей, между прочимъ, члены наполеоновскаго сената хотѣли обезпечить за собою и даже за своими потомками свои мѣста и доходы,—была именно выраженіемъ либеральныхъ стремленій, обнаружившихся во французскомъ обществѣ въ эпоху паденія имперіи. Хотя Людовикъ XVIII отвергъ мысль о призваніи его на престолъ свободнымъ актомъ французскаго народа подъ условіемъ принятія конституціи, тѣмъ не менѣе онъ вынужденъ былъ самъ дать конституціонную хартію (4 іюня 1814 г.), и хотя въ послѣдней онъ стремился всячески сгладить революціонное происхожденіе ея принциповъ, все-таки данная имъ хартія въ сущности очень мало отличалась отъ конституціи, обнародованной сенатомъ: Людовикъ XVIII не принялъ въ свою конституцію лишь демократическихъ принциповъ, сохраненныхъ конституціей сената въ заявленіяхъ о призваніи его на престолъ народной волей и объ утвержденіи конституціи народомъ, не принялъ и избранія членовъ законодательнаго корпуса наполеоновскими избирательными коллегіями. Во всемъ остальномъ Людовикъ XVIII сохранялъ въ своей хартіи главныя постановленія сенаторской конституціи.

Намъ нужно теперь ближе познакомиться съ содержаніемъ этой конституціи, которою Франція управлялась до 1830 г.

Въ своей хартіи „Людовикъ, Божіею милостію король Франціи и Наварры“, объявлялъ, что „Божественное провидѣніе, призвавъ его снова въ его владѣнія послѣ долгаго отсутствія, возложило на него великія обязательства“. „Конституціонная хартія,—сказано было далѣе въ этомъ документѣ,—требовалась современнымъ состояніемъ государства; мы ее обѣщали и теперь публикуемъ. Мы принимали во вниманіе, что хотя во Франціи вся власть вполнѣ заключалась въ особѣ короля (bien que l'autorité tout entière résidât en France dans la personne du Roi), наши предшественники никогда не отказывались вносить измѣненія въ пользованіе ею (en modifier l'exercice), смотря по мѣнявшимся обстоятельствамъ“,—и вотъ въ доказательство этой мысли въ хартіи сдѣланы были ссылки на разныя учрежденія прежнихъ королей, не имѣвшія сами по себѣ конституціоннаго значенія, кончая ордонансами Людовика XIV, „мудрость коихъ ничто еще не могло превзойти“. Такимъ образомъ Людовикъ XVIII связывалъ свою хартію не съ конституціонными законами, ведущими свое начало изъ революціи, а съ старинными учрежденіями, съ коими на дѣлѣ хартія не имѣла ничего общаго. „Мы, — прямо заявлялъ Людовикъ XVIII, —

искали принциповъ конституціонной хартіи въ французскомъ характерѣ и въ достопочтенныхъ памятникахъ вѣковъ минувшихъ. Такъ мы увидѣли въ возобновленіи пэріи учрежденіе истинно національное, которое должно быть посредствующимъ звеномъ между всѣми воспоминаніями и всѣми упованіями, служа связью между старыми и новыми временами. Мы замѣнили палатою депутатовъ прежнія мартовскія и майскія поля и палаты третьяго сословія..... Стремясь такимъ образомъ снова соединить звенья цѣпи временъ, разорванной вслѣдствіе печальныхъ уклоненій, мы изгладили изъ нашей памяти,—какъ хотѣли бы, чтобы можно было изгладить и изъ исторіи—всѣ бѣдствія, удручавшія наше отечество во время нашего отсутствія". На самомъ дѣлѣ, конечно, хартія 1814 г. являлась продуктомъ именно тѣхъ самыхъ событій, изгладить которыя изъ своей памяти желалъ бы Людовикъ XVIII, но никакъ не была естественнымъ продолженіемъ ордонансовъ Людовика XIV. Съ другой стороны, въ хартіи подчеркивалось, что давалась она „добровольно и въ силу свободнаго проявленія королевской власти". Что хартія 1814 г. имѣла содержаніемъ своимъ развитіе принциповъ, дѣйствовавшихъ во время революціи", это можно видѣть уже изъ первыхъ же ея параграфовъ, коими признавались во Франціи гражданское равенство (1—3), индивидуальная свобода (4) съ свободой совѣсти (5) и печати (8), равно какъ законность владѣнія бывшими національными имуществами (9) и запрещалось преслѣдовать кого бы то ни было за то, что онъ высказывалъ или голосовалъ до реставраціи (10): въ первыхъ двѣнадцати статьяхъ, названныхъ изложеніемъ „публичнаго права французовъ", въ сущности были провозглашены главныя начала гражданскаго равенства и личной свободы, къ установленію коихъ стремилось и учредительное собраніе.

Хартія 1814 г. учреждала во Франціи конституціонную монархію по образцу англійской [1]). Въ сравненіи съ конституціей 1791 г. хартія Людовика XVIII является гораздо болѣе монархической [2]). „Особа короля священна и неприкосновенна. Его министры отвѣтственны. Королю одному принадлежитъ исполнительная власть (13). Король есть верховный глава государства, начальствуетъ сухопутными и морскими силами, объявляетъ войну, заключаетъ мирные, союзные и торговые договоры, назначаетъ на всѣ должности государственнаго управленія и издаетъ регламенты и ордонансы для исполненія законовъ и безопасности государства (14). Законодательная власть отправ-

[1]) Ср. послѣдующее съ конституціонной теоріей Бенжамена Констана (выше, стр. 302—305).

[2]) Ср. изложеніе конституціи 1791 г. (т. III, стр. 527—529) и изложеніе испанской конституціи 1812 г. (выше, стр. 167—168).

ляется совмѣстно королемъ, палатой пэровъ и палатой депутатовъ отъ департаментовъ (15). Король одинъ предлагаетъ законы" (16); но и „палаты имѣютъ право просить короля предложить законъ" (19). „Король одинъ санкціонируетъ и обнародываетъ законы (22). Назначеніе пэровъ Франціи принадлежитъ королю. Ихъ число неограниченно: онъ можетъ измѣнять ихъ званія, назначать ихъ пожизненно или наслѣдственно по своему усмотрѣнію" (27), причемъ по праву своего рожденія члены королевской фамиліи и принцы крови суть непремѣнно пэры (30). Пренія въ палатѣ пэровъ не публичны (32). Хартія 1814 г. предоставляла лишь будущему закону опредѣлить организацію выборовъ въ палату депутатовъ (35), но установляла срокъ полномочій въ пять лѣтъ съ обновленіемъ состава палаты каждый годъ посредствомъ выхода изъ нея одной пятой части членовъ (36). Отъ депутата требовалось два условія: по крайней мѣрѣ сорокалѣтній возрастъ и платежъ прямого налога въ размѣрѣ тысячи франковъ (38). „Если бы,—говорится далѣе,—въ департаментѣ не нашлось пятидесяти лицъ означеннаго возраста и платящихъ, по крайней мѣрѣ, по тысячѣ франковъ прямыхъ налоговъ, то это число будетъ дополнено наиболѣе обложенными (les plus imposés) лицами, хотя бы и ниже указанной нормы, и они будутъ имѣть право быть избираемыми наравнѣ съ первыми". Этотъ депутатскій цензъ былъ такъ высокъ, что во всей Франціи было лишь около 15 т. человѣкъ, удовлетворявшихъ этому требованію, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишь около 90 т. человѣкъ, которые могли быть избирателями, ибо хартія 1814 г. давала избирательное право только такимъ лицамъ, которыя достигли тридцатилѣтняго возраста и платили, по крайней мѣрѣ, триста франковъ въ видѣ прямыхъ налоговъ (40). Прибавимъ, что законъ 1820 г. установилъ двойное голосованіе (le double vote), бывшее особенно выгоднымъ для наиболѣе богатыхъ: окружныя коллегіи выбирали 258 депутатовъ, а затѣмъ коллегіи департаментскія, состоявшія изъ четвертой части всѣхъ избирателей, платившихъ наивысшія подати, выбирали еще 172 депутата. Такъ какъ (по тому же закону 1820 г.) депутаты должны были безвозмездно исполнять свои обязанности, то участіе въ законодательствѣ сдѣлалось настоящею монополіей богатства. Предсѣдатели избирательныхъ коллегій назначались королемъ (41). По меньшей мѣрѣ, половина депутатовъ должна была быть изъ мѣстныхъ жителей департамента (42). „Засѣданія палаты депутатовъ,—говорилось далѣе въ хартіи,—публичны, но достаточно желанія пяти членовъ, чтобы палата превратилась въ секретный комитетъ (44). Ни одинъ налогъ не можетъ быть установленъ или взимаемъ, если на него не было дано согласія обѣихъ палатъ и королевской санкціи (48). Король ежегодно созываетъ обѣ палаты; онъ ихъ отсрочиваетъ и можетъ распустить палату депутатовъ отъ депар-

таментовъ, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ созвать новую въ теченіе трехъ мѣсяцевъ" (50). Министры могли быть членами палаты пэровъ и палаты депутатовъ (54). Палата депутатовъ имѣла право обвинять министровъ и представлять ихъ палатѣ пэровъ, которая одна только и могла ихъ судить (55). Особый отдѣлъ конституціи былъ посвященъ судебному вѣдомству, которое сохранялось въ томъ видѣ, въ какомъ существовало въ 1814 г. (59, 60, 61), причемъ хартія сохраняла судъ присяжныхъ (65) и гражданскій кодексъ (68) и объявляла несмѣняемость судей, назначенныхъ королемъ (58). Наконецъ, въ отдѣлѣ хартіи объ „особыхъ правахъ, гарантированныхъ государствомъ" обращаютъ на себя вниманіе статьи о томъ, что военные, находящіеся на службѣ и въ отставкѣ, сохранятъ свои чины и содержаніе (69), что прежнему дворянству возвращаются, а за новымъ (т.-е. наполеоновскимъ) сохраняются титулы безъ всякихъ, однако, привилегій (71), и что орденъ почетнаго легіона будетъ также удержанъ (72). Первая палата депутатовъ должна была состоять изъ членовъ послѣдняго законодательнаго корпуса (75). Хартія оканчивалась словами: „дано въ лѣто Благодати 1814, нашего же царствованія въ девятнадцатое".

Въ сравненіи съ конституціями имперіи эта пожалованная королемъ (октроированная, octroyée) хартія была серьезной гарантіей общественной свободы и общественнаго контроля. Благодаря наслѣдственности палаты пэровъ, ея члены могли пользоваться независимостью по отношенію къ королевской власти. Хотя хартія говорила еще о пожизненныхъ пэрахъ, но впослѣдствіи ордонансъ 19 августа 1815 г. установилъ наслѣдственность пэріи, какъ общій законъ для этого учрежденія. Палата депутатовъ состояла изъ выборныхъ представителей націи, тогда какъ члены наполеоновскаго законодательнаго корпуса назначались правительствомъ. Правда, впослѣдствіи правительство нашло, что ежегодные выборы пятой части депутатовъ слишкомъ волнуютъ страну, и принятый въ 1824 г. палатами законъ установилъ семилѣтній срокъ для депутатскихъ полномочій съ полнымъ обновленіемъ всей палаты черезъ каждыя семь лѣтъ, но это ничуть не уменьшило ея независимости по отношенію къ королевской власти. Притомъ, нужно замѣтить еще, и пэры, и депутаты могли подвергаться судебному преслѣдованію лишь съ согласія соотвѣтственной палаты (ст 52). Наконецъ, хартія установила отвѣтственность министровъ и вотированіе палоговъ и законовъ палатами. — Мы уже говорили, что Наполеонъ по возвращеніи съ Эльбы нашелъ нужнымъ внести измѣненіе въ конституціи имперіи: измѣненія эти, составившія содержаніе такъ называемаго „дополнительнаго акта", были въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ воспроизведеніемъ главныхъ установленій хартіи 1814 г.—наслѣдственной палаты пэровъ, избирательной палаты депу-

татовъ и отвѣтственнаго министерства. Вообще такимъ образомъ конституція Людовика XVIII была вполнѣ либеральной по сравненію съ наполеоновскимъ режимомъ и обезпечивала дѣйствительнымъ образомъ общественную свободу. Правда, уничтоженное при Наполеонѣ право ассоціацій и собраній не было возстановлено, но хартія 1814 г. возстановляла право петицій (которыя по 53 статьѣ хартіи могли быть подаваемы и обѣимъ палатамъ). Далѣе, хартія 1814 г. провозглашала свободу печати, хотя на самомъ дѣлѣ по временамъ (1814, 1817, 1820, 1823 гг.) палаты и возстановляли цензуру, впрочемъ, большею частью только на годъ, въ промежуточные же періоды печать пользовалась свободой и даже издавались законы, весьма благопріятные для ея свободы. Самымъ либеральнымъ изъ такихъ законовъ былъ законъ 17 мая 1819 г.; онъ уничтожалъ цензуру и предварительное разрѣшеніе на изданіе газетъ, подчинялъ преступленія по дѣламъ печати суду присяжныхъ, разрѣшалъ журналистамъ доказывать фактами и тоже передъ судомъ присяжныхъ справедливость обвиненій, коимъ подверглись бы въ печати оффиціальныя лица и т. п. Послѣдующіе законы (1822 и 1828) были уже менѣе благопріятны для печати, хотя и ими уничтожалась цензура. Во всякомъ случаѣ по сравненію съ наполеоновскимъ режимомъ періодическая пресса во Франціи въ эпоху реставраціи была поставлена въ весьма выгодныя условія, благодаря чему, журналистика во Франціи при Людовикѣ XVIII достигла цвѣтущаго состоянія и получила большое вліяніе [1]). Главный недостатокъ тогдашней періодической печати заключался въ томъ, что она, такъ сказать, существовала только для богатыхъ: розничной продажи не существовало, а подписка стоила очень дорого. Кромѣ того, палаты, состоявшія изъ богачей, прямо даже содѣйствовали дороговизнѣ газетъ закономъ о залогѣ и о штемпелѣ, въ силу чего предпринять изданіе газеты могъ только человѣкъ, обладавшій большими средствами для внесенія залога, а цѣна каждаго экземпляра увеличивалась вслѣдствіе оплаты его штемпельнымъ сборомъ. Это вполнѣ, однако, гармонировало съ буржуазнымъ характеромъ свободы, установившейся во Франціи въ 1814 г. Далѣе, необходимо отмѣтить, что благодаря несмѣняемости судей, провозглашенной конституціей, французская магистратура весьма скоро возвратилась къ своимъ старымъ традиціямъ борьбы противъ ультрамонтанства и сопротивленія правительственному произволу. Реставрація сохранила судебную организацію и кодексы Наполеона, опиравшіеся на законы революціи, но возвратила судьямъ независимость положенія, что было

[1]) Hatin. Histoire de la presse en France.—Nettement. Histoire du Journal des Débats. Оживленію прессы много содѣйствовали и техническія усовершенствованія въ типографскомъ дѣлѣ.

одной изъ важныхъ гарантій общественной свободы. Сама же конституція запрещала еще установленіе чрезвычайныхъ судовъ (63) и конфискацію имуществъ (66). Хотя въ области религіозной и сдѣланы были попытки возвращенія къ старымъ строгостямъ, но онѣ не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Такимъ образомъ въ общемъ реставрація должна была признать многое изъ того, что впервые было намѣчено или создано революціей [1]).

Благодаря хартіи 1814 г., Франція въ эпоху реставраціи сдѣлалась самымъ свободнымъ государствомъ на материкѣ Европы; но въ олигархическомъ характерѣ этой свободы заключалась причина непрочности парламентарной монархіи, установленной ею во Франціи. Если бы даже и не произошло революціи 1830 г., сопровождавшейся перемѣною династіи и нѣкоторыми измѣненіями въ самой хартіи,—но въ то же время только усилившей политическое значеніе буржуазіи,—такая монархія, какую устанавливала во Франціи эта хартія, должна была сдѣлаться предметомъ демократической оппозиціи, которая, заимствуя свои принципы изъ революціонной и наполеоновской традицій, естественно и необходимо получала характеръ или республиканскій, или бонапартистскій. Въ эпоху реставаціи движенія, имѣвшія такой характеръ, были еще весьма слабы, тѣмъ болѣе, что республиканцы давно потерпѣли пораженіе, изъ коего долго не могли подняться, а наполеонисты, особенно послѣ 1815 г., не могли также имѣть большого успѣха, но за то движенія эти усилились въ слѣдующемъ періодѣ, и въ 1848 г. народъ низвергъ буржуазную іюльскую монархію, чтобы основать демократическую республику, уступившую мѣсто, какъ и первая республика, цезаризму, опиравшемуся на демократію. Въ эпоху реставраціи, повторяемъ, демократическія стремленія не имѣли большой силы; оппозицію реакціи составляла главнымъ образомъ буржуазія, которая была поставлена хартіей 1814 г. въ весьма выгодное положеніе и которой бороться приходилось лишь за существованіе этой самой хартіи и всѣхъ гарантированныхъ ею культурныхъ, соціальныхъ и политическихъ отношеній. Мы много разъ говорили, что съ конца XVIII в. французская буржуазія боялась преимущественно двухъ вещей—возвращенія стараго порядка и возобновленія демократическаго режима [2]), но послѣдняго опасаться въ 1814—1830 гг. не приходилось, ибо оно ничѣмъ не давало себя знать: оставалось такимъ образомъ бороться съ представителями ста-

---

[1]) Наполеоновскій конкордатъ оставался въ силѣ, хотя въ 1817 г. сдѣлана была попытка замѣнить его новымъ: уже состоялось соглашеніе съ папой, но правительство не рѣшалось подвергнуть новый конкордатъ обсужденію въ палатахъ. Вся наполеоновская административная система тоже была удержана.

[2]) См. выше, стр. 36 и слѣд. и др.

раго порядка. Подобно тому, какъ крайности реакціи въ Испаніи и Италіи вызвали революціонныя движенія двадцатыхъ годовъ [1]), и во Франціи новая революція сдѣлалась возможною лишь вслѣдствіе того, что реакція захотѣла идти напроломъ. Но эта новая революція въ глазахъ вождей французскаго либерализма эпохи реставраціи должна была быть повтореніемъ не первой французской революціи, а второй англійской. Такъ оно и случилось, ибо іюльскій переворотъ лишь упрочилъ во Франціи дѣйствіе принциповъ конституціонной хартіи 1814 г., не измѣнивъ ни организаціи государственной власти, ни взаимнаго отношенія между общественными классами.

Въ эпоху реставраціи французы очень часто сравнивали свою революцію съ англійской, такъ какъ внѣшнее сходство между обѣими само собою бросалось въ глаза. Въ самомъ дѣлѣ, и въ Англіи, и во Франціи была совершена казнь короля (1649 и 1793); и тамъ, и здѣсь устанавливалась на время республика; и тамъ, и здѣсь, однако, власть захватывалась полководцами (Кромвелемъ и Наполеономъ), которые вводили военный деспотизмъ; и тамъ, и здѣсь, наконецъ, происходили реставраціи. Либералы и буржуазія, довольные хартіей 1814 г., думали сначала, что французская реставрація должна содержать въ себѣ тѣ выгоды, которыя Англіи доставлены были реставраціей Стюартовъ въ 1660 г. и революціей 1688 г., т.-е. возвращеніе законнаго порядка и упроченіе политической свободы, но послѣ того, какъ Бурбоны показали, что они „ничему не научились и ничего не позабыли“, аналогію между англійской и французской исторіей стали проводить и дальше: англійскую конституцію упрочила лишь вторая революція, имѣвшая своимъ слѣдствіемъ перемѣну династіи, и того же самаго стали ожидать и желать для Франціи. Мы, признается, напр., Гизо, самъ изучавшій исторію англійской революціи [2]),—мы только и думали о революціи 1688 г., объ ея успѣхѣ, о прекрасномъ и свободномъ правительствѣ, которое она основала“. Несомнѣнно въ виду современныхъ отношеній и Арманъ Каррель написалъ въ 1827 г. свою „Исторію контръ-революціи въ Англіи“ [3]): онъ тоже прославлялъ переворотъ 1688 г. и оправдывалъ его тою именно „контръ-революціей“, которая наступила въ Англіи съ реставраціей Стюартовъ, и съ которою реакція во Франціи представляла много родственныхъ чертъ. Вообще въ эпоху реставраціи Англія, какъ страна, политическія учрежденія коей доказали свою пригодность на вѣковомъ опытѣ, оказывала большое вліяніе на политическую жизнь Франціи. Мы видѣли, что конституціонная

---

[1]) См. выше, стр. 322 и слѣд.
[2]) См. выше, стр. 290.
[3]) См. выше, стр. 290.

теорія Бенжамена Констана была не чѣмъ инымъ, какъ зеркаломъ фактическихъ отношеній, господствовавшихъ въ государственномъ строѣ Англіи [1]), но кромѣ того, англійская же конституція послужила образцомъ и для сенаторской конституціи 1814 г., и для хартіи Людовика XVIII, и для „дополнительнаго акта“ Наполеона. Тѣмъ же объясняется и интересъ къ исторіи Англіи вообще и въ частности ея парламента, который въ эту эпоху обнаружили французскіе либеральные историки [2]). Нужно, однако, прибавить, что среди либераловъ образовалась небольшая фракція, такъ называемыхъ, доктринеровъ (Ройе-Колларъ, Гизо и др.), которые, сравнивая французскую конституцію съ англійской, отдавали предпочтеніе первой: напр., Ройе-Колларъ [3]) думалъ, что правительственная власть во Франціи сосредоточивается въ рукахъ короля и что установленіе министерства, которое было бы отвѣтственно передъ большинствомъ палаты, было бы равносильно упраздненію монархическаго принципа.

Въ слѣдующихъ двухъ главахъ мы разсмотримъ, въ чемъ выразились во Франціи реакціонныя стремленія и какъ происходила здѣсь борьба между реакціей и либерализмомъ — въ связи со взаимными отношеніями парламентскихъ партій.

XVIII. Реакціонная политика во Франціи при Людовикѣ XVIII.

Какъ произошла первая реставрація Бурбоновъ?—Людовикъ XVIII и принцы.—Общій характеръ первой реставраціи.—Какъ совершилась вторая реставрація?—Выборы 1815 г.—Бѣлый терроръ.—Слабость либеральной партіи въ палатѣ депутатовъ при Людовикѣ XVIII.—Поведеніе и стремленія ультра-роялистовъ при министерствахъ Деказа, Ришелье (второмъ) и Виллеля.—Предметы политической борьбы въ палатахъ.

Когда союзники окончательно постановили низложить Наполеона, у нихъ еще не было опредѣленнаго рѣшенія вопроса о томъ, кѣмъ замѣнить низложеннаго императора, а глава коалиціи, Александръ I, не разъ высказывался въ томъ смыслѣ, что Франція сама должна распорядиться своей будущей судьбой. Говорить это было, конечно, легко, но трудно было, чтобы среди тогдашнихъ обстоятельствъ нація могла, дѣйствительно, свободно и единодушно высказать свой взглядъ на этотъ вопросъ. Побѣжденная Франція была въ рукахъ завоевателей, которые, конечно, не могли дать ей полной свободы, ибо, напр., они совершенно устраняли вопросъ объ имперіи, а затѣмъ и политическіе люди Франціи были раз-

[1]) См. выше, стр. 236 и 302 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 290.

[3]) См. выше, стр. 255—256. Ср. также (выше, стр. 302—303) ученіе Бенжамена Констана о королевской власти.

дѣлены на партіи, изъ коихъ ни одна не была достаточно сильна, чтобы являться выразительницей мнѣнія всей страны или, по крайней мѣрѣ, большинства націи. Болѣе всего шансовъ имѣли Бурбоны, ибо за нихъ былъ все-таки принципъ, были историческія права, но первоначально Александръ I былъ очень нерасположенъ къ Бурбонамъ. Оба брата послѣдняго короля Франціи, гр. Прованскій, именовавшійся Людовикомъ XVIII, и гр. д'Артуа, будущій Карлъ X, не разъ и прежде обращались къ русскому императору съ предложеніями своихъ услугъ въ борьбѣ съ Наполеономъ (въ 1805—1807 и 1812—1813 гг.), но Александръ I отклонялъ ихъ предложенія, полагая, что союзъ съ Бурбонами скорѣе повредитъ, чѣмъ поможетъ его дѣлу въ виду той ненависти, которая существовала къ падшей династіи во Франціи. Роялистамъ нужно было поэтому прежде всего уговорить Александра I, представивъ ему, что вся нація желаетъ возстановленія законной династіи, и вотъ теперь у нихъ нашелся союзникъ въ лицѣ Талейрана, давно уже видѣвшаго, что имперія не устоитъ, и что нужно подумать о будущемъ—да и о себѣ, устраивая это будущее. Талейранъ воспользовался слухомъ, будто подъ Елисейскій дворецъ, гдѣ въ 1814 г. долженъ былъ остановиться Александръ I, подведена была мина, и предложилъ свой домъ русскому императору. Здѣсь-то и было рѣшено возстановить Бурбоновъ, ибо, какъ говорилъ Талейранъ, одни они были принципомъ, а все остальное могло быть только интригой. Когда наполеоновскіе маршалы явились къ Александру и стали настаивать на томъ, чтобы провозгласить императоромъ „короля римскаго" подъ регентствомъ его матери, пришло извѣстіе о переходѣ французской арміи на сторону союзниковъ, и русскій императоръ могъ уже рѣшительно заявить имъ, что одни только Бурбоны соотвѣтствуютъ интересамъ Франціи и видамъ Европы. Затѣмъ наполеоновскій сенатъ рѣшилъ призвать „свободною волею французскаго народа" Людовика XVIII на престолъ Франціи, обязавъ его принять конституцію, а Александръ I съ своей стороны поддержалъ сенатъ въ его рѣшеніи установить во Франціи конституціонную монархію. Онъ даже поѣхалъ на встрѣчу къ Людовику XVIII въ Компьень, чтобы лично уговорить его согласиться на требованіе сената, но законодательный корпусъ поторопился также отправиться на поклонъ къ Людовику XVIII, какъ законному своему королю, и послѣ этого шага уже не могло быть рѣчи о принятіи условій сената.

Такъ была совершена реставрація Бурбоновъ при полномъ молчаніи націи, если не считать нѣсколькихъ роялистическихъ манифестацій, которыя и выставлялись передъ Александромъ I, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія и воли націи въ томъ смыслѣ, будто бы „вся Франція желаетъ Бурбоновъ". На самомъ дѣлѣ, они были до такой степени чужды странѣ, какъ если бы въ ней никогда не царствовали (слова

Веллингтона), и ихъ такъ мало знало новое поколѣніе, какъ если-бы они были, по выраженію Шатобріана, дѣтьми китайскаго императора. Едва одна десятая населенія искренне привѣтствовала Бурбоновъ, три десятыхъ признали реставрацію изъ одного расчета, а остальное населеніе, т. е. болѣе половины смотрѣло на возвращеніе старой династіи съ недовѣріемъ и даже съ враждебностью, которыя были особенно замѣтны въ народныхъ массахъ и даже, пожалуй, въ деревняхъ еще болѣе, чѣмъ въ городахъ. Сильно тревожились между прочимъ и владѣльцы національныхъ имуществъ, а ихъ было все-таки около трехъ милліоновъ. Сторонниками Бурбоновъ по расчету явились главнымъ образомъ политическіе дѣятели, финансисты, литераторы, коммерсанты, промышленники, военные и чиновники, сохранявшіе свои мѣста и содержаніе и т. п., хотя многіе изъ этихъ людей были недовольны тѣмъ, что конституціонная хартія была не принята, а октроирована.

Въ 1814 г. Людовику XVIII было уже шестьдесятъ лѣтъ, изъ коихъ болѣе трети онъ провелъ въ изгнаніи [1]), не смѣя даже, во время владычества Наполеона, выбирать себѣ мѣсто жительства: только одна Англія въ концѣ концовъ давала ему безопасный пріютъ. Въ теченіе цѣлыхъ девятнадцати лѣтъ, протекшихъ со дня смерти его несчастнаго племянника, носившаго у эмигрантовъ имя Людовика XVII, онъ ни на одну минуту не сомнѣвался въ своемъ правѣ на престолъ Франціи и не разъ думалъ, что вотъ-вотъ скоро наступитъ моментъ, когда это право будетъ осуществлено. Время это, наконецъ, пришло, и Людовикъ XVIII возвратился на родину съ похвальнымъ намѣреніемъ умиротворить несчастную страну уставленіемъ въ ней либеральнаго режима въ родѣ англійской конституціи, съ которою онъ познакомился во время своего долговременнаго пребыванія въ Англіи. Новый король Франціи вовсе не былъ фанатикомъ стараго порядка, но онъ былъ гордъ своимъ королевскимъ саномъ и не хотѣлъ царствовать иначе, какъ въ силу своего династическаго права. Человѣкъ глубоко эгоистичный, онъ думалъ только о томъ, чтобы спокойно дожить послѣдніе свои годы въ почетѣ, къ которому онъ относился въ высшей етепени ревниво, и будучи къ старости человѣкомъ болѣзненнымъ и даже дряхлымъ, онъ, быть можетъ, потому и находилъ весьма хорошимъ англійскій режимъ, что при немъ всѣ хлопоты и непріятности, соединенныя съ пользованіемъ властью, падаютъ на министровъ, которые могутъ подвергаться самымъ жестокимъ нападкамъ, причемъ послѣднія отнюдь не задѣваютъ особы самого монарха. Основною мыслью Людовика XVIII было примирить старую и новую Францію, но у него не было для этого надлежащихъ условій—ни въ его собственномъ характерѣ, не отличавшемся настой-

[1]) Онъ эмигрировалъ изъ Франціи въ 1791 г. См. т. III, стр. 512.

чивостью, ни въ условіяхъ ближайшей среды, которая его окружала. Въ сущности онъ всегда бывалъ уступчивъ по существу дѣла, стараясь лишь о томъ, чтобы при этомъ спасены были внѣшнія формы, среда же, его окружавшая, отличалась, наоборотъ, крайнимъ упорствомъ и постоянно производила на него давленіе въ пользу возстановленія стараго порядка. Людовикъ XVIII былъ бездѣтенъ, и наслѣдникомъ его былъ его братъ гр. д'Артуа, отецъ двухъ сыновей — герцога Ангулемскаго, женатаго на своей кузинѣ, дочери Людовика XVI, страстной и фанатической ненавистницѣ революціи, и герцога Беррійскаго, который тоже женился впослѣдствіи, но былъ въ 1820 г. убитъ, оставивъ жену беременною будущимъ герцогомъ Бордосскимъ. Гр. д'Артуа эмигрировалъ еще въ 1789 г. и былъ настоящимъ главой непримиримыхъ эмигрантовъ, наиболѣе дѣятельнымъ участникомъ всѣхъ комбинацій, направлявшихся противъ революціоннаго правительства или противъ Наполеона [1]). Это былъ настоящій фанатикъ контръ-революціи, организовавшій въ своемъ pavillon de Marsan—съ первыхъ же дней реставраціи—будущую ультрароялистическую партію, которая была недовольна уступчивостію короля по отношенію къ новой Франціи. Абсолютистъ, клерикалъ, другъ эмигрантовъ, мечтавшихъ о возвращеніи привилегій, гр. д'Артуа нерѣдко самымъ рѣзкимъ образомъ нападалъ на брата; одинъ разъ разсерженный Людовикъ XVIII пригрозилъ ему даже, что поставитъ бюстъ Наполеона на каминѣ своего кабинета. Гр. д'Артуа отказался присутствовать въ засѣданіи гдѣ была провозглашена хартія. Своимъ приближеннымъ и даже депутаціямъ, къ нему являвшимся, онъ давалъ самыя неосторожныя обѣщанія: „будемъ пока довольствоваться тѣмъ, что есть, а за будущее уже я вамъ ручаюсь“. Онъ скоро сдѣлался надеждою не однихъ только дворянъ, но и клерикаловъ, такъ какъ самъ придерживался строгаго католицизма и впослѣдствіи сдѣлался душою такъ называемой „конгрегаціи“,—организаціи, въ составъ коей вошли всѣ клерикальные элементы высшихъ классовъ общества и стали играть особенно видную роль іезуиты. Если старшій сынъ наслѣдника престола отличался при недалекомъ умѣ только вспыльчивостью и грубостью, то невѣстка гр. д'Артуа, герцогиня Ангулемская, была совершенно подстать своему свекру. Что касается до герцога Беррійскаго, то этотъ молодой принцъ, бойкій и развязный, думалъ только объ удовольствіяхъ и очень радовался, что можетъ командовать въ арміи. Хотя вообще онъ больше былъ расположенъ къ реакціонерамъ, но мирился съ положеніемъ и, желая снискать популярность у солдатъ, въ буквальномъ смыслѣ слова „обезьяничалъ“, какъ выражались солдаты, съ „маленькаго капрала“. Принцы были вообще очень непопулярны въ Парижѣ, а тутъ они

[1]) Т. III, 488, 512, 515 и выше, стр. 99 и др.

еще задумали совершить объѣздъ разныхъ частей Франціи, во время котораго надѣлали массу безтактностей: напр., гр. д'Артуа спрашивалъ у префектовъ и у мэровъ, что думаютъ они о возвращеніи національныхъ имуществъ ихъ законнымъ владѣльцамъ. Поэтому и въ департаментахъ принцы весьма скоро снискали одно только крайнее къ себѣ нерасположеніе. Вернулись съ королемъ и семьей его брата во Францію равнымъ образомъ и принцъ Конде, и герцогъ Бурбонскій (дѣдъ и отецъ герцога Амьенскаго), эти настоящіе обломки стараго порядка; вернулся и герцогъ Орлеанскій, сынъ „гражданина Филиппа Эгалитэ", самъ когда-то членъ якобинскаго клуба, сражавшійся за революцію при Вальми и Жемаппѣ [1]). Уже раньше въ эпоху республики его имя произносилось, какъ возможнаго кандидата на престолъ [2]), и потому въ 1814 г. онъ былъ для Бурбоновъ человѣкомъ подозрительнымъ, хотя и держалъ себя крайне осторожно; надъ нимъ былъ даже установленъ своего рода тайный надзоръ. Несмотря на то, что этотъ принцъ старался не выдвигаться, онъ сдѣлался весьма популярнымъ среди буржуазіи и либераловъ, а когда противъ Бурбоновъ стали составляться заговоры, многіе изъ нихъ задумывались прямо въ пользу герцога Орлеанскаго, хотя и безъ всякаго въ нихъ участія съ его стороны.

Вернулись съ Бурбонами и наиболѣе непримиримые изъ эмигрантовъ, которые не хотѣли воспользоваться милостью Наполеона [3]). Этихъ возвратившихся дворянъ было тысячи три или четыре, но съ ними заодно стали дѣйствовать и ранѣе вернувшіеся во Францію эмигранты, да и многіе дворяне, не покидавшіе родины въ эпоху революціи. Правда, и среди роялистовъ встрѣчались сторонники конституціоннаго режима,—и ихъ потомъ главнымъ образомъ поддерживало правительство Людовика XVIII,—но громче всего говорили, требовательнѣе всѣхъ были и болѣе всего заставляли себя бояться тѣ роялисты, коимъ впослѣдствіи было присвоено названіе ультра-роялистовъ (les ultras). Они ненавидѣли хартію, лишавшую ихъ прежнихъ привилегій, желали возстановленія старыхъ порядковъ, заявляли самыя клерикальныя требованія, особенно же добивались возвращенія конфискованныхъ у нихъ и перешедшихъ въ другія руки имѣній, и сначала они ожидали, что всѣ важнѣйшія гражданскія и военныя должности будутъ переданы имъ, и что люди, служившіе революціи и узурпатору, съ позоромъ будутъ прогнаны. Людовикъ XVIII не желалъ идти такъ далеко; кромѣ того, и внѣшнія обстоятельства вынуждали его составить министерство изъ государственныхъ людей, выдвинувшихся въ эпоху революціи и при имперіи.

---

[1]) Т. III, стр. 575 и 603.
[2]) Т. III, стр. 603 и 604.
[3]) См. выше, стр. 93 - 94 и 113.

Къ сожалѣнію, это министерство было образовано изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, начиная съ Талейрана и кончая людьми, видѣвшими въ парламентарномъ строѣ лишь переходъ отъ имперіи къ возстановленію абсолютной монархіи, настоящимъ же вліяніемъ на короля пользовался одинъ только его любимецъ Блакà, старавшійся лишь о томъ, чтобы не терять королевской милости: недаромъ этотъ режимъ получилъ названіе „отеческой анархіи“ (anarchie paternelle). Эмигранты съ гр. д'Артуа во главѣ и нѣкоторые министры Людовика ничего не сдѣлали для того, чтобы расположить народъ и армію въ пользу новаго порядка вещей. Напротивъ, они какъ-бы нарочно дѣлали все, чѣмъ только могли раздражать и вооружать противъ себя и народную массу, и солдатъ, и буржуазію, и низшихъ и высшихъ офицеровъ арміи. Въ нѣсколько мѣсяцевъ 1814 — 1815 гг. Бурбоны съумѣли добиться одного—вызвать въ націи сожалѣніе о Наполеонѣ и тѣмъ подготовить ему восторженный пріемъ при возвращеніи его съ острова Эльбы.

Въ самомъ началѣ реставраціи (7 іюня) новый начальникъ полиціи Беньо—по желанію двора, но безъ вѣдома министерства—издалъ распоряженіе о празднованіи воскреснаго дня, запрещавшее всякую работу, торговлю и перевозку тяжестей въ теченіе всего дня, а также предписывавшее закрывать рестораны, кафе и т. п. во время богослуженія подъ страхомъ штрафовъ отъ 100 до 500 франковъ. Другимъ распоряженіемъ (10 іюня) онъ запретилъ въ праздникъ Тѣла Господня съ 8 ч. утра до 3 ч. пополудни движеніе по улицамъ экипажей въ виду церковныхъ процессій, которыя рѣшено было возстановить на улицахъ Парижа. Столичное населеніе увидѣло въ этомъ нарушеніе религіозной свободы, и потому примѣненіе распоряженій Беньо встрѣтило сопротивленіе со стороны многихъ рабочихъ, лавочниковъ и т. п. Около того же времени отдѣльныя бюро муниципальной благотворительности стали требовать отъ своихъ кліентовъ свидѣтельствъ о говѣніи. Съ своей стороны, духовенство стало придавать слишкомъ политическую окраску заупокойнымъ обѣднямъ, которыя были отслужены по Людовикѣ XVI и Маріи-Антуанетѣ во всѣхъ городахъ Франціи, такъ какъ при этомъ произнесены были проповѣди съ проклятіями противъ всѣхъ, кто только принималъ участіе въ революціи, покупалъ бывшія церковныя имущества и т. п. И впослѣдствіи своими постоянными проповѣдями на эту же тему духовенство держало въ вѣчной тревогѣ покупщиковъ національныхъ имуществъ; нерѣдко бывало и такъ, что имъ священники прямо отказывали въ таинствѣ причащенія даже на смертномъ одрѣ. Была также масса недовольныхъ и мѣрами, вызванными простою необходимостью, каковыми были сокращеніе штатовъ разныхъ министерствъ, уменьшеніе численности арміи и т. д., что вынуждалось именно печаль-

нымъ положеніемъ финансовъ. Особенными врагами реставраціи сдѣлались отставные офицеры и офицеры на половинномъ содержаніи (à la demi-solde), тѣмъ болѣе, что это не помѣшало Людовику XVIII возстановить старую королевскую гвардію (la Maison militaire du roi), на содержаніе коей было ассигновано 20 милліоновъ франковъ и доступъ въ которую былъ открытъ исключительно роялистамъ. Такое начало очень тревожило громадное большинство націи, и ее очень пугало то, что эмигранты и вообще бывшіе дворяне повсемѣстно держали себя въ высшей степени надменно, проповѣдовали о необходимости возвращенія національныхъ имуществъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ и грозили всѣмъ, кто не держался ихъ образа мыслей. Роялистическая пресса—газеты и брошюры—дѣйствовала въ томъ же направленіи. Наконецъ, король, гр. д'Артуа, герцогиня Ангулемская, получали петиціи о возвращеніи національныхъ имуществъ, и потребовалось особое постановленіе палаты депутатовъ (образовавшейся изъ членовъ послѣдняго законодательнаго корпуса), чтобы успокоить владѣльцевъ національныхъ имуществъ ссылкою на то, что ихъ распродажа была санкціонирована конституціями III и VIII года и новой конституціонной хартіей. И въ слѣдующіе мѣсяцы правительство продолжало совершать одну безтактность за другого, унижая орденъ почетнаго легіона раздачей его за самыя ничтожныя услуги людямъ сомнительной репутаціи, поручая караулы у Тюйльерійскаго дворца наемнымъ швейцарцамъ и т. п. Положеніе Людовика XVIII становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что сами эмигранты начали на него нападать за то, что онъ не осуществлялъ всѣхъ ихъ надеждъ; они называли его прямо „королемъ якобинцевъ". Съ другой стороны, и либералы (напр., Бенжаменъ Констанъ, Лафайетъ и др.) объявляли, что свободѣ грозитъ опасность, и цѣлый рядъ либеральныхъ газетъ переходилъ въ прямую оппозицію правительству. Между новой и старой Франціей завязывалась борьба, а правительство не умѣло стоять на высотѣ своей задачи. Напр., по вопросу о возвращеніи эмигрантамъ нераспроданныхъ еще имѣній оно держало себя не такъ, какъ Наполеонъ, видѣвшій въ этомъ лишь средство умиротворенія, а подчеркивало другую сторону дѣла—вознагражденіе за непоколебимую вѣрность, а въ палатахъ это вызывало страстныя пренія партій. Людовикъ XVIII, боявшійся оппозиціи пуще огня, тотчасъ же отмѣнялъ нѣкоторыя распоряженія или бралъ назадъ предложенія своихъ министровъ, разъ замѣчалъ, что они вызываютъ неудовольствіе въ палатахъ. Что было еще хуже для Людовика XVIII, такъ это разные слухи о возможности чуть-ли не новой варѳоломеевской ночи, которую замышляло будто-бы правительство въ годовщину смерти Людовика XVI: при такомъ настроеніи парижскаго населенія самыя незначительныя происшествія получали иногда значеніе чуть-ли не событій

первостепенной важности. Напр., отказъ духовенства хоронить одну популярную актрису повелъ къ серьезнымъ уличнымъ безпорядкамъ, и многіе потомъ были убѣждены, что только эти безпорядки, показавшіе силу народа, заставили его недруговъ отказаться отъ новой варѳоломеевской ночи. Нужно, однако, замѣтить, что въ основѣ этихъ слуховъ все-таки кое-что было, ибо между роялистами встрѣчались настоящіе фанатики, которые были бы не прочь устроить что-либо въ этомъ родѣ. Приверженцы гр. д'Артуа составляли даже заговоры съ цѣлью потребовать у короля отмѣны хартіи и созванія старыхъ парламентовъ, а въ случаѣ его отказа—заключить его въ тюрьму, вынудивъ у него отреченіе въ пользу брата. Но въ то же время составлялись заговоры и въ противоположномъ смыслѣ. Одинъ изъ нихъ былъ устроенъ Фуше: будучи отвергнутъ Бурбонами, которымъ онъ нѣсколько разъ предлагалъ свои услуги, онъ задумалъ совершить ихъ низложеніе и привлекъ на свою сторону Талейрана. Сначала обратились-было къ герцогу Орлеанскому, а послѣ его отказа стали думать о провозглашеніи Наполеона II.

Первая реставрація продолжалась менѣе года. Наступило второе, „стодневное“ владычество Наполеона [1]). Но и возстановленіе имперіи было непрочно. Созванныя Наполеономъ палаты [2]) послѣ Ватерло вынудили у него отреченіе и образовали временное правительство (въ составъ коего вошли Карно и Фуше), возбудивъ вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о престолонаслѣдіи: Бурбоновъ уже никто не хотѣлъ; либеральная партія выставила-было герцога Орлеанскаго, и только то соображеніе, что онъ непремѣнно откажется отъ короны, заставило палаты признать императоромъ Наполеона II. Но побѣдители на этотъ разъ не хотѣли вступать въ какія-либо соглашенія ни въ пользу герцога Орлеанскаго, ни въ пользу Наполеона II, ни относительно другихъ кандидатовъ, которыхъ тогда называли [3]), и несмотря на то, что палата депутатовъ занялась (въ началѣ августа 1815 г.) выработкой новой конституціи, безъ всякихъ разговоровъ возстановили вторично Людовика XVIII на престолѣ подъ охраною штыковъ союзной арміи (что, конечно, было крайне оскорбительно для національнаго чувства французовъ). Съ другой стороны, за два дня до своего возвращенія въ Парижъ Людовикъ XVIII вынужденъ былъ дать аудіенцію „цареубійцѣ“ Фуше, который разыгрывалъ тогда роль главы временнаго правительства и старался увѣрить короля, что своими дѣйствіями много способствовалъ возстановленію Бурбоновъ. Мало того: когда Людовикъ XVIII по воз-

---

[1]) См. выше, стр. 232 и слѣд.

[2]) По дополнительному акту, см. выше, стр. 238—239.

[3]) Принца Оранскаго и даже короля Саксонскаго.

вращеніи своемъ въ Парижъ занялся составленіемъ министерства, то въ составъ послѣдняго вмѣстѣ съ Талейраномъ, которому было возвращено завѣдованіе иностранными дѣлами, вошелъ и Фуше въ качествѣ министра полиціи—къ великому негодованію роялистовъ. Впрочемъ, оба они ненадолго удержались во главѣ правительства, ибо выборы, произведенные для возстановленія палаты депутатовъ [1]), дали ультра-роялистическое большинство, и черезъ нѣсколько времени Фуше, отправленный въ Дрезденъ въ званіи французскаго посланника, былъ осужденъ въ качествѣ „цареубійцы“ на вѣчное изгнаніе. Во главѣ министерства былъ поставленъ знаменитый герцогъ („дюкъ“, какъ у насъ его звали) Ришелье, въ эпоху имперіи жившій въ Россіи и находившійся на русской службѣ въ должности генералъ-губернатора Новороссійскаго края.

„Сто дней“ показали Людовику XVIII, что́ значило не давать отпора притязаніямъ ультра-роялистовъ. Въ манифестѣ, съ которымъ онъ обратился къ націи, онъ долженъ былъ признаться, что его правительство могло дѣлать ошибки и дѣлало ихъ на самомъ дѣлѣ. Въ оправданіе свое король приводилъ то соображеніе, что бываютъ времена, когда самыя чистыя намѣренія оказываются недостаточными для надлежащаго направленія политики. „Одинъ опытъ, говорилось далѣе въ королевскомъ воззваніи,—могъ научить, но онъ не потерянъ. Я намѣренъ, продолжалъ Людовикъ XVIII, дать хартіи всѣ гарантіи, какія только могутъ обезпечить ея благодѣянія. За послѣднее время говорили о возстановленіи десятинъ и феодальныхъ правъ. Нечего опровергать эту басню. Если покупщики національныхъ имуществъ тревожились, довольно было хартіи, чтобы ихъ успокоить“. Кромѣ того, Людовикъ XVIII обѣщалъ амнистію за все, что случилось въ то время, когда онъ вторично долженъ былъ покинуть отечество. Но если самъ король считалъ нужнымъ соблюдать умѣренность и въ этомъ намѣреніи поддерживали его министры, то ультра-роялисты думали иначе, и ихъ мстительныя чувства получили тѣмъ большее значеніе, что побѣду на выборахъ въ палату почти повсемѣстно одержали самые рьяные представители клерикально-аристократической реакціи. Вторичное нашествіе иностранцевъ, вызванное возстановленіемъ имперіи, унизительный миръ [2]), коему должна была подвергнуться Франція, произвели страшное озлобленіе противъ наполеонистовъ, и вотъ избиратели 1815 года подъ вліяніемъ этого чувства посылали въ палату главнымъ образомъ людей, которые рѣзче другихъ выражали свое негодованіе

---

[1]) Палата пэровъ въ это время была сдѣлана наслѣдственной. Ср. выше, стр. 389.

[2]) См. выше, стр. 240.

противъ имперіи. Когда Людовикъ XVIII потребовалъ отъ обѣихъ палатъ присяги на вѣрность хартіи, нѣкоторые пэры даже воспротивились этому требованію.

Людовикъ XVIII не исполнилъ своего обѣщанія относительно забвенія прошлаго; между прочимъ не безъ вліянія иностранныхъ державъ еще министерство Талейрана-Фуше составило списокъ лицъ, которыя должны были подлежать суду за измѣну, а затѣмъ, смотря по винѣ, подвергнуться казни или изгнанію, Начались политическіе процессы, изъ которыхъ особенно много шума надѣлалъ процессъ маршала Нея [1]), приговореннаго къ смертной казни и разстрѣляннаго, несмотря на свое раскаяніе. Въ разныхъ частяхъ Франціи происходили казни, составлялись приговоры объ изгнаніи, ссылкѣ, заключеніи въ тюрьму и т. п. Ультра-роялистическая палата и родственные ей элементы общества дѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, чтобы придать второй реставраціи характеръ самой жестокой и мстительной репрессіи, а правительство не обнаружило достаточной силы, чтобы не дозволить реакціи принять крайніе размѣры. Палата весьма охотно вотировала законы, уничтожавшіе гарантіи личной свободы въ пользу полицейскаго произвола, налагавшіе строгія наказанія за мятежные возгласы, установлявшіе въ каждомъ департаментѣ чрезвычайныя коммиссіи, или превотальные суды, которые судили въ послѣдней инстанціи всѣ политическія преступленія и немедленно приводили свои приговоры въ исполненіе. Одновременно во многихъ мѣстахъ ультра-роялисты организовали особые комитеты для того, чтобы повсюду захватить власть въ свои руки. Роялистическіе префекты и другія мѣстныя власти арестовывали, ссылали, предавали суду, лишали должностей и т. п. цѣлые десятки тысячъ „неблагонамѣренныхъ“, издавали разныя деспотическія распоряженія, не оказывали сопротивленія народнымъ безпорядкамъ, когда послѣдніе направлялись противъ наполеонистовъ, либераловъ и т. п. Духовенство громило съ каѳедръ покупщиковъ національныхъ имуществъ, сторонниковъ революціи, протестантовъ. Роялистическіе волонтеры, составлявшіе отряды для борьбы съ Наполеономъ, ультра-роялистическіе комитеты, образовавшіеся для захвата въ свои руки всѣхъ мѣстныхъ дѣлъ, простыя грабительскія шайки и случайныя толпы нафанатизированной черни, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1815—1816 гг. господствовали надъ мирнымъ и беззащитнымъ населеніемъ, убивая и грабя наполеонистовъ и либераловъ, протестантовъ и мусульманъ (въ Марсели) и совершая другія насилія надъ всѣми неблагонамѣренными—съ точки зрѣнія крайней реакціи—людьми. Всѣ эти факты, напоминающіе собою революціонные ужасы

[1]) См. выше, стр. 233. О немъ сочиненіе Welschinger'a.

1793—94 гг., получали въ исторіи названіе „бѣлаго террора“ (la terreur blanche), такъ какъ совершались подъ бѣлымъ знаменемъ Бурбоновъ. Правительство оказывалось безсильнымъ противъ этого реакціоннаго террора, тѣмъ болѣе, что многіе даже думали, будто, дѣйствуя въ духѣ крайней реакціи, они лишь исполняютъ волю короля и его министровъ. Такъ какъ само правительство возбудило не мало политическихъ процессовъ и внесло въ палаты нѣсколько репрессивныхъ предложеній, то весьма легко могло показаться, что оно должно было одобрять и этотъ взрывъ роялистическаго фанатизма, особенно въ виду того что многіе префекты—кто по убѣжденію, кто подъ давленіемъ ультра-роялистическихъ комитетовъ, кто изъ желанія угодить предполагаемымъ видамъ правительства—сами содѣйствовали этой насильственной реакціи, и такъ же поступали многіе судьи. Хотя хартія и установляла несмѣняемость судей, гарантировавшую ихъ независимость, положеніе это получило такое толкованіе, что правомъ несмѣняемости должны пользоваться лишь судьи, назначенные королемъ или утвержденные имъ въ своей должности, а между тѣмъ съ этимъ утвержденіемъ правительство нарочно медлило, смѣщая притомъ наиболѣе неподатливыхъ. Министры, не будучи въ состояніи прекратить терроръ, думали было выйти въ отставку, но Людовикъ XVIII просилъ ихъ остаться, ибо, говорилъ онъ, еслибы ему пришлось замѣнить ихъ вождями большинства палаты депутатовъ, то число жертвъ этого террора было бы въ сто разъ еще больше. Ультра-роялистическая палата, дѣйствительно, находила Ришелье и его товарищей слишкомъ умѣренными, а въ самомъ королѣ видѣла даже прямо „коронованнаго якобинца“. Если мѣстные реакціонные элементы, произведшіе „бѣлый терроръ“, дѣйствовали, какъ многіе думали въ согласіи съ центральною властью, то никакъ не съ королемъ и министерствомъ Ришелье, а именно съ ультра-роялистической палатой, получившей въ исторіи названіе „безподобной“ (la chambre introuvable).

Это названіе палаты 1815—1816 г. далъ ей самъ Людовикъ XVIII, когда она на первыхъ порахъ во всемъ шла на встрѣчу правительству. Но скоро между послѣднимъ и ультра-роялистическимъ большинствомъ первой произошелъ конфликтъ. Вожди этого большинства составили проектъ закона, въ силу котораго масса лицъ должна была поплатиться жизнью или свободой за свои политическія убѣжденія или прежнія дѣйствія, правительство же, наоборотъ, внесло въ палату законъ объ амнистіи, которая была обѣщана въ королевскомъ манифестѣ, хотя обѣщаніе это было уже нарушено. Съ великимъ трудомъ удалось министерству провести этотъ законъ, чтобы положить конецъ казнямъ, изгнаніямъ и тюремнымъ заключеніямъ, но ультра-роялисты, съ неудовольствіемъ подчинившіеся необходимости такого закона, настояли на томъ, чтобы всѣ „цареубійцы“, приставшіе къ Наполеону

послѣ его бѣгства съ острова Эльбы, были приговорены къ вѣчному изгнанію. Безподобная палата вообще поставила своею задачею „возстановить все то, что было низвергнуто учредительнымъ собраніемъ“, и въ частности ея клерикальное направленіе выразилось въ томъ, что она уничтожила введенный революціей и удержанный кодексомъ Наполеона разводъ и задумала возвратить духовенству его прежнее положеніе въ обществѣ, отдавъ ему веденіе метрическихъ книгъ, возстановивъ церковное землевладѣніе и т. п. Первая сессія безподобной палаты, открытая въ началѣ октября 1815 г., продолжалась болѣе полугода — до конца апрѣля 1816 г. Во время парламентскихъ вакацій изъ министерства былъ устраненъ министръ внутреннихъ дѣлъ Вобланъ, который принадлежалъ къ числу политическихъ единомышленниковъ гр. д'Артуа и большинства палаты. Хотя правительство въ слѣдующіе мѣсяцы продолжало еще дѣйствовать съ извѣстною строгостью, но эта строгость не была такъ велика, чтобы вполнѣ удовлетворить ультра-роялистовъ. Особенно ихъ раздражала отставка, данная Воблану, человѣку ихъ партіи, и вся ихъ ненависть обрушилась на министра полиціи Деказа, который все болѣе и болѣе подчинялъ Людовика XVIII своему личному вліянію, хотя въ то же время если кто изъ министровъ и отдавалъ приказанія въ смыслѣ мѣръ противъ „враговъ государства“, бывшія на руку бѣлому террору, такъ это именно дѣлалъ Деказъ. Одно уже то, что Деказъ занималъ раньше мѣсто секретаря у матери Наполеона, никакъ не могло быть ему прощено ультра-роялистами, и онъ это хорошо зналъ. Ришелье и его товарищи предвидѣли, что едва возобновится сессія палаты, какъ начнется кампанія противъ министерства, но Ришелье не рѣшался на распущеніе палаты, котораго, наоборотъ, требовалъ Деказъ. Иностранная дипломатія не безъ тревоги смотрѣла на готовившійся конфликтъ и совѣтовала Людовику XVIII поддерживать свое министерство противъ палаты, которая своими крайностями могла бы снова скомпрометировать положеніе: иностранные дворы вели даже переговоры о необходимости распущенія палаты, но это вмѣшательство во внутреннія дѣла Франціи только оскорбляло короля, относившагося вообще крайне щепетильно къ своей независимости, хотя и онъ самъ чувствовалъ неудобство своего положенія при такой палатѣ и не могъ не знать, что ея реакціонное направленіе сильно возмущало общественное мнѣніе. Кромѣ того, Людовикъ XVIII боялся поссориться съ своимъ братомъ, который былъ весьма доволенъ общимъ духомъ палаты. Тѣмъ не менѣе Деказу въ концѣ концовъ удалось убѣдить и Ришелье, и самого короля въ необходимости выбирать между эмигрантами, все болѣе и болѣе дѣлавшимися опасными своимъ ненасытнымъ властолюбіемъ, и остальною Франціею, которая все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ недовѣріемъ взирала на будущее. Король и министры держали

свое рѣшеніе въ тайнѣ до того самаго момента, когда былъ наконецъ подписанъ приказъ о распущеніи палаты. Вечеромъ 5 сентября у гр. д'Артуа собрались его приверженцы и разсуждали объ имѣвшей черезъ мѣсяцъ открыться сессіи палатъ, которая передастъ власть уже въ ихъ руки, когда къ гр. д'Артуа явился Ришелье и объявилъ о только что подписанномъ распущеніи палаты. Наслѣдникъ престола сначала не хотѣлъ-было вѣрить, чтобы такое важное рѣшеніе было принято безъ его вѣдома и немедленно отправился къ брату, чтобы настоять на отмѣнѣ рѣшенія, но совсѣмъ не былъ принятъ королемъ, который нарочно легъ раньше спать и не велѣлъ никого къ себѣ пускать. На другой день королевское распоряженіе было опубликовано, и было съ радостью встрѣчено громаднымъ большинствомъ націи, не исключая и умѣренныхъ роялистовъ: распущеніе безподобной палаты было принято именно, какъ признакъ того, что правительство рѣшилось вступить на путь мирнаго и свободнаго развитія. Одни ультра-роялисты негодовали: многіе изъ нихъ—и съ ними сами принцы—сгоряча грозили уѣхать въ Англію, оставивъ короля на произволъ судьбы; одна дама велѣла удалить бюстъ Людовика XVIII изъ своего салона на чердакъ; Шатобріанъ написалъ въ защиту распущенной палаты книгу („Монархія по хартіи"), гдѣ доказывалъ, что лишь то направленіе, коего держалась эта палата, соотвѣтствовало интересамъ королевской власти; въ публику былъ нарочно пущенъ слухъ, что король подписалъ распущеніе палаты подъ давленіемъ иностранныхъ дворовъ и т. п.

Такова въ общихъ чертахъ внутренняя исторія первыхъ двухъ лѣтъ реставраціи. Въ эти годы вполнѣ обрисовались стремленія реакціонной партіи; въ особенности то, что было сдѣлано въ эпоху бѣлаго террора и безподобной палаты, на долгое время наносило ударъ либерализму. Вторая реставрація, произведенная иностранными державами, была побѣдой легитимизма надъ либеральными стремленіями: подъ вліяніемъ поднявшаго снова голову роялизма въ 1815 г. назначены были на мѣста префектовъ люди, принадлежавшіе большею частью къ реакціонерамъ, а извѣстно, какую силу давала правительству наполеоновская административная централизація, съ которою реставрація, конечно, и не думала разставаться. Съ другой стороны, событія „ста дней" были такъ живы въ памяти Людовика XVIII и его министровъ, что имъ, дѣйствительно, приходилось задуматься надъ вопросомъ, не требуютъ ли сами интересы монархіи, чтобы реакціи былъ положенъ конецъ. Деказъ, игравшій наиболѣе видную роль въ распущеніи палаты, сдѣлался героемъ дня въ общественномъ мнѣніи, но тѣмъ съ большею ненавистью стали къ нему относиться ультра-роялисты.

Послѣ того, какъ вошла въ дѣйствіе конституція 1814 г., безподобная палата была уже третьей палатой, считая наполеоновскій

законодательный корпусъ, превратившійся по хартіи въ палату депутатовъ, и наконецъ палату депутатовъ по дополнительному акту, распущенную Людовикомъ XVIII въ 1815 г. Новые выборы, произведенные черезъ нѣсколько недѣль послѣ распущенія безподобной палаты, дали министерству умѣренное большинство на шестьдесятъ голосовъ. По хартіи палата должна была обновляться каждый годъ посредствомъ выхода одной пятой части членовъ и замѣщенія ихъ новыми. Въ первый разъ такое обновленіе палаты произошло вслѣдствіе выборовъ въ сентябрѣ 1817 г., на которыхъ ультра-роялисты потеряли 11 мѣстъ, а либералы пріобрѣли 13, но и послѣ этого либеральная партія насчитывала въ своемъ составѣ лишь 25 депутатовъ, которымъ волею-неволею нельзя было вести собственную политику и оставалось только поддерживать сравнительно умѣренное министерство Ришелье. На частныхъ выборахъ 1818 г. либералы пріобрѣли еще двадцать новыхъ членовъ, между коими были Лафайетъ, генералъ Гренье, бывшій членомъ послѣдняго временнаго правительства, и Манюэль, засѣдавшій въ палатѣ ста дней и ратовавшій тамъ послѣ отреченія императора за его сына Наполеона II: эти выборы даже встревожили монарховъ и дипломатовъ, собравшихся на ахенскомъ конгрессѣ. Выборы 1819 г. происходили подъ вліяніемъ извѣстія о карлсбадскихъ постановленіяхъ [1]), и либералы пріобрѣли опять большое число новыхъ голосовъ, но и послѣ этого число ихъ въ палатѣ доходило лишь до 90 (изъ 257). Особенно сильное впечатлѣніе было тогда произведено избраніемъ знаменитаго аб. Грегуара, одного изъ первыхъ конституціонныхъ епископовъ и члена конвента, одобрявшаго казнь Людовика XVI [2]). Въ 1820 г. былъ введенъ новый избирательный законъ, дававшій наиболѣе богатымъ избирателямъ право присылать еще лишнихъ 172 депутата сверхъ 458, выбиравшихся обыкновеннымъ порядкомъ [3]), причемъ, по крайней мѣрѣ, половина налога, дававшаго избирательный цензъ, должна была уплачиваться въ видѣ поземельной подати. Результатомъ этого было то, что частные выборы, происходившіе въ октябрѣ этого года, дали рѣшительный перевѣсъ ультра-роялистамъ, засѣдавшимъ въ палатѣ 1815 г., а либералы имѣли теперь лишь около 80 мѣстъ (изъ 430). Съ этого момента ультра-роялистамъ принадлежало рѣшительное преобладаніе въ палатѣ. Осенніе выборы 1821 г. были также весьма благопріятны для этой партіи: изъ 88 новыхъ депутатовъ около 60 принадлежало къ крайней правой. Но особенно была значительна побѣда ультра-роялистовъ на выборахъ 1822 г.

---

[1]) См. выше, стр. 365.
[2]) Т. III, стр. 552 и 600.
[3]) См. выше, стр. 388.

Въ мартѣ 1823 г. они рѣшились даже исключить изъ палаты Манюэля, возражавшаго противъ испанской экспедиціи, силою вывели его изъ залы засѣданій и не допустили чтенія протеста, подписаннаго лишь 62 депутатами, которые послѣ этого всѣ удалились изъ засѣданія и болѣе не являлись въ палату во все продолженіе сессіи. Палата эта была распущена 24 декабря 1823 г. въ виду задуманной реформы избирательнаго закона, по которой срокъ депутатскихъ полномочій предполагалось продлить до семи лѣтъ, притомъ безъ ежегодныхъ частичныхъ выборовъ для обновленія палаты [1]). Выборы въ палату 1824 г. происходили подъ сильнымъ административнымъ давленіемъ и съ прямыми правонарушеніями: многихъ либераловъ произвольно вычеркивали изъ списковъ и заносили въ списки, наоборотъ, роялистовъ, не имѣвшихъ никакого права на такое занесеніе. Поэтому въ палатѣ 1824 г. либераловъ было только 18 человѣкъ, а средняя партія, или такъ называемый центръ состоялъ лишь изъ четырехъ человѣкъ. Эта палата была распущена до срока 5 ноября 1827 г., а для новыхъ выборовъ былъ назначенъ самый короткій срокъ, дабы оппозиція противъ правительства не могла приготовиться къ избирательной борьбѣ, но этотъ расчетъ министерства, какъ мы еще увидимъ, не оправдался.

Не нужно, однако, думать, что во весь этотъ періодъ преобладанія ультра-роялистовъ въ палатахъ они поддерживали правительство. Наоборотъ, большею частью они находились къ нему въ самой рѣзкой оппозиціи, тогда какъ либералы нерѣдко оказывались въ числѣ сторонниковъ правительства. Либералы или, какъ ихъ чаще звали, индепенденты поддерживали, напр., Ришелье. Этотъ министръ далъ между тѣмъ ахенскому конгрессу обѣщаніе сблизиться съ ультра-роялистами, которымъ и рѣшилъ пожертвовать Деказомъ, но когда послѣдній вышелъ изъ министерства, а съ нимъ удалились и нѣкоторые другіе члены, и когда Ришелье обратился къ вождямъ ультра-роялистовъ съ предложеніемъ войти въ министерство, они поставили ему самыя невыполнимыя условія, вслѣдствіе чего онъ вынужденъ былъ отказаться отъ составленія новаго министерства и выйти въ отставку. Въ виду услугъ, оказанныхъ Франціи бывшимъ министромъ, въ обѣихъ палатахъ сдѣлано было предложеніе дать ему отъ имени націи денежную награду, такъ какъ у Ришелье не было состоянія, соотвѣтствовавшаго его имени и политическому положенію, но ультра-роялисты встрѣтили это предложеніе такими обидными возраженіями, что хотя національная награда герцогу и была вотирована въ размѣрѣ 50 т. ежегодной ренты, онъ пожертвовалъ ее на благотворительныя учрежденія. Преемникомъ Ришелье сдѣлался Деказъ, но уже съ самаго начала и къ

[1]) См. выше, стр. 388.

нему ультра-роялисты стали въ оппозицію. Новый министръ посовѣтовалъ королю назначить 61 новаго пэра для того чтобы ослабить постоянную оппозицію палаты пэровъ; въ новые члены этой палаты большею частью были назначены прежніе наполеоновскіе маршалы, генералы и гражданскіе сановники (мартъ 1819 г.), но недовольные этимъ ультра-роялисты стали говорить о преданіи министерства суду, хотя оно ничѣмъ не нарушило конституціи и законовъ. На частныхъ выборахъ 1819 г. около сотни гренобльскихъ ультра-роялистовъ, видя провалъ своего кандидата, даже подавали голосъ за „цареубійцу“ Грегуара, говоря, что скорѣе будутъ вотировать за якобинца, чѣмъ за министерскаго кандидата. Избраніе Грегуара, не утвержденное, впрочемъ, палатой, заставило самого Деказа искать сближенія съ ультра-роялистами, но партія эта требовала полнаго подчиненія ей правительства. Ненависть крайней правой къ этому министру выразилась во всей своей силѣ по поводу убіенія герцога Беррійскаго, племянника Людовика XVIII. 13 февраля 1820 г. одинъ фанатическій ремесленникъ, по имени Лувель, зарѣзалъ молодого принца при входѣ въ оперный театръ, думая этимъ преступленіемъ сдѣлать невозможнымъ продолженіе династіи Бурбоновъ, въ которой только отъ этого, младшаго сына графа д'Артуа и ожидали потомства [1]). Со стороны многихъ ультра-роялистовъ это преступленіе встрѣчено было злорадствомъ, и на другой же день одинъ изъ членовъ палаты депутатовъ сдѣлалъ предложеніе обвинить Деказа въ соучастіи въ преступленіи Лувеля. Между тѣмъ Деказъ поторопился внести проектъ уже извѣстнаго намъ [2]) избирательнаго закона (о двойномъ голосованіи), а съ нимъ проекты двухъ законовъ, изъ коихъ одинъ разрѣшалъ министерству безъ суда сажать въ тюрьму лицъ, заподозрѣнныхъ въ злоумышленіяхъ противъ членовъ королевской фамиліи или противъ государственной безопасности, а другой установлялъ надъ газетами цензуру и вводилъ требованіе предварительнаго разрѣшенія на изданіе каждой газеты [3]). Эти мѣры должны были удовлетворить сторонниковъ реакціи, но графъ д'Артуа и герцогиня Ангулемская вынудили у Людовика XVIII отставку Деказа, получившаго послѣ титулъ герцога и постъ посланника въ Лондонѣ.

Послѣ отставки Деказа первымъ министромъ опять сдѣлался Ришелье, который и провелъ въ палатахъ законы, предложенные его предшественникомъ. Послѣ побѣды ультра-роялистовъ на выборахъ 1820 г. въ составъ министерства вошли въ качествѣ министровъ безъ

---

[1]) Жена герц. Беррійскаго въ то время была уже беременна и вскорѣ родила сына, которому былъ данъ титулъ герц. Бордоскаго. Лувель былъ казненъ. На судѣ выяснилось, что онъ дѣйствовалъ на собственный страхъ.

[2]) См. выше, стр. 406.

[3]) См. выше, стр. 390.

портфелей три члена этой партіи и между ними извѣстный Виллель [1]), но такъ какъ они не могли проводить стремленій своей партіи, благодаря сравнительной умѣренности Ришелье, то вышли въ отставку передъ самымъ открытіемъ сессіи палаты (1821—1822 гг.). Это страшно вооружило ультра-роялистовъ противъ правительства, и они тотчасъ же по открытіи палатъ начали свои враждебныя дѣйствія по отношенію къ министерству, задѣвъ при этомъ самого короля. Именно въ своей тронной рѣчи Людовикъ XVIII заявилъ, что между Франціей и другими государствами царствуетъ доброе согласіе, а въ отвѣтномъ адресѣ своемъ палата выразила надежду на то, что это согласіе „не куплено на счетъ чести націи и достоинства короны“: въ данномъ случаѣ соединились и роялисты, негодовавшіе на то, что честь подавленія революцій въ Неаполѣ и Пьемонтѣ выпала не на долю Франціи, и либералы, которые были недовольны пассивностью французскаго правительства, дозволившаго Австріи вмѣшаться въ итальянскія дѣла. Людовикъ XVIII былъ страшно оскорбленъ, узнавъ о содержаніи адреса, и долгое время колебался, принять ли ему этотъ адресъ, но наконецъ принялъ, хотя и сказалъ при этомъ нѣсколько горькихъ словъ депутаціи палаты. Многіе даже думали, что палата будетъ распущена, но король этого не сдѣлалъ. Наоборотъ, сама ультра-роялистическая палата довела наконецъ Ришелье и его товарищей до необходимости подать въ отставку. По указанію гр. д'Артуа Людовикъ XVIII назначилъ (15 дек. 1821 г.) ихъ преемниковъ изъ ультра-роялистовъ, поставивъ во главѣ новаго министерства Виллеля, который уже давно былъ парламентскимъ вождемъ партіи. Въ сессію 1822 г. палата устранила предложенное еще Ришелье установленіе цензуры на пять лѣтъ, но согласилась на то, чтобы на изданіе газетъ требовалось королевское дозволеніе, чтобы больше не разрѣшалось на судѣ доказывать справедливость обвиненій и обличеній оффиціальныхъ лицъ [2]), чтобы строжайшимъ образомъ запрещены были нападенія на религію и церковь, и т. п.

Такимъ образомъ министерство Виллеля ознаменовало себя съ самаго начала проведеніемъ реакціоннаго закона о печати, а во внѣшней политикѣ оно стало въ самое рѣзкое отношеніе къ испанской революціи. Конечно, и Ришелье не сочувствовалъ этой революціи, но онъ совѣтовалъ Фердинанду VII подчиниться совершившимся фактамъ, измѣнивъ лишь конституцію 1812 г. въ духѣ французской хартіи. Виллель и министръ иностранныхъ дѣлъ въ его министерствѣ Монморанси, когда-то сражавшійся вмѣстѣ съ Лафайетомъ въ Америкѣ, дѣйствовавшій заодно съ Мирабо и Сіэсомъ въ учредитель-

[1]) См. выше, стр. 382—383.
[2]) См. выше, стр. 390.

номъ собраніи, принимавшій участіе въ знаменитомъ ночномъ засѣданіи 4 августа 1789 г. [1]), впослѣдствіи эмигрировавшій, а теперь стоявшій въ лагерѣ непримиримыхъ враговъ революціи, начали даже оказывать поддержку врагамъ испанской конституціи [2]). Французское правительство отправило на веронскій конгрессъ самого Монморанси и съ нимъ Шатобріана, смѣнившаго Деказа на посту французскаго посланника въ Лондонѣ. Оба они были сторонниками насильственнаго подавленія испанской революціи, но Виллель, считавшій нужнымъ соблюдать строжайшую экономію въ финансахъ и приберегать армію на случай обострения восточныхъ дѣлъ—въ виду греческаго возстанія,—былъ противъ войны, опасаясь еще, что со стороны испанцевъ можно будетъ встрѣтить сильное сопротивленіе, какъ при нашествіи Наполеона, и полагаясь на то, что внутренняя реакція въ Испаніи сама сдѣлаетъ свое дѣло. Французскимъ уполномоченнымъ поэтому дана была инструкція дѣйствовать съ величайшею осторожностью, и самъ Людовикъ XVIII стоялъ за то же, но Монморанси и Шатобріанъ своими дѣйствіями на конгрессѣ сильно скомпрометировали независимое положеніе Франціи въ этомъ дѣлѣ—хотя Шатобріанъ и старался представить Виллелю, будто онъ самъ всячески хлопочетъ противъ войны. Результатомъ этого была отставка Монморанси и порученіе министерства иностранныхъ дѣлъ Шатобріану. Ультра-роялисты давно уже были недовольны тѣмъ, что Виллель дѣйствуетъ недостаточно энергично въ испанскомъ дѣлѣ, а теперь, послѣ отставки Монморанси, пришли въ страшное негодованіе. Многіе изъ нихъ накупили себѣ билетовъ на заемъ въ 80 милліонновъ франковъ, заключенный регентствомъ въ Сеу-де-Ургелѣ [3]), и не желали, чтобы вслѣдствіе окончательной побѣды конституціонной партіи ихъ деньги пропали даромъ. Между тѣмъ Франція по примѣру другихъ державъ отозвала своего посланника изъ Мадрида, послѣ того, какъ тамъ не согласились на потребованныя державами измѣненія въ конституціи [4]), но въ сущности Виллель искалъ какого бы то ни было повода объявить Францію вполнѣ удовлетворенною, лишь бы не вести войны. Ультра-роялисты рѣшили тогда низвергнуть Виллеля, какъ измѣнника, и тогда, чтобъ удержаться у власти, Виллель потребовалъ у палаты депутатовъ чрезвычайнаго кредита въ 100 милліоновъ франковъ для войны съ Испаніей и разрѣшенія призвать резервы. Такимъ образомъ антиреволюціонная экзекуція въ Испаніи была дѣломъ ультра-роялистической партіи противъ правительства, не желав-

---

[1]) Т. III, стр. 491.
[2]) См. выше, стр. 336.
[3]) См. выше, стр. 336—337.
[4]) См. выше, стр. 337.

шаго войны. Страсти партіи до такой степени въ то время разгорѣлись, что она рѣшилась исключить изъ палаты депутата Манюэля, осмѣлившагося говорить противъ войны [1]), несмотря на то, что на такой шагъ она не имѣла ни малѣйшаго права. Побѣда французской арміи надъ испанскими революціонерами совершенно опьянила ультра-роялистовъ чувствомъ достигнутаго успѣха. Виллель не имѣлъ уже болѣе силы сопротивляться партіи, доказавшей на дѣлѣ свою энергію и рѣшимость, и вотъ онъ сталъ подумывать о томъ, чтобы отдѣлаться отъ самой опасной фракціи ультра-роялистовъ: съ этою-то цѣлью въ концѣ 1823 г. онъ распустилъ палату, назначивъ новые выборы, которые, въ началѣ слѣдующаго года, какъ мы видѣли [2]), были произведены — при помощи префектовъ — въ смыслѣ благопріятномъ для министерства. Въ новой палатѣ сначала не было ультра-роялистической оппозиціи, но она мало-по-малу снова организовалась, и были случаи, когда Виллеля поддерживали немногочисленные либералы палаты. Въ общемъ и теперь ультра-роялисты стояли на сторонѣ министерства лишь тогда, когда оно проводило реакціонные законы. Выборами 1827 г., давшими побѣду (хоть и неполную) либераламъ, окончилось господство ультра-роялистической партіи, стоявшей большею частью въ оппозиціи къ правительству.

Когда Виллеля въ началѣ 1828 г. смѣнилъ Мартиньякъ, ранѣе самъ отличившійся въ качествѣ ультра-роялиста, и въ виду побѣды либераловъ и оппозиціоннаго настроенія страны отказался отъ реакціонной политики своего предшественника, ультра-роялисты опять очутились въ оппозиціи, но и на этотъ разъ правительство нашло, наоборотъ, сочувствіе у либераловъ. Ультра-роялистическая партія только и думала о томъ, какъ бы низвергнуть этого министра.

Изъ этого краткаго очерка исторіи тѣхъ отношеній, въ какихъ находилась роялистическая партія къ правительству почти во все время реставраціи, можно видѣть, что она вовсе не была партіей гувернаментальной, во что бы то ни стало отстаивавшей правительство, равно какъ либералы вовсе не были постоянными оппонентами власти. Обѣ партіи въ концѣ концовъ стояли на почвѣ конституціи и одинаково видѣли въ политической свободѣ средство для проведенія въ жизнь своихъ принциповъ и защиты классовыхъ интересовъ. Обѣ партіи сталкивались между собою по разнымъ вопросамъ, между коими, какъ уже приходилось видѣть, играли роль вопросы о свободѣ прессы и объ избирательномъ законѣ [3]). Но борьба шла и изъ-за

[1]) См. выше, стр. 407.

[2]) См. выше, стр. 407.

[3]) Извѣстно, что эти два предмета составляли содержаніе и знаменитыхъ ордонансовъ Карла X, приведшихъ къ іюльской революціи.

другихъ предметовъ. Въ 1817 г. ультра-роялисты добивались возвращенія духовенству оставшихся непроданными прежнихъ церковныхъ и монастырскихъ имуществъ. Въ 1818 г. они очень волновались по поводу реорганизаціи арміи, при которой военный министръ принялъ на службу до тысячи бывшихъ наполеоновскихъ солдатъ и увольнилъ многихъ офицеровъ изъ эмигрантовъ по ихъ неспособности къ военной службѣ. Въ 1820 г. между ультра-роялистами и либералами происходили споры по поводу увеличенія пенсій, которое правительство хотѣло сдѣлать изъ особаго фонда, для разныхъ пенсіонеровъ, въ числѣ коихъ были люди, служившіе, съ одной стороны, революціи и Наполеону, съ другой—дѣлу Бурбоновъ въ Вандеѣ и въ эмиграціи. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ внѣшняя политика точно также раздѣляла ультра-роялистовъ и либераловъ. Когда крайняя правая достигла торжества при Виллелѣ, она поставила себѣ задачей отдать народное образованіе въ руки духовенства; городскія и сельскія школы по ея настояніямъ были переданы въ руки монаховъ (fréres de l'école chrétienne или fréres-ignorantins). Знаменитый оріенталистъ Сильверстъ де-Саси, самъ благочестивый роялистъ, лишился даже своего мѣста въ главномъ совѣтѣ учебнаго вѣдомства за то, что не соглашался на передачу всего образованія духовенству. Великимъ магистромъ университета [1]) сдѣлано было одно духовное лицо. Въ то же время устранялись „неблагонамѣренные“ преподователи и замѣнялись новыми. Составлялись и новые учебники въ духѣ реакціи: извѣстно, напр., руководство по исторіи патера Лорике, въ которомъ Наполеонъ превращался въ генерала Бонапарта, главнокомандующаго войсками Людовика XVIII. Ройе-Коллару и Гизо было запрещено чтеніе лекцій. Въ Гренобльѣ за либерализмъ былъ закрытъ юридическій факультетъ и та же судьба временно постигала медицинскій факультетъ и высшую нормальную школу въ самомъ Парижѣ. Въ то время либеральная оппозиція была безсильна что-либо сдѣлать. Этимъ же крайне реакціоннымъ направленіемъ отличалась внутренняя жизнь Франціи и въ началѣ царствованія Карла X, который самъ принималъ живѣйшее участіе въ дѣлахъ ультра-роялистической партіи. Таковъ былъ общій характеръ французской реакціи, которая, какъ мы видимъ, представляетъ массу родственныхъ чертъ съ реакціей, происходившей въ другихъ странахъ въ ту же самую эпоху.

---

[1]) См. выше, стр. 128.

XIX. Борьба Французскаго либерализма противъ реакціи.

Реакціонныя стремленія Карла X.—Расколъ среди реакціонеровъ.—Ослабленіе реакціи при Мартиньякѣ.—Паденіе министерства Мартиньяка и назначеніе Полиньяка.—Два періода въ исторіи либеральной партіи въ эпоху реставраціи.—Заговоры перваго періода.—Конституціонные либералы.—Либерализмъ въ литературѣ и въ періодической прессѣ.—Симптомы оппозиціоннаго общественнаго настроенія при Карлѣ X.—Конфликтъ 1830 года.

Мы познакомились съ главными событіями царствованія Людовика XVIII, за исключеніемъ ряда фактовъ, относящихся къ исторіи антибурбонской агитаціи того же періода, которые разсмотрѣны будутъ ниже въ другой связи. Въ 1824 г. Людовикъ XVIII умеръ и ему наслѣдовалъ его братъ: ультра-реакціонная партія имѣла теперь своего короля, но съ другой стороны, и либерализмъ въ эту эпоху дѣлаетъ большіе успѣхи. Крайняя реакція, представителемъ которой былъ Карлъ X, отвратила отъ него часть умѣренныхъ роялистовъ, да и среди самихъ ультра-роялистовъ начался расколъ, вызванный чрезмѣрными притязаніями клерикаловъ, которые въ новомъ королѣ видѣли какъ бы своего вождя. Это только содѣйствовало вступленію въ палату болѣе умѣренныхъ элементовъ и усиленію либеральнаго меньшинства. Съ другой стороны, либералы, дѣйствуя посредствомъ печатнаго слова, все болѣе и болѣе овладѣвали общественнымъ мнѣніемъ страны. Если оппозиціонные элементы въ царствованіе Карла X и оставили политику конспиративныхъ приключеній, то это отнюдь не мѣшало происходить довольно частымъ и внушительнымъ манифестаціямъ, изъ коихъ правительство могло бы хорошо видѣть, что реакція, наступившая послѣ убіенія герцога Беррійскаго, содѣйствовала только оживленію общественнаго сочувствія къ либерализму. Если въ царствованіе менѣе реакціоннаго Людовика XVIII французскій либерализмъ долженъ былъ оставить поле борьбы въ рукахъ своихъ враговъ, то, наоборотъ, при настроенномъ въ духѣ крайней реакціи Карлѣ X либерализмъ, такъ сказать, оправляется послѣ всѣхъ нанесенныхъ ему пораженій и дѣлается весьма значительною политическою силою. Въ настоящей главѣ мы и будемъ имѣть въ виду преимущественно ту роль, какую игралъ либерализмъ въ исторіи реставраціонной эпохи, и хотя намъ предстоитъ теперь излагать исторію царствованія Карла X, но намъ придется вернуться къ нѣкоторымъ фактамъ и изъ исторіи предыдущаго десятилѣтія.

Карлу X было уже 67 лѣтъ, когда онъ вступилъ на престолъ. Принимая поздравленія отъ обѣихъ палатъ, онъ заявилъ, что употребитъ всю власть свою для утвержденія конституціи, и это произ-

вело хорошее впечатлѣніе, хотя приверженность новаго короля къ старымъ формамъ все-таки внушала опасеніе. Уже раньше министерство Виллеля задумало возбудить законодательнымъ порядкомъ два вопроса въ пользу церковной партіи, идеи которой раздѣлялъ самъ Карлъ X. Законъ, уничтожавшій во Франціи монастыри, не былъ отмѣненъ [1]), а между тѣмъ за десять лѣтъ реставраціи открылось ихъ немалое число вмѣстѣ съ іезуитскими учрежденіями, коимъ тоже не полагалось по закону существовать во Франціи, и вотъ теперь министерство сдѣлало предложеніе, чтобы женскіе монастыри, которые могли быть открываемы каждый разъ лишь въ силу спеціальнаго закона, дозволено было открывать только по одному королевскому повелѣнію. Это предложеніе не прошло, да и съ большимъ трудомъ прошелъ суровый законъ о святотатствѣ, въ защиту коего Бональдъ говорилъ, что предавать святотатцевъ смертной казни значитъ только отсылать ихъ къ ихъ естественному судьѣ, т.-е. къ самому Богу. Этотъ законъ, ни разу, впрочемъ, не примѣнявшійся на практикѣ, возбудилъ сильное негодованіе въ публикѣ. Самъ Карлъ X, между тѣмъ, особенно хлопоталъ о вознагражденіи эмигрантовъ за конфискованныя во время революціи имѣнія, которыя были распроданы и потому не могли быть возвращены своимъ прежнимъ владѣльцамъ. Ультра-роялисты ссылались въ спорѣ съ либералами по этому вопросу на ихъ собственный принципъ, запрещавшій конфискацію имуществъ, и указывали еще на то, что вознагражденіе эмигрантовъ лишь упрочитъ владѣніе новыхъ собственниковъ. Но либералы спрашивали, почему же не распространить право получить вознагражденіе и на потомковъ протестантовъ, имѣнія коихъ конфисковались послѣ уничтоженія нантскаго эдикта, тѣмъ болѣе, что бо́льшая часть имѣній, конфискованныхъ въ революцію, сама составилась изъ болѣе раннихъ конфискацій. Наконецъ, возражали либералы, въ революцію пострадали не одни эмигранты, да они и вознаграждены уже достаточно тѣмъ, что сдѣлано было для нихъ не только правительствомъ реставраціи, но и Наполеономъ. Самые рьяные изъ ультрароялистовъ были недовольны министерскимъ проектомъ о денежномъ вознагражденіи въ 1000 милліоновъ, съ каковою цѣлью должны были быть выпущены на эту сумму государственныя облигаціи,—и требовали, чтобы эмигранты получили обратно самыя имѣнія, у нихъ конфискованныя. Послѣ долгихъ и бурныхъ преній министерскій проектъ былъ принятъ палатами и утвержденъ королемъ (1825). Въ томъ же самомъ году Карлъ X торжественно короновался въ Реймсѣ, возобновивъ при этомъ всѣ средневѣковыя церемоніи вплоть до возложенія своихъ рукъ на золотушныхъ больныхъ для ихъ исцѣленія. Въ

[1]) См. выше, стр. 122.

то самое время, какъ Викторъ Гюго воспѣвалъ эту коронацію, настоящій народный поэтъ тогдашней Франціи, Беранже, писалъ „Le sacre de Charles-le-Simple", въ коемъ осмѣивалъ всю эту церемонію. Въ народѣ на Карла X смотрѣли крайне неблагопріятно за его связи съ духовенствомъ и „конгрегаціей", и даже составилась легенда, будто король— самъ іезуитъ и по временамъ, надѣвая монашескій капюшонъ, даетъ отчетъ своему духовному начальству о томъ, какъ пользуется своею властью во славу и во благо ордена. Вліяніе духовенства и іезуитовъ на Карла X было и на самомъ дѣлѣ весьма значительно. Поэтому, чувствуя свою силу, клиръ теперь поднялъ голову и началъ дѣйствовать съ крайнею нетерпимостью: духовенство стало отказывать актерамъ въ христіанскомъ погребеніи, не хотѣло благословлять браковъ съ протестантами, обращало насильно въ католицизмъ протестантскихъ дѣтей и т. п. Торжественное празднованіе юбилейнаго года дало поводъ тоже многимъ проявленіямъ религіознаго фанатизма. Любопытно еще, что Карлъ X встрѣтилъ сопротивленіе даже со стороны палаты пэровъ, когда задумалъ провести аристократическій законъ о майоратѣ, противорѣчившій принципу равенства дѣтей однихъ и тѣхъ же родителей. Когда пэры отвергли составленный въ этомъ смыслѣ законопроектъ, Нарижъ, а за нимъ и провинціальные города — отпраздновали это событіе иллюминаціей.

Клерикальный характеръ, какой приняла реакція при Карлѣ X, встрѣтилъ оппозицію даже среди самихъ ультра-роялистовъ. Въ господствующей партіи образовался глубокій расколъ, который, конечно, только ослаблялъ реакціонную партію, ибо между ея клерикальной и свѣтской фракціями началась борьба, отъ которой могъ выиграть только либерализмъ. И дѣйствительно, какъ въ парламентскихъ преніяхъ, такъ и въ печати стали заодно выступать и консервативные оппоненты клерикализма, и либералы, видѣвшіе въ культурной реакціи новую опасность, съ которой передъ этимъ имъ еще не приходилось встрѣчаться. Въ 1826 году вышла въ свѣтъ „Записка о религіозной и политической системѣ, которая приведетъ къ разрушенію религіи, общества и трона", написанная гр. Монлозье. Авторъ этого памфлета былъ семидесятилѣтній старикъ, въ эпоху революціи прославившійся своею оппозиціею противъ конфискаціи церковной собственности и противъ гражданскаго устройства духовенства [1]), эмигрировавшій потомъ за-границу, а въ 1819 г. выступившій, какъ отчаянный феодалъ. Въ своей запискѣ онъ напалъ на клерикаловъ, назвавъ ихъ „все захватывающею и властолюбивою партіей, ползущею во мракѣ по указаніямъ іезуитовъ, незаконной и безыменной конгрегаціей, вторгающейся во

[1]) Т. III, стр. 551 и слѣд.

всѣ части свѣтскаго правительства, поддѣлывающейся къ магистратурѣ подчиняющей себѣ министровъ, присвоивающей себѣ и отъ себя распредѣляющей всѣ милости, продающей въ Римѣ традиціонныя вольности галликанской церкви, готовой, наконецъ, посредствомъ приверженцевъ своихъ, находящихся во всѣхъ сферахъ правительственной власти, поработить даже самоё королевскую власть, чтобы возвратить подъ опеку мрачной и нетерпимой церкви народъ, утратившій религію, но вмѣстѣ съ тѣмъ доведенный до самаго грубаго суевѣрія". Эта партія, говоритъ еще Монлозье, вноситъ всюду развращеніе. Шпіонство, бывшее прежде денежнымъ ремесломъ низкихъ людей, прославляется, какъ добродѣтель и награждается даже дворянствомъ; конгрегація завладѣла ремесленниками и занялась пріисканіемъ лакеевъ и горничныхъ, коимъ стала выдавать свои одобренія. Она завела даже кабаки, въ коихъ продаютъ вино по дешевой цѣнѣ и упившихся гостей наставляютъ въ благочестіи и т. п. Памфлетъ Монлозье имѣлъ громадный успѣхъ, выдержавъ нѣсколько изданій и сдѣлавшись справочною книгою для членовъ обѣихъ палатъ, которые вели борьбу съ клерикализмомъ. У министра духовныхъ дѣлъ вынуждено было признаніе, что правительство терпитъ существованіе противозаконнаго общества. Королевскій верховный судъ на формальное донесеніе Монлозье о существованіи во Франціи іезуитовъ, сдѣлалъ постановленіе о противозаконности этого существованія. Двѣ либеральныя газеты были привлечены къ суду за анти-церковное направленіе, но судъ ихъ оправдалъ. Зато духовенство, негодовавшее на свободу печати и на независимую юстицію, было утѣшено тѣмъ, что три профессора антиклерикальнаго направленія (между ними Вильменъ и роялистъ Мишо) лишились своихъ мѣстъ, и что епископъ страсбургскій Таренъ, написавшій по примѣру другихъ епископовъ пастырское посланіе, наполненное яростною бранью противъ либераловъ, былъ назначенъ воспитателемъ маленькаго внука короля. Подъ вліяніемъ всей этой исторіи министерство Виллеля выработало проектъ весьма суроваго закона противъ свободы прессы, который, будучи принятъ палатой депутатовъ, встрѣтилъ, однако, сопротивленіе въ палатѣ пэровъ и былъ взятъ правительствомъ обратно.

Послѣ выборовъ 1827 г. и перехода министерства отъ Виллеля къ Мартиньяку [1]) началось ослабленіе этой реакціи и даже уничтоженіе нѣкоторыхъ мѣръ, принятыхъ въ реакціонный періодъ середины двадцатыхъ годовъ. По хартіи 1814 (статья 43) президентъ палаты депутатовъ назначался королемъ изъ пяти кандидатовъ, представлявшихся самою палатою: въ 1827 г. изъ пяти кандидатовъ двое

[1]) E. Daudet. Le ministère de Martignac. 1875.

были литераторы, и одинъ изъ нихъ, именно Ройе-Колларъ, по представленію министерства, желавшаго расположить въ свою пользу общественное мнѣніе, былъ назначенъ президентомъ. Затѣмъ Мартиньякъ настоялъ на томъ, чтобы въ тронной рѣчи были обѣщаны уступки. Карлъ X все это дѣлалъ очень неохотно и не безъ нѣкотораго сопротивленія. Уже въ первомъ засѣданіи новыхъ министровъ король заявилъ имъ, что разстался съ Виллелемъ съ крайнимъ сожалѣніемъ, прибавивъ къ этому, что общественное мнѣніе, очевидно, обманулось на счетъ этого министра: „его система,—сказалъ король,—моя система". Между тѣмъ Мартиньякъ именно и не хотѣлъ держаться этой системы, осужденной общественнымъ мнѣніемъ. Если тѣмъ не менѣе Мартиньяку удавалось склонять Карла X къ принятію тѣхъ или другихъ непріятныхъ рѣшеній, то лишь посредствомъ угрозы выхода въ отставку. Сама новая палата въ отвѣтномъ адресѣ осудила министерство Виллеля, включивъ въ адресъ слѣдующія строки по поводу обѣщанныхъ уступокъ: „Франція съ глубокимъ вниманіемъ прислушивалась къ памятнымъ словамъ. Она требуетъ отъ исполнителей вашей воли только одного, именно, чтобы благодѣянія ваши дѣйствительно приводились въ исполненіе. Въ своихъ жалобахъ она обвиняетъ прискорбную систему, превращающую ихъ часто въ иллюзію". Карлъ X былъ этимъ крайне раздраженъ, и министрамъ стоило великаго труда отговорить короля отъ распущенія палаты, указавъ на возможность возстанія, которое было бы трудно подавить. Сами ультра-роялисты, окружавшіе короля, совѣтовали ему до поры, до времени вооружиться терпѣніемъ. Благодаря этому, Мартиньяку и сдѣлалось возможнымъ провести нѣсколько законовъ, нашедшихъ сочувствіе въ общественномъ мнѣніи, но встрѣченныхъ враждебно ультра-роялистами. И вотъ опять на сторонѣ министерства, которое состояло изъ умѣренныхъ роялистовъ, были либералы, а ультра-роялисты снова дѣлали правительству оппозицію. Пользуясь поддержкой либераловъ и умѣренныхъ консерваторовъ, Мартиньякъ провелъ законы, изъ коихъ одинъ обезпечивалъ свободу выборовъ отъ административнаго вмѣшательства, другой облегчалъ положеніе печати посредствомъ отмѣны королевскаго дозволенія на изданіе газетъ и права правительства вводить въ случаѣ надобности цензуру путемъ королевскихъ повелѣній, а третій уничтожалъ „черный кабинетъ", гдѣ производилась перлюстрація частной переписки. Кромѣ того, Мартиньяку удалось настоять еще на одномъ важномъ дѣлѣ. Вопросъ о духовныхъ школахъ (petits seminaires) и іезуитахъ, давно служившій предметомъ спора въ палатахъ и въ печати, требовалъ рѣшенія, а между тѣмъ Карлъ X, не смотря даже на желаніе Виллеля подвергнуть разслѣдованію это дѣло, не давалъ на то своего согласія. Мартиньякъ, устранивъ религіозную и политическую сторону вопроса, по-

ручилъ изслѣдовать его съ чисто юридической точки зрѣнія особой коммиссіи изъ членовъ обѣихъ палатъ. Коммиссія нашла, что многія изъ духовныхъ училищъ были основаны безъ разрѣшенія и даже вопреки законамъ, и что нѣкоторыя изъ нихъ, въ коихъ притомъ учились молодые люди, вовсе не готовившіеся къ принятію духовнаго сана, были содержимы іезуитами. Тогда министерство вынудило у Карла X два ордонанса, подчинявшіе іезуитскія школы государственному надзору въ лицѣ университета [1]), подъ условіемъ непринадлежности ихъ преподавателей къ какой бы то ни было неразрѣшенной конгрегаціи, и запрещавшіе во всѣхъ церковныхъ школахъ вообще имѣть болѣе двадцати тысячъ воспитанниковъ, причемъ директоры этихъ училищъ, назначаемые архіепископами и епископами, должны были утверждаться королемъ и въ воспитанники могли приниматься только юноши, прямо готовящіеся къ духовному званію. Эти ордонансы встрѣчены были со стороны духовенства самыми ярыми нападками; въ числѣ нападавшихъ былъ Ламеннэ, который, какъ намъ уже пришлось видѣть, по этому поводу сталъ на точку зрѣнія либерализма, какъ „возстанія христіанскаго духа свободы противъ деспотизма свѣтской власти, опирающейся на силу“ [2]). И другіе клерикалы и многіе ультрароялисты стали указывать на то, что ордонансы противорѣчатъ конституціи, которая обезпечивала свободу вѣроисповѣданія и доступъ всѣмъ французамъ ко всякимъ должностямъ, и начали требовать безусловной свободы обученія. Большинство оппонентовъ королевскаго распоряженія нападало на него, однако, съ другой точки зрѣнія, обвиняя правительство въ томъ, что оно вступило въ союзъ съ безбожіемъ и революціей, хотя все дѣло сводилось въ сущности къ установленію правительственнаго контроля надъ школами духовенства и къ принятію мѣръ противъ конкурренціи этихъ школъ съ государственными въ дѣлѣ приготовленія воспитанниковъ къ свѣтскимъ профессіямъ. Клерикальные реакціонеры сравнивали самого Карла X съ гонителемъ церкви Діоклетіаномъ. Епископы протестовали—и въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, что сынъ короля, герцогъ Ангулемскій, жалѣлъ, что онъ не былъ королемъ, когда читалъ протестъ архіепископа парижскаго: въ противномъ случаѣ сидѣть бы архіепископу въ Венсенскомъ замкѣ. Іезуиты, не пожелавшіе подчиниться университету, закрыли свои школы и покинули Францію. Правительство, однако, выхлопотало у папы Льва XII оффиціальное заявленіе о томъ, что ордонансы не затрогивали духовной власти.

Этотъ эпизодъ указываетъ на то, что клерикалы и ультра-роя-

[1]) О значеніи этого слова во Франціи см. выше, стр. 128. Университету принадлежала учебная монополія.

[2]) См. выше, стр. 293.

листы готовы были на самую рѣзкую оппозицію противъ власти, разъ послѣдняя не шла съ ними рука объ руку. Въ эпоху реставраціи такимъ образомъ повторялось то, что случалось еще и при старой монархіи: ультра-роялизмъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ возрожденіемъ консервативной оппозиціи, какую въ XVIII в. встрѣчало правительство со стороны духовенства и дворянъ, каждый разъ, какъ отказывалось быть орудіемъ ихъ сословныхъ интересовъ [1]). Извѣстно, что правительству передъ революціей было очень трудно имѣть дѣло съ двумя оппозиціями, съ оппозиціей консервативной и съ оппозиціей либеральной, но въ эпоху реставраціи правительство въ большинствѣ случаевъ находило поддержку въ либералахъ всегда, когда противъ него возставали ультра-роялисты. Между тѣмъ Мартиньякъ выработалъ проектъ новаго закона о мѣстномъ самоуправленіи. Реставрація оставила въ силѣ наполеоновскую систему назначенія членовъ генеральныхъ совѣтовъ по предложенію префекта министромъ, а муниципальныхъ совѣтниковъ—самимъ префектомъ [2]), Мартиньякъ же задумалъ замѣнить эту систему системой избирательной. Объ этомъ проектѣ возвѣстила страну тронная рѣчь, которою была открыта сессія палатъ въ началѣ 1829 г. Либералы привѣтствовали восторгомъ эту рѣчь, но роялисты отнеслись къ ней весьма враждебно, усмотрѣвъ въ ней новую уступку гибельному духу революціи. Узнавъ, что самъ король совершенно несогласенъ съ содержаніемъ тронной рѣчи, правая воздержалась даже отъ голосованія отвѣтнаго адреса и рѣшила отвергнуть проектъ Мартиньяка. Карлъ X былъ даже въ заговорѣ противъ своего министерства, подбивая роялистовъ не давать согласія на новые законы о муниципальномъ и департаментскомъ самоуправленіи. Тѣмъ болѣе Мартиньяку нужно было искать поддержки у либераловъ, но послѣдніе сдѣлали большую политическую ошибку, не поддержавъ въ данномъ случаѣ министерство. Въ этомъ вопросѣ самымъ страннымъ образомъ перепутались идеи и интересы. Хотя министерскимъ проектомъ мѣстное избирательное право отдавалось лишь самому небольшому числу лицъ, наиболѣе обложенныхъ, и тѣмъ самымъ должно было быть весьма выгоднымъ крупнымъ землевладѣльцамъ, такъ какъ расширило бы ихъ вліяніе на мѣстную жизнь, тѣмъ не менѣе роялисты видѣли въ возстановленіи мѣстныхъ выборовъ примѣненіе революціоннаго принципа, не согласнаго съ монархическимъ порядкомъ. Съ другой стороны, либералы, коимъ въ силу самаго принципа свободы, нужно было бы хлопотать о введеніи самоуправленія, стояли, наоборотъ, на точкѣ зрѣнія централизаціи, отчасти не довѣряя мѣстнымъ силамъ общества, находившимся подъ вліяніемъ представителей крупнаго землевладѣнія, отчасти вслѣд-

[1]) Т. III, стр. 415 и др.

[2]) См. выше, стр. 114.

ствіе того, что раздѣляли убѣжденіе въ спасительности наполеоновской централизаціи. Между прочимъ либералы не только не думали добиваться какого бы то ни было расширенія круга дѣятельности генеральныхъ совѣтовъ, но даже считали необходимымъ совсѣмъ уничтожить это учрежденіе, какъ совершенно будто бы лишнее въ общей системѣ администраціи. Вмѣстѣ съ другими поправками къ законопроекту Мартиньяка коммиссія, его разсматривавшая, внесла и такое предложеніе, но министерство на это не соглашалось и по принципу, и въ виду того, что король не пошелъ бы ни на какія измѣненія въ законѣ, лишь бы только этимъ затруднить его принятіе. Такъ какъ за поправку тѣмъ не менѣе высказалось большинство большинствомъ, составившееся изъ либераловъ и роялистовъ, то Мартиньякъ по желанію Карла X взялъ свои проекты назадъ. Либералы тотчасъ же стали раскаяваться въ томъ, что сыграли въ руку королю и реакціонерамъ, но дѣло было уже непоправимо. Роялисты ликовали, и Карлъ X былъ тоже очень радъ пораженію Мартиньяка. Въ глубинѣ души онъ всегда былъ противъ этого министерства, но считалъ себя вынужденнымъ его терпѣть, такъ какъ оно, по его мнѣнію, оправдывалось составомъ палаты, теперь же, послѣ пораженія Мартиньяка, представилась возможность дать ему отставку. Въ продолженіе нѣкотораго времени король еще держалъ у власти прежнее министерство, хотя отставки его настойчиво требовала вся ультра-роялистическая пресса, и вмѣстѣ съ этимъ ультра-роялисты въ обѣихъ палатахъ не переставали буквально его травить при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Пораженіе министерства совершилось 8 апрѣля, сессія палатъ была закрыта 31 іюля, и лишь 8 августа „Монитеръ“ объявилъ о назначеніи новаго министерства. Мартиньякъ и его товарищи узнали изъ городскихъ слуховъ о готовившейся имъ отставкѣ только тогда, когда новый кабинетъ былъ уже составленъ: старые министры одинъ за другимъ отправлялись къ королю и говорили ему объ опасности той политики, которой онъ намѣревался слѣдовать, но имъ всѣмъ была дана отставка, и при прощаніи ихъ даже не поблагодарили. Министерство Мартиньяка, которое несомнѣнно было предано интересамъ монархіи, было въ сущности низвергнуто людьми, называвшими себя защитниками этой самой монархіи, на этотъ разъ они имѣли на своей сторонѣ самого короля.

Во главѣ новаго министерства, менѣе чѣмъ въ одинъ годъ доведшаго Бурбоновъ до потери престола, былъ князь Юлій Полиньякъ. Онъ вмѣстѣ съ Карломъ X (гр. д'Артуа) участвовалъ въ эмиграціи, былъ замѣшанъ въ заговорѣ Жоржа Кадудаля [1]), въ началѣ второй реста-

[1]) См. выше, стр. 99.

врацiи выдвинулся, какъ самый рьяный ультра-роялистъ, отказавшись даже принести присягу хартiи. Таково было въ общихъ чертахъ прошлое этого перваго министра, котораго Карлъ X пытался еще, но безуспѣшно—ввести въ составъ кабинета Мартиньяка,—такъ какъ послѣдній и слышать не хотѣлъ о такомъ товарищѣ. Въ обществѣ смотрѣли на Полиньяка, какъ на человѣка умственно ограниченнаго и малоспособнаго, преданнаго друга iезуитовъ и духовенства, сторонника абсолютизма. Полиньякъ получилъ портфель министерства иностранныхъ дѣлъ, но не былъ сдѣланъ президентомъ совѣта министровъ въ виду того, что въ составъ министерства вошелъ—въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ глава ультра-роялистовъ въ палатѣ депутатовъ—Лабурдоннэ, бывшiй грозою всѣхъ министерствъ, которые не шли по дорогѣ крайней реакцiи. Незадолго передъ этимъ Полиньякъ, желая защитить себя отъ обвиненiя въ абсолютистическомъ образѣ мыслей, заявлялъ въ палатѣ пэровъ, о своей преданности хартiи, да и Карлъ X не думалъ о ниспроверженiи конституцiи, расчитывая управлять впредь при помощи ультра-роялистическаго министерства, которое опиралось бы на такое же большинство палатъ. Тѣмъ не менѣе возможность рѣзкаго столкновенiя королевской власти съ представительствомъ принималась въ расчетъ и самимъ Карломъ X, и новыми его министрами. Однажды король даже спросилъ новаго военнаго министра Бурмона, человѣка бывшаго весьма непопулярнымъ за свою измѣну Наполеону при Ватерло, можно ли будетъ положиться на войско въ случаѣ какихъ-либо затрудненiй со стороны палаты. Отвѣтъ Бурмона былъ утвердительный, но Карлу X не понравилась его оговорка, что войско пойдетъ за правительствомъ ради всякой цѣли, согласной съ хартiей. Король замѣтилъ, что какъ ни дурна эта хартiя, онъ не намѣренъ ее нарушать. Мы увидимъ еще, какое впечатлѣнiе произвело на Францiю назначенiе новаго министерства. Многiе прямо ждали государственнаго переворота, и лишь тогда, когда увидѣли, что Полиньякъ ничего не предпринимаетъ, нѣсколько стали успокоиваться. „Г. де-Полиньякъ, писала въ это время одна газета,—человѣкъ, у котораго есть увѣренность и храбрость. Лично онъ даже давно рѣшился, но онъ не знаетъ только—на что. Онъ готовъ сдѣлать все, но онъ ищетъ, что же ему нужно сдѣлать“.

До назначенiя Полиньяка ультра-роялисты были въ постоянной оппозицiи правительству, теперь правительство попадало прямо въ ихъ руки, и оно довело Францiю до новой революцiи. Излагая исторiю парламентской борьбы между реакцiей и либерализмомъ до 1829 г., мы имѣли въ виду главнымъ образомъ отмѣтить тотъ общiй фактъ, что вплоть до паденiя министерства Мартиньяка ультра-роялизмъ имѣлъ характеръ не абсолютистической реакцiи, а консервативной

клерикально-аристократической оппозиціи противъ всѣхъ министерствъ, которыя не желали идти по пути крайнихъ требованій реакціи, чѣмъ, наоборотъ, либералы ставились въ необходимость поддерживать эти самыя министерства. Но либерализмъ боролся противъ реакціи и внѣ палатъ, и вотъ тутъ борьба его съ реакціей во всѣхъ ея проявленіяхъ имѣла характеръ гораздо болѣе рѣшительный, чѣмъ въ палатѣ депутатовъ, гдѣ либералы никогда не имѣли большого количества представителей и даже послѣ выборовъ 1827 г. могли играть роль, лишь благодаря поддержкѣ со стороны умѣренныхъ роялистовъ (такъ-называемыхъ „отпавшихъ“). Мы и перейдемъ теперь къ общей исторіи либеральной партіи въ эпоху реставраціи, ибо только дѣятельность либераловъ внѣ палаты депутатовъ, роль либерализма въ жизни общества и въ періодической прессѣ, можетъ намъ объяснить подготовку переворота 1830 г.

Въ исторіи либеральной партіи послѣ второй реставраціи нужно вообще различать два періода—до и послѣ 1824 г., что совпадаетъ съ раздѣленіемъ всей эпохи между царствованіями Людовика XVIII и Карла X. Послѣ вторичнаго возвращенія старой династіи прежнее отношеніе къ ней либераловъ измѣнилось прямо во враждебное, и многіе изъ нихъ, проводя параллель между англійской и французской исторіей, стали говорить о неизбѣжности повторенія во Франціи англійской революціи 1688 г. [1]). Общій фонъ либеральнаго настроенія составляла ненависть къ возстановленной династіи. „По отношенію къ правительству Бурбоновъ, писалъ въ сентябрѣ 1830 г. („Пятнадцатилѣтняя комедія“) Арманъ Каррель, поклонникъ второй англійской революціи,— у всѣхъ независимыхъ людей было только одно поведеніе—враждебное. Вся политика, какъ для прессы, такъ и для оппозиціи въ палатѣ всегда состояла въ томъ, чтобы хотѣть того, чего правительство не желало, отвергать всякое предлагаемое имъ благодѣяніе, какъ нѣчто скрывающее измѣну, словомъ—сдѣлать для него невозможнымъ какое бы то ни было управленіе, дабы оно пало, и дѣйствительно такова была причина его паденія“. Хотя поведеніе либераловъ въ палатѣ рисуется въ этихъ словахъ несовсѣмъ точно, тѣмъ не менѣе слова эти въ общемъ довольно вѣрно передаютъ чувство, какое внушали къ себѣ Бурбоны либерально настроеннымъ кругамъ общества. Лишь при такомъ настроеніи и возможны были тѣ заговоры и попытки возстаній, которыми полна исторія царствованія Людовика XVIII. Если при Карлѣ X революціонныя движенія прекращаются, замѣняясь чисто легальною борьбою во имя хартіи, то значительно усиливаются либеральныя демонстраціи, имѣющія для историка значеніе предвѣстій іюльской ре-

[1]) См. выше, стр. 392.

волюціи. Мы еще увидимъ, чѣмъ объясняется такая перемѣна въ исторіи французскаго либерализма той эпохи.

Между либералами образовалось съ самаго начала два оттѣнка: одни были либералы конституціонные, другіе революціонные. Такъ какъ первые нерѣдко сознавали свое безсиліе, то не пренебрегали помощью вторыхъ, а эти послѣдніе, тоже не довѣряя своимъ собственнымъ силамъ, искали поддержки и у первыхъ. Вообще либеральныя газеты эпохи реставраціи постоянно проповѣдовали необходимость единенія всѣхъ антиреакціонныхъ группъ, между прочимъ, настаивая на томъ, чтобы лѣвый центръ и крайняя лѣвая держались заодно, и чтобы лѣвый центръ не отпадалъ къ правому центру, т.-е. къ умѣреннымъ консерваторамъ. Въ эпоху реставраціи либеральная партія въ палатѣ депутатовъ выдвинула не мало замѣчательныхъ дѣятелей, каковы Ройе-Колларъ, Бенжаменъ Констанъ, Лафайетъ и др., и нѣкоторые изъ либераловъ палаты (особенно Лафайетъ) прямо принимали участіе въ тайныхъ обществахъ, ставившихъ себѣ цѣлью низверженіе Бурбоновъ. Заговоры, составлявшіеся въ эту эпоху, весьма напоминаютъ намъ итальянскій карбонаризмъ и военныя революціи, бывшія тогда въ ходу, такъ какъ въ этомъ политическомъ движеніи участвовало также немало и недовольныхъ военныхъ наполеоновской эпохи. Сами революціонеры, раздѣлялись еще на конституціонныхъ монархистовъ, желавшихъ только перемѣны династіи и измѣненій въ хартіи, на наполеонистовъ и на республиканцевъ. Нерѣдко, однако, они дѣйствовали сообща, лишь бы только добиться низверженія Бурбоновъ, не загадывая впередъ.

Первый такой заговоръ былъ организованъ въ Дофинэ гренобльскимъ адвокатомъ Дидье еще въ 1816 г. Отважный роялистъ въ эпоху революціи, примкнувшій потомъ къ имперіи, онъ въ 1814 г. сдѣлался горячимъ защитникомъ реставраціи, но очень скоро въ ней разочаровался. Пользуясь популярностью имени Наполеона среди солдатъ и крестьянъ, онъ составилъ тайное общество, увѣривъ многихъ, что Австрія будетъ поддерживать возведеніе на престолъ Наполеона II, настоящимъ же его кандидатомъ былъ герцогъ Орлеанскій. Дидье сдѣлалъ попытку овладѣть Греноблемъ, но мѣстныя власти были предупреждены во-время, и нападеніе заговорщиковъ было отбито. Многіе за это поплатились жизнью и въ ихъ числѣ былъ самъ Дидье, успѣвшій было бѣжать въ Савойю, но схваченный здѣсь сардинскимъ правительствомъ, которое и выдало его Франціи; въ числѣ казненныхъ находился одинъ десятилѣтній мальчикъ. Кромѣ того, въ 1816—1817 гг. было еще нѣсколько мелкихъ заговоровъ, изъ коихъ иные чуть ли не были устроены самими шпіонами, такимъ способомъ открывавшими неблагонамѣренныхъ людей. Между тѣмъ тайныя общества орга-

низовались и на самомъ дѣлѣ. Въ Парижѣ, напр., существовала особая „Унія“ (Union), поставившая своею цѣлью распространять либеральныя сочиненія, поддерживать оппозиціонныя газеты и вліять на выборы; къ этому обществу примкнуло не мало людей изъ образованной и зажиточной буржуазіи. Около двухъ лѣтъ существовало рядомъ съ нимъ, преслѣдуя тѣ же цѣли, но совершенно явное „Общество друзей свободы печати“, въ составъ коего входили герцогъ Броль, Лафайетъ, Манюэль и др., но оно скоро было закрыто правительствомъ. Тогда нѣкоторые изъ его членовъ (главнымъ образомъ Лафайетъ) продолжали все-таки свою дѣятельность въ тайномъ „комитетѣ дѣйствія“ (comité d'action), руководившемъ Обществомъ, поставивъ своею цѣлью содѣйствовать перемѣнѣ династіи. Одно изъ предпріятій этого комитета заключалось въ слѣдующемъ. Въ 1817 г. жившіе въ Брюсселѣ враги реставраціи, въ числѣ коихъ были и старые члены конвента, составили планъ возведенія на французскій престолъ принца Оранскаго (сына нидерландскаго короля) и даже обратились за содѣйствіемъ къ Александру I, который отвѣчалъ отказомъ. Дѣло тѣмъ не менѣе оставлено совсѣмъ не было, и черезъ два года самъ принцъ вошелъ въ сношеніе съ „комитетомъ дѣйствія“, давъ ему обѣщаніе вступить во Францію во главѣ нидерландскаго войска, провозглашая при этомъ освобожденіе ее отъ Бурбоновъ и присоединеніе къ ней Бельгіи. Лафайетъ поддерживалъ этотъ планъ, но король нидерландскій узналъ объ интригахъ своего сына, удалилъ его изъ страны и тѣмъ разстроилъ весь замыселъ. Реакція, наступившая послѣ убіенія герцога Беррійскаго, только усилила революціонное броженіе, и лѣтомъ 1820 г. въ Парижѣ по поводу министерскихъ проектовъ, грозившихъ свободѣ, было уже немало уличныхъ столкновеній народа съ полиціей. Противъ рѣшенія палатъ, дававшаго министерству право произвольнаго ареста неблагонадежныхъ лицъ [1]), совершенно явно образовалось особое общество съ цѣлью оказыванія помощи какъ арестованнымъ, такъ и ихъ семействамъ, а въ немъ опять видную роль — съ Лафиттомъ, Казиміромъ Перье, Одилономъ Барро и Войе д'Аржансономъ—игралъ Лафайетъ. Общество это было скоро закрыто, но революціонные его элементы съ Лафайетомъ и Войе д'Аржансономъ образовали тайный „управляющій комитетъ“ (comité directeur), который сталъ хлопотать о подготовкѣ народнаго и военнаго возстанія. Комитетъ вошелъ въ сношеніе съ недовольными офицерами и унтеръ-офицерами (sous-officiers) парижскаго гарнизона, и даже былъ выработанъ планъ возстанія: въ ночь съ 19 на 20 августа (1820 г.) предполагалось овладѣть Венсенскимъ замкомъ, учредить въ немъ временное правительство и

[1]) См. выше, стр. 408.

оттуда призвать народъ къ низверженію Бурбоновъ. Простая случайность (взрывъ пороховой башни въ замкѣ) помѣшала предпріятію. Правительство, напавъ на слѣдъ заговора, начало по этому поводу процессъ, который происходилъ въ палатѣ пэровъ; но доискаться до того, кто были главные виновники, такъ-таки и не съумѣли. Эта неудача не охладила заговорщиковъ, у которыхъ передъ глазами былъ тогда успѣхъ военныхъ переворотовъ въ Испаніи и Неаполѣ. Когда въ 1821 г. умеръ Наполеонъ, не только одни бонапартисты, но даже и монархисты, и республиканцы стали эксплуатировать оставленную имъ въ войскѣ память, чтобы вооружить офицеровъ и солдатъ противъ Бурбоновъ. Въ этомъ году дѣйствовали главнымъ образомъ два тайныхъ общества. Одно изъ нихъ образовалось въ самомъ Парижѣ и приняло организацію и самое названіе (charbonniers) отъ итальянскихъ карбонаріевъ [1]), а другое имѣло свой центръ въ Сомюрѣ и называлось обществомъ „рыцарей свободы“. Послѣднее было по преимуществу военнымъ и насчитывало отъ 30 до 40 тысячъ приверженцевъ. Что касается до парижскихъ карбонаріевъ, то въ составъ ихъ союза входила главнымъ образомъ молодежь, во средѣ коей были выдвинувшіеся впослѣдствіи уже на иномъ поприщѣ Бюшезъ и Базаръ. Они обратились за помощью къ Лафайету, и онъ охотно сталъ во главѣ этой организаціи; вмѣстѣ съ нимъ въ „верховную венту“, составлявшую правленіе карбонаріевъ, вступили и нѣкоторые члены „управляющаго комитета“. Парижская и сомюрская организаціи вскорѣ соединились вмѣстѣ; было постановлено низвергнуть Бурбоновъ, послѣ чего учредительное собраніе должно было рѣшить вопросъ о томъ, кому передать власть: между заговорщиками были приверженцы и республики, и Наполеона II, и герцога Орлеанскаго; Лафайетъ мечталъ о республикѣ въ родѣ Сѣверо-американской; Манюэль—о возстановленіи конституціи 1791 г.; были и сторонники испанской конституціи 1812 г. Въ концѣ 1821 и началѣ 1822 гг. въ разныхъ мѣстностяхъ Франціи вспыхнули военные бунты, но не имѣли успѣха. Лафайетъ самъ поѣхалъ было въ Эльзасъ, гдѣ предполагалось провозгласить временное правительство. Въ немъ Лафайетъ долженъ былъ играть видную роль, но онъ не успѣлъ доѣхать до Бельфора,—бывшаго однимъ изъ главныхъ пунктовъ предположеннаго возстанія,—какъ тамошній заговоръ былъ открытъ. Старому генералу пришлось спасаться бѣгствомъ. Приверженцы Лафайета сожгли на берегу Рейна его карету, чтобы скрыть всѣ слѣды его участія въ дѣлѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что многихъ заговорщиковъ переловили и предали суду, вслѣдствіе чего состоялось нѣсколько приговоровъ къ многолѣтнему тюремному заключе-

[1]) См. выше, стр. 325.

нію и даже къ смертной казни. Во время процессовъ, возбужденныхъ этими революціонными попытками, очень часто произносилось имя Лафайета и другихъ либеральныхъ дѣятелей. Поэтому ультрароялистическая печать страстно требовала судебнаго преслѣдованія противъ всѣхъ членовъ карбонарской „верховной венты“, но у правительства не было противъ нихъ настоящихъ уликъ, а либеральные депутаты,—изъ коихъ многіе знали о заговорахъ, но не одобряли ихъ или лично только не хотѣли принимать въ нихъ участія,—отстаивали въ палатѣ Лафайета и др. отъ обвиненія ихъ ультрароялистами, называя эти обвиненія клеветою. И эта новая неудача не охладила еще революціоннаго рвенія. Когда стали поговаривать о войнѣ для подавленія испанской революціи, въ арміи возникло нерасположеніе „къ походу съ попами и монахами“ противъ конституціи и свободы, а тутъ еще распространился слухъ, будто правительство нарочно удаляетъ изъ страны военныя силы, дабы открыть болѣе свободный доступъ во Францію для новой иностранной коалиціи изъ-за Рейна, которая яко-бы должна была положить конецъ конституціонному режиму и въ самой Франціи. Парижскій революціонный комитетъ воспользовался этими обстоятельствами, чтобы возобновить свою дѣятельность. Начались новые военные заговоры, и быть можетъ, они-то и заставили правительство—для предупрежденія новыхъ попытокъ возстанія—двинуть армію на Испанію. На этотъ разъ заговоръ заключался въ томъ, чтобы армія отказалась идти на Испанію и направилась на Парижъ, какъ то говорилось и въ солдатской пѣсенкѣ Беранже съ припѣвомъ: „налѣво-кругомъ“, сдѣлавшейся весьма популярной среди солдатъ. Именно по ту сторону испанской границы французскую армію долженъ былъ встрѣтить отрядъ бѣглецовъ подъ начальствомъ полковника Фавье (Fabvier) съ императорскими орлами и трехцвѣтными знаменами и увлечь своимъ видомъ солдатъ, послѣ чего французская армія должна была повернуть назадъ. Нѣкоторые генералы и офицеры, отправлявшіеся въ Испанію, были посвящены въ этотъ планъ и обѣщали свое содѣйствіе. Но и изъ этого тоже ничего не вышло, ибо французскій авангардъ прибылъ къ пограничной рѣкѣ Бидассоа раньше, чѣмъ Фавье успѣлъ сдѣлать всѣ приготовленія къ встрѣчѣ. Потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми пушечнымъ выстрѣломъ, пущеннымъ по приказанію одного генерала, Фавье долженъ былъ обратиться въ бѣгство. Легкіе успѣхи въ Испаніи покрыли французскую армію славою и подъ бѣлымъ знаменемъ Бурбоновъ. Армія теперь примирилась съ династіей, одинъ изъ членовъ коей (герцогъ Ангулемскій) былъ притомъ главнокомандующимъ въ этой экспедиціи. Наконецъ военные были недовольны тѣмъ, что во всѣхъ прежнихъ заговорахъ попадались въ качествѣ виновныхъ только ихъ товарищи, тогда какъ

настоящіе зачинщики оставались безнаказанными. Вскорѣ и сами революціонные либералы увидѣли, что ни одна изъ ихъ попытокъ ни къ чему не приводила, и отказались отъ дальнѣйшаго продолженія революціонной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что не находили сочувствія и поддержки со стороны конституціонныхъ либераловъ. Дѣйствительно, такіе люди, какъ Ройе-Колларъ или Бенжаменъ Констанъ, отказывались отъ участія въ какихъ-бы то ни было нелегальныхъ дѣйствіяхъ, и ихъ взглядъ раздѣлялся другими либеральными дѣятелями. Гизо [1]), занимавшій въ эпоху реставраціи каѳедру исторіи въ Сорбоннѣ (съ перерывомъ въ эпоху министерства Виллеля) впослѣдствіи писалъ, что „ни дѣйствія правительства, ни его планы не нарушали правъ и интересовъ страны и не угрожали имъ въ столь сильной степени, чтобы оправдывать такое настойчивое стремленіе къ ниспроверженію существующаго политическаго строя. Всѣ великія учрежденія,—продолжаетъ онъ,—оставались неприкосновенными; общественныя вольности продолжали развиваться, не смотря на нападки на нихъ; законный порядокъ ни въ чемъ не былъ нарушенъ; страна благоденствовала и развивалась. Были, правда,—замѣчаетъ онъ, однако,—были причины, вызывавшія правильную и открытую оппозицію, но не было ни одной, оправдывавшей заговоръ и революцію". Такъ смотрѣли на дѣло и многіе другіе конституціонные либералы. Какъ бы тамъ ни было, послѣ неудачи съ заговоромъ во время испанской войны путь революціи былъ оставленъ, и лозунгомъ всѣхъ либераловъ сдѣлалась легальная оппозиція въ палатахъ и въ прессѣ въ защиту хартіи 1814 г. и основывавшейся на ней свободы. Съ дѣятельностью либераловъ въ палатѣ мы отчасти познакомились. Прибавимъ, что имъ нерѣдко приходилось въ замѣчательныхъ рѣчахъ, къ которымъ прислушивалась вся Франція, отстаивать принципы личной и общественной свободы и протестовать противъ крайностей реакціи. Небольшая группа либераловъ, къ коей принадлежали герцогъ де-Броль и Ройе-Колларъ [2]) и примыкалъ Гизо, составила изъ себя особую партію доктринеровъ, стремившуюся примирить требованія свободы съ требованіями порядка и конституціонный режимъ—съ сильною правительственною властью [3]): они представляли собою умѣренный либерализмъ, главнымъ проводникомъ идей котораго въ прессѣ и сдѣлался Гизо. Гораздо болѣе разнообразными и вліятельными были тѣ проявленія либерализма, которыя существовали въ тогдашней французской литературѣ.

Въ эпоху реставраціи, особенно въ двадцатыхъ годахъ, либеральная часть французскаго общества выдвинула цѣлый рядъ замѣча-

[1]) О немъ см. De Witt. M. Guizot dans sa famille et avec ses amis. 1880.—Jules Simon. Thiers, Guizot, Rémusat. 1885 и др.

[2]) Barante. Vie politique de Royer Collard.

[3]) Ср. выше, стр. 393.

тельныхъ писателей на разныхъ поприщахъ литературы,—писателей, которые оказывали большое вліяніе на образованные общественные круги и въ числѣ которыхъ было нѣсколько человѣкъ, могущественно дѣйствовавшихъ на публику и живымъ словомъ въ качествѣ популярныхъ лекторовъ. Это было время эклектической философіи, основывавшей политическую свободу на моральномъ чувствѣ [1]); время либеральной исторіографіи, занимавшейся средневѣковою борьбою горожанъ за свободу и ростомъ третьяго сословія, возникновеніемъ представительныхъ учрежденій и развитіемъ англійскаго парламента, изображеніемъ политической борьбы въ Англіи въ XVII в. и оправданіемъ французской революціи [2]); время превращенія роялистическаго реакціоннаго романтизма въ романтизмъ либеральный и прогрессивный [3]); время, когда въ политической литературѣ все болѣе и болѣе выяснялся принципъ свободы [4]) и, наконецъ, какъ мы еще увидимъ, время возникновенія новыхъ соціальныхъ ученій,—однимъ словомъ, время весьма живое, когда вся умственная дѣятельность націи носила на себѣ глубоко общественный характеръ. Весьма видную роль играла въ эту эпоху и либеральная публицистика, находившаяся въ самомъ тѣсномъ сродствѣ съ философіей, исторіографіей и изящной литературой своего времени, не говоря уже о ея близости къ политическимъ теоріямъ эпохи. Несмотря на неблагопріятныя условія, въ какія по временамъ реакція ставила періодическую прессу, послѣдняя дѣлала свое дѣло и пріобрѣтала все большее и большее вліяніе на умы, воспитывая общество въ идеяхъ свободы и законности. Нѣкоторыя періодическія изданія двадцатыхъ годовъ имѣютъ по своему вліянію особенно важное значеніе съ обще-исторической точки зрѣнія. Правительство не могло не считаться съ тѣмъ значеніемъ, какое пріобрѣла пресса, и Виллель сдѣлалъ даже попытку скупить на государственный счетъ возможно большее количество оппозиціонныхъ (либеральныхъ и ультра-роялистическихъ газетъ), для чего потребовалось нѣсколько милліоновъ, которые были взяты изъ секретнаго фонда и изъ средствъ министерства двора. Виллелю удалось такимъ путемъ пріобрѣсти нѣсколько изданій крайней правой, хотя въ одномъ случаѣ онъ встрѣтился съ прямымъ сопротивленіемъ: именно ультра-роялистъ Мишо, главный собственникъ и редакторъ „Quotidienne“, не согласился на предложенную ему сдѣлку и былъ насильственно изгнанъ изъ редакціи, но пожаловался въ судъ, и послѣдній возстановилъ его во всѣхъ его правахъ. Попытка

[1]) См. выше, стр. 289.
[2]) См. выше, стр. 290.
[3]) См. выше, стр. 291—292.
[4]) См. выше, стр. 298 и слѣд.

создать правительственную прессу не была, однако, особенно удачной, и въ самый неудобный моментъ для оппозиціонной печати, именно при дѣйствіи закона 1822 г. [1])—у шести наиболѣе важныхъ правительственныхъ органовъ подписчиковъ было лишь 14 т., тогда какъ шесть наиболѣе видныхъ оппозиціонныхъ газетъ расходились путемъ подписки въ количествѣ—превышавшемъ 40 т. экземпляровъ. Преслѣдуемыя передъ судомъ, оппозиціонныя газеты, нерѣдко случалось, оправдывались; зато въ случаяхъ наложенія наказаній, правительство иногда прибѣгало къ излишнимъ строгостямъ: извѣстенъ, напр., надѣлавшій много шуму поступокъ съ адвокатомъ Магаллономъ, редакторомъ „Альбома", который, будучи приговоренъ къ тюремному заключенію, при переводѣ изъ одной тюрьмы въ другую былъ закованъ въ общіе кандалы съ однимъ каторжникомъ.

Не имѣя возможности останавливаться на характеристикѣ, хотя бы только наиболѣе видныхъ либеральныхъ газетъ эпохи, мы отмѣтимъ лишь два изданія, особенно важныя для характеристики стремленій тогдашняго либерализма. Въ 1824 г. сталъ выходить въ свѣтъ „Le Globe", сразу занявшій весьма вліятельное положеніе въ образованномъ обществѣ. Это было изданіе, въ которомъ участвовало главнымъ образомъ молодое поколѣніе, воспитавшееся уже въ духѣ новыхъ идей: въ области философіи сотрудники „Le Globe" придерживались эклектическаго спиритуализма Кузена [2]), въ области поэзіи и критики это были приверженцы романтизма [3]), съ моральными же и эстетическими воззрѣніями обѣихъ школъ они соединяли либеральныя стремленія и то пониманіе французской революціи, представительницей котораго въ первые годы реставраціи была г-жа Сталь. Но особенно важенъ былъ „Le National", основанный въ январѣ 1830 г. Тьеромъ, Минье и Арманомъ Каррелемъ. Первые два изъ нихъ были авторы извѣстныхъ исторій французской революціи, послѣдній написалъ „Исторію контръ-революціи въ Англіи". Тьеръ послѣ окончанія своего труда задумалъ большую исторію цивилизаціи и для этой цѣли не только изучалъ разныя науки, но даже собирался предпринять кругосвѣтное плаваніе съ капитаномъ Лапласомъ, но когда Полиньякъ былъ сдѣланъ министромъ, онъ остался, говоря, что теперь дѣло не въ томъ, чтобы заниматься наукой, а въ томъ, чтобы вести борьбу. Задачей новаго органа либеральной прессы было всячески содѣйствовать низверженію династіи Бурбоновъ, но не для основанія республики, а для передачи короны герцогу Орлеанскому. „Le National" старался выводить изъ хартіи такія слѣдствія, при которыхъ легитимному пра-

[1]) См. выше, стр. 390 и 409.

[2]) См. выше, стр. 256 и 288—289.

[3]) См. выше, стр. 292.

вительству оставалось бы только прибѣгнуть къ государственному перевороту. Это новое либеральное изданіе заняло совсѣмъ другое положеніе, чѣмъ „Le Globe“, не шедшій такъ далеко въ своихъ политическихъ стремленіяхъ, тѣмъ болѣе, что „Le National“ былъ противникомъ и романтической школы. Извѣстно, какую роль эта газета и ея редакторъ Тьеръ играли въ переворотѣ 1830 г. Общее значеніе либеральной печати заключалось въ томъ, что она поддерживала въ обществѣ недовѣріе къ Бурбонамъ. Ея характеръ былъ боевой. Такимъ же характеромъ въ эту эпоху отличалась еще дѣятельность двухъ весьма популярныхъ писателей—Беранже и Курье. Первый,—настоящій народный поэтъ Франціи,—въ своихъ пѣсенкахъ, быстро распространявшихся въ самой разнообразной публикѣ, былъ живымъ воплощеніемъ недовольства легитимизмомъ и клерикализмомъ, которые онъ и подвергалъ своей остроумной, чисто вольтеровской насмѣшкѣ.[1]). Два раза въ двадцатыхъ годахъ онъ по приговору суда за свои сборники пѣсенъ сидѣлъ въ тюрьмѣ (въ первый разъ три, во второй девять мѣсяцевъ) и заплатилъ болѣе 10 т. франковъ штрафа. Въ томъ же антибурбонскомъ и антиреакціонномъ направленіи дѣйствовалъ и замѣчательный памфлетистъ эпохи, Поль-Луи Курье. Это былъ въ молодости одинъ изъ воиновъ революціи, сражавшихся за свободу народовъ. Въ 1816 г. онъ выступилъ противъ реакціи, давшей себя, какъ извѣстно, уже хорошо знать около этого времени. „Авторитетъ, писалъ онъ тогда,—вотъ великое слово во Франціи. Въ другихъ мѣстахъ ссылаются на законъ, у насъ — на авторитетъ. Конечно, это не есть авторитетъ ни соборовъ, ни отцовъ церкви, ни того еще менѣе юрисконсультовъ, но это авторитетъ жандармовъ, который почище всякаго другого“. Онъ иронизировалъ (1819 г.) надъ хартіей по поводу произвола префектовъ: „когда васъ засадятъ, хартія васъ не вытащитъ (изъ тюрьмы). Тамъ вы вволю можете намечтаться объ индивидуальной свободѣ“. Равнымъ образомъ онъ нападалъ на феодальные предразсудки и притязанія дворянства, на нетерпимость и ханжество духовенства, на традиціи легитимизма и т. п., отзываясь вмѣстѣ съ тѣмъ и на всѣ мелкія злобы дня. За свои смѣлые памфлеты ему не разъ приходилось защищаться передъ судомъ и даже подвергаться, какъ и Беранже, наказанію. Послѣ его смерти (1825) его сочиненія были изданы въ Брюсселѣ (1826), а потомъ и въ Парижѣ (1828), продолжая пользоваться громадною популярностью. Между прочимъ Курье пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы показывать народу, какая еще у него остается надежда: этою надеждою настоящей свободы и для Курье былъ герцогъ Орлеанскій, котораго онъ всегда изображалъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ по сравненію съ старшей линіей Бурбоновъ.

[1]) Ср. выше, стр. 415. О чемъ соч. Arnould, Janin и др.

Либеральные публицисты двадцатыхъ годовъ постоянно поддерживали, какъ было сказано выше, недовольство Бурбонами, и такъ какъ почти вся либеральная пресса или наиболѣе, по крайней мѣрѣ, вліятельная часть ея стояла главнымъ образомъ на точкѣ зрѣнія конституціонной монархіи, то, понятно, идея о перемѣнѣ династіи была довольно распространенною въ обществѣ. При Людовикѣ XVIII дѣлались даже попытки осуществленія этой мысли путемъ революціонныхъ заговоровъ, но съ 1824 г., какъ мы видѣли, попытки этого рода прекратились, тѣмъ болѣе, что либералы стали все болѣе и болѣе проникаться взглядомъ доктринеровъ, которые, высказываясь за „духъ, выросшій изъ революціи“, были, однако, рѣшительными противниками „революціоннаго духа“. Послѣ прекращенія заговоровъ съ цѣлью совершенія военнаго переворота наполеонисты перестаютъ играть роль въ политикѣ, да и республиканцы тоже стушевываются, а у либеральной оппозиціи является новая тактика—при каждомъ удобномъ случаѣ показывать правительству, что хартія 1814 г. имѣетъ массу защитниковъ, и что нація прежде всего требуетъ строгаго соблюденія конституціи. Во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ вообще довольно часто представлялись поводы для разныхъ либеральныхъ манифестацій. Осенью 1825 г. Парижъ съ особымъ почетомъ хоронилъ генерала Фуа, бывшаго однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей либеральной партіи въ палатѣ депутатовъ: въ процессіи участвовала весьма внушительная масса народа, а въ пользу семьи покойнаго была открыта національная подписка, давшая цѣлый милліонъ. Когда палата пэровъ отвергла проектъ закона о майоратахъ [1]), въ Парижѣ это событіе было отпраздновано иллюминаціей. Въ 1827 г. умеръ одинъ либеральный пэръ, восьмидесяти-лѣтній герцогъ Ларошфуко-Ліанкуръ, котораго очень не любилъ Виллель, и опять рѣшено было на похоронахъ этого дѣятеля устроить либеральную манифестацію. Полиція хотѣла помѣшать задуманной демонстраціи, и дѣло дошло до свалки, во время которой гробъ упалъ на мостовую, что привело въ негодованіе и все общество, и самоё палату пэровъ. Въ это время Виллель приводилъ самые реакціонные законы противъ печати [2]); боясь послѣ такого происшествія—отверженія закона палатой пэровъ, министерство взяло назадъ свой проектъ, и это снова было отпраздновано въ Парижѣ и другихъ городахъ иллюминаціями, фейерверками, торжественными шествіями съ музыкой и пѣніемъ. Вскорѣ послѣ этого Карлъ X дѣлалъ смотръ національной гвардіи на Марсовомъ полѣ. Короля привѣтствовали съ восторгомъ за взятіе назадъ министерскаго проекта, но къ крикамъ: vive le roi!

---

[1]) См. выше, стр. 415.
[2]) См. выше, стр. 416.

—примѣшивалось немало и криковъ: vive la charte! Когда одинъ національный гвардеецъ рѣшился чуть не въ лицо королю повторить послѣднія слова, Карлъ X нахмурился, что не прошло незамѣченнымъ для кричавшаго. „Развѣ васъ оскорбляетъ, что привѣтствуютъ конституцію?“ спросилъ онъ. „Я, отвѣчалъ ему на это король, пріѣхалъ сюда для того, чтобы выслушивать привѣтствія, а не наставленія“,—и вся національная гвардія единодушно закричала: „да здравствуетъ король“! Карлъ X въ концѣ концовъ былъ такъ доволенъ смотромъ, что, вернувшись домой, приказалъ одному изъ приближенныхъ составить дневной приказъ съ выраженіемъ королевскаго благоволенія къ національной гвардіи. Король не зналъ еще, что послѣ его отъѣзда двѣ принцессы (герцогини Ангулемская и Беррійская), присутствовавшія на смотру въ коляскѣ, были освистаны при крикахъ: „долой министерство! долой іезуитовъ!“ Съ тѣми же криками и съ крикомъ: „долой Виллеля!“—часть національной гвардіи прошла мимо отеля министра. Послѣ этого обѣ принцессы и особенно Виллель настояли на томъ, чтобы Карлъ X распустилъ національную гвардію: 30 апрѣля въ этомъ смыслѣ и появился королевскій ордонансъ, который послужилъ поводомъ для произнесенія въ палатѣ нѣсколькихъ рѣзкихъ рѣчей, но почему-то не произвелъ большого волненія въ народѣ. Осенью того же 1827 г., какъ было сказано выше, происходили общіе выборы въ палату депутатовъ, бывшіе весьма выгодными для либераловъ [1]). Такой результатъ былъ достигнутъ, благодаря, между прочимъ, обществу „Aide-toi, le ciel t'aidera“, которое было основано раньше съ цѣлью оказывать вліяніе на выборы въ оппозиціонномъ смыслѣ. Когда въ Парижѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ самой столицѣ одержали побѣду всѣ оппозиціонные кандидаты, это было отпраздновано шумнымъ восторгомъ. Была устроена иллюминація, и народъ началъ выбивать стекла во всѣхъ неосвѣщенныхъ окнахъ; потомъ дѣло дошло до попытокъ сооруженія баррикадъ и уличныхъ схватокъ съ полиціей и войсками. Это обстоятельство указывало на революціонное настроеніе парижскаго населенія. Министерство Мартиньяка съумѣло нѣсколько успокоить страсти, но едва только министромъ былъ назначенъ Полиньякъ, какъ тотчасъ же не только въ Парижѣ, но и въ провинціи все болѣе и болѣе сталъ проявляться оппозиціонный духъ. Въ разныхъ городахъ стали основываться общества сопротивленія налогамъ на случай уничтоженія хартіи, а проѣздъ Лафайета черезъ нѣкоторыя мѣстности превратился въ настоящій тріумфъ, причемъ говорились рѣчи и предлагались тосты, заключавшіе въ себѣ уже угрозы. Правительство начало рядъ процессовъ противъ обществъ сопротивле-

[1]) См. выше, стр. 407, 411 и 416.

нія, но суды большею частью оправдывали эти общества, не находя ихъ противными конституціи, или налагали на нихъ самыя легкія наказанія за оскорбленіе правительства заподозрѣваніемъ его въ противоконституціонныхъ замыслахъ. Оправданъ былъ судомъ и „Journal des Débats“ за статью по случаю назначенія Полиньяка, оканчившуюся восклицаніями: „Бѣдная Франція! Бѣдный король!“

Въ 1830 г. дѣло дошло наконецъ до конфликта между династіей и націей. Не излагая здѣсь исторіи этого конфликта, напомнимъ лишь главнѣйшіе факты. 2 марта Карлъ X открылъ сессію палатъ тронною рѣчью, въ которой заключалась несомнѣнная угроза представительству. Палата депутатовъ отвѣчала на нее адресомъ, содержавшимъ въ себѣ горькіе упреки и принятымъ, не смотря на свое содержаніе, 221 голосомъ противъ 181. На другой день послѣ представленія адреса Карлу X (18 марта) была объявлена отсрочка засѣданій палатъ до 3 сентября, но черезъ два мѣсяца (16 мая) появился королевскій ордонансъ, распускавшій палату и назначавшій новые выборы, и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ король обратился къ націи съ жалобой на распущенную палату. Всѣ 221 депутатъ тѣмъ не менѣе были переизбраны, и къ нимъ прибавилось еще нѣсколько оппозиціонныхъ депутатовъ. Карлъ X рѣшился тогда распустить и эту новую палату, прежде нежели она успѣла собраться, назначить новые выборы, своею властью измѣнивъ избирательный законъ въ пользу представителей крупнаго землевладѣнія, и уничтожить свободу печати. 26 іюля съ такимъ именно содержаніемъ были обнародованы три ордонанса, вызвавшіе въ слѣдующіе дни (27, 28, 29 іюля) народное возстаніе, за которымъ послѣдовало паденіе легитимной монархіи и возведеніе на престолъ герцога Орлеанскаго подъ именемъ Людовика-Филиппа, короля французовъ. Іюльская революція 1830 г. получила не только мѣстное, но и общеевропейское значеніе, отразившись сразу на ходѣ событій въ нѣсколькихъ европейскихъ государствахъ и между прочимъ въ самой Англіи, въ которой предыдущіе континентальные перевороты не производили никакихъ конституціонныхъ измѣненій [1]).

---

[1]) Мы предполагаемъ начать V томъ „Исторіи Западной Европы въ новое время“ съ общаго обзора состоянія западной Европы передъ іюльской революціей, чтобы перейти потомъ къ разсказу о самомъ этомъ событіи и къ разсмотрѣнію его вліянія внѣ Франціи.

XX. Происхожденіе англійской реакціи конца XVIII и начала XIX вѣка [1]).

Англія и французская революція.—Особое положеніе Англіи въ западной Европѣ въ новое время.—Революція 1789 г. и ея англійскіе прецеденты.—Господство олигархіи въ Англіи.—Составъ англійскаго парламента.—Подкупы при выборахъ въ члены парламента и необходимость парламентской реформы.—Общій взглядъ на исторію англійскихъ политическихъ партій.—Преобладаніе торійской партіи въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.—Отношеніе англичанъ къ французской революціи.—«Размышленія о революціи во Франціи» Бёрка.—Внутренній застой въ Англіи подъ вліяніемъ французской революціи.—Очеркъ войны Англіи съ Франціей.—Вліяніе войны на взаимныя отношенія англійскихъ партій.

Въ исторіи той культурной и политической реакціи, которая была вызвана французской революціей, должна занять мѣсто и Англія, несмотря на то, что исторія этой страны въ общемъ, такъ сказать, разошлась съ исторіей континентальныхъ государствъ. Во внутренней жизни Англіи XVIII в. не существовало тѣхъ явленій, составляющихъ существенныя черты такъ называемаго „стараго порядка“ въ другихъ странахъ западной Европы, и потому революція, которая была направлена противъ явленій, въ Англіи не существовавшихъ, казалось бы, и не должна была бы вызывать противъ себя реакціи въ нѣдрахъ англійскаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, континентальный „старый порядокъ“ былъ соединеніемъ политическаго абсолютизма съ соціальнымъ феодализмомъ [2]), въ Англіи же не было ни того, ни другого; можно даже сказать, что революція передѣлывала государство и общество на континентѣ именно въ томъ самомъ направленіи, которое должно было приблизить ихъ къ англійскому политическому и общественному строю, и вотъ несмотря на это, реакція противъ французской революціи возникла и въ Англіи. И то, и другое требуетъ объясне-

---

[1]) См. т. III, стр. 55—56. Green. History of the englich people. 1880 (вторая половина IV тома; есть франц. и рус. переводы). — Pauli (выше, стр. 10).—Reynald (выше, стр. 10).—J. Ersquine May. Constitutional history of England (изложеніе начинается съ 1760 и доходитъ до 1860; есть переводы французскій и нѣмецкій).—Spencer-Walpole. History of England from the conclusion of the great war in 1815.—Rémusat. Études sur l'Angleterre au XVIII siècle (здѣсь есть довольно много о вліяніи французской революціи на Англію).—A. Chevrillon. Sydney Smith et la renaissance des idées liberales en Angleterre au XIX siècle. 1894.—Тэккерей. Четыре Георга.—Кромѣ того, есть сочиненія по экономической исторіи Англіи въ эту эпоху, которыя указываются въ своемъ мѣстѣ въ слѣдующемъ отдѣлѣ настоящаго тома (гл. XXII).

[2]) Т. III, стр. 17 и слѣд.

нія, почему именно, во-первыхъ, революція не должна была вызывать въ Англіи такихъ же точно опасеній, какими встрѣтила этотъ переворотъ вся остальная Европа, и почему, во-вторыхъ, тѣмъ не менѣе и въ Англіи революція произвела переполохъ, приведшій и эту страну къ сильной внутренней реакціи.

Французская революція, разрушавшая сословный строй общества и неограниченную королевскую власть въ государствѣ,—эти двѣ самыя основныя стороны „стараго порядка“,—въ концѣ концовъ осуществляла или стремилась осуществить то, что въ Англіи давнымъ-давно составляло главный законъ соціальной и политической жизни. Англія не знала въ XVIII вѣкѣ „стараго порядка“ въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы употребляемъ это слово по отношенію къ другимъ странамъ западной Европы. Въ предыдущіе періоды исторіи, начиная еще съ среднихъ вѣковъ Англія не выработала у себя такого сословнаго строя, какой существовалъ на материкѣ [1]), и гражданское равенство къ тѣсномъ значеніи слова—равенство передъ закономъ—установилось въ Англіи [2]) задолго до того времени, когда на материкѣ къ нему обнаружилось особенно сильное стремленіе. То безсословное гражданство, которое во Франціи основано было революціей и отсюда, благодаря революціонным войнамъ и владычеству Наполеона, стало распространяться и въ другихъ странахъ, въ сущности было не чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ общественнымъ строемъ, какой былъ выработанъ въ Англіи всею ея предыдущею исторіей. На материкѣ западной Европы въ соціальномъ смыслѣ мы различаемъ при „старомъ порядкѣ“ привилегированное дворянство, сильное, кромѣ сословныхъ правъ, своею поземельною собственностью, средній классъ общества (буржуазію), поставленный въ менѣе благопріятное положеніе, и народную массу, находившуюся въ прямой юридической зависимости отъ привилегированныхъ, которые обладали феодальными правами и даже пользовались властью господъ надъ крѣпостными, но для Англіи пришлось бы установить нѣсколько иную классификацію, такъ какъ дворянства въ континентальномъ смыслѣ въ ней не существовало, буржуазія не была принижена передъ обладателями крупной поземельной собственности, а сельская народная масса была юридически вполнѣ свободна по отношенію къ крупнымъ землевладѣльцамъ. Благодаря отсутствію сословныхъ перегородокъ въ общественномъ быту еще въ исходѣ среднихъ вѣковъ, и благодаря тому, что пользованіе политическими правами въ видѣ права избирать въ парламентъ представителей основано было на имущественномъ цензѣ [3]), здѣсь

[1]) Т. I, 208.
[2]) Т. III, 90.
[3]) Т. I, 97 и 207.

представители крупнаго землевладѣнія, являвшіеся на материкѣ обладателями главныхъ соціальныхъ привилегій, и представители промышленности и торговли, на материкѣ занимавшіе подчиненное положеніе въ обществѣ, сливались въ одинъ соціальный классъ, сильный экономически и политически господствующій, но въ то же время юридически ничѣмъ не отличавшійся отъ остальной народной массы, поскольку именно англійская исторія не выработала чисто сословнаго права, какое господствовало на материкѣ. Если между двумя главными частями господствующаго класса —землевладѣльцами и капиталистами— и существовало извѣстное соперничество, то оно не было соперничествомъ людей, обладавшихъ разными правами, соперничествомъ дворянина и плебея, а соперничествомъ людей съ разными экономическими интересами, извлекавшихъ доходъ изъ разныхъ источниковъ, вслѣдствіе чего эти интересы во многихъ случаяхъ могли приходить въ столкновеніе между собою. Мало того: въ Англіи представители промышленности и торговли не только сравнялись съ представителями землевладѣнія, но даже получили надъ ними до извѣстной степени преобладаніе, и англійская буржуазія еще въ XVIII в. уже занимала то положеніе [1]), котораго, напр., французская буржуазія стала добиваться лишь во время революціи. Итакъ, то, что въ соціальномъ отношеніи лишь революція начала производить на материкѣ, въ Англіи уже было совершено предыдущимъ историческимъ развитіемъ ея общественнаго строя, и съ этой стороны принципамъ 1789 г. въ Англіи дѣлать было совершенно нечего. Если тѣмъ не менѣе и здѣсь революція вызвала опасенія, то, какъ мы это еще увидимъ, основанія этихъ опасеній были совсѣмъ иныя, нежели тѣ, которыя заставляли привилегированныхъ на материкѣ относиться съ ненавистью и страхомъ къ французскимъ событіямъ конца XVIII в.

И въ политическомъ отношеніи Англія занимала особое положеніе среди другихъ европейскихъ націй. Въ этомъ государствѣ не только не выработалось сословнаго строя, ликвидація коего началась на материкѣ въ XVIII столѣтіи, но и не могъ установиться [2]) тотъ политическій абсолютизмъ, который одержалъ побѣду въ большей части континентальныхъ странъ и противъ котораго вмѣстѣ съ сословными привилегіями, съ нимъ сростшимися, направлено революціонное движеніе эпохи. То, къ чему Франція въ политическомъ отношеніи стала стремиться передъ революціей и что послѣдняя должна была въ ней осуществить, въ Англіи опять-таки было уже весьма прочнымъ пріобрѣтеніемъ ея государственной жизни. Чтобы отстоять свою полити-

---

[1]) Т. III, стр. 90 и слѣд.
[2]) Т. II, стр. 490 и слѣд.

ческую свободу отъ покушеній со стороны абсолютизма, въ XVII вѣкѣ торжествовавшаго почти повсемѣстно на материкѣ, англійскій народъ долженъ былъ на разстояніи одного полувѣка (1640—1689), пережить двѣ революціи, хотя изъ борьбы, возникшей на этой почвѣ, онъ и вышелъ побѣдителемъ [1]). Въ XVIII столѣтіе Англія перешла, вполнѣ обезпечивъ на будущее время свою политическую свободу, въ то самое время, когда на материкѣ царилъ абсолютизмъ, и въ первой половинѣ этого вѣка еще болѣе усовершенствовала свои политическія учрежденія. Въ эпоху полной дезорганизаціи на материкѣ законодательной власти [2]) англійскій парламентъ, какъ учрежденіе законодательное, функціонировалъ совершенно правильно, несмотря на многіе свои недостатки, а благодаря возникновенію парламентарнаго министерства, и установились въ Англіи нормальныя отношенія между законодательною и исполнительною властями [3]). Возведенная на степень закона отвѣтственность министровъ [4]) обезпечивала націю отъ возможности такого произвола, съ какимъ правительства другихъ странъ пользовались своею властью въ эпоху „стараго порядка“. Наконецъ, въ то самое время, когда на материкѣ были совершенно подавлены личная и общественная свобода [5]), въ Англіи, благодаря господству права, сдѣлавшемуся основнымъ принципомъ ея государственной жизни, и отдѣльная личность, и все общество пользовались весьма широкою свободою [6]). Извѣстно, какое значеніе получила поэтому Англія для французовъ XVIII вѣка, какъ страна индивидуальной и политической свободы [7]), и что многія начала „просвѣщенія“ XVIII в. были ими заимствованы прямо изъ англійской литературы конца XVII и начала слѣдующаго столѣтій [8]). Истинный родоначальникъ французскаго либерализма, Монтескье, былъ поклонникомъ англійской конституціи и сдѣлался первымъ пропагандистомъ ея принциповъ въ современномъ ему обществѣ [9]). Среди дѣятелей революціи было также немало сторонниковъ англійскаго государственнаго устройства: Мирабо, напр., особенно ясно понималъ хорошія стороны парламентарнаго министерства [10]). Составители конституціи 1791 г., не подражая слѣпо тому, что представлялъ изъ себя политическій

---

[1]) Т. II, стр. 594—595 и т. III, стр. 58—61.
[2]) Т. III, стр. 56—57.
[3]) Т. III, стр. 61 и слѣд.
[4]) Т. III, стр. 60.
[5]) Т. III, стр. 73 и слѣд.
[6]) Т. III, стр. 77 и слѣд.
[7]) Т. III, 76—77.
[8]) Т. II, стр. 617 и т. III, стр. 148.
[9]) Т. III, стр. 183 и слѣд.
[10]) Т. III, стр. 497 и 506.

строй Англіи, тѣмъ не менѣе хотѣли перенести во Францію многія начала, лежавшія въ основѣ именно этого самаго строя. Но особенно важное значеніе получила англійская конституція въ глазахъ либераловъ начала XIX вѣка: достаточно указать на то, что по ея образцу были составлены въ 1814 и 1815 гг. три новыя конституціи для Франціи [1]), что вообще конституціонныя теоріи той эпохи основаны были почти исключительно на изученіи дѣйствующаго государственнаго права Англіи, какъ это можно видѣть изъ изложенія политическаго ученія Бенжамена Констана [2]), и что, наконецъ, либеральные историки двадцатыхъ годовъ съ особеннымъ усердіемъ занимались изслѣдованіемъ происхожденія и развитія англійскихъ государственныхъ учрежденій. Въ концѣ концовъ, слѣдовательно, французская революція,—поскольку она стремилась замѣнить абсолютизмъ, царившій на континентѣ, конституціонной монархіей, которая въ Англіи давнымъ-давно была уже общепризнаннымъ фактомъ,—не должна была бы въ Англіи вызывать никакой тревоги, а между тѣмъ, повторяемъ, и здѣсь революція вызвала большія опасенія, хотя, какъ увидимъ именно и не съ той точки зрѣнія, которая господствовала въ абсолютныхъ монархіяхъ материка.

Благодаря тому, что въ Англіи XVIII в. мы не встрѣчаемъ существенныхъ и основныхъ чертъ континентальнаго „стараго порядка“, и что потому французская революція не могла имѣть для ея общественнаго и государственнаго строя такого же значенія, какой она должна была получить по отношенію къ соціальнымъ и политическимъ порядкамъ материка, исторія Англіи во всю эту эпоху и стоитъ совершенно особнякомъ, тѣмъ болѣе, что островное положеніе королевства ограждало его отъ иноземнаго нашествія во время революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ. Англія не знала „просвѣщеннаго абсолютизма“, характеризующаго континентальную исторію второй половины XVIII вѣка, ибо тутъ онъ былъ невозможнымъ, да и дѣлать ему, пожалуй, было бы нечего [3]). Въ Англіи, далѣе, не произошло подъ вліяніемъ французской революціи и никакого переворота, подобнаго тѣмъ, какіе совершились въ нѣкоторыхъ странахъ материка [4]). Сюда не являлись также революціонныя арміи или наполеоновскіе солдаты, чтобы низвергать старыя учрежденія и замѣнять ихъ новыми, какъ это дѣлалось во многихъ континентальныхъ государствахъ [5]). Война съ Наполеономъ не имѣла, наконецъ, для англичанъ ни той цѣли, ни того характера, которые

---

[1]) Сенаторскій проектъ, хартія Людовика XVIII в. и дополнительный актъ. См. выше, стр. 236 и 385 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 302 и слѣд.

[3]) Т. III, стр. 288.

[4]) См. выше, гл. II и IX.

[5]) См. выше, гл. II и VIII.

она должна была получить у народовъ, попавшихъ подъ французское иго на материкѣ [1]), и Англіи не было поэтому что возстановлять послѣ того, какъ произошло паденіе имперіи, ибо уцѣлѣли въ эту бурную, революціонную и военную, эпоху и царствовавшая въ странѣ династія, и существовавшія въ странѣ учрежденія и отношенія, и наконецъ всѣ принадлежавшія странѣ владѣнія,—не то, что было вообще въ остальной западной Европѣ. Вотъ почему до сихъ поръ, излагая исторію внутреннихъ—соціальныхъ и политическихъ—перемѣнъ, совершавшихся на Западѣ въ эпохи „просвѣщеннаго абсолютизма", французской революціи и владычества Наполеона, мы совершенно могли обходить Англію молчаніемъ. Это не значитъ, конечно, чтобы за все указанное время внутренній бытъ Англіи не подвергался никакимъ перемѣнамъ. Совсѣмъ нѣтъ: мы еще увидимъ, что и здѣсь совершились весьма важныя общественныя измѣненія, но это были измѣненія иной категоріи, нежели тѣ, съ какими мы доселѣ имѣли дѣло, излагая исторію конца XVIII и начала XIX вѣка,—именно измѣненія чисто экономическія, отнюдь не зависѣвшія отъ новыхъ политическихъ и юридическихъ идей, которыя лежали въ основѣ новыхъ порядковъ „просвѣщеннаго абсолютизма", французской революціи и наполеоновской имперіи. Реакція во Франціи, Германіи, Италіи, Испаніи, съ исторіей коей мы имѣли дѣло до сихъ поръ, была, какъ мы старались показать, реакціей именно противъ всего того, что пережито было этими самыми странами, но чего Англія-то какъ-разъ, наоборотъ, и не переживала. Казалось бы, что въ виду всего этого мы и не должны были бы встрѣтиться съ такимъ историческимъ фактомъ, какъ реакція въ Англіи, и тѣмъ не менѣе съ фактомъ этимъ мы встрѣчаемся. Дѣло въ томъ, что во французской революціи, кромѣ только-что указанныхъ сторонъ, были и такія, которыя тоже грозили установившемуся въ Англіи соціально-политическому строю, и это, конечно, не могло не отразиться на отношеніи къ революціи общественныхъ элементовъ, подвергавшихся какой бы то ни было опасности въ случаѣ побѣды новыхъ идей, тѣмъ болѣе, что въ странѣ и раньше существовало сильное консервативное теченіе, которое должно было только усилиться въ виду возможности какихъ-либо потрясеній и переворотовъ подъ вліяніемъ и по примѣру французской революціи.

Революція 1789 г. началась во имя отвлеченныхъ принциповъ естественнаго права и сразу приняла рѣзко демократическій характеръ. Въ этомъ отношеніи она напоминаетъ намъ нѣкоторыя явленія первой англійской революціи, хотя, какъ извѣстно, послѣдняя начата была во имя историческихъ правъ англійскаго народа, нарушавшихся королевскою

[1]) См. выше, гл. XI (первая половина).

властью, и притомъ начата была тогдашними правящими классами, которые такимъ образомъ лишь отстаивали уже ранѣе существовавшія права, подвергавшіяся опасности со стороны абсолютизма, вовсе не думая о полной перестройкѣ государственнаго быта на основаніи какихъ бы то ни было абстрактныхъ теорій [1]). Правда, во время первой англійской революціи произошло и чисто демократическое движеніе [2]) и заявлены были политическіе принципы, основывавшіеся на совершенно отвлеченныхъ соображеніяхъ [3]), но этому движенію не удалось удержаться, новыя же идеи или были осуществлены только внѣ Англіи, въ ея колоніяхъ [4]), или получили лишь чисто теоретическое развитіе (между прочимъ повліявъ и на французскую политическую мысль XVIII вѣка). Реставрація 1660 г. возстановила въ Англіи ея прежнія соціально-политическія отношенія, далекія отъ какой бы то ни было демократіи, а вторая революція, окончательно обезпечивавшая въ Англіи торжество политической свободы, была въ сущности лишь перемѣною династіи, сопровождавшеюся, правда, созданіемъ новыхъ гарантій свободы, но безъ какихъ бы то ни было измѣненій въ прежнемъ общественномъ и государственномъ строѣ [5]). Изъ двухъ силъ, боровшихся между собою въ XVII в. за преобладаніе въ политической жизни страны, теперь окончательный перевѣсъ получилъ парламентъ, а корона должна была поступиться многими своими прежними правами, но тотъ государственный строй, который утвердился въ Англіи XVIII в., былъ вообще болѣе проникнутъ духомъ консервативной и, такъ сказать, аристократической революціи 1688 г., чѣмъ духомъ первой революціи съ ея субверсивными и демократическими стремленіями. И въ Англіи послѣ первой революціи произошла реакція [6])—реакція историческаго права противъ всякихъ нововведеній и реакція правящихъ классовъ противъ демократическихъ принциповъ, и подъ ея вліяніемъ вторая революція, отнюдь поэтому не была въ какомъ бы то ни было смыслѣ возобновленіемъ революціоннаго движенія середины XVII в. Правящіе классы Англіи въ теченіе всего XVIII в. отличались большимъ консерватизмомъ, и вотъ уже съ этой стороны французская революція, объявлявшая войну всѣмъ историческимъ началамъ, не могла найти сочувствія въ наиболѣе вліятельныхъ слояхъ англійскаго

---

[1]) Т. II, стр. 460.
[2]) Т. II, стр. 478, 488, 516—518.
[3]) Т. II, стр. 461—462 и др.
[4]) Т. II, стр. 489 и 504.
[5]) Т. II, стр. 594—595 и т. III, стр. 58—61.
[6]) Т. II, стр. 575 и слѣд.

общества, какъ, съ другой стороны, антирелигіозный характеръ французской революціи всего менѣе соотвѣтствовалъ духу англійской націи, у которой наиболѣе радикальная революція совершалась подъ религіознымъ знаменемъ. Но особенно непріятно долженъ былъ дѣйствовать на правящіе классы Англіи демократическій духъ французской революціи. Несмотря на политическую свободу, какая здѣсь установилась, Англія XVIII в. была очень и очень далека отъ идеала равенства, провозглашеннаго философіей XVIII в. и французскою революціей. Правда, въ англійскомъ безсословномъ обществѣ не было привилегированнаго дворянства въ континентальномъ смыслѣ, но въ государственной жизни страны на первомъ планѣ стоялъ правящій классъ, бывшій въ сущности настоящею олигархіей. Въ томъ великомъ цѣломъ, которое составляло изъ себя монархію, все было организовано къ выгодѣ незначительнаго меньшинства народонаселенія. Англія, Шотландія и Голландія, вмѣстѣ взятыя, господствовали надъ колоніями, и эгоистическая политика митрополіи имѣла своимъ результатомъ даже отпаденіе отъ Англіи колоній въ сѣверной Америкѣ, основавшихъ самостоятельную республику Соединенныхъ Штатовъ какъ-разъ на демократическихъ началахъ первой англійской революціи [1]). Вдвоемъ Англія съ Шотландіею, слившеюся съ нею воедино въ началѣ XVII столѣтія [2]), угнетали Ирландію, которая въ концѣ этого вѣка сдѣлала-было попытку возстанія въ союзѣ съ революціонной Франціей [3]), но была побѣждена и лишилась своего парламента (1800), послѣ чего ея представители—да и то изъ однихъ лишь протестантовъ—стали засѣдать въ лондонскомъ парламентѣ, продолжавшемъ попрежнему угнетать ирландское католическое населеніе. Наконецъ, внутри самой Англіи господствовала настоящая олигархія.

Англійскій парламентъ не былъ ни сословнымъ представительствомъ въ средневѣковомъ смыслѣ, ни представительствомъ національнымъ въ томъ значеніи, въ какомъ это слово было понято въ эпоху французской революціи. Англійскій парламентъ сдѣлался, благодаря составу обѣихъ своихъ палатъ, представительствомъ интересовъ извѣстныхъ классовъ общества съ совершеннымъ устраненіемъ изъ этого права остальной народной массы. Дѣлился онъ, какъ извѣстно, на двѣ палаты, которыя въ теченіе всей англійской исторіи въ громадномъ большинствѣ случаевъ выступали совершенно солидарно [4]): съ одной стороны, это объясняетъ намъ отчасти, почему въ Англіи не побѣдилъ абсо-

---

[1]) Т. II, стр. 489 и 504 и т. III, стр. 449 и слѣд.
[2]) Т. III, стр. 63.
[3]) См. выше, стр. 21—22.
[4]) Т. I, стр. 67 и 108—109.

лютизмъ, повсюду извлекавшій выгоду изъ сословной розни [1]), а съ другой—это само объясняется тѣмъ, что общественная жизнь Англіи не выработала рѣзкихъ сословныхъ рамокъ, а потому верхняя и нижняя палата вовсе не были отдѣльными представительствами какихъ либо враждебныхъ сословій. Палата лордовъ, наслѣдственные члены которой могли пополняться новыми назначеніями по волѣ короля, давно уже утратила характеръ учрежденія, представлявшаго собою одну землевладѣльческую аристократію, потомковъ феодальныхъ бароновъ, ибо лордами часто дѣлались вообще знаменитые люди, отличившіеся на войнѣ и въ дипломатіи, въ судебной дѣятельности или въ нижней палатѣ, въ промышленности и торговлѣ. Притомъ палата лордовъ никогда не представляла изъ себя учрежденія замкнутаго, никогда не стояла внѣ связи съ тѣмъ, что находилось внѣ ея. Младшіе сыновья и братья лордовъ,—равно какъ ихъ сестры, которыя выходили замужъ не за однихъ лордовъ,—были уже обыкновенными смертными, и благодаря этому палата лордовъ была тѣсно связана съ благорожденной, но не титулованной джентри [2]), съ людьми разныхъ выдающихся общественныхъ положеній, съ богатыми капиталистами и т. п., не говоря уже о томъ, что лорды имѣли въ обществѣ еще весьма значительную кліентелу въ видѣ юристовъ, медиковъ, зажиточныхъ фермеровъ и т. п. Такимъ образомъ верхняя палата была не только привилегированная корпорація,—съ которою притомъ никакъ нельзя сравнивать привилегированныя сословія материка, — но играла еще роль большого представительнаго учрежденія, настоящаго воплощенія аристократическаго вліянія и аристократическихъ интересовъ въ странѣ. Нижняя палата наполнялась представительствами графствъ и городовъ. Въ графствахъ правомъ избранія пользовались фригольдеры, имѣвшіе сорокъ шиллинговъ дохода [3]), что создавало сравнительно съ городами довольно большое число избирателей, находившихся, однако, очень часто въ зависимости отъ лендлордовъ, а въ городахъ, менѣе зависѣвшихъ отъ лордовъ, зато число лицъ, пользовавшихся правомъ представительства, было самое незначительное, да и не всѣ города пользовались этимъ правомъ. Во-первыхъ, избирательные порядки установились въ Англіи еще въ средніе вѣка, когда многихъ позднѣйшихъ городовъ еще не было, тогда какъ другіе, наоборотъ, послѣ того пришли въ упадокъ, и вотъ въ то самое время, какъ первые не посылали представителей въ парламентъ, вторые, напротивъ, продолжали пользоваться этимъ правомъ. Уже въ серединѣ XVII в. на это несоотвѣтствіе было обращено

---

[1]) Т. I, стр. 68 и слѣд.
[2]) Т. I, стр. 96 и слѣд.
[3]) Т. I, стр. 97 и 207.

вниманіе, и одинъ изъ революціонныхъ парламентовъ произвелъ реформу, давъ право представительства болѣе значительнымъ городамъ, его не имѣвшимъ, и лишилъ его всѣ „гнилыя мѣстечки“ (rotten borough)“, но реставрація 1660 г. возстановила старыя права [1]). Въ „гнилыхъ мѣстечкахъ“ избирателей было очень мало, и, конечно, они вполнѣ зависѣли отъ мѣстнаго крупнаго землевладѣльца. Съ другой стороны, и въ большихъ городахъ право голоса при выборахъ въ члены парламента принадлежало очень незначительному числу жителей, хотя бы при этомъ существовало и великое разнообразіе мѣстныхъ законовъ. Напр., въ Бёкингэмѣ и Бюдли этимъ правомъ пользовались бальифъ и 12 нотаблей, въ Батѣ—мэръ, 10 ольдерменовъ и 24 члена городского совѣта, въ Сольбёри — мэръ и корпорація изъ 56 лицъ. Если такое ограниченіе избирательнаго права не было установлено закономъ, то существовало фактически по той простой причинѣ, что нерѣдко въ городѣ вообще было мало лицъ, которыя удовлетворяли бы условіямъ избирательнаго ценза. Напр. въ Гаттонѣ право это принадлежало всѣмъ фригольдерамъ и платящимъ налоги, но ихъ было только семь человѣкъ, въ Тэвстонѣ—всѣмъ фригольдерамъ, коихъ было, однако, только десять. Вотъ почему въ 1793 г. въ Англіи и Уэльсѣ 70 членовъ парламента представляли 35 мѣстностей, совсѣмъ почти не имѣвшихъ избирателей, 90 членовъ — 46 мѣстностей, въ коихъ было менѣе 50 избирателей въ каждой, 37 членовъ—отъ 19 мѣстностей, гдѣ цифры избирателей не доходили до 100. Въ этомъ же самомъ году въ нижней палатѣ у герцога Норфолька было 11 зависѣвшихъ отъ него членовъ, у лорда Лонсдэля—9, у лорда Дерлингтона—7, у герцога Рётленда, маркиза Бёкингэма и лорда Каррингтона — по 6. Гдѣ тотъ или другой мѣстный землевладѣлецъ не могъ оказать прямого давленія на избирателей, тамъ пускался въ ходъ подкупъ избирателей, и этимъ средствомъ пользовались, чтобы попадать въ нижнюю палату, преимущественно богатые коммерсанты, обогатившіеся колоніальною торговлею (набобы), платя громадныя деньги во время выборовъ и затѣмъ преслѣдуя уже исключительно личныя цѣли или служа своимъ классовымъ интересамъ. Какъ извѣстно, депутаты между прочимъ сами торговали своими голосами, и у министровъ даже вошло въ обычай составлять въ свою пользу большинство посредствомъ подкуповъ [2]). Избраніе въ депутаты въ графствѣ Іоркъ стоило 150 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, въ Нортгэмптонѣ — 30 тысячъ, а корпорація Оксфорда продала однажды герцогу Мальборо и графу Абиндону представительство бурга Леджершоля за 9 тысячъ. Аналогичные порядки

---

[1]) Т. II, стр. 521.
[2]) Т. II, стр. 65 и 68.

господствовали въ Шотландіи и Ирландіи. Напр. въ шотландской столицѣ, Эдинбургѣ, избирателей было только 33, а въ ирландскихъ городахъ Бельфастѣ, Карло, Вексфордѣ и Слиго—лишь по 12 нотаблей, пополнявшихъ свои коллегіи посредствомъ кооптаціи. Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ палата общинъ представляла собою лишь самое незначительное меньшинство. Въ 1780 г. цѣлая половина нижней палаты была послана въ парламентъ менѣе, чѣмъ шестью тысячами избирателей, а въ 1793 г. 157 членовъ было безусловно назначено 84 лицами, а около 150 было выбрано, благодаря покровительству 70 вліятельныхъ лицъ, такъ что болѣе 300 членовъ было послано въ палату 154 патронами, въ числѣ коихъ было сорокъ пэровъ. Или вотъ другія данныя изъ начала XIX вѣка: въ 1816 г. изъ 658 членовъ нижней палаты независимыхъ было 171, а остальные 487 назначены были патронами; въ 1821 г. 350 членовъ получили свои мѣста въ палатѣ общинъ, благодаря вліянію и деньгамъ 180 лицъ. Дѣло дошло до того, что даже честнымъ людямъ, стремившимся къ парламентской дѣятельности, не оставалось иного средства, какъ покупать себѣ мѣста въ палатѣ. Извѣстный англійскій юристъ и парламентскій ораторъ, сэръ Самюэль Ромильи, ѣздившій въ 1789 г. въ Парижъ и познакомившійся тамъ съ Мирабо, которому онъ объяснялъ англійскую конституцію, однажды получилъ отъ принца Уэльскаго предложеніе парламентскаго мѣста, но отклонилъ предложеніе, прямо объявивъ принцу, что покупаетъ себѣ другое „изъ любви къ собственной независимости и для общаго блага“.—„Пока,—писалъ Ромильи въ 1805 г.,—пока будетъ только два класса представителей бурговъ, такіе, которые покупаютъ себѣ мѣста, и такіе, которые отправляютъ свою священную должность по чужой прихоти и чуть не какъ слуги другихъ лицъ, конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія, къ какому классу слѣдуетъ принадлежать. Всякій, кто, считая себя способнымъ оказывать услуги странѣ, въ крайнемъ пуританизмѣ предпочелъ бы остаться вдали отъ парламента, нежели вступить въ него съ такимъ нарушеніемъ конституціонной теоріи,—былъ бы, такъ сказать, нравственно суевѣрнымъ человѣкомъ и совершенно неспособнымъ къ какимъ бы то не было общественнымъ должностямъ.“ — „Этотъ обычай покупать мѣста,—писалъ онъ еще (въ 1807 г.),—очень гнусенъ, и, однако, это единственный путь для такого человѣка, какъ я, для того, чтобы вступить въ парламентъ, сохраняя свою независимость. Войти туда народнымъ избранникомъ нельзя при теперешнемъ состояніи представительства; войти при помощи какого-либо вельможи и вотировать по его приказанію значитъ сдѣлаться совсѣмъ зависимымъ человѣкомъ; остается, слѣдовательно, только занять свое мѣсто, пожертвовавъ частью своего достоянія. Правда, прибавляетъ онъ, большинство

покупающихъ мѣста дѣлаютъ это, какъ денежную спекуляцію: для нихъ это—политическая торговля, ибо они покупаютъ себѣ мѣста и продаютъ свои голоса."

Весьма естественно, что лучшіе люди страны не могли не желать положить конецъ такому печальному состоянію общественной нравственности и такой дурной организаціи избирательнаго права. Съ 1770 г. въ теченіе двадцати семи лѣтъ семь разъ подымается въ парламентѣ вопросъ объ избирательной реформѣ, и каждый разъ, конечно, проекты, предлагавшіе реформу, терпятъ пораженіе со стороны членовъ парламента, для которыхъ принять реформу значило бы наложить на самихъ себя руки. Въ 1770 г. предложеніе реформы сдѣлано было лордомъ Чатамомъ, въ 1776 г.—Вилькзомъ, въ 1780 г.—герцогомъ Ричмондомъ, который требовалъ ежегодныхъ выборовъ, всеобщей подачи голосовъ и введенія избирательныхъ округовъ одинаковой величины; затѣмъ въ 1785 г. вопросъ былъ поднятъ опять Питтомъ, въ 1790 г.—Флудомъ (Flood) и, наконецъ, въ 1793 и 1797 гг.—Греемъ. Но послѣднія три предложенія реформы принадлежали уже тому времени, когда демократическая революція во Франціи настроила англійскіе правящіе классы крайне реакціонно, и лишь черезъ двѣнадцать лѣтъ, въ 1809 г., Бердетомъ было опять возобновлено предложеніе парламентской реформы. Извѣстно, однако, что и послѣ этого Англіи пришлось ждать почти цѣлую четверть вѣка до осуществленія этихъ требованій, ибо лишь въ 1832 г., да и то подъ вліяніемъ іюльской революціи, была произведена первая парламентская реформа. Весьма естественно, что англійская олигархія, господствовавшая въ парламентѣ и противившаяся какимъ бы то ни было измѣненіямъ въ выгодной для нея системѣ, должна была отнестись съ крайнею враждою къ демократизму французской революціи, особенно послѣ того, какъ парижскіе демагоги задумали организовать господство столичной черни. Не забудемъ еще, что и въ мѣстномъ самоуправленіи, получившемъ въ Англіи такое широкое развитіе, господствовали опять-таки эти же олигархическіе элементы общества. Чтобы имѣть право быть выбраннымъ въ мировые судьи (justice of the peace), нужно было удовлетворять условію весьма высокаго ценза, а должность эта давала всякому въ нее избранному большія права не только судебнаго, но и полицейско-административнаго характера. Наконецъ, мы еще увидимъ, какой важный переворотъ совершался въ эту эпоху въ экономической жизни Англіи. Правящіе классы не могли и здѣсь не обращать вниманія на признаки недовольства народныхъ массъ и не бояться, какъ бы идеи демократической революціи въ сосѣднемъ государствѣ не проникли въ низшіе классы англійскаго народа и не произвели среди народныхъ массъ того же дѣйствія, какъ и во Франціи.

Уже въ этомъ одномъ заключалась возможность реакціоннаго отношенія англійскаго общества къ французской революціи. Еще болѣе сдѣлается намъ понятно это отношеніе, когда мы обратимъ вниманіе на характеръ той партіи, которая была въ данную эпоху у власти, и познакомимся съ стремленіями королей, царствовавшихъ въ Англіи въ разсматриваемое время.

Начало двухъ великихъ партій, попеременно господствовавшихъ въ англійскомъ парламентѣ и чрезъ конституціонное министерство направлявшихъ внутреннюю и внѣшнюю политику страны, относится еще къ очень давнимъ временамъ. Въ разныя эпохи онѣ являются передъ нами съ разными наименованіями и съ не вполнѣ сходными изъ одной эпохи въ другую стремленіями, но то, что ихъ раздѣляло, долгое время было въ сущности одно и то же—различное пониманіе королевской прерогативы и привилегіи парламента [1]). Въ серединѣ XVII столѣтія въ парламентѣ произошло раздѣленіе между кавалерами и круглоголовыми [2]). Хотя обѣ партіи были на самомъ дѣлѣ одинаково конституціонно-монархическими и различались между собою главнымъ образомъ неодинаковымъ пониманіемъ взаимныхъ отношеній между королевской властью и народнымъ представительствомъ, тѣмъ не менѣе кавалеры могли незамѣтно переходить въ абсолютистовъ, отрицавшихъ за парламентомъ какія бы то ни было права [3]), какъ, съ другой стороны, круглоголовые довольно близко примыкали къ республиканцамъ, совершенно отрицавшимъ королевскую власть [4]). Это раздѣленіе, лишь наиболѣе рѣзкія формы коего мы видимъ въ абсолютистическихъ стремленіяхъ Стюартовъ и республиканизмѣ индепендентовъ, это раздѣленіе между защитниками королевской прерогативы и привилегіи парламента возродилось въ эпоху реставраціи Стюартовъ въ новой формѣ, когда образовались партіи торіевъ и виговъ [5]). Извѣстно, что первая изъ этихъ партій стояла на точкѣ зрѣнія божественнаго происхожденія королевской власти, супрематіи короны и пассивнаго повиновенія, тогда какъ другая признавала происхожденіе королевской власти изъ народной воли, отстаивала права парламента и допускала активное сопротивленіе въ случаѣ нарушенія правительствомъ законовъ страны. Ни торіи не были абсолютистами, ни виги не были республиканцами, т.-е. обѣ эти партіи были опять-таки партіями монархическими, но несомнѣнно то, что на общей почвѣ конституціонной монархіи одни являлись консерваторами, другіе, наоборотъ представляли собою начала либераль-

[1]) Т. I, стр. 104—105.
[2]) Т. II, стр. 466 и слѣд.
[3]) Т. II, стр. 433—434.
[4]) Т. II, стр. 461—462 и др.
[5]) Т. II, стр. 584.

ныя. Переворотъ 1688 г., совершившійся въ духѣ принциповъ, выставленныхъ вигами, конечно, долженъ былъ дать перевѣсъ этой партіи, которой и принадлежало господство въ англійской политической жизни въ первой половинѣ XVIII в. [1]). Въ это время виги установили и ввели въ жизнь принципъ парламентарнаго министерства, въ силу котораго кабинетъ началъ представлять собою взгляды не короны, а большинства палаты общинъ, хотя бы часто и поддерживавшагося искусственнымъ образомъ. Во время господства виговъ торіи находились въ оппозиціи, но ведя борьбу съ господствующею партіею, эта оппозиція нерѣдко сама пользовалась аргументами, заимствованными изъ идейнаго арсенала противниковъ, и мало-по-малу такимъ образомъ усвоивала нѣкоторые принципы противоположнаго лагеря.

Преобладанію парламента въ первой половинѣ XVIII в. много способствовало то обстоятельство, что оба первые Георга не обнаруживали ни способности, ни склонности къ самостоятельному вмѣшательству въ государственныя дѣла. Въ 1760 г. на англійскій престолъ вступилъ Георгъ III, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, воспитанный въ принципахъ строгаго торизма, мало образованный, разыгрывавшій роль короля добрыхъ патріархальныхъ временъ, и вотъ съ самаго же начала своего царствованія онъ поставилъ себѣ задачу сломить вигское правленіе, дабы самому имѣть болѣе рѣшающее значеніе въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики. Достигнуть этого ему удалось лишь въ 1770 г., когда Георгъ III назначилъ на постъ перваго министра лорда Норта, раздѣлявшаго воззрѣнія торійскаго меньшинства палаты и сдѣлавшагося послушнымъ орудіемъ въ рукахъ короля. Это министерство, пускавшее въ ходъ чрезвычайныя мѣры и запугивавшее оппозицію, привело Англію къ потерѣ американскихъ колоній. Когда въ 1782 г. оно пало, король долженъ былъ снова править съ ненавистными ему вигами, пока новые выборы 1784 г. не доставили коронѣ полной побѣды надъ вигистской олигархіей и во главѣ министерства не сталъ Питтъ Младшій, чѣмъ открывается эпоха почти безпрерывнаго господства торіевъ вплоть до самаго 1830 г. Новая господствующая партія, однако, не отказалась отъ кабинетнаго правленія, введеннаго вигами. Паденіе виговъ объясняется, между прочимъ, той непопулярностью, которую они стяжали, благодаря деморализаціи, внесенной ими въ общественную жизнь развитою системою подкуповъ. Потеря нравственнаго авторитета и политическое крушеніе виговъ повели къ внутреннему разложенію партіи, а тутъ еще вскорѣ случились два событія, оказавшіяся тоже крайне неблагопріятными для виговъ. Въ 1788 г. Георгъ III

[1]) Т. II, стр. 593 и т. III, стр. 63 и слѣд.

заболѣлъ весьма серьезною душевною болѣзнью, и хотя скоро выздоровѣлъ, но болѣзнь стала къ нему возвращаться, пока онъ не впалъ (въ 1811 г.) уже въ безнадежное помѣшательство, заставившее учредить регентство. Больной король былъ болѣе не страшенъ съ своимъ стремленіемъ къ усиленію вліянія короны: торійскіе министры могли теперь съ бо́льшею самостоятельностью вести свои дѣла, а принцъ-регентъ, впослѣдствіи (съ 1820 г.) король Георгъ IV, своимъ скандальнымъ поведеніемъ никоимъ образомъ уже не могъ, конечно, поднять королевскій авторитетъ въ глазахъ подданныхъ. Для виговъ было важно, что и Георгъ IV держался торійской политики. Другимъ событіемъ, еще болѣе неблагопріятнымъ для виговъ, была французская революція, заставившая массу англійскаго общества встать подъ охранительную власть торизма. Самъ Питтъ, который до французской революціи думалъ объ управленіи страною въ духѣ внутренней свободы и даже предложилъ парламентскую реформу, чтобы сломить вигистскую олигархію,— увлекся теперь идеей борьбы съ французской революціей и не только счелъ нужнымъ ввести систему репрессивныхъ мѣръ внутри страны, но даже сдѣлался врагомъ парламентской реформы, которая имъ же была предложена. Вмѣстѣ съ тѣмъ среди самихъ виговъ произошелъ расколъ: въ то время, какъ одни изъ нихъ, имѣя во главѣ Фокса, относились къ революціи сочувственно, отождествляя ея дѣло съ дѣломъ свободы и просвѣщенія въ самой Англіи [2]), другіе (и ихъ было большинство) перешли на сторону Питта и поддерживали его въ войнѣ съ революціей и въ его внутренней политикѣ, принявшей прямо реакціонный характеръ. Благодаря этому, измѣнился и самый характеръ обѣихъ великихъ партій: если до начала французской революціи торіи были защитниками прерогативы короны, а виги поддерживали принципіально права парламента, фактически же правящую олигархію, то съ французской революціи значительно обезсиленные виги сдѣлались преимущественно партіей реформъ, тогда какъ торіи превратились въ ярыхъ и непримиримыхъ защитниковъ существующаго порядка вещей. Страхъ предъ революціей сблизилъ скоро съ торіями громадное большинство правящихъ классовъ, и все это придало внутренней политикѣ Англіи на долгое время характеръ реакціонный.

Лишь весьма незначительное меньшинство образованныхъ людей отнеслось въ Англіи сочувственно къ французской революціи. Въ той ненависти къ ней, которую проявило англійское общество, дѣйствовало и національное соперничество, и стремленіе французовъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Англіи, и антирелигіозный характеръ, какой приняла

---

[1]) Macauley. Life of Pitt и др.

[2]) См. выше, стр. 20.

революція, и тѣ жестокости, которыми она сопровождалась, а когда между Англіей и республикой началась война, то парижскіе революціонеры сдѣлались предметомъ ненависти и въ качествѣ опаснаго внѣшняго врага. Это смѣшанное чувство на первыхъ же порахъ нашло свое выраженіе въ знаменитомъ памфлетѣ Бёрка (Burke) „Размышленія о революціи во Франціи“ (Reflexions on the revolution in France), вышедшемъ въ свѣтъ въ 1790 г. и сразу сдѣлавшемся необычайно популярнымъ въ англійскомъ обществѣ. Авторъ этой книги [1]), человѣкъ, обладавшій недюжинными знаніями, большимъ литературнымъ талантомъ и необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, въ 1765 г. сдѣлался членомъ парламента, гдѣ явился защитникомъ американскихъ колонистовъ отъ произвольной власти англійскаго парламента, доказывалъ необходимость полной свободы парламента отъ закулисныхъ вліяній, отстаивалъ свободу печати, судъ присяжныхъ, вѣротерпимость, ратовалъ въ пользу уничтоженія тѣхъ торговыхъ стѣсненій, коимъ подвергалась Ирландія, и т. п. Тѣмъ удивительнѣе должно было бы показаться то ожесточеніе, съ какимъ Бёркъ напалъ на революцію, если-бы мы не знали, во-первыхъ, что онъ всегда ненавидѣлъ Францію, и что, во-вторыхъ, онъ былъ либераломъ лишь въ англійскомъ консервативно-аристократическомъ смыслѣ. Подобно Штейну [2]) онъ явился защитникомъ исторической традиціи и правъ прошлаго противъ чисто отвлеченнаго характера принциповъ 1789 г., и потому въ его критикѣ французской революціи мы находимъ, съ одной стороны, много вѣрнаго, съ другой, наоборотъ, массу взглядовъ, подсказанныхъ враждой и предразсудками. Своею цѣлью онъ поставилъ доказать своимъ соотечественникамъ, что тѣ изъ нихъ, которые болѣе или менѣе сочувствовали французской революціи, въ сущности относились съ одобреніемъ къ идеямъ и поступкамъ, находившимся въ совершеннѣйшемъ противорѣчіи съ принципами „славной“ революціи 1688 г.: этимъ способомъ онъ хотѣлъ возстановить англичанъ противъ увлеченія новизною. Бёркъ достигъ своей цѣли. Хотя противъ его книги было написано нѣсколько возраженій, изъ коихъ нѣкоторыя отличались значительною силою [3]), тѣмъ не менѣе его „Размышленія“ сдѣлались руководящею книгою не только для торіевъ, но и для многихъ виговъ: послѣдніе начали подъ ея вліяніемъ переходить на сторону торійской реакціи. Въ концѣ концовъ, почти все англійское общество стало смотрѣть на французскую революцію глазами Бёрка, такъ что его взглядъ надолго утвер-

---

[1]) Macknight. Life and times of Burke. 1861. — Morley. Edmund Burke. 1867 и др.

[2]) См. выше, стр. 190, гдѣ мы уже сравнивали Штейна съ Бёркомъ.

[3]) См. выше, стр. 20.

дился въ англійскихъ правящихъ классахъ. Съ этой точки зрѣнія его „Размышленія“ заслуживаютъ большого вниманія при выясненіи происхожденія англійской реакціи конца XVIII и начала XIX в.

Въ Англіи въ 1789 г. не было недостатка въ либералахъ, указывавшихъ на то, что и англійская конституція основывается на принципѣ народовластія, который тогда прилагался къ возрожденію Франціи: Бёркъ съ особенною силою и вооружился противъ такого мнѣнія. Самымъ соблазнительнымъ аргументомъ защитниковъ французской революціи была, далѣе, ссылка на вторую англійскую революцію, но Бёркъ старался отстранить эту ссылку, самъ, однако, отнюдь не опираясь на старо-торійскій принципъ божественнаго права королей и пассивнаго повиновенія. Пусть въ 1689 г. возведеніе на престолъ Вильгельма III было нарушеніемъ правильнаго порядка престолонаслѣдія, но это случайное уклоненіе (occasional deviation) не должно быть возводимо въ принципъ. Притомъ въ данномъ случаѣ измѣненіе правильнаго порядка было примѣнено лишь къ виновной сторонѣ (the peccant part) безъ какого бы то ни было переворота въ цѣломъ политическаго бытія Англіи—подъ предлогомъ созданія совершенно новаго порядка вещей изъ первичныхъ элементовъ общества. Признавая въ обществѣ дѣйствіе закона сохраненія (principle of conservation), Бёркъ, допускалъ въ немъ существованіе и начала исправленія (correction), но лишь подъ условіемъ крайней необходимости и по возможности съ наименьшимъ отклоненіемъ отъ установленнаго порядка: вѣдь въ 1688 г. въ Англіи на дѣло взглянули такъ, какъ будто за предполагаемымъ отреченіемъ Іакова II тронъ сдѣлался вакантнымъ и потому доступнымъ ближайшему наслѣднику [1]), самъ же этотъ частный случай не былъ возведенъ въ общее правило. Самая мысль о созданіи (fabrication) новаго правительства наполняла Бёрка „отвращеніемъ и ужасомъ“, ибо все, чѣмъ народъ владѣетъ, есть достояніе его предковъ: вѣдь и основнымъ принципомъ англійской конституціи всегда было поддерживать свободу, завѣщанную предками, дабы передавать ее потомству вмѣстѣ съ жизнью и собственностью. Лишь уваженіе къ предкамъ умѣряетъ пользованіе свободою, которая сама по себѣ всегда стремится выйти изъ законныхъ границъ своихъ,—и охраняетъ пользующихся ею отъ наглости выскочекъ, сдѣлавшихся свободными лишь со вчерашняго дня: такимъ образомъ, прибавляетъ Бёркъ, англійская свобода становится настоящимъ благородствомъ (a noble freedom). Французы тѣмъ и виноваты, что отказались отъ благороднаго наслѣдія предковъ. Бёркъ, впрочемъ, сознается, что государственное устройство (constitution) Франціи находилось въ упадкѣ, но не разрушать его было нужно, а лишь произвести починку этого ста-

[1]) Т. II, стр. 593—594.

риннаго и почтеннаго зданія, тогда какъ, вмѣсто этого, французы стали строить зданіе совершенно новое—на началахъ метафизической и отвлеченной свободы, дѣлающей невозможнымъ какое бы то ни было общество. „Мы, говоритъ Бёркъ, требуемъ своихъ вольностей, не какъ правъ людей вообще, а какъ правъ людей Англіи... Мы, замѣчаетъ онъ еще, рѣшились беречь установленную церковь, установленную монархію, установленную аристократію, установленную демократію, каждую въ той степени, въ какой она существуетъ, но отнюдь не въ большей". Франція вступила на совершенно иную дорогу, и вотъ, лицемѣрно оплакивая могущество старой монархіи, которую онъ въ сущности ненавидѣлъ, Бёркъ пророчитъ Франціи печальное будущее: „я, восклицаетъ онъ, мысленно пробѣгаю карту Европы и нахожу на ней большое пространство, ничѣмъ не занятое,—это какъ-разъ то мѣсто, гдѣ когда-то была Франція!" Но французская революція казалась Бёрку опасною не для одной только своей родины: она, говоритъ онъ, подводитъ мину подъ всѣ правительства, чтобы и ихъ взорвать, а мина эта называется „правами человѣка". Нападая на это построеніе „профессоровъ метафизики", быть можетъ „метафизически и вѣрное, но ложное морально и политически", критикъ французской революціи даетъ, однако, и самъ перечисленіе правъ, принадлежащихъ, по его мнѣнію, всѣмъ людямъ, и по существу дѣла вся его формулировка отличается отъ знаменитой „декларації" лишь тѣмъ, что онъ не признаетъ верховенства націи. Въ своемъ памфлетѣ Бёркъ является, наконецъ, не только сторонникомъ политической реакціи противъ французской революціи, но и выразителемъ мнѣній реакціоннаго характера и въ культурномъ отношеніи, такъ какъ онъ ополчился еще противъ вѣры XVIII в. въ силы индивидуальнаго разума. „Доля разума, говоритъ онъ, отпущенная на каждаго отдѣльнаго человѣка, весьма ничтожна, и каждый сдѣлалъ бы лучше, еслибы сталъ черпать изъ общей сокровищницы, изъ достоянія, накоплявшагося вѣками. Многіе изъ нашихъ философовъ, вмѣсто того, чтобы разрушить предразсудки толпы, стараются постигнуть мудрость предразсудковъ, въ нихъ заключающуюся. Разъ они ее открываютъ, они считаютъ болѣе благоразумнымъ сохранить предразсудокъ вмѣстѣ съ истиною, въ немъ скрытою, нежели отбросить въ сторону скорлупу предразсудка для того, чтобы оставить при себѣ только чистую истину". По мнѣнію Бёрка, предразсудокъ можетъ дѣйствовать на волю, тогда какъ абстрактная идея будто-бы безсильна по отношенію къ волѣ.

Книга Бёрка, какъ говорили сами французы, надѣлала имъ много вреда въ общественномъ мнѣніи Англіи. Въ ней, дѣйствительно, отразились всѣ національные предразсудки англичанъ, такъ какъ для многихъ изъ нихъ почти не было никакого различія между французами, папистами, іезуитами и якобинцами: все это были только природные враги.

Франціи. Но болѣе всего правительство и правящіе классы были враждебно настроены противъ революціи, конечно, вслѣдствіе ея демократическаго характера. Результатомъ такого настроенія было то, что на очень долгое время въ Англіи сдѣлалось невозможнымъ какое бы то ни было движеніе впередъ въ области политики. Черезъ двадцать почти лѣтъ послѣ начала революціи Ромильи, на котораго намъ уже приходилось ссылаться, писалъ, напр., слѣдующее въ своемъ дневникѣ (1808): „если кто-либо желаетъ составить себѣ настоящее понятіе о несчастныхъ послѣдствіяхъ, которыя имѣла для нашей страны французская революція и послѣдовавшіе за нею ужасы, то пусть попытается провести какую-нибудь законодательную реформу на либеральныхъ и гуманныхъ началахъ. Онъ увидитъ именно, не только какая безсмысленная боязнь передъ перемѣнами овладѣла громаднымъ большинствомъ его соотечественниковъ, но и какой жестокій духъ въ нихъ господствуетъ". Любопытна также характеристика англійскаго общества въ началѣ XIX в., сдѣланная впослѣдствіи (1839) Сиднеемъ Смитомъ, занимавшимъ высокія должности въ англиканской церкви. „Это время, вспоминаетъ онъ, было ужасно для всѣхъ, которые, имѣя несчастье раздѣлять либеральныя идеи, были достаточно честны, чтобы не измѣнять имъ ради высокихъ судейскихъ или духовныхъ должностей. Карьера безъ выхода; каноники, деканы, епископы, всѣ эти достопочтенные ренегаты, перешагнувшіе черезъ васъ, чтобы занять наиболѣе видныя церковныя мѣста и помогать ковать оковы для католиковъ и диссидентовъ, и такая же надежда на вигистское правительство, какая можетъ быть относительно оттепели на Новой Землѣ,— вотъ какія наказанія есть для либеральныхъ мнѣній... Въ Англіи всегда называли наглецомъ человѣка, который, не имѣя пятидесяти или шестидесяти фунтовъ дохода, смѣетъ имѣть собственное сужденіе о важныхъ предметахъ. Въ это время на его голову сыпались всѣ клички, которыя были придуманы по поводу французской революціи: якобинецъ, левеллеръ [1]), атеистъ, социніанинъ [2]), поджигатель, цареубійца, это были еще изъ наиболѣе любезныхъ. Сказать что-либо о ханжествѣ обоихъ Георговъ (III и IV) или объ ужасной тиранніи, подъ игомъ которой стонала католическая Ирландія, значило прямо сдѣлаться паріей, подвергнуться общественной опалѣ. Говорить противъ скандальной медленности судопроизводства, противъ жестокости законовъ объ охотѣ, противъ деспотизма богачей и страданій бѣдныхъ, это было измѣной противъ плутократіи, а за это жестоко можно было поплатиться". Понятно, что при такомъ общественномъ настроеніи глав-

[1]) Т. II, стр. 488.
[2]) Т. II, стр. 239 и слѣд.

ный политическій вопросъ, выдвинутый предыдущей эпохой, вопросъ о парламентской реформѣ не могъ двигаться впередъ, и кличка „якобинецъ“ очень легко примѣнялась и къ тому, кто осмѣливался заявлять о негодности существовавшей тогда избирательной системы.

Разсматривая внутреннюю исторію Англіи въ эпоху французской революціи и наполеоновскаго владычества, нельзя, далѣе, упускать изъ виду, что за все это время Англія находилась въ войнѣ съ Франціей. Это обстоятельство имѣло весьма важное значеніе, и въ общемъ послѣдствія войны были крайне неблагопріятны для внутренняго развитія страны. Борьба съ внѣшнимъ врагомъ, во-первыхъ, отвлекала общественное вниманіе отъ внутреннихъ дѣлъ и выдвигала на первый планъ людей, прежде всего стремившихся оградить національные интересы Англіи, которые во внутреннихъ дѣлахъ страны совпадали съ интересами правящихъ классовъ: несомнѣнно, война точно такъ же, какъ и страхъ передъ революціей, задерживала поэтому общественное развитіе и консолидировала господство правящихъ классовъ, стоявшихъ во главѣ этой борьбы за національное существованіе. Во-вторыхъ, война вела къ повышенію налоговъ, увеличенію государственнаго долга Англіи, къ вздорожанію жизненныхъ припасовъ и т. д., что очень печально отзывалось на положеніи низшихъ классовъ общества, вообще въ то время переживавшихъ тяжелый экономическій кризисъ [1]), а народныя волненія, бывшія необходимымъ результатомъ экономическихъ невзгодъ, въ свою очередь лишь вызывали со стороны правительства репрессію, которая, разумѣется, задерживала развитіе въ странѣ свободы и благосостоянія. Конечно, война доставила странѣ и большія выгоды, такъ какъ въ концѣ концовъ Англія изъ этой войны вышла побѣдительницей, но это не были выгоды въ смыслѣ культурнаго и соціальнаго прогресса: утвержденіе господства Англіи на моряхъ, территоріальныя пріобрѣтенія, ею сдѣланныя, и т. п. не только не мѣшали внутренней реакціи, но даже скорѣе ее поддерживали, ибо льстили національной гордости англичанъ и усиливали значеніе правительства и господствующихъ классовъ не только въ виду достигнутыхъ ими успѣховъ, но и благодаря тому, что увеличивали ихъ матеріальное могущество.

Отдѣливъ изложеніе внутренней исторіи Англіи отъ изложенія исторіи континентальныхъ странъ, мы сдѣлаемъ теперь то же самое и по отношенію къ внѣшней политикѣ Англіи въ эпоху революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ и окончимъ эту главу о происхожденіи

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе будетъ сказано ниже (см. гл. XXV).

англійской реакціи общимъ очеркомъ внѣшней политики Англіи въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка.

Почти съ начала революціонныхъ войнъ до самаго конца войнъ имперіи Англія находилась въ борьбѣ съ Франціей, что составляетъ двадцать два года войны, если не считать кратковременнаго замиренія въ 1802—1803 гг. послѣ амьенскаго договора. Кромѣ того страха, который англійскому правительству и господствующему классу внушала революція, въ этой борьбѣ со стороны Англіи играло большую роль опасеніе за тѣ интересы, коимъ могла вредить завоевательная политика Франціи. Питтъ, собственно говоря, съ большою неохотою смотрѣлъ сначала на возможность войны съ Франціей, но потомъ былъ увлеченъ общей паникой и даже видѣлъ въ войнѣ лучшее средство остановить въ самой Англіи распространеніе французскихъ принциповъ. Между прочимъ, для Англіи было крайне невыгодно завоеваніе французами Голландіи, о нейтралитетѣ которой Питтъ особенно настойчиво хлопоталъ до начала войны. Разъ, однако, война возгорѣлась, конецъ ея предвидѣть было довольно трудно, тѣмъ болѣе, что въ отношенія между обѣими враждующими сторонами впутаны были первостепенные колоніальные и торговые интересы. Мало-по-малу въ войнѣ между Англіей и Франціей эти интересы выступили даже на первый планъ. Благодаря превращенію Голландіи въ Батавскую республику, которая вступила въ тѣсный союзъ съ Франціей [1]), Англія имѣла возможность напасть на богатыя голландскія колоніи и захватить ихъ въ свои руки (мысъ Доброй Надежды, островъ Цейлонъ, Ява, нѣкоторые Молукскіе острова), но въ то же время Англія должна была поддерживать своими субсидіями континентальныя европейскія государства, находившіяся въ борьбѣ съ Франціей, а это обходилось Англіи очень дорого: налоги въ ней страшно увеличились, государственный долгъ сильно возросъ, и вмѣстѣ съ этимъ приняла угрожающіе размѣры народная нищета отъ дороговизны хлѣба, ввозившагося въ Англію извнѣ въ большомъ количествѣ, хотя, конечно, нельзя признать вѣрнымъ мнѣнія, будто на эту войну нужно возложить отвѣтственность за фатальную борьбу классовъ, составляющую одно изъ наиболѣе важныхъ затрудненій теперешней англійской внутренней политики, т.-е. за антагонизмъ между рабочими и предпринимателями [2]). Англіи приходилось не только противодѣйствовать революціи, но и спасать

---

[1]) См. выше, стр. 22—23.

[2]) Мнѣніе, между прочимъ, Green'a: The war enriched the landowner the farmer, the merchant, the manufacturer; but it impoverished the poor. It is indeed from these fatal years that we must date that war of classes, that social severance between employers and employed, which still forms the main difficulty of english politics. Hist. of the english people, IV, 377 (изд. 1880 г.).

самоё себя. Попытка французовъ возмутить Ирландію противъ Англіи [1]) представляла для послѣдней весьма значительную опасность, тѣмъ болѣе, что кампо-формійскій миръ совершенно изолировалъ Англію, лишивъ ее послѣдняго союзника на материкѣ, Австріи, ведшей войну на англійскія деньги [2]). Имѣя свой собственный флотъ и распоряжаясь флотами Батавской республики и Испаніи [3]), Франція при поддержкѣ со стороны ирландскаго возстанія, дѣйствительно, была для Англіи весьма страшна, и англичанамъ нужно было напрячь всѣ силы, чтобы предотвратить опасность. Когда ирландское возстаніе было подавлено, Франція задумала вредить Англіи въ Индіи, съ каковою цѣлью и была снаряжена египетская экспедиція Наполеона [4]). Изъ всѣхъ этихъ затрудненій Англія выходила съ большимъ успѣхомъ: она въ это время сокрушила батавскій флотъ, долженствовавшій помогать ирландскому возстанію, что упрочило ея господство надъ голландскими колоніями, попытка же Наполеона создать Англіи затрудненіе въ самой Индіи, гдѣ противъ англійскаго владычества возстала мусульманская Мисорская держава, точно также не удалась, давъ лишь Англіи подходящій поводъ сокрушить и эту враждебную ей силу. Такимъ образомъ англо-французская война захватила и самыя отдаленныя страны—европейскія колоніи въ Африкѣ и на островахъ Тихаго океана, Индостанъ, а потомъ, какъ мы еще увидимъ, и Америку [5]). Морское и колоніальное могущество Англіи къ концу XVIII в. только возросло; англійская міровая торговля отъ этого необычайно выиграла, что въ свою очередь давало британскому правительству возможность поддерживать денежными средствами враговъ Франціи на материкѣ Европы. Уже въ самомъ началѣ консульства Наполеонъ думалъ о томъ, чтобы сокрушить Англію, нанося удары ея торговлѣ: въ эпоху люневильскаго договора [6]) торговля съ Англіей была уже воспрещена, кромѣ самой Франціи, въ Голландіи, въ Италіи, въ Испаніи, а эта послѣдняя принудила и Португалію прервать торговыя сношенія съ Англіей, т.-е. уже около 1801 г. намѣчалась будущая континентальная система. Когда Англія овладѣла островомъ Мальтой, захваченнымъ-было французами, и сдѣлалась властительницей Средиземнаго моря, Наполеонъ, желая выиграть время и приготовиться къ новой войнѣ съ нею, предложилъ ей миръ, и она

---

[1]) См. выше, стр. 21—22.

[2]) См. выше, стр. 31.

[3]) См. выше, стр. 150.

[4]) См. выше, стр. 73—74.

[5]) Подобное явленіе характеризуетъ и англо-французскія столкновенія въ серединѣ XVIII в. Т. III, стр. 132.

[6]) См. выше, стр. 179 и слѣд.

охотно приняла это предложеніе [1]), дабы спокойно выждать болѣе благопріятной международной комбинаціи на материкѣ и снова начать борьбу, какъ только можно будетъ найти надежныхъ союзниковъ. Обѣ стороны сдѣлали уступки, причемъ Англія возвратила Франціи и ея союзникамъ бо́льшую часть захваченныхъ колоній. Но этотъ миръ былъ непродолжителенъ: черезъ годъ война возобновилась, чтобы не прекращаться уже до паденія имперіи. Передъ Англіей опять возникала опасность французскаго вторженія, когда Наполеонъ устроилъ въ Булони лагерь на стотысячную армію и сталъ приготовляться къ высадкѣ въ Англію. Британское правительство съ Питтомъ во главѣ сдѣлало новую попытку занять Наполеона войной на континентѣ, и эта попытка удалась: благодаря новымъ англійскимъ субсидіямъ, образовался австро-русскій союзъ противъ Наполеона, и почти въ одно и то же время, какъ Наполеонъ побилъ Австрію и Россію при Аустерлицѣ, Англія при Трафальгарѣ уничтожила весь французскій флотъ, послѣ чего могла уже безспорно владычествовать на морѣ [2]).

Мы видѣли раньше, какъ возникла континентальная система, посредствомъ коей Наполеонъ думалъ сокрушить торговую силу Англіи [3]). Собственно говоря, берлинскому ноябрьскому декрету 1806 г. предшествовало со стороны самой Англіи объявленіе всѣхъ береговъ, принадлежавшихъ Франціи и ея союзникамъ, въ состояніи блокады. Намъ уже извѣстно также, какъ печально отразилась континентальная система на малыхъ нейтральныхъ государствахъ [4]); между прочимъ, Англія потребовала у Даніи передачи ей на время войны всего флота, и когда Данія отказала, англичане бомбардировали Копенгагенъ и захватили всѣ датскіе корабли со всѣми его запасами. Англійская торговля отъ континентальной системы, конечно, весьма страдала; вся выгода стала переходить на сторону Америки, какъ нейтральнаго государства, что было крайне непріятно вліятельному торговому классу Англіи. Не желая допустить, чтобы Америка вытѣснила англійскую торговлю, британское правительство объявило, что будетъ захватывать всѣ корабли, идущіе въ порты континентальныхъ государствъ, разъ они не будутъ заходить въ англійскіе порты, на что Наполеонъ отвѣтилъ аналогичнымъ же декретомъ по отношенію ко всѣмъ кораблямъ, шедшимъ изъ Англіи или въ Англію и ея колоніи (1807). Хотя Сѣверо-американскіе Штаты, получавшіе изъ Англіи массу товаровъ, тоже запретили всякую торговлю съ Европою въ своихъ портахъ, но скоро (1809) должны были ограничить это запрещеніе лишь Англіей

[1]) Амьенскій миръ 1802 г., стр. 140.
[2]) См. выше, стр. 142.
[3]) См. выше, стр. 148.
[4]) См. выше, стр. 149.

и Франціей, а потомъ черезъ годъ объявить, что если одна изъ этихъ двухъ державъ отмѣнитъ свое запрещеніе, то американское правительство воспретитъ торговлю только съ другою стороною. Первый воспользовался этимъ предложеніемъ Наполеонъ, чтобы привлечь и Соединенные Штаты на свою сторону (1811), и въ этомъ отношеніи имѣлъ успѣхъ, ибо американское правительство весною 1812 г. захватило всѣ англійскіе корабли, находившіеся въ американскихъ гаваняхъ, а лѣтомъ того же года даже объявило Англіи войну, которая окончилась лишь съ прекращеніемъ вообще „великой войны“ (the great war), какъ названа была въ Англіи эта дѣйствительно гигантская борьба ея противъ Франціи и ея союзниковъ.

Наполеонъ рѣшился завладѣть Испаніей и Португаліей, между прочимъ, имѣя въ виду захватить ихъ обширныя колоніальныя владѣнія, опираясь на которыя легче было побивать Англію и на морѣ. Англійское правительство рѣшилось тогда дѣйствовать противъ Наполеона на самомъ материкѣ, пославъ на помощь испанскимъ инсургентамъ военные отряды, одинъ изъ коихъ былъ подъ начальствомъ Веллеслея (позднѣе герцогъ Веллингтонъ). На Пиренейскомъ полуостровѣ въ 1808 и слѣдующихъ годахъ англичане наносили французской арміи немало пораженій, пока наконецъ не очистили отъ французовъ сперва Португалію, потомъ Испанію. Въ 1814 г. Веллингтонъ переходилъ даже черезъ Пиренеи и доходилъ до самой Тулузы, когда за отреченіемъ Наполеона война пришла къ концу. Когда въ 1815 г. Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы, опять-таки Англія помогла большой суммой денегъ новой коалиціи противъ воцарившагося вновь Бонапарта, и при Ватерло окончательно побѣдили Наполеона союзныя англо-прусскія войска подъ начальствомъ Веллингтона и Блюхера.

Изъ этой борьбы съ Наполеономъ Англія вышла съ страшно возросшимъ государственнымъ долгомъ, но и съ весьма большими пріобрѣтеніями. Давно уже владѣя Гибралтаромъ, а на вѣнскомъ конгрессѣ получивъ Мальту и протекторатъ надъ Іоническими островами,— коимъ дана была весьма либеральная конституція,—Англія упрочила свое положеніе на Средиземномъ морѣ. Съ другой стороны, упрочено было ея вліяніе и на Нѣмецкомъ морѣ, благодаря пріобрѣтенію Гельголанда и потерѣ Пруссіей своихъ владѣній на берегахъ этого моря, а также и вслѣдствіе того обстоятельства, что Ганноверъ соединился снова съ Англіей подъ однимъ и тѣмъ же скипетромъ. Наконецъ, Англія удержала въ своихъ рукахъ многія французскія и голландскія колоніи, коими она завладѣла во время войны съ Наполеономъ. Все это только увеличивало морское, колоніальное и торговое значеніе Англіи, что не могло, конечно, не отразиться и на ея внутреннемъ бытѣ.

Отношенія войны и мира отражались и на положеніи политическихъ партій въ самой Англіи. Съ самаго начала борьбы старой Европы съ французской революціей главными сторонниками войны были торіи и тѣ изъ виговъ, которые съ Бёркомъ во главѣ примкнули къ этой партіи. Бёркъ еще раньше вошелъ въ сношенія съ французскими эмигрантами въ Кобленцѣ, подбивалъ ихъ поскорѣй начать войну и даже отправилъ къ нимъ собственнаго сына, да и впослѣдствіи онъ постоянно поддерживалъ партію войны, увлекая за собою общественное мнѣніе. Когда, напр., Питтъ въ эпоху директорій сталъ склоняться къ миру, Бёркъ выступилъ противъ намѣренія министерства прекратить борьбу съ революціей въ страстномъ памфлетѣ, который онъ издалъ подъ заглавіемъ „Писемъ о мирѣ съ цареубійцами“ и который имѣлъ весьма значительный успѣхъ въ англійскомъ обществѣ второй половины девятидесятыхъ годовъ. Самъ Питтъ, однако, долженъ былъ отказаться отъ миролюбивыхъ плановъ, когда французы задумали возмутить противъ Англіи Ирландію и Индію, и такъ какъ послѣ этого онъ обнаружилъ величайшую энергію въ борьбѣ съ Франціей, то англійская нація безъ различія партій поддерживала потомъ своего знаменитаго министра. Одинъ изъ вопросовъ внутренней политики, какъ мы еще увидимъ, заставилъ Питта выйти въ отставку въ 1801 г., что̀ повлекло за собою переходъ болѣе консервативныхъ виговъ на сторону виговъ либеральныхъ и такимъ образомъ содѣйствовало возстановленію партіи въ ея прежнемъ составѣ. Между тѣмъ новое министерство (Аддингтона) заключило съ Наполеономъ миръ въ Амьенѣ, но едва только война опять возгорѣлась, какъ Питтъ снова сталъ во главѣ правленія, причемъ нашелъ теперь поддержку и въ лицѣ либеральныхъ виговъ съ Фоксомъ во главѣ [1]). Пока существовала опасность вторженія французовъ, обѣ партіи дѣйствовали совершенно солидарно, но послѣ уничтоженія булонскаго лагеря и пораженія французскаго флота при Трафальгарѣ опасности этой уже не существовало, и тогда снова въ Англіи обнаружилось раздвоеніе между партіями, изъ коихъ одна настаивала на необходимости прогрессивныхъ мѣръ, а другая всячески имъ противилась, имѣя попрежнему за себя громадное большинство правящихъ классовъ Англіи. До самаго окончанія войны затѣмъ власть находилась въ рукахъ торіевъ, дѣлавшихъ всѣ усилія, чтобы тормазить всякое общественное движеніе, происходившее въ странѣ: только въ своемъ противодѣйствіи Наполеону торіи и виги сходились на одной почвѣ. Съ окончаніемъ внѣшней войны и внутренняя исторія Англіи должна была вступить въ новый періодъ, но реакція, которая, какъ мы видѣли, имѣла столь глубокіе корни въ англійскомъ соціальномъ и

[1]) Вскорѣ послѣ этого (1806) Питтъ умеръ.

политическомъ быту, съ окончаніемъ войны тѣмъ не менѣе не прекратилась, да и общій духъ политики Священнаго союза тоже не могъ не отразиться и на реакціонныхъ элементахъ англійскаго правительства и общества.

XXI. Реакція и борьба за свободу въ Англіи до 1830 года.

Англійское правительство въ эпоху реставраціи.—Его отношеніе къ Священному союзу и къ вопросамъ внѣшней политики. — Общее значеніе министерства Каннинга.—Ослабленіе торійской партіи.—Внутренняя политика 1815—1830 гг. и ея связь съ предыдущей эпохой.—На чемъ покоится англійская свобода?—Вопросъ о парламентской реформѣ и демократическая партія.—Борьба за свободу печати и за свободу митинговъ съ конца XVIII в.—Коббетъ и Бентамъ.—Эманципація католиковъ.—Вопросъ о другихъ диссидентахъ.—Оппозиціонный характеръ поэзіи Байрона.

Въ исторіи Англіи эпоха между 1815 и 1830 гг. характеризуется продолженіемъ, съ одной стороны, реакціи, вызванной и въ этой странѣ главнымъ образомъ французской революціей, съ другой—борьбою за свободу, возникшею подъ вліяніемъ этой самой реакціи. Въ послѣдніе годы (съ 1811 г.) своей жизни Георгъ III находился въ состояніи самаго безнадежнаго помѣшательства, и представителемъ королевской власти до самой смерти этого государя, послѣдовавшей въ 1820 г., былъ въ качествѣ регента его сынъ, который царствовалъ затѣмъ до 1830 г. подъ именемъ Георга IV. Это былъ человѣкъ необузданный и совершенно распутный, вслѣдствіе чего пользовался самою дурною репутаціей. Въ послѣдніе годы XVIII в. онъ старался сблизиться съ вигами, расчитывая на то, что они помогутъ ему выпутаться изъ затруднительнаго положенія—массы долговъ, сдѣланныхъ имъ на кутежи, да и затѣмъ онъ постоянно держался, повидимому, союза съ ними, но въ 1811 г., сдѣлавшись регентомъ, онъ измѣнилъ вигамъ и началъ покровительствовать торіямъ, которые оставались у власти и послѣ его провозглашенія регентомъ. Еще въ 1795 г. будущій Георгъ IV женился на принцессѣ брауншвейгской Каролинѣ, выбранной ему въ невѣсты отцомъ, причемъ парламентъ, желавшій этого брака, заплатилъ громадные долги жениха, но принцъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы разошелся съ женой, которая потомъ уѣхала на материкъ, и предался своему прежнему образу жизни кутилы самаго послѣдняго разряда. Такое прошлое сдѣлало принца-регента весьма непопулярнымъ, и народная ненависть проявлялась къ нему иногда самымъ рѣзкимъ образомъ. Наприм., однажды (дѣло было въ 1817 г.) противъ него была сдѣлана народомъ на улицахъ Лондона враждебная демонстрація, вызвавшая потомъ репрессивныя мѣры со стороны парламента [1]),

[1]) Объ этомъ см. ниже.

что только увеличило общую ненависть къ принцу-регенту. Вступивъ на престолъ, Георгъ IV началъ скандальный процессъ о разводѣ съ женой, которую онъ обвинялъ въ нарушеніи супружеской вѣрности, прибѣгнувъ при этомъ къ самымъ недостойнымъ способамъ доказательства ея вины. Каролина съ 1814 г. жила постоянно на материкѣ, но въ 1820 г. она вернулась въ Англію, гдѣ народъ устраивалъ ей повсемѣстно торжественную встрѣчу. Во время процесса по обвиненію, возбужденному противъ нея королемъ, адвокатъ королевы Брумъ (впослѣдствіи лордъ) еще болѣе расположилъ въ ея пользу общественное мнѣніе, доказавъ, что истецъ пользовался подкупными свидѣтелями, и это произвело такое сильное впечатлѣніе на народъ, что Георгъ IV вынужденъ былъ просто-на-просто взять свое обвиненіе назадъ изъ опасенія народныхъ волненій. Тѣмъ не менѣе, когда королева пожелала участвовать въ коронаціи своего мужа, Георгъ IV, не хотѣвшій и слышать объ этомъ, велѣлъ силою удалить ее изъ Вестминстерскаго аббатства. Когда вскорѣ послѣ того (1821) Каролина умерла, король принялъ всѣ мѣры, чтобы предупредить враждебную ему демонстрацію на похоронахъ, но это не помѣшало погребенію королевы сдѣлаться поводомъ новаго народнаго волненія, которое не обошлось даже безъ кровопролитія.

Такой человѣкъ, какъ Георгъ IV, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ общему направленію реакціи. Во все время его царствованія у власти притомъ были торіи и лишь къ концу двадцатыхъ годовъ въ Англіи обнаружилось нѣкоторое общее движеніе къ возврату на сторону виговъ. Въ первые годы реставраціи самымъ вліятельнымъ лицомъ въ правительствѣ былъ лордъ Кэстльри [1]), долгое время бывшій другомъ Георга IV, человѣкъ крайнихъ торійскихъ убѣжденій и врагъ либерализма, гдѣ бы онъ ни проявлялся. Въ 1815 г. Александръ I предложилъ ему примкнуть къ Священному союзу, но онъ, подобно Меттерниху [2]), сначала не сочувствовалъ этому акту и отклонилъ присоединеніе Англіи къ союзу, не желая брать на себя отвѣтственности передъ парламентомъ. Тѣмъ не менѣе принцъ-регентъ написалъ Александру I письмо о томъ, что его принципы вполнѣ совпадаютъ съ принципами Священнаго союза. Дѣйствительно въ первые годы реставраціи англійская внѣшняя политика почти вполнѣ совпадала съ стремленіями общеевропейской реакціи. Правда Кэстльри высказывался противъ крайностей, коимъ предавалась реакція во многихъ странахъ материка, но гораздо болѣе были ему не по душѣ тѣ попытки завоеванія политической свободы,

---

[1]) Alison. Lives of lord Castlereagh and Sir Ch. Stewart 1862. Это—попытка реабилитаціи Кэстльри, которую мы находимъ отчасти и въ кн. Файфа указанный выше, стр. 2.

[2]) См. выше, стр. 316—317.

какія дѣлались въ то время въ нѣкоторыхъ континентальныхъ странахъ, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ со многими своими соотечественниками онъ думалъ, что, кромѣ англичанъ, никто болѣе неспособенъ пользоваться политической свободой. Поэтому, напр., Кэстльри, раньше самъ стоявшій на точкѣ зрѣнія вмѣшательства въ дѣла другихъ государствъ, вдругъ перемѣнилъ свой взглядъ, когда Фердинандъ I вздумалъ уничтожить сицилійскую конституцію, хотя она, какъ извѣстно, сама была плодомъ англійскаго вмѣшательства [1]). Совершенно такъ же вела себя Англія и въ Испаніи, когда въ ней была отмѣнена конституція 1812 г. Правда, Кэстльри протестовалъ противъ предложенія Россіи вмѣшаться въ дѣла Испаніи, когда тамъ вспыхнула революція 1820 года, но и въ данномъ случаѣ онъ вовсе не былъ защитникомъ политической свободы или права испанской націи по собственному усмотрѣнію устраивать свои внутреннія дѣла: такого поведенія требовали политическіе интересы Англіи, но ничто не помѣшало тому же Кэстльри найти совершенно естественнымъ и справедливымъ, чтобы Австрія подавила—лишь бы только она это сдѣлала отъ своего имени, а не по уполномоченію всей Европы—революцію въ Неаполѣ, такъ какъ договоръ Австріи съ Фердинандомъ I, въ силу коего послѣдній обязывался поддерживать въ своемъ королевствѣ абсолютизмъ, былъ-де предъявленъ великобританскому послу и получилъ съ его стороны полное одобреніе [2]). Даже тогда, когда на троппау-лайбахскомъ конгрессѣ Австрія, Пруссія и Россія приняли извѣстное рѣшеніе о правѣ коллективнаго вмѣшательства, и въ силу этого рѣшенія Австрія была уполномочена державами возстановить порядокъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ, Англія ограничилась однимъ лишь протестомъ и, взявъ назадъ у Австріи данное раньше обѣщаніе относительно нравственной поддержки, заявила только о строгомъ своемъ нейтралитетѣ во всемъ этомъ дѣлѣ, что опять-таки не могло не быть въ концѣ-концовъ благопріятнымъ для политики Меттерниха. Кэстльри и послѣ подавленія неаполитанской революціи держался того взгляда, что испанскія дѣла нужно было предоставить ихъ собственному теченію, и даже самъ собирался ѣхать на конгрессъ въ Веронѣ, чтобы убѣдить въ этомъ другія державы и вмѣстѣ съ тѣмъ посовѣтовать имъ послать своихъ дипломатическихъ агентовъ въ американскія колоніи Испаніи, въ то время боровшіяся, съ своею метрополіей. Но сдѣлать это Кэстльри было не суждено, такъ какъ въ томъ же 1822 г. въ припадкѣ умопомѣшательства, выразившагося въ такъ называемомъ бредѣ преслѣдованія, онъ окончилъ свою жизнь, перерѣзавъ себѣ горло простымъ перочиннымъ ножикомъ. Эта смерть произвела на Ге-

---

[1]) См. выше, стр. 285 и 327.

[2]) См. выше, стр. 327 и 334.

орга IV весьма тягостное впечатлѣніе: послѣ 1822 года онъ сталъ избѣгать общества и впалъ въ очень мрачное настроеніе.

Преемникомъ Кэстльри былъ знаменитый Джорджъ Каннингъ [1]), при которомъ внѣшняя и внутренняя политика Англіи получила болѣе либеральное направленіе, благодаря чему англійское правительство въ иностранныхъ дѣлахъ перестало идти на буксирѣ политики Меттерниха и Священнаго союза [2]), а въ дѣлахъ внутреннихъ стало постепенно ослаблять прежнюю реакцію. Каннингъ началъ свою политическую дѣятельность въ 1793 г. двадцати-трехъ лѣтъ отъ роду, сдѣлавшись членомъ нижней палаты и весьма скоро заявивъ въ ней свои недюжинныя способности оратора и государственнаго человѣка. Въ 1796 г. онъ въ первый разъ занялъ постъ помощника государственнаго секретаря по иностраннымъ дѣламъ въ министерствѣ Питта, но въ 1801 г. вмѣстѣ съ нимъ вышелъ въ отставку, получилъ потомъ опять постъ въ послѣднемъ министерствѣ Питта, а въ 1807 г. (въ министерствѣ Портлэнда) сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ, чтобы вскорѣ выйти опять въ отставку послѣ ссоры съ Кэстльри, доведшей его до дуэли съ нимъ на пистолетахъ. Въ 1816 г. онъ былъ снова выбранъ въ парламентъ и черезъ годъ возвратился въ министерство, но опять не сошелся съ тогдашнимъ номинальнымъ его главою, лордомъ Ливерпулемъ, по нѣкоторымъ вопросамъ внутренней политики (между прочимъ по вопросу о разводѣ короля) и еще разъ вышелъ изъ министерства, чтобы по смерти Кэстльри сдѣлаться снова министромъ иностранныхъ дѣлъ, а черезъ пять лѣтъ и первымъ министромъ. Программой внѣшней политики Каннинга была поддержка „разумной свободы для всѣхъ народовъ“, вслѣдствіе чего онъ первый призналъ независимость американскихъ колоній Испаніи, организовавшихся въ самостоятельныя республики, и соединился съ Россіей и Франціей для коллективнаго вмѣшательства въ защиту грековъ, боровшихся за свою національную свободу. Во внутренней политикѣ Каннингъ стоялъ за болѣе либеральное направленіе и искалъ сближенія съ вигами, хотя и противился парламентской реформѣ въ томъ видѣ, какъ ея требовали въ двадцатыхъ годахъ. Едва ставъ въ званіи перваго министра главою англійскаго правительства, Каннингъ скончался, но герцогъ Веллингтонъ, сдѣлавшійся его преемникомъ, не-смотря на свои чисто торійскія воззрѣнія, раздѣлявшіяся и другими членами кабинета, продолжалъ въ сущности держаться той политики, программа коей была начертана покойнымъ

---

[1]) Stapleton. Canning and his times. 1859.

[2]) Въ V т. будетъ разсмотрѣно вообще постепенное разложеніе реакціонной политики Священнаго союза и будетъ указано на значеніе Каннинга какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и въ греческомъ вопросѣ, общее значеніе коего будетъ разсмотрѣно тамъ же.

министромъ. Вообще послѣ смерти Кэстльри англійское правительство сошло съ пути реакціи, и это имѣло весьма важное значеніе въ исторіи борьбы за свободу, которую пришлось тогда вести передовымъ элементамъ англійской націи.

Дѣло въ томъ, что къ концу царствованія Георга IV партія торіевъ все больше и больше приходила сама въ упадокъ. Съ одной стороны, совершалось измѣненіе въ составѣ и настроеніи правящаго класса, съ другой—начинали выступать на сцену новыя общественныя силы. Торіи всегда имѣли поддержку въ землевладѣльческомъ классѣ (сквайры, country gentlemen), но въ составъ этого класса вошло много денежныхъ людей, обогатившихся военными поставками, промышленностью, торговлею, биржевыми операціями, накупившихъ себѣ имѣній но удержавшихъ при этомъ свои вигистскія воззрѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ выступило на сцену и молодое поколѣніе сквайровъ, уже не такъ крѣпко державшееся торійскихъ убѣжденій своихъ отцовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря небывалому развитію промышленности и торговли, города все болѣе и болѣе начинали преобладать надъ графствами, а общество въ городахъ вообще было настроено прогрессивнѣе, чѣмъ „деревенское дворянство“: въ городахъ обнаруживалось даже и чисто демократическое движеніе. Въ самомъ торійскомъ министерствѣ Ливерпуля не существовало полной солидарности во взглядахъ, и если, напр., Ливерпуль былъ представителемъ идей поколѣнія, сходившаго со сцены, имѣя за себя большинство своихъ товарищей, то Каннингъ, наиболѣе видный членъ министерства, наоборотъ, стоялъ за болѣе либеральную политику. Поэтому-то едва онъ сдѣлался первымъ министромъ, какъ изъ кабинета вышли наиболѣе рьяные торіи, въ числѣ коихъ былъ, напр., герцогъ Веллингтонъ. Либеральное направленіе Каннинга и его разладъ съ собственными товарищами, упорствовавшими въ реакціонной политикѣ, снискали ему расположеніе и поддержку виговъ, хотя послѣдніе и не раздѣляли его воззрѣній по нѣкоторымъ важнымъ вопросомъ внутренней политики, каковъ былъ, напр., вопросъ о парламентской реформѣ. Мало того: въ министерство Каннинга вошло три члена изъ партіи виговъ, чѣмъ положено было начало союзу либеральныхъ торіевъ съ вигами. Смерть Каннинга помѣшала развитію этого союза, но хотя герцогъ Веллингтонъ и составилъ чисто торійскій кабинетъ, изъ котораго удалились всѣ либеральные члены, но возвратиться къ старой политикѣ оказалось уже невозможнымъ. Дѣло дошло до того, что, какъ во Франціи [1]), консерваторы стали во враждебное отношеніе къ торійскому министерству Веллингтона, которое, наоборотъ, находило поддержку у виговъ, во всѣхъ случаяхъ, когда оно уступало не-

[1]) См. выше, стр. 407 и слѣд.

обходимости и голосу общественнаго мнѣнія. Это внутреннее разложеніе торійской партіи расчищало вигамъ дорогу къ власти, и когда по смерти Георга IV (въ 1830 г.) произведены были новые парламентскіе выборы, виги одержали на нихъ побѣду: съ новымъ царствованіемъ начался новый періодъ въ исторіи Англіи,—періодъ совершеннаго прекращенія реакціи.

Переходя къ болѣе детальному изображенію реакціи, происходившей въ Англіи въ эпоху реставраціи, и той борьбы за свободу, которую эта реакція вызывала, мы должны прежде всего выяснить два пункта. Во-первыхъ намъ нужно выставить на видъ то обстоятельство, что реакція, совершавшаяся въ Англіи одновременно съ реакціей на континентѣ, была въ сущности лишь продолженіемъ аналогичныхъ явленій, вызванныхъ въ англійскомъ обществѣ французской революціей, а во-вторыхъ, намъ предстоитъ, кромѣ того, показать, какимъ образомъ въ Англіи могла происходить борьба за свободу, разъ во всю эту эпоху именно Англія являлась въ глазахъ либераловъ всѣхъ странъ настоящею родиною всевозможныхъ гражданскихъ вольностей, и почему англійская реакція, несмотря на всю свою суровость, не въ состояніи была поколебать устои той конституціи, бывшей идеаломъ тогдашняго континентальнаго либерализма.

По первому пункту долго говорить нечего. Исторія континентальныхъ странъ западной Европы въ первыя три десятилѣтія XIX в. дѣлится на два періода — до и послѣ низложенія Наполеона, такъ какъ въ первыя полтора десятилѣтія внутренняя жизнь народовъ западно-европейскаго материка, какъ бы тамъ ни было, испытывала на себѣ вліяніе французской революціи, а въ слѣдующія полтора десятилѣтія, наоборотъ, находилась подъ дѣйствіемъ реакціи, направленной къ тому, чтобы по возможности устранить всѣ слѣды этого вліянія. Такого перелома во внутренней жизни Англіи съ паденіемъ Наполеона не только что не произошло, но и не могло произойти, такъ какъ во всю эту эпоху исторія Англіи стоитъ, такъ сказать, особнякомъ [1]). Въ Англіи за это время не произошло никакого политическаго переворота, и потому для нея паденіе имперіи Наполеона не могло имѣть такого рѣшающаго значенія, какое оно имѣло для Франціи, для Германіи, для Италіи, для Испаніи и т. п. Въ названныхъ странахъ реакція 1815 — 1830 годовъ была не чѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ общаго стремленія по возможности уничтожить совершившіеся факты, вычеркнуть изъ исторіи цѣлую четверть вѣка — отъ 1789 по 1814 годъ. Англійской реакціи не приходилось ничего уничтожать и вся ея тенденція заключалась, напротивъ, въ томъ,

[1]) См. выше, стр. 435 и слѣд.

чтобы не дать извѣстнымъ фактамъ совершиться, и съ этой точки зрѣнія она скорѣй заслуживаетъ названіе консервативной оппозиціи, но только уже не противъ начинаній государственной власти, какъ то было въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“ на материкѣ, а противъ народныхъ требованій, шедшихъ дальше того, что̀ давала націи существующая конституція. Правящіе классы Англіи, какъ мы видѣли, были напуганы французской революціей, а тутъ еще въ самой странѣ началось движеніе, враждебное интересамъ правящихъ классовъ, которые, подобно французской буржуазіи, готовы были до извѣстной степени поступиться свободою, лишь бы удержать за собою свое господствующее положеніе въ государствѣ. Каждый разъ, какъ правящіе классы усматривали для себя опасность отъ происходившаго въ странѣ движенія, въ нихъ обнаруживалась сильная реакція, которая и выражалась въ томъ, что почти неизмѣнно власть попадала въ руки торіевъ. Съ своей стороны, правительство предлагало, а парламентъ принималъ разныя репрессивныя мѣры, какъ мы еще увидимъ, направлявшіяся преимущественно противъ свободнаго выраженія общественнаго мнѣнія путемъ печати и народныхъ сходокъ. Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы, наприм., между девятидесятыми годами XVIII вѣка, когда такія мѣры принимались подъ вліяніемъ страха, вызваннаго французской революціей,—и первыми годами эпохи реставраціи, когда этого страха уже не было, но зато въ самой Англіи происходило сильное народное движеніе въ пользу парламентской реформы. Вотъ почему въ послѣдующемъ намъ придется не отдѣлять фактовъ реакціи и борьбы за свободу въ эпоху реставраціи отъ однородныхъ имъ фактовъ болѣе ранняго времени, начиная съ конца XVIII вѣка.

Но, спрашивается, въ чемъ могла заключаться въ Англіи борьба за свободу, разъ англійскія политическія учрежденія считались на материкѣ—и, прибавимъ, считались справедливо—самыми свободными, какія только въ то время существовали, за исключеніемъ однихъ сѣверо-американскихъ порядковъ, въ разсматриваемое время, однако, мало привлекавшихъ къ себѣ вниманіе либераловъ? И если, съ другой стороны, тѣмъ не мѣнѣе и въ Англіи, этой родинѣ свободныхъ учрежденій, реакція вызывала борьбу за свободу, то почему,—можно еще спросить,—эти учрежденія выдержали здѣсь то испытаніе, коему ихъ подвергла реакція, не потерпѣвъ при этомъ въ сущности ни малѣйшаго ущерба? Эти два вопроса тѣсно связаны между собою и потому должны разсматриваться вмѣстѣ.

Реакціонныя мѣры, характеризующія внутреннюю англійскую политику въ исходѣ XVIII и началѣ XIX в., при существовавшемъ въ Англіи государственномъ строѣ, могли исходить только отъ парламента, т.-е. отъ парламентскаго большинства и правительства, кото-

рое, благодаря возникновенію въ началѣ XVIII в. конституціоннаго министерства, было не чѣмъ инымъ, какъ органомъ этого большинства [1]). Понятно, что при такомъ положеніи дѣла какія бы то ни было реакціонныя мѣропріятія не могли быть направлены ни противъ самого парламента, ни противъ парламентарнаго министерства. Вѣковой споръ о взаимныхъ отношеніяхъ между короной и представительствомъ страны [2]) былъ окончательно и безповоротно рѣшенъ въ пользу парламента еще за сто лѣтъ до французской революціи [3]). Прямое нападеніе на права парламента со стороны королевской власти сдѣлалось прямо невозможнымъ. Далѣе, при первыхъ двухъ корояхъ изъ ганноверской династіи, когда господство принадлежало партіи виговъ, возникло упомянутое парламентарное министерство, и торіи, которые при Георгѣ III смѣнили виговъ у власти, удержали этотъ институтъ. Попытка названнаго короля поставить министерство въ большую зависимость отъ короны [4]) не удалась и прежде всего потому не удалась, что нигдѣ не могла найти достаточной поддержки—ни у виговъ, конечно, которые выработали учрежденіе, ни вмѣстѣ съ тѣмъ у торіевъ, такъ какъ и эта партія, достигнувъ господства, не хотѣла выпускать изъ своихъ рукъ такое важное орудіе, какъ зависимый отъ парламентскаго большинства кабинетъ. Съ этой стороны англійская конституція стояла очень прочно и, дѣйствительно, могла являться образцомъ свободнаго государственнаго устройства. Французскіе либералы изъ школы доктринеровъ находили даже нужнымъ нѣсколько усилить монархическій элементъ въ конституціи сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ королевская власть находилась въ Англіи [5]). Реакція, происходившая въ Англіи, такимъ образомъ вовсе не имѣла своею цѣлью, и не могла имѣть результатомъ какое бы то ни было ограниченіе правъ парламента. Уже въ XVIII столѣтіи власть парламента опредѣлялась, какъ „деспотическая“, и эту, дѣйствительно, по существу дѣла вполнѣ неограниченную власть [6]) парламентъ сохранилъ и въ XIX столѣтіи. Парламенту принадлежитъ настоящее верховенство, ибо въ Англіи нѣтъ закона, котораго парламентъ не могъ бы измѣнить: въ этомъ отношеніи въ Англіи не существуетъ никакого различія между конституціонными и обыкновенными законами, устанавливавшагося разными континентальными конституціями [7]). Послѣднія даже ставились

[1]) Т. III, стр. 66.

[2]) Т. I, стр. 104—105.

[3]) Т. II, стр. 594—595 и т. III, стр. 58—60.

[4]) См. выше, стр. 447.

[5]) См. выше, стр. 393 и 427.

[6]) См. Дайси. Основы государственнаго права Англіи. 1891.

[7]) Образецъ этого см. въ конституціи 1791 г., гдѣ были установлены особыя правила для пересмотра конституціонныхъ законовъ, т. III, стр. 532.

обыкновенно выше представительныхъ учрежденій и заключали въ себѣ гарантіи противъ несогласнаго съ конституціей законодательства, чего опять таки нѣтъ въ Англіи, гдѣ вся верховная власть (и слѣдовательно власть учредительная), на континентѣ отдававшаяся, напр., народу [1]), принадлежитъ одному парламенту. Но именно это самое обстоятельство и давало англійскому парламенту возможность издавать законы, коими ограничивалась и стѣснялась свобода гражданъ. Будучи самъ законодательнымъ органомъ правящихъ классовъ и состоя изъ реакціоннаго большинства, парламентъ издавалъ законы, которые были направлены противъ общественной свободы, поскольку такія движенія, какъ, напр., движеніе въ пользу парламентской реформы, казались опасными по отношенію къ интересамъ правящихъ классовъ. Но рядомъ съ верховенствомъ парламента англійская политическая жизнь выработала еще другой принципъ, а именно, принципъ законности, нашедшій свое выраженіе въ безусловномъ господствѣ права, всегда удивлявшемъ иностранныхъ наблюдателей [2]). Это господство права состоитъ не только въ отсутствіи произвольной власти у какихъ бы то ни было правительственныхъ лицъ, но и въ томъ, что въ Англіи всякій человѣкъ подчиняется обыкновеннымъ законамъ государства и подлежитъ юрисдикціи обыкновенныхъ судовъ, каково бы ни было его званіе или положеніе, и что въ силу этого всѣ должностныя лица, начиная съ перваго министра и кончая какимъ-нибудь городовымъ или сборщикомъ податей, подлежатъ такой же отвѣтственности, какъ и всякій другой гражданинъ, за проступокъ, не оправдываемый закономъ. Собственно говоря, господство права является даже настоящей основой англійской конституціи, ибо то, что въ континентальныхъ конституціяхъ гражданамъ гарантируется въ качествѣ общихъ правъ личности, въ Англіи является не чѣмъ инымъ, какъ результатомъ дѣятельности судовъ, безъ рѣшенія коихъ никто не можетъ быть лишенъ свободы, подвергнуться какому-либо наказанію или поплатиться хотя бы малѣйшей долею своего достоянія. Личныя права англійскихъ гражданъ вытекаютъ не изъ конституціи, какъ на материкѣ, гдѣ тотчасъ же эти права лишаются защиты, какъ только пріостанавливается дѣйствіе конституціи, а именно изъ общаго права страны. Личная неприкосновенность въ Англіи гарантируется главнымъ образомъ habeas corpus-act'омъ, изданнымъ въ эпоху реставраціи Стюартовъ [3]),

---

Ср. также мнѣніе Бенжамена Констана о необходимости сокращенія числа конституціонныхъ законовъ въ виду именно особаго способа, посредствомъ коего они измѣняются. См. выше, стр. 305.

[1]) Т. III, стр. 70.

[2]) Объ этомъ тоже см. у Дайси. Ср. также т. III, стр. 77 и слѣд.

[3]) Т. II, стр. 583.

но и временная пріостановка дѣйствія habeas-corpus-act'a, къ которой такъ охотно прибѣгалъ англійскій парламентъ въ періоды обостренія реакціи, а именно въ 1794—1801 и 1817 гг. [1]) далеко не была равносильна тому, что въ другихъ государствахъ называется пріостановкой конституціонныхъ гарантій или объявленіемъ страны въ осадномъ положеніи. Не говоря уже о томъ, что акты объ отмѣнѣ habeas-corpus издавались только на одинъ годъ, они давали министерству право лишь откладывать судъ надъ лицами, заключенными по обвиненію въ измѣнѣ, въ продолженіе всего періода, пока актъ о пріостановкѣ находится въ силѣ. Но этотъ актъ все-таки никого не освобождалъ ни отъ гражданской, ни отъ уголовной отвѣтственности за нарушеніе закона, такъ что за все время пріостановки этой гарантіи министерство и дѣйствующіе по его предписанію агенты власти должны были по возобновленіи силы habeas-corpus-act'a отвѣчать за всѣ незаконные поступки, какіе были бы ими совершены. Правда, парламентъ по истеченіи срока пріостановки всегда издавалъ такъ называемый act of indemnity, снимавшій отвѣтственность съ должностныхъ лицъ за совершонныя ими дѣянія; но во-первыхъ должностныя лица могли въ теченіе всего этого времени и не быть увѣренными въ томъ, что получатъ такую амнистію, а во-вторыхъ, и амнистія эта не была безусловной: напр., она не покрывала преслѣдованій, вытекавшихъ изъ личной злобы, а еще менѣе не освобождала отъ отвѣтственности за жестокое обращеніе съ политическими узниками или за произвольныя наказанія, какимъ эти узники могли бы быть подвергнуты. Верховенство парламента и господство права тѣсно связаны между собою и одно другое обусловливаютъ: воля парламента, для которой нужно взаимное согласіе короля, палаты лордовъ и палаты общинъ, можетъ быть выражена не иначе, какъ въ формѣ закона, который тотчасъ же поступаетъ подъ охрану независимаго суда, не допускающаго ни отступленій отъ него, ни произвольныхъ его толкованій; съ другой же стороны, суды не допускаютъ никакого правительственнаго произвола во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о свободѣ личности, а потому дискреціонная власть дается правительству при пріостановкѣ дѣйствія habeas-corpus-act'a не иначе, какъ въ силу опять-таки акта, въ коемъ парламентъ проявляетъ свою верховную власть. Благодаря этимъ двумъ своимъ особенностямъ, англійская конституція вышла безъ всякаго ущерба изъ періода реакціи, но вслѣдствіе того, что парламентъ издавалъ въ эту эпоху репрессивные законы, которыми, дѣйствительно, умалялась свобода гражданъ, и которые даже

---

[1]) См. выше, стр. 467, а также и ниже будетъ указано, при какихъ обстоятельствахъ это дѣлалось.

противорѣчили общему духу конституціи, и должна была возникнуть борьба за свободу со стороны отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ классовъ, бывшихъ недовольными способомъ образованія палаты депутатовъ и добивавшихся возможности легальнымъ путемъ содѣйствовать парламентской реформѣ.

Раньше уже было упомянуто, что въ послѣдней трети XVIII в. нѣсколько разъ возникалъ въ самомъ парламентѣ вопросъ о парламентской реформѣ, но возникалъ каждый разъ совершенно безуспѣшно [1]). Особенно французская революція даже сильно затормозила это дѣло тѣмъ болѣе, что сами парламентскіе сторонники реформы были очень далеки отъ тѣхъ идей, которыя господствовали въ демократическихъ клубахъ (въ родѣ знаменитыхъ Hampden clubs), состоявшихъ изъ рабочихъ и требовавшихъ всеобщаго голосованія и ежегодныхъ выборовъ въ парламентъ. Въ теченіе почти тринадцати лѣтъ между 1797 и 1809 г. вопросъ о парламентской реформѣ ни разу не подымался въ парламентѣ, пока въ 1809 г. его не возобновилъ Бердетъ, нашедшій, однако, во всей палатѣ общинъ лишь полтора десятка единомышленниковъ. Въ слѣдующемъ году дѣлу думали дать ходъ въ палатѣ общинъ Брандъ, въ палатѣ пэровъ—лордъ Грей, который уже раньше неразъ высказывался за реформу, но и они успѣха никакого не имѣли. Затѣмъ въ 1818 и 1819 гг. опять были сдѣланы предложенія о реформѣ со стороны Бердета, и ихъ постигла та же самая судьба. Черезъ годъ съ предложеніемъ о реформѣ выступилъ въ парламентѣ лордъ Джонъ Россель, который возобновилъ вопросъ и въ 1821 г. одновременно съ Ламбтономъ; предложенія обоихъ были отвергнуты большинствомъ голосовъ. Россель оказался человѣкомъ весьма упорнымъ и подымалъ снова вопросъ о реформѣ въ 1822, 1823, 1826 и 1830 гг., хотя каждый разъ противъ него высказывалось значительное большинство голосовъ. Кромѣ того, въ 1729 г. съ планомъ реформы выступалъ еще лордъ Бландфордъ и столь же безуспѣшно, какъ и другіе. Между тѣмъ представительство отъ „гнилыхъ мѣстечекъ“ дошло до послѣднихъ предѣловъ безобразія, и потому рядомъ съ общими предположеніями о реформѣ являлись планы объ отнятіи избирательнаго права только у нѣкоторыхъ изъ нихъ и передачи его лишь наиболѣе важнымъ изъ большихъ городовъ, его не имѣвшихъ, каковы Лидсъ, Бирмингамъ и Манчестеръ, но большинство парламента не согласилось и на частныя уступки, указывая на то, что предоставленіе избирательныхъ правъ Лидсу, Бирмингаму и Манчестеру можетъ разохотить и другіе города получить то же право, но тогда гдѣ остановились бы уступки? Между тѣмъ вопросъ о парламентской реформѣ началъ сильно занимать общественное мнѣ-

[1]) См. выше, стр. 445.

ніе, и требованіе реформы выборовъ въ демократическомъ направленіи сдѣлалось главнымъ лозунгомъ такъ называемой демократической партіи. Дѣло въ томъ, что рядомъ съ двумя большими политическими партіями, боровшимися между собой за власть, мало по малу образовалась еще одна небольшая политическая группа, получившая названіе демократической партіи и начавшая оказывать вліяніе на взаимныя отношенія торіевъ и виговъ. Возникновеніе этой партіи относится ко времени сѣверо-американской войны за независимость, но видную роль она стала играть лишь послѣ паденія Наполеона, когда, съ одной стороны, господство торіевъ заставило виговъ усилить свою оппозицію и искать для себя новыхъ союзниковъ, а съ другой, народныя бѣдствія, вытекавшія изъ дурныхъ экономическихъ условій, вообще оживили демократическія стремленія. Около этого времени (1819) одинъ изъ вождей демократовъ, Гентъ (Hunt), и его послѣдователи впервые приняли названіе радикальныхъ реформаторовъ, стараясь всячески отдѣлить себя отъ виговъ, коихъ новая партія обвиняла въ умѣренности и въ погонѣ за теплыми мѣстами. Между вигами и новой партіей отношенія поэтому постоянно колебались: происходило по временамъ сближеніе, по временамъ, наоборотъ, они расходились. Демократическая партія должна была дѣлать въ это время еще тѣмъ большіе успѣхи, что, съ одной стороны, въ народныхъ массахъ шло броженіе, хотя и вызывавшееся главнымъ образомъ экономическими причинами, но ставившее себѣ цѣли политическія, а съ другой одновременно съ этимъ совершалось распространеніе просвѣщенія въ такихъ слояхъ общества, коимъ ранѣе оно было совершенно недоступно. Демократическія идеи пропагандировались путемъ печати и народныхъ собраній, получившихъ въ это время небывалое дотолѣ развитіе, и вотъ репрессивныя мѣры парламента стали поэтому направляться главнымъ образомъ противъ свободнаго проявленія общественнаго мнѣнія, разъ послѣднее оказывалось неблагопріятнымъ для существующаго строя.

Французская „декларація правъ человѣка и гражданина“ объявила свободное выраженіе мыслей и мнѣній на словахъ, на письмѣ и въ печати однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ человѣка, но англійское государственное право, собственно говоря, совсѣмъ не вѣдаетъ такого права личности, какъ такового, т.-е. въ смыслѣ свободы печати. Въ Англіи дѣйствовалъ даже особый законъ о пасквиляхъ (libels) на частныхъ лицъ и на правительство, налагавшій,—но не иначе, какъ по суду,—серьезныя ограниченія на свободу прессы, и рядомъ съ нимъ еще существовалъ законъ о пасквиляхъ богохульственнаго содержанія. Такъ какъ, однако, наказаніе за написаніе, обнародованіе и распространеніе пасквиля налагается не иначе, какъ судомъ

присяжныхъ, то въ концѣ концовъ степень свободы выраженія мыслей и мнѣній зависѣла въ Англіи за послѣдніе два вѣка отъ общественнаго настроенія въ тотъ или другой періодъ времени, ибо лишь отъ присяжныхъ, представляющихъ собою общественную совѣсть, зависѣло признавать или не признавать въ данномъ сочиненіи злонамѣренный пасквиль на то или другое частное лицо, на правительство или на религію. Далѣе, англійская конституція не установляетъ также и спеціальнаго права сходокъ, и если оно тѣмъ не менѣе существуетъ, то лишь въ силу признаваемой англійскими судами свободы каждаго гражданина сходиться гдѣ угодно и съ кѣмъ угодно и при этомъ говорить, что угодно, если при этомъ не будетъ нарушенъ какой-либо законъ, карающій то или другое запрещаемое закономъ же дѣйствіе въ родѣ клеветы, призыва къ мятежу или прямого насилія. На этомъ основаніи англійскіе граждане получили возможность безъ особаго разрѣшенія со стороны спеціальнаго закона собираться для обсужденія общихъ дѣлъ, и безъ особаго закона, изданнаго парламентомъ, правительство поэтому не могло сдѣлать собраніе незаконнымъ только въ силу своего объявленія, что считаетъ за таковую тую или другую сходку. Вотъ эти-то два права англійскаго гражданина—свобода слова и свобода сходокъ—и стали ограничиваться и стѣсняться въ эпоху реакціи, что вызывало противодѣйствіе со стороны общественнаго мнѣнія, которое теперь все болѣе и болѣе стало высказываться принципіально за свободу прессы и за свободу митинговъ. Но какъ парламентъ въ эпоху реакціи ни стѣснялъ обѣ эти свободы, никогда онъ, во-первыхъ, не доходилъ до установленія цензуры, какъ это дѣлалось, напр., во Франціи въ эпоху реставраціи, когда постоянно мѣнялись законы о печати и цензура то отмѣнялась, то опять возстановлялась [1]), а во-вторыхъ, ни единаго раза не допускалъ пріостановки конституціи, допускавшейся, напр., во Франціи самою же конституціею въ случаѣ мятежей, возникающихъ, конечно, лишь путемъ народныхъ сборищъ. Правящіе классы Англіи, несомнѣнно, были весьма нерасположены къ прессѣ и митингамъ, но въ своихъ реакціонныхъ мѣрахъ никогда не заходили такъ далеко, какъ дѣлали французскіе ультра-роялисты. Тѣмъ не менѣе, свободѣ печати и свободѣ сходокъ пришлось пережить весьма тяжелый кризисъ. Въ концѣ концовъ англійская нація отвоевала и для прессы, и для митинговъ такую свободу, какой раньше совсѣмъ не пользовалась.

Цензура въ Англіи, какъ извѣстно, исчезла еще въ концѣ

---

[1]) См. выше, стр. 390 и др.

XVII в. [1]), послѣ чего всякое произведеніе печати могло свободно обращаться въ публикѣ подъ условіемъ подчиненія довольно строгимъ и неопредѣленнымъ законамъ о пасквилѣ. Благодаря этимъ законамъ и тому что дѣла по пасквилямъ изъимались прежде изъ компетенціи суда присяжныхъ, свободѣ прессы пришлось завоевывать шагъ за шагомъ признаніе со стороны правительства и парламента, и лишь въ 1792 г. былъ послѣ нѣкоторой борьбы принятъ законъ, по которому преступленія по дѣламъ печати должны были всегда подлежать вѣдѣнію суда присяжныхъ. Особенно важно было то, что еще въ началѣ царствованія Георга III газеты добились права оглашать содержаніе парламентскихъ преній [2]), хотя до сихъ поръ еще это право остается безъ утвержденія посредствомъ какого-либо законодательнаго акта. Съ другой стороны, уже раньше вмѣстѣ съ печатью, которая сдѣлалась могущественною общественною силою, большое политическое вліяніе стали оказывать народныя собранія (митинги) по тѣмъ или другимъ жгучимъ вопросамъ дня и болѣе постоянныя ассоціаціи, ставившія себѣ какую-либо опредѣленную политическую цѣль [3]). Митинги явились не только новой формой выраженія общественнаго мнѣнія, но и новымъ его источникомъ. Между прочимъ, митинги, а съ ними и ассоціаціи получили весьма важное значеніе въ дѣлѣ агитаціи за парламентскую реформу, особенно послѣ того, какъ во Франціи произошла революція. Еще въ 1780 г. возникла въ Англіи большая ассоціація, которая получила названіе Society for promoting Constitutional information и поставила своею цѣлью распространеніе въ народѣ политическаго образованія посредствомъ изданія соотвѣтствующихъ этой цѣли книгъ и брошюръ, въ коихъ уже проводились идеи всеобщаго голосованія, закрытой подачи голосовъ и т. п. Въ 1791 г. для достиженія парламентской реформы въ смыслѣ равномѣрности представительства образовалось въ Лондонѣ и другихъ городахъ нѣсколько обществъ, изъ коихъ особенно дѣятельнымъ было лондонское Corresponding Society, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (1792) возникло еще Общество друзей народа (Society of the friends of the people), во главѣ коего стояли виги (въ томъ числѣ нѣкоторые члены парламента), поставившіе своею задачею добиваться мирными путями парламентской реформы и тѣмъ самымъ противодѣйствовать революціоннымъ происканъ. Такъ какъ старѣйшее изъ этихъ обществъ однажды рѣшило послать адресъ якобинскому клубу въ Парижѣ, то правитель-

---

[1]) Т. III, стр. 79. См. сочиненія по исторіи прессы и свободы печати въ Англіи, указанныя въ т. III, стр. 76.

[2]) Т. III, стр. 81.

[3]) Henry Jephson. The platform, its rise and progress. 1892. — В. Ѳ. Дерюжинскій. Публичные митинги въ Англіи. Вѣстн. Евр. 1894.

ство весьма встревожилось и издало „прокламацію“ о необходимости строгаго подавленія всѣхъ попытокъ распространять вредныя и мятежническія сочиненія. Тѣмъ не менѣе всѣ три Общества продолжали агитировать въ пользу реформы, составляя въ этомъ смыслѣ петиціи, собирая подъ ними подписи и вообще стараясь всѣми средствами поддерживать общественный интересъ къ этому вопросу и показывать правительству и большинству парламента, что движеніе въ пользу реформы имѣетъ серьезное значеніе и очень популярно въ странѣ. Однимъ изъ наиболѣе рьяныхъ дѣятелей въ этой пропагандѣ парламентской реформы былъ членъ парламента Чарльзъ Грей, внесшій въ этомъ смыслѣ предложеніе въ палату депутатовъ (1793). Когда оно было отвергнуто, первыя два изъ названныхъ Обществъ совокупными силами устроили въ 1793 въ Лондонѣ первые два публичные митинга подъ открытымъ небомъ. Примѣру столицы послѣдовали и другіе города. Хотя порядокъ ни разу не былъ нарушенъ на этихъ собраніяхъ, тѣмъ не менѣе рѣчи, на нихъ произносившіяся, не могли не обезпокоить правительство, которое въ это время шло все болѣе и болѣе по пути реакціи. Напр., на одномъ митингѣ было постановлено, что народъ можетъ требовать всеобщей подачи голосовъ, какъ своего права, и что потому нѣтъ надобности о немъ просить, какъ о какой-то милости, нѣкоторые же ораторы, увлеченные примѣромъ французской революціи, прямо настаивали на томъ, чтобы созванъ былъ національный конвентъ, который и произвелъ бы парламентскую реформу. На такого рода заявленія правительство взглянуло, какъ на призывъ къ революціи и какъ на образованіе заговора противъ существующаго порядка, и въ 1794 г., по предложенію Питта, парламентъ на годъ пріостановилъ дѣйствіе habeas-corpus-act'a. Правда, по окончаніи срока пріостановки министры должны были дать отчетъ парламенту по всѣмъ своимъ дѣйствіямъ, касавшимся личной свободы гражданъ, но парламентъ потомъ посредствомъ особаго акта (bill of indemnity) снялъ съ нихъ всякую отвѣтственность за все ими совершонное въ это время, и такъ дѣло продолжалось въ теченіе восьми лѣтъ (до конца 1801 г.), ибо парламентъ изъ году въ годъ вотировалъ временную пріостановку habeas-corpus-act'a. Въ новѣйшей исторіи Англіи это самый длинный періодъ, когда принималась такая исключительная мѣра, лишавшая гражданъ одной изъ важнѣйшихъ гарантій ихъ личной неприкосновенности.

Подъ вліяніемъ страха съ этого времени умножаются и процессы по дѣламъ о пасквиляхъ и по поводу „мятежническихъ“ словъ. Уже въ 1792 г. былъ подвергнутъ суду и осужденъ присяжными Томасъ Пэнъ за свое сочиненіе о правахъ человѣка, а затѣмъ процессы подобнаго рода быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ, причемъ присяжными, зара-

женными общей паникой выносились обвинительные приговоры, а подсудимые приговаривались къ тюремному заключенію и большимъ штрафамъ. Мало того: въ Лондонѣ и во всей Англіи стали образовываться добровольческія общества въ помощь правительству для разысканія и наказанія мятежныхъ сочиненій и разговоровъ. Первая изъ этихъ ассоціацій назвала себя „Обществомъ для покровительства свободы и собственности противъ республиканцевъ и уравнителей". Публика по подпискѣ собирала деньги, оплачивала шпіоновъ, сама шпіонила и доносила куда слѣдуетъ, нерѣдко пользуясь анонимными письмами для этой цѣли, и что хуже всего, въ такихъ обществахъ принимали участіе сами судьи, но особенно часто ихъ дѣятельные члены являлись на судѣ въ качествѣ присяжныхъ [1]). Нѣкоторые члены парламента подняли-было вопросъ о неправильностяхъ судопроизводства и о чрезмѣрно строгихъ приговорахъ по дѣламъ этого рода, но громадное большинство въ обѣихъ палатахъ давало молчаливое одобреніе всему, что̀ дѣлали суды по процессамъ о мятежныхъ словахъ и сочиненіяхъ. За процессами подобнаго рода послѣдовали процессы о заговорахъ и политическихъ обществахъ. Въ 1794 г., напр., преданы были суду Томасъ Гарди, Горнъ Тукъ и еще нѣсколько лицъ, все члены упомянутыхъ выше либеральныхъ обществъ, по обвиненію въ государственной измѣнѣ и революціонномъ заговорѣ. Томасъ Гарди былъ простой ремесленникъ и состоялъ секретаремъ London Corresponding Society: ему ставили въ вину чуть не всѣ слова, какія произносились гдѣ-либо и когда-либо членами этого Общества, и при этомъ исходили изъ предположенія, что настоящія цѣли Общества были не тѣ, какія были показаны въ его программѣ. Однако, не смотря на всю предубѣжденность присяжныхъ, Томасъ Гарди оказался совершенно невиннымъ. Горнъ Тукъ былъ также оправданъ, но изъ процесса публика узнала, до какой степени у страха были велики глаза. Въ числѣ документовъ, читавшихся на судѣ, было, напр., письмо, гдѣ одна весьма простая фраза: „можете-ли вы быть готовы къ четвергу?" — истолковывалась обвиненіемъ въ смыслѣ намека на подготовку какого-либо бунта или чего-нибудь тому подобнаго. Другимъ, напр. еще, доказательствомъ опаснаго поведенія Тука были его слова, произнесенныя въ засѣданіи Society for constitutional information: увидѣвъ въ залѣ Гэя, извѣстнаго въ то время своею предпріимчивостью въ дѣлѣ отдаленныхъ путешествій, онъ сказалъ о немъ, что „вотъ-де человѣкъ, который пойдетъ гораздо дальше, нежели каждый изъ насъ согласился бы за нимъ слѣдовать", а

---

[1]) Подробностей много собрано въ книгѣ Erskine May, названной выше (стр. 434).

шпіонъ, донесшій объ этихъ словахъ, истолковалъ ихъ въ смыслѣ разговора о рѣшимости далеко идти въ дѣлѣ политическаго переустройства Англіи. Другіе обвиняемые равнымъ образомъ были оправданы. Все это дало вигамъ поводъ снова поднять въ парламентѣ вопросъ о томъ, да существуютъ ли въ дѣйствительности какіе-либо поводы для пріостановки дѣйствія habeas-corpus-act'a. Фоксъ былъ постоянно въ числѣ наиболѣе рьяныхъ противниковъ этой реакціи, грозившей личной и общественной свободѣ.

1795 годъ въ Англіи былъ однимъ изъ наиболѣе безпокойныхъ, что̀ заставляло и правительство, и господствующіе классы общества, и добровольческихъ ревнителей порядка напрягать всѣ свои усилія для борьбы съ призракомъ революціи. Урожай былъ плохой, война разстроила промышленныя предпріятія, въ народѣ стала развиваться нищета и съ нею наклонность къ безпо̀рядкамъ, а тутъ еще, лишь только истекъ срокъ пріостановки дѣйствія habeas-corpus-act'a, возобновилась и агитація въ пользу парламентской реформы. Начались опять митинги подъ открытымъ небомъ, а одинъ изъ нихъ получилъ грандіозные размѣры: говорили даже, будто на немъ присутствовало полтораста тысячъ человѣкъ. На этихъ народныхъ сходкахъ вотировались воззванія къ народу съ приглашеніемъ добиваться всѣми легальными и конституціонными средствами обезпеченія за націей ея естественныхъ и неоспоримыхъ правъ — всеобщаго голосованія и ежегодныхъ выборовъ въ парламентъ, а также вотировались адресы къ королю въ томъ же смыслѣ. Когда вскорѣ послѣ большого митинга Георгъ III ѣхалъ на открытіе сессіи парламента, его окружила большая толпа народа, изъ которой сначала раздавались крики: „Долой Питта!“— „Не нужно войны!“—„Миръ! миръ!“—„Дайте намъ хлѣба!“—„Прочь голодъ!“,—а затѣмъ полетѣлъ въ королевскую карету камень, выбившій въ ней оконное стекло. На обратномъ пути короля повторилось то же самое, и едва онъ скрылся во дворцѣ, какъ народъ бросился на карету и чуть не изломалъ ее въ куски. Это прискорбное происшествіе было поводомъ для изданія парламентомъ крайне репрессивныхъ законовъ, которые, имѣя своею цѣлью охрану особы короля отъ какихъ-бы то ни было покушеній и оскорбленій, могли въ то же время быть прилагаемы ко всѣмъ сторонникамъ парламентской реформы, въ рѣчахъ или печатно пропагандировавшимъ ея необходимость, такъ какъ, между прочимъ, должны были подвергаться судебному преслѣдованію всѣ книги, статьи, рѣчи и предложенія съ неблагонамѣреннымъ содержаніемъ, направленнымъ противъ короля или его правительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ, запрещались всякія мятежническія скопища и какія бы то ни было публичныя собранія (за исключеніемъ установленныхъ закономъ), разъ въ собра-

ніяхъ этихъ присутствовало болѣе пятидесяти человѣкъ. Эти законы были приняты не безъ ожесточенной борьбы, ибо вигская оппозиція, имѣя во главѣ Фокса, указывала на то, что подобныя мѣропріятія противорѣчатъ всему духу англійской конституціи: однажды въ негодованіи она даже покинула залу засѣданія. „Мы,—сказалъ, въ одной изъ своихъ рѣчей по этому поводу Фоксъ, — мы видѣли революціи въ другихъ государствахъ, мы слышали о томъ, какъ онѣ происходятъ? Развѣ онѣ были вызваны свободой выраженія общественнаго мнѣнія? Развѣ ихъ производила свобода народныхъ собраній? Нѣтъ, онѣ обязаны были своимъ происхожденіемъ совершенно иной политикѣ, и вотъ я прямо говорю: если мы только желаемъ избѣжать опасности подобныхъ революцій, мы должны по возможности поставить себя въ положеніе, наиболѣе несходное съ положеніемъ нашихъ сосѣдей“. Протестовали, впрочемъ, противъ новыхъ биллей не одни парламентскіе виги: въ столицѣ государства и во всей странѣ шла сильная агитація противъ стѣсненій свободы общественнаго мнѣнія, которое проявлялось какъ разъ и путемъ печати, и путемъ народныхъ сходокъ, но любопытно то, что сами министры и сторонники ограничительныхъ мѣръ прибѣгали тоже къ организаціи митинговъ, на которыхъ постановлялись резолюціи въ смыслѣ необходимости этихъ мѣръ для поддержанія порядка. Шесть недѣль шла эта борьба въ парламентѣ, въ столицѣ и во всей странѣ; однѣхъ петицій противъ биллей было представлено около сотни съ ста тридцатью тысячами подписей, но реакціонное большинство въ парламентѣ было столь значительное и такъ сильно сплоченное, что оппозиція не могла имѣть успѣха, и билли прошли всѣ законодательныя инстанціи. Срокъ движенія новаго закона о народныхъ собраніяхъ, какъ мѣры исключительной, былъ опредѣленъ трехлѣтній, но уже въ 1797 г. Фоксъ сталъ настаивать въ парламентѣ на необходимости немедленнаго возстановленія народнаго права собираться и обсуждать общія дѣла, краснорѣчиво защищая принципъ свободы выраженія общественнаго мнѣнія. „Чѣмъ свободнѣе,—говорилъ онъ между прочимъ, — могутъ выражаться мнѣнія, тѣмъ менѣе они могутъ представлять опасности. Лишь тогда мнѣнія становятся опасными для государства, когда преслѣдованія вынуждаютъ его жителей высказывать свои мысли подъ величайшею тайною... Что за насмѣшка—говорить народу: вы имѣете право рукоплескать, право радоваться и веселиться, право собираться, когда чувствуете себя счастливыми, но у васъ нѣтъ права порицать, нѣтъ право жаловаться на свои бѣдствія, нѣтъ права указывать на средства для устраненія зла“. Между тѣмъ, правительство и парламентъ продолжали придумывать новыя и новыя мѣры противъ свободныхъ проявленій общественной жизни, поскольку они казались

опасными въ смыслѣ развитія и распространенія демократическихъ идей. Напр., на газеты былъ наложенъ высокій штемпельный налогъ съ цѣлью воспрепятствовать успѣхамъ дешевой политической прессы, расчитанной на читателей изъ низшихъ классовъ общества [1]). Съ другой стороны, законы 1795 г., совершенно стѣснивъ дѣятельность прежнихъ политическихъ обществъ, превратили ихъ членовъ въ отъявленныхъ враговъ Питта и его товарищей. Многія изъ нихъ стали основывать тайныя ассоціаціи и комитеты („Соединенные англичане", „Соединенные шотландцы", „Соединенные ирландцы"), сами превращались въ тайныхъ агентовъ, поддерживавшихъ между этими новыми организаціями постоянныя сношенія, и даже стали обращаться къ Франціи, какъ это сдѣлали „Соединенные ирландцы", или сѣять недовольство въ народѣ, въ арміи, во флотѣ, желая произвести въ нихъ прямое сопротивленіе властямъ. Все это вызвало со стороны правительства новый репрессивный билль, въ силу коего одни общества (каковы только-что поименованныя ассоціаціи и London corresponding society) закрывались, и вводились новыя ограниченія свободы собраній и печати. Парламентская оппозиція чувствовала себя до такой степени слабой, что не рѣшалась даже противодѣйствовать новымъ стѣсненіямъ свободы, тѣмъ болѣе, что, на ея взглядъ, часть прессы сама компромметтировала свободу мнѣнія своими черезъ-чуръ рѣзкими выходками противъ существующаго порядка. Въ одномъ только отношеніи правительство продолжало попрежнему уважать свободу печати, а именно, когда предметомъ обсужденія дѣлались дѣла въ иностранныхъ государствахъ, такъ что, напр. Наполеонъ послѣ амьенскаго мира совершенно напрасно требовалъ у англійскаго правительства, чтобы оно обуздало враждебныхъ ему писакъ [2]). Въ своемъ отвѣтѣ Наполеону англійское правительство даже прямо ссылалось на то, что свобода печати, обезпеченная конституціей, дорога каждому британскому подданному. „Конституція,—говорилось въ этомъ отвѣтѣ,—не допускаетъ никакой предупредительной мѣры по отношенію къ какимъ бы то ни было публикаціямъ, но существуютъ суды, совершенно независимые отъ исполнительной власти, вѣдающіе изданія, которыя считаются по закону преступными, и облеченные властью налагать наказанія за нарушенія закона".

И пріостановка движенія habeas-corpus-act'a, и репрессивныя мѣры противъ политическихъ обществъ и противъ печати, какъ постановленія чисто временныя, сдѣланныя на опредѣленный срокъ и притомъ въ виду обстоятельствъ, которыя признавались исключительными,

---

[1]) Ср. выше, стр. 390.

[2]) См. выше, стр. 136—137.

въ теоріи не должны были нарушать основныхъ принциповъ конституціи, но на практикѣ правительство весьма охотно предлагало, а парламентъ не менѣе охотно принималъ—возобновленіе этихъ мѣръ по истеченіи срока, на который онѣ вотировались. Мы уже упоминали, что habeas-corpus-act не дѣйствовалъ до 1801 г. вслѣдствіе новыхъ отсрочекъ, вызывавшихся обстоятельствами, но въ томъ же 1801 г., когда правительство замѣтило оживленіе митинговъ, были опять введены въ дѣйствіе ограничительные законы 1795 г. Какъ бы тамъ ни было, въ самомъ концѣ XVIII в. и началѣ XIX столѣтія реакція достигла своей непосредственной цѣли, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ общественной жизни Англіи господствовало почти полное затишье. Въ эти годы среди многихъ англичанъ возобладало мнѣніе, въ силу котораго свобода печати казалась имъ даже чѣмъ-то опаснымъ. „Говорятъ,— заявлялъ одинъ судья, разбиравшій одно изъ многочисленныхъ дѣлъ о пасквиляхъ,—говорятъ, будто мы имѣемъ право обсуждать акты нашего законодательства, но такое позволеніе завело бы насъ слишкомъ далеко. Неужели народъ имѣетъ право становиться поперекъ актамъ парламента? Неужели пасквилянтъ можетъ сѣять неудовольствіе среди народа противъ правительства, подъ которымъ народъ живетъ? Нѣтъ, этого никому нельзя дозволить, ибо это противно конституціи и приводитъ къ мятежу“. Несмотря, однако, на всѣ неблагопріятныя условія эпохи, періодическая пресса въ Англіи въ началѣ XIX в. сдѣлала громадные успѣхи, благодаря свѣжести и обстоятельности доставлявшихся ею военныхъ и политическихъ извѣстій, равно какъ благодаря основательности, съ какою газеты обсуждали внутреннюю и внѣшнюю политику, хотя, какъ-то случается нерѣдко, когда пресса только-что освобождается отъ внѣшняго гнета или бываетъ вынуждена съ нимъ бороться, значительное число статей отличалось неприличнымъ тономъ или прямо клеветническими замашками [1]). Послѣднее относится особенно къ подпольнымъ листкамъ, въ большомъ количествѣ тогда расплодившимся въ обходъ закона о штемпельномъ налогѣ. Несмотря на то, что въ правящемъ классѣ Англіи возникло даже презрительное отношеніе къ профессіональнымъ журналистамъ, пишущимъ за деньги статьи въ газетахъ, всѣ классы общества и всѣ партіи пришли одинаково къ сознанію громадной важности печатнаго слова. Это убѣжденіе прекрасно выразилъ (въ 1810 г.) одинъ изъ видныхъ парламентскихъ дѣятелей эпохи: „дайте мнѣ только одну свободу печати, и я готовъ предоставить въ распоряженіе министерства продажную палату пэровъ, раболѣпную и подкупленную палату общинъ, свобод-

[1]) Ср., что говорилось о французской прессѣ въ эпоху революціи, т. III, стр. 503 и др.

ное распоряженіе должностями, всѣ средства, какими могутъ располагать высокопоставленныя лица, чтобы купить полную покорность и сломить всякое сопротивленіе. Вооруженный свободою печати, я смѣло пойду ему навстрѣчу; я сдѣлаю нападеніе на воздвигнутую имъ твердыню; я начну колебать порочную основу его могущества,—и я заставлю его пасть и погибнуть подъ обломками того зла, которое должна была охранять эта твердыня".

Въ первые годы XIX в. общественное мнѣніе лишь изрѣдка и въ исключительныхъ случаяхъ выражалось въ формѣ митинговъ, когда дѣлались какія-либо разоблаченія правительственныхъ злоупотребленій, служившія всегда однимъ изъ аргументовъ со стороны защитниковъ парламентской реформы. Въ эпоху регентства надъ съумасшедшимъ Георгомъ III, т.-е. въ теченіе почти всего второго десятилѣтія XIX вѣка въ Англіи опять было сильное общественное возбужденіе, причины коего заключались въ дурномъ экономическомъ состояніи народа и которое выражалось въ частыхъ безпорядкахъ и мятежахъ. Мы еще познакомимся въ другой связи съ тѣмъ движеніемъ противъ машинъ, которое обнаружилось въ это время среди рабочихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи: въ движеніи этомъ не было ничего политическаго, и вызвано оно было причинами чисто экономическаго свойства, а не демократическою пропагандою, но правящіе классы и въ этихъ вспышкахъ народнаго неудовольствія видѣли дѣйствіе либеральныхъ идей и продолжали поддерживать репрессивныя мѣры. Совершенно такія же причины, а именно, хлѣбные законы и дороговизна жизненныхъ припасовъ вызвали въ Лондонѣ и другихъ мѣстахъ также нѣсколько возстаній въ 1815 и 1816 гг. Около того же времени оживилась агитація въ пользу парламентской реформы, и въ этомъ смыслѣ, напр., въ 1816 г. парламенту было подано множество петицій, подъ коими въ общей сложности было до 500 т. подписей. Въ 1817 г. народное неудовольствіе выразилось и въ болѣе рѣзкой формѣ: когда принцъ-регентъ возвращался съ открытія парламента, собравшійся на улицахъ народъ сталъ бросать въ его карету камни и разные другіе предметы (28 янв. 1817 г.). Это происшествіе, какъ и то, которое случилось за двадцать-два года передъ тѣмъ, послужило поводомъ къ тому, чтобы начать походъ противъ политическихъ клубовъ, митинговъ, петицій и печати. Прискорбное поведеніе уличной толпы было обобщено, и чуть не вся нація или ея громадное большинство были заподозрѣны въ мятежныхъ замыслахъ, бороться съ коими и правительство, и парламентъ считали возможнымъ лишь посредствомъ возвращенія къ репрессивнымъ мѣрамъ 1795 г. Напрасно оппозиція доказывала въ парламентѣ, что опасенія алармистовъ преувеличены, что существующихъ законовъ вполнѣ достаточно для подавленія

мятежей, что не слѣдуетъ ограничивать свободу всѣхъ для наказанія небольшой кучки людей, производящихъ безпорядки; и на этотъ разъ реакціонное настроеніе парламентскаго большинства было настолько сильно, что весьма быстро были вотированы предложенныя правительствомъ чрезвычайныя мѣропріятія. Опять закрыты были разные общества и клубы, запрещены собранія свыше пятидесяти лицъ и пріостановлено дѣйствіе habeas-corpus-act'a въ продолженіе цѣлаго года. И на печать снова воздвигнуто было гоненіе. Правительство въ мартѣ 1817 г. разослало циркуляръ, въ коемъ указывало на то, что мировые судьи имѣютъ право издавать приказы объ арестѣ всякаго, подъ присягой обвиненнаго въ изданіи какого-либо мятежнаго или богохульнаго пасквиля, и требовать отъ него залога въ обезпеченіе явки на судъ, и что продавцы книгъ и брошюръ должны подчиняться закону о торговцахъ въ разносъ и о ярморочныхъ купцахъ и подлежать наказанію, если распространяютъ свой товаръ безъ надлежащаго разрѣшенія. Въ обѣихъ палатахъ оппозиція вздумала-было оспаривать правильность взглядовъ, изложенныхъ въ циркулярѣ, но успѣха не имѣла, хотя аргументы, приведенные лордомъ Греемъ и Ромильи, все-таки поставили министерству на видъ, что принципъ англійской свободы не позволяетъ превращать независимаго мирового судью въ какого-то полицейскаго коммиссара. Опять послѣ реакціонныхъ биллей 1817 г. началась репрессія печати и со стороны правительства, и со стороны судей, и со стороны нерѣдко даже присяжныхъ, отражавшихъ на себѣ реакціонное недовѣріе извѣстной части общества къ свободной прессѣ. Но и опять, несмотря на всѣ мѣры, принятыя для остановки реформистскаго движенія, оно не прекращалось; только вмѣсто многолюдныхъ митинговъ, назначались собранія человѣкъ по двадцати, и здѣсь подписывались петиціи о парламентской реформѣ. Когда же срокъ дѣйствія исключительныхъ законовъ и пріостановки habeas-corpus-act'a истекъ, общественное движеніе снова вошло въ свою прежнюю колею. Въ 1819 г. было особенно много митинговъ въ Лондонѣ и другихъ городахъ. Бѣдственное экономическое положеніе рабочаго класса заставляло его собирать большія народныя сходки для обсужденія мѣръ, которыя могли бы вывести его изъ печальнаго состоянія, и нѣкоторые сторонники парламентской реформы стали пропагандировать среди рабочихъ ту мысль, что самымъ лучшимъ средствомъ для улучшенія ихъ быта было бы введеніе всеобщаго голосованія и ежегодныхъ выборовъ въ парламентъ. Въ Бирмингамѣ, лишенномъ представительства въ палатѣ общинъ, народный митингъ изъ 25 тысячъ человѣкъ даже выбралъ представителя въ парламентъ на случай признанія права за всѣми городами посылать депутатовъ въ палату общинъ, а не было бы это право признано, такъ на парламентъ не-

чего было бы и смотрѣть. Въ Лондонѣ тоже состоялся грандіозный митингъ, въ которомъ участвовало около 70 тысячъ человѣкъ. Такъ какъ рѣчи, произносившіяся на такихъ народныхъ сходкахъ принимали иногда очень бурный характеръ,—что, впрочемъ, ни разу не повлекло за собою какого бы то ни было нарушенія внѣшняго порядка,—то правительство опять сильно встревожилось. Въ концѣ іюля 1819 г. отъ имени принца-регента была обнародована „прокламація“, въ которой мѣстныя власти приглашались между прочимъ преслѣдовать въ судахъ всѣхъ, кто только будетъ виновенъ въ произнесеніи мятежныхъ рѣчей. Но „прокламація“ принца-регента не могла имѣть силы закона, и митинги безпрепятственно продолжались. Примѣру Бирмингама послѣдовалъ Манчестеръ, тоже лишенный права посылать представителей въ парламентъ. Собраніе было назначено на 16 августа, но уже наканунѣ толпы рабочихъ изъ самаго города и ближайшихъ мѣстъ упражнялись въ военномъ строѣ, чтобы въ надлежащемъ порядкѣ двинуться къ назначенному мѣсту. Власти, уже ранѣе объявившія, что избраніе митингомъ представителя въ парламентъ было бы дѣломъ незаконнымъ, теперь стали опасаться возстанія и рѣшились помѣшать вообще собранію. Современники различно показываютъ число людей, явившихся на манчестерскій митингъ,—отъ 20 до 60 тысячъ человѣкъ,—и на самомъ дѣлѣ ихъ было тысячъ около 40. Всѣ эти люди въ величайшемъ порядкѣ и самомъ мирномъ настроеніи явились на Saint-Peter's-Field съ знаменами, на коихъ красовались надписи въ родѣ: „всеобщая подача голосовъ“, „равное представительство или смерть“, „долой хлѣбные законы“! Едва одинъ изъ организаторовъ митинга, Гентъ [1]), началъ свою рѣчь, какъ въ безоружную толпу ворвался отрядъ кавалеріи съ саблями наголо: произошла невообразимая свалка, а въ результатѣ было 11 убитыхъ и до 500 раненыхъ. Въ какія-нибудь десять минутъ митингъ былъ разогнанъ, а вожди арестованы. Правительство одобрило энергію, съ которою власти сдѣлали это дѣло, но общественное мнѣніе отнеслось съ негодованіемъ къ такому нарушенію свободы сходокъ, тѣмъ болѣе, что на толпу нападеніе сдѣлано было внезапно, безъ предварительнаго чтенія такъ называемаго riot-act'a, какъ того требовалъ законъ о подавленіи мятежей. По всей странѣ начались митинги негодованія, и замѣчательно, что вездѣ они прошли съ совершеннымъ спокойствіемъ и безъ нарушенія порядка. Повсюду требовали назначенія слѣдствія о „манчестерской бойнѣ“, какъ стали называть происшествіе 16 августа. Между прочимъ, подъ вліяніемъ „манчестерской бойни“ многіе виги, не одобрявшіе агитаціи радикальныхъ реформистовъ, стали

[1]) См. выше, стр. 470.

переходить на ихъ сторону. На митингахъ начали даже появляться лица изъ высшаго общества, какъ это было на митингѣ въ Іоркѣ, гдѣ выступили графъ Фицвильямъ, герцогъ Норфолькъ и др. важные господа. На этомъ собраніи была даже принята резолюція, формулированная именно герцогомъ Норфолькомъ въ томъ смыслѣ, что право собираться на митинги для обсужденія общественныхъ дѣлъ есть право народа и что военное насиліе надъ мирнымъ собраніемъ народа есть посягательство на его свободу, а потому іоркскій митингъ и счелъ нужнымъ выразить сожалѣніе, что принцъ-регентъ, по совѣту министровъ, одобрилъ вооруженное нападеніе на манчестерскій митингъ; вмѣстѣ съ этимъ была выражена просьба, чтобы парламентъ произвелъ разслѣдованіе о столь прискорбномъ и тревожномъ событіи. 23 ноября открыта была сессія парламента. Въ тронной рѣчи, прочитанной въ этотъ день, говорилось о новыхъ проявленіяхъ мятежнаго духа и о необходимости изысканія мѣръ для борьбы съ замыслами, клонящимися къ ниспроверженію конституціи и всего общественнаго строя. Большинство парламента какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало общему направленію этой рѣчи: не только послѣдовалъ съ его стороны отказъ на многочисленныя петиціи, поддержанныя оппозиціей въ самомъ парламентѣ, подвергнуть манчестерское происшествіе формальному разслѣдованію, но даже было рѣшено всякими мѣрами подавить возобновившееся общественное движеніе. Мало того: на этотъ разъ правительство внесло въ парламентъ и обѣ палаты приняли—уже не два репрессивныхъ билля, какъ въ 1795 г., и не четыре, какъ въ 1817 г., а цѣлыхъ шесть, причемъ министерство требовало даже, чтобы эти билли получили значеніе постоянныхъ законовъ, и лишь послѣ долгихъ преній дѣйствіе одного изъ нихъ (четвертаго), который былъ названъ „актомъ о предупрежденіи мятежныхъ митинговъ и сборищъ“ должно было ограничиться пятилѣтнимъ срокомъ. Первый изъ этихъ „шести актовъ“, какъ ихъ стали называть, отнималъ у обвиняемыхъ право въ случаѣ преступленія (misdemeanour), переносить свое дѣло на другую сессію (right of traversing). Вторымъ актомъ разрѣшалось въ случаѣ обвиненія издателя какого-либо мятежнаго сочиненія, отбирать у него всѣ экземпляры этого сочиненія, а при повтореніи преступленія наказывать штрафомъ, тюрьмой и ссылкой или изгнаніемъ. Третій актъ распространялъ газетный штемпельный налогъ и на брошюры, касавшіяся общественныхъ дѣлъ, а въ обезпеченіе штрафа издатели газетъ и брошюръ должны были вносить извѣстный залогъ. По четвертому акту о всякомъ собраніи свыше пятидесяти человѣкъ нужно было давать знать за шесть дней мѣстному мировому судьѣ, которому предоставлялось право перемѣнять мѣсто и время митинга. При этомъ было обязательно, чтобы судью извѣщали семь домовладѣльцевъ, а присутствовать могли лишь

мѣстные жители подъ страхомъ штрафа или тюремнаго заключенія за нарушеніе послѣдняго ограниченія. Если бы, далѣе, на митингѣ стали говорить что-либо противъ правительства или государственнаго устройства, власти вмѣнялось въ обязанность разгонять такія собранія и арестовывать ораторовъ, а буде кто-нибудь изъ толпы при этомъ оказался бы убитымъ или раненымъ, никто за это не долженъ былъ привлекаться къ отвѣтственности. Наконецъ, полагалось двухлѣтнее тюремное заключеніе за появленіе намитингѣ съ оружіемъ или со знаменемъ, вообще даже съ какою бы то ни было эмблемою. Кабинеты для чтенія и залы для преній этимъ актомъ подвергались особымъ правиламъ, въ основѣ коихъ лежали предварительное рѣшеніе со стороны властей и правительственный надзоръ. Пятымъ и шестымъ актами запрещались упражненія съ оружіемъ и разрѣшалось властямъ въ тѣхъ графствахъ, гдѣ возникли бы безпорядки, разыскивать и отнимать у частныхъ лицъ оружіе. Въ преніяхъ по этимъ биллямъ все еще дѣлались ссылки на французскую революцію, хотя уже прежде многіе доказывали, что для Англіи Франція не примѣръ: „въ Англіи,—еще раньше, напр., говорилъ лордъ Брумъ,—даже очень большой шумъ приноситъ пользу, тогда какъ во Франціи бываетъ прямо гибеленъ едва слышный ропотъ“. Какъ бы то ни было, въ силу новыхъ актовъ опять начались политическіе процессы, имѣвшіе своею цѣлью подавленіе свободы общественнаго мнѣнія и почина. Въ 1821 г. образовалось даже новое добровольческое общество для доносовъ по дѣламъ печати, принявъ не совсѣмъ подходящее къ дѣлу названіе „конституціоннаго“. Георгъ IV, вступившій на престолъ за годъ передъ этимъ, кромѣ того внесъ въ дѣло преслѣдованія свободной прессы и особый личный интересъ.

Въ двадцатыхъ годахъ правительству пришлось еще бороться противъ католической ассоціаціи, поставившей своею цѣлью добиться эманципаціи католиковъ и съ этою цѣлью устраивавшей тоже митинги, но въ концѣ концовъ правительство вынуждено было на уступку требованіямъ католиковъ [1]). Вообще въ короткое царствованіе Георга IV общественное мнѣніе сдѣлало въ Англіи весьма значительные успѣхи. „Актъ о предупрежденіи мятежныхъ митинговъ и сборищъ“, дѣйствіе коего кончилось въ началѣ 1825 г., былъ послѣднею попыткою ограничить въ Англіи право сходокъ, послѣ этого болѣе не подвергавшееся уже никакимъ существеннымъ стѣсненіямъ, съ начала же царствованія Вильгельма IV (1830) прекратились и конфликты между государственною властью и печатью, которая и стала теперь пользоваться самою широкою свободою.

---

[1]) См. ниже, стр. 490—492.

Оппозиціонная печать и митинги этой эпохи служили въ Англіи главнымъ образомъ дѣлу демократической партіи, которая, кромѣ того, нашла двухъ видныхъ вождей въ лицѣ Коббета и Бентама. Первый изъ нихъ былъ главнымъ образомъ практическимъ дѣятелемъ партіи, второй—самымъ виднымъ ея теоретикомъ.

Вильямъ Коббетъ, сынъ незначительнаго землевладѣльца, началъ свою публицистическую дѣятельность въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ, гдѣ прожилъ съ 1792 по 1801 г. Въ Америкѣ онъ шокировалъ республиканскія чувства населенія своимъ „роялизмомъ“, но въ Англіи онъ показался, наоборотъ, слишкомъ радикальнымъ—въ глазахъ, конечно, правящихъ классовъ, которые были очень недовольны популярностью издававшагося имъ—„Political Register“. Такъ какъ рѣзкимъ тономъ своихъ статей онъ подавалъ поводъ примѣнять къ себѣ законъ о пасквиляхъ, то ему неоднократно приходилось подвергаться за свою литературную дѣятельность судебному преслѣдованію. Въ 1804 г. онъ былъ присужденъ заплатить большой штрафъ за напечатаніе письма одного ирландскаго судьи съ насмѣшками противъ исполнительной власти въ Ирландіи. Въ 1809 г. Коббета постигла еще худшая судьба. Узнавъ о наказаніи плетьми нѣсколькихъ англійскихъ милиціонеровъ, произведенномъ нѣмецкимъ наемнымъ отрядомъ, онъ написалъ статью противъ наемничества иностранцевъ и противъ употребленія въ арміи тѣлесныхъ наказаній, за что былъ обвиненъ въ пасквилѣ на нѣмецкій отрядъ и приговоренъ въ двухлѣтнему тюремному заключенію, къ штрафу въ тысячу фунтовъ стерлинговъ и къ подписанію обязательства, обезпеченнаго залогомъ въ три тысячи фунтовъ,— не нарушать мира въ теченіе семи лѣтъ. Когда въ 1817 г. были изданы извѣстные уже намъ реакціонные законы и на годъ пріостановлено дѣйствіе habeas-corpus-act'a [1]), Коббетъ прекратилъ изданіе своего „Политическаго Регистра“ и уѣхалъ на все это время въ Америку. „Я знаю,—писалъ онъ тогда,—что́ такое спеціальные присяжные, но и на это я не обратилъ бы вниманія. А вотъ противъ безусловной власти бросать на неопредѣленное время въ любую тюрьму королевства—несчастнаго, котораго даже не допросили, и оставлять его безъ перьевъ, безъ чернилъ и безъ возможности свиданій хотя бы съ одной живой душой, кромѣ тюремщика,—начинать борьбу противъ такой власти болѣе, нежели безумно!“ Въ Америкѣ онъ написалъ памфлетъ подъ заглавіемъ „Исторія послѣднихъ дней англійской свободы“, но въ 1818 г. возвратился опять на родину и путемъ печати, рѣчей на митингахъ и публичныхъ лекцій пропагандировалъ идею парламентской реформы. Когда послѣдняя совершилась въ 1832 г.,

[1]) См. выше, стр. 480.

онъ самъ попалъ въ палату общинъ, какъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей этой реформы.

Бентамъ [1]) прославился главнымъ образомъ, какъ юристъ и какъ творецъ этической теоріи утилитаризма, но мы здѣсь будемъ разсматривать его съ точки зрѣнія его политическихъ воззрѣній. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв. Бентамъ занималъ весьма видное положеніе въ качествѣ писателя, оказывавшаго большое вліяніе на законодательныя начинанія даже на континентѣ. Выступивъ на литературное поприще еще въ 1776 г. съ анонимнымъ сочиненіемъ (Fragment of government), въ коемъ подвергалось довольно ѣдкой критикѣ сочиненіе Блэкстона о „счастливой конституціи“ Англіи [2]), и уже въ 1780 г. изложивъ основы своего юридическаго и моральнаго міросозерцанія въ „Introduction to the principles of moral and legislation“, онъ сдѣлался извѣстнымъ на материкѣ Европы главнымъ образомъ, благодаря тому, что нашелъ въ лицѣ своего французскаго друга Дюмона прекраснаго популяризатора своихъ воззрѣній. Такъ, напр., только-что названный трактатъ появился въ свѣтъ лишь въ 1789 г. во французской обработкѣ Дюмона подъ заглавіемъ „Principes de legislation“; да и съ послѣдующими трудами Бентама европейская публика знакомилась большею частью по французскимъ обработкамъ того же Дюмона. Французская революція заставила англійскаго мыслителя поднять множество вопросовъ, и въ первые же ея годы онъ написалъ Essay on political tactics (Дюмонъ: Essai sur la tactique des assemblées legislatives) и On the cod for the organisation of the judicial establishment of France (появившееся сначала въ Courrier de Provence), за что законодательное собраніе декретомъ 26 авг. 1792 г. дало ему вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими выдающимися современниками права французскаго гражданства [3]). Когда Бентамъ посѣтилъ Францію въ эпоху амьенскаго мира, то былъ избранъ въ члены Института. И позднѣе во Франціи Бентамъ пользовался такою извѣстностью, что въ 1829 г. было даже основано особое періодическое изданіе для пропаганды его идей (L'Utilitaire). Извѣстно также, какою популярностью пользовалось имя Бентама въ русскомъ обществѣ начала XIX в., когда Александръ I съ кружкомъ своихъ друзей мечталъ о широкихъ законодательныхъ реформахъ и по этому случаю вступилъ въ личныя сношенія съ знаменитымъ англійскимъ юри-

---

[1]) Род. 1748, ум. 1832. О немъ см. у Robert von Mohl (Geschichte und Literatur der Staatswissenchaften, т. III), проф. Ярошa (Іеремія Бентамъ и его отношеніе къ ученію естественнаго права. 1889) и др.

[2]) Т. III, стр. 69—70.

[3]) Т. III, стр. 574—575.

стомъ [1]). Многочисленныхъ поклонниковъ имѣлъ Бентамъ и по ту сторону Атлантическаго океана: законодательство нѣкоторыхъ штатовъ Сѣверной Америки сложилось подъ несомнѣннымъ вліяніемъ его идей, а испанскія колоніи, освободившіяся отъ метрополіи, равнымъ образомъ высоко цѣнили его совѣты и указанія. Наконецъ, къ нему же за совѣтами и просьбою о заступничествѣ обращалось въ началѣ двадцатыхъ годовъ и греческое революціонное правительство. Но Бентамъ не былъ за то пророкомъ въ своемъ отечествѣ, такъ какъ его критика существующихъ порядковъ совсѣмъ не приходилась по вкусу реакціонному настроенію общества и слишкомъ противорѣчила общей англійской привычкѣ относиться съ уваженіемъ къ историческимъ традиціямъ своей родины. Лишь мало-по-малу завоевалъ себѣ Бентамъ почетное положеніе и въ англійскомъ обществѣ, когда именно движеніе въ пользу парламентской реформы, за которую онъ стоялъ, начало достигать своей цѣли.

Бентамъ въ своей политической теоріи исходилъ, какъ и писатели XVIII в., не изъ историческихъ, а изъ раціоналистическихъ положеній, но идеалистическую идею естественнаго права онъ замѣнилъ реалистическимъ принципомъ пользы. Въ этомъ отношеніи онъ былъ,—какъ и самъ признавался въ этомъ,—послѣдователемъ Гельвеція, который сводилъ всю нравственность и все законодательство къ принципу общей пользы, т.-е. пользы наибольшаго числа людей [2]). У Бентама было даже прямое отвращеніе вообще къ метафизикѣ, лежавшей въ основѣ естественнаго права. „Въ то время,—говорилъ онъ, напр.,—какъ Ксенофонтъ писалъ свою исторію, а Евклидъ создавалъ геометрію, Сократъ и Платонъ писали пустяки, подъ предлогомъ преподаванія мудрости и нравственности“. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ прямо назвалъ Платона верховнымъ мастеромъ въ произведеніи безсмыслицы. У французскихъ матеріалистовъ XVIII в. Бентамъ заимствовалъ идею, по которой руководящіе мотивы всей человѣческой дѣятельности слѣдуетъ искать въ удовольствіи и страданіи. Этотъ принципъ онъ считалъ уже не требующимъ доказательства, ибо послѣднее и невозможно, и безполезно: вѣдь нужно же принять какой-либо исходный пунктъ для цѣпи положеній, вытекающихъ одно изъ другого, но предполагающихъ первое положеніе, которое уже само не можетъ быть ничѣмъ доказано. Разъ, однако, разсуждаетъ далѣе Бентамъ, принятое начало истинно, всѣ другія начала, конечно, должны считаться ложными. „Природа,—такъ формулируетъ

---

[1]) А. Н. Пыпинъ. Русскія отношенія Бентама. Вѣстн. Евр. 1869.—Проф. Иконниковъ. Гр. Мордвиновъ и его время. 1873.

[2]) Т. III, стр. 226.

онъ свой основной взглядъ на мораль,—природа поставила человѣка подъ власть удовольствія и страданія. Имъ мы обязаны всѣми нашими понятіями; къ нимъ мы относимъ всѣ наши сужденія, всѣ дѣйствія нашей жизни. Тотъ, кто думаетъ освободиться отъ этого подчиненія, не знаетъ самъ, что́ говоритъ. Единственная его цѣль—искать удовольствія и избѣгать страданія въ ту самую минуту, когда онъ отрекается отъ величайшихъ удовольствій и идетъ навстрѣчу самымъ жестокимъ страданіямъ. Эти вѣчныя и неодолимыя чувства должны быть главнымъ предметомъ моралиста и законодателя. Начало пользы все подчиняетъ этимъ двумъ побужденіямъ". Не касаясь здѣсь вопроса о томъ, насколько утилитаризмъ удовлетворителенъ, какъ теорія объясняющая генезисъ нравственности,—а въ этомъ отношеніи онъ именно весьма неудовлетворителенъ,—мы должны остановиться лишь на практическомъ выводѣ, который Бентамъ дѣлалъ изъ своихъ теоретическихъ воззрѣній, хотя бы и этотъ выводъ былъ недостаточно логичнымъ, если разбирать всю доктрину съ философской точки зрѣнія. „Общее счастье, говоритъ Бентамъ, должно быть цѣлью законодателя; общая польза должна быть основаніемъ сужденій о законодательствѣ. Основаніемъ деонтологіи [1]) будетъ такимъ образомъ начало пользы, или, другими словами, то, что дѣйствіе считается добрымъ или дурнымъ, что оно заслуживаетъ похвалы или порицанія соразмѣрно съ его стремленіемъ увеличить или уменьшить сумму общественнаго счастья". Впослѣдствіи Бентамъ замѣтилъ, что общее благо—выраженіе слишкомъ растяжимое, такъ какъ понимаемое въ смыслѣ суммы интересовъ частныхъ лицъ, оно можетъ заключать въ себѣ стремленія, осуществимыя лишь на счетъ чужого блага, а потому и замѣнилъ принципъ общей пользы принципомъ „наибольшаго счастья наибольшаго количества людей". Въ концѣ, однако, и эта формула его не удовлетворяла, поскольку изъ нея должно вытекать требованіе принесенія счастья меньшинства въ жертву счастью большинства: тогда онъ выразилъ свой основной принципъ, какъ максимацію счастья въ смыслѣ доведенія его до высшей степени, гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было.

Утилитаризмъ Бентама впослѣдствіи сдѣлался основаніемъ демократическихъ требованій, замѣнивъ собою отвлеченное естественное право Руссо [2]) и, между прочимъ, получивъ примѣненіе къ вопросамъ чисто соціальнаго характера [3]). Принципъ „наибольшаго счастья

---

[1]) Ученіе о должномъ. Подъ заглавіемъ „Деонтологіи" вышло въ свѣтъ одно изъ позднѣйшихъ сочиненій Бентама.

[2]) III, стр. 226, гдѣ сопоставляются взгляды Руссо и Гельвеція.

[3]) Ср. объ этомъ въ послѣднемъ отдѣлѣ настоящаго тома.

наибольшаго количества людей“ въ существѣ дѣла глубоко демократиченъ, и именно подъ вліяніемъ этой своей идеи самъ Бентамъ мало-помалу перешелъ на демократическую точку зрѣнія. Когда въ началѣ французской революціи издана была знаменитая „декларація правъ человѣка и гражданина“ [1]), основанная на идеѣ естественнаго права, Бентамъ подвергъ ее острой критикѣ въ своихъ „Анархическихъ софизмахъ“, доказывая, что никогда не существовало никакихъ естественныхъ, неотчуждаемыхъ и священныхъ правъ, что признаніе ихъ могло бы только сбить съ толку законодательную и исполнительную власть, что они несовмѣстимы ни съ какимъ государственнымъ устройствомъ, и что, требуя этихъ правъ, граждане обнаруживали бы въ сущности лишь чисто анархическія стремленія. Въ своихъ нападкахъ на декларацію правъ Бентамъ, конечно, исходилъ не изъ того консерватизма, коимъ отличается вся полемика Берка [2]), потому что всѣ ссылки на историческія традиціи онъ, согласно съ общимъ духомъ своей философіи, называлъ доказательствами на китайскій манеръ, но именно самый принципъ общей пользы долженъ былъ привести Бентама къ демократическому выводу. И этотъ выводъ былъ имъ сдѣланъ. Въ своихъ „Руководящихъ началахъ для конституціоннаго кодекса, приложимаго ко всякому государству“ (1822) онъ весьма ясно выразилъ основную мысль этого своего конституціоннаго кодекса: „числительный алфавитъ, говоритъ онъ, служилъ мнѣ руководителемъ, и имъ я измѣрялъ ту степень покровительства, которую мой кодексъ оказываетъ людямъ. Мнѣ показалось, что два человѣка имѣютъ вдвое болѣе права на это покровительство, чѣмъ одинъ, три—втрое, четыре—вчетверо и т. д. Отсюда я заключилъ, что главнымъ предметомъ моей заботы должны быть масса гражданъ и безопасность и благосостояніе цѣлаго народа“. Отсюда Бентамъ самъ еще не дѣлалъ соціалистическихъ выводовъ, ибо отрицалъ подобно другимъ либераламъ эпохи [3]) государственное вмѣшательство въ экономическую жизнь, полагая, что личный интересъ лучше всего можетъ регулировать всѣ отношенія экономическаго характера,—и вмѣстѣ съ тѣмъ защищалъ полную свободу и неприкосновенность частной собственности. Мало того: при всемъ своемъ человѣколюбіи, составляющемъ одну изъ наиболѣе привлекательныхъ чертъ дѣятельности Бентама [4]), онъ вооружался противъ благотворительныхъ мѣропріятій, невозможныхъ, по его словамъ, безъ обложенія труда въ пользу лѣни. Но зато въ сферѣ чисто политической

---

[1]) Т. III, стр. 520—522.

[2]) См. выше, стр. 449—451.

[3]) См. выше, стр. 296 и 300, но особенно ниже, въ гл. XXVI.

[4]) Онъ ратовалъ между прочимъ и за отмѣну смертной казни.

онъ явился настоящимъ теоретикомъ и проповѣдникомъ демократіи. Правители, думалъ Бентамъ, вообще склонны болѣе всего заботиться о себѣ, и потому монархъ вообще являлся въ его представленіи, какъ рабовладѣлецъ—только въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Онъ вооружался и противъ двухпалатной системы представительства, находя, что собраніе, выбираемое и смѣняемое большинствомъ гражданъ, не должно встрѣчать помѣхи со стороны собранія, не зависящаго отъ этого большинства. Все его сочувствіе было на сторонѣ представительной демократіи. „Вездѣ, говоритъ онъ, за исключеніемъ хорошо устроенной представительной демократіи, немногіе правящіе и имѣющіе вліяніе суть враги многихъ, состоящихъ въ подчиненіи, враги въ мысляхъ, также какъ и въ дѣйствіи. И по самой природѣ человѣка, пока правительство, каково бы оно ни было, не уступитъ мѣста представительной демократіи, они останутся вѣчными и непримиримыми врагами“. Черезъ все идеальное государственное устройство Бентама проводится принципъ всемогущества большинства. Народу непосредственно принадлежитъ учредительная власть, а все остальное онъ дѣлаетъ черезъ своихъ повѣренныхъ. Подача голосовъ должна быть всеобщая, тайная, для всѣхъ равная и ежегодная. Съ точки зрѣнія равенства правъ и нужды въ защитѣ, быть можетъ, большей, чѣмъ у мужчины, Бентамъ не находилъ никакихъ основаній, кромѣ предразсудка, исключать и женщинъ изъ пользованія избирательнымъ правомъ. Такимъ образомъ, на принципѣ наибольшаго счастья наибольшаго количества людей Бентамъ строилъ совершенно демократическую политическую теорію, кладя этотъ же принципъ и въ основу своей критики другихъ политическихъ ученій. Напр., онъ отрицалъ раздѣленіе властей, ибо, по его словамъ, оно не только не имѣетъ прямого отношенія къ принципу наибольшаго счастья наибольшаго количества людей, но даже вредно, поскольку ограничиваетъ то, что только и нужно съ этой точки зрѣнія, т.-е. верховенство народа. Такимъ образомъ Бентамъ, исходя лишь изъ иныхъ началъ, приходилъ къ демократическимъ выводамъ, напоминающимъ воззрѣнія Руссо и Мабли: въ этомъ отношеніи его политическая теорія была очень далека отъ конституціонныхъ ученій тогдашняго либерализма, выразившагося лучше всего въ сочиненіяхъ Бенжамена Констана [1]). Понятно, что Бентамъ былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей парламентской реформы въ Англіи [2]), будучи самымъ виднымъ представителемъ демократическаго радикализма.

Агитація посредствомъ прессы и митинговъ, кромѣ парламент-

---

[1]) См. выше, стр. 298 и слѣд.

[2]) Bentham's radical reform bill, 1819.

ской реформы, добивалась въ Англіи въ эту эпоху еще другой политической цѣли, встрѣчавшей большое несочувствіе въ рядахъ всѣхъ англійскихъ реакціонеровъ. Прежде нежели въ 1832 г.—да и то подъ вліяніемъ сильнаго народнаго движенія, которое само отразило на себѣ іюльскій переворотъ во Франціи,—былъ рѣшенъ вопросъ о парламентской реформѣ, хотя далеко не въ смыслѣ демократическихъ требованій, общественному мнѣнію страны удалось путемъ легальной агитаціи, сдѣлавшейся снова возможной послѣ прекращенія дѣйствія реакціонныхъ законовъ 1819 г., добиться такъ называемой эманципаціи католиковъ.

Извѣстно, что въ Англіи въ эпоху реформаціи установилась государственная церковь, получившая названіе англиканской или епископальной [1]), и что англійскіе католики въ силу изданнаго въ XVII столѣтіи акта о присягѣ (test-act 1673 г.) лишены были права занимать какія бы то ни было государственныя и общественныя должности, а также быть членами парламента. Такимъ положеніемъ особенно тяготилась Ирландія, громадное большинство населенія которой принадлежало къ римской церкви: исключеніе католиковъ изъ права быть членами парламента только увеличивало и безъ того тягостное положеніе ирландцевъ [2]). Мы видѣли уже, что вслѣдствіе сдѣланной въ концѣ XVIII в. попытки возстанія, Ирландія лишилась собственнаго парламента, и что представители ея населенія стали съ 1800 г. засѣдать въ лондонскомъ парламентѣ [3]), что еще ухудшило положеніе ирландцевъ. Соединяя Ирландію съ Англіей воедино, Питтъ думалъ, однако, не только о томъ, чтобы обезопасить Англію, но и о томъ, чтобы положить начало примиренію ея съ Ирландіей. Однимъ изъ лучшихъ средствъ для достиженія этой цѣли онъ считалъ уравненіе въ правахъ католиковъ съ протестантами, указывая на то, что такая мѣра расположила бы въ пользу Англіи вліятельное католическое духовенство страны. Онъ думалъ поэтому отмѣнить test-act, вмѣ-

---

[1]) Т. II, стр. 202—203 и 224 и слѣд.

[2]) См. т. II, стр. 582. Аналогичное значеніе въ городахъ имѣлъ corporation act.

[3]) Исторія Ирландіи въ XIX в. заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія, которое нами и будетъ сдѣлано впослѣдствіи; здѣсь же указываемъ на литературу предмета. Кромѣ общихъ исторій Ирландіи Haverty (1860), Mitchel'я (1869), Richey (1869), Mac-Gee (1870), Walpole (1882), O'Konnor'a (2 изд. 1886) и др., см. Gilbert. History of the irish confederation. 1882—1891.—Daunt Eighty-five years of irish history (1800—1885). 1886.—Pressensé. L'Irlande et l'Angleterre (1880—1888). 1889.—Montgomery. History of land tenure in Ireland. 1889.—Кауцки. Ирландія (Рус. Богатство. 1894).—По церковнымъ отношеніямъ: Killen. The ecclesiastical history of Ireland. 1875.—Bellesheim. Gesch. der katholischen Kirche in Irland bis auf die Gegenwart. 1890—1891.

сто котораго, по его мнѣнію, достаточно было бы общей присяги на подданство и на вѣрность конституціи, но его предложеніе не нашло сочувствія въ другихъ членахъ кабинета, а когда о немъ узналъ Георгъ III, то рѣшительно заявилъ, что принятіе подобной мѣры противорѣчило бы присягѣ, которую онъ далъ при коронаціи. Королю притомъ очень хотѣлось найти какой-либо поводъ, чтобы заставить Питта подать въ отставку, такъ какъ этотъ министръ не былъ простымъ орудіемъ въ его рукахъ, и Георгъ III достигъ своей цѣли: Питтъ дѣйствительно вышелъ въ отставку [1]). Затѣмъ въ министерство лорда Гренвиля дѣло было снова поднято въ формѣ вопроса о разрѣшеніи католикамъ занимать офицерскія мѣста, но и лорду Гренвилю Георгъ III объявилъ, что онъ не долженъ ни въ какомъ случаѣ возбуждать этотъ вопросъ. Такъ какъ первый министръ не пожелалъ подчиниться такому требованію, то точно также вышелъ въ отставку. Но особеннымъ защитникомъ этой мѣры сдѣлался Каннингъ, не переставшій чуть не изъ году въ годъ подымать этотъ вопросъ: ему удалось уже въ 1812 г. склонить на сторону эманципаціи католиковъ большинство кабинета лорда Портланда и благополучно провести въ этомъ смыслѣ билль черезъ палату общинъ, но верхняя палата его отвергла. Одновременно съ этимъ въ Ирландіи происходила сильная народная агитація путемъ прессы и митинговъ въ пользу отмѣны законовъ, лишавшихъ гражданъ католическаго вѣроисповѣданія политической правоспособности, и въ Англіи эта агитація нашла поддержку среди мѣстныхъ католиковъ и либераловъ. Эманципаціонное движеніе начало проявляться съ особою силою, когда за дѣло взялся ирландскій адвокатъ Даніэль О'Коннель, человѣкъ, отличавшійся пламеннымъ патріотизмомъ, замѣчательнымъ краснорѣчіемъ и выдающимся организаторскимъ талантомъ [2]). Въ первый разъ онъ выступилъ въ роли устроителя митинговъ при помощи особаго католическаго комитета въ 1809 г. Уже тогда агитація О'Коннеля имѣла громадный успѣхъ въ Ирландіи и нашла сочувственный откликъ въ общественномъ мнѣніи самой Англіи; но парламентъ продолжалъ упорно отвергать вносившіеся въ него билли объ эманципаціи католиковъ. Особенно широкіе размѣры приняло это движеніе съ О'Коннелемъ во главѣ съ 1823 г., когда для объединенія всѣхъ католиковъ была основана католическая ассоціація (Catholic association) съ центральнымъ комитетомъ (Central association) въ Дублинѣ, руководившимъ дѣйствіями многочисленныхъ филіальныхъ отдѣленій во всей странѣ и даже взи-

---

[1]) Въ 1801 г., см. выше, стр. 458.

[2]) John O'Connel. Life and speeches of Daniel O'Connel. 1846—1847.— Cusack. The liberator, his life and times. 1872.

мавшимъ особый ежемѣсячный сборъ (Catholic rent) въ пользу агитаціи. Англійскій парламентъ, встревоженный успѣхомъ этой ассоціаціи, биллемъ 1825 г. закрылъ ее на три года. О'Коннель посовѣтовалъ своимъ приверженцамъ самимъ распустить ассоціацію, но вмѣсто нея, была основана новая, поставившая своею цѣлью организовать благотворительность и просвѣщать народныя массы; когда же окончился срокъ, на который была закрыта католическая ассоціація, она немедленно возродилась въ прежнемъ своемъ видѣ и повела еще болѣе энергичную, чѣмъ прежде, агитацію. Въ 1828 г. эта ассоціація была уже весьма грозною политическою силою, съ которою нельзя было не считаться и парламенту, такъ какъ за нее было поголовно все населеніе Ирландіи. Самъ О'Коннель былъ выбранъ въ члены палаты общинъ, не смотря на то, что былъ католикомъ. На правительство это избраніе произвело особенно сильное впечатлѣніе. Торійское министерство Веллингтона вынуждено было идти на уступки, чтобы избѣжать грозившаго странѣ междоусобія, и тронная рѣчь 1829 г. уже прямо возвѣщала о необходимости пересмотра законовъ о правахъ католиковъ, причемъ, однако, возвѣщался и другой билль—о разрѣшеніи лорду-намѣстнику Ирландіи закрывать всякія общества и собранія, которыя онъ найдетъ опасными. Въ виду близкаго рѣшенія вопроса въ благопріятномъ смыслѣ католическая ассоціація закрылась по собственному своему рѣшенію, показавъ англійскому народу, какими путями и онъ долженъ былъ добиваться своей политической эманципаціи. Съ большими затрудненіями только—между прочимъ и со стороны Георга IV—прошелъ, наконецъ, билль 1829 г. объ эманципаціи католиковъ, сопровождавшейся нѣкоторыми измѣненіями избирательнаго права въ Ирландіи [1]). Мѣра эта, на которую ирландскіе патріоты возлагали всѣ свои надежды, и съ которою англійскіе консерваторы и реакціонеры связывали разныя опасенія относительно государственнаго строя и установленной церкви Англіи, въ сущности не оправдала ни этихъ ожиданій, ни этихъ страховъ.

Результатами этой побѣды принципа религіозной свободы надъ традиціонной политикой англійской государственной церкви должны были воспользоваться и другіе диссиденты. Хотя они (за исключеніемъ унитарскихъ сектъ) пользовались въ Англіи свободою еще съ конца XVII в. [2]), тѣмъ не менѣе ихъ правоспособность была значительно стѣснена test-act'омъ и другими аналогичными законами. Въ сущности походъ противъ test-act'а начался еще гораздо раньше и не въ пользу однихъ католиковъ, но и въ пользу диссидентовъ вообще. Въ

---

[1]) Объ этомъ см. въ исторіи парламентской реформы въ т. V.

[2]) Т. II, стр. 595 и т. III, стр. 77.

этомъ смыслѣ его отмѣны требовали еще въ 1787, 1789, 1790 (предложеніе Фокса) гг.; затѣмъ требовали смягченія и нѣкоторыхъ другихъ законовъ, стѣснительныхъ для диссидентовъ. Напр., въ 1792 г. Фоксъ добивался религіозной свободы для унитаріевъ [1]), но потерпѣлъ пораженіе, въ силу чего парламентское голосованіе, отвергшее его предложеніе, прямо получило значеніе закона, по которому можно было наказывать унитаріевъ прямо за ихъ религіозныя мнѣнія. Лишь въ 1813 г. парламентъ согласился на мѣру, предлагавшуюся двадцатью годами раньше, но даже и въ двадцатыхъ годахъ билли о признаніи законности унитарскихъ браковъ не имѣли никакого успѣха. Далѣе, въ 1796 и 1797 г. въ парламентъ обращались квакеры съ просьбой освободить ихъ отъ противныхъ ихъ совѣсти платежа десятины въ пользу англиканской церкви и обязанности давать подъ присягою свидѣтельскія показанія на судѣ, но и билли, внесенные въ парламентъ въ этомъ смыслѣ, точно также были отвергнуты громаднымъ большинствомъ. Уничтоженіе test-act'a не устраняло требованія отъ лицъ, занимавшихъ государственныя и общественныя должности, общей присяги на вѣрность; но нѣкоторыя секты не признавали вообще никакой присяги. Лишь въ 1833 г. парламентъ допустилъ засѣдать въ палатѣ общинъ квакера Пиза (Pease) подъ условіемъ простого обѣщанія и издалъ общее постановленіе, въ силу коего квакеры, моравскіе братья и репаратисты во всѣхъ случаяхъ могутъ замѣнять клятвенное обѣщаніе простымъ утвержденіемъ. Въ 1830 г. было сдѣлано, наконецъ, первое предложеніе въ парламентѣ объ уравненіи въ правахъ и евреевъ, но ихъ „эманципація“ совершилась лишь тридцатью годами позже эманципаціи католиковъ [2]).

Нашъ очеркъ исторіи Англіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка былъ бы неполонъ, если бы въ немъ не нашелъ мѣста великій поэтъ эпохи, лордъ Байронъ [3]), который въ своей поэзіи выражалъ между прочимъ одну изъ главныхъ идей своего времени—идею духовной и политической свободы. Байронъ родился всего за годъ до начала французской революціи (1788) и сдѣлался пэромъ Англіи, будучи еще десятилѣтнимъ мальчикомъ. Въ первый разъ онъ выступилъ на литературное поприще съ сборникомъ своихъ стиховъ въ 1807 г., девятнадцати лѣтъ отъ роду. Сначала его совсѣмъ не инте-

---

[1]) Т. II, стр. 600.

[2]) См. сочиненія по исторіи евреевъ въ Англіи Goldschmidt'a (1886) и Schaible (1890).

[3]) Moore. Letters and Journal of lord Byron.—Lord Byron jugé par les temoins de sa vie. 1868.—Jeafferson. The lord Byron. 1883.—Elze. Lord Byron. 1880 (есть рус. пер.)—Георгъ Брандесъ. Байронъ и его произведенія. 1889. (переводъ изъ его Hauptströmungen, см. выше, стр. 243).

ресовали событія внутренней и внѣшней исторіи Англіи въ эту бурную эпоху, но обстоятельства его личной жизни уже и тогда настраивали его оппозиціонно противъ высшаго англійскаго общества. Въ 1809 г., когда Байронъ достигъ совершеннолѣтія, онъ явился въ палату лордовъ, чтобы занять свое мѣсто, но только посидѣлъ на одной изъ скамей оппозиціи, чтобы показать, къ какой партіи онъ принадлежитъ. Въ томъ же самомъ году онъ отправился путешествовать и прежде всего посѣтилъ Португалію и Испанію, гдѣ въ то время велась война съ французами, причемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ принималъ участіе и англійскій отрядъ. Тутъ впервые началъ Байронъ особенно интересоваться политикой, но въ смыслѣ весьма неблагопріятномъ для политическаго направленія своей родины, главнаго врага, Наполеона, которой онъ даже осмѣлился назвать своимъ героемъ (въ „Чайльдъ-Гарольдѣ“). Въ дальнѣйшихъ своихъ странствованіяхъ (Мальта, Албанія, Греція, Турція) Байронъ все болѣе и болѣе захватывался вопросами современности, что отражалось и на его поэзіи, сообщая ей совершенно новый духъ. По возвращеніи на родину онъ скоро сдѣлался литературною знаменитостью благодаря своему „Чайльдъ-Гарольду“, который сталъ выходить въ 1812 г. Въ томъ же году онъ сказалъ въ парламентѣ двѣ рѣчи оппозиціоннаго характера. Первая была произнесена въ защиту бѣдныхъ коттингемскихъ рабочихъ, разрушившихъ ткацкія машины и тѣмъ вызвавшихъ противъ себя репрессивныя мѣры: Байронъ доказывалъ въ своей рѣчи, между прочимъ, что если бы англичане не пожалѣли дать несчастнымъ и голоднымъ рабочимъ своимъ хотя бы десятую часть тѣхъ денегъ, какія они посылаютъ португальцамъ для веденія войны съ Наполеономъ, то и не было бы той нужды, которую они хотятъ изцѣлять тюрьмою и казнями. Другая рѣчь Байрона была произнесена въ защиту эманципатіи католиковъ. Но на родинѣ Байронъ долго не ужился и въ 1816 г. навсегда покинулъ Англію, крайне раздраженный противъ того реакціоннаго направленія, которое господствовало въ англійскомъ обществѣ. Однимъ изъ главныхъ мотивовъ его поэзіи въ это время сдѣлалась любовь къ свободѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ, начиная свободою мысли. „Все-жъ, говоритъ онъ въ „Чайльдъ-Герольдѣ“,—все-жъ будемъ размышлять мы смѣло.—Безчестно отступать отъ правъ:—Мысль наше право, наше дѣло,—И я храню ея уставъ.—Хоть съ дня рожденья мысль въ насъ гнали,—Водили къ пыткамъ и на казнь,—Терзали, жгли и оскорбляли;—Хотя завистливо боязнь—Ее во мракѣ содержала,—Чтобъ съ свѣтомъ не жилъ человѣкъ,—Но все-жъ порою видѣлъ вѣкъ,—Что мысль лучемъ своимъ сіяла,—И мы узнали наконецъ,—Что прозрѣваетъ и слѣпецъ“. Съ точки зрѣнія свободы смотрѣлъ онъ на людей и событія своего времени. Напр., для Байрона Георгъ III былъ прежде

всего государемъ, который, „не будучи тиранномъ, самъ покровительствовалъ тираннамъ“. „Онъ умеръ, говоритъ о немъ Байронъ, оставивъ послѣ себя подданныхъ—половину такую же безумную, какъ онъ, а другую—не менѣе его слѣпую“..... „Постоянно, говоритъ онъ еще о Георгѣ III, шелъ онъ войной на свободу и свободныхъ людей: народы и отдѣльныя лица, его подданные и иностранцы, чуть произносили слово „свобода“, тотчасъ же непремѣнно находили въ Георгѣ III своего перваго врага. Гдѣ государь, исторія котораго запятналась бы столькими бѣдствіями національными и частными“? Съ точки зрѣнія той же самой свободы онъ смотрѣлъ и на французскую революцію. Хотя Франція и совершила великое множество преступленій и на развалинахъ стараго воздвигла такія же зданія безправія и гнета, какія только-что были разрушены, тѣмъ не менѣе Байронъ вѣритъ, что „не будетъ длиться это долго“: „но все-же ты жива, свобода!—Твой стягъ, изорванный кругомъ,—Стоитъ святыней у народа;—Твой голосъ, слышный словно громъ,—Теперь усталый, грянетъ снова“ и т. д. Въ одѣ „Ватерло“ (1815) Байронъ предсказывалъ побѣду богодарованной свободы и образованіе союза человѣчества, которому ничто не будетъ въ состояніи противостоять. Извѣстно, что Байронъ одно время сильно увлекался Наполеономъ, но къ концѣ концовъ онъ порицалъ Наполеона за то, что міръ былъ лишенъ имъ свободы. „О небо, восклицаетъ, напр., Байронъ (въ Age of bronze, 1823 г.),—о небо, котораго, могущество онъ представлялъ собою! О земля, имѣвшая его однимъ изъ своихъ благороднѣйшихъ созданій!... Увы! зачѣмъ перешелъ онъ Рубиконъ—Рубиконъ правъ, снова завоенныхъ человѣкомъ, чтобы смѣшаться съ толпою королей и паразитовъ?... Одинъ шагъ на хорошемъ пути сдѣлалъ бы изъ этого человѣка Вашингтона угнетеннаго міра; одинъ шагъ на пути ложномъ отдалъ его всѣмъ вѣтрамъ небеснымъ... Онъ былъ поочередно тростникомъ фортуны и розгою королей, Молохомъ или полубогомъ славы, Цезаремъ своей страны, Аннибаломъ Европы, не сохранивъ въ своемъ паденіи ихъ приличнаго достоинства. А между тѣмъ само тщеславіе могло бы указать ему путь къ славѣ, болѣе надежный избраннаго имъ, показавъ ему въ лѣтописяхъ исторіи тысячу побѣдителей на одного мудраго“. Надежды на то, что паденіе властелина повлечетъ за собой возстановленіе свободы не оправдались, и вотъ какъ Байронъ въ „Чайльдъ-Гарольдѣ“ изобразилъ результаты низверженія Наполеона. „Погибла власть съ громадной славой,—Герой раздавленъ былъ судьбой—И потащилъ онъ за собой—Обрывки цѣпи той кровавой,—Которой міръ онъ обвивалъ—И въ рабствѣ націи держалъ.—Правдивый судъ! Пусть галлъ кусаетъ—Свои стальныя удила—И пѣной цѣпи покрываетъ—Но гдѣ же свобода? Что дала—Побѣда надъ *однимъ*

владыкой?—Иль снова рабство воскрешать—И вновь въ лохмотья наряжать—Тотъ идолъ, нѣкогда великій?—Затѣмъ ли свергнули мы льва, — Чтобъ предъ волками преклоняться, — Шептать ли робости слова—И въ новомъ рабствѣ унижаться?—Такъ не сплетайте же вѣнковъ:—Побѣда ваша стыдъ вѣковъ". Легитимизмъ, Священный союзъ и реакціонная политика Кэстльри нашли въ Байронѣ одного изъ наиболѣе рѣзкихъ своихъ противниковъ. Живя въ той части Италіи, которая по вѣнскому трактату досталась Австріи, онъ хорошо могъ видѣть, какой гнетъ наложила реакція на итальянскую націю, и въ своихъ двухъ венеціанскихъ драмахъ „Марино Фальери" и „Двое Фоскари" онъ въ сущности хотѣлъ создать призывъ къ итальянскому патріотизму для борьбы съ притѣснителями націи. Свободу и обманутыя надежды онъ оплакиваетъ еще въ „Одѣ къ Венеціи" (1819): „Нѣтъ болѣе надежды для націй: все почило.—Взгляни на сонмъ страницъ промчавшихся вѣковъ:—Одно и то же все, одинъ ириливъ часовъ—И ихъ отливъ, что много разъ ужъ было—И что насъ ничему почти не научило..... Скажите мнѣ вы, кровь за вашихъ королей—Пролившіе въ бояхъ и спящіе спокойно,—Что сдѣлали они для вашихъ сыновей? — Обременили ихъ тяжелыми цѣпями, — Воздвигли стѣны вкругъ и сдѣлали рабами..... Республика главу склонила въ трехъ частяхъ—Стенящей вкругъ земли: Венеція во прахъ—Затоптана врагомъ, Голландія склонилась—Предъ скипетромъ золотымъ и въ пурпуръ облачилась,—И если между горъ Гельвеція одна—Красуется еще, какъ вольная страна,—То не надолго" и т. д.

При такомъ общемъ настроеніи не мудрено, что Байронъ сталъ ощущать въ себѣ своего рода революціонный задоръ и кончилъ тѣмъ, что сталъ работать для свободы не одною своею поэзіей. Свое политическое credo онъ очень хорошо выразилъ въ слѣдующихъ стихахъ „Донъ-Жуана": „Теперь однимъ желаньемъ я сгораю—Вести войну, хоть на словахъ пока,—Бой противъ всѣхъ, кто нашу мысль стѣсняетъ!—Тиранны и льстецы! моя рука—Мишенью для себя васъ избираетъ.—Кто побѣдитъ? Не знаю, но всегда,—Не уставая долгіе года,—Я ненавидѣть буду безконечно—Всѣхъ, кто народомъ правитъ безсердечно.—Но пусть хранитъ всѣхъ сильныхъ рокъ!—Вѣдь имъ не ждать охраны отъ народа.—Я словно пѣнье птички подстерегъ:—Она поетъ, что въ міръ идетъ свобода.—И кляча принимается лягать,—Когда хомутъ начнетъ ей шею жать;—И Іова терпѣнье, вѣроятно,—Не долго людямъ будетъ такъ пріятно.—Толпа ворчитъ сначала; какъ Давидъ,—Потомъ бросаетъ камни въ великана—И наконецъ съ оружіемъ бѣжитъ,—Ожившая отъ гнѣва и обмана.—И тутъ начнется бой, заблещетъ сталь.—При этомъ могъ воскликнуть я: какъ жаль,—Но убѣжденъ, что общее движенье—Спасетъ весь шаръ земной отъ

осквернены". Самъ Байронъ признавался въ 1813 г. въ томъ, что „чрезвычайно упростилъ свою политическую теорію: теперь, писалъ онъ тогда, она состоитъ въ томъ, чтобы смертельно ненавидѣть всѣ существующія правительства". Около того времени, когда вспыхнула итальянская революція, онъ писалъ: „они (карбонары) намѣрены организовать возстаніе и должны почтить меня приглашеніемъ. Конечно, я не откажусь, хотя по совѣсти считаю ихъ слишкомъ ничтожными числомъ и мужествомъ, чтобы ожидать отъ нихъ многаго. Но впередъ! Что такое я? Одинъ человѣкъ или милліонъ людей—это все равно: самое важное тутъ—распространеніе духа свободы. Въ подобныхъ случаяхъ личные расчеты должны отходить на второй планъ и ужъ, разумѣется, не меня можно будетъ заподозрить въ подобномъ поползновеніи". Въ Италіи Байронъ довольно рано сошелся со многими карбонарами и началъ даже играть между ними нѣкоторую роль, а когда вспыхнула революція въ Неаполѣ, то онъ послалъ революціонному правительству тысячу луидоровъ для борьбы съ Священнымъ союзомъ. Пользуясь положеніемъ англійскаго пэра, у котораго полиція, какъ онъ думалъ, никогда не осмѣлилась бы сдѣлать обыска, онъ прямо устроилъ у себя въ домѣ (въ Равеннѣ) складъ революціонныхъ прокламацій и оружія, хотя въ концѣ-концовъ и ему пришлось переселяться изъ одного итальянскаго государства въ другое.

Однимъ изъ послѣднихъ произведеній музы Байрона съ политическимъ содержаніемъ былъ его „Бронзовый вѣкъ", въ которомъ онъ, какъ и въ „Донъ-Жуанѣ", выступилъ борцомъ за всѣхъ страждущихъ — за негровъ-невольниковъ, за несчастныхъ ирландцевъ, за итальянскихъ патріотовъ— и бичевалъ англійскую политику за то, что она шла на привязи легитимизма и Священнаго союза. Въ политикѣ Байронъ кончилъ совершеннымъ переходомъ къ радикальной оппозиціи. Нужно, однако, вообще замѣтить, что въ его политическихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ было гораздо больше чувства и порывовъ, чѣмъ сознательной мысли и упорства. Въ качествѣ лорда онъ имѣлъ полную возможность развить широко свою политическую дѣятельность, но онъ этимъ пренебрегъ, какъ дѣломъ, слишкомъ прозаическимъ, оказавъ, наоборотъ, предпочтеніе итальянскому карбонаризму, въ которомъ, по выраженію его, политика превращалась въ поэзію. „Моя политика, писалъ онъ однажды, подобна молодой возлюбленной старика: чѣмъ она неприступнѣе, тѣмъ болѣе я въ нее влюбленъ. Въ этомъ дѣлѣ я менѣе всего забочусь о послѣдствіяхъ". Отсюда тѣ противорѣчія, въ какія онъ впадалъ, громя, напр., деспотизмъ и въ то же время съ любовью останавливаясь въ своей поэзіи на деспотическихъ характерахъ, рисуя притомъ въ своихъ герояхъ въ сущности самого себя. Байронъ могъ поэтому одновременно поклоняться столь несходнымъ

дѣятелямъ исторіи, какъ Наполеонъ и Вашингтонъ, да и отношеніе его къ Наполеону было чисто поэтическое: въ укоръ ему послѣ его паденія Байронъ ставилъ главнымъ образомъ то, что онъ не съумѣлъ во-время умереть и не обнаружилъ величія духа при отреченіи отъ престола. Въ войнѣ Наполеона съ союзниками сочувствіе поэта было на сторонѣ перваго, и хотя „левъ“ былъ не меньшимъ деспотомъ, чѣмъ „волки“, пришедшіе къ нему на смѣну, Байронъ никогда не громилъ такъ его деспотизмъ, какъ дѣлалъ это по отношенію къ Священному союзу. Конечно, Наполеонъ сильнѣе дѣйствовалъ на воображеніе, чѣмъ три государя, заключившіе между собой союзъ, „дабы замѣнить одного Наполеона“, и въ этомъ отношеніи не одинъ Байронъ относился къ „великому императору“ съ поэтической точки зрѣнія, передъ которою политическія соображенія отступали на задній планъ. Въ 1823 г. Байронъ, какъ извѣстно, уѣхалъ въ Грецію, чтобы здѣсь вести борьбу за ея свободу и найти преждевременную кончину (1824), и вотъ въ это время онъ самъ же начинаетъ указывать другимъ вождямъ возстанія, на необходимость считаться съ желаніями того самаго Священнаго союза, который прежде онъ всячески осмѣивалъ и бранилъ,—и питать надежду на то, что союзники окажутъ грекамъ помощь. Въ самомъ этомъ участіи Байрона въ греческомъ возстаніи большую роль играли жажда сильныхъ ощущеній и честолюбивыя мечты. Такой человѣкъ, конечно, не могъ стать настоящимъ политическимъ дѣятелемъ, но зато его поэзія, проникнутая духомъ свободы и протестомъ противъ реакціонной тиранніи, сама-по-себѣ получила громадное историческое значеніе, оказавъ вліяніе на современниковъ и ближайшее потомство въ смыслѣ культа той самой свободы, которую онъ прославлялъ въ своихъ стихахъ. Но нужно прибавить, однако, что это вліяніе сказалось гораздо сильнѣе на материкѣ, чѣмъ въ самой Англіи.

СОЦІАЛЬНАЯ ИСТОРІЯ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВѢКА.

XXII. Существенное содержаніе соціальной исторіи XIX в. и ея изученіе.

Происхожденіе и характеръ соціальнаго строя новѣйшаго времени.—Вліяніе на него французской революціи.—Общее значеніе экономическаго переворота конца XVIII и начала XIX в.—Крестьянскій и рабочій вопросы въ XIX вѣкѣ.—Политическая экономія въ ея отношеніяхъ къ буржуазіи и либерализму.—Оппоненты политической экономіи.—Зарожденіе утопическаго соціализма.—Содержаніе слѣдующихъ главъ.—Важнѣйшіе труды по соціальной исторіи XIX в. вообще и первой его трети въ особенности.—Общій взглядъ на соціальную исторію въ XIX вѣкѣ.

Въ предыдущихъ отдѣлахъ настоящаго тома мы разсмотрѣли политическую и культурную исторію западной Европы съ исхода XVIII в. до конца двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія, поставивъ главною своею задачею прослѣдить судьбу новыхъ началъ духовной и государственной жизни, провозглашенныхъ „просвѣщеніемъ“ XVIII в. и французской революціей, но встрѣтившихъ сильное противодѣйствіе со стороны старыхъ традицій, интересовъ и привычекъ. Намъ приходилось при этомъ касаться отчасти и соціальной исторіи за тотъ же періодъ времени, поскольку это было необходимо для пониманія культурной и политической борьбы, бывшей главнымъ предметомъ предыдущихъ отдѣловъ этого тома. Теперь мы переходимъ къ разсмотрѣнію соціальной исторіи самой по себѣ за тотъ же періодъ времени, причемъ на первый планъ выдвигаемъ экономическую сторону этой исторіи—какъ въ области фактовъ, характеризующихъ эпоху, такъ и въ области идей, на которыя эти факты наводили мыслителей и дѣятелей эпохи. Мы уже знаемъ, что борьба между новыми и старыми началами культурной и политической жизни, т.-е. борьба

между либерализмомъ и реакціей совпадала до извѣстной степени съ тою борьбою, какую вели между собою два наиболѣе просвѣщенныхъ и обезпеченныхъ общественныхъ класса—буржуазія и аристократія съ ихъ разными культурно-политическими стремленіями, унаслѣдованными еще изъ весьма давней старины, и съ ихъ неодинаковыми соціально-экономическими интересами, имѣвшими свою основу—у однихъ въ обладаніи капиталами, у другихъ въ землевладѣніи [1]). Мы видѣли, далѣе, что цѣлью стремленій аристократіи было возстановленіе или сохраненіе старыхъ принциповъ политическаго и юридическаго неравенства, тогда какъ буржуазія, наоборотъ, стремилась къ уничтоженію какихъ бы то ни было сословныхъ привилегій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи интересы буржуазіи совпадали съ интересами народа, поскольку именно все, что̀ страдало отъ существованія аристократическихъ привилегій, выигрывало при установленіи равенства всѣхъ гражданъ государства передъ закономъ. Для крестьянской массы замѣна стараго сословнаго строя безсословнымъ гражданствомъ сопровождалась личнымъ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости и снятіемъ съ земли лежавшихъ на ней феодальныхъ повинностей: и то, и другое входило въ программу какъ революціонной пропаганды, удержанную и Наполеономъ [2]), такъ и въ программу либерализма реставраціонной эпохи, тогда какъ реакція, наоборотъ, отличалась крѣпостническими и феодальными стремленіями. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ у буржуазіи были, далѣе, общіе интересы и съ низшими классами городского населенія, поскольку всѣ непривилегированные страдали отъ однѣхъ и тѣхъ же несправедливостей „стараго порядка“. Но вотъ старыя соціальныя отношенія рушились: прежнія общественныя дѣленія стали замѣняться теперь весьма простымъ дѣленіемъ всего населенія на имущихъ и неимущихъ, разъ не существовало болѣе никакихъ сословныхъ перегородокъ и оставалось только одно имущественное неравенство. Ранѣе всего въ Англіи, въ которой вообще сословный бытъ не получилъ развитія, произошло сліяніе въ одномъ правящемъ классѣ землевладѣльческихъ и капиталистическихъ элементовъ [3]), оградившихъ себя отъ остальной массы населенія высокимъ избирательнымъ цензомъ. Французская буржуазія, выступившая въ 1789 г. подъ знаменемъ демократическихъ идей, въ эпоху реставраціи равнымъ образомъ составляла, благодаря тому же высокому избирательному цензу, особый общественный классъ, къ которому принадлежало и отнынѣ землевладѣльческое дворянство [4]). По мѣрѣ того, какъ падали старыя основы

[1]) См. выше, стр. 6—7 и гл. XIII—XIV.
[2]) См. выше, стр. 170—171.
[3]) Т. III, стр. 93 и слѣд.
[4]) См. выше, стр. 388.

соціальнаго могущества дворянства, а дворянскія земли переходили, кромѣ того, въ руки буржуазіи, самый этотъ правящій классъ все болѣе и болѣе получалъ чисто буржуазный характеръ, пока, наконецъ, подъ буржуазіей не стали разумѣть вообще извѣстный общественный слой, какого бы происхожденія—аристократическаго или плебейскаго—ни были отдѣльные его члены, въ чемъ бы ни заключалась экономическая основа его соціальнаго значенія, т.-е. въ землѣ или въ капиталѣ, въ сельскомъ ли хозяйствѣ или обрабатывающей промышленности, въ торговлѣ, въ денежныхъ спекуляціяхъ и т. п. Поэтому только благодаря отмѣнѣ юридическихъ привилегій, могло выработаться то понятіе о буржуазіи, которое сдѣлалось ходячимъ во второй половинѣ XIX вѣка: именно въ настоящее время „буржуа“ обозначаетъ не горожанина въ противоположность къ деревенскому жителю и не плебея въ отличіе отъ благороднаго, а человѣка, принадлежащаго къ извѣстному общественному классу, выдѣляемому изъ народной массы на основаніи чисто экономическаго принципа. „Буржуазія,—писалъ въ сороковыхъ годахъ Луи Бланъ,—буржуазія есть совокупность гражданъ, которые, владѣя орудіями труда или капиталомъ, могутъ, не порабощаясь, развивать свои способности и зависятъ отъ другихъ людей только въ извѣстной степени. Народъ,—продолжаетъ онъ,—есть совокупность гражданъ, которые, не владѣя орудіями труда, не находятъ въ себѣ самихъ средствъ развитія и зависятъ отъ другихъ въ томъ, что относится къ первымъ надобностямъ жизни“. Въ этомъ различеніи, сдѣланномъ однимъ изъ первыхъ писателей, который сталъ такимъ образомъ противополагать буржуазію и народъ въ политической и исторической литературѣ [1]), все дѣло именно въ „орудіяхъ труда и капиталѣ“, которые одни въ безсословномъ гражданствѣ, созданномъ на материкѣ Европы французской революціей, и являются основою соціальнаго неравенства, которое само сдѣлалось, благодаря избирательному цензу, основаніемъ политическаго господства буржуазіи. Въ этомъ смыслѣ хорошее дополненіе къ опредѣленію буржуазіи, данному Луи Бланомъ, мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ Ласcаля: „но и крупный промышленникъ, обладая капиталомъ и извлекая изъ него прибыль, еще не буржуа. Но когда онъ, не довольствуясь фактическими выгодами крупной собственности, стремится еще сдѣлать изъ своего владѣнія, изъ капитала—условіе участія во власти надъ государствомъ, въ направленіи государственной дѣятельности, тогда только становится онъ буржуа, изъ факта владѣнія дѣлаетъ онъ правовую основу политическаго владычества, выставляетъ

[1]) Существовало такое словоупотребленіе еще и въ XVIII в., о чемъ см. т. III, стр. 89.

себя, какъ члена новаго привилегированнаго класса въ народѣ, который хочетъ основать общественныя учрежденія на своей привилегіи обладанія капиталомъ, какъ въ средніе вѣка дворянство основывало ихъ на привилегіи крупнаго землевладѣнія". Прежде всего организовалось политическое господство буржуазіи въ Англіи, гдѣ ему благопріятствовало раннее исчезновеніе такой сословности, какая развилась на материкѣ, а что правящій классъ Англіи основывалъ свою власть именно на своемъ имущественномъ значеніи, это лучше всего доказывается тѣмъ страхомъ, какой внушали ему демократическія стремленія и движенія эпохи. Французская буржуазія, сбросившая съ себя въ 1789 г. иго аристократическихъ привилегій, пошла по тому же самому пути, который въ сущности сдѣлался вообще путемъ буржуазіи всюду, гдѣ только падали старыя сословныя перегородки.

Разсматривая соціальный строй новѣйшаго времени на материкѣ западной Европы, мы не должны забывать, что во многихъ отношеніяхъ онъ является созданіемъ французской революціи. Уничтоживъ аристократическія привилегіи, революція содѣйствовала возвышенію буржуазіи, заставивъ само дворянство стать въ ея собственные ряды, поскольку основою господствующаго положенія въ обществѣ сдѣлалось теперь не благородство происхожденія, а обладаніе собственностью. Упразднивъ крѣпостничество и феодальныя права, она сокрушила прежнее значеніе землевладѣльческой аристократіи, основывавшееся на извѣстной совокупности особыхъ правъ надъ сельскими жителями и ихъ землею, превративъ дворянъ въ простыхъ собственниковъ, пользующихся совершенно такимъ же положеніемъ, какое заняли въ бессословномъ гражданствѣ крупные землевладѣльцы и изъ буржуазіи. Наконецъ, отмѣнивъ всѣ стѣсненія, какія „старый порядокъ" налагалъ на промышленность и трудъ, революція содѣйствовала развитію въ новую сторону и притомъ въ сторону, выгодную опять-таки для буржуазіи,—и тѣхъ отношеній, какія существовали раньше между различными классами городского населенія. Однимъ словомъ, своими политическими и юридическими преобразованіями революція оказала могущественное дѣйствіе на соціальную трансформацію западной Европы, снявъ съ экономическихъ отношеній между отдѣльными личностями и цѣлыми общественными классами тѣ государственныя и правовыя ограниченія, которыя препятствовали свободной борьбѣ самихъ экономическихъ силъ и интересовъ. Но это одно дѣйствіе новой политики, въ свою очередь вытекавшей изъ новыхъ идей, не можетъ еще объяснить намъ всей соціальной исторіи новѣйшаго времени. Новая политика осуществляла принципы равенства и свободы и тѣмъ самымъ ставила старые соціальные классы въ новыя взаимоотношенія и создавала новыя условія для той борьбы, какая велась между

этими классами на почвѣ экономическихъ интересовъ, главнымъ образомъ устраняя все то, что препятствовало свободѣ этихъ взаимоотношеній и этой борьбы. Помимо указанной соціально-политической революціи, имѣвшей значеніе лишь на материкѣ западной Европы, и одновременно съ нею совершалась—и именно въ Англіи—другая революція уже чисто экономическаго свойства, заключавшаяся въ замѣнѣ мелкаго производства производствомъ крупнымъ, благодаря чему буржуазія, стоявшая во главѣ большихъ промышленныхъ предпріятій, все болѣе и болѣе обогащалась, тогда какъ рабочій людъ, превратившійся въ бездомный пролетаріатъ, наоборотъ, все болѣе и болѣе бѣдствовалъ и попадалъ въ экономическую зависимость отъ буржуазіи. Мы уже знаемъ, что въ Англіи въ XVIII в. политико-соціальныя отношенія были приблизительно такія, какія на материкѣ стали устанавливаться лишь послѣ французской революціи [1]), но помимо всѣхъ причинъ, которыя и ранѣе содѣйствовали развитію въ Англіи капиталистической буржуазіи, особенно важное вліяніе на совершившуюся здѣсь экономическую революцію оказало введеніе машиннаго производства, радикальнымъ образомъ измѣнившее прежнія условія промышленнаго труда. Въ то самое время, какъ на материкѣ Европы подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ французской революціи началась ликвидація стараго феодальнаго строя, тяготѣвшаго надъ сельскою массою, въ Англіи создавались—для того, чтобы вскорѣ перейти и на материкъ,—совершенно новыя экономическія отношенія, наиболѣе характерныя для соціальной исторіи новѣйшаго времени. Обезземеленіе крестьянства, замѣна мелкаго хозяйства крупнымъ, образованіе городского пролетаріата, паденіе цехового производства, введеніе машинъ, замѣнившихъ ручной трудъ, возникновеніе громадныхъ фабрикъ и т. п.,—вотъ главнѣйшія изъ этихъ явленій, стоящихъ въ самой тѣсной связи съ рѣзкимъ раздѣленіемъ общества на два класса—капиталистовъ и пролетаріевъ: нигдѣ именно эти явленія не выразились столь ясно и полно, какъ въ Англіи, вслѣдствіе чего англійская соціальная исторія и отличается особою поучительностью. На материкѣ Европы тѣ же самыя явленія обнаруживаются и позднѣе, и не такъ рѣзко, и не въ такой полнотѣ, такъ что во многихъ отношеніяхъ остальныя страны западной Европы впослѣдствіи только повторяли то, что было уже раньше совершено Англіей въ ея экономической эволюціи. По той же причинѣ и лучше всего разработана въ наукѣ соціальная исторія Англіи, на примѣрѣ которой можно такимъ образомъ познакомиться полнѣе, чѣмъ на какомъ бы то ни было другомъ примѣрѣ, съ главными явленіями новѣйшаго соціально-экономическаго строя.

---

[1]) Т. III, стр. 90 и слѣд.

Посвящая послѣдній отдѣлъ настоящаго тома соціальной исторіи западной Европы съ исхода XVIII в. до конца двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія и выдвигая при этомъ на первый планъ не политическую, а экономическую точку зрѣнія, мы должны обратить вниманіе главнымъ образомъ на народныя массы, которыя особенно сильно испытали на себѣ вліяніе политическихъ и экономическихъ измѣненій эпохи. И на крестьянствѣ, и на рабочемъ классѣ въ городахъ вообще весьма сильно отразились перемѣны, совершившіяся въ государственномъ и хозяйственномъ быту отдѣльныхъ странъ. Французская революція со всѣмъ тѣмъ, на что можно смотрѣть, какъ на ея продолженіе или на ея слѣдствія, значительно подвинула впередъ рѣшеніе поставленнаго XVIII вѣкомъ крестьянскаго вопроса [1]), который мыслился главнымъ образомъ, какъ вопросъ объ освобожденіи личности и земли крестьянина отъ помѣщичьей власти. Реакція, наступившая послѣ паденія имперіи Наполеона, была затѣмъ крайне неблагопріятна для дальнѣйшей эманципаціи крестьянъ, начатой французскою революціей, и только новыя революціонныя бури 1830 и 1848 гг. привели эту эманципацію къ концу. Но прежде нежели рѣшился крестьянскій вопросъ, въ смыслѣ отмѣны крѣпостничества и феодальныхъ повинностей, бывшій главнымъ соціальнымъ вопросомъ дореволюціонной эпохи, народился другой важный соціальный вопросъ, сдѣлавшійся даже основнымъ соціальнымъ вопросомъ XIX вѣка,—вопросъ рабочій. Въ обоихъ случаяхъ, т.-е. и при возникновеніи вопроса крестьянскаго еще въ XVIII в. и при постановкѣ вопроса рабочаго въ XIX столѣтіи дѣйствовали однѣ и тѣ же причины, а именно, съ одной стороны, обостреніе зла, вытекавшаго изъ ненормальныхъ соціальныхъ отношеній, народная нищета и народное недовольство, къ которымъ не могли оставаться равнодушными ни правительства, ни господствующіе классы, такъ или иначе сами страдавшіе отъ этого зла, съ другой же стороны— возникновеніе въ обществѣ и литературѣ гуманнаго отношенія къ труждающимся и обремененнымъ, альтруистическое распространеніе на народныя массы идей равенства, свободы, уваженія къ человѣческой личности и т. п. То народолюбіе, какимъ была уже проникнута просвѣтительная литература философскаго вѣка [2]), одинаково участвовало и въ возникновеніи крестьянскаго вопроса въ XVIII в., и въ возникновеніи вопроса рабочаго въ XIX столѣтіи. Но кромѣ той жалости, какую въ благородныхъ душахъ возбуждало зрѣлище народныхъ страданій, и чисто практическія соображенія заставляли и государственныхъ людей, и публицистовъ обращать вниманіе на экономическія неустройства,

[1]) Т. III, стр. 251 и слѣд.
[2]) Т. III, стр. 247 и слѣд.

отражавшіяся на народной жизни голодовками, нищетой, наклонностью къ безпорядкамъ и т. п. Вся разница заключалась въ томъ, что крестьянскій вопросъ представлялся въ видѣ ликвидаціи старыхъ феодальныхъ отношеній, тогда какъ вопросъ рабочій, наоборотъ, возникалъ на почвѣ совершенно новыхъ отношеній, бывшихъ преимущественно результатомъ перемѣнъ въ экономическомъ и политическомъ быту на рубежѣ XVIII и XIX вв. Вотъ почему намъ придется въ дальнѣйшемъ посвятить гораздо больше мѣста рабочему вопросу сравнительно съ вопросомъ крестьянскимъ, такъ какъ именно намъ предстоитъ выяснить еще тѣ новыя соціально-экономическія явленія, которыя породили рабочій вопросъ XIX вѣка. Весьма важнымъ является и то обстоятельство, что, начиная съ французской революціи, сами рабочіе все болѣе и болѣе стали напоминать имущимъ классамъ о своемъ существованіи и предъявлять государству и обществу требованія, въ концѣ-концовъ вытекавшія изъ того же самаго „естественнаго права“, на основахъ котораго созидались новые политическіе порядки. Въ сознаніе самого рабочаго класса все болѣе и болѣе стало проникать сомнѣніе относительно совершенства того общественнаго устройства, въ коемъ этому классу приходится жить и трудиться; особенно же рѣзко долженъ былъ бросаться въ глаза контрастъ между новымъ политическимъ строемъ, стремящимся осуществить идеалы свободы и равенства, и строемъ экономическимъ, въ которомъ, наоборотъ, примѣненіе того же принципа свободы и равенства приводило къ совершенно инымъ результатамъ. Политическій демократизмъ, провозглашенный французской революціей, и то участіе, какое народныя массы на самомъ дѣлѣ начали тогда принимать въ политическихъ событіяхъ, не могли, конечно, не поставить на первый планъ вопросъ объ экономическомъ обезпеченіи этихъ самыхъ массъ, но такъ какъ менѣе всего былъ обезпеченъ въ своемъ существованіи именно городской пролетаріатъ, въ то же время сравнительно болѣе развитой и болѣе скученный, а потому и болѣе доступный революціонной агитаціи, то рабочій вопросъ и получилъ гораздо болѣе важное значеніе, нежели вопросъ крестьянскій, тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ обезземеленіе сельскаго населенія и замѣна мелкаго хозяйства крупнымъ ставили значительную часть и земледѣльце въ въ совершенно такое же положеніе, въ какомъ находились городскіе рабочіе, добывавшіе средства къ существованію на фабрикахъ и заводахъ.

И крестьянскій, и рабочій вопросы получили весьма важное практическое значеніе въ исторіи XIX вѣка, но кромѣ того, основная суть этихъ вопросовъ сдѣлалась также предметомъ и теоретическаго изученія. Во второй половинѣ XVIII в. возникла даже особая наука, поставившая своими задачами изслѣдованіе естественныхъ законовъ, коими управляется экономическая жизнь народовъ, и изысканіе тѣхъ средствъ и способовъ, которыми можно было бы создать народное благосостоя-

ніе. Начало этой наукѣ, т.-е. политической экономіи было положено французскими физіократами еще въ серединѣ XVIII в., но истинными ея основателями явились англичане Адамъ Смитъ, Мальтусъ и Рикардо, на ученіяхъ коихъ отразился весь новѣйшій индустріальный бытъ ихъ родины. Изучая фактическую сторону соціальной исторіи XIX в., мы, конечно, не можемъ не имѣть въ виду и ея стороны идейной, тѣмъ болѣе, что новая наука, исходившая изъ идеи неизмѣнныхъ естественныхъ законовъ хозяйственной жизни, сразу завоевала себѣ почти всеобщее признаніе и съ особымъ усердіемъ принята была буржуазіей, увидѣвшею въ основныхъ положеніяхъ тогдашней политической экономіи прямое теоретическое оправданіе существующаго и для нея, буржуазіи, выгоднаго экономическаго строя. Въ сущности ученіе Адама Смита и его школы сложилось подъ вліяніемъ того, что и самъ онъ, и его послѣдователи наблюдали въ Англіи, гдѣ къ концу XVIII в. общество рѣзко раздѣлилось на землевладѣльцевъ и капиталистовъ, съ одной стороны, и рабочій пролетаріатъ, съ другой: новая наука возвела это раздѣленіе въ принципъ, представивъ его, какъ нѣчто, вытекающее изъ самой сущности экономической жизни, обосновала теоретически неизбѣжность такого раздѣленія и провозгласила невмѣшательство государства въ сферу хозяйственныхъ интересовъ общества, какъ самое лучшее средство для созданія всеобщаго благополучія. Дѣйствительная жизнь не оправдала, однако, тѣхъ оптимистическихъ ожиданій, какія были порождены ученіемъ объ экономической свободѣ, провозглашеннымъ физіократами и Адамомъ Смитомъ, но это еще не могло сразу поколебать доктрины, доказавшей свою несостоятельность, потому что интересъ буржуазіи именно въ томъ и состоялъ, чтобы государство не вмѣшивалось въ ея отношенія къ рабочему классу, какъ раньше интересомъ феодальной аристократіи было, чтобы правительство не касалось ея отношеній къ крестьянамъ. Съ другой стороны, политическіе писатели либеральнаго лагеря, не вдумывавшіеся въ явленія народнаго хозяйства, распространяли принципъ свободы, коей требовали для всѣхъ проявленій культурной жизни, равнымъ образомъ и на жизнь экономическую, ставя рядомъ свободу совѣсти, мысли, слова, печати со свободою собственности и промышленности [1]). Мало-по-малу создался даже особый оттѣнокъ либерализма—либерализмъ экономическій, повидимому, отстаивавшій принципъ индивидуальной свободы, но на самомъ дѣлѣ защищавшій интересы буржуазіи, для которой экономическая свобода была, дѣйствительно, очень выгодна. Какъ бы тамъ ни было, свобода промышленности сдѣлалась одною изъ важныхъ статей либеральной программы разсма-

[1]) См. выше, стр. 296—297 и 300.

триваемаго періода. Если культурныя и политическія стремленія буржуазіи наиболѣе рельефно выразились въ либерализмѣ эпохи, принимавшемъ, какъ мы знаемъ, прямо буржуазный характеръ [1]), то матеріальные ея интересы лучше всего въ ея глазахъ охранялись съ теоретической точки зрѣнія именно политическою экономіею, возводившею въ принципъ существующій экономическій бытъ. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, чтобы политическій либерализмъ и экономическая наука эпохи были порожденіемъ исключительно классовыхъ интересовъ буржуазіи, тѣмъ не менѣе и относительно либеральной теоріи государства, и относительно политической экономіи того времени можно сказать, что обѣ онѣ, исходя изъ одного и того же принципа свободы, слишкомъ мало обращали вниманія на то, могла ли народная масса довольствоваться одною тою свободою, которая удовлетворяла людей съ независимыми матеріальными средствами и развитыми умственными потребностями, и не становилась ли эта свобода, перенесенная въ область экономическихъ отношеній, лишь условіемъ благопріятствовавшимъ капиталисту держать рабочихъ въ наибольшей, какая только возможна, отъ себя зависимости. Конечно, самъ по себѣ либерализмъ, какъ совокупность культурныхъ и политическихъ требованій, выработанныхъ длиннымъ процессомъ историческаго развитія, имѣетъ въ жизни цивилизованныхъ обществъ гораздо болѣе широкое значеніе, нежели то, какое онъ могъ получать подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ классовыхъ интересовъ, но въ сущности то же самое должно сказать и о политической экономіи, поскольку послѣдняя была порождена научнымъ духомъ вѣка и поскольку она стремилась открыть объективную истину относительно факторовъ и законовъ „народнаго богатства“, не заботясь исключительно объ одномъ какомъ-либо общественномъ классѣ. И либерализмъ, и политическая экономія могли въ тѣхъ или другихъ пунктахъ ошибаться, и потому жизни предстояло вносить немало поправокъ въ передовыя политическія и экономическія ученія эпохи: лишь въ тѣхъ случаяхъ либерализмъ и политическая экономія дѣлались прямо и сознательно доктринами чисто буржуазными, когда для нихъ безслѣдно проходилъ опытъ жизни, когда они не обращали ни малѣйшаго вниманія на самую основательную критику, и когда, однимъ словомъ, ученія, вполнѣ опровергнутыя, продолжали тѣмъ не менѣе находить попрежнему послѣдователей среди общественнаго класса, которому они были особенно выгодны въ моментъ своего возникновенія.

Политическая экономія явилась, какъ научная теорія новаго соціальнаго строя, и въ качествѣ таковой естественно и необходимо должна была быть встрѣчена недружелюбно со стороны реакціонеровъ и консервато-

[1]) См. выше, стр. 285 и слѣд. 379, 383 и др.

ровъ, которые въ основныхъ положеніяхъ и конечныхъ стремленіяхъ новой науки, отрицавшей всѣ средневѣковыя начала государственнаго и общественнаго быта, усматривали одно изъ проявленій все того же ненавистнаго или опаснаго революціоннаго духа. Политическіе писатели реакціоной школы—и между ними особенно Бональдъ—были вообще врагами политической экономіи, не признававшей ни сословной организаціи общества, ни „патріархальныхъ" отношеній крѣпостничества, ни корпоративныхъ привилегій, ни другихъ установленій, регулировавшихъ прежде экономическую жизнь. На той же точкѣ зрѣнія по отношенію къ ученію Адама Смита стоялъ между прочимъ и баронъ Штейнъ, находившій, что новая экономическая теорія разрушаетъ многія вещи, достойныя быть сохраненными для народнаго блага [1]). Рядомъ съ этой, такъ сказать, консервативною критикою новаго экономическаго ученія, не имѣвшею, впрочемъ, большого значенія ни въ практическомъ, ни въ теоретическомъ смыслѣ, зарождалась и иного рода критика, которая, исходя изъ новыхъ же идей, съ ихъ же точки зрѣнія обнаруживала недостатки какъ самаго этого ученія, такъ и санкціонированнаго имъ строя фактическихъ отношеній. Эта критика вскрыла прежде всего противорѣчіе, какое возникло между политическимъ и экономическимъ порядками новаго общества, указавъ на то что, принципъ равенства и свободы является въ одномъ изъ этихъ порядковъ (т.-е. въ обществѣ, взятомъ съ политической точки зрѣнія) средствомъ, соотвѣтствующимъ своей цѣли—высшему развитію всѣхъ гражданъ, тогда какъ въ другомъ порядкѣ (т.-е. въ обществѣ, взятомъ съ экономической точки зрѣнія) то же самое средство ведетъ къ совершенно противоположному результату—къ экономической несвободѣ и неравенству. Такая постановка вопроса объ обществѣ была весьма важнымъ шагомъ впередъ. Въ XVIII в. впервые произошло отдѣленіе политической экономіи отъ политики; результатомъ этого было то, что каждая изъ обѣихъ наукъ стала смотрѣть на человѣка лишь съ одной какой-либо стороны, но въ началѣ XIX в., когда уже можно было начать подведеніе итоговъ подъ политическою и экономическою революціями конца XVIII столѣтія, явилась потребность въ посредствующей наукѣ, которая взглянула бы на человѣка, какъ на члена вмѣстѣ и политическаго, и экономическаго общества, и разсмотрѣла бы отношеніе одного общества къ другому, а разъ, однако, такая задача была поставлена, противорѣчіе между политическимъ и экономическимъ порядкамп новаго общества не могло уже остаться незамѣченнымъ и неотмѣченнымъ, что въ свою очередь не могло пройти безслѣд-

[1]) См. выше, стр. 189—190 и 200.

нымъ для всего дальнѣйшаго развитія соціальныхъ, политическихъ и экономическихъ идей.

Основныя стремленія политической экономіи были однимъ изъ порожденій индивидуализма XVIII вѣка [1]). Противъ экономическаго индивидуализма, который проповѣдовался новою наукою и осуществлялся революціоннымъ законодательствомъ, возставали и представители отживавшихъ общественныхъ и хозяйственныхъ формъ въ родѣ Штейна, и родоначальники соціализма XIX вѣка, поставившаго своею задачею найти и осуществить еще нигдѣ и никогда небывалое соціально-экономическое устройство, — одни возставали во имя историческихъ правъ старины, другіе—во имя идеаловъ лучшаго будущаго. Въ область соціальной исторіи, которой мы посвящаемъ послѣдній отдѣлъ этого тома, несомнѣнно должны поэтому войти рядомъ съ политико-экономическими теоріями, представляющими изъ себя попытки понять объективную сущность народнаго хозяйства, и чисто субъективныя построенія общественныхъ идеаловъ, какія мы видимъ въ соціальныхъ утопіяхъ Сенъ-Симона, Фурье и Оуэна. Экономическій переворотъ, совершившійся въ концѣ XVIII в., породилъ рабочій вопросъ, на почвѣ же именно рабочаго вопроса главнымъ образомъ и развился современный соціализмъ, играющій столь видную роль въ западно-европейской исторіи XIX вѣка. Мы увидимъ, что соціальныя ученія первой трети XIX столѣтія возникли, такъ сказать, внѣ политическаго либерализма и новой экономической науки, скорѣе даже въ направленіи, прямо враждебномъ тѣмъ стремленіямъ, которыя воплотились въ либерализмѣ и въ политической экономіи, поскольку и политическія, и экономическія теоріи эпохи игнорировали интересы и судьбу рабочаго класса и вслѣдствіе этого принимали болѣе или менѣе буржуазный характеръ.

Таковы главныя явленія соціальной исторіи за разсматриваемый нами періодъ времени. Всѣмъ доселѣ сказаннымъ опредѣляется и содержаніе послѣдующихъ главъ этого тома. Прежде всего именно мы разсмотримъ исторію отмѣны крѣпостничества до 1830 года, остановившись главнымъ образомъ на Германіи, гдѣ еще въ XVIII в. сдѣланы были первыя попытки рѣшенія крестьянскаго вопроса. Затѣмъ мы перейдемъ къ исторіи образованія промышленнаго пролетаріата въ связи съ политическими и экономическими перемѣнами, совершившимися въ эту эпоху главнымъ образомъ во Франціи и въ Англіи. Послѣ этого намъ нужно будетъ познакомиться съ экономическими ученіями, пользовавшимися популярностью въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв., причемъ на первый планъ и тутъ придется выдвинуть Англію, бывшую настоящей родиной не

[1]) См. выше, стр. 283 и слѣд.

только новѣйшаго промышленнаго развитія, но и политической экономіи. Наконецъ, мы остановимся въ заключеніе на раннемъ соціализмѣ, получившемъ начало свое во Франціи, гдѣ у него уже въ XVIII в. были предшественники въ лицѣ Мабли, Морелле и др. При этомъ мы будемъ по мѣрѣ надобности и возможности связывать и сопоставлять факты и идеи соціальной исторіи съ фактами и идеями исторіи культурной и политической.

Соціальная исторія на экономической подкладкѣ стала весьма дѣятельно разрабатываться за послѣднія десятилѣтія въ виду той важности, какую получилъ соціальный вопросъ въ самой жизни. Тѣмъ не менѣе многія стороны этой исторіи еще недостаточно изслѣдованы, вслѣдствіе чего и не могутъ быть изображены съ достаточною ясностью и полнотою. Въ дальнѣйшемъ мы укажемъ на наиболѣе важные труды, относящіеся къ тѣмъ предметамъ, которымъ посвящается весь настоящій отдѣлъ тома.

Единственнымъ общимъ трудомъ по крестьянскому вопросу въ западной Европѣ остается изданная еще въ 1861 г. книга Зугенгейма „Исторія уничтоженія крѣпостного состоянія и зависимости въ Европѣ до середины XIX столѣтія“ [1]). Въ этомъ обширномъ трудѣ, подводящемъ итоги подъ цѣлою массою спеціальныхъ изслѣдованій, разсмотрѣна исторія крестьянскихъ отношеній съ исхода среднихъ вѣковъ въ Испаніи съ Португаліей, во Франціи, въ Италіи, въ Великобританіи съ Ирландіей, въ Германіи, включая въ нее Австрію и Пруссію съ ихъ ненѣмецкими областями, въ Скандинавіи, Швейцаріи, Голландіи и Бельгіи. Трудъ Зугенгейма получилъ премію отъ петербургской Академіи Наукъ. Важнымъ дополненіемъ къ этой книгѣ можетъ служить сочиненіе Лоренца Штейна, разсматривающее освобожденіе земли отъ феодальныхъ повинностей въ Англіи, Франціи и Германіи [2]), что составляетъ одну изъ существенныхъ сторонъ рѣшенія крестьянскаго вопроса. Во французской литературѣ тѣмъ же вопросамъ, которые разсматриваются въ трудахъ Зугенгейма и Лоренца Штейна, посвящена книга Доніоля „Французская революція и феодализмъ“ [3]): какъ показываетъ самое ея заглавіе, въ ней разсматривается вліяніе французской революціи на остатки феодальнаго строя, а такъ какъ эта революція имѣла не только мѣстное, но и общеевропейское значеніе, то авторъ не ограничился исторіей разрушенія феодализма въ одной Франціи, по-

[1]) Samuel Sugenheim. Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa bis um die Mitte des neunzehnten Jahrhunderts. 1861.

[2]) L. Stein. Die Entwährung in England, Frankreich und Deutschland. 1868.

[3]) Doniol. La révolution française et la féodalité. 1874.

святивъ отдѣльныя главы своей книги и другимъ странамъ. Уже послѣ названныхъ сочиненій была предпринята проф. И. В. Лучицкимъ обширная „Исторія крестьянской реформы въ западной Европѣ съ 1789 г.“, но пока она остается, къ сожалѣнію, неоконченной: послѣ первой ея части, посвященной еще XVIII вѣку [1]), въ печати появилось только нѣсколько отдѣльныхъ статей автора по исторіи крестьянъ въ немногихъ второстепенныхъ странахъ [2]). Кромѣ этой общей литературы, можно указать на историческія работы относительно крестьянства въ отдѣльныхъ странахъ. Во Франціи лучше всего изучена исторія крестьянъ при „старомъ порядкѣ“ и во время революціи [3]), но за то сравнительно очень мало разработана исторія французскаго крестьянства послѣ революціи, хотя все-таки и тутъ можно назвать нѣсколько трудовъ, прямо или косвенно освѣщающихъ эту исторію [4]). Гораздо болѣе сдѣлано для исторіи крестьянства въ Германіи, но не для всѣхъ ея частей одинаково много. Уже Зугенгеймъ въ своей большой книгѣ могъ опираться на довольно значительную литературу, да и послѣ его труда работа продолжалась съ довольно значительною энергіею. Въ одинъ годъ съ его трудомъ вышла въ свѣтъ—и равнымъ образомъ была увѣнчена петербургской Академіей Наукъ — небольшая книжка Георга Гансена объ уничтоженіи крѣпостничества и вообще о реформѣ крестьянско-помѣщичьихъ отношеній въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ [5]). Затѣмъ появился цѣлый рядъ другихъ подобныхъ работъ. Особенно оживилась именно научная дѣятельность по изслѣдованію крестьянскихъ и аграрныхъ отношеній въ Германіи за послѣдніе годы. Здѣсь нужно поставить на первый планъ извѣстный трудъ Кнаппа „Освобожденіе крестьянъ и происхожденіе сельскихъ рабочихъ въ старыхъ частяхъ Пруссіи“ [6]). Можно сказать вообще, что изъ всѣхъ германскихъ государствъ лучше всего въ этомъ отношеніи изслѣдована, по крайней мѣрѣ,

---

[1]) Кіевскія „Университетскія Извѣстія“ 1878—1879 г.

[2]) Печатались въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Кромѣ того, въ русской литературѣ можно указать на труды Вольскаго (О значеніи обработки земли крестьянами-собственниками) и кн. Васильчикова (О землевладѣніи и земледѣліи въ главныхъ странахъ Европы), гдѣ собрано немало историческаго матеріала

[3]) Т. III, стр. 95, примѣч.

[4]) Кромѣ общихъ исторій крестьянства во Франціи (см. т. I, стр. 151), имѣемъ въ виду такіе труды какъ L. de Lavergne. Économie rurale de la France depuis 1789. 1870.—Mauguin. Etudes historiques sur l'administration de l'agriculture en France. 1876—77 и др.

[5]) G. Hanssen. Die Aufgebung der Leibeigenschaft und die Umgestaltung der gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisse überhaupt in den Herzogthümer Schleswig und Holstein. 1861.

[6]) Georg Friedrich Knapp. Die Bauern-Befreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens. 1887.

съ исторической точки зрѣнія Пруссія [1]), тѣмъ болѣе, что на крестьянскую реформу въ этомъ государствѣ обратили большое вниманіе и общіе историки эпохи [2]). Между прочимъ, и въ русской литературѣ о крестьянской реформѣ въ Пруссіи есть большая работа Д. Ѳ. Самарина, написанная въ эпоху освобожденія крестьянъ въ Россіи [3]). Названная книга Кнаппа представляетъ изъ себя вообще одно изъ лучшихъ изслѣдованій по данному предмету, причемъ авторъ поставилъ крестьянскій вопросъ въ связь съ вопросомъ рабочимъ. Дополненіемъ къ этой книгѣ можетъ служить еще его небольшая работа о „сельскихъ рабочихъ въ рабскомъ и свободномъ состояніяхъ“ [4]). Кромѣ того, Кнаппъ (вмѣстѣ съ Брентано) стоитъ во главѣ „семинарія по государствовѣдѣнію“ при страсбургскомъ университетѣ и редактируетъ труды этого семинарія, посвященные преимущественно историческимъ изслѣдованіямъ въ области крестьянскихъ и аграрныхъ отношеній въ Германіи. [5]) Одною изъ послѣднихъ работъ, появившихся въ этомъ изданіи, является небольшая книжка С. Гаусмана объ освобожденіи земли въ Баваріи, написанная, какъ отвѣтъ на тему, предложенную политико-юридическимъ факультетомъ страсбургскаго университета [6]). То, что Кнаппъ сдѣлалъ для старыхъ частей Пруссіи, предпринялъ недавно для одной части габсбургской монархіи (Чехіи, Моравіи и Силезіи) Карлъ Грюнбергъ въ сочиненіи, даже по внѣшнему расположенію матеріала напоминающемъ трудъ Кнаппа [7]). Что касается до Англіи, то въ ней крестьянство давно превратилось въ классъ сельскихъ рабочихъ, а ихъ исторія сливается съ исторіей пролетаріата вообще [8]).

---

[1]) См. библіографическій указатель въ концѣ перваго тома соч. Кнаппа.

[2]) Ср. выше, стр. 173; между прочимъ, изъ новѣйшихъ трудовъ см. книгу Cavaignac'a „La formation de la Prusse contemporaine“.

[3]) Помѣщена во II томѣ Собранія его сочиненій.

[4]) Knapp. Die Landarbeiter in Knechtschaft und in Freiheit. 1891.

[5]) Abhandlungen aus dem staatswissenschaftlichen Seminar zu Strassburg. Приводимъ названія отдѣльныхъ работъ: A. Herzog. Die bäuerlichen Verhältnisse im Elsass. 1886.—C. J. Fuchs. Der Untergang des Bauernstandes und das Aufkommen des Gutsherrschaften, nach archivalischen Quellen aus Neuvorpommern und Rügen. 1888.—Astaf von Fransehe-Rosenèck. Gutsherr und Bauer in Livland im XVII und XVII Jahrhundert. 1890.—A. Hugenberg. Innere Kolonisation im Nordwesten Deutschlands. 1891.—F. J. Haun. Bauer und Gutsherr in Kursachsen im XVI—XVIII Jahrh. 1891.

[6]) K. Grünberg. Die Bauern-Befreiung und die Auflösung des gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisses in Böhmen, Mähren und Schlesien.

[7]) Seb. Hausmann. Die Grund-Entlastung in Bayern. 1892.

[8]) Н. Каблуковъ. Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. 1884.— Нашею цѣлью не было указывать здѣсь на всю литературу по крестьянскому вопросу. За болѣе подробными указаніями отсылаемъ къ главамъ XIII и XIV перваго тома и къ главѣ VIII третьяго тома.

Вторую категорію трудовъ по соціальной исторіи начала XIX вѣка составляютъ сочиненія, изображающія экономическій переворотъ конца XVIII в. и его непосредственныя слѣдствія. Эта сторона соціальной исторіи лучше всего изслѣдована по отношенію къ Англіи. Здѣсь на первомъ мѣстѣ нужно поставить историческія иллюстраціи „Капитала“ Карла Маркса [1]), а за послѣдніе годы нѣсколько важныхъ трудовъ по исторіи промышленности, торговли и соціальныхъ отношеній Англіи. Таковы „Двѣ книги по соціальной исторіи Англіи“ Адольфа Гельда [2]), „Чтенія о промышленномъ переворотѣ въ Англіи“ Арнольда Тойнби [3]), „Индустріальная исторія Англіи“ Джиббинса [4]), многочисленные труды Роджерса [5]), книга Гергарта фонъ-Шульце-Геверница „Zum socialen Frieden“ [6]), „Промышленные кризисы въ современной Англіи“ М. И. Туганъ-Барановскаго [7]) и т. п. [8]). Во всѣхъ этихъ трудахъ въ общемъ довольно равномѣрно изслѣдована и и фактическая (экономическая) и идейная (культурная) сторона соціальной исторіи Англіи. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы такою же равномѣрностью отличалась литература по соціальной исторіи другой страны, въ которой совершались аналогичныя явленія, именно во Франціи. Если, напр., можно назвать нѣсколько сочиненій, въ коихъ выдвинуто на первый планъ развитіе во Франціи соціальныхъ идей, то въ области исторіи экономическихъ отношеній остается же-

---

[1]) Рус. переводъ 1872 г.

[2]) A. Held. Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands. 1881.

[3]) A. Toynbee. Lectures on the industrial revolution in England. 1884.

[4]) Gibbins. The industial history of England. 1890.

[5]) T. I, 201 и 557. Между ними см. The economic interpretation of history. (Есть и во франц. пер. 1892 г.).

[6]) G. von Schulze-Gaevernitz. Zum socialen Frieden. Eine Darstellung der socialpolitischen Erziehung des englischen Volkes im neunzehnten Jahrhundert. 1890. Сравни книжку А. С. Гольденвейзера „Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи“ (1891), представляющую изъ себя изложенія указаннаго труда.

[7]) М. И. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причины и вліяніе на народную жизнь. 1894. Въ этой книгѣ можно найти и болѣе спеціальныя указанія на литературу по экономической исторіи Англіи. Ср. Максъ Виртъ. Исторія торговыхъ кризисовъ въ Европѣ и Америкѣ. 1876.

[8]) Nadaud. Histoire des classes ouvrières en Angleterre. 1872.—Lujo Brentano. Die Arbeitergilden der Gegenwart.—Leone Levi. The history commerce and of the economic progress of the britisch nation (1763—1878). 1880. —W. Cunningham. The growth of english industry and commerce in modern time. 1891.—S. and B. Webb. The history of trade unionism. 1894.—Ср. книжку проф. А. С. Окольскаго. Ѳома Карлэйль и англійское общество въ XIX столѣтіи. 1893. Для исторіи англійскихъ финансовъ И. И. Кауфманъ. Государственный долгъ Англіи съ 1688 по 1890 г.

лать еще весьма и весьма многаго. Въ послѣднемъ смыслѣ, пожалуй, дореволюціонная Франція, благодаря множеству трудовъ, посвященныхъ изображенію „стараго порядка", извѣстна гораздо лучше, нежели Франція, вышедшая изъ революціи, по крайней мѣрѣ, за первую треть XIX вѣка [1]). Французскія исторіи буржуазіи, въ родѣ книги Барду [2]), имѣютъ въ виду исключительно политическую сторону исторіи этого общественнаго класса. Только спеціальная исторія рабочаго класса вводитъ насъ въ чисто соціальную исторію Франціи. Въ этомъ отношеніи до сихъ поръ остается ничѣмъ незамѣнимый двухтомный трудъ Левассера по исторіи рабочихъ во Франціи съ 1789 г. до середины шестидесятыхъ годовъ, когда вышла въ свѣтъ эта книга [3]), являющаяся продолженіемъ труда того же автора по исторіи рабочаго класса до 1789 г. [4]). Если, однако, въ общемъ мало изслѣдованы фактическія отношенія французской экономической жизни, то богатая идейная сторона соціальной исторіи Франціи послѣ революціи, наоборотъ, была предметомъ довольно тщательнаго изученія. Въ послѣднемъ отношеніи весьма многое для пониманія внутренней жизни Франціи въ первой половинѣ XIX в. дали извѣстные труды Лоренца Штейна [5]). Кромѣ того, здѣсь умѣстно будетъ указать еще на существованіе сочиненій, служащихъ вообще къ уясненію соціальнаго или рабочаго вопроса въ XIX вѣкѣ [6]).

Исторія экономическихъ ученій равнымъ образомъ имѣетъ свою литературу, состоящую или изъ цѣльныхъ обзоровъ всего развитія

---

[1]) Ср. примѣч. на стр. 219 настоящаго тома.

[2]) Bardoux. La bourgeoisie française.

[3]) Levasseur. Histoire des classes ouvrières en France depuis 1789 jusqu'à nos jours. 1867.

[4]) T. III, стр. 114. Ср. еще E. Chevalier. Les salaires au XIX siècle. Avec une préface de M. E. Levasseur. 1887.—Monteil. Histoire de l'industrie française —Укажемъ еще на книгу А. Михайлова „Пролетаріатъ во Франціи". 1869.

[5]) L. Stein. Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. 1842.—Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. 1850. — Въ концѣ семидесятыхъ годовъ Eugen Iäger предпринялъ большую „Исторію соціальнаго движенія и соціализма во Франціи", доведенную пока въ двухъ томахъ только до начала французской революціи.

[6]) Ф. А. Ланге. Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ.—Scheel. Die Theorie der socialen Frage. 1871.—P. Meyer. Der Emancipationskampf des vierten Standes. 1874 и слѣд. Особое мѣсто занимаютъ въ этой литературѣ сочиненія по исторіи паденія старыхъ цеховъ и возникновенія новыхъ рабочихъ союзовъ. См. соч. Lujo Brentano, Gierke и др. (т. I, стр. 226; т. III, 113 и слѣд.). Указываемъ еще на книгу г. Молчановскаго „Цеховая система въ Пруссіи XVIII вѣка и реформы цеховъ при Штейнѣ и Гарденбергѣ". 1887.—А. Исаевъ. Промышленныя товарищества во Франціи и Англіи. 1879.

политической экономіи, или изъ монографій по исторіи отдѣльныхъ моментовъ или явленій этого развитія [1]). Первымъ періодомъ въ развитіи политической экономіи является французская физіократическая школа [2]). Ея вліяніе не идетъ дальше временъ революціи, послѣ которой мы уже имѣемъ право говорить объ исключительномъ вліяніи школы Адама Смита, во многихъ пунктахъ стоящей, впрочемъ, на одной почвѣ съ физіократіей [3]). Въ томъ періодѣ, которому посвященъ настоящій томъ, школа Адама Смита именно и достигла наибольшаго внутренняго развитія и внѣшняго распространенія, что въ послѣдующемъ и заставитъ насъ остановиться на ней болѣе подробно [4]).

Наконецъ, особую категорію трудовъ по соціальной исторіи XIX в. составляютъ особыя сочиненія, посвященныя изложенію и разбору соціальныхъ идей XIX вѣка. Такъ называемыя соціальныя утопіи или „государственные романы“, какъ ихъ окрестилъ Робертъ фонъ-Моль [5]), ведутъ свое начало еще изъ классической древности и представляютъ изъ себя предметъ спеціальной литературы, излагающей ихъ исторію въ разныя времена и у разныхъ народовъ [6]). Соціаль-

[1]) См. Т. III, стр. 229, гдѣ названы общія исторіи политической экономіи Blanqui, Dühring'a, Eisenhart'a, Ingram'a, Kautz'a, Чупрова. См. также Wilhelm Roscher. Geschichte der National-Oekonomik in Deutschland. 1874.— И. Янжулъ. Англійская свободная торговля. Историческій очеркъ развитія идей свободной конкурренціи и начала государственнаго вмѣшательства. 1876 и 1882.—Espinas. Histoire des doctrines économiques. 1891. — Морицъ Мейеръ. Главнѣйшія направленія въ экономической наукѣ и др.

[2]) Кромѣ сочиненій о ней, указанныхъ въ т. III, стр. 229—230, отмѣтимъ еще Stephan Bauer. Zur Entstehung der Physiocratie.—Schelle. Dupont de Nemours et l'école physiocratique. 1888.

[3]) Ср. т. III, стр. 259. См. сочиненія о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ школъ: Hasbach. Die philosophischen Grundlagen der von Quesnay und Adam Smith gegründeten politischen Oeconomie 1890 (въ Staats—und Socialwissenschaftlichen Forschungen Шмоллера, т. X).—Feilbogen. Smith und Turgot. 1892.—Aug. Oncken. Die Maxime „laissez faire et laissez passer“, ihr Ursprung, ihr Werden. 1886.

[4]) Koesler. Ueber die Grundlehren der von Adam Smith begründeten Volkswirthschaftstheorie. 1862.—Hasbach. Untersuchungen über A. Smitz und die Enwickelung der politischen Oeconomie.—Н. И. Зиберъ. Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ. 1885.—И. Иваюковъ. Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. 1891. (4-е изданіе).

[5]) R. v. Mohl. Die Staatsromane (помѣщено въ первомъ томѣ его капитальнаго изданія „Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften“, 1855). Подъ тѣмъ же заглавіемъ (Die Staatsromane. Ein Beitrag zur Lehre vom Communismus und Socialismus) написалъ недавно (1891) небольшую книгу Friedrich Kleinwächter.

[6]) Кромѣ общихъ сочиненій по исторіи политическихъ ученій и политической экономіи, равно какъ, кромѣ только что указанныхъ соч. Р. фонъ-Моля

ныя ученія, возникшія въ первой трети XIX вѣка, именно и отличаются своимъ утопическимъ характеромъ, вслѣдствіе чего позднѣйшій соціализмъ даже сталъ противополагать себя соціализму этой эпохи, какъ направленіе научное — направленію утопическому. Главными представителями его во Франціи явились въ началѣ XIX в. Сенъ-Симонъ и Фурье, оставившіе послѣ себя цѣлыя школы „сенъ-симонистовъ“ и „фурьеристовъ“, а рядомъ съ ними выступилъ въ Англіи въ качествѣ практическаго соціальнаго реформатора Оуэнъ. Ихъ ученія и дѣятельность равнымъ образомъ были предметомъ отдѣльныхъ историческихъ работъ [1]), которыя также могутъ быть включены въ литературу по соціальной исторіи XIX вѣка.

Мы указали на наиболѣе важныя сочиненія по соціальной исторіи западной Европы въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. Быть можетъ, ни одинъ другой историческій періодъ не изслѣдованъ такъ хорошо съ соціально-экономической точки зрѣнія, какъ именно указанная эпоха и вообще XIX вѣкъ. Оставляя въ сторонѣ близость къ намъ этой эпохи и особый интересъ, который во второй половинѣ XIX столѣтія стала внушать къ соціальной и экономической исторіи сама общественная жизнь, мы должны указать на то, что никогда раньше на самомъ дѣлѣ соціально-экономическія отношенія и идеи не играли такой самостоятельной роли въ исторіи, какъ именно начиная съ французской революціи. Одною изъ причинъ этого было то, что лишь съ указаннаго времени народныя массы начинаютъ принимать особенно дѣятельное участіе въ исторіи, чему способствовало развитіе демократическихъ идей и учрежденій, скученіе въ городахъ рабочаго пролетаріата, распространеніе въ народѣ просвѣщенія и т. п., всякій же разъ, когда на сцену исторіи выступали народныя массы, выдвигались непремѣнно

и Клейнвехтера и т. п., см. указанныя въ т. III, на стр. 230 сочиненія Сюдра, Тониссена, Вильгарделя и др., а также труды Л. Штейна (выше, стр. 514), наконецъ и другія работы по исторіи соціализма и коммунизма, каковы: Graham. Socialism new and old.—Bouctot. Histoire du communisme.—Malon. Histoire du socialisme. — Warschauer. Geschichte des Socialismus und neueren Kommunismus. 1892.—B. Limanowski. Historia ruchu społecznego w XIX stulecin. 1890.—См. также Joseph Stammhammer. Bibliographie des Socialismus und Kommunismus. Отмѣтимъ кстати работы по исторіи соціализма въ эпоху французской революціи: Le Faure. Le socialisme pendant la révolution française.—P. Janet. Les origines du socialisme contemporain (La propriété pendant la révolution française). Наконецъ, въ трудахъ по исторіи философіи во Франціи Ferraz'a (выше стр. 245) и Adam'a (La philosophie en France, 1894) есть страницы, посвященныя изложенію соціальныхъ идей.

[1]) Hubbard. Saint-Simon, sa vie et ses travaux. 1857.—Paul Janet. Saint-Simon et le saint-simonisme.—Booth. Saint-Simon and saint-simonism. A chapter in the history of socialism in France. 1871.—Бибиковъ. Критическіе этюды. 1858 (о Фурье).

въ той или другой формѣ экономическіе вопросы, а за ними и вопросъ о лучшемъ, болѣе справедливомъ устройствѣ общества. И раньше, въ бурныя эпохи національной жизни [1]), происходили народныя движенія съ соціальнымъ характеромъ, но экономическая ихъ сторона обыкновенно была скрыта за религіозными или политическими стремленіями такихъ эпохъ: впервые только теперь, такъ сказать, эта экономическая сторона обнажилась и выдѣлила чисто соціальное движеніе. Произошло послѣднее по двумъ главнымъ причинамъ: съ одной стороны, предыдущее историческое развитіе уничтожило много такихъ сторонъ государственнаго и церковнаго быта, которыя сами по себѣ, т. е. безъ содѣйствія экономическаго фактора вызывали протестъ со стороны народныхъ массъ, и это имѣло своимъ результатомъ то, что дѣйствіе экономическаго фактора должно было усилиться, а съ другой стороны, къ тому же результату необходимо приводило и то обстоятельство, что къ началу XIX в. сталъ завершаться процессъ, такъ сказать, разлученія труда съ его орудіями, имѣвшаго своимъ слѣдствіемъ обостреніе экономическаго зла. Параллельно съ этимъ выступленіемъ на сцену народныхъ массъ, съ этимъ обнаженіемъ экономическихъ устоевъ общественной жизни и обостреніемъ экономическаго антагонизма развивается обособившаяся въ ряду другихъ общественныхъ наукъ политическая экономія, которая взглянула на общество съ точки зрѣнія, бывшей чуждою теоретической политикѣ или юриспруденціи прежняго времени, съ точки зрѣнія, по крайней мѣрѣ, имѣвшей для государствовѣдовъ и правовѣдовъ второстепенное значеніе. Подъ вліяніемъ всего этого составился даже взглядъ, будто вся исторія сводится въ послѣднемъ анализѣ къ исключительно экономической основѣ [2]). При этомъ было забыто даже, какую великую роль играютъ въ исторіи идеи и вообще вся культурная сторона жизни народовъ. Соціальныя идеи, получившія въ XIX в. главнымъ образомъ экономическое содержаніе, сами являются съ исторической точки зрѣнія не чѣмъ инымъ, какъ перенесеніемъ въ область матеріальныхъ интересовъ личности и хозяйственной жизни общества—тѣхъ принциповъ, которые предыдущее культурное и политическое развитіе вырабатывало въ сферахъ духовной и государственной жизни, т.-е. въ религіи и морали, въ философіи и наукѣ, въ публичномъ и частномъ правѣ. Чисто экономическая эволюція поставила для разрѣшенія рядъ вопросовъ, но за самое ихъ разрѣшеніе взялась культурная мысль, всѣмъ

---

[1]) См. выше, стр. 7, примѣч.

[2]) Т. I, стр. 39 и „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“, стр. 19 и слѣд. Ср. статью мою „Экономическій матеріализмъ въ исторіи“ Вѣстн. Евр. 1894.

предыдущимъ развитіемъ своимъ подготовленная къ тому, чтобы научно понимать дѣйствительную жизнь по категоріи истины и указывать на пути къ ея улучшенію во имя справедливости. Въ томъ, что мысль XIX вѣка яснѣе, чѣмъ когда-либо, понимаетъ научную истину и шире, чѣмъ когда-либо, представляетъ себѣ соціальную справедливость, нужно видѣть результатъ именно духовнаго, культурнаго развитія. Экономическія бѣдствія, рабство и нищета существовали всегда, но только на болѣе высокихъ ступеняхъ культурнаго развитія для борьбы съ невзгодами и несовершенствами жизни приходитъ къ человѣку на помощь научное знаніе и вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ протестъ противъ рабства, рождается желаніе устранить нищету. Впервые XVIII вѣкъ поставилъ такую задачу, и вотъ разрѣшеніе ея сдѣлалось одною изъ самыхъ интересныхъ сторонъ культурно-соціальной исторіи XIX столѣтія.

XXIII. Крестьянскій вопросъ въ первой трети XIX вѣка [1]).

Французская революція и XIX вѣкъ въ исторіи крестьянскаго вопроса. — Связь крестьянской реформы съ культурно-политической исторіей.—Теоретическая разработка крестьянскаго вопроса въ Германіи.—Застой крестьянскаго дѣла въ Австріи.—Особый интересъ крестьянской реформы въ Пруссіи. — Политика прусскаго правительства по отношенію къ крестьянамъ въ XVIII вѣкѣ.—Вопросъ объ уничтоженіи крѣпостничества въ Пруссіи въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. — Прусская крестьянская реформа 1807 и слѣд. годовъ. — Приговоръ Кнаппа объ общемъ значеніи прусской крестьянской реформы. — Крестьянскій вопросъ въ другихъ государствахъ Германіи до 1840 г.—Мекленбургскія аграрныя отношенія. — Крайняя пестрота крестьянскихъ отношеній и правительственныхъ мѣръ по крестьянскому вопросу въ Германіи.—Общій взглядъ на положеніе крестьянъ и законодательныя мѣры, касающіяся крестьянства, въ другихъ странахъ континента.—Нѣсколько общихъ выводовъ.

Въ исторіи крестьянскаго вопроса на западѣ Европы французской революціи принадлежитъ въ высшей степени важное значеніе. XVIII вѣкъ впервые поставилъ крестьянскій вопросъ, какъ вопросъ объ освобожденіи личности и имущества земледѣльца отъ крѣпостной зависимости и отъ феодальныхъ повинностей, но рѣшеніе этого вопроса онъ завѣщалъ лишь XIX вѣку, указавъ на примѣрѣ французскаго революціоннаго законодательства, что государственная власть имѣетъ право безвозмездно освободить личность крестьянина отъ крѣпостной зависимости и снять въ силу общаго закона ту тяготу, которая лежала на его землѣ [2]). Законодательство конституанты, легислативы

[1]) Указанія на литературу см. выше, стр. 510—512.

[2]) Т. III, главы VIII, XVII, XXVIII и стр. 544—549 главы XXXVII.

и особенно конвента весьма радикальнымъ образомъ рѣшило юридическую сторону крестьянскаго вопроса во Франціи, освободивъ личность и землю крестьянина отъ феодальнаго режима, превративъ массу сельскаго населенія въ свободныхъ и полноправныхъ гражданъ и замѣнивъ средневѣковое условное землевладѣніе ни отъ кого независимою собственностью. Правда, первоначально предполагалось, что крестьяне будутъ выкупать повинности, лежавшія на ихъ земельныхъ участкахъ, и въ этомъ смыслѣ даже изданы были спеціальные законы, оказавшіеся, однако, крайне неудовлетворительными, но политическія обстоятельства эпохи заставили конвентъ въ 1793 году отмѣнить безвозмездно и эти повинности. Наступившая затѣмъ эпоха въ этомъ отношеніи вообще не слѣдовала примѣру конвента, и вопросъ о выкупѣ крестьянскихъ повинностей поэтому и сдѣлался однимъ изъ наиболѣе важныхъ въ общемъ вопросѣ объ отмѣнѣ феодальныхъ правъ. Но у крестьянской реформы, кромѣ юридической, была еще и экономическая сторона, ибо дѣло заключалось не только въ томъ, чтобы освободить личность и имущество крестьянина отъ феодальныхъ правъ, но и въ томъ, чтобы обезпечить его матеріальный бытъ, поставивъ его въ наиболѣе выгодное отношеніе къ землѣ. Въ XVIII в. вообще и въ частности въ эпоху французской революціи эта сторона вопроса отодвигалась на задній планъ. Во-первыхъ, предполагалось, что все зло въ жизни сельскаго населенія заключается въ несвободѣ или неполноправности самихъ крестьянъ и въ обремененіи или стѣсненіи крестьянскаго землевладѣнія всякаго рода феодальными поборами и повинностями. Мало того: физіократы, подъ вліяніемъ коихъ складывались экономическія воззрѣнія общества и правительствъ, были противниками мелкаго крестьянскаго хозяйства, какую бы форму оно ни имѣло, рекомендуя англійскую систему крупныхъ фермъ, на которыхъ хозяйство и велось бы безземельными сельскими рабочими,— порядокъ вещей, отразившійся и на экономическихъ воззрѣніяхъ школы Адама Смита. Какъ бы тамъ ни было, французская революція не предприняла ничего для земельнаго обезпеченія крестьянской массы, хотя въ распоряженіи государства была тогда громадная масса земель въ видѣ такъ называемыхъ національныхъ имуществъ, образовавшихся изъ прежнихъ доменовъ, изъ секуляризованной собственности церкви и монастырей и изъ конфискованныхъ имѣній эмигрировавшаго дворянства.—Послѣ французской революціи дѣло крестьянской реформы пошло быстрѣе и въ другихъ государствахъ. Мы уже видѣли это, обозрѣвая вообще тѣ перемѣны, которыя французское владычество произвело или вызвало въ другихъ странахъ въ эпоху революціи, консульства и имперіи [1]), но процессъ продолжался и въ слѣдующіе періоды, то

[1]) См. выше, стр. 170—172, гдѣ перечислены главнѣйшіе факты.

замедляясь, то ускоряясь, какъ это было до и послѣ революцій 1830 и 1848 гг. Во все это время принципъ права крестьянина на личную свободу и права государства эту свободу осуществлять путемъ безвозмездной отмѣны крѣпостничества стоялъ довольно твердо въ общественномъ сознаніи, хотя наступившая въ 1815 году реакція была крайне неблагопріятна для проведенія этого принципа въ жизнь. Съ другой стороны, какъ было сказано, законодательство XIX в. въ вопросѣ объ отмѣнѣ поземельныхъ повинностей крестьянства стояло на точкѣ зрѣнія учредительнаго собранія 1789—91 гг., разсматривая ихъ, какъ подлежащія выкупу, хотя лишь съ теченіемъ времени выработался взглядъ, въ силу коего государство должно было приходить на помощь къ крестьянамъ въ дѣлѣ выкупа ими своихъ повинностей. Развитіе ученія о государственной помощи и соотвѣтственное законодательство составляютъ вообще одну изъ важнѣйшихъ сторонъ исторіи рѣшенія крестьянскаго вопроса въ XIX столѣтіи. [1]). Другую не менѣе важную сторону этой исторіи составляетъ и развитіе сознанія о необходимости земельнаго обезпеченія крестьянъ, о которомъ еще такъ мало думали во время французской революціи.

Извѣстно вообще, что освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости на западѣ Европы вообще сопровождалось, такъ сказать, ихъ открѣпленіемъ отъ земли [2]), процессъ, который ранѣе всего и полнѣе всего совершился въ Англіи [3]). Но то же самое дѣлалось по мѣстамъ и въ началѣ XIX в. Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ примѣровъ этого является освобожденіе польскихъ крѣпостныхъ въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ, произведенное Наполеономъ I въ 1807 г.: польскіе крестьяне въ силу императорскаго декрета дѣлались свободными, но земля, на которой они сидѣли, объявлялась полною собственностью помѣщика, что́ должно было поставить крестьянъ въ положеніе людей, снимающихъ землю у помѣщиковъ на основаніи свободнаго договора. Эта реформа по остроумному замѣчанію одного польскаго государственнаго человѣка сняла съ ногъ хлоповъ кандалы, но вмѣстѣ съ тѣмъ стащила у нихъ и сапоги. Впослѣдствіи императоръ Николай I обратилъ вниманіе на начавшееся въ Царствѣ Польскомъ обезземеленіе крестьянъ и принялъ особыя мѣры для его прекращенія. Съ теченіемъ времени взглядъ на освобожденіе крестьянъ „безъ земли“ или „съ землею“

---

[1]) Мысль о такой помощи возникла еще во время революціи, но едва ли не была лишь достояніемъ одного или нѣсколькихъ лицъ. См. объ этомъ въ моей книгѣ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка“.

[2]) Т. I, гл. XIV и XVI.

[3]) Т. III, стр. 107 и слѣд.

существеннымъ образомъ измѣнился къ выгодѣ крестьянской массы, получавшей личную свободу. Подводя итоги подъ всѣмъ сказаннымъ, мы можемъ признать, что двумя самыми важными сторонами крестьянскаго вопроса въ XIX в. были вопросъ о выкупѣ крестьянскихъ повинностей и вопросъ объ устройствѣ поземельнаго быта крестьянъ.

Главное сопротивленіе встрѣчали и въ XVIII, и въ XIX вв. правительство и самъ народъ въ дѣлѣ крестьянской реформы со стороны дворянства, которое въ отмѣнѣ крѣпостничества, въ уничтоженіи крестьянскихъ повинностей и въ надѣленіи крестьянъ землею видѣло нарушеніе своихъ законныхъ правъ. Одною изъ задачъ, какія въ XVIII в. ставила себѣ консервативная оппозиція противъ правительственныхъ начинаній въ области крестьянскаго вопроса, было именно сохраненіе тѣхъ отношеній, въ коихъ находились къ дворянству крестьяне въ отдѣльныхъ странахъ. Въ этомъ смыслѣ дворянство во всѣхъ государствахъ дѣйствовало весьма единодушно, какъ въ XVIII в., такъ и въ XIX столѣтіи, когда послѣ революціи прежняя консервативная оппозиція перешла въ аристократическую реакцію, кто бы ни пытался освободить крестьянъ и снять съ нихъ бремя феодальныхъ повинностей. Съ паденіемъ имперіи Наполеона I, благопріятствовавшей освобожденію сельской массы, наступило время, когда въ области общественной мысли и жизни стали съ особою силою оживать средневѣковыя традиціи. Реакціонные писатели эпохи общимъ духомъ своихъ ученій подновили тѣ воззрѣнія, которыми въ былое время оправдывалось существованіе „патріархальныхъ“ отношеній между господами и жившими на ихъ земляхъ крестьянами. Возобновленіемъ союза королевской власти съ привилегированными, характеризующимъ эпоху реставраціи, создавалось и политическое положеніе, которое было крайне неблагопріятно для крестьянскаго вопроса. Вообще каждый разъ, какъ вліяніе новыхъ культурныхъ и политическихъ началъ приходило въ упадокъ, это выражалось непремѣнно въ замедленіи и даже прямо въ прекращеніи процесса освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и вообще всѣхъ реформъ въ сельскомъ быту, которыхъ требовало болѣе развитое общественное чувство. Наоборотъ, всякій новый успѣхъ культурныхъ и политическихъ началъ, ведущихъ свое происхожденіе изъ „просвѣщенія“ XVIII в., имѣлъ непосредственнымъ своимъ слѣдствіемъ какія-либо важныя и благодѣтельныя перемѣны въ жизни этой самой крестьянской массы: не даромъ, напр., въ исторіи крестьянскихъ реформъ, совершившихся въ XIX в. въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ, такое важное значеніе принадлежитъ движеніямъ 1830 и 1848 годовъ.

Другимъ важнымъ обстоятельствомъ, которое нужно принимать въ расчетъ при разсмотрѣніи крестьянской реформы въ XIX вѣкѣ,

является теоретическая разработка этого вопроса въ литературѣ. Франція въ 1789 г. должна была рѣшать свой крестьянскій вопросъ безъ достаточной подготовки, т.-е. безъ хорошаго знанія фактическихъ отношеній, господствовавшихъ въ сельскомъ быту, и безъ предварительнаго изученія принципіальной стороны дѣла съ исторической, политической, юридической и экономической точекъ зрѣнія [1]). Германія въ этомъ отношеніи была поставлена въ иныя условія, такъ какъ здѣсь крестьянскій вопросъ рѣшался постепенно,—въ однихъ государствахъ раньше, въ другихъ позднѣе и притомъ въ разныхъ государствахъ—да и въ однихъ и тѣхъ же въ разное время—различнымъ образомъ, а потому было достаточно времени и для теоретической разработки вопроса, которая притомъ началась еще въ XVIII в. Впервые въ нѣмецкой литературѣ стали раздаваться голоса въ пользу отмѣны крѣпостничества и уничтоженія барщины, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ физіократіи [2]), нашедшей въ тогдашней Германіи немало приверженцевъ. Нѣмецкіе послѣдователи физіократіи учили, что трудъ долженъ быть свободенъ, ибо только свободный трудъ производителенъ, и отсюда дѣлали тотъ выводъ, что крѣпостничество и барщины противорѣчатъ истиннымъ интересамъ общества и государства, вообще только теряющимъ отъ несвободы труда. Съ другой стороны, въ Германіи XVIII в. не было недостатка въ писателяхъ, ставившихъ крестьянскій вопросъ и на морально-политическую точку зрѣнія. „Свобода гражданина и всѣхъ членовъ государства,—писалъ, напр., въ серединѣ XVIII в. извѣстный ученый и публицистъ Юсти, — есть первое существенное свойство истиннаго гражданскаго общежитія. Государства, гдѣ одно сословіе или классъ народа находится въ подданствѣ или зависимости отъ другого, имѣютъ столь чудовищное устройство, которое могло существовать только въ самыя варварскія времена, но съ которымъ нельзя существовать въ просвѣщенное время“. Мало того: Юсти изъ своего положенія дѣлалъ не только тотъ выводъ, что крестьяне должны быть свободны, но и тотъ, что имъ слѣдуетъ предоставить на правахъ собственности тѣ земли, на коихъ они живутъ. Впрочемъ, большинство писателей, высказывавшихъ свои взгляды по этому предмету въ XVIII столѣтіи, такъ далеко впередъ не уходило и ограничивалось проповѣдью лишь противъ неумѣреннаго барщиннаго труда [3]). Сочиненія, подобныя анонимной „Запискѣ о вопросѣ, какъ даровать крестьянамъ свободу и собственность тамъ, гдѣ они не имѣютъ ни

---

[1]) Т. III, стр. 251.

[2]) О вліяніи физіократіи вообще на постановку крестьянскаго вопроса см. т. III, стр. 257 и слѣд.

[3]) Напр., Möser въ Patriotische Phantasien.

той, ни другой", были рѣдки, ибо общественное сознаніе еще не возвысилось до той точки зрѣнія, съ которой крестьянскій вопросъ заключался не только въ освобожденіи личности крестьянина, но и въ обезпеченіи его землей. Такъ какъ уже въ XVIII в. отдѣльныя нѣмецкія правительства обратили вниманіе на улучшеніе крестьянскаго быта, а затѣмъ подъ вліяніемъ французской революціи и имперіи Наполеона началась въ отдѣльныхъ частяхъ Германіи и дѣйствительная отмѣна крѣпостничества, то стали появляться и умножаться брошюры и статьи по крестьянскому вопросу, имѣвшія большею частью въ виду какія-либо мѣстныя (напр., прусскія) отношенія. Правда, нерѣдко эта публицистика принимала консервативный оттѣнокъ, особенно подъ вліяніемъ реакціоннаго теченія въ политической литературѣ, и даже появлялись такія произведенія, какъ, напр., брошюра Аретина (1819) „Господскія права въ Баваріи, какъ главная основа общественнаго благосостоянія" (Die grundherrlichen Rechte in Bayern, eine Hauptstütze des öffentlichen Wohlstandes). Въ то самое время, какъ, напр, консерваторы даже въ тѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, гдѣ были введены конституціонныя учрежденія[1]), доказывали, что каждый помѣщикъ есть отецъ, другъ, опекунъ, воспитатель и защитникъ своихъ крестьянъ, имъ вторили реакціонные писатели въ родѣ Адама Мюллера [2]), говорившаго, что феодальное сельское хозяйство есть „палладіумъ національнаго существованія", или въ родѣ Генца [3]), писавшаго, что крестьянство не имѣетъ права считаться сословіемъ на ряду съ другими (ihr Bauernstand ist kein Stand und darf keiner sein). Но время дѣлало свое, и дни допотопныхъ теорій были сочтены; даже такимъ писателямъ, которые не особенно были расположены къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, приходилось считаться или съ совершившимися фактами, или съ неизбѣжностью новыхъ фактовъ такого же характера. Крестьянскій вопросъ все болѣе и болѣе привлекалъ къ себѣ общественное вниманіе, и мы увидимъ еще, напр., какое участіе въ его рѣшеніи въ Пруссіи принимала публицистика. Если даже на писателей эпохи реставраціи и не особенно сильно дѣйствовали морально-политическія соображенія, вытекавшія изъ ученія объ естественномъ правѣ, то всѣ они, за исключеніемъ реакціонеровъ, хорошо понимали, что отмѣны господскихъ правъ требуетъ экономическій интересъ общества и государства, который зависитъ отъ успѣховъ сельскаго хозяйства, бывшихъ невозможными при существованіи барщины и крѣпостничества. Тотъ аргументъ, что несвободный трудъ

---

[1]) См. выше, стр. 353 и слѣд.
[2]) См. выше, стр. 280.
[3]) См. выше, стр. 311.

есть самый непроизводительный и что крѣпостное право является главною помѣхою въ дѣлѣ раціональной агрономіи, и оказался, собственно говоря, пожалуй, наиболѣе убѣдительнымъ для правительствъ, выступавшихъ въ эту эпоху на путь крестьянскихъ реформъ. При этомъ правительствамъ, ставившимъ себѣ задачу освобожденія крестьянъ, предстояло рѣшить два вопроса, а именно вопросъ о томъ, какимъ путемъ должны быть вознаграждены помѣщики за отмѣну своихъ господскихъ правъ, и въ какія отношенія къ землѣ долженъ быть поставленъ освобожденный земледѣлецъ; оба же эти вопроса сдѣлались предметомъ публицистическаго обсужденія. По первому изъ нихъ установился принципъ (формулированный Молемъ), что разъ существуетъ настоятельная потребность отмѣнить господскія права, то произойти это можетъ не иначе, какъ за соотвѣтственное вознагражденіе помѣщиковъ, ибо такая отмѣна въ существѣ дѣла есть вторженіе въ частную собственность, оправдываемое лишь съ точки зрѣнія высшихъ интересовъ. Это былъ принципъ, но надлежало еще выработать и способы его примѣненія, которые могли быть весьма различны, какъ это и показала не только теоретическая разработка вопроса въ публицистикѣ, но и сама законодательная практика. Въ самомъ концѣ разсматриваемаго періода (1829) была издана въ высшей степени важная книжка Штюфе (Stüve) „О повинностяхъ, лежащихъ на поземельной собственности“ (Ueber die Lasten des Grundeigenthums), и въ ней развита была та мысль, что вознагражденіе помѣщиковъ должно быть произведено по извѣстному процентному вычисленію, и что долженъ быть организованъ для выкупной операціи особый кредитъ съ дозволеніемъ крестьянамъ выплачивать выкупную сумму по частямъ. Эту мысль Штюфе, дѣйствительно, слѣдуетъ признать весьма важною, ибо въ ней былъ зародышъ, изъ коего въ слѣдующихъ періодахъ (послѣ 1830 и 1848 гг.) развилась особая литература, разрабатывавшая вопросъ о правительственной помощи крестьянамъ въ дѣлѣ выкупной операціи, и возникло цѣлое законодательство, въ основѣ своей имѣвшее именно этотъ самый принципъ. Мы еще увидимъ, что раньше вопросъ о выкупѣ господскихъ правъ и теоретически, и практически рѣшался большею частью въ томъ смыслѣ, что въ видѣ вознагражденія за отмѣну господскихъ правъ крестьянинъ долженъ былъ отдавать помѣщику часть—и иногда очень значительную часть—своей земли. Отъ этого, конечно, уменьшалась площадь крестьянскаго землевладѣнія, но если одни публицисты и государственные люди эпохи считали важнымъ сохраненіе экономически обезпеченнаго крестьянскаго сословія и въ состояніи свободы, то были, наоборотъ, и такіе писатели и дѣятели по крестьянскому вопросу, которые въ самой отмѣнѣ старыхъ отношеній видѣли лишь средство перейти къ новой формѣ хозяйства,

т.-е. къ крупнымъ фермамъ съ наемными рабочими. Такая форма уже господствовала въ Англіи [1]), а во Франціи еще въ XVIII в. была предметомъ мечтаній физіократовъ и агрономовъ [2]),—и вотъ нѣмецкіе послѣдователи англійской политической экономіи точно также стали помышлять о необходимости введенія крупныхъ сельскохозяйственныхъ предпріятій, для чего, разумѣется, требовалось образованіе особаго класса сельскихъ рабочихъ. Въ этомъ смыслѣ нѣкоторыми и понималась сама крестьянская реформа, которую выдвигала впередъ общественная жизнь. Впослѣдствіи, однако, эта точка зрѣнія была постепенно оставлена, и въ общее сознаніе все болѣе и болѣе стала проникать мысль о необходимости земельнаго обезпеченія для крестьянъ, хотя землевладѣльцы, наоборотъ, находили мысль о сосредоточеніи въ ихъ рукахъ крестьянскихъ земель и объ образованіи особаго класса наемныхъ рабочихъ для себя и выгодною, и пріятною. Замѣчательно еще, что во всей литературѣ по крестьянскому вопросу въ Германіи, каждый разъ, когда высказывалась заботливость о народныхъ интересахъ, въ виду имѣлись лишь самостоятельные хозяева изъ крестьянъ, а не тѣ бобыли, или батраки, которые должны были прибѣгать къ работѣ въ чужихъ хозяйствахъ [3]). Вопросъ о безземельныхъ сельскихъ рабочихъ, составляющій лишь часть общаго рабочаго вопроса XIX вѣка, совсѣмъ еще не ставился, какъ, впрочемъ, многими не ставился еще и вообще рабочій вопросъ, въ ту эпоху, когда впервые было приступлено къ реформамъ въ крестьянскомъ быту, тѣмъ болѣе, что господствовавшая въ это время экономическая теорія была именно основана на признаніи нормальности существованія рабочаго класса, оторваннаго отъ земли и отъ орудій производства. Вотъ почему въ началѣ XIX в. раскрѣпощеніе крестьянской массы все еще сопровождалось открѣпленіемъ множества крестьянъ отъ земли, ибо лица, рѣшавшія теоретически и практически вопросъ крестьянскій, какъ его понялъ XVIII в., въ большинствѣ случаевъ не прозрѣвали еще существованія вопроса рабочаго, какъ онъ былъ поставленъ лишь въ XIX столѣтіи, да и то раньше всего не въ самой Германіи [4]). Можно вообще сказать, что тѣмъ лучше въ смыслѣ

---

[1]) Т. III, стр. 108.

[2]) Т. III, стр. 109 и 257 и слѣд.

[3]) О разныхъ классахъ сельскаго населенія въ Германіи еще въ средніе вѣка см. т. I, стр. 191. Объ аналогичномъ явленіи во Франціи въ XVIII в. говорится въ т. III, стр. 102.

[4]) Сама литература по исторіи крестьянскаго вопроса стала обращать особое вниманіе на эту сторону дѣла сравнительно поздно. Въ этомъ отношеніи особенно важно сочиненіе Кнаппа (см. выше, стр. 511), посвященное исторіи не только освобожденія крестьянъ, но и образованія сельскихъ рабочихъ въ Пруссіи. Вполнѣ можно согласиться съ первыми же строками этого важнаго труда: „Die Geschichte der Bauernbefreiung ist die Geschichte der socialen Frage des

высшей справедливости и интересовъ общества рѣшался крестьянскій вопросъ, чѣмъ позднѣе онъ рѣшался, ибо чужой опытъ и теоретическая разработка вопроса вносили все новыя и новыя поправки и вмѣстѣ съ тѣмъ новыя точки зрѣнія въ его рѣшеніе: между прочимъ и возникновеніе рабочаго вопроса въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ былъ поставленъ культурнымъ и экономическимъ движеніемъ XIX в., не могло не отразиться на расширеніи самого крестьянскаго вопроса.

Что реакціонная политика вообще отзывалась крайне вреднымъ образомъ на крестьянствѣ, доказательствомъ этому можетъ служить Австрія въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Въ этомъ государствѣ во второй половинѣ XVIII в., при Маріи-Терезіи, были уже предприняты кое-какія реформы въ цѣляхъ облегченія участи крестьянъ, а въ восьмидесятыхъ годахъ Іосифъ II предпринялъ даже отмѣну крѣпостничества въ тѣхъ частяхъ монархіи, гдѣ оно еще существовало. Извѣстно, что начинанія Іосифа II въ этомъ отношеніи встрѣтили сильную оппозицію со стороны дворянства, и что по его смерти реакція противъ его реформъ воспользовалась крестьянскими бунтами (1790 — 1792) въ нѣкоторыхъ габсбургскихъ владѣніяхъ (въ эрцгерцогствѣ Австріи, въ Чехіи, въ Моравіи), чтобы вынудить у преемника Іосифа II, Леопольда II, отмѣну ненавистныхъ распоряженій покойнаго императора, потому и удержавшихся только въ одной Галиціи [1]). Въ теченіе болѣе, нежели полустолѣтія, протекшаго со смерти Леопольда II до бурнаго 1848 г., въ положеніи сельскаго населенія Австріи не произошло затѣмъ ни малѣйшей перемѣны, которую здѣсь стоило бы отмѣтить. Какимъ въ общемъ было здѣсь положеніе крестьянства въ концѣ XVIII в., такимъ оставалось въ теченіе всей первой половины XIX в., когда внутри Австріи царила самая мрачная реакція. Лишь самая незначительная часть сельскаго населенія (преимущественно въ Тиролѣ и Форарльбергѣ) находилась въ состояніи свободныхъ собственниковъ, пользовавшихся полными правами гражданства, да въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ съ частью Истріи крестьянство было свободно, пользуясь землею, однако, лишь въ качествѣ срочныхъ или наслѣдственныхъ арендаторовъ. За то въ Австріи, Штиріи, Каринтіи, Крайнѣ, Богеміи, Моравіи, Силезіи и Галиціи съ другою

---

18 Jahrhundert. Die sociale Frage des 19 Jahrhundert hat es weniger mit den Bauern zu thun als mit den Arbeitern und zwar... mit den Landarbeitern" (см. у насъ т. III. стр. 260). Своей задачей Кнаппъ и поставилъ den Zusammenhang beider Fragen klarzustellen; говоря объ отношеніи прусской крестьянской реформы начала XIX в. къ сельскимъ рабочимъ, онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ: „eine Bauernfrage gab es längst, aber eine Arbeiterfrage gab es nicht" (Knapp. I. 228).

[1]) Т. III, стр. 394—396.

частью Истріи крестьяне лишь въ теоріи обладали личною свободою, на самомъ же дѣлѣ находились въ такъ называемомъ наслѣдственномъ подданствѣ (Erbunterthänigkeit), замѣнившемъ только на словахъ прежнее крѣпостничество (Leibeigenschaft) [1]), не имѣя притомъ въ большей части этихъ областей права владѣть поземельною собственностью и подчиняясь еще суду своихъ господъ. Но особенно печально было положеніе крестьянъ въ Венгріи и Трансильваніи, гдѣ они фактически оставались прикрѣпленными къ землѣ и подчиненными патримоніальному суду помѣщиковъ. Даже тѣ законы, которые были изданы для огражденія крестьянъ отъ помѣщичьяго произвола во второй половинѣ XVIII в., оставались большею частью одною мертвою буквою. Вмѣстѣ съ этимъ, благодаря не только общей культурно-политической реакціи, господствовавшей въ Австріи при Меттернихѣ, но и вслѣдствіе сохраненія старыхъ крѣпостническихъ порядковъ, большая часть провинцій монархіи находилась въ крайнемъ матеріальномъ упадкѣ, и ея экономическая жизнь носила на себѣ всѣ признаки отсталости.

Судьба крестьянскаго вопроса въ Пруссіи, имѣвшей свои годы прогресса въ эпоху реформъ Штейна и Гарденберга и войны за освобожденіе, и свои годы реакціи послѣ вѣнскаго конгресса, тоже можетъ служить примѣромъ того, какъ дурно отражалась общая внутренняя реакція на положеніи народныхъ массъ. Но исторія крестьянской реформы въ Пруссіи заслуживаетъ особаго вниманія и съ другихъ точекъ зрѣнія. Въ виду того, что говорилось выше о теоретической постановкѣ вопроса въ началѣ XIX в., прусская крестьянская реформа представляетъ большой интересъ въ смыслѣ именно примѣра того, какъ въ ней было поставлено дѣло выкупа господскихъ правъ и въ какое отношеніе она стала къ земельному обезпеченію крестьянъ, тѣмъ болѣе, что трудъ Кнаппа, названный нами выше [2]), пролилъ достаточно яркій свѣтъ на обѣ стороны предмета. Не нужно забывать еще, что крестьянская реформа въ Пруссіи была предпринята въ связи съ другими государственными и общественными преобразованіями, придающими вообще большой интересъ прусской исторіи начала XIX вѣка [3]). Наконецъ, изъ всѣхъ нѣмецкихъ государствъ, приступившихъ къ рѣшенію крестьянскаго вопроса еще въ первой трети XIX в., Пруссія является самою крупною державою, и ея примѣръ не могъ не повліять на другія страны Германіи.

---

[1]) Т. III, стр. 396.

[2]) См. стр. 511 и 512. Начальная исторія этой реформы въ связи съ другими событіями эпохи разсказана очень обстоятельно и въ соч. Cavaignac'a (см. выше, стр. 173).

[3]) См. выше главу X.

Изъ всѣхъ монарховъ западной Европы прусскіе короли чуть ли не одни изъ первыхъ—при общемъ хозяйственномъ направленіи своей внутренней политики [1])—обратили вниманіе на крестьянскія отношенія въ своихъ владѣніяхъ [2]). Но ихъ дѣятельность была совершенно различною, смотря по тому, имѣли ли они дѣло съ крестьянами, жившими на королевскихъ доменахъ, или съ крестьянами частныхъ владѣльцевъ. При Фридрихѣ-Вильгельмѣ I, Фридрихѣ II и Фридрихѣ-Вильгельмѣ III королевскіе крестьяне получили личную свободу, освободились отъ барщинныхъ повинностей и пріобрѣли въ собственность свои земельные участки, такъ что къ началу XIX в. преобразованія, совершенныя въ быту доманіальныхъ крестьянъ, могли бы служить образцомъ для устройства быта и крестьянъ помѣщичьихъ. За то въ XVIII в. прусскимъ правительствомъ не сдѣлано было почти ничего для уничтоженія крѣпостничества и барщинъ въ частныхъ имѣніяхъ. Изъ эпохи „просвѣщеннаго абсолютизма“ Пруссія вышла со всѣми характерными чертами государства, сельскія отношенія коего были построены на началахъ средневѣкового феодальнаго быта. Правда, общее земское право прусской монархіи [3]), обнародованное въ 1794 г., уже не знаетъ крѣпостничества (Leibeigenschaft) и даже прямо заявляетъ, что его болѣе въ странѣ не существуетъ [4]), но на самомъ дѣлѣ если прежнія отношенія и не назывались уже этимъ именемъ, а обозначались, какъ Erbunterthänigkeit, то существо дѣла отъ этого измѣнялось очень мало. Впрочемъ, въ политикѣ прусскихъ королей по отношенію къ крестьянамъ частныхъ владѣльцевъ была въ XVIII в. одна весьма благодѣтельная сторона. Дѣло въ томъ, что прусское дворянство весьма нерѣдко посредствомъ такъ называемаго Legen'a, или Bauernlegen'a присоединяло къ своимъ непосредственнымъ имѣніямъ крестьянскіе участки, вслѣдствіе чего происходило увеличеніе площади помѣщичьей (фольварочной) и уменьшеніе площади крестьянской земли. Въ XVIII столѣтіи, особенно же во второй его половинѣ прусское правительство вооружилось противъ Legen'a законодательными мѣрами, взявъ подъ свою защиту крестьянскіе дворы и тѣмъ задержавъ процессъ обезземеленія крестьянъ. Такъ дѣло продолжалось вплоть до начала XIX вѣка, но когда обстоятельства времени вынудили прусское правительство произвести освобожденіе крестьянъ и въ частныхъ имѣніяхъ, безусловная охрана крестьянъ (Bauernschutz) прежняго

---

[1]) Т. III, стр. 306 и слѣд.

[2]) Для послѣдующаго ср. т. III, стр. 391—394.

[3]) Allgemeines Landrecht, см. т. III, стр. 331—332, 364 и 394.

[4]) Es findet daher die ehemalige Leibeigenschaft, als eine Art der persönnlichen Sklaverei, auch in Ansehnung der unterthänigen Bewohner des platten Landes nicht statt.

времени была оставлена, и правительство оказалось въ этомъ вопросѣ вступившимъ на совершенно иной путь. Такимъ образомъ если въ XVIII столѣтіи королевская власть въ Пруссіи, не отмѣняя юридической несвободы крестьянства, заботилась, однако, объ его экономическомъ обезпеченіи, то въ началѣ XIX в., совершивъ юридическое освобожденіе сельской массы, это правительство уже перестало заботиться въ такой степени, какъ прежде, объ экономической самостоятельности крестьянскаго сословія. Произошло это отчасти потому, что по обстоятельствамъ времени государственной власти нужно было считаться съ желаніями и стремленіями дворянъ, которые требовали притомъ вознагражденія за потерю господскихъ правъ, отчасти же и потому, что нѣкоторые дѣятели реформы стояли на „политико-экономической“ точкѣ зрѣнія—превосходства крупнаго хозяйства съ помощью вольнонаемныхъ рабочихъ.

Мы уже видѣли, что едва только Штейнъ, вторично призванный Фридрихомъ-Вильгельмомъ III на министерскій постъ, принялъ на себя трудную задачу управленія въ концу разстроеннымъ государствомъ, какъ появился знаменитый эдиктъ 9 октября 1807 г., коимъ отмѣнялось въ Пруссіи крѣпостное состояніе крестьянъ [1]). Мы знаемъ также, что Штейнъ вовсе не былъ иниціаторомъ этой мѣры, подготовленной ранѣе особою коммиссіей. Уже въ 1798 г. король, будучи въ Кёнигсбергѣ, получилъ великое множество жалобъ отъ помѣщичьихъ крестьянъ и поручилъ министру провинціи фонъ-Шрёттеру представить ему докладъ по вопросу о „наслѣдственномъ подданствѣ“ крестьянъ: когда фонъ-Шрёттеръ доложилъ ему, что отъ этого состоянія крестьянство страдаетъ и въ матеріальномъ, и въ моральномъ отношеніяхъ, Фридрихъ-Вильгельмъ III, ссылаясь на примѣръ другихъ государствъ, выразилъ желаніе, чтобы генеральная директорія изыскала средства и выработала планъ отмѣны крѣпостной зависимости во всѣхъ владѣніяхъ монархіи. Тогда, однако, сдѣлано въ этомъ направленіи ничего не было, и дѣло на нѣсколько лѣтъ заглохло. Между тѣмъ уже въ девятидесятыхъ годахъ во многихъ мѣстахъ прусской монархіи крестьяне прямо волновались, со вступленія же на престолъ Фридриха-Вильгельма III умножились крестьянскія жалобы на угнетеніе, подававшіяся въ видѣ прошеній самому королю, между тѣмъ какъ помѣщики все болѣе и болѣе жаловались на то, что крестьяне выходятъ у нихъ изъ повиновенія. Когда въ крестьянскую среду проникли слухи о томъ, что король подумываетъ объ уничтоженіи крѣпостничества, число прошеній, которыя стали подаваться на его имя, быстро возросло, и въ деревняхъ возникла даже особая

[1]) См. выше, стр. 200—201.

профессія составленія такихъ прошеній, чѣмъ стали заниматься, напр., народные учителя, старые инвалиды, мелкіе чиновники и т. п. Это броженіе, конечно, не укрывалось отъ взоровъ администраціи и дворянства; въ немъ они видѣли даже аргументъ противъ какихъ бы то ни было реформъ въ крестьянскомъ быту, такъ какъ онѣ на ихъ взглядъ могли бы только повести къ безпорядкамъ и бунтамъ, хотя другіе, наоборотъ, говорили, что именно бѣдственное положеніе крестьянъ и представляетъ изъ себя почву, наиболѣе удобную для революціонной агитаціи. Въ прусскія деревни, дѣйствительно, проникали отголоски великихъ событій эпохи, связанныхъ съ принципами равенства и свободы.

Когда послѣ тильзитскаго мира Фридрихъ-Вильгельмъ III долженъ былъ дать отставку Герденбергу, то, по его совѣту, назначилъ особую „непосредственную коммиссію“ (Immediat-Kommission), въ составъ коей вошли нѣсколько людей прогрессивнаго направленія. Въ числѣ ихъ довольно видную роль по отношенію къ крестьянскому вопросу игралъ Шёнъ [1]), ученикъ философа Канта, содрогавшагося каждый разъ при мысли о крѣпостномъ правѣ, сторонникъ ученія объ естественныхъ и неотчуждаемыхъ правахъ человѣка и большой поклонникъ политической экономіи Адама Смита. Между тѣмъ Наполеонъ уничтожилъ крѣпостное право въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ, и вотъ въ Прусіи возникло опасеніе, какъ бы ея собственные крѣпостные не стали уходить въ это сосѣднее государство. Съ другой стороны, правительство было озадачено необходимостью залѣчить тѣ раны, которыя война нанесла благосостоянію сельскаго населенія: въ этомъ смыслѣ въ „непосредственной коммиссіи“ и стали дѣлаться разнаго рода предположенія объ обезпеченіи участи крестьянъ. Всѣмъ этимъ воспользовался Шёнъ для того, чтобы возбудить въ коммиссіи вопросъ о необходимости соціальныхъ реформъ и прежде всего отмѣны „наслѣдственнаго подданства“, но въ томъ же смыслѣ и въ то же время подобное предложеніе сдѣлалъ и упоминавшійся раньше фонъ-Шреттеръ. Оба, кромѣ отмѣны личной зависимости крестьянъ, требовали и освобожденія поземельной собственности отъ всѣхъ тѣхъ стѣсненій, какимъ ее подчиняло старое законодательство, хотя ни тотъ ни другой не касались вопроса о поземельномъ устройствѣ крестьянъ послѣ того, какъ послѣдніе лично сдѣлаются свободными и земля превратится въ предметъ совершенно свободнаго обмѣна. Король въ общемъ одобрилъ эти предложенія и объявилъ это въ собственноручномъ указѣ 23 августа 1807 г., въ коемъ упомянулъ, что отмѣна „наслѣдственнаго подданства“ была цѣлью его стремленій съ

[1]) О немъ соч. Lehmann'a указан. выше, на стр. 173.

самаго вступленія его на престолъ. Такое заявленіе Фридриха-Вильгельма III сильно встревожило дворянство, и менѣе, нежели черезъ недѣлю (29 авг.), нѣсколько крупныхъ землевладѣльцевъ подали королю адресъ, въ коемъ выражали свое согласіе на предположенную мѣру лишь подъ двумя условіями: во-первыхъ, они просили, чтобы въ теченіе пяти лѣтъ крестьяне оставались прикрѣпленными къ землѣ съ обязательностью барщины въ пользу помѣщика и лишь послѣ этого срока получили полную свободу передвиженія, а во-вторыхъ, они выражали желаніе, чтобы „каждому помѣщику была предоставлена свобода распоряженія его крестьянскими участками или дворами“ (die freie Disposition über seine Bauernhüben). Это послѣднее желаніе сводилось къ тому, что дворянство готово было отказаться отъ крѣпостного права, если правительство откажется отъ охраны крестьянскаго землевладѣнія: помѣщики возвратятъ крестьянамъ свободу, но пусть государство отдастъ помѣщикамъ землю; крестьянинъ уйдетъ, куда ему будетъ угодно, но земля его останется, и эта земля будетъ помѣщичьею. Составители адреса, предвидя, что правительство пробоится, пожалуй, какъ бы отъ этого не уменьшилось народонаселеніе, прибавляли къ указанной просьбѣ и обязательство съ своей стороны—замѣнить каждаго ушедшаго крестьянина, по крайней мѣрѣ, одной семьей, которой будетъ данъ клочекъ земли и которая будетъ работать за плату на помѣщичьемъ хозяйствѣ. Король въ общемъ былъ доволенъ такимъ заявленіемъ дворянства, самъ находя справедливымъ, чтобы помѣщики были вознаграждены за отмѣну крѣпостничества возможностью „болѣе свободнаго, какъ было сказано въ кабинетскомъ указѣ 3 сентября 1807 г., распоряженія своими имѣніями и крестьянскими дворами“, хотя къ этому и было еще прибавлено: „насколько послѣднее можетъ происходить безъ ущерба для обработки земли (Cultur) и для населенія“. Въ правительственныхъ сферахъ эта точка зрѣнія также нашла сочувствіе. Шёнъ прямо говорилъ, что, смотря на дѣло „экономически“ (staatswirthschaftlich betrachtet), т.-е. принимая въ расчетъ теорію свободнаго проявленія экономическихъ интересовъ, нельзя придумать никакихъ основаній для того, чтобы навязывать помѣщикамъ тотъ или иной способъ хозяйства на своей землѣ — хозяйство фольварочное или крестьянское. Къ этому онъ прибавлялъ и то соображеніе, что слѣдовало бы еще предоставить время и облегчить помѣщикамъ совершить постепенную замѣну въ своихъ имѣніяхъ большого числа слишкомъ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ небольшимъ количествомъ болѣе крупныхъ на правахъ срочной аренды. Въ данномъ случаѣ Шёнъ былъ представителемъ экономическихъ идей своего времени: подобной замѣны мелкаго, крестьянскаго хозяйства болѣе крупнымъ, фермерскимъ требовали еще

французскіе физіократы въ XVIII в., ссылаясь на примѣръ Англіи [1]) и то же самое требованіе мы встрѣчаемъ у послѣдователей Адама, Смита; у Шёна, кромѣ того, передъ глазами былъ примѣръ Передней Помераніи и Мекленбурга, гдѣ господствовала такая же система. Онъ даже предполагалъ, что согласія сгоняемыхъ съ земли крестьянъ при этомъ спрашивать будетъ не нужно, но что ихъ все-таки придется вознаградить, причемъ однимъ изъ возмѣщеній его потерь будетъ дарованіе ему личной свободы. Эти взгляды Шёна въ высшей степени характерны для того, чтобы опредѣлить, съ какой точки зрѣнія смотрѣли на вопросъ представители тогдашней экономической теоріи. Шёна не ужасала перспектива развитія сельскаго пролетаріата, и въ сущности весь его планъ, безъ его вѣдома, былъ составленъ въ пользу помѣщиковъ, которымъ предоставлялось свободно распоряжаться крестьянскою землею, и въ пользу немногихъ крестьянъ-хозяевъ, долженствовавшихъ образовать классъ фермеровъ.

Въ такомъ положеніи былъ вопросъ, когда въ Мемель, гдѣ тогда находился прусскій дворъ, прибылъ Штейнъ. Все дѣло крестьянской реформы, которая начата была его эдиктомъ 9 октября 1807 г., было уже подготовлено такимъ образомъ до него, хотя впослѣдствіи долгое время честь почина въ этомъ дѣлѣ приписывали исключительно ему. Штейнъ передъ этимъ былъ заинтересованъ преимущественно лишь вопросомъ о реформѣ центральнаго правительства и администраціи. Притомъ его собственныя воззрѣнія въ экономическихъ вопросахъ были діаметрально противоположны тѣмъ идеямъ, коими увлекался Шёнъ [2]). Въ коммиссіи, вырабатывавшей вопросъ, думали сначала распространить мѣру лишь на одну Восточную Пруссію, но Штейнъ настоялъ на томъ, чтобы она, какъ чисто политическое средство поднять упавшій духъ населенія, была примѣнена ко всей монархіи: участіе Штейна во всемъ дѣлѣ выразилось именно въ той рѣшительности, съ какою онъ провелъ мѣру, бывшую до того времени предметомъ однихъ безплодныхъ обсужденій. Кромѣ того, и въ вопросѣ объ охранѣ государствомъ крестьянской собственности Штейнъ проявилъ гораздо болѣе энергіи, чѣмъ другія правительственныя лица, колебавшіяся между противоположными взглядами. Въ эдиктѣ 9 октября 1807 г., коимъ въ Пруссіи отмѣнялось крѣпостничество, дозволялось помѣщикамъ присоединить къ своимъ землямъ лишь тѣ крестьянскіе дворы, которые, будучи разорены послѣднею войною, не могли бы быть возстановлены по недостатку къ тому средствъ у помѣщика или у крестьянъ, но не иначе, какъ по опредѣленію правительства и подъ условіемъ опре-

[1]) Т. III, стр. 258.
[2]) См. объ этомъ выше, стр. 189.

дѣленнаго вознагражденія крестьянамъ [1]). Далѣе Штейнъ удержалъ въ эдиктѣ мысль Шёна о соединеніи нѣсколькихъ хозяйствъ въ одну болѣе крупную, но крестьянскую же аренду, поскольку при этомъ крестьянская земля оставалась бы все-таки въ рукахъ крестьянъ же. Въ остальномъ, гласилъ эдиктъ, „должно остаться въ силѣ ограниченіе закономъ свободнаго распоряженія собственностью (eine gesetzliche Einschränkung der freien Disposition über das Eigenthum), такое именно, которое поставило бы предѣлы своекорыстію болѣе богатыхъ и образованныхъ людей и препятствовало бы превращенію крестьянской земли въ фольварочную“ (Vorwerksland), тѣмъ болѣе, что „возвышеніе цѣны на землю стало бы все болѣе привлекать новыхъ владѣльцевъ перспективою наживы“. Можно сказать, что одинъ Штейнъ—съ своей консервативной точки зрѣнія въ экономическихъ вопросахъ—поддержалъ принципъ охраны государствомъ крестьянскаго землевладѣнія, тогда какъ всѣ остальные члены „непосредственной коммиссіи“ въ глубинѣ души были убѣждены въ несвоевременности сохраненія этого принципа. Но однимъ дѣломъ было провозгласить принципъ, другимъ дѣломъ выразить его въ опредѣленномъ законодательствѣ, а послѣдняго-то и не было сдѣлано въ эдиктѣ 9 октября 1807 г.: выработка подробностей была предоставлена будущему.

Что касается до дарованія крестьянамъ личной свободы по эдикту 9 октября 1807 г. [2]), то вотъ существенное мѣсто, касающееся этого пункта: „съ обнародованіемъ настоящаго распоряженія совершенно прекращается существовавшее доселѣ отношеніе подданства (Unterthänigkeits-Verhältniss) тѣхъ подданныхъ, ихъ женъ и дѣтей, которые наслѣдственно владѣютъ своими крестьянскими участками (Bauerngüter) въ качествѣ или собственниковъ, или чиншевиковъ, или арендаторовъ (oder eigenthümlich, oder erbzinsweise, oder erbpächtlich). Съ Мартынова дня [3]) 1810 г. совершенно прекращается всякое подданство помѣщикамъ (Gutsunterthänigkeit) во всѣхъ нашихъ владѣніяхъ. Послѣ Мартынова дня 1810 г. будутъ существовать только свободные люди, у которыхъ, однако, само собою разумѣется, останутся въ полной силѣ всѣ обязательства (Verbindlichkeiten), какія только у нихъ въ качествѣ свободныхъ людей могутъ быть въ силу владѣнія поземельною собственностью или въ силу особаго договора“. Этотъ эдиктъ былъ дополненъ рядомъ другихъ распоряженій

---

[1]) Въ сущности, однако, это не было идеей самого Штейна.

[2]) Полное его названіе было таково: „Edict den erleichterten Besitz und den freien Gebrauch des Grundeigenthums, so wie die persönnlichen Verhältnisse der Landbewohner betraffend“.

[3]) 11 ноября.

(28 окт. 1807 г., 27 іюля 1808 г. и 16 марта 1811 г.), коими устраивался бытъ доманіальныхъ крестьянъ на выгодныхъ для нихъ условіяхъ безвозмездной отмѣны крѣпостничества, гдѣ оно еще оставалось, безвозмезднаго же укрѣпленія за крестьянами права собственности на землю и выкупа барщинъ и другихъ повинностей посредствомъ единовременнаго взноса увеличенной въ 25 разъ ихъ стоимости или уплаты четырехпроцентной съ этой суммы ежегодной ренты. Но весь вопросъ былъ все-таки въ дальнѣйшемъ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Эдиктъ 9 октября 1807 г. немедленно освобождалъ отъ зависимости лишь такихъ крестьянъ, которые наслѣдственно владѣли своими участками, но такіе были въ меньшинствѣ; для всѣхъ же остальныхъ свобода должна была придти лишь черезъ два года и одинъ мѣсяцъ. Затѣмъ эдиктъ этотъ оставлялъ открытымъ весь земельный вопросъ, который, однако, настоятельно требовалъ своего рѣшенія. Понятно, что около вопроса должны были столкнуться разные интересы и разные взгляды—и въ публицистикѣ, и въ правительственныхъ сферахъ, и въ самой общественной средѣ. Вскорѣ послѣ эдикта 1807 г. извѣстный [1]) Шмальцъ выпустилъ въ свѣтъ брошюру „Ueber Erbunterthänigkeit“ (1808), въ коей, становясь на точку зрѣнія экономической свободы, доказывалъ, что государство не можетъ идти далѣе сдѣланнаго шага, не можетъ именно превратить крестьянскія земли въ собственность или наслѣдственно-чиншевыя владѣнія крестьянъ, но должно предоставить собственникамъ (т.-е. помѣщикамъ) право устраивать свои частныя дѣла путемъ свободныхъ договоровъ. Это была точка зрѣнія и помѣщиковъ. На ту же самую точку зрѣнія становились и администрація, тянувшая сторону дворянства, и теоретики въ родѣ Шёна, который при всемъ своемъ, совершенно искреннемъ, антидворянскомъ направленіи, въ сущности дѣйствовалъ на руку помѣщичьей партіи. Не только Шмальцъ, защищавшій интересы дворянства, доказывалъ, что въ Передней Померанiи и Мекленбургѣ господствуютъ превосходные порядки,—именно и пугавшіе-то Штейна,—и говорилъ, что наемные сельскіе рабочіе находятся въ болѣе счастливомъ положеніи, чѣмъ крѣпостные, владѣющіе своими участками; но на подобную же точку зрѣнія становились и защитники народныхъ интересовъ. Напр., одинъ померанскій ландратъ (von Dewitz), повидимому, совершенно искренне доказывалъ, что Померанія отстала въ сельскомъ хозяйствѣ и въ благосостояніи отъ сосѣдняго Мекленбурга потому, что прусское правительство своею охраною крестьянскаго землевладѣнія только мѣшало свободному пользованію землей, которое вы-

[1]) См. выше, стр. 370, прим. 2.

годнѣе и для успѣховъ сельскаго хозяйства, и для благосостоянія самихъ же землевладѣльцевъ. Несомнѣнными друзьями народа были, напр., оберпрезидентъ Закъ и агрономическій писатель Тэръ, но и они становились на ту точку зрѣнія, что нужно отдать предпочтеніе прилежнымъ наемнымъ рабочимъ передъ нерадивыми хозяевами, и въ этомъ случаѣ допускали Bauernlegen. Примѣръ Англіи, гдѣ фермерская система достигла большого процвѣтанія, соблазнялъ немалое количество людей, интересовавшихся вопросами народнаго хозяйства. Были, однако, и такіе публицисты (Зебальдъ въ „Aufhebung der Spanndienste", 1803 и проф. Фр. Бен. Веберъ въ „Ueber den Zustand der Landwirthschaft in den preussischen Staaten und ihre Reformen", 1808), которые ставили устройство быта крестьянъ въ королевскихъ доменахъ въ образецъ и для помѣщичьихъ крестьянъ. Особенно замѣчательна въ смыслѣ защиты крестьянскихъ интересовъ написанная въ формѣ открытаго письма „къ министру" брошюра фонъ-Эггерса „Возрожденіе Пруссіи" (Preussens Regeneration), гдѣ проводилась такая мысль: правительство должно позаботиться о томъ, чтобы не нарушить прежняго образа жизни освобожденныхъ крестьянъ; возвращая имъ свободу, нужно обезпечить имъ и кусокъ хлѣба; слѣдуетъ постараться, чтобы они остались землевладѣльцами, а не превратились въ поденщиковъ. Далѣе Эггерсъ доказывалъ, что уничтоженіе крѣпостничества должно повлечь за собою законодательное регулированіе барщинныхъ повинностей, ибо какая была бы безъ этого личная свобода? Эти повинности ни въ какомъ случаѣ не должны мѣшать крестьянину работать на своемъ собственномъ полѣ. Даже собственная его воля не должна его обязывать нести эти повинности. Правительство—естественный опекунъ всѣхъ несовершеннолѣтнихъ, а въ положеніи таковыхъ граждански находятся освобожденные крестьяне. Эггерсъ шелъ еще дальше и требовалъ отмѣны вотчинныхъ суда и полиціи, коихъ совсѣмъ не коснулась прусская крестьянская реформа начала XIX вѣка.

Таковы были противоположныя воззрѣнія, которыя высказывались въ публицистикѣ по поводу крестьянской реформы въ Пруссіи. Штейнъ держался въ аграрномъ вопросѣ консервативной точки зрѣнія, но онъ оставался у власти недолго, а другія правительственныя лица или раздѣляли дворянскія стремленія, или были сторонниками полной экономической свободы и новой формы сельскаго хозяйства. Притомъ самому правительству приходилось считаться съ дворянскими требованіями, а впослѣдствіи оно въ весьма значительной мѣрѣ имъ и подчинилось [1]). Все это не могло не отразиться на дальнѣйшемъ ходѣ

[1]) См. выше, гл. X.

крестьянской реформы въ Пруссіи. Въ дополненіе къ эдикту 1807 г. одно за другимъ (14 февраля 1808 г., для Пруссіи, 27 марта 1809 г. для Силезіи и 9 января 1810 г. для Помераніи и Бранденбурга) было издано три распоряженія, первое изъ коихъ было составлено при Штейнѣ и послужило образцомъ для двухъ другихъ. Въ законѣ 14 февраля 1808 г. нельзя не видѣть компромисса между взглядами Штейна, вынужденнаго сдѣлать уступки, и Шёна, нѣсколько поколебавшагося въ своихъ прежнихъ воззрѣніяхъ. Именно всѣ крестьянскіе участки въ Восточной и Западной Пруссіи были раздѣлены на двѣ категоріи—на старые и новые (до и послѣ 1852 г. въ Восточной Пруссіи и 1774 г. въ Западной): послѣдніе отдавались на полный произволъ помѣщиковъ, а первые помѣщикъ могъ присоединять къ фольварочной землѣ подъ условіемъ предоставленія крестьянамъ права полной собственности на количество земли, равное тому, какое было присоединено къ помѣщичьему владѣнію, причемъ разрѣшалось соединеніе очень мелкихъ участковъ въ болѣе крупные. Старая политика безусловной охраны крестьянскаго землевладѣнія была оставлена, и началось обезземеленіе крестьянъ, которое замедлялось лишь тѣмъ, что у помѣщиковъ не было необходимыхъ капиталовъ, чтобы быстро совершить обѣ операціи—присоединенія крестьянскихъ участковъ къ фольваркамъ и образованія изъ мелкихъ участковъ болѣе крупныхъ крестьянскихъ фермъ. Одна анонимная брошюра 1812 г., указывая на это обстоятельство, пророчила, однако, что скоро возникнутъ громадныя помѣстья и исчезнетъ „почтенный классъ мелкихъ земледѣльцевъ“ [1]).

Послѣ отставки Штейна, дѣло крестьянской реформы продолжалось. Въ 1810 г. совѣтникамъ фонъ-Раумеру и Гейнзіусу было поручено выработать планъ превращенія крестьянскихъ участковъ на помѣщичьихъ земляхъ въ свободную отъ всякихъ повинностей собственность, и когда проектъ былъ изготовленъ, то былъ отданъ на разсмотрѣніе тогдашняго временнаго представительства [2]), мнѣніе котораго и было принято въ расчетъ въ такъ называемомъ Regulirungsedict'ѣ 14 сентября 1811 года. Проектъ Раумера раздѣлялъ крестьянъ на двѣ категоріи—на наслѣдственныхъ или пожизненныхъ владѣльцевъ и на срочныхъ арендаторовъ. Первые должны быть превращены въ настоящихъ собственниковъ путемъ отобранія у нихъ въ пользу помѣщика части земли либо путемъ уплаты ренты деньгами или натурою, послѣ чего крестьянскій участокъ дѣлался вполнѣ свободною собственностью,

[1]) Verlieren oder gewinnen die Gutsbesitzer des preussischen Staates durch die Edicte vom 14 September 1811? Berlin. 1812.

[2]) См. выше, стр. 199.

которую крестьянинъ могъ бы безпрепятственно отчуждать, что же касается временныхъ арендъ, то онѣ должны были оставаться въ прежнемъ положеніи и отдаваться крестьянамъ же; но если-бы помѣщикъ отдалъ крестьянину въ полную собственность такую землю, то могъ бы половину участка присоединить къ своимъ непосредственнымъ владѣніямъ или вымѣнять на другой участокъ. По этому проекту впервые государство обязывало помѣщика къ выкупу господскихъ правъ, лежавшихъ на наслѣдственныхъ крестьянскихъ земляхъ, тогда какъ раньше выкупъ ставился въ зависимость отъ доброй воли помѣщика. Послѣ обсужденія проекта въ коммиссіи депутатовъ, гдѣ большинство составляли помѣщики, пожизненные владѣльцы были перенесены эдиктомъ 14 сентября 1811 г. изъ первой категоріи во вторую, а между тѣмъ именно эти-то крестьяне и составляли главную массу значительной части монархіи. Притомъ крестьяне первой категоріи могли превратить свои участки въ наслѣдственную собственность, уступивъ треть своего владѣнія помѣщику, тогда какъ для второй категоріи въ подобномъ случаѣ полагалась уступка цѣлой половины. Само правительство устами одного изъ дѣятелей по выработкѣ этого закона такъ истолковало его значеніе собранію депутатовъ: помѣщики получатъ болѣе, чѣмъ имъ слѣдовало бы получить по строгому праву; весь убытокъ будетъ на сторонѣ государства, ибо податныя силы крестьянъ несомнѣнно уменьшатся, особенно податная способность тѣхъ крестьянъ, которые лишатся цѣлой половины своей земли. Далѣе, законъ предоставлялъ въ распоряженіе помѣщиковъ и крестьянъ двухгодичный срокъ, въ теченіе коего они могли совершить всю операцію посредствомъ добровольныхъ сдѣлокъ, послѣ чего сдѣлки должны были быть произведены уже путемъ государственнаго вмѣшательства. Правительство видимо торопилось привести дѣло къ скорѣйшему концу, и этимъ объясняется, что за норму вознагражденія помѣщиковъ оно приняло отдачу имъ трети или половины крестьянской земли. Несмотря на тяжесть такого условія, крестьяне спѣшили сдѣлаться собственниками своихъ участковъ, но дворянство роптало на этотъ законъ: говорили, что впредь для дворянъ непріятно будетъ жить въ деревнѣ, что на каждомъ шагу имъ придется натыкаться на чужую собственность, что послѣ этого ихъ имѣнія станутъ для нихъ настоящимъ адомъ. Со стороны помѣщиковъ подымался и юридическій вопросъ: имѣло ли правительство право такъ распоряжаться чужою собственностью? [1]). Они

---

[1]) Писатель Bülow-Cummerow, стоявшій близко къ помѣщичьей средѣ, напр., прямо смотритъ на крестьянскую реформу, какъ на отнятіе у помѣщиковъ собственности, которую-де государство въ сущности крестьянамъ подарило. См. его Mittel zur Erhaltung der Grundbesitzer. 1814.

говорили еще, что и въ экономическомъ отношеніи мѣра эта принесетъ лишь вредъ: крестьяне-де не доросли до того, чтобы стать земельными собственниками; они станутъ бросать свои земли, которыя будутъ пустовать, сами же крестьяне превратятся въ нищихъ. Послѣ 1814 г. дворянская партія начала пускать еще одинъ аргументъ въ ходъ противъ эдикта 1811 г. Въ это время уже начинала давать себя чувствовать общая реакція, и вотъ королю стали твердить, что эдиктъ 1811 г. былъ составленъ подъ „ядовитымъ вліяніемъ французскаго законодательства“ Гарденберга, къ чему же ведутъ французскія начала, король это можетъ хорошо видѣть, посмотрѣвъ на то, что́, сдѣлалось съ Франціей: Пруссія лишь дотолѣ будетъ сильна, пока будетъ держаться старыхъ своихъ основъ. Все это подѣйствовало на Фридриха-Вильгельма III, и онъ предписалъ пересмотръ закона о регулированіи. Временное представительство воспользовалось этимъ, чтобы выработать совершенно новый проектъ. Во главѣ правленія стоялъ тогда Гарденбергъ, котораго особенно сильно занимали международныя отношенія и политическіе вопросы, но который мало понималъ подробности крестьянской реформы. 29 мая 1816 г. Фридрихъ-Вильгельмъ III обнародовалъ подъ видомъ простой декларації въ сущности совершенно новый законъ, который дѣйствовалъ потомъ въ Пруссіи до 1850 г. и по которому совершилось наибольшее количество сдѣлокъ между крестьянами и помѣщиками. По декларації 1816 г. регулированію подлежали лишь участки, удовлетворявшіе извѣстнымъ условіямъ [1]), вслѣдствіе чего число такихъ участковъ оказалось весьма незначительнымъ, и притомъ новый законъ рекомендовалъ преимущественно выкупъ собственности посредствомъ ренты. Дворянская партія одержала побѣду, и вотъ поэтому-то 1848 годъ засталъ Пруссію еще съ весьма значительными остатками старыхъ крестьянскихъ отношеній—безъ той только охраны крестьянскаго землевладѣнія, которая существовала раньше, но исчезла въ 1816 году.

Регулизаціонные законы 1816 г. касались лишь крестьянъ, не имѣвшихъ наслѣдственныхъ правъ на землю, но въ эдиктѣ было сказано, что и повинности наслѣдственныхъ чиншевиковъ и арендаторовъ будутъ подлежать выкупу по особому закону. Обѣщаніе это было приведено въ исполненіе лишь распоряженіемъ о выкупѣ (Ablösungs-Ordnung) 7 іюня 1821 года. Это былъ довольно сложный законъ, который въ сущности допускалъ выкупъ повинностей лишь для наиболѣе состоятельныхъ крестьянъ. Они одни только и были теперь предметомъ нѣкоторой заботливости со стороны правительства, тогда какъ, наоборотъ, малоземельные крестьяне были оставлены совсѣмъ

[1]) См. Knapp, I, 194 и слѣд. Мы не воспроизводимъ здѣсь этого сложнаго закона.

на произволъ судьбы. Что касается до помѣщиковъ, то они прямо стремились къ тому, чтобы люди, вынужденные жить работою по найму, имѣли земли лишь настолько, чтобы было мѣсто для жилища и огорода, а „иначе они, пожалуй, захотѣли бы жить землею, а не работою". Такъ какъ законодательство отказалось отъ принципа охраны крестьянскаго землевладѣнія и вмѣстѣ съ этимъ совершенно оставило безъ вниманія бѣднѣйшую часть крестьянства, не имѣвшую прочныхъ отношеній къ землѣ и вынужденную работать на чужихъ хозяйствахъ, то помѣщики мало по-малу превратили ихъ въ классъ рабочихъ, нанимавшихся на короткіе сроки и получавшихъ маленькіе клочки земли. Между тѣмъ, эта несчастная масса въ эпоху законовъ о регуляціи жила надеждами, что и къ ней правительство придетъ на помощь. Она именно представляла себѣ дѣло такимъ образомъ, что другая категорія крестьянъ получила въ видѣ дара то, что̀ ей вовсе не принадлежало, и что имъ, бобылямъ и батракамъ, тоже даромъ будетъ роздана земля.

Новѣйшій историкъ крестьянской реформы въ Пруссіи [1]), указавшій на всѣ ея недостатки, совершенно вѣрно говоритъ, что критиковать реформу крестьянскихъ отношеній на помѣщичьихъ земляхъ въ Пруссіи можно не только на основаніи позднѣйшаго опыта, — это сняло бы значительную часть вины съ дѣятелей реформы,—но главнымъ образомъ и сравнивая эту реформу съ тѣмъ, что само же прусское правительство нашло нужнымъ сдѣлать и дѣйствительно сдѣлало для крестьянъ въ королевскихъ доменахъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ основательно указываетъ на то, что законъ 1811 г. и еще въ большей мѣрѣ законъ 1816 г. задержали завершеніе той части процесса освобожденія, которая была выгодна для крестьянъ, вплоть до 1848 г. Въ выигрышѣ оказались въ концѣ-концовъ одни помѣщики и отчасти сравнительно немногіе крестьяне. „Помѣщичье имѣніе, говоритъ Кнаппъ, подводя итоги,—вступило въ новую фазу своего существованія. Не стѣсняемый болѣе охраною крестьянскаго землевладѣнія, увеличивъ свои владѣнія вслѣдствіе уступки крестьянами части земли въ видѣ вознагражденія за свое освобожденіе, помѣщикъ можетъ по мѣрѣ надобности скупать сдѣлавшіеся независимыми крестьянскіе дворы и вдобавокъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи классъ сельскихъ рабочихъ, которые уже не представляютъ изъ себя мелкихъ хозяевъ, но являются именно просто рабочими и живутъ однимъ лишь заработкомъ, не будучи связаны съ имѣніемъ никакими сколько-нибудь прочными узами..... И въ быту крестьянъ, продолжаетъ Кнаппъ, произошла перемѣна: у нихъ къ прежнему помѣщику, какъ таковому, уже

[1]) Кнарр, I, 316 и слѣд.

не существуетъ болѣе никакихъ отношеній; они лично и имущественно совсѣмъ свободны; участокъ отдѣльнаго крестьянина сдѣлался меньшимъ, чѣмъ былъ прежде, или его доходы сократились вслѣдствіе необходимости уплачивать выкупную ренту; но за то онъ можетъ посвятить всего себя своему собственному хозяйству, которое, благодаря техническимъ усовершенствованіямъ всякаго рода, становится все болѣе прибыльнымъ. Сельскіе рабочіе, прибавляетъ Кнаппъ, совершенно такъ же, какъ и крестьяне, сдѣлались вполнѣ свободными, но сверхъ того они ничего не получили, если только не потеряли кое-какихъ выгодъ, коими располагали раньше.“ Кнаппъ забылъ къ этому прибавить, что за прусскимъ „юнкерствомъ“ оставлены были вотчинная юстиція и полиція, которыя, конечно, давали помѣщикамъ значительныя права надъ сельскимъ населеніемъ.

Въ другомъ мѣстѣ мы уже видѣли, какъ въ разныхъ частяхъ Германіи совершена была отмѣна крѣпостничества въ эпоху Рейнскаго союза и большею частью подъ прямымъ вліяніемъ Наполеона [1]). Законодательство отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ по этому вопросу отличалось вообще поспѣшностью, малою обдуманностью, очень часто крайней неопредѣленностью и нерѣдко значительными колебаніями въ разныя стороны по наиболѣе капитальнымъ пунктамъ реформы. При кратковременности французскаго владычества и крайнемъ несовершенствѣ законовъ о выкупѣ имущественныхъ повинностей, все, что̀ было сдѣлано въ это время для крестьянъ, должно было остаться въ сущности мертвою буквою. При томъ, когда началась реакція противъ французскихъ новшествъ [2]), дворянство только о томъ и думало, чтобы возстановить во всей неприкосновенности старыя отношенія; оно даже хлопотало объ этомъ на вѣнскомъ конгрессѣ. То обстоятельство, что Пруссія по собственной своей иниціативѣ произвела крестьянскую реформу, должно было отразиться на остальной Германіи, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что отмѣна крѣпостничества не могла выставляться, какъ чисто французская затѣя. Мы видѣли, что французское владычество вообще совершенно не коснулось внутреннихъ отношеній Саксоніи, и въ этомъ королевствѣ потому положеніе крестьянъ оставалось прежнимъ вплоть до тридцатыхъ годовъ, когда здѣсь приступили къ крестьянской реформѣ лишь подъ вліяніемъ революціоннаго броженія. Въ королевствѣ Ганноверскомъ и курфюршествѣ Гессенъ-Кассельскомъ были возстановлены всѣ порядки, существовавшіе до французскаго владычества, такъ что въ Ганноверѣ, напр., всѣ распоряженія короля Іеро-

---

[1]) См. выше, стр. 170—172.

[2]) См. выше, гл. XVI.

нима были отмѣнены, и были объявлены недѣйствительными всѣ заключенные на основаніи новыхъ законовъ договоры. Лишь въ тридцатыхъ тоже годахъ и въ этихъ двухъ государствахъ было приступлено къ крестьянской реформѣ. Лучше всего удержались совершонныя, но большею частью не доведенныя до конца крестьянскія реформы въ тѣхъ самыхъ южно-германскихъ государствахъ, которыя и въ политическомъ отношеніи выдѣлялись своими конституціями изъ остальной Германіи [1]). Баварская конституція 1808 г. подтверждала вновь объявленное еще въ органическомъ эдиктѣ 1808 г. уничтоженіе крѣпостничества и ограниченіе барщинныхъ повинностей, которыя притомъ разрѣшалось выкупать. Впрочемъ, баварскому дворянству удалось добиться, что такъ-таки во весь разсматриваемый періодъ и не было издано никакого закона относительно самаго способа выкупа барщинъ [2]). Равнымъ образомъ въ конституціи Бадена, Вюртемберга и Гессенъ-Дармштадта были включены статьи, объявлявшія всеобщую свободу населенія этихъ государствъ. Въ Вюртембергѣ, однако, совершенно такъ же, какъ и въ Баваріи, совсѣмъ не было издано въ разсматриваемую эпоху закона, который регулировалъ бы выкупъ барщинъ. Хотя въ Баденѣ такой законъ и былъ изданъ въ 1820 г., но онъ страдалъ такими недостатками, что въ сущности до 1830 г. было очень мало случаевъ, когда крестьяне пользовались этимъ закономъ для выкупа своихъ повинностей. Впрочемъ, это было, такъ сказать, общимъ правиломъ для всѣхъ государствъ, въ коихъ только издавались въ эту эпоху законы о выкупѣ, ибо уже по одному тому крестьяне не могли ими воспользоваться, что не имѣли денежныхъ средствъ для выкупа сразу своихъ повинностей да еще при весьма высокой ихъ оцѣнкѣ. Еще, пожалуй, болѣе всего сдѣлано было въ этомъ отношеніи въ Гессенъ-Дармштадтѣ, гдѣ законъ о выкупѣ барщинъ былъ изданъ въ 1819 г., причемъ правительство позднѣе даже думало придти крестьянамъ на помощь, но и тутъ эта операція встрѣчала препятствіе въ нежеланіи дворянства покончить съ бар-

---

[1]) См. выше, стр. 351.

[2]) Sebastian Hausmann въ недавнемъ трудѣ своемъ объ освобожденіи почвы въ Баваріи (см. выше, стр. 512) прекрасно показалъ, что въ Баваріи, собственно говоря, временемъ, когда было сильное стремленіе къ рѣшенію крестьянскаго вопроса, нужно считать 1799 — 1807 гг., и что, наоборотъ, съ 1808 г. началась реакція (Hausmann, стр. 93 и 117). Что же касается до времени послѣ введенія конституціи 1818 г., то оно характеризуется общимъ сознаніемъ необходимости сельскохозяйственныхъ реформъ, которыя были, однако, немыслимы при сохраненіи господскихъ правъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-разъ отсутствіемъ всякой рѣшимости приступить къ отмѣнѣ этихъ правъ (тамъ же, стр. 132—133).

щинными отношеніями,— обстоятельство, которое сильно тормозило дѣло и въ другихъ государствахъ, гдѣ только существовали законы о выкупѣ. Въ мелкихъ княжествахъ дѣлалось въ сущности то же самое. Напр., въ саксенъ-кобургской конституціи 1821 г. была объявлена возможность выкупа всѣхъ повинностей и обѣщанъ былъ въ ближайшемъ будущемъ спеціальный законъ въ этомъ смыслѣ (nach einem darüber des nächsten erfolgenden allgemeinen Gesetz), но въ сущности законъ этотъ вышелъ въ свѣтъ лишь въ январѣ 1849 г., да и то подъ вліяніемъ событій 1848 г. Саксенъ-веймарскій законъ 1821 г. о выкупѣ былъ до такой степени запутанъ и недостаточенъ, что впослѣдствіи его пришлось замѣнить другимъ (1848 г.), не говоря уже о томъ, что вотчинный судъ уничтоженъ былъ въ Саксенъ-Веймарѣ лишь въ 1850 году. Вообще рѣшеніе вопроса о выкупѣ повинностей было совершено лишь въ слѣдующихъ періодахъ, т.-е. послѣ 1830 и 1848 гг.

Говоря о судьбѣ крестьянскаго вопроса въ среднихъ и мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ вообще, мы должны выдѣлить изъ всѣхъ нихъ Мекленбургъ въ виду совершенно особаго положенія его среди остальной Германіи по отношенію къ устройству крестьянскаго быта. Вслѣдствіе особыхъ условій, о коихъ здѣсь говорить было бы слишкомъ долго, Мекленбургъ сдѣлался, такъ сказать, классическою страною крѣпостничества, въ которой крестьянъ продавали, какъ рабовъ. Власть господъ здѣсь была совершенно произвольная; угнетеніе крестьянъ барщинами и поборами доходило до послѣдней крайности; но ничего такъ не боялся мекленбургскій крестьянинъ, какъ Legen'a [1]), т.-е. права помѣщика переводить его съ одного участка на другой, обыкновенно худшій (das Umlegen) или вовсе лишать земли, чтобы превратить его въ поденщика или батрака (das Niederlegen). Весьма еще рѣдкіе въ серединѣ XVI в. случаи Legen'a стали постепенно учащаться, особенно въ XVIII столѣтіи, такъ что къ серединѣ этого вѣка уже очень многіе крестьяне были обезземелены, а процессъ этотъ продолжался и впослѣдствіи. Въ эпоху тридцатилѣтней войны въ Мекленбургѣ насчитывалось 12.545 крестьянскихъ участковъ на помѣщичьихъ земляхъ, а въ 1849 г. ихъ было лишь 1213! Уже въ 1808 г. великій герцогъ Францъ I думалъ объ уничтоженіи крѣпостничества въ своихъ владѣніяхъ, но только въ 1820 г. ему удалось добиться согласія на это со стороны мѣстнаго дворянства. Изданный въ этомъ году эдиктъ объявлялъ, что ежегодно въ теченіе четырехъ лѣтъ (1821—1824) четвертая часть крестьянъ каждаго помѣстья должна получать право свободнаго перехода, но при

[1]) Ср. т. III, стр. 110—111 и выше, стр. 528.

этомъ и рѣчи не было о превращеніи крестьянъ въ наслѣдственныхъ или хотя бы пожизненныхъ только чиншевиковъ. Лишь въ великогерцогскихъ доменахъ, составлявшихъ болѣе половины территоріи Мекленбурга, въ 1820 г. было предпринято превращеніе крестьянъ изъ временныхъ арендаторовъ въ наслѣдственныхъ, но это дѣло шло крайне медленно и неуспѣшно. Въ сущности положеніе мекленбургскихъ помѣщичьихъ крестьянъ только ухудшилось. По новому закону, крестьянинъ, котораго помѣщикъ прогналъ отъ себя, и который не нашелъ себѣ новаго мѣста жительства у другого помѣщика, долженъ былъ разсматриваться, какъ бродяга, и сажаться въ рабочій домъ. Каждый крестьянинъ, принимавшійся помѣщикомъ, обязывался работать на него шесть дней въ недѣлю за самую незначительную плату и не имѣлъ права безъ позволенія господина искать себѣ работы на сторонѣ. Съ другой стороны, помѣщики теперь уже не были обязаны, какъ во времена крѣпостного права, давать содержаніе престарѣлымъ, больнымъ и неспособнымъ къ труду рабочимъ, сохранивъ, однако, вотчинную юстицію надъ населеніемъ своихъ имѣній. И какъ нарочно по сосѣдству съ Мекленбургомъ въ Ольденбургѣ существовало зажиточное крестьянство. Освобожденное отъ крѣпостной зависимости Наполеономъ I, когда великое герцогство (въ 1811 г.) было присоединено къ Франціи [1]), оно сохранило личную свободу крестьянъ и послѣ реставраціи (въ 1813 г.) Петра-Фридриха-Людвига, который даже утвердилъ совершонную Наполеономъ эманципацію, хотя и возстановилъ, однако, вотчинную юстицію дворянства. Въ 1820 г. былъ, далѣе, изданъ законъ о вознагражденіи помѣщиковъ за потерю ими господскихъ правъ, который мало-по-малу освободилъ крестьянскую землю отъ лежавшей на ней тяготы, но не лишилъ при этомъ крестьянъ ихъ участковъ. Въ то самое время, какъ изъ Мекленбурга началась еще въ XVIII в. крестьянская эмиграція (между прочимъ, въ Россію), ольденбургскіе крестьяне почти никогда не покидали родины, несмотря на естественный приростъ населенія. Между тѣмъ, именно мекленбургскія аграрныя отношенія и казались наиболѣе желательными нѣкоторымъ публицистамъ и особенно землевладѣльцамъ [2]) въ Пруссіи, гдѣ, какъ мы видѣли, послѣ 1816 г. процессъ обезземеленія пошелъ также довольно быстро. Весьма любопытно и то, что какъразъ въ это самое время въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ [3]), гдѣ крѣпостничество было отмѣнено въ 1804 г., правительство приняло мѣры, дабы площадь крестьянской собственности никоимъ образомъ не уменьша-

---

[1]) См. выше, стр. 153.

[2]) См. выше, стр. 532, 534 и др.

[3]) См. соч. Hanssen'a, указанное на стр. 511.

лась, и даже достигнутъ былъ тотъ результатъ, что со времени освобожденія крестьянское землевладѣніе значительно возросло.

Изъ всего этого, между прочимъ, видно, какъ неодинаково было и юридическое, и экономическое положеніе нѣмецкихъ крестьянъ въ разсматриваемую эпоху и какъ несходно рѣшался крестьянскій вопросъ въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи. Все это дѣлаетъ въ высшей степени труднымъ, даже невозможнымъ дать общую характеристику исторіи крестьянъ въ Германіи въ XIX в., но зато, съ другой стороны, на примѣрѣ одной Германіи,—гдѣ мы встрѣчаемся съ самыми разнообразными положеніями крестьянъ, начиная съ австрійскихъ или саксонскихъ крѣпостныхъ и кончая мекленбургскимъ сельскимъ пролетаріатомъ, и гдѣ столь несходны были между собою пріемы крестьянской реформы,—мы можемъ познакомиться съ разными сторонами крестьянскаго вопроса, который мѣстами уже началъ переходить въ вопросъ рабочій. Замѣтимъ еще, что аграрныя отношенія и ихъ реформа привлекали къ себѣ вниманіе публицистовъ не въ одной Пруссіи, и что столкновеніе разныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ отдѣльныя лица смотрѣли на дѣло, немало способствовало уясненію вопроса и вело къ лучшей его теоретической разработкѣ, которая не могла впослѣдствіи не отразиться на болѣе совершенномъ, чѣмъ прежде, его рѣшеніи. Хотя у нѣкоторой части дворянства мы наблюдаемъ въ эту эпоху стремленіе къ обезземеленію крестьянъ, и хотя вмѣстѣ съ тѣмъ высказывались въ пользу введенія хозяйства съ наемными рабочими и нѣкоторые теоретики, однако, правительства и многіе публицисты не такъ-то легко поддавались политикѣ, результатомъ коей могла бы быть лишь экспропріація народной массы. Наконецъ, раздавались голоса и за сохраненіе крестьянскаго землевладѣнія. При всемъ томъ у громаднаго большинства германскихъ правительствъ эпохи мы не видимъ, однако, ни достаточной послѣдовательности, ни достаточной твердости, да притомъ въ общемъ дворянская реакція, наступившая въ 1815 г., была крайне неблагопріятна и для освобожденія крестьянъ, гдѣ оно не было еще начато, и для выкупа ими феодальныхъ повинностей, гдѣ послѣднее было уже въ принципѣ разрѣшено, и для охраны государствомъ крестьянскаго землевланія, гдѣ эта охрана существовала раньше. Къ 1830-году крестьянскій вопросъ въ Германіи такимъ образомъ далеко еще не былъ рѣшенъ.

Въ составъ крестьянскаго вопроса въ Германіи существеннымъ образомъ входилъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія. Въ другихъ западно-европейскихъ странахъ большею частью крестьяне уже гораздо раньше пользовались личною свободою, и потому для этихъ странъ крестьянскаго вопроса въ такой формѣ уже не существовало.

Крѣпостничество въ нихъ или исчезло сравнительно очень рано, какъ то было въ Англіи [1]), или совсѣмъ не получало развитія, что можно сказать, напр., о Швеціи. Въ видѣ исключенія пришлось бы назвать лишь очень немногія страны. Крѣпостничество, напр., господствовало въ Даніи, гдѣ дворянская олигархія одно время достигла полнаго преобладанія [2]). И здѣсь впервые поколеблено было оно только въ XVIII столѣтіи, когда въ 1702 г. Фридрихъ IV уничтожилъ въ своихъ доменахъ во всей Даніи личную крѣпостную зависимость крестьянъ и прикрѣпленіе ихъ къ землѣ. Но и тутъ попытки улучшенія положенія помѣщичьихъ крестьянъ ни къ чему не приводили, и все дѣло ограничивалось лишь частными мѣрами да перемѣною въ названіи, какое носилось крѣпостничествомъ. Лишь Фридрихъ VI эдиктомъ 20 іюня 1788 г. отмѣнилъ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, освободивъ сразу всѣхъ крестьянъ, коимъ было болѣе 36 и менѣе 14 лѣтъ, а остальнымъ предоставивъ свободу съ 1 января 1800 г., хотя тѣмъ не менѣе крестьяне и послѣ этого не могли покидать мѣста жительства въ виду отбыванія воинской повинности; потомъ само правительство дѣлало кое-какія уступки дворянамъ. Затѣмъ въ 1791—1799 здѣсь были изданы законы, имѣвшіе своею цѣлью выкупъ барщинъ и десятинъ, огражденіе крестьянскаго землевладѣнія отъ захватовъ со стороны дворянства [3]) и превращеніе поселянъ въ мелкихъ собственниковъ или наслѣдственныхъ чиншевиковъ. Эти законы имѣли своимъ дѣйствіемъ постепенное развитіе въ Даніи мелкой крестьянской собственности на счетъ срочной или пожизненной аренды.—Въ ту же эпоху, какъ и въ Даніи, совершилась отмѣна крѣпостничества и въ тѣхъ кантонахъ Швейцаріи, гдѣ оно еще существовало. Его, напр., не было въ кантонахъ Бернскомъ и Цюрихскомъ еще съ XVI в., но зато оно прочно держалось въ Солотурнѣ и Базелѣ до конца XVIII в. (1785 и 1790 гг.), когда въ Швейцаріи происходили крестьянскія волненія, особенно усилившіяся послѣ французской революціи и облегчившія французамъ завоеваніе Швейцаріи [4]). Когда послѣдняя была превращена въ республику Гельветическую, первымъ дѣломъ новаго правительства было повсемѣстное уничтоженіе крѣпостного состоянія (4 мая 1898 г.), вслѣдъ за чѣмъ въ томъ же году послѣдовалъ законъ объ освобожденіи и земли отъ феодальныхъ повинностей. Но вопросъ о томъ, какимъ путемъ это сдѣлать, и въ Швейцаріи не могъ быть рѣшенъ сразу. Здѣсь собственникомъ бо́льшей части феодальныхъ по-

[1]) Т. I, стр. 203 и слѣд.

[2]) Т. III, стр. 34—35.

[3]) Аналогичные законы потомъ и были изданы датскимъ правительствомъ въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, см. выше, стр. 543—544.

[4]) См. выше, стр. 24 и слѣд.

винностей (напр., 75% „десятины“), лежавшихъ на землѣ, было само государство, и, конечно, безвозмездное уничтоженіе этихъ повинностей, вытекавшее изъ тогдашней французской политики, поставило бы казну въ совершенно невозможное положеніе. Послѣ того, какъ Наполеонъ своимъ посредническимъ актомъ 1803 г. [1]) возвратилъ швейцарскимъ кантонамъ автономію, отдѣльныя правительства стали издавать законы, которые должны были регулировать выкупъ лежавшихъ на землѣ повинностей, и онъ затянулся на весьма продолжительное время. Лишь въ одномъ Ваадтѣ операція эта была окончена къ январю 1812 г., но для этого потребовалась продажа государственныхъ имуществъ, дабы на вырученныя деньги помочь крестьянамъ снять лежавшую на нихъ тяготу. Что касается до Бельгіи и Голландіи, то въ нихъ остатки крѣпостничества были уничтожены, когда первая была присоединена къ Франціи [2]), а вторая превращена въ республику Батавскую [3]). То же должно сказать и о Савойѣ, въ которой освобожденіе крестьянъ было уже предпринято [4]), но не было завершено еще до начала французской революціи.

Французское завоеваніе Италіи не оставалось безъ важнаго вліянія на перемѣну и въ этой странѣ крестьянскихъ и аграрныхъ отношеній. Хотя крѣпостничества въ Италіи уже не существовало съ давняго времени, положеніе крестьянской массы и здѣсь было весьма печальное. Успѣхи французовъ уже въ 1797 г. заставили сардинскаго короля Карла Эммануила IV, отличавшагося въ сущности крайнею приверженностью къ „старому порядку“, положить конецъ всѣмъ феодальнымъ отношеніямъ посредствомъ запрещенія устраивать новые майораты и ограниченія дѣйствія старыхъ лишь двумя поколѣніями, посредствомъ превращенія всѣхъ зависимыхъ поземельныхъ участковъ въ свободную (аллодіальную) собственность и посредствомъ установленія выкупа для лежавшихъ на нихъ повинностей и сервитутовъ. Въ другихъ частяхъ Италіи аналогичныя реформы были произведены самими французами, и реакціи, наступившей въ 1815 г., уже не удалось возстановить здѣсь все то, что было разрушено французами. Впрочемъ, перемѣны, произведенныя въ Италіи въ эпоху революціонныхъ войнъ и владычества Наполеона, не коснулись самаго главнаго въ быту тамошняго сельскаго населенія. Крестьянинъ лично былъ свободенъ уже давно, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и давно былъ обезземеленъ. Въ общемъ крестьянская собственность въ Италіи была явленіемъ крайне рѣдкимъ,

---

[1]) См. выше, стр. 140.
[2]) См. выше, стр. 18—19.
[3]) См. выше, стр. 22 и слѣд.
[4]) Т. III, стр. 396.

да и наслѣдственные чиншевики попадались неособенно часто. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ отношеніе крестьянина къ землѣ заключалось въ краткосрочной (очень часто на условіяхъ половничества, особенно въ Ломбардіи) арендѣ, ставившей его въ полную зависимость отъ собственника, или же, какъ это особенно развилось въ Сициліи [1]), земля, раздѣленная на большія фермы, обработывалась наемными (часто поденно) рабочими, мѣстомъ жительства коихъ были города (этотъ порядокъ вещей существуетъ въ Сициліи и по сей день). Въ Италіи въ началѣ XIX в. уже были всѣ признаки существованія весьма обостренныхъ аграрнаго и рабочаго вопросовъ, такъ какъ „колоны“ (половники) и полевые рабочіе страшно бѣдствовали и сельское хозяйство не всегда велось успѣшно; вслѣдствіе этого бывали голодные годы даже въ такой благословенной природою странѣ, какъ Ломбардія (1816—1817). Реакціонныя правительства и землевладѣльческіе классы, однако, ничего не предпринимали для улучшенія быта сельскаго населенія, и все въ Италіи оставалось по старому въ сферѣ аграрныхъ и крестьянскихъ отношеній.

Въ Испаніи, гдѣ крѣпостничество исчезло еще къ концу среднихъ вѣковъ, крестьянство состояло при переходѣ въ новое время изъ наслѣдственныхъ чиншевиковъ и даже отчасти изъ настоящихъ собственниковъ. Но съ XVI в. положеніе крестьянъ и здѣсь стало ухудшаться. Въ началѣ этого столѣтія былъ изданъ законъ, дозволявшій дворянамъ превращать свои имѣнія въ майораты, и вотъ дворянство усиленно начинаетъ съ этого времени увеличивать свои земли, между прочимъ, скупая—большею частью за ничтожную плату—участки крестьянъ, разорявшихся отъ тяжести налоговъ. Съ другой стороны, въ Испаніи сильно развилось овцеводство, въ интересахъ коего собственники большихъ стадъ покупали особыя права надъ землями крестьянъ (такъ-называемая mesta), вслѣдствіе чего послѣднимъ просто приходилось бросать хозяйство. Общимъ результатомъ этого было постепенное обезземеленіе крестьянъ и превращеніе ихъ въ краткосрочныхъ арендаторовъ. Въ XVIII в. испанскіе Бурбоны дѣлали попытки поднять сельское хозяйство и крестьянское благосостояніе въ странѣ, но успѣха не имѣли, и только завоеваніе Испаніи Наполеономъ, съ одной стороны, и образованіе либеральнаго правительства кортесовъ, съ другой, положили начало уничтоженію главнѣйшихъ золъ, отъ которыхъ страдало сельское населеніе Испаніи. Уже Наполеонъ въ 1808 г. отмѣнилъ въ странѣ майораты, что было подтверждено двумя декретами революціонныхъ кортесовъ въ 1820 и 1821 г. Да-

[1]) Sonnino. I contadini in Sicilia. 1878. См. мою статью объ этой книгѣ въ „Критическомъ Обозрѣніи“ за 1879 г.

лѣе, кадикскіе кортесы въ 1811 и 1813 г. уничтожили патримоніальную юстицію и всѣ феодальныя права, какія еще существовали въ Испаніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1813 г. былъ изданъ декретъ о прекращеніи „месты", не дозволявшей въ интересахъ овцеводства мелкимъ хозяевамъ ограждать свои поля и луга. Тогда же еще были изданы постановленія, обезпечивавшія крестьянское пользованіе землею. Во-первыхъ, было предписано, чтобы всѣ догоры о наймѣ земли были обязательны и для наслѣдниковъ договаривающихся сторонъ, а во-вторыхъ, запрещено было отказывать отъ аренды неаккуратнымъ плательщикамъ, не предупредивъ ихъ объ этомъ за годъ (въ нѣкорыхъ же провинціяхъ за два года). Все это было дѣломъ знаменитыхъ кортесовъ, создававшихъ демократическую конституцію 1812 года [1]), которая, между прочимъ, возвращала сельскимъ общинамъ существовавшее у нихъ въ средніе вѣка право избирать мѣстную администрацію. Кромѣ того, кортесы занялись отчужденіемъ въ частныя руки всѣхъ запущенныхъ коронныхъ доменовъ и городскихъ земель, постановивъ, что съемщики вновь раздѣланныхъ подъ хозяйство участковъ будутъ освобождены отъ налоговъ въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Реакція, наступившая въ 1814 г., уничтожила многое изъ того, что было узаконено кортесами 1810—1813 гг., пока революція 1820 г. не сдѣлала возможнымъ возвращеніе къ этой демократической политикѣ. Въ 1820—1823 гг. кортесы начали распродавать по мелкимъ участкамъ церковныя имущества, что должно было повести за собою увеличеніе класса мелкихъ собственниковъ, но когда въ 1823 г. и въ Испаніи снова водворился абсолютизмъ, всѣ заключенныя въ этомъ смыслѣ сдѣлки были объявлены недѣйствительными, и у новыхъ владѣльцевъ были отняты ихъ пріобрѣтенія безъ всякаго вознагражденія.

Подводя итоги подъ всѣмъ сказаннымъ и оставляя при этомъ въ сторонѣ великое разнообразіе отношеній, какія мы наблюдаемъ въ крестьянской жизни отдѣльныхъ странъ западной Европы, нельзя не замѣтить вообще, что если первыя заботы государственной власти о переустройствѣ крестьянскаго быта относятся еще къ XVIII столѣтію и дѣлаются все замѣтнѣе къ его концу [2]), то лишь французская революція рѣзко поставила, по крайней мѣрѣ, вопросъ о личной свободѣ сельскаго населенія. Далѣе, можно сказать еще, что въ разсматриваемый періодъ въ общемъ для крестьянъ сдѣлано было очень мало такого, что̀ существеннымъ образомъ улучшало бы ихъ положеніе, да и многое изъ того, что должно было приносить крестьянству

---

[1]) См. выше, стр. 167.

[2]) Т. III, стр. 394 и выше, стр. 170.

выгоду, нерѣдко потомъ отмѣнялось въ эпоху общей реакціи. Были, кромѣ того, и такія страны, для которыхъ совершенно безслѣдно прошли въ этомъ отношеніи великія событія, переживавшіяся всею западною Европою въ 1789—1815 годахъ. Наконецъ, и въ тѣхъ даже случаяхъ, когда реформы были совершены и потомъ не отмѣнялись, можно обнаружить немало недостатковъ въ этомъ законодательствѣ. Однимъ изъ самыхъ слабыхъ его пунктовъ, какъ мы видѣли, представлялъ вообще вопросъ о выкупѣ феодальныхъ повинностей, лежавшихъ на крестьянской землѣ. Это былъ слабый пунктъ законодательства французской революціи (до провозглашенія конвентомъ безвозмезднаго уничтоженія всѣхъ повинностей, чѣмъ гордіевъ узелъ вопроса не развязывался, а разсѣкался), но недалеко ушли отъ нея въ этомъ отношеніи и законы первой трети XIX в., разрѣшавшіе и даже предписывавшіе выкупъ, но не создававшіе такихъ условій, которыя дѣлали бы его возможнымъ, если только дѣло не шло объ уступкѣ части выкупаемой земли, какъ это было въ Пруссіи. Вмѣстѣ съ этимъ не вездѣ принимались мѣры къ тому, чтобы раскрѣпощеніе не сопровождалось обезземеленіемъ крестьянъ, хотя въ то же самое время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно замѣтно выступало стремленіе правительствъ сохранить за крестьянами ту землю, которою они пользовались, и даже укрѣпить ее за ними болѣе прочнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ, однако, заботливость государственной власти привлекали къ себѣ въ подобныхъ случаяхъ лишь крестьяне, имѣвшіе свое хозяйство, тогда какъ нарождавшійся сельскій пролетаріатъ, наоборотъ, вполнѣ предоставлялся на произволъ землевладѣльцевъ. Возбужденію крестьянскаго вопроса и проведенію реформъ всюду притомъ мѣшала дворянская оппозиція, особенно усилившаяся въ эпоху общей реакціи и нерѣдко заставлявшая правительства не только дѣлать ей вынужденныя уступки, но и прямо входить въ ея ретроградные виды. Реакціонные писатели поддерживали стремленія дворянства, восхваляя средневѣковую старину, время „добрыхъ“, „патріархальныхъ“ отношеній между господами и поселянами и нападая на новыя экономическія теоріи. Въ послѣднихъ тоже были стороны, неособенно благопріятныя для крестьянъ: ученіе о невмѣшательствѣ государства въ экономическую жизнь въ сущности стремилось къ тому, чтобы уничтожить всѣ законы, коими, напр., государство думало охранять существованіе крестьянскаго землевладѣнія, а многихъ теоретиковъ, кромѣ того, соблазнялъ примѣръ Англіи (и даже Мекленбурга) съ ея развитымъ фермерскимъ хозяйствомъ, ведущимся при помощи наемнаго труда. Въ концѣ-концовъ въ дѣлѣ крестьянской реформы въ двадцатыхъ годахъ замѣчается нѣкоторый застой, объясняющійся общей реакціей этой эпохи. Должно было пройти еще два-три десятилѣтія, прежде чѣмъ могла совер-

шиться полная ликвидація отношеній, имѣвшихъ свою основу въ средневѣковомъ феодализмѣ, и вотъ въ то самое время, какъ подходило къ концу рѣшеніе крестьянскаго вопроса въ смыслѣ личнаго и имущественнаго освобожденія крестьянъ отъ феодальной зависимости, жизнь начинала ставить другой соціальный вопросъ—вопросъ рабочій, который хотя и возникъ на почвѣ новыхъ отношеній въ обрабатывающей промышленности, бывшихъ результатомъ цѣлой экономической революціи въ этой области въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., тѣмъ не менѣе долженъ былъ коснуться и сельскаго пролетаріата, развившагося въ нѣкоторыхъ странахъ Европы (особенно, какъ было сказано, въ Англіи, въ Сициліи, въ Мекленбургѣ, гдѣ въ это положеніе попало большинство земледѣльцевъ).

XXIV. Перемѣны въ промышленномъ быту западной Европы въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка [1]).

Содержаніе настоящей главы.—Двѣ стороны въ процессѣ обезземеленія крестьянъ.—Образованіе пролетаріата.—Обезземеленіе въ Англіи.—Агрономическіе успѣхи Англіи.—Усиленіе буржуазіи въ Англіи.—Паденіе и уничтоженіе цеховыхъ учрежденій.—Запрещеніе рабочихъ союзовъ.—Реформа цеховъ въ Пруссіи.—Отмѣна цеховыхъ стѣсненій въ Англіи.—Факты замѣны мелкой промышленности крупною.—Изобрѣтеніе машинъ и введеніе ихъ въ промышленность.—Непосредственныя слѣдствія введенія машинъ.—Искусственные пути сообщенія.—Общій выводъ.

Въ настоящей главѣ мы сдѣлаемъ общій очеркъ экономическаго переворота, совершившагося въ западной Европѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. и состоящаго въ возникновеніи крупной промышленности на капиталистическихъ началахъ, причемъ будемъ имѣть въ виду преимущественно Англію, гдѣ этотъ переворотъ произошелъ раньше и выразился рѣзче, нежели въ какой-либо странѣ континента. Три общіе факта, имѣющіе первостепенное значеніе въ исторіи этого переворота и тѣсно связанные между собой, должны обратить на себя особое наше вниманіе при разсмотрѣніи причинъ, хода и послѣдствій этого переворота. Хотя всѣ они и находятся между собой во взаимодѣйствіи, вліяя одинъ на другой въ произведеніи общаго результата, мы разсмотримъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности. Во-первыхъ, крупная промышленность сдѣлалась возможною лишь вслѣдствіе появленія пролетаріата и освобожденія отъ земледѣльческихъ работъ массы рукъ, благодаря чему возросло предложеніе свободнаго труда и явилась

[1]) Указанія на литературу см. выше, стр. 513—514.

возможность дешевой его покупки. Вторымъ фактомъ являются упадокъ и отмѣна цеховъ, при которыхъ развитіе крупной промышленности было стѣснено, и вообще уничтоженіе всѣхъ ограниченій, которыя существовали въ старомъ, „полицейскомъ“ государствѣ по отношенію къ промышленности. Наконецъ, третій фактъ представляетъ собою введеніе машинъ, совершившее настоящій переворотъ въ производствѣ продуктовъ, выдѣлывавшихся ранѣе при помощи труда ручного. Въ чемъ заключается взаимодѣйствіе между этими тремя фактами, можетъ быть понято лишь послѣ разсмотрѣнія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

Начнемъ съ обезземеленія крестьянской массы. Процессъ обезземеленія играетъ весьма видную роль въ соціальной исторіи западной Европы [1]), выражаясь въ двухъ отличныхъ одинъ отъ другого процессахъ. Съ одной стороны, онъ состоялъ именно въ исчезновеніи мелкой собственности, результатомъ чего было увеличеніе крупнаго землевладѣнія, которое, однако, могло соединяться попрежнему съ мелкимъ хозяйствомъ, какъ это и было въ эпоху господства феодальныхъ аграрныхъ отношеній, когда земля дѣлалась собственностью сеньеровъ, крестьяне же превращались въ зависимыхъ фермеровъ, пользовавшихся этою землею на весьма различныхъ условіяхъ, но все-таки продолжавшихъ вести на ней мелкое хозяйство [2]). Этотъ процессъ можно обозначить, какъ образованіе крупнаго землевладѣнія на счетъ мелкаго, что само по себѣ, конечно, еще не влекло соотвѣтственной перемѣны въ сельскомъ хозяйствѣ, т.-е. замѣны мелкаго хозяйства крупнымъ. Другую сторону процесса представляетъ изъ себя именно эта самая замѣна, когда нѣсколько мелкихъ хозяйствъ стали соединяться въ одно крупное, во главѣ коего стоялъ или самъ землевладѣлецъ, или снимавшій у него землю крупный фермеръ: это уже процессъ возникновенія крупнаго хозяйства на счетъ мелкаго, сопровождавшійся превращеніемъ самостоятельныхъ крестьянъ-хозяевъ,—каково бы ни было ихъ юридическое положеніе, какъ одного изъ классовъ населенія, и каково бы ни было ихъ юридическое отношеніе къ землѣ,—въ безземельныхъ земледѣльцевъ, работающихъ въ чужомъ хозяйствѣ [3]), причемъ и они могли быть или въ крѣпости у своихъ землевладѣльцевъ, какъ то было, напр., въ Мекленбургѣ [4]), или же, наоборотъ, быть совершенно свободными, что наблюдается, напр., въ Сициліи [5]). Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ юридической свободѣ или несво-

[1]) Т. I, гл. XIV—XVI.
[2]) Т. I, стр. 178 и слѣд.
[3]) Т. I, стр. 205 и др.
[4]) См. выше, стр. 543,
[5]) См. выше, стр. 547.

бодѣ крестьянъ и объ юридическихъ основаніяхъ, на коихъ они могли пользоваться землею, и имѣя въ виду лишь одно экономическое ихъ положеніе, мы можемъ поэтому въ быту земледѣльческаго класса различать два состоянія—состояніе мелкихъ хозяевъ, работающихъ на своихъ земельныхъ участкахъ, и состояніе земледѣльческихъ рабочихъ, находящихся въ услуженіи у крупныхъ хозяевъ съ разными переходными ступенями изъ одного положенія въ другое. Средніе вѣка характеризуются въ общемъ преобладаніемъ мелкаго хозяйства, и лишь въ новое время стало дѣлать успѣхи хозяйство крупное [1]). Понятно, что въ одно и то же время на одной и той же территоріи можно встрѣчать въ исторіи крестьянскаго сословія самыя разнообразныя отношенія его къ землѣ—мелкую собственность, наслѣдственную чиншевую аренду (цензиву), половничество на весьма разнообразныхъ условіяхъ, аренду краткосрочную и наконецъ самыя прекарные способы пользованія землею, а рядомъ со всѣмъ этимъ наемничество въ поденные или годовые рабочіе у другихъ хозяевъ, не исключая и мелкихъ хозяевъ, разъ послѣдніе не въ состояніи были справляться средствами своей семьи съ находившимися въ распоряженіи ихъ участками. Напр., во Франціи въ XVIII в. мы встрѣчаемся съ весьма разнообразными формами въ этомъ отношеніи, съ самыми архаическими и, наоборотъ, съ такими, которыя стали возникать лишь въ болѣе позднее время [2]). Поэтому обезземеленною—и въ юридическомъ, и въ экономическомъ смыслѣ—могла быть лишь бо́льшая или меньшая часть крестьянства, и смотря по тому, какъ быстро увеличивалась эта часть и насколько она начинала превышать другую часть, сохранявшую свою связь съ землею, мы можемъ говорить о бо́льшей или меньшей скорости и полнотѣ обезземеленія. Оба указанные процесса находятся въ тѣсной связи между собою, и первый представляетъ изъ себя необходимое условіе второго: образованіе крупнаго землевладѣнія путемъ ли скупки мелкихъ участковъ или присоединенія къ непосредственному владѣнію помѣщика земли, находившейся въ наслѣдственномъ (или даже только срочномъ) пользованіи крестьянъ, по времени всегда предшествуетъ возникновенію крупнаго хозяйства путемъ уничтоженія мелкихъ хозяйствъ, каковы бы ни были раньше юридическія основанія, на коихъ мелкіе хозяева пользовались землею. И въ дѣйствительной исторіи сельскаго хозяйства на западѣ Европы первый процессъ предшествовалъ второму. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, начавшееся еще во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, сопровождалось разрывомъ той крѣпкой связи, въ какой находились между собою

---

[1]) Т. III, стр. 107 и слѣд.
[2]) Т. III, стр. 98 и слѣд.

крестьянинъ и его земля, но эта юридическая перемѣна не касалась экономической стороны дѣла: свободный крестьянинъ могъ оставаться и, дѣйствительно, оставался сидѣть на своемъ участкѣ, по прежнему ведя на немъ свое хозяйство, но уже не связанный съ нимъ прежними, крѣпкими узами [1]). Это расторженіе старой юридической связи — рядомъ со скупкою мелкихъ участковъ и всякаго рода насиліями и беззаконіями со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ—подготовляло почву и для расторженія связи экономической, когда землевладѣлецъ присоединяетъ участки, отдававшіеся имъ крестьянамъ, къ своему непосредственному помѣстью, на которомъ, напр., самъ ведетъ хозяйство, или когда соединяетъ нѣсколько такихъ участковъ въ одну бо́льшихъ размѣровъ ферму, чтобы отдать ее на болѣе выгодныхъ для себя условіяхъ въ аренду богатому предпринимателю. Такая перемѣна влекла за собою разстройство въ быту крестьянъ, и многіе изъ нихъ, будучи выбиты изъ колеи, превращались въ бродягъ [2]), эмигрировали въ другія страны [3]), между прочимъ, въ колоніи или переселялись въ города, чтобы искать тамъ заработка въ обрабатывающей промышленности [4]). Каковы бы ни были условія самого городского быта, которыя могли создавать пролетаріатъ, наибольшаго своего развитія онъ могъ достигнуть лишь вслѣдствіе переселенія въ города обезземеленныхъ крестьянъ. Поглощеніе образовавшагося въ деревняхъ пролетаріата обрабатывающею промышленностью, гдѣ для послѣдней существовали благопріятныя условія, началось весьма рано и каждый разъ, какъ процессъ обезземеленія усиливался, увеличивался и притокъ свободныхъ рукъ къ обрабатывающей промышленности. Такъ какъ нерѣдко предложеніе труда превышало спросъ на него, то это влекло за собой или пониженіе рабочей платы, или ухудшеніе иныхъ условій, на которыхъ пролетарій соглашался работать у того или другого предпринимателя (напр., удлиненіе рабочаго дня).

Описанный процессъ совершался въ большей или меньшей степени повсемѣстно, но нигдѣ онъ не имѣлъ такой быстроты и не выразился съ такою полнотою, какъ въ Англіи [5]). Окончательно процессъ обезземеленія крестьянъ—и въ смыслѣ исчезновенія мелкой собственности, и въ смыслѣ полнаго паденія мелкаго хозяйства—завершился здѣсь къ концу XVIII и началу XIX в. Факторы, дѣйствовавшіе

---

[1]) Т. I, стр. 205 и др.

[2]) I, стр. 205, т. II, стр. 425, т. III, стр. 106.

[3]) Т. III, стр. 111 и выше, стр. 543.

[4]) Т. III, стр. 108.

[5]) Для предыдущей исторіи обезземеленія въ Англіи см. т. I, стр. т. II, стр. 425 и т. III, стр. 107—109.

въ этомъ процессѣ, существовали гораздо раньше, но только именно въ разсматриваемое нами время они стали дѣйствовать съ наибольшею напряженностью. Еще въ эпоху второй революціи и въ началѣ XVIII столѣтія Англія была страною земледѣльческою. Около этой эпохи въ странѣ приходилось на сельское хозяйство около 2 милліона рабочихъ, тогда какъ торговля поглощала менѣе четверти милліона рабочихъ, а промышленность—даже еще менѣе, нежели торговля. Но въ XVIII в. начинается въ Англіи необычайный приростъ городского населенія [1]). Въ то самое время, какъ во Франціи передъ революціей лишь одна четверть населенія (6 милліоновъ изъ 24) жила въ городахъ, въ Англіи уже въ семидесятыхъ годахъ XVIII в. городское населеніе равнялось половинѣ всего числа жителей въ странѣ. Этотъ процессъ увеличенія городского населенія совершался съ поразительною быстротою и въ первой трети XIX вѣка. Напр., вычислено, что съ 1801 по 1831 г. число жителей въ Англіи увеличилось вообще на 50%, а между тѣмъ населеніе многихъ городовъ за тотъ же промежутокъ времени увеличивалось на 150% (въ Ливерпулѣ на 138%, въ Манчестерѣ на 151%, въ Глазго на 161% и т. п.). Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ сельской жизни Англіи происходилъ весьма глубокій переворотъ, и такое заключеніе, дѣйствительно, подтверждается массою другихъ указаній. Однимъ изъ факторовъ обезземеленія крестьянъ въ Англіи были такъ-называемые акты объ огораживаніи (inclosure acts), посредствомъ коихъ парламентъ изымалъ въ пользу лендлордовъ общинныя земли, коими раньше пользовались сельскіе жители [2]). Въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. этотъ процессъ совершался особенно быстро, на что́ прежде всего указываетъ одно количество парламентскихъ актовъ, изданныхъ для отдѣльныхъ случаевъ огораживанія со вступленія на престолъ Георга III до первой парламентской реформы, т. е. съ 1760 по 1832 г., въ теченіе, значитъ, семидесяти-двухъ лѣтъ: это количество именно превышало три съ половиной тысячи (3635), такъ что на каждый годъ среднимъ числомъ приходилось около пятидесяти актовъ этого рода. Со времени королевы Анны, т.-е. съ начала XVIII в. по 1805 г., т.-е. за цѣлое столѣтіе огорожено было въ Соединенномъ королевствѣ немного болѣе четырехъ милліоновъ (4.186.056) акровъ общинной земли, а за одну первую треть XIX столѣтія (1801—1831)—уже болѣе трехъ съ половиною милліоновъ (3.511.770), изъ коихъ болѣе трехъ милліоновъ приходится на первыя два десятилѣтія, когда огораживанія производились особенно дѣятельно: именно въ 1780 — 1789 гг. было огорожено (въ круглыхъ цифрахъ)—450 т. акровъ, въ 1790 — 1799 гг.—

---

[1]) См. выше, стр. 91.

[2]) Т. I, стр. 211.

около 860 акровъ, въ 1880 — 1809 гг. уже 1.550.000, въ 1810—1819 гг.—1.560.000, а въ слѣдующія десятилѣтія эта цифра падаетъ опять до 375 т. и 350 т. акровъ. Высчитано, что за указанный выше семидесятидвухлѣтній періодъ времени землевладѣльцы пріобрѣли чуть не полные семь милліоновъ акровъ (6.840.540). Эти цифры будутъ говорить еще краснорѣчивѣе, если мы примемъ въ расчетъ, что въ четыре десятка лѣтъ до 1760 г. было огорожено лишь около 550 т. акровъ [1]). Рядомъ съ этимъ совершался процессъ такъ называемой „очистки“ (clearing) имѣній, заключавшейся въ томъ, что у фермеровъ по окончаніи срока аренды отнимались земли, находившіяся въ ихъ обработкѣ, и затѣмъ или соединялись въ болѣе крупныя хозяйственныя единицы, или обращались въ пастбища для овецъ и въ искусственные луга, благодаря чему бывшіе мелкіе арендаторы не могли даже сдѣлаться сельскохозяйственными рабочими, разъ „очистка“ имѣній сопровождалась уменьшеніемъ площади запашки. Въ послѣднемъ отношеніи, такъ сказать, классическимъ примѣромъ была перемѣна, совершившаяся въ самое короткое время въ помѣстьѣ гр. Соутерлэндъ: въ 1814 г. на ея земляхъ прокармливалось 15 тысячъ человѣкъ, а въ 1825 паслось уже 131 тысяча овецъ: всѣ мелкія фермы были за этотъ промежутокъ времени уничтожены и превращены въ пастбища для овецъ, шерсть которыхъ имѣла хорошій сбытъ на фабрики. Поводами къ огораживанію были въ эту эпоху большею частью соображенія агрономическаго свойства [2]), такъ какъ при искусственномъ разведеніи клевера и турнепса, которое началось еще въ серединѣ XVII в., старый способъ пользованія общинными угодьями оказывался крайне невыгоднымъ: на нихъ были большею частью самыя плохія пастбища и луга, дозволявшія сельскому населенію имѣть кое-какой скотъ, но не дававшія хорошаго дохода. Огораживанія подняли производительность земли, къ коей стало теперь возможнымъ примѣнять улучшенные способы земледѣлія, но интересы мелкихъ хозяевъ и вообще сельскаго населенія отъ этого страдали. Во-первыхъ, сокращалось количество коровъ и мелкаго скота, принадлежавшаго крестьянамъ. Во-вторыхъ, послѣ этой разверстки и вести хозяйство было трудно, ибо мелкія фермы съ своимъ исключительно зерновымъ производствомъ не могли соперничать съ новымъ крупнымъ хозяйствомъ и его плодоперемѣнною системою: просто-на-просто при существовавшихъ тогда цѣнахъ на продукты, издержки на веденіе мелкаго хозяйства не окупались изъ получаемаго дохода. Къ тому же, какъ мы увидимъ, около этого времени земледѣльцы стали терять дополнительные заработки въ видѣ

[1]) Т. III, стр. 107—108.
[2]) Ср. т. III, стр. 104 и 108.

пряжи, тканья и т. п. кустарнымъ образомъ: это также ухудшало ихъ положеніе. Имъ приходилось въ трудныя минуты дѣлать долги, въ которыхъ они потомъ все болѣе и болѣе и запутывались, а тутъ еще лендлорды, прибирая къ рукамъ землю всякими правдами и неправдами,—напр., возбуждая разорительные процессы, — весьма охотно ссужали деньги или предлагали неслыханныя раньше цѣны за участки, которые имъ особенно сподручно было прихватить къ своимъ землямъ. Тѣ же мотивы извлеченія наибольшаго дохода изъ земли путемъ улучшеннаго хозяйства заставляли лендлордовъ соединять фермы. Въ XVIII в. въ Англіи преобладали фермы въ 40—100 акровъ, но въ началѣ XIX в. уже начинаютъ господствовать фермы въ пять разъ большія, а во главѣ каждой стоитъ предприниматель, который затрачиваетъ капиталъ, чтобы улучшить почву (осушка, удобреніе), возвести хорошія сельскохозяйственныя постройки, пріобрѣсти улучшенныя породы скота, купить усовершенствованныя орудія. Все это, дѣйствительно, подымало доходность земли, и напр., англійскій экономистъ и агрономъ Артуръ Юнгъ, путешествовавшій по Франціи въ эпоху революціи, въ своемъ описаніи этого путешествія [1]), то и дѣло отмѣчаетъ превосходство англійской системы крупныхъ фермъ надъ французскимъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Физіократы и послѣдователи школы Адама Смита на материкѣ тоже были поклонниками англійскаго фермерскаго хозяйства [2]). Техническій прогрессъ Англіи въ эту эпоху, дѣйствительно, долженъ былъ всѣмъ бросаться въ глаза и могъ ослѣплять своими результатами, особенно по сравненію съ жалкимъ хозяйствомъ крѣпостныхъ крестьянъ или половниковъ. Въ эпоху континентальной системы англійскіе землевладѣльцы должны были еще болѣе положить денегъ и труда для улучшенія сельскаго хозяйства—въ виду того, что въ эти годы доставка иностраннаго хлѣба въ Англіи до нельзя была затруднена. Но у этого агрономическаго прогресса была и другая сторона: онъ сопровождался самымъ несомнѣннымъ ухудшеніемъ быта хозяйственныхъ крестьянъ, которые или переходили въ положеніе наемныхъ рабочихъ на фермахъ, или выселялись въ города. Весьма любопытно, что въ XVIII вѣкѣ самыми населенными графствами были южныя, сельско-хозяйственныя, но въ началѣ XIX в. преобладаніе въ смыслѣ населенности стало переходить къ сѣвернымъ, промышленнымъ графствамъ. Несмотря на общій приростъ населенія Англіи, число семействъ, занятыхъ земледѣліемъ, въ ней постепенно уменьшалось: напр., въ 1821 г. ихъ считалось безъ малаго 980 т., а въ 1831 г. — только 960 т. съ неболь-

[1]) Т. III, стр. 109.
[2]) Т. III, стр. 109 и 257—259 и выше, стр. 532, 534—535.

шимъ. Особенно ужасны были слѣдствія такого обезземеленія въ Ирландіи, настоящей странѣ аграрныхъ угнетеній, голода и эмиграціи [1]).

Такъ создалась въ Англіи крупная поземельная собственность съ крупнымъ же хозяйствомъ, причемъ поддержанію нераздѣльности большихъ помѣстій сильно содѣйствовалъ принципъ заповѣдныхъ имѣній [2]), въ силу коего землевладѣлецъ имѣетъ лишь пожизненное право на свое помѣстье съ обязательствомъ передачи такого же пожизненнаго права и своему наслѣднику. Въ данную минуту четыре пятыхъ всей земли въ Соединенномъ королевствѣ принадлежитъ лишь семи тысячамъ владѣльцамъ крупныхъ помѣстій, число коихъ доходитъ до 11 тысячъ, причемъ въ каждомъ помѣстьѣ земли болѣе тысячи акровъ. Цѣлая половина Англіи принадлежитъ 150 лицамъ, половина Шотландіи—75, половина Ирландіи—35. Однимъ англійскимъ лордамъ принадлежитъ цѣлая четверть территоріи Англіи, а въ Шотландіи такое же количество земли — лишь пяти лордамъ. При такомъ распредѣленіи поземельной собственности и при развитіи крупнаго хозяйства экономическій строй Англіи получилъ своеобразный характеръ. Если въ старину въ лицѣ крестьянина-хозяина соединялись землевладѣлецъ, капиталистъ (въ смыслѣ обладателя скота, орудій и запасовъ) и рабочій, то теперь явилось три совершенно различныхъ класса, а именно: лендлорды, получающіе за свою землю ренту, а если и ведущіе сами хозяйство, то лишь въ видѣ пріятнаго и здороваго занятія; фермеры-капиталисты, снимающіе землю у первыхъ для полученія изъ нея прибыли на свой капиталъ, и наемные рабочіе, трудомъ коихъ, по указанію фермеровъ и подъ ихъ надзоромъ, ведется все хозяйство страны. Эту экономическую организацію дополняла политическая, отдававшая власть въ руки только однихъ богатыхъ классовъ общества [3]), благодаря чему, напр., въ XVIII в. число избирателей въ парламентъ едва ли превышало 200 т. Сначала въ Англіи соціальное могущество было основано на одномъ землевладѣніи, и вотъ еще съ начала XVIII в. богатые коммерсанты, нажившіеся крупною торговлею или мануфактурами, стали энергично скупать землю, усиливая тѣмъ самымъ старую землевладѣльческую аристократію [4]), но вмѣстѣ съ тѣмъ они же начали вносить въ область сельскаго хозяйства коммерческіе расчеты, которые составляли сущность ихъ торговыхъ и промышленныхъ занятій. Англійское земледѣліе получило чисто капиталистиче-

---

[1]) Аграрныя отношенія этой части Великобританіи будутъ разсмотрѣны впослѣдствіи въ связи вообще съ такъ называемымъ „ирландскимъ вопросомъ". Ср. выше, стр. 490, прим. 2.

[2]) Т. III, стр. 108.

[3]) См. выше, стр. 443.

[4]) Аналогичное явленіе было и въ Пруссіи, см. выше, стр. 201—202.

скій характеръ, и буржуазія превратилась въ господствующій классъ общества.

Одною изъ главнѣйшихъ основъ экономической мощи новѣйшей буржуазіи сдѣлалась обрабатывающая промышленность. Извѣстно, что первыми капиталистами—еще въ средніе вѣка—были крупные купцы, которые только впослѣдствіи стали являться предпринимателями и въ области промышленности [1]). Послѣдняя не могла получать крупныхъ размѣровъ, пока были въ силѣ цеховыя учрежденія, коими, между прочимъ, обезпечивалось болѣе или менѣе равномѣрное распредѣленіе ремесленнаго заработка между всѣми работниками одной и той же спеціальности [2]), и которыя, кромѣ того, представляли изъ себя самостоятельныя организаціи ремесленниковъ, имѣвшія нерѣдко и политическое значеніе. Настоящею эпохою процвѣтанія цеховъ была вторая половина среднихъ вѣковъ, но въ новое время они стали приходить въ упадокъ [3]) и даже прямо вырождаться въ олигархическія ассоціаціи мастеровъ, не служа болѣе той цѣли, для которой учредились, а вмѣстѣ съ тѣмъ и стѣсняя личную свободу и тормозя техническіе успѣхи производства. Въ числѣ требованій, предъявлявшихся физіократами, отмѣна цеховъ занимала довольно видное мѣсто, и когда французскій министръ-реформаторъ изъ физіократовъ, Тюрго, задумалъ осчастливить Францію преобразованіями въ духѣ своей экономической теоріи, то однимъ изъ первыхъ его шаговъ въ этомъ направленіи было какъ-разъ уничтоженіе цеховъ [4]). Физіократы были вообще сторонниками экономической свободы, и на этой же точкѣ зрѣнія стоялъ Адамъ Смитъ, тоже доказывавшій, что цеховыя привилегіи нарушаютъ самыя священныя права личности [5]). Какъ разъ на ту же точку зрѣнія стало законодательство французской революціи, уничтожившее цехи и провозгласившее свободу труда [6]). Учредительное собраніе своимъ декретомъ 14 іюня 1791 г. даже запретило „возстановлять всякаго рода корпораціи гражданъ одного и того же состоянія или профессіи подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и подъ какимъ бы то ни было видомъ“, находя, что всѣ такія корпораціи представляютъ собою посягательство на индивидуальную свободу [7]), въ силу чего, какъ гласилъ декретъ, „если граждане одного и того же ремесла или занятія примутъ рѣшеніе или сдѣлаютъ между собою договоръ

---

[1]) Т. I, гл. XIX.
[2]) Т. I, гл. XVIII.
[3]) Т. III, гл. IX.
[4]) Т. III, стр. 432—433.
[5]) См. въ слѣдующей главѣ.
[6]) Т. III, стр. 526.
[7]) Т. III, стр. 539.

отказаться сообща или согласиться только по опредѣленной цѣнѣ содѣйствовать своимъ ремесломъ или своими работами, то означенные рѣшенія и договоры будутъ объявлены противоконституціонными". Такое запрещеніе получило въ высшей степени важное значеніе въ экономической исторіи XIX в., не дозволяя ни временныхъ, ни постоянныхъ соглашеній между рабочими: законъ 1791 г. ставилъ рабочаго лицомъ къ лицу съ предпринимателемъ, экономическое превосходство коего надъ человѣкомъ, продающимъ лишь свой трудъ, было настолько велико, что, конечно, говорить о равенствѣ условій при заключеніи свободнаго договора въ данномъ случаѣ не приходится. Позднѣе было сознано, что лишь союзная организація доставляетъ рабочему классу извѣстную равноправность въ предложеніи своего труда предпринимателю, но было время, когда вѣрили въ единую спасающуюся силу свободной конкурренціи между индивидуальными интересами, хотя бы на одной сторонѣ была вся мощь капитала, и на другой—вся слабость нищеты. Французское законодательство и впослѣдствіи принимало мѣры противъ стачекъ между рабочими, опираясь всегда на одинъ и тотъ же мотивъ—охрану индивидуальной свободы. Совершенно такъ, напр., мотивировалъ запрещеніе стачекъ и союзовъ между рабочими и уголовный кодексъ Наполеона I. Конечно, буржуазія не могла не увидѣть, какую выгоду представляло для нея запрещеніе рабочихъ союзовъ, въ которыхъ, наоборотъ, пролетаріатъ усматривалъ одно изъ средствъ экономической борьбы. Въ Англіи также рабочіе союзы или коалиціи были строжайшимъ образомъ и подъ страхомъ наказанія запрещены закономъ 1800 г., разъ эти соединенія имѣли своею цѣлью совокупное дѣйствіе, клонившееся или къ повышенію платы, или къ уменьшенію рабочаго дня, и принужденіе къ оставленію работы. Закономъ завершался цѣлый рядъ другихъ подобныхъ же „combinations law", издававшихся по иниціативѣ работодателей и вполнѣ соотвѣтствовавшихъ тогдашней экономической доктринѣ, что одна ничѣмъ не стѣсняемая свобода отдѣльной личности можетъ осуществить матеріальное благополучіе страны. Рабочіе въ Англіи, однако, не обращали большого вниманія на запрещенія и, не будучи въ состояніи основывать открытыя ассоціаціи, вступали между собою въ тайныя соглашенія. Въ 1824 г. парламентъ отмѣнилъ наиболѣе стѣснительные изъ „combinations law", разрѣшивъ рабочимъ основывать союзы для регулированія рабочей платы и продолжительности дневного труда, но такъ какъ въ томъ же году во многихъ мѣстностяхъ произошли среди рабочихъ безпорядки, то въ слѣдующемъ же году парламентъ внесъ въ данное имъ разрѣшеніе нѣкоторыя ограниченія. Дозволяя именно вступать рабочимъ между собой въ союзы для соглашеній, касающихся рабочей платы, законъ 1825 г.

налагалъ строгія наказанія за всякія дѣйствія, которыя имѣли бы своею цѣлью принудить кого-либо изъ рабочихъ присоединиться къ придуманнымъ большинствомъ мѣрамъ, причемъ соглашенія подобнаго рода вообще лишь въ томъ случаѣ не считались преступными, если касались только тѣхъ рабочихъ, которые лично принимали участіе въ постановленіи извѣстныхъ рѣшеній. Самая редакція закона была такова, однако, что за всякое участіе въ союзѣ можно было рисковать быть отданнымъ подъ судъ. Если обезземеленіе сельской массы создавало для предпринимателей большое предложеніе труда, который можно было—въ силу конкурренціи между самими же рабочими — покупать по дешевой цѣнѣ, то недозволеніе рабочимъ вступать между собой въ соглашенія давало предпринимателямъ возможность имѣть дѣло не съ сильными солидарностью своею ассоціаціями рабочихъ, а съ отдѣльными индивидуумами, совершенно безсильными передъ мощью капитала.

Новые союзы запрещались, а старые отмѣнялись. Мы только-что упоминали о томъ, что во Франціи цехи пали въ силу декрета національнаго собранія. Въ началѣ XIX столѣтія новый взглядъ на цехи коснулся также и Пруссіи, гдѣ въ XVIII в. дѣйствовало весьма развитое и даже очень мелочное цеховое законодательство, вытекавшее изъ старыхъ основаній моральнаго характера и меркантилистическихъ стремленій полицейскаго государства [1]). Въ концѣ XVIII в. враждебное цехамъ ученіе Адама Смита стало проникать вообще въ Германію, гдѣ скоро необходимость цеховъ тоже стала ставиться подъ сомнѣніе, хотя тутъ же у цеховъ нашлись и защитники. Впрочемъ, лишь только въ первыхъ годахъ XIX в. противъ цеховъ здѣсь былъ начатъ настоящій походъ. Въ 1803 г. Іоганнъ Гофманъ, впослѣдствіи знаменитый берлинскій статистикъ, издалъ анонимно брошюру подъ заглавіемъ: „Интересъ человѣка и гражданина въ существованіи цехового устройства“ (Interesse des Menschen und Bürgers an der bestehenden Zunftverfassung), о которой впослѣдствіи (1841 г.) писалъ слѣдующее: „въ моментъ изданія моего труда живо обсуждался вопросъ, слѣдуетъ ли только очистить цехи отъ злоупотребленій или совершенно отмѣнить; но попытки реформъ, начатыя съ давнихъ поръ, имѣли столь малый успѣхъ, что злоупотребленія казались нераздѣльно слитыми съ цеховой системой, и потому оставалось, повидимому или оставить цехи неприкосновенными, или вовсе ихъ отмѣнить. Перваго никто не желалъ; даже самые горячіе защитники цеховъ требовали исправленія признанныхъ злоупотребленій. Кто такое исправленіе считалъ невозможнымъ, тому оставалось подать голосъ

[1]) См. книгу Н. В. Молчановскаго, названную на стр 514.

за отмѣну цеховъ". Это признаніе человѣка, который черезъ сорокъ лѣтъ смотрѣлъ на дѣло нѣсколько другими глазами, въ высшей степени характерно для того времени, хотя нельзя не отмѣтить и того, что число защитниковъ цеховой организаціи въ это время было немалое. Наконецъ, вопросъ о цехахъ въ Пруссіи былъ поставленъ и на практическую почву—въ знаменитую эпоху реформъ. Штейнъ [1]), какъ извѣстно, до своего переѣзда въ Берлинъ занималъ на прусской государственной службѣ должности, которыя, между прочимъ, заставили его ознакомиться съ фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣломъ, а кромѣ того, онъ ѣздилъ въ Англію, гдѣ и изучалъ новѣйшія техническія усовершенствованія и машины. Экономическіе взгляды Штейна опредѣлялись не какими-либо теоріями, до которыхъ онъ вообще былъ неохотникъ, а старою меркантилистическою рутиною и практическими соображеніями реальнаго государственнаго интереса. На цехи, какъ и на многое другое въ общественной жизни, Штейнъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія, противоположной идеямъ французской революціи и экономической школы Адама Смита. „Вопросъ о значеніи цеховъ, писалъ онъ, напр., обсуждаютъ односторонне съ точки зрѣнія государственнаго хозяйства и спрашиваютъ только, поощряютъ ли цехи промышленную дѣятельность. Безъ сомнѣнія, соглашался онъ, въ цеховыхъ учрежденіяхъ есть подробности, направленныя къ ограниченію свободной игры производительныхъ силъ, но эта сторона можетъ быть отчасти смягчена и устранена; при томъ же и неограниченная промышленная свобода имѣетъ свои недостатки: несоотвѣтствіе производства съ потребленіемъ, чрезмѣрное развитіе эгоистическихъ стремленій. Между тѣмъ государство не есть земледѣльческое или фабричное учрежденіе; цѣль его—религіозно-нравственное, умственное и физическое развитіе гражданъ; путемъ своихъ установленій государство должно создать сильное, смѣлое, нравственное и интеллигентное поколѣніе, а не только поколѣніе искусное и производящее". Поэтому Штейнъ смотрѣлъ на цехи, какъ на весьма хорошее орудіе для достиженія моральныхъ цѣлей государства, и, думая о городскомъ самоуправленіи, хотѣлъ удержать раздѣленіе городскихъ жителей на цехи, такъ какъ безъ этой организаціи не было бы никакой связи между отдѣльными лицами. Многіе взгляды Штейна по цеховому вопросу раздѣлялъ и Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ [2]), впослѣдствіи ихъ, однако, измѣнившій, и изъ сотрудниковъ Штейна развѣ одинъ только Шёнъ, какъ поклонникъ наибольшей экономической свободы [3]), являлся против-

[1]) Для дальнѣйшаго о Штейнѣ, ср. стр. 189 и слѣд.

[2]) Ср. его идею о сотовариществахъ для достиженія разныхъ моральныхъ и экономическихъ цѣлей, выше, стр. 296.

[3]) См. выше, стр. 530—532.

никомъ этого учрежденія. Иначе, чѣмъ Штейнъ, думалъ о цехахъ Гарденбергъ, но его программа была очень проста, тѣмъ болѣе, что онъ не входилъ въ сколько-нибудь глубокое обсужденіе вопроса и мало вообще понималъ экономическіе вопросы, мало ими даже и интересовался [1]). Нужно замѣтить, что въ эту эпоху съ цеховымъ ремесломъ въ Пруссіи еще не вступало въ соперничество фабричное производство, такъ что даже черезъ полвѣка (въ 1861 г.) здѣсь число ремесленниковъ превышало въ значительной мѣрѣ число фабричныхъ рабочихъ, а именно первыхъ въ старыхъ провинціяхъ Пруссіи было около 6%, тогда какъ вторыхъ—немного болѣе 4% общей цифры населенія. Мы не станемъ здѣсь слѣдить за тѣмъ, какія мѣры принимались правительствомъ при Штейнѣ и въ министерство Дона-Альтенштейна для регулированія ремесленныхъ отношеній, тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ находился въ самой тѣсной связи съ подробностями прусской податной системы, разсматривать которыя здѣсь было бы и неумѣстно. Только Гарденбергъ, вернувшійся къ власти въ 1810 г., издалъ общія распоряженія, касавшіяся цеховъ и установлявшія въ Пруссіи промышленную свободу. Мѣра эта, впослѣдствіи многими порицавшаяся, была вызвана фискальными потребностями разореннаго и обложеннаго тяжелою военною контрибуціею государства. 2 ноября 1810 г. вышло въ свѣтъ королевское распоряженіе о введеніи всеобщаго промыслового налога, въ силу котораго всѣ желающіе продолжать ремесло, торговлю или другое промышленное занятіе—все равно, въ городахъ ли, въ селахъ ли, —обязаны были покупать особые патенты, отъ чего не могли освободить никакія цеховыя привилегіи, а разъ кто получилъ такой патентъ, тому можно было свободно заниматься своимъ промысломъ на всемъ пространствѣ прусской монархіи безъ какой бы то ни было помѣхи со стороны какихъ бы то ни было корпорацій. Послѣднее значило, что, такъ называемый Zunftzwang, т.-е. монополія цеховъ, въ силу коей заниматься извѣстнымъ ремесломъ въ извѣстной мѣстности могли лишь лица, входившія въ данную цеховую организацію, былъ отмѣненъ, т.-е. была уничтожена одна изъ главнѣйшихъ особенностей цехового устройства, хотя законъ прямымъ образомъ послѣдняго и не касался. Между тѣмъ особая коммиссія еще съ 1808 г. работала надъ вопросомъ, что дѣлать съ цехами, и уже въ началѣ 1810 г. въ ней пришли къ тому рѣшенію, что цехи нужно уничтожить: въ пользу такого рѣшенія ссылались на право человѣка свободно распоряжаться своимъ трудомъ, на выгоды, которыя свободная конкуренція приноситъ публикѣ, на экономическую теорію, на примѣръ французовъ, отмѣнившихъ цехи въ Вестфаліи, куда, пожалуй,

[1]) Ср. выше (стр. 538) объ его отношеніи къ крестьянской реформѣ.

говорили нѣкоторые, станутъ выселяться поэтому прусскіе ремесленники; но при этомъ коммиссія вовсе не находила нужнымъ подвергнуть изслѣдованію состояніе прусской ремесленной промышленности, хотя и были отдѣльныя лица, совѣтовавшія, по крайней мѣрѣ, осторожность въ такомъ важномъ дѣлѣ. Но Гарденбергъ, стремившійся въ сущности только къ тому, чтобы найти новые источники доходовъ въ родѣ промыслового налога, стоялъ на своемъ, не входя въ подробности сложнаго дѣла цеховой организаціи, тѣмъ болѣе, что у него передъ глазами было весьма простое рѣшеніе вопроса—уничтоженіе цеховъ во Франціи и отмѣна ихъ французами въ Вестфальскомъ королевствѣ. 7-го сентября 1811 г. вышелъ въ свѣтъ королевскій указъ „о полицейскихъ отношеніяхъ промысловъ въ дополненіе къ распоряженію 2 ноября 1810 о введеніи всеобщаго промыслового налога". Въ силу этого закона принадлежность къ цеху ничего не измѣняла въ положеніи ремесленника, и многія права цеховъ отошли къ полицейской власти. Члены цеховъ могли свободно ихъ покидать, хотя и не избавляясь отъ принятыхъ раньше по отношенію къ цеху обязательствъ, да и самые цехи могли прекращать свое существованіе, разъ въ пользу этого было бы большинство участниковъ. Цеховые подмастерья получили право работать у нецеховыхъ ремесленниковъ. Интереснѣе всего то, что, несмотря на провозглашенную свободу, полицейской власти предоставлялось по усмотрѣнію или закрывать цехи, или, наоборотъ, заставлять ремесленниковъ соединяться въ цехи: бюрократическія привычки были сильнѣе свободныхъ принциповъ. Такимъ былъ смыслъ закона 1811 г., низводившаго цехи на степень частныхъ союзовъ безъ тѣхъ правъ, которыя дѣлали ихъ посредниками во многихъ отношеніяхъ между отдѣльнымъ лицомъ и государствомъ: это было результатомъ вообще вражды новыхъ идей къ корпоративному началу [1]). Законы 2 ноября 1810 г. и 7 сентября 1811 г. легли въ основу дальнѣйшей прусской политики по отношенію къ занятію ремеслами [2]). Хотя мѣра Гарденберга и была продиктована ему фискальными соображеніями, но нельзя отрицать и того, что для ея оправданія были притянуты новыя политическія и экономическія идеи.

И французское законодательство 1791 г., и прусское 1810—1811 гг. относится къ той же категоріи явленій, къ числу коихъ принадлежитъ также паденіе старыхъ цеховыхъ стѣсненій промышленности и въ Англіи. Здѣсь, между прочимъ, имѣлъ весьма важное значеніе изданный еще при королевѣ Елизаветѣ въ 1562 г. общій

---

[1]) Ср. т. III, стр. 539.

[2]) G. Schmoller. Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe in XIX Jahrhundert. 1870.

законъ объ ученичествѣ, коимъ должны были управляться городскія ремесла. Сущность этого закона состояла въ томъ, что мастеромъ или подмастерьемъ въ каждомъ ремеслѣ можно было сдѣлаться лишь послѣ семилѣтняго ученичества: хозяинъ обязанъ былъ на каждыхъ трехъ учениковъ держать одного подмастерья; рабочій день долженъ былъ продолжаться въ лѣтніе мѣсяцы не болѣе 12 часовъ, а въ зимніе—пока свѣтитъ солнце; срокъ для найма въ работу полагался не менѣе, какъ на годъ; наконецъ, плату на каждый годъ должны были установлять мировые судьи и городскія власти съ тѣмъ расчетомъ, чтобы рабочій былъ обезпеченъ этою платою и въ хорошіе, и въ дурные годы. Мы еще увидимъ, что при развитіи фабричной промышленности этотъ законъ сталъ все чаще и чаще нарушаться. И вотъ какъ мастера, такъ и рабочіе, коимъ грозила конкурренція фабрикъ и ухудшеніе условій труда, стали жаловаться въ суды на то, что законъ объ ученичествѣ не соблюдается. Во многихъ случаяхъ суды считали доказанными нарушенія закона и выносили фабрикантамъ обвинительные приговоры. Крупнымъ предпринимателямъ оставалось теперь только хлопотать объ отмѣнѣ закона объ ученичествѣ въ парламентѣ. Въ 1803 г. они добились того, что дѣйствіе закона было пріостановлено на годъ для шерстяной промышленности, и затѣмъ эта пріостановка возобновлялась сряду нѣсколько лѣтъ—каждый разъ на одинъ годъ, пока въ 1809 г. не произошла окончательная отмѣна закона для упомянутой отрасли промышленности. Прошло еще пять лѣтъ, и въ 1814 г. послѣдовала полная отмѣна закона и по отношенію ко всѣмъ другимъ родамъ промышленности.

Эта отмѣна стариннаго ремесленнаго закона стоитъ въ тѣсной связи съ замѣною прежняго мелкаго производства цеховыхъ ремесленниковъ новыми формами промышленности. Если исключить семейную промышленность [1]), которая имѣетъ въ виду не продажу продукта на рынкѣ, а потребленіе его самою семьею, то можно подвести всѣ остальныя формы промышленности подъ три категоріи съ переходами отъ одной къ другой. Это суть именно промышленность ремесленная, промышленность домашняя и промышленность фабричная. Цеховое устройство было организаціей промышленности ремесленной, расчитанной на сбытъ выдѣлываемыхъ продуктовъ, причемъ въ работѣ непосредственно участвовалъ самъ хозяинъ производства, являвшійся вмѣстѣ съ тѣмъ собственникомъ какъ орудій производства, такъ и обрабатываемаго матеріала и работавшій при помощи наемныхъ рабочихъ или безъ такой помощи. Эта форма переходитъ въ

[1]) Familienindustrie, по терминологіи Гельда въ книгѣ, названной на стр. 513. Вся дальнѣйшая классификація принадлежитъ этому писателю.

промышленность домашнюю, которая отличается отъ ремесленной лишь тѣмъ, что предпринимателемъ является тутъ купецъ, который, во-первыхъ, самъ не работаетъ, давая лишь работу другимъ, а во-вторыхъ, остается собственникомъ сырого матеріала и вырабатываемаго изъ него продукта, вознаграждая производителей платою за исполненіе заказа, выдѣлываемаго производителями въ домашней обстановкѣ. Въ фабричной промышленности хозяинъ, точно также самъ не работающій, нанимаетъ рабочихъ, которые приходятъ уже работать въ спеціально предназначенныя для того помѣщенія, принадлежащія предпринимателю. Исторія тѣхъ производствъ, которыя по существу могутъ быть совершаемы на фабрикахъ, состояла въ постепенной замѣнѣ ремесленнаго способа способомъ домашнимъ, а этого послѣдняго—фабричнымъ. Меркантилизмъ, заботившійся о возможно большемъ вывозѣ товаровъ за границу, сильно поощрялъ развитіе фабрикъ или, какъ ихъ называли во Франціи, „соединенныхъ мануфактуръ“ (manufactures reunies), прибѣгая ко всѣмъ средствамъ, какія только были въ распоряженіи государства, чтобы такія соединенныя мануфактуры процвѣтали, хотя бы этому приходилось жертвовать другими интересами [1]). „Обращаютъ вниманіе,—писалъ, напр., Мирабо,—обращаютъ вниманіе на большія мануфактуры, гдѣ работаютъ сотни людей подъ управленіемъ одного директора, и которыя обыкновенно называются соединенными мануфактурами. Тѣ же производства, въ коихъ занято тоже большое количество рабочихъ, но разъединенныхъ, и гдѣ каждый работаетъ за свой собственный счетъ, едва удостоиваются вниманія... Соединенная фабрика,—продолжаетъ онъ,—чрезвычайно обогащаетъ одного или двухъ предпринимателей; рабочіе же здѣсь только простые наймиты, получающіе болѣе или менѣе значительную плату, но вовсе не участвующіе въ выгодахъ предпринимателя. Въ раздѣленной же фабрикѣ, наоборотъ, никто не дѣлается богатымъ, но множество работниковъ пользуется благосостояніемъ“. Въ XVII и XVIII в. правительства, заботившіяся о развитіи крупной промышленности, поощряли заведеніе такихъ „соединенныхъ мануфактуръ“ посредствомъ разнаго рода монополій, привилегій, льготъ и субсидій. „Зачѣмъ,—спрашиваетъ Мирабо,—ходить далеко за причиной блеска саксонскихъ мануфактуръ передъ семилѣтнею войною? Объясняютъ его 180 милліоновъ государственнаго долга“. Конечно, не одна поощрительная дѣятельность государства играла роль въ замѣнѣ мелкаго производства ремесленниковъ и кустарей производствомъ „соединенныхъ мануфактуръ“. Здѣсь могущественно дѣйствовали прежде всего общія условія экономической эволюціи. При господствѣ цехо-

[1]) Т. II, стр. 538 и слѣд. и т. III, стр. гл. IX.

вого строя каждый городъ работалъ главнымъ образомъ только для своего внутренняго рынка, тѣмъ болѣе, что пути сообщенія были такъ плохи, что перевозки значительнаго количества товаровъ изъ одного мѣста въ другое и не могло развиться. Кромѣ того, дурное состояніе путей сообщенія препятствовало и перемѣщенію самихъ рабочихъ изъ одного города въ другой. Огражденные отъ внѣшней конкурренціи, предприниматели и внутреннюю конкурренцію ограничивали цеховыми уставами, ибо послѣдніе имѣли въ виду равномѣрное распредѣленіе заработка между всѣми мастерами одного и того же ремесла,—а потому могли сообща установлять и нормальныя цѣны своихъ продуктовъ, включая въ число расходовъ производства не тотъ minimum рабочей платы, который не позволяетъ рабочему умереть съ голода, а то, что имъ, хозяевамъ, дѣйствительно стоило содержаніе подмастерьевъ и учениковъ, жившихъ съ ними, почти какъ члены ихъ семействъ. По мѣрѣ того, какъ развивалась торговля и производство стало расчитываться на сбытъ продуктовъ на самыхъ отдаленныхъ рынкахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ за обладаніе одними и тѣми же рынками началось соперничество между отдѣльными промышленными націями [1]), изображенное положеніе дѣлъ стало измѣняться: начавъ работать на рынокъ гораздо бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ прежде, и желая побѣдить соперниковъ бо́льшею дешевизною товара, предприниматели, во-первыхъ, стали стремиться къ расширенію своего производства, для чего начали увеличивать число своихъ рабочихъ; а во-вторыхъ, стали уменьшать расходы производства, главнымъ образомъ посредствомъ пониженія рабочей платы. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, напр., въ Англіи ранѣе всего сталъ нарушаться упомянутый законъ объ ученичествѣ—и притомъ задолго до возникновенія крупныхъ фабрикъ—въ тѣхъ производствахъ, которыя имѣли сбытъ на внѣшнихъ рынкахъ. Рабочіе жаловались на частыя нарушенія закона, и судами, какъ мы видѣли, ихъ жалобы принимались, но предприниматели тогда стали обходить законъ весьма простымъ способомъ: онъ былъ изданъ только для городскихъ промысловъ и, слѣдовательно, внѣ городовъ не имѣлъ силы, такъ что стоило лишь перевести производство въ деревню, и никто не могъ обвинить въ нарушеніи закона за какое угодно увеличеніе числа рабочихъ и за назначеніе имъ какой угодно платы. Благодаря этому въ новыхъ условіяхъ деревенскаго быта, не подчинявшагося цеховой регламентаціи, въ Англіи стало развиваться, напр., крупное суконное производство на совершенно новыхъ началахъ. До конца XVIII в. здѣсь дѣйствовалъ средневѣковой законъ, въ силу котораго лишь тотъ

[1]) Т. II, стр. 535 и слѣд. и т. III, стр. 132 и слѣд.

могъ доставить сукно для продажи въ особомъ для того предназначенномъ помѣщеніи, кто самъ пробылъ ученикомъ узаконенное число лѣтъ; но перемѣны, происшедшія въ суконномъ производствѣ, оказались настолько значительными, что законъ этотъ не соотвѣтствовалъ болѣе условіямъ дѣйствительности, и въ 1796 г. онъ былъ уже отмѣненъ, какъ вскорѣ отмѣненъ былъ для той же промышленности и законъ объ ученичествѣ. Въ началѣ XIX в. суконное производство находилось въ разныхъ мѣстностяхъ Англіи или въ рукахъ мелкихъ ремесленниковъ, или въ рукахъ крупныхъ предпринимателей, отдававшихъ сырой матеріалъ для домашней выдѣлки или выдѣлывавшихъ его въ собственныхъ заведеніяхъ, причемъ послѣднія иногда уже пользовались вновь изобрѣтенными машинами. Еще во многихъ мѣстностяхъ Англіи суконщики жили въ деревняхъ, не отрываясь отъ сельскаго хозяйства, и производили сукно при помощи немногихъ рабочихъ, которые жили и работали у нихъ, почти какъ члены ихъ семей. Что касается до большихъ фабрикъ, гдѣ введены были машины, то на нихъ уже работали и женщины, и дѣти, и старый законъ объ ученичествѣ совсѣмъ не соблюдался. Въ 1802 г. кое-гдѣ введеніе машинъ встрѣчено было сопротивленіемъ рабочихъ, ссылавшихся на законы, которые были противъ этого, и обратившихся въ парламентъ съ просьбою поддержать всѣ старые статуты, которые ограждали интересы работниковъ. Съ своей стороны, и крупные предприниматели стали просить, чтобы парламентъ отмѣнилъ всѣ стѣсненія, препятствовавшія развитію фабричнаго производства. Для изслѣдованія этого вопроса парламентъ назначилъ особую коммиссію, которая весьма добросовѣстно отнеслась къ своей обязанности и распрашивала обѣ заинтересованныя стороны (1806). Рабочіе въ своихъ показаніяхъ относительно условій фабричнаго труда сходились довольно единодушно на томъ, что фабрика не обезпечиваетъ постояннаго заработка. Когда спросъ на сукно былъ большой, фабриканты подымали рабочую плату и переманивали къ себѣ рабочихъ отъ мастеровъ, но стоило лишь уменьшиться спросу на товаръ, какъ тотчасъ же фабриканты часть рабочихъ распускали и понижали плату за трудъ тѣхъ, которыхъ у себя оставляли. Затѣмъ рабочіе указывали на то, что и въ моральномъ отношеніи имъ лучше работать на мелкихъ мастеровъ, которые все-таки — свой братъ и заботятся о рабочемъ человѣкѣ, тогда какъ фабриканты только и думаютъ объ одномъ, какъ бы побольше выгадать. Наконецъ, рабочіе указывали на то, что имъ гораздо пріятнѣе заниматься своимъ дѣломъ у себя дома или въ небольшихъ мастерскихъ, чѣмъ въ обычной обстановкѣ фабрикъ. Мы видѣли, однако, что парламентъ, отмѣнивъ законъ объ ученичествѣ, исполнилъ въ сущности желаніе фабрикантовъ. Ихъ стремле-

ніямъ, подводившимся подъ общее понятіе экономической свободы, вполнѣ соотвѣтствовали и теоретическія воззрѣнія въ области народнаго хозяйства, господствовавшія въ ту эпоху. Соображеніями общаго блага, которое должно было получиться изъ свободной конкурренціи, фабриканты, часто сами выходившіе изъ класса мелкихъ торговцевъ или мастеровъ путемъ простого кулачества, старались оправдать свои эгоистическія поползновенія, имѣя въ виду лишь одно—создать такія условія, чтобы имъ ничто не мѣшало развивать свое крупное производство. Этотъ процессъ образованія крупной промышленности состоялъ въ постепенномъ паденіи ремесленнаго производства, которое замѣнялось домашнимъ и переходило въ фабричное, такъ какъ сначала фабрика была лишь перемѣщеніемъ въ одно зданіе, напр., ткацкихъ станковъ, находившихся раньше въ жилищахъ самихъ рабочихъ. Напр., въ окрестностяхъ Манчестера было весьма развито въ XVII в. изготовленіе бумажныхъ тканей мѣстными сельскими ремесленниками, у коихъ товаръ этотъ скупался городскими торговцами. Уже въ началѣ XVIII в. послѣдніе начинаютъ сами раздавать пряжу ткачамъ, и одинъ такой предприниматель еще въ первой половинѣ этого столѣтія давалъ такимъ образомъ занятіе шести стамъ станковъ. Затѣмъ предприниматели, отъ которыхъ ткачи стали теперь болѣе зависѣть, нашли нужнымъ установить надзоръ за цѣлостью отпускаемаго ткачамъ матеріала и за добротою выдѣлываемой ткани, чего легче всего было достигнуть въ соединенныхъ мастерскихъ, которыя они и стали заводить въ городѣ, иногда на нѣсколько десятковъ станковъ. Мало-помалу въ такой соединенной мастерской установилось раздѣленіе труда, когда было найдено, что дѣло идетъ быстрѣе, успѣшнѣе и чище, если каждая подробность производства поручается одному какому-либо рабочему, для чего притомъ уже не требовалось и длинной выучки. Съ такими фабриками мелкимъ мастерамъ конкуррировать было уже трудно, и имъ предстояло погибнуть, превратившись въ наемныхъ рабочихъ на фабрикахъ. Напрасно они старались спасти себя, хлопоча о томъ, чтобы соблюдались старые законы цехового происхожденія, ограждавшіе ихъ интересы—законы эти оказались безсильными, а затѣмъ и вовсе были отмѣнены. Между тѣмъ, фабриканты, наоборотъ, требовали расширенія промышленной свободы. Въ 1820 году лондонская Сити подала парламенту петицію о необходимости введенія свободной торговли, съ которой начинается агитація въ смыслѣ уничтоженія стѣсненій для ввоза иностранныхъ товаровъ.

Если обезземеленіе сельской массы создало рабочій пролетаріатъ, и паденіе цеховъ уничтожило послѣднія стѣсненія, коимъ подвергалось зародившееся крупное производство, то введеніе машинъ, совершившее настоящій переворотъ во всѣхъ областяхъ промышлен-

наго труда, окончательно утвердило господство капиталистическаго производства, создавъ новыя условія для рабочаго пролетаріата и завершивъ вытѣсненіе мелкихъ способовъ производства крупною промышленностью. Въ данномъ случаѣ намъ опять придется говорить объ Англіи, гдѣ было изобрѣтено наибольшее количество машинъ и гдѣ ранѣе всего онѣ были примѣнены къ производству.

Изобрѣтеніе машинъ, замѣняющихъ и облегчающихъ трудъ человѣка, было однимъ изъ величайшихъ факторовъ экономическаго прогресса, будучи въ то же самое время результатомъ прогресса культурнаго—развитія иниціативы, знаній, власти надъ силами природы. „Еслибы, писалъ Аристотель въ своей „Политикѣ“, еслибы каждое орудіе по приказанію человѣка или по собственному предусмотрѣнію само могло исполнять свое дѣло, подобно тому, какъ разсказываютъ о произведеніяхъ Дедала и о треножникахъ Гефеста, которые сами собою катились въ сонмъ боговъ,—такъ еслибы челноки сами ткали, а плектры сами играли на кіоарѣ, тогда бы мастерамъ не было никакой нужды въ слугахъ, а господамъ въ рабахъ“. Вотъ уже почему въ древности привѣтствовали изобрѣтеніе новыхъ машинъ. Когда, напр., въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. была изобрѣтена водяная мельница, поэтъ Антипаръ такъ привѣтствовалъ ея появленіе: „Поберегите свои руки, мельничихи, и спите спокойно. Пѣтуху уже нечего извѣщать васъ о наступленіи утра. Дэо поручила работу дѣвушекъ нимфамъ, и вотъ теперь онѣ прыгаютъ легко по колесамъ, такъ что завертѣвшіяся оси сами приводятъ въ движеніе жерновъ. А мы заживемъ теперь былою жизнью отцовъ и безъ труда будемъ пользоваться тѣми дарами, которые даетъ намъ богиня“. Между тѣмъ, какъ мы увидимъ, машины, которыя были изобрѣтены и введены въ употребленіе въ Англіи въ концѣ XVIII в., были встрѣчены рабочими далеко недружелюбно и на самомъ дѣлѣ совсѣмъ ужъ не осуществили „жизни боговъ“, о какой говоритъ греческій поэтъ. Это произошло вслѣдствіе того, что при существовавшихъ въ Англіи соціальныхъ условіяхъ машины явились не помощницами рабочихъ, а ихъ конкуррентками и отнюдь не облегчили ихъ труда, наоборотъ, сдѣлавъ его даже еще болѣе тяжелымъ [1]).

Если мы возьмемъ машину въ ея, такъ сказать, общей схемѣ, то различимъ въ ней три части, изъ коихъ одну можно назвать двигательною машиною, другую—рабочею машиною въ тѣсномъ смыслѣ, а третью—передаточнымъ механизмомъ, который состоитъ изъ колесъ, валовъ, ремней и т. п. Роль двигательной машины въ производствѣ могутъ играть люди, животныя или силы природы, напр., вода или

[1]) Thurston. Hist. de la machine à vapeur.

вѣтеръ, какъ это мы видимъ въ водяныхъ или вѣтряныхъ мельницахъ. До изобрѣтенія паровой машины въ зарождавшемся фабричномъ производствѣ роль движущей силы играла вода, что̀ заставляло предпринимателей строить свои мануфактуры по берегамъ рѣкъ, гдѣ они могли бы пользоваться этою даровою силою природы для того, чтобы приводить въ движеніе работавшія на ихъ фабрикахъ машины. Паровая машина была изобрѣтена Джемсомъ Уаттомъ, взявшимъ на нее привилегію въ 1769 г. Первое ея примѣненіе было совершено въ горнозаводскомъ дѣлѣ, но въ 1785 г. былъ сдѣланъ опытъ замѣны паромъ воды и на одной бумагопрядильной фабрикѣ; этотъ опытъ оказался настолько удачнымъ, что паровая машина стала весьма быстро распространяться, такъ какъ для всѣхъ было ясно преимущество пара передъ водою. Водяная сила, такъ сказать, прикована къ извѣстному мѣсту, зависитъ отъ атмосферическихъ условій, не можетъ быть увеличиваема по произволу, тогда какъ паровую машину можно поставить, гдѣ угодно, работаетъ она независимо отъ временъ года и отъ погоды и можетъ развить ту или другую силу по желанію человѣка. Если раньше крупные предприниматели устроивали свои заведенія въ деревняхъ — отчасти въ обходъ закона объ ученичествѣ, отчасти ища береговъ какой-либо рѣки, то теперь, особенно послѣ отмѣны упомянутаго закона, это сдѣлалось совсѣмъ ненужнымъ, и вотъ фабрики, на коихъ движущею силою былъ паръ, стали переноситься въ города, гдѣ легче было достать и сосредоточить въ одномъ мѣстѣ работниковъ. Далѣе, для паровой машины требовалось топливо, которое доставляли въ обильномъ количествѣ каменноугольныя копи, и введеніе паровой машины не только повлекло за собою развитіе каменноугольной промышленности, но и содѣйствовало перенесенію фабрикъ, а съ нимъ и переселенію рабочихъ въ сѣверныя графства Англіи, богатыя ископаемымъ топливомъ и желѣзомъ, въ коемъ тоже нуждались новыя фабрики, работавшія паровыми машинами. Вотъ почему, съ одной стороны, экономическая жизнь Англіи отхлынула съ юга на сѣверъ, а съ другой — такъ сильно возросло населеніе городовъ [1]), причемъ возникли даже новые города, обязанные своимъ происхожденіемъ исключительно простому скопленію въ одномъ мѣстѣ рабочаго люда, связаннаго между собой лишь трудомъ на однѣхъ и тѣхъ же фабрикахъ.

Прежде нежели въ самомъ концѣ XVIII в. стали вводиться въ хлопчатобумажной, льняной и шерстяной промышленности новыя двигательныя машины, дѣйствовавшія паромъ, было изобрѣтено нѣсколько машинъ рабочихъ, которыя уже были примѣнены къ произ-

[1]) О томъ и о другомъ, см. т. III, 91 и выше, стр. 554.

водству разныхъ предметовъ и продолжали изобрѣтаться и впослѣдствіи. Въ промышленности мало одной движущей силы, нужны еще инструменты, имѣющіе непосредственное дѣло съ объектомъ труда. Сущность всякой рабочей машины заключается въ томъ, что она исполняетъ тѣ же самыя операціи, какія исполнялъ прежде рабочій при помощи инструментовъ подобнаго же рода. Все различіе заключается въ томъ, что рабочій можетъ дѣйствовать лишь однимъ инструментомъ, машина же—цѣлою массою инструментовъ, а иногда, кромѣ того, производя работу одновременно и инструментами разнаго рода. Это свойство рабочей машины несомнѣнно влечетъ за собою сокращеніе человѣческаго труда, и тамъ, гдѣ для полученія въ прежнее время извѣстнаго количества продукта нужно было очень большое число рабочихъ часовъ (напр., 27 тысячъ часовъ для превращенія 366 ф. хлопка въ пряжу) послѣ введенія прядильной машины требовалось уже очень немного времени (150 часовъ для произведенія только что указанной работы, т.-е. въ сто восемьдесятъ шесть разъ меньше!). Именно еще въ тридцатыхъ годахъ XVIII в. Уайеттъ (Wyatt) изобрѣлъ машину, „которая могла прясть безъ помощи пальцевъ“ (1735). Изобрѣтатель прядильной машины устроилъ въ 1741 г. бумагопрядильную фабрику, но она въ ходъ не пошла и была скоро закрыта. Въ 1769 г. эту машину усовершенствовалъ Аркрайтъ и взялъ на нее патентъ, назвавъ ее „ватерною“ (водяною), такъ какъ для приведенія ея въ движеніе требовалась сила, болѣе значительная, чѣмъ сила рукъ. Черезъ два года послѣ этого онъ устроилъ свою фабрику, которая стала давать ему большіе барыши. Около того же времени (1770) простой ткачъ Гаргривсъ изобрѣлъ ручную прядильную машину („Дженни“), заразъ дававшую восемь нитокъ, вмѣсто одной, и сталъ работать на этой прялкѣ въ своемъ домѣ. Въ 1779 г. Кромптонъ искусно комбинировалъ оба изобрѣтенія, чтобы создать новую машину, которая, благодаря позднѣйшимъ еще усовершенствованіямъ, сдѣлала возможнымъ то, что́ въ настоящее время достаточно одного человѣка, дабы надзирать за работой 12 тысячъ веретенъ. Это былъ цѣлый переворотъ въ прядильномъ дѣлѣ, но скоро была изобрѣтена и ткацкая машина. Ея изобрѣтатель Карткрайтъ взялъ на нее привилегію въ 1785 г., но его „механическій станокъ“ потребовалъ еще много усовершенствованій, такъ что лишь въ 1813 г. онъ получилъ свой окончательный видъ. Это были главныя машины, но рядомъ съ ними можно указать на нѣсколько менѣе важныхъ изобрѣтеній, каковы: машинное производство кружевъ (1777), набойка коленкора цилиндрами (1785), тонкопрядильная и чеканная машины (1788), механическое чесаніе шерсти (1790), стругальная машина

(1791), машинная выдѣлка канатовъ (1793), молотильная машина (1798) и т. п.

Но если машины сокращаютъ трудъ, откуда же та противъ нихъ оппозиція со стороны рабочихъ, съ которой мы встрѣчаемся въ началѣ XIX в.? Дѣло въ томъ, что машины вступили въ конкурренцію съ ручнымъ трудомъ, и представители послѣдняго подверглись многимъ бѣдствіямъ, причины коихъ лежали именно въ машинномъ производствѣ. Введеніе машинъ на фабрикахъ было равносильно тому, какъ если бы сразу явилась масса новыхъ рабочихъ, которые оставили бы старыхъ рабочихъ безъ обычнаго заработка: гдѣ прежде нужно было много рабочихъ, оказывалось нужнымъ теперь меньшее ихъ количество, и это отражалось пагубнымъ образомъ на всемъ классѣ. Мало того: прежде рабочая плата опредѣлялась потребностями семьи рабочаго, но машины сдѣлали возможнымъ широкое примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда, вступившаго тоже въ конкурренцію съ трудомъ взрослыхъ мужчинъ, рабочая плата которыхъ стала опредѣляться лишь личными ихъ потребностями. Раньше глава семейства работалъ одинъ для содержанія всей своей семьи, теперь для этого его рабочая плата была слишкомъ мала, и стало нужнымъ прибѣгать къ труду женщинъ и дѣтей, къ которому охотно обратились и фабриканты, платившіе женщинамъ и дѣтямъ меньше, чѣмъ взрослымъ рабочимъ, и находившіе еще выгоды въ томъ, что эти новые рабочіе, будучи менѣе сильными, нерѣдко оказывались, однако, болѣе ловкими и добросовѣстными, а это въ машинномъ производствѣ имѣло иногда болѣе важное значеніе, чѣмъ физическая сила. Въ рукахъ мелкаго производителя машина въ родѣ самопрялки была бы только средствомъ сокращенія или облегченія труда, но фабрикантъ смотрѣлъ на машину съ точки зрѣнія наживы. Машина обыкновенно стоила дорого, и ея владѣлецъ стремился къ тому, чтобы она поскорѣе себя окупила, а при усовершенствованіяхъ, которыя постоянно дѣлались въ машинахъ, нужно было и вообще поскорѣе извлекать изъ старой все, что она могла дать, изнашиваясь притомъ не отъ одной работы, но и отъ времени,—дабы имѣть возможность безъ убытка или съ наибольшей прибылью замѣнить старую машину новою. Поэтому фабрикантъ заставлялъ ее дѣйствовать и день и ночь, какъ своего рода perpetuum mobile, но достигнуть такого результата можно было съ наибольшей выгодой лишь путемъ произвольнаго удлиненія рабочаго дня, что и случалось на самомъ дѣлѣ. Кромѣ того, работа на фабрикахъ, гдѣ скучены были массы народа, и монотонность самой работы при машинахъ тоже неблагопріятно дѣйствовали на рабочихъ и вызывали съ ихъ стороны протесты. Какое вліяніе оказали машины на удлиненіе рабочаго времени, можно видѣть изъ того, что если раньше законодательнымъ

путемъ старались увеличить рабочій день, то въ XIX в., наоборотъ, хлопотали уже объ его уменьшеніи. Бывало, что прежде десять часовъ въ сутки считалось maximum'омъ, а въ XIX в. случалось, что для дѣтскаго труда minimum полагался въ 12 ч. Въ 1770 г. въ англійскомъ рабочемъ домѣ заставляли работать по 12 ч. въ сутки, и это дало поводъ называть рабочій домъ домомъ ужаса, но въ 1833 г. парламентъ установлялъ 12 ч. въ сутки для подростковъ 13—18 лѣтъ. Притомъ и качественно работа не сдѣлалась болѣе легкою. Вотъ что, напр., говорилъ лордъ Ашлей въ парламентѣ въ 1844 г.: „трудъ, занятый въ настоящее время фабричными процессами, втрое болѣе того, который былъ при введеніи ихъ. Машина, безъ сомнѣнія, замѣнила мускулы милліоновъ людей, но она въ то же время изумительно увеличила трудъ рабочихъ, подчиненный ея ужасному движенію. Трудъ слѣдованія за двумя прядильными машинами для полученія пряжи № 40 требовалъ въ 1815 г. восемь миль ходьбы, а въ 1821 г. ходьба при пряденіи того же самаго нумера составляла въ теченіе 12 часовъ двадцать и болѣе миль". Чѣмъ болѣе улучшались машины, тѣмъ меньшаго количества рабочихъ онѣ требовали и тѣмъ болѣе ускоряли самый процессъ производства. Для того, чтобы слѣдить за дѣйствіемъ машины, отъ рабочаго стала требоваться прежде всего ловкость, сноровка, напряженное вниманіе: чѣмъ больше развивалось фабричное раздѣленіе труда, тѣмъ болѣе детальные рабочіе превращались въ простыхъ слугъ машины, въ своего рода автоматы. Итакъ, машина явилась не помощницей рабочаго, а его конкуррентокой,—не для того, чтобы облегчить его трудъ, а для того, чтобы привлечь къ этому труду его жену и дѣтей, и, наконецъ, вмѣсто того, чтобы сократить рабочее время и облегчить самый процессъ производства, удлинила рабочій день и сдѣлала самый трудъ болѣе утомительнымъ. Не мудрено, что противъ введенія машинъ стали высказываться не только рабочіе, но и нѣкоторые теоретики политической экономіи, и что такой экономистъ, какъ Милль, писалъ впослѣдствіи: „еще вопросъ, облегчили ли сдѣланныя до сихъ поръ механическія изобрѣтенія дневной трудъ хотя бы одного человѣческаго существа" (слѣдовало бы прибавить: „живущаго своимъ трудомъ").

Прибавимъ къ этому, что одновременно съ введеніемъ машинъ происходило въ Англіи улучшеніе путей сообщенія, облегчавшее сбытъ фабрикатовъ: съ семидесятыхъ годовъ XVIII в. стала развиваться сѣть водяныхъ сообщеній (каналовъ), которая связала вмѣстѣ всѣ промышленныя мѣстности Англіи, а въ двадцатыхъ годахъ усиленно строились въ Англіи шоссе, въ концѣ же разсматриваемаго періода (1827) появились и первыя желѣзныя дороги.

Таковы были главнѣйшія явленія, которыя произвели экономиче-

скій переворотъ конца XVIII и начала XIX в. Обезземеленіе создало пролетаріатъ, которымъ воспользовалась крупная промышленность, въ свою очередь повліявшая на обезземеленіе. Во-первыхъ, въ дофабричный періодъ мелкій ремесленникъ былъ нерѣдко и земледѣльцемъ, но когда ремесло стало падать, это наносило ударъ и многимъ мелкимъ хозяйствамъ, которыя безъ помощи ремесла не могли прокармливать земледѣльцевъ-кустарей. Во-вторыхъ, образованіе фабрикъ въ деревняхъ и перенесеніе ихъ затѣмъ въ города отвлекали массу рукъ отъ земледѣлія и содѣйствовали увеличенію городского населенія, благодаря переселенію въ нихъ сельскихъ жителей. Въ-третьихъ, принципы новаго капиталистическаго производства и машинный трудъ стали впослѣдствіи примѣняться и къ самому сельскому хозяйству: благодаря обезземеленію, фабриканты могли дешево покупать рабочія руки и тѣмъ наносить ударъ прежнему ремесленному и домашнему производству, которое не въ состояніи было выдерживать конкурренціи съ фабриками послѣ того, какъ въ нихъ были введены машины. Старыя цеховыя стѣсненія, созданныя въ средніе вѣка для городовъ, заставляли фабрикантовъ переносить свое производство въ деревни и добиваться отмѣны этихъ стѣсненій. Провозглашеніе промышленной свободы,—во имя которой запрещены были, однако, рабочіе союзы, какъ нарушающіе свободу отдѣльныхъ рабочихъ,—снимало съ капитала какія бы то ни было юридическія стѣсненія и ставило лицемъ къ лицу предпринимателя и рабочаго, изъ коихъ у второго не было ничего, кромѣ рукъ и желудка, тогда какъ первый распоряжался орудіями производства, матеріалами труда и возможностью посредствомъ заработка доставлять пропитаніе. Дорого стоющая машина дѣлала ея обладателя настоящимъ господиномъ положенія и довершала процессъ образованія капиталистическаго производства, которое стало теперь имѣть въ виду прямо всемірный рынокъ и, въ свою очередь, отъ этого всемірнаго рынка зависѣть [1]). Описанная „индустріальная революція“, имѣвшая не менѣе важное значеніе, нежели революція политическая, одновременно съ ней начавшаяся, отразилась самымъ рѣзкимъ образомъ на всей экономической, а чрезъ нее и на соціальной жизни странъ, подвергнувшихся этому промышленному перевороту.

Въ дальнѣйшемъ мы и познакомимся съ главнѣйшими слѣдствіями описаннаго переворота какъ въ области фактовъ, такъ и въ области идей. Главное—ухудшеніе положенія рабочихъ и вызванный этимъ рабочій вопросъ.

---

[1]) О всемірномъ хозяйствѣ рѣчь будетъ идти подробнѣе въ V томѣ.

XXV. Капитализмъ, пролетаріатъ, пауперизмъ и начало рабочаго вопроса.

Ростъ національнаго богатства и промышленные кризисы въ XIX в.—Исторія кризиса 1825 г.—Вліяніе индустріальной революціи вообще и въ частности промышленныхъ кризисовъ на матеріальное положеніе рабочаго класса.—Ухудшеніе быта рабочихъ.—Развитіе пауперизма.—Вліяніе войнъ 1793—1815 гг. на экономическую исторію Англіи.—Сельское хозяйство въ этотъ періодъ и хлѣбные законы.—Общее значеніе континентальной системы для Англіи.—Недовольство рабочаго класса своимъ положеніемъ и народныя волненія.—Постановка рабочаго вопроса.—Рабочіе во Франціи при Наполеонѣ I.—Успѣхи промышленности во Франціи.—Состояніе промышленности и рабочаго вопроса во Франціи въ эпоху реставраціи.—Либерализмъ, демократизмъ и рабочій вопросъ.

Главный соціальный вопросъ XIX в., вопросъ рабочій, возникъ на экономической почвѣ, созданной только что изображеннымъ процессомъ возникновенія капиталистическаго производства. Процессъ этотъ привѣтствовался многими, какъ великій прогрессъ, долженствующій осуществить небывалое матеріальное благосостояніе, да и вся наиболѣе популярная въ эту эпоху экономическая школа стояла на точкѣ зрѣнія, которая подсказывалась, такъ сказать, общимъ направленіемъ описаннаго процесса. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что развитіе капиталистическаго производства увеличило необычайнымъ образомъ производительность труда, создало небывалыя ранѣе богатства и ускорило наступленіе новыхъ промышленныхъ успѣховъ. До конца XVIII и начала XIX в. національное богатство возрастало вообще довольно медленно даже въ самыхъ передовыхъ странахъ западной Европы, но въ XIX в. это богатство стало расти съ поражающею быстротою, благодаря небывалому никогда ранѣе прогрессу техническихъ усовершенствованій, которыя увеличили въ нѣсколько разъ производительность человѣческаго труда. Хотя вмѣстѣ съ другими улучшеніями, которыя произошли въ жизни европейскихъ народовъ, все это и содѣйствовало весьма быстрому увеличенію европейскаго населенія, избытокъ коего сталъ отливать въ колоніи всѣхъ частей свѣта, тѣмъ не менѣе того явленія, которое происходило раньше,—ухудшенія національнаго благосостоянія вмѣстѣ съ ростомъ населенія не замѣчалось, и въ общемъ національное богатство въ смыслѣ суммы всѣхъ матеріальныхъ благъ, находящихся въ обладаніи извѣстной націи, развивалось гораздо быстрѣе, чѣмъ происходилъ приростъ народонаселенія. Наоборотъ, въ XIX столѣтіи стало обнаруживаться противоположное явленіе—не недостатокъ товаровъ, необходимыхъ для

потребленія, а ихъ избытокъ, заключающійся въ томъ, что наготовлено бывало ихъ много, а спроса на нихъ не было, что указываетъ на существованіе такъ называемаго перепроизводства. Въ связи съ этимъ явленіемъ стоятъ столь частые въ промышленной исторіи западной Европы вообще и въ частности Англіи кризисы. Съ однимъ такимъ кризисомъ во Франціи, вызванномъ континентальною системою, мы уже познакомились, и видѣли, какъ французскіе фабриканты, надѣясь на запретительную систему Наполеона, долженствовавшую убить англійскую промышленность, произвели товаровъ гораздо больше, чѣмъ могли продать, остались съ этимъ товаромъ на рукахъ и должны были сократить свое производство, что̀ отразилось на многихъ банкахъ, ссужавшихъ фабрикантовъ деньгами и въ срокъ обратно ихъ не получавшихъ, а еще болѣе на рабочихъ, которые страшно бѣдствовали, будучи лишены заработка [1]). Нѣчто подобное произошло и въ Англіи, гдѣ по окончаніи войны съ Наполеономъ наготовили массу товаровъ въ расчетѣ на сбытъ ихъ на континентальномъ рынкѣ: расчетъ не оправдался, и въ Англіи произошелъ промышленный кризисъ. „Мыльный пузырь лопнулъ, писалъ въ 1816 г. лордъ Брумъ. Англійскіе товары продавались въ Голландіи и на сѣверѣ Европы гораздо дешевле, чѣмъ въ Лондонѣ и Манчестерѣ; въ большинствѣ мѣстностей они лежали неподвижною массою и совсѣмъ не находили покупщиковъ; въ результатѣ съ нихъ или ровно ничего не получалось, или единицы фунтовъ стерлинговъ выручались тамъ, гдѣ были затрачены тысячи“. Не нужно думать, однако, что такіе кризисы могли быть результатомъ только однѣхъ случайныхъ и внѣшнихъ причинъ. Дѣло въ томъ, что вся промышленная исторія Англіи въ XIX в. слагается именно изъ чередующихся періодовъ процвѣтанія и застоя, а съ развитіемъ капитализма и въ другихъ странахъ, равно какъ во всемірномъ хозяйствѣ такое явленіе происходитъ и на болѣе широкой сценѣ. „Въ одно и то же время, говоритъ новѣйшій изслѣдователь вопроса [2]), въ Европѣ и Америкѣ торговля оживаетъ, цѣны ростутъ, рабочая плата повышается, довольство распространяется среди всѣхъ классовъ населенія, и затѣмъ слѣдуетъ кризисъ, банкротство торговыхъ фирмъ и банковъ, закрытіе фабрикъ, сокращеніе производства, пониженіе заработной платы и нищета тысячъ и милліоновъ рабочихъ, внезапно лишающихся обычнаго дохода“. Вотъ небольшая справка, заимствованная изъ другого сочиненія [3]), о коле-

---

[1]) См. выше, стр. 222. Объ этомъ есть въ книгѣ Левассера, названной на стр. 514.

[2]) М. И. Туганъ-Барановскій въ соч., названномъ на стр. 513.

[3]) „Капиталъ“ Карла Маркса.

баніяхъ, напр., въ англійской хлопчато-бумажной промышленности за періодъ времени отъ 1815 по 1848 г.: въ 1815—1821 гг. застой; въ 1822—1823—процвѣтаніе; въ 1824—общее громадное развитіе фабрикъ; въ 1825 г. кризисъ, за коимъ слѣдуютъ въ 1826 г. ужасная нищета и волненія рабочихъ на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ; съ 1827 г. начинается небольшое улучшеніе, а въ 1828 происходитъ уже сильное увеличеніе паровыхъ ткацкихъ станковъ и вывоза, который въ 1829 г. превзошелъ (особенно въ Индію) вывозъ всѣхъ прежнихъ лѣтъ, но въ 1830 г. рынокъ опять былъ переполненъ и ощущалась большая нужда; это состояніе продолжается въ слѣдующіе годы до 1834 г., когда число фабрикъ и машинъ быстро возрастаетъ до такой степени, что ощущается недостатокъ въ рабочихъ рукахъ; достигаетъ это процвѣтаніе наивысшаго своего развитія въ 1835—1836 гг., чтобы снова уступить мѣсто стѣсненному положенію и кризису въ 1837 и 1838 гг.; въ 1839 г. было нѣкоторое оживленіе, въ 1840 г.— стѣсненное состояніе, вызвавшее волненія рабочихъ и вмѣшательство войска; въ слѣдующіе два года фабричные рабочіе страшно бѣдствовали, и въ 1843 г. ихъ нищета была ужасающею; въ 1844 г. началось снова оживленіе, перешедшее черезъ годъ въ полное процвѣтаніе, пока въ 1846 г. не стали обнаруживаться первые признаки приближенія новаго кризиса; послѣдній, дѣйствительно, наступилъ въ 1847 г., и въ 1848 г. стѣсненіе было настолько сильнымъ, что Манчестеръ, бывшій центромъ хлопчато-бумажной промышленности, долженъ былъ охраняться войсками. Высчитано, кромѣ того, что въ Англіи съ 1815 по 1863 г. на двадцать лѣтъ оживленія и процвѣтанія приходится 28 лѣтъ кризисовъ и застоя. Эти кризисы сдѣлались даже какъ бы существенымъ признакомъ капиталистическаго строя, потому что болѣе ранніе кризисы обыкновенно находятъ себѣ объясненіе въ какихъ-либо внѣшнихъ обстоятельствахъ, большею частью въ событіяхъ политическаго характера (напр. войнахъ), тогда какъ, начиная съ двадцатыхъ годовъ XIX в., кризисы вызывались уже внутренними причинами, совершаясь притомъ среди глубокаго мира и съ такою, наконецъ, неожиданностью, что ихъ никто обыкновенно не предвидѣлъ. Напр., исторія кризиса 1825 г. показываетъ, что, дѣйствительно, для такихъ колебаній нужно искать внутреннихъ причинъ. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ въ англійской промышленности и торговлѣ былъ застой. Въ это время была масса капиталовъ, искавшихъ выгоднаго помѣщенія, но не находившихъ его внутри самой страны. Вскорѣ, однако, капиталисты нашли, куда помѣщать свои капиталы. Когда Англія признала независимость американскихъ колоній Испаніи и Португаліи отъ ихъ европейскихъ метрополій [1]),

[1]) См. выше, стр. 338 и 462.

составилось мнѣніе, что лучше всего будетъ помѣстить избытокъ капиталовъ въ займы, заключавшіеся новыми республиками, ибо предполагалось, что освобожденіе колоній отъ деспотическаго правительства тотчасъ же оживитъ въ нихъ земледѣліе и промышленность. Одновременно съ этимъ было основано множество акціонерныхъ компаній вообще для разработки золотого дна, какимъ казались страны южной и центральной Америки. Началась страшная спекуляція на акціи этихъ компаній (1824—1825), напоминающая намъ ажіотажъ во Франціи, бывшій за сто съ небольшимъ лѣтъ передъ тѣмъ [1]). Спекуляція не ограничилась заморскими предпріятіями, но скоро обратилась и на предпріятія внутри страны, ради чего также стали основываться всевозможныя акціонерныя общества. Общее увлеченіе и стремленіе къ выгодному помѣщенію свободнаго капитала отразились и на промышленности. Въ два года (1824 — 1825) въ Манчестерѣ было построено много новыхъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ, большею частью на деньги, бравшіяся изъ банковъ подъ залогъ недвижимой собственности. Дѣло въ томъ, что открытіе для англійской торговли южно-американскаго рынка увеличило вывозъ изъ Англіи хлопчатобумажныхъ продуктовъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть уплаты по займамъ, заключеннымъ новыми республиками въ Лондонѣ, была произведена не золотомъ, а товарами. Вывозились преимущественно именно хлопчато-бумажныя ткани: въ 1824 г. ихъ было вывезено на полтора милліона фунтовъ стерлинговъ, а въ 1825 г. уже на три съ половиной милліона, въ то самое время, какъ экспортъ на континентъ Европы оставался прежнимъ. Такое увеличеніе спроса со стороны южно-американскаго рынка возбудило въ англійскихъ фабрикантахъ самыя радужныя надежды, хотя дѣло объяснялось не дѣйствительнымъ возрастаніемъ національнаго богатства въ новыхъ республикахъ, а просто-на-просто тѣмъ, что англійскіе товары покупались тамъ на англійскія же деньги, взятыя въ долгъ. Усиленное производство значительно уменьшило запасы сырья, находившагося въ Англіи, а тутъ еще явилось опасеніе, что, пожалуй, для потребностей будущаго производства не хватитъ даже всего урожая хлопка и другихъ растительныхъ продуктовъ, ввозившихся въ страну. Вслѣдствіе этого спекуляція распространилась и на предметы ввоза, и вотъ поэтому цѣны на хлопокъ возрасли въ первой половинѣ 1825 г. сравнительно со второю половиною 1824 г. болѣе, чѣмъ вдвое (на 113%). Понятное дѣло, что такое увеличеніе цѣны хлопка (и общее увеличеніе всѣхъ цѣнъ среднимъ числомъ на 17%) должно было повлечь за собою увеличеніе ввоза этого продукта: дѣйствительно въ 1825 г. хлопка ввезено

[1]) „Система“ Лоу, о чемъ см. т. III, стр. 411—413.

было въ Англію въ полтора раза (собственно на 53%) болѣе, чѣмъ въ 1824 г., а шерсти даже почти вдвое больше (увеличеніе ввоза на 96%). Этому сильному увеличенію ввоза не только не соотвѣтствовало общаго увеличенія вывоза, но послѣдній даже нѣсколько сократился, т. е. торговый балансъ сдѣлался для Англіи неблагопріятнымъ, и золото стало уходить изъ страны. Когда лондонскій вексельный курсъ на Парижъ бываетъ ниже 25 фр. 10 сант., выгодно пересылать золото изъ Лондона въ Парижъ и, наоборотъ, когда этотъ курсъ стоитъ выше 25 фр. 35 сант., выгоду представляетъ уже пересылка золота изъ Парижа въ Лондонъ. По состоянію вексельнаго курса въ началѣ 1824 г. золото приливало въ Англію, въ іюнѣ, однако, этотъ приливъ остановился, а въ концѣ года начался уже отливъ, и это съ возрастающею силою продолжалось до сентября 1825 г.; въ мартѣ 1824 металлическая наличность Англійскаго банка доходила почти до 14 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а въ декабрѣ 1825 она едва превышала одинъ милліонъ, что было естественнымъ слѣдствіемъ образовавшагося перевѣса ввоза товаровъ надъ вывозомъ. Между тѣмъ высокія цѣны на привозные товары, стоявшія въ 1825 г., не могли оставаться въ одномъ и томъ же положеніи долгое время. Предложеніе этихъ товаровъ на лондонскомъ рынкѣ стало превышать спросъ на нихъ, такъ какъ англійскія фабрики не могли ни потребить всей навезенной массы, ни расширить своего производства въ виду того, что иностранные рынки и безъ того были переполнены ранѣе наготовленными продуктами англійскихъ же фабрикъ. Нужно еще прибавить, что общая спекуляція на товары охватила и такіе продукты, которые ввозились въ Англію для непосредственнаго потребленія: когда стали возростать цѣны на табакъ, сахаръ и кофе (на 33%, 31% и 30%), и ихъ стало ввозиться больше, чѣмъ ввозилось прежде, причемъ, напр., ввозъ табаку увеличился на 81%, хотя потребленіе и этихъ товаровъ не могло возрасти въ уровень съ ихъ привозомъ. Превышеніе предложенія надъ спросомъ отразилось на цѣнахъ только-что названныхъ товаровъ быстрымъ ихъ паденіемъ, что́ началось во второй половинѣ 1825 г. и достигло maximum'а въ первой половинѣ 1826 г.: уменьшеніе цѣны на хлопокъ выразилось 60%, сахара—23%, кофе—38%. То же самое произошло и съ британскимъ желѣзомъ: въ первой половинѣ 1825 г. сравнительно со второю половиною 1824 г. цѣна его возросла-было на 83%, въ первой же половинѣ 1826 г. сравнительно съ первою половиною 1825 г. понизилась на 60%. Такое паденіе цѣнъ было равносильно разоренію спекулянтовъ, накупившихъ разныхъ товаровъ въ видахъ ихъ перепродажи съ барышомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно заставляло бояться и дальнѣйшаго еще пониженія цѣнъ. Надежды на выгоды отъ южно-американскихъ займовъ

и отъ акціонерныхъ компаній для разработки естественныхъ богатствъ южной Америки равнымъ образомъ оказались неосновательными, и эта спекуляція, увеличившая спросъ на англійской ссудный капиталъ, привела въ концѣ концовъ къ паденію цѣнъ и на бумаги, коими спекулировали на биржѣ. Все это случилось уже ко второй половинѣ 1825 г., и скоро очередь дошла до банковъ, которые принимали большое участіе въ спекуляціяхъ того времени. Парламентскимъ актомъ 1822 г. частнымъ банкамъ было разрѣшено выпускать однофунтовые банковые билеты, между тѣмъ какъ сами банки помѣщали свои капиталы такъ, что реализировать ихъ сразу было нельзя: теперь, понятно, подъ вліяніемъ разныхъ тревожныхъ слуховъ вкладчики и владѣльцы однофунтовыхъ билетовъ, народъ большею частью небогатый, легко поддававшійся и неумѣреннымъ надеждамъ на барыши, и чрезмѣрнымъ опасеніямъ убытковъ, стали брать назадъ свои вклады и требовать размѣна своихъ билетовъ на звонкую монету, почему уже въ октябрѣ 1825 г. произошло крушеніе пяти провинціальныхъ банковъ. Весьма естественно, что частные банки начали искать поддержки у Англійскаго банка, но послѣдній въ виду отлива золота изъ его кладовыхъ сталъ дѣлаться болѣе скупымъ на ссуды и прямо отказывалъ въ поддержкѣ провинціальнымъ банкамъ. Это лишь усилило панику, и у самого Англійскаго банка стали требовать обратно вкладовъ, провинціальные же банки стали одинъ за другимъ прекращать платежи: въ декабрѣ число такихъ несостоятельныхъ банковъ дошло уже до семидесяти. Самъ Англійскій банкъ предполагалъ даже пріостановить размѣнъ своихъ билетовъ, но правительство до этого не допустило, что заставило банкъ перемѣнить тактику—начать дисконтировать солидные коммерческіе векселя, отвергавшіеся частными банками изъ боязни передъ уменьшеніемъ своей наличности, и открыть широкій кредитъ частнымъ банкамъ, которые только можно было еще спасти. Между тѣмъ указанныя банкротства, бывшія нерѣдко простымъ слѣдствіемъ разоренія купцовъ и фабрикантовъ, пользовавшихся ихъ кредитомъ, въ свою очередь повлекли за собою разореніе многихъ коммерческихъ и индустріальныхъ предпріятій. Особенно разорялись торговыя фирмы, занятіе коихъ состояло въ вывозѣ англійскихъ товаровъ за границу, такъ какъ, не будучи въ состояніи продать за границу весь закупленный товаръ, онѣ не могли уплачивать по своимъ векселямъ фабрикантамъ, у коихъ забирали товаръ. Въ 1826 г. сравнительно съ 1824 г. бумажныхъ тканей вывезено было изъ Англіи на 21% менѣе, причемъ вырученная за нихъ сумма оказывалась меньшею даже на 32%. Понятно, что все это не могло не отразиться на производствѣ: оно тоже сильно сократилось, и послѣ этого англійская промышленность страдала еще три-четыре года—не отъ не-

достатка капиталовъ,—чего даже вовсе и не было,—а отъ общаго разстройства, произведеннаго кризисомъ во всемъ механизмѣ денежнаго и товарнаго обращенія. Такъ какъ именно сбытъ всѣхъ товаровъ сдѣлался затруднительнымъ вслѣдствіе того, что закуплено и наготовлено ихъ было больше, чѣмъ того требовалъ спросъ на нихъ, то оставалось сокращать производство, теряя при этомъ проценты на основномъ капиталѣ (фабричныхъ зданіяхъ, машинахъ и т. д.), который оставался теперь безъ употребленія. Въ свою очередь паденіе малосостоятельныхъ или слишкомъ зарвавшихся въ спекуляціяхъ предпріятій и сокращеніе производства на болѣе солидныхъ фабрикахъ мало-по-малу должны были привести къ очищенію рынковъ отъ залежавшихся товаровъ, которые все-таки понемногу распродавались, и когда начался опять усиленный спросъ на товары, промышленность снова оживилась—до новаго кризиса.

Промышленные кризисы, подобные только что описанному, сдѣлались на самомъ дѣлѣ принадлежностью новаго капиталистическаго хозяйства. Вообще экономическій переворотъ, о которомъ шла рѣчь въ предъидущей главѣ, и въ частности кризисы, ставшіе хроническимъ зломъ англійской промышленности, весьма гибельно отозвались на благосостояніи рабочаго класса. У мелкой промышленности, которая была вытѣснена крупнымъ производствомъ, было одно важное преимущество, на которое указывала уже парламентская коммиссія, учрежденная въ началѣ XIX в. по поводу противоположныхъ петицій, подававшихся въ парламентъ мелкими мастерами и рабочими, съ одной стороны, и крупными предпринимателями, съ другой [1]). Преимущество это состояло въ томъ, что и производство было равномѣрнымъ, и заработокъ болѣе постояннымъ. Сами рабочіе показывали коммиссіи, что мелкіе мастера не обращаютъ вниманія на состояніе торговли, не прекращая производства въ трудное для сбыта время въ той надеждѣ, что это время минуетъ и сдѣланные запасы не пропадутъ; поэтому мелкіе мастера давали своимъ рабочимъ постоянное занятіе и при всякихъ условіяхъ рынка платили имъ одинаково. Крупное производство, дѣйствительно, положило конецъ прежней устойчивости производства и заработка, начавъ подвергать и первое, и послѣдній постояннымъ колебаніямъ, которыя не могли не отражаться весьма пагубнымъ образомъ на положеніи рабочихъ, когда, напр., сокращалось производство и многіе оставались безъ заработка, или когда уменьшалась плата за трудъ и существованіе семьи рабочаго вслѣдствіе этого тоже дѣлалось болѣе затруднительнымъ. Статистическія изслѣдованія неопровержимымъ образомъ доказываютъ, что въ годы кризисовъ въ

[1]) См. выше, стр. 567.

промышленныхъ округахъ Англіи падаютъ цифры брачности и вкладовъ въ сберегательныя кассы и, наоборотъ, подымаются цифры смертности и преступности, а также и вообще усиливается пауперизмъ, тогда какъ въ земледѣльческихъ округахъ Англіи, на которыхъ кризисы не отражались съ такою силою, подобныхъ рѣзкихъ колебаній въ указанныхъ цифрахъ не замѣчается. Кромѣ того, каждый кризисъ послѣ себя оставлялъ и такія явленія, которыя уже не имѣли одного преходящаго значенія. Во-первыхъ, въ той борьбѣ за сбытъ продуктовъ, какая начиналась тогда между предпринимателями, конечно, побѣда всегда была на сторонѣ болѣе экономически сильныхъ, а таковыми являлись, разумѣется, капиталисты, коимъ легче было переживать трудныя времена, чѣмъ мелкимъ производителямъ, которые все болѣе и болѣе и исчезали съ лица земли. Во-вторыхъ, въ этой борьбѣ промышленники, въ силу простого чувства самосохраненія, всегда прилагали всѣ свои усилія къ тому, чтобы удешевить производство. Разъ цѣна на товары падаетъ, приходится иногда работать прямо себѣ въ убытокъ, и вотъ, чтобы удешевить производство, фабриканты набрасываются на техническія изобрѣтенія и усовершенствованія, не обращавшія на себя вниманія въ годы процвѣтанія производства, высокихъ цѣнъ и хорошаго сбыта. Напр., паровой ткацкій станокъ сталъ вводиться во всеобщее употребленіе на англійскихъ фабрикахъ послѣ кризиса 1825 г., когда и вообще замѣтна была тенденція фабрикантовъ искать способовъ удешевленія производства посредствомъ новыхъ техническихъ усовершенствованій. Дѣйствительно, по минованіи кризиса 1825 г. цѣна на хлопчато-бумажныя ткани уже не подымалась до прежней высоты. Среднія цѣны на эти ткани были въ 1820—1825 гг. въ шиллингахъ и пенсахъ такія: 15/9, 15/3, 14/6, 14, 14/6, 16/3, а въ 1826 и слѣд. годахъ—10/6, 10, 9/9, 9/9 и т. д., большею частью съ пониженіемъ (до 5 въ 1848 г.), а это указываетъ на то, что самая стоимость производства на самомъ дѣлѣ значительно удешевлялась. Но всякое техническое усовершенствованіе только усиливало то дѣйствіе, какое вообще оказывало введеніе машинъ. Въ-третьихъ, кризисъ сопровождался пониженіемъ рабочей платы, и оно оставалось не только во время застоя, но и потомъ, въ новую эпоху процвѣтанія, случалось, плата не подымалась до прежней нормы. Наконецъ, кризисъ всегда оставлялъ послѣ себя цѣлую массу пауперовъ и бродягъ, познакомившихся съ рабочимъ домомъ и тюрьмою, которые удерживали ихъ у себя до новаго оживленія промышленности, когда и ихъ руки снова привлекались къ фабричной промышленности. Такимъ образомъ кризисы, бывшіе результатомъ новой формы производства, не только вносили временное разстройство въ это производство и временно же понижали зара-

ботокъ и благосостояніе рабочаго класса, но оставляли послѣ себя и болѣе постоянные слѣды. Весьма притомъ любопытно наблюденіе, по которому новыя эпохи процвѣтанія, наступающія послѣ кризисовъ, являются не простымъ возвращеніемъ къ прежнему положенію, а дальнѣйшими ступенями въ расширеніи капиталистическаго производства и въ увеличеніи національнаго богатства, хотя за послѣднее время вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается и другое явленіе — удлиненіе періодовъ застоя при меньшей рѣзкости и интенсивности кризисовъ и, наоборотъ, соотвѣтственное сокращеніе періодовъ процвѣтанія.

Успѣхи промышленной техники и страшное увеличеніе производства, сопровождавшееся общимъ удешевленіемъ продуктовъ, это громадное возрастаніе національнаго богатства Англіи, повидимому, должны были бы отразиться самымъ благопріятнымъ образомъ на матеріальномъ благосостояніи рабочихъ, но вышло совсѣмъ наоборотъ. Одно время бѣдствія, коимъ подвергалось населеніе Англіи, еще можно было объяснять „великою войною“, которую Англія вела противъ Франціи, и дѣйствительно, война для англійскаго населенія не могла пройти безслѣдно [1]), но въ 1815 г. война окончилась, бѣдствія же продолжались. Значитъ, причина ихъ заключалась не въ одной войнѣ. Разсматривая обезземеленіе сельской массы, уничтоженіе ремесленнаго и домашняго производства и введеніе машинъ, мы видѣли, какъ все это само по себѣ отразилось на благосостояніи рабочаго люда. Однимъ изъ признаковъ ухудшенія быта рабочихъ было то, что нужда стала заставлять ихъ посылать на фабрику своихъ женъ и дѣтей, которыхъ предприниматели брали весьма охотно. Дѣтскій трудъ сталъ примѣняться и къ сельскому хозяйству. Образовался даже особый промыселъ найма подростковъ у родителей для того, чтобы потомъ этихъ еще не сформировавшихся, но очень дешевыхъ работниковъ цѣлыми партіями ставить на работу у фермеровъ; послѣдніе помѣщали ихъ очень дурно,— напр., въ сараяхъ, гдѣ всѣ спали вповалку безъ различія пола и возраста,— а также и дурно ихъ кормили и обращались съ ними крайне сурово. На фабрикахъ это было возведено прямо въ систему. По англійскому законодательству о бѣдныхъ (poor law), относящемуся къ царствованію Елизаветы [2]), приходскіе надсмотрщики за пауперами должны были, между прочимъ, заботиться о томъ, чтобы дѣти бѣдняковъ, содержимыхъ на счетъ прихода, были обучены какому-нибудь полезному дѣлу: фабриканты въ своихъ поискахъ за дешевою рабочею силою начинаютъ теперь входить въ правильныя сношенія съ этими надсмотрщиками, которые и поставляютъ имъ дѣтей въ качествѣ

---

[1]) Ср. преувеличенное мнѣніе Грина. См. выше, стр. 454.

[2]) См. объ этомъ законодательствѣ т. II, стр. 425—426.

„учениковъ“, но въ сущности какъ дешевую рабочую силу. Въ этомъ дѣлѣ явились своего рода посредники, превратившіе поставку подростковъ на фабрики въ прибыльный для себя промыселъ: они входили въ соглашеніе съ надсмотрщиками пауперовъ, забирали у нихъ дѣтей, перевозили ихъ партіями въ промышленные районы,—весьма дурно ихъ содержа все время, пока не пристраивали къ тому или другому фабриканту,—и за это получали коммиссіонныя деньги. На фабрикѣ начиналась настоящая эксплуатація дѣтскаго труда: несчастнымъ не полагалось платы, ибо они числились учениками; помѣщали ихъ и кормили скверно; работать они должны были по 16 часовъ въ сутки, и даже праздничнаго отдыха имъ не полагалось, такъ какъ въ воскресные дни ихъ заставляли чистить машины; за малѣйшую неисправность надзиратели за работами били ихъ и подвергали разнымъ наказаніямъ; въ случаѣ попытки бѣжать съ такой каторги полагалось заковывать несчастныхъ въ кандалы, не снимавшіеся ни во время работы, ни во время сна; бывали случаи самоубійства этихъ закабаленныхъ дѣтей, и, конечно, смертность между ними была громадная, не говоря уже о томъ, что дѣти и физически калѣчились, и нравственно развращались отъ непосильнаго труда, отъ односторонняго упражненія однихъ какихъ-либо органовъ на счетъ другихъ, отъ нездоровой атмосферы фабричныхъ помѣщеній и грязныхъ общихъ спаленъ, гдѣ смѣшивались безъ соблюденія малѣйшихъ приличій разные полы и возрасты, отъ отсутствія какой бы то ни было заботы о просвѣщеніи и моральномъ воспитаніи подростающихъ поколѣній этого фабричнаго люда и т. д. Фабриканты вообще думали только о наживѣ: въ число ихъ заботъ объ удешевленіи производства входило не только стремленіе къ введенію техническихъ усовершенствованій, но и пользованіе всѣми способами, чтобы имъ какъ можно дешевле стоило содержаніе рабочихъ и, наоборотъ, чтобы рабочіе за самую ничтожную плату какъ можно болѣе для нихъ дѣлали. Въ числѣ преимуществъ мелкаго производства рабочіе указывали на то, что хозяева лучше съ ними обращались, да и дѣйствительно, между мелкимъ ремесленникомъ и работавшимъ у него помощникомъ разница положеній была самая незначительная: они часто работали вмѣстѣ, помѣщались совершенно одинаково, ѣли за однимъ столомъ. Жизнь рабочихъ въ отдѣльныхъ коттэджахъ стала замѣняться теперь казарменными квартирами или маленькими чуланами въ громадныхъ фабричныхъ зданіяхъ, гдѣ было и тѣсно, и грязно, и неудобно; вслѣдствіе привлеченія на фабрики женщинъ и дѣвушекъ, мужья и отцы коихъ нерѣдко оставались сами безъ заработка, распадались семейныя узы и начиналъ царить половой развратъ. При сравнительно хорошемъ заработкѣ прежнихъ временъ и незначительности разстоянія, отдѣлявшаго рабочихъ отъ мелкихъ

предпринимателей, рабочій могъ всегда жить надеждою на улучшеніе своего быта; теперь положеніе рабочаго сдѣлалось безъисходнымъ. Мы видѣли, что промышленный переворотъ понизилъ вообще рабочую плату, а кромѣ того, само законодательство дѣйствовало въ смыслѣ неблагопріятномъ для возможности поднятія этой платы. Такъ называемые combinations-law [1]), сведенные въ общую систему запрещенія коалицій между рабочими, не дозволяли рабочимъ сплачиваться между собою, чтобы предъявлять хозяевамъ требованія относительно лучшаго вознагражденія за свой трудъ. До торжества принципа промышленной свободы [2]) рабочая плата устанавливалась мировыми судьями, которые не очень баловали рабочихъ, но уже въ 1795 г. одинъ съѣздъ судей призналъ крайнюю недостаточность прежнихъ таксъ для содержанія рабочихъ. Этому думали помочь такъ называемою allowance system of relief, заключавшеюся въ томъ, что сумму, нехватавшую бѣдному семейству для пропитанія, долженъ былъ ему приплачивать приходъ, и это, конечно, растлѣвало обѣ стороны—и фабрикантовъ, знавшихъ, что рабочихъ будетъ прокармливать обязательная благотворительность, и рабочихъ, не очень-то иногда старавшихся зарабатывать больше. Притомъ въ годы кризисовъ рабочіе привыкали къ нищенскому образу жизни и прямо даже облѣнивались отъ вынужденнаго бездѣлья. Въ общемъ рабочій питался гораздо хуже, чѣмъ прежде, такъ какъ заработокъ его падалъ, а цѣна хлѣба, какъ мы увидимъ, возростала: въ 1770 г. средняя рабочая плата равнялась 90 пинтамъ пшеницы, въ 1797 г.—уже 65, а въ 1808—только 60. Приходъ, правда, доплачивалъ разницу между тѣмъ, что̀ рабочій получалъ въ видѣ платы, и minimum'омъ того, что стоило его содержаніе, но самый ростъ этой приплаты указываетъ на то, что общій уровень рабочаго благосостоянія сильно понизился: напр., въ Нортгэмптонѣ въ 1795 г. подобный дефицитъ въ бюджетѣ паупера былъ менѣе четверти его расходовъ, а въ 1814 г. онъ превышалъ уже цѣлую половину. Нерѣдко рабочіе были принуждаемы вдобавокъ покупать жизненные припасы въ лавкахъ своихъ хозяевъ, гдѣ все продавалось втридорога и, конечно, самаго послѣдняго качества. Кто былъ недоволенъ, могъ свободно уйти, ибо на его мѣсто всегда нашелся бы другой, но въ томъ-то и дѣло, что нигдѣ нельзя было найти лучшихъ условій существованія.

Содержаніе рабочимъ своей семьи нерѣдко дѣлалось невозможнымъ безъ помощи приходскихъ попечительствъ о бѣдныхъ. По законодательству временъ королевы Елизаветы, приходамъ вмѣнялось въ обязанность содержать на свой счетъ мѣстныхъ бѣдняковъ, у которыхъ не было

---

[1]) См. выше, стр. 559.
[2]) См. выше, стр. 559—560.

средствъ такъ или иначе поддерживать свое существованіе безъ общественной помощи, причемъ послѣдняя оказывалась или на дому, или въ особыхъ общественныхъ учрежденіяхъ; средства же для такой благотворительности должны были доставляться особымъ налогомъ на бѣдныхъ (poor tax), который падалъ преимущественно на находившуюся въ приходахъ недвижимую собственность. Увеличеніе этого спеціальнаго налога въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. самымъ яснымъ образомъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ въ разсматриваемое время возросталъ пауперизмъ въ странѣ. Напр., въ одномъ приходѣ графства Бёкингэмъ налогъ на бѣдныхъ былъ въ 1801 г. въ 10 ф. 11 шиллинговъ, а въ 1832 г. онъ доходилъ уже до 367 фунтовъ. Въ 1760 г. населеніе Англіи не превышало семи милліоновъ, и тогда тратилось на бѣдныхъ 1.250.000 фунтовъ, что составляло на каждаго жителя королевства 3 шиллинга 7 пенсовъ, въ 1774 г. эта цифра повысилась до 1.700.000, въ 1801 году—до 4.000.000, а въ 1818 г., когда населеніе Англіи равнялось уже почти 12 милліонамъ (11.876.000), она дошла почти до 8 милліоновъ (7.870.000), что̀ составляло на душу уже 13 шиллинговъ 3 пенса. Потомъ эта цифра понизилась, но въ двадцатыхъ годахъ, благодаря кризису, опять повысилась: въ 1821 — 1825 гг. она была равна ежегодному расходу въ 6.123.000 фунтовъ, въ 1826—1830 гг.—въ 6.366.000, въ 1831—1833 гг.—въ 6.876.000. Дѣло дошло до того, что налогъ на бѣдныхъ въ иныхъ приходахъ сталъ равняться цѣлой половинѣ поземельной ренты, а иногда ее и превышать, въ одномъ же приходѣ графства Бёкингэмъ налогъ этотъ превысилъ даже весь доходъ съ земли. Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли рабочій жить безъ доплаты изъ прихода или не посылать жену и дѣтей на фабрику, когда въ недѣлю взрослый мужчина (въ 1832 г.) зарабатывалъ среднимъ числомъ 12 шиллинговъ, содержаніе же семьи съ четырьмя дѣтьми стоило, по крайней мѣрѣ, 17 шиллинговъ, т.-е. почти въ полтора раза больше, и когда число взрослыхъ работниковъ на фабрикахъ сокращалось до того, что въ 1849 г. они составляли лишь 23% общаго числа лицъ, работавшихъ на фабрикахъ? Понятное дѣло, что землевладѣльцы и вообще имущіе классы стали стремиться къ тому, чтобы сбросить съ себя повинность содержанія пауперовъ. Противъ законовъ о бѣдныхъ началась агитація: въ нихъ съ точки зрѣнія тогдашней политической экономіи стали даже видѣть чуть ли не главную причину экономическихъ неурядицъ эпохи. Популярный экономистъ Сеніоръ писалъ, наприм., что цѣлью этихъ законовъ было соединить несоединимое—преимущества свободы и рабства: дѣло-де въ томъ, что при дѣйствіи этихъ законовъ рабочій свободенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не подвергается риску, связанному со всякою свободною дѣятельностью, ибо зачѣмъ ему быть предусмотрительнымъ и прилежнымъ, разъ онъ

знаетъ, что не погибнетъ отъ нужды, такъ какъ приходъ дастъ ему недостающее на удовлетвореніе потребностей увеличивающейся семьи? Особая парламентская коммиссія, которой въ 1833 г. было поручено разслѣдованіе вопроса, пришла прямо къ тому заключенію, что пауперизмъ не уменьшится, пока положеніе людей, пользующихся общественною благотворительностью, не сдѣлается худшимъ, чѣмъ положеніе рабочихъ, а для этого лучшимъ средствомъ была признана угроза паупераръ рабочими домами, которые вскорѣ послѣ введенія новаго закона (1834) получили у народа названіе Бастилій.

Это былъ самъ по себѣ весьма тягостный процессъ замѣны одного экономическаго строя другимъ, а онъ еще совпалъ по времени съ войною, которую Англія въ теченіе цѣлой почти четверти вѣка (1793—1815) вела противъ Франціи, платя, кромѣ того, громадныя субсидіи коалиціямъ, которыя при ея помощи создавались противъ ея политическаго врага. „Начавшійся въ 1793 г. періодъ войнъ,—говоритъ новѣйшій историкъ государственнаго долга Англіи [1]),—по величественности вызванныхъ имъ финансовыхъ оборотовъ, представляетъ явленіе одинокое не только въ англійской, но и во всемірной финансовой исторіи и практикѣ. Въ сравнительно короткій періодъ 24 лѣтъ, съ 1793 по 1816 г., отъ страны потребовалось столь значительное напряженіе силъ, что самые увлекающіеся сангвиники считали бы безумiемъ признать возможность подобнаго напряженія, прежде чѣмъ оно стало осуществившимся фактомъ". Въ сто пять лѣтъ, протекавшія отъ второй англійской революціи до начала революціонныхъ войнъ (1688—1792), обыкновенные государственные доходы Великобританія и Ирландіи составляли 877.396.826 фунтовъ стерлинговъ, а въ 24 года, съ 1793 по 1816—они доходили уже до 1.217.556.439 ф. ст., т.-е. были на 39% больше. Среднегодовая сумма жертвъ, требовавшаяся въ XVIII в. отъ страны въ размѣрѣ 8.356.160 фунт. стерл., должна была возрости вдругъ до 50.731.519 ф. стерл., т.-е. увеличиться почти въ шесть разъ. Точно также и расходы въ 1688—1792 г. едва превысили тысячу милліоновъ ф. ст., а въ 1793—1816 г. они составили уже болѣе полуторы тысячи милліоновъ. Если взять въ расчетъ все, что Англія потратила на войны, какія она только вела за послѣднія двѣсти лѣтъ, то окажется, что изъ потраченныхъ на эти войны суммъ свыше 60% придется только на однѣ войны 1793—1815 годовъ. Приэтомъ въ послѣдніе годы борьбы съ Наполеономъ расходы на нее были въ два съ половиной раза больше, нежели въ первые годы борьбы съ французскою республикой. Однѣхъ субсидій союзникамъ въ это время Ан-

[1]) Проф. И. И. Кауфманъ въ сочиненіи, названномъ выше (стр. 513). О политическомъ значеніи войнъ см. выше, стр. 454—457.

глія выдала на 57 милліоновъ, изъ коихъ на долю Россіи пришлось болѣе 9 милліоновъ. Конечно, при этомъ Англія не въ состояніи была обойтись безъ новыхъ займовъ, и ея государственный долгъ дѣйствительно возросъ въ громадной мѣрѣ (болѣе чѣмъ на 400 м. ф. ст.), что, конечно, легло тяжелымъ бременемъ на бюджетъ и платежныя силы страны. Кромѣ того, эта „великая война", какъ и всякая другая война, должна была и въ иныхъ отношеніяхъ отразиться на экономической жизни Англіи, отвлекши массу рукъ отъ производительнаго труда, создавъ искусственный спросъ на одни товары и, наоборотъ, сокративъ спросъ на другіе, измѣнивъ распредѣленіе національнаго дохода и пр. и пр. Мы остановимся здѣсь, однако, лишь на двухъ фактахъ, относящихся къ вліянію войны 1793—1815 г. на экономическую жизнь Англіи, ибо только эти два факта оставили прочные слѣды на послѣдующей эпохѣ. Мы имѣемъ въ виду именно, во-первыхъ, вліяніе войны на развитіе англійскаго сельскаго хозяйства и на исторію англійской торговли и промышленности, что не лишено было значенія и для того соціально-экономическаго процесса, который мы теперь разсматриваемъ. Во время войны съ Наполеономъ въ Англіи сильно вздорожалъ хлѣбъ. Въ періодъ времени между 1801 и 1810 гг. средняя цѣна на пшеницу стояла выше на 80%, чѣмъ въ предыдущее десятилѣтіе, что заставило капиталистовъ наброситься на сельское хозяйство съ цѣлью получать большіе барыши посредствомъ интенсивной культуры земли, тогда какъ мелкіе сельскіе хозяева, которые еще въ сравнительно небольшомъ числѣ продолжали существовать въ Англіи, оказывались теперь совершенно несостоятельными въ виду постоянныхъ и очень рѣзкихъ колебаній цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ, а потому вынуждались разставаться съ своими хозяйствами. Усовершенствованные способы земледѣлія сильно подняли земельную ренту. Когда война окончилась и открылся въ Англію свободный доступъ для болѣе дешеваго заграничнаго хлѣба, лендлорды не пожелали лишиться тѣхъ выгодъ, какія они извлекали изъ невозможности ввоза въ страну хлѣба изъ-за границы, тѣмъ болѣе, что на улучшеніе сельскаго хозяйства были потрачены большія средства, вслѣдствіе чего и земледѣльческая промышленность стала перестраиваться на капиталистическихъ началахъ. Уже раньше въ тѣхъ случаяхъ, когда конкурренція привознаго хлѣба съ туземнымъ грозила уменьшеніемъ земельной ренты, парламентъ издавалъ такъ называемые хлѣбные законы (corn-law), сущность коихъ заключалась въ запрещеніи привоза иностраннаго хлѣба, пока цѣна мѣстнаго не достигнетъ извѣстнаго maximum'a: такъ, напр., въ 1773 г. лишь тогда позволялось ввозить въ Англію пшеницу, когда пшеница, производившаяся въ самой странѣ, начинала продаваться по 48 шиллинговъ за квартеръ. Въ 1791 г.

если мѣстная пшеница продавалась дешевле 50 шиллинговъ за кварверъ, на привозную налагалась пошлина въ 24 шиллинга 3 пенса. Въ 1804 г. вернулись къ закону 1773 г., повысивъ только цѣну пшеницы съ 48 шиллинговъ до 63, а знаменитые хлѣбные законы 1815 г., продержавшіеся въ Англіи до 1846 г. и отмѣненные только послѣ самой упорной агитаціи, не допускали уже ввоза иностранной пшеницы, если производимая въ странѣ продавалась дешевле 80 шиллинговъ за квартеръ. Такимъ образомъ долговременная война и хлѣбные законы сильно содѣйствовали развитію англійскаго сельскаго хозяйства въ капиталистическомъ смыслѣ, и какъ разъ въ это самое время фермеры, дешево покупавшіе трудъ подростковъ, продавали дорого свои продукты потребителямъ, платя сами весьма высокую ренту лендлордамъ, которые провели и поддерживали впослѣдствіи хлѣбные законы въ парламентѣ. Эти законы искусственно создавали тягости военнаго времени, съ которыми прежде волей-неволей приходилось мириться, и теперь, когда война окончилась и высокая цѣна на пшеницу уже не оправдывалась фактическою невозможностью ввоза. Понятно, что хлѣбные законы вызывали народное неудовольствіе, и во многихъ безпорядкахъ этой эпохи, рядомъ съ требованіемъ парламентской реформы, предъявлялось требованіе отмѣны хлѣбныхъ законовъ [1]). Народъ, дѣйствительно, бѣдствовалъ, тѣмъ болѣе, что прекращеніе войны оставило еще безъ заработка сотни тысячъ солдатъ и матросовъ, да, кромѣ того, въ Англію стали прибывать еще толпы голодныхъ ирландцевъ. Въ агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ, получившей, впрочемъ, правильную организацію лишь въ 1839 г., приняли участіе и фабриканты, видѣвшіе въ дешевомъ хлѣбѣ одно изъ условій того общаго удешевленія производства, о которомъ они постоянно хлопотали.—Другимъ фактомъ, стоявшимъ въ связи съ великою войною и вліявшимъ на экономическую жизнь Англіи, была континентальная система [2]). Вывозъ англійскихъ фабрикатовъ, опредѣлявшійся въ 1793 г. суммою въ 17 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, къ 1800 удвоился, т.-е. достигъ цифры 34 милліоновъ. Господство Англіи на европейскихъ рынкахъ и заставило Наполеона придумать континентальную систему, которая, однако, принесла гораздо болѣе вреда самой Франціи и ея союзникамъ, чѣмъ Англіи. Эта система лишь задержала на время дальнѣйшій ростъ нѣкоторыхъ англійскихъ производствъ, напр., хлопчато-бумажнаго, но остановить промышленнаго развитія не могла. Англійскіе фабрикаты все-таки, хотя бы иногда и очень кружнымъ путемъ, напр., черезъ Турцію, попадали во Францію и Германію, и даже многіе предметы, которые

---

[1]) См. выше, стр. 481.

[2]) О ней см. выше, стр. 219—222 и 456—457.

были необходимы для обмундированія арміи Наполеона или солдатъ его союзниковъ, были англійскаго происхожденія. Рискъ, сопряженный съ доставкою англійскихъ товаровъ на континентъ, возвысилъ фрахты до такой степени, что иногда корабль за одинъ рейсъ изъ Англіи и обратно зарабатывалъ въ двадцать разъ болѣе своей собственной стоимости, а это, равно какъ необходимость отвозить товары на болѣе отдаленные рынки (напр., въ Америку), остававшіеся еще открытыми для Англіи, не говоря уже о перевозкѣ солдатъ и военныхъ припасовъ, содѣйствовало развитію морского судоходства. Но и послѣ окончанія войны континентальныя государства, боясь, что мѣстныя мануфактуры не въ состояніи будутъ выдержать конкурренціи съ англійскими, старались оградиться отъ англійскаго ввоза высокими таможенными пошлинами. Англійская промышленность была, дѣйствительно, настолько сильна, что фабриканты совсѣмъ перестали бояться соперничества со стороны континента и даже начали добиваться свободы торговли, желая, съ одной стороны, удешевленія продуктовъ, ввозившихся въ Англію изъ-за границы, т.-е. главнымъ образомъ хлѣба и сырья, а съ другой—устраненія препятствій для расширенія производства, лежавшихъ въ континентальномъ протекціонизмѣ. Что касается до временнаго значенія фактовъ, о коихъ сейчасъ было говорено, то о результатахъ войны съ Наполеономъ для массы населенія Англіи лучше всего можно судить по тому, что въ 1801 г. содержаніе бѣдныхъ стоило въ ней (вмѣстѣ съ Уэльсомъ) немного менѣе 700.000 квартеровъ пшеницы, а въ 1814 г. превышало уже 1.740.000 квартеровъ,—доказательство несомнѣннаго обѣднѣнія населенія.

Весьма естественно, что ухудшеніе экономическаго положенія трудящейся массы должно было поселить въ ней глубокое неудовольствіе противъ порядка вещей, ее угнетавшаго, и противъ представителей этого порядка, особенно противъ фабрикантовъ, коихъ рабочіе прозвали „дѣтоубійцами“. Съ особеннымъ негодованіемъ относились рабочіе къ „желѣзнымъ людямъ“ (iron men), какъ называли они машины, ухудшавшія ихъ положеніе. Съ конца XVIII в. все чаще дѣлались случаи разрушенія машинъ рабочими, а въ 1812 г. это движеніе противъ машинъ приняло по истинѣ революціонный характеръ, что̀ обратило на него вниманіе парламента [1]), который даже издалъ законъ, грозившій смертною казнью за разрушеніе машинъ. Бывали случаи, что машины приходилось ставить буквально подъ охрану пушекъ. Въ 1816 г. произошло движеніе среди сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, въ отместку за хлѣбные законы сжигавшихъ скирды хлѣба. Въ обоихъ слу-

[1]) Ср. выше, стр. 494, гдѣ говорится о рѣчи лорда Байрона въ защиту рабочихъ.

чаяхъ бунты пришлось усмирять военною силою. Затѣмъ въ годы крайней нищеты, вызванной кризисомъ 1825 г., опять повторились сцены народнаго возстанія. Сильны были волненія среди сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и въ 1830 г. Наконецъ, можно указать на массу другихъ случаевъ, когда въ Англіи этой эпохи народное неудовольствіе выражалось съ особою силою [1]). Реакціонное настроеніе правящихъ классовъ получаетъ въ такихъ фактахъ достаточное объясненіе. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ эти волненія стали даже играть весьма значительную политическую роль. Кромѣ репрессивныхъ мѣръ, къ коимъ прибѣгало правительство противъ народныхъ безпорядковъ, парламентъ не могъ не доискиваться причинъ тѣхъ бѣдствій, которыя постигали рабочее населеніе, и назначалъ особыя коммиссіи для изслѣдованія разныхъ вопросовъ, связанныхъ съ бытомъ рабочаго класса. Намъ уже приходилось говорить о коммиссіи 1806 г., назначенной для изслѣдованія противоположныхъ жалобъ фабрикантовъ и рабочихъ [2]). Въ 1820 г. образована была коммиссія для разсмотрѣнія петиціи о свободной торговлѣ, затрогивавшей интересы и рабочихъ [3]). Для разсмотрѣнія вопроса о налогѣ на бѣдныхъ парламентъ тоже назначалъ особую коммиссію въ 1833 [4]). И непосредственно рабочій вопросъ долженъ былъ занимать парламентъ. Въ 1802 г. былъ уже вотированъ первый законъ, ограничивавшій работу учениковъ и подмастерьевъ на фабрикахъ двѣнадцатью часами въ сутки, но при этомъ, къ сожалѣнію, не было создано органовъ надзора, вслѣдствіе чего законъ этотъ постоянно нарушался. Самый законъ 1802 г. былъ вызванъ не чувствомъ человѣколюбія, а боязнью высшихъ классовъ передъ сильными эпидеміями, начавшими около этого времени свирѣпствовать на фабрикахъ, вслѣдствіе чего, собственно говоря, законъ распространялся лишь на дѣтей, жившихъ въ фабричныхъ помѣщеніяхъ, а не приходившихъ только на фабрики для работы. Парламентъ въ первую треть вѣка вообще неразъ назначалъ коммиссіи для изслѣдованія положенія несовершеннолѣтнихъ на фабрикахъ, и эти коммиссіи постоянно дѣлали доклады о страшныхъ злоупотребленіяхъ работою дѣтей и подростковъ. Въ 1830 г. парламентъ образовалъ особую коммиссію для изысканія средствъ противъ постоянныхъ колебаній заработка, и она констатировала этотъ фактъ, иллюстрировавъ его многими примѣрами и предложивъ учредить сберегательныя кассы, куда рабочіе могли бы дѣлать вклады въ годы сравнительно высо-

---

[1]) См. выше, стр. 475, 479 и др.
[2]) См. выше, стр. 567 и 581.
[3]) См. выше, стр. 568.
[4]) См. выше, стр. 587.

кихъ заработковъ съ ограниченіемъ права вкладчиковъ брать свои вклады обратно лишь извѣстными случаями. Такъ, въ Англіи уже въ періодъ до парламентской реформы 1832 г. начиналъ ставиться рядомъ съ другими вопросами и вопросъ рабочій.

Аналогичныя измѣненія въ экономическомъ быту съ аналогичными же и послѣдствіями произошли и во Франціи—только не съ такою быстротою, какъ это было въ Англіи. Въ эпоху великой революціи во Франціи еще не существовало рабочаго вопроса въ той формѣ, въ какой онъ былъ поставленъ позднѣе [1]), послѣ того именно какъ и здѣсь было введено машинное производство, забившее прежній ручной трудъ и мелкую промышленность. Изъ этого, разумѣется, не слѣдуетъ, чтобы во Франціи совсѣмъ не возникало вопроса о пауперизмѣ: какъ-разъ наоборотъ, при „старомъ порядкѣ“ во Франціи существовала страшная нищета и въ деревняхъ, и въ городахъ [2]), и вопросъ объ устраненіи нищеты занималъ очень многихъ публицистовъ и государственныхъ людей [3]), причемъ англійское законодательство о бѣдныхъ казалось нѣкоторымъ изъ нихъ чуть не самымъ дѣйствительнымъ средствомъ устраненія нищеты, а конвентскія декларації правъ уже провозглашали прямую обязанность общества доставлять своимъ членамъ возможность снискивать себѣ пропитаніе трудомъ [4]), или такъ называемое „право на трудъ“ (droit au travail). Продолжительность революціоннаго движенія и успѣхъ демократической пропаганды якобинизма среди городскихъ рабочихъ равнымъ образомъ объясняется крайнею нищетою, въ какой находилась народная масса во Франціи. Анархія сильно разстроила промышленную жизнь страны, а затѣмъ начались еще грандіозныя войны со всей Европой, которыя отвлекли массу рабочихъ рукъ отъ производительнаго труда и направили капиталистовъ къ выдѣлкѣ военныхъ припасовъ. Наполеонъ, чувствовавшій вообще страхъ передъ народными возстаніями, старался доставить работу незанятымъ рабочимъ [5]), и въ то же время, вѣрный самому себѣ во всѣхъ вопросахъ внутренней политики, стремился дисциплинировать рабочую массу разнаго рода мѣропріятіями полицейскаго и уголовнаго свойства. Нѣкоторые промыслы получили при немъ отъ правительства новую организацію, главною цѣлью которой было установленіе надъ ними полицейскаго надзора. Въ 1803 г. былъ изданъ законъ, каравшій коалиціи рабочихъ, заключенныя съ цѣлью прекращенія работы, и совершенно молчавшій о

---

[1]) Ср. т. III, стр. 587, 633 и др.
[2]) Т. III, стр. 104 и слѣд.
[3]) Т. III, стр. 250 и 631 и слѣд.
[4]) Т. III, стр. 615.
[5]) См. выше, стр. 133.

коалиціяхъ хозяевъ, но въ 1810 г. этотъ законъ попалъ въ уголовный кодексъ лишь въ измѣненномъ видѣ: наказывались рабочія коалиціи, ставившія своею задачею принуждать другихъ къ прекращенію работъ [1]), и подвергались карѣ равнымъ образомъ и стачки хозяевъ. Далѣе, введена была рабочая книжка, сдѣлавшаяся своего рода паспортомъ, ибо, получивъ отъ администраціи этотъ документъ, рабочій долженъ былъ отдавать его своему хозяину и чрезъ то попадалъ отъ него въ нѣкоторую зависимость. Послѣдняя была тѣмъ болѣе тягостною, что гражданскій кодексъ заключалъ въ себѣ статью, въ силу которой въ случаѣ пререканій между рабочимъ и хозяиномъ изъ-за платы законъ предписывалъ вѣрить утвержденію хозяина. Вообще, кромѣ полицейскаго характера этого законодательства, мы замѣчаемъ въ немъ и буржуазныя тенденціи. Прежнія полицейскія и судебныя аттрибуціи цеховъ при Наполеонѣ перешли именно къ полиціи, которая пользовалась своею властью совершенно произвольно. Далѣе, споры между хозяевами и рабочими должны были разбираться по революціонному законодательству мировыми судьями, но предприниматели были этимъ недовольны, и однажды, когда Наполеонъ проѣзжалъ черезъ Ліонъ, мѣстная торговая палата просила его замѣнить для дѣлъ данной категоріи мировой судъ „своего рода судомъ семейнымъ“ (une espèce de tribunal de famille), подобнымъ тому, который существовалъ до революціи. Законъ 18 марта 1806 г. установилъ въ 26 городахъ Франціи такъ называемые conseils de prud'hommes, состоявшіе изъ выборныхъ фабрикантовъ и мелкихъ предпринимателей, причемъ послѣдніе въ равномъ количествѣ съ первыми должны были представлять собою и самый классъ наемныхъ рабочихъ. Въ 1810 г. компетенція этихъ совѣтовъ была расширена, такъ какъ имъ было предоставлено налагать исправительныя наказанія (до трехъ дней ареста) за все, что могло бы поколебать порядокъ въ промышленныхъ заведеніяхъ и дисциплину среди рабочихъ. Наполеонъ стремился, кромѣ того, развить національную промышленность, и съ этою цѣлью онъ между прочимъ ввелъ свою знаменитую континентальную систему, которая, какъ мы знаемъ, привела къ тяжелому промышленному кризису [2]). Въ общемъ, однако, французская промышленность въ эпоху имперіи продолжала существовать еще при старыхъ формахъ. Англичане держали въ секретѣ отъ иностранцевъ свои техническія изобрѣтенія и усовершенствованія, и Франція не успѣла ими воспользоваться до революціи. Потомъ началась внутренняя анархія и внѣшняя война, между прочимъ съ тою же Ан-

---

[1]) См. объ аналогичномъ законѣ въ Англіи (1825) выше, стр. 559—560.

[2]) См. выше, стр.. 219 и слѣд. Подробности о немъ см. у Levasseur'a (выше, стр. 541).

гліей: и понятно, что при такихъ условіяхъ заимствовать что-либо изъ Англіи было въ высшей степени трудно. Вотъ почему во Франціи всѣ открытія въ области промышленности были примѣнены къ дѣлу позднѣе, нежели въ Англіи. Тѣмъ не менѣе въ наполеоновскую эпоху и въ самой Франціи сдѣлано было не мало изобрѣтеній, которыя оказали потомъ большое вліяніе на французскую промышленность и содѣйствовали развитію капитализма, крупнаго производства и пролетаріата. Это было время приложенія къ промышленности научнаго знанія [1]); особенно много въ этомъ отношеніи сдѣлано было въ области примѣненія химіи къ техническимъ производствамъ, въ коихъ Франція положительно опередила другія націи. Среди ученыхъ, прославившихся въ эту эпоху техническими открытіями въ области химіи, особенно извѣстенъ Шапталь, который, какъ мы видѣли [2]), занималъ и видный постъ на государственной службѣ. Между прочимъ (съ Перперомъ) онъ немало содѣйствовалъ усовершенствованію свеклосахарнаго производства, которое развилось во Франціи особенно подъ вліяніемъ континентальной системы: послѣ 1828 г. во Франціи возникло до 600 сахарныхъ заводовъ. Было сдѣлано также немало и механическихъ изобрѣтеній, которыя могутъ быть поставлены рядомъ съ англійскими. Знаменитымъ изобрѣтателемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крупнымъ предпринимателемъ былъ Ришаръ, весьма много содѣйствовавшій развитію хлопчато-бумажной и льняной промышленности. Онъ воспользовался французскимъ завоеваніемъ Неаполя, чтобы начать разводить тамъ хлопокъ, но такъ какъ запретительная система Наполеона мѣшала ввозу этого продукта, то Ришару дана была вознаградительная субсидія въ размѣрѣ полутора милліона франковъ. Ришаръ основалъ во Франціи около сорока бумаго- и льнопрядильныхъ фабрикъ и нажилъ 14 милліоновъ. Рядомъ съ нимъ слѣдуетъ поставить Жирара, который изобрѣлъ нѣсколько новыхъ производствъ и сдѣлалъ разныя усовершенствованія въ прежнихъ машинахъ. Когда Наполеонъ, желавшій противопоставить англійской хлопчато-бумажной промышленности французскую льняную, декретомъ 11 мая 1810 г. назначилъ милліонную премію за наилучшую льнопрядильную машину, Жираръ взялся за это дѣло и черезъ два съ небольшимъ мѣсяца получилъ патентъ на свое изобрѣтеніе. Въ 1813 г. были уже основаны большія льнопрядильныя фабрики, но англичане впослѣдствіи воспользовались сами этимъ изобрѣтеніемъ. Около 1800 г. Жаккаръ изобрѣлъ ткацкій станокъ для выдѣлки самыхъ сложныхъ узорчатыхъ тканей, секретъ коего онъ продалъ правительству за пожизненную ренту въ 3 т. франковъ. Его изобрѣтеніе

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе см. въ V томѣ (ср. выше, стр. 257, прим.).

[2]) См. выше, стр. 104.

стало скоро распространяться, но вызвало страшное неудовольствіе со стороны рабочихъ. Въ Ліонѣ произошли даже серьезные рабочіе безпорядки, во время которыхъ самъ изобрѣтатель едва было не погибъ. Однако уже въ 1812 г. въ этомъ городѣ дѣйствовало 12 тысячъ станковъ Жаккара, а въ 1834 г. (годъ смерти изобрѣтателя) число ихъ возросло до 30 тысячъ. Подъ вліяніемъ этихъ изобрѣтеній и заимствованій изъ Англіи и французская промышленность стала мало-по-малу перестраиваться на новый образецъ.

Въ эпоху имперіи машины во Франціи были еще рѣдки: настоящимъ періодомъ введенія механическаго производства во Франціи была эпоха реставраціи. На промышленной выставкѣ 1819 г. жюри уже отмѣтило нѣкоторые успѣхи въ этомъ дѣлѣ, заявивъ, что въ извѣстныхъ производствахъ фабрики, работающія машинами, скоро вытѣснятъ рутинные способы выдѣлки товаровъ, и при этомъ высказывалась еще та мысль, что новыя изобрѣтенія не только увеличатъ количество продукта, но вмѣстѣ съ тѣмъ и послужатъ къ освобожденію рабочихъ отъ ихъ нищеты. Но рабочіе думали иначе, и во Франціи, какъ и въ Англіи, машины были встрѣчены ими крайне недружелюбно. Вскорѣ и здѣсь стали обнаруживаться тѣ же послѣдствія введенія машинъ, какъ и въ Англіи,—до эксплуатаціи дѣтскаго труда включительно, который во Франціи былъ притомъ принятъ подъ охрану государственнаго закона не ранѣе 1841 г. Идея промышленной свободы все болѣе и болѣе оказывалась благопріятною для развитія капиталистическаго производства, и буржуазія поэтому защищала ее противъ ультра-роялистовъ, которые изъ ненависти ко всему, что имѣло революціонное происхожденіе, наоборотъ, требовали возстановленія старыхъ цеховыхъ учрежденій. Въ такомъ именно смыслѣ уже въ безподобной палатѣ сдѣлано было предложеніе, которое возобновлялось и впослѣдствіи, тѣмъ болѣе, что въ его пользу велась агитація и во всей странѣ. Буржуазія, съ своей стороны, всячески противодѣйствовала возстановленію старой регламентаціи труда, но среди мелкихъ мастеровъ и рабочихъ идея возрожденія товариществъ была довольно популярна. Среди представителей стараго порядка были люди, понимавшіе, что интересы рабочихъ, дѣйствительно, требуютъ введенія ассоціацій. Напр., гр. Вильневъ-Баржемонъ, бывшій за все время реставраціи префектомъ, въ своей „Христіанской политической экономіи“,—вышедшей въ свѣтъ, впрочемъ, уже послѣ іюльской революціи,—указывалъ на то, что „учрежденіе такихъ ассоціацій работниковъ, которыя, не стѣсняя промышленности и не сопровождаясь печальными послѣдствіями прежнихъ метризъ и жюрандъ [1]), поддержали бы духъ общенія и взаимо-

[1]) Т.-е. цеховыхъ установленій. Т. III, стр. 119—121.

помощи“ между рабочими, было бы въ высшей степени благодѣтельно. Сами рабочіе нѣкоторыхъ категорій просили введенія въ ихъ средѣ синдикатовъ, но палаты стояли на точкѣ зрѣнія необходимости поддерживать промышленную свободу. Буржуазія все болѣе и болѣе склонялась и къ принципамъ свободной торговли. Въ этомъ смыслѣ былъ, напр., составленъ адресъ палаты, вышедшей изъ выборовъ 1827 г. [1]). Мартиньякъ даже создалъ отдѣльное министерство торговли, а палата назначила особую коммиссію (1828) для изслѣдованія поднятаго въ адресѣ вопроса. Но рабочій вопросъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ уже начиналъ ставиться въ Англіи, во Франціи эпохи реставраціи едва только намѣчался. Задачи, вытекавшія изъ положенія дѣлъ, были еще новыми, и „онѣ, какъ говоритъ историкъ рабочаго класса во Франціи [2]), еще не получали значенія угрозы, направленной противъ существующаго общественнаго строя. Просвѣщенный классъ общества совсѣмъ не интересовался этими вопросами [3])... Самъ рабочій классъ еще не поднимался до образованія общихъ взглядовъ на свое положеніе и не составлялъ еще политической партіи [4]). Правительство реставраціи сдѣлало мало для разрѣшенія этихъ вопросовъ и не только потому, что у людей, стоявшихъ во главѣ правленія, интересы были совсѣмъ иные, но и потому, что самые вопросы еще недостаточно назрѣли“. Притомъ эпоха реставраціи была временемъ сравнительнаго благосостоянія народныхъ массъ. Недовольство реставраціей имѣло болѣе политическій, чѣмъ экономическій характеръ, не считая сравнительно немногихъ стачекъ съ цѣлью повышенія рабочей платы. Но рабочій вопросъ въ его современной формѣ все-таки нарождался. Это прежде всего доказало знаменитое возстаніе рабочихъ въ Ліонѣ въ ноябрѣ 1831 года, вызванное застоемъ въ дѣлахъ и совершенно не имѣвшее политическаго характера, коимъ отличались всѣ прежнія волненія среди низшихъ классовъ городского населенія. Оставляя въ сторонѣ всѣ подробности этого эпизода изъ исторіи первыхъ лѣтъ іюльской монархіи [5]), отмѣтимъ лишь, что въ 1831 г. боевымъ крикомъ ліонскаго пролетаріата, доведеннаго неуступчивостью фабрикантовъ до бунта, было: „жить, трудясь, или погибать сражаясь“ (vivre en travaillant ou mourir en combattant!).

Въ слѣдующихъ періодахъ исторіи XIX в. рабочій вопросъ дѣлается однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, получившихъ поли-

---

[1]) См. выше, стр. 407 и 416.
[2]) Левассеръ въ соч., названномъ выше (стр. 514).
[3]) Ср. то, что говорилось у насъ раньше по этому предмету, стр. 287.
[4]) Какъ, впрочемъ, и въ Англіи въ ту же эпоху.
[5]) См. объ этомъ въ т. V.

тическое значеніе. Односторонность либерализма эпохи реставраціи заключалась въ томъ, что онъ или совсѣмъ игнорировалъ экономическіе вопросы, или разрѣшалъ ихъ въ смыслѣ, выгодномъ лишь для одной буржуазіи [1]). Демократическимъ стремленіямъ конца XVIII в. былъ вообще нанесенъ ударъ политическими неудачами революціи и деспотизмомъ Наполеона, опиравшагося на демократическій же принципъ всенароднаго избранія, да и сами демократическія идеи эпохи касались лишь области одной политики, не проникая въ сферу вопросовъ народнаго хозяйства. Буржуазный либерализмъ и политическій демократизмъ эпохи не могъ, однако, удовлетворить народныхъ массъ, которыя стали прислушиваться въ слѣдующемъ періодѣ къ ученіямъ иного рода, въ коихъ свобода личности и участіе во власти уже не играли прежней роли, и эти новыя ученія нерѣдко представляли изъ себя даже реакцію противъ указанныхъ двухъ идей, заходившую такъ далеко, что ради экономическаго обезпеченія отвергались блага индивидуальной и общественной свободы, какъ будто бы благосостояніе и свобода были по существу дѣла вещи, между собой несовмѣстимыя.

XXVI. Экономическія теоріи эпохи въ связи съ моральными и политическими ученіями [2]).

Связь политической экономіи съ фактическими отношеніями и господствующими идеями эпохи.—Двоякаго рода оппоненты политической экономіи.—Задача дальнѣйшаго изложенія. — Связь экономическихъ ученій съ политическимъ либерализмомъ и взгляды Бенжамена Констана и Бентама на промышленную свободу.— Утилитаризмъ и политическая экономія. — «Естественный порядокъ» физіократовъ и ученіе Адама Смита о промышленной свободѣ. — Популярность этого ученія въ буржуазіи.—Заботы политической экономіи о наибольшемъ производствѣ и предпочтеніе къ крупнымъ предпріятіямъ.—Разрушеніе взгляда на экономическую гармонію и теорія Мальтуса.— Взглядъ Рикардо на взаимныя отношенія прибыли и рабочей платы.—Недостатокъ общаго взгляда Ж. Б. Сэя.—«Философія мануфактуръ» Эра. — Сисмонди, какъ критикъ школы Адама Смита.— Сближеніе Сисмонди съ соціализмомъ.

Отъ экономическихъ фактовъ мы перейдемъ теперь къ экономическимъ идеямъ. Подобно тому, какъ политическія теоріи уясняются политическою жизнью, которая ихъ породила и на которую въ свою очередь онѣ оказали вліяніе, такъ точно и экономическія ученія стоятъ въ очень тѣсной связи съ экономическою дѣйствительностью своего времени. Общественныя науки, къ числу каковыхъ относится и поли-

---

[1]) См. выше, стр. 287.

[2]) Указанія на литературу см. выше, стр. 515.

тическая экономія, всегда отражаютъ на себѣ ту культурно-соціальную среду, въ которой онѣ развиваются, и въ извѣстныхъ случаяхъ, кромѣ того, сами оказываютъ вліяніе на эту самую среду. Политическая экономія, какъ наука, совершенно обособившаяся отъ политики, зародилась лишь во второй половинѣ XVIII вѣка и стала развиваться какъ-разъ въ ту эпоху, когда началась та „индустріальная революція", о которой только-что шла у насъ рѣчь. Эта одновременность возникновенія новыхъ формъ народнаго хозяйства и науки, поставившей своею задачею изученіе послѣдняго, имѣетъ весьма важное значеніе, указывая и на ту связь, въ какой находятся между собою факты и идеи въ исторіи общественной жизни. Мало того: хотя уже французская экономическая школа физіократовъ представляетъ изъ себя первое политико-экономическое направленіе, стремившееся дать полную теорію народнаго хозяйства, тѣмъ не менѣе настоящимъ родоначальникомъ политической экономіи былъ все-таки англичанинъ Адамъ Смитъ, и ранѣе всего политическая экономія въ смыслѣ дѣйствительной науки, обнаружившей способность къ дальнѣйшему развитію, стала разрабатываться вообще именно въ Англіи,—откуда лишь въ началѣ XIX в. она перешла въ другія страны Европы,—въ той самой Англіи, гдѣ ранѣе всего совершился экономическій переворотъ, приведшій къ современному капиталистическому производству. И этого еще мало: лишь рѣзкое раздѣленіе экономическаго общества на землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ, которое, какъ мы знаемъ [1]), произошло въ Англіи,—позволило Адаму Смиту совершить свой анализъ факторовъ, участвующихъ въ производствѣ (каковыми являются земля, капиталъ и трудъ). И вообще вся англійская школа политической экономіи, родоначальникомъ которой является Адамъ Смитъ, носитъ на себѣ слѣды возникновенія въ извѣстномъ общественномъ строѣ, который всею школою сталъ поэтому считаться нормальнымъ и даже образцовымъ. Въ смыслѣ, такъ сказать, расположенія къ тому отдѣленію труда отъ орудій производства, которое характеризуетъ англійскую политическую экономію, послѣдняя является непосредственнымъ продолженіемъ французской физіократіи, также проповѣдовавшей необходимость превращенія мелкихъ сельскихъ хозяевъ въ наемныхъ рабочихъ на болѣе крупныхъ фермахъ [2]), ибо и физіократамъ, и послѣдователямъ Адама Смита бросалась въ глаза выгодная сторона крупнаго производства, какъ одного изъ наилучшихъ средствъ къ тому, чтобы быть въ состояніи производить какъ можно болѣе и тѣмъ увеличивать національное богатство. Заботы объ этомъ возрастаніи производства будутъ намъ вполнѣ по-

[1]) Т. III, стр. 109 и выше, стр. 557.
[2]) Т. III, стр. 258.

нятны, если мы примемъ въ расчетъ, что въ XVIII в. очень часто страдали отъ недостатка сельско-хозяйственныхъ и отчасти промышленныхъ продуктовъ, и что вопросъ о томъ, какъ больше производить, былъ жгучимъ вопросомъ времени, особенно во Франціи въ эпоху развитія физіократической литературы. Съ французской экономической школой англійская имѣетъ и другія точки соприкосновенія. Обѣ онѣ возникли въ эпоху освободительныхъ идей XVIII в., когда требованіе свободы было однимъ изъ главныхъ требованій, какія предъявлялись къ государству, къ церкви, къ обществу, — свободы для отдѣльной личности въ вопросахъ совѣсти и мысли, въ дѣлѣ распоряженія своимъ достояніемъ и трудомъ, а также и для цѣлаго общества въ его политической, культурной и экономической жизни. И физіократія, и англійская политическая экономія явились съ проповѣдью предоставленія индивидууму и обществу въ дѣлахъ, касающихся ихъ матеріальнаго благополучія наибольшей свободы: въ этомъ смыслѣ обѣ онѣ были реакціей противъ того поглощенія личности государствомъ и того правительственнаго вмѣшательства въ частную жизнь, которыя характеризуютъ абсолютную монархію и „полицейское государство“ [1]) XVII и XVIII в. И физіократы, и Адамъ Смитъ въ теоріи признавали, что свобода является однимъ изъ самыхъ лучшихъ средствъ для увраченія всякихъ соціальныхъ золъ, и вѣрили, что между единицами и между общественными классами существуетъ гармонія интересовъ: нужно только каждому предоставить свободу дѣйствовать въ своемъ собственномъ интересѣ,—который, конечно, ему самому извѣстенъ лучше, чѣмъ кому бы то ни было другому,—и изъ взаимодѣйствія индивидуальныхъ стремленій „естественный порядокъ“, лежащій въ основѣ хозяйственной жизни, — это перенесеніе идеи „естественнаго права“ изъ области юриспруденціи и политики въ область экономики [2]), — создастъ гармонію интересовъ ко благу всѣхъ. Дѣйствительность скоро поколебала этотъ оптимистическій взглядъ, и уже ближайшіе преемники Адама Смита (Мальтусъ и Рикардо) формулировали теоріи, далеко расходившіяся съ такою концепціей, но до поры, до времени указанный взглядъ на гармонію интересовъ казался неопровержимымъ. Та мысль, что каждый, осуществляя свой личный интересъ, въ то же время осуществляетъ и общее благо, кромѣ того, породила въ области этическихъ теорій такъ называемый утилитаризмъ, однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей коего былъ Бентамъ [3]).

---

[1]) Т. III, стр. 43.
[2]) Т. III, стр. 149—150.
[3]) См. выше, стр. 487.

У той жизни, которую научно стала изслѣдовать политическая экономія, была и обратная сторона, и эту обратную сторону новая наука бралась неразъ оправдывать—съ той или иной точки зрѣнія. Поэтому ученія политической экономіи могли подвергнуться критикѣ, смотря по тому, отрицались ли данное положеніе и теорія, возводившая его въ принципъ, во имя прошедшаго и завѣщанныхъ имъ формъ, или отрицались во имя лучшаго будущаго, которое должно придти на смѣну неприглядному настоящему. Консерваторы и реакціонеры явились въ общемъ недоброжелателями и даже врагами политической экономіи, противопоставивъ ея принципамъ отживавшія традиціонныя начала [1]). Они чувствовали и даже сознавали, что политическая экономія была сродни французской революціи, ибо обѣ онѣ провозглашали верховное право личности, ибо обѣ разрушали старыя корпоративныя начала. Но указанія на такія стороны новыхъ отношеній и новыхъ ученій, которыя дѣйствительно оказывались вредными для народной массы (напр., превращеніе крестьянъ-хозяевъ въ наемныхъ рабочихъ, уничтоженіе рабочихъ ассоціацій и т. п.), въ этомъ лагерѣ обыкновенно шли подъ знаменемъ культурнаго и политическаго ретроградства и соединялись очень часто съ соціальною реакціею землевладѣльческой аристократіи противъ капиталистической буржуазіи, что лишало силы ту долю истины, какая заключалась въ ихъ оппозиціи противъ политической экономіи. Но подобная же оппозиція шла и съ другой стороны. Политическая экономія прежде всего стремилась понять сущность народнаго хозяйства, относясь съ положительной точки зрѣнія къ даннымъ въ дѣйствительности отношеніямъ, но въ жизни, ею изучавшейся, было немало и отрицательныхъ сторонъ, противъ коихъ можно было многое сказать и съ точки зрѣнія тѣхъ гуманныхъ идей, той филантропіи, того высокаго пониманія задачъ общества и государства, которыя характеризуютъ общественную литературу XVIII в. Противорѣчія между тѣми положеніями, какія личность стала занимать, съ одной стороны, въ государствѣ, благодаря признанію „правъ человѣка и гражданина“, а съ другой—въ экономическомъ строѣ общества вслѣдствіе „индустріальной революціи“ [2]), несоотвѣтствіе между результатами промышленной свободы, приводившей къ свободѣ „умирать отъ голода“, и надеждами, возлагавшимися на эту самую свободу, рѣзкое раздѣленіе общества на богатыхъ предпринимателей и нищихъ рабочихъ въ эпоху, наступившую за величайшею демократической революціей, какихъ раньше никогда не бывало, угнетеніе труда капиталомъ послѣ того, какъ свобода личности была объявлена самымъ

---

[1]) См. выше, стр. 189 и 277.

[2]) См. выше, стр. 499 и слѣд.

священнымъ ея правомъ, наконецъ, ростъ пауперизма въ то самое время, какъ возрастало и возрастало быстрѣе, чѣмъ когда бы то ни было, національное общество,—все это породило рядомъ съ политическою экономіей цѣлый рядъ ученій, отрицавшихъ положенія этой науки, чтобы замѣнить ихъ новыми, въ основу коихъ клалось, однако, на первыхъ порахъ не научное изслѣдованіе дѣйствительности, составляющее силу политической экономіи, а соціально-этическое творчество идеаловъ, которое и породило такъ называемый утопическій соціализмъ первой трети XIX вѣка.

Конецъ этого тома мы и посвящаемъ исторіи экономическихъ и соціальныхъ ученій той эпохи, которая въ немъ разсматривается. Конечно, задачей нашей въ этомъ общемъ трудѣ не должно быть то, что могло бы составить содержаніе спеціальнаго труда по исторіи политической экономіи и соціализма, т.-е. мы не станемъ излагать того, какъ вырабатывалось все, что только составляетъ сущность экономической науки, какъ таковой: для насъ на первомъ планѣ должны стоять вопросы о томъ, какъ, во-первыхъ, сказались на экономическихъ и соціальныхъ ученіяхъ условія времени ихъ возникновенія и съ какой точки зрѣнія, во-вторыхъ, эти ученія отнеслись къ современности, которую должны были объяснить для того, чтобы быть въ состояніи ею управлять. Кромѣ того, мы должны познакомиться съ тѣмъ, какими экономическими идеями жила буржуазія въ эпоху, когда начиналось ея позднѣйшее могущество, и наоборотъ, какъ зарождались тѣ ученія, коимъ потомъ, т.-е. въ слѣдующіе періоды новѣйшей исторіи, суждено было сдѣлаться особенно популярными среди рабочаго класса западной Европы.

Остановимся прежде всего на той связи, которая установилась между экономическими ученіями и политическими стремленіями начала XIX вѣка. Французская физіократія, несмотря на проповѣдь экономической свободы, въ политическомъ отношеніи не можетъ быть причислена къ либеральному направленію. Физіократы мечтали о такой „экономической монархіи“, которою осуществлялся бы ихъ принципъ „легальнаго деспотизма“, т.-е. стояли на точкѣ зрѣнія просвѣщеннаго абсолютизма [1]). Англійская политическая экономія возникла и развилась въ странѣ конституціонной свободы и стала распространяться на континентѣ какъ-разъ въ эпоху зарожденія либерализма. Представители послѣдняго проповѣдовали „свободу во всемъ“, какъ выразился Бенжаменъ Констанъ [2]), и между прочимъ свободу въ области промышленности, такъ что и политическія, и экономическія стремленія эпохи объединялись

---

[1]) Т. III, стр. 284—285.

[2]) См. выше, стр. 299.

на почвѣ однихъ и тѣхъ же принциповъ—индивидуальной свободы во всѣхъ сферахъ личной жизни и государственнаго невмѣшательства въ эту самую жизнь. Съ другой стороны, и политическія, и экономическія воззрѣнія эпохи благопріятствовали главнымъ образомъ одному общественному классу—„третьему сословію“, буржуазіи, которая, побѣдивъ аристократію, еще не имѣла противъ себя сплоченнаго рабочаго класса, этого „четвертаго сословія“ новѣйшей исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ интересахъ самой политической свободы, благими результатами которой въ теоріи должны были одинаково пользоваться всѣ классы общества, но которую оказывалось опаснымъ поручать охранѣ непосредственно ею недорожащихъ народныхъ массъ, либерализмъ той эпохи ограничивалъ политическія права всей націи въ пользу наиболѣе зажиточнаго и просвѣщеннаго класса, забывая [1]), однако, при этомъ, что тотъ классъ, въ руки коего переходила политическая власть, можетъ направлять внутреннюю политику въ виду исключительно своихъ классовыхъ интересовъ и даже прямо выступать на путь политической реакціи для противодѣйствія демократическимъ стремленіямъ, что̀ въ дѣйствительности и было во Франціи въ послѣдніе годы XVIII в. [2]) или въ Англіи въ эпоху реакціи [3]). Какъ бы тамъ ни было, либералы, искренно вѣрившіе въ то, что свобода несетъ съ собою благо всему народу, въ интересахъ этой самой свободы ограничивали пользованіе политическими правами лишь имущими классами общества. Совершенно такъ же экономисты, вѣрившіе, что увеличеніе производства и ростъ національнаго богатства создадутъ благосостояніе всѣхъ классовъ общества, въ интересахъ этого самаго производства и національнаго богатства, прославляли крупную промышленность, находившуюся въ рукахъ буржуазіи, не принимая въ расчетъ, что послѣдняя станетъ отождествлять интересы производства и національное богатство съ своими классовыми интересами и съ своимъ богатствомъ, въ силу чего народное благо можетъ оказаться и не въ выигрышѣ. Не нужно, однако, думать, чтобы люди идеи въ данномъ случаѣ кривили душой и сознательно игнорировали опасность предоставленія всей политической свободы и всего экономическаго могущества, т.-е. права распоряженія государственною и хозяйственною жизнью—одному только общественному классу; но самъ классъ этотъ, дѣйствительно, понималъ свою выгоду и потому былъ весьма расположенъ къ либеральнымъ политическимъ и экономическимъ теоріямъ. Поставить въ упрекъ политическимъ либераламъ эпохи можно не недобросовѣстность, а недо-

---

[1]) См. выше, стр. 287.
[2]) См. выше, стр. 34 и слѣд.
[3]) См. выше, стр. 445 и др.

статочную вдумчивость въ соціальныя отношенія. Если, напр., Бенжаменъ Констанъ, съ политической теоріей котораго мы уже знакомы [1]), требовалъ полной промышленной свободы, то требованіе это вытекало у него изъ общаго принципа, провозглашеннаго имъ въ безусловной чистотѣ, а никакъ не изъ желанія защищать интересы извѣстнаго общественнаго класса, хотя на самомъ дѣлѣ такая защита въ результатѣ и получалась. Въ виду того, что историки экономическихъ ученій обыкновенно не обращаютъ вниманія на то, какъ тѣ же самые вопросы, коими занимались экономисты, ставились у политическихъ писателей, касавшихся собственности, промышленности, труда и т. п., то мы и остановимся здѣсь на воззрѣніяхъ характернѣйшаго либеральнаго писателя эпохи—Бенжамена Констана, дабы показать, въ чемъ, въ сущности, заключалось ученіе политическаго либерализма въ примѣненіи къ экономическимъ вопросамъ, о которыхъ, прибавимъ, политическіе писатели, однако, думали сами слишкомъ мало.

„Такъ какъ,—говоритъ Бенжаменъ Констанъ,—общество не имѣетъ иныхъ правъ надъ индивидуумами, кромѣ права препятствовать имъ вредить другъ другу, то оно можетъ имѣть право вмѣшательства (juridiction) въ промышленность лишь въ предположеніи происходящаго отъ нея вреда. Но промышленность отдѣльнаго лица не можетъ вредить его ближнимъ до тѣхъ поръ, пока это лицо не призываетъ на помощь своему предпріятію и во вредъ предпріятіямъ чужимъ постороннія силы. Сущность индустріи—въ борьбѣ съ соперниками путемъ совершенно свободной конкурренціи и при помощи усилій добиться внутренняго превосходства. Всѣ средства иного рода, къ коимъ стали бы тутъ прибѣгать, представляли бы собою уже не промышленность, но или угнетеніе, или обманъ. Общество должно было бы имѣть право и даже обязанность подавлять такія средства, но изъ этого права общества вытекаетъ, что у него нѣтъ права употреблять въ пользу промышленныхъ интересовъ одного и во вредъ промышленнымъ интересамъ другихъ—такія средства, пользованіе коими оно всѣмъ должно запрещать“. Съ этой точки зрѣнія Бенжаменъ Констанъ возставалъ противъ всякихъ запрещеній и монополій и также противъ всякихъ поощреній. Между прочимъ онъ вооружался и противъ старыхъ цеховыхъ установленій, находя ихъ несправедливыми и нелѣпыми, ибо они лишали человѣка, нуждающагося въ трудѣ, возможности работать и подъ предлогомъ усовершенствованія ремеслъ создавали препятствія для свободной конкурренціи, этого наиболѣе дѣйствительнаго средства совершенствованія всѣхъ производствъ. Вмѣстѣ съ этимъ Бенжаменъ Констанъ высказывался

[1]) См. выше, стр. 298 и слѣд.

противъ регламентаціи заработной платы, и при этомъ онъ прямо защищалъ интересы рабочаго. Бѣднякъ, нуждающійся въ трудѣ, чтобы не умереть съ голоду и не уморить свою семью, и безъ того находится во власти богача, могущаго отказать ему въ работѣ, а тутъ противъ бѣдняка были бы еще законы, устанавливающіе размѣръ платы безъ всякаго вниманія къ обстоятельствамъ, къ ловкости или усердію рабочаго. „Не думайте, будто установленіе заработной платы нужно для того, чтобы подавлять чрезмѣрную требовательность работниковъ и вздорожаніе рабочихъ рукъ. Бѣдность имѣетъ очень скромныя желанія. Развѣ простой голодъ не заставляетъ рабочаго, оставивъ въ сторонѣ всякія разсужденія о своихъ правахъ, продавать свое время и свои силы ниже дѣйствительной ихъ стоимости?.. Къ чему регламентація, когда сама природа вещей установляетъ законъ безъ какихъ бы то ни было прижимокъ и насилія?“ Съ точки зрѣнія интересовъ потребителей она тоже ненужна: „между публикой и рабочимъ существуетъ безжалостный классъ хозяевъ (maîtres). Сколько лишь возможно, онъ даетъ наименьшую плату и стремится получать какъ можно больше, извлекая одновременно выгоду и изъ нуждъ рабочаго класса, и изъ потребностей зажиточной части общества... Есть вѣчная причина равновѣсія между цѣною и стоимостью труда, причина, дѣйствующая безъ принужденія и такъ, чтобы всѣ расчеты были благоразумны и всѣ интересы удовлетворены. Эта причина заключается въ конкурренціи, а ее-то и отвергаютъ“. Въ числѣ аргументовъ противъ поощреній Бенжаменъ Констанъ указывалъ на то, что они убиваютъ предпріимчивость населенія и заставляютъ его слишкомъ полагаться на правительственную помощь. „Въ государствахъ съ свободными учрежденіями,—говоритъ еще Бенжаменъ Констанъ,—вопросъ о поощреніяхъ и воспособленіяхъ можетъ быть разсматриваемъ и съ особой точки зрѣнія. Хорошо ли, чтобы правительство привязывало къ себѣ извѣстные классы управляемыхъ посредствомъ щедротъ, по существу своему произвольныхъ, хотя бы распредѣлялись онѣ вполнѣ разумно? Развѣ нельзя опасаться, что эти классы, соблазненные непосредственною и положительною выгодой, могутъ сдѣлаться равнодушными къ нарушеніямъ индивидуальной свободы или справедливости?“ Каждый лучше другихъ знаетъ собственный свой интересъ. „Истинное поощреніе для всѣхъ родовъ труда заключается въ потребности, какую въ немъ чувствуютъ. Достаточно одной свободы, чтобы поддерживать ихъ всѣ въ спасительной и надлежащей пропорціи“. По мнѣнію Бенжамена Констана, писатели, указывавшіе на бѣдственное положеніе трудящихся классовъ общества при произвольныхъ правительствахъ, напрасно думали, что прямымъ дѣйствіемъ власти можно было бы

облегчить ихъ положеніе: причина бѣдствія—въ дурномъ политическомъ устройствѣ, лѣкарство—только въ свободѣ и справедливости.

Къ этой передачѣ экономическихъ воззрѣній Бенжамена Констана нужно прибавить нѣсколько комментаріевъ. Во-первыхъ, представляемый имъ либерализмъ отнюдь не отрицалъ права государственнаго вмѣшательства въ промышленность, разъ отъ послѣдней происходитъ вредъ. Во-вторыхъ, этотъ либерализмъ высказывался противъ какой бы то ни было искусственной помощи промышленности со стороны какихъ бы то ни было постороннихъ силъ, а въ сущности вѣдь такою постороннею помощью промышленнымъ предпринимателямъ и было запрещеніе рабочихъ коалицій. Въ-третьихъ, высказываясь противъ регламентаціи рабочей платы, онъ защищалъ интересы не фабрикантовъ, а рабочихъ, ибо раньше обыкновенно эта регламентація имѣла именно характеръ правительственнаго вмѣшательства въ пользу предпринимателей, хотя, конечно, у этого предмета есть и другая сторона, почему-то не приходившая въ голову Бенжамена Констана: у него мы совсѣмъ не находимъ разбора вопроса о регламентаціи труда въ пользу рабочаго. Въ-четвертыхъ, самъ Бенжаменъ Констанъ называетъ классъ хозяевъ „безжалостнымъ“, чего, разумѣется, онъ не сталъ бы говорить, еслибы защита имъ промышленной свободы была внушена ему интересами этого класса. Въ-пятыхъ, Бенжаменъ Констанъ вполнѣ раздѣляетъ оптимистическую вѣру многихъ людей своей эпохи, что свободная конкурренція заключаетъ въ себѣ наилучшее средство къ устраненію всѣхъ несовершенствъ жизни. Наконецъ, онъ прямо вооружается противъ того, чтобы поощряемые государственною властью промышленные классы ради поддержки такого правительства, которое служитъ лишь ихъ матеріальнымъ интересамъ, могли за это жертвовать свободою и справедливостью. Въ общемъ, значитъ, Бенжаменъ Констанъ защищалъ промышленную свободу bona fide, вѣря въ дѣйствительную ея спасительность въ интересахъ самой же народной массы.

Возьмемъ теперь другого политическаго писателя эпохи—Бентама. Онъ тоже принадлежалъ къ числу передовыхъ либераловъ эпохи, и въ то же время его политическая теорія была вполнѣ демократическою [1]), такъ что заподозрить его стремленія въ „буржуазности“ нѣтъ никакихъ основаній. Мы видѣли, что въ его теоріи верховнымъ принципомъ нравственности, законодательства и управленія государствомъ было наибольшее счастье наибольшаго числа людей, но это и Бентаму не мѣшало быть однимъ изъ ревностныхъ проповѣдниковъ государственнаго невмѣшательства въ экономическую жизнь.

---

[1]) См. выше, стр. 487 и слѣд.

Его моральная философія и экономическія воззрѣнія оказали вообще значительное вліяніе на политическую экономію въ Англіи: онъ даже считалъ себя „духовнымъ дѣдомъ“ экономиста Рикардо, который былъ „духовнымъ сыномъ“ Джемса Милля, по отношенію къ коему Бентамъ считалъ себя „духовнымъ отцомъ“. Въ частности, напр., извѣстно, что Бентамъ въ своемъ сочиненіи „Защита денежнаго роста“ (Defence of usury) возставалъ противъ законовъ, ограничивавшихъ процентныя операціи, чѣмъ немало способствовалъ отмѣнѣ ихъ и на родинѣ, и въ другихъ европейскихъ странахъ. Въ основѣ всѣхъ соціологическихъ воззрѣній Бентама лежала его этическая доктрина—утилитаризмъ [1]). Каждый человѣкъ стремится къ личному счастью, и потому главный предметъ его заботы, это—онъ самъ, вслѣдствіе чего собственный интересъ для него важнѣе какихъ бы то ни было другихъ интересовъ. Это,—думаетъ Бентамъ,—отнюдь не можетъ препятствовать добродѣтели, ибо что такое общее благо, какъ не простая сумма индивидуальныхъ благъ? Съ этой точки зрѣнія идею долга, во имя котораго моралисты требуютъ отказа отъ собственнаго интереса, Бентамъ называлъ звучнымъ словомъ, въ сущности совершенно пустымъ. Человѣкъ служитъ другому человѣку лишь постольку, поскольку находитъ въ этомъ выгоду, и есть масса случаевъ, гдѣ людская солидарность и сама представляетъ изъ себя выгоду для всѣхъ. Къ сожалѣнію, люди, стремясь къ счастью, не всегда понимаютъ, какими способами его достигать, такъ что если бы люди на этомъ пути никогда не дѣлали ложныхъ шаговъ, т. е. производили бы всегда вѣрный расчетъ, то этимъ самымъ осуществилось бы общее благополучіе. Тѣмъ не менѣе единственнымъ компетентнымъ судьей своей собственной пользы можетъ быть только самъ человѣкъ, а потому слѣдуетъ человѣку, достигшему извѣстнаго возраста и находящемуся въ здравомъ умѣ, предоставить свободу сужденія и дѣйствія во всѣхъ вопросахъ, касающихся его собственной пользы. Эти взгляды Бентама имѣютъ несомнѣнное сродство съ тою посылкою, которую Адамъ Смитъ положилъ въ основу своей политической экономіи, ибо для цѣлей научнаго анализа ему какъ-разъ нужно было сдѣлать предположеніе, что въ хозяйственной дѣятельности человѣкъ прежде всего руководится собственнымъ матеріальнымъ интересомъ, чему, по его мнѣнію, отнюдь и не слѣдуетъ препятствовать, такъ какъ, стремясь къ личной выгодѣ, люди тѣмъ самымъ достигаютъ и общей пользы. Хотя Адамъ Смитъ въ своей экономической теоріи и взялъ человѣка подъ угломъ зрѣнія утилитаризма, самъ онъ, какъ извѣстно, вовсе не былъ представите-

[1]) Представителемъ утилитаризма былъ и видный экономистъ середины XIX в. Джонъ Стюартъ Милль.

лемъ этой доктрины. Онъ состоялъ профессоромъ морали въ Глазго, и его курсъ обнималъ собою естественное богословіе, этику, право и экономику, причемъ ранѣе своего „Богатства народовъ“ (1776), съ коего начинается развитіе политической экономіи, онъ издалъ первыя части своего курса подъ заглавіемъ „Теоріи нравственныхъ чувствъ“ (1759), въ коей развивалъ ученіе о происхожденіи нравственности изъ симпатіи, т. е. любви къ ближнему, которая, какъ таковая, противополагается эгоизму.

Чтобы понять исходную точку зрѣнія новой политической экономіи на мотивы хозяйственной дѣятельности человѣка, которой должна была быть предоставлена наибольшая свобода, нужно принять во вниманіе, во-первыхъ, то, что Адамъ Смитъ, учившій самъ о симпатіи, какъ истинной основѣ морали, находилъ нужнымъ для цѣлей своего экономическаго изслѣдованія стать на точку зрѣнія утилитаризма, такъ какъ хозяйственная дѣятельность человѣка, дѣйствительно, прежде всего опредѣляется стремленіемъ къ матеріальному благосостоянію личности, а, во-вторыхъ, то, что Адамъ Смитъ усвоилъ себѣ физіократическое ученіе объ „естественномъ порядкѣ“ экономической жизни, устанавливаемомъ „властью природы“ безъ искусственнаго вмѣшательства со стороны человѣка, которое-де, наоборотъ, въ этомъ дѣлѣ можетъ только напортить, и о томъ, что этотъ „естественный порядокъ“ силою „естественнаго закона“ заключается въ гармоніи интересовъ [1]). На Адамѣ Смитѣ, который въ 1765 г. ѣздилъ въ Парижъ и сошелся тамъ съ физіократами очень близко, съ большою силою сказалось вліяніе философскихъ воззрѣній этой школы. Физіократы были врагами государственной опеки и правительственнаго произвола, царившихъ въ XVIII в., Адамъ Смитъ—тоже, и жили всѣ они и писали еще въ ту эпоху, когда всѣ, какія только существовали, стѣсненія и ограниченія промышленной свободы или являлись чѣмъ-то, утратившимъ прежнія основанія своего существованія, или были прямо одними лишь препятствіями для дальнѣйшаго экономическаго развитія. Самъ Адамъ Смитъ высоко ставилъ родоначальника физіократіи Кенэ и говорилъ, что не умри послѣдній раньше, онъ именно ему посвятилъ бы свое „Богатство народовъ“. Въ свою очередь раціоналистическое представленіе объ „естественномъ порядкѣ“,—который, какъ не разъ выражается самъ Адамъ Смитъ, направляется „невидимою рукою“,—было видоизмѣненною формою вѣры въ мудрое божественное міроправленіе, устраивающее вездѣ гармонію. XVIII вѣкъ вообще весьма оптимистически смотрѣлъ на „природу“, на „естественные законы“, отождествляя ихъ съ идеалами разума и противополагая имъ неприглядъ-

[1]) Т. III, стр. 243 и слѣд.

ную дѣйствительность, созданную искусственнымъ вмѣшательствомъ человѣка въ прекрасный „естественный порядокъ“. Физіократы перенесли представленіе о такомъ порядкѣ въ область экономическихъ отношеній, и Адамъ Смитъ, читавшій курсы по естественному богословію, это воззрѣніе усвоилъ. Весь міръ народнаго хозяйства ему представлялся, какъ основанный на нѣкоторомъ внутреннемъ порядкѣ, который самъ-собою, безъ вмѣшательства государственной власти создаетъ гармонію между усиліями отдѣльныхъ лицъ, разъ имъ предоставлена свобода безпрепятственно проявлять свои стремленія и достигать своихъ цѣлей. Адамъ Смитъ писалъ еще тогда, когда „индустріальная революція“ только что начиналась, и онъ не могъ, конечно, предвидѣть ея послѣдствій въ родѣ эксплуатаціи капитала трудомъ, промышленныхъ кризисовъ и т. п. явленій, которыя прямо противорѣчатъ гармоніи естественнаго порядка; потому-то онъ, чистѣйшій альтруистъ въ своей моральной философіи, безъ боязни развивалъ утилитаристическую точку зрѣнія, лучше всего объясняющую хозяйственную дѣятельность человѣка. По его представленію, мудрая природа въ каждое человѣческое существо вкладываетъ стремленіе къ улучшенію своего матеріальнаго быта, вслѣдствіе чего люди въ своей хозяйственной жизни добиваются прежде всего получить ту или другую выгоду, стараясь притомъ достигнуть этого при наименьшей затратѣ труда и средствъ: это есть то, что называется хозяйственнымъ расчетомъ. Къ чему влечетъ человѣка этотъ могучій мотивъ его хозяйственной дѣятельности? Къ тому, конечно, чтобы производить какъ можно больше при наименьшемъ затрачиваніи усилій, чтобы, кромѣ того, въ случаѣ обмѣна продуктовъ дорого продавать свои продукты и, наоборотъ, покупать чужіе дешево, чтобы, далѣе, пользоваться чужой землей, чужимъ капиталомъ, чужимъ трудомъ за возможно сходную цѣну, но свою землю отдавать въ наемъ, ссужать свои деньги и самому наниматься на работу, напротивъ, за наиболѣе высокую, какую только можно взять, цѣну. Человѣкъ въ экономической теоріи Адама Смита является такимъ же, какимъ Бентамъ его выставляетъ въ своей этической доктринѣ: самъ человѣкъ—единственный компетентный судья собственной своей выгоды, а потому какая бы то ни было опека надъ нимъ излишня. Адамъ Смитъ думаетъ, кромѣ того, что поведеніе человѣка, руководимое хозяйственнымъ расчетомъ, оказывается выгоднымъ и для всего общества, ибо таковъ естественный порядокъ вещей, устанавливаемый „невидимою рукою“. Отсюда-то и выводилось у Адама Смита требованіе свободы для каждаго индивидуума въ области его хозяйства, т.-е. экономическая свобода являлась выводомъ изъ того предположенія, что природа въ своей мудрости наилучшимъ образомъ согласуетъ между собою инте-

ресы отдѣльныхъ лицъ и изъ видимой борьбы этихъ интересовъ создаетъ дѣйствительную ихъ гармонію. Каждый человѣкъ лучше всякаго законодателя знаетъ, что́ ему выгоднѣе, тогда какъ государственное вмѣшательство оказывается или безполезнымъ, или прямо вреднымъ. Изъ этого ученія многіе послѣдователи Адама Смита вывели два положенія, коимъ даже придали безусловное значеніе, какого у основателя политической экономіи они не имѣли,—будто хозяйственный интересъ есть единственный и исключительный мотивъ человѣческой дѣятельности и будто самая безграничная хозяйственная свобода индивидуума есть единственное и исключительное средство для борьбы съ бѣдствіями, удручающими человѣчество въ его матеріальной жизни. Въ своей практической экономикѣ Адамъ Смитъ принималъ въ расчетъ интересы морали, воспитанія, политики и т. п., которымъ тоже должно принадлежать важное значеніе въ жизни народовъ. Возставая противъ цеховыхъ учрежденій съ ихъ устарѣлыми стѣсненіями, онъ защищалъ интересы самихъ рабочихъ, такъ какъ стѣсненія эти лишали ихъ самой священной ихъ собственности, составляющей основу всякой собственности, лишали именно права свободно распоряжаться своимъ трудомъ, своею силою и ловкостью своихъ рукъ.

Это ученіе о хозяйственномъ интересѣ, заставляющемъ получать какъ можно больше, давая, наоборотъ, какъ можно меньше, это ученіе о томъ, что никто не долженъ препятствовать отдѣльному лицу, какъ оно само знаетъ, осуществлять свой интересъ, это ученіе о необходимости промышленной свободы сдѣлалось весьма популярнымъ въ классѣ крупныхъ промышленниковъ, и они весьма охотно ссылались на это ученіе, чтобы оправдывать свое поведеніе и свои требованія отъ государства. По отношенію къ рабочимъ фабриканты стали дѣйствовать именно такъ, какъ имъ подсказывалъ ихъ хозяйственный расчетъ, который подсказывалъ имъ также, что для нихъ гораздо выгоднѣе будетъ, если государство не станетъ вмѣшиваться въ отношенія между капиталомъ и трудомъ, ибо само экономическое превосходство капитала создаетъ наиболѣе выгодныя для производства условія пользованія трудомъ рабочихъ. Вѣдь трудъ—тотъ же товаръ, одними покупаемый, другими продаваемый на основаніи совершенно свободнаго договора, а цѣна товара—въ данномъ случаѣ рабочая плата—находится въ зависимости лишь отъ естественнаго закона, коимъ управляется отношеніе между спросомъ и предложеніемъ. Если рабочіе искусственными мѣрами, напр., стачками, союзами и т. п. думаютъ поднять рабочую плату, они совершаютъ безсмысленный и вредный поступокъ, — безсмысленный потому, что идутъ противъ естественнаго закона, коимъ устанавливается рабочая плата, хотя бы она и оказывалась слишкомъ недостаточною для содержанія

рабочихъ, а вредный потому, что этимъ нарушается промышленная свобода. Впослѣдствіи эти эгоистическія стремленія промышленной буржуазіи взяла подъ свою охрану такъ называемая манчестерская школа, устранившая изъ политической экономіи всякія соображенія нравственнаго свойства, чего никакъ нельзя ставить въ вину самому основателю политической экономіи. Формула Гурнэ: laissez faire, laissez passer [1]) лучше всего стала выражать мысль этой школы и такъ называемыхъ фритредеровъ [2]).

Возвращаемся къ изложенію основныхъ стремленій экономистовъ. И физіократы, и Адамъ Смитъ полагали, что послѣ уничтоженія всѣхъ тѣхъ помѣхъ, которыя заключались въ старой регламентаціи промышленности, производство возрастетъ и произойдетъ общее благополучіе. Поэтому экономисты привѣтствовали все, что только способствовало накопленію капиталовъ, и сама политическая экономія приняла такой характеръ, будто, какъ давно уже выразился одинъ писатель [3]), не богатство существуетъ для человѣка, а человѣкъ для богатства. Накопленіе, дѣйствительно, представляетъ собою одну изъ важнѣйшихъ необходимостей, но тутъ произошло нѣкоторое смѣшеніе понятій, а именно накопленіе капиталовъ стало пониматься въ смыслѣ образованія, развитія и обогащенія того общественнаго класса, который владѣетъ капиталами. Уже физіократы смѣшивали интересы сельскаго хозяйства вообще съ частными интересами земельныхъ собственниковъ и зажиточныхъ фермеровъ. Конечно, Адамъ Смитъ гораздо вѣрнѣе и полнѣе, нежели физіократы, понялъ, въ чемъ заключается національное богатство и какіе факторы участвуютъ въ его созданіи, указавъ на то, что богатство это состоитъ не въ одной землѣ, какъ думали физіократы, и не въ однѣхъ деньгахъ, какъ представляли себѣ это меркантилисты, а во всѣхъ предметахъ, служащихъ для удовлетворенія нашихъ потребностей и умноженія наслажденій, доставляемыхъ жизнью, и что факторами производства являются земля (вообще всѣ силы природы), капиталъ (сбереженные запасы, необходимые для полученія дохода) и трудъ человѣка, который у него является даже самымъ основнымъ факторомъ экономической жизни; но, говоря о землѣ, капиталѣ и трудѣ, какъ таковыхъ, Адамъ Смитъ весьма часто думалъ при этомъ въ сущности о землевладѣльцахъ, капиталистахъ и рабочихъ, не представляя себѣ другихъ отношеній между землею, капиталомъ и трудомъ, какъ тѣ, которыя существовали въ Англіи, гдѣ эти три фактора производства были представлены тремя

---

[1]) Т. III, стр. 244.
[2]) Free trade—свободная торговля.
[3]) Droz.

различными общественными классами [1]), тогда какъ возможно—и въ теоріи, и на практикѣ—соединеніе въ одномъ лицѣ и землевладѣльца, и капиталиста (въ смыслѣ обладателя орудій производства и запасовъ, необходимыхъ для производства), и рабочаго. Одною изъ важнѣйшихъ научныхъ заслугъ Адама Смита были сдѣланныя имъ опредѣленіе и анализъ понятія капитала, но у него нерѣдко созданіе новыхъ капиталовъ являлось равносильнымъ одностороннему обогащенію капиталистовъ. Общій интересъ, по мнѣнію Адама Смита, долженъ стремиться къ накопленію капиталовъ, ибо отъ этого, съ одной стороны, произойдетъ удешевленіе продуктовъ вслѣдствіе увеличенія ихъ предложенія на рынкѣ, а во-вторыхъ, будетъ больше фондовъ для потребленія рабочихъ, которые пользуются въ видѣ платы за трудъ частью капитала, предназначенною на воспроизведеніе потребленныхъ продуктовъ. Уже физіократы говорили о томъ, что мелкій сельскій хозяинъ не въ состояніи дать работы и, слѣдовательно, пропитанія другимъ, тогда какъ одинъ крупный фермеръ можетъ занять многихъ рабочихъ, причемъ и уму физіократовъ не представлялся такой порядокъ вещей, при которомъ всякій земледѣльческій рабочій былъ бы занятъ на своемъ собственномъ хозяйствѣ и не нуждался бы какъ въ томъ, чтобы нанимать къ себѣ на работу другихъ, такъ и въ томъ, чтобы самому у другихъ наниматься на работу. „Обыкновенно,—писалъ аб. Бодо [2]),—смѣшиваютъ крупныхъ фермеровъ съ классомъ землевладѣльцевъ и классомъ земледѣльческихъ рабочихъ, между которыми въ истинно цивилизованныхъ обществахъ они являются только посредниками. Это смѣшеніе очень часто и на самомъ дѣлѣ достигаетъ слишкомъ большихъ размѣровъ, такъ что многіе мыслители и писатели считаютъ его весьма естественнымъ, а нѣкоторые даже становятся на такую точку зрѣнія, съ которой экономическое различіе между крупнымъ фермеромъ и двумя другими классами является какимъ-то недостаткомъ. Въ самомъ дѣлѣ,—продолжаетъ онъ,—во многихъ государствахъ и во многихъ провинціяхъ не существуетъ или почти не существуетъ крупныхъ фермеровъ, этого драгоцѣннаго класса истинныхъ земледѣльцевъ (laboureurs-сельскихъ хозяевъ), которые умѣютъ, которые могутъ, которые имѣютъ охоту брать на себя и вести на свой счетъ и на свой страхъ большія производительныя предпріятія... Въ обществѣ истинно благоустроенномъ на основахъ экономическихъ принциповъ,—писалъ аб. Бодо въ другомъ мѣстѣ, — простые земледѣльческіе рабочіе должны быть людьми свободными, ничѣмъ не стѣсненными, безусловными господами своего

[1]) См. выше, стр. 557.
[2]) Ср. т. III, стр. 258.

труда и движимаго имущества, пріобрѣтеннаго этимъ трудомъ“ [1]). Адамъ Смитъ смотрѣлъ на дѣло не иначе—по отношенію къ обрабатывающей промышленности и, такъ сказать, не представлялъ себѣ накопленія капитала безъ односторонняго обогащенія капиталиста. Разъ накопленіе объявлялось цѣлью народнаго хозяйства, въ этомъ дѣлѣ прежде всего слѣдовало заинтересовать предпринимателей, ускоривъ процессы производства, удешевивъ расходы по производству и снявъ съ него всѣ стѣсненія, какимъ только оно подчинялось. Ускореніе достигалось машинами, а промышленная свобода вела къ выгодной для производства конкурренціи, посредствомъ коей должно было достигаться общее его усовершенствованіе, но вѣдь въ понятіе удешевленія расходовъ могли входить и уменьшеніе рабочей платы до того minimum'а, при которомъ человѣкъ не умираетъ съ голода, и широкое пользованіе дѣтскимъ трудомъ, и удлиненіе рабочаго дня и т. п. Адамъ Смитъ замѣчательно разработалъ теорію производства, указавъ на преимущества крупной промышленности передъ мелкою въ смыслѣ общаго увеличенія дохода страны, но нельзя сказать, чтобы то же самое сдѣлано было имъ по отношенію къ распредѣленію и потребленію продуктовъ. Съ этой точки зрѣнія Адамъ Смитъ видитъ въ человѣкѣ лишь частицу великаго хозяйственнаго механизма цѣлой націи, лишь силу, создающую новыя цѣнности. Онъ уже имѣлъ возможность наблюдать, какое громадное значеніе замѣна мелкаго производства крупнымъ имѣла для возрастанія производительности труда и для накопленія богатства, благодаря дѣйствію капитала, раздѣленію занятій, возможному лишь при крупномъ производствѣ, и введенію машинъ, которое тогда уже начиналось.

„Богатство народовъ“ сдѣлалось въ концѣ XVIII в. однимъ изъ наиболѣе популярныхъ сочиненій по общественнымъ наукамъ въ Англіи, а въ началѣ XIX в. и на континентѣ Европы, гдѣ около этого времени начинается и популяризація идей Адама Смита. Начало политической экономіи, какъ науки, изслѣдующей законы народнаго хозяйства, было положено, но дѣйствительная жизнь весьма скоро указала на многія ошибочныя стороны въ новомъ экономическомъ ученіи. Переходъ отъ XVIII къ XIX в. въ исторіи политической экономіи былъ ознаменованъ появленіемъ труда, которымъ былъ нанесенъ тяжелый ударъ теоріи объ экономической гармоніи, какъ ее понимали и физіократы, и Адамъ Смитъ, примѣняя идею естественнаго права къ фактамъ народнаго хозяйства.

Нельзя, впрочемъ, утверждать, чтобы и въ XVIII в. вѣра въ эту гармонію была всеобщею. Ученіе физіократовъ подвергалось кри-

---

[1]) Ср. взгляды Вольтера на тотъ же предметъ, т. III, стр. 168.

тикѣ, имъ предъявляли „сомнѣнія относительно естественнаго порядка“ [1]). Напр., за годъ до появленія въ свѣтъ „Богатства народовъ“ будущій министръ Людовика XVI, Неккеръ, писалъ въ своемъ сочиненіи „Sur la législation et le commerce des grains“ слѣдующія строки: „Было бы достойнымъ удивленія, если бы въ то самое время, какъ государь черезъ свои суды наблюдаетъ за малѣйшими столкновеніями интересовъ между гражданами, перестали считать въ числѣ его обязанностей важнѣйшій изъ всѣхъ надзоровъ — заботу держать въ гармоніи оба класса, на которые раздѣляется общество, и священную охрану вѣчныхъ правъ человѣчества, тѣхъ самыхъ, которыя часто оскорбляются преувеличенными притязаніями собственниковъ и возстановленія которыхъ требуетъ народъ, когда онъ хочетъ жить и за это предлагаетъ въ обмѣнъ свой трудъ и свою силу.“ Въ этихъ словахъ нѣтъ и признака вѣры въ существованіе естественной гармоніи между „обоими классами, на которые раздѣляется общество“, и, наоборотъ, говорится, что такую гармонію должно было бы установлять государство. Съ другой стороны, Мабли, допускавшій, что основу морали составляетъ личный интересъ, находилъ, что лишь въ томъ случаѣ можетъ существовать гармонія личныхъ интересовъ, если будетъ уничтожена частная собственность, какъ источникъ любостяжанія, неравенства и угнетенія [2]). Адамъ Смитъ, наоборотъ, на этомъ самомъ „любостяжаніи“ думалъ какъ-разъ и основать естественную гармонію интересовъ. По его ученію должно было бы выходить, что съ увеличеніемъ производства началось бы настоящее благосостояніе народныхъ массъ, но на самомъ дѣлѣ въ первую же четверть вѣка, послѣдовавшую за выходомъ въ свѣтъ „Богатства народовъ“, бѣдность въ Англіи сдѣлала поражающіе успѣхи, что прямо бросалось всѣмъ въ глаза и представляло изъ себя вопросъ, требовавшій разрѣшенія. Въ 1793 г. вышло въ свѣтъ „Изслѣдованіе о политической справедливости“ (Inquiry concerning political justice), авторъ коего Вильямъ Годвинъ, послѣдователь теорій Руссо и ученія Кондорсе о прогрессѣ [3]), развивалъ ту мысль, что вина всѣхъ общественныхъ бѣдствій лежитъ въ несовершенствѣ человѣческихъ учрежденій, которыя, однако, подлежатъ совершенствованію. Дѣло именно въ томъ, что матеріальныхъ благъ, существующихъ въ мірѣ, вполнѣ хватило бы на всѣхъ, если бы только эти блага были равномѣрно распредѣлены, но въ дѣйствительности одинъ имѣетъ слишкомъ много, а другой, наоборотъ, имѣетъ слишкомъ мало, а не то—

---

[1]) Названіе одного изъ сочиненій Мабли: Doutes proposées aux philosophes-économistes sur l'odre naturel et essentiel des sociétés. T. III, стр. 260.

[2]) T. III, стр. 247.

[3]) T. III, стр. 147.

такъ и ничего не имѣетъ. Стоитъ только распредѣлить богатство съ такою же равномѣрностью, съ какою распредѣленъ трудъ, безъ котораго не было бы и богатства, и тогда всякій безъ особенно большихъ усилій будетъ имѣть все, что нужно для жизни, конечно, для жизни очень простой, а кромѣ того, у него останется еще досугъ для духовнаго совершенствованія, благодаря чему вообще разумъ восторжествуетъ въ жизни. Сочиненіе это и другое (1797 г.), въ коемъ Годвинъ повторилъ свои взгляды, вызвало возраженіе со стороны Мальтуса, уже ранѣе обращавшаго вниманіе на вопросъ о причинахъ бѣдности. Отецъ Мальтуса самъ былъ поклонникомъ идей Руссо и Кондорсе и очень увлекался взглядами Годвина, но сынъ [1]), настроенный консервативно, оспаривалъ доводы своего отца, и вотъ изъ ихъ спора на тему о причинахъ бѣдности возникло сочиненіе Мальтуса подъ заглавіемъ „Опытъ о законѣ народонаселенія съ замѣчаніями на воззрѣнія Годвина, Кондорсе и другихъ писателей", вышедшее въ свѣтъ въ 1798 г. и повторенное въ сильно переработанномъ видѣ въ 1803 г. подъ названіемъ — „Опытъ о законѣ населенія, или взглядъ на его значеніе для счастья общества въ прошедшемъ и настоящемъ, а кромѣ того, изученіе, насколько основательны наши ожиданія относительно устраненія или смягченія тѣхъ бѣдствій, которыя онъ производитъ". До смерти Мальтуса (1834 г.) эта книга выдержала шесть изданій, причемъ онъ постоянно ее дополнялъ новыми соображеніями. Своей задачею Мальтусъ поставилъ доказать, что никакія учрежденія, никакое правительство, никакіе законы не въ состояніи нарушить естественнаго порядка: нѣтъ въ мірѣ экономической гармоніи, ибо законъ природы совсѣмъ иной, и если страданія рабочихъ не оправдали тѣхъ ожиданій, какія возлагались на усиленное производство, то это именно потому, что иначе и быть не можетъ по самому закону населенія, стремящагося возрастать въ геометрической прогрессіи, тогда какъ средства питанія ростутъ лишь въ прогрессіи ариѳметической. Мысль о томъ, что могущій народиться излишекъ населенія въ состояніи парализовать самыя благодѣтельныя реформы, была высказана еще раньше въ сочиненіи Роберта Уоллеса (Wallace) „Разные взгляды на человѣка, природу и Провидѣніе" (1761) и имъ пользовался самъ Мальтусъ, работая надъ своимъ „Опытомъ", но Уоллесъ разсуждалъ объ общеніи имуществъ, какъ наилучшемъ, по его мнѣнію, средствѣ прекратить общественныя бѣдствія, и его останавливало лишь одно соображеніе, подрывающее его мысль: это именно излишекъ народонаселенія. Мальтусъ за эту-то самую мысль и схватился для того, чтобы защитить ссылкою на законъ природы существующій порядокъ вещей противъ нападавшихъ на него новаторовъ

[1]) James Bonar. Malthus and his works. 1885.

и революціонеровъ. Его ученіе пришлось по вкусу всѣмъ, кому нужно было во что бы то ни стало оправдать экономическій statum quo. Тѣ же самые люди, которые прежде защищали этотъ порядокъ съ оптимистической точки зрѣнія, ссылаясь на осуществляемую имъ гармонію интересовъ, теперь стали защищать его, такъ сказать, пессимистически, указывая на то, что хотя всѣ бѣдствія, причиняемыя этимъ порядкомъ, несомнѣнны и очевидны, но что же дѣлать, если иначе и быть не можетъ въ силу непреложнаго закона самой природы: населеніе ростетъ въ прогрессіи геометрической, а средства для его питанія—лишь въ прогрессіи ариѳметической. „Человѣкъ, рождающійся на свѣтъ, уже занятый другими, если семья не имѣетъ средствъ его кормить, или если общество не нуждается въ его работѣ, — такой человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать себѣ ни малѣйшей даже части пищи, и на самомъ дѣлѣ онъ—лишній на свѣтѣ. На большомъ пиру природы для него не поставлено прибора. Природа приказываетъ ему удалиться и не замедляетъ сама привести въ исполненіе этотъ приговоръ“,—такова формулировка, въ коей самъ Мальтусъ представляетъ суть своего жестокаго ученія, указывавшаго далѣе на войну, на голодъ, на чуму, какъ на средства, коими природа устраняетъ лишніе рты, для которыхъ не было ею заготовлено прибора на жизненномъ пиру. Выводы отсюда дѣлались тоже весьма простые. Мальтусъ вооружался противъ благотворительности вообще и въ частности противъ законовъ о бѣдныхъ, находя, что сами по себѣ они безсильны, чтобы помочь злу, а только приносятъ еще бо́льшее зло, поощряя среди рабочихъ безпечность и невоздержность. Пролетаріатъ для предотвращенія возможности чрезмѣрнаго возрастанія населенія, долженъ наложить на себя узду моральнаго воздержанія, не вступая въ браки, дабы не плодить нищихъ; законы же противъ незаконныхъ дѣтей должны тоже служить средствомъ противъ распложенія излишняго количества людей. Эта теорія разрушила ученіе о гармоніи интересовъ, но въ то же время дала возможность инымъ способомъ оправдать существованіе бѣдности, что было весьма важно для буржуазіи, эксплуатировавшей эту самую бѣдность. Мы уже видѣли, напр., какіе экономическіе интересы заставляли имущіе классы стремиться къ отмѣнѣ законодательства о бѣдныхъ, сильно понижавшаго земельную ренту и другіе доходы съ имуществъ [1]), и вотъ теорія Мальтуса являлась какъ нельзя болѣе кстати, чтобы оправдать раціональными требованіями политической экономіи необходимость отмѣны этого законодательства. Самъ Мальтусъ, впрочемъ, говорилъ, что, „желая выпрямить согнутую палку, онъ, быть можетъ, слишкомъ перегнулъ ее въ обратную сто-

[1]) См. выше, стр. 586—587.

рону": дѣйствительно, онъ до-нельзя преувеличилъ значеніе фактора возрастанія народонаселенія, которое увеличивается далеко не въ такой мѣрѣ, какъ это ему представлялось, тогда какъ, наоборотъ, вопреки мрачному пророчеству Мальтуса, благодаря успѣхамъ техники, производство продуктовъ въ XIX в. положительно стало перегонять приростъ народонаселенія. Правда, „Опытъ о законѣ народонаселенія" имѣлъ и весьма важное значеніе въ исторіи экономической науки, поставивъ на разрѣшеніе вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между народонаселеніемъ и силами природы, но здѣсь насъ интересуетъ общественная сторона ученія, а она именно въ томъ и состояла, что успокаивала совѣсть имущихъ классовъ, снимая съ нихъ отвѣтственность за бѣдствія рабочихъ и сваливая на собственную непредусмотрительность и невоздержность послѣднихъ всѣ бѣдствія, коимъ они подвергаются. Идеями Мальтуса прямо пользовались для того, чтобы останавливать всѣ попытки соціальныхъ реформъ тѣмъ соображеніемъ, что это ни къ чему не поведетъ, какъ это сдѣлалъ, напр., Чэльмерсъ (Chalmers), послѣдовательно разсмотрѣвшій съ такой именно точки зрѣнія всѣ системы улучшенія экономическаго положенія, какія только тогда предлагались.

Другую брешь въ теоріи естественной гармоніи интересовъ пробило другое сочиненіе изъ экономической школы Адама Смита, именно вышедшіе въ свѣтъ въ 1817 г. „Принципы политической экономіи и налоговъ" Давида Рикардо, который уже и ранѣе обращалъ на себя вниманіе экономическими изслѣдованіями въ области вопросовъ, интересовавшихъ тогдашнюю публику. До Рикардо вопросъ о рабочей платѣ разсматривался лишь съ той точки зрѣнія, что чѣмъ ниже эта плата, тѣмъ ниже цѣны продуктовъ, изъ чего вытекаетъ несомнѣннѣйшая выгода для потребителей, въ числѣ коихъ находятся и сами же рабочіе. Такъ дѣло представлялось именно въ духѣ теоріи гармоніи интересовъ, но Рикардо взглянулъ на дѣло и съ другой стороны, чтобы придти къ тому общему выводу, что пониженіе рабочей платы равносильно повышенію предпринимательскаго барыша, и что, слѣдовательно, между интересами работодателя и рабочихъ существуетъ прямая противоположность. Главныя изслѣдованія Рикардо и касались вопроса о распредѣленіи національнаго дохода между различными классами общества, или, вѣрнѣе, представителями трехъ видовъ дохода: поземельной ренты, прибыли на капиталъ и рабочей платы [1]), причемъ съ особою обстоятельностью онъ разработалъ ученіе о природѣ поземельной ренты, т.-е. той, по его опредѣленію, части продуктовъ сельскаго хозяйства, которая поступаетъ въ пользу собственника земли

[1]) Т. III, стр. 109 и выше, стр. 557.

за пользованіе первоначальными и неистощенными силами обрабатываемой почвы. Но съ той точки зрѣнія, съ которой мы здѣсь разсматриваемъ экономическія ученія эпохи, для насъ важенъ особенно сдѣланный Рикардо анализъ отношеній между прибылью на капиталъ и рабочей платой. По ученію Рикардо, формулировавшему „желѣзный законъ рабочей платы", каждый продуктъ, являющійся результатомъ затраты капитала и труда раздѣляется между представителями того и другого такимъ образомъ, что чѣмъ меньше получаетъ одинъ, тѣмъ больше естественно и необходимо остается на долю другого. Поэтому, разъ существуетъ извѣстная степень производительности труда, прибыль капиталиста ничѣмъ быть уменьшена не можетъ, кромѣ одного только увеличенія рабочей платы, а съ другой стороны, нѣтъ никакихъ средствъ повысить прибыль иначе, какъ путемъ пониженія рабочей платы. Констатировавъ такое взаимоотношеніе между прибылью на капиталъ и рабочею платою въ великомъ цѣломъ національнаго хозяйства, но сосредоточивъ все свое вниманіе все-таки на производствѣ, Рикардо мало интересовался судьбою лицъ, производящихъ національное богатство. По его теоріи цѣна труда, другими словами, стоимость его производства опредѣляется стоимостью предметовъ, въ коихъ нуждается рабочій для своего содержанія, но въ такомъ случаѣ рабочая плата составляетъ лишь то, что идетъ на воспроизведеніе богатства, а отнюдь не самое богатство, не тотъ избытокъ, который состоитъ изъ суммы частныхъ богатствъ, складывающихся въ свою очередь изъ ренты и прибыли. Разъ на первый планъ въ соображеніяхъ политической экономіи выдвигалось національное богатство, то волею-неволею экономисты должны были главное вниманіе свое обращать на то, что увеличиваетъ ренту и прибыль имущихъ классовъ, а въ обществѣ пониженіе рабочей платы казалось даже прямою выгодою для роста національнаго богатства, разъ возростаніе части продукта, которая идетъ на воспроизведеніе богатства, лишь уменьшало бы то, что составляетъ чистый доходъ націи. Рикардо писалъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ Адама Смита, когда индустріальная революція уже подходила къ своему завершенію. На многихъ новыя отношенія производили впечатлѣніе неурядицы, но Рикардо съ своимъ замѣчательнымъ по логической силѣ умомъ взялся объяснить кажущуюся анархію изъ нѣсколькихъ принциповъ, главнѣйшимъ изъ коихъ онъ призналъ свободную конкурренцію, но хотя въ сущности индивидуумы, вступающіе между собою въ конкурренцію, т.-е. фабриканты, стремившіеся увеличить свою прибыль на счетъ рабочей платы, и рабочіе, наоборотъ, желавшіе возвышенія своей платы, экономически между собой не были равны, теорія все-таки предполагала именно равенство между собою этихъ индивидуумовъ, и въ этомъ заключалась одна изъ главныхъ ея ошибокъ. При

всѣхъ своихъ выводахъ, разбивавшихъ теорію гармоніи, и Рикардо продолжалъ утверждать, что преслѣдованіе индивидуальной пользы удивительно какъ совпадаетъ съ пользою всѣхъ.

Адамъ Смитъ, Мальтусъ и Рикардо создали политическую экономію, какъ науку, въ которой было много еще несовершеннаго и съ научной, и съ гуманитарной точекъ зрѣнія. Ихъ ученики и послѣдователи внесли немало улучшеній въ научную сторону ихъ ученій, но зато нерѣдко только еще болѣе впадали въ ихъ ошибки. На односторонней точкѣ зрѣнія преимущественныхъ заботъ о производствѣ, изъ-за которыхъ забывается судьба производителей, т.-е. рабочихъ, стоялъ Жанъ-Батистъ Сэй (Say), французскій экономистъ первой трети XIX в. (Traité d'économie politique, 1803 и Cours complet d'économie politique pratique, 1828), оставившій самъ извѣстные слѣды въ развитіи политической экономіи, какъ науки, но болѣе всего оказавшій услугъ политической экономіи въ качествѣ перваго настоящаго систематизатора ея ученій и ея популяризатора на материкѣ. И онъ также слишкомъ много занимался вопросомъ о производствѣ, чтобы обратить достаточное вниманіе на то, какъ отражается оно на тѣхъ людяхъ, которые этимъ производствомъ заняты. Сэя, можно сказать, ослѣпляли могущество капитала, чудеса новой промышленности, выгоды свободной конкурренціи и т. п., а на мрачныя стороны современнаго ему экономическаго быта онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія теоріи Мальтуса: таковъ законъ природы, противъ котораго уже ничего сдѣлать нельзя. Многіе второстепенные послѣдователи школы впадали прямо въ тонъ какого-то ликующаго оптимизма по поводу успѣховъ крупной промышленности, какъ послѣдняго слова прогресса, и старались поставить ей въ заслугу то, что съ моральной и соціальной точекъ зрѣнія заслуживало въ ней порицанія. Въ этомъ смыслѣ весьма любопытна „Философія мануфактуръ“ Эра (Ure), который въ сочиненіи своемъ все, что тѣсно связано съ крупною промышленностью, находилъ превосходнымъ. Машины увеличиваютъ заработокъ бѣдной семьи, ибо къ нимъ можно примѣнять дѣтскій трудъ. Правда, дѣтямъ даютъ очень малую плату, но и это хорошо: плати имъ больше, родители стали бы посылать ихъ на фабрики въ слишкомъ раннемъ возрастѣ. „Когда дѣти сидятъ дома, они весь день проводятъ взаперти съ своими родителями; они не знаютъ ни людей, ни вещей, которыя ихъ окружаютъ, а потому единственное чувство, которое имъ понятно, есть эгоизмъ“, значитъ, дѣтей нужно посылать на фабрики и ради моральнаго ихъ воспитанія! Эръ даже не скрываетъ того, что его „философія“ крупной промышленности диктовалась ему интересами фабрикантовъ, и всегда видно, чему онъ радуется. „Капиталисты, писалъ онъ, напр., начали искать средствъ освободиться отъ этого

невыносимаго рабства (т.-е. отъ тягостныхъ для нихъ условій контракта, требуемыхъ рабочими), призвавъ на помощь науку, и скоро они были возстановлены въ своихъ законныхъ правахъ головы надъ другими частями тѣла". Говоря объ одномъ техническомъ изобрѣтеніи, авторъ „Философіи мануфактуръ" радовался тому, что „оно водворило порядокъ среди промышленныхъ классовъ: это открытіе, поясняетъ онъ свою мысль, подтверждаетъ развитое нами ученіе, что капиталъ, заставивъ науку служить себѣ, принуждаетъ къ повиновенію мятежныя руки рабочихъ". Понятное дѣло, что писатели, считавшіе нормальнымъ превращеніе науки въ прислужницу капитала, придавали и политической экономіи характеръ защиты классовыхъ интересовъ буржуазіи въ области народнаго хозяйства.

Уже въ первой же трети XIX в. изъ школы Адама Смита вышелъ, однако, экономистъ, который отнесся критически какъ къ этой школѣ, такъ и къ индустріальной системѣ, возводившейся ею въ принципъ. Это былъ французскій писатель Симонъ-де-Сисмонди, издавшій въ 1803 году совершенно въ духѣ идей англійской школы сочиненіе подъ заглавіемъ „Richesse commerciale", но потомъ, въ началѣ эпохи реставраціи, усумнившійся въ истинѣ ея принциповъ: онъ побывалъ въ Англіи какъ разъ во время страшнаго промышленнаго застоя, тяжелымъ образомъ отразившагося на рабочемъ классѣ. Его поражало соединеніе въ Англіи крайней нищеты рабочихъ съ колоссальными богатствами, сосредоточенными въ рукахъ немногихъ лицъ: онъ сталъ искать объясненія этого явленія, и свои новые взгляды изложилъ въ книгѣ, изданной въ 1819 г. подъ заглавіемъ „Новыя начала политической экономіи, или о богатствѣ въ его отношеніи къ населенію". Экономисты къ этому сочиненію отнеслись не очень-то дружелюбно, такъ какъ авторъ, по собственному его выраженію, „напалъ въ немъ на ортодоксальное ученіе". Именно онъ находилъ, что политическая экономія его времени была только „хрематистикой", т. е. наукой о богатствѣ, занимаясь слишкомъ односторонне вопросомъ о томъ, какъ лучше и вѣрнѣе всего увеличивать богатство, и совсѣмъ почти оставляя въ сторонѣ вопросъ о такихъ способахъ его употребленія, коими достигалось бы общее благо. „Я, говоритъ самъ Сисмонди, хотѣлъ доказать, что возрастаніе производства есть благо лишь постольку, поскольку сопровождается соотвѣтственнымъ потребленіемъ; что вмѣстѣ съ этимъ экономія во всѣхъ средствахъ производства составляетъ общественную выгоду лишь тогда, когда каждый изъ производителей извлекаетъ изъ производства доходъ, равный тому, какой онъ имѣлъ до введенія экономическихъ способовъ". Экономическіе способы должны были бы сокращать продолжительность труда и увеличивать доходъ, а не дѣйствовать въ обратномъ направленіи. Сисмонди ставилъ во-

просъ о томъ, откуда же происходятъ бѣдствія, соединенныя съ новѣйшей промышленной системой. Отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ указываетъ, съ одной стороны, на конкурренцію между рабочими, которая понижаетъ плату за трудъ, а съ другой—на машины и банки, уменьшающіе спросъ на трудъ. Свободная конкурренція не можетъ управлять хозяйственными отношеніями общества, такъ какъ она составляетъ настоящую помѣху для справедливаго распредѣленія того, что создано трудомъ. Машины переполняютъ рынки товарами, обогащая тѣхъ, которые и безъ того богаты, а бѣдняковъ, напротивъ, дѣлая еще бѣднѣе и подвергая ихъ всѣмъ ужасамъ голода. Новая промышленная система создаетъ больше богатствъ, но не увеличиваетъ дохода тружениковъ. Теорія Мальтуса, дѣйствительно, вѣрна, но не какъ фатальная необходимость, а какъ слѣдствіе дурного общественнаго устройства. Государство не можетъ не вмѣшиваться въ эти отношенія, ибо его обязанность оказывать покровительство слабому противъ сильнаго, защищать того, кто самъ себя защитить не въ состояніи. „Я признаюсь,—замѣчаетъ, однако самъ Сисмонди,—я признаюсь, что, указавъ на то, гдѣ по нашему мнѣнію принципъ, гдѣ справедливость, я не чувствую себя способнымъ намѣтить средства ихъ осуществленія. Распредѣленіе выгодъ труда мнѣ кажется совершенно неправильнымъ, но мнѣ представляется выше человѣческихъ силъ вообразить себѣ состояніе собственности, отличное отъ того, которое намъ извѣстно по опыту“. Сисмонди, бывшій, кромѣ того, и историкомъ [1]), отчасти лишь въ нѣкоторыхъ формахъ, сохранившихся изъ прошлаго, видѣлъ указанія на то, чего слѣдуетъ держаться въ будущемъ. Съ сожалѣніемъ указывая на то, какъ земледѣльцы сгоняются съ своихъ наслѣдственныхъ полей, чтобы дать мѣсто крупному хозяйству, для котораго уже меньше нужно рабочихъ рукъ, онъ противополагалъ фермерской обработкѣ земли, бывшей идеаломъ ортодоксальной экономіи, мелкое крестьянское хозяйство и землевладѣніе, съ коимъ онъ самъ познакомился въ Тосканѣ: пусть крупныя земледѣльческія предпріятія и приносятъ болѣе чистаго дохода, но для націи, взятой въ ея цѣломъ, гораздо важнѣе имѣть валовой доходъ, который и приносится мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Англійская школа, по словамъ Сисмонди, слишкомъ гонится за однимъ лишь чистымъ доходомъ, тогда какъ идеаломъ экономическаго прогресса должно быть возрастаніе лишь дохода валового: теорію чистаго дохода Сисмонди сдѣлалъ даже предметомъ остроумной притчи, въ которой фигурируетъ король острова, вертящій самолично ручку машины и выполняющій при помощи автоматовъ всю работу, какую только въ

---

[1]) Онъ написалъ извѣстную „Исторію средневѣковыхъ итальянскихъ республикъ“.

настоящее время производитъ населеніе Англіи. Машины нашли въ Сисмонди страшнаго противника, ибо онѣ отнимаютъ у рабочихъ заработокъ и дѣлаютъ ненужнымъ существованіе рабочихъ, и вотъ новой обрабатывающей промышленности онъ противополагаетъ старые цехи и корпораціи, когда отношенія между хозяевами и работниками были болѣе патріархальными. По словамъ одного изъ новѣйшихъ историковъ экономическихъ ученій [1]), Сисмонди „стоялъ ближе, чѣмъ всякій другой французскій экономистъ къ соціализму, но только по чувствамъ, а не по мнѣніямъ", такъ какъ „онъ не предлагалъ никакой соціалистической организаціи". Въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель замѣчаетъ, что „на Сисмонди можно смотрѣть, какъ на предшественника германскихъ экономистовъ, извѣстныхъ подъ неточнымъ названіемъ катедеръ-соціалистовъ", и что „книга Сисмонди отличается отъ трудовъ этихъ писателей только тѣмъ, что послѣдніе исполнены бо́льшими надеждами и упованіями". Сисмонди именно былъ проникнутъ при разсмотрѣніи экономическихъ отношеній соображеніями этическаго свойства и высказывалъ вездѣ заботливость о рабочемъ классѣ.

Сисмонди былъ важенъ, какъ критикъ „ортодоксальной" политической экономіи, къ которой многіе относились, какъ къ вполнѣ выработанной научной истинѣ, столь же строгой и точной, какъ истина математическая, но зато на него, дѣйствительно, и напали наиболѣе ортодоксальные экономисты въ родѣ Бастіа, называвшаго книгу Сисмонди „политической экономіей на выворотъ" (économie politique à rebours). Какъ ни неопредѣленна положительная сторона его ученія, та идея, которую онъ высказалъ о необходимости государственнаго вмѣшательства въ отношенія между капиталомъ и трудомъ, впослѣдствіи получила признаніе среди экономистовъ. Но въ 1819 г., когда Сисмонди ее высказывалъ, она была и политическою, и экономическою ересью, ибо либеральное представленіе о государствѣ ограничивало функціи послѣдняго поддержкою мира и порядка безъ вмѣшательства въ частную жизнь гражданъ, подъ понятіе коей подводилась и экономическая ихъ дѣятельность [2]), а экономическое ученіе эпохи было именно ученіемъ о безполезности и даже вредѣ правительственнаго вмѣшательства, т. е. и съ точки зрѣнія правъ, и съ точки зрѣнія интересовъ общества, государственное дѣйствіе изгонялось изъ области народнаго хозяйства. Но все-таки Адамъ Смитъ, Мальтусъ и Рикардо являются родоначальниками политической эко-

---

[1]) Ingram'a, сочиненіе коего есть и въ русскомъ переводѣ подъ ред. проф. И. И. Янжула (см. выше, стр. 515).

[2]) Идея, высказанная еще Локкомъ (т. II, стр. 613 и слѣд.) и повторенная потомъ В. ф.-Гумбольдтомъ и Бенжаменомъ Констаномъ (см. выше, стр. 296 и 300).

номіи: безъ той основы, которую они создали, была бы немыслима и часть соціалистическихъ теорій, которыя вообще имѣютъ мало дѣла съ позднѣйшей разработкой политической экономіи. Но эта научная политическая экономія не играла еще рѣшительно никакой роли въ соціальныхъ ученіяхъ первой трети XIX вѣка, которыя представляютъ собою скорѣе страницу изъ исторіи морали и общественныхъ утопій, чѣмъ страницу изъ исторіи экономической науки, какъ на нихъ смотрятъ и представители позднѣйшаго, „научнаго“ соціализма. Политическая экономія, какъ ее создали ея англійскіе родоначальники, была слишкомъ оторвана, съ одной стороны, отъ этики, съ другой— отъ политики, остановившись изъ всѣхъ мотивовъ человѣческой дѣятельности лишь на одномъ эгоизмѣ и совершенно не обративъ вниманія на вопросъ объ отношеніи экономическаго строя къ строю государственному. Соціальныя утопіи первой трети XIX вѣка взялись построить экономическія отношенія на этическихъ началахъ и въ связи съ совершеннымъ видоизмѣненіемъ соціальнаго быта, причемъ игнорировали то, что составляло дѣйствительно научное пріобрѣтеніе политической экономіи.

XXVII. Соціальныя ученія первой трети XIX вѣка [1]).

Происхожденіе соціализма и его историческіе антецеденты.—Принципы бабувизма.—Что было ново въ соціальныхъ ученіяхъ первой трети XIX в.?—Отличіе соціальныхъ ученій эпохи отъ позднѣйшаго соціализма.—Сущность соціализма и значеніе соціальныхъ утопій.—Общая характеристика соціализма первой трети XIX в.—Зарожденіе соціальной науки.—Жизнь, сочиненія и главнѣйшія идеи Сенъ-Симона.—Развитіе сенъ-симоновской доктрины до 1830 г.—Жизнь, сочиненія и идеи Фурье.—Культурное значеніе сенъ-симонизма и фурьеризма.—Робертъ Оуэнъ.

Новыя формы хозяйства и политическая экономія, явившаяся, какъ теоретическое оправданіе этихъ новыхъ формъ, встрѣтили двоякаго рода оппозицію въ образованныхъ классахъ общества [2]): съ одной стороны, противъ нихъ были представители консерватизма и реакціи, которые въ свободной конкурренціи порицали то, что сближало ее съ идеями, стремленіями и результатами французской революціи [3]), причемъ попутно отмѣчались невыгодныя слѣдствія новой системы крупнаго сельскаго хозяйства и крупной промышленности и для трудящихся

---

[1]) Указанія на литературу см. на стр. 514—516.

[2]) См. выше, стр. 508.

[3]) См. выше, стр. 189—190, 277 и др.

классовъ общества, для крестьянъ и мелкихъ мастеровъ, превращавшихся въ наемныхъ рабочихъ [1]); съ другой же стороны, выступали противъ новыхъ экономическихъ отношеній и принциповъ люди, руководившіеся не интересами и традиціями консерватизма, а сочувствіемъ къ трудящемуся люду, которому очень дурно жилось при новыхъ хозяйственныхъ условіяхъ. Въ первомъ случаѣ всѣмъ перемѣнамъ въ экономическомъ быту и воззрѣніямъ, санкціонировавшимъ эти перемѣны, противополагались старыя формы мелкаго производства—мелкое хозяйство крестьянъ, пользовавшихся землею въ качествѣ ея собственниковъ или арендаторовъ, и мелкій промыселъ цеховыхъ организацій. На этой точкѣ зрѣнія стоялъ, какъ мы видѣли и Сисмонди [2]), вооружившійся противъ капиталистическаго строя и ортодоксальной политической экономіи не во имя какихъ-либо традицій,—такъ какъ самъ же онъ принадлежалъ къ школѣ Адама Смита,—а во имя человѣколюбія, оскорблявшагося въ немъ зрѣлищемъ нищеты рабочихъ при возрастаніи національнаго богатства. Въ общемъ, однако, онъ отказывался дать какія-либо сколько-нибудь опредѣленныя указанія относительно того, какъ же помочь ростущему соціальному злу. Но одновременно съ Сисмонди выступили писатели, которые, какъ и онъ, отрицательно отнеслись къ окружавшей ихъ экономической дѣйствительности, взглянувъ на нее съ точки зрѣнія интересовъ трудящейся массы, но уже не для того, чтобы выразить сожалѣніе объ исчезающихъ формахъ мелкаго производства и затѣмъ заявить о неспособности своей придумать какія-либо новыя формы, а именно для того, чтобы выступить съ проповѣдью этихъ новыхъ формъ. Это были соціальные реформаторы, родоначальники современнаго соціализма, которому принадлежитъ такая важная роль въ исторіи послѣдующихъ періодовъ XIX в. Мы уже видѣли, что неминуемо должно было бросаться въ глаза противорѣчіе между политическимъ и экономическимъ строемъ общества, вышедшаго изъ французской революціи и индустріальнаго переворота конца прошлаго столѣтія [3]), но это противорѣчіе политическое, т. е. несоотвѣтствіе политической свободы гражданъ съ ихъ экономическимъ рабствомъ—осложнялось еще противорѣчіемъ экономическимъ, т. е. несоотвѣтствіемъ, существовавшимъ между бѣдственнымъ матеріальнымъ состояніемъ трудящейся массы и возрастаніемъ производства и національнаго богатства. Если рядомъ съ либерализмомъ, принимавшимъ характеръ направленія по преимуществу буржуазнаго, несмотря на всю общечеловѣчность своихъ

---

[1]) См. выше, стр. 532 и слѣд. и 560 и слѣд.
[2]) См. выше, стр. 619 и слѣд.
[3]) См. выше, стр. 505 и др.

основныхъ культурныхъ и политическихъ стремленій [1]), въ эту эпоху существовалъ и радикализмъ, какъ направленіе чисто демократическое [2]), то и рядомъ съ нимъ еще, поскольку онъ былъ направленіемъ исключительно политическимъ, возникали общественныя ученія, которыя защищали интересы демократіи съ экономической точки зрѣнія, игнорировавшейся политическимъ радикализмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, теоретикъ демократическихъ стремленій въ первой трети XIX вѣка, Бентамъ, положившій въ основу своего политическаго ученія тотъ принципъ, что законодательство должно имѣть въ виду наибольшее благо наибольшаго количества гражданъ [3]), изъ этого своего положенія не дѣлалъ, однако, никакихъ выводовъ, которые имѣли бы хотя бы самое отдаленное сродство съ требованіями соціализма. Будучи демократомъ въ политическомъ смыслѣ, въ своей экономической доктринѣ, изложенной въ „A manual of political economy“, „Defence of usury“ [4]) и другихъ работахъ, онъ по существу не отступалъ отъ ученія Адама Смита, хотя и расходился съ нимъ въ подробностяхъ, напр., по вопросу о ростѣ денегъ, который Бентамъ разрѣшалъ даже въ смыслѣ еще бо̀льшей экономической свободы, нежели самъ Адамъ Смитъ. Притомъ, какъ сторонникъ невмѣшательства въ дѣйствіе частнаго интереса, Бентамъ былъ далекъ отъ какого бы то ни было соціальнаго реформаторства, которое прежде всего предполагаетъ именно ограниченіе свободы личности въ ея матеріальныхъ, экономическихъ отношеніяхъ къ другимъ личностямъ; наоборотъ, этическое ученіе Бентама какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало исходному пункту экономической школы Адама Смита [5]). То направленіе, о коемъ теперь будетъ идти рѣчь, выдвинуло на первый планъ именно вопросъ экономическій, задумавъ его разрѣшить съ моральной точки зрѣнія въ интересахъ большинства путемъ какъ-разъ организаціи хозяйственнаго быта не на началахъ свободной конкурренціи. Это направленіе получило названіе соціализма. Возникнувъ въ образованномъ классѣ общества, въ разсматриваемый періодъ оно еще не успѣло проникнуть въ рабочую массу, на которую ему суждено было лишь впослѣдствіи оказать большое вліяніе и тѣмъ самымъ пріобрѣсти практическое значеніе въ политической жизни западной Европы.

Ни въ возникновеніи соціальныхъ ученій, ни въ ихъ дѣйствіи

---

[1]) См. выше, стр. 288.

[2]) Имѣемъ въ виду демократическую партію въ Англіи. См. выше, стр. 470.

[3]) См. выше, стр. 487.

[4]) См. выше, стр. 606.

[5]) См. выше, стр. 606 и слѣд.

на народную массу не было ничего существенно новаго, для чего мы не могли бы найти антецедентовъ въ предыдущей исторіи. Съ одной стороны, въ новое время можно указать на цѣлый рядъ писателей, которые прославились своими мечтаніями о лучшемъ общественномъ устройствѣ, характеризующемся развитіемъ въ людяхъ добродѣтели и осуществленіемъ начала справедливости въ распредѣленіи между ними земныхъ благъ: достаточно назвать имена такихъ писателей и заглавія такихъ сочиненій, какъ Томасъ Моръ и его „Утопія", Кампанелла и его „Городъ солнца", Гаррингтонъ и его „Океана", Морелли и его „Базиліада" и „Кодексъ природы", Мабли съ его коммунистическими взглядами и т. п. [1]). Къ этому можно еще прибавить массу отрывочныхъ заявленій въ томъ же направленіи, какія мы встрѣчаемъ у другихъ писателей, особенно у публицистовъ, выступавшихъ въ защиту правъ и интересовъ народной массы или съ полемикой противъ недостатковъ данныхъ общественныхъ порядковъ, когда ставились на очередь вопросы соціальнаго, политическаго и экономическаго характера. Это разъ. Во-вторыхъ, въ исторіи мы имѣемъ немало примѣровъ народныхъ движеній, совершавшихся подъ знаменемъ идей, родственныхъ или тождественныхъ съ идеями соціализма, коммунизма и даже анархизма (который, замѣтимъ, не имѣлъ представителей въ разсматриваемую нами эпоху). Въ XV, XVI и XVII вѣкахъ на западѣ Европы происходили религіозно-политическія революціи, которыя страшно потрясли народныя массы нѣкоторыхъ странъ—Чехіи въ началѣ XV в., Германіи въ началѣ XVI в. и Англіи въ срединѣ XVII столѣтія, и во всѣхъ этихъ движеніяхъ, рядомъ съ направленіями, напоминающими намъ чисто политическій радикализмъ позднѣйшихъ демократическихъ революцій, мы встрѣчаемся еще съ идеями и стремленіями характера прямо соціальнаго—именно въ крайнихъ религіозныхъ сектахъ реформаціи [2]). Великое народное движеніе французской революціи не могло также не получить соціальнаго характера, и дѣйствительно, многое въ исторіи этой революціи такой характеръ и имѣетъ [3]), хотя самая могущественная демократическая партія эпохи, якобинцы, вопреки мнѣнію многихъ сторонниковъ и противниковъ соціализма [4]), въ сущности была лишь радикально-политической партіей, лишь заключавшею въ себѣ нѣкоторые элементы соціализма [5]). Самый любопытный эпизодъ французской революціи въ

[1]) См. т. I, стр. 425, т. II, стр. 528 и т. III, стр. 246—247.
[2]) Обо всемъ этомъ см. т. I, стр. 542, т. II, стр. 109 и слѣд., 488, 527 и слѣд.
[3]) Т. III, стр. 555 и слѣд.
[4]) Т. III, стр. 581 и слѣд.
[5]) Т. III, стр. 583 и слѣд.

этомъ отношеніи, да и то уже изъ временъ, когда революціонное движеніе стало склоняться къ упадку, это—коммунистическій „заговоръ равныхъ“ (conspiration des égaux“), связанный съ именемъ Гракха Бабёфа [1]). Организаторъ заговора, по профессіи землемѣръ, какъ извѣстно, вышелъ изъ рядовъ якобинской партіи. Сидя въ тюрьмѣ послѣ одного изъ пораженій якобинизма, онъ вмѣстѣ съ другими недовольными составилъ планъ общественнаго переустройства, который и сталъ приводить въ исполненіе, когда его выпустили изъ заключенія: онъ началъ пропагандировать свои идеи въ журналѣ „Народный трибунъ“ и основалъ новый клубъ „равныхъ“, скоро превратившійся въ тайное общество, цѣлью коего было ниспровергнуть конституцію для введенія во Франціи, путемъ кроваваго переворота, коммунизма, „какъ вещи болѣе высокой и справедливой“ (quelque chose de plus sublime et de plus équitable). Заговоръ былъ открытъ, и заговорщики были или казнены (въ томъ числѣ и самъ Бабёфъ), или сосланы.

Намъ извѣстенъ тотъ планъ, который былъ выработанъ бабувистами, какъ стали называть сторонниковъ Бабефа. Во французской республикѣ должна была быть устроена великая народная община, коей предоставлялось завладѣть національными имуществами, остававшимися нераспроданными послѣ 9 термидора, имуществами, какія предоставятъ ей частныя лица, имуществами лицъ, нажившихъ ихъ при исполненіи общественныхъ должностей, и т. д., равно какъ всѣми имуществами послѣ смерти тогдашнихъ ихъ владѣльцевъ, ибо планъ уничтожалъ право наслѣдства. Далѣе, объявлялось, что членами этой народной общины будутъ считаться всѣ французы, которые отдадутъ самихъ себя и свои имущества отечеству, и станутъ трудиться для него; что имущества всей общины будутъ эксплуатироваться общимъ же трудомъ всѣхъ здоровыхъ членовъ общины, и что послѣдняя будетъ доставлять своимъ членамъ все, въ чемъ они будутъ имѣть нужду, дабы ввести для всѣхъ одинаково обязательный умѣренный образъ жизни. Разъ община, по плану Бабёфа, обезпечивала своимъ членамъ все необходимое—жилище съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, одежду со стиркою бѣлья, пищу (въ формѣ общественныхъ обѣдовъ) и медицинское пособіе, никто не долженъ былъ пользоваться чѣмъ-либо, кромѣ того, что по закону получилъ бы отъ установленныхъ властей: въ противномъ случаѣ виновный подлежалъ наказанію. Планъ допускалъ существованіе (по крайней мѣрѣ, временное) людей, которые не захотѣли бы принадлежать къ народной общинѣ, удержавъ свои имущества въ личномъ владѣніи, но они должны были

[1]) Т. III, стр. 643—644.

платить налоги натурою, доставляя ихъ въ склады народной общины, причемъ имъ вмѣнялось въ обязанность въ случаѣ надобности отдавать весь излишекъ съѣстныхъ припасовъ и мануфактурныхъ товаровъ въ счетъ будущихъ взносовъ. Этотъ утопическій планъ бабувисты думали ввести посредствомъ революціоннаго переворота, опираясь на бѣдняковъ, между коими немедленно же обѣщали раздѣлить всѣ имущества эмигрантовъ, „заговорщиковъ“ и другихъ враговъ народа, и которымъ отдавали напередъ дома и мебель всѣхъ своихъ противниковъ, обреченныхъ на истребленіе.—

Что было ново въ соціальныхъ утопіяхъ XIX в., такъ это вѣра ихъ авторовъ въ возможность ихъ осуществленія, чѣмъ они отличаются отъ Томаса Мора, Кампанеллы, Морелли и др., которые не шли дальше литературнаго успѣха [1]), и притомъ вѣра въ возможность ихъ осуществленія путемъ мирной пропаганды, убѣжденія, примѣра, безъ того насилія, которое проповѣдывали раньше ихъ такіе соціальные реформаторы, какъ Ѳома Мюнцеръ въ эпоху великой крестьянской войны въ Германіи [2]) или Бабефъ въ эпоху французской революціи. Двадцатые годы XIX в., какъ извѣстно, были эпохою образованія множества тайныхъ обществъ съ чисто революціонными цѣлями [3]), но эти цѣли не имѣли ничего общаго съ соціальными вопросами, если только не считать тайныхъ рабочихъ организацій, преслѣдовавшихъ, однако, не общія какія-либо задачи въ родѣ соціальнаго преобразованія [4]), а чисто практическія задачи, напр., возвышеніе рабочей платы. Тайныя общества двадцатыхъ годовъ были организаціи, имѣвшія въ виду осуществленіе извѣстныхъ политическихъ плановъ, а съ другой стороны, соціальные реформаторы эпохи, наоборотъ, сторонились политики. Вопросы политическій и соціальный развивались, такъ сказать, независимо другъ отъ друга, и лишь въ слѣдующіе періоды произошло сближеніе между обоими теченіями, породивъ совершенно новыя явленія въ исторической жизни западной Европы. Съ другой стороны, мы уже отмѣчали [5]), что соціальные реформаторы первой трети XIX в. стояли въ сторонѣ и отъ тогдашней экономической науки и развивали свои теоріи внѣ всякаго—положительнаго или отрицательнаго—отношенія къ ея положеніямъ, чѣмъ они равнымъ образомъ отличаются отъ позднѣйшихъ соціалистовъ, ученія коихъ стоятъ въ весьма тѣсной связи съ политической экономіей, такъ какъ многія ея понятія и положенія были

---

[1]) Ср. т. III, стр. 151—152.
[2]) Т. II, стр. 116 и слѣд.
[3]) См. выше, стр. 324, 325 и др.
[4]) См. выше, стр. 559.
[5]) См. выше, стр. 624.

унаслѣдованы и ими, несмотря на общее отрицательное отношеніе ихъ къ ортодоксальному ученію, поколебленному еще Сисмонди.

Понимая подъ соціализмомъ вообще направленіе, ставящее своею цѣлью радикальное измѣненіе соціальныхъ и въ особенности экономическихъ отношеній на началахъ болѣе справедливаго и равномѣрнаго распредѣленія земныхъ благъ между членами общества и потому вопреки исторически сложившемуся порядку вещей, мы должны признать, что въ этомъ смыслѣ соціализмъ не есть явленіе новое въ исторіи. Но, сохраняя общія черты свои, соціализмъ XIX вѣка долженъ разсматриваться въ связи съ характерными особенностими времени, его породившаго. Индустріальная революція, которая во многихъ отношеніяхъ ухудшила матеріальный бытъ трудящейся массы, заключалась въ отдѣленіи труда отъ орудій производства, и взятый съ этой стороны, соціализмъ явился, какъ направленіе, поставившее своей задачею осуществить иное отношеніе труда къ орудіямъ производства. Во-вторыхъ, самое названіе соціализма возникло въ смыслѣ противоположности индивидуализму, отличающему школу Адама Смита. Дѣйствительно, соціализмъ XIX в. есть не что иное, какъ совокупность различныхъ экономическихъ ученій, общая черта коихъ заключается въ стремленіи поставить на мѣсто индивидуалистической системы производства и распредѣленія богатствъ, управляемой свободною конкурренціею, такую организацію хозяйственнаго быта, при которой средства и орудія производства, т.-е. земля и капиталъ находились бы въ рукахъ не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлаго общества съ тѣмъ, чтобы послѣднее само распоряжалось производствомъ и распредѣленіемъ богатствъ. Экономическая организація, предлагаемая соціализмомъ, имѣя въ виду болѣе справедливое и равномѣрное распредѣленіе земныхъ благъ между людьми, есть нѣчто, съ чѣмъ находятся въ совершенномъ противорѣчіи всѣ исторически-сложившіяся формы организаціи собственности и труда, и въ этомъ смыслѣ соціализмъ, дѣйствительно, является проповѣдью коренной реформы соціальныхъ вообще и въ частности экономическихъ отношеній, причемъ уже вопросъ второстепенный, какимъ образомъ та или иная школа соціализма думаетъ осуществить свой идеалъ—путемъ ли быстраго переворота или путемъ постепенной эволюціи и притомъ еще путемъ измѣненій, возможныхъ уже въ данную минуту или, наоборотъ, требующихъ еще много и много времени. Какъ бы тамъ ни было системѣ, разлучающей трудъ съ орудіями производства, соціалисты противополагаютъ возвращеніе земли и капитала трудящимся массамъ, но не для возстановленія индивидуалистическихъ формъ собственности на землю и капиталъ, а для коллективнаго владѣнія ими (откуда названіе коллективизма). На первыхъ порахъ теоретическаго развитія соціализма

этотъ коллективизмъ принималъ всегда болѣе или менѣе коммунистическій оттѣнокъ, и соціализмъ сливался съ коммунизмомъ, который распространяетъ принципъ общности не только на производство и распредѣленіе, какъ соціализмъ, но и на самое пользованіе произведенными продуктами, уничтожая индивидуальную свободу даже въ мелочахъ обыденной жизни. Соціализмъ, отличающій себя отъ коммунизма, не заходитъ такъ далеко, противопоставляя только индивидуальной свободѣ въ дѣлѣ производства и потребленія продуктовъ извѣстную организацію, которая совершенно устраняла бы изъ этой области общественной жизни личный произволъ и конкурренцію частныхъ лицъ, равно какъ всѣ случайности спроса и предложенія. Результатомъ такихъ принциповъ въ ихъ примѣненіи къ жизни должно было бы быть исчезновеніе всѣхъ частныхъ предпріятій, въ коихъ участвуютъ капиталисты и рабочіе, со всѣми принадлежностями современнаго хозяйства, каковы деньги и торговля, кредитъ и биржа и т. п., существующіе въ интересахъ экономическаго индивидуализма. По соціалистическому воззрѣнію, каждая ассоціація работниковъ должна была бы собственнымъ своимъ трудомъ и въ предѣлахъ своего владѣнія добывать все для себя нужное, обмѣниваясь съ другими ассоціаціями продуктами не иначе, какъ подъ условіемъ участія въ этомъ дѣлѣ общественной власти. Противъ кризисовъ, вызываемыхъ „анархіей производства“, соціализмъ думаетъ выставить, какъ наиболѣе дѣйствительное средство, принципъ работы по заказу, опредѣляемой на основаніи точнаго знанія, какое приложеніе въ данную минуту и въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ давать труду, такъ какъ при индивидуальномъ хозяйствѣ возможны ошибки, спекуляція, перепроизводство и т. п. Съ другой стороны, соціализмъ предполагаетъ поручить общественной власти и распредѣленіе продуктовъ по извѣстному плану, въ болѣе или менѣе строгомъ соотвѣтствіи съ количествомъ потраченнаго труда, во всякомъ случаѣ такъ, чтобы право участія въ продуктѣ принадлежало лишь труду, а не владѣнію собственностью. При этомъ предполагается, что отдѣльныя лица подъ вліяніемъ стремленія къ общему благу или подъ могучимъ дѣйствіемъ общественнаго мнѣнія съ его порицаніемъ или похвалой будутъ совершать и самыя трудныя или непривлекательныя работы, особенно при помощи механическихъ приспособленій, коимъ вообще приписывается важное и притомъ въ высшей степени благодѣтельное значеніе въ соціалистическомъ строѣ общества. Не допуская обладанія землей и капиталомъ, соціализмъ представляетъ людямъ свободное распоряженіе предметами потребленія, т.-е. жилищемъ, одеждою, пищею и т. п., на которыя онъ уже не распространяетъ контроля общественной власти,—

область экономической жизни, остающаяся въ вѣдѣніи индивидуальной свободы.

Во всѣхъ планахъ общественнаго переустройства нужно отличать двѣ стороны — критическую и позитивную. Наука, говоритъ Робертъ фонъ-Моль въ своей работѣ о „Государственныхъ романахъ“ [1]), иногда отличается слишкомъ большою приверженностью къ своему конкретному содержанію. „Привыкая къ послѣднему, начинаютъ находить его соотвѣтствующимъ и разумнымъ требованіемъ, и тогда несправедливости и нелѣпости систематизируются, вмѣсто того, чтобы подвергнуться порицанію и быть указанными, какъ подлежащія устраненію. Въ этомъ отношеніи весьма полезна критика, которая стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія и даже представляетъ для созерцанія обстоятельную картину существенно несходнаго состоянія“. Что касается до положительнаго значенія политическихъ и соціальныхъ утопій для жизни и науки, то оно гораздо меньше. Если, однако, по словамъ того же Моля, изображенія идеальнаго государственнаго устройства не отличаются вообще сколько-нибудь ослѣпляющею новизною мысли или убѣдительностью преимуществъ, то, наоборотъ, утопіи, имѣющія дѣло съ соціальнымъ устройствомъ, представляютъ собою благодарный матеріалъ для дѣйствія воображенія и изобрѣтательности. Многіе думали, что время „государственныхъ романовъ“ миновало, но за послѣдніе годы явились авторы, которые возобновили—съ большимъ успѣхомъ въ публикѣ—ихъ традицію [2]), что заставило одного нѣмецкаго писателя [3]) подвергнуть вопросъ объ этихъ „государственныхъ романахъ“ новому разсмотрѣнію. Тѣ соціальныя утопіи, которыя будутъ предметомъ настоящей главы, въ собственномъ смыслѣ не относятся къ числу такихъ „романовъ“, поскольку ни Сенъ-Симонъ, ни Фурье, ни тѣмъ болѣе Оуэнъ, соціальные реформаторы первой трети XIX в., не написали ничего въ родѣ коммунистической „Утопіи“ Томаса Мора или столь же коммунистическаго „Путешествія въ Икарію“ Кабе, вышедшаго въ свѣтъ въ 1840 г. [4]). Совсѣмъ напротивъ, соціальные реформаторы первой трети XIX в. излагали свои воззрѣнія въ наукообразной или публицистической формѣ, но и въ ней, конечно, могутъ высказываться мысли совершенно фантастическаго характера, что и случилось особенно съ Фурье. Если, однако, отвлечься отъ тѣхъ конкретныхъ изображеній лучшаго соціальнаго строя, какой мы находимъ и въ „государствен-

---

[1]) См. выше, стр. 515.
[2]) Bellamy, соч. коего переведено по-русски, и Hertzka.
[3]) Kleinwächter, см. выше, стр. 515.
[4]) О немъ рѣчь будетъ идти въ V томѣ.

ныхъ романахъ" въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и въ мечтаніяхъ относительно будущаго, напр., у Фурье, то у насъ останутся еще извѣстные принципы, которые, какъ и всякіе другіе принципы нравственнаго или общественнаго содержанія, способны дѣйствовать въ исторіи и могутъ быть въ качествѣ силъ, въ ней дѣйствующихъ, предметомъ историческаго разсмотрѣнія [1]). Именно главнымъ образомъ съ точки зрѣнія принциповъ, а не съ точки зрѣнія мечтаній съ конкретнымъ содержаніемъ, мы и разсмотримъ ученія названныхъ писателей. Утопическая сторона ихъ теорій заключалась въ томъ, что основаніемъ для нихъ служили не данныя наукъ, строящихъ свои положенія на опытѣ и наблюденіи, а чисто раціоналистическія воззрѣнія „просвѣщенія" XVIII вѣка о совершенствѣ прирожденныхъ свойствъ человѣка, о гармоніи естественнаго состоянія, о возможности быстраго перевоспитанія человѣчества путемъ, такъ сказать, перенесенія его въ иную общественную обстановку, о достиженіи наибольшаго счастья человѣчества лишь посредствомъ привлеченія къ дѣлу общественнаго переустройства—однихъ филантропическихъ сердецъ и пр. и пр. Съ этими мечтаніями соединялись, съ одной стороны, разныя фантастическія ожиданія (напр., у Фурье), напоминающія — въ иной формѣ только—хиліастическія чаянія разныхъ сектантовъ, напр., эпохи реформаціи [2]), а съ другой — моральныя воззрѣнія иногда весьма сомнительнаго свойства, равнымъ образомъ находящія аналогію въ ученіяхъ нѣкоторыхъ сектантовъ указанной эпохи [3]). Вообще соціализмъ первой трети XIX в., болѣе тѣсно связанный съ моралью, чѣмъ съ политикой, представляетъ собою нѣкоторое подобіе— и, нужно замѣтить, подобіе весьма значительное, особенно у сенъ-симонистовъ—съ религіознымъ сектантствомъ, которое стремится перестроить всю частную и общественную жизнь человѣка на основаніи извѣстныхъ догматическихъ принциповъ. У Оуэна, равно какъ у сенъ-симонистовъ и фурьеристовъ мы наблюдаемъ даже характерные признаки религіозной экзальтаціи со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ сильныя и слабыя, здоровыя и болѣзненныя ея стороны. Осуществить свои принципы на дѣлѣ соціалисты первой трети XIX в. стремились опять-таки не политическимъ путемъ, а путемъ религіознымъ—путемъ убѣжденія и пропаганды, словомъ и собственнымъ примѣромъ, устраивая общежитія на новыхъ началахъ и привлекая для этого частную благотворительность. Одинъ только Сенъ-Симонъ, далѣе, стоялъ близко къ научному движенію вѣка и оставилъ замѣтный

---

[1]) Ср. т. II, стр. 231 и слѣд.
[2]) Т. I, стр. 542 и т. II, стр. 118, 528 и др.
[3]) Т. II, стр. 120.

слѣдъ въ исторіи чисто умственнаго развитія XIX в. [1]), но если даже первая стадія эволюціи позитивизма и связана съ именемъ Сенъ-Симона, то направленіе, развитое его учениками, отличалось уже прямо характеромъ мистицизма. Можно даже сказать, что въ культурномъ отношеніи (именно только въ культурномъ, а не соціальномъ) соціальныя утопіи первой трети XIX в. хорошо подходили къ общему тону реакціи противъ философскаго и научнаго характера XVIII в. Общество начала XIX в. было болѣе или менѣе наклонно ко всему, что говорило больше чувству, чѣмъ уму [2]), и это его стремленіе могло, конечно, принимать весьма различныя формы — не только возвращенія къ католицизму съ его схоластическими, политическими и эстетическими преданіями, но и образованія новыхъ сектъ, хотя бы опять-таки въ родѣ того „новаго христіанства", которое было предметомъ проповѣди сенъ-симонистовъ. Въ этихъ теоріяхъ,—хотя и въ гораздо меньшей степени, чѣмъ у Бабёфа, а впослѣдствіи у Кабе,—обращаетъ на себя вниманіе такое представленіе дѣла, въ силу котораго предполагается осуществленіе лучшаго соціальнаго строя не путемъ развитія общества на теперешнихъ его основаніяхъ въ направленіи сознанныхъ принциповъ истины и справедливости, а совершенное преобразованіе его по произвольно измышленному идеалу, хотя бы для этого нужна была не кровавая революція, къ которой думалъ прибѣгнуть Бабёфъ, а лишь развитіе добрыхъ расположеній въ отдѣльныхъ лицахъ, какъ представляли себѣ дѣло Фурье и Оуэнъ. Первый, кто сталъ въ этомъ вопросѣ на болѣе научную точку зрѣнія, былъ Сенъ-Симонъ. Если въ XVIII в. отъ политики обособилась, какъ отдѣльная наука, политическая экономія, то Сенъ-Симонъ былъ первый мыслитель, почувствовавшій необходимость въ такой посредствующей наукѣ, которая разсматривала бы человѣка и съ политической, и съ экономической точекъ зрѣнія и имѣла бы постоянно въ виду взаимоотношенія, существующія между государственнымъ и хозяйственнымъ бытіемъ общества [3]),—мысль, которая впослѣдствіи лучше всего была формулирована Огюстомъ Контомъ, намѣтившимъ необходимость „соціологіи" въ смыслѣ положительной науки объ обществѣ. Какъ мы еще увидимъ, Сенъ-Симонъ первый обратилъ вниманіе на противорѣчіе новаго экономическаго порядка съ порядкомъ политическимъ и сдѣлалъ попытку объяснить историческое происхожденіе этого противорѣчія, давши даже общую формулу экономической эволюціи человѣчества,

---

[1]) Объ этомъ подробно будетъ сказано въ V томѣ.
[2]) См. выше, стр. 257 и слѣд.
[3]) Ср. выше, стр. 508.

т.-е. призвавъ впервые и историческую науку [1]) къ теоретическому рѣшенію великой соціальной проблеммы. Вмѣстѣ съ Сисмонди [2]) сенъ-симонизмъ указалъ на государство, какъ на могущественную силу, при помощи коей возможнымъ было бы дать въ обществѣ такое положеніе труду, которое соотвѣтствовало бы значенію, приписываемому ему въ сферѣ экономической, какъ главному источнику богатства. Если наслѣдникомъ мысли о необходимости положительной общественной науки сдѣлался Огюстъ Контъ, а наслѣдникомъ идеи объ экономическомъ значеніи государства—Луи Бланъ [3]) въ своей „Организаціи труда", то принципы собственно „сенъ-симоновской" религіи" (religion saint-simonienne) были развиты главнымъ образомъ людьми, которые болѣе были склонны къ мистической экзальтаціи, чѣмъ къ научному и практическому мышленію.

Таковъ общій характеръ соціализма на первой ступени его развитія въ XIX в. Послѣ этихъ вступительныхъ замѣчаній намъ сдѣлается болѣе понятнымъ то мѣсто, какое занимаютъ въ исторіи эпохи реставраціи и въ исторіи развитія соціализма отдѣльные представители этого направленія, къ которымъ мы теперь и переходимъ [4]).

Графъ Анри-Клодъ де Сенъ-Симонъ—изъ одной фамиліи съ знаменитымъ герцогомъ Сенъ-Симономъ [5]), авторомъ мемуаровъ изъ эпохи Людовика XIV, фамиліи, считавшей своимъ родоначальникомъ Карла Великаго,—родился въ 1760 г.; будучи еще подросткомъ, онъ мечталъ о славѣ и приказывалъ своему лакею будить себя по утрамъ не иначе, какъ такими словами: „вставайте, господинъ графъ, вамъ предстоитъ совершать великія дѣла". Окончивъ весьма рано свое образованіе,—происходившее отчасти по указаніямъ д'Аламбера,—молодой Сенъ-Симонъ около пяти лѣтъ провелъ въ сѣверной Америкѣ, отправившись туда въ отрядѣ, который французское правительство послало на помощь англійскимъ колонистамъ, возставшимъ противъ своей метрополіи. Между прочимъ Сенъ-Симонъ посѣтилъ и Мексику, куда ѣздилъ съ цѣлью предложить тамошнему вице-королю проектъ соединенія Атлантическаго и Великаго океановъ посредствомъ канала. Вернувшись на родину, онъ въ чинѣ полковника, имѣя отъ

---

[1]) См. выше о примѣненіи исторіи и къ политическимъ вопросамъ эпохи, стр. 289—290.

[2]) См. выше, стр. 621.

[3]) О Контѣ и Луи Бланѣ см. въ V т.

[4]) Въ книгѣ Д. Щеглова, указанной въ т. III, стр. 230. (Исторія соціальныхъ системъ), читатель найдетъ подробныя біографіи и анализы сочиненій Сенъ-Симона, Фурье и Оуэна и выдержки изъ сочиненій разныхъ писателей, заключающія въ себѣ отзывы о системахъ этихъ реформаторовъ.

[5]) Т. III, стр. 549.

роду 23 года, былъ назначенъ комендантомъ крѣпости въ Мецѣ и предался занятію математикой подъ руководствомъ знаменитаго Монжа, который былъ тогда преподавателемъ этого предмета въ одной изъ мѣстныхъ школъ. Затѣмъ мы видимъ Сенъ-Симона путешествующимъ— въ Голландіи, гдѣ онъ надѣялся принять участіе въ одной военной экспедиціи противъ англійскихъ остъ-индскихъ колоній, и въ Испаніи, куда отправлялся опять съ планомъ канала, который долженъ былъ соединить Мадридъ съ моремъ. Тутъ произошла французская революція, повидимому, не произведшая на Сенъ-Симона особенно сильнаго впечатлѣнія, во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, не увлекшая его своей горячкой. Въ 1790 г. онъ былъ, однако, выбранъ на должность мэра въ мѣстности, гдѣ находилось его имѣніе, но скоро отъ этой должности отказался. Въ томъ же году онъ на одномъ первичномъ собраніи предложилъ гражданамъ послать въ учредительное собраніе адресъ объ уничтоженіи дворянскихъ титуловъ и самъ составилъ текстъ этого адреса, который и былъ посланъ по назначенію; тѣмъ не менѣе впослѣдствіи (въ эпоху реставраціи) онъ самъ продолжалъ титуловать себя графомъ. Гораздо болѣе, чѣмъ политикой, занялся въ это время Сенъ-Симонъ выгодными денежными операціями—по покупкѣ національныхъ имуществъ на деньги гр. Редерна, прусскаго посланника въ Англіи, и нажилъ этимъ лично себѣ довольно значительную сумму денегъ. Впослѣдствіи онъ объяснялъ свои спекуляціи тѣмъ, что уже тогда собирался „содѣйствовать прогрессу просвѣщенія и улучщенію участи человѣчества“ посредствомъ „основанія научной школы совершенствованія и организаціи большого индустріальнаго заведенія“, но въ чемъ, собственно говоря, заключались тогдашніе планы Сенъ-Симона, объ этомъ въ настоящее время судить довольно трудно. Заподозрѣнный якобинцами за свои сношенія съ Редерномъ, Сенъ-Симонъ былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ просидѣлъ около года, бывши затѣмъ освобожденъ лишь благодаря 9 термидору. Послѣ этого Сенъ-Симонъ продолжалъ предаваться своимъ прежнимъ мечтамъ о славѣ и главнымъ образомъ на поприщѣ научномъ, создавъ, по собственнымъ его словамъ, „проектъ (какой, опять неизвѣстно теперь) проложить новую карьеру человѣческому пониманію, карьеру физико-политическую“, „заставивъ науку сдѣлать всеобщій шагъ и предоставивъ инициативу этого дѣла французской школѣ“. Въ самые послѣдніе годы XVIII и первые годы XIX в. Сенъ-Симонъ былъ болѣе всего поглощенъ изученіемъ тогдашняго состоянія естественныхъ наукъ, равно какъ той исторической послѣдовательности, въ какой происходили научныя открытія. Съ этою цѣлью онъ три года (1798—1801) прожилъ по близости отъ политехнической школы, въ постоянномъ общеніи съ ея профессорами, а затѣмъ переселился поближе къ Медицинской школѣ

и перезнакомился точно такъ же и съ ея профессорами. Женившись уже за сорокъ лѣтъ, Сенъ-Симонъ превратилъ свой домъ въ своего рода центръ научной и артистической жизни, но вскорѣ онъ развелся съ своею женою и думалъ снова жениться—на г-жѣ Сталь, которую считалъ женщиной, наиболѣе способною содѣйствовать его научному плану. Онъ даже ѣздилъ въ имѣніе г-жи Сталь, на берегъ Женевскаго озера, и во время пребыванія своего въ Женевѣ издалъ брошюру подъ заглавіемъ „Письма женевскаго жителя къ своимъ современникамъ“ (1802). Въ этомъ небольшомъ сочиненіи Сенъ-Симонъ представляетъ свой проектъ, имѣвшій цѣлью осчастливить все человѣчество. Предлагалась именно ежегодная подписка надъ гробомъ Ньютона, причемъ каждый, внося какую-угодно сумму, назоветъ по три математика, физика, химика, физіолога, литератора, живописца и музыканта, чтобы подписная сумма была раздѣлена между тѣми, которые получатъ наибольшее количество голосовъ, дабы они могли сдѣлаться совершенными господами своего времени и свободно распоряжаться своими силами. Въ необходимости такого способа вознаградить ученыхъ и художниковъ за ихъ услуги обществу Сенъ-Симонъ убѣждаетъ и собственниковъ, и простой народъ. Первымъ онъ показываетъ въ перспективѣ новую революцію, если они не согласятся на его планъ; между прочимъ онъ говоритъ здѣсь о французской революціи, послѣ которой страна могла быть реорганизована только геніальнымъ человѣкомъ, каковымъ Сенъ-Симонъ и объявляетъ Бонапарта. Что касается до народа, то ему Сенъ-Симонъ указывалъ на слѣдующее: хотя масса и многочисленнѣе въ двадцать разъ, чѣмъ собственники, однако господствуютъ послѣдніе, потому что они сильнѣе своимъ образованіемъ, со степенью котораго для общаго блага должно быть согласовано господство, и тутъ опять Сенъ-Симонъ вспоминаетъ революцію, указывая на то, что когда господствовали во Франціи люди изъ народа, то они съумѣли произвести въ странѣ только голодъ. Затѣмъ въ формѣ пророческаго откровенія Сенъ-Симонъ излагаетъ свой планъ будущаго устройства человѣчества: духовная власть въ обществѣ должна принадлежать ученымъ, свѣтская—собственникамъ, а право выбирать носителей обѣихъ этихъ властей—всему народу. „Совѣтъ Ньютона“ изъ 21 выбранныхъ при подпискѣ ученыхъ и художниковъ будетъ, представляя на землѣ самого Бога, руководить духовною жизнью всего человѣчества, и въ новомъ обществѣ „всѣ будутъ работать“ (tous les hommes travailleront). Въ этомъ же откровеніи, которое было сообщено автору какъ бы посредствомъ видѣнія, говорится еще о новой религіи. „Человѣкъ, облеченный великою властью, будетъ основателемъ этой религіи; въ награду за это онъ будетъ входить во всѣ совѣты и предсѣдательствовать въ нихъ;

онъ будетъ пользоваться этимъ правомъ въ теченіе всей жизни, а по смерти онъ будетъ погребенъ въ мавзолеѣ Ньютона". Что касается до всеобщей обязанности трудиться, то тутъ Сенъ-Симонъ очень кратокъ: всѣ должны прилагать свои силы полезнымъ для человѣчества образомъ; бѣдный будетъ питать богатаго, который станетъ работать головой, а если къ этому онъ неспособенъ, то пусть работаетъ руками, потому что Ньютонъ не допуститъ существованія безполезныхъ людей на землѣ. Идеи, высказанныя Сенъ-Симономъ въ „Письмахъ женевскаго жителя", отличаются крайней неопредѣленностью, и, повидимому, авторъ этой брошюры, вообще склонный къ увлеченіямъ, въ это время находился подъ вліяніемъ дѣлавшихся въ концѣ XVIII в. попытокъ основать новую религію [1]). Впослѣдствіи Сенъ-Симонъ первымъ своимъ трудомъ называлъ не эту брошюру, и, повидимому, она даже оставалась неизвѣстною его ученикамъ при жизни учителя.

Посѣтивъ (въ 1802 г.) Англію и Германію, Сенъ-Симонъ вернулся во Францію безъ всякихъ средствъ къ жизни, такъ какъ прожилъ все свое состояніе. Ему пришлось взять мѣсто переписчика въ ломбардѣ, доставлявшее ему тысячу франковъ въ годъ за ежедневный десяти-часовой трудъ, пока одинъ знакомый не доставилъ ему возможности жить нѣкоторое время на его средства, чтобы продолжать свои научныя занятія. Въ 1808 г. Сенъ-Симонъ издалъ „Введеніе въ научные труды XIX вѣка", гдѣ проводилъ мысль о необходимости систематизаціи знаній и планомѣрной организаціи научныхъ трудовъ. Эта мысль его сильно занимала, и онъ посвятилъ ей еще другія брошюры [2]). Между прочимъ около 1810 г. онъ написалъ и распространилъ въ рукописи за неимѣніемъ средствъ для напечатанія два мемуара, одинъ относительно „науки о человѣкѣ" (la science de l'homme), другой—о всеобщемъ тяготѣніи, высказавъ во второмъ изъ нихъ мысль о сводимости всѣхъ естественныхъ законовъ къ закону тяготѣнія, а въ первомъ—ту идею, что человѣчество развивается, какъ и все органическое на землѣ, и что развитіе это ведетъ къ высшему совершенству. Въ это время Сенъ-Симонъ страшно бѣдствовалъ и вынужденъ былъ просить денежной помощи у богатыхъ людей. Ради полученія денегъ онъ, по совѣту нѣкоторыхъ лицъ, къ коимъ обращался, послалъ (1813) второй изъ названныхъ мемуаровъ самому Наполеону, давъ своей рукописи совсѣмъ неподходящее къ ея содержанію заглавіе—„Средство заставить англичанъ признать независимость флаговъ", присоединивъ къ этому письмо, въ коемъ рекомендовалъ Наполеону возвра-

---

[1]) Т. III, стр. 611, 613 и 643.

[2]) Въ исторіи возникновенія позитивизма (въ V томѣ) мы вернемся къ этой идеѣ Сенъ-Симона.

тить свободу Германіи, Голландіи, Италіи и Испаніи. Сначала Сенъ-Симонъ вообще относился къ Наполеону благосклонно, хотя и осуждалъ переворотъ 18 брюмера, но въ его взглядахъ на перваго консула и императора отражались общественныя настроенія, и потому въ эпоху паденія имперіи онъ тоже сдѣлался ея врагомъ, написавъ, напр., при извѣстіи о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы очень рѣзкое „Исповѣданіе вѣры графа де-Сенъ-Симона относительно вторженія Наполеона Бонапарта во французскую территорію“, хотя въ эпоху „ста дней“ и принялъ потомъ должность помощника библіотекаря въ одной казенной библіотекѣ и написалъ брошюру противъ коалиціи 1815 г., что не помѣшало ему, однако, затѣмъ хвалить ту же коалицію за низверженіе Наполеона. Все указываетъ на то, что по своему характеру Сенъ-Симонъ былъ человѣкъ крайне впечатлительный, увлекающійся, неустойчивый; несомнѣнно поэтому, что въ своихъ перемѣнахъ по отношенію къ Наполеону онъ не преслѣдовалъ никакихъ своекорыстныхъ цѣлей: во все время консульства и имперіи онъ оставался человѣкомъ независимымъ, въ концѣ этой эпохи страшно бѣдствовалъ, хотя его имя, его связи, его прошлое и его знанія давали ему полную возможность занять какое-либо выгодное положеніе въ оффиціальной Франціи 1800—1814 гг. Перебиваясь кое-какъ, Сенъ-Симонъ жилъ и въ эпоху реставраціи.

Событія 1814—1815 г. отразились на Сенъ-Симонѣ тѣмъ, что вызвали съ его стороны нѣсколько политическихъ брошюръ. Въ сотрудничествѣ съ Огюстеномъ Тьерри, будущимъ историкомъ, тогда еще совсѣмъ начинающимъ юношей, Сенъ-Симонъ написалъ для вѣнскаго конгресса брошюру подъ заглавіемъ „Реорганизація европейскаго общества, или о необходимости и средствахъ собрать народы Европы въ одно политическое цѣлое, сохраняя за каждымъ его національность“: союзъ Франціи съ Англіей долженъ бы былъ ввести вездѣ конституціонные порядки, а затѣмъ всѣ государства должны были бы устроить общій парламентъ, который выработалъ бы всеобщій кодексъ морали. Затѣмъ при содѣйствіи нѣсколькихъ богатыхъ промышленниковъ и финансистовъ онъ сталъ издавать сборникъ подъ заглавіемъ „L'industrie“ и съ характернымъ эпиграфомъ: „все чрезъ промышленность, все для нея“ (tout par l'industrie, tout pour elle). Въ первые годы реставраціи Сенъ-Симонъ вообще вступилъ въ новый фазисъ своихъ увлеченій: заботы о просвѣщеніи и развитіи науки были теперь имъ оставлены, и все его вниманіе сосредоточилось на той соціальной борьбѣ, какую стали между собою вести, по тогдашнему выраженію [1]) Огюстена Тьерри, люди индустріи противъ людей пергаме-

[1]) См. выше, стр. 383.

новъ, причемъ Сенъ-Симонъ взялъ на себя защиту „индустріализма“ противъ феодализма, понимая подъ первымъ новое промышленное направленіе въ отличіе отъ стараго аристократизма и еще не различая среди самихъ „индустріаловъ“ противоположности интересовъ капитала и труда. Основнымъ взглядомъ этой эпохи было у него то положеніе, что промышленный классъ приноситъ наибольшую пользу странѣ и имѣетъ наибольшія способности для управленія дѣлами государства: промышленники одни для него составляли національную партію, а ихъ враги, „военные“, не имѣющіе ни малѣйшаго права на то, чтобы управлять государствомъ, были для него партіей антинаціональною. Замѣчательно, что при этомъ Сенъ-Симонъ всячески открещивался отъ либерализма. „Мы приглашаемъ,—писалъ онъ между прочимъ,—мы приглашаемъ всѣхъ индустріаловъ, которые ревнуютъ объ общемъ благѣ и понимаютъ отношенія, существующія между общими интересами общества и промышленности, не терпѣть болѣе, чтобы ихъ обозначали именемъ либераловъ; мы приглашаемъ ихъ воздвигнуть новое знамя и на этой своей хоругви начертать девизъ: „индустріализмъ“. Хартіи 1814 г. Сенъ-Симонъ не придавалъ большого значенія и говорилъ, что королевская власть можетъ хорошо ужиться съ его системой, лишь бы только промышленники, составляющіе громадное большинство націи, отдѣлались отъ легистовъ и военныхъ, какъ и отъ дворянъ, и взяли въ свои руки завѣдованіе дѣлами. „Какое положеніе индустріалы (сельскіе хозяева—cultivateurs, фабриканты и негоціанты) должны занимать въ обществѣ?—Первое.—Какое мѣсто они занимаютъ?—Послѣднее“. Въ этомъ направленіи писалъ Сенъ-Симонъ до 1823 г., издавая свои сборники, большею частью очень недолговѣчные: „L'industrie“ (1817—1818), „Le Politique“ (1819), „L'Organisateur“ (1819—1820), „Le système industriel“ (1821—1822), „Le catéchisme des industriels“ (1822—1823) и заявляя въ нихъ, что пишутся они „въ защиту индустріаловъ противъ куртизановъ и дворянъ, т.-е. въ защиту пчелъ противъ трутней“. Въ одномъ изъ этихъ изданій (именно въ „Организаторѣ“ за 1819 г.) онъ помѣстилъ свою знаменитую „Параболу“. „Мы предполагаемъ,—говоритъ здѣсь С.-Симонъ,—что Франція вдругъ потеряетъ своихъ 50 первыхъ физиковъ, своихъ 50 первыхъ химиковъ, своихъ 50 первыхъ физіологовъ и т. д. (тутъ слѣдуетъ длинное перечисленіе ученыхъ и художниковъ разныхъ спеціальностей, литераторовъ, всевозможныхъ техниковъ, людей либеральныхъ профессій, банкировъ, негоціантовъ, фабрикантовъ, сельскихъ хозяевъ, ремесленниковъ и т. п.), а также сотни другихъ лицъ, наиболѣе способныхъ въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ—всего три тысячи человѣкъ первыхъ ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ. Такъ какъ эти люди суть французы.... которые руко-

водятъ трудами, наиболѣе полезными для націи,... то они, дѣйствительно, составляютъ цвѣтъ французскаго общества... Нація сдѣлается тѣломъ безъ души въ тотъ моментъ, какъ она потеряетъ ихъ... И ей нужно будетъ, по крайней мѣрѣ, цѣлое поколѣніе, чтобы вознаградить свою потерю. Перейдемъ,—продолжаетъ Сенъ-Симонъ,—къ другому предположенію. Допустимъ, что Франція сохраняетъ всѣхъ геніальныхъ людей, которыхъ она имѣетъ въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ, но что она имѣетъ несчастье потерять Monsieur—королевскаго брата, монсеньеровъ герц. Ангулемскаго, герц. Беррійскаго, герц. Орлеанскаго, герц. Бурбонскаго, герцогинь Ангулемскую, Беррійскую, Орлеанскую, Бурбонскую и мадемуазель Конде [1]). И пусть она потеряетъ въ то же время всѣхъ великихъ коронныхъ сановниковъ, всѣхъ министровъ государства, всѣхъ государственныхъ совѣтниковъ, маршаловъ, кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ, великихъ викаріевъ и канониковъ, всѣхъ префектовъ и подпрефектовъ, всѣхъ чиновниковъ министерствъ, всѣхъ судей и, кромѣ того, десять тысячъ собственниковъ самыхъ богатыхъ изъ тѣхъ, которые живутъ по-барски (qui vivent noblement). Этотъ несчастный случай весьма опечалитъ французовъ, потому что они добры (parce qu'ils sont bons),.... но эта потеря такого множества лицъ, считаемыхъ самыми важными въ государствѣ, причинитъ имъ печаль по причинамъ, исключительно зависящимъ отъ ихъ чувствительности, потому что изъ этого несчастнаго случая не произойдетъ никакого политическаго зла для государства (aucun mal politique pour l'état)". Сенъ-Симонъ указывалъ далѣе, что найдется во Франціи много людей, которые съумѣютъ хорошо исполнить обязанности королевской родни и разныхъ лицъ при дворѣ, въ администраціи, въ арміи, въ церкви, и дѣлалъ отсюда тотъ общій выводъ, что „современное общество есть поистинѣ свѣтъ на изнанку (le monde renversé), такъ какъ тѣ, которые представляютъ собою положительную полезность, были поставлены въ подчиненное положеніе (subalternisés) принцами",—выводъ, который онъ выразилъ въ подробностяхъ, не скупясь на рѣзкія выраженія. Вскорѣ послѣ появленія „Параболы" былъ убитъ герцогъ Беррійскій [2]), и королевскій прокуроръ въ наступившую затѣмъ реакцію привлекъ Сенъ-Симона къ суду, обвинивъ его въ томъ, что онъ былъ моральнымъ сообщникомъ преступленія и во всякомъ случаѣ непочтительно отнесся къ королевскому дому. Присяжные, однако, оправдали Сенъ-Симона, и онъ вскорѣ послѣ этого написалъ брошюру „О Бурбонахъ и Стюартахъ" въ духѣ извѣстной параллели между этими двумя династіями [3]).

[1]) Родственники короля (см. выше, стр. 396—397).

[2]) См. выше, стр. 408.

[3]) См. выше, стр. 392—393.

Между тѣмъ Сенъ-Симонъ въ послѣднихъ публикаціяхъ этого періода все болѣе и болѣе начинаетъ переходить къ той мысли, что права промышленниковъ, которыя онъ защищалъ, налагаютъ на нихъ и извѣстныя обязанности по отношенію къ пролетаріату. Новая нота въ его сочиненіяхъ не понравилась его богатымъ покровителямъ, дававшимъ ему деньги на изданіе брошюръ, и скоро Сенъ-Симонъ снова очутился въ большой нуждѣ, заставившей его даже посягнуть на самоубійство: въ 1823 г. онъ выстрѣлилъ себѣ въ лобъ изъ пистолета, но только лишился одного глаза; открытая же въ его пользу подписка дала ему возможность продолжать свою писательскую и издательскую дѣятельность. Въ послѣдніе годы жизни Сенъ-Симона уже окончательно опредѣлилось его новое отношеніе къ рабочему классу. Въ началѣ 1825 г. онъ издалъ новый сборникъ подъ заглавіемъ „Литературныхъ, философскихъ и промышленныхъ мнѣній", гдѣ проводится та мысль, что рабочій классъ во Франціи развитъ уже достаточно для завѣдованія дѣлами страны. Въ томъ же году появился и послѣдній трудъ Сенъ-Симона—„Новое христіанство". По представленію Сенъ-Симона, христіанство имѣетъ божественное происхожденіе, но Богъ вообще приспособляется къ степени пониманія людей, а потому въ полномъ совершенствѣ божественная истина и не была дана ученикамъ Христа. Христосъ далъ заповѣдь братской любви, но при теперешнемъ состояніи эта заповѣдь можетъ быть выражена полнѣе: „религія должна направлять общество къ великой цѣли возможно наиболѣе быстраго улучшенія быта самаго бѣднаго класса." Новое христіанство, по мысли Сенъ-Симона, должно было быть преобразованіемъ (transfiguration) стараго, дабы „положить конецъ религіозному равнодушію самаго многочисленнаго класса. У новаго христіанства будетъ своя мораль, свой культъ, свой догматъ; у него будетъ свое духовенство, которое будетъ имѣть свое начальство (ses chefs)... Нравственное ученіе (la doctrine de la morale) будетъ у новыхъ христіанъ самымъ главнымъ, а культъ и догматъ—лишь своего рода придаткомъ". Указавъ на успѣхи, сдѣланные математикою, естествознаніемъ, Сенъ-Симонъ выражалъ сожалѣніе, что гораздо болѣе важная наука — наука, которая образуетъ самое общество и служитъ ему основаніемъ, именно наука нравственная, находится въ пренебреженіи. Въ заключеніе Сенъ-Симонъ обратился съ упрекомъ къ Священному союзу за то, что онъ не только не служитъ, но скорѣе вредитъ цѣли, къ которой должны стремиться христіанскіе государи, понимая эту цѣль, какъ обезпеченіе участи большинства народа. Вскорѣ послѣ изданія „Новаго христіанства" Сенъ-Симонъ умеръ въ присутствіи учениковъ, которыхъ имѣлъ уже въ эту пору своей жизни. Передъ самою смертью онъ говорилъ имъ слѣдующее: „Думаютъ, что разъ доказана дряхлость католицизма,

всякая религія должна исчезнуть. Это—большое заблужденіе, ибо религія не можетъ оставить міръ и только перемѣняетъ видъ... Вся моя жизнь резюмируется въ одну мысль—обезпечить людямъ свободное развитіе ихъ способностей". Затѣмъ, возвращаясь къ мысли о новомъ изданіи (le Producteur), которое онъ въ то время замышлялъ, онъ сказалъ: „Черезъ двое сутокъ послѣ второй нашей публикаціи участь рабочихъ будетъ устроена; будущее принадлежитъ намъ."

Мы нарочно остановились на біографіи Сенъ-Симона, чтобы показать, какимъ путемъ этотъ, несомнѣнно весьма оригинальный, человѣкъ дошелъ до идеи, легшей въ основаніе цѣлаго направленія, получившаго отъ него свое названіе—сенъ-симонизма. Человѣкъ, съ юности мечтавшій о великихъ дѣлахъ и славѣ, способный увлекаться своими идеями до самозабвенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и быстро мѣнять одну идею на другую, онъ послѣдовательно желалъ быть реформаторомъ въ областяхъ науки, политики, общественнаго устройства и вмѣстѣ съ тѣмъ морали и религіи. Онъ рано пришелъ къ той мысли, что главнымъ факторомъ дальнѣйшаго прогресса должна сдѣлаться наука, и многія его мысли впослѣдствіи получили весьма плодотворное развитіе, но несмотря на то, что онъ самъ хотѣлъ учиться и, дѣйствительно, набиралъ знанія, его собственное отношеніе къ наукѣ оставалось всегда довольно поверхностнымъ. Притомъ его мысль не отличалась достаточною ясностью; во всякомъ случаѣ ему не доставало систематичности. Поэтому онъ нигдѣ и не высказалъ вполнѣ точно и послѣдовательно своихъ взглядовъ: то, что называется сенъ-симонизмомъ, было создано не имъ самимъ, а его учениками, хотя, кромѣ этого, Сенъ-Симонъ высказалъ немало научныхъ мыслей, которыя потомъ были развиты въ позитивизмѣ Огюста Конта, находившагося одно время въ числѣ его учениковъ. Особенно важны его мысль о преобразованіи общественной науки и исторіи и его взгляды на исторію Европы, какъ на превращеніе военнаго общества въ общество промышленное, а на исторію труда, какъ на послѣдовательность рабства, крѣпостничества, свободнаго наемничества, за которымъ должна наступить стадія du travail sociétaire. Къ тѣмъ взглядамъ, которые сдѣлали изъ Сенъ-Симона одного изъ родоначальниковъ соціализма, онъ пришелъ, однако, лишь въ самомъ концѣ своей жизни, шестидесятилѣтнимъ старикомъ. Принимая въ расчетъ, что Сенъ-Симонъ былъ въ сущности индустріалистомъ, а не соціалистомъ, одинъ изъ новѣйшихъ историковъ соціальныхъ системъ [1]) ставитъ даже вопросъ, какія мы имѣемъ основанія считать Сенъ-Симона соціалистомъ, и вотъ

[1]) Польскій историкъ Б. Лимановскій въ книгѣ, указанной выше, см. стр. 516.

какъ онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Во-первыхъ, родоначальникомъ соціализма сдѣлало Сенъ-Симона то обстоятельство, что ученики его стали разрабатывать его ученіе именно въ этомъ направленіи, а это не было простою случайностью, ибо индустріализмъ, развитый Сенъ-Симономъ до послѣднихъ изъ него выводовъ, неизбѣжно приводилъ къ соціализму. Съ другой стороны, въ эпоху, когда жилъ Сенъ-Симонъ, общественная мысль была направлена главнымъ образомъ на политическіе вопросы, къ которымъ Сенъ-Симонъ относился, наоборотъ, болѣе равнодушно, выдвигая на первый планъ соціальную сторону жизни народовъ,—опять черта, которая роднитъ его ученіе съ соціализмомъ. Собственно говоря, поворотъ Сенъ-Симона къ новымъ идеямъ начался около 1821 г. Въ одной изъ брошюръ этого года „Къ господамъ рабочимъ“ онъ уже совѣтовалъ имъ не соединяться съ другими политическими партіями, а образовать свою собственную. Съ этого же времени слово „индустріальный“ въ его сочиненіяхъ начинаетъвсе болѣе и болѣе вытѣсняться выраженіемъ „соціальный“. Наконецъ, въ его „Новомъ христіанствѣ“ уже прямо намѣчаются нѣкоторыя положенія, которыя должны были быть развиты въ соціалистическомъ смыслѣ. Нужно ко всему этому прибавить, что Сенъ-Симонъ былъ противникомъ революціонныхъ средствъ, расчитывая, что одна любовь можетъ создать благо наиболѣе многочисленной части народа.

Послѣ смерти Сенъ-Симона образовалась цѣлая школа его послѣдователей, принявшихъ имя сенъ-симонистовъ. Въ послѣдніе годы жизни у него не было недостатка въ ученикахъ, хотя не всѣ оставались вѣрными своему учителю, какъ это можно сказать объ Огюстелѣ Тьерри и объ Огюстѣ Контѣ. Однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ его послѣдователей сдѣлался Оландъ Родригъ, который послѣ похоронъ учителя пригласилъ къ себѣ единомышленниковъ и взялъ съ нихъ обѣщаніе не разлучаться. Въ томъ же 1825 г. они предприняли изданіе „Producteur'a“, задуманнаго еще Сенъ-Симономъ: въ этомъ органѣ зарождавшагося сенъ-симонизма приняли участіе, кромѣ самого Родрига, Анфантенъ, Базаръ, Бюшезъ и многіе другіе, изъ коихъ нѣсколько человѣкъ и не были сенъ-симонистами (Ог. Контъ, Арманъ Каррель и др.). Журналъ не былъ исключительно посвященъ пропагандѣ новыхъ идей, ибо въ немъ печатались статьи и по наукамъ, промышленности и т. п. Въ политическомъ отношеніи изданіе оставалось довольно равнодушнымъ къ борьбѣ между роялистами и либералами, хотя Базаръ и Бюшезъ до своего обращенія въ сенъ-симонизмъ были видными дѣятелями карбонарскаго движенія. Впослѣдствіи сенъ-симонисты опредѣлили свое отношеніе къ либерализму, назвавъ его религіознымъ и политическимъ протестантизмомъ, который, будучи, по ихъ классификаціи, принципомъ отрицательнымъ,

слѣдовательно, и неспособенъ былъ лечь въ основу общественной организаціи (Анфантенъ называлъ либерализмъ шарлатанствомъ). Мало того: „Producteur“ при всей демократичности своихъ стремленій высказывался противъ народовластія и абсолютнаго равенства и даже критиковалъ систему англійскаго реформатора Оуэна за ея коммунистическій характеръ. Любопытно и то еще, что журналъ высказывался и противъ принципа свободы совѣсти.

„Producteur“ былъ недолговѣченъ: въ 1826 г. онъ прекратилъ свое существованіе въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики и недостаткомъ средствъ. Это не обезкуражило школу, и она начала, съ одной стороны, дальнѣйшую разработку своей доктрины, а съ другой — весьма дѣятельную устную и письменную пропаганду главнымъ образомъ среди интеллигентной молодежи, жаждавшей новаго слова и притомъ жаждавшей его въ видѣ вѣры. Самую видную роль въ разработкѣ доктрины игралъ Бартелеми-Просперъ Анфантенъ (1796—1864), который, собственно говоря, зналъ Сенъ-Симона очень мало, но отличался среди всѣхъ его учениковъ наибольшею послѣдовательностью и смѣлостью мысли. Раньше онъ учился одно время въ Политехнической школѣ, потомъ много путешествовалъ по торговымъ дѣламъ. Рядомъ съ нимъ выдвинулся Сентъ-Амандъ Базаръ (1791 — 1832), когда-то конспираторъ противъ Бурбоновъ и пріятель бабувиста Буанаротти, написавшаго (въ 1820 г.) „Исторію заговора равныхъ“. У Базара была замѣчательная способность давать каждой мысли наиболѣе подходящую къ ней форму. Мало-по-малу Анфантенъ и Базаръ сдѣлались признанными главами школы, и самъ Родригъ долженъ былъ передать имъ руководство. Общими силами они выработали ученіе, которому дали названіе — la doctrine saint-simonienne. Въ 1828 г. Базаръ открылъ въ одномъ изъ домовъ улицы Тараннъ курсъ лекцій, въ коихъ излагалась доктрина; чтенія продолжались два года и печатались въ журналѣ „Organisateur“, а потомъ вышли отдѣльною книгою. Въ это время къ сенъ-симонизму примкнуло много учащейся молодежи, преимущественно воспитанники Политехнической школы, изъ коихъ многіе впослѣдствіи, оставивъ сенъ-симонизмъ, прославились на разныхъ поприщахъ (Мишель Шевалье, Карно, Перейра, Лессепсъ и др.). „Доктрина Сенъ-Симона“ отличается ясностью, послѣдовательностью и полнотою, но особенно замѣчательна критическая часть книги, достоинства коей признаются не одними поклонниками сенъ-симонизма. Въ тѣ же 1828—1830 г. философская школа, какою былъ сначала кружокъ сенъ-симонистовъ, превратилась въ религіозное братство съ церковной организаціей. Во главѣ общины стоялъ сначала Олендъ Родригъ, но въ 1829 г. онъ передалъ направленіе дѣлами школы Анфантену и Базару, что произвело въ ней первый

расколъ: отдѣлился именно Бюшезъ, который не захотѣлъ признать новую іерархію и не соглашался со взглядами Анфантена и Базара на Божество. Явились сенъ-симонистскія общины въ провинціяхъ—и стали прямо называться церквами. Анфантенъ даже совершилъ объѣздъ нѣсколькихъ такихъ „церквей“ и въ перепискѣ съ ними видимо подражалъ апостольскимъ посланіямъ: „Слава Богу, слава Сенъ-Симону, слава намъ, слава нашимъ возлюбленнымъ братьямъ Юга. Я еще не видѣлъ всѣхъ братій этого діоцеза и, несмотря на то, я уже преисполненъ радостью; мы сѣяли на доброй землѣ, жатва обильна“. Члены сенъ-симоновской церкви называли себя „братьями и сестрами или сыновьями и дочерьми въ Сенъ-Симонѣ“. Іюльская революція 1830 г. оказала большое вліяніе на зародившійся такимъ образомъ сенъ-симонизмъ. Во-первыхъ, сенъ-симонисты обратились съ прокламаціей къ народу и съ письмомъ къ предсѣдателю палаты депутатовъ, рекомендуя имъ свое ученіе. Во-вторыхъ, они еще дѣятельнѣе стали пропагандировать это ученіе въ „Организаторѣ“ (основанномъ еще въ 1829 г.) и въ „Globe“, который они пріобрѣли послѣ революціи, назвавъ его „журналомъ сенъ-симоновской религіи“. Наконецъ, къ первымъ же годамъ іюльской монархіи относится попытка сенъ-симонистовъ примѣнить свою теорію на практикѣ посредствомъ устройства особаго общежитія („семейства“), изъ-за котораго былъ даже возбужденъ противъ нихъ процессъ [1]).

Доктрина сенъ-симонистовъ представляла собою соединеніе взглядовъ, имѣющихъ весьма различное происхожденіе: одни изъ нихъ были результатомъ критическаго отношенія къ дѣйствительности, историческаго пониманія прошлаго, научнаго стремленія построить общую теорію общества; другіе, наоборотъ, являлись продуктомъ религіознаго творчества, родственнаго одновременно и мистическому сектантству, и средневѣковому католицизму. Сенъ-симонисты были недовольны современною имъ наукою, находя, что въ ней господствуетъ анархія мнѣній [2]). Такая же анархія царствуетъ и въ промышленности, которая не заботится объ интересахъ общества. Одинъ изъ источниковъ индустріальнаго безпорядка заключается въ политической экономіи съ ея принципомъ — „laissez passer, laissez faire“. Всякій производитель, руководясь лишь собственнымъ соображеніемъ и безпрестанно обманываясь, судитъ о нуждахъ потребленія, а экономисты поощряютъ конкурренцію производителей. Торжествуютъ немногіе счастливцы на счетъ разоренія безчисленнаго количества жертвъ. Необходимымъ

---

[1]) Дальнѣйшая исторія сенъ-симонизма будетъ изложена въ V томѣ.

[2]) Изъ этой „анархіи“ и мечталъ вывести человѣчество Ог. Контъ своей положительной философіей, о чемъ см. въ V томѣ.

слѣдствіемъ производства, доведеннаго до крайности въ извѣстныхъ направленіяхъ, является нарушеніе равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ съ его катастрофами и кризисами. Предположеніе экономистовъ о существующемъ будто бы согласіи между интересомъ личнымъ и общественнымъ опровергается опытомъ. Ненормальными находили сенъ-симонисты и взаимныя отношенія между людьми трудящимися и владѣльцами орудій производства и капиталовъ, доказывая, что вслѣдствіе слѣпой случайности рожденія самый чистый доходъ достается не искусному рабочему, а лѣнивому и неспособному собственнику. Ничего этого не было бы, если бы эксплуатація земного шара была регулирована по одному общему плану. Къ этому приводитъ и исторія, указывающая на то, какъ доселѣ развивалось человѣчество, ибо исторія есть непрерывная серія прогресса во всѣхъ важныхъ сторонахъ человѣческой жизни и прежде всего въ усиленіи духа ассоціаціи и въ уменьшеніи духа вражды и антагонизма въ жизни людей. Если до сихъ поръ вообще человѣкъ эксплуатировалъ человѣка, господинъ — раба, сеньеръ — крѣпостного, собственникъ — рабочаго, все-таки отношенія между эксплуатирующимъ и эксплуатируемымъ дѣлались мягче и гуманнѣе. Это указываетъ на то, что наступитъ время (и оно, думали сенъ-симонисты, очень уже близко), когда всякая эксплуатація человѣка человѣкомъ прекратится, но всѣ люди, соединившись въ ассоціаціи, будутъ эксплуатировать весь міръ. „Всякому по способностямъ, всякой способности по ея дѣламъ“ (à chacun selon sa capacité, à chaque capacité selon ses oeuvres),— такъ формулировали сенъ-симонисты новое право, идущее на смѣну праву завоеванія и рожденія. Сенъ-симонисты ссылались при этомъ на исторію для доказательства той мысли, что собственность не есть сама по себѣ фактъ неизмѣнный и что законодательство, напротивъ, всегда вмѣшивалось въ организацію собственности: ихъ система, говорили они, стремится не къ уничтоженію, а къ преобразованію собственности. Видоизмѣненія, коимъ она доселѣ подвергалась, показываютъ, что все бо́льшее и бо́льшее число трудящихся лицъ пріобщается къ собственности и въ то же время все благопріятнѣе и благопріятнѣе дѣлаются для трудящихся ихъ отношенія къ капиталистамъ. Сенъ-симонисты представляли себѣ будущее состояніе собственности въ такомъ видѣ, что единственное право на нее безъ права передачи другому лицу будетъ заключаться въ способности къ мирному труду и состоять лишь въ пользованіи собственностью. Владѣльцы земель и капиталовъ превратятся лишь въ хранителей этихъ орудій труда, распредѣляющихъ ихъ между рабочими. Тогда и водворится царство Божіе на землѣ, исчезнетъ рабство, смягчившееся въ отношеніе между капиталистомъ и работникомъ, уничтожатся привилегіи рожденія, все-

таки еще сохраняющіяся въ правѣ наслѣдованія имуществъ. „Говорятъ, замѣчали сенъ-симонисты, что сынъ всегда наслѣдовалъ отцу, но подобнымъ же образомъ и язычникъ говорилъ, что всегда свободный человѣкъ владѣлъ рабами. Но человѣчество устами Іисуса провозгласило: нѣтъ болѣе рабства; устами Сенъ-Симона оно провозглашаетъ: всякому по его способности, всякой способности по ея дѣламъ; нѣтъ болѣе наслѣдства". Вмѣстѣ съ этимъ сенъ-симонисты указывали и на религіозный прогрессъ въ человѣчествѣ, полагая, что оно никогда не останется безъ религіи. Сенъ-симонисты отвергали христіанство за то, что оно, будучи религіей одного духа, разсматриваетъ тѣло и все тѣлесное, какъ нѣчто грѣховное, тогда какъ собственное воззрѣніе сенъ-симонистовъ сводилось къ пантеистическому пониманію Божества, проявляющагося для человѣка, какъ духъ и какъ матерія, откуда—сенъ-симонистическая реабилитація плоти, впослѣдствіи доведшая Анфантена до проповѣди крайней чувственности, — черта, роднящая его ученіе съ нѣкоторыми мистико-пантеистическими сектами среднихъ вѣковъ и реформаціонной эпохи [1]). Чисто сектантскій характеръ „доктрины Сенъ-Симона" выразился и въ томъ, что она на первый планъ выдвигаетъ элементъ морально-религіозный—въ своемъ, разумѣется, пониманіи этого элемента съ точки зрѣнія признанія нравственной равноцѣнности требованій духа и требованій плоти. Источникъ, связь и цѣль жизни—въ любви, и потому люди съ преобладающимъ чувствомъ любви должны быть начальниками общества, поскольку же любовь обнимаетъ конечное и безконечное и выражается въ исканіи Бога, то этими начальниками могутъ быть только представители религіи, т.-е. священники. Представляя единство жизни, священникъ въ то же время представляетъ единство общественное и политическое, ибо религія у сенъ-симонистовъ прямо провозглашается, какъ нѣчто обнимающее во всей полнотѣ систему политическую. Отъ нея должны зависѣть наука и промышленность, служащія человѣку къ познанію міра и къ господству надъ нимъ и имѣющія каждая свою іерархію: одна изъ этихъ іерархій будетъ заправлять разработкой наукъ, другая—регулировать промышленность и каждая въ своей области—раздѣлять людей на классы по способностямъ и вознаграждать по дѣламъ. Надъ священниками науки и промышленности будетъ возвышаться священникъ общій или соціальный (le prêtre social), на котораго „доктрина" смотритъ, какъ на живой законъ, воплощеніе идеи правды, будетъ ли этотъ законъ носить имя Нумы, Моисея, Христа, а для будущихъ временъ — Сенъ-Симона. Отсюда вся система представлялась, какъ „послѣднее откровеніе, дѣлаемое

[1]) Т. I, стр. 542 и т. II, стр. 120 и др.

Богомъ человѣку, откровеніе прогресса, любви, жизни", какъ „вѣра Сенъ-Симона и всѣхъ грядущихъ поколѣній". Этотъ мистическій, религіозный элементъ возобладалъ въ сенъ-симонизмѣ надъ научнымъ, изъ-за чего главнымъ образомъ и отшатнулся отъ новаго ученія Огюстъ Контъ, кончившій, впрочемъ, самъ созданіемъ новой религіи. Съ другой стороны, сенъ-симонизмъ совершенно убивалъ свободу личности, подчиняя каждаго человѣка въ его духовной и въ его промышленной жизни безусловному авторитету „священниковъ". Ученіе это увлекло главнымъ образомъ очень молодыхъ людей, которые впослѣдствіи отъ него иногда очень скоро отставали, а тѣ общины, которыя стали основывать сенъ-симонисты въ тридцатыхъ годахъ, менѣе всего заключали въ себѣ людей „изъ самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса". Сенъ-симонисты приглашали человѣчество „освящаться въ трудѣ и удовольствіи", и дѣйствительно удовольствія играли видную роль въ ихъ общинахъ.

Осуществить свой идеалъ жизни сенъ-симонизмъ думалъ посредствомъ воспитанія, которое прежде всего должно было развить чувство долга и привязанности къ истиннымъ и законнымъ вождямъ общества. Все должно склоняться передъ авторитетомъ. Современный либерализмъ достоенъ сожалѣнія. Писаннаго закона тоже ненужно: въ будущемъ законами будутъ простыя декларації начальства. Управляетъ священникъ: онъ—источникъ и освященіе порядка... Всякая общественная должность священна, ибо она отправляется во имя Бога человѣкомъ, который его представляетъ". Въ сенъ-симонизмѣ, какъ культурно-политическомъ направленіи, несомнѣнно сказалось сильное католическое вліяніе: не даромъ даже Огюстъ Контъ идеализировалъ средневѣковую теократію, а Бюшезъ прямо возвратился въ лоно католицизма, который онъ пытался потомъ соединить съ культомъ французской революціи. Взятый съ этой стороны, сенъ-симонизмъ былъ однимъ изъ проявленій той культурной и политической реакціи, которая характеризуетъ эпоху, реакціей вѣры и чувства противъ знанія, реакціей идеи авторитета противъ принципа индивидуальной свободы. Но въ то же время, разсматриваемый съ соціальной точки зрѣнія, сенъ-симонизмъ былъ ученіемъ по существу дѣла революціоннымъ—не въ смыслѣ средствъ, коими онъ думалъ достигнуть своихъ цѣлей, а въ смыслѣ рѣзкой постановки соціальнаго вопроса, какъ вопроса, требующаго полной перестройки общественныхъ отношеній на совершенно новыхъ началахъ.

Одновременно съ сенъ-симонизмомъ возникло и развилось во Франціи другое соціалистическое ученіе — фурьеризмъ, получившій свое названіе точно также отъ имени своего основателя.

Шарль Фурье родился въ 1772 г. въ семьѣ богатаго безансон-

скаго купца, торговавшаго сукномъ. Школьное образованіе, полученное имъ, было самое недостаточное, ибо 12 или 13 лѣтъ отъ роду онъ уже пересталъ ходить въ училище; если онъ что-либо и зналъ потомъ, то только изъ самаго несистематическаго чтенія разныхъ книгъ. Сначала въ качествѣ приказчика въ чужихъ лавкахъ, потомъ хозяиномъ своего собственнаго магазина колоніальныхъ товаровъ въ Ліонѣ онъ занимался долгое время исключительно торговыми дѣлами. Въ 1793 г. во время возстанія Ліона противъ конвента [1]) онъ лишился своего имущества, и самого его чуть не разстрѣляли. Потомъ онъ служилъ нѣкоторое время въ конныхъ егеряхъ, но по болѣзни вышелъ въ отставку и поступилъ въ приказчики къ одному хлѣбному торговцу въ Марсели, затѣмъ былъ courtier-marron, т.-е. биржевымъ маклеромъ безъ законнаго свидѣтельства въ Ліонѣ. Въ этотъ періодъ своей жизни онъ дѣлается прожектеромъ: то онъ представляетъ въ военное министерство проектъ продовольствія арміи по новому способу, то начертываетъ планъ для ускоренія перехода войскъ съ береговъ Рейна въ Италію, то сочиняетъ и представляетъ префекту проектъ учрежденія особаго класса маклеровъ для транспортированія кладей. Въ 1803 г. вышло въ свѣтъ первое сочиненіе Фурье на политическую тему—„Континентальный тріумвиратъ и вѣчный миръ черезъ тридцать лѣтъ“, гдѣ онъ пророчилъ, что Пруссію раздѣлятъ между собою Австрія и Россія, а затѣмъ Россія съ Франціей раздѣлятъ Австрію, послѣ чего между ними начнется борьба за господство, пока не кончится побѣдою, вѣроятно, Россіи. „Вотъ что,—писалъ онъ,—угрожаетъ Западу, а вы, публицисты, не предвидящіе кризиса, не дѣти ли вы, которыхъ надо отослать въ школу? И сколько приготовляется другихъ событій, которыхъ вы не предвидѣли! Вашъ кредитъ подходитъ къ концу. Итакъ, приготовьтесь войти въ ничтожество. Истина, которой вы ищете въ продолженіе двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ, скоро появится къ вашему посрамленію“. Наполеоновская полиція обратила вниманіе на эту брошюру, но авторъ ея былъ оставленъ въ покоѣ, какъ человѣкъ скромный и смирный. Черезъ пять лѣтъ вышло въ свѣтъ главное сочиненіе Фурье „Теорія четырехъ движеній и всеобщихъ судебъ“, въ коемъ онъ выступаетъ уже въ роли соціальнаго реформатора не безъ надежды, что систему его осуществитъ Наполеонъ. „Уже явился,—писалъ Фурье,—уже явился новый Геркулесъ: его безмѣрные труды превозносятъ его имя отъ одного полюса до другого, и человѣчество, пріученное имъ къ зрѣлищу чудесныхъ дѣлъ, ожидаетъ отъ него какого-нибудь чуда, которое измѣнитъ судьбу міра. Народы! ваши предчувствія исполнятся; самая блестящая миссія пред-

[1]) Т. III, стр. 608—609.

назначена величайшему изъ героевъ: онъ долженъ водворить всеобщую гармонію на развалинахъ варварства и цивилизаціи". По выходѣ въ свѣтъ этой книги, навлекшей на Фурье однѣ насмѣшки публики, онъ бросилъ свое занятіе маклерствомъ и сталъ жить на пенсію, которую ему выдавали его родные. Въ 1816 г. у Фурье былъ уже первый ученикъ въ лицѣ одного безансонскаго жителя, Жюста Мюирова, обладавшаго весьма значительнымъ состояніемъ. На его средства въ 1822 г. Фурье издалъ другое свое сочиненіе—„Трактатъ о домашней и земледѣльческой ассоціаціи". Вскорѣ послѣ этого онъ переселился въ Парижъ, гдѣ съ трудомъ добывалъ себѣ пропитаніе, ища людей, которые помогли бы ему осуществить его систему, публикуя объ этомъ даже въ газетахъ. Сочиненія его расходились плохо. Та же судьба постигла и сокращенное изложеніе системы, сдѣланное имъ для популяризаціи своихъ идей (Sommaire du traité de l'association domestique et agricole). Въ 1825 г. Фурье оставилъ Парижъ и переселился въ Ліонъ, гдѣ сдѣлался кассиромъ одной промышленной конторы. Въ это время у него явился новый ученикъ, Викторъ Консидеранъ, впослѣдствіи талантливо популяризировавшій его систему, и новая ученица, Кларисса Вигуре, давшая Фурье средства на изданіе „Новаго промышленнаго и общественнаго міра" (1828). И это сочиненіе было встрѣчено критикой крайне неблагосклонно. Тогда Фурье рѣшился предложить осуществленіе своего плана соціальнаго переустройства французскому правительству,—это было въ министерство Полиньяка,—и получилъ въ отвѣтъ, что его планъ будетъ разсмотрѣнъ впослѣдствіи. Но тутъ произошла іюльская революція. Она нѣсколько окрылила надежды Фурье: по крайней мѣрѣ, онъ сталъ обращаться съ своимъ проектомъ общественнаго переустройства къ наиболѣе виднымъ дѣятелямъ новаго режима и даже обращался къ самому новому королю, но не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха. Неудачны были его попытки соединенія съ Оуэномъ и съ сенъ-симонистами: и англійскій реформаторъ, и Анфантенъ отвергли его предложенія, за что Фурье обрушился на нихъ въ брошюрѣ „Ловушки и шарлатанство сектъ Сенъ-Симона и Оуэна" (1831). Когда среди сенъ-симонистовъ начались раздоры, нѣкоторые изъ нихъ перешли на сторону Фурье, и въ 1832 г. у него было уже достаточное число учениковъ, съ коими онъ могъ теперь предпринять пропаганду своихъ идей въ собственномъ органѣ „Индустріальная реформа или фаланстеръ" (съ 1832 г.). Тогда же было предпринято осуществленіе на опытѣ „домашней и земледѣльческой ассоціаціи", окончившееся неудачею [1]). Подъ конецъ своей жизни Фурье опять впалъ въ крайнюю бѣдность и долженъ былъ добывать себѣ про-

[1]) Объ этомъ будетъ сказано въ V томѣ.

питаніе ремесломъ переписчика. Умеръ онъ въ 1837 г., оставивъ главою школы Консидерана, который изложилъ ученіе Фурье въ извѣстной книгѣ „La destinée sociale“ (1836—1838).

Сенъ-Симонъ и Фурье выросли на одной и той же почвѣ. Оба перебивались со дня на день, стремясь осуществить свои планы. Оба были мечтателями, старавшимися, однако, найти научное обоснованіе для своихъ взглядовъ на общество, и что интереснѣе всего, оба искали объясненія всѣхъ явленій въ законѣ всемірнаго тяготѣнія [1]). Далѣе, оба они точно также выступили съ рѣзкой критикой современнаго общественнаго устройства и съ проповѣдью ассоціаціи, причемъ и тотъ, и другой съ одинаковымъ недовѣріемъ относились къ либерализму, бывшему въ глазахъ Фурье, напр., лишь переодѣтымъ и неискусно загримированнымъ эгоизмомъ. И онъ, подобно Сенъ-Симону, относился враждебно къ насильственной революціи, вслѣдствіе чего ставилъ, напр., Бабёфа на одну доску съ Маратомъ. Наконецъ, и Фурье придавалъ большое значеніе религіозному элементу, считая атеизмъ, матеріализмъ и даже деизмъ за умственныя заблужденія, но собственныя его религіозныя воззрѣнія остаются доселѣ мало выясненными. Только умъ Фурье въ научномъ отношеніи былъ совсѣмъ недисциплинированный. Онъ создалъ совершенно фантастическую исторію мірозданія, раздѣливъ ее на періоды съ ариѳметически правильно расположенными количествами тысячелѣтій и наполнивъ эти періоды самыми странными выдумками своего необузданнаго воображенія. Въ своей космогоніи онъ является даже пророкомъ относительно будущаго, когда подъ вліяніемъ перемѣны въ жизни людей, по его мнѣнію, и сама природа сдѣлается иною. Эти предсказанія Фурье вызывали немало насмѣшекъ. Онъ предсказывалъ, напр., появленіе новыхъ твореній, которыя будутъ служить человѣку. Анти-львы (anti-lions) въ три раза болѣе теперешнихъ львовъ будутъ превосходными скакунами, на которыхъ люди станутъ быстро переноситься съ мѣста на мѣсто: анти-левъ будетъ дѣлать скачки въ четыре туаза (=25 футовъ), и всадникъ будетъ чувствовать себя такъ же хорошо, какъ въ рессорномъ экипажѣ. Пріятно будетъ, восклицаетъ Фурье, жить въ этомъ мірѣ, когда къ услугамъ вашимъ будутъ подобные служители! Вмѣсто китовъ, явятся анти-киты (anti-baleines), которые станутъ возить корабли по морямъ. Анти-крокодилы и анти-гиппопотамы будутъ играть роль лоцмановъ при входѣ въ устья рѣкъ, а анти-тюлени—роль верховыхъ лошадей на лонѣ водъ. Море совершенно измѣнится, и вода его превратится въ нѣчто на подобіе лимонада (une espèce de limonade). Перемѣнится и климатъ, благодаря, между прочимъ, появленію надъ полюсомъ сѣ-

[1]) Ср. выше, стр. 636.

верной короны—въ родѣ кольца Сатурна: когда ее зажгутъ солнечные лучи, она станетъ нагрѣвать полюсъ до температуры Андалузіи и Сициліи, а въ Петербургѣ климатъ будетъ такой, какъ въ Ниццѣ. При этомъ продолжительность человѣческой жизни достигнетъ 144 лѣтъ. Эта космогонія была дополнена фантастическимъ ученіемъ о загробной жизни, въ которомъ главную роль играло переселеніе душъ—не только людей, но и планетъ и солнцъ въ простой вселенной, двойной вселенной, тройной вселенной и т. п. (univers, binivers, trinivers и т. д.). Ко всему этому нужно прибавить, что Фурье нигдѣ не доказываетъ, а только вѣщаетъ, произвольно создавая понятія о никогда не существовавшихъ вещахъ, столь же произвольно вводя новыя слова, коимъ не соотвѣтствуетъ никакихъ дѣйствительныхъ понятій, постоянно давая произвольныя, но очень точныя цифры и до мельчайшихъ подробностей опредѣляя формы будущаго быта. Онъ вѣрилъ въ скорую осуществимость своей системы и сначала думалъ, что призванъ осуществить ее—Наполеонъ. Потомъ онъ расчитывалъ, что на помощь къ нему явятся какой-либо богачъ въ родѣ Девоншира, Нортумберлэнда, Шереметева, Лобанова, Чарторыскаго, Эстергази или какая-либо компанія. Въ 1822 г. онъ думалъ, что въ томъ же году будетъ сдѣланъ первый опытъ введенія его системы и въ слѣдующемъ 1823 г. докажетъ свою пригодность; тогда въ 1824 г. всѣ цивилизованные народы введутъ у себя жизнь на новыхъ началахъ, въ 1825 г. къ нимъ присоединятся варвары и дикари, въ 1826 г. завершится преобразованіе человѣчества установленіемъ „сферической іерархіи“. Все это указываетъ на то, къ какого рода области продуктовъ мысли слѣдуетъ относить систему Фурье въ ея цѣломъ. Разсмотримъ теперь моральныя и экономическія основы системы.

Исходнымъ пунктомъ ученія Фурье въ „Теоріи четырехъ движеній и всеобщихъ судебъ“ является неудовлетворительное состояніе человѣчества въ настоящее время. Существуютъ разсказы о томъ, какъ Фурье еще ребенкомъ, а потомъ и взрослымъ человѣкомъ познакомился съ ненормальностями общественной жизни. Когда ему было пять лѣтъ, однажды въ его присутствіи отецъ его сдѣлалъ попытку обмануть одного покупателя, но мальчикъ обнаружилъ обманъ и послѣ былъ за это отцомъ наказанъ: Консидеранъ увѣряетъ, будто уже тогда мальчикъ далъ „клятву Ганнибала“ въ вѣчной ненависти къ такому порядку вещей, при которомъ возможна подобная неправда. Далѣе, въ бытность свою приказчикомъ у марсельскаго хлѣбнаго торговца Фурье былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая: его хозяинъ, выжидая лучшихъ цѣнъ, не продавалъ большого запаса риса, который у него былъ, но рисъ испортился, и хозяинъ велѣлъ Фурье бросить его въ море, и вотъ это будто бы тоже открыло глаза Фурье на несовершен-

ства нашей цивилизаціи. Сердце у него, очевидно, было доброе, и онъ умѣлъ сочувствовать чужимъ страданіямъ. Хорошо знакомый съ коммерческимъ міромъ, Фурье далъ весьма острую критику современныхъ экономическихъ порядковъ, указавъ на то, наприм., что теперешній голодный пролетарій иной разъ и позавидуетъ, пожалуй, сытому рабу древняго міра,—куда ужъ тутъ до теоріи о верховной власти народа! Отношеніе Фурье къ философіи XVIII в. и къ революціи, которая думала осуществить ея принципы, было отрицательное: 1793 годъ къ прежнимъ бѣдствіямъ присоединилъ только новое—звѣрское истребленіе цѣлыхъ массъ народа. Значитъ, думаетъ Фурье, во всемъ этомъ, т.-е. въ несовершенствахъ нашей общественной жизни есть какое-то искаженіе естественнаго порядка вещей, созданнаго Промысломъ, но неизвѣстнаго нашимъ ученымъ. Отсюда необходимость новой науки, которая и дѣлается „первымъ открытіемъ“ Фурье: это его теорія страстнаго влеченія (théorie de l'attraction passionnée), законы коего будто бы во всѣхъ пунктахъ согласны съ законами влеченія, т.-е. притяженія матеріальнаго, изъясненнаго Ньютономъ и Лейбницемъ. Исходя изъ этой мысли, онъ создалъ совершенно произвольную психологію—подстать къ своей космогоніи. Богъ далъ страстямъ человѣка бо́льшую интензивность, чѣмъ разуму, а потому страсти суть истолкованіе видовъ Промысла относительно общественнаго порядка. Если философы проклинаютъ страсти, то лишь потому, что сами ничего не понимаютъ: „философскіе капризы, извѣстные подъ именемъ обязанностей, не имѣютъ ничего общаго съ природой“, и если страсти приносятъ вредъ, то виноватъ въ этомъ лишь дурной общественный порядокъ, при иномъ же порядкѣ страсти ведутъ къ согласію и общественному единенію. Богъ не создалъ для людей принудительныхъ мѣръ, а далъ имъ только страсти, между коими нужно имѣть въ виду и влеченіе къ производительнымъ трудамъ, иногда даже къ самымъ отвратительнымъ по своей сущности. Всеобщее движеніе Фурье раздѣлялъ на матеріальное, аромальное (?), органическое и инстинктивное и рядомъ съ нимъ поставилъ еще пятое движеніе—осевое (pivotal) или соціальное, или страстное (passionnel): первое было открыто Ньютономъ, четыре остальныхъ—имъ, самимъ Фурье, и на основаніи этихъ-то своихъ открытій онъ и строилъ свою космогонію или теорію всеобщихъ судебъ. Онъ даетъ далѣе цѣлую теорію страстей, придумывая для нихъ самыя причудливыя названія: кабалиста—страсть къ интригѣ, альтернанта или папильона—страсть къ перемѣнамъ, композита—вообще слѣпое увлеченіе,—и ставя съ ними въ соотвѣтствіе звуки, цвѣта, ариѳметическія дѣйствія, геометрическія фигуры и металлы (напр., дружбѣ соотвѣтствуютъ до, фіолетовый цвѣтъ, сложеніе, кругъ, желѣзо и т. п.). Страстное влеченіе Фурье

дѣлилъ на три категоріи по ихъ цѣлямъ: человѣкъ или стремится къ роскоши, т.-е. къ чувственнымъ удовольствіямъ (пять страстей, соотвѣтствующихъ пяти органамъ чувствъ), или находится въ обладаніи страстей трогательныхъ (affectives, каковы дружба, любовь, отеческое чувство и честолюбіе), или, наконецъ, подчиняется страстямъ, раздѣлительнымъ (distributives=упомянутая кабалиста, папильона и композита). Эти двѣнадцать страстей соотвѣтствуютъ двѣнадцати тонамъ и полутонамъ гаммы, а ихъ комбинаціи образуютъ 810 различныхъ характеровъ. „Богъ сдѣлалъ хорошо все, что сдѣлалъ“, и человѣку нужно только понять указанія природы и послѣдовать имъ. Воспитаніе должно не подавлять или пытаться преобразовать страсти, а содѣйствовать полному ихъ развитію и всѣ ихъ, не исключая удовольствій, прилагать къ производительной промышленности. Соединеніе всѣхъ звуковъ человѣческой души создастъ всеобщую внутреннюю и внѣшнюю гармонію, т.-е. счастье индивидуальное, какъ результатъ удовлетворенія желаній, и счастье обществъ, какъ результатъ устраненія антагонизмовъ и шероховатостей разнаго рода. Достигнуть этого можно, сдѣлавъ трудъ привлекательнымъ (le travail attrayant), т.-е. сдѣлать каждый видъ труда доступнымъ соотвѣтственной страсти, напр., предоставивъ кухню лакомкамъ, выдѣлку благовонныхъ товаровъ щеголихамъ и т. п., а очищеніе жилищъ отъ грязи и нечистотъ дѣтямъ, которыя вообще любятъ пачкаться. Современное общественное устройство не годится для такого развитія страстей и приложенія ихъ къ труду, и нужно потому совершенно его измѣнить. Люди должны быть соединены въ фаланги въ 1600—1800 человѣкъ, дабы, исключивъ дѣтей ниже четырехъ лѣтъ и стариковъ свыше ста двадцати лѣтъ, имѣющихъ вмѣстѣ составлять половину населенія, получить около 810 человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ силъ въ соотвѣтствіе съ 810 различными характерами людей. Каждая фаланга устроится на своемъ участкѣ земли, въ центрѣ котораго выстроитъ себѣ великолѣпное жилище—фаланстеръ. Фурье весьма подробно занимается описаніемъ того, какъ долженъ быть устроенъ фаланстеръ и какой порядокъ жизни долженъ быть въ немъ заведенъ, входя при этомъ въ самыя мелочныя подробности, въ разныя ариѳметическія вычисленія и болѣе или менѣе наивныя и даже прямо забавныя предположенія, но рядомъ съ этимъ онъ высказываетъ и мысли принципіальнаго характера. Оставляя въ сторонѣ всю фантастическую сторону плана „земледѣльческой ассоціаціи“ Фурье, мы укажемъ лишь на его экономическія идеи. Въ основу фаланстера положена именно идея производительной и потребительной ассоціаціи, выгоды коей Фурье доказывалъ такимъ образомъ: „300 семействъ поселянъ, соединившись въ ассоціацію, имѣли бы одинъ прекрасный сарай, вмѣсто 300 никуда негодныхъ; имѣли бы одно хорошее заведеніе для вы-

дѣлки вина, вмѣсто 300 плохихъ; въ разныхъ случаяхъ, особенно лѣтомъ, они разводили бы три или четыре огня, вмѣсто трехсотъ" и т. п. Фурье предполагалъ, что такія ассоціаціи, или фаланги осуществятся, если въ нихъ найдутся любимыя занятія для всѣхъ людей и когда люди воочію убѣдятся, что жить въ фаланстерахъ будетъ и дешевле, и пріятнѣе, главное именно—пріятнѣе, ибо человѣкъ стремится къ удовольствіямъ, выгода же отъ соединенія придетъ сама собою. Въ фаланстерѣ для всѣхъ занятій будутъ учреждены страстныя серіи (séries passionnées) съ возможностью переходовъ изъ однѣхъ серій въ другія въ теченіе дня общей работы, но такъ, что $^{7}/_{8}$ населенія будетъ занято земледѣліемъ и промышленностью, а $^{1}/_{8}$ составятъ капиталисты, ученые и художники. Первый принципъ фаланги—соединеніе въ ней разнообразныхъ занятій съ преобладаніемъ, однако, земледѣлія, второй принципъ—сохраненіе общественныхъ неравенствъ. Фурье постоянно объявлялъ себя врагомъ коммунизма: по его представленію члены фаланги должны имѣть каждый свое собственное состояніе, и въ фалангѣ будутъ существовать какъ люди ничего не имѣющіе, такъ и милліонеры; Фурье, описывая устройство фаланстера, говорилъ даже, какія квартиры будутъ у бѣдняковъ и у богачей—квартиры для разныхъ кошельковъ, съ хорошими видами изъ оконъ по переднему фасаду и съ окнами во дворъ. Въ фалангѣ каждый будетъ владѣльцемъ произведеній своей промышленности, начиная съ дѣтей отъ $4^{1}/_{2}$ лѣтъ, и несмотря на общность жизни и труда въ страстныхъ серіяхъ, каждому будетъ отдаваться то, что̀ ему слѣдуетъ: общій доходъ фаланги будетъ распредѣляться на двѣнадцать частей, изъ коихъ четыре придутся на долю капитала, пять—на долю труда физическаго и три—на долю теоретическихъ и практическихъ занятій. „Общинный бытъ (le régime sociétaire), говоритъ Фурье, столь же несовмѣстимъ съ равенствомъ состояній, какъ и съ равенствомъ характеровъ". Въ другомъ мѣстѣ онъ обвинялъ экономистовъ за то, что „разъ они случайно нападутъ на какую-нибудь новую идею въ родѣ идеи промышленнаго товарищества, то спѣшатъ затемнить ее и испортить, пришпиливая къ ней свои старые софизмы и притомъ наиболѣе смѣшные, какъ-то: общность имуществъ, нѣжное братство", хотя въ то же время онъ и утверждалъ, что въ фаланстерѣ бѣднякъ найдетъ не только веселую работу (de travaux joyeux) и въ изобиліи какъ продукты, такъ и дивиденды, но и безпечную жизнь, гарантированную извѣстнымъ minimum'омъ, который будетъ создаваться индустріальнымъ влеченіемъ (insouciance fondée sur la garantie du minimum que remboursera l'attraction industrielle).

Фурье начертывалъ и планъ всемірной организаціи фаланстеровъ, ставя во главѣ каждой фаланги барона или унарха, во главѣ трехъ

фаланстеровъ — виконта или дуарха и т. д., создавая цѣлую іерархію тріарховъ (графовъ), тетрарховъ (маркизовъ), пентарховъ (герцоговъ), гекзарховъ (кациковъ), гептарховъ (королей), октарховъ (султановъ), эннеарховъ (калифовъ), декарховъ (императоровъ), онзарховъ (цезарей), дузарховъ (августовъ) и во главѣ всего міра—одного осевого омніарха (omniarche pivotal), столица коего будетъ въ Константинополѣ. Въ 1822 г. онъ, какъ мы видѣли, высказывалъ мысль, что въ самое короткое время фаланстеры распространятся по всей землѣ, и осуществится „сферическая іерархія“ съ единымъ омніархомъ во главѣ. „Я,—писалъ о себѣ Фурье,—шелъ одинъ къ цѣли безъ пріобрѣтенныхъ средствъ, безъ проторенныхъ путей. Я одинъ съумѣю убѣдить двадцать вѣковъ политическаго слабоумія (imbécillité politique), и мнѣ одному теперешнія и будущія поколѣнія будутъ обязаны иниціативой ихъ безмѣрнаго блаженства“. Къ сенъ-симонизму и ученію Оуэна Фурье относился крайне враждебно. „Сенъ-симонисты, писалъ онъ въ своей брошюрѣ, направленной противъ нихъ и противъ Оуэна,—сенъ-симонисты—теократы и вслѣдствіе этого не что иное, какъ клоаки порока и лицемѣрія. Если бы они достигли власти, то не улучшеніе быта трудящихся классовъ было бы результатомъ этого,.... а то, что въ теченіе полувѣка они овладѣли бы всѣми видами собственности, капиталами, землями, фабриками, заводами.“ Въ другомъ мѣстѣ онъ писалъ, что „проповѣдовать уничтоженіе собственности и наслѣдства въ XIX в., это—такая чудовищность, отъ которой можно только пожимать плечами“. У Фурье, дѣйствительно, нѣтъ того теократическаго элемента, который въ сенъ-симонизмѣ уничтожалъ въ концѣ индивидуальную свободу. Фурье былъ даже защитникомъ послѣдней, желавшимъ, чтобы каждый слѣдовалъ влеченію своихъ страстей (между прочимъ въ половыхъ отношеніяхъ, которыя у сенъ-симонистовъ тоже отдавались подъ контроль „священниковъ“); и все руководство дѣлами фаланги, которое онъ предоставлялъ ареопагу изъ самыхъ опытныхъ и мудрыхъ „гармонійцевъ“ (т.-е. людей, живущихъ въ новомъ, гармоническомъ строѣ общества) должно было заключаться не въ чемъ иномъ, какъ въ изданіи не столько распоряженій, сколько указаній (напр., относительно времени, благопріятнаго для жатвы), коимъ „страстныя серіи“ (напр., жнецовъ) могутъ и не повиноваться, такъ какъ онѣ должны всегда дѣйствовать по собственному влеченію. Фурье въ сущности раздѣлялъ вѣру экономистовъ въ то, что свободное слѣдованіе влеченіямъ, но не при индивидуальномъ, а при коллективномъ трудѣ, создастъ гармонію интересовъ, хотя въ разрѣзъ съ принципомъ свободы и установлялъ законъ, по которому должно было происходить вознагражденіе капитала, труда и таланта. Т. е. признавая индивидуальную собственность и свободу коллективнаго производства, Фурье

не допускалъ только свободы въ распредѣленіи продуктовъ, полученныхъ цѣлою фалангою. На самомъ широкомъ примѣненіи принципа свободы онъ основывалъ и свою мораль, объявивъ идею долга, обязанности выдумкой философовъ, самонадѣянно взявшихся исправлять дѣло рукъ божіихъ и написавшихъ четыреста тысячъ ни къ чему негодныхъ томовъ. Мораль Фурье—чистѣйшій сенсуализмъ, не сдерживаемый никакими духовными мотивами, и эта сторона его системы съ особою ясностью проявилась въ его проповѣди свободной любви, но къ тому же сенсуалистическому въ сущности взгляду пришелъ и семъ-симонизмъсъ своей „реабилитаціей плоти“.

Соціальный вопросъ, какъ его поставила предыдущая исторія, есть прежде всего вопросъ экономическій. Культурное развитіе предшествующихъ вѣковъ создало науку, которой и должна принадлежать первенствующая роль въ дѣлѣ рѣшенія сложныхъ и трудныхъ общественныхъ вопросовъ. Сенъ-симонизмъ и фурьеризмъ важны, какъ историческія явленія, въ томъ отношеніи, что съ особою силою и очевидностью вскрыли недостатки современнаго общества, но положительная часть обоихъ ученій страдаетъ, во-первыхъ, тѣмъ, что въ обоихъ экономическая сторона жизни не выдѣлена для самостоятельнаго изученія, какъ это было сдѣлано въ политической экономіи, а во-вторыхъ, тѣмъ, что въ обоихъ же направленіяхъ наука съ своими ясными понятіями и съ своимъ реализмомъ положительно уступаетъ мѣсто туманнымъ фантазіямъ и субъективному творчеству. Каковы бы ни были недостатки политической экономіи, созданной школою Адама Смита,—а недостатки эти были громадные,—выдѣливъ изъ всей совокупности человѣческой жизни область экономическихъ явленій и подвергнувъ ихъ научному анализу, она указала на тотъ путь, по которому должна была идти человѣческая мысль въ изученіи общества. Сенъ-симонизмъ и фурьеризмъ обратили, однако, вниманіе на такую сторону экономической жизни, которая, такъ сказать, скрывалась отъ взглядовъ экономистовъ, и въ этомъ отношеніи они оказали услугу и наукѣ, внесши въ нее, кромѣ того, важныя историческія соображенія о развитіи хозяйственнаго быта (сенъ-симонизмъ) и соображенія экономическія о выгодахъ ассоціаціи (Фурье), не говоря уже о томъ, что ими же (особенно Сенъ-Симономъ) поставлена обществу задача заботиться объ улучшеніи быта труждающихся и обремененныхъ. Но за всѣмъ тѣмъ мистицизмъ и фантастичность, пренебреженіе къ научному методу (особенно у Фурье) и отрицаніе свободы личныхъ мнѣній (у сенъ-симонистовъ), равнодушіе къ жгучимъ политическимъ вопросамъ своего времени, яко бы не имѣвшимъ самостоятельнаго значенія, были явленіями, которыя роднили оба направленія съ другими фактами культурной и политической реакціи той эпохи. Приверженность сенъ-симонизма къ принципамъ

и формамъ средневѣкового католицизма, догматы коего были имъ притомъ отвергнуты во имя новой вѣры, съ одной стороны, и отрицательное отношеніе „доктрины“ къ философіи XVIII в. и къ движенію, совершавшемуся подъ ихъ знаменемъ, съ другой — могли явиться и развиться только на почвѣ, подготовленной предыдущей реакціей противъ идей XVIII в. И въ сенъ-симонизмѣ, и въ фурьеризмѣ знаніе склонялось передъ вѣрою: дальнѣйшее развитіе поднятыхъ ими соціальныхъ вопросовъ могло совершаться лишь подъ условіемъ возвращенія къ научному методу и отказа отъ фантастическаго утопизма.

Порожденныя въ культурной своей сторонѣ реакціонными вѣяніями эпохи, системы сенъ-симонизма и фурьеризма въ своей экономической сторонѣ отразили на себѣ разстройство экономической жизни, произведенное индустріальною революціей, и возникшее въ обществѣ сознаніе ненормальности даннаго соціальнаго строя. Одновременное появленіе во Франціи Сенъ-Симона и Фурье и образованіе двухъ соціалистическихъ школъ или сектъ, къ коимъ примкнуло не мало людей изъ образованнаго класса общества, указываетъ на то, что поднятые ими вопросы уже начинали ставиться самою жизнью. О томъ же свидѣтельствуетъ появленіе въ Англіи въ ту же самую эпоху Оуэна съ его новыми идеями о соціальной реформѣ и та популярность, какую онъ снискалъ не только на родинѣ, но и на материкѣ Европы, и въ Америкѣ, не только въ обществѣ, но и у правительствъ.

„Англійскій соціализмъ, говоритъ одинъ изъ знатоковъ соціальной исторіи Англіи [1]), былъ принципіально неполитическимъ (prinсipiell inpolitisch)..... Онъ возникъ ранѣе 1832 г. и развивался далѣе послѣ билля о реформѣ, не отразивъ на себѣ видимымъ образомъ политическихъ перемѣнъ.“ Родоначальникъ этого соціализма, Робертъ Оуэнъ, говоря опять словами того же историка, „принадлежалъ къ утопическимъ соціалистамъ, которые, не чувствуя ни малѣйшей склонности къ насиліямъ и къ союзу съ политической революціей, стремились уничтожить всѣ страданія человѣчества посредствомъ изобрѣтенной ими системы осчастливленія вселенной и думали о введеніи послѣдней исключительно силою убѣжденія..... Въ то самое время, какъ старый радикализмъ, предшественникъ чартизма [2]), проникъ въ ряды англійскихъ рабочихъ, настоящій основатель англійскаго соціализма..... держалъ себя далеко отъ чисто политической агитаціи.“ Не забудемъ, что Оуэнъ (род. въ 1771 г., умеръ въ 1858) дѣйствовалъ (беря лишь разсматриваемый періодъ времени) въ ту эпоху, когда на очереди стоялъ политическій вопросъ о парламентской реформѣ, сильно вол-

[1]) Adolf Held въ книгѣ, указанной выше (стр. 513).

[2]) О чартизмѣ рѣчь будетъ идти въ V томѣ.

новавшій рабочихъ [1]). Будучи вообще самоучкой, онъ, какъ признаютъ и весьма расположенные къ нему писатели [2]), плохо зналъ и понималъ политическую сторону общественной жизни и вообще ея исторію.

Оуэнъ съ самаго ранняго возраста—еще ребенкомъ—былъ привлеченъ къ промышленнымъ и торговымъ предпріятіямъ и въ зрѣломъ возрастѣ участвовалъ въ разныхъ компаніяхъ и управлялъ фабриками. Онъ своими глазами видѣлъ недостатки новаго промышленнаго строя, и у него,—главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Руссо, котораго онъ читалъ во французскомъ переводѣ, и Рида [3]), допускавшаго въ своей теоріи нравственныхъ силъ человѣка большое дѣйствіе воспитанія на ихъ образованіе,—родилась мысль работать надъ исправленіемъ общественныхъ недостатковъ. Въ 1799 г. онъ пріобрѣлъ въ компаніи одну бумагопрядильную фабрику, основанную еще Аркрайтомъ въ Нью-Ланаркѣ (въ Шотландіи). Прежній владѣлецъ фабрики, бывшій компаньономъ Аркрайта, нѣкто Дэль набралъ на нее массу дѣтей, для помѣщенія коихъ выстроилъ казармы, и привлекъ въ Нью-Ланаркъ много рабочихъ изъ другихъ мѣстъ. Жизнь этихъ дѣтей и рабочихъ была самая безотрадная: на фабрикѣ царили нищета, болѣзни, пьянство, развратъ и вмѣстѣ съ этимъ религіозная нетерпимость между представителями отдѣльныхъ сектъ. Оуэнъ, взявъ на себя управленіе этой фабрикой, поставилъ себѣ задачу осуществить на ней свои идеи о нравственномъ возрожденіи путемъ воспитанія. Трудно ему приходилось на первыхъ порахъ: шотландскіе рабочіе не довѣряли ему, смотрѣли на него, какъ на новаго эксплуататора, вдобавокъ еще англичанина и иновѣрца. Весьма умѣлыми мѣрами (лучшимъ надзоромъ за рабочими, прибавкой платы за общее прекращеніе воровства и улучшеніе качества работы, открытіемъ магазина и винной лавки, гдѣ все продавалось на 20% дешевле, уничтоженіемъ преимуществъ, коими раньше пользовалась одна привилегированная секта въ сравненіи съ другими, привлеченіемъ на фабрику семейныхъ рабочихъ, сокращеніемъ рабочаго времени съ 14 до $10^1/_2$ часовъ, устройствомъ для холостыхъ рабочихъ общей кухни и т. п.) Оуэнъ достигъ того, что рабочіе на его фабрикѣ стали зажиточнѣе и нравственнѣе и сдѣлались болѣе производительными въ трудѣ. Въ 1806 г., вслѣдствіе наложенія правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ амбарго на хлопчатую бумагу привозъ ея въ Англію почти прекратился, но если другіе бумагопрядильные фабриканты прекратили по этой причинѣ производство и распустили рабочихъ, то Оуэнъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ продолжалъ платить своимъ рабочимъ, пока не явилась

[1]) См. выше, стр. 469.

[2]) См., напр., у Лимановскаго.

[3]) См. выше, стр. 479—481.

возможность возобновить работы. Особое вниманіе сообразно съ духомъ своей системы обратилъ Оуэнъ на воспитаніе дѣтей, говоря, что если бы имѣлъ возможность взять на воспитаніе всѣхъ дѣтей земного шара, то скоро посредствомъ этого „второго рожденія“ ввелъ бы въ жизнь человѣчества принципы братства и единенія. Въ 1816 г. онъ даже устроилъ, затративъ 10 т. фунт. стерл., „Институтъ для образованія характера“. Пропагандировать свою систему Оуэнъ началъ въ 1812—1813 гг., когда издалъ свой главный трудъ, который въ изданіи 1816 г. носилъ названіе: „Новый взглядъ на общество или опыты объ образованіи человѣческаго характера. Пріуготовленіе къ развитію плана для постепеннаго улучшенія быта человѣчества“. Здѣсь онъ разсказалъ исторію своихъ реформъ въ Нью-Ланаркѣ и развилъ положенныя въ ихъ основу теоретическія соображенія, исходя изъ того утвержденія, что его система, испробованная на опытѣ, вышла уже изъ области гипотезъ и что ея принципы могутъ имѣть всеобщее примѣненіе во всѣ времена и при всякихъ обстоятельствахъ. Имя Оуэна прогремѣло послѣ этого по всей Европѣ, и Нью-Ланаркъ сталъ привлекать многочисленныхъ путешественниковъ, между коими былъ и Александръ I. Даже Наполеонъ, находясь на островѣ Эльбѣ, заинтересовался системой Оуэна и выражалъ сожалѣніе, что не зналъ о ней, когда царствовалъ во Франціи. Прусскій король написалъ Оуэну благодарственное письмо за ту записку, которую онъ ему прислалъ. Въ Парижѣ, куда вскорѣ послѣ окончанія войны пріѣхалъ Оуэнъ, ему былъ оказанъ почетный пріемъ; между прочимъ онъ былъ представленъ герцогу Орлеанскому. Когда въ Англіи послѣ 1815 г. образовалась особая коммиссія изъ духовныхъ лицъ, государственныхъ людей, экономистовъ и филантроповъ для изслѣдованія вопроса о причинахъ незначительности рабочей платы послѣ заключенія мира, Оуэнъ получилъ приглашеніе принять участіе въ ея работахъ. Уже раньше онъ посылалъ записки съ разнаго рода совѣтами государственнымъ людямъ, теперь (1817) онъ представилъ упомянутой коммиссіи цѣлый планъ „земледѣльческихъ и мануфактурныхъ деревень единства и взаимной кооперації“ (превратившихся впослѣдствіи въ „кооперативныя общества“). Коммиссія передала этотъ планъ другой, уже парламентской коммиссіи, учрежденной для разсмотрѣнія вопроса о причинахъ бѣдности рабочихъ. Эти общины должны были сначала управляться какою-либо способною личностью, но когда выростетъ новое поколѣніе, общинникамъ можно было бы предоставить самимъ выборъ своихъ управителей. Внѣшнее устройство такихъ общинъ имѣло подобіе съ фурьеровскими фаланстерами. Когда парламентская коммиссія объявила, что находитъ планъ Оуэна неудобоисполнимымъ, онъ обратился къ государямъ Австріи, Пруссіи и Россіи, собравшимся на ахенскій

конгрессъ съ двумя записками, въ коихъ доказывалъ необходимость— и съ точки зрѣнія охраны внутренняго порядка, и съ религіозной точки зрѣнія—заняться обезпеченіемъ быта бѣдныхъ классовъ общества. Указавъ на ростъ національнаго богатства Англіи, Оуэнъ обращалъ вниманіе государей на то что благосостояніе рабочихъ, напротивъ, упало, а съ нимъ пришла въ упадокъ и нравственность, чего, однако, не случилось въ Нью-Ланаркѣ, благодаря новой системѣ. Оуэнъ писалъ далѣе, что наступило время, когда сдѣлалось возможнымъ безъ насилія и безъ обмана производить богатства въ такомъ количествѣ, чтобы съ избыткомъ удовлетворять потребности и желанія всякаго человѣческаго существа, и когда безъ насилія и наказаній стало возможнымъ воспитывать молодое поколѣніе въ направленіи, нужномъ для цѣлей общежитія,—наступило, однимъ словомъ время для исчезновенія нищеты и невѣжества, насилія и обмана. Каждый человѣкъ заинтересованъ въ томъ, чтобы поскорѣе были осуществлены новые принципы. Ахенскій конгрессъ оставилъ проектъ Оуэна безъ вниманія, и Оуэнъ объяснялъ себѣ это ссылкою на слова, сказанныя ему на одномъ банкетѣ въ томъ же 1818 г. однимъ дипломатомъ: „правительства вовсе не желаютъ искоренять ни невѣжества, ни бѣдности, потому что безъ нихъ они не могли бы управлять массами“. Дѣло въ томъ, что въ планъ Оуэна около этого времени вошли уже новыя черты. Сначала онъ, видя противоположность интересовъ капитала и труда, проповѣдовалъ обязанность работодателей заботиться объ улучшеніи быта рабочихъ, доказывая, что этого требуетъ и выгода самихъ капиталистовъ, такъ какъ лучше обезпеченный и болѣе нравственный рабочій и трудится производительнѣе. Кромѣ того, въ періодъ времени между 1812—1817 гг., онъ требовалъ государственнаго вмѣшательства въ промышленную жизнь, напр., ради охраны здоровья и нравственности дѣтей, работающихъ на фабрикахъ. Но мало-по-малу онъ сталъ сходить съ той исключительно практической почвы, на которой держался раньше, и началъ предаваться мечтаніямъ о всеобщемъ счастьѣ, которое должна была осуществить его система воспитанія, а потомъ его организація земледѣльческихъ и промышленныхъ общинъ, причемъ объявилъ индивидуализмъ врагомъ его системы любви и взаимной кооперації. Въ планѣ, представленномъ ахенскому конгрессу, уже появляются эти, совсѣмъ новыя черты его соціальнаго міросозерцанія: общность имуществъ, труда и вознагражденія, а тутъ еще въ 1817 г. надѣлало много шума публичное заявленіе Оуэна на одномъ митингѣ, что самъ онъ не принадлежитъ ни къ одной религіи, исповѣдуемой въ мірѣ, и что, по его мнѣнію, всѣ религіи безъ какого бы то ни было исключенія исполнены заблужденій, дѣлаютъ изъ человѣка слабое и глупое животное, создаютъ фанатиковъ и лицемѣ-

ровъ и мѣшаютъ счастью на землѣ. Съ 1819 г. Оуэнъ, послѣ неудачной кандидатуры въ члены парламента, началъ пропагандировать свою идею о „кооперативныхъ общинахъ“ путемъ печати и митинговъ и обращался не разъ къ обществу, къ парламенту, къ правительству съ просьбою помочь ему деньгами для основанія „кооперативной общины“. Во время этой своей агитаціи онъ оттолкнулъ отъ себя радикаловъ, такъ какъ заявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ ихъ политической программы, говоря, что отнятіе избирательнаго права у гнилыхъ мѣстечекъ ни къ чему не приведетъ. Съ 1821 г. онъ началъ даже вербовать себѣ приверженцевъ среди рабочаго класса. Не добившись ничего на родинѣ, въ 1824 г. онъ уѣхалъ въ Америку, гдѣ купилъ землю и постройки, принадлежавшія одной сектантской общинѣ соціально-аскетическаго характера, носившей названіе Гармоніи: здѣсь онъ и основалъ свою кооперативную общину, давъ ей названіе Новой Гармоніи и устройство, сообразное съ своими моральными и экономическими принципами, осуществленіе коихъ, какъ былъ твердо убѣжденъ въ это время Оуэнъ, должно было осчастливить современемъ все человѣчество. Въ Новой Гармоніи, однако, вскорѣ начались раздоры, которые заставили Оуэна, уѣхавшаго было въ Англію, снова вернуться въ Америку. Въ 1827 г. ново-гармонійская община, состоявшая изъ однихъ зажиточныхъ и образованныхъ людей, распалась, послѣ чего (1827) Оуэнъ возвратился опять въ Англію [1]). Къ этому времени его соціальное міровоззрѣніе опредѣлилось въ томъ смыслѣ, что „троицу зла“, отъ коего страдаетъ человѣчество, онъ нашелъ въ религіи, собственности и бракѣ. Между тѣмъ въ отсутствіе Оуэна одинъ изъ его учениковъ, Комбъ, основалъ кооперативную общину въ Орбистонѣ (въ Шотландіи), но и она скоро распалась. Болѣе успѣха имѣли основавшіяся, въ отсутствіе же Оуэна, въ нѣкоторыхъ городахъ общества для распространенія кооперативной системы; съ тою же цѣлью въ 1826 г. былъ даже основанъ особый литературный органъ „Cooperative Magazine“. Эта пропаганда новыхъ идей еще болѣе оживилась съ возвращеніемъ на родину самого Оуэна, потратившаго на это дѣло немало силъ и денежныхъ средствъ, ѣздившаго по странѣ, собиравшаго митинги, говорившаго рѣчи, издававшаго брошюры. Дѣлались имъ и новыя попытки основанія общинъ (между прочимъ въ Мексикѣ въ 1828 г.). Практическимъ результатомъ этой пропаганды было возникновеніе въ Англіи „кооперативнаго движенія“, развитіе коего принадлежитъ уже слѣдующему періоду исторіи XIX вѣка.

[1]) Въ Америкѣ въ это время образовалось около 20 общинъ, но всѣ онѣ столь же скоро распались.

Гос. Историч. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №

Исторія Славянскихъ литературъ. **А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича.** Изданіе второе вновь переработанное и дополненное. Томъ I. Введеніе. Глава первая. Болгары. Глава вторая. Юго-Славяне.—Глава третья. Русское племя. Спб. 1879 г. Цѣна 3 рубля. Томъ 2-й. Предисловіе. Глава четвертая. Польское племя. Глава пятая. Чешское племя. Глава шестая. Балтійское славянство.—Сербы лужицкіе.—Глава седьмая. Возрожденіе. Спб. 1881 г. Ц. 5 р.

Характеристика литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Историческіе очерки **А. Н. Пыпина.** Изданіе второе, съ исправленіями и дополненіями. Спб. 1890 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Повѣсти, сказки и разсказы. **Кота-Мурлыки. Томъ первый:** I. Слово.—II. Въ потьмахъ.—III. Князь Костя.—IV. Двѣ стклянки. V. Мирра.—Собаки и люди.—VII. Абу-Гассанъ.—**Томъ второй:** I. Почему міръ не устроенъ.—II. Валька.—III. Къ свѣту.—**Томъ третій:** I. Два вѣка.—II. Фіори.—III. За счастьемъ.—IV. Базиль Гранжо.—V. Ольдъ-Диксъ.—VI. Дѣтскій театръ.—VII. Искра.—VIII. На масляницѣ.—**Томъ четвертый:** I. Новый вѣкъ.—II. При царѣ Горохѣ.—III. Два брата.—IV. Ингильда. V. Актриса.—VI. Гризли.—**Томъ пятый:** I. Звѣзда.—II. Въ Шахтѣ.—III. Дубовая кора.—IV. Лазарь убогій.—V. Любка.—VI. Янчко.—VII. Чурилка.—VIII. Христова дѣтка.—XI Свѣтъ и мракъ.—X. Божья воля. XI. Фанатикъ.—XII. Джемма. Спб. Цѣна каждому тому 1 р. 75 к.

Жизнь и труды М. П. Погодина. **Николая Барсукова.** Вышло восемъ книгъ. Цѣна каждой книги 2 р. 50 к.

Основы государственнаго хозяйства. Пособіе по финансовой наукѣ. Профессора **Л. В. Ходскаго.** Спб. 1894 г. Цѣна 4 рубля.

Рѣчь государственнаго обвинителя въ уголовномъ судѣ. Этюдъ **А. Левенстима.** Спб. 1894 г. Цѣна 1 рубль.

Энеида Виргилія. Перевелъ съ подлинника въ стихахъ **Н. Кашнинъ-Самаринъ.** Спб. 1893 г. Ц. 2 рубля.

Родителямъ и учителямъ. Вопросы воспитанія. **К. Г. Лавриченко.** Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Психологическіе этюды. Профессора **И. Сѣченова.** Спб. 1873 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Физіологическіе очерки. Профессора **И. Сѣченова.** I. Естественная групировка жизненныхъ процессовъ. Главнѣйшія особенности животныхъ организмовъ. II. Кровь, ея составъ и свойства.—Движеніе крови.—Устройство лимфатической системы. Составъ лимфы. Происхожденіе ея жидкой части и тѣлецъ.—III. Пищевареніе. Строеніе пищеварительнаго канала. Составъ пищи. Измѣненія ея въ полости желудка и кишекъ. Процессъ всасыванія пищи изъ полости пищевой трубки.—IV. Дыханіе.—Процессъ поступленія въ тѣло газообразныхъ веществъ.—Устройство легкаго и грудной клѣтки, какъ дыхательнаго аппарата. Измѣненіе воздуха при дыханіи. Газовый обмѣнъ между кровью и воздухомъ, между кровью и тканьями.—V. Пластическіе процессы въ тѣлѣ.—Процессъ отдѣленія подчелюстной слюны, какъ примѣръ всѣхъ вообще отдѣленій въ тѣлѣ. Съ 13 рисунками. Спб. 1884 г. Ц. 1 р.

Сочиненія А. Лугового. Томъ I. Повѣсти—разсказы, драматическія произведенія и стихотворенія. Спб. 1894 г. Цѣна 2 рубля.

Имѣющіяся въ продажѣ сочиненія того же автора:

Исторія западной Европы въ новое время. Спб. 1892—1893. Цѣна за три тома 10 р., отдѣльно I томъ 3 р., II и III по 3 р. 50 к.

Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени. Введеніе въ исторію XIX вѣка. Спб. 1893. Цѣна 1 р.

Основные вопросы философіи исторіи. Спб. 1887. (Изд. 2). Томъ I. Сущность и задача философіи исторіи. Томъ II: Научныя основы теоріи прогресса. Цѣна за 2 тома 4 р. 25 к.

Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи (III томъ „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи"). Спб. 1890. Цѣна 4 р.

Моимъ критикамъ. Защита книги „Основные вопросы философіи исторіи". Варшава. 1884 г. Цѣна 50 к.

Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в. Москва. 1879. Цѣна 3 р. 50 к.

Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 г. Варшава. 1881. Цѣна 1 р.

„Паденіе Польши" въ исторической литературѣ. Спб. 1889 г. Цѣна 2 р. 50 к.

То-же по польски: Upadek Polski w literaturze historycznej. Kraków. 1892.

Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Москва. 1886. Цѣна 1 р. 50 к.

Историческій очеркъ польскаго сейма. Москва. 1888. Цѣна 1 р.

То-же по польски: Zarys historyczny sejmu polskiego. Warszawa. 1893.

Польскія реформы XVIII в. Спб. 1890. Цѣна 1 р. 25 к.

Najnowszy zwrot w historyografji polskiej. S.-Pb. 1888. Цѣна 30 к.

Causes de la chute de la Pologne. Vevey. 1893. Цѣна 1 франкъ.

Литературная эволюція на Западѣ (изъ теоріи и исторіи литературы). Воронежъ. 1886. Цѣна 2 р.

Лекція о духѣ русской науки. Варшава. 1885. Цѣна 20 к.

Личное начало и роковыя силы исторіи. Спб. 1889. Цѣна 20 к.

Введенія въ курсы исторіи Востока (цѣна 35 коп.) и **среднихъ вѣковъ** (изд. 2, ц. 60 к.).

Вышли въ свѣтъ:

Н. Карѣевъ. Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Спб. 1894. Цѣна 50 к.

Семь томовъ „Историческаго Обозрѣнія", издаваемаго Историческимъ Обществомъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ подъ редакціей Н. И. Карѣева. Цѣна за I т. 2 р. 50 к., за II — VI по 2 р., за VII т. 1 р. 50 к.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича.
Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.